НОВОМУЧЕНИКИ, ИСПОВЕДНИКИ И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ,

прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученик Августин, архиепископ Калужский и Боровской (память 10 ноября по старому стилю) ...5
Святитель-исповедник Агафангел, митрополит Ярославский (память 3 октября по старому стилю) 6
Священномученик Александр (Чекалов) (память 14 ноября по старому стилю) 9
Священномученик Александр (Богоявленский) (память 21 октября по старому стилю) 10
Священномученик Александр Хотовицкий, протопресвитер (память 7 августа по старому стилю)..... 12
Священномученик Александр (Колоколов) (память 16 декабря по старому стилю)..... 13
Мученик Александр Медем (память 10 ноября по старому стилю)..... 14
Священномученик Александр (Ратьковский) (память 22 августа по старому стилю)..... 17
Священномученик Александр (Рождественский) память 15 декабря по старому стилю)..... 18
Священномученики Александр (Смирнов) и Феодор (Ремизов) Вышегородские (память 1 ноября по старому стилю) 19
Священномученик Александр (Соколов) (память 16 августа по старому стилю) 21
Священномученик Александр (Щукин),..... 23
архиепископ Семипалатинский (память 17 октября по старому стилю)..... 23
Священномученики Александр (Трапицын), архиепископ Самарский, и иже с ним Иоанн (Сульдин), Иоанн (Смирнов), Александр (Органов), Трофим (Мячин), Александр (Иванов), Вячеслав (Инфантов), Василий (Витебский) и Иаков (Алферов) (память 1 января по старому стилю)..... 24
Священномученик протоиерей Александр Михайлович Туберовский (память 10 декабря по старому стилю) 32
Преподобный Алексей Бортсурманский (память 21 апреля по старому стилю) 33
Священномученик Алексий (Бельковский), архиепископ Великоустюжский (память 25 января по старому стилю) 42
Священномученик Алексий Бенеманский (память 22 ноября по старому стилю) 46
Блаженный Алексий Елнатский, Христа ради юродивый (память 12 сентября по старому стилю) 47
Мученик Алексий (Горбачев) (память 10 ноября по старому стилю)..... 48
Священномученик Алексий (Нечаев) (память 14 ноября по старому стилю)..... 48
Священномученик Алексий (Никологорский) (память 14 ноября по старому стилю)..... 49
Священномученик Алексий (Сибирский) (память 31 октября по старому стилю)..... 50
Преподобный Алексий, иеросхимонах 53
Зосимовой Пустыни (память 19 сентября по старому стилю)..... 53
Священномученик Алексий (Успенский) 56
и мученик Василий (Шикалов) (память 8 сентября по старому стилю)..... 56
Праведный Алексий Мечёв (память 9 июня по старому стилю)..... 58
Священномученик Амфилохий, епископ Енисейский (память 18 сентября по старому стилю)..... 66
Священноисповедник Амвросий (Полянский), ... 67
епископ Каменец-Подольский и Брацлавский (память 7 декабря по старому стилю)..... 67
Священномученик Амвросий, епископ Сарапульский, Свияжский и Казанский (память 27 июня по старому стилю) 73
Преподобномученик Анатолий (Ботвинников) (память 31 октября по старому стилю) 74
Священномученик Анатолий, митрополит Одесский 76
и Херсонский (память 10 января по старому стилю)..... 76
Священномученик Андрей (Быстров) и мученики Василий (Виноградов), Сергий (Михайлов) и Спиридон (Савельев) (память 24 сентября по старому стилю) 78
Мученик Андрей (Гневышев), староста Никольской церкви (память 22 февраля по старому стилю) 82
Священномученик Андрей (Воскресенский) (память 18 октября по старому стилю)..... 85
Священномученик Андроник, архиепископ Пермский и Соликамский (память 7 июня по старому стилю) .. 86
Преподобномученица Анна (Макандина) (память 1 марта по старому стилю) 90
Мученица Анна (Остроглазова) (память 10 ноября по старому стилю) 91
Священномученик Антоний (Панкеев), епископ Белгородский, священномученики Митрофан (Вильгельмский), Александр (Ерошов), Михаил (Дейнека), Матфей (Вознесенский), Виктор (Каракулин), Ипполит (Красновский), Николай (Садовский), Василий (Иванов), Николай (Кулаков), Максим (Богданов),

Александр (Саульский), Павел (Попов), Павел (Брянцев) и мученики Михаил (Вознесенский) и Григорий (Богоявленский) (память 19 мая по старому стилю) ... 92
Мученик Аполлон (Бабичев) (память 10 ноября по старому стилю) ... 105
Священномученик Арефа Валаамский (память 7 августа по старому стилю) ... 106
Священномученик Аркадий, епископ Лубенский, викарий Полтавский (память 16 декабря по старому стилю) ... 106
Священномученик Арсений, митрополит Ростовский (память 28 февраля по старому стилю) ... 110
Преподобномученица Арсения, игуменья Шуйская (память 10 января по старому стилю) ... 111
Преподобноисповедница Афанасия (Лепёшкина), игумения (память 25 января по старому стилю) ... 111
Святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский, исповедник и песнописец (память 15 октября по старому стилю) ... 112
Новомученики, в земле Белорусской просиявшие (23 священномученика Минских) (память 15 октября по старому стилю) ... 117
Священномученик Борис (Боголепов) (память 18 сентября по старому стилю) ... 123
Священномученик диакон Борис (Семенов) (память 10 ноября по старому стилю) ... 125
Преподобномученики Валаамской обители (память 20 февраля по старому стилю) ... 126
Преподобномученик архимандрит Варлаам и иже с ним убиенные братия Белогорского монастыря (память 12 августа по старому стилю) ... 127
Священномученик Варсонофий (Лебедев), епископ Кирилловский (память 2 сентября по старому стилю) 129
Священномученик Василий, епископ Прилукский (память 22 марта по старому стилю) ... 129
Священномученик Василий (Малинин) (память 10 сентября по старому стилю) ... 130
Исповедник Василий (Преображенский), епископ Кинешемский (память 31 июля по старому стилю) ... 133
Священномученик Василий (Виноградов) (память 15 декабря по старому стилю) ... 139
Священномученик Василий Надеждин (память 19 февраля по старому стилю) ... 143
Священномученики протоиереи Василий Соколов, Христофор Надеждин, Александр Заозерский, преподобномученик иеромонах Макарий Телегин, и мученик Сергий Тихомиров (память 20 мая по старому стилю) ... 150
Священномученик Василий, архиепископ Черниговский и Нежинский (память 14 августа по старому стилю) ... 152
Священномученик Виктор (Ильинский) (память 14 ноября по старому стилю) ... 153
Священномученик Виктор (Островидов), епископ Глазовский (память 19 апреля по старому стилю) ... 155
Священномученик Виктор (Воронов) (память 16 ноября по старому стилю) ... 158
Преподобномученик Виталий (Кокорев), монах Ниловой Пустыни (память 24 сентября по старому стилю) ... 159
Священномученик Владимир (Чекалов) (память 18 сентября по старому стилю) ... 161
Священномученик Владимир (Дамаскин) (память 16 декабря по старому стилю) ... 164
Священномученик Владимир (Медведюк) и преподобномученица Татиана (Фомичева) (память 20 ноября по старому стилю) ... 165
Священномученик Владимир (Проферансов) (память 2 декабря по старому стилю) ... 170
Священномученик Владимир (Рясенский) (память 21 ноября по старому стилю) ... 172
Священномученик Владимир (Введенский) (память 21 октября по старому стилю) ... 175
Священномученик Владимир Амбарцумов (память 23 октября по старому стилю) ... 176
Священномученик Владимир Амбарцумов (память 23 октября по старому стилю) ... 187
Священномученик Владимир Лозина-Лозинский, протоиерей (память 13 декабря по старому стилю) ... 198
Священномученик Владимир Мощанский (память 25 августа по старому стилю) ... 199
Священномученик Гавриил (Масленников) (память 5 ноября по старому стилю) ... 201
Преподобномученик Георгий (Лавров), архимандрит (память 21 июля по старому стилю) ... 204
Священномученик Гермоген, епископ Тобольский и Сибирский и иже с ним убиенный иерей Петр Карелин (память 16 июня по старому стилю) ... 205
Священномученик Григорий (Раевский) (память 16 сентября по старому стилю) ... 208
Священномученик Григорий Аверин (память 7 сентября по старому стилю) ... 214
Священномученик Дамаскин, епископ Стародубский (память 2 сентября по старому стилю) ... 215
Священномученик Димитрий (Добросердов), архиепископ Можайский, викарий Московской епархии, преподобномученики Амвросий (Астахов) и Пахомий (Туркевич), священномученик Иоанн (Хренов), преподобномученица Татиана (Бесфамильная), мученики Николай (Рейн) и Василий (Ефимов), мученицы Мария (Волнухина) и Надежда (Ажгеревич) (память 8 октября по старому стилю) ... 218
Священномученик Димитрий (Троицкий) (память 21 октября по старому стилю) ... 224
Священномученик Димитрий Беневоленский (память 14 ноября по старому стилю) ... 229
Священномученик Ефрем, епископ Селенгинский (память 23 августа по старому стилю) ... 230
Священномученик Евфимий (Горячев) (память 2 сентября по старому стилю) ... 230
Священномученик Евфимий (Тихонравов) (память 22 января по старому стилю) ... 247
Священномученик Евгений (Ивашко) (память 29 октября по старому стилю) ... 248
Священномученик Евгений, митрополит Нижегородский (память 7 сентября по старому стилю) ... 251

Священномученик Иаков (Бобырев) (память 4 октября по старому стилю)..... 252
Священномученик Иаков (Бойков) (память 6 апреля по старому стилю)..... 261
Священномученик Иаков (Леонович) (память 15 сентября по старому стилю) 265
Священномученики Иаков (Маскаев), архиепископ Барнаульский, Петр (Гаврилов) и Иоанн (Можирин), преподобномученик Феодор (Никитин) и мученик..... 266
Иоанн (Протопопов) (память 16 июля по старому стилю) 266
Преподобномученик Иеремия Валаамский (память 7 августа по старому стилю)..... 292
Преподобноисповедник Игнатий (Бирюков) (память 14 сентября по старому стилю) 292
Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский (память 15 декабря по старому стилю) . 298
Священномученик Илия (Чередеев) (память 16 декабря по старому стилю) 310
Священномученик Илия (Бенеманский) (память 18 декабря по старому стилю)..... 311
Священномученик Илия (Громогласов) (память 22 ноября по старому стилю)..... 324
Преподобномученик Иннокентий (Беда) (память 24 декабря по старому стилю)..... 326
Святитель Иннокентий (Смирнов), епископ Пензенский (память 10 октября по старому стилю)..... 326
Святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический (память 25 мая по старому стилю)..... 327
Священномученик Иоанн (Богоявленский) (память 11 декабря по старому стилю)..... 329
Священномученик Иоанн (Бойков) (память 6 апреля по старому стилю) 334
Священномученик Иоанн (Бороздин) (память 14 сентября по старому стилю) 337
Священномученик Иоанн (Цветков) (память 16 ноября по старому стилю) 340
Мученик Иоанн (Иван Ковшаров) (память 31 июля по старому стилю) 341
Священномученик Иоанн (Мельницкий) (память 21 октября по старому стилю)..... 341
Священномученик Иоанн (Никольский) (память 12 августа по старому стилю) 343
Священномученик Иоанн (Софронов) (память 10 сентября по старому стилю) 345
Священномученик Иоанн (Сперанский) (память 10 ноября по старому стилю) 347
Священномученик Иоанн (Троянский), епископ Великолукский и Торопецкий (память 22 августа по старому стилю) 348
Священномученик Иоанн (Васильев) (память 18 сентября по старому стилю)..... 349
Священномученик Иоанн (Василевский) (память 4 сентября по старому стилю)..... 352
Священномученик Иоанн (Владимирский) (память 25 ноября по старому стилю)..... 356
Священномученики Иоанн Флеров и Иоанн Быстров..... 357
Священномученики Иоанн и Василий (Козыревы) (память 21 октября по старому стилю) 359
Священномученик протоиерей Иоанн Кочуров (память 31 октября по старому стилю) 362
Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов (память 23 августа по старому стилю) 364
Преподобномученик Иоанникий (Дмитриев) (память 10 ноября по старому стилю) 366
Священномученик Иона (Лазарев),епископ Невельский, викарий Витебской епархии (память 8 октября по старому стилю) 368
Преподобный Иов, в схиме Иисус, Анзерский (память 6 марта по старому стилю) 369
Священномученик Иувеналий, епископ, Рязанский и Шацкий (память 12 октября по старому стилю) 371
Мученики, исповедники и подвижники благочестия Ивановские и Кинешемские..... 373
Священномученик Измаил (Кудрявцев) (память 10 сентября по старому стилю) 392
Священномученик Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский (память 7 ноября по старому стилю)..... 393
Священномученик Константин (Голубев) (память 19 сентября по старому стилю) 396
Священномученик Константин (Колпецкий) (память 10 сентября по старому стилю)..... 398
Священномученик Кронид (Любимов) (память 27 ноября по старому стилю) 399
Священномученик Лаврентий, епископ Балахнинский (память 24 октября по старому стилю)..... 400
Преподобный Леонтий (Стасевич), архимандрит (память 27 января по старому стилю) 401
Священномученик Макарий (Гневушев), епископ Орловский и Севский (память 4 сентября по старому стилю) 404
Преподобномученик Макарий (Смирнов) (память 16 декабря по старому стилю) 405
Святитель Макарий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Алтая (память 16 февраля по старому стилю) 406
Священномученик Марк (Новоселов), епископ Сергиевский (память 4 января по старому стилю)..... 409
Блаженная Матрона Анемнясевская, исповедница (память 16 июля по старому стилю)..... 410
Мученик Михаил (Арефьев) (память 10 ноября по старому стилю)..... 415
Священномученик Михаил (Белюстин) (память 14 ноября по старому стилю) 415
Священномученик Михаил (Богородский) (память 4 сентября по старому стилю) 417
Священномученик Михаил (Косухин) (память 31 августа по старому стилю)..... 418
Священномученик Михаил (Люберцев) (память 22 августа по старому стилю) 420
Священномученик Михаил (Накаряков) (память 22 июля по старому стилю)..... 422
Священномученик Михаил (Некрасов) (память 14 ноября по старому стилю)..... 425
Священномученик Михаил (Скобелев) (память 18 сентября по старому стилю)..... 426
Священномученики иереи Михаил Пятаев и Иоанн Куминов (память 15 февраля по старому стилю) 428
Преподобномученик иеромонах Нифонт (Выблов) (память 10 ноября по старому стилю) 429

Мученики, исповедники и подвижники благочестия Нижегородские 430
Преподобномученик Никифор (Югов) (память 25 января по старому стилю) 461
Священномученик Никита, епископ Нижнетагильский, Орехово-Зуевский (память 6 ноября по старому стилю) 463
Священномученик Никодим, архиепископ Костромской и Галичский (память 8 августа по старому стилю) 464
Священномученик Николай (Богородский) (память 14 ноября по старому стилю) 464
Священномученик Николай (Дмитров) (память 23 февраля по старому стилю) 465
Священномученик Николай (Добронравов), архиепископ Владимирский и Суздальский (память 27 ноября по старому стилю) 467
Священномученик Николай (Кандауров) (память 4 февраля по старому стилю) 470
Священномученик Николай (Лебедев) (память 4 сентября по старому стилю) 472
Священноисповедник Николай (Лебедев) (память 19 августа по старому стилю) 474
Священномученик Николай (Маслов) (память 4 января по старому стилю) 483
Священномученики Николай (Подьяков) и Виктор (память 13 февраля по старому стилю) 485
Священномученик Николай (Пробатов)и иже с ним пострадавшие мученики Косма, Виктор (Краснов), Наум, Филипп, Иоанн, Павел, Андрей, Павел, Василий, Алексий, Иоанн и мученица Агафия (память 29 октября по старому стилю) 486
Священномученик Николай (Раевский) (память 21 октября по старому стилю) 489
Мученик Николай (Смирнов) (память 10 ноября по старому стилю) 491
Священномученик Николай (Сретенский) (память 4 сентября по старому стилю) 492
Священномученик Николай (Троицкий) (память 16 ноября по старому стилю) 494
Священномученик Николай (Верещагин) (память 4 октября по старому стилю) 495
Благоверный царь Николай Александрович и его семья (память 4 июля по старому стилю) 496
Мученица Нина (Кузнецова) (память 1 мая по старому стилю) 511
Преподобномученик иеромонах Нифонт (Выблов) (память 10 ноября по старому стилю) 514
Мученица Ольга (Масленникова) (память 10 ноября по старому стилю) 515
Священномученик Онуфрий, архиепископ Курский и Обоянский (память 19 мая по старому стилю) 515
Преподобномученик Парфений, игумен Кизилташского монастыря (память 4 сентября по старому стилю) 516
Священномученик Павел (Березин) (память 24 сентября по старому стилю) 516
Священномученик Павел (Василевский) (память 4 сентября по старому стилю) 523
Священномученик Павлин, архиепископ, Могилёвский (память 21 октября по старому стилю) 524
Пермские мученики, исповедники и подвижники 525
Мученики Петр (Жуков), Прохор (Михайлов) и иже с ними (память 11 апреля по старому стилю) 538
Преподобномученик Петр (Павел Козлов), иеромонах Ниловой Пустыни (память 15 февраля по старому стилю) 540
Священномученик Петр (Титов) (память 14 ноября по старому стилю) 541
Священномученик Петр (Зиновьев) (память 16 декабря по старому стилю) 544
Священномученик Пётр, митрополит Крутицкий (память 27 сентября по старому стилю) 546
Священномученик Петр, архиепископ Воронежский (память 25 января по старому стилю в Соборе новомучеников и исповедников Российских) 560
Священномученик Пимен, епископ Семиреченский и Верненский (память 3 сентября по старому стилю). 563
Священномученики Платон, епископ Ревельский, Николай Бежаницкий 566
и Михаил Блейве (память 1 января по старому стилю) 566
Преподобномученики Казанского Успенского Зилантова монастыря (память 28 августа по старому стилю) 567
Священномученик Прокопий (Попов) (память 30 сентября по старому стилю) 568
Священномученики Прокопий, архиепископ Херсонский и Николаевский и иже с ним убиенный иерей Иоанн Скадовский (память 10 ноября по старому стилю) 569
Протоиерей Роман Медведь, исповедник (память 26 августа по старому стилю) 570
Священномученик митрополит Серафим (Чичагов) (память 28 ноября по старому стилю) 571
Священномученик Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский (память 13 августа по старому стилю) 578
Преподобномученики Верненские (Алма-Атинские) Серафим, Феогност, Пахомий, Анатолий, Ираклий, Виктор, Евдокия (память 29 июля по старому стилю) 591
Священномученик Серафим, архиепископ Угличский (память 22 октября по старому стилю) 593
Преподобный Серафим Вырицкий (память 21 марта по старому стилю) 595
Мученик Сергий (Бородавкин) (память 23 февраля по старому стилю) 608
Священномученик архимандрит 609
Сергий (Шеин) (память 31 июля по старому стилю) 609
Священномученик Сергий (Казанский) (память 21 октября по старому стилю) 611
Священномученик Сергий (Кротков) (память 18 июня по старому стилю) 612
Священномученик Сергий (Рохлецов) (память 25 апреля по старому стилю) 614

Священномученик Сергий (Смирнов) (память 21 октября по старому стилю) 615
Преподобноисповедник Сергий (Сребрянский) (память 23 марта по старому стилю)..... 618
Мученик Сергий (Ведерников) (память 18 сентября по старому стилю)..... 624
Священномученик иерей Сергий Мечёв (память 24 декабря по старому стилю)..... 625
Священномученик Сергий, архиепископ Елецкий (память 31 октября по старому стилю) 627
Преподобноисповедник Севастиан Карагандинский (память 6 апреля по старому стилю) 628
Священномученик Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский (память 13 февраля по старому стилю) 630
Мученики Симеон и Димитрий (Воробьёвы) (память 4 августа по старому стилю)..... 630
Священномученик Симон, единоверческий епископ Уфимский (память 5 августа по старому стилю)..... 632
Преподобномученик Софроний (Несмеянов) (память 21 октября по старому стилю)..... 633
Преподобномученик Стефан (Кусков) (память 4 сентября по старому стилю)..... 647
Мученик Стефан (Наливайко) (память 30 января по старому стилю) 648
Преподобномученики Тихон (Кречков), Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников),священномученики Иоанн (Стеблин-Каменский), Георгий (Никитин), Александр (Архангельский), Сергий (Гортинский) и Феодор (Яковлев), мученики Евфимий (Гребенщиков) и Петр (Вязников) (память 20 июля по старому стилю)..... 660
Священномученик Тихон (в миру Василий Варсонофьевич Никаноров), архиепископ Воронежский, и 160 иереев, иже с ним убиенных (память 27 декабря по старому стилю) 668
Священномученик Тихон и исповедница Хиония (Архангельские) (память 4 октября по старому стилю).. 669
Священномученик Феодор (Баккалинский) (память 14 ноября по старому стилю)..... 675
Священномученик Феодор (Беляев) (память 21 октября по старому стилю) 676
Преподобномученик Феодор (Богоявленский) (память 6 июля по старому стилю)..... 681
Священномученик протоиерей Феодор Колеров и иже с ним убиенные мученики Анания Бойков и Михаил Болдаков (память 16 ноября по старому стилю)..... 695
Священномученик Феодосий (Болдырев) (память 16 декабря по старому стилю)..... 700
Священномученик Феофан, епископ Пермский и Соликамский, и иже с ним убиенные два священника и пять мирян (память 11 декабря по старому стилю) 701
Мученица Феоктиста (Ченцова) (память 10 ноября по старому стилю) 702
Священномученик протоиерей Философ Орнатский и иже с ним убиенные сыновья Николай и Борис (память 30 октября по старому стилю) 703
Мученики Шуйские Павел (Светозаров), Иоанн (Рождественский) священномученики и мирянин Петр (Языков) (память 27 апреля по старому стилю)..... 705
Мученик Юрий (Новицкий) (память 31 июля по старому стилю) 715

Священномученик Августин, архиепископ Калужский и Боровской (память 10 ноября по старому стилю)

Священномученик Августин, архиепископ Калужский и Боровский (в миру Беляев Александр Александрович) родился 28 февраля 1886 года в городе Камышин Саратовской губернии в семье священника. Обучался в Кинешемском Духовном училище и Костромской Духовной Семинарии. В 1911 году окончил Казанскую Духовную Академии со степенью кандидата богословия. С 1911 по 1920-й годы преподаёт в Пензенских мужских и женских учебных заведениях. В 1920 году был рукоположен в сан иерея с назначением в Рождественский храм города Пензы. В 1920 и 1922 годах подвергался кратковременным арестам по обвинению в "агитации против соввласти" и "сопротивлении изъятию церковных ценностей". Пострижен в мантию с именем Августин, был рукоположен в иеромонаха. 8 сентября 1923 года хиротонисан в епископа Иваново-Вознесенского, викария Владимирской епархии. Вскоре Владыка был выслан из города Иваново-Вознесенска и проживал в город Кинешме. В 1924 году вновь дважды его арестовывают. К концу ноября 1924 года Владыка проживал в Москве, там принимал участие в погребении св. Патриарха Тихона и подписал акт о передаче высшей церковной власти священномученику митрополиту Петру (Полянскому). В 1926 году снова

арестован в г. Иваново-Вознесенск и приговорён к трём годам ссылки в Среднюю Азию, которую отбывал в г. Ходженте.

После освобождения с 1930 года Владыка занимал Сызранскую кафедру, но уже в 1931 году был снова арестован Сызранским ОГПУ и осуждён ещё на три года концентрационных лагерей, которые отбывал в Свирлаге (Ленинградская область). Есть сведения, что после выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского) Владыка некоторое время находился в тайной оппозиции к нему, и имени его за богослужением не поминал.

После освобождения с 1934 по 1937-й годы Владыка являлся епископом Калужским и Боровским.

В 1935 году вновь привлекается к следствию, но арестован не был.

В 1936 году Владыка возводится в сан архиепископа. В сентябре 1937 года он был арестован в городе Калуге и через месяц приговорён к расстрелу. 10 (23 н. ст.) ноября 1937 года Владыка был расстрелян вместе с группой духовенства и мирян в городе Калуге.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Святитель-исповедник Агафангел, митрополит Ярославский (память 3 октября по старому стилю)

Святитель-исповедник Агафангел, митрополит Ярославский (в миру Преображенский Александр Лаврентьевич) родился 27 сентября 1854 года в селе Могилы Кормовской волости Веневского уезда Тульской губернии, в семье священника Лаврентия. Родители будущего Святителя в жизни своей воплощали традиционные черты тысяч безвестных семей русского сельского духовенства, самоотверженными трудами которых не прекращалось благовестие Христово на бескрайних просторах русской земли. Аскетическое воспитание шестерых детей через приобщение их к простому крестьянскому труду, добросовестное пастырское служение в скромном деревенском храм, смиренное приятие бедности, глубокое литургическое благочестие - вот что определяло повседневный уклад семьи отца Лаврентия.

О своих отроческих религиозных переживаниях Святитель вспоминал так: "Я... любил часто и подолгу оставаться на кладбище и здесь, среди могил и крестов - этих безмолвных, но красноречиво свидетельствующих знаков, что всё персть, всё пепел, всё сень, со слезами на глазах молил Господа, чтобы Он, Милосердный, во время благопотребное сподобил меня быть служителем алтаря и приносить безкровную, умилостивительную Жертву за скончавших своё земное странствование".

В 1871 году юноша поступил в Тульскую Духовную семинарию и здесь пережил первые серьёзный духовные искушения. Особенности обучения и воспитания не соответствовали полученным в семье традициям церковного благочестия. Александр подумывать о профессии врача, но постоянное общение с отцом помогло ему преодолеть эти искушения и в 1877 году он поступает в Московскую Духовную Академию. Здесь он смог приобщиться к тому пастырскому подвижничеству, коим всегда славилась Троице-Сергиева Лавра.

В 1881 году Александр Преображенский успешно окончил Московскую Духовную Академию. За своё исследование на тему: "Шестоднев экзарха Болгарского. Опыт исследования языка и текста по списку 1263 года" он был удостоен степени кандидата богословия. В 1881 году Александр Лаврентьевич был назначен на должность преподавателя латыни в Ранненбургское Духовное училище Рязанской епархии, а 7

декабря 1882 года он становится помощником смотрителя Скопинского Духовного училища той же епархии. В том же 1882 году он вступает в брак с дочерью протоиерея Вознесенского Анной. Но не прожив и года счастливой семейной жизни, Александр Лаврентьевич потерял супругу и новорождённого младенца почти одновременно. "Жизненный путь, избранный мною - не мой жребий... я поспешил оставить мир, взять свой крест и приобщиться к лику иноческому" - так он вспоминал урок, вынесенный из этих страшных испытаний. 7 марта 1885 года Александр Лаврентьевич принимает монашеский постриг с именем Агафангел (в память мученика IV века, ученика священномученика Климента Анкирского), а затем принимает сан иеромонаха.

В 1886 году отец Агафангел назначается на должность инспектора Томской Духовной Семинарии с возведением в сан игумена - лишь через двадцать лет вернётся он в центральную Россию, уже уважаемым архипастырем.

В 1888 году отца Агафангела назначают ректором Иркутской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, а 10 сентября 1889 года он принимает хиротонию в Иркутском Вознесенском монастыре во епископа Киренского, викария Иркутской епархии, и с 1893 по 1897 годы управляет епархией Тобольской и Сибирской; затем в 1897 году становится епископом Рижским и Митавским, а с 1910 года занимает кафедру Виленскую и Литовскую. В 1904 году Владыку возводят в сан архиепископа.

При усовершенствовании деятельности Духовных учебных заведений в своих епархиях Святитель стремился все преобразования подчинить одной цели: чтобы юношество прежде всего полюбило молитву. Вообще, церковное просвещение и жизнь евхаристическая были важнейшими сторонами деятельности Владыки. Много он сделал для улучшения жизни простых сельских батюшек, зная об их трудностях из собственного жизненного опыта: организовывал кассы взаимопомощи, открыл приюты для малолетних сирот из семей духовенства, расширил деятельность свечного завода епархии.

К ожидавшемуся Поместному Собору 1905 года святитель Агафангел составил по поручению Святейшего Синода отзыв о разрешении актуальных проблем богослужебной жизни Русской Православной Церкви, где говорилось о необходимости исправить грамматические и стилистические ошибки, которые с XVII века вкрались в богослужебные книги, а также упорядочить приходское богослужение в соответствии с древними уставами. Трудился Владыка и над преобразованием приходской жизни, развивая в ней принцип соборности. Немало занимался он и благотворительностью: на его средства содержалась столовая для бедных детей, много у него было и постоянных пенсионеров. "Счастливая уравновешенность духа, мягкость и внимательность в общении, ровность и выдержанность характера, полное уважение к чужому мнению - вот те личные свойства Владыки, которые невольно вызывали к нему любовь всех соприкасавшихся с ним" - так свидетельствовали о нём его современники.

В 1912 году Владыка награждается бриллиантовым крестом на клобук. В Постановлении о награждении подчёркивалась его неизменная благожелательность к духовенству и мирянам, соединённая с твёрдостью.

С 1913 года Владыка был назначен на Ярославскую и Ростовскую кафедру. Вскоре его возводят в сан митрополита. Начавшаяся летом 1914 года война не дала Владыке полностью отдаться мирной архипастырской деятельности. Он организовывает госпитали, отправляет священников в действующую армию. В 1917-1918 годах является членом Предсоборного присутствия и затем членом Поместного Собора. С 1918 года он - член Высшего Церковного Управления и Священного Синода при Патриархе Тихоне.

12 мая 1922 года Патриарх Тихон, будучи в заточении, категорически отверг требования группы обновленцев о передачи им полномочий на высшее церковное управление, передав митрополиту Агафангелу грамоту на право замещения: "Вследствии крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе Церковного управления до созыва Собора".

3 июня 1922 года появляется так называемый "Меморандум трёх" за подписью митрополита Сергия (Страгородскаго) и архиепископов Евдокима (Мещерского) и Серафима (Мещерякова), где предательски заявлялось, что обновленческое В. Ц. У. является "единственной канонически законной церковной властью". Все пастыри призывались считать распоряжения В. Ц. У. "законными и обязательными".

В этот труднейший и опаснейший момент митрополит Агафангел 5 июня 1922 года издаёт Послание о своём вступлении во временное управление Русской Православной Церковью, где призывает верующих хранить в чистоте устои Церкви и остерегаться тех, кто пытается незаконно узурпировать церковную власть. За своё сопротивление обновленцам в их попытке захватить Церковную власть Святитель немедленно подвергается аресту. В конце 1922 года больной старец, после заключения в ряде тюрем, отправляется общим этапом с уголовными преступниками в трёхлетнюю ссылку в посёлок Колпашёв Нарымского края (Томская губерния).

В своём завещании от 25 декабря 1925 года Патриарх Тихон называет митрополита Агафангела вторым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. Ко времени окончания ссылки Владыки были арестованы два других Патриарших Местоблюстителя - священномученики митрополит Пётр (Полянский, память 27 сентября) и митрополит Кирилл (Смирнов, память 7 ноября). Органы Г. П. У. пытались поставить у кормила Церкви послушную группу епископов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским). Однако, митрополит Сергий (Страгородский), назначенный митрополитом Петром своим заместителем на время ссылки всех трёх Патриарших Местоблюстителей, запретил эту группу.

Тучков, начальник особого секретного отдела О. Г. П. У., пытается оказать давление на митрополита Агафангела, срок ссылки которого истёк в конце 1925 года. В апреле 1926 года происходит его встреча с Владыкой в Пермской тюрьме. Он предлагает Святителю воспринять высшую церковную власть. Цель предложения агента - столкнуть ведущих иерархов при помощи различных интриг и дезинформации, чтобы спровоцировать множественные расколы в Церкви и тем самым лишить Церковь законной иерархии. Владыка, конечно, не мог располагать в ссылке всеми текстами распоряжений митрополита Петра (Полянского), но, помня предательское поведение митрополита Сергия в 1922 году, он из Перми в апреле 1926 года издаёт Послание, в котором извещает о своём вступлении в должность Патриаршего Местоблюстителя. Вернувшись из ссылки, он получает указ митрополита Петра (Полянского, память 27 сентября) воспринять Местоблюстительство, однако митрополит Сергий, согласившись было освободить должность, по-видимому под давлением Г. П. У., отказался отдать права Местоблюстительства их законному владельцу.

Последующее переговоры, телеграммы и письма митрополита Сергия, изобилующие канонической казуистикой, могли только убедить мудрого и твёрдого, но прямого и простодушного Владыку в том, что Заместитель митрополита Петра - не тот человек, который способен объединить епископат и выстоять против нажима безбожной власти. Он понимает, что митрополит Сергий начнёт борьбу и посылает в мае 1926 года телеграмму: "Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений, распоряжение о поминовении митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от Местоблюстительства".

Однако, через несколько дней от митрополита Петра, находящегося в ссылке, приходит письмо, в котором он приветствуете вступление митрополита Агафангела в должность Местоблюстителя. Святитель снова призывает митрополита Сергия приехать в Москву, чтобы, собрав архиереев, принять от него верховную власть. Но тот отказывается приехать и опять затевает длительную переписку, в которой заявляет, что распоряжения митрополита Петра из тюрьмы "распоряжения или скорее советы лица безответственного...".

Тогда митрополит Агафангел сообщает митрополиту Петру, что принять на себя обязанности Местоблюстителя не может "ввиду преклонности лет и расстроенного здоровья". Будучи лишён властолюбивых устремлений Святитель советует митрополиту Петру передать вместо себя Местоблюстительство митрополиту Кириллу (Смирнову) или митрополиту Арсению (Стадницкому), не желая, чтобы верховная власть оставалась в руках митрополита Сергия. Но, видя пагубность дальнейшей политики митрополита Сергия для церковной нравственности, особенно после издания им "Декларации" 1927 года, Владыка выступил с исповедническим обращением от 24 января (ст. ст.) 1928 года, в котором вместе с частью архиереев (Ярославская оппозиция) отказывался от административного подчинения митрополиту Сергию и заявил о переходе на самоуправление, предусмотренное указом Святейшего Патриарха Тихона от 20 ноября 1920 года. Однако в ответном письме митрополит Сергий просил Владыку сохранить с ним общение, грозя каноническими прещениями.

Вскоре с Владыкой случилось несколько сильнейших сердечных приступов, во время которых он всегда сначала прибегал к приобщению Святых Таин и только после этого принимал медицинскую помощь. 10 мая 1928 года, предчувствуя близость смерти, Владыка призывает своих викарных архиереев - епископа Варлаама (Ряшенцева, память 7 февраля) и епископа Евгения (Кобранова, память 7 ноября) с тем, чтобы составить новое обращение к митрополиту, где говорится, что они не прерывают молитвенного общения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, не желая учинять никакого раскола и всех обращающихся епископов, клириков и мирян направляют к митрополиту Сергию ради мира церковного.

Однако, тут же оговаривалось, что "распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающее каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем". Таким образом, даже не принимая политики митрополита Сергия, Владыка до конца жизни старался послужить делу церковного единения. Детская простота и душевная чистота подвижника делали его неспособным к расчётливой дипломатии и политической борьбе, необходимых, чтобы удержать в руках внешнюю административную власть.

Все эти переживания за Церковь Христову сильно подорвали здоровье Владыки. Сердечные приступы участились и в середине сентября он слёг в постель. Перед кончиной Святитель часто приобщался Святых Таин. 3 (16 н. ст.) октября 1928 года митрополит Агафангел скончался. Двенадцать ударов тридцати ярославских храмов возвестили о кончине Святителя. Погребли Владыку лишь на седьмой день в склепе под Леонтьевским храмом на Ярославском Леонтьевском кладбище. Лицо его было как в первый день после кончины: светло, бело, покойно, а от гроба веяло благоуханием.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Александр (Чекалов) (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Александр родился 19 марта 1888 года в селе Романове Кувшиновского уезда Тверской губернии в семье священника Леонида Чекалова. Он окончил Тверскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника.

В 1930 году у о. Александра отобрали дом и все имущество. В ожидании ареста он благословил детям (двум сыновьям и двум дочерям) уехать, дабы избежать преследований как детям священника, а сам остался с супругой Александрой и младшей дочерью, которой в то время исполнилось всего девять лет. В том же году о. Александр был арестован и приговорен к высылке из села, где он служил. Не желая уезжать далеко из

родных мест, священник поселился в селе Железниково соседнего Старицкого района. Вместе с ним на новое место переехали его супруга с дочерью. Материальных средств у них не было никаких; о. Александр служил в храме и снимал комнату для себя и семьи. Здесь его застало жестокое гонение конца тридцатых годов. После первого ареста и ссылки священник хорошо знал по своему личному опыту, что в государстве, которое исповедует в качестве новой религии воинствующее безбожие, он будет всегда гоним и в любой момент может быть арестован, но о. Александр продолжал служить и был готов к исповедничеству, а если Господь призовет, то и к мученичеству.

21 ноября 1937 года, после богослужения в день празднования памяти собора архистратига Михаила и прочих сил бесплотных, НКВД арестовал священника. 23 ноября он был допрошен. - Следствие располагает данными о том, что вы систематически проводили контрреволюционную агитацию, признаете ли вы себя виновным?

- Нет, виновным себя не признаю. Контрреволюционной агитации не проводил.

- Следствием точно установлено, что вы дискредитировали вождей ВКП(б) и советское правительство. Признаете себя виновным в этом?

- Нет, виновным себя не признаю.

- Следствием установлено, что вы, посещая общественные места, распространяли провокационные слухи о гибели населения и войне. Признаете себя виновным в этом?

- Нет, виновным себя не признаю. Были случаи, когда я говорил, что скоро грядет война, тогда добра не будет, а о гибели населения нигде ничего не говорил.

- Вы не даете правдивых показаний, тогда как следствием точно установлено и вас уличают показания свидетелей, что вы систематически вели контрреволюционную агитацию, поэтому настаиваю на даче правдивых показаний.

- Виновным себя не признаю.

Через день после допроса, 25 ноября, Тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Еще через день, 27 ноября 1937 года, священник Александр Чекалов был расстрелян.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Александр (Богоявленский) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Александр родился в 1879 году в селе Кукарево Осташковского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Льва Богоявленкого. Окончил духовное училище и был рукоположен в сан священника, в каком году - неизвестно. Во время гонений конца двадцатых - начала тридцатых годов был арестован за то, что не уплатил налог, размеры которого были невыполнимо завышены. Таким образом, власти достигли цели - арестовали священника и закрыли храм, в котором за отсутствием священника прекратилось богослужение.

Отец Александр был приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, из которого вышел совершенно больным. Но и теперь не оставил служение в церкви и в марте 1937 года был определен в Никольский храм в село Грядцы Торопецкого района Тверской области. Прошло два месяца, и стало ясно, что власти будут добиваться закрытия и этого храма. Отец Александр стал собирать двадцатку, которая одна по закону могла отстаивать храм и вести переговоры с представителями государства. Священник обходил дома прихожан, составляя список членов двадцатки, поскольку собрание общины в храме было в то время уже невозможно - его бы сразу расценили как незаконное сборище, ставящее своей целью свержение существующей власти. Отец Александр спрашивал некоторых прихожан, которые ему, как приехавшему в село недавно, не были

вполне знакомы, веруют ли они в Бога. И если они отвечали, что веруют, то просил стать членами двадцатки.

В конце сентября представитель НКВД, собирая сведения для ареста священника, стал опрашивать свидетелей, вызывая тех, кто по должности боялся противоречить НКВД, таких, как председатель и бригадир колхоза. Они показали, что накануне, 27 сентября, в сельсовете состоялся пленум, посвященный деятельности о. Александра, который постановил, что священник своей религиозной проповедью, богослужением в храме, хождением по домам прихожан в селе и окружающих деревнях, крещением новорожденных, отпеванием почивших создает тревожную обстановку, препятствующую успешности проводимых властями агитационных кампаний. Кроме того, они показали, что священник ведет контрреволюционную агитацию за сохранение Божьего храма, за его ремонт, призывает крестьян чаще ходить в церковь вместе с детьми и молиться Богу, увещевает прихожан не дожидаться беды, а сразу крестить своих новорожденных детей.

Сотрудники НКВД, просмотрев список членов церковной двадцатки, решили побеседовать с каждым, чтобы принудить хотя бы некоторых выйти из нее и написать заявления в сельсовет о том, что священник ввел их в двадцатку обманом. Трое под нажимом НКВД согласились подписать подобные заявления, где было сказано: "Членом церковной двадцатки я не состоял и не состою и за церковь я не отвечаю", "прошу не считать меня членом церковной двадцатки, а за то, что за меня расписались, прощу привлечь к ответу".

Председатель церковного совета, сломленный угрозами следователей НКВД, отказался от защиты церкви уже на допросах и подписал составленный ими протокол: "В мае 1937 года, числа не помню, ко мне на квартиру пришел поп Богоявленский Александр Львович, грядецкой церкви, и заставил меня подписаться в списке церковной двадцатки, и я расписался. После этого оказалось, что поп меня записал председателем церковной двадцатки, а я об этом совершенно ничего не знаю, и даже не только председателем двадцатки, но и членом этой двадцатки не хочу быть. Кроме этого, поп мне сказал, если ты не будешь веровать, то тебя Бог накажет".

9 октября сотрудники НКВД арестовали священника, и он был заключен в тюрьму в городе Торопце. 11 октября следователь допросил о. Александра.

- Вам предъявляется обвинение в контрреволюционной агитации, которую вы, под видом проведения религиозных идей, проводили среди граждан Грядецкого сельсовета. В этом себя виновным признаете?

- Я не проводил контрреволюционную агитацию против советской власти, а, проживая в селе Грядцы Грядецкого сельсовета, как священник проводил в церкви службу и ходил по деревням Грядецкого сельсовета для крещения новорожденных и похорон покойников.

- Следствие располагает данными, что вы среди колхозников Грядецкого сельсовета вели контрреволюционную агитацию против мероприятий советской власти. В этом себя виновным признаете?

И следователь зачитал показания председателя и бригадира колхоза, в которых они под нажимом следователей лжесвидетельствовали о том, будто о. Александр призывал к невыплате натуральных налогов и говорил о грядущей войне, которая кончится поражением правительства большевиков.

- Признаете ли вы себя в этом виновным? - спросил следователь.

- Нет, виновным себя в контрреволюционной агитации не признаю, я, встречаясь в деревнях, говорил только о том, чтобы люди молились Богу.

- Следствие располагает данными, что вы среди колхозников Грядецкого сельсовета распространяли листовки контрреволюционного религиозного характера.

- Нет, я не распространял никаких листовок контрреволюционного религиозного характера, а когда приехал в село Грядцы, то прихожане мне рассказывали, что в Грядецком сельсовете такие контрреволюционные листовки распростра- нялись.

В тот же день дело было закончено и передано на решение Тройки НКВД. 1 ноября Тройка приговорила священника к расстрелу. Священник Александр Богоявленский был расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Александр Хотовицкий, протопресвитер (память 7 августа по старому стилю)

Священномученик Александр Хотовицкий, протопресвитер, родился 11 февраля 1872 года в городе Кременце в благочестивой семье ректора Волынской Духовной Семинарии протоиерея Александра, память о котором как о добром пастыре хранилась в сердцах православных жителей Волыни.

Родители дали отроку доброе христианское воспитание, внушили ему любовь к Православной Церкви и народу Божию. Образование будущий пастырь получил в Волынской Семинарии и Петербургской Духовной Академии, которую закончил магистрантом в 1895 году.

По окончании Академии он был направлен в Северо-Американскую епархию в Нью-Йорк. В 1896 году псаломщик Александр был рукоположен в сан пресвитера в кафедральном соборе в Сан-Франциско.

С 1896 по 1907 годы отец Александр совершал пастырское служение под омофором Святителя Тихона, который высоко ценил его сердечное благочестие, дар пастырской любви и всестороннюю богословскую образованность. Отец Александр успешно совершал миссионерское служение, главным образом среди эмигрантов - униатов, выходцев Галиции и Карпатской Руси. Его трудами созданы православные приходы в Филадельфии, Юнкерсе, Панайке и других городах Северной Америки. Под его редакцией выходили на английском и русском языках "Американский Православный Вестник". Он взял на себя подвижнический труд по строительству нового кафедрального собора в Нью-Йорке, которое было завершено в 1902 году. С 1914 по 1917 годы отец Александр нёс служение в Финляндии. В августе 1917 года он был ключарём кафедрального Храма Христа-Спасителя в Москве. Отец Александр участвовал в деятельности Поместного Собора 1917-1918 годов. В трудные годы гражданской войны батюшка был одним из ближайших помощников Святейшего Патриарха Тихона по управлению Московской епархией. В 20-е годы он неоднократно арестовывался по обвинении в нарушении декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви - в преподавании Закона Божия детям, а также в сопротивлении кампании по насильственному изъятию церковных ценностей. Он был сослан в Туруханский край на три года.

В 1930 году батюшка был назначен настоятелем Ризоположенского храма на Донской улице в Москве. Осенью 1937 года отец Александр был вновь арестован - на этом имеющиеся документальные сведения прерываются, однако большая часть устных сообщений говорят о его мученической кончине (расстрел). Православная Церковь в Америке почитает его как страстотерпца. Место его погребения неизвестно.

Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1994 года причислен к лику святых.

Священномученик Александр (Колоколов) (память 16 декабря по старому стилю)

Священномученик Александр родился 7 марта 1880 года в селе Никольское-Неверьево Горицкого уезда Тверской губернии в семье священника Николая Колоколова. Александр окончил Тверскую Духовную семинарию и в 1913 году был рукоположен в сан священника к Никольской церкви родного села. С этим селом и храмом была связана вся его жизнь. Он знал всех своих прихожан, наравне с крестьянами имел достаточное крестьянское хозяйство и в своем материальном положении не зависел от их пожертвований. С 1914 года он состоял действительным членом Тверского епархиального Православного Миссионерского общества. За ревностное беспорочное служение святой Православной Церкви он был награжден в 1928 году наперсным крестом. власти оштрафовали его за врачебную практику на тысячу рублей. Через год он был арестован за неуплату налогов и приговорен к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь и трем годам ссылки.

В 1933 году, когда о. Александр вернулся из ссылки, святой архиепископ Фаддей назначил его настоятелем храма в родном селе Никольском-Неверьеве и возвел в сан протоиерея. В январе 1937 года власти снова арестовали его и попытались обвинить в том, что он крестил ребенка якобы в настолько горячей воде, что обварил его кипятком. Суд приговорил священника к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере, но обвинение было настолько абсурдно, что дело пришлось прекратить, и о. Александр был освобожден.

Для своих прихожан о. Александр был образцом православного пастыря. Он желал исповедничества, жаждал Царствия Божия, не страшился и самой мученической кончины.

20 декабря 1937 года сотрудники НКВД арестовали О. Александра, и он был заключен в тюрьму города Кашина. Следователи стали вызывать "дежурных свидетелей". Один из них показал:

- Колоколов ведет религиозную проповедь на территории Кимрского и Горицкого районов. Для того чтобы открыть церковь, он у себя несколько раз созывал верующих. В августе сего года, когда колхозникам надо было работать, он несколько человек из них послал в Москву и в Калинин. Причем колхозники-ходатаи из Москвы пришли пешком. Колхозникам Колоколов говорил: "В выходные дни работать не надо, надо идти в церковь". Весной 1937 года, когда продолжительное время не было дождей, он колхозникам говорил: "Вот не стали верить в Бога, Бог вас и наказывает". В результате в Ильин день колхозники на работу не вышли, а требовали выноса икон на поля.

Сразу же в день ареста следователь допросил священника.

- Будучи классово чуждым и судимым, вы вели и ведете контрреволюционную агитацию и религиозную пропаганду. Подтверждаете вы это? - спросил он.

- Нет, не подтверждаю, - ответил священник.

- Перечисляю вам еще факты вашей контрреволюционной агитации среди населения и требую правильных ответов на задаваемые вам вопросы.

- Из всего перечисленного мне ничего не подтверждаю. Церковь я люблю, в Бога верю. Никогда ни от веры в Бога, ни от священного сана не отрекусь.

Столь ревностный и бесстрашный священник заинтересовал начальника Горицкого управления НКВД, и он пришел сам допросить его.

- Вам еще раз приводятся факты вашей антисоветской деятельности. Признаете ли вы себя в них виновным?

- Виновным я себя перед советской властью не признаю. Я всю свою жизнь посвятил служению Богу и Ему служил и буду служить, буду ли на свободе или в заключении. Как служитель Бога, я обязан заботиться о душах человеческих, о их спасении и подготовке ко

второму пришествию. Я был обязан вести и вел соответствующую религиозную проповедь. По своим убеждениям я не мог признавать существующую власть советов, но ей обязан был подчиняться, поскольку она попущена Богом... Власть существующая проводит безбожие, она вместе с партией коммунистов ликвидирует и убивает веру в Бога. Значит, это власть темных сил, сатаны. С такой властью я обязан был бороться за свою паству всеми силами, что и делал по мере сил. От этого я отказаться не могу ни при каких условиях. Представители власти на земле сейчас - слуги "темных сил". Вот почему признать себя виновным перед такой властью я не могу.

27 декабря Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Александр Колоколов был расстрелян через день после приговора, 29 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученик Александр Медем (память 10 ноября по старому стилю)

Мученик Александр Антонович Медем родился в 1877 году в городе Митаве Курляндской губернии в семье сенатора Антона Людвиговича Медема, занимавшего многие видные государственные посты, в частности губернатора Новгородского. Это был человек, о котором народ сохранил самые добрые воспоминания. Во время беспорядков в Новгородской губернии в 1905 году он без всякого сопровождения выезжал на места происшествий. Подъезжал в тарантасе к бунтующей толпе, смело входил в середину ее, раскланивался с народом, снимал фуражку и начинал говорить тихим голосом. Его вид и манера говорить производили ошеломляющее впечатление, сначала поднимался шум, но вскоре все затихали, и люди с интересом слушали губернатора. В Новгороде ему пришлось заступиться за вдову, у которой один торговец обманом выудил векселя на крупную сумму. Приехав к нему, Антон Людвигович попросил показать векселя и, получив бумаги, швырнул их в пылающий в камине огонь. И затем сказал торговцу: "Никакого права так поступать я не имел, и вы можете подавать на меня в суд". Торговец не стал подавать в суд, и вдова была спасена от разорения.

В 1870-х годах Антон Людвигович купил имение в шесть тысяч десятин земли в Хвалынском уезде Саратовской губернии. Впоследствии его сын Александр Антонович продал из них две тысячи десятин крестьянам по самой низкой цене.

Александр окончил в Новгороде гимназию, а затем в 1897 году - юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но юридическая служба его не привлекла. С младенческих лет он привязался к земле. Почти ни одна сельскохозяйственная работа не проходила без его участия, что способствовало приобретению многих практических знаний в области сельского хозяйства и развитию глубокой любви к родному краю и народу.

В 1901 году Александр Антонович женился на Марии Федоровне Чертковой. Впоследствии у них родилось четверо детей - сын и три дочери. Сын после революции эмигрировал в Германию, одна из дочерей была расстреляна в 1938 году.

До 1918 года Александр Антонович управлял имением. После того как советской властью все частные землевладения были конфискованы, он стал арендовать несколько десятин земли, сколько было по силам самому обработать. Жили небогато; средств, полученных чаще всего в долг, его семье иногда хватало лишь на то, чтобы закупить семян и провести самые необходимые сельскохозяйственные работы. В иные времена не было лошади, а участок находился за тридцать километров от города, и до него приходилось добираться или пешком, или с попутными подводами.

Когда началась гражданская война, Александр Антонович и два его брата договорились, что будучи русскими, не поднимут руку на своих и не будут принимать участия в гражданской войне. В 1918 году большевики арестовали его и приговорили к расстрелу, но накануне исполнения приговора отпустили домой попрощаться с родными. Он уже собирался вернуться наутро в тюрьму, но утром большевики были выбиты из города белыми, и приговор сам собой отменился. Летом 1919 года он снова был арестован и заключен в тюрьму в городе Саратове. Вернувшись из тюрьмы, он говорил, что нигде так хорошо не молился, как в тюрьме, где в дверь по ночам стучится смерть, а чья очередь - неизвестно.

Летом 1923 года ОГПУ вновь арестовало Александра Антоновича, и он был заключен в тюрьму в городе Саратове. Следователь спросил его на допросе, как бы он организовал животноводческое хозяйство. Александр Антонович рассказал, входя во все подробности. Следователь с интересом выслушал его и в заключение воскликнул: "Эх, люблю таких людей! Только, конечно, никакого хозяйства мы вам вести не дадим!" В конце октября 1923 года Александр Антонович был освобожден и вернулся к родным.

Аресты и лишения закалили его душу и укрепили веру. Своему сыну Федору он писал в 1922 году: "...На днях твое рождение - тебе исполнится двадцать один год, то есть гражданское совершеннолетие. Буду особенно горячо за тебя, мой мальчик, молиться, чтобы Господь помог тебе достойно и возможно праведно пройти свой земной путь и душу свою спасти, дал тебе счастья, силу и душевную и телесную, смелость и дерзновение, и крепкую непоколебимую веру. Одна только вера, что не все кончается здесь земным нашим существованием, - дает силу не цепляться во что бы ни стало за свою малозначащую жизнь и ради ее сохранения идти на сякую подлость, низость и унижение...

Действительно свободным может быть только человек глубоко и искренне верующий. Зависимость от Господа Бога - единственная зависимость, которая человека не унижает и не превращает в жалкого раба, а, наоборот, возвышает. Проповедник и наставник я плохой, но мне хочется тебе сказать то, что я особенно остро чувствую и для тебя желаю.

Верь твердо, без колебаний, молись всегда горячо и с верой, что Господь тебя услышит, ничего на свете не бойся, кроме Господа Бога и руководимой Им своей совести - больше ни с чем не считайся; никогда никого не обидь (конечно, я говорю о кровной, жизненной обиде, которая остается навсегда) - и думаю, что благо ти будет.

Христос с тобой, мой мальчик, мой любимый. Мы с мамой постоянно о тебе думаем, за тебя Бога благодарим и молимся за тебя... Крепко тебя обнимаю, крещу и люблю. Господь с тобой. Твой отец".

В 1925 году его супруга Мария Федоровна писала сыну Федору, жившему за границей: "...Еще хочется про папу тебе сказать, но не знаю, поймешь ли ты меня. Мы в таких различных условиях жизни живем, что многое вам может показаться непонятным.

За эти годы он необыкновенно вырос нравственно. Такой веры, такого мира и спокойствия душевного, такой истинной свободы и силы духа я в жизни не видела. Это не только мое мнение, могущее быть пристрастным. Все это видят. И этим мы живы - больше ничем, ибо самый факт, что мы такой семьей существуем, не имея ничего, кроме надежды на Господа Бога, это доказывает".

Невзгоды, болезни, тяжелый труд, который становился иной раз непосильным, привели к тому, что Александру Антоновичу пришлось оставить работу на земле. Он писал по этому поводу детям: "Я не сомневаюсь, что, быть может, я и заслуживаю тяжких упреков: я, де, полный сил и здоровья человек, предаюсь созерцательному образу жизни, сижу ничего не делая и воплю о помощи. Но дело в том, что выхода мне другого нет. Мне действительно предлагали поступить на службу. Но служить этим расхитителям России и расхитителям души русского народа - мерзавцам - я не могу. На это мне говорят, что чем я лучше других? Почему другие могут, по необходимости, это делать, я же строю из себя какую-то исключительную персону? Ничего я из себя строить не собираюсь, ничуть этим не возношусь, я просто думаю, что не для того меня Господь сохранил и вывел из самых,

казалось, безнадежных положений, чтобы я изменил своему народу, служа его погубителям. Не могу, и служить не буду - лучше с голоду сдохну. Частной службы или какого-либо дела своего вести - и думать нечего. Все уничтожается в зародыше... Вот и приходится сидеть и ждать, ждать, как теперь 95% русского народа ждет откуда-то каких-то избавителей..."

О положении в стране он тогда же писал сыну: "...Пожалуйста не верьте, что у нас жизнь бьет ключом, промышленность развивается, крестьянское хозяйство восстанавливается и прочее. Все сплошные выдумки, как и все, что от нас исходит. Я ни одного крестьянина не знаю, у которого было бы три лошади... Вообще ничего нет. А на то, что есть, - цены бешеные, продукты же крестьянского хозяйства обесценены до последней крайности...

Напор на Церковь, одно время ослабевший, снова повышается. Митрополит Петр сидит...

На Кавказе... отбирают последние церкви у православных и передают "живым" - этим антихристовым слугам. У нас пока тихо, "живых" у нас нет. Но, вероятно, и до нас это докатится. В этом случае, конечно, первым полечу я. Я нисколько этого не боюсь, я даже буду очень рад... На все воля Божия. Мы свое дело делаем, и, конечно, наша кровь, если ей суждено пролиться, зря не пропадет... Благословляю тебя, мой мальчик, на жизнь. Живи просто, честно, по-Божески. Унынию никогда не поддавайся..."

В 1928 году Александр Антонович был арестован и заключен в тюрьму в городе Саратове. По окончании следствия он был приговорен к лишению права жить в шести крупных городах и поселился в городе Сызрани близком к родным местам. К этому времени он овдовел, и в ссылку в город Сызрань вместе с ним поехали его дочери, одна из которых устроилась на работу в Краевое врачебное управление.

Осенью 1930 года Александр Антонович снова был арестован. Следователь спросил его на допросе, каких он придерживается политических убеждений и каково его отношение к советской власти. Александр Антонович ответил: "Определенных политических убеждений я не имею, поскольку я не занимался политикой. К существующему строю мое отношение лояльное. С программой коммунистической партии и советской власти я не согласен".

На допросах Александр Антонович держался с большой выдержкой и достоинством, хотя в это время тяжело страдал от туберкулеза легких, которым болел уже в течение нескольких лет. Следователь утверждал, что арестованный обязан отвечать на все вопросы, но окончивший юридический факультет Александр Антонович придерживался иной точки зрения и на вопросы следователя отвечал следующим образом: "Знакомых в городе Сызрани, которых я посещаю или которые посещают меня, нет. "Шапочных" знакомых, то есть лиц, которых я знаю по фамилии и в лицо, немного; также имеются в городе Сызрани такие лица, с которыми на улице при встречах раскланиваюсь, но их фамилии часто не знаю. Назвать тех лиц, которых я знаю по фамилии и в лицо, затрудняюсь, поскольку я их очень мало знаю и выставлять их в качестве своих хороших знакомых не желаю".

- Так есть ли у вас люди, которых вы знаете в городе Сызрани? - спросил следователь.

- Люди, которых я знаю в городе Сызрани, имеются. Назвать я их не могу, потому что я их не вспомню.

- Отказываетесь ли вы, гражданин Медем, назвать людей, которых вы знаете, или нет?

- Отказываюсь, потому что не могу вспомнить.

- Из вашего ответа, гражданин Медем, следует, что, с одной стороны, люди, которых вы знаете, имеются, с другой - вы их не знаете.

- Фактически так и есть.

Такой ответ поставил следователя в тупик, и, желая оказать нажим на арестованного, он продиктовал ему текст предупреждения: "Ниже подписываюсь в том, что мне со стороны ведущего дело было 28 декабря 1930 года объявлено о том, что я своим отказом

назвать людей, которых я знаю в городе Сызрани, препятствую выяснению всех обстоятельств дела и, таким образом, снимаю ответственность с Сызранского отдела ОГПУ в соблюдении соответствующих процессуальных норм в части срока содержания под стражей".

Подписавшись под предупреждением, Александр Антонович написал к нему дополнение: "Из лиц, которых я знаю по имени, отчеству и фамилии, я некоторых в данное время помню, но назвать и этих отказываюсь по той причине, что выдвигать людей, которых я случайно вспомнил, этим самым совершая по отношению к ним несправедливость, - не нахожу возможным".

Таким образом дело до предъявления обвинения так и не дошло. В начале 1931 года у Александра Антоновича обострился туберкулезный процесс в легких, что было связано с тяжелыми условиями тюремного заключения, и 22 февраля он был переведен в больничный корпус Сызранской тюрьмы.

Дочери, узнав о тяжелом состоянии здоровья отца, стали добиваться свидания. Им разрешили, сказав, чтобы они пришли завтра. Но когда они пришли на следующий день, им ответили, что их отца еще вчера схоронили, а где - отказались назвать. Александр Антонович скончался в тюремной больнице 1 апреля 1931 года в половине первого дня. Отпевали его заочно в соборе города Сызрани.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Александр (Ратьковский) (память 22 августа по старому стилю)

Священномученик Александр родился в 1870 году в селе Опросьево Ново-Ржевского уезда Псковской губернии в семье диакона Матфея Ратьковского. В 1891 году он окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан диакона, а в 1897 году принял сан священника. В 1906 году о. Александр был назначен в один из храмов города Торопца, где прослужил всю жизнь до своей мученической кончины.

19 марта 1931 года о. Александр был арестован в числе других православных, среди которых были епископ Великолукский Тихон (Рождественский), священники, диаконы, монахи и православные миряне, которых власти объединили в организацию, дав ей название "Усиление христианского движения".

2 апреля следователь допросил священника. На его вопросы о. Александр ответил: "Родители мои были из духовных. Отец был диаконом в Ново-Ржевском уезде, где и умер. В Торопец я приехал в 1906 году, где и служу по настоящее время. Семья у меня - восемь человек. Три сына: Анатолий служит священником в погосте Севастьянове Торопецкого уезда, ныне выслан ОГПУ, Николай - в Кременчуге, но где работает, мне неизвестно, Владимир служит в совхозе в Боровичском уезде Новгородской губернии. Четыре дочери служат на советских работах.

Священнослужителей, а также монахинь города Торопца я знаю, они сейчас арестованы, но других назвать имена и фамилии затрудняюсь. Знакомства особенного ни с кем никогда не вел, так как живу на окраине города, но по делу ко мне все же приходили. Больше сказать ничего не могу".

Отец Александр был приговорен к трем годам ссылки в Казахстан, по окончании которой в 1934 году вернулся в Торопец и стал служить в той же церкви. С его возвращением в храм церковная жизнь оживилась. Прихожане видели в вернувшемся к ним священнике исповедника святой Православной веры. Отец Александр наладил в

храме уставное богослужение, монахини пели на клиросе, одну из монахинь он назначил старостой. Этого было уже достаточно для ареста.

НКВД арестовал о. Александра 23 июля 1937 года и заключил в Торопецкую тюрьму; на следующий день следователь допросил его.

- Каковы ваши взаимоотношения с епископом Иоанном Троянским и другими священниками?

- Взаимоотношения у меня с епископом нормальные, он был у меня на квартире, был и я у него на квартире по вопросам религиозного характера.

- Вам известно, что епископ Троянский, находясь в церкви, где вы служите священником, раздавал детям конфеты с целью вербовки молящихся?

- Да, признаю, что в церкви, где я являюсь священником, епископ раздавал детям конфеты, но я... не считаю это ненормальным явлением...

- Произносил ли проповеди епископ Троянский, находясь в церкви, в которой вы состоите священником?

- Да, проповеди епископа были обычным явлением, какого они были содержания, я затрудняюсь сказать, так как я в это время потреблял Святые Дары.

31 августа Тройка НКВД приговорила о. Александра к расстрелу. Священник Александр Ратьковский был расстрелян 4 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Александр (Рождественский) память 15 декабря по старому стилю)

Священномученик Александр (Александр Александрович Рождественский) родился 11 августа 1874 года в семье священника Благовещенского погоста Молодотутского уезда Тверской губернии; окончил Духовную семинарию и в 1902 году был рукоположен в сан священника ко храму родного села. Здесь он прослужил до начала гонений в тридцатых годах.

В 1930 году власти отобрали у священника все имущество, а после этого потребовали от него уплаты налога. Лишенный средств к существованию, о. Александр не имел возможности его заплатить и за это в 1932 году был приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. По возвращении из заключения он приехал в село Переслегино Высоковского района и стал служить в храме.

21 декабря 1937 года сотрудник Высоковского районного отдела НКВД арестовал о. Александра и в тот же день допросил. Священника не в чем было обвинить, у НКВД не было доказательств его противогосударственной деятельности, не было свидетельских показаний, и потому следователь сам по шаблону составил все обвинения, почти уверенный, что найдет таких "свидетелей", которые согласятся подтвердить все, что он написал.

- Следствием установлено, что вы ведете контрреволюционную работу против существующего строя в СССР, а также поддерживали врагов народа, таких, как Троцкий и его приспешники Тухачевский, Якир и другие, - сказал следователь.

- Никакой работы я среди населения, в смысле контрреволюционной агитации, не вел, о врагах народа также не говорил ни с кем.

- Какую вы вели работу среди церковной двадцатки?

- Я никакой работы не вел с ними.

Вызванные на следующий день "дежурные свидетели" расписались под составленными следователем протоколами, и за два дня следствие было закончено. 26

декабря Тройка НКВД приговорила священника Александра Рождественского к расстрелу. Еще через день, 28 декабря 1937 года, он был расстрелян.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученики Александр (Смирнов) и Феодор (Ремизов) Вышегородские (память 1 ноября по старому стилю)

Священник Александр Смирнов родился в 1887 году и служил в Крестовоздвиженской церкви села Вышегород Верейского уезда Московской губернии. За простоту в обращении и милосердие был любим своими прихожанами. Когда кому-нибудь из них требовалась помощь, он оказывал ее просто и без сомнений. Неукоснительно исполнял церковный устав, не допуская сокращений или отступлений в службах, за что пользовался большим уважением старообрядцев, которых много тогда жило в этом уезде. Был наделен от Бога красивым и сильным голосом, так что церковное начальство не раз хотело перевести его в Москву в один из соборных храмов.

В 1918 году советская власть издала декрет об отделении Церкви от государства, подобный антихристианским эдиктам языческих императоров, ставивших своей целью уничтожение Церкви. Декрет запрещал любую форму проповеди, в которую было включено даже и ношение священником рясы вне храма. Кое-где угрозами принуждали священников изменить свой облик и, бывало, за неподчинение убивали.

Местные власти потребовали от о. Александра, чтобы он перестал ходить по селу в рясе и остриг волосы. После совета со своим старцем-священником о. Александр сказал, что никогда не подчинится беззаконному распоряжению и не откажется от облика православного пастыря.

В Верейском районе особой жестокостью отличался милиционер Мужеров. Возмущенные его злодействами крестьяне, не найдя на него управы у местных начальников, убили его. В отместку из Москвы был послан отряд карателей-латышей числом в пятьдесят всадников, которые должны были самой жестокостью казней устрашить крестьян. Однако не только крестьян они собирались казнить, но и всех священников, которых удастся захватить. И только отречение от Бога могло спасти жизнь.

В храме Космы и Дамиана, расположенном неподалеку от Вышегорода, служил о. Феодор Ремизов. 14 ноября здесь был престольный праздник, на который съехалось духовенство и миряне со всей округи. После литургии, молебна и общей трапезы священники разъехались по приходам.

В тот же день, ближе к вечеру, в расположенную рядом с Вышегородом деревню Новая Борисовка въехал вооруженный отряд латышей. По пути им повстречался церковный сторож, и они зарубили его.

Крестьяне, заподозренные в убийстве милиционера, были без всякого суда казнены.

Узнав, что о. Александр дома, каратели послали к нему фельдшерицу, чтобы она пригласила его в сельсовет.

- Зачем я пойду? - прямо и просто ответил священник. - Я ни в чем перед властью не виноват.

- Как хотите, - ответила та и ушла, но в голосе ее прозвучала угроза.

Жена о. Александра со старшей дочерью Еленой решили сами пойти к сельсовету, чтобы посмотреть, что там происходит. В доме остались лишь священник и его четырехлетний сын Александр. Вскоре раздался громкий стук в дверь. Отец Александр открыл, и сразу же вооруженными латышами наполнился дом; они потребовали:

- Собирайтесь, вас вызывают к начальнику.

- Я не могу покинуть дом, где остается только маленький мальчик, - ответил священник.

- Но начальник не может ждать! - со злобою и угрозами приступили они. И уже сами брали и зажигали свечи потолще.

Делать нечего, да будет воля Твоя! Помолившись, он надел новую теплую рясу, шапку и вышел на улицу. Был тихий осенний вечер, недавно выпал первый снежок, и из тьмы светом, символом земной чистоты, разливалась вокруг белизна. Держа горящие свечи, палачи вели о. Александра по направлению к сельсовету, участь его была решена. Как живого покойника, предназначенного для погребения, сопровождало его кощунственное шествие истязателей. Им хотелось надругаться над ним, осыпать насмешками, но они не посмели, смутились, въяве ощутив благодатную силу идущего рядом священника.

На пути они встретили идущего под конвоем о. Феодора и тогда священникам объявили, что они будут сейчас казнены.

- Тогда надо помолиться, - сказал о. Александр.

- Молись, - разрешил начальник отряда.

Священники, преклонив колена, стали молиться Богу. Блаженна и свята кончина мучеников, и светозарен непорочный Христов жребий. Получив уверение свыше о том, что душа его будет удостоена мученического венца, и даже о ближайшей участи палачей, о. Александр сказал:

- Я готов. Теперь делайте со мной, что хотите, но знайте, что все вы вскоре погибнете.

Только лишь он это сказал, палач взмахнул шашкой и рассек ему голову от правого виска до темени. Священник упал на колени и поднял руку для крестного знамения. Последовал второй удар шашкой, отсекший затылок. Но священник был жив. Палачи выстрелили в голову и в шею и дважды проткнули живот штыком до спины и единожды поперек от бока до бока.

Но диво! Священник был силою Божией жив. Страх напал на мучителей. И тогда один из них, подойдя к о. Александру вплотную, ударом в сердце его умертвил.

После этого палачи приступили к о. Феодору, который стал обличать их в жестокости и убийствах. В ответ они начали бить его по лицу, и когда он упал, палач дважды выстрелил в него. Одна пуля попала в ухо, другая - в плечо. Отец Феодор был еще жив, но они не стали его добивать: таково было впечатление от убийства безвинных священников, что каратели спешили покинуть скорей место казни:

Крестьянам в деревне они говорили:

- Ну и поп, этот Александр, никогда еще таких мы не видели.

И далее рассказали об участи, которую он им предвозвестил.

Слова о. Александра исполнились в точности. Через несколько дней весь отряд карателей был уничтожен под селом Балабановым.

На следующий день рано утром один из местных жителей при въезде в Новую Борисовку услыхал стоны. Он слез с лошади и увидел лежащего на снегу о. Феодора. Неподалеку обнаружил тело о. Александра. Он объявил об этом крестьянам, но когда они пришли, о. Феодор уже скончался.

На третий день состоялось отпевание и погребение священномучеников. На похороны собралось множество народа. Сразу же после убийства власти из боязни перед народом поспешили признать священников невиновными и прислали на погребение своих представителей, которые шли среди прихожан с белым знаменем в знак невиновности мучеников.

На девятый день после кончины о. Александр явился во сне дочери Елене и повелел ей собрать оставшиеся на месте убиения косточки, указав ей и само место. Примерно через год после кончины он явился сыну Александру, одетый в ризы ослепительной белизны.

В двадцатых годах дом священника был сожжен. Из всего имущества уцелела среди пепелища лишь фотография о. Александра, обгоревшая по краям.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Александр (Соколов) (память 16 августа по старому стилю)

Священномученик Александр родился в 1893 году в селе Озерово Тихвинского уезда Новгородской губернии в семье священника Николая Соколова. В 1915 году он окончил Новгородскую Духовную семинарию и поступил псаломщиком в храм села Ершова Череповецкого уезда Новгородской губернии. В 1916 году он был рукоположен в сан диакона ко храму села Мороцкого, а через год - в сан священника ко храму села Озерова, где прошло его детство, где он воспринял первые навыки церковной жизни и благочестия. В 1924 году о. Александр был переведен в храм села Ершова, где когда-то служил псаломщиком.

Сразу же по установлении советской власти начались гонения на Русскую Православную Церковь. Одна из форм, в которую выливались гонения, выражалась в требовании уплаты непомерных налогов и штрафов, которые в случае с о. Александром были настолько значительны, что, не имея средств заплатить их, священник вынужден был в 1924 году переехать с женой Елизаветой Александровной и тремя маленькими детьми в другое место, в Тверскую область, где он сначала служил в храмах Красно-Холмского района, а затем в селе Поречье Молоковского района.

Отец Александр все силы и время отдавал своей пастве. Местные власти запрещали служить молебны на полях и в домах прихожан, однако он, как это было принято до революции, регулярно обходил все деревни прихода. Видя его ревностное служение, паства ответно любила его. Несмотря на гонения и разрушение храмов, на то, что власти постоянно обирали приход и священника, церковь в селе Поречье ремонтировалась всякий раз, когда в том бывала нужда. Но всякий раз власти незамедлительно преследовали за это и священника, и прихожан.

В 1935 году прихожане покрасили и побелили храм, а оставшуюся от ремонта краску продали школе. Сразу после этого священник и староста были арестованы; священник был обвинен в спекуляции и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

В те годы иногда еще было возможно, если священник не был обвинен в политическом преступлении, доказать свою невиновность. Областной суд, куда дело попало из районного суда, полностью оправдал священника, и о. Александр был освобождён. В то время, когда все, что имело какое-либо отношение к Церкви, безжалостно разрушалось, прихожане о. Александра выстроили вокруг часовни новую кирпичную ограду.

В конце апреля 1937 года председатель сельсовета вызвал в контору о. Александра и потребовал, чтобы он уплатил подоходный налог вперед за следующий квартал, а также аренду за землю, на которой стояли храм и церковные постройки.

- Не тратьте зря свои силы, - ответил о. Александр, - платить я не буду, так как не подошел срок платежей.

И сказав это, священник сразу же из сельсовета ушел, не желая поддерживать пустой и небезопасный разговор.

Летом 1937 года сотрудники НКВД были оповещены о грядущих арестах всего духовенства и стали собирать о них данные. Чаще всего вызывались люди, готовые говорить и подтверждать что угодно. Один из таких рассказал сотруднику НКВД об о. Александре, будто тот сомневался в подлинности показаний подсудимых на открытых судебных процессах, где обвиняемые чересчур охотно и гладко очерняли себя и других, а также, что священник, отметив, что в районных магазинах не было хлеба, предположил, что хлеба нет потому, что местные власти дали завышенные цифры об урожайности, а

центральные власти, взяв в соответствии со своими нуждами хлеб, постановили, что оставленного (в соответствии с цифрами) будет достаточно, и отказали району в снабжении мукой и зерном.

Обвинить священника было не в чем, и осведомитель решил привести некий анекдот, будто бы рассказанный священником: "Из одной захолустной карельской местности крестьяне направили своего односельчанина к председателю ВЦИК товарищу Калинину узнать, почему сейчас берут во всем ускоренные темпы. В то время, когда этот мужичок пришел во ВЦИК со своим недоуменным вопросом, Калинин был сильно занят, он подвел мужика к одному окну и, указав на проходящий по улице трамвай, сказал: "Видел, а через пять лет их будут сотни!" Затем подвел мужика к другому окну, где был виден проходивший автомобиль, и сказал: "Видишь, а через пять лет их будут тысячи!" Мужик уехал в деревню, и когда его стали спрашивать о результатах поездки, то он применил точно такой же способ объяснения. Сначала посмотрел в окно, где увидел, что по улице несут покойника, и сказал: "Видите, а через пять лет их будут нести сотни!" Затем, подойдя ко второму окну, увидел - идет нищий, и так же, обращаясь к присутствующим, сказал: "Видите, а через пять лет их будут тысячи!"".

Наступил июль 1937 года. Прошел Петровский пост, праздник апостолов Петра и Павла, память явления иконы Пресвятой Богородицы в Казани, когда стали доходить сведения об арестах священнослужителей. Отцу Александру становилось ясно, что его арестуют, после чего храм подвергнется кощунственному разграблению. И он сложил запасной евхаристический набор в камилавку и спрятал на чердаке храма. Туда же положил напрестольный крест, дарохранительницу и лжицу.

27 июля 1937 года сотрудники НКВД арестовали священника и заключили в Краснохолмскую тюрьму. Допросили через три дня. Следователь спросил, чем занимался священник до и после революции. Отец Александр ответил, что до революции он занимался исключительно пастырской деятельностью, а после революции пришлось обзавестись небольшим хозяйством. Времена настали голодные, и подсобное хозяйство стало подспорьем, тем более что на руках была семья, два сына и дочь, все родились после революции, дочь в 1924 году. Хозяйство было небольшое: дом, амбар, сарай, гумно, баня, одна лошадь, две коровы, пять десятин земли. В 1929 году священнику было дано непосильное задание на сдачу сельскохозяйственных продуктов, и за невыполнение его хозяйство было описано и реквизировано.

Сельсовет по обыкновению выдал НКВД справку, где было сказано о необходимости ареста священника, так как он "привлекал на свою сторону отсталое население" и без регистрации в загсе отпевал покойников. "Считаем его социально опасным человеком для местного населения, который заслуживает высылки из местных пределов",- писал председатель сельсовета.

10 августа следователь вновь допросил священника.

- Когда и какие взгляды вы высказывали в связи с процессом над троцкистами во главе с Пятаковым?

- Я этим процессом интересовался и о нем читал, - ответил священник. - Из прочитанного у меня складывалось какое-то неверие в его действительность, меня удивляло то обстоятельство, что все подсудимые как-то даже хвастали своими контрреволюционными действиями, и все это я считал неестественным... Данными взглядами, насколько мне помнится, я ни с кем не делился, за исключением, возможно, своей семьи.

- Когда и какие взгляды вы высказывали в связи с затруднениями с хлебом?

- Создавшиеся затруднения в нашем районе с хлебом, так как мне хлеба в кооперации не отпускали, я лично расценивал как наличие вредительства у советской власти и создавание этого умышленно руководителями. С другой стороны, у меня складывалось мнение, что крестьяне плохо относятся к обработке земли, а поэтому и создались затруднения. Своими взглядами я ни с кем не делился.

- Расскажите, когда и кому вы рассказывали, как крестьянин посетил председателя ВЦИК товарища Калинина, и в чем заключался их разговор о темпах.

- Году в 1935-м, а может быть, в 1934-м, точно я не помню, я шел по селу Поречье и встретившийся мне около казенки выпивший мужчина стал рассказывать что-то о темпах, но я его слушать не стал и ушел, я лично о разговорах товарища Калинина с крестьянином никому ничего не рассказывал.

- В чем заключалась ваша инициатива в постройке ограды вокруг часовни в деревне Степаньково?

- В деревне Степаньково я бывал очень часто, потому что в данной деревне проживает церковная староста, к которой мне по церковным надобностям приходилось часто ходить, но инициативы в постройке ограды у часовни я не проявлял, по чьей инициативе состоялась постройка ограды, мне неизвестно.

На этом допрос был окончен. 25 августа Тройка НКВД приговорила о. Александра к расстрелу. Священник Александр Соколов был расстрелян 29 августа 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Александр (Щукин), архиепископ Семипалатинский (память 17 октября по старому стилю)

Священномученик Александр, архиепископ Семипалатинский (в миру Щукин Александр Иванович) родился 13 мая 1891 года в городе Риге в многодетной семье священника. Рос он тихим, скромным, послушным воле родителей, с детства мечтал быть священником и стремился подражать древним подвижникам. Любил запираться в комнате отца и молиться. В 1915 году он окончил М. Д. А. со степенью кандидата богословия и был назначен на должность преподавателя Нижегородской Духовной Семинарии. В 1917 году принимает постриг в мантию в Троице-Сергиевой Лавре и вскоре рукополагается в иеромонаха. С 1918 по 1923 годы служит в церкви села Лысково Нижегородской епархии вместе со своим отцом. В 1923 году состоялась хиротония отца Александра во епископа Лысковского, викария Нижегородской епархии.

Жил Владыка в Макарьевском Желтоводском монастыре, организовал преподавание Закона Божия детям. Он часто говорит проповеди, обличая безбожие и разрушителей храмов. Осенью 1928 года Святитель был арестован и заключён в тюрьму Нижнего Новгорода. Ему предложили прекратить говорить проповеди в обмен на свободу, но он отказался. Его били, запугивали, но он на всё отвечал: "Тело моё в вашей власти, и вы можете делать ним, что хотите, но душу свою я вам не отдам". По обвинению в том, что "путём произнесения проповеди с антисоветским уклоном прививал свои контрреволюционные убеждения населению", Владыка приговаривается к трём годам лагерей, которые он отбывал в Соловецком лагере, работая сначала сторожем, потом бухгалтером.

После освобождения в конце 1931 года Владыка назначается сначала на Волховское викариатство в Орловскую епархию, а с лета 1932 года - епископом Орловским. Он много проповедует, чем привлекает народ в храм. Над ним снова начинают сгущаться тучи, и сестра пишет ему: "Уйди на покой, приезжай ко мне в Лысково, пересидишь". "Как бы я вас ни любил, - отвечал архиепископ, - но я не для того взял посох, чтобы его оставить".

В сентябре 1936 года Владыка назначается на Семипалатинскую кафедру. Через год его арестовывают в Семипалатинске. Владыка не подписал ни одно из обвинений, и держался на допросах мужественно.

15 (28) октября Святитель по обвинению в "шпионаже и контрреволюционной агитации" приговаривается к расстрелу. Через два дня 17 (30 н. ст.) октября 1937 года Владыка был расстрелян.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученики Александр (Трапицын), архиепископ Самарский, и иже с ним Иоанн (Сульдин), Иоанн (Смирнов), Александр (Органов), Трофим (Мячин), Александр (Иванов), Вячеслав (Инфантов), Василий (Витебский) и Иаков (Алферов) (память 1 января по старому стилю)

Священномученик Александр (в миру Александр Иванович Трапицын) родился 29 августа 1862 года в семье диакона Иоанна Трапицына и его супруги Клавдии в селе Волме Вятского уезда Вятской губернии, "расположенном в долине, покрытой перелесками, при небольшой речке Волме... Главным занятием крестьян было здесь земледелие, но вследствие малоземелья и плохой почвы многие ходили на заработки... ремеслами же почти никто не занимался", - как описывают эти места историки и географы Вятки. У родителей было восемь сыновей, трое из них стали священниками и один епископом.

Первоначальное образование Александр получил в Вятском духовном училище, среднее - в Вятской Духовной семинарии. По окончании в 1884 году курса семинарии он, как один из лучших ее воспитанников, был послан для продолжения образования в Казанскую Духовную академию, где обучался на казенный счет. Окончив академию в 1888 году со степенью кандидата богословия, Александр Иванович был назначен на должность надзирателя в Вятское духовное училище. В этом же году он женился и 26 февраля 1889 года был рукоположен в сан священника к Всехсвятской церкви города Вятки и назначен преподавателем Закона Божия и церковной истории в епархиальное женское училище. Кроме того он состоял членом комитета школы приготовления псаломщиков, цензором проповедей и сочинений религиозно- нравственного содержания и депутатом от духовного ведомства на собраниях Вятской Городской Думы.

В 1891 году разразился голод в России. Как и многие пастыри в это время, отец Александр откликнулся на бедствие народа, призывая людей состоятельных помочь тем, кто попал в беду и лишился средств к пропитанию.

В вятском кафедральном соборе во время богослужения 14 сентября 1891 года отец Александр сказал: "Вот и ныне, слушатели христиане, постигло наше Отечество тяжелое бедствие. Божиим попущением многие местности нашего Отечества, в том числе и Вятский край, бывшие прежде хлебородными, пострадали от неурожая хлеба, и население Империи уже начинает испытывать недостаток в средствах пропитания. Это бедствие - крест Божий, ниспосланный нам во вразумление и наказание наше за грехи. Мы уже слишком далеко уклонились от того образа жития, какой начертывает нам слово Божие. Забвение Бога, неверие, погоня за наживой, благами и удовольствиями мира сего, самолюбие, своекорыстие - обычные наши страсти и пороки, низводящие нас на степень человека-язычника. Ниспосланный нам свыше крест и является спасительным врачевством против наших душевных недугов. Он побуждает нас глубже проникнуть в

наше душевное состояние, раскрыть пред нашим сознанием наши духовные язвы, приложить старание об их уврачевании и об умилостивлении прогневанной нашими прегрешениями правды Божией добрыми и богоугодными делами..."

И далее, поясняя, что же в нынешних обстоятельствах является богоугодным делом, отец Александр сказал: "Совершите, братие, святое дело сострадания бедствующим братьям: помогите им в тяжелой нужде. Не отклоняйте руки, простираемой к вам за подаянием, слагайте лепты свои в обносимые пред вами кружки, посылайте ваши жертвы в учрежденные для сбора их комитеты, чем кто может: кто имеет деньги, да уделит от них по усердию, у кого есть одежды, да подаст из одежды, а у кого есть пища, такожде да творит (Лк 3:11)".

В марте 1892 года у отца Александра родился сын, а в июле того же года он лишился супруги. В 1893 году он был назначен законоучителем Вятского Александровского училища, а в 1896 году - определен в состав Епархиального Училищного Совета. В июне 1897 года он был избран членом Совета епархиального женского училища, а в сентябре того же года назначен на должность инспектора Вятской Духовной семинарии. После смерти супруги путь отца Александра стал определяться как стезя сугубого церковного служения, путь монашеский.

26 февраля 1900 года преосвященным Алексием (Опоцким), епископом Вятским и Слободским, иерей Александр в крестовой церкви был пострижен в монашество. По случаю его пострижения были отменены занятия в трех старших классах Духовной семинарии, а семинаристы отпущены в крестовую церковь для присутствия на постриге. Для Вятской семинарии это было событие выдающееся - за последние десять лет это был всего лишь второй случай пострижения в монашество. Постриг произвел на всех присутствующих, и особенно на семинарскую молодежь, огромное впечатление и во многих сердцах не только оживил представление об иночестве, как о сугубом христианском подвиге, но и память об обетах, которые дает человек при крещении; это событие заставило многих задуматься о смысле христианской жизни. Новопостриженному было оставлено прежнее имя - Александр.

Вскоре после пострига иеромонах Александр был назначен исполняющим должность ректора Вятской Духовной семинарии. В апреле 1900 года указом Святейшего Синода он был награжден наперсным крестом.

В начале 1900 года была проведена ревизия Калужской Духовной семинарии, которую возглавил епископ Нарвский Никон (Софийский); она обнаружила много недостатков в управлении епархией, а также и в управлении Калужской Духовной семинарией, которые привели к беспорядкам среди учащихся и неподчинению их начальству. В результате ревизии Святейший Синод уволил ректора семинарии, около сорока лет пробывшего в этой должности, в заштат и поставил на вид дурное поведение учащимся семинарии, но строгие меры к ним не были применены и дано было время на исправление.

28 июля 1901 года указом Святейшего Синода отец Александр был назначен ректором Калужской Духовной семинарии и возведен в сан архимандрита. 12 декабря 1904 года архимандрит Александр в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге был хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. За месяц до его хиротонии епископ Никон (Софийский), возглавлявший ревизию в Калужской семинарии, был назначен на Владимирскую кафедру. До Владимирской кафедры он три года прослужил в Вятской епархии и хорошо знал отца Александра как ревностного церковного деятеля. Вручая ему архиерейский жезл, преосвященный Никон сказал: "...Нахожу излишним подробно разъяснять тебе, - уже давно состоящему в священном сане, проходившему священническое служение и приготовлявшему к нему юношество, высоту и вместе трудность архиерейского служения во все времена, особенно же в настоящее время, когда требуют свободы совести в деле религии для всех без исключения, даже для необлагодатствованных и непросвещенных светом учения Христова язычников, при этом людей неграмотных и совершенно умственно темных;

когда люди ищут свободы от всякого закона: человеческого и Божеского; когда никто не признает для себя авторитетов, и всякий желает сам для себя быть образцом; когда даже ученики хотят указывать, чему должны их учить, и воспитывающиеся желают по своему вкусу избирать себе воспитателей"4.

Епископ Александр в своем кратком ответном слове сказал: "Измлада наученный во всех затруднительных путях своей жизни возлагать упование на помощь Божию, я и ныне, в сей знаменательный для меня день и час жизни, нахожу для себя ободрение против страха перед своими немощами в вере и надежде на всесильную благодать Божию"5.

Определением Святейшего Синода от 19-21 ноября 1905 года преосвященный Александр был назначен на должность председателя Владимирского епархиального училищного совета.

Епархиальные власти, учитывая новые явления и веяния в общественной жизни, старались, чтобы и пастыри были в курсе происходящих событий. С этой целью под председательством архиереев, епископа Никона или епископа Александра, устраивались собрания, на которых избранные и специально подготовленные докладчики читали сообщения о событиях, происходящих в общественной жизни.

В те годы не принято было служение викарных архиереев в городах викариатства, и в первый раз епископ Александр прибыл в Муром с визитом лишь через два года после хиротонии. Он пробыл в Муроме четыре дня, во время которых служил утром и вечером; в один из дней владыка возглавил многолюдный крестный ход из Благовещенского монастыря в городской собор. За время пребывания в Муроме епископ посетил все учебные заведения и церковноприходские школы города, везде сделав пожертвования.

В декабре 1907 года были изысканы средства для открытия второго викариатства в епархии; второй викарий получил местопребывание в Муромском Спасском монастыре; в связи с этим преосвященный Александр был назначен епископом Юрьевским, первым викарием Владимирской епархии.

В июне 1912 года преосвященный Александр получил назначение на Вологодскую кафедру. 19 июня 1912 года владыка выехал в Санкт-Петербург, куда он был вызван Святейшим Синодом и где, в частности, встретился со своим предшественником по Вологодской кафедре, епископом Никоном (Рождественским). Вернувшись из столицы 22 июня, он в течение пяти дней прощался с паствой и сотрудниками тех церковных учреждений, с которыми был непосредственно связан, а это были все учебные заведения города Владимира. В ночь на 28 июня владыка выехал в Вятку, чтобы перед переездом в Вологду навестить своих престарелых родителей. 12 июля он прибыл в Вологду, где его встретил епископ Вельский (Антоний Быстров), викарий Вологодской епархии, с многочисленным духовенством. После встречи владыка сказал собравшимся, что когда он получил назначение на Вологодскую кафедру, им поначалу овладело смущение, так как эту кафедру ранее занимали многие великие светильники Православной Церкви, к каковым принадлежит и только что отбывший из Вологды преосвященный Никон; смущение его было столь велико, что даже появилось желание остаться на прежнем месте, но при мысли о том, что это назначение состоялось по воле Пастыреначальника Господа Иисуса Христа, он бодрился, положившись Божию и на молитвы святых угодников земли Вологодской.

Архиерейское служение в Вологодской епархии владыка начал с объезда монастырей и приходов. Он сразу же посетил Спасо-Прилуцкий монастырь, Успенский женский монастырь в Вологде, Корнилиев Комельский монастырь вблизи города Грязовца, Павло-Обнорский монастырь и другие, останавливался во многих приходах и почти каждый день совершал богослужения.

Деятельно участвуя как архипастырь во всех религиозных мероприятиях епархии, владыка видел, что у современных христиан угасает ревность к духовной жизни, вера становится теплохладной, от этого расстраивается жизнь приходов; в селах храмы еще имеют постоянных прихожан, в городских приходах постоянных прихожан уже почти нет.

Благотворительность хотя и не была оставлена вовсе и даже несколько возродилась с началом Первой мировой войны, но и в делах благотворительности, как и в делах прихода, деятельно участвовала лишь небольшая часть прихожан. "Созвать приходское собрание для разрешения возникающих вопросов по благотворительной деятельности в приходе и даже для ознакомления тем, как употребляются собранные на помощь бедным средства, чрезвычайно трудно. Горький опыт всех городских приходов свидетельствует, что в таких собраниях участвует едва одна десятая часть прихожан, имеющих право голоса, а, остальные девять десятых остаются безучастными к общему делу. Не так было в старину, - писал владыка, обращаясь к Вологодской пастве. - Прежде любили свои храмы. Чем иначе объясните вы само обилие храмов в нашем городе? Населения было несравненно меньше, приходы были малочисленнее, а между тем - смотрите, какие величественные храмы созидались и богато украшались. Поддержать созданное нашими благочестивыми предками церковное благолепие мы едва в состоянии". Вызывало беспокойство архипастыря и отсутствие духовной связи между членами приходской общины, которые зачастую оказывались едва знакомы друг с другом.

Для преодоления этих явлений и упорядочения жизни в приходах епископ Александр созвал общее собрание пастырей всех городских церквей Вологды для совещания по вопросу о приходской реформе и выработке специального обращения архипастыря и пастырей к православному населению города. В нем они призывали, чтобы каждый православный житель города определился, какой храм он считает своим приходским - по рождению ли в этом приходе, по месту ли жительства или по духовной связи с пастырем, дабы хотя бы как-то упорядочить духовную жизнь православных жителей города.

В 1917 году в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви, и епископ Александр стал принимать деятельное участие, как в общих заседаниях Собора, так и в отделах: о церковной дисциплине, о церковном суде, о монастырях и монашестве, о правовом и имущественном положении духовенства, о благоустройстве прихода.

Во время начавшегося после революции 1917 года гонения на Русскую Православную Церковь от пришедших к власти безбожников владыке почти сразу же пришлось испытать его тяжесть. 4 (17) апреля 1919 года по распоряжению властей специально созданная для этой цели комиссия вскрыла раку с мощами преподобного Феодосия Тотемского. Вскрытие раки вызвало бурю протестов православных жителей города, и епископ направил председателю Вологодского губернского исполкома письмо, в котором писал: "Управление Тотемского Спасо-Суморина монастыря рапортом на мое имя от 5 (18) сего апреля донесло мне нижеследующее: сего 4 (17) апреля по окончании Божественной литургии явилась в храм комиссия с участием четырех врачей для освидетельствования святых мощей преподобного Феодосия и тотчас же приступила к внешнему осмотру раки и гроба со святыми мощами...

По приказанию членов комиссии все одежды, покрывавшие святые мощи, были с оных сняты и удалены, после чего секретарем Божковым и врачами были тщательно освидетельствованы все члены святых мощей. А затем приказано было поставить гроб со святыми мощами в наклонном положении, дабы часть гроба с помещающеюся в оном главою преподобного была приподнята, и в таком виде с преподобного было произведено два фотографических снимка. Засим вставали на стол члены комиссии и, взявши в руки обнаженные святые мощи, также и главу, показывали их народу, в значительном количестве наполнявшему храм. А после этого предложено было проходить мимо стола, на котором положены были святые мощи, всем желающим, касаться святых мощей, брать их в свои руки. Со святых мощей, вынутых из гроба и держимых в руках, также с главы и рук был произведен еще фотографический снимок.

После этого комиссия вынесла постановление, чтобы святые мощи были оставлены обнаженными и положены были на верхней крышке кипарисного гроба, помещающегося в раке, а сверху были покрыты стеклянным футляром, взятым с плащаницы, что и было приведено в исполнение. Поверх футляра были положены печати...

Сообщая о вышеизложенном, прошу срочного распоряжения Вашего о немедленном прекращении описанного необычайно кощунственного положения останков преподобного Феодосия Тотемского, которое может вызвать великое смущение среди православного населения...".

Власти отказались удовлетворить просьбу епископа и вместо ответа поместили в газетах циничную статью председателя губернского исполкома. Владыка, желая объяснить суть церковной позиции, направил ему второе письмо, в котором писал: "Очень рад, что своим ответным письмом... на мое к Вам обращение с просьбой о прекращении выставления обнаженных останков преподобного Феодосия Тотемского в удовлетворение праздного любопытства толпы Вы даете мне повод изложить истинный взгляд Церкви на святые мощи.

Наша Православная Церковь никогда не смотрела на мощи святых угодников Божиих как на непременно и совершенно целые нетленные тела, ибо это было бы не согласно со словом Божиим, по которому только один Богочеловек наш Иисус Христос не увидел тления... все же люди, в силу определения Божия "земля еси, и в землю отъидеши", должны подвергаться и подвергаются тлению...

Но есть "люди, имеющие ревность Божию не по разуму, которые утверждают, будто мощи святых непременно суть совершенно нетленные, т. е. совершенно целые, нисколько не разрушенные и не поврежденные тела". Мнение этих людей, как одностороннее и неправильное, и приносит много вреда Церкви. Церковь же под мощами разумеет вообще останки святых в виде ли более или менее целых тел (костей с плотью) или в виде одних костей без тела.

Такое понимание Церкви явствует уже из самого названия останков святых "мощами". По филологическому исследованию профессора Голубинского, слово "мощи" главным и собственным образом означает не целое тело, а части тела: древнеславянское "моща" в единственном числе значит остаток, множественное "мощи" - остатки...

Еще более в указанном понимании Церковью мощей как останков, больших или меньших, от тел святых или как только одних костей их, убеждают исторические свидетельства Церкви греческой и русской. Приведем некоторые из них. Так Блаженный Иероним в сочинении против Вигилянция, жившего во второй половине IV века, говорит о мощах апостолов Петра и Павла как о костях... Мощи апостолов Андрея, Луки и Тимофея, перенесенные в Константинополь в 356-357 гг., были кости, ибо хранились в небольших ящиках, которые патриарх в торжественных процессиях, ездив в колеснице, держал у себя на коленях. Мощи ветхозаветного патриарха Иосифа и Захарии, отца Предтечи, перенесенные в Константинополь в 415 году, были кости, ибо помещались в малых ящиках. Святой Иоанн Златоуст в своих речах о мощах святых многократно называет их костями... или же костями, которые сопровождает прах... от разложившихся тел. Так, в слове похвальном в день святых мучениц дев Вероники и Просдоки и матери их Домнины (память 4 октября) говорит: "Могут и гробы мучеников иметь великую силу, как и кости мучеников имеют великую мощь..." В слове на день мучеников говорит: "Побудь у могилы мучеников, обоими гроб, пригвоздись к раке: не только кости мучеников, но и могилы и раки их великое источают благословение".

...Подобно греческой Церкви, и в нашей русской Церкви под мощами святых всегда разумелись останки от тел святых угодников, большие или меньшие, или, что чаще всего, только одни кости... Чествуя останки святых, христиане почитают чрез них присущую им чудодейственную силу, или благодать Божию. Они не "творят из них кумира", не воздают им Божеского поклонения, а чествуют их только как земные посредства, орудия благодати и силы Божией, отнеся всю честь к Самому Господу Богу, Владыке святых, избравшему их останки для прославления чрез них Своего могущества и силы. Отвергать такое чествование значило бы отвергать то, что прославляется Самим Богом к нашему почитанию...".

Но и на это письмо был получен от властей отрицательный ответ. 29 мая 1919 года, в день праздника Вознесения Господня, в монастырь собралось множество богомольцев из дальних и ближних мест. Во все предыдущие годы в этот день мощи преподобного Феодосия переносились из зимнего храма в летний. После окончания ранней литургии народ обратился к настоятелю Спасо-Суморина монастыря игумену Кириллу (Ильинскому) с просьбой - положить святые мощи в гроб. Настоятель ответил, что исполнение просьбы зависит от разрешения властей. Народ двинулся за разрешением в исполком, но здесь ему было категорически отказано в просимом.

После окончания поздней литургии народ, занимавший всю площадь перед собором, стал снова требовать, чтобы святые мощи были положены в гроб, а затем люди сами сорвали печати с футляра. Игумен Кирилл переложил мощи, и "в сослужении братии и городского духовенства с молебным пением Спасителю, Божией Матери и преподобному Феодосию святые мощи были обнесены вокруг храмов обители и внесены в летний храм".

Сразу же после окончания вечерни власти арестовали и заключили в тюрьму настоятеля, казначея, духовника, благочинного, двух иеродиаконов и двух монахов, и в обители остались иеродиакон, два монаха и послушники; по этой причине богослужения в монастыре прекратились.

19 июня 1919 года гроб с мощами преподобного Феодосия был снова вскрыт властями, а мощи помещены под стеклянный футляр и опечатаны. Уездные власти, опасаясь волнений среди населения, обратились с просьбой к губернским властям, чтобы те разрешили увезти мощи в Вологодский музей, а монастырь закрыть. Такое разрешение было получено, и ночью 26 сентября 1919 года мощи преподобного Феодосия были тайно перевезены в Вологду, а монастырь закрыт. Тысячи верующих Вологды и окрестностей направили ходатайства к властям с просьбой возвратить мощи в храм. В одном из ходатайств они писали: "Мы... знаем, что такое мощи. Мы почитали и почитаем их как останки дорогого для нас угодника Божия, который в своей земной жизни исполнением заповедей христианского учения, добрыми делами, смиренным поучительным житием, праведною кончиною и молитвенной помощью при жизни и по смерти утешал и утешает сердца верующих...". Но несмотря на обращения епископа и верующих, мощи преподобного Феодосия в то время не были возвращены.

В 1923 году власти арестовали епископа Александра; он был обвинен "в связи с монашеством и агитации" и осужден на шесть месяцев принудительных работ в концлагере. По возвращении из заключения преосвященный Александр получил назначение на кафедру в Симбирск, а затем был назначен епископом Симферопольским и Крымским и на этой кафедре прослужил девять месяцев. В 1928 году епископ Александр был возведен в сан архиепископа и назначен на Самарскую кафедру.

В начале тридцатых годов власти Самарской области закрыли многие храмы и произвели массовые аресты среди духовенства. Архиепископ видел - дело может дойти до того, что будут арестованы все священнослужители епархии и некому будет совершать таинства. И владыка стал рукополагать священников из среды благочестивых мирян. Некоторым из них он советовал устроить у себя в доме церковь, заранее собрав для этой цели иконы; одному из них, кузнецу Ивану Авдейчеву, устроившему в своем доме домашнюю церковь, высокопреосвященный Александр подарил икону в серебряной ризе.

В епархии среди духовенства возникло разномыслие относительно "декларации" митрополита Сергия, но архиепископ Александр не стал спорить с инакомыслящими и прибегать к дисциплинарным мерам. Благодаря его огромному авторитету, все священники остались в его подчинении, и в епархии удалось избежать смятения.

Летом 1933 года продолжились аресты среди духовенства Самарской епархии. Против владыки Александра было возбуждено дело; архиепископу шел семьдесят первый год, и ОГПУ оставило его на время проведения следствия на свободе, взяв с него подписку о невыезде. Власти обвинили высокопреосвященного Александра в том, что он являлся "руководителем контрреволюционной группы церковников... Неоднократно руководил

нелегальными сборищами в своем доме... на которых давал антисоветские установки. Вел проповедническую работу в антисоветском духе, обрабатывал религиозных фанатиков для принятия ими сана попов. Вел антисоветскую агитацию среди крестьян, приезжавших к нему из деревни для подыскания попов".

В начале августа 1933 года следователь ОГПУ допросил архиепископа. Владыка, отвечая на вопросы следователя, сказал, что он действительно в последнее время часто рукополагал в священный сан, но разговоров с Целью "влиять на присутствующих в антисоветском духе" не вел. Проповеди в храме он действительно произносил, но только духовно-нравственного содержания. "Слов "сделал бы что-нибудь, да стар стал" не говорил... что "в колхозе крестьяне мрут с голода" не говорил... Не отрицаю, что мной было предложено старосте купить по просьбе дочери сосланного епископа два облачения с целью оказания ему материальной помощи".

23 августа 1933 года следствие было закончено, и 29 октября Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Александра к трем годам ссылки на Урал в Екатеринбургскую область. Вернувшись из ссылки, архиепископ поселился в Симбирске; в 1936 году переехал в Самару, где служил по благословению правящего Самарского архиерея в Петропавловском храме.

В 1937 году гонения на Русскую Православную Церковь усилились и почти все духовенство Самары было арестовано. 30 ноября 1937 года был арестован и архиепископ Александр. Свободных мест в следственной тюрьме не было, и подследственных содержали в бараках исправительно-трудовой колонии.

13 декабря 1937 года следователь допросил владыку.

- Вы арестованы за активное участие в подпольной контрреволюционной церковно-сектантской организации. Дайте по этому вопросу подробные показания.

-Я не принимал участия в подпольной контрреволюционной церковно-сектантской организации.

- Вы говорите неправду, у следствия имеются материалы, устанавливающие ваше активное участие в указанной организации. Вы были связаны с врачом Иваном Семеновичем Котовым, которого вовлекли в "тайное общество духовенства". С ним вы вели переговоры о рукоположении его в тайные священники с целью проникнуть в дома интеллигенции и верующих.

- С Котовым у меня связи не было, я его знал как верующего врача, посещающего церковь, в которой бывал и я.

- Вы отрицаете активное участие в контрреволюционной... организации и работу с Котовым по подготовке его в тайные священники? У следствия имеется материал, подтверждающий это. Я вам зачитаю выдержки по этим вопросам.

Следователь зачитал лжесвидетельства, выслушав которые, архиепископ ответил:

- Участие в контрреволюционной организации, а также работу с врачом Котовым по зачитанным вами выдержкам я отрицаю.

Одновременно с архиепископом Александром было арестовано двадцать три священника и двое мирян. Некоторые из арестованных, несмотря на все усилия следователей принудить их к лжесвидетельству, держались мужественно, не оговорили ни себя, ни других и приняли мученическую кончину.

Священномученик Иоанн родился в 1880 году в городе Ардатове в семье крестьянина Иосифа Сульдина. После окончания семинарии он был рукоположен в сан священника и служил в городе Сызрани. В 1931 году отец Иоанн был арестован и приговорен к трем годам заключения в концлагерь. После отбытия заключения в 1933 году он снова был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Северный край. Из ссылки отец Иоанн приехал в Самару. 30 ноября 1937 года он был арестован.

Священномученик Иоанн родился в 1873 году в селе Новые Рачейки Самарской губернии в семье священника Василия Смирнова. Окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника; служил в храмах Самарской епархии. Во время гонения

на Русскую Православную Церковь в 1937 году отец Иоанн был арестован и заключен вместе с архиепископом Александром и другими священниками в исправительно-трудовой лагерь.

Священномученик Александр родился в 1873 году в селе Туарин Самарской губернии в семье диакона Александра Органова. С 1894 по 1898 год Александр Александрович служил в 1-й дивизии 1-го Преображенского полка рядовым, а затем был назначен ротным писарем. Выйдя в отставку, он стал служить в храме псаломщиком, и в самый разгар послереволюционных гонений принял сан священника и затем служил в храмах Самарской епархии до ареста в 1937 году.

Священномученик Трофим родился в 1888 году в селе Брыковка Саратовской губернии в семье крестьянина Григория Мячина. Образование получил в Духовной семинарии и был рукоположен в сан священника. В 1933 году власти арестовали его и он был приговорен к трем годам заключения в концлагерь. В 1936 году отец Трофим был освобожден, а через год при усилении гонений на Церковь вновь арестован.

Священномученик Александр родился в 1866 году в Самарской губернии в семье священника Петра Иванова. Окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Служил в храмах Самарской епархии. С 1909 по 1930 год отец Александр служил в храме села Кривая Лука. В 1930 году власти арестовали священника и обвинили в контрреволюционной деятельности, заключавшейся в том, что он будто бы противодействовал устроению колхозов, но отец Александр все эти обвинения, как ложные, отверг. Несмотря на это, он был приговорен к пяти годам ссылки в Северный край.

После двух лет пребывания в ссылке здоровье священника расстроилось настолько, что он не в силах стал выполнять определенную для него рабочую норму; перестал получать продуктовый паек и от голода все сильнее слабел. Видя, что ему грозит голодная смерть, он решил бежать из ссылки на родину. В июле 1933 года отец Александр купил билет и сел на поезд. Из документов у него была только выписка из метрической книги о рождении, но всё же он благополучно добрался до Самары. В 1937 году НКВД снова арестовал отца Александра.

Священномученик Вячеслав родился в 1883 году в семье писаря Александра Инфантова. Учился в Духовной семинарии, по окончании которой был рукоположен в сан священника. В 1930 году власти арестовали его и продержали около полугода в Самарской тюрьме. В 1937 году он вновь был арестован.

Священномученик Василий родился в 1873 году в селе Н.-Бинарадка Самарской губернии в семье священника Иоанна Витевского. Окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Служил в храмах Самарской епархии. В 1929 году власти арестовали отца Василия и приговорили к трем годам ссылки в город Саратов, где он в 1931 году снова был арестован и приговорен к десяти годам заключения в концлагерь. Незадолго до 1937 года отец Василий был освобожден и вернулся в Самару, здесь 30 ноября 1937 года он был вновь арестован.

Священномученик Иаков родился в 1878 году в селе Шламка Самарской губернии в семье крестьянина Иоанна Алферова. До революции Иаков Иванович преподавал в школе; после революции, когда начались гонения на Церковь, принял сан священника и служил в храмах Самарской епархии. В 1930 году власти арестовали священника, приговорили к трем годам заключения в концлагерь и отправили на каторжные работы на Беломорско-Балтийский канал. В 1933 году отец Иаков вернулся на родину. При усилении гонений в 1937 году он был вновь арестован.

Архиепископ Александр был обвинен в том, что "объединил в Куйбышеве всех безместных попов, главным образом прибывших из ссылок. Этим попам создавал авторитет среди верующих... "страдальцев за веру", что использовалось для антисоветской повстанческой и контрреволюционной фашистской агитации. Сам лично вел погромно-повстанческую агитацию..."

Ни владыка Александр, ни вернувшиеся из ссылок и концлагерей священники, арестованные вместе с ним, не признали себя виновными и отвергли все обвинения. 21 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила их к расстрелу.

Архиепископ Александр (Трапицын), священники Иоанн Сульдин, Иоанн Смирнов, Александр Органов, Трофим Мячин, Александр Иванов были расстреляны 14 января 1938 года. Из-за массовости расстрелов остальные приговоренные к расстрелу священники попали в следующую группу. Священники Вячеслав Инфантов, Василий Витевский и Иаков Алферов были расстреляны 8 февраля 1938 года. Все расстрелянные священномученики были погребены в общей безвестной могиле.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик протоиерей Александр Михайлович Туберовский (память 10 декабря по старому стилю)

Священномученик протоиерей Александр Михайлович Туберовский родился в семье священника в селе Макавеево, Касимовского уезда Рязанской губернии 8 марта 1881 года. В 1896 году он окончил Касимовское Духовное училище, а в 1902 году - Рязанскую Духовную Семинарию. Через год он поступает вольнослушателем в Московскую Духовную Академию, и с 16 августа 1907 года становится её профессорским стипендиатом. 28 августа 1907 года его назначают преподавателем Калужской Духовной Семинарии по предметам основного, догматического и нравственного богословия, ас 16 августа 1911 года - исполняющим должность доцента М. Д. А. по кафедре догматического богословия.

11 октября 1917 года Александр Михайлович защищает диссертацию "Воскресение Христово. Опыт Православно-мистической идеологии догмата". Это была единственная работа, написанная богословом новейшего времени, посвящённая главному догмату Христианской Церкви. Защита этого труда началась 1 сентября 1915 года и вызвала самый острый за всю историю М. Д. А. диспут. В нём принимали участие все ведущие богословы того времени, включая профессора Митрофана Димитриевича Муретова, составившего отзыв и являвшегося в то время "единственной живой связью молодой Академии с Академией старой", и священномученика отца Павла Флоренского (память 25 ноября).

Туберовский получает после защиты степень магистра и назначается на должность доцента Академии. Уже через месяц он становится экстраординарным профессором М. Д. А. За магистерскую диссертацию А. М. Туберовскому присуждена 2-я премия митрополита Макария.

В 1919 году, в связи с закрытием Духовной Академии, Александр Михайлович выезжает к себе на родину в село Макавеево, где берёт в жёны купеческую дочь Татьяну Димитриевну Третьякову, имевшую высшее университетское образование. В 1922-1924 годах, в разгар антицерковных гонений, он исповеднически принимает священство и служит вместе со своим отцом в селе Макавеево.

13 (26) сентября 1937 года протоиерей Александр Михайлович был арестован, а 10 (23) декабря этого же года 23 человека, среди которых был и отец Александр, приняли мученическую кончину, будучи расстреляны в пределах Рязанской области.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобный Алексей Бортсурманский (память 21 апреля по старому стилю)

Много лет тому назад в селе Бортсурманы (Симбирской губернии1 Курмышского уезда) жил праведный старец священник о. Алексей. Со всех сторон шло к нему множество народа. Далеко расходилась молва о его праведности и угодности Богу. Кто бы ни приходил к нему, всех он принимал с любовью. Для богатого, равно и для убогого, всегда, во всякое время были открыты двери его дома. Шли к нему больные и страждущие, шли со всяким горем, несчастьем и нуждой, и никто не уходил без помощи, совета и утешения.

Вся жизнь его была посвящена Богу и ближним и была поистине труженическая и святая. Все время пребывал он в непрестанной молитве, незлобии и добрых делах. Молился не только днем, но и ночью, молился неустанно и непрерывно, не давая себе покоя телесного, до самой смерти. За праведность свою получил он от Бога великие дары: дар прозорливости и благодать исцеления. Преподобный Серафим, чудотворец Саровский, высоко ставил его молитвенный подвиг и почитал его за великого угодника и подвижника Божия. Преподобный Серафим никогда не встречался с о. Алексеем, но знал его хорошо по своей святой прозорливости и говорил про него такие слова: "Сей человек своими молитвами подобен свече, возженной пред престолом Божиим. Вот труженик, который не имея обетов монашеских, стоит выше многих монахов. Он как звезда горит на христианском горизонте". Когда к преподобному Серафиму приходил кто-нибудь из той местности, где жил о. Алексей, он всегда этих людей отсылал обратно, смиренно уверяя, что у них есть свой усердный ходатай и молитвенник пред Богом, священник села Бортсурманы о. Алексей, который нисколько не ниже его, Серафима.

Иной человек и возгордиться бы мог, видя, как его все почитают, но о. Алексей не только никогда не гордился и не возносился ни перед кем, а напротив ставил себя всегда ниже всех людей и почитал за самого большого грешника. Как многие древние праведники и угодники Божии, он до самой смерти неустанно скорбел о своей греховности и своем недостоинстве перед Богом.

Дожил о. Алексей до глубокой старости, и когда наступило время ему умирать, то народ сильно плакал по нему. Он всех утешал, просил не печалиться и говорил, что он не совсем уходит от народа, что кто его будет помнить, того и он не забудет. Непонятны были эти слова людям, и никто не умел истолковать их. Впрочем, вскоре после его кончины все прояснилось.

Приехали в Бортсурманы две купчихи, мать с дочерью, и остановились в избе, недалеко от дома священника. Стала дочь рассказывать, что привезла свою больную мать к о. Алексею, чтобы он помолился о ее исцелении. Мать ее была безумная и буйная к тому же. Хоть и далеко жили они от Бортсурман, а все-таки и до них дошел слух, что много таких больных возят к о. Алексею, и что все они по молитве его получают исцеление. Когда дочь узнала, что о. Алексея несколько дней уже как схоронили, то заплакала и стала жаловаться на судьбу, что теперь уже некому помочь ее матери. Дочь заливается слезами, а мать буйствует, непристойные слова выкрикивает, о. Алексея псом ругает. Так стало тяжко несчастной, что попросила она добрых людей покараулить ее мать, а сама побежала на могилу о. Алексея: захотелось ей хоть немного поплакать на ней, хоть немного душу свою отвести. Отслужила по нему панихиду, поплакала, помолилась и пришла домой, мать ее сидит на лавке, совершенно спокойно, разумно со всеми разговаривает, не шумит, не бушует, словно больна никогда не бывала. Переночевала здесь дочь с матерью и на другое утро повезла ее домой совсем здоровой. Тут только понял народ, что значили слова, которые говорил о. Алексей перед смертью: "Кто меня будет помнить, того и я не забуду", и с тех пор стали ходить к нему молиться на могилу, как прежде, при жизни его,

ходили к нему самому. И много людей ходит до сего дня на могилу с молитвою, и много чудес творится на ней.

Родился о. Алексей Гнеушев 13 мая 1762 года. Отец его был священником. Когда подошли года, отец отдал его учиться в духовную семинарию в Нижний Новгород, которую он окончил в двадцать два года. Преосвященный Нижегородский Дамаскин посвятил его во диаконы Успенской церкви села Бортсурманы, а через тринадцать лет преосвященный Нижегородский Павел посвятил его во священники к той же самой церкви. При ней он служил до глубокой старости, при ней и схоронен.

Первое время своего служения о. Алексей не отличался особенной строгостью жизни и предавался иногда пьянству. Но жизнь его круто изменилась после одного случая. Раз как-то ночью приехали его звать к умирающему в соседнюю деревню. Отец Алексей рассердился на посланного, стал ему выговаривать за то, что он тревожит его по пустякам, что, верно, больной не так уж плох и доживет до утра, что нечего было будить его ночью; отправил посланного назад, а сам лег спать. Но заснуть, однако, не мог: все ему мерещился крестьянин, к которому его звали. Наконец он не выдержал и поехал к нему. Застал он его уже мертвым на лавке под образами, а рядом с ним стоял Ангел со Святою Чашею в руках. Это видение так поразило о. Алексея, что он упал на колени перед покойником и всю ночь молился. Вернулся домой он уже другим человеком. С этого дня он всего себя посвятил служению Богу и людям; с этого дня повел праведную, подвижническую и святую жизнь, которой не изменил до самой кончины. Каждый день он неизменно служил обедню и, насколько было сил и возможности, придерживался монастырского устава и келейного правила. Правило у него было такое: полуночное - полуночница, 12 псалмов избранных, житие святого того дня, из пролога поучение того дня; утреннее - молитвы утренние, часы, акафист или преподобному Сергию, или великомученице Варваре, или святителю Митрофанию; полуденное - четыре кафизмы; вечернее - канон Спасителю с акафистом, канон Ангелу Хранителю, молитвы на сон грядущим; при этом он клал поклоны с молитвой Иисусовой. Ночью при всяком пробуждении также клал поклоны. Вообще всех поклонов в течение суток у него было 1500.

Все время, которое оставалось у него от треб и служб церковных, он принимал приходивших к нему людей. Желавших предпринять какой-нибудь подвиг он или благословлял на него, или же отговаривал, смотря по Божию откровению и указанию; больных и немощных исцелял по святым молитвам своим; страждущих утешал и укреплял словом Божиим; порой читал приходившим к нему наставления, но всегда с такой кротостью и любовью, что невольно привлекал к себе сердца и глубоко действовал на слушателей. Единственно, к кому он относился с большой строгостью, были колдуны и ворожеи; их он даже не впускал к себе и приказывал передавать им, что примет их только тогда, когда они покаются перед Богом и бросят свое бесовское занятие. Порицал он не только самих колдунов, но и всех, кто к ним обращался.

Бедных и неимущих о. Алексей наделял чем мог. Часть денег, которые он получал от богатых почитателей, он отдавал на украшение Бортсурманской церкви, остальные раздавал неимущим. Сам он ничего с них не брал, даже за исполнение церковных треб. Бедным раздавал холсты, чулки, лапти собственной работы и другие вещи. Лапти плел обыкновенно после обедни, садясь на лавочке перед своим домом. Очень часто крестьяне, которых постигало бедствие, например, пожар или падеж скота, находили у себя неизвестно кем подкинутые деньги, которые помогали им заново отстроиться и поправить хозяйство. Никто не знал, откуда приходила им эта милостыня, пока однажды не увидели, как о. Алексей тайком клал деньги одному погоревшему мужику.

Порой, когда у о. Алексея оставалось немного свободного времени, он занимался полевыми работами и разного рода домашними делами. Был у него небольшой пчельник, который он сам завел. Как сам о. Алексей не любил праздности, так и других всегда учил трудиться.

Семейство о. Алексея состояло из жены Марии Борисовны, женщины очень трудолюбивой и набожной, сына Льва и двух дочерей: Надежды и Татьяны. Позднее у него жили восприемная дочь Матрона и родной брат его Александр, заштатный дьякон.

Как уже было сказано раньше, за праведность свою получил о. Алексей от Бога дар целения и прозорливости. Удостоился он также от Бога многих видений и откровений. Одно из видений записано игуменией Арзамасского монастыря Марией, которую о. Алексей очень уважал и которой рассказывал про себя то, чего не открывал другим людям. Вот как она говорит: "Во время опасной болезни, когда сей праведный старец лежал на одре своем с великим терпением, он удостоился слышать такое сладкое пение, которое никакой язык человеческий передать не может, и Сама Царица Небесная с великомученицей Варварой, одеянная в белые ризы, посетила раба Своего страждущего и без всяких врачей сотворила его здрава".

Сам о. Алексей также записывал свои видения и откровения, и в его записках говорится, что однажды ночью ему явился Господь Иисус Христос в царской одежде, пришедший с неба, и благословил его. Рядом со Христом стояли три девы в белых одеждах, то есть три добродетели: Вера, Надежда и Любовь; явилась с неба и Царица Небесная, и слышал он голос, который вещал: "Сей есть Сын Мой единородный, Сын Божий".

Во время французского нашествия, в 1812 году, о. Алексей молился за обедней, чтобы Господь даровал России победу над врагом, и вдруг он увидел Ангела, посланного Богом, который возвестил ему, что силы небесные двинулись на помощь, что враг будет сокрушен, и что возрадуется вся Россия.

Однажды за обедней, когда о. Алексей произносил слова: "Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим ниспославый..." - он услыхал голос, сходящий с неба на Тело и Кровь Христову, и голос этот вещал: "Сей есть Сын Мой возлюбленный".

В другой раз услыхал о. Алексей райское пение и увидал Самого Господа, Который повелевал ему пасти стадо Христово: "Паси овцы Моя, паси избранныя Моя, и внемли стаду Моему. Аз же тя поставив над оным стадом горою святою Моею и стража церкви".

14 февраля 1814 года за божественной литургией возвещено было ему от Ангела Господня, что с этого дня он начал проходить ангельскую службу, и в ту же ночь в сонном видении он поклонялся в алтаре Сущему в огне и в свете неизреченном Самому Богу.

За девять лет до своей кончины о. Алексей вышел за штат и передал свое место о. Павлу Вигилянскому, женатому на его внучке от старшей дочери Надежды. Передав свое место, он передал также и все заботы по дому и хозяйству о. Павлу и уже больше не входил в них. Сам он перешел в малую келью, построенную под одной крышей с домом. В келье этой было одно окно, всегда занавешенное, которое выходило к церкви. Удалив от себя всякие мирские хлопоты, о. Алексей предался молитвенному подвигу. Домашние не тревожили его в уединении и приходили только в тех редких случаях, когда требовались их услуги.

На вид о. Алексей в это время был совсем дряхлым и согбенным старцем. Лицом своим, как говорят, он был очень похож на преподобного Серафима. Глаза светились миром и любовью, какой-то внутренней духовной радостью и словно озаряли все вокруг него. Взор у него был проникновенный. Казалось, что он насквозь видел каждого человека и читал в его душе самые сокровенные мысли. Роста о. Алексей был небольшого и очень худ. Голос у него был тихий и мягкий, как в обыденной жизни, так и при совершении службы Божией. В одежде он придерживался крайней простоты и суровости, как и вообще во всей своей обстановке. Белье носил из простого крестьянского холста; рясы он почти не надевал, а ходил в полукафтане из нанки. Последние тридцать лет своей жизни он совсем не ходил в баню, а под конец носил власяницу, в которой его и похоронили по его желанию. Спал он на жестком войлоке; ходил постоянно в лаптях, а сапоги надевал только в храм Божий. К старости от долгих молитвенных стояний у него сильно болели и пухли ноги, и он дома иногда ходил в вязанках. В маленькой убогой келье его были

только небольшая печь, жесткая постель; стол с несколькими стульями и аналой, поставленный перед образом с теплящейся лампадкой.

Главным занятием его была молитва и совершение служб церковных. По заповеди апостольской о. Алексей молился непрестанно. Он и раньше придерживался монастырских уставов и келейных правил, а тут, с переходом в келью, он уже со всей строгостью мог исполнять их. В какое бы время ни входили к нему, его всегда заставали молящимся. Служил о. Алексей почти каждый день, даже и тогда, когда вышел за штат. Уставов он не любил сокращать и всегда строго относился к небрежности в службе. Пищу вкушал только один раз в день. Мяса не употреблял совсем. По средам и пятницам не вкушал ничего горячего; строго соблюдал посты и во время постов не вкушал ни рыбы, ни масла. В первую и последнюю неделю Великого поста никто в доме не знал, чем он питался; в эти дни, по его приказанию, ему вовсе не приносили никакой пищи.

Так велика была его вера и любовь ко Всемогущему Богу, так глубоки и искренни были его молитвы, что враг рода человеческого, по своей исконной злобе к Богу и людям, не мог оставить его в покое и посылал ему многие искушения. Про искушения эти о. Алексей рассказывал игумении Марии, и вот что ею было записано с его слов: во время ночных молитв и поклонов враг так сильно смущал его, что приподымал от земли и сильно ударял об пол, и только Божие подкрепление и защита хранили его. Когда же, по немощи телесной, он успокаивался сном, то и тут бесы не оставляли его разными видениями; например, толкали его и кричали: "Что ты спишь? Царь едет", или: "Пожар у тебя в келье, и ты погибнешь", или: "Воры расхитят все у тебя!" Каждый раз, пробуждаясь от таких видений, праведный иерей творил поклоны или читал Псалтирь и тем укреплял телесную немощь. В собственных записках о. Алексея есть такие слова: "Попусти Бог на мя искушение и множество многое дьяволов снидеся; едва-едва мог именем Господа Бога моего избавитися от них. И литургию едва мог отправити, сопротивляхся им и заступи мя Пречистая Богородица Владычица и святые Ангелы и угодники Христовы, а, впрочем, что скорбей и болезней от злых диаволов принял, также нощных злых видений Божиим попущением за грехи мои тяжкие, но милости Божиею спасен был". Однажды, измученный диавольскими искушениями, о. Алексей молился перед образом Спасителя, чтобы Господь разлучил его душу с телом. В ответ на эту молитву о. Алексей увидал, что образ Спасителя прослезился, и услыхал голос, который обещал ему венец праведный.

Как сам о. Алексей молитвой и постом отгонял от себя искушения, так он и других всю жизнь учил бороться с ними и твердо верить в помощь Божию. Вот какими словами поучал он, например, игумению Марию в одном своем письме к ней: "Терпи и надейся получить помощь Божию, а с ней можешь победить и все восстания врага душ человеческих. Не было бы искушений, не было бы венцов. Воина за то венчают, что он грудью стоит против врага за свое отечество. Враг же души нашей гораздо опасней всех тех врагов, которые бывают в обыкновенном сражении".

Предавшись посту и молитве, о. Алексей последние годы своей жизни никуда не ходил, кроме храма Божия, и все время пребывал в своей келье. До выхода заштат, о. Алексею много приходилось ездить по приходу и исполнять всевозможные требы, и ездил он ко всем с великой радостью и готовностью. Ходить же в гости он не любил, не любил праздно проводить время, не любил праздных разговоров и всегда отказывался от всяких приглашений. Бывал он только, да и то в самых крайних случаях, у своей внучки, у сына Льва (бездетного священника в соседнем селе) и в барском доме у помещика села Бортсурманы Д. С. Пазухина, которого он очень любил и уважал.

Сам помещик и вся его семья в свою очередь глубоко почитали о. Алексея, преклонялись перед его многотрудной и святой жизнью и оказывали ему всякое внимание и почтение. Уважали и глубоко почитали его и многие другие помещики, не только из его округи, но и из соседних губерний; ездили к нему, писали ему письма, просили его благословения, совета, его святых молитв. Все, кто только знал его, признавали его за великого угодника, молитвенника и целителя.

Вот примеры чудесных исцелений. В сороковых годах XIX века в городе Курмыше жили муж с женой Растригины. У них была дочь Татьяна, которая с рождения не владела ногами. Они у нее были сухими. Наслышавшись много про святость о. Алексея, родители решили отправиться к нему и попросить его помолиться о ребенке. Девочке в это время было шесть лет. Несмотря на то, что сам Растригин был человек состоятельный (он торговал красным лесом и держал паром на реке Суре) и мог бы нанять лошадей, жена его из усердия отправилась в Бортсурманы (двадцать пять верст от Курмыша) пешком, неся всю дорогу ребенка на руках. В Бортсурманы пришли они уже к вечеру. Когда вошли в келью к о. Алексею, он тут же назвал девочку по имени, хотя видел ее первый раз в жизни, положил руку ей на голову, благословил их обеих и помолился с ними. На другое утро опять помолился и помазал больные ноги ребенка маслом из горящей перед образом лампадки. Благословив, он отпустил их, сказав, что будет молиться о них.

Когда Растригина со своею дочерью отошла двенадцать верст от Бортсурман, девочка стала просить спустить ее на землю. Хорошо знала мать, что дочка не может сама двигаться, и так ей стало горько от ее просьбы, что она даже заплакала; но все-таки спустила девочку на землю. К великому удивлению своему, она увидала, что дочка ее, слабо шевеля ножками, поползла вперед. Вскоре она опять взяла ее на руки, но несколько раз по просьбе ее спускала на землю, и каждый раз девочка все лучше и лучше владела ногами. Когда же они пришли в Курмыш, то девочка, уже совсем твердо стоя на ногах, вошла к себе в дом.

Приблизительно в то же время жил в городе Курмыше один рыбак, Лука Шулаев. Раз как-то ему в руку вошел крючок от удочки. Рука сильно вспухла и разболелась. Его уговаривали идти к доктору, но он все отказывался. Стало ему очень плохо, день ото дня все хуже; он решился, наконец, последовать доброму совету и отправился к доктору. Доктор, увидев его руку, сказал ему, что он пришел слишком поздно и что теперь ему ничем нельзя помочь. Тогда он в страхе пошел в Бортсурманы к о. Алексею и попросил его помолиться о себе. В ту же ночь он увидел во сне, будто к нему подбежала крыса и выкусила все то место, куда вошел крючок, наутро он проснулся здоровым.

Умер в приходе о. Алексея мальчик. Родители души в нем не чаяли, и все в селе любили его. Неделю не хоронили его, пока не показались признаки разложения. Тогда принесли в церковь гробик и началось отпевание. От слез о. Алексей едва мог служить, а певчие петь. Отец Алексей стоял в алтаре перед престолом с высоко поднятыми руками и с дерзновением взывал к Богу: "Боже мой, Боже мой, Ты видишь, что нет у меня сил дать отроку сему последнего целования. Не попусти же меня, старца, раба Твоего, иерея, уйти из храма сего посрамленным, да не посмеется надо мною, служителем Твоим, враг рода человеческого, что я, по немощи своей, прервал требу сию... Внемли стенанию и плачу народа Твоего, внемли страданиям родительского сердца, внемли моему старческому иерейскому прошению... Не отнимай от нас отрока, Тобою нам данного во исправление, для вразумления, для прославления Имени Твоего Святаго... Не Ты ли, Господи, сказал, что дашь нам все, о чем мы с верою будем просить Тебя. Не Ты ли, Милосердный, сказал нам: просите и дастся вам... О, Боже Праведный, в храме сем нет никого, кто бы смог подойти к отроку сему с целованием последним... Нет этих сил и у меня, старца, Боже наш, помилуй нас, услыши нас, Господь наш и Бог наш..."

И вдруг в алтаре все стихло. Несколько мгновений спустя священник упал на колени и все услышали: "Так, Господи, так, но воскреси же отрока сего, ибо Ты все можешь... по смирению, а не по гордости дерзаю..."

И вслед за этим раздался пронзительный крик.

Оглянувшись, священник увидел, что мальчик сидит в гробу и смотрит по сторонам. Отец Алексей снова встал на колени перед престолом, чтобы поблагодарить Бога за совершенное чудо, а затем, опираясь на руку диакона, молча подошел ко гробу. Причастив мальчика, родители увезли его домой; о. Алексей попросил принести на середину церкви стул и, сидя, отслужил молебен Спасителю и прочитал акафист Божией

Матери. От крайнего потрясения и волнения он не мог уже ни стоять, ни выйти из храма. На этом же стуле его принесли домой и уложили в постель, где он пролежал целую неделю.

После этого чуда о. Алексей прожил еще три года, а мальчик прожил шесть лет и умер на двенадцатом году.

У крестьянки Зиновии из деревни Лисья Поляна пять лет болели нога и бок. Ходила она к о. Алексею; он молился над ней, несколько раз благословлял, и по молитве его она совсем выздоровела; скоро она вышла замуж и дожила потом до глубокой старости.

Крестьянин Нижегородской губернии Сергачского уезда села Ожгибовка Алексей Шляпников страдал несколько месяцев болезнью, от которой его скрючило. Знакомая женщина посоветовала ему отправиться к о. Алексею и попросить его помощи. Отец Алексей оставил его у себя и сказал, что даст знать родным, когда за ним приезжать. Через неделю он послал за ними. Они приехали и застали Алексея Шляпникова совсем здоровым. Он рассказывал, что о. Алексей не давал ему никаких лекарств, а только молился над ним, читал книжку и три раза в день благословлял. Через неделю он стал совсем здоров.

Как-то раз привезли в Бортсурманы бесноватого, здоровенного, огромного роста, связанного по рукам и по ногам железными цепями. С ним вместе приехали отец и брат его. Остановились в избе недалеко от дома священника. Укладываясь спать, родные, помимо цепей, окрутили бесноватого еще веревками и привязали концы их к матице (к потолку). Ночью весь дом был разбужен страшным шумом и криками. Оказалось, что привезенный больной перервал на себе все цепи и веревки и четыре мужика едва-едва могли справиться с ним и снова уложить его на лавку. Наутро отец с братом повели его к о. Алексею. Как рассказывали они потом, о. Алексей положил его на пол, им приказал стать по правую руку, а сам начал читать молитвы над больным, потом благословил и велел привести его к себе на другое утро. Вышел он оттуда совсем тихим и спокойным, ночь провел тихо и не бушевал. На другой день о. Алексей опять положил его на пол, но ничего не читал над ним, а только поставил ему на грудь икону Смоленской Божией Матери, перед которой он сам всегда молился; потом благословил и отпустил с миром. Перед выездом из Бортсурман с бесноватого сняли кандалы в кузнице, и он отправился домой совсем здоровым. Вообще очень много сумасшедших и бесноватых возили со всех сторон к о. Алексею, и все они выздоравливали по его молитве. Один бесноватый купец, которого привезли издалека и который выздоровел по молитве о. Алексея, в память своего исцеления пожертвовал в Бортсурманскую церковь чугунный пол. Пол этот и по сие время находится в ней.

А вот несколько примеров исцелений, которые совершились после смерти о. Алексея, на его могиле.

Крестьянка села Ожгибовка Анна Аполлоновна жестоко страдала несколько лет тяжкой болезнью и лежала неподвижно. Раз в бреду или во сне, она хорошо не помнит, увидала она двух старцев, которые коснулись ее ног. Придя в себя, она почувствовала некоторое облегчение и дала обет отслужить панихиду на могиле о. Алексея. Чтобы не откладывать, она через силу собралась и с посторонней помощью, временами ползком, прибрела в Бортсурманы и отслужила панихиду. После этого она быстро поправилась.

У другой ожгибовской крестьянки, Натальи Матюшиной, заболела дочь Анастасия, десяти лет. Несколько дней подряд у нее болело под ложечкой, есть она почти ничего не могла и очень трудно дышала. Пошла Матюшина к помещице села Ожгибовка просить для дочери лекарства. Лекарства у барыни не оказалось, и она дала Наталье крошечку земли с могилы о. Алексея, велела ей хорошенько помолиться Богу вместе с девочкой и после этого дать ей выпить немного воды с этой землей. Матюшина обещалась через сутки прийти и сказать барыне, что будет. На третий день она пришла, очень благодарила и рассказала, что дочка ее выздоровела, как только приняла этого питья. Хворал в Ожгибовке от желудка один четырехлетний мальчик Шляпников; особенно мучился и

кричал по ночам. Как только, по совету добрых людей, мать дала ему немного воды с землей с могилы о. Алексея, так в ту ночь ребенку стало лучше и он начал поправляться.

В 1893 году, схоронив своего мужа, приехала в город Курмыш вдова лесничего Наталья Петровна Мурзанева с грудной дочерью Верой. Девочка была слабенькая, малокровная, постоянно хворала и страдала какими-то непонятными припадками. Несчастная мать обращалась к докторам, клала ребенка в больницу - ничего не помогало. Когда девочке было пять лет, Наталье Петровне кто-то посоветовал отвезти дочь на могилу о. Алексея и отслужить по нему панихиду. Так она и сделала. В родительскую субботу отправилась она с дочерью в Бортсурманы, простояла обедню, потом вместе с крестным ходом пошла на кладбище; во время панихиды по о. Алексею посадили девочку на землю возле его могилы. С того дня прошли у нее бесследно и припадки и малокровие.

В 1908 году у Веры Александровны Пазухиной отравился маленький сын. В городе, где они жили, помощник кондитера, подросток, рассердился на повара и, чтобы ему отомстить, насыпал в шоколадную массу для конфет сильнодействующий яд. В городе было много отравлений, но о причине их догадались не сразу. Принесли конфет и Вере Александровне. Яд попал неравномерно, и отравился в семье только сын Веры Александровны, Саша. Врач признал положение безнадежным и сказал, что придет утром, да и то для того, чтобы поддержать Веру Александровну.

Мальчик уже вытягивался и холодел. Вера Александровна положила крупицу земли с могилы о. Алексея в воду и эту воду влила мальчику в рот. Судороги прекратились, вскоре тело потеплело; утром пришел доктор и сразу спросил:

- В котором часу умер мальчик?

- Он жив.

- Это чудо Божие, - сказал доктор.

Чудесное исцеление было в семье бортсурманской крестьянки Прасковьи Сеяновой. Зимой 1911 года одна из ее внучек, четырехлетняя Маша, тяжело заболела корью. Корь, наконец, прошла, но девочка продолжала лежать пластом; ноги у нее отнялись и висели, как плети. Накануне Николина дня, храмового праздника в селе Бортсурманы, посоветовала Прасковья дочери своей отнести девочку причастить и отслужить панихиду на могиле о. Алексия. Та так и сделала.

На другое утро, 9 мая, все дети побежали в палатки, которые в этот день в Бортсурманах раскидывали на площади перед церковью. Вслед за ними потянулась и маленькая Маша, которая до того все время лежала неподвижно; она сама надела чулки и башмаки и вышла за детьми на улицу. С этого дня девочка стала здорова.

Бортсурманский крестьянин Иван Губин, будучи солдатом в Сибири во время Японской войны, захворал поносом. Долго он мучился, пока не вспомнил, что у него взята была с собой земля с могилы о. Алексея. Он насыпал щепотку ее в стакан воды, сам с молитвой выпил несколько глотков, а остальное передал другому бортсурманскому солдату Гавриле Мигунову, захворавшему с ним в одно время, и оба выздоровели.

Крестьянка Елена Небасова мучилась зубной болью. Как только она приняла воды с землей с могилы о. Алексея, боль у нее прошла.

Другая бортсурманская крестьянка, Аграфена Крылова заболела лихорадкой. Лечил ее фельдшер, давал разные лекарства, но ничто не помогало; тогда мать принесла ей земли с могилы о. Алексея. Три раза приняла она ее с водой, и лихорадка оставила ее и уже больше не возвращалась.

У крестьянки села Майданы (Курмышского уезда) Анастасии Степановой хворал четырехлетний сын Ванюша. Временами у него делались припадки, и изо рта валили целые клубки пены. Мать приехала с ним и отслужила панихиду на могиле о. Алексея, с того дня мальчик выздоровел.

Крестьянин Нижегородской губернии Васильевского уезда деревни Высокая Слобода по имени Николай Юдин опасно захворал; сначала заболела спина, потом грудь, ноги; дышать стало трудно, начали отказывать ноги, потом его всего свело, и он стал калекой.

Так он хворал четыре года; лечился у разных докторов, но ни один не мог ему помочь. По совету бортсурманского крестьянина Семена Рубина поехал Николай помолиться на могилу о. Алексея, и стало ему тут же гораздо легче, а через несколько дней он был уже совсем здоров.

В селе Майданы жила Люба Кузькина. От рождения она была убогая, слабая глазами, а ноги совсем не ходили. Ей было около десяти лет, когда храм в Бортсурманах разорили. Но ее мать, Анастасия, слыша о множестве чудес, происходящих по молитве праведника, отвезла дочь на могилу и сама, как могла (священники были уже арестованы), отслужила панихиду. Когда они вернулись домой, дочь исцелилась, стала ходить и зрение исправилось.

После того как храм был разорен и закрыт, чудеса и исцеления не только не прекратились, но даже умножились. Безбожники многократно пытались разорить могилу, но почитание чудотворца народом, очевидность чудес, когда исцелялись безнадежные раковые больные, все это понудило власти отступиться.

Был о. Алексей не только целителем, но и прозорливцем.

Однажды помещику села Бортсурманы Д. С. Пазухину пришлось уехать по делам в Москву. Долго не было от него никаких известий, и жена его, Елизавета Николаевна, сильно тревожилась о нем. Жили они душа в душу, и он часто писал ей, когда бывал в отлучке; а тут она не знала, что и подумать: не заболел ли он, не случилось ли с ним чего. В это время пришел к ней о. Алексей. Она ему очень обрадовалась, стала говорить про мужа, как у нее сердце болит по нему; думала, что он успокоит ее. Но о. Алексей точно и не слыхал того, что она рассказывала, и вдруг говорит ей:

- Не горюйте об Екатерине Николаевне, она довольно пострадала, теперь наступила пора ей отдохнуть.

(Екатерина Николаевна была ее родной сестрой, жила она в Москве и с самой молодости постоянно хворала). Очень ее удивили такие слова о. Алексея, и она ему в ответ на это сказала: - Что вы, батюшка, так говорите про Екатерину Николаевну, точно про покойницу? У нее, правда, здоровье плохое, но только она не умирала, она жива.

А о. Алексей ей опять на это:

- Не горюйте о ней, много она помучилась, а теперь она отдохнет.

Да так с этими словами и ушел. И осталась бедная барыня в большой тревоге: и о муже тревожится и, после слов о. Алексея, о сестре беспокоится.

Тут вскоре получила она письмо от мужа, в котором говорилось, что он долго не писал, так как думал скоро вернуться, и что его задержала в Москве Екатерина Николаевна: она вдруг захворала; все думали, что она поправится, а она неожиданно скончалась. И скончалась она как раз в тот самый день и час, как приходил о. Алексей.

У помещика Шипилова жила в усадьбе птичница Пелагея Тюрина.

Муж ее, Гавриил, человек был жестокий и нещадно бил ее. Не только сама несчастная женщина, но и окружавшие ее люди были уверены, что он когда-нибудь убьет ее. Раз как-то в полном отчаянии пришла она просить заступничества о. Алексея. Помолясь вместе с нею, о. Алексей отпустил ее с миром, сказав, чтобы она не беспокоилась, так как эти дни муж не тронет ее пальцем, что скоро приедет барин, поговорит с ним, и после этого он уже никогда больше не будет бить ее. И правда, несколько дней подряд, ко всеобщему удивлению, прошли спокойно для Пелагеи. Потом приехал барин и вызвал к себе Гаврилу. Вышел он на себя не похож, голова низко опущена. Пелагея думала, что он сейчас набросится и начнет бить ее, но он ее не тронул. Стала она со страхом ждать ночи, думая, что уже тогда ей, наверно, не миновать смерти. Но ночь прошла без побоев; так же прошли и все следующие дни, так до самой смерти, как предсказывал о. Алексей, он уже ни разу не бил ее.

Жила в Бортсурманах одна крестьянская девушка, Афимья Аникичева. Собралась она как-то идти в Киев на богомолье и пришла к о. Алексею за благословением. Он сказал ей, что во время путешествия ей придется нести тяжкий крест. Ее это так напугало, что она

подумала отказаться от путешествия; но о. Алексей уговорил ее не отступаться и надеяться на помощь Божию. Тут же он сказал, что это не последнее ее паломничество, и что она еще раз после этого побывает в Киеве. По слову его она отправилась и благополучно дошла, но на обратном пути заболела сильнейшей горячкой и сильно мучилась. Больную, измученную, ее никто не принимал у себя, когда она просила крова и отдыха. В одном месте ее однако продержали три недели. Еще очень слабой пошла она дальше и, как сама рассказывала, пролеживала иногда целые дни возле дороги; временами подвигалась вперед ползком. Однако дошла до Бортсурман и, в самом деле, еще раз после этого была в Киеве. Афимья приходила иногда в келью к о. Алексею, приносила дрова, когда и пол мыла. Раз как-то она заметила кровь на одежде о. Алексея, и ее очень обеспокоило, откуда она могла взяться. Ночью, когда он крепко спал, она подошла к нему. Около его постели в ногах всегда лежал какой-то предмет, тщательной скрытый грубой крестьянской дерюгой. Мучимая любопытством, она подняла дерюгу и увидела под ней камень. Она поняла, что об этот камень и разбил себе о. Алексей на молитве ноги в кровь. Пораженная виденным, она опустила дерюгу и тихо отошла от кровати, не разбудив его. На следующее утро, к ее великому удивлению, о. Алексей начал мягко выговаривать ей: "А ведь ты, Афимьюшка, согрешила этой ночью. Любопытство большой грех, никогда не следует допытываться и тайком узнавать то, что скрывают". При этом он запретил ей рассказывать про виденное, и она никому не говорила об этом до самой его смерти.

Курмышская мещанка Наталья Григорьевна Кузнецова рассказывала, что как-то раз мать ее, Ульяна Лукинична, пришла к о. Алексею. Хотя он видел ее в первый раз, он назвал ее по имени и обратился к ней с такими словами: "Ульянушка, берегись, твоя смерть на пороге". И в самом деле, очень скоро после этого она вдруг умерла от удара.

Рассказывают еще такой случай с одной старушкой из деревни Козловки (Бортсурманекого прихода). Пришла она как-то Великим постом ко всенощной в Бортсурманы. Стояла большая распутица, и трудно было добираться домой и опять на другое утро возвращаться в церковь, и она попросила у о. Алексея позволения переночевать у него. Ночью она проснулась и видит, что о. Алексей стоит перед аналоем, молится, усердно кладет поклоны. В келье полутемно, горит одна только лампада перед образом. Стала она раздумывать о том, как это о. Алексей может так беспрерывно молиться; на что утомительны службы великопостные, а он и ночью не дает себе покоя. С этими мыслями она опять заснула. Проснулась во второй раз, видит: вся келья залита каким-то необыкновенным ярким светом, о. Алексей - с воздетыми руками, сам весь светится и отделяется от земли. Увидала она это, перепугалась и закричала. Свет тут же исчез, о. Алексей опустился на землю, подошел к ней, стал ее успокаивать и уговаривать и велел никому не рассказывать про то, что она видела. Долго хранила она свое обещание и только после смерти о. Алексея рассказала нескольким близким людям про то, что ей удалось видеть той ночью.

Сколько бы народу ни приходило к о. Алексею, в какое бы то ни было время, он всегда всех принимал. Ни слабость, ни болезнь не останавливали его.

С 1 января 1848 года силы заметно стали покидать о. Алексея, он не в состоянии уже был совершать служб церковных и, по просьбе его, родные водили его в храм Божий. Несмотря на это, он почитал за великий грех отказывать приходящим к нему и через силу исполнял прошения каждого, К великому Четвергу Страстной недели он так ослабел, что не в силах был приподняться сам, пройти по комнате, вкушать пищу. Прострадав таким образом до 21 апреля 1848 года, ежедневно приобщаясь Святых Тайн, он окончил свою многотрудную жизнь к великому горю всех его знавших. День его кончины был ясный и теплый. Вся площадь перед церковью была полна народа, который сошелся, чтобы в последний раз увидеть о. Алексея. Он сидел у открытого окна; взор его переходил от иконы в переднем углу комнаты к народу, который стоял на площади. Многие стояли на коленях, многие тихо плакали, никто не осмеливался нарушать торжественную тишину. От времени до времени о. Алексей в открытое окно благословлял народ, благословлял до

тех пор, пока не опустилась его благословляющая рука, чтобы больше уже не подняться, пока не закрылись навеки его глаза, в которых до последней минуты отражалась молитва к Богу о людях. Похоронен о. Алексей в церковной ограде против алтаря. Памятник над ним поставил один нижегородский помещик, который почитал о. Алексея как великого подвижника, был его духовным сыном и всю жизнь ездил к нему за молитвами и советами.

По словам бортсурманского священника и местных крестьян, не проходит ни одного воскресенья, ни одного праздника, чтобы не служили панихид на могиле о. Алексея. Почти все увозят с собой землю с его могилы и землю эту целебную берегут и принимают с водой в случае болезни. Народ ждет открытия его мощей, и много ходит рассказов о том, что настало время "выходить ему на землю". Еще больше пошло об этом толков после одного случая, который приключился с бортсурманским печником Герасимом Чудаковым. Он договорился поставить памятник над могилой о. Павла Вигилян-ского, которому о. Алексей передал свое место. Похоронен он недалеко от о. Алексея. Герасим выкопал яму и положил брусья, которые должны были поддерживать памятник, а так как могилы очень близко одна от другой, то брусья эти уперлись прямо в могилу о. Алексея. Ночью - он сам хорошенько не знает, было ли то во сне или наяву, - но только, не видя никого около себя, он явственно услыхал голос, который говорил ему: "Герасим, неладно ты начал твою работу". Очень его это удивило, и он спросил, что же в ней неладного. Тот же голос ответил, что он должен знать, как знают и как говорят все на селе, что о. Алексею должно "выходить мощами", и что, если он оставит брусья так, как он их сейчас положил, то при вскрытии мощей, памятник о. Павлу непременно сломают и сбросят на землю, и работа его пропадет даром. Так его поразили эти слова, что на другое утро он пошел посоветоваться с матушкой, и они вдвоем решили переложить брусья в другую сторону, чтобы они не касались могилы о. Алексея.

Ходит в Бортсурманах еще такой рассказ. Перед смертью о. Павел завещал похоронить себя рядом с о. Алексеем, так чтобы гробы их касались стенками. Когда начали разбивать землю (время было зимнее, и земля была промерзшая), то лом, которым работали, согнулся в дугу; принесли новый лом, он так же, как и первый, согнулся дугой. В этом увидали указание, что о. Алексей не допускает о. Павла к себе, и ему вырыли могилу, хотя и рядом с о. Алексеем, но все-таки не совсем вплотную с ним. Как отнесли могилу подальше, так уже ни один лом больше не сгибался.

Таков был о. Алексей, такова была его жизнь; множество чудес творил он при жизни, и до сего времени творятся им чудеса. Недаром почитает его народным помощником и ходатаем перед Богом, и великое множество людей с теплой верой и любовью ходит молиться на его могилу.

---

1 Сейчас Нижегородская область.

Священномученик Алексий (Бельковский), архиепископ Великоустюжский (память 25 января по старому стилю)

Священномученик Алексий (в миру Петр Филиппович Бельковский) родился в 1842 году в селе Рождествино Каширского уезда Тульской губернии в семье священника Филиппа Евфимовича Бельковского. Священник Филипп Бельковский (1813-1878) был сыном пономаря из села Белькова Московской губернии; он служил более сорока лет на одном месте, в храме села Рождествино. Интересны воспоминания о нем, из которых становится ясно, в какой обстановке провел свое детство архиепископ Алексий. Семья священника Филиппа была бедная, и, как вспоминают знавшие его, "в жизни своей

Филипп Евфимович не испытал и не знал, что такое роскошь, или богатство, или слава - не любил он этого и не искал в жизни. Нужда с самого детства приучила его к умеренности, а умеренность зато не допустила его испытать и понести то тяжелое иго, которое зовется бедностью.

С первых дней поступления на должность священника скудость средств, которая была общим делом многих священников, выпала и на его долю. Но он и со скудными средствами скоро сроднился. И без того по воспитанию воздержанный - приучил себя к бережливости и крайне умеренному образу жизни. С удивительным умением он и малым пользовался так, что не имел ни в чем недостатка, не испытал, не встречал, как он сам передавал, того, что называется нуждою. Сообразуясь со своими небольшими средствами, он не заводил ни веселых кружков, ни изысканных пиршеств. За удовольствиями самыми обычными в жизни ему некогда было гоняться, он всецело предавался исполнению того, что служило и ему и обществу на пользу. Никакие развлечения не в состоянии были поколебать или отклонить его от исполнения долга христианского, семейного и пастырского. При многотрудном и многосложном образе сельской жизни он сумел совместить исполнение обязанностей и христианина, и семьянина, и пастыря, и сельского хозяина, которые при всем своем разнообразии легко гармонировали в нем, одно другому не препятствуя, а, напротив, одно другим разумно поддерживаясь. При всей многосложности, разнохарактерности занятий сельско- хозяйственных, потребностей семейных и обязанностей пастырских он обладал удивительным умением ничего не опустить и исполнить все вовремя.

В округе своем он десять лет нес должность благочинного, около двадцати лет был духовным отцом своих собратий и эту должность, по их избранию, исполнял до последней минуты своей жизни. Храм был для него и утехою и отрадою от мирских забот и был в свою очередь предметом многих его забот и трудов. Можно сказать, что его трудами храм в селе Рождествине пересоздан и доведен до соответствующего святыне благолепия.

Насколько он заботился о благолепии внешнего храма, настолько же и даже более заботился о благолепии внутреннего храма своих пасомых, вверенных ему Богом. Не щадил он и в этом отношении ни труда, ни времени, иногда столь дорогого для него как семьянина, как хозяина, лишь бы только принести пользу своей пастве, уничтожить тот или другой недостаток, замеченный в целом обществе или в отдельных лицах. Не опускал ни одного случая, чтобы не вразумить или не обличить невежду или не посоветовать, чтобы он возвратился с пути заблуждения. Все, что только доброго он сам знал, всегда старался передать и духовным чадам своим, в непросвещенных сердцах старался возжечь тот свет, который необходим каждому христианину, возгреть ту теплоту веры, которой сам пламенел к Промыслителю; всеми мерами стремился в пасомых возбудить ту любовь к Богу и закону Его, которая и самому ему была присуща.

В 1864 году Петр Филиппович окончил Тульскую Духовную семинарию. В 1867 году он был рукоположен в сан священника и служил в Михайловской церкви при Михайловском детском приюте в городе Туле, а с 1886 года - в тульской Александро-Невской церкви. В 1874 году отец Петр был назначен законоучителем в школу мещанского общества. При архиерейском служении в кафедральном соборе именно ему чаще других поручалось говорить проповеди. Он устраивал и сам активно участвовал во внебогослужебных религиозных беседах и чтениях. В 1890 году священник Петр был награжден наперсным крестом.

Много усилий употребил священник на устроение приходской школы, в которой училось в то время восемьдесят детей. Кроме обычных предметов ученики обучались также церковному чтению и пению. Во время некоторых праздников дети целиком исполняли все песнопения литургии. Ученики по очереди читали шестопсалмие и часы, были хорошо обучены богослужебному уставу и сами находили в книгах необходимые тексты.

В 1891 году Тульскую губернию вследствие неурожая поразил голод. Некоторые из крестьянских семейств, чьи дети обучались в школе, остались без средств к пропитанию. Родители не могли дать детям в школу даже куска хлеба. Был случай, когда мать покинула дом, только бы не видеть вернувшегося из школы голодного сына, накормить которого ей было нечем. Видя такое положение, священник Петр при поддержке приходского совета организовал помощь голодающим детям. В устроенной при храме богадельне стал ежедневно готовиться горячий завтрак для учеников - детей беднейших родителей.

В 1892 году за самоотверженную школьную деятельность отец Петр был награжден наперсным крестом с украшениями. В грамоте прихожан, сопровождавшей преподнесение креста, говорилось: "Многоуважаемый и добрый наш пастырь... Непродолжительно служение Ваше в нашем приходском храме, но велики и обильны плоды его. Самым лучшим тому свидетельством могут служить эти дети, сегодня впервые выпускаемые в жизнь, нашей школы, Вашими заботами основанной и Вашими же неусыпными трудами поддерживаемой. Эти дети, из коих многие по крайней бедности едва ли бы увидали когда свет учения, теперь, благодаря Вам, вступают в жизнь с твердыми основами христианского знания и нравственности. Всё это мы видим и на себе ежедневно испытываем действие Вашей доброты, оценивать же это не в нашей власти, пусть за это вознаградит Вас Тот, Кто обильно излил на Вас благодать Свою".

Храм, в котором служил священник Петр, был выстроен в 1881 году на средства, пожертвованные тульским купцом Евфимием Кучиным; благотворитель завещал выстроить храм в память освобождения крестьян от крепостной зависимости во имя святого благоверного князя Александра Невского, имя которого носил царь-освободитель Александр II. Ко времени начала служения здесь священника Петра храм еще не был благоукрашен, не был расписан, не хватало икон для иконостаса, но все это ревностный священник восполнил. Храм был выстроен на окраине города, где проживало беднейшее население. Но именно здесь образовался крепкий приход, который, несмотря на скудость средств, создал такие благотворительные учреждения, каких не было и в состоятельных приходах города - богадельню и школу. При проведении ревизий церковноприходских школ школа при Александро-Невском храме получала от проверяющих неизменно высокую оценку в постановке преподавания Закона Божия и за успехи учеников в освоении изучаемых предметов.

Со временем все более расширялся круг деятельности отца Петра, и в 1896 году при Александро-Невской церкви была открыта бесплатная народная библиотека-читальня в помещении местной церковноприходской школы. 3 февраля 1897 года отец Петр за особо усердное исполнение обязанностей по обучению в народных школах был награжден орденом святой Анны III степени. 9 апреля того же года он был возведен в сан протоиерея. В том же году он овдовел и был пострижен в монашество с именем Алексий.

14 марта 1898 года иеромонах Алексий был назначен настоятелем Старорусского Спасо-Преображенского монастыря с возведением в сан архимандрита.

5 сентября 1904 года архимандрит Алексий был хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии. 28 сентября он прибыл в Великий Устюг. Этот город всегда славился обилием храмов, которые и доныне украшают его, свидетельствуя о ревности в вере и благочестии наших предков. Настоятель городского собора протоиерей Василий Поляков обратился к епископу с речью, где довольно точно охарактеризовал некоторые черты жизни города. "Преосвященный владыка! - начал свою речь настоятель. - Встреча нового архипастыря, представляющая не редкость для губернских городов, и для нас, устюжан, жителей уездного города - не новость, ибо за шестнадцать лет своего существования Великоустюжское викариатство в лице Вашего преосвященства встречает уже шестого своего архипастыря. Такое довольно частое преемство владык наших, мало благотворное для архипастырской их деятельности, могло, думается мне, возбудить и в тебе, преосвященнейший владыка, некоторые недоуменные

вопросы относительно нашей страны, нашего града и вверенной тебе паствы. Как уроженец северного края и в течение шестнадцати лет служитель алтаря Господня в граде сем, я могу свидетельствовать, владыка, что страна наша действительно холодная, но сердца наши горячи и способны отзываться на все доброе и святое и проникаться любовью к своим архипастырям. Наша страна, удаленная от центров высокого образования и большими пространствами, и неудобством путей сообщения, не лишена однако же собственных рассадников просвещения; в ней по числу жителей немало учебных заведений и средних и низших, и мужских и женских; а главное - град наш изобилует благоустроенными храмами, этими рассадниками "на всё полезного благочестия" (1 Тим 4:8) в таком количестве, которое вполне приличествовало бы и городу губернскому. Это обилие и благоустройство святых храмов уже само собою свидетельствует о религиозном настроении и добром нравственном направлении обитателей этого града".

Насущной потребностью стало в то время образование народа, и в этой связи почти во всех епархиях стали устраиваться педагогические курсы для учащих в церковноприходских школах. Летом 1908 года такие курсы были устроены в Великом Устюге для учащихся церковноприходских школ Устюжского викариатства. Открывая курсы, епископ Алексий "указал на цель прибытия сюда учителей - расширить свои познания, усовершенствоваться в учительской практике, продолжить свое образование. Это дело полезное и похвальное, - так приблизительно говорил владыка, - еще ветхозаветный богодухновенный мудрец сказал: "блажен человек, иже обрете премудрость". Но истинная мудрость состоит в развитии не одного только ума, но и сердца, не в накоплении только знаний, но в приобретении добродетелей; человек умный, но порочный, многознающий, но гордый, как всем известно, не пользуется любовью окружающих и не может принести большой пользы, особенно в учебном деле. Заботясь же о приобретении этой именно истинной мудрости, и помолимся Господу Богу, чтобы Он помог вам в этом благом деле, ради которого вы собрались сюда".

Как и в то время, когда владыка был в Туле, так и теперь, став архиереем, он проявлял особое попечение о народном образовании. При епископе Алексии было выстроено женское епархиальное училище, в деятельности которого владыка принимал постоянное участие. Во время служения епископа Алексия в Великом Устюге было построено и освящено несколько храмов, один из последних в 1916 году - храм во имя святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, выстроенный при Великоустюжском тюремном замке, в котором суждено было умереть владыке через двадцать один год.

12 октября 1916 года по постановлению Святейшего Синода викарий Великоустюжский стал именоваться епископом Великоустюжским и Устьвымским. В начале двадцатых годов епископ Алексий был возведен в сан архиепископа. 30 июля 1923 года архиепископ Алексий вступил в управление Великоустюжской епархией, которая к этому времени стала самостоятельной.

В 1924 году в возрасте восьмидесяти двух лет архиепископ Алексий был уволен на покой. Живя в Великом Устюге при храме преподобного Симеона Столпника, он каждый день совершал литургию. После закрытия этого храма архиепископ стал служить в храмах преподобного Сергия Радонежского и великомученика Димитрия Солунского в Дымковской слободе. Поселившись в церковной сторожке, владыка служил ежедневно, начиная богослужение в четыре часа утра при немногих молящихся. Так продолжалось до начала 1937 года, когда ему по немощи стало трудно передвигаться, и он мог ходить только пользуясь помощью живших при нем монахинь.

Архиепископ Алексий (Бельковский) был арестован осенью 1937 года, когда ему было девяносто пять лет. Он не мог выйти из дома по приказу сотрудников НКВД, и они вынесли его сами на простыне. После короткого пребывания в тюрьме архиепископ Алексий в ноябре 1937 года скончался и был погребен на городском кладбище.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Алексий Бенеманский (память 22 ноября по старому стилю)

Священномученик Алексий Константинович Бенеманский родился 6 января 1881 года в селе Баранья Гора Новоторжского уезда Тверской губернии в семье священника Константина Бенеманского. После окончания Духовной Семинарии он работал учителем начальной школы в Торжке. В 1904 году Алексей Константинович был рукоположен в сан священника и служил в Тверском Христорождественском женском монастыре.

Несмотря на запрет со стороны властей, стал преподавать Закон Божий в монастыре по понедельникам и средам. После того как закрыли монастырь, он перешёл служить в храм иконы Скорбящей Божией Матери. Летом 1919 года отец Алексий был избран членом епархиального совета. Во время гражданской войны в 1920 году его арестовали и отправили на тыловые работы. В 1922 году большевики начали компанию по изъятию церковных ценностей, а осенью того же года отца Алексия снова арестовали и комиссия НКВД приговорила его к двум годам ссылки в Туркестан.

Дома оставались жена и пятеро детей. В ссылке отец Алексий и ещё три ссыльных священника деятельно разоблачали обновленцев, служили отдельно за богослужением, открыто поминали Святейшего Патриарха Тихона.

В 1924 году советское правительство приняло решение освободить духовенство и мирян, осуждённых по процессам об изъятии церковных ценностей.

В конце 1926 года отец Алексий вернулся в Тверь, и здесь будущий священномученик продолжил борьбу с обновленцами, которые как раз в это время снова активизировались и даже, при поддержке властей, начали подготовку к обновленческому Собору.

Будучи настоятелем Скорбященской церкви, отец Алексий организовал при ней библиотеку, понимая, насколько важны духовное просвещение и духовные книги.

2 (15) марта 1932 года батюшку снова арестовали. 13 (26) марта отца Алексия вызвали на допрос. Следователь задавал вопросы так, чтобы ответы священника совпадали с заранее составленным обвинением в создании контрреволюционной организации и деятельности её против соввласти.

Отец Алексий в своих ответах старался держаться строго церковного русла. Виновным себя в предъявленных обвинениях не признавал. В июле 1932 года его приговорили к высылке в Казахстан на три года. По окончании ссылки он вернулся домой в Тверь. Горсовет отказался дать ему документ о регистрации, и отцу Алексию пришлось выйти за штат.

В 1937 году батюшку арестовали в четвёртый раз. В качестве обвинения выдвигалось участие в "контрреволюционной фашистско- монархической организации", возглавляемой священномучеником Фаддеем, архиепископом Тверским. Виновным себя батюшка не признал.

Официально обвинительное заключение гласило, что отец Алексий "являясь активным участником контрреволюционной церковно- монархической группы, проводил вербовку новых участников в эту группу и давал задание отдельным членам контрреволюционной группы на сбор средств среди верующих на организуемый им тайный монастырь в городе Калинине. Проводил среди населения активную контрреволюционную фашистскую агитацию" (сохранена орфография подлинника). 21 ноября (4 декабря н. ст.) 1937 года по приговору Тройки НКВД протоиерей Алексий Бенеманский был расстрелян. Мучители тайно похоронили тело священномученика. Место его захоронения неизвестно.

6 (19 н. ст.) сентября 1999 года канонизован как местночтимый святой Тверской епархии.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Блаженный Алексий Елнатский, Христа ради юродивый (память 12 сентября по старому стилю)

Блаженный Алексий Елнатский (Ворошин Алексей Иванович), Христа ради юродивый, родился в начале 1900-х годов в деревне Каурчиха Юрьевецкого уезда Костромской губернии в семье церковного старосты.

Когда пришло время Алексею жениться и он собирался уже обручиться с невестой, неожиданное обстоятельство изменило его намерение. Не захотела девушка последовать его просьбе не посещать вольных собраний деревенской молодёжи, где беседы зачастую переходили в нецеломудренные вольности. Он рассудил, что если, будучи невестой, она его не послушалась, то что же будет когда она станет женой. Отложил Алексей своё сватовство и пошел в Троицкую Кривоезерскую пустынь, расположенную на левом берегу Волги, напротив древнего Юрьевца (ныне эта обитель затоплена). В течении одного года был он там послушником.

Вернувшись домой, он не стал жить в родительском доме, а поселился в баньке. Вскоре они с отцом выстроили на огороде келейку. Любил Алексей уединяться и в лесу на ключе святого блаженного Симона.

После 1917 года новая власть требовала от крестьян создавать в деревнях сельсоветы. По присущей великорусиянам доверчивости, понимая власть как учреждение святое, справедливое, поставили крестьяне в председатели уважаемого ими человека - Алексея Ивановича. Став председателем, он не изменил своим привычкам: по-прежнему много молился, посещал церковные службы. Через год приехал председатель, назначенный из города, Алексей Иванович оставил службу и совершенно уединился в своей келье, отдавшись подвигу поста и молитвы. Так прошло девять лет.

В 1928 году Алексей принял на себя подвиг юродства. Теперь блаженный жил, где придётся, одевался в лохмотья, никто не знал, где он ночует. Подаренную ему одежду он тут же раздавал. Своим странным поведением он предсказывал односельчанам события в их жизни: аресты, болезнь, смерть близких. Так, раздетым прошёл он по селу Парфенову к местным торговцам-сапожникам и, действительно, вскоре их семьи выслали, а имущество отобрали до исподнего белья.

Задолго до массового закрытия и разрушения храмов блаженный говорил, что наступит время, когда в России почти все храмы будут закрыты, но Господь пошлет лютую кару - войну - и часть храмов снова будет открыта, но не надолго. Действительно, в 60-е годы наступило новое гонение и храмы вновь были закрыты.

Несколько раз власти помещали блаженного в психиатрическую больницу, но врачи признавали его здоровым. В 1937 году, заранее зная о своём аресте, блаженный пришёл к родным в свой дом в Каурчихе, принёс все свои вещи, роздал их, попросил родных похоронить его. Наутро отправился в деревню Парфёново Костромской области, где его арестовали и заключили в тюрьму города Кинешмы. Поместили его в камеру к уголовникам. Блаженный постоянно молился, почти не спал, раздавал свой скудный паёк. Хотя обвинить блаженного было не в чем, следователи прибегали к пыткам - ставили босыми ногами на раскалённую плиту. Измученный блаженный попал в тюремную больницу и там скончался. Его тело на тринадцатый день было выдано родственникам. Впоследствии при переносе кладбища, упразднённого властями города Кинешмы, 12 (25

н. ст.) сентября 1985 года были обретены честные останки блаженного Алексия и перенесены в храм села Жарки. Ныне мощи его почивают в Свято-Введенском женском монастыре города Иванова.

Канонизован в 1993 году как местночтимый святой Ивановской епархии.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученик Алексий (Горбачев) (память 10 ноября по старому стилю)

Мученик Алексий родился 5 февраля 1892 года в деревне Куровской Калужской губернии в семье крестьянина Григория Горбачева. Окончил сельскую школу. С 1911 года Алексей Григорьевич служил в храме села Мурманцево псаломщиком. Осенью 1937 года власти арестовали его. Допрошенный по обвинению в контрреволюционной деятельности, Алексей Григорьевич виновным себя не признал.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Августина (Беляева), архимандрита Иоанникия (Дмитриева), протоиерея Иоанна Сперанского, псаломщиков Алексея Горбачева, Аполлона Бабичева и члена церковного совета Михаила Арефьева к расстрелу, они были расстреляны 23 ноября 1937 года и погребены в общей безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Алексий (Нечаев) (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Алексий родился в 1875 году в селе Рамешки Тверской губернии в семье священника Ефрема Нечаева. По окончании Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника. Во время гонения двадцатых годов служил в одном из храмов Тверской епархии. В 1929 власти потребовали от него уплаты произвольно назначенного налога, величина которого была столь значительна, что даже если бы священник продал все имущество, он все равно бы не смог расплатиться. За неуплату налога о. Алексей 31 октября 1929 года был приговорен к трем годам лишения свободы и заключен в Нижегородскую фабричную заводскую колонию. Вернувшись из заключения, священник стал служить в одном из храмов в Старице. 20 ноября 1937 года о. Алексей был арестован и заключен тюрьму города Ржева. Через два дня следователь допросил священника. Отец Алексей держался так, что было ясно - ни при каких обстоятельствах не согласится он лжесвидетельствовать, и следователь вынужден был ограничиться формальной записью вопросов и ответов.

- Следствие располагает данными, что вы систематически проводили контрреволюционную антисоветскую агитацию среди населения города Старицы. Признаете вы в этом себя виновным?

- Я, Нечаев, в предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

- Вы даете ложные показания, - следствие настаивает на правдивых показаниях.

- Я вторично заявляю, что я никакой агитации не проводил.

Но поскольку и следователь не имел никаких сведений об антигосударственной деятельности священника и не мог ничего конкретного назвать, то зная, что о. Алексей был судим в 1929 году, стал добиваться признания хотя бы этого факта.

- Вы, будучи священнослужителем, в 1929 году были осуждены на три лишения свободы за неуплату гособязательств. Вы признаете это?

- Да, это я признаю.

- Что еще дополните?

- Больше дополнить ничего не могу.

В этот же день следствие было закончено, и через три дня Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. После семидневного пребывания в тюрьме священник Алексей Нечаев был расстрелян 27 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Алексий (Никологорский) (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Алексий родился в 1869 году в селе Нагорном Дмитровского уезда Московской губернии в семье псаломщика Семена Никологорского. В 1889 году Алексей Семенович окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника ко храму в селе Волочаново Волоколамского уезда Московской губернии. За двадцать семь лет служения о. Алексей был много раз награжден за безупречную службу и ревностное исполнение церковных послушаний. Он был наблюдателем церковных школ Волоколамского уезда, благочинным и следователем по духовным делам при консистории. Здесь, на церковном служении в Волоколамском уезде в селе Волочаново, он встретил гонения от безбожников.

В 1930 году советские власти отобрали у священника все имущество и потребовали от него уплаты значительной суммы в качестве налога. Поскольку он уплатить ее не смог, суд приговорил его к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Обвинение и приговор были несправедливы и незаконны, и, находясь в тюрьме, о. Алексей подал прошение о пересмотре дела. Дело было пересмотрено, приговор отменен, и о. Алексея после трехмесячного заключения освободили.

Вероятно, во время службы под Волоколамском о. Алексей познакомился со святым архиепископом Фаддеем, который некоторое время после возвращения из ссылки жил там в одной из деревень, и потому, освободившись из тюрьмы, священник поехал в Тверскую епархию, которой в то время управлял владыка, и получил место в Космодемьяновском храме села Плотникова Ржевского района. Супруга о. Алексея к тому времени скончалась, шестеро детей выросли и разъехались, и с отцом жила только его дочь Александра, которой было тогда двадцать семь лет.

В 1937 году в храме Космы и Дамиана протоиерей Алексей встретил сорок седьмую годовщину своего священнического служения.

24 октября 1937 года власти арестовали священника и заключили в Ржевскую тюрьму. На допросах следователь спрашивал о его имущественном положении до и после революции, особо отметил долгую службу священника, его церковные награды и то, что он занимал ответственные церковные должности. Но в ответах священника он не нашел ничего, что можно было интерпретировать как преступное, антигосударственное деяние, и тогда, запугивая о. Алексея, сказал:

- Следствие располагает данными о проводимой вами антисоветской деятельности среди населения, расскажите о ней подробно.

- Антисоветской деятельности среди населения я не проводил и виновным себя в этом не могу признать, - ответил священник. Допрос продолжился и на следующий день.

- Расскажите о вашей антисоветской деятельности среди населения, - потребовал следователь.

- Я как священнослужитель, преданный своему делу, неоднократно произносил проповеди, в которых касался исключительно истинной православной веры, не позволяя в них ничего антисоветского.

25 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Алексей Никологорский был расстрелян 27 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Алексий (Сибирский) (память 31 октября по старому стилю)

Во исполнение приказа Сталина об аресте духовенства и мирян Русской Православной Церкви, которая по существу была определена как антисоветская, а следовательно, и антигосударственная организация и в таковом качестве подлежала уничтожению, в течение августа-сентября 1937 года было арестовано все духовенство Ново-Карельского и соседнего Козловского районов Тверской области, многие старосты, члены церковных двадцаток и православные миряне, независимо от того, были ли они председателями колхозов, рядовыми колхозниками или остались в единоличных хозяйствах.

В то время к подследственным применялись беспощадные пытки, и некоторые из арестованных под воздействием мучительных телесных страданий оговаривали себя и других и подписывали протоколы, которые были составлены следователями; но не все соглашались на это. Одним из таких мужественных пастырей был священник Алексей Сибирский.

Священномученик Алексий родился 17 марта 1870 года в селе Козлове Тверской губернии в семье священника Василия Сибирского. По окончании Тверской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника ко храму родного села, где прослужил всю свою жизнь до последнего ареста и мученической кончины. На его глазах в 1918 году произошла беспощадная расправа большевиков над крестьянами, заступившимися за церковь Божию в селе Николо-Гнездово. Он помнил, какими торжественными были похороны первых тверских мучеников нашего века - православных мирян Петра Жукова и Прохора Михайлова.

В 1929 году о. Алексея арестовали за то, что он не смог вовремя выполнить план хлебозаготовок. На выполнение этого плана власти давали всего двадцать четыре часа, и поскольку священник не успел за это время привезти хлеб на хлебосдаточный пункт, то был арестован и приговорен к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь и двум годам ссылки, а все его имущество, включая личные вещи, было конфисковано.

По возвращении о. Алексея из ссылки святой архиепископ Фаддей назначил его священником в село Козлово и определил благочинным. Власти искали повод, чтобы вновь арестовать священника. Во время весеннего сева в 1936 году кто-то донес, что священник молился в храме "за стахановскую весну", что было расценено властями как нарушение закона об отделении Церкви от государства. Отец Алексей немедленно был вызван для объяснений по этому поводу в районное управление НКВД. Священник сказал, что "за стахановскую весну" он не молился, а молился о изобилии плодов земных, и эти слова были взяты им из служебника. Много раз вызывали священника в сельсовет в

связи с тем, что благочестивое местное население неоднократно подавало властям прошение - разрешить ходить по домам с молебнами и иконами.

29 августа 1937 года НКВД арестовал священника, и он был заключен в Тверскую тюрьму. Несмотря на беспощадные допросы с применением пыток, о. Алексей держался мужественно и отрицал все возводимые на него следователями напраслины. Допросы шли каждый день в течение месяца, время от времени следователи оформляли их в виде протоколов.

- Расскажите, обвиняемый Сибирский, об антисоветских разговорах, девших место у вас в доме 4 июня сего года.

- 4 июня сего года по новому стилю по случаю именин моей жены, Ольги Павловны Сибирской, были приглашены в гости священник Михаил Иванович Муравьев, благочинный Митрофан Иванович Орлов и священник Михаил Петрович Соколов.

- Часто ли ходил Муравьев в село Скирки Максатихинского района и зачем именно он туда ходил?

- Мне известен один факт, когда Муравьев ходил в село Скирки. Это было примерно в июне месяце сего года, когда Муравьев, придя из села Скирки, говорил мне, что его приглашают обратно на приход в церковь села Скирки, но он отказался, не сказав причины отказа.

- Расскажите об антисоветском разговоре, имевшем место между вами и Муравьевым по приходе последнего из села Скирки.

- Таких разговоров со стороны Муравьева я не припоминаю.

- А вы часто бывали в селе Скирки?

- После революции я не был ни разу.

- Расскажите, обвиняемый Сибирский, давно ли вы знакомы с Нарциссовым?

- Со священником Нарциссовым я познакомился в июне 1936 года, когда он приходил ко мне в Козлово как к благочинному в поисках места священника. Я Нарциссову порекомендовал идти в село Раменье Спировского района, где имелось свободное место священника. В селе Раменье Нарциссова не зарегистрировали, таким образом, он ушел и ко мне больше не заходил.

- Когда вы встречались с Нарциссовым за последнее время?

- С 1936 года я с Нарциссовым больше не встречался. Куда он поступил священником, я не знаю.

- Какие разговоры были со стороны Нарциссова при посещении последним вас в июне 1936 года?

- Нарциссов мне говорил, что он после отбытия срока наказания в данное время без места и желает служить где-либо священником.

- Какие конкретно контрреволюционные разговоры состоялись между Нарциссовым и вами?

- Насколько я помню, контрреволюционных разговоров между нами не было.

- Расскажите, кто у вас был в доме 21 июля по случаю церковного праздника Казанская.

- 21 июля помимо моей семьи у меня гостил регент козловской церкви Иван Васильевич Лебедев... Я Лебедева знаю с малолетства.

- Какие вел контрреволюционные разговоры Лебедев у вас в гостях?

- Контрреволюционных разговоров со стороны Лебедева не было. Говорил, что живет и работает в Ленинграде хорошо, купил дочери пианино.

- С какого времени вы знакомы со священником Орловым?

- С Орловым я познакомился в 1935 году, то есть тогда, когда он приехал служить в церковь села Ерзовка. Приехал Орлов из города Калинина. Ко мне он тогда явился как к благочинному. Последующие встречи у нас были в 1936 году несколько раз в селе Козлово у меня на квартире. В том же 1936 году Орлов был назначен благочинным по Ново-Карельскому району, но, несмотря на это, у нас встречи продолжались: так,

например, в 1937 году мы встречались в селе Козлово у меня раза три. 30 марта приходил на мои именины, 4 июня - по случаю именин моей жены, и 7 июля.

- Расскажите, какие контрреволюционные вопросы ставил перед вами Орлов 30 марта?

- О контрреволюционных разговорах 30 марта со стороны Орлова я не помню. К тому же Орлов приходил ко мне в это время с незнакомым мне псаломщиком из Воздвиженского или Прудово-Михайловского. Фамилии этого псаломщика я не помню. Контрреволюционных разговоров со стороны псаломщика также не было.

- 7 июля какие контрреволюционные вопросы ставил Орлов?

- Контрреволюционных разговоров Орлова в этот день я не помню.

Недовольный ответами священника следователь устроил очную ставку о. Алексея с одним из тех, кто согласился подписать лжесвидетельства.

- Изложите следствию, что вам известно о принадлежности к контрреволюционной фашистско-монархической организации обвиняемого Сибирского Алексея Васильевича и о составе этой организации.

Перечислив множество людей и среди других о. Алексея, свидетель добавил:

- Задачей фашистско-монархической организации являлось свержение советской власти и реставрация капитализма при помощи иностранных фашистских государств через интервенцию Советского Союза и вооруженное восстание антисоветских сил из кулацких и бывших элементов и крестьянства, недовольного советским строем.

- Вы обличаетесь, - обратился следователь к о. Алексею, - как участник контрреволюционной фашистско-монархической группировки. Дальнейшее ваше упорство и отрицание бесполезно. Признаете ли вы себя виновным в участии в контрреволюционной фашистско- монархической организации?

- Участником контрреволюционной фашистско-монархической организации и в указанной группировке не был. Виновным себя в этом не признаю. В сборищах контрреволюционной группировки участия не принимал и на них не бывал.

- Обвиняемый Сибирский Алексей Васильевич, - обратился следовать к свидетелю, - отрицает свою принадлежность к контрреволюционной фашистско-монархической организации и участие его в сборищах. Следствие требует детализировать время и место сборищ, на которых присутствовал Сибирский: в присутствии кого это было, являлись ли они участниками данной организации и какие вопросы на этих сборищах обсуждались.

- 21 мая 1937 года по старому стилю сборище участников контрреволюционной фашистско- монархической организации происходило на квартире Сибирского Алексея Васильевича в день именин его жены... - и далее свидетель подтвердил все показания, угодные следствию.

После этого следователь снова обратился к о. Алексею:

- Ваши показания ложны и направлены к тому, чтобы скрыть от следствия свое участие и контрреволюционную деятельность в контрреволюционной фашистско-монархической организации. Показаниями Муравьева вы полностью изобличаетесь во лжи. Следствие настаивает на даче вами правдивых показаний.

Категорически отрицаю свою принадлежность к контрреволюционной фашистско-монархической организации и участие в сборищах.

11 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила благочинного храмов Козловского благочиния священника Алексея Сибирского к расстрелу. Он был расстрелян через день после постановления Тройки, 13 ноября 1937 года.

Вместе со священником были расстреляны лжесвидетельствовавшие о нем, о себе и других, те, кто не смог вынести тяжести следствия.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобный Алексий, иеросхимонах Зосимовой Пустыни (память 19 сентября по старому стилю)

Преподобный Алексий, иеросхимонах Зосимовой Пустыни (в миру Фёдор Алексеевич Соловьёв) родился 17 января 1846 года в Москве в многодетной семье протоиерея Алексея Петровича Соловьёва, настоятеля храма во имя преподобного Симеона Столпника, что за Яузой. Личность отца и его образ жизни были основой нравственного и духовного становления великого старца.

Мальчика при крещении нарекли в честь великомученика Феодора Тирона (память 17 февраля). Крёстным отцом был его дядя, протоиерей М.Д. Глаголев, а крёстной матерью - бабушка Анна Андреевна. Начальной грамоте он учился у своего будущего тестя, диакона соседнего храма отца Павла Смирнова. Когда малыша везли на санках к учителю, ему давали с собой бутылочку с чаем и конфетку. Чай Федя выпивал сам, а конфетку всегда отдавал Аннушке, маленькой дочке отца Павла, на которой потом, по воле Божией, и женился.

С малых лет мальчик отличался серьёзностью, не шалил, уклонялся от весёлого общества и шумных развлечений, был очень привязан к отцу, заботился о нём. Дети в спорах часто обращались к нему, чтобы он их рассудил. Фёдор любил музыку и, научившись играть на рояле, исполнял церковные песнопения и пел в хоре. Самыми любимыми песнопениями у него были ирмосы канона "Яко по суху пешествовав Израиль" и он всегда плакал от умиления, слушая их.

В 1866 году Фёдор Соловьёв завершил семинарское образование по первому разряду, вторым в списке выпускников. После Семинарии Фёдор не пошёл в Духовную Академию, потому что не чувствовал в себе особого призвания к богословской науке. Он хотел служить Господу в скромном звании приходского диакона в кругу "домашней церкви".

В 1867 году друзья детства Фёдор Алексеевич и Анна Павловна (дочь друга их семьи - священника храма во имя святого Климента на Варварке) повенчались. После рукоположения в диакона митрополит Московский Филарет (Дроздов, память 19 ноября) назначил отца Феодора в храм Святителя Николая в Толмачах, которому он покровительствовал.

В 1870 году родился сын Михаил. Но на пятом году супружества Анна, простудившись, заболела скоротечной чахоткой и в 1872 году скончалась. Когда отпевали Анну Павловну, у отца Феодора не было сил служить. Он стоял рядом с гробом, неотрывно смотрел на любимое лицо, и слезы катились по его щекам.

В мае 1895 года Феодор Алексеевич Соловьёв после 28-летнего служения покинул Николо-Толмачёвский приход, а в июне 1895 года отец Феодор был рукоположен в пресвитера и определён в штат Кремлёвского Успенского собора - главного собора России, хранящего великие святыни: Владимирскую чудотворную икону Божией Матери, мощи Святителей-чудотворцев: митрополитов Петра, Ионы, Филиппа и Гермогена.

Отец Феодор служил, как всегда, благоговейно, истово и не спеша, часто внеочерёдно, за других. После литургии охотно служил заказанные молебны и панихиды. Если служил другой клирик, он молился в алтаре, в нише. Утром, войдя в собор, отец Феодор первым делом подходил к образу Владимирской иконы Божией Матери и молился, затем шёл в алтарь. После литургии он с радостью служил молебны перед великой иконой, а вечером, покидая собор и, по своему обычаю, обходя с молитвой и поклонами все святыни, обязательно задерживался перед любимым образом Владимирской, прося Богородицу о помощи и заступничестве.

Отец Феодор пользовался в соборе всеобщей любовью и уважением. Уже через два года по принятии им священнического сана он был единогласно избран духовником

соборного причта, а ещё через год, незадолго до ухода в монастырь, стал протопресвитером. После того, как его сын окончил Московское техническое училище и женился на дочери богатого лесопромышленника Мотова, путь в монастырь для батюшки, давно тяготившимся мирской суетой, был открыт. И в октябре 1898 года протопресвитер Феодор Соловьёв ушёл из Успенского Собора, прослужив в нём 3 года и 4 месяца, и поступил в Смоленскую Зосимову Пустынь, находящуюся к северу от Москвы на железнодорожной станции Арсаки.

30 ноября 1898 года отец Феодор был пострижен игуменом Зосимовой Пустыни отцом Германом (Гомзиным, U 1923 г.) - учредившим в обители старческое окормление и позднее ставшим духовником преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в иеромонаха с именем Алексий, в честь Святителя Алексия, митрополита Московского. День его Ангела празднуется 12 февраля. Это был и день их венчания с женой.

Отец Герман, принимая в свою обитель протопресвитера Успенского собора, всеми уважаемого отца Феодора, очень опасался, что у того могли появиться ростки гордости и самомнения. И он начал смирять отца Алексия. Первыми послушаниями его были клиросное пение и совершение богослужений. Обращались с ним сурово, ставили во время службы ниже братии, облачения давали самые плохие. Правда, его определили духовником и освободили от тяжёлых физических работ. Регентом хора тогда был иеромонах Нафанаил, бывший артист оперы, окончивший консерваторию и Синодальное училище, хороший музыкант, но нервный и беспокойный человек. Отец Алексий стал петь на клирос по-соборному. Отец Нафанаил прервал его и резким тоном стал выговаривать: "Это не Успенский собор, вы не забывайтесь, здесь реветь нельзя". "У меня был хороший голос, - рассказывал отец Алексий об этом случае, - и мне хотелось его показать, но я должен был слушаться своего духовного сына, который был моим наставником в этом деле". Отец Алексий стал смиренно, от всей души просить прощения у отца Нафанаила. Тот долгие годы вспоминал это смирение с умилением. Размолвки с отцом Нафанаилом повторялись и доставляли отцу Алексию истинное мучение. После одной такой размолвки отец Алексий был настолько неспокоен духом, что ночью пришёл будить отца Нафанаила, чтобы просить у него прощения.

Даже став духовником отца Алексия, отец Герман исповедовал его до конца жизни. Он скоро узнал высокие душевные качества инока, его искреннее смирение и богатый опыт священнослужителя, понял его светлую душу. Настороженность сменилась уважением, а затем и большой любовью. Отец Алексий отвечал ему взаимностью. Увеличивалось и число исповедников у отца Алексия, его духовными детьми стали многие молодые монахи. Через несколько лет его духовным сыном стал и сам отец игумен Герман. Клиросное послушание ему отменили и поручили учить молодых монахов Закону Божию.

В 1906 году, Великим постом, постоянно осаждаемый исповедниками, он стал изнемогать, здоровье его пошатнулось, и он тяжко захворал воспалением лёгких. Положение было настолько серьёзно, что доктор Мамонов, лечивший его, открыто говорил, что отец Алексий может умереть. То помещение, где он жил, было сырым и холодным, и его перенесли в игуменские покои. Когда его переносили, ударили в колокол к Богослужению... Вся братия плакала. В Великий Четверг отца Алексия соборовали. После соборования, когда иноки подходили по очереди прощаться батюшкой, он тихо сказал одному: "Молись, я надеюсь на Бога, ради ваших святых молитв Господь дарует мне здоровье". После этого отец Алексий стал поправляться.

Летом 1906 года отец Алексий перебрался жить в небольшую избушку. Мало-помалу главным делом батюшки в монастыре стало старчество и духовничество. 17 февраля 1906 года скончался преподобный Варнава из Гефсиманского скита, и сразу же многие из его духовных чад обратились за помощью и поддержкой к отцу Алексию.

Время пребывания отца Алексия в полузатворе (1908-1916 гг.) было хотя и особенно трудно, но вместе с тем и многоплодно. К нему, как к свету, стремились отовсюду люди:

архиереи, государственные деятели, священнослужители, монахи, военные, врачи, чиновники, учителя, профессора и студенты, рабочие и крестьяне.

Среди духовных детей старца к этому времени были и такие известные деятели Русской Православной Церкви, как преподобномученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна, матушка Фамарь, которая, по благословению отца Алексия, в 1908 году основала ставший скоро известным Серафиме-Знаменский скит под Москвой. Зосимову пустынь часто посещали и члены известного в те годы в Москве религиозно-философского кружка, основанного в начале века М. А. Новосёловым (впоследствии священномученик епископ Марк, память 4 января).

Отец Алексий привлекал всех этих людей как праведник, молитвенник, нежный целитель душ, прозорливец и замечательный духовник, чуждый корысти и гордости, лицеприятия и человекоугодия.

Иногда отцу Алексий приходилось принимать народ почти безвыходно по многу часов. Можно было удивляться, как его больное сердце выдерживало это огромное напряжение. Конечно, то было чудо - в немощи совершалась сила Божия. Со временем пришлось ввести специальные билеты для исповедников: 110 билетов на два дня. Отец Иннокентий их раздавал. Когда на исповедь пускали выборочно, батюшка был недоволен. "Я, - скажет, - не на лицо, а на человека должен смотреть".

Глубина смирения отца Алексия была так велика, что при всякой своей ошибке сознавал её, каялся и просил прощения. Так, он упал в ноги отцу Макарию за то, что не досмотрел самовар. Всероссийская скорбь начавшейся войны 1914 года глубоко поразила открытое всем скорбям любящее сердце отца Алексия.

В июне 1915 года старец серьёзно заболел: у него был сильный сердечный приступ. Болел он долго и тяжело. Только в конце августа старец почувствовал себя лучше и снова стал принимать посетителей.

15 июля 1917 года в Троице-Сергиевой Лавре открылся предсоборный монашеский съезд Московской иерархии. По личной просьбе Святителя Тихона старец Алексий принимал в нём участие и был избран членом Всероссийского Поместного Собора. В августе старец прибыл в Москву и был помещён в митрополичьи покои Чудова монастыря, где его с любовью принял его духовный сын - молодой наместник архимандрит Серафим (Звездинский, будущий священномученик). На следующий день, 15 августа, состоялось торжественное открытие Всероссийского Поместного Собора в храме Христа Спасителя.

После тех серьёзных событий, которые произошли в России в конце октября 1917 года, было решено безотлагательно восстановить на Руси Патриаршество. Избрание Патриарха было назначено на воскресенье 5 ноября в храме Христа Спасителя. 30 октября были избраны три кандидата в Патриархи: архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (он получил в качестве кандидата наибольшее число голосов), архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений и митрополит Московский Тихон. Избрание Патриарха должно было решиться жребием. Вынуть жребий поручили старцу-затворнику Зосимовой пустыни иеромонаху Алексию.

По окончании Божественной Литургии после совершения особого молебна митрополит Владимир на глазах у всех молящихся распечатал ковчежец и открыл его. Старец Алексий, во время молебна стоявший в мантии перед чудотворной иконой Божией Матери и горячо молившийся о том, чтобы достойно исполнить волю Божию, принял благословение митрополита, трижды осенил себя крестным знамением и вынул из ковчежца один из трёх жребиев, в котором было имя митрополита Тихона.

21 ноября (4 декабря н. ст.), в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, в Успенском соборе Кремля состоялась торжественная интронизация Святейшего Патриарха Тихона. 28 февраля 1919 года иеромонах Алексий был пострижен в схиму. Имя у него осталось то же, но день Ангела стал праздноваться не 12 февраля, а 17 марта - в день святого праведного Алексия, человека Божия.

В октябре 1919 года от сыпного тифа скончался сын старца - Михаил Фёдорович. Батюшка очень просил, чтобы его отпустили на похороны, но ему как затворнику сделать этого не разрешили, о чём старец весьма скорбел.

В январе 1923 года мирно почил отец игумен Герман. Сразу же на следующий день после погребения игумена Смоленской Зосимовой пустыни из Александрова приехала комиссия для выполнения большевицкого декрета о ликвидации всех монастырей и уездов. Началось жестокое уничтожение мирной обители. Официально уездные власти закрыли пустынь 8 мая 1923 года. Первым делом выгнали всех её насельников, предварительно изъяв у них серебряные ризы с личных икон и другие ценные вещи. Все они разъехались кто куда. Отец Алексий со своим келейником отцом Макарием отправился в Сергиев Посад. Два дня пожив в гостинице, они нашли приют в маленьком домике духовной дочери старца Веры Верховцевой, которая покидала Сергиев Посад, чтобы поселиться в Сарове, где ещё продолжалась монашеская жизнь.

До 1925 года старец Алексий ещё немного ходил по комнаткам, несколько раз добирался до храма. После он больше сидел в кресле, а потом уже полулежал на кровати. Старец из последних сил старался вычитывать все дневные службы, исключая литургию, которую он в келье никогда не совершал, так как не имел антиминса. Когда он уже не мог стоять, то вычитывал службы сидя. Однажды, когда отец Алексий лежал от недомогания в постели, его приехал навестить Патриарх Тихон. Батюшка был глубоко тронут вниманием Святейшего и чувствовал себя крайне неловко, оттого что встречал его и беседовал лёжа. Он несколько раз пытался встать, но Святейший снова укладывал его на кровать. После 1927 года отец Алексий уже только лежал, с трудом поднимая голову, и шевелил пальцами правой руки. Принимал только своих близких духовных чад и монахов, и то не всех. Есть свидетельства о существовании завещания старца Алексея - поминать предержащия власти и не отходить от митрополита Сергия.

Почил старец Алексий 19 сентября (2 октября н. ст.) 1928 года в Сергиевом Посаде. Чин отпевания в Петро-Павловском храме был совершён архиепископом Бийским Иннокентием (Соколовым) с многочисленным сонмом клириков и иерархов. Погребён был старец в Сергиевом Посаде на Кокуевском кладбище у алтаря (позже, по закрытии кладбища, прах перенесён на новое городское кладбище).

Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

Священномученик Алексий (Успенский) и мученик Василий (Шикалов) (память 8 сентября по старому стилю)

Священномученик Алексий родился 22 сентября 1879 года в селе Шолы Белозерского уезда Новгородской губернии в семье псаломщика Глеба Успенского, который умер, когда Алексею едва исполнилось полтора года. По окончании Духовной семинарии Алексей Глебович был рукоположен в сан священника. Служил на разных приходах. Гонения конца двадцатых - начала тридцатых годов застали его в храме Тверской епархии.

Как и в большинстве других случаев, власти, намереваясь арестовать священника, предложили заплатить государству огромный налог, и поскольку священник не смог удовлетворить их требований, те арестовали его. Суд приговорил о. Алексея к конфискации имущества и заключению на шесть месяцев в исправительно-трудовой лагерь. Для священника это было тем более тяжело, что оставались без средств к

существованию его жена, Вера Александровна, и дети - дочь восьми лет и два сына - шести и трех лет.

Но всякое испытание, как бы ни было оно тяжело, он принимал как посланное Богом, как крест, кроткое несение которого есть путь ко спасению. И потому ему никогда не приходило в голову и не томило сердце желание оставить свое служение. Вернувшись из заключения, о. Алексей стал снова служить в храме и вскоре был возведен в сан протоиерея.

В начале 1937 года архиепископ Тверской Никифор (Никольский), назначенный на Тверскую кафедру в конце 1936 года, ввиду того, что власти лишили в это время архиепископа Тверского Фаддея регистрации, определил о. Алексея в Вознесенскую церковь села Вознесенья Бологовского района Тверской области. По общему мнению прихода, который включал в себя село и несколько деревень, о. Алексей показал себя ревностным пастырем, истинным попечителем о словесных овцах стада Христова и сугубым молитвенником. Все свои силы он отдавал просвещению прихожан. Бывали случаи, когда под давлением безбожной власти и пропаганды крестьяне называли своих детей нехристианскими именами, но таковых священник, не боясь ответственности, отправлял в сельсовет, чтобы они предварительно переписали имена своих детей на христианские, и только после этого приходили крестить. У него в храме, несмотря на большое число прихожан, никогда не было общей исповеди; о. Алексей старался поговорить с каждым, а когда нужно, то поддержать. Сам имевший семью христианского духа, он и прихожан учил воспитывать своих детей в духе христианской любви. Священник обучал прихожан навыкам церковной молитвы и наставлял, чтобы они приучали к ней детей. Учил не изменять православной вере и никогда не снимать креста. Время пришло такое, что ни нательных крестиков, ни разрешительных молитв, ни икон было не достать, и о. Алексей отправлял старосту храма Василия Яковлевича Шикалова в большие города, чтобы там закупить все необходимое. Ревностное служение священника скоро обратило на себя внимание властей, и поскольку НКВД в то время пристально наблюдал за всеми храмами, чаще всего с помощью доносчиков, то один из них стал писать о священнике, что в последнее время, то есть с началом служения о. Алексея в Вознесенском храме, в приходе стало наблюдаться религиозное оживление. Люди активно посещают церковь, крестят детей, те, кто не крестили раньше, окрестили сейчас. Например, крестил своего ребенка высокопоставленный офицер Красной Армии, который специально для этого приехал в село. Прихожане уже поговаривают, чтобы восстановить колокольный звон. Вокруг храма собралось много монахинь, которые ведут активную миссионерскую работу. Храм стали посещать жены партийных работников. Этот донос не был пущен в ход сразу, но, когда летом 1937 года советское правительство приняло решение о повсеместных арестах священнослужителей, сотрудники НКВД доносом воспользовались и 2 сентября арестовали о. Алексея и старосту храма Василия Шикалова.

Василий Яковлевич Шикалов родился 12 апреля 1875 года в селе Большая Дубровна Бологовского уезда Тверской губернии, был прихожанином Вознесенской церкви и последнее время выполнял в ней обязанности старосты. Начав гонения на Православную Церковь в конце двадцатых годов и преследуя православных мирян, безбожные власти потребовали от Василия Яковлевича выполнения твердого задания по сдаче сельскохозяйственной продукции, которое было невыполнимо по существу. За невыполнение он был арестован и приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, а все имущество его было конфисковано. Вернувшись в начале 1937 года в родное село, Василий Яковлевич подал ходатайство о пересмотре своего дела. Летом 1937 года ходатайство удовлетворено, он был признан невиновным, и имущество ему было ему возвращено. Впрочем, земная справедливость торжествовала недолго - осенью Василий Яковлевич был вновь арестован.

6 сентября о. Алексей был вызван на допрос.

- Следствию известно, что вы, гражданин Успенский, совместно с церковным старостой Василием Шикаловым вели контрреволюционную деятельность. Что вы можете сказать по данному вопросу?

- Да, действительно, я как священник производил в деревнях Бологовского района крещения новорожденных в домах населения, скрывая это от органов советской власти... На крещение детей в домах без разрешения на это местных органов власти я не имел права, так как по положению моя деятельность должна была производиться лишь в церкви. Кроме того, моя деятельность выразилась в том, что совместно с церковным старостой мы распространяли среди населения нательные крестики и иконы с молитвами; эта деятельность с нашей стороны проводилась с целью укрепления веры. Наряду с этим, в целях борьбы за веру среди населения, у людей, приносивших детей для крещения и уже давшим им имена, не значившиеся в православных святцах, я таких детей не крестил и отсылал в сельский совет для перерегистрации, чтобы дали новые имена. Мною во время литургии при чтении заупокойных поминаний было поминовение царей Николая и Александры в присутствии верующих. Это мною делалось без всякого намерения.

- Следствию известно, что вы у себя в доме устраивали сборище церковников и чтение Библии, при этом вели контрреволюционную деятельность.

- Библия у меня в доме была, читали ее я и моя жена. Библия у меня существовала с 1909 года до момента моего ареста.

- Следствию известно, что вы среди населения распространяли провокационные слухи через Шикалова о гибели советской власти.

- Я сам в церкви говорил проповеди о том, что вера Христова падает, но она будет жить. Что же касается контрреволюционных высказываний Шикалова, то мне о них ничего не известно.

В тот же день следователь допросил старосту храма, Василия Яковлевича.

- Следствию известно, что вы совместно со священником Алексеем Успенским вели контрреволюционную деятельность. Что вы можете сказать по этому поводу?

- Я, будучи церковным старостой, распространял среди населения крестики. Всего я распространил до ста пятидесяти крестов, а также на меня было возложено распространение молитв и венчиков; эти молитвы мной были приобретены в городе Ленинграде на рынке у церкви Иоанна Предтечи с рук у неизвестного мне гражданина.

- Следствию известно, что вы собирались и вели контрреволюционную деятельность в доме у священника Алексея Успенского. Что вы можете сказать по этому поводу?

- Да, действительно, я у священника в доме был в июне месяце, но зачем я к нему ходил, теперь не помню.

- Следствию известно, что вы во время распространения молитв и крестов вели контрреволюционную агитацию. Что вы можете сказать по данному вопросу?

- Во время распространения молитв и крестов я никакой контрреволюционной агитации не вёл.

19 сентября Тройка НКВД приговорила священника и старосту к расстрелу. Протоиерей Алексей Успенский и староста Василий Шикалов были расстреляны 21 сентября 1937 года.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Праведный Алексий Мечёв (память 9 июня по старому стилю)

Московский старец, в миру отец Алексий Мечёв, родился 17 марта 1859 года в благочестивой семье регента кафедрального Чудовского хора.

Отец его, Алексей Иванович Мечёв, сын протоиерея Коломенского уезда, в детстве был спасен от смерти на морозе в холодную зимнюю ночь святителем Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским. В числе мальчиков из семей духовенства Московской епархии, отобранных по критерию достаточной музыкальности, он был привезен поздним вечером в Троицкий переулок на митрополичье подворье. Когда дети ужинали, владыка митрополит вдруг встревожился, быстро оделся и вышел осмотреть прибывший обоз. В одних санях он обнаружил спящего мальчика, оставленного там по недосмотру. Увидев в этом Промысл Божий, митрополит Филарет отметил особым вниманием и попечением спасенного им ребенка, постоянно заботился о нем, а в дальнейшем и о его семье.

Рождение отца Алексия произошло при знаменательных обстоятельствах. Мать его, Александра Дмитриевна, при наступлении родов почувствовала себя плохо. Роды были трудные, очень затянулись, и жизнь матери и ребенка оказалась в опасности.

В большом горе Алексей Иванович поехал помолиться в Алексеевский монастырь, где по случаю престольного праздника служил митрополит Филарет. Пройдя в алтарь, он тихо встал в стороне, но от взора владыки не укрылось горе любимого регента. "Ты сегодня такой печальный, что у тебя?", - спросил он.

- "Ваше Высокопреосвященство, жена в родах умирает". Святитель молитвенно осенил себя крестным знамением. - "Помолимся вместе... Бог милостив, все будет хорошо", - сказал он; потом подал ему просфору со словами: "Родится мальчик, назови его Алексеем, в честь празднуемого нами сегодня святого Алексия, человека Божия".

Алексей Иванович ободрился, отстоял литургию и, окрыленный надеждой, поехал домой. В дверях его встретили радостью: родился мальчик.

В двухкомнатной квартирке в Троицком переулке в семье регента Чудовского хора царила живая вера в Бога, проявлялось радушное гостеприимство и хлебосольство; здесь жили радостями и горестями каждого, кого Бог привел быть в их доме. Всегда было многолюдно, постоянно останавливались родные и знакомые, которые знали, что им помогут и утешат.

Всю жизнь отец Алексий с благоговением вспоминал о самоотверженном поступке матери, которая взяла к себе свою сестру с тремя детьми после смерти ее мужа, несмотря на то, что и самим было тесно с тремя своими детьми - сыновьями Алексеем и Тихоном и дочерью Варварой. Для детей пришлось соорудить полати. Среди родных и двоюродных братьев и сестер Леня, как звали Алексея в семье, выделялся мягкосердечием, тихим, миролюбивым характером. Он не любил ссор, хотел, чтобы всем было хорошо; любил развеселить, утешить, пошутить. Все это выходило у него благочестиво. В гостях, в разгар игр в детских комнатах, Леня вдруг становился серьезен, быстро удалялся и прятался, замыкаясь в себе от шумного веселья. Окружающие прозвали его за это "блаженный Алешенька".

Учился Алексей Мечёв в Заиконоспасском училище, затем в Московской духовной семинарии. Он был старательным, исполнительным, готовым на всякую услугу. Оканчивая семинарию, так и не имел своего угла, столь необходимого для занятий. Чтобы готовить уроки, часто приходилось вставать ночью.

Вместе со многими товарищами по классу Алексей Мечёв имел желание поступить в университет и сделаться врачом. Но мать решительно воспротивилась этому, желая иметь в нем молитвенника. "Ты такой маленький, где тебе быть доктором, будь лучше священником", - заявила она с твердостью.

Тяжело было Алексею оставить свою мечту: деятельность врача представлялась ему наиболее плодотворной в служении людям. Со слезами прощался он с друзьями, но пойти против воли матери, которую так уважал и любил, он не мог. Впоследствии батюшка понял, что обрел свое истинное призвание, и был очень благодарен матери.

По окончании семинарии Алексей Мечёв был 14 октября 1880 года определен псаломщиком Знаменской церкви Пречистенского сорока на Знаменке. Здесь ему суждено было пройти тяжелое испытание.

Настоятель храма был человек крутого характера, неоправданно придирчивый. Он требовал от псаломщика выполнения и таких обязанностей, которые лежали на стороже, обходился грубо, даже бил, случалось, и кочергой замахивался. Младший брат Тихон, посещая Алексея, нередко заставал его в слезах. За беззащитного псаломщика вступался иногда диакон, а тот все сносил безропотно, не высказывая жалоб, не прося о переводе в другой храм. И впоследствии благодарил Господа, что он дал ему пройти такую школу, а настоятеля отца Георгия вспоминал как своего учителя.

Уже будучи священником, отец Алексий, услышав о смерти отца Георгия, пришел на отпевание, со слезами благодарности и любви провожал его до могилы, к удивлению тех, кто знал отношение к нему почившего.

Потом отец Алексий говорил: когда люди указывают на недостатки, которые мы сами за собой не замечаем, они помогают нам бороться со своим "яшкой". Два у нас врага: "окаяшка" и "яшка" - батюшка называл так самолюбие, человеческое "я", тотчас заявляющее о своих правах, когда его кто волей или неволей задевает и ущемляет. "Таких людей надо любить как благодетелей", - учил он в дальнейшем своих духовных детей.

В 1884 году Алексий Мечёв женился на дочери псаломщика восемнадцатилетней Анне Петровне Молчановой. В том же году, 18 ноября, был рукоположен епископом Можайским Мисаилом во диакона.

Сделавшись служителем алтаря, диакон Алексий испытывал пламенную ревность о Господе, а внешне проявлял величайшую простоту, смирение и кротость. Брак его был счастливым. Анна любила мужа и сочувствовала ему во всем. Но она страдала тяжелым заболеванием сердца, и здоровье ее стало предметом его постоянных забот. В жене отец Алексий видел друга и первого помощника на своем пути ко Христу, он дорожил дружескими замечаниями жены и слушал их так, как иной слушает своего старца; тотчас стремился исправлять замеченные ею недостатки.

В семье родились дети: Александра (1888), Анна (1890), Алексей (1891), умерший на первом году жизни, Сергей (1892) и Ольга (1896).

19 марта 1893 года диакон Алексий Мечёв был рукоположен епископом Нестором, управляющим московским Новоспасским монастырем, во священника к церкви Николая Чудотворца в Кленниках Сретенского сорока. Хиротония состоялась в Заиконоспасском монастыре. Церковь Николая Чудотворца в Кленниках на Маросейке была маленькой, и приход ее был очень мал. В непосредственной близости высились большие, хорошо посещаемые храмы.

Став настоятелем одноштатной церкви Святителя Николая, отец Алексий ввел в своем храме ежедневное богослужение, в то время как обычно в малых московских храмах оно совершалось лишь два-три раза в седмицу.

Приходил батюшка в храм почти с пяти часов утра, сам и отпирал его. Благоговейно приложившись к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери и другим образам, он, не дожидаясь никого из причта, готовил все необходимое для Евхаристии, совершал проскомидию. Когда же подходил установленный час, начинал утреню, за которой нередко сам читал и пел; далее следовала литургия. "Восемь лет служил я литургию каждый день при пустом храме, - рассказывал впоследствии батюшка. - Один протоиерей говорил мне: "Как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил в церковь - пусто... Ничего у тебя не выйдет, понапрасну звонишь"". Но отец Алексий этим не смущался и продолжал служить. По действовавшему тогда обычаю москвичи говели раз в году Великим постом. В храме же "Николы-Кленники" на улице Маросейке можно было в любой день исповедаться и причаститься. Со временем это стало в Москве известно. Описан случай, когда стоявшему на посту городовому показалось подозрительным поведение неизвестной женщины в очень ранний час на берегу Москвы-реки. Подойдя, он

узнал, что женщина пришла в отчаяние от тягот жизни, хотела утопиться. Он убедил ее оставить это намерение и пойти на Маросейку к отцу Алексию. Скорбящие, обремененные горестями жизни, опустившиеся люди потянулись в этот храм. От них пошла молва про его доброго настоятеля.

Жизнь духовенства многочисленных малых приходов того времени была материально тяжела, плохими часто бывали и бытовые условия. Маленький деревянный домик, в котором помещалась семья отца Алексия, был ветхим, полусгнившим; стоявшие вплотную соседние двухэтажные дома затеняли окна. В дождливое время ручьи, сбегая вниз с Покровки и Маросейки, текли во двор храма и в подвал домика, в квартире всегда было сыро.

Матушка Анна Петровна тяжело болела. У нее началась сердечная водянка с большими отеками и мучительной одышкой. Скончалась Анна Петровна 29 августа 1902 года в день усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

В то время очень близкая отцу Алексию купеческая семья (Алексей и Клавдия Беловы) пригласила к себе домой приехавшего в Москву праведного отца Иоанна Кронштадтского, с которым находилась в контакте по делам благотворительности. Сделано же это было для встречи с ним отца Алексия.

"Вы пришли разделить со мной мое горе?", - спросил отец Алексий, когда вошел отец Иоанн. - "Не горе твое я пришел разделить, а радость, - ответил отец Иоанн. - Тебя посещает Господь. Оставь свою келью и выйди к людям; только отныне и начнешь ты жить. Ты радуешься на свои скорби и думаешь: нет на свете горя больше твоего... А ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя, и тогда увидишь, что твое несчастье незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет".

Благодать Божия, обильно почивающая на Кронштадтском пастыре, по-новому осветила жизненный путь отца Алексия. Указанное ему он принял как возложенное на него послушание. К восприятию благодати старчества он был, несомненно, подготовлен многими годами поистине подвижнической жизни.

Искавших в маросейском храме помощи, надломленных тяжелыми обстоятельствами, взаимной неприязнью, погрязших во грехах, забывших о Боге отец Алексий встречал с сердечной приветливостью, любовью и состраданием. В душу их вселялись радость и мир Христов, проявлялась надежда на милость Божию, на возможность обновления души, проявляемая по отношению к ним любовь вызывала у каждого ощущение, что его больше всех полюбили, пожалели, утешили.

Отец Алексий получил от Бога благодатный дар прозорливости. Приходившие к нему могли видеть, что ему известна вся их жизнь, как ее внешние события, так и их душевные устремления, мысли. Раскрывал он себя людям в разной степени. По своему глубокому смирению всегда стремился не показывать полноты этого дара. О каких-либо подробностях, деталях еще неизвестной собеседнику ситуации он обычно говорил не напрямик, а якобы рассказывая об имевшем недавно место аналогичном случае. Указание, как поступить в конкретном деле, батюшка высказывал только раз. Если пришедший возражал, настаивал на своем, то отец Алексий устранялся от дальнейшего разговора, не объяснял, к чему приведет неразумное желание, даже не повторял первоначально сказанного. Мог иногда дать и требуемое от него благословение. Лицам же, пришедшим с покаянным чувством и преисполненным доверия, он оказывал молитвенную помощь, предстательствуя за них перед Господом об избавлении от трудностей и бед.

Отец Алексий получил известность как добрый батюшка, к которому следует обращаться в трудные для семьи моменты. Не в правилах его было читать наставления, обличать, разбирать чьи-нибудь дурные поступки. Он умел говорить о моральных аспектах семейных ситуаций, не затрагивая болезненного самолюбия находившихся в конфликте сторон. И его приглашали на требы в критические моменты. Приезжая в готовую развалиться семью, батюшка приносил в нее мир, любовь и всепрощающее понимание всех и каждого. Он не порицал никого, не укорял, а старался, приводя яркие

случаи ошибок и заблуждений, доводить слушающих до сознания своей вины, вызывать у них чувство раскаяния. Это рассеивало тучи злобы, и виноватые начинали чувствовать в своих поступках неправоту. Надлежащее понимание нередко наступало не сразу, но позже, когда человек, вспоминая слова отца Алексия и глубже заглядывая в свою смягчившуюся душу, мог наконец увидеть, что его рассказы имели прямое к нему отношение, и понять, какой новый путь он для него намечал.

В нижнем жилом этаже храма батюшка открыл начальную церковно-приходскую школу, а также устроил приют для сирот и детей неимущих родителей. Дети осваивали там и полезные для них ремесла. В течение 13-ти лет отец Алексий преподавал детям Закон Божий в частной женской гимназии Е. В. Винклер.

Благословив на писание икон свою духовную дочь Марию, пришедшую к нему в храм девочкой-подростком вскоре после смерти отца, батюшка способствовал этим возрождению в дальнейшем древнерусской иконописи, которая находилась в забвении несколько столетий, уступив место живописи.

Богослужения в храме отец Алексий стал совершать в ту пору не только утром, но и вечером (вечерню и утреню).

Проповеди батюшки были просты, искренни, они не отличались красноречием. То, что он говорил, трогало сердце глубиной веры, правдивостью, пониманием жизни. Он не пользовался ораторскими приемами, сосредоточивал внимание слушателей на евангельских событиях, житии святых, сам оставаясь полностью в тени.

Молитва отца Алексия никогда не прекращалась. На своем примере батюшка показал, что при житейском шуме и суете города можно быть далеким от всего земного, иметь непрестанную молитву, чистое сердце и предстоять Богу еще здесь, на земле.

Когда его спрашивали, как наладить жизнь прихода, он отвечал: "Молиться!" Призывал своих духовных чад молиться за панихидами: "Еще раз ты войдешь в соприкосновение с усопшими... Когда предстанешь перед Богом, все они воздвигнут за тебя руки, и ты спасешься".

Число молящихся в храме все увеличивалось. Особенно после 1917 года, когда отошедшие от Церкви, испытав многочисленные беды, устремились в храмы в надежде на помощь Божию. После закрытия Кремля часть прихожан и певчих Чудова монастыря перешла по благословению владыки Арсения (Жадановского) в храм отца Алексия. Появилось немало молодежи, студентов, которые увидели, что революция вместо обещанных благ принесла новые бедствия, и теперь стремились постичь законы духовной жизни.

В эти годы начали служить на Маросейке получившие образование ревностные молодые священники и диаконы, в их числе сын отца Алексия отец Сергий Мечёв, рукоположенный во иерея в Великий четверток 1919 года. Они помогали и в проведении лекций, бесед, в организации курсов по изучению богослужения. Но нагрузка на отца Алексия все возрастала. Слишком многие желали получить его благословение на какое-либо дело, выслушать его совет. Батюшке приходилось и раньше принимать часть приходящих в своей квартире в домике причта, построенном перед Первой мировой войной известным издателем И. Д. Сытиным. Теперь же можно было видеть нескончаемые очереди у дверей домика, летом приезжие оставались ночевать во дворе храма.

Велико было смирение отца Алексия. Никогда не обижался он ни на какие грубости по отношению к себе. "Я что?.. Я - убогий..." - говаривал он. Однажды, заставив духовную дочь вспомнить на исповеди, что она плохо говорила о своей родственнице и не придала этому значения, он сказал ей: "Помни, Лидия, что хуже нас с тобою во всем свете никого нет".

Сторонился батюшка проявлений по отношению к себе знаков почтения, уважения, избегал пышных служб, а если приходилось участвовать, то старался встать позади всех. Тяготился наградами, они обременяли его, вызывая у него глубокое, искреннее смущение.

По хлопотам чудовских сестер в 1920 году Святейший Патриарх Тихон удостоил батюшку награды - права ношения креста с украшениями. Священники и прихожане собрались вечером в храм, чтобы поздравить его. Отец Алексий, обычно улыбчивый, радостный, выглядел встревоженным и огорченным. После краткого молебна он обратился к народу с сокрушением, говоря о своем недостоинстве, и, заливаясь горькими слезами, просил прощения и поклонился в землю. Все увидели, что, принимая эту награду, он действительно чувствовал себя недостойным ее.

Истинными духовными друзьями отца Алексия были современные ему оптинские подвижники - старец иеросхимонах Анатолий (Потапов) и скитоначальник игумен Феодосий. Отец Анатолий приезжавших к нему москвичей направлял к отцу Алексию. Старец Нектарий говорил кому-то: "Зачем вы ездите к нам? У вас есть отец Алексий".

Отец Феодосий, приехав как-то в Москву, посетил маросейский храм. Был за богослужением, видел, как идут вереницы исповедников, как истово и долго проходит служба, подробно совершается поминовение, как много людей ожидает приема. И сказал отцу Алексию: "На все это дело, которое вы делаете один, у нас бы в Оптиной несколько человек понадобилось. Одному это сверх сил. Господь вам помогает".

Святейший Патриарх Тихон, который всегда считался с отзывом батюшки в случаях хиротонии, предложил ему взять на себя труд по объединению московского духовенства. Заседания проходили в храме Христа Спасителя, но по условиям того времени вскоре были прекращены. Отношение духовенства к батюшке было весьма различно. Многие признавали, его авторитет, часть пастырей была его духовными детьми и последователями, но немало было и тех, кто критиковал его.

В последних числах мая по новому стилю 1923 года отец Алексий поехал, как и в прошлые годы, отдыхать в Верею, отдаленный городок Московской области, где у него был маленький домик. Перед отъездом служил в маросейском храме свою последнюю литургию, прощался с духовными детьми, уходя, простился с храмом. Скончался отец Алексий в пятницу 9/22 июня 1923 года. Последний вечер он был радостен, ласков со всеми, вспоминал отсутствующих, особенно внука Алешу. Смерть наступила сразу же, как только он лег в постель, и была мгновенной.

Гроб с телом отца Алексия был доставлен в храм Николая Чудотворца в Кленниках на лошади в среду 14/27 июня в девятом часу утра. Церковные общины Москвы во главе со своими пастырями приходили одна за другой петь панихиды и прощаться с почившим. Это длилось до самого утра следующего дня, чтобы дать возможность всем пришедшим помолиться. Служили вечером две заупокойные всенощные: одну в церкви и другую во дворе. Литургию и отпевание совершал во главе сонма духовенства архиепископ Феодор (Поздеевский), настоятель Данилова монастыря, - об этом просил в своем письме незадолго до смерти отец Алексий. Владыка Феодор находился тогда в тюрьме, но 7/20 июня был освобожден и смог исполнить желание батюшки.

Всю дорогу до кладбища пелись пасхальные песнопения. Проводить отца Алексия в последний путь прибыл на Лазаревское кладбище исповедник Христов Святейший Патриарх Тихон, только что освобожденный из заключения. Он был восторженно встречен толпами народа.

Исполнились пророческие слова батюшки: "Когда я умру - всем будет радость". Литию служил архимандрит Анемпо-дист. Святейший благословил опускаемый в могилу гроб, первый бросил на него горсть земли.

Отец Алексий говорил при жизни своим духовным чадам, чтобы они приходили к нему на могилку со всеми своими трудностями, бедами, нуждами. И многие шли к нему на Лазаревское кладбище.

Через десять лет в связи с закрытием Лазаревского кладбища останки отца Алексия и его жены были перенесены 15/28 сентября 1933 года на кладбище "Введенские горы", именуемое в народе Немецким. Тело отца Алексия было в ту пору нетленным. Лишь на одной из ног нарушился голеностопный сустав и отделилась стопа.

Все последующие десятилетия могила отца Алексия была, по свидетельству администрации кладбища, самой посещаемой. Благодаря рассказам о полученной помощи, а позднее и публикациям, множество людей узнали об отце Алексии и, прося его заступничества в своих бедах и трудных житейских обстоятельствах, бывали утешены батюшкой.

Регулярно приходилось добавлять земли в могильный холмик, так как прибегавшие к помощи отца Алексия уносили ее с собой...

В первую годовщину смерти отца Алексия маросейская община предложила всем, кто пожелает, написать о своих встречах с батюшкой, на что многие откликнулись. Воспоминания эти были неравноценны; но в некоторых из них засвидетельствованы случаи прозорливости, примеры чудес, знамений и молитвенной помощи старца.

У одной женщины из Тулы пропал единственный сын. Полгода не было от него вестей; мать была в тяжелом стоянии. Кто-то посоветовал ей обратиться к отцу Алексию. Она приехала в Москву, пришла прямо в храм Николая Чудотворца в Кленниках и в конце литургии вместе со всеми пошла прикладываться ко кресту. Еще несколько молящихся отделяло ее от батюшки, которого она в первый раз видела, когда он протянул ей крест через головы шедших впереди нее и внушительно сказал: "Молись как за живого". От неожиданности растерявшись, она смутилась и постеснялась подойти вторично. Не имея сил успокоиться, обратилась к священнику, хорошо знавшему батюшку, и тот привел ее к нему домой. Едва она вошла в комнату и взяла благословение, как батюшка, не слышав еще ни одного ее слова, а она от волнения и душивших ее слез не могла говорить, взял ее за плечо и с любовью и лаской смотря ей в глаза, промолвил: "Счастливая мать, счастливая мать! О чем ты плачешь? Тебе говорю: он жив!" Затем, подойдя к письменному столику, начал перебирать лежавшие на нем бумажные иконочки, приговаривая: "Вот тоже на днях была у меня мать: все о сыне беспокоится, а он преспокойно служит в Софии на табачной фабрике. Ну, Бог благословит", - и с этими словами благословил ее иконочкой. Это было на Светлой неделе. В конце сентября она получила от сына из Болгарии письмо, где он сообщал, что служит в Софии на табачной фабрике.

Ольга Серафимовна, человек из высших слоев общества, глубоко верующий и церковный, была начальницей приюта для сирот, состоявшего под попечительством Великой княгини Елизаветы Федоровны. Часто бывала она в храме Николая Чудотворца в Кленниках у батюшки отца Алексия. И он бывал по ее приглашению в приюте.

Однажды вместе с нею собралась к обедне в этот храм одна из ее подчиненных служащих, смотрительница приюта. После литургии, подходя к кресту, Ольга Серафимовна подумала: "А что, если батюшка скажет мне сейчас что-нибудь такое, что уронит мое достоинство и авторитет в глазах моей подчиненной?" Опасаясь этого, она предложила своей сослуживице пойти впереди нее, но та не захотела. Увидев Ольгу Серафимовну, батюшка высоко поднял крест и, широким твердым жестом благословляя ее, громко, отрывисто произнес: "Ольга!.. Мудрая!.." - потом, нагнувшись к самому ее уху, шепотом ласково добавил: "Дура, это я только для других сказал..." -и, с обычной благостной улыбкой посмотрев на нее, продолжал давать крест подходившим.

Однажды к батюшке на прием привели мальчика, приучившегося красть. Батюшка, сам отворивший дверь и еще ничего не слышавший о нем, строго ему сказал: "Ты зачем крадешь? Нехорошо красть".

Одна дама, по имени Вера, прислуживавшая в церкви, получила разрешение повидать батюшку во время его болезни. По дороге к нему она все думала: "Господи! Что мне делать, ведь у меня две сестры, обе нетрудоспособные, я их содержу, что же будет с ними, когда я умру?.." Только она вошла в комнату батюшки, он встретил ее словами: "Ах ты, Вера, да без веры, а еще косынку носишь, сестра церковная. Что ты все на себя берешь, предоставить Богу ничего не хочешь? Нет, ты вот что, оставь все эти сомнения за порогом и верь, что Бог лучше тебя сохранит твоих сестер".

Одна женщина пришла спросить у батюшки, не выйти ли ей замуж. Муж ее попал в плен к немцам в войну 1914 года. С тех пор прошло почти 9 лет, и нет о нем никаких вестей, к ней же сватается очень хороший человек. Вместо ответа батюшка рассказал: "Вот, дорогие, какие бывают случаи: одна женщина пришла ко мне и говорит: "Батюшка, благословите меня замуж выйти, так как мой муж много лет в плену и его, по-видимому, нет в живых. А сватается за меня очень хороший человек". Я ее не благословил, а она все же вышла замуж. Только повенчалась, через восемь-девять дней возвращается ее муж из плена. И вот два мужа, и с ними жена пришли разрешить вопрос, чья же она теперь жена. Вот какие бывают случаи..." Спрашивавшая испугалась и решила подождать, а через несколько дней неожиданно вернулся ее муж.

В одну из пятниц по окончании литургии к батюшке подошли две девушки, одетые в черное, с просьбой благословить их на поступление в монастырь. Одну из них он благословил охотно и дал большую просфору, а другой сказал: "А ты вернись домой, там ты нужна, и в монастырь тебя не благословляю". Девушка отошла смущенная и разочарованная. Окружающие полюбопытство- вали, у кого и при каких условиях она живет. Девушка ответила, что живет с больной старушкой-мамой, которая и слышать не хочет об уходе дочери в монастырь, ведь тогда она останется совсем одна.

После молебна в среду подошла к батюшке женщина, упала ему в ноги и, рыдая, начала кричать: "Батюшка, помогите! Батюшка, спасите! Не могу больше жить на свете: последнего сына на войне убили", - и начала биться головой о подсвечник, что у иконы святителя Николая. Подойдя, батюшка обратился к ней с такими словами: "Что ты делаешь, разве можно так отчаиваться. Вот великий заступник и молитвенник наш перед Господом". И, помогая ей подняться на ноги, тотчас начал молебен святителю Николаю, а ей сказал: "Сделай три земных поклона. Молебен тебе стоять некогда. Я уж за тебя помолюсь один, а ты поезжай скорей домой, там тебя ждет великая радость". И женщина, ободренная батюшкой, побежала домой. На другой день, во время ранней литургии, которую совершал отец Алексий, шумно вбежала вчерашняя посетительница. Она желала как можно скорее увидеть батюшку, повторяя взволнованным голосом: "А где же батюшка?" Сообщила, что, придя вчера домой, она нашла на столе телеграмму от сына, в которой говорилось, чтобы она немедленно приехала на вокзал для встречи его. "Да вот он и сам идет", - указала она на входившего в тот момент молодого человека. Батюшка был вызван из алтаря. С рыданием упала перед ним женщина на колени и просила отслужить благодарственный молебен.

Великим постом после молебна подходит к отцу Алексию женщина: "Батюшка, помогите, скорби совсем замучили. Не успеешь пять проводить, как уж девять навстречу". Батюшка, пристально взглянув ей в лицо, спросил: "А давно ли ты причащалась?" Не ожидая такого вопроса, женщина смутилась и сбивчиво начала говорить: "Да вот недавно, батюшка, говела..." - "А как недавно? - повторил вопрос батюшка, - годика четыре уже будет?" - "Да нет, батюшка, я вот только прошлый год пропустила, да позапрошлый нездорова была". - "А перед этим годом ты в деревне была? Вот тебе и четыре года". Поняв, что батюшке известна вся ее жизнь, она стала перед ним на колени, прося прощения. "А что же ты у меня просишь? – заметил батюшка, - проси у Бога, Которого ты забыла. Вот потому-то тебя и скорби одолели".

Отец Сергий Дурылин, став с весны 1921 года настоятелем часовни Боголюбской иконы Божией Матери, продолжал служить на Маросейке в определенный день недели. Он рассказал, что в один из этих дней в 1922 году в храм пришла женщина, которая много плакала и поведала о себе, что она из Сибири, из города Тобольска. Во время гражданской войны у нее пропал сын; не знала она, жив он или мертв. Однажды, особенно наплакавшись в молитве к преподобному Серафиму и изнемогши от слез, она увидела во сне самого преподобного. Он рубил топориком дрова и, обернувшись, сказал: "А ты все плачешь? Поезжай в Москву на Маросейку к отцу Алексию Мечёву. Сын твой найдется".

И вот та, которая в Москве никогда не бывала, имени отца Алексия не слыхала, решилась на такой далекий и по тем временам трудный путь. Ехать приходилось то в товарном, то в пассажирском поезде. Бог знает, как добралась она. Нашла Маросейку, церковь и батюшку, на которого ей указал преподобный Серафим. Слезы радости и умиления текли по ее лицу. Уже после кончины батюшки стало известно, что эта женщина нашла тогда своего сына.

Имеется множество свидетельств благодатной помощи в различных нуждах по молитвам к старцу. Много таких случаев было отмечено при восстановлении храма на Маросейке. В дни памяти батюшки несколько раз неожиданно приходила помощь в оформлении документов, в срочных делах по ремонтным работам в храме и церковном домике; поступали пожертвования. На опыте известно, что когда в скорби обращаются к нему: "Батюшка отец Алексий, помоги", - помощь приходит очень скоро, отец Алексий стяжал от Господа великую благодать молиться за тех, кто к нему обращается.

На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года старец в миру протоиерей Алексий Мечёв был причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания.

Священномученик Амфилохий, епископ Енисейский (память 18 сентября по старому стилю)

Священномученик Амфилохий, епископ Енисейский (в миру Скворцов Александр Яковлевич) родился в 1885 году в селе Норваши Цивильского уезда Казанской губернии в семье псаломщика. По окончании Казанской Духовной Семинарии в марте 1922 года Александр был пострижен в монашество с именем Амфилохий. В 1910 году он был рукоположен в иеромонаха. Отец Амфилохий окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия и оставлен при ней профессорским стипендиатом. В 1910-1911 годах батюшка слушал курс лекций на Восточном факультете Санкт-Петербургского Императорского Университета, а затем исполнял должность доцента в Казанской Духовной Академии по кафедре монгольского языка, истории и обличения ламаизма.

С 1912 по 1914-й годы батюшка был командирован в Монголию для изучения тибетского языка и вероучительной литературы ламаизма. В 1922 году он хиротонисан в епископа Мелекесского, викария Уфимской епархии. В 1923 году его арестовали. С марта 1925 года Владыка назначается епископом Красноярским и Енисейским. Владыка бесстрашно обличал обновленцев, отказавшись от сотрудничества с ними. Летом 1926 года он был снова арестован в городе Цивильск в Чувашии и приговорён к 3 годам заключения в лагере. До марта 1928 года Владыка содержался в Соловецком лагере, где работал кладовщиком.

В 1928 году он получил назначение на Донскую и Новочеркасскую кафедру, но в 1929 году его возвращают на Красноярскую кафедру. Однако Владыка вскоре отошёл от митрополита Сергия и присоединился к "даниловской" оппозиции, возглавляемой будущим священномучеником архиепископом Феодором (Поздеевским, память 10 октября). Удалившись в тайгу, он основал тайный скит. В 1934 году Владыка был арестован и сослан в Сибирь. В 1937 году Святитель был расстрелян в Мариинских лагерях.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священноисповедник Амвросий (Полянский), епископ Каменец-Подольский и Брацлавский (память 7 декабря по старому стилю)

Священноисповедник Амвросий (в миру Александр Алексеевич Полянский) родился 12 ноября 1878 года в селе Петелино Елатемского уезда Тамбовской губернии в семье священника. Род Полянских издавна был священническим, и они отличались христианским благочестием. Начальное образование Александр получил в церковноприходской школе в родном селе. Когда ему исполнилось девять лет, отец отдал его учиться в духовное училище в городе Шацке Тамбовской губернии. Свое образование он продолжил в Тамбовской Духовной семинарии, которую окончил в 1899 году, и в тот же год поступил в Казанскую Духовную академию. В 1901 году он был пострижен в монашество с именем Амвросий и рукоположен в сан иеродиакона, а в 1902 году - в сан иеромонаха. В 1903 году иеромонах Амвросий окончил академию со степенью кандидата богословия, был назначен преподавателем в Киевскую Духовную семинарию и определен в число братии Киево-Печерской Лавры. В 1905 году он был награжден наперсным крестом. В 1906 году он был назначен ректором той же семинарии и возведен в сан архимандрита.

Революционные беспорядки, нравственная расшатанность в обществе не миновали и Духовную семинарию, несмотря на все усилия ректора. 29 марта 1907 года среди учащихся вспыхнул бунт, вызванный недовольством "воспитанников оценкой их поведения за последнюю четверть. Произведенные беспорядки состояли в свисте, шуме, криках и топаньи ногами по адресу членов инспекции, присутствовавших за обедом и ужином, когда происходили беспорядки. После вечерней молитвы, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны ректора и инспектора, беспорядки были продолжены особенно грубо в свисте, шуме, оскорбительных выкрикиваниях, продолжавшихся непрерывно около двух часов. Огни в коридоре, где все это происходило, были потушены. Появились на сцену - плевательница, круг от лампы, куски штукатурки, а в конце всего и классные доски. Явившаяся к ректору депутация часов в 12 ночи заявила такие требования: 1) более гуманные отношения инспекции к ученикам; 2) пересмотр баллов по поведению и поправка четверок на пятерки; 3) возвращение уволенных воспитанников и 4) неприкосновенность личности депутатов. Требования не были приняты. На другой день свист возобновился перед уроками; слышны были отдельные свистки и выкрикивания и между уроками, протекшими в общем порядке". 30 марта состоялось экстренное заседание педагогического собрания, которое постановило прекратить занятия и распустить учеников по домам.

Несмотря на подобного рода безотрадные явления, свидетельствующие о том, насколько дух времени проник в среду церковной молодежи, отец Амвросий деятельно выступал в деле вспомоществования материально необеспечен- ным студентам и состоял постоянным членом Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Подольского духовного училища, также председателем совета Петропавловского попечительства о недостаточных воспитанниках Киевской Духовной семинарии. В 1915 году за усердное служение на епархиальных послушаниях архимандрит Амвросий был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

Архимандрит Амвросий отличался глубоким благочестием и смирением и был любим как учениками семинарии, так и священноначалием в лице митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого). Не раз поднимался вопрос о хиротонии архимандрита Амвросия в сан епископа, но очень ценивший благочестивого священноинока и ревностного труженика на поприще подготовки юношей к церковному служению митрополит Флавиан каждый раз в таких случаях говорил: "Он мне нужен". Сам митрополит Флавиан был миссионером, подвижником, человеком, отличавшимся

исключительным милосердием: он никому не отказывал в материальной помощи. В Киеве у него были назначены определенные дни для приема бедных, и к нему с утра стекался народ для получения щедрых пожертвований. Будучи сам благочестивым, он ценил благочестие и в своих сотрудниках.

22 октября 1918 года архимандрит Амвросий был хиротонисан во епископа Винницкого, викария Каменец-Подольской епархии. В 1922 году он был перемещен на кафедру Каменец-Подольскую и Брацлавскую, но здесь ему пришлось служить недолго.

После окончания гражданской войны на Украине и образования обновленчества советские власти повели беспощадную борьбу с Православной Церковью. Обновленческий архиепископ Каменец-Подольской епархии Пимен (Пегов) предложил епископу Амвросию вступить в обновленческую организацию. Святитель отказался, о чем обновленцы сообщили в ОГПУ, и епископ был арестован. Его обвинили в том, что он будто бы укрывал бывших офицеров царской армии через рукоположение их в сан священника. Обвинение не соответствовало действительности, так как люди, о которых шла речь, давно уволились с военной службы и служили учителями. Избрав в советских условиях крестный путь священнослужителя, они выдержали экзамен для принятия сана и были рукоположены епископом Амвросием.

В 1923 году епископ Амвросий был выслан за пределы Украины и поселился в Москве. После высылки православного архиерея Каменец- Подольская епархия, при поддержке советских властей, была совершенно разгромлена обновленцами: в Виннице, например, не осталось ни одного православного храма.

В 1923 году обновленцы вступили в переговоры с Русской Православной Церковью об условиях объединения. Их основным условием было отстранение Патриарха Тихона от управления Церковью и удаление его на покой. В конце сентября 1923 года в Донском монастыре состоялось собрание двадцати семи архиереев, на котором обсуждались вопросы, связанные с примирением с обновленцами. Доклады делали архиепископы Серафим (Александров), Иларион (Троицкий) и Тихон (Оболенский).

Первым докладывал архиепископ Серафим: "Богомудрые архипастыри, мы только что сейчас в качестве трех уполномоченных Святейшим Патриархом Тихоном лиц были у высокопреосвященнейшего митрополита Евдокима, где около двух часов беседовали с ним обстоятельно по вопросу о ликвидации нашего церковного разделения. Высокопреосвященнейший митрополит Евдоким предложил нам обсудить три вопроса по этому делу безотлагательно... Это - согласны ли мы на примирение с ним. Если мы согласны, то надо завести сношения и начать совместную подготовительную работу к предстоящему Поместному Собору. В этом случае Поместный Собор открывает Святейший Патриарх Тихон. На этом Соборе Патриарх Тихон должен отказаться от управления Церковью и уйти на покой. Если мы согласны будем провести это в жизнь, то Высокопреосвященнейший Евдоким дал нам обещание, что Патриарх Тихон будет на Соборе восстановлен в сущем сане".

По существу доклада архиепископа Серафима выступил епископ Амвросий. "Меня удивляет, почему вы, ваше высокопреосвященство, называете Евдокима высокопреосвященным митрополитом, - сказал он. - Признаете ли вы его за законного архиерея?" Архиепископ Серафим ответил, что признает, но он согласен, что решение этого вопроса неоднозначно. "А для меня и, наверное, для других здесь присутствующих Евдоким вовсе не Высокопреосвященнейший митрополит, а бывший архиепископ, потому что он присоединился к отщепенцам (самозваному духовенству, отколовшемуся от Святейшего Патриарха Тихона и, по его идеологии, от Церкви Христовой). Сами посудите, кто у них были первыми вершителями дел? Бывший архиепископ Антонин, состоящий на покое в Заиконоспасском монастыре. Он из личных счетов пошел против Патриарха Тихона, а к нему примкнули и прочие из духовенства с темным прошлым. Антонин оказался богохульником. Он, как нам известно, идет против почитания угодников Божиих, признает только Святую Троицу и священные события из жизни

Христа и Богоматери, иконостас он называет ненужной перегородкой, которую пора, по его словам, сломать. Епископ Леонид нам мало известен, но он, несомненно, подкуплен, дабы расшатывать канонические устои святого Православия. Введенский, бывший петроградский священник, а ныне женатый архиерей, чуть ли не из евреев. Священник Боярский высказался кощунственно на их незаконном Соборе против почитания святых мощей. Вот эти опороченные лица и восстали против Святейшего Патриарха Тихона и святого Православия. Вот к ним и присоединился архиепископ Евдоким и тем самым отказался от Церкви Христовой, а потому он не может быть законным архиереем".

После обсуждения вопроса о примирении и объединении с обновленцами состоялось закрытое голосование, на котором большинство архиереев высказалось против подобного шага.

Через год епископ Амвросий снова был арестован. ОГПУ продержало его в заключении десять дней. После освобождения он служил в разных храмах Москвы, всегда на богослужениях проповедуя. В 1925 году епископ Амвросий был назначен управляющим Каменец-Подольской епархии, но выехать в нее не успел. В конце ноября 1925 года в Москве были арестованы все архиереи, которые оказывали помощь Патриаршему Местоблюстителю в управлении Русской Православной Церковью. Вместе с ними был арестован и епископ Амвросий. Следствие вели Тучков и Казанский.

Первый протокол допроса был записан через полмесяца, 16 декабря 1925 года.

- В какой церкви или монастыре вы преимущественно служите? - спросил следователь.

- В Даниловом монастыре.

- Кого из епископов, живущих в Даниловом монастыре или близ него и служащих в нем, вы знаете?

- Епископов Дамаскина, Парфения, Германа, Иоасафа; архиепископов Пахомия и Прокопия.

Все они к тому времени были арестованы вместе с епископом Амвросием и сидели во внутренней тюрьме ОГПУ или в Бутырской тюрьме.

Второй протокол допроса был составлен на Сретение, 15 февраля. Следователь, основываясь на показаниях осведомителей, спрашивал епископа о произносимых им в церквях проповедях.

Владыка ответил: "Я в своих проповедях говорю на чисто церковные и нравственные темы, избегая всяких общественных моментов. Проповедей специально на тему "Богом царие царствуют" я не говорил, но текста этого в своих проповедях касался. Толковал я его так, что все на земле совершается по воле Божией и если бывают, как в жизни отдельных людей, так и народов, бедствия и несчастья, то это только есть наказание Бога за грехи для их вразумления. В качестве таких наказаний для народов указывал на послереволюционный голод, не указывая, однако, ни дат, ни самых явлений, ограничиваясь такими понятиями, как "недостаток пропитания", "общая нужда"; собственно, в общем смысле о "тяжелых жизненных испытаниях".

Что касается моего отношения к революции, то я своих мыслей и убеждений по этому вопросу в проповедях не высказывал. Я лично считаю революцию Божьим судом для всех классов русского народа за все его прошлое.

Повторяю, что конкретно я никогда политических событий не касался и не давал поводов понимать меня и мой взгляд на революцию не так, как я уже сказал. Но может быть, меня именно так, без всякого повода с моей стороны, и понимали, а может быть, и не понимали, я не знаю".

Следующий допрос состоялся через полтора месяца, 29 марта. К этому времени Тучков и 6-й отдел ОГПУ уже выработали свое суждение, решив, что жившие в Даниловом монастыре архиереи есть нелегальный Синод митрополита Петра, и потому всякая встреча этих архиереев в монастыре и всякая их беседа с обсуждением церковных вопросов есть не что иное, как обсуждение насущных церковных вопросов Синодом. На вопрос о том, не были ли встречи архиереев заседаниями Синода при Патриаршем

Местоблюстителе, епископ Амвросий ответил: "У нас в Даниловом монастыре были беседы по тем или иным вопросам церковного характера в порядке выяснения мнений, но все выносившиеся из обсуждения мнения не носили обязательного характера ни для кого. Вопросов таких... было порядочно, и упомнить их все трудно".

Возвратившись после допроса в камеру, епископ стал вспоминать подробности допроса, и в частности то, с каким пристрастием и желанием перетолковать и исказить смысл каждого слова допрашивали его следователи, стремясь придать церковным решениям и действиям политический характер. То, что в глазах епископа было чисто церковным действием, вынужденным церковными канонами, составленными и записанными сотни лет назад, когда о советской власти не было и помина, в устах следователя приобретало значение действия политического, с далеко идущими последствиями. И владыка решил по этому поводу объясниться. На следующий день после допроса он через секретаря тюремного отдела ОГПУ передал заявление для следователя. Он писал: "По поводу допроса 29 марта считаю нужным заявить следующее. Для меня Церковь есть религиозный союз и, как всякий союз, она имеет свои законы и правила. Более того, Церковь есть Божественное установление, имеющее в основе своей жизни Божественные правила, выраженные Священным Писанием и составленными на основании последнего канонами Вселенских и Поместных Соборов. И всякий, кто хочет принадлежать к Церкви, должен исполнять ее правила и законы; в противном случае он отпадает от Церкви, хотя бы внешне и принадлежал к ней. Тем более священнослужитель должен исполнять законы и правила Церкви.

Я полюбил духовную жизнь, стал служителем Церкви и впредь хочу принадлежать к ней; поэтому стараюсь исполнять законы и правила Церкви и на все явления церковной жизни смотрю только с точки зрения церковных правил и установлений, а не с какой-либо другой точки зрения, например политической. К примеру, - я не признаю обновленчества только потому, что оно нарушило церковные законы (самочинные, женатые архиереи и прочее). Патриаршество я признаю только потому, что оно, а не Синод, - каноническое установление, как это и существует в Восточных Церквах.

Что касается политики, то я к ней никогда не стремился и не стремлюсь, - душа моя не лежит к ней. И в прежнее время я ею не занимался и ни в каких организациях и обществах не участвовал; и теперь, при советской власти, политики я не касался и не касаюсь, ни к каким организациям и обществам не принадлежал и не принадлежу, ни в каких политических выступлениях не участвовал и не участвую и преступлений против советской власти не совершал".

Преосвященный Амвросий был приговорен к трем годам заключения и отправлен вместе с архиепископом Херсонским Прокопием (Титовым) в Соловецкий концлагерь. 30 ноября 1928 года архиереям было объявлено, что после лагеря они ссылаются на три года в Уральскую область. В ссылку через Екатеринбург и Тобольск они ехали вместе. 7 апреля, в праздник Благовещения, они прибыли в Тобольский изолятор, откуда их в тот же день освободили. Но свобода оказалась краткосрочной, уже 9 апреля их вновь арестовали и заключили в Тобольскую тюрьму, в которой они пробыли полтора месяца. С началом судоходства первым же пароходом они были доставлены в город Обдорск. Через месяц владыка Амвросий был отправлен отсюда в небольшую село Шурышкары, где он пробыл до 5 июля 1931 года, когда был возвращен в Обдорск.

30 июля 1931 года епископ Амвросий и архиепископ Прокопий вновь были арестованы. Подлинной причиной ареста явилась ненавистная безбожным властям глубокая вера святителей, их нежелание идти на компромиссы, сам образ жизни, который они вели в глухой ссылке; раздражало, что архиереи осмелились служить Божественную литургию в ссылке, хотя на службах присутствовало всего несколько человек, раздражало и то, что святители переписывались с находившимся на крайнем севере Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром.

Решение об их аресте было принято в Москве, и потому допросы свидетелей и поиск обвинений начались уже после ареста.

Дочь церковного старосты Антонина Рочева показала: "В прошлом году, когда пошли разговоры среди населения, что закроют церковь, Полянский моей матери и моему отцу говорил: "Собираются вас закрыть, осквернить церковь, давать закрывать ее не надо, иначе все будете безбожниками, и вас Бог накажет. Если не согласитесь, церковь насильственно не закроют". Я на собрании выступила за то, чтобы церковь не давать. Я говорила потому, что боялась быть безбожницей. Также выступил против закрытия церкви и мой отец - церковный староста. Отец... вел работу за оставление церкви, собирал деньги, и в результате его присудили к штрафу в сто пятьдесят рублей. Когда отец получил приговор суда, Полянский приходил к нам и говорил: "Вас местная власть осудила неверно, подавайте жалобу, вас оправдают". Он говорил: "В газетах пишут, что товаров не будет, а хлеб и будет, но он будет дорогой. Надо вам постепенно заготовлять, а то придется голодать. Все идет к худшему. Раньше жилось лучше, сейчас нет ничего, всего меньше и меньше..." Полянский устраивал богослужения, на которых бывали женщины-зырянки. Я видела у него на молитве на Пасху Марию Дьячкову и старика ссыльного Терентия Жупикова".

Терентий Жупиков, живший в одном доме с епископом, будучи вызван в ОГПУ, показал: "В селе Шурышкары он (епископ Амвросий) обжился, все у него знакомые, близко познакомился с зырянами и остяками. Он бывает в домах у каждого зырянина, некоторые заходят и к нему, часто бывают у него остяки, которые снабжают его рыбой, жиром и другим, в чем он ощущает надобность. Бесед с ними он не вел, так как они взаимно один другого не понимают, но он с ними бывает любезен. Мне и моему товарищу Сергиенко говорил: "Сейчас настало время гонения на Церковь, верующих и священнослужителей. Сейчас власть высылает народ за то, что они верующие и не хотят закрывать церквей, не хотят быть безбожниками. Ведь везде церкви закрываются насильно, под давлением власти, а раз церкви закроют, ясно, народ будет неверующий. Священнослужителей высылают за то, что они служат Церкви, других преступлений нет. Вот выслали меня, за что, не знаю, так же не знают и другие, за что их выслали. Вот арестовали в Херсоне одну знакомую мне старушку. Видимо за то, что она верующая и посылала мне посылки". Он меня и Сергиенко спрашивал, за что мы сосланы и с какого года находимся в ссылке. Я ему сказал, что я был арестован в январе 1930 года и направлен в ссылку вместе с односельчанином. Он на это мне сказал: "Вас выслали в связи с коллективизацией, наверно, народ в колхоз не шел; чтобы остальных припугнуть, взяли вас арестовали, а оставшиеся пошли в колхоз". Он нам часто доказывал истинность Русской Православной Церкви, ругал всегда сектантов, что они шарлатаны и обманщики".

Завхоз оргбюро ОКРИКа1 Конев показал: "Епископ Полянский по прибытии его в село Шурышкары имел тесную связь с Речевым и Дьячковым... Связь их заключалась в том, что Полянский частенько посещал их квартиры, и они также к нему ходили. Какие беседы он проводил, я точно сказать не могу... с приездом Полянского указанные выше лица в вопросах религии стали проявлять себя наиболее грамотными. Кроме того, я сам лично видел в доме Дьячкова у детишек последнего тексты молитв, написанные на бумаге карандашом - это тоже, я считаю, дело Полянского, так как сам Дьячков и его жена неграмотные. Все эти лица крепко стояли против закрытия церкви... Кроме того, все они производили незаконный сбор денег на содержание церкви, за что были судимы. Однажды в 1930 году весной, примерно в мае месяце, Полянский приходил на регистрацию в Шурышкарский сельсовет, где начал разговор на религиозную тему сначала с секретарем сельсовета Карповым... а затем вмешался в их разговор и я. Полянский нам всемерно доказывал, что "Бог есть и существует... Он есть, и все зависит от Него..." Из этого я делаю вывод, что если Полянский в сельсовете говорит так, то... среди темных зырянских и туземных масс он проводить такую работу, конечно, не стесняется".

Материалов для обвинения, однако, не было достаточно, и к архиереям в камеру подселили осведомителей, один из которых донес, будто епископ Амвросий сказал, что каждый раз, когда его вызывают на допрос к уполномоченному ОГПУ, ему предлагают стать агентом ОГПУ. "Но я на такую подлость, - сказал владыка Амвросий, - никогда не пойду".

Вызванный на допрос, епископ настоял на том, чтобы писать показания собственноручно. Он высоко ценил слово, а тем более слово архиерея, и не желал, чтобы в его текст вносились изменения безбожником-следователем. Владыка писал: "Свой арест и высылку с Украины я объясняю тем, что не пошел в обновленческую организацию, как предлагал мне тогдашний архиепископ Подольской епархии Пимен. Его доклад, а также доклад бывшего тогда товарища председателя Высшего Церковного Управления обновленческого я видел после ареста в местном ОГПУ, на основании таковых докладов мне предлагались вопросы. На основании этого факта и других у меня складывается впечатление, что обновленческая организация находится в положении благоприятствования со стороны власти сравнительно со староцерковничеством. Что касается мотивов и оснований такого благоприятствующего отношения органов власти к обновленческой организации, то, по-моему, не мне решать этот вопрос; это - дело органов власти. Предположительно я могу сказать, что, вероятно, потому такое отношение, что обновленческая организация оказывается подходящей, а может быть, и полезной для органов власти, если принять во внимание доклады обновленческих деятелей, которые я видел в ОГПУ, а также и то, что обновленцы нарушают церковные законы и правила, строят церковную жизнь по своему произволу, производят разделения в церковной жизни, что может быть благоприятным для органов власти, ставящей своей задачей борьбу с верой и Церковью..."

В сентябре 1931 года "дело" архиепископа было закончено. В обвинительном заключении уполномоченный Ямальского отдела ОГПУ написал: "В Ямальский Окружной отдел ОГПУ поступили сведения, что административно- ссыльные епископы Полянский и Титов, находясь в ссылке в селе Мужи в 1929 году, устраивали с местным зырянским и туземным остякским населением широкие связи... на почве ведения бесед на религиозные темы, придавая им антисоветский уклон... совершали незаконные в домах богослужения, а также проводили явно антисоветскую агитацию.

Впоследствии уполномоченным ОГПУ были переведены Полянский - в Шурышкары, а Титов - в деревню Киеват, где продолжали ту же самую деятельность, оказывая вредное влияние на окружающие их темные массы, в результате чего лица, находящиеся с ними в наиболее тесных связях, стали активно выступать против проводимых мероприятий советской власти, как например против закрытия церкви, против коллективизации, распространения займов и так далее.

Допрошенные в качестве обвиняемых, Полянский и Титов в вышеизложенных преступлениях виновными себя не признали и ведение антисоветской агитации категорически отрицают, но принимая во внимание, что факты наличия таковой подтверждаются свидетельскими показаниями", ОГПУ постановило направить материалы дела "в Тройку ПП ОГПУ по Уралу для внесудебного рассмотрения".

После окончания следствия архиереи были отправлены в Тобольскую тюрьму. 14 декабря 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Амвросия и архиепископа Прокопия к ссылке в Казахстан на три года.

Епископ Амвросий был отправлен в ссылку в город Туркестан, куда прибыл в начале сентября 1932 года. Здесь в это время жило много ссыльных монахинь из России, и в частности из Марфо-Мариинской обители. Епископа Амвросия приняла одна из послушниц обители, Евфросиния Журило. В ОГПУ владыке сказали, что он должен будет отправиться за сто двадцать километров, через пустыню, в небольшое село Сузак, где определено место жительства. Путь туда проходил по узкой и опасной дороге, на иных участках вдоль ущелья, и бывали случаи, когда верблюды срывались с тропинки и падали

в пропасть. Послушница Евфросиния пошла к начальнику ОГПУ, чтобы упросить его не посылать архиерея в столь далекое и опасное путешествие, оставить его в городе, но тот отказал.

Вечером владыка беседовал с монахинями и послушницами Марфо-Мариинской обители. Утром они стали собирать вещи и готовить епископа к отъезду: собрали все необходимое, достали телегу, уложили в нее вещи и дали письма к знакомому ссыльному доктору из Санкт-Петербурга и к ссыльным монахиням. Владыку усадили в телегу и со слезами на глазах простились с исповедником. Дорогой епископа обожгло солнцем, и он едва доехал до места ссылки. По приезде он сразу попал в больницу; однако состояние его здоровья оказалось настолько тяжелым, что, несмотря на все усилия врача и сестер, владыка через неделю скончался.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

---

1 Окружной Исполнительный Комитет.

Священномученик Амвросий, епископ Сарапульский, Свияжский и Казанский (память 27 июня по старому стилю)

Священномученик Амвросий, епископ Сарапульский, Свияжский и Казанский (в миру Василий Гудко) родился в Люблинской губернии в 1867 году. В 1889 году Василий поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где принял монашеский постриг в 1891 году, а через два года был рукоположен в иеромонаха. После окончания Академии со степенью кандидата богословия, отец Амвросий был назначен заведовать миссионерским училищем на Алтае. Служил в Корейской Духовной Миссии, затем был смотрителем Московского Донского духовного училища, а с 1901 года являлся ректором Волынской Духовной Семинарии.

В 1904 году состоялась хиротония архимандрита Амвросия во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии. С 1909 года он епископ Балтский, викарий Подольской епархии. С 1914 года Владыка был назначен в город Сарапул, являясь викарием Вятской епархии.

18 марта 1917 года за обличение злоупотреблений губернской администрации Владыка был уволен с кафедры на покой в Свияжский монастырь Казанской епархии. Там, у раки первого Святителя Казанской земли митрополита Германа, неправедно сверженный с своей кафедры епископ в пламенных проповедях и увещевал народ не поддаваться "развращающему влиянию" соблазнителей, крепко держаться веры отцов. Некоторые его печатные проповеди, такие как "Врат рода человеческого - жидомасоны в мировой истории", обличающее планы сионистов по разрушению России, были запрещены даже синодом, так как в них содержались факты, вскрывающие проникновение в правительство антирусских сил.

Величие духа Владыки сказалось и в том, что он, подобно другому священномученику архиепископу Гермогену Тобольскому (Долганову), мужественно призывал ратовать за плененного Царя и за Царёво дело.

Когда весной 1918 года большевики устроили в монастырском дворе специальный пункт конного завода, так что в часы обедни ржание жеребцов и кобыл перекрывало монастырское пение, Владыка пошёл к земельному комиссару и сказал: "Не допущу вашего кощунства у храма, где почивают мощи Святителя Германа. Если вы не уберётесь, то ударю в набат, соберутся мужики и всех вас прогонят из монастыря". Вскоре Владыка

был арестован и отправлен в Казань. Там его ожидал расстрел, но рабочие местных заводов пригрозили забастовкой и власти по просьбе священномученика епископа Чистопольского Анатолия (Грисюка) выдали Святителя на поруки. Владыка снова служил, говорил бесстрашные проповеди. "Мы должны радоваться, что Господь привёл нас жить в такое время, когда мы можем за Него пострадать. Каждый из нас грешит всю жизнь, а краткое страдание и венец мученичества искупят грехи всякие и дадут вечное блаженство, которое никакие чекисты не смогут отнять", - так Святитель увещевал народ.

После возвращения Владыки в Свияжск, 27 июля 1918 года, по личному приказу Лейбы Бронштейна-Троцкого, нагрянувшего туда всем своим штабом, епископ был арестован и вывезен на станцию Тюрлем, где расположился штаб частей Красной армии. Там посреди нескошенного поля келейник Святителя Иов Протопопов нашёл через несколько часов тело архипастыря с множеством штыковых ранений, с вывернутыми в плечах, локтях и кистях руками. Он предал его честные останки земле и многие годы (до 1930 года, когда земля отошла колхозу) платил крестьянину, чтобы тот не вспахивал поле, где покоился прах священномученика. Сам отец Иов был расстрелян в 1931 году в Раифской пустыни (память 25 марта).

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Анатолий (Ботвинников) (память 31 октября по старому стилю)

Преподобномученик Анатолий (в миру Анатолий Иванович Ботвинников) родился 15 октября 1881 года в деревне Копани Быховского уезда Могилевской губернии в крестьянской семье. Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, умер отец, и мать с сыном переехали в Тобольскую губернию, им дали землю, они обзавелись хозяйством, и Анатолий стал крестьянствовать, как когда-то его отец.

Началась Русско-японская война, и Анатолий был призван рядовым на действительную военную службу. Во время военных действий он оказался в Порт-Артуре, был ранен; попал в плен, где пробыл около года; последствия ранения остались на всю жизнь - у него была ограничена подвижность руки и спины.

После заключения мирного договора с Японией Анатолий Иванович был отпущен из плена и вернулся домой. Он никогда раньше не помышлял о служении Церкви, но война, близость смерти, ранение, жизнь в плену язычников произвели переворот в душе молодого человека, выделив главное - спасение своей души; и он принял решение - если останется жив, то станет монахом.

В апреле 1906 года он поступил в один из сибирских монастырей. Здесь в течение нескольких лет он выполнял самые различные послушания. В 1912 году он был направлен в качестве православного миссионера в Китай. Через год он вернулся в Россию и поступил в Николо-Теребенский монастырь Тверской губернии и здесь принял монашеский постриг с оставлением того же имени. В 1920 году монах Анатолий был рукоположен в сан иеродиакона. Через год советские власти упразднили монастырь, но оставили храм, где он и продолжал служить. Через несколько лет он был рукоположен в сан иеромонаха и в 1928 году направлен в храм села Сорогожье Михайловского района Тверской области, где его застали гонения начала тридцатых годов.

27 октября 1930 года помощник уполномоченного ОГПУ допросил комсомольцев Сорогожского сельсовета - юношу двадцати четырех лет и девушку двадцати лет, которые дали показания против приходского священника.

"27 октября сего года в разговоре с Зориновым Василием Михайловичем хутора Прибытково Стройковского сельсовета Михайловского района по вопросу о попах, церквах окружающего района и так далее последний заявил мне, что его мать, придя домой из церкви, сказала ему, что 19 октября сего года, в воскресенье, поп сорогожской церкви Ботвинников сказал после службы проповедь, а в проповеди жаловался, что ему стало плохо жить, что советская власть обижает служителей церкви налогами, что ему за то, что он служитель церкви, пришлось уплатить непосильный налог. По словам этой матери, присутствующие в церкви были этим обстоятельством очень расстроены. Его мать, придя из церкви, набросилась на него за то, что он комсомолец и не верует в Бога, ругая всех коммунистов на чем свет стоит за то, что они сживают "со света", по ее словам, попов и религию. После она просила денег у него для оказания помощи попу. Верующие как будто бы пустили подписной лист по оказанию помощи "пострадавшему батюшке"".

"В феврале месяце я была на почте, куда пришел и Ботвинников, где заявил, что "советская власть при раскулачивании грабит, вот и меня ограбила тоже"".

Сотрудник ОГПУ счел подобного рода "показания" вполне достаточными, и 5 ноября иеромонах Анатолий был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. Поскольку никаких других сведений о нем ОГПУ не имело, уполномоченный, не уточняя, за что его арестовали, попросил священника рассказать о себе. Иеромонах Анатолий сказал, что происходит из крестьян, воевал солдатом в Русско-японскую войну, а все остальное время подвизался в монастыре и священником на приходе.

Отец Анатолий уже был арестован, а следователь еще в течение трех последующих дней собирал доказательства о его антигосударственной деятельности, опрашивая жителей села. Вот что ему удалось собрать: "В апреле месяце текущего года в религиозный праздник "Пасху" поп сорогожской церкви Ботвинников, будучи в деревне Хальково, среди присутствующих крестьян говорил, что "сорогожская церковь, граждане, старая и скоро развалится, служить в ней нельзя, надо хлопотать об открытии Алексеевской церкви". Дальше он, обращаясь к ним, говорил: "Верующие, не бросайте церковь, не верьте басням, что нет Бога. Бог есть, вспомните, будет суд, воскреснут живые и мертвые, и всем грешникам попадет по заслугам, попадут они в геенну огненную"".

"Приблизительно в октябре месяце этого года моя мать, придя из сорогожской церкви, стала рассказывать мне, что поп Ботвинников со слезами на глазах после службы в церкви выступал с проповедью, в которой говорил: "Советская власть обдирает церкви, налагая большие налоги на священство, и стало трудно жить"".

Вызванная на допрос мать свидетельницы, еще нестарая женщина, ответила на вопросы следователя лаконично: "Приблизительно в октябре месяце сего года я, будучи в церкви, слышала, что поп Ботвинников, выступая в проповеди, плакал, говоря, что жить при советской власти стало трудно".

Некоторые же и вообще отказывались что-либо показывать, говоря, что они знают о проповеди о. Анатолия только понаслышке. Собрав все эти сведения, следователь 18 ноября допросил о. Анатолия.

Великая вера, верность Христу и Его Церкви жили в сердце иеромонаха-исповедника, не приемлющего ни лукавых мыслей, ни лукавого жития.

"Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю, - ответил о. Анатолий, - и добавить что-либо не имею".

1 декабря помощник уполномоченного составил обвинительное заключение, где священнику вменялось в преступление распространение "ложных слухов среди крестьянства о якобы производимом гонении советской властью на церковь и служителей культа". 10 декабря 1930 года Тройка ОГПУ приговорила иеромонаха Анатолия к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Таких, как о. Анатолий, никогда не освобождали раньше срока, указанного в приговоре, а только день в день, надеясь, что, попав на каторжные работы, они умрут в

лагере. Отец Анатолий, несмотря на болезнь - следствие ранения, выжил и в 1934 году получил приход в селе Дубровском Брусовского района Тверской области.

Ничего не изменилось в его отношении к высокому пастырскому служению - он так же ревностно служил, по-прежнему проповедовал и неутомимо окормлял духовно своих прихожан. И ему все способствовало во благое. В это время священнослужители прославляли Господа подвигом исповедническим и мученичеством, в них прославлялась златозарная и духоносная святая Русь как неотъемлемая во святых своих часть Царства Небесного.

Иеромонах Анатолий прослужил на своем новом приходе в селе Дубровском три с половиной года.

15 октября 1937 года о. Анатолий был арестован, и на следующий день следователь допросил его.

- Следствию точно известно о проводимой вами контрреволюционной деятельности, расскажите сами об этом подробно.

- Контрреволюционной деятельностью я не занимался и никакой антисоветской агитации не вел и виновным себя в этом не признаю.

При опросе свидетелей следователю почти не удалось собрать показаний против священника. Говорили только, что он сравнивал дореволюционную и новую жизнь и не был сторонником государственных займов.

После ареста и допроса священник был заключен в тюрьму города Бежецка. Спустя немного времени, 11 ноября, Тройка НКВД вынесла постановление о его расстреле. Иеромонах Анатолий был расстрелян 13 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Анатолий, митрополит Одесский и Херсонский (память 10 января по старому стилю)

Священномученик Анатолий, митрополит Одесский и Херсонский (в миру Андрей Григорьевич Грисюк) родился 20 августа 1880 года в городе Ковеле Волынской губернии в семье уездного казначея. С детства мальчик привык к труду, простому образу жизни, поскольку семья жила очень бедно. Было у Андрея ещё две сестры: Раиса и Мария, впоследствии во многом разделившие его жизненные испытания.

В 1900 году Андрей окончил Волынскую Духовную Семинарию и поступил в Киевскую Духовную Академию. Здесь окрепло в нём желание послужить Богу в иноческом чине. В 1903 году его постригли в монашество с именем Анатолий. В этом же году он был рукоположен в иеромонаха.

В 1904 году отец Анатолий окончил Киевскую Духовную Академию, став профессорским стипендиатом. В 1908 году он успешно защищает научную степень магистра богословия, с 1911 года - становится доцентом Академии и возводится в сан архимандрита. Его научный интерес сосредоточился на изучении истории Сирийского монашества до арабского нашествия.

В течении двух лет он работал с древнейшими рукописями в Патриаршей библиотеке в Константинополе, а знание французского, немецкого, английского, греческого и латинского языков позволило ему ознакомиться с новейшими исследованиями на эту тему. В 1912 году архимандрита Анатолия назначают экстраординарным профессором Киевской Духовной Академии. В том же году он был переведён в Москву и назначен инспектором Духовной Академии. В 1913 году архимандрит Анатолий был призван к

епископскому служению: состоялась его хиротония во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. При совершении таинства посвящения присутствовавшии на нём были удивлены чудесным явлением: в момент посвящения на главу новорукополагаемого откуда-то упал сноп света, образуя дивное сияние вокруг головы.

Вскоре епископ Анатолий был назначен на должность ректора Казанской Духовной Академии. И хотя последовал указ от богоборческой власти закрыть все духовные учебные заведения, Владыка лишь формально подчинился ему. Академия, сохраняя учебную программу и прежнюю структуру, занималась как бы частным порядком, как частное учебное учреждение. Но через полтора года чекисты вскрыли присланный епископом Анатолием Патриарху пакет с отчётом о учебной деятельности Академии. Вскоре в марте 1921 года Святитель был арестован. И хотя формально закон нарушен не был, его осудили на год тюремного заключения.

С 1922 года Святитель назначается епископом Самарским и Ставропольским. Но уже в феврале 1923 года его вновь заключили в узы. После выхода из заключения Святителя возводят в сан архиепископа. А через полмесяца за сопротивление обновленческому расколу его вновь арестовали. В застенках ГПУ Владыку жестоко избивали, у него была повреждена челюсть, сломаны два ребра. С тюремной больницы, где он перенёс тяжёлую операцию, Святителя отправили в 1924 году на три года сначала в Полторацк (ныне Ашхабад), а затем в Красноводск (Туркмения), где он пробыл до 1927 года. После отбывания тюремного срока он поселился в Москве.

В своём стоянии за истину он не отошёл от митрополита Сергия (Страгородского) после выхода его "Декларации" 1927 года и оставался его ближайшим помощником.

С 1928 года Владыка назначается архиепископом Одесским и членом Временного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя, митрополите Сергии (Страгородском). 21 октября 1932 года он был возведён в сан митрополита. С 1934 по 1935 годы Святитель временно управляет ещё и Харьковской епархией. Есть свидетельства, что в 1934 (1935?) году Владыка, присутствуя на совещании у епископа Варфоломея (Ремова), вместе с митрополитом Арсением (Стадницким, память 10 февраля) признал дальнейшее следование завещанию старца Алексия Зосимовского (память 19 сентября) - поминать предержащие власти и не отходить от митрополита Сергия - губительным. На глазах у Владыки были уничтожены многие одесские храмы. Сам он преимущественно служил в Успенском Соборе. Вокруг него собиралась религиозно настроенная молодёжь из интеллигенции. Святителю желалось подготовить молодых юношей к иерейскому сану. Владыка по характеру своему был очень мягок, сердечен, добр. Жил он очень скромно, "убогенько". На богослужения в последнее перед арестом время он ходил пешком, опустив глаза и сосредоточенно молясь. Всегда он был спокоен, сохранял мир души.

Последним местом служения Святителя стала Свято-Димитриевская церковь. Все остальные храмы Одессы к этому времени были закрыты. После ареста в 1931 году почти всех одесских священников, Владыка ходил в советские учреждения с просьбою об их освобождении. Его всячески унижали, а затем и самого стали вызывать на ночные допросы в НКВД. Бывало, что даже во время архиерейского богослужения прямо в храм являлись агенты с требованием немедленно пройти на допрос. Владыка твёрдо отвечал, что не прекратит богослужения и явится после его окончания. В ночь с 27 на 28 июля 1936 года Владыку арестовали в Одессе. Власти поспешили вывезти его в Киев. Там его продержали в тяжелейших условиях в тюрьме в течении полугода. В декабре для дальнейшего "следствия" он был отправлен в Москву. В начале 1937 года НКВД объявило приговор: заключение в лагерь сроком на пять лет.

Перед ссылкой на север Владыка был уже почти лишён возможности владеть ногами. Но его отправили общим этапом вместе с уголовными преступниками, которые в дороге обворовывали беспомощного старца. От стоянки до стоянки его гнали пешком, подталкивая в спину прикладами. Когда он терял сознание, бросали в грузовик, затем

заставляли снова идти пешком. Так Святитель оказался в Кылтовском Ухто-Печёрском лагере (республика Коми). Здесь его, хронически больного язвой желудка, миокардитом, с больными лёгкими принудили к тяжёлому труду. В документах лагеря о заключённом митрополите значилось: "Работает добросовестно, к инструментам относится бережно. Дисциплинирован. Качество работы удовлетворительно". В июле Владыка заболел воспалением лёгких, но жестокий режим работ не смягчился. Запись охранника сообщает: "Работу выполняет на 62%. По старости работает слабо, но старается". Ещё позднее сообщается, что заключённый "к физической работе не пригоден".

В конце 1937 года Святитель почти потерял зрение. К нему приехала его родная сестра Мария, чтобы хоть чем-то помочь страдальцу. Он просил разрешить ему увидеть её родное лицо хотя бы перед смертью, но и эту малость не разрешили. 10 (23 н. ст.) января 1938 года он умер в больнице Ухто-Печерского концлагеря, скончавшись от пыток. Перед кончиной к Владыке пришли, чтобы отнять нательный крест и Евангелие. Евангелие палачи вырвали, но крест Владыка не отдал и, защищая его хладеющими руками, отошёл ко Господу. Его останки были благоговейно погребены в вечной мерзлоте бывшими с ним в заключении православными, на его могиле они сделали маленький крест из веточек.

Канонизован в 1997 году как местночтимый святой Херсонской епархии Украинской Православной Церковью.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Андрей (Быстров) и мученики Василий (Виноградов), Сергий (Михайлов) и Спиридон (Савельев) (память 24 сентября по старому стилю)

3 июля 1937 года Сталин распорядился послать секретарям обкомов и крайкомов ЦК компартии следующую телеграмму: "ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков... с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через Тройки...

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав Троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке".

Уже 22 июля начальник Плоскошского районного отдела НКВД Тверской области Попов составил справку на арест священника Андрея Быстрова и крестьянина Василия Виноградова. По справке они обвинялись в том, что ранее лишались избирательных прав, арестовывались, знали друг друга, посещали один другого, а кроме того, Андрей Быстров был священником.

По требованию НКВД Жидулинский сельсовет, в лице председателя и секретаря, составил на священника характеристику. В ней они писали, что священник имел до революции "земли сто пятьдесят гектаров, скота имел: коров восемь штук, лошадей три штуки, овец десять штук, свиней четыре штуки. Применял наем рабочей силы1. После революции в 1930 году был забран по линии НКВД и выслан в Архангельск на три года за контрреволюционную деятельность, то есть за выступление против советской власти и колхозного строительства. По возвращении из ссылки в 1934 году Быстров также повел контрреволюционную работу, как-то: в 1935-36-37 годах созывал кулаков Виноградова и других на квартиру Никандрова, где делали тайные заседания о подготовке контрреволюционных действий на местах внутри колхозов, о разложении колхозного

строительства, в результате чего в колхозе Первомайский в 1936 году окончательно развалили трудовую дисциплину и вывели семь бедняцких хозяйств из колхоза, а также ставили вопрос о подготовке к новой войне, агитируя среди колхозников, что война в скором будущем должна быть, что будет уничтожена советская власть и все колхозное строительство, а будет восстановлена власть капитализма, а также вели разлагательскую работу среди колхозников о том, что все изъятое имущество им возвратят обратно и колхозников погонят из кулацких домов не в дверь, а в окна".

По тому времени такой справки было вполне достаточно для ареста; 23 июля 1937 года был арестован Василий Виноградов, на следующий день НКВД арестовал священника Андрея Быстрова, и они были заключены Торопецкую тюрьму.

Священномученик Андрей родился в 1873 году в селе Залесье Печерской волости Псковского уезда в семье священника Петра Быстрова. Окончил Псковскую учительскую семинарию и работал учителем. В 1897 год был рукоположен в сан диакона, а через два года - в сан священника и служил в Тверской губернии в храме села Зуева. В 1930 году о. Андрей был арестован и приговорен к двум годам заключения в лагерь и пяти годам ссылки на Урал. Вернулся он домой в 1935 году.

Сразу же после ареста уполномоченный УГБ Плоскошского районного Отдела НКВД допросил священника.

- Следствию известно, что вы ведете контрреволюционную агитацию. Признаете себя в этом виновным?

- Я контрреволюционной агитации не вел против советской власти, по своей же линии я провожу, что мне нужно, то есть в отношении религиозных обрядов, так как новая конституция нам предоставляет право. Если бы кто и говорил против власти, то сказал бы, что власти должны подчиняться, ибо всякая власть есть от Бога. Виновным себя в этом не признаю.

В тот же день следователь допросил крестьянина Василия Виноградова. Мученик Василий родился в 1891 году в деревне Иванцево Плоскошского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Корнилия Виноградова. Окончил церковно-приходскую школу. Всю жизнь прожил в родном селе, пока не был в 1931 году арестован и выслан. Потеряв свой дом в селе, жил на хуторе Бор в нескольких километрах от села.

- Следствию известно, что вы ведете контрреволюционную агитацию, признаете себя виновным в этом?

- Я агитации никакой не веду и виновным в этом себя не признаю.

- Знаете ли вы гражданина деревни Пикачи Савельева Спиридона и каковы ваши с ним взаимоотношения?

- Гражданина деревни Пикачи Савельева Спиридона знаю, в настоящее время он единоличник. Взаимоотношения с ним хорошие, ссор и личных счетов у меня с ним нет. Я иногда бывал у него, но сейчас давно не был. Он также иногда заходил ко мне по делам, был он у меня на прошлой неделе, то есть неделю тому назад; он зашел, попросил у меня газету с таблицей займа, которую я ему выдал, и он пошел неизвестно куда. А больше никаких разговоров с ним не имею.

- Знаете гражданина Никандрова Семена из деревни Иванцево?

- Никандрова Семена, что проживает в деревне Иванцево, знаю хорошо, потому что я родился в деревне Иванцево и жил там до момента раскулачивания, то есть до 1933 года. Он в настоящее время в колхозе.

- Часто вы посещаете Никандрова Семена?

- У Никандрова Семена не был давно, то есть с 1931 года.

- Какие разговоры вели с Никандровым Семеном?

- Разговоров с ним не было никаких. Всегда, встретившись, поклонишься - и больше ничего.

Больше показать ничего не могу.

3 августа начальник Плоскошского районного отдела УГБ подал помощнику начальника Управления НКВД Листенгурту составленную на крестьян Семена Никандрова, Сергея Михайлова и Спиридона Савельева справку, прося дать разрешение на их арест.

Семен Никандрович Никандров родился в 1870 году в деревне Иванцево Плоскошского уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Семья Семена Никандровича была большая, весьма трудолюбивая, и по понятиям самого Семена до революции они жили хорошо. После революции у них остались изба, два хлева, два сарая, гумно, баня, две коровы, одна лошадь, плуг и телега. А когда Семен Никандрович вступил в колхоз, то из имущества остались изба, два хлева, телка и овца.

Мученик Сергий родился в 1882 году в деревне Юрино Плоскошского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Михаила Михайлова. Окончил церковно-приходскую школу. В 1903 году он был призван в армию и служил рядовым до 1905 года. В 1931-1932 годах был старостой храма, где служил о. Андрей. Сергей Михайлович имел большую семью и хозяйство - избу, амбар, сарай, хлев, веялку, два плуга, телегу, три коровы, три лошади, три овцы. В 1932 году вступил в колхоз, и часть хозяйства пришлось отдать, остались корова и две овцы. В колхозе он работал бригадиром. В 1935 году он был приговорен к одному году исправительно-трудовых лагерей за то, что, когда был животноводом, у него пали три теленка.

Мученик Спиридон родился в 1875 году в деревне Пикачи Плоскошского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Савелия Савельева. В Первую мировую войну он был призван в армию и прослужил в ней 1916-1917 годы рядовым. Почти все имущество Спиридона Савельевича было изъято властями, ему оставили лишь избу и баню. В 1935 году власти приговорили его к шести годам заключения за невыполнение плана сева.

8 августа такое разрешение было получено, и 11 и 12 августа они были арестованы и заключены в Торопецкую тюрьму. Сразу же после ареста начались допросы. Следствие было ускоренным, и допросы крестьян были недолгими.

Следователь спрашивал Семена Никандрова:

- В предъявленном обвинении признаете себя виновным? Вам предъявляется обвинение по статье 58 пункт 11 УК.

- Виновным себя не признаю. Я нигде, никогда не вел агитации, а также никакого участия не принимал. То, что мне предъявлено, считаю, все написано ложно.

Тот же вопрос был задан и Сергею Михайлову, на что он ответил:

- Виновным в предъявленном обвинении себя не признаю, так как я нигде никакой агитации не вел, а также никаких совещаний тайных я не посещал.

- Часто вы посещали дом Лозгачева Анисима, что проживает в деревне Иванцево?

- Дом Лозгачева Анисима не посещал с 1932 года, встречался один раз в первых числах июня сего года в воскресенье, в кооперации. Разговоров тут у меня с ним никаких не было, только поздоровался.

- А квартиру Никандрова Семена сколько раз посещали и когда?

- На квартире Никандрова Семена, что проживает в деревне Иванцево, был раза два, куда ходил за подседелком в июне месяце, числа не припомню какого, так как Никандров в колхозе является шорником. Разговоров у меня с Никандровым никаких не было.

Следователь спросил Спиридона Савельева:

- Ваше имущественное положение как до революции, так и после?

- Из имущества я имел до революции один дом, два сарая, хлев, амбар, из скота - одну лошадь, две коровы, одну-две телки, одного поросенка, земли шесть десятин, то же самое имел и после. В 1932 году был обложен твердым заданием, за что отобрали одну корову. В 1935 году за непосев льна были взяты лошадь и корова, а также сарай. В 1937 году взят амбар за неуплату налога, сейчас имею кур одних.

- Вы часто посещали квартиру Никандрова Семена, деревня Иванцево Жидулинского сельсовета?

- Квартиры Никандрова Семена Никандровича, что проживает в деревне Иванцево Жидулинского сельсовета, я никогда не посещал, так как он от меня проживает за четыре километра.

- Следствию известно, что вы вели контрреволюционную агитацию, признаете себя виновным в этом?

- Нигде, никогда я не вел и виновным себя в этом не признаю.

После допросов крестьян следствие в середине сентября вернулось к допросам священника и ранее арестованного Василия Виноградова. Допросы вел начальник районного отделения Попов.

- Гражданин Быстров, вы до настоящего времени утверждали, что антисоветской агитации не вели, но свидетели показания дают обратные, указывая на факты вашей контрреволюционной деятельности. Признаете ли вы себя виновным и будете ли вы откровенно с органами следствия разговаривать?

- Я все время с органами государственными разговариваю откровенно и еще раз заявляю, что никогда ничего против советской власти я не говорил, тем более что, находясь полтора года в заключении и два с половиной года в ссылке, перенес все страдания, и мне еще их переносить не хотелось, а поэтому вести какой-либо разговор, а тем более контрреволюционный, я был не намерен...

- Гражданин Виноградов, какое хозяйство у вас и вашего отца было до революции и после, каким вы репрессиям подвергались?

- Хозяйство наше как до, а также после революции было кулацкое, за что были лишены избирательных прав... В 1931 году хозяйство было раскулачено (изъято), но высылать меня не высылали. О том, что меня судили, я не знаю, а поэтому никакого срока наказания я не отбывал.

- Вы, гражданин Виноградов, когда ходили в дом Никандрова или в дом Лозгачева, присутствовали ли там в то же время Лозгачев, Быстров, Михайлов?

- С того момента, как меня переселили из деревни Иванцево за пять километров на хутор, я никогда ни к кому не заходил и вместе с Лозгачевым, Быстровым и Михайловым нигде не был.

- Вы мне отвечали, что вас после раскулачивания никуда не высылали, а теперь говорите, что переселяли; как это получилось и за что переселяли?

- Года через полтора, примерно в конце 1932 или начале 1933 года, мне было предложено со всем семейством выехать из деревни Иванцево и указано место для жительства от Иванцева в пяти километрах, там, где когда-то была мельница, к этому времени развалившаяся. Вот там я поселился и жил до настоящего времени. Зимой мы занимались лесозаготовками, летом жена и дочь собирали ягоды, вот все мои занятия.

- Следствие располагает данными, что вы собирались совместно с попом Быстровым, кулаком Лозгачевым, Михайловым и Никандровым и вели антисоветские разговоры. Подтверждаете вы это?

- Я уже сказал, что нигде, никогда не собирался и никаких разговоров не вел.

- Мы имеем данные, что вы были в 1931 году судимы и осуждены на два года и срока наказания не отбывали.

- Никогда я не судился, и меня не осуждали, и поэтому никаких сроков не отбывал.

20 сентября помощник оперуполномоченного УГБ Плоскошского районного отделения НКВД Ливанов составил обвинительное заключение по "делу" священника и крестьян. Несмотря на то что доказательств преступления не было никаких, "дело" сочли законченным и направили на рассмотрение Тройки НКВД с предварительного разрешения Осташковской опергруппы НКВД.

3 октября Тройка НКВД приговорила священника Андрея Быстрова и мирян Василия Виноградова, Сергея Михайлова и Спиридона Савельева к расстрелу. Они были расстреляны 7 октября 1937 года.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Шестидесятисемилетний Семен Никандров был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

---

1 Сам священник на следствии этих сведений не подтвердил, показав, что до революции земли не имел, из домашней скотины имел лошадь и корову, а после революции лишился и этого.

Мученик Андрей (Гневышев), староста Никольской церкви (память 22 февраля по старому стилю)

Мученик Андрей родился 3 августа 1872 года в городе Бежецке в семье купца Ивана Гневышева, который занимался торговлей мучными товарами и арендовал в городе лавку. Со временем Андрей Иванович также занялся торговлей льняным семенем, льноволокном и стал крупным специалистом в области льноводства. Не оставляя своего торгового дела, служил сортировщиком во французской фирме "Эрнест Маке", имевшей его своим представителем в Бежецке. В Первую мировую войну Андрей Иванович был призван на фронт и воевал рядовым до самого распада фронта в 1917 году. После революции все его имущество: склады, лавки и дома - было отобрано властями. Дом, в котором он жил с женой, сгорел во время пожара в 1921 году, и Андрей Иванович выстроил на этом же месте новый дом, который впоследствии отобрали власти, и ему с женой пришлось снимать квартиру. Но Андрей Иванович никогда не жалел о потере имущества - Бог дал, Бог и взял. В 1937 году у него оставалась еще лошадь с зимней и летней упряжью, что позволило ему работать возчиком в государственном учреждении.

Глубоко верующий человек, Андрей Иванович был старостой в храме Николая чудотворца, где в то время служил викарий Тверской епархии, епископ Бежецкий Григорий (Козырев), с которым, как и с его братьями-священниками, Андрей Иванович имел близкие отношения.

Настало время массовых беспощадных гонений, когда местные органы НКВД были обязаны составлять справки на всех церковнослужителей и верующих для последующего их ареста. 3 ноября 1937 года заместитель начальника Бежецкого отдела НКВД составил справку на арест Андрея Ивановича, где говорилось, что тот принадлежал "к церковной контрреволюционной группировке из числа бывших торговцев и монахинь".

В ночь со 2 на 3 ноября Андрей Иванович был арестован, заключен в Бежецкую тюрьму и сразу допрошен.

- Расскажите следствию, с кем вы из бывших торговцев и лиц духовного звания имеете знакомство и поддерживаете связи.

- В настоящее время я ни с кем из бывших торговцев или священнослужителей знакомства и связей не имею. В прошлом, примерно году в 1932-1933, я один раз был приглашен на именины к епископу Григорию Козыреву. Иногда я бывал на квартире у епископа Григория по церковным вопросам...

- Расскажите, какие вами и присутствующими на именинах у Козырева велись разговоры.

- За время моего присутствия на этом собрании разговоров на политические темы или в отношении Церкви и государства никаких не было. Затем я скоро ушел.

- Следствие располагает данными, что вы, будучи на одном из собраний духовенства, говорили о нерентабельности колхозов и возмущались режимом советской власти. Признаете ли вы себя в этом виновным?

- Виновным себя в этом не признаю и подобных мыслей против колхозов или советской власти не высказывал.

Сотрудник НКВД не терял надежды, что церковный староста не выдержит давления, оговорит себя, и продолжал допросы.

- Расскажите следствию, с кем вы имеете знакомство и какие связи поддерживаете со своими знакомыми.

- По городу Бежецку мне известны: епископ Козырев Григорий и его братья Иван и Василий Козыревы, знал также священника Докучаева Ивана. В 1934 году я присутствовал на квартире у епископа Григория Козырева на празднике, устроенном им в честь его именин. Второй раз я присутствовал у епископа Григория Козырева в 1935 году, тогда он отмечал юбилей своей службы на квартире, на котором присутствовали, как и в 1934 году, его братья - Козыревы Иван и Василий, Докучаев Иван и другие приглашенные им знакомые, кроме этого, я бывал на квартире у Козырева Григория, заходил я больше всего по церковным вопросам.

- Присутствуя на устраиваемых вечеринках на квартире у Козырева Григория в 1934 и в 1935 году, на какие темы вы вели разговор?

- На праздниках у епископа Григория Козырева в 1934 и в 1935 году, на которых присутствовал и я, наш разговор имел исключительно частный характер. Епископ Григорий, а также его братья, Иван и Василий, вели разговор о предстоящих религиозных праздниках, затем перешли к разговору о налогах, взимаемых с церквей советской властью, говорили при этом, что в 1929-1930 годах налогов взималось больше, чем в последующие годы, что советская власть за последние годы сделала некоторое снисхождение для церквей, то есть налогов стала взимать меньше, других разговоров у нас не было.

- Известно ли вам, где находятся в настоящее время Козырев Григорий, его братья Иван и Василий?

- До моего ареста я слышал через свою жену, которая пришла из церкви и сказала мне, что епископ Григорий Козырев и его братья Иван и Василий арестованы органами НКВД; за что - для меня неизвестно.

- Следствием установлено, что вы, находясь на квартире Козырева Григория во время его именин, а также и во второй раз во время его юбилея в 1935 году, вели разговор контрреволюционного характера, направленный против советской власти. Расскажите, какой разговор антисоветского характера вы вели против советской власти.

- Это я отрицаю. Никакого контрреволюционного разговора, направленного против советской власти и партии, мы не вели.

- Следствием установлено, что существовавшая в городе Бежецке контрреволюционная группа, возглавляемая епископом Козыревым Григорием, в которую входили также его братья Иван и Василий Козыревы - все они в настоящее время арестованы органами НКВД, - эта контрреволюционная группа ставила своей задачей вести контрреволюционную агитацию против партии и советской власти. Посещая неоднократно квартиру епископа Козырева, вы также были вовлечены в эту контрреволюционную группировку и вместе с ними среди граждан города Бежецка проводили контрреволюционную агитацию, направленную против партии и советской масти. Признаете ли вы это?

- На квартире у епископа Григория Козырева я действительно бывал не больше четырех раз, но вовлеченным в эту контрреволюционную группу не был и ничего совершенно о ней не знал. Контрреволюционной агитации, направленной против советской власти и партии, я никогда и нигде не проводил, виновным себя в этом не признаю.

- Во время организации колхозов в 1930 году вы на сборах духовенства выступали и говорили, что у советской власти все равно с колхозами ничего не выйдет и что колхозы для крестьян будут невыгодны. Признаете вы это?

- Таких разговоров я никогда не вёл и виновным себя в этом не признаю.

- Следствию вы говорите неправду. Следствие располагает точными данными, что вы, будучи враждебно настроены против партии и советской власти, на протяжении последних лет среди населения города Бежецка проводили контрреволюционную агитацию, направленную на срыв проводимых советским правительством мероприятий. Требую ваших правдивых показаний.

- Это я отрицаю, этого я никогда нигде не говорил.

- В августе 1937 года вы среди отдельных лиц ругали сталинскую конституцию. Расскажите по существу заданного вам вопроса.

- Не признаю этого. Сталинскую конституцию я никогда не ругал и виновным себя в этом не признаю.

- Следствие настаивает на даче правдивых показаний о вашей контрреволюционной агитации против советской власти и партии.

- Все, что мною показано, есть правда, других показаний я дать не могу3.

23 декабря состоялся последний допрос.

- Следствие имеет достаточно данных о вашей контрреволюционной и антисоветской деятельности, но вы следствию говорите неправду, следствие от вас требует справедливых показаний.

- Нет, я антисоветской деятельности никогда не проводил и придерживаюсь ранее данных мною показаний.

- Следствием установлено, что вы, будучи членом контрреволюционной организации церковников в городе Бежецке, на одном из вечеров именин на квартире у епископа Козырева произнесли среди этой группы речь, насыщенную антисоветской деятельностью, направленной к срыву коллективизации, это было в 1930 году. Дайте показания по этому вопросу.

- Нет, это я отрицаю, и на вечере я не был, а также речи не произносил.

- Следствием установлено, что вы в мае месяце 1936 года среди граждан вели контрреволюционную агитацию против колхозов: распространяли слухи о голоде и гибели колхозов, призывая к выходу из колхозов. В этом вы виновным себя признаете?

- Отрицаю, так как контрреволюционной агитации относительно колхозов я не проводил.

- Следствие имеет данные, что вы летом 1936 года в момент богослужения в церкви среди граждан распространяли слухи о предстоящей войне капитализма с СССР, о поражении в ней СССР, восстановлении капитализма в нашей стране, угрожая расправой с большевиками. Это вы признаете?

- Это я не признаю, и слухов о войне среди населения не распространял.

- Следствием установлено, что вы в августе месяце 1937 года в период богослужения в церкви среди населения выражали ярую злобу по адресу советской власти, проповедуя о невыносимой жизни в Советском Союзе, и угрожали крестовым походом папы Римского. В этом вы себя виновным признаете?

- Нет, это полностью отрицаю и заявляю, что этого я не говорил никогда.

- Следствием установлено, что в октябре месяце 1936 года вы среди граждан выражали недовольство советской властью, восхваляя Троцкого как спасителя и освободителя народа. Это вы признаете?

- Нет, в этом я виновным себя не признаю и этого я не говорил.

- Следствие имеет данные, что в сентябре месяце 1937 года на Базарной площади в городе Бежецке вы проводили контрреволюционную агитацию против конституции и выборов в Верховный Совет, призывая население не ходить на голосование. В этом вы себя виновным признаете?

- Виновным себя в этом я не признаю и заявляю, что против конституции я контрреволюционной агитации не проводил.

- Следствие последний раз от вас требует правдивых показаний о вашей контрреволюционной деятельности.

- Заявляю, что я вообще рассказывать следствию о контрреволюционной деятельности не буду, так как я ее никогда не проводил.

27 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила Андрея Ивановича к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

После смены руководства НКВД и расстрела Ежова жена Андрея Ивановича, Антонина Ивановна, начала хлопоты по освобождению мужа, но НКВД оставил приговор без изменений. Андрей Иванович Гневышев умер 7 марта 1941 года в Каргопольлаге Архангельской области.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Андрей (Воскресенский) (память 18 октября по старому стилю)

Священномученик Андрей родился 2 октября 1884 года. Его отец, протоиерей Владимир Андреевич Воскресенский, был настоятелем храма Смоленской иконы Божией Матери, находившегося на Смоленской площади в Москве. Он был членом благотворительного общества, учрежденного великой княгиней Елизаветой Федоровной. В июле 1923 года власти арестовали его за участие в собрании духовенства благочиния, целью которого было обсуждение вопросов, связанных с защитой арестованного Патриарха Тихона. Впоследствии дело было прекращено в связи с объявленной в августе 1923 года амнистией. В 1931 году протоиерея Владимира вновь арестовали; ему было тогда уже восемьдесят лет, и по дороге в ссылку он скончался.

В 1898 году Андрей Владимирович окончил Заиконоспасское духовное училище, а в 1904 году - Московскую Духовную семинарию. В том же году он поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1908 году со степенью кандидата богословия, и в 1909 году был назначен на должность помощника инспектора в Новгородскую Духовную семинарию. Женился на Вере Сергеевне Булатовой.

В 1912 году он был рукоположен в сан священника к московскому храму Успения Божией Матери, что в Казачьей, и состоял законоучителем в 4-м мещанском Мариинском женском городском училище и в частной женской гимназии А. С. Стрелковой. В 1915 году отец Андрей был награжден набедренником, в 1917 году - скуфьей, в 1920 году - камилавкой, в 1923 году - наперсным крестом. Вскоре он был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем. В это время при поддержке старосты храма он готовил публикацию по истории этого храма и жизни казачества в Москве, основанную на изучении церковного архива. Все материалы впоследствии погибли при закрытии церкви в 1930 году.

Отец Андрей был назначен служить в храм святителя Григория Неокесарийского на Большой Полянке, а затем в храм Живоначальной Троицы на Воробьевых горах. Последним местом его служения стала церковь Михаила Архангела в селе Карпове Воскресенского района Московской области. Здесь, как и в Москве, прихожане полюбили доброго пастыря, который старался помогать им и словом и делом. По первой же просьбе он шел исполнять требы, в любую погоду - и во время проливного дождя, и в трескучий мороз. Он всегда находил время, чтобы вскопать огород или накосить сена одинокому старику. Он был человеком, который старался жить в мире со всеми, и которого равно любили как прихожане, так и домашние. Когда он приезжал из села Карпове в Москву,

где жила его семья, вся местная детвора бежала ему навстречу, и для каждого он находил приветливое слово и маленький гостинец.

Протоиерей Андрей был арестован властями 7 октября 1937 года по обвинению в "агитации против руководителей советского правительства и колхозов" и заключен в тюрьму города Коломны. Были вызваны лжесвидетели, которые дали показания, нужные следователю. Затем эти показания были зачитаны отцу Андрею, и он последовательно одно за другим опроверг все лжесвидетельства. В конце концов, следователь на последнем допросе спросил:

- На следствии вы уличены свидетельскими показаниями в контрреволюционной деятельности. Почему вы это отрицаете?

- Я могу только подтвердить, что никакой контрреволюционной деятельности я не вел и все свидетельские показания отрицаю.

17 октября 1937 года Тройка НКВД приговорила отца Андрея к расстрелу. Протоиерей Андрей Воскресенский был расстрелян 31 октября 1937 года и погребен в безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Андроник, архиепископ Пермский и Соликамский (память 7 июня по старому стилю)

Священномученик Андроник, архиепископ Пермский и Соликамский (в миру Владимир Никольский), родился 1 августа 1870 года в семье диакона Ярославской епархии, служившего в селе Поводнево, что в одиннадцати верстах от града Углича. С отрочества он занимался крестьянским трудом и участвовал в церковной жизни своего села, быстро возрастая разумом о Христе. Первоначальное образование Владимир получил в Угличском Духовном училище, поступив туда девяти лет от роду, а затем в Ярославской Духовной Семинарии. После окончания Семинарии юноша поступил в Московскую Духовную Академию, где на II курсе (1 августа 1893 года) принял монашеский постриг в двадцать три года, по благословению и совету святого праведного Иоанна Кронштадтского, с именем Андроник, в честь святого Апостола от семидесяти, епископа Паннонийского.

По окончании Академии, в 1895 году, получив звание кандидата богословия за сочинение "Древнецерковное учение о Евхаристии как жертве в связи с вопросом об искуплении", он принимает сан иеромонаха и назначается помощником инспектора в Кутаисскую Духовную Семинарию. Через год становится преподавателем, а затем инспектором Александровской миссионерской Семинарии, находившейся в Ардоне на Северном Кавказе в Осетии.

Отец Андроник сразу расположил к себе местное население. Готовясь ко второму учебному году, он неожиданно в 1897 году получает телеграмму о своём назначении миссионером в Японию. По приезде на место назначения он горячо взялся за дело миссионерства под вдохновляющим окормлением уже славно трудившегося там Святителя Николая (Касаткина, память 3 февраля). Японцы поразили его простотой восприятия учения Христова и силой веры.

Однако, болезнь заставляет отца Андроника вернуться в Россию. В течении шести лет он является ректором Уфимской Семинарии.

5 ноября 1906 года отец Андроник был хиротонисан в епископа Киотского и назначен помощником архиепископа Николая (Касаткина). Вторично приехав в Японию, в город Осака, он за короткое время сумел создать там православную общину. Но климат южной азиатской страны резко ухудшил и без того слабое здоровье епископа Андроника, и через

два года Синод по его прошению отзывает Владыку Андроника в Россию, назначая его в 1908 году епископом Тихвинским, викарием Новгородской епархии.

В те годы уже ясно виделось отступление общества от Церкви - и на этом поле брани Владыка выступает могучим воином Христовым, препобеждая безбожие и падение нравов словом Божиим. Вот что он тогда писал: "Древний антихристианский заговор, начавшийся от тех, которые кричали Пилату с яростью на Иисуса Христа: "распни, распни Его; кровь Ею на нас и на чадах наших", - продолжавшийся в тайных обществах, слился со всемирной иудейской организацией". "Собирайся же плотней, Русский народ, заграждая уста безбожных, как триста лет тому назад ты..., обманываемый, обольщаемый всеми, собрался вокруг Минина и Пожарского и прогнал всех врагов, поставил пред Господом Богом Царя и с ним водворил порядок".

В 1913 году Владыка назначается в Омск. Омская епархия охватывала тогда территорию современного Восточного Казахстана, включая будущую Карагандинскую область. Обширные земли осваивались русскими переселенцами. Епископ игумен налаживал в переселенческих сёлах церковную жизнь, преодолевая тысячи вёрст пути зачастую без келейника и иподиакона. Подвижнический труд истощил его физически до крайности, и священноначалие сочло необходимым перевести его на "благополучную" Пермскую кафедру.

Полтора года служения в Сибири завершились переездом за Урал, на Русский Север. Епископ Андроник вступил в управление Пермской епархией. На Пермскую кафедру взошёл подвижник и архипастырь-миссионер, подобный святому Стефану Пермскому - крепкий молитвенник, ни во что вменявший всякое богатство. Все средства жертвовал Владыка на помощь беднякам; одевался просто, никогда не носил шёлковых ряс. Его жизнь была образцом древнего благочестия, а время служения Святителя - временем расцвета духовной жизни в Пермской епархии; устраивались лекции, беседы, собрания духовенства и мирян; в аудитории при Стефановской часовне начались занятия миссионерского и народно-певческого кружков; составилась хорошая библиотека, из которой всем желающим выдавались книги на дом; во всех храмах города служились акафисты, после которых проводились беседы. Владыка объяснял народу духовный смысл идущей в то время войны.

Пермь тогда отличалась прекрасными проповедниками, в подготовке которых Владыка много потрудился, и которые позднее целым сонмом засвидетельствовали истину своего служения мученичеством и исповедничеством.

Для малоимущих при одном из храмов было организовано "попечительство о бедных" со своей дешёвой столовой. При свечном заводе и на подворье Белогорского монастыря открылись книжные лавки. При храме училища слепых и в женском монастыре были устроены детские приюты. Воскресенский храм содержал на свой счёт богадельню, в которой жили около пятидесяти стариков. При кафедральном соборе организовалось общество хоругвеносцев, насчитывавшее несколько десятков человек, а в 1917 году была создана дружина по охране собора и архиерейского дома.

Владыка высоко ценил духовную культуру русского народа. В своей книге "Письма архиерея к иереям" (выдержавшей несколько изданий) он писал: "Во всём уклад нашей жизни, в обычаях, в душевных исканиях, в народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны".

А в своём слове при вступлении на Пермскую кафедру он сказал: "Нет, не было на земле народа, который так глубоко и жизненно воспринимал бы веру Христову... Если современному одряхлевшему миру суждено от Вседержителя ещё воскреснуть к новой жизни, то это воскресение его будет от Богоносного русского народа".

Касательно богослужебной практики Владыка советовал приходским священникам завести в храмах общенародное пение, говоря при этом, что: "Нет лучших распевов, чем знаменные". "Начать нужно со всем известных молитв и кончить тем, чтобы все

богослужение вместе с канонархом исполнялось самими прихожанами". И это было именно то, что позволяло верным быть "едиными усты и единым сердцем". "Кроме того, непременно нужны внебогослужебныя чтения и беседы в храме, в школе... На них уместно и следует завести пение хоровое и общенародное. Тут будет и чтение от Божественного, и рассказ из жизни святых или из истории поучительной. На сих чтениях удобно может исполняться и самая катехизация народа". Большое значение епископ придавал кружкам ревнителей благочестия, рассматривавшимся им как очаги духовно-нравственного возрождения нации. В 1917 году на обсуждении в Предсоборном Совете вопроса о допущении русского языка в богослужении, Владыка твёрдо отстаивал незыблемость церковно-славянского языка как особого богослужебного языка, допуская перевод церковных книг лишь для домашнего употребления.

На своём личном миссионерском опыте он своими глазами видел, сколь велико и положительно влияние разного рода паломничеств, а также крестных ходов ко святыням. "Влияние на народ таких народных торжественных богомолений весьма велико и несомненно. Особенно если такие богомоления устраиваются вовремя, с предварительной подготовкой, с личным воодушевлением священника. Нужно пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызвать народ на это".

Владыка Андроник много способствовал народному просвещению и проведению миссионерской деятельности в жизнь. В губернии было немало старообрядцев, и в конце концов, благодаря его стараниям, стали возникать единоверческие приходы, для которых трудами преосвященного были учреждены специальные пастырские курсы для подготовки единоверческих священнослужителей. Обучение заканчивалось торжественным Богослужением. Литургию в единоверческом храме совершал по служебнику XVI века сам Владыка.

Он также пробуждал в народе интерес к собственной истории. Так, по его благословению десятки тысяч православных со множеством крестных ходов собирались в монастыре на Белой горе в память избавления от пугачёвских разбойников.

Отечественную войну 1914 года Владыка встретил открытием у себя в епархии лазаретов для раненых и сам часто посещал находившихся в них воинов. Летом 1916 года он отправляется к фронту в Царскую Ставку, где был принят Государем.

Святитель предупреждал народ об опасности внутреннего врага, который опаснее внешнего. "Россия разрушается теориями масонского либерального кагала", - говорил Владыка, приподнимая завесу над тайной беззакония. Позднее, в 1918 году он рассылает открытки и письма многим архиереям по поводу беспорядков в стране, и не получает ни одного ответа, как он сокрушается о том в письме к Патриарху.

Наблюдая почти всеобщее государственно-правовое невежество и упадок веры на Руси, Владыка считал, что невозможен переход от монархии к иной форме правления без разрушения Российской государственности, и в 1916 году в Пермской епархии были созданы особые миссионерские курсы по обличению нового социалистическо-коммунистического лжеучения. "Долг совести верноподданного и безграничная любовь к Отечеству не дают мне молчать" - говорил Святитель Андроник.

Когда случился Февральский переворот 1917 года Владыка, узнав об отречении Императора, 5 марта в Спасо-Преображенском кафедральном соборе при огромном стечении народа на Литургии после чтения Евангелия с великой душевной болью сказал: "Не стало у нас Царя... Безчестные царские советники и слуги в своих расчётах скрывали правду от сердца Царёва и делали всё, чтобы разъединить Царя с народом и добились своего, но, добившись, они первые же и оставили Царя одного, отказавшись далее служить ему. И так не стало у нас Царя... и Церковь не смеет провозгласить эту святыню Русского народа, всех объединяющую во единого соборного человека. Около Царя Русияне объединялись как дети возле отца.... Как триста лет тому назад, в лихолетье, разворовали Отечество подлые людишки и ввергли его в погибель, так и ныне до этого довели безчестные царские слуги... <...> Все как один человек, в эту грозную пору устоим

в ровности духа и далее со Христом единодушно, согласно и мирно да пребываем все в это трудное время, возложенное на нас как испытание. Пусть всякий знает: Отечество в Опасности; оно потрясено в основах своих".

В марте 1917 года Пермский исполнительный комитет отправил телеграмму обер-прокурору Святейшего Синода с требованием уволить епископа Андроника от управления епархией "как опасного для общественной безопасности и как препятствующего духовенству в его праве соорганизоваться". Узнав об этом, Владыка отправил обер-прокурору протест, указывая, что "моя опасность... очевидно состоит... лишь в опасности для... самого совета рабочих и солдатских депутатов, всем заправляющего по указке немецких и еврейских провокаторов". Синод решил оставить Владыку на месте.

Вскоре начал работу Поместный Собор, и епископ уехал в Москву. На Соборе был избран Священный Синод из шести человек, а на случай гибели членов Синода было избрано шесть заместителей, и среди них и епископ Андроник. На Соборе он вошёл в состав Издательского Отдела и был одним из энергичнейших его деятелей. "Огнь пылающий" - так звали его. Епископ Андроник делал всё возможное, чтобы документы Собора и Послания продолжали печататься. В декабре и январе он пребывает в Перми и обращается с нарочитым Посланием к своей пастве об организации приходов. В начале 1918 года он возвращается в Москву и возводится в сан архиепископа.

С февраля, после опубликования большевицкого декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, начались бесчинства и зверства со стороны властей по отношению к Церкви. Владыка возвращается на кафедру, где продолжает обличать распоясавшуюся безбожную власть как разбойников, бесстыдно обманывающих народ. Тысячи людей - даже совершенно неверующих, шли послушать мужественное слово Святителя. В ответ на декрет о национализации церковного имущества, осуществление которого вылилось в грабежи храмов, архиепископ, в своей проповеди с амвона обращаясь к агентам власти, прятавшимся среди верных, сказал: "Идите и передайте Вашим главарям, что к дверям храмов и ризниц они подойдут, только перешагнув через мой труп, а при мне и гроша ломаного церковного не получат".

После первого неудачного со стороны властей ареста Владыки, им предвиденного, большевики решились на крайние меры. Город объявили на военном положении. Для ареста Святителя 4 июня было поднято до полутора тысяч человек. Боясь, как бы кто не оповестил народ, у колокольни поставили двух конных милиционеров. Далеко за полночь отряд чекистов подошёл к собору и несколько человек, поднявшись к Владыке, бодрствовавшему вместе с двумя священниками, увели Святителя. Внезапно с соборной колокольни ударили в набат, остановленный двумя выстрелами в героя, пытавшегося поднять народ.

Набат был услышан и к зданию милиции стали спешно подтягиваться люди, требуя освободить Владыку Андроника; однако с помощью силы возмущение людей было подавлено.

6 июня 1918 года состоялся допрос архиепископа. Святитель Андроник молча занял одно из кресел возле письменного стола и долго не отвечал ни на один вопрос. Затем снял панагию, завернул её в большой шёлковый лиловый платок, положил перед собой на письменный стол и, обращаясь к следователям, сказал: "Мы враги открытые, примирения между нами быть не может. Если бы я не был архипастырем и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно. Больше нам разговаривать не о чем". Сказав это, он не спешно развернул платок, надел панагию, спокойно поправил её на груди и, весь погрузившись в молитву, не проронил более ни слова.

Палачи отвезли исповедника в лес по Сибирскому тракту в ночь на 7 июня и заставили вырыть себе могилу, грозя закопать его живым. Закончив работу, Владыка минуть десять помолился, поклонился на четыре стороны света, и лёг в своё последнее пристанище. Его тут же начали закапывать заживо, но священномученик не подавал признаков жизни.

Несколькими выстрелами чекисты закончили свою "работу адову". Перед этим они сняли с Владыки архиерейский наперсный серебряный крест, на цепи от которого затем водили собаку.

В последние месяцы жизни Святителя многие потеряли надежду на духовное возрождение нашей обманом завоёванной Руси. "Стоном стонет наш народ, - говорил со слезами сам Владыка, - Но воскреснет погибающая в прахе и пепле Россия родимая", - пророчески не сомневался он.

Поместный Собор Российской Православной Церкви направил в Пермь особую комиссию "для расследования ареста архиепископа Андроника и последующих церковных событий. Она состояла из священномученика Черниговского архиепископа Василия (Богоявленского, память 14 августа), ректора местной Духовной Семинарии архимандрита Матфея и ещё члена Синода - мирянина. Советская власть дала ей возможность произвести следствие и выехать до Камского железнодорожного моста, где поезд был остановлен и члены комиссии убиты ворвавшимися в вагон красноармейцами. Произошло это 1 (14 н. ст.) августа 1918 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученица Анна (Макандина) (память 1 марта по старому стилю)

Преподобномученица Анна родилась 5 ноября 1892 года в селе Константинове Александровского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина Алексея Макандина. Окончила сельскую школу.

В 1914 году Анна Алексеевна поступила послушницей в Алексеевский монастырь в Москве, располагавшийся в то время на Верхней Красносельской улице. Во все время жизни в монастыре она исполняла послушание на кухне. В 1924 году монастырь был безбожной властью закрыт, и послушница Анна поселилась вместе с монахинями монастыря на квартире; они сохраняли монашеские правила и устав. Зарабатывали они на жизнь шитьем одеял. В 1930 году власти приняли решение об аресте всех насельников и насельниц закрытых монастырей, и 28 декабря 1930 года послушница Анна была арестована. На вопросы следователя о том, состояла ли она в политических партиях, с кем живет и чем занимается, послушница Анна ответила, что в политических партиях она не состояла и не состоит. Права голоса лишена как монастырская. Вместе с ней живет ее родная сестра и еще три монастырских сестры. Все они занимаются шитьем одеял. "Занимаемую нами квартиру никто не посещал, - сказала она. - Знакомства ни с кем не вели. Добавить к показаниям ничего не могу".

После окончания допроса следователь объявил Анне Алексеевне, что она привлекается к ответственности в качестве обвиняемой в антисоветской агитации.

11 января было составлено обвинительное заключение по делу, в котором сотрудник ОГПУ написал: "Привлеченные по данному делу обвиняемые, бывшие монахи ликвидированных монастырей и подворий... живя скопищами, занимались активной антисоветской деятельностью, выражающейся в организации нелегальных антисоветских "братств" и "сестричеств", оказании помощи ссыльным единомышленникам... антисоветской агитации о религиозных гонениях, чинимых советской властью и распространении всевозможных провокационных слухов среди населения; квартиры их являлись убежищем для всякого рода контрреволюционного элемента".

Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило послушницу Анну к трем годам ссылки в Архангельскую область. По окончании ссылки, в 1934 году она вернулась на родину в село Константиново.

22 февраля 1938 года Анна Алексеевна была арестована по обвинению "в распространении провокационных слухов о скором падении советской власти" и заключена сначала в тюрьму в городе Загорске, а потом в Москве.

Лжесвидетели показали, будто она говорила, что это Господь так наказывает - коммунисты организовали колхозы, православных ограбили, и теперь они работают день и ночь задаром, все идет в пользу коммунистов, за то что люди отреклись от Бога и веруют антихристу. Православные, лучше бросьте работать и идите в церковь молиться Богу.

- Обвиняемая Макандина, за что вы агитировали население в октябре 1937 года? - спросил следователь.

- В октябре я работала на поденной работе. Я вспоминаю случай, когда мы вместе несколько человек шли с работы домой. Разговор был о том, что в колхозах стало жить лучше, что советская власть дала колхозникам счастливую жизнь. Это была частная беседа, но против советской власти я никогда не говорила.

- Обвиняемая Макандина, вы признаете себя виновной в антисоветской агитации, которую вели в декабре 1937 года среди колхозников?

- В декабре я работала вместе с другими. Мы рубили капусту. Разговор был о войне. Я говорила, что на нас идет японец, но так как советская власть стала сильна, то войны не допустят, но что касается разговоров против советской власти, то я их не вела.

- Обвиняемая Макандина, что вы говорили в ноябре 1937 года колхозникам, стоя у своего дома?

- Я точно не помню, в каком месяце, но с колхозниками вечером у моего дома был разговор. Говорили, что теперь против царизма стало жить всем лучше, налоги стали небольшие, всего стало больше. А кроме этого ничего не говорили, а я большую часть времени нахожусь дома.

- Обвиняемая Макандина, признаете ли вы себя виновной в том, что опошляете вождей партии и правительства?

- Я к советской власти враждебно не настроена, я довольна советской властью... и виновной себя в антисоветской агитации не признаю.

На этом допросы были закончены. 8 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Послушница Анна была расстреляна 14 марта 1938 года и погребена в общей безвестной могиле.

Причислена к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученица Анна (Остроглазова) (память 10 ноября по старому стилю)

Мученица Анна родилась 19 ноября 1900 года в городе Калуге в семье протоиерея Иоанна Алексеевича Остроглазова. Окончила среднее учебное заведение и поступила в институт народного образования; окончив два курса, она в 1920 году ушла из института. Затем она поступила работать бухгалтером в Калужское педагогическое училище. Здесь Анну Ивановну за ее кроткий нрав полюбили как преподаватели, так и учащиеся, многие из которых приходили к ней поделиться своими горестями и бедами. Анна Ивановна была глубоко верующим, благочестивым и серьезным человеком, и когда Калужскую кафедру возглавил епископ Августин, она стала его ближайшей помощницей. Собирая о ней сведения и готовя постановление об ее аресте, сотрудник НКВД составил о ней такую характеристику: "дочь попа, девица, активная церковница". После ее ареста 16 октября 1937 года НКВД потребовал от администрации педагогического училища, где она работала, дать характеристику своей сотруднице, арестованной по обвинению в

контрреволюционной деятельности. Администрация дала следующую характеристику Анне Ивановне: "Остроглазова работает в училище... около пятнадцати лет, хорошо знает всю обстановку и всех работников училища и учащихся. С текущей работой бухгалтера... справлялась... Остроглазова отличалась крайней молчаливостью, поэтому чрезвычайно трудно было выявить ее лицо: на собраниях и в политкружке она никогда не выступала и в разговорах с преподавателями и администрацией обыкновенно ограничивалась короткими ответами или замечаниями. По имеющимся сведениям, она, будучи дочерью служителя культа и живя вместе с отцом, находилась всегда в тесном окружении церковников, сама часто посещала церковь, усердно молилась, преклонялась перед архиереем, сама обстановка в их доме напоминала церковь... Было также заметно стремление Остроглазовой войти в курс всех вопросов работы училища (хозяйственных, учебно-воспитательных и прочих). Иногда заявления учащихся по делам даже не финансового характера подавались ей прежде, чем попадали к администрации... Известен случай, когда Остроглазова убеждала уборщицу при проведении всесоюзной переписи записаться верующей".

На допросах мужественная и благочестивая христианка держалась с достоинством и спокойствием, как достойная дочь своего духовного отца - архиепископа Августина.

- Вы арестованы за антисоветскую деятельность, следствие требует от вас дачи откровенных показаний по данному вопросу, - заявил следователь.

- Антисоветской деятельностью я не занималась и виновной себя не признаю.

- Вы дали ложные показания, следствие располагает точными данными, что вы, будучи враждебно настроены против существующего строя, занимались антисоветской агитацией. Следствие требует прекратить запирательство и дать правдивые показания по этому вопросу.

- Виновной себя не признаю и к предыдущему ответу ничего добавить не могу.

- Следствием установлено, что вы являетесь участницей контрреволюционной монархической организации. Вы это подтверждаете?

- Я этого не подтверждаю.

- Вам зачитываются показания обвиняемого Афанасия Васильевича Любимова: "Членом нашей контрреволюционной церковно- монархической организации является Анна Ивановна Остроглазова... доверенное лицо Августина... Она вела большую антисоветскую деятельность, воспитывая в контрреволюционном религиозном духе интеллигенцию, главным образом детей бывших людей и служителей культа... Вы это подтверждаете?

- Этого я не подтверждаю и виновной себя не признаю.

- Следствием установлено, что вы, работая бухгалтером педагогического училища, занимались вредительством, чем искусственно создавали недовольство педагогов на мероприятия партии и советского правительства. Вы признаете себя виновной в этом?

- Вредительством я не занималась и виновной в этом себя не признаю.

- Следствием установлено, что вы занимались антисоветской клеветой, распространяя контрреволюционные суеверные слухи. Вы признаете себя виновной в этом?

- Виновной в этом я тоже себя не признаю.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила Анну Ивановну к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, где она приняла мученическую кончину от голода.

Причислена к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Антоний (Панкеев), епископ Белгородский, священномученики Митрофан

(Вильгельмский), Александр (Ерошов), Михаил (Дейнека), Матфей (Вознесенский), Виктор (Каракулин), Ипполит (Красновский), Николай (Садовский), Василий (Иванов), Николай (Кулаков), Максим (Богданов), Александр (Саульский), Павел (Попов), Павел (Брянцев) и мученики Михаил (Вознесенский) и Григорий (Богоявленский) (память 19 мая по старому стилю)

Священномученик Антоний (в миру Василий Александрович Панкеев) родился 1 января 1892 года в селе Садовом Херсонского уезда Херсонской губернии в семье священника, умершего от тифа в 1919 году. В 1912 году он окончил Одесскую Духовную семинарию по первому разряду и поступил в Киевскую Духовную академию.

В 1915 году между Киевской и Петроградской академиями состоялся обмен студентами, и Василий Панкеев был переведен на 3 курс Петроградской Духовной академии.

10 января 1915 года ректор академии епископ Анастасий (Александров) постриг в иноческий чин выпускников Одесской Духовной семинарии студентов 3 курса академии Василия Панкеева и Владимира Белобабченко с наречением им имен Антония и Феодосия1. Совершив постриг, преосвященный ректор обратился к ним с таким словом: "Узкий и скорбный путь предстоит для новой жизни. Жизнь инока есть непрестанный подвиг, постоянная борьба, крест и самопожертвование, старание победить всякие искушения, яже от плоти и от мира во умерщвление тела и обновление духа... Сами родом южане, взирая на житие и подвиги южнорусских подвижников, новых ваших заступников пред престолом Господним, святых Антония и Феодосия, угодников Печерских, следуйте им: они служили Церкви Божией; создатели русского иночества, они воспитали у нас ту крепость христианского духа, без которой наружное иночество легко является и легко исчезает... Вы, пройдя высшую школу богословской науки, с верою и упованием взирая на грядущее, идите всюду и служите людям, уча и просвещая их и ведя ко спасению, - всех обнимая своей христианской любовью, старайтесь быть всем вся, чтобы спасти хотя бы некоторых, жаждущих милости Божией..."

Через неделю иноки Антоний и Феодосий были рукоположены в сан иеродиаконов. В феврале того же года по ходатайству члена Государственной Думы священника Александра Альбицкого, с благословения высоко- преосвященного Владимира (Богоявленского), митрополита Петроградского и Ладожского, иеродиаконы Антоний и Феодосий отправились на фронт для совершения богослужений и удовлетворения духовных нужд раненых и больных воинов. Они служили вместе со священником Александром Альбицким в походной церкви одного из четырех оборудованных Всероссийским национальным союзом передовых санитарно-питательных отрядов, находившихся под покровительством Государя.

В мае 1915 года иеродиакон Антоний приехал в Петроград. 24 мая преосвященный Анастасий в храме Рождества Пресвятой Богородицы при Василеостровском городском начальном училище рукоположил его в сан иеромонаха. Сразу же после рукоположения иеромонах Антоний уехал на фронт в качестве настоятеля одной из походных церквей Всероссийского национального союза.

На фронте учебные занятия пришлось оставить, и учебный год оказался пропущенным. Только в 1917 году иеромонах Антоний окончил Петроградскую Духовную академию. 26 января 1917 года за безупречное исполнение пастырских обязанностей на фронте он был удостоен ордена святой Анны 3-й степени. По окончании академии иеромонах Антоний был направлен служить в город Одессу и здесь вскоре был

возведен в сан игумена. В Одессе он был преподавателем Духовной семинарии до ее закрытия безбожными властями в 1920 году.

В июне 1923 года обновленческий "митрополит" Евдоким (Мещерский) вызвал его к себе и сказал: "На следующий день будет твоя хиротония". Игумен Антоний растерялся, уступил натиску Евдокима и был хиротонисан обновленческими архиереями во епископа Херсонского, викария Одесской епархии на кафедру, которую занимал в это время его друг, православный епископ Онуфрий (Гагалюк). Обновленческим епископом он был около года. В 1924 году он принес покаяние, и 27 августа Патриарх Тихон с сонмом православных святителей хиротонисал его во епископа Мариупольского, викария Елисаветградской епархии. Викариатством он управлял всего несколько месяцев, а затем был сослан властями в город Харьков. Оказавшись в Харькове, продолжал управлять епархией.

В 1926 году епископ Антоний был арестован и приговорен к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь. В 1929 году был приговорен к трем годам ссылки в Енисейск. По ее окончании преосвященный Антоний обратился с просьбой о получении кафедры. Экзарх Украины митрополит Константин (Дьяков) благословил его обратиться к заместителю патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию. Встретившись с митрополитом Сергием в Москве, владыка был назначен им на Белгородскую кафедру,

25 февраля 1935 года епископ Антоний был арестован. Против него лжесвидетелями выступили обновленцы и григорианцы. На допросах, начавшихся сразу после ареста, владыка держался мужественно и на вопросы о его церковной позиции отвечал ясно и недвусмысленно. Следователь спросил, с кем из православных епископов владыка встречался, когда жил в Харькове. Преосвященный Антоний ответил, что хорошо знал и встречался с митрополитом Константином (Дьяковым), архиепископами Борисом (Шипулиным) и Онуфрием (Гагалюком), епископами Стефаном (Андриашенко), Макарием (Кармазиным), Павлом (Кратировым) и Дамаскиным (Цедриком). Все они служили в одной церкви и часто в дни церковных праздников собирались вместе у кого-нибудь в доме. Вопросы, ими обсуждавшиеся, были вопросами церковными, и в частности о расколах - григорианском и лубенском. Ко всем этим фактам церковной жизни у них было единодушно отрицательное отношение, как к направленным во вред церковному единству.

На допросах владыка отказался признавать себя виновным и подписывать лжесвидетельства. Один из лжесвидетелей, Смирнов, запрещенный когда-то епископом Антонием в священнослужении, пытался оговорить архиерея: "Установки мне со стороны Панкеева, как правящего епископа, были даны следующие: вести агитацию среди населения, прихожан, за отторжение Украины от СССР к Германии, вести антиколхозную агитацию и организовать кассу взаимопомощи и сбор средств для ссыльного духовенства".

- Что вы можете показать по существу показаний Смирнова? - спросил следователь у епископа.

- Показания Смирнова отрицаю. Никаких указаний и установок вести контрреволюционную агитацию я не давал. Беседа моя со Смирновым носила исключительно религиозный характер.

1 августа 1935 года сотрудник НКВД объявил епископу, что следствие по его делу закончено. Владыка ответил, что показания против него ложные и он не считает себя ни в коей мере виновным.

20 августа преосвященный Антоний написал заявление прокурору, потребовав, чтобы ему предоставили возможность ознакомиться со следственным делом, так как у него есть обоснованные подозрения, что следователь вносил значительные искажения в записях протоколов допросов подследственных. В конце концов епископу удалось ознакомиться с материалами дела. 10 сентября он направил заявление в Специальную Коллегию Курского областного суда, опровергая все выдвинутые против него обвинения и указывая на

нарушения законов, допущенные следователями. В тот же день он отправил второе письмо, где писал: "В дополнение к моему заявлению на имя Специальной Коллегии, в коем я отметил формальные нарушения в отношении следствия... и обвинительного заключения... – считаю необходимым сделать суду Специальной Коллегии, который состоится сегодня, 10/IX, хотя краткие заявления еще по существу и по содержанию обвинительного заключения...

В дальнейшем буду приводить выдержки из обвинительного заключения и делать на них свои возражения и пояснения, а также фактические поправки.

"В декабре 1933 г. в г. Белгород из ссылки возвратился Панкеев А. А., где получил сан епископа Белгородской епархии. Прибывши в г. Белгород, Панкеев А., будучи сам контрреволюционер, настроенный против существующего строя, как активный последователь "истинно-православной церкви", в целях проведения контрреволюционной работы начал подбирать себе единомышленников из числа контрреволюционного духовенства с разных городов Советского Союза".

Я получил сан епископа не в Белгороде, а в Москве (в 1924 г.). Там же получил от митрополита Сергия назначение (в 1933 г.) в г. Белгород с правами епархиального архиерея в пределах пятнадцати районов, прилегающих к г. Белгороду. В декабре 1933 г. я, по предъявлении своих церковных и гражданских документов в Воронежской областной Культовой Комиссии, был сею последнею зарегистрирован в законном порядке как епископ Белгородской епархии. Основанием считать меня контрреволюционно настроенным, согласно обвинительному заключению, является утверждение, что я активный последователь "истинно-православной церкви" (сторонники коей, появившись в 1927 году, не подчиняются митрополиту Сергию). Это утверждение обвинительного заключения голословно и ни на чем не основано. С 1926 г. и по 1933 г. я находился в лагере и ссылке, т.е. в изоляции, и, таким образом, лишен был возможности принимать участие в церковных делах, а тем более активное. Получив в 1933 г. полное освобождение, я сразу же обратился за назначением к митрополиту Сергию, коему я канонически подчинялся все время, начиная с 1925 г., т.е. еще до лагеря и ссылки. Никаких единомышленников из контрреволюционного духовенства я не подбирал и не приглашал. Обвинительное заключение не указывает ни одного лица и не может указать, так как никого не было из православного духовенства в Белгородской епархии, кто бы не признавал митрополита Сергия, который, как глава Православной Церкви, легализован центральной гражданской властью. Все привлеченные к суду Специальной Коллегии священники, по словам самого обвинительного заключения, ни разу не были судимы за все время существования советской власти... Что касается меня, то я перед лагерем не был ни разу допрошен, и о мотивах моей ссылки мне даже не было объявлено, почему я до сих пор не знаю законной причины заключения меня в лагерь (Соловки) и последовавшей за ним непосредственно ссылки в Сибирь, по окончании коей в 1933 г. Я получил полное освобождение с правом жительства по всему СССР. "В результате в короткий период по приглашению Панкеева в Белгородскую епархию прибыло 15 человек священников".

15 священников было принято мною не в "короткий период", а за все время моего пребывания в г. Белгороде, начиная с декабря 1933 г. Текучесть а кадров духовенства была обычным явлением в церковной жизни, так как приход не является собственностью священника, к которой он был бы прикреплен навсегда. 15 священников за время с 1933 по 1935 г., и притом для 15 районов, из коих состоит Белгородская епархия, - это ничтожное количество. Я не пригласил ни одного священника (а также никого из них не знал раньше, кроме одного). Все они приезжали сами ко мне, что видно из следственного дела. Остается удивляться заведомо ложному утверждению обвинительного заключения. Если эти 15 священников приняты мною, как мои, по выражению обвинительного заключения, "единомышленники", то почему тогда из них привлечено к суду только четверо?!

"Создав таким образом сплоченную группу духовенства, Панкеев повел среди них работу, направленную к проведению сборов денежных средств для оказания помощи репрессированному духовенству... и их семьям".

Я не создавал никакой группы из духовенства. На протяжении всего времени (с 1933 по 1935 г.) одни из духовенства прибывали в епархию, а - другие же выбывали, что является обычным в условиях церковно-епархиальной жизни. Так за означенное время (с 1933 по 1935 г.) выбыло из Белгородской епархии более 20 священников, а прибыло только 15. Но обвинительное заключение почему-то закрывает глаза на это обстоятельство, чем доказывается не только полная несостоятельность утверждения, но односторонность и крайняя предвзятость. Обычным также является поступление от прихожан и духовенства добровольных пожертвований на нужды епархиального епископа и патриархии, ибо деньги необходимы и для существования церковного начальства, и для уплаты ими... налогов. Поэтому гражданским законом и разрешается служителям культа получение от верующих пожертвований на свои нужды. Сборов же на ссыльное духовенство и на их семьи не было, и распоряжений по этому поводу я никаких никому и никогда не давал. В следственном материале нет никаких данных, кроме ложных показаний, подписанных под давлением и угрозами, что установлено переследствием.

"В целях подрыва экономического роста колхозов Панкеев давал указания священникам своей епархии под видом усиления пастырской деятельности среди верующих колхозников проводить контрреволюционную работу, направленную на отрыв колхозников от колхозных работ".

Если я давал, как говорится в обвинительном заключении, указания проводить контрреволюционную работу священникам своей епархии (состоящей из 15 районов), то почему привлечено (и то частично, а не всё) духовенство только Корочанского района (Вильгельмский, Ерошов и Дейнека) и Белгородского района?.. Обвинительное заключение... опирается лишь на лжепоказания благочинного Корочанского района Вильгельмского, как и видно из единственной выдержки. "Обвиняемый Вильгельмский по этому вопросу показывает: "Епископ Антоний Панкеев предлагал усилить для этой цели проповеди путем служения молебнов и акафистов по воскресным и праздничным дням, вести проповеди о святости и значении праздничных дней, при этом имелись в виду главным образом колхозники, которые из-за своих работ плохо посещают церковь". Уже одно бессмысленное и неграмотное выражение - "усилить... проповеди путем служения молебнов и акафистов..." само за себя говорит, т.е, что оно не принадлежит священнику. И действительно, обвиняемый Вильгельмский такого показания не делал и не мог делать, так как никаких предложений об усилении проповеди я никому не давал. В своем заявлении на имя Специальной Коллегии от 10/IX я уже пояснил, что обвиняемый Вильгельмский подавал прокурору жалобы с просьбой аннулировать его подпись под протоколами персонального следствия, как данную ввиду обмана и насилия, а также с разъяснением, что показания его в первоначальных протоколах искажены следователем до неузнаваемости и, по существу, являются не его, Вильгельмского, показаниями, а показаниями самого следователя. Вот почему по распоряжению прокурора был пересмотр дела в июне, причем Вильгельмский давал показания в том смысле, что я не делал ему никаких предложений об усилении по благочинию пастырской деятельности вообще, и тем более с целью отвлечения колхозников от работ...

"Задания указанного характера Панкеевым давались Смирнову, Ерошову, Вильгельмскому и другим".

Кому это другим, - в следственном деле и обвинительном заключении не сказано. Ерошов, первоначальный протокол коего, написанный его рукой, уничтожен следователем и заменен протоколом с ложными показаниями, написанными рукою следователя, также сделал... в порядке пересмотра, показания, в коих заявил, что никаких распоряжений об усилении пастырской деятельности от меня, как епископа, он не получал. Даже Смирнов, показавший по злобе на меня (за лишение его сана священника)

и как раскольник, враждебно настроенный против меня как православного епископа, даже Смирнов в своих путаных, противоречивых и заведомо ложных показаниях заявил, что он отказался принять якобы мое предложение насчет колхозов, так как он боялся ответственности за это перед властью. Даже это половинчатое показание Смирнов ничем доказать не может. В делах Белгородской епархии, кои изъяты у меня при обыске, имеются документы, писанные рукою Смирнова, из коих видно, что он был у меня один раз (еще в начале 1934 г.) и что моя беседа с ним несла исключительно религиозно-церковный характер. Показаний на этот счет других обвиняемых в следственном деле нет. Нет также ни одного свидетельского показания против меня. Нет ни одного факта, а лишь голословные утверждения. Если бы составитель обвинительного заключения не игнорировал моего заявления к протоколу от 22/V и доследственный материал, что он сделал сознательно, то ему не на чем было бы построить обвинение против меня. Что касается моей работы "против мероприятий, проводимых партией и правительством", то ни в обвинительном заключении, ни в следственном деле нет никаких указаний, о каких мероприятиях идет речь. По этому поводу я не был допрошен во время следствия. Голословным и ничем не обоснованным является и утверждение обвинительного заключения, что я "частично признал себя виновным". Напротив, в следственном деле имеются мои письменные неоднократные и настойчивые заявления, что я себя не признаю виновным ни в какой мере. Если в обвинительном заключении под выражением "Панкеев обвиняется в том, что совместно со священниками своего благочиния проводил среди населения организованную контрреволюционную работу, направленную на развал колхозов, против мероприятий, проводимых партией и правительством", если здесь разуметь, что я проводил контрреволюционную работу во всей Белгородской епархии, то почему в таком случае не привлечены в качестве обвиняемых (или хотя бы в качестве свидетелей) все благочинные Белгородской епархии?! Если же разуметь то, как и напечатано в обвинительном заключении, т.е. одно только благочиние из всей епархии (т.е. Корочанское благочиние), то неестественным... было бы проведение мною контрреволюционной работы в одном только Корочанском благочинии, в то время как я являлся епископом над всеми благочиниями Белгородской епархии. Явная неувязка, путаница и бессмыслица! Все это лишь говорит о моей невиновности и неосновательной попытке обвинения доказать обратное.

В заключение еще раз заявляю, что предъявленное мне обвинение отрицаю полностью. Оставляя за собою право делать на суде более подробные словесные пояснения, прошу Специальную Коллегию это мое заявление с краткими письменными пояснениями приобщить к моему делу и протоколу судебного разбирательства".

10 сентября 1935 года в половине двенадцатого утра открылось заседание Специальной Коллегии Курского областного суда. Суд не дал возможности обвиняемым говорить пространно, и подробно написанные объяснения владыки до некоторой степени заменили объяснения в суде. Во время судебного заседания преосвященный Антоний сказал: "В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я принадлежу к церковному течению, возглавляемому митрополитом Сергием... В Белгородской епархии нет ни одного священника, принадлежащего к группе иосифовцев..."

Вместе с епископом Антонием были арестованы священники Митрофан Вильгельмский, Александр Ерошов, Михаил Дейнека и псаломщик Михаил Вознесенский.

Священномученик Митрофан родился 4 июня 1883 года в городе Ново-Миргороде Херсонской губернии. Отец его, Григорий Вильгельмский, занимался ремесленным промыслом. Митрофан окончил церковно-приходскую школу и с 1911 года стал служить в храме псаломщиком. В 1922 году он был рукоположен в сан диакона, а через год - в сан священника. Служил в храмах Одесской епархии. В 1924 году отец Митрофан был арестован и приговорен к трем месяцам заключения по обвинению в крещении ребенка без справки из загса. В 1928 году он перешел служить в Полтавскую епархию. В феврале

1934 года власти закрыли храм, в котором служил священник, и отец Митрофан написал архиепископу Онуфрию (Гагалюку), которого хорошо знал как ранее управлявшего Одесской епархией, и получил от него благословение ехать к епископу Антонию в Белгородскую епархию. Приехав к владыке, отец Митрофан получил место в храме и вскоре был назначен благочинным.

22 февраля 1935 года НКВД арестовал священника. На допросе отец Митрофан сначала было подписал показания, написанные следователем, но 22 июня дал иные показания, которые следователь вынужден был записать: "Относительно моих показаний, данных мной ранее, имею внести следующие поправки, которые мной обнаружены в результате ознакомления с материалом следствия при окончании следствия, а именно:

В ранее данных мной показаниях при записях неверно сформулировано, что якобы я получал от епископа Панкеева задание производить сбор денег под видом пожертвований на епархию и патриархию для оказания помощи ссыльному духовенству. Поясняю, что этот вопрос при записи моего показания сформулирован немного не так. Я показывал, что я действительно получал распоряжения от епископа Панкеева производить сборы на патриархию и епархию, но о том, что указанные деньги посылаются на оказание помощи ссыльному духовенству, Панкеев мне об этом не говорил и я этого не знал. О том, что эти деньги идут на оказание помощи ссыльному духовенству, это было мое личное предположение. Об этом я иногда верующим, то есть свое предположение, высказывал, но точно я не знал. Неправильно также сформулировано при записи, что якобы я получал от епископа Панкеева задание об усилении пастырской деятельности среди верующих в праздничные и воскресные дни с целью отрыва колхозников от работ и что я такие распоряжения давал священникам своего благочиния. Я действительно от Панкеева получал распоряжения, чтобы усилить пастырскую деятельность, но только в своем приходе, который я лично обслуживал, в городе Короче. В этом распоряжении ничего не говорилось о том, чтобы отрывать колхозников от колхозных работ. Такое распоряжение вызвано было тем, что на меня имелась жалоба от прихожан, что я плохо провожу религиозную деятельность и что я плохой проповедник. Насчет этого Панкеев действительно мне писал о желательности того, чтобы я читал акафисты святителю Иоасафу..."..., Но и этими ответами отец Митрофан остался недоволен и 7 августа направил прокурору заявление, в котором, в частности, писал: "При допросе следователя... мне был задан вопрос, признаю ли я свои показания, данные мною в марте месяце сего года? Я заявил, что не признаю, так как таковые были не правильны и извращены следователем и записаны неправильно, а была лишь моя подпись, которая была подписана мной под нажимом и угрозой следователя. Но следователь в протокол от 25 июня почему-то этого не записал. Второй вопрос мне был задан тем же следователем, почему я не признаю свое показание, записанное следователем 9 мая сего года? Я ему ответил, что я их также не признаю, так как эти показания также являются неправильными, о чем я заявлял следователю в момент записывания этих показаний следователем в протокол. Я говорил следователю, не пишите, потому что это неправильно. Следователь мне ответил, что здесь ничего преступного для вас нет и вы можете на суде отвергнуть это. Подписал я, потому что не желал раздражать следователя, дабы не возник такой же конфликт, как был со следователем, который нанес мне ряд угроз и оскорблений в городе Белгороде, когда я ему заявлял, мое следствие ведется неправильно и мои показания записываются в искаженном виде... Следователь в протоколе от 25 июня сего года записал, что якобы я желал исправить свои ошибки. Это также не верно, не свои ошибки, а ошибки следователя. И так как все дело поступило в Ваше распоряжение, то я поясняю, что свои показания, данные мною в марте месяце, считаю неправильными, так как все показания были извращены следователем... В акте об окончании следствия и ознакомлении со следственным материалом я не записал своих возражений, потому что следователь мне сказал, что будет суд, где вы будете опровергать все неправильности... Еще раз заявляю, что я не показывал при допросе о том, что Панкеев делал мне распоряжения о сборе

пожертвований на ссыльных и заключенных и об усилении проповедей с целью отвлечения колхозников от работы, а также не показывал, что я проводил контрреволюционную агитацию или вел какие бы то ни было контрреволюционные разговоры. Ничего подобного я не показывал на допросах, а потому виновным себя не признаю ни в чем".

Во время судебного заседания отец Митрофан отверг возводимые на него обвинения и сказал: "В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Показание на предварительном следствии неправильно записано. Следователь записывал с моих ответов на черновик, а потом зачитал мне, я был согласен с записанным, а подписал показание, переписанное начисто, которое не читал. Об усилении пастырской деятельности мне никто указаний не давал, и я также никому не давал таких указаний, потому что каждый священник сам знает свои обязанности..."

Священномученик Александр родился 22 ноября 1884 года в селе Чернянка Курской губернии в семье крестьянина Луппа Ерошова. С детства Александр мечтал стать служителем Христовой Церкви. В 1896 году он окончил сельскую школу и уехал в Киев, где долгое время пел в монастырском хоре, и здесь основательно изучил церковный устав и богослужение. В 1911 году он был рукоположен в сан диакона. В 1918 году он окончил пастырские курсы в Харькове и был рукоположен в сан священника. Служил отец Александр на родине, в селе Ольшанка Чернявского уезда. В 1934 году епископ Антоний перевел его в храм села Большая Халань Корочанского района. 22 февраля 1935 года НКВД арестовал священника.

- Скажите, - спросил следователь, - были ли вам указания от своего благочинного Вильгельмского об усилении пастырской деятельности, и в каком направлении?

- Да, были. Указания благочинного Вильгельмского об усилении пастырской деятельности заключались в том, чтобы я усилил свою пастырскую деятельность путем проповеди с амвона по привлечению верующих прихожан к посещению церкви, особенно в воскресные и праздничные дни. Например: вводить общее пение, служить великие вечерни, после которых читать акафисты, и другие меры воздействия. Речь здесь шла, разумеется, о колхозниках, которые в силу своих колхозных работ плохо посещают церковь.

- Выполняли ли вы эти указания и каким путем?

- Да, выполнял. Как пастырь, я воздействовал на верующих колхозников, для того чтобы они усердно посещали церковь, путем усиления службы и проповеди с амвона, то есть так, как мне было предложено епископом Антонием через благочинного Вильгельмского.

Но затем на допросе отец Александр потребовал от следователя, чтобы тот разрешил ему написать все ответы своей рукой. Тот разрешил. Знакомясь со следственным делом, священник не обнаружил этого протокола в деле и просил следователя его показать, на что следователь ответил, что протокол был им уничтожен.

Во время судебного заседания отец Александр сказал: "В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я свои показания на предварительном следствии подписал, но не читал... Указаний об усилении проповедей и молебнов Вильгельмский мне не давал, он только спрашивал, какая у меня идет служба в церкви, я ему рассказал, что служу вечерни по воскресным и другим праздничным дням. Спрашивал, ведется ли у меня церковное пение, я сказал, что поют любители..."

Священномученик Михаил родился 7 ноября 1894 года в селе Борзна Черниговской губернии в семье сапожника Фомы Дейнеки. Окончил церковно-приходскую школу и затем поступил на курсы псаломщиков при монастыре. С 1917 по 1921 год он служил в храмах Харьковской губернии псаломщиком. В 1921 году Михаил Фомич был рукоположен в сан диакона, а в 1924 году - в сан священника. Служил сначала в Харьковской епархии, а затем по рекомендации архиепископа Курского Онуфрия был

принят епископом Антонием в Белгородскую епархию. 22 февраля 1935 года он был арестован.

- Скажите, вы производили сбор денег под видом пожертвований? - спросил следователь.

- Да, производил. Сбор производился особой тарелкой во время службы, - ответил отец Михаил.

- Вы знали, для какой цели производятся эти сборы?

- Со слов епископа Антония и благочинного Вильгельмского я знал, что эти пожертвования идут на патриархию.

После объявления об окончании следствия, в то время, когда все "дело" ввиду отсутствия доказательств вины арестованных епископа и священника было отправлено на доследование, следователь спросил отца Михаила:

- Скажите, подтверждаете ли вы свои ранее данные показания?

- Все свои показания, данные ранее, подтверждаю полностью. Одновременно добавляю, что показания свидетеля... о том, что якобы я в своих проповедях призывал верующих посещать храмы и не ходить на работу, считаю ложным измышлением. На эту тему... я никогда не говорил, и об этом могут подтвердить все верующие...

В судебном заседании отец Михаил сказал, что в предъявленном ему обвинении виновным себя не признает.

Мученик Михаил родился 14 апреля 1900 года в селе Фащеватом Корочанского уезда Курской губернии в семье священника Матфея Вознесенского, убитого безбожниками в 1919 году. Михаил учился в Духовной семинарии в Белгороде, которую не успел окончить из-за происшедшей в 1917 году революции. Затем служил псаломщиком в храмах Белгородской епархии. Был арестован в 1935 году. Михаил Матвеевич был племянником митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского). На допросе следователь спросил Михаила Матвеевича:

- С кем вы из родственников переписывались?

- Переписку я вел с братом, с сестрой... и с дядей - митрополитом Литовским Елевферием. Последний в своих письмах выражал желание, чтобы я был с ним, но я считал, что это осуществить невозможно, поэтому не пытался ходатайствовать о выезде за границу.

- О чем вы писали митрополиту Елевферию?!

- Митрополиту Елевферию я писал о своей тяжелой жизни, где и как живут родственники, о его духовных знакомых и о церковном расколе в России.

- А о чем он вам писал?

- Митрополит Елевферий интересовался как живет духовенство, интересовался моей жизнью, спрашивал, как живут родственники и описывал, как он сам живет. На все интересующие его вопросы я ему отвечал.

2 июля 1935 года Михаил Матвеевич написал заявление прокурору Курской области по надзору за органами НКВД. "22 мая сего года, - писал он, - мне было объявлено об окончании следствия по моему делу, и я коротко и бегло был ознакомлен следователем с обвинительным против меня материалом. В то время я уже заболел тяжелою болезнью, продолжавшеюся полтора месяца. Основательно же ознакомиться с этим материалом я мог только по выздоровлении и теперь делаю необходимое Вам заявление. Уже не раз было мне предъявлено обвинение. Его я не могу назвать иначе, как голословным, не основанным ни на каких фактических данных следствия. По существу вопроса я должен коснуться двух основных пунктов обвинения: 1) в агитации вообще и групповой в частности и 2) свидетельских против меня показаний. Прежде всего, где неопровержимые (фактические) данные, прямо документально изобличающие меня в агитации? При всем своем ухищрении и трехмесячных усилиях следователь не мог найти ни одного (в действительности не существующих, а только в болезненном воображении - подозрении обвинения). Полное отсутствие свидетельских показаний в этом отношении красноречиво

говорит само за себя в мою пользу. Наоборот, не хвалясь, могу уверенно сказать в свою защиту то, что следователю во время ведения следствия не раз приходилось слышать положительные и лестные обо мне отзывы людей разного рода. Конечно, не в интересах обвинения было помещать их в мое дело, во имя правды с точки зрения справедливости и добра. По ходу следствия (допросов) это было ясно. Если действительно в руках следователя нет никаких данных, уличающих меня в агитации, то за что же я нахожусь под стражею почти пять месяцев?

Еще раз категорически, а в то же время искренне заявляю Вам, что совесть моя чиста в этом отношении; я ни в чем не виновен. А между тем во втором предъявленном мне обвинении, по которому я - подчеркиваю это - ни разу не был допрошен, не в первый раз было повторено, так сказать, отвлеченное, не имеющее под собою, по-видимому, никакой почвы обвинение: "Вел систематическую работу пропаганды..." Чего, где, когда, при каких обстоятельствах? - неизвестно. При чтении свидетельских против меня показаний сразу же и невольно бросается в глаза подложность принадлежности их означенным авторам... Ряд навязанных друг на друга обвинений - фраз чудовищных и нелепых по своему содержанию и сущности, обличает в авторе их невменяемого человека, находящегося своим безвольным индивидуумом в полном и безраздельном распоряжении кого-то другого. В мыслях его не видно ни логики, ни тени какого-нибудь творчества, ни даже собственного разума, а единственно чужая воля и определенная цель лица, стоящего за спиною автора. Получается впечатление (в котором я не сомневаюсь как в действительности), что свидетель повторяет чужие слова. Принадлежностью... к церковной ориентации, к которой я не принадлежал, только и можно объяснить их наглую ложь и нелепую клевету против меня. Ввиду этого я вправе просить у Вас очную ставку с обоими свидетелями".

После этого следователь вызвал Михаила Матвеевича на допрос, о чем он подробно затем написал в своем заявлении прокурору: "2 августа сего года я был вызван следователем на допрос для вторичного мне объявления об окончании следствия, а главное, для ознакомления меня со своим делом и не имею ли я желания прибавить какие-нибудь свои замечания к уже имеющимся. Заявлений, весьма для меня важных, было не одно, но следователь не только не дал возможности занести их в протокол, но с криками и нецензурною руганью постарался как можно скорее удалить меня от себя. Обращаясь к Вам, гражданин прокурор, с жалобою на такое незаконное действие следователя, должен заявить и подчеркнуть, что подобное, далеко не корректное ко мне отношение следователя, было в продолжение всего следствия надо мною. Велось оно с пристрастием, а главное, под угрозою. "Паразит!" - "Отщепенец!" - "Тебя надо было давно уже расстрелять!" - вот обычные эпитеты и приемы допроса меня, сопровождавшиеся руганью, криками, топаньем ногами и т. п. Будучи первый раз в жизни на следствии, я был буквально терроризирован и, естественно, давал неверные, может быть, показания. Если раньше не жаловался на такое явное беззаконие следователя, то потому, что, не зная правил судебного следствия, считал этот способ - порядком вещей. Теперь я не могу больше молчать и заявляю свой энергичный протест против такого насилия и издевательства, прося Вас дать свое заключение и вывод из моего заявления".

Во время судебного заседания Михаил Матвеевич не признал себя виновным.

11 сентября 1935 года подсудимым был оглашен приговор: епископ Антоний и благочинный Митрофан Вильгельмский были приговорены к десяти годам лишения свободы; священник Александр Ерошов и псаломщик Михаил Вознесенский - к пяти годам; священник Михаил Дейнека - к трем годам лишения свободы. Все они были отправлены на Дальний Восток, и были заключены в тот же лагерь, где находились архиепископ Курский (Гагалюк) и осужденные вместе с ним священники Виктор Каракулин и Ипполит Красновский.

Священномученик Виктор родился в 1887 году в селе Волоконск Курской губернии в семье псаломщика Константина Каракулина. Был рукоположен в сан священника. Служил

в Троицкой церкви в городе Курске. 23 июля 1935 года власти арестовали отца Виктора, тогда же были арестованы архиепископ Курский Онуфрий и другие священники. На следствии отец Виктор не признал себя виновным и отказался подписывать лжесвидетельства против себя и других. Следователи устроили очные ставки со лжесвидетелями, но священник отказался подтвердить их оговоры. 8 декабря 1935 года состоялось закрытое заседание Специальной Коллегии Курского областного суда, выступив на котором, отец Виктор категорично заявил, что не признает себя виновным, что отношения с архиепископом Онуфрием у него были не как с главой контрреволюционной организации, а как с правящим архиереем, и все взаимоотношения имели исключительно церковный характер, и вопросы решались только церковные. 9 декабря 1935 года Специальная Коллегия Курского областного суда приговорила священника к десяти годам заключения, и он был отправлен в Дальневосточный лагерь в Хабаровский край, где оказался вместе с архиепископом Онуфрием и епископом Антонием. Отец Виктор был слабого здоровья, и тяжелая работа в лагере оказалась для него непосильной. Он тяжело заболел и 7 мая 1937 года, в пятницу на светлой седмице, скончался.

Священномученик Ипполит родился в 1883 году в городе Москве в семье священника Николая Красновского. Окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Был рукоположен в сан священника. Одно время был настоятелем в храме Воскресения на Таганке. 19 сентября 1930 года власти арестовали священника и заключили в Бутырскую тюрьму. Его обвиняли в том, что он поддерживал отношения с широким кругом духовенства, читал сам и хранил в храме рукописную церковную литературу, трактующую вопросы современной церковной жизни. Тройка ОГПУ приговорила священника к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Отец Ипполит был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. В 1933 году заключение в лагерь заменили ссылкой с прикреплением к определенному месту жительства. Он должен был жить в городе Курске до сентября 1940 года. Отец Ипполит приехал в Курск в 1933 году, вскоре сюда правящим архиереем был назначен архиепископ Онуфрий (Гагалюк), который знал его раньше; он сразу же предоставил ему место священника в храме, и они часто служили вместе. Отец Ипполит заходил в дом к архиепископу, совершал по просьбе владыки молебны и окормлял духовно его мать, монахиню Наталию. Архиепископ и священник были схожих взглядов. Во время отъездов архиепископа Онуфрия в Москву на заседания Священного Синода отец Ипполит вел делопроизводство епархии и старался по мере возможности разрешать вопросы, возникавшие у духовенства. 23 июля 1935 года НКВД арестовал архиепископа Онуфрия и вместе с ним отца Ипполита. Его обвинили в том, что он произносил с амвона антисоветские проповеди.

- Расскажите, какое содержание носили ваши проповеди, - спросил следователь.

- Мои проповеди сводились к объяснению сущности христианской веры, - ответил священник.

- В своих проповедях вы призывали верующих к терпению и не терять надежды на то, что скоро настанет светлое будущее. Признаете ли вы, что в вашем призыве есть контрреволюционный смысл?

- Да, я действительно в своих проповедях говорил о терпении, но это относилось только к личным скорбям верующих, к их личным потерям, борьбе с внутренним грехом... контрреволюционного смысла в моих проповедях не было.

- По своей собственной инициативе вы говорили проповеди или по указанию архиепископа Онуфрия?

- Да, по своей собственной инициативе, так как право произносить проповеди на религиозную тему предоставлено по законам церковным каждому священнику.

- Скажите, гражданин Красновский, какое толкование вами давалось духовенству в связи с опубликованием в печати сообщений о выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда, Москвы и других городов СССР после убийства товарища Кирова?

- Узнав о выселении людей из Ленинграда и других городов после убийства Кирова, я действительно говорил среди своего духовенства, что настало время, когда и нам нужно подготовиться к ссылке, так как такое мероприятие советской власти коснется и нас, духовенства, причем о себе я лично сказал, что я даже рад буду этому, так как это отвечает моему желанию.

- Следствию известно, что вы с прибытием Онуфрия Гагалюка в город Курск установили с ним в целях развития контрреволюционной деятельности связь, каковую поддерживали до момента ареста. Признаете ли вы в этом виновным?

- В своем общении с Гагалюком я развития контрреволюционной деятельности не преследовал и виновным себя в этом не признаю.

- Что вы еще можете показать по вопросу проповеди, произнесенной вами 27 сентября 1934 года, то есть, в частности, говорили ли вы в этой проповеди следующее: "Какие бы ни встречали вас скорби, напасти, а их в жизни очень много, - терпите и терпите: все это нам дается за грехи наши?"

- Да, я это говорил и разумел под этими словами личные скорби людей в их жизни.

- Что вы имели в виду, говоря в некоторых случаях, в частности весной 1935 года, следующие слова: "Где же наши верующие? При таком отношении, совершенно безучастном, безразличном, вполне можно ожидать закрытия всех церквей"?

- Говоря эти слова, я имел в виду слабое посещение церквей со стороны верующих граждан.

Были проведены очные ставки священника с некоторыми лжесвидетелями, но отец Ипполит не согласился подтвердить их слова. После окончания допросов священник написал заявление следователю: "Во всех проповедях я излагал, как показывал, только внутреннюю сторону христианской религии и ни власти, ни строя, ни вообще внешней жизни не касался. К власти советской относился всегда лояльно. Поэтому решительно заявляю: ни к чему антисоветскому... не призывал и не признаю себя виновным".

8-9 декабря 1935 года в Курске состоялось заседание Специальной Коллегии Курского областного суда. Оно было закрытым, но в зале суда присутствовали все обвиняемые и свидетели. Выступая на суде, отец Ипполит сказал: "В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Никакой группы я не знал, Гагалюка я знаю как приехавшего к нам архиепископа, я познакомился с ним в храме, а потом приходил к нему на квартиру с просьбой послать меня в одну из городских церквей, прием просителей происходил на квартире у Гагалюка, как обыкновенно у всех архиереев. По вопросу моих проповедей мне говорили, чтоб я не задерживал народ, дьякон говорил мне "теперь говорить опасно", я в своих проповедях не касался внешней жизни, я говорил о христианской любви, о страданиях... 27 сентября у нас был праздник Воздвижения, и я говорил проповедь на тему о страданиях Христа, о том, что страдания не озлобляют, а облагораживают душу.

В проповеди о любви я говорил, что любовь - это дар за нашу твердую решимость не потерять веру".

9 декабря 1935 года Специальная Коллегия Курского областного суда приговорила отца Ипполита к десяти годам заключения, и он был отправлен в исправительно-трудовые лагеря в Хабаровский край. Здесь против священника в феврале 1938 года было начато новое "дело".

В феврале 1938 года оперуполномоченный 3-го отдела Дальневосточных лагерей допросил тех заключенных, кто готов был подписать лжесвидетельства против архиереев и других обвиняемых. Допрошенный комендант зоны показал: "Отбывая меру уголовного наказания при Средне-Бельском лагпункте Дальлага НКВД и выполняя обязанность коменданта зоны осужденных по статье 58, 59 УК РСФСР с момента создания последней, то есть с июня месяца 1937 года, мне приходится наблюдать за лагерным населением и видеть, что происходит в среде заключенных. Исходя из этого, я пришел к такому выводу, что все заключенные указанной выше зоны, смыкаясь между собой на почве единства воззрений, сплотились в определенные контрреволюционные группировки разных

направлений... персонально в контрреволюционную группу входят следующие лица: Гагалюк А. М., Панкеев А. А. - бывшие архиереи, Богоявленский Г. А., Георгиевский А. П., Вильгельмский М. Г., Красновский И. П. и т.д. Руководящую направляющую роль в этой контрреволюционной группировке играют Гагалюк А. и Панкеев А.... Контрреволюционная деятельность указанной группировки выражается в том, что они, будучи почти все отнесены к группе инвалидов... дезорганизуют производство. Кроме этого... открыто собираются группами в палатке и совершают религиозные обряды, поют молитвы... Такие заключенные из бывших представителей православной церкви, как Гагалюк А. и Панкеев А., имеют большую переписку с внешним миром и очень часто получают из разных городов Советского Союза крупные посылки, которыми делятся с остальными священнослужителями... Попы по воскресеньям надевают подрясники и производят чтение молитв..."

В феврале 1938 года против архиепископа Онуфрия, епископа Антония, священников Ипполита Красновского, Николая Садовского, Митрофана Вильгельмского, Василия Иванова, Николая Кулакова, Максима Богданова, Михаила Дейнеки, Александра Ерошова, Александра Саульского, Павла Попова, Павла Брянцева и псаломщиков Григория Богоявленского и Михаила Вознесенского было начато новое "дело".

Священномученик Николай родился в 1894 году в селе Водопьяново Воронежской губернии в семье священника Александра Садовского. Окончил Воронежскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. В 1935 году он был арестован и приговорен к восьми годам заключения.

Священномученик Василий (Василий Андреевич Иванов) родился в 1876 году в городе Старый Оскол Курской губернии в семье портного. Окончил духовное училище и был рукоположен в сан священника. В 1930 году он был арестован и приговорен к десяти годам заключения.

Священномученик Николай (Николай Константинович Кулаков) родился в 1876 году в городе Вольске Вологодской губернии в крестьянской семье. Окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника.

В 1933 году был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Священномученик Максим (Максим Петрович Богданов) родился в 1883 году в селе Борки Тюменского округа Тобольской губернии в семье рабочего. Окончил три класса сельской школы. До 1924 года Максим Петрович был рабочим. В 1924 году поступил в храм псаломщиком. В 1928 году он был рукоположен в сан священника. После пяти лет служения отец Максим был арестован и приговорен к десяти годам заключения.

Священномученик Александр родился в 1876 году в селе Очесо-Рудня под Гомелем в семье священника Ерофея Саульского. Окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. В 1934 году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Священномученик Павел (Павел Ильич Попов) родился в 1890 году в Московской губернии в крестьянской семье. После революции был рукоположен в сан священника и служил в городе Мичуринске Воронежской области. В 1935 году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Священномученик Павел (Павел Алексеевич Брянцев) родился в 1889 году в селе Поляново Волховского уезда Санкт-Петербургской губернии. Отец его был псаломщиком. Павел Алексеевич окончил Духовную семинарию и был в 1921 году рукоположен в сан священника. Служил в селе Малино Санкт-Петербургской епархии. В 1933 году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения. В 1938 году в лагере против него было начато новое "дело". Отец Павел так же, как и другие, был приговори к расстрелу, но расстрелян не был. Он умер за две недели до исполнения приговора, 13 мая 1938 года.

Мученик Григорий родился в 1883 году в селе Нижне-Матренки Хворостянского уезда Воронежской губернии в семье священника Александра Богоявленского. До революции во время Первой мировой войны служил полковым писарем, после революции -

псаломщиком в храме. В 1935 году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Никто из них не признал себя виновным и все они отказались подписать лжесвидетельства. В начале марта 1938 года все обвиняемые были перевезены из лагеря в Благовещенскую тюрьму. 17 марта Тройка НКВД приговорила их к расстрелу. 1 июня 1938 года архиепископ Онуфрий (Гагалюк), епископ Антоний (Панкеев), священники Ипполит Красновский, Николай Садовский, Митрофан Вильгельмский, Василий Иванов, Николай Кулаков, Максим Богданов, Михаил Дейнека, Александр Ерошов, Александр Саульский, Павел Попов и псаломщики Григорий Богоявленский и Михаил Вознесенский были расстреляны.

---

1 Иеромонах Феодосий родился в 1892 году. После окончания Духовной академии и рукоположения в сан иеромонаха написал прошение с просьбой направить его в действующую армию. Сам участвовал в боях, вынося с поля сражения раненых. Мечтал послужить миссионером в родной Галиции. Заболел скоротечной чахоткой и скончался 16 марта 1916 года.

Мученик Аполлон (Бабичев) (память 10 ноября по старому стилю)

Мученик Аполлон (Аполлон Ксенофонтович Бабичев) родился 30 марта 1874 года в городе Калуге. Окончил городское училище и служил в Георгиевском храме псаломщиком. 16 октября 1937 года власти арестовали его. На следствии он сразу занял твердую позицию, настаивал на точной записи ответов и ставил после каждого ответа подпись.

- Вы арестованы и обвиняетесь в контрреволюционной деятельности, дайте правдивые показания по существу, - потребовал следователь.

- Контрреволюционной деятельностью я не занимался.

- Напрасны ваши запирательства, следствие располагает достаточными данными, уличающими вас в контрреволюционной деятельности, которую вы проводили совместно с церковными лицами, предлагаю говорить правду. - Вновь заявляю, что контрреволюционной деятельностью я не занимался и виновным в этом себя не признаю.

- Следствию известно, что вы, будучи враждебно настроенным к советскому строю и будучи тесно связанным с активным контрреволюционным элементом из церковников, занимались среди граждан антисоветскими разговорами. Следствие требует от вас правдивых показаний.

- Я враждебно настроенным к советской власти себя не считаю, и никакой антисоветской работой я не занимался.

- Назовите лиц, враждебно настроенных к советской власти.

- Таких лиц я не знаю.

- На первом допросе вы дали следствию ложные показания, не признав себя виновным в антисоветской деятельности, которую вы проводили совместно с другими церковниками. Предлагаем говорить правду.

- Антисоветской деятельностью я не занимался и виновным в этом себя не признаю. С церковниками я был связан только по церковной службе.

- Следствию также известно, что вы в числе группы лиц, приближенных к архиепископу Августину, проводили обработку верующих граждан в антисоветском духе, ведя среди них всевозможные антисоветские разговоры.

Отбросьте запирательство и дайте следствию правдивые показания.

- Антисоветских разговоров я не вел.

- Назовите лиц, враждебно настроенных к советскому строю.

- Таких лиц я не знаю.

- Еще раз следствие предлагает вам дать правдивые показания о своей контрреволюционной деятельности, которую вы проводили совместно с другими лицами...

- Вновь отвечаю, что виновным себя в проведении контрреволюционной деятельности не признаю.

- Вам зачитываются выдержки из показаний обвиняемых, которые, признав себя участниками контрреволюционной монархическо-церковной организации, показали следствию, что и вы являетесь участником данной организации и вместе с ними проводили контрреволюционную деятельность... Теперь вы себя признаете виновным?

- Нет, не признаю.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Августина (Беляева), архимандрита Иоанникия (Дмитриева), протоиерея Иоанна Сперанского, псаломщиков Алексея Горбачева, Аполлона Бабичева и члена церковного совета Михаила Арефьева к расстрелу, они были расстреляны 23 ноября 1937 года и погребены в общей безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Арефа Валаамский (память 7 августа по старому стилю)

Священномученик Арефа Валаамский (в миру Митренин Александр Фёдорович) родился 21 ноября 1879 года, в городе Кронштадт. Поступил в Валаамский монастырь 26 мая 1902 года. Зачислен в послушники 20 марта 1906 года. Пострижен в монашество с именем Арефа 22 мая 1910 года. Рукоположен в сан иеродиакона 30 июля 1915 года. Посвящён в сан иеромонаха - 28 апреля 1921 года. С февраля 1917 года проходил клиросное послушание на Московском подворье, правил череду священнослужения. В 1925 году он выехал в Финляндию, в Валаамский монастырь, откуда 22 октября был выслан за верность Русской Церкви и Юлианскому календарю.

С 1927 года проживал в часовне Валаамского монастыря в Ленинграде, на Васильевском острове. Арестован 18 февраля 1932 года. Из протокола допроса: "...Против Сов. власти никогда активно не выступал, но советским человеком быть не могу, так как нас, монахов, лишили всего: монастыри и церкви закрывают, священнослужителей высылают; вообще сов. властью везде гонение на религию".

Приговор последовал такой: "Выслать в Казахстан сроком на 3 года с 17/02.1932 г."

Скончался в ссылке в ноябре 1932 г., погребён в городе Ташкенте, 53-х лет.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания (память 25 января).

Священномученик Аркадий, епископ Лубенский, викарий Полтавский (память 16 декабря по старому стилю)

Священномученик Аркадий, епископ Лубенский, викарий Полтавский (в миру Остальский Аркадий Иосифович) родился в апреле 1888 года в селе Яковицы

Житомирской губернии в семье священника Иосифа Остальского. Впоследствии родители будущего Святителя переехали в Житомир, куда перевели служить отца Иосифа. Кроме Аркадия в семье были ещё двое детей: сын и дочь, которая умерла в возрасте трёх лет. После окончания Волынской Духовной Семинарии, с сентября 1911 года отец Аркадий служил священником соборного храма в городе Старо-Константинов, затем настоятелем Никольской единоверческой церкви в городе Полтава. Во время войны он - полковой священник. Являясь с 1917 по 1922 годы настоятелем храма в Житомире, отец Аркадий при храме же организовал Православное Братство. Его пламенные проповеди привлекали множество народа, а Братство в тяжкие годы гражданской войны осуществляло практическую помощь бедным и больным, тут обучали детей, хоронили умерших, занимались благотворительностью. Отец Аркадий поимённо помнил всех больных, которых опекало Братство, и, бывало, не раз спрашивал, кто дежурит сегодня у такой-то, кто понесёт такой-то обед.

Не только других побуждал он к нищелюбию и жертвенности, но и сам показывал пример этой жертвенности и крайнего нестяжания. Близкие, зная, что он нуждается и не имеет средств, сшили ему шубу. Эту шубу он надел всего раза два, затем она внезапно исчезла. Оказалось, он отдал её бедной вдове, у которой было двое больных туберкулёзом детей. Однажды он вышел из Житомира в сапогах, а в Киев пришёл уже в лаптях. Оказалось, ему на дороге встретился какой-то бедняк, и они поменялись обувью. В другой раз отец Аркадий отдал какому-то неимущему брюки и остался в нижнем белье, а чтобы этого не было видно, зашил спереди подрясник, чтобы полы не распахивались.

Отец Аркадий часто служил и всегда исповедывал. На исповеди он никого не торопил, предлагая без стеснения назвать то, что мучает душу человека. Иногда исповедь затягивалась до двух часов ночи.

Весною 1922 года отца Аркадия арестовали по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей прямо на выходе из храма, после совершения Божественной Литургии. Толпа молящихся последовала вместе со своим пастырем к зданию Ч. К., но солдаты взяли винтовки наизготовку, приказывая всем разойтись. Однако люди отказались подчиниться, требуя отпустить священника. Всех их силой увели в подвал здания Ч. К. Весть об аресте любимого пастыря облетела город, в тюрьму стали приносить передачи в таком количестве, что их хватало и заключённым, и надзирателям.

Батюшку приговорили к расстрелу. Рассказывают, что во время чтения обвинительного заключения и приговора отец Аркадий заснул, и конвоиры вынуждены были разбудить его, чтобы сообщить, что он приговорён к смерти. "Ну что ж, - сказал священник, - благодарю Бога за всё. Для меня смерть - приобретение" После суда верные христиане стали хлопотать о смягчении приговора, и он был заменён пятью годами заключения.

Пока отец Аркадий находился в заключении, его супруга вышла замуж за офицера Красной армии, потребовав после освобождения батюшки из тюрьмы, чтобы он дал ей развод. Детей у них не было. Так Господь разрешил отца Аркадия от семейных уз.

После досрочного освобождения в 1925 году батюшка поехал помолиться в Дивевский женский монастырь. В Дивееве его встретила блаженная Мария Ивановна, которая внимательно поглядела на приехавшего помолиться священника и сказала ему: "Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь". В Саровской Успенской пустыни он был пострижен в мантию с оставлением того же имени.

Вернувшись в Житомир, иеромонах Аркадий всё время стал отдавать молитве и аскетическим подвигам. Перед ним, как никогда ясно, предначертали смысл и цель христианской жизни - в стяжании Духа Святого. На одной из открыток, подаренной духовной дочери, он написал пожелание, которое в такой же степени относил и к себе: "Не тот блажен, кто хорошо начинает, но кто хорошо кончает подвиг свой. Посему подвиг покаяния и борьбы со страстями должен быть пожизненным".

В начале 1926 года иеромонах Аркадий был возведён в сан архимандрита, а 2 сентября 1926 года архимандрит Аркадий был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии, однако епархией управлять не мог, поскольку в октябре был арестован и выслан в Харьков, а в феврале 1927 года в Туапсе.

Въезд в епархию, в город Лубны, ему был запрещён, однако Владыка всё же решил выехать, чтобы отслужить хотя бы Пасхальное Богослужение. В Лубны он выехал тайно и перед самым началом Пасхальной полунощницы, около половины двенадцатого, вошёл в алтарь. Он был в пальто, в тёмных очках и в таком виде мало походил на епископа. Диакон собора стал прогонять незнакомца, говоря, что они ждут приезда назначенного к ним архиерея, и ему совсем не место сейчас в алтаре. Незнакомец попросил вызвать настоятеля, диакон уступил, и когда пришёл настоятель, епископ Аркадий открылся ему и сказал, что он и есть назначенный к ним архиерей.

После объяснений Владыка облачился, и началось Пасхальное Богослужение. Но ещё не закончилась служба, как в соборе стали появляться представители власти. Дальнейшее пребывание владыки Аркадия в соборе грозило арестом, и он был вынужден скрыться. Это было единственным богослужением в назначенной ему епархии. Епископ ухал в Ново-Афонский монастырь на Кавказ, жил в горах, встречался с подвижниками, населявшими в то время пропасти и ущелья Кавказских хребтов. Однако и здесь положение было неспокойным. Власти с помощью охотников выслеживали подвижников, арестовывали и расстреливали их.

Вновь Владыка был арестован в апреле 1927 года и сослан в Казань. Из этой ссылки он бежал в марте 1928 года и нелегально поселился в Ленинграде при подворье Киево-Печерской Лавры. Служил он тайно.

В мае 1928 года последовал новый арест Святителя, уже в Москве. Его заключили в Бутырскую тюрьму. В июле того же года Владыка был приговорён к пяти годам заключения в лагере, а в дальнейшем срок продлили ещё на пять лет.

Владыка находился в единомыслии с клириками и прихожанами "Мечёвского" центра умеренной оппозиции при храме Святителя Николая, что на Маросейке в Москве, настоятелем которого после кончины почитаемого в народе отца Алексия Мечёва (память 9 июня) стал его сын отец Сергий. Официально не отделяясь от митрополита Сергия, они резко критиковали его, подавали прошения об увольнении на покой, воздерживались от возношения его имени за богослужениями.

Как-то, будучи тайно в Москве между бесконечными ссылками, Владыка попытался обратиться к митрополиту Сергию (Страгородскому) за разъяснениями о современной церковной жизни, однако тот не стал с ним разговаривать, предложив ему прежде явиться в НКВД.

С 1928 по 1937 годы с небольшим перерывом Владыка находился в заключении на Соловках. Там он был определён на самую тяжёлую работу. Лагерное начальство, видя, какое благотворное влияние Владыка оказывает на окружающих, и, опасаясь этого влияния, часто переводило его с одного места на другое. Владыка раздавал всё, что получал от духовных детей и старался, чтобы ссыльное духовенство помогало друг другу.

Большое число осведомителей и постоянное наблюдение за заключёнными значительно утяжеляли условия пребывания в лагере. Здесь на каждого узника был заведён секретный формуляр, в котором отмечалось его поведение, как он работает, что говорил, каких взглядов придерживается. Лагерное начальство искало повод, чтобы арестовать епископа-подвижника, имеющего высокий авторитет среди заключённых. Поводом к этому стало участие Владыки и других священнослужителей во всенощной под Благовещение. Следствие было закончено в июле. Многие священники и миряне были осуждены на дисциплинарные наказания - пребывание в штрафном изоляторе. Дело епископа Аркадия было направлено для рассмотрения в тройку ОГПУ, которая приговорила его к пяти годам заключения в концлагере. После приговора Владыку в качестве наказания перевели на некоторое время на Секирную Гору, которая представляла

собой подобие внутренней Соловецкой тюрьмы с самым суровым режимом. Кормили там гнилыми продуктами, и то в самом малом количестве. На Секирной Горе было два "отделения" - верхнее и нижнее. Целыми днями заключённые "верхнего отделения" должны были сидеть на жёрдочках, не доставая ногами до пола, вплотную друг к другу. На ночь разрешалось лечь на голом каменном полу, но укрыться было нечем. Заключённых было столько, что спать приходилось всю ночь на одном боку. Через некоторое время заключённых переводили из "верхнего" отделения в нижнее и тогда позволяли работать, но работу давали самую тяжёлую.

Из этого лагеря Владыка вернулся через десять лет - в феврале 1937 года - совершенно седым. После освобождения он был назначен епископом Бежецким, но назначения не принял. Постоянное проживание ему было разрешено в Калуге. Там Владыка часто виделся с архиепископом Калужским Августином (Беляевым), с которым поддерживал дружеские отношения как с человеком одного с ним подвижнического духа.

В сентябре 1937 года НКВД арестовал архиепископа Августина, о чём тут же узнал епископ Аркадий. На следующий день около полуночи преосвященный Аркадий отправился на вокзал. Ему удалось сесть в поезд, но власти уже искали его. Состав был задержан, в поезд вошли сотрудники НКВД вместе с человеком, который знал епископа в лицо, и Владыка был арестован. Поначалу его держали в Калужской тюрьме, а затем перевели в Бутырскую тюрьму в Москве. 17 октября начались допросы.

"Свидетели", показаниями которых воспользовалось следствие, говорили: "Остальского я случайно встретил на улице возле Пименовской церкви, где в беседе со мной он заявил: "Приехал в Москву навестить своих духовных детей.." Дальше Остальский сообщил мне: "Правительство взяло курс на уничтожение последних оставшихся православных храмов, повсюду видишь запустение внешнее, но вера в Бога у народа велика, это я говорю по следующим урокам: стоить только епископу появиться в деревне и городе, моментально вокруг тебя собирается народ; и как на молитве себя держат верующие - это тоже характерно: тишина, торжественное благоговение, порядок... Я не верю, чтобы Русская нация совершенно сошла со сцены, нет, национальный дух живёт в Русском народе, и придёт время, он себя покажет!".

На допросе Владыка ответил следователю: "В порядке обычных разговоров со своими знакомыми кто-то из них задал вопрос, что необходимо сделать для укрепления Церкви. Я говорил, что Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения. Следовательно, для того, чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Последнее является средством борьбы с неверием и его наступлением на Церковь... Я пришёл к выводу, что после освобождения я буду стремиться не к тому, чтобы управлять епархией, а чтобы иметь возможность совершать богослужение в храме. Если это не удастся, то быть хотя бы сторожем любого храма, скрыв от верующих своё епископское звание, тем, чтобы своим высоким нравственным совершенствованием дать образец того, что и наши люди могут украсить Церковь в современных условиях...".

В начале декабря следствие было закончено. Владыку обвинили в контрреволюционной деятельности. Виновным себя Святитель не признал, и обвинений, против него выдвинутых, не подтвердил.

16 (29) декабря 1937 года Владыка был расстрелян на полигоне НКВД в посёлке Бутово под Москвой и погребён в общей могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Арсений, митрополит Ростовский (память 28 февраля по старому стилю)

Священномученик Арсений, митрополит Ростовский (в миру Александр Мацеевич) был последним противником церковной реформы Петра I. Он родился в 1697 (по другим данным в 1696) году во Владимире-Волынском в семье православного священника, ведшего свой род из польской шляхты.

Получив образование в Киевской Духовной Академии, в 1733 году он был уже иеромонахом. Вскоре он совершил путешествие в Устюг, Холмогоры и Соловецкий монастырь, где полемизировал с заточёнными там староверами; по поводу этой полемики он написал "Увещевание к раскольнику".

В 1734-37 годах отец Арсений участвовал в Камчатской экспедиции. В 1737 году он был прикомандирован к члену Синода Амвросию (Юшкевичу), занимавшему в то время первенствующее место в церковной иерархии. Это назначение привело к сближению двух иерархов и определило дальнейшую судьбу отца Арсения. Посвящённый в 1741 году в сан митрополита Тобольского и всея Сибири, Владыка Арсений защищал в Сибири права новокрещённых инородцев от притеснений воевод, а духовенство - от вмешательства светского суда.

Суровый сибирский климат вредно отразился на здоровье Владыки и вскоре по воцарении Елисаветы Петровны он был переведён в 1742 году на кафедру в Ростов с назначением членом Синода.

Строгий к подчинённым, Владыка становится в резкую оппозицию и к светской власти. Он настаивает перед Императрицей Екатериной II-й на удалении светских чинов из состава Синода, утверждает, что Синод вообще не имеет канонической основы, и делает вывод о необходимости восстановления Патриаршества. Записка Владыки "О благочинии церковном" явилась первым протестом Российской иерархии против синодальной системы.

Ещё более обострились отношения Владыки со светской властью, когда в конце царствования Елисаветы Петровны, затем при Петре III и Екатерине II-й распоряжения, направленные к ограничению монастырей в управлении их имуществами, вызвали сильное негодование в высшем духовенстве.

9 февраля 1763 года Владыка в Ростове совершает "Чин отлучения" с некоторыми прибавками, направленными против "насильствующих и обидящих святыя Божия церкви и монастыри", "принимающих данныя тем от древних Боголюбцев имения".

В марте Владыка подал два донесения в синод, который доложил Императрице о том, что Святитель Арсений является "оскорбителем Ея Величества". Екатерина предала его суду Синода, который длился семь дней: Владыка был осуждён, низведён в звание простого монаха и заточён в Карельский Николаевский монастырь.

Но и в ссылке Святитель не переставал обличать действия обесцерковленных властей в отношении церковных имуществ, выражал сомнение в правах Екатерины II-й на престол, сочувствие Великому Князю Павлу Петровичу. Делу Владыки был дан характер политический и в конце 1767 года он был лишён монашества и приговорён к "вечному заключению". Под именем "Андрея Враля" он содержался в Ревельском каземате, где и умер 28 февраля 1772 года.

За смиренное перенесение скорбей и нестяжательность, а также за мученическую кончину за Церковь Святитель почитается в Русском народе.

Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

Преподобномученица Арсения, игуменья Шуйская (память 10 января по старому стилю)

Преподобномученица Арсения, игуменья Шуйская (в миру Анна Гавриловна Добронравова) родилась в 1879 году в селе Шегарском Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии в семье священника. По окончании епархиального училища Анна поступила учительницей в детский приют при Шуйском Воскресенско-Феодоровском монастыре. В её обязанности входило обучать девочек грамоте и рукоделию. В этом же монастыре она приняла монашеский постриг с именем Арсения. После кончины прежней игумении сестры избрали в 1915 году в игумении монахиню Арсению.

Матушка Арсения усердно изучала творения святых отцов, особо пользуясь духовными советами Святителя Игнатия (Брянчанинова). В монастыре она вела тихий уединённый образ жизни, почитала себя ниже всех, часто спрашивала совета у других.

После 1917 года богоборческая власть распорядилась закрыть монастырь, но затем позволила не закрывать с тем требованием, однако, чтобы монахини работали в совхозе. Сочувствовавший им директор совхоза убедил монахинь согласиться на это, пообещав им платить за труд, а работать будут только те, кто сможет. По праздникам сестры не работали, пребывая на молитве в храме. Прежде чем поставить какую-либо монахиню на работу, директор спрашивал разрешения у игумении.

Так довольно безмятежно прожили десять лет насельницы среди бушующего моря безбожия. Но в 1929 году власти прислали распоряжение о закрытии монастыря и недопущении церковных служб и иноческой жизни ни под каким видом. Директор совхоза, не желая принимать участия в разорении обители, уволился и уехал. Монастырь закрыли.

В апреле 1932 года игумения Арсения была арестована. Её обвинили в "противодействиям" власти. Виновной себя матушка ни в чём не признала. В октябре её приговорили к трём годам ссылки в Казахстан. Первое время матушка жила в Алма-Ате, а затем была сослана в Каркалинск. Здесь она приняла схиму с именем Фома.

После окончания ссылки матушка в 1935 году приехала во Владимир. Но в конце июня 1938 года её вновь арестовали по обвинению в участии в "контрреволюционной организации".

В тюрьме матушка тяжело заболела. Она скончалась 10 (23 н. ст.) января 1939 года в больнице Ивановской тюрьмы. "Смерть последовала вследствие падения сердечной деятельности на почве... полного истощения организма", - так написано во врачебном отчёте.

Причислена к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобноисповедница Афанасия (Лепёшкина), игумения (память 25 января по старому стилю)

Преподобноисповедница Афанасия, игумения (в миру Лепёшкина Александра Васильевна), родилась в 1885 году в Москве в семье богатых московских купцов. На протяжении нескольких поколений эта купеческая семья была известна своей щедрой благотворительностью, особенно на строительство и возобновлении храмов.

В 1902 году Александра окончила Усачевско-Чернявское женское училище в Москве и в 17 лет поступила послушницей в Троице-Одигитриевский монастырь Зосимова Пустынь Верейского уезда Московской губернии, строителем и жертвователем которой являлся прадед будущей игумении. Именно благодаря его трудам обитель в 1856 году утвердилась как монастырь. В течении полугода послушница Александра училась иконописи в Серафимо-Понетаевском монастыре, а после 1914 года она была пострижена в рясофор с именем Афанасия. После 1917 года монастырь был закрыт, но насельницам удалось организоваться в сельскохозяйственную артель "Зосимова Пустынь" и просуществовать до 1928 года. Председателем артели стала мать Афанасия. В 1920 году она была пострижена в мантию и избрана сестрами в игумении. Весь тяжёлый труд организатора и руководителя "артели", обеспечивавшей существование двумстам сёстрам, лёг на её плечи. Все эти годы не прерывалась церковная служба в фактически нелегально существовавшем монастыре.

В 1928 году артель была разгромлена, и матушка Афанасия со своей послушницей Евдокией Бучинёвой поселилась в селе Петровское (Алабино) Наро-Фоминского района, недалеко от Алабинской больницы, поскольку была уже тяжело больна туберкулёзом и пороком сердца. Жили они своим трудом: стегали одеяла.

В мае 1931 года игумения Афанасия была арестована и по обвинению в "антисоветской агитации" выслана на пять лет в Казахстан. В протоколе допроса есть такие её слова: "Во время пребывания моего в монастыре я крепко была предана Богу и так же предана в настоящее время и готова за Бога и Христа жизнь положить. Больше показать ничего не могу".

На второй день по прибытии матушки в Казахстан на новое место жительства, она скончалась. На следующий день скончалась и её верная послушница Дуня. Погребены они были в одной могиле. Случилось это в июне (июле?) 1931 года.

Причислена к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский, исповедник и песнописец (память 15 октября по старому стилю)

Родился будущий епископ Афанасий (Сергей Григорьевич Сахаров) 2 июля (ст. ст.) 1887 года, в праздник Положения честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне. Родители Сергия, Григорий и Матрона, жили во Владимире. Отец, уроженец Суздаля, был надворным советником, мать происходила из крестьян. Их доброта и благочестие стали благодатной почвой, на которой взрастали духовные дарования их единственного сына. Нареченный в честь печальника земли Русской Преподобного Сергия Радонежского, будущий владыка глубоко воспринял беззаветную любовь к Церкви и Отечеству, которая так отличала Преподобного.

Детские и юношеские годы Сергия Сахарова прошли в древнем и святом граде Владимире-на-Клязьме.

Трудности и испытания в жизни Сергия начались с малолетства, став той жизненной средой, в которой он духовно мужал. Отца мальчик лишился в раннем возрасте, но в матери своей нашел все, что нужно было для достойного вхождения в жизнь. Она желала видеть его в монашеском, чине, и за это Сергий был признателен ей всю жизнь. Сергий охотно ходил в приходскую церковь, никогда не тяготился продолжительностью церковных служб. Богослужение как высшая степень молитвы было главной любовью

будущего владыки. Он с детства предощущал себя служителем Церкви и даже сверстникам своим дерзновенно говорил, что будет архиереем.

Благочестивый отрок легко выучился рукоделию, мог шить и вышивать даже церковные облачения. Это очень пригодилось ему в дальнейшем, во время ссылок и лагерей, когда он шил облачения и ризы для икон. Однажды владыка изготовил даже специальный походный антиминс, на котором литургисал для заключенных.

Начальное учение давалось отроку Сергию нелегко, но он не ослабевал в прилежании, и Господь щедро благословил Своего будущего служителя и исповедника. Владимирскую духовную семинарию, а затем и Московскую духовную академию он, неожиданно для всех, окончил весьма успешно. Впрочем, это не изменило его скромного и смиренного отношения к людям.

Особенно серьезно будущий владыка углубился в вопросы литургики и агиологии. В богослужении находил он для себя особое богословие, будучи очень внимательным к тексту богослужебных книг. На полях личных богослужебных книг владыки можно найти множество примечаний, уточнений, разъяснений особо трудных слов.

Еще в Шуйском духовном училище Сергий Сахаров пишет свой первый литургический гимн - тропарь чтимой Шуйско-Смоленской иконе Божией Матери. Академическое его сочинение "Настроение верующей души по Триоди постной" уже свидетельствует о большой осведомленности автора в вопросах церковной гимнологии, которая осталась для него одним из главных увлечений на всю жизнь.

Первым учителем и духовным наставником Сергия был архиепископ Владимирский Николай (Налимов), оставивший по себе благоговейную память. Следующим педагогом стал известный богослов и строгий аскет, ректор Московской духовной академии епископ Феодор (Поздеевский), который и постриг его в храме Покрова Божией Матери с именем Афанасий, в честь Патриарха Цареградского. От руки владыки Феодора монах Афанасий получает посвящение сначала во иеродиакона, а потом и в иеромонаха. Но именно монашеский постриг владыка Афанасий ценил каким-то особым образом...

Церковные послушания владыки Афанасия начались с Полтавской духовной семинарии, где его сразу заметили как талантливого преподавателя. Но в полную силу ученого-богослова владыка вошел в родной Владимирской семинарии, проявив себя убежденным и вдохновенным благовестником слова Божия. Его вводят в Епархиальный совет, возлагают ответственность за состояние проповеди на приходах епархии. Он же заведует беседами и чтениями при Успенском кафедральном соборе, освещая многие злободневные вопросы тогдашнего времени.

Иеромонаху Афанасию было тридцать лет, когда в России произошла революция. В это время начали часто собираться так называемые "епархиальные съезды", на которых поднимали голову люди, враждебные вековым православным устоям русской жизни. Все это требовало строгой церковной оценки и должного отпора.

В лавру Преподобного Сергия в 1917 году съехались представители всех российских мужских монастырей. На этом съезде иеромонах Афанасий (Сахаров) избирается членом исторического Поместного Собора Русской Церкви 1917-18 годов, где работает в отделе по богослужебным вопросам.

В это же время он начинает работу над знаменитой службой Всем святым, в земле Российской просиявшим, ставшей замечательным литургическим памятником его любви к нашей Святой Церкви. Иеромонаху Афанасию принадлежала мысль избрать для стихир на "Господи, воззвах" по одной стихире из Общей Минеи каждому лику святых, а в каноне расположить святых по областям. Каждая песнь канона завершалась, также по его идее, тропарем иконе Божией Матери, наиболее чтимой в этой области. Рассматривавший новую службу член Синода митрополит Сергий (Страгородский) внес в нее составленный им самим тропарь "Яко же плод красный...". Подготовленный первый вариант службы рассматривал затем и Святейший Патриарх Тихон.

Революция пронеслась по России, как смерч, пролила море христианской крови. Новая власть начала грубое глумление над мощами святых угодников Божиих, истребление духовенства и разорение православных храмов. Верующий народ видел в непрекращающихся бедствиях в нашем Отечестве, гонениях на Церковь Христову исполнение грозных пророчеств о гибели Русского Царства, превращение его "в сброд иноверцев, стремящихся истребить друг друга" (святой праведный Иоанн Кронштадтский, слово 14 мая 1907 года).

В 1919 году в ходе антирелигиозной кампании началось глумление над тем, что особенно дорого Православию, - нетленными останками святых угодников. Во Владимире, как и в других русских городах, в агитационных целях прошла так называемая демонстрация вскрытых мощей народу: их выставляли на всеобщее обозрение в обнаженном виде. Чтобы пресечь надругательство, владимирское духовенство под руководством иеромонаха Афанасия, члена епархиального совета, установило в Успенском соборе дежурство. В храме стояли столы, на которых лежали святые мощи. Первые дежурные - иеромонах Афанасий и псаломщик Александр Потапов - ожидали народ, толпившийся у дверей храма. Когда открылись двери, иеромонах Афанасий провозгласил: "Благословен Бог наш...", в ответ ему раздалось: "Аминь" - и начался молебен Владимирским угодникам. Входящие люди благоговейно крестились, клали поклоны и ставили у мощей свечи. Так предполагаемое поругание святынь превратилось в торжественное прославление.

Вскоре Священноначалие ставит ревностного пастыря на ответственное место: его (уже в сане архимандрита) назначают наместником двух древних монастырей епархии - Боголюбского и владимирского Рождества Пресвятой Богородицы.

Важнейшим и переломным событием в жизни владыки Афанасия стало поставление его из архимандритов во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. Произошло это в Нижнем Новгороде в день памяти преподобного Сампсона Страннноприимца, 10 июля 1921 года. Возглавил хиротонию митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси.

Главной заботой и болью святительского подвига владыки Афанасия было не противодействие властей, не разруха и даже не закрытие храмов и монастырей, а появление внутри Церкви нового раскола, известного под именем "обновленчества".

Семена обновленчества как раскольнического течения, призванного реформировать Российскую Православную Церковь, были посеяны задолго до октябрьского переворота. До революции псевдоправославные новации проникли в стены духовных школ, религиозно-философских обществ и были уделом некоторой части интеллигентствующего духовенства. Революционные власти использовали реформаторские идеи для раскола Церкви, но опирались они не на интеллигентствующее меньшинство, а на огромную массу конформистов и маловеров внутри церковной ограды, усвоивших в прежние времена почитание всякой власти кесаря - и самодержавной, и большевистской.

Противостояние святителя Афанасия обновленческому расколу - это не столько борьба с еретическими убеждениями, сколько обличение иудина греха - отступничества от Церкви Христовой, предательства ее святителей, пастырей и мирян в руки палачей.

Святитель Афанасий объяснял своей, пастве, что раскольники, восставшие против канонического епископата, возглавляемого Патриархом Тихоном, не имеют права совершать Таинства, а потому храмы, в которых они совершают богослужения, безблагодатны. Он заново освящал оскверненные раскольниками церкви, увещевал отступников приносить покаяние вместе с приходом, обличая тех, кто не раскаялся. Запрещая общаться с обновленцами, чтобы усрамить их, он при этом просил не питать к ним злобы за захват ими православных святынь, так как святые, как говорил Преосвященный, всегда бывают духом только с православными.

Первый арест святителя произошел 30 марта 1922 года. Он положил начало многолетним тюремным мытарствам владыки Афанасия. Но, как это ни покажется

странным, положение заключенного владыка считал более легким, чем положение тех, кто, оставаясь на воле, терпел бесчисленные притеснения от обновленцев. Он даже называл тюрьму "изолятором от обновленческой эпидемии". Путь владыки по тюрьмам и ссылкам был нескончаемым и изнурительным: тюрьмы: владимирская, Таганская в Москве, Зырянская, туруханская, лагеря: Соловецкий, Беломоро-Балтийский, Онежский, Мариинские в Кемеровской области, Темниковские в Мордовии...

9 ноября 1951 года окончился последний срок лагерных мытарств шестидесятичетырехлетнего святителя. Но и после этого его держали в полной неизвестности о дальнейшей судьбе, а затем в принудительном порядке поместили в дом инвалидов на станции Потьма (в Мордовии), где режим почти не отличался от лагерного.

Архипастыря могли арестовать прямо в дороге, как случилось однажды при объезде им Юрьев-Польского уезда. В 1937-38 годах его неоднократно, арестовав, готовили к немедленному расстрелу.

В начале Великой Отечественной войны владыку отправили в Онежские лагеря Архангельской области пешим этапом, причем свои вещи заключенные несли на себе. В результате тяжелой дороги и голода владыка так ослабел, что всерьез готовился к смерти...

Онежские лагеря сменились бессрочной ссылкой в Омской области. В одном из совхозов возле городка Голышманово владыка работал ночным сторожем на огородах. Затем был переселен в город Ишим, где жил на средства, присылаемые друзьями и духовными чадами.

Зимой 1942 года епископа Афанасия неожиданно этапировали в Москву. Следствие длилось полгода. Допрашивали около 30 раз, обычно ночами. Обычно допрос шел часа четыре, но однажды продолжался целых девять часов. Иногда за четыре часа допроса мог быть написан всего один лист протокола, а иногда - больше десяти листов... Ни разу на допросах владыка не только никого не выдал, но и не совершил самооговора.

Но вот объявлен приговор: 8 лет заключения в Мариинских лагерях Кемеровской области, прославившихся своей жестокостью. Работы для "идейных врагов соввласти" назначались самые тяжелые и грязные.

Летом 1946 года владыка был вновь этапирован в Москву для нового следствия по ложному доносу. Но вскоре доносчик отказался от своих показаний, и Преосвященного отправили в Темниковские лагеря Мордовии отбывать срок до конца. Физически он был уже слаб и мог заниматься только плетением лаптей. Через два года владыку отправили в Дубровлаг (в той же Мордовии), где по возрасту и состоянию здоровья он уже не работал.

Однако ни при каких обстоятельствах владыка не терял веры в Бога и чувства великой к Нему благодарности. Еле живой после пыток, сдерживая стон, святитель часто говорил близким людям: "Давайте помолимся, похвалим Бога!" И первым запевал: "Хвалите имя Господне". И пение это его оживляло. Вновь пришедших узников владыка ободрял: "Не падай духом. Господь сподобил тебя, по Своей великой милости, немного за Него пострадать. Благодари Бога за это!"

Лагерные работы были всегда изнурительными, а часто и опасными. Однажды владыку Афанасия назначили инкассатором, чем он очень тяготился. Вскоре у него похитили тысячу рублей, о чем пришлось доложить начальству как о собственной недостаче. Не разбираясь в деле, власти тут же наложили на заключенного тяжелые взыскания...

На Соловках владыка Афанасий заразился тифом. Ему угрожала смерть, но Господь явно хранил Своего страдальца, и владыка выжил буквально чудом.

Но при этом постоянном утомлении владыка видел духовную пользу - возможность проявить силу своей веры. Он неизменно держался устава Святой Церкви, никогда не прерывал молитвенного правила, молясь не только келейно, но и в обществе своих

сокамерников. Даже в лагере он строго держал посты, находя возможность готовить постную пищу.

С окружающими владыка держался просто и задушевно, находил возможность духовно утешать тех, кто "с воли" обращался к нему за поддержкой. Никогда нельзя было увидеть его праздным: то он работал над литургическими заметками, то украшал бисером бумажные иконки святых, то ухаживал за больными.

7 марта 1955 года епископа Афанасия освободили из Потьминского инвалидного дома, который своим лагерным режимом окончательно подорвал его здоровье. Вначале владыка поселяется в городе Тутаеве (Романов-Борисоглебск) Ярославской области, но затем выбирает для места жительства поселок Петушки Владимирской области.

Хотя с этого времени владыка формально был на свободе, власти всячески сковывали его действия. В Петушках, например, ему разрешали совершать богослужения только при закрытых дверях храма и без архиерейских регалий.

В 1957 году прокуратура Владимирской области вновь рассмотрела дело 1936 года, по которому проходил владыка Афанасий. Владыка был допрошен на дому, приведенные им в свою защиту доводы не были признаны убедительными. Реабилитации не состоялось...

Утешением для владыки были богослужения в Троице-Сергиевой лавре - ведь он, помня свой монашеский постриг в ее стенах, всегда считал себя в числе ее братии. Несколько раз владыка сослужил Святейшему Патриарху Алексию (Симанскому), а 12 марта 1959 года участвовал в хиротонии архимандрита Никона (Лысенко) во епископа Уфимского.

На одном из богослужений владыки Афанасия молящиеся заметили, что во время Евхаристического канона он ходил над полом храма, его как будто плавно выносила из алтаря какая-то волна...

Владыка Афанасий тяжело переживал новый этап либеральных гонений на Церковь в период "оттепели", умножал молитвы русским святым и Матери Божией - Покровительнице Руси. Он даже свой уход на покой стал рассматривать как уклонение от борьбы с наступающим злом и хотел просить назначения викарным епископом, но подорванное здоровье не позволило продолжить общественное служение. Как бы тяжела ни была жизнь владыки Афанасия, он никогда не унывал. Напротив, в тюрьмах, лагерях, ссылках он преисполнялся какой-то удивительной энергии, находя спасительные для души занятия. Именно там, в застенках, возникла удивительная в литургическом смысле служба Всем русским святым. Она получила свою законченность после обсуждения с иерархами, которые были заключены вместе с владыкой Афанасием.

Одним из иерархов был и архиепископ Тверской Фаддей, прославленный Церковью как священномученик. И вот 10 ноября 1922 года в 172-й камере Владимирской тюрьмы впервые было совершено празднование Всем русским святым по исправленной службе.

Смерть матери побудила владыку не только к горячим сыновним молитвам о ней, но и к написанию фундаментального труда "О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви", который был высоко оценен митрополитом Кириллом (Смирновым).

В августе 1941 года Преосвященный Афанасий составил "Молебное пение об Отечестве", исполненное глубокого покаяния и необычайной молитвенной силы, обнимающее все стороны жизни нашего Отечества. В периоды заключений владыкой были составлены молебные пения "О сущих в скорбях и различных обстояниях", "О врагах, ненавидящих и обидящих нас", "О сущих в темницах и заточении", "Благодарение о получении милостыни", "О прекращении войн и о мире всего мира"...

Святитель Афанасий поистине пел Богу "дондеже есмь" (Пс 45:1), пел даже во вратах смерти, и Господь сохранил Своего служителя для любимых им Церкви и Отечества.

Годы исповедничества веры Христовой в лагерях и тюрьмах, как бы ни были они тяжелы и ужасны, стали на жизненном пути владыки Афанасия не потерей, а приобретением. Они стяжали его смиренной душе тот благодатный свет духа, которого так недостает миру. На этот внутренний свет сразу со всех сторон потянулись люди,

каждый со своими наболевшими жизненными вопросами. И люди эти встречались с человеком чистой души, наполненной непрестанной молитвой.

Никто никогда не слышал от владыки ни слова ропота на тюремное прошлое. Каждого пришедшего встречал он незлобием, добротой, участием и любовью. Он делился с каждым своим богатым жизненным опытом, раскрывал смысл Евангелия и житий святых угодников Божиих, помогал пастырям приводить пасомых к истинному покаянию.

Святитель любил в жизни все прекрасное, видя в нем отблеск вечности, и умел находить это прекрасное повсюду. Живя в Петушках, владыка получал до 800 писем в год, поддерживая переписку со многими бывшими соузниками, скорби которых переживал как свои. К Рождеству и Пасхе он посылал по 30-40 посылок нуждающимся в помощи и утешении.

Духовные дети владыки Афанасия вспоминают, как он был прост и внимателен в общении, как ценил самую малую услугу, за которую всегда старался отблагодарить.

Живя скромно, он почти не обращал внимания на внешность людей. Не любил славу и честь людскую, учил творить добро только во славу Божию, чтобы не лишиться будущего воздаяния. Наставлял, что таланты - это дар Божий и ими нельзя гордиться.

Однажды на вопрос "Как спастись?" он ответил: "Самое главное - это вера. Без веры никакие самые лучшие дела не спасительны, потому что вера - фундамент всего. А второе - это покаяние. Третье - молитва, четвертое - добрые Дела. И хуже всякого греха - отчаяние". К покаянию владыка учил прибегать как можно чаще, сразу, как только осознается грех, - очищать душу слезами покаяния.

Молитва заполняла всю жизнь святителя и была такой живой и сильной, что молящиеся с ним отрешались от всего земного. И многие по его молитве получали скорую помощь. Владыка часто говорил, что в трудных случаях жизни надо молитвенно прибегать к тому святому, чье имя ты носишь. Молитвенному обращению к нашим заступникам - святым Православной Церкви - он вообще придавал особое значение. Прозорливость свою владыка скрывал, обнаруживая ее в исключительных случаях и только ради пользы ближних, к нуждам которых никогда не оставался равнодушным и чьи немощи нес так терпеливо...

Еще в августе 1962 года владыка Афанасий начал говорить, что ему пора умирать. Когда однажды ему ответили, что близкие чада не перенесут разлуки с ним, он строго заметил: "Разве можно так привязываться к человеку? Этим мы нарушаем свою любовь ко Господу. Не одни ведь, а с Господом остаетесь".

За несколько дней до блаженной кончины владыки Афанасия из лавры приехали наместник архимандрит Пимен, благочинный архимандрит Феодорит и духовник игумен Кирилл, что очень обрадовало Преосвященного. Это был канун пятидесятилетия его монашеского пострига. В самый день, в четверг, владыка был особенно благостным, благословляя всех присутствующих.

Но вот приблизилась смерть. Владыка уже не мог говорить, погруженный в молитву. Однако в пятницу вечером он тихо сказал в последний раз: "Молитва вас всех спасет!" Затем написал рукой на одеяле: "Спаси, Господи!"

В воскресенье 28 октября 1962 года, на память святителя Иоанна Суздальского святитель тихо предал свой дух Богу. Он предсказал этот день и час заранее...

Новомученики, в земле Белорусской просиявшие (23 священномученика Минских) (память 15 октября по старому стилю)

Преподобномученик Серафим (в миру Романович Шахмуть), архимандрит († 1945 г.). Родился в 1901 году в деревне Подлесье Ляховичского уезда в многодетной семье

крестьян-бедняков. С детства Романа влекло к Церкви: в то время, как все играли в обычные игры, он часто из палочек делал крестики, надевал в качеств епитрахили передник и начинал "править службу".

Несмотря на крайнюю нужду, мальчик закончил Ляховичское двухклассное народное училище. В 1922 году Роман поступил в Жировицкий Свято-Успенский монастырь, где в 1923 году принял монашеский постриг с именем Серафим. Благодаря хорошим певческим способностям, ему было поручено клиросное послушание, и он стал хорошим регентом и уставщиком. В 1926 году его рукоположили в иеродиакона, а вскоре - в иеромонаха.

В августе 1941 года по благословению митрополита Пантелеимона (Рожновского) отец Серафим покинул Жировицы и выехал в направлении Минска для налаживания церковно-приходской жизни там, где в данный период она была разрушена большевиками.

Отец Серафим посетил множество селений, собирая на имя митрополита прошения верующих об открытии приходов, и многих крестил. Также он собирал материалы о преследованиях Православной Церкви в Беларуси.

После этой миссионерской поездки батюшка служил в Минске в Свято-Духовской церкви и нёс пастырское окормление больниц и детских приютов города. В 1944 году за свою деятельность по открытию храмов он был арестован в Гродно. Его продержали следствием ровно 10 месяцев. По обвинению в принадлежности к "немецким контрреволю- ционным органам" батюшка был приговорён к 5-ти годам заключения в концлагере. Там вскоре (предположительно в 1946 году) он скончался от разрыва сердца после страшных мучений, пережитых им в застенках Н. К. В. Д.

Священномученик Владимир Хираско, иерей († 1932 г.) родился 11 января 1873 года в Подольске на Украине. После рукоположения в 1899 году, служил в храмах села Омельно и Юревичи. С 1911 года служит в Минске настоятелем Церкви иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радосте". В 1925 году батюшка был арестован за то, что заступился за митрополита Мелхиседека, которого власти выслали из Минска. Самого батюшку выслали в город Орёл.

После возвращения из ссылки отец Владимир продолжал служить в той же церкви Минска. За частые проповеди батюшку снова арестовали в 1929 году и выслали в Сибирь. Там, за три года лагерной жизни он почти ослеп. После освобождения в 1932 году, батюшка, будучи тяжко больным, умер спустя несколько месяцев.

Священномученик Василий Измаилов, протоиерей († 1930 г.) родился 4 июня 1885 года в семье священнослужителя г. Вышний Волочёк Тверской губернии. Окончил Духовную Академию и преподавал в Минской Духовной Семинарии. В 1927 году отец Василий был назначен настоятелем Свято-Воскресенского собора города Борисов, где прослужил лишь несколько месяцев и был арестован. По обвинению в контрреволюционной деятельности батюшка был приговорён к заключению в Соловецком концлагере на три года. В лагере он скончался 22 февраля 1930 года.

Священномученик Сергий Родаковский, протоиерей († 1933 г.), родился в 1882 году в городе Житковичи Минской губернии в семье псаломщика. В 1904 году после успешного окончания Минской Духовной Семинарии, был рукоположен во иереи и назначен настоятелем церкви Успения Божией Матери деревни Лавришево Новогрудского уезда Минской губернии, где прослужил десять лет. Во время Первой Мировой войны он служил священником санитарного поезда, а в 1916-1917 годах проходил послушание полкового священника.

После революции батюшка возглавил приход в деревне Таль Бобруйского уезда Минской губернии. В 1930 году отца Сергия арестовали за неуплату непомерно высокого подоходного налога, который требовалось уплачивать за служение в церкви. Его отправили на принудительные работы по заготовке. В особую вину батюшке зачли его вопрос: "Почему советская власть не накладывает норм по заготовке на раввинов, а всё на священников?"

Вернувшись в свою деревню через шесть месяцев, батюшка продолжил служение в храме. У него конфисковали дом и он с семьёй скитался по соседям. В марте 1933 года отца Сергия снова арестовали и 21 апреля 1933 года приговорили к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение.

Священномученик Михаил Новицкий, протоиерей († 1935 г.) родился в 1889 году в большой священнической семье. Сан иерея принял накануне революционных событий, будучи уже разносторонне образованным человеком.

С 1920 года он становится настоятелем Свято-Петропавловской церкви города Узда Минского уезда. Несколько раз власти предлагали ему отказаться сана, обещая хорошую работу. Но батюшка отказался. В 1933 году его церковь закрыли. Он стал служить в маленькой сторожке на церковном погосте. Туда к нему ночью 1935 года с Великой Пятницы на Великую Субботу явился некий иудей и стал требовать от него, чтобы тот отдал ему церковные ценности. Когда батюшка отказался это сделать, сказав ему: Уйди, мне надо готовиться к службе", - иудей так сильно избил священника, что он не смог больше двигаться. Свою последнюю Литургию батюшка отслужил в день Светлого Христова Воскресенья, лёжа.

На третий день Пасхи днём он отошёл ко Господу. Во время его похорон появилась толпа иудеев, которые весело хлопали в ладоши и кричали: "Ура! Хорошо!".

Священномученик Порфирий Рубанович, протоиерей († 1943 г.) родился в 1863 году в деревни Лемешевичи Пинского уезда Минской губернии в семье потомственного священнослу- жителя. После окончания Минской Духовной Семинарии был рукоположен в 1909 году в сан иерея.

Сначала он служил настоятелем Свято-Троицкого храма деревни Доброславка Пинского уезда, а с 1914 года окормлял приход церкви Преображения Господня в Заславле. Впервые батюшку арестовали в 1928 году за неуплату налогов с храма, освободив через три месяца. В начале 1930-х годов рядом с храмом построили клуб, где по воскресеньям устраивались антирелигиозные представления, грубо оскорблявшие чувства верующих. В 1935 году храм закрыли и батюшка стал служить в маленькой кладбищенской церковке иконы Божией Матери Казанской.

В июне 1936 года ему приказали оставить Заславль и выехать в Быхов. Там действующего храма не было и батюшка служить не мог. В 1937 году отца Порфирия арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорили к десяти годам концлагеря. На допросе он вёл себя мужественно и никого не назвал, не признавая виновным и себя.

Заключение батюшка отбывал недалеко от Гомеля, работая на торфяном заводе. В 1943 году он был убит партизанами.

Священномученик Михаил Плышевский, протоиерей († 1937 г.) родился в 1862 году в сели Вороничи Игуменского уезда Минской губернии в семье потомственных священнослужителей. После окончания Минской Духовной Семинарии он был рукоположен в сан иерея и назначен настоятелем храма святого пророка Илии села Шацк Игуменского уезда. С приходом к власти большевиков отец Михаил арестовывался неоднократно. Ему предлагали отказаться от сана, но не могли запугать его. В 1937 году батюшку вновь арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключили в Червенскую тюрьму Н. К. В. Д. Там в праздник Преображения Господня он был расстрелян.

Священномученик Димитрий Павский, протоиерей († 1937 г.) родился в 1874 году в потомственной священнической семье, проживавшей в Тверской губернии. По окончании Казанской Духовной Академии в 1903 году принял священный сан и являлся наблюдателем церковно-приходских школ Минской епархии.

В 1911 году отец Димитрий назначается настоятелем Минского собора святых Апостолов Петра и Павла, одновременно являясь преподавателем Минской Духовной

Семинарии. После революции батюшка становится настоятелем храма Святого Духа в Острошицком Городке Минского уезда.

Впервые его арестовали в 1931 году за то, что он не пожелал отречься от сана священнослужителя. После пребывания в концлагере батюшка переехал Тверскую губернию и служил настоятелем церкви села Ульяново Погорельского района. В июне 1937 года по случаю сильной засухи батюшка отслужил молебен и вскоре пошёл дождь. Верующие со слезами говорили: "Помолились и Господь дал дождя". Власти отреагировали быстро: в июле батюшка был арестован. Допрашивали его один раз и держался он очень спокойно. В силу предвзятости вопросов он отказался давать показания; виновным себя не признал и никого не оговорил. Протоиерея Димитрия расстреляли 14 августа (н. ст.) 1937 года.

Священномученик Иоанн Воронец, протоиерей († 1937 г.) родился 20 июня 1864 года в семье священника села Холопеничи Борисовского уезда. Закончил Минскую Духовную Семинарию. В 1888 году был рукоположен в священники. Служил батюшка в местечке Смиловичи Минской губернии.

В 1930 году он в проповедях высказывался против политики ограбления крестьян, проводимой властями. Это и стало причиной его ареста в апреле 1930 года. После ссылки, которую он отбывал в Чернигове, отец Иоанн вернулся в Смиловичи и снова стал служить в Георгиевской церкви. Его стали часто вызывать на ночные допросы в Н. К. В. Д., как правило, накануне какого-нибудь церковного праздника.

В 1935 году церковь в Смиловичах закрыли. Батюшка стал служить тайно. Когда началась Всесоюзная перепись населения, он призывал, чтобы люди в анкетах записывались верующими, исповедуя таким образом Иисуса Христа. В июле 1937 года батюшку арестовали. Во время допросов он никого не назвал, виновным себя не признал. Протоиерей Иоанн был расстрелян в праздник Преображения Господня 1937 года.

Священномученик Леонид Бирюкович, протоиерей († 1937 г.) родился в 1864 году в селе Ухвала Борисовского уезда в семье потомственного священнослужителя. Закончил Минскую Духовную Семинарию.

В 1899 году принял сан священника и был назначен настоятелем церкви Успения Божией Матери в села Бродец Игуменского уезда. Тридцать семь лет служил батюшка в этом маленьком селе, затерянном среди лесов и болот, но и там арестовывали его несколько раз. Впервые - в 1934 году за то, что он хранил дома несколько монет царской чеканки. В 1935 году его снова арестовали. Дело обстояло так. Узнав о намерении властей закрыть храм, он сумел поднять народ на его защиту и организовал его оборону. Трое суток сопротивлялись местные жители, круглосуточно охраняя храм. Но силы были неравны и большевики одержали верх: церковь закрыли. Отец Леонид был приговорён к шести годам заключения в концлагере. В связи с резко ухудшившимся здоровьем его вынуждены были освободить. Вернувшись в село, батюшка занялся сбором подписей за открытие храма, и вскоре его арестовали вновь. Батюшка отказался давать показания представителям Н. К. В. Д., после чего его стали жестоко избивать. Он был расстрелян в Минске 20 августа 1937 года.

Священномученик Александр Шалай, протоиерей († 1937 г.) родился 20 ноября 1879 года в городе Слуцке. В 1930-е годы служил настоятелем Свято-Троицкой церкви села Блонь Пуховичского района Минской области. В 1935 году его храм закрыли. Батюшка продолжал совершать требы на дому. Во время Всесоюзной переписи населения он организовал среди жителей Блони сбор подписей за открытие местного храма. Вскоре в августе 1937 года отец Александр был арестован и по обвинению "в контрреволюционной деятельности, направлен- ной на разложение колхозов" в октябре того же года приговорён к расстрелу. 14 ноября (н. ст.) 1937 года он был расстрелян в городе Бобруйск.

Священномученик Владимир Зубкович, протоиерей († 1938 г.) родился в 1863 году в деревне Смолевичи Борисовского уезда Минской губернии. Отец его был священником. После окончания Минской Духовной Семинарии в числе лучших учеников, был

рукоположен во иереи. До 1918 года был помощником инспектора Семинарии, а после её закрытия вернулся в Смолевичи и стал служить в местной церкви Святителя Николая. В 30-е годы от него требовали отречения от сана священнослужителя, неоднократно вызывали в Н. К. В. Д. и глумились. После закрытия в 1935 году храма, батюшка втайне совершал крещения детей. Его арестовали 29 декабря 1937 года, обвинив в принадлежности к "шпионской контрреволю- ционной повстанческой организации", которую будто бы возглавлял епископ Бобруйский Филарет (Раменский). Во время допросов отец Владимир не поступился совестью, выдержал все испытания и никого не оговорил. Его расстреляли 31 января 1938 года в Минске.

Священномученик Владимир Пастернацкий, протоиерей († 1938 г.) родился 2 июля 1885 года в местечке Дудичи Игуменского уезда Минской губернии в семье потомственных дворян, перешедших в духовное сословие. По окончании Минской Духовной Семинарии был назначен настоятелем церкви святых Апостолов Петра и Павла в сел Песочное Слуцкого уезда, на место престарелого отца своей жены. У отца Владимира было восемь детей. Семья жила очень дружно. В 20-е годы батюшка стал благочинным всех церквей Копыльского района. Непомерное налогообложение на Церковь разорило его семью, у них отобрали даже корову - кормилицу малолетних детей. В 1932 году батюшка переехал в Копыль, продолжив служение в Спасо-Вознесенской церкви этого города. Его стали вызывать в НКВД, требуя публичного отречения от сана. Взрослых детей его уволили с работы, младших исключили из школы.

На огромную территорию батюшка был единственным священником: он объезжал приходы, по месяцам не бывая дома. Впервые его арестовали в март 1936 года. После кратковременного освобождения, он был вновь арестован по обвинению в сотрудничестве с "немецкой контрразведкой".

5 января 1938 года отца Владимира приговорили к расстрелу и вскоре привели приговор в исполнение.

Священномученик Матфей Крицук, протоиерей († 1950 г.) родился в 1892 году в д. Малый Карацк Слуцкого уезда Минской губернии в бедной крестьянской семье. С ранних лет батрачил, работал на кирпичном заводе. В мальчике было сильно стремление к учёбе. Закончив начальную школу, он после длительной самоподготовки в 1914 году сдал экзамен на звание народного учителя. После окончания Виленской Духовной Семинарии в 1924 году был рукоположен во иерея. Отец Матфей служил в разных приходах: в Ястребле, Кривишино, Миловидах. В декабре 1932 года его назначают настоятелем Свято-Кресто-Воздви- женского храма деревни Большая Лысица, недалеко от Несвижа, где он и служил последующие восемнадцать лет.

В то время Западная Беларусь входила в состав Польского государства и православные подвергались там гонениям. За нежелание переходить на новый григорианский стиль, за сопротивление навязыванию польского языка, насильственно внедрявшемуся в проповедь и богослужение, а также за торжественное празднование 950-летия Крещения Руси - батюшка находился под присмотром полиции.

Во время Великой Отечественной войны отец Матфей продолжал окормлять своих прихожан и только чудом спасся от расправы партизан из Польской Армии Краевой. В июле 1950 года батюшку арестовали по нелепому обвинению в сотрудничестве с немецкими оккупантами. В октябре его приговорили к 25 годам заключения в концлагере, где он в том же году погиб разрыва сердца.

Священномученик Пётр Грудинский, иерей († 1930 г.) родился в 1877 году в семье мещан города Глуск Минской губернии. Его отец работал арендатором на церковной земле. Пётр ему в этом помогал. Он получил неплохое образование и в 1905 году его избрали депутатом во 2-ю Государственную Думу от крестьян.

Священство он принял зрелым человеком, сознавая, что выбрал тернистый путь служения Господу в период начавшихся гонений. Служил он на приходе в селе Тимковичи Копыльского района. В 1930 году батюшку арестовали и заключили в

Слуцкий исправдом. Под грузом тяжких обстоятельств матушка Ирина, супруга батюшки, просила его отречься от сана, но он написал ей письмо, хотя и исполненное сочувствия к её немощам, но твёрдое в исповедании веры: "Отречься от веры во Христа, Который составляет смысл всей моей жизни, от Которого я видел столько благодеяний, и оставить Его в то время, когда я приближаюсь к могиле?!" - так недоумённо вопрошал свою ослабевшую супругу отец Пётр. Недолго батюшка после этого письма оставался в живых. 23 февраля 1930 года он был расстрелян.

Священномученик Валериан Новицкий, иерей († 1930 г.) родился в июне 1897 года в семье священника. Обучался в Минской Духовной Семинарии, после закрытия которой в 1918 году, он поступил на юридический факультет Белорусского Университета. Но он проучился недолго и в 1923 году, приняв сан священника, был назначен настоятелем Свято-Троицкой церкви села Телядовичи Копыльского района, где служил ранее его отец. Батюшка служил ревностно, говоря, что "надо спасать веру". Он обличал тех крестьян, которые ходили в так называемые антирелигиозные кружки, в которых разыгрывались глумливые спектакли. Батюшка был арестован в январе 1930 года и заключён в Слуцкую тюрьму. Там ему предложили отречься от сана, взамен обещая свободу. Он отказался. Его в этом решении поддержала супруга. 23 февраля 1930 года отца Валериана приговорили к расстрелу. Его вывезли в Тимковический лес и там снова повторили предложение об отречении. После повторного отказа приказали батюшке вырыть могилу и затем расстреляли.

Священномученик Владимир Хрищанович, иерей († 1933 г.) родился в 1875 году в деревне Гезгалы Лидского уезда Виленской губернии в простой крестьянской семье). По окончании Слуцкого Духовного училища служил псаломщиком в Никольской церкви деревни Горки Бобруйского уезда Минской губернии, а в 1930 году был рукоположен во иереи. В декабре 1932 года батюшку арестовали. На допросах он прямо заявил, что недоволен политикой советской власти. В последнем своём письме он просил жену "не забывать Бога, от Которого всё зависит". 12 Февраля 1933 года отец Владимир был приговорён к расстрелу. Вскоре приговор привели в исполнение.

Священномученик Иоанн Вечерко, иерей († 1933 г.) родился в 1890 году в деревне Косаричи Бобруйского уезда Минской губернии. Отец его был псаломщиком. Через два года после окончания Минской Духовной Семинарии, был рукоположен во иереи Свято-Покровской церкви деревни Кривоносы Бобруйского уезда.

Впервые он был арестован в 1926 году "за несвоевременное внесение налога", полагавшегося с церкви. Девять месяцев он провёл в тюрьме, а, вернувшись, снова стал служить. Второй арест последовал в марте 1933 года. На допросе батюшка показал: "Виновным себя в антисоветской агитации, направленной на срыв хозяйственно-политических кампаний, я не признаю. Считаю, что предъявленное мне обвинение является препятствием для выполнения обрядов религиозного культа и имеет целью закрытие церкви". По приговору от 17 апреля 1933 года отец Иоанн был расстрелян.

Священномученик Владимир Талюш, иерей († 1933 г.) родился в 1891 году в семье сельского дьячка, проживавшего в деревне Залужье Бобруйского уезда Минской губернии. По окончании Минской Духовной Семинарии учительствовал в церковно-приходских школах. В 1914 году он был мобилизован и сражался на фронтах 1-й Мировой войны. В 1920 году Владимир Димитриевич принял сан священника и был назначен настоятелем церкви святого Георгия Победоносца деревни Залужье Бобруйского уезда. Его арестовали в апреле 1933 года за попытку сбора среди прихожан средств, требовавшихся для своевременной уплаты налога с церкви. Кто-то из односельчан донёс на батюшку, что он как-то сказал: Не верьте людям, которые называются коммунистами, ибо они антихристы!". Отца Владимира приговорили к 10-ти годам лагерей. В заключении он принял мученическую кончину.

Священномученик Николай Мацкевич, иерей († 1937 г.) родился 4 мая 1878 года в городе Борисов. Обучался в Слуцком Духовном училище. В 1904 году был рукоположен в

сан иерея. С 1910 года священствовал при Свято-Троицкой церкви села Бродовка Борисовского уезда.

Впервые отца Николая арестовали в 1933 году, заключив на один месяц в тюрьму. После освобождения батюшка несколько лет прослужил в Борисов. Несколько раз его вызывали в Н. К. В. Д. и требовали, чтобы он публично отрекся от сана. Но отец Николай в последней проповеди заявил, обращаясь к соглядатаям Н. К. В. Д.: "Люди! Бог есть!". 15 августа 1937 года батюшку арестовали. На допросах он виновным себя не признал и никого из прихожан не назвал. Его осудили на 10 лет концлагеря. В заключении отец Николай мученически скончался.

Священномученик Иоанн Панкратович, иерей († 1937 г.) родился в 1870 году в городе Клецк Слуцкого уезда Минской губернии. В 20-е - первой половине 30-х годов он служил настоятелем Свято-Покровской церкви деревни Чижевичи (ныне в черте города Солигорск). После закрытия в 1934 году этого храма, отец Иоанн тайно совершал крещения, отпевания и различные требы. Когда началась Всесоюзная перепись населения, батюшка говорил прихожанам, чтобы они соответствующую графу в анкете заполняли с указанием своей принадлежности к Православной Церкви. 23 августа 1937 года батюшку арестовали, обвинив его в том, что он "совершает религиозные требы, для чего ходит по деревням и агитирует население за открытие церкви". На допросе отец Иоанн держался мужественно, отречься от сана отказался. 6 октября 1937 года его расстреляли в Слуцке.

Священномученик Димитрий Плышевский, иерей († 1938 г.) родился в 1880 году в семье потомственного священнослужителя. В 1905 году он окончил Минскую Духовную Семинарии, затем служил в Свято-Николаевской церкви в Смолевичах Минского уезда. Отца Димитрия арестовали 26 сентября 1937 года по обвинению в участии "в контрреволюционной повстанческой шпионской организации". На допросах батюшка держался с достоинством. 19 ноября 1937 года его приговорили к расстрелу. Он был убит в Минске 19 января 1938 года.

Священномученик Николай Васюкович, диакон († 1937 г.) родился 28 марта 1882 года в семье священника. Его отец служил настоятелем церкви святой праведной Анны в деревне Коски Минского уезда. По окончании в 1908 году Духовного училища, Николай работал учителем народных школ, а затем служил псаломщиком при церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Литвяны Игуменского уезда. После посвящения в сан диакона он продолжал служение в этом же храме. В 1930 году, когда большевики в Литвянах ночью сожгли церковь, отец Николай плакал и произнёс: "Разве это власть, когда во власти большевики? Это не люди, которые не веруют в Бога, а банда проходимцев, которые издеваются над православным народами".

Когда в 1936 году народ заставляли подписываться на займ, отец Николай отказался от приобретения никчемных билетов, сказав: "Подписываться не буду, мне нечего укреплять эту власть...". Его арестовали 6 августа 1937 года. На допросе он был немногословен. Не добившись от него отречения от сана, чекисты приговорили его к расстрелу. Он был убит в Минске 26 сентября 1937 года.

Прославлены как местночтимые святые Минской епархии Синодом Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви в 1999 году.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 для общецерковного почитания.

Священномученик Борис (Боголепов) (память 18 сентября по старому стилю)

Священномученик Борис (Борис Иванович Боголепов) родился 18 июня 1889 года в городе Москве. Окончил Московскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. С июля 1936 года он служил в Троицком храме села Коробино Тверской

области. Имел большую семью - четырех дочерей и сына. Старшие дочери жили самостоятельно, а сын Андрей тринадцати лет и дочь Евгения восьми лет жили вместе с отцом, матерью Екатериной Алексеевной и бабушкой Марией Ивановной - матерью о. Бориса.

В январе 1937 года сельсовет потребовал от священника уплаты налогов за предыдущий год - пятидесяти килограммов мяса, ста шестидесяти рублей культналога, ста шестидесяти рублей подоходного налога и ста шестидесяти рублей налога по самообложению. Священник отказался платить налоги и объясняться по этому поводу, и дело было передано в суд. Он был обвинен в том, что, не сдав "ни одного килограмма мяса, он тем самым поставил под угрозу срыва сбор средств и мясопоставок". В суде священник виновным себя не признал, пояснив, что он никоим образом не мог выплатить налоги и поставить мясо, так как не имеет для этого ни материальных средств, ни живности в виде скота или птицы. Суд приговорил священника к полутора годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отец Борис, однако, не согласился с обвинением и подал кассационную жалобу, на которую власти не решились давать ни положительного, ни отрицательного ответа, и священник не был арестован.

В апреле 1937 года состоялось новое судебное разбирательство. На этот раз священника обвиняли в том, что он совершил отпевание и участвовал в погребении своей прихожанки до того, как ее муж получил свидетельство о смерти в сельсовете, и крестил младенцев без предварительной регистрации в загсе, говорил своим прихожанам, что для крещения не нужна справка из загса, крестить - это обязанность священника, и он будет ее исполнять, что бы с ним ни сделали власти. Вызванный в суд, о. Борис на вопросы судьи ответил, что положение о загсе он знает и знает, что крестить без справок сельсовета о рождении ребенка власти запрещают, однако он это положение нарушал и будет нарушать, так как крестить - это его первейшая обязанность, которую он и раньше исполнял, и впредь будет исполнять. На вопрос судьи, почему он похоронил почившую женщину без справки о регистрации смерти, о. Борис ответил, что по новой конституции вероисповедание не притесняется, и если у родственников умершей нет справки, то он волен совершать в церкви обряд отпевания без нее. Суд приговорил священника к шести месяцам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Отец Борис не согласился с обвинением и подал кассационную жалобу.

19 апреля община Троицкой церкви подала прошение в райисполком с просьбой разъяснить, разрешаются ли советскими законами крестные ходы на Пасху, а также вообще крестные ходы с иконами и молебны в домах верующих. На это прошение райисполком ответил, что "инструкция ВЦИК, предусматривающая право хождения с иконами и служение молебнов, остается в силе, не отменена, но разрешение на право хождения от местной власти требуется". А чуть позже тот же самый председатель райисполкома ответил: "Зубцовский райисполком, ввиду наличия эпидемии скарлатины в районе, хождение по домам не разрешает". Для священника абсурдно было подчиниться такому запрету, тем более что он знал, что причина запрета надуманна. И он стал служить молебны по приглашению крестьян в селе и в деревнях, расположенных далеко от храма.

В конце июля Бюро исправительных работ при районном отделении НКВД Погорельского района прислало о. Борису повестку с требованием прибыть 27 июля к зданию НКВД, чтобы затем направиться на исправитель- но-трудовые работы в концлагерь согласно судебному приговору. Священник по этой повестке не пришел, а когда узнал, что к нему направился сотрудник Бюро исправительных работ, на время ушел из дома.

Но то, что было не под силу мелким гонителям, довершил указ Сталина, и почти сразу после введения его в действие о. Борис был арестован. Председатель сельсовета, на территории которого был Троицкий храм, подал в местное НКВД справку. В ней он писал, что священник без разрешения ходил по дворам крестьян с иконами, и в результате будто бы этого в одной деревне вся семья заболела животом, за что священник был оштрафован

на семьдесят пять рублей, но от уплаты штрафа категорически отказался. На предупреждение со стороны председателя сельсовета о прекращении хождения с иконами по дворам ответил, что "ваша советская пропаганда есть пустая болтовня". В одну из деревень на религиозный праздник пришел с иконами и сорвал с уборки урожая рабочую смену, в результате чего колхоз оказался в большом прорыве и расшатана трудовая дисциплина, а священник заявил колхозникам, что все равно им не убрать урожай, если не поможет Господь. Кроме того, обойдя крестьянские дворы, священник организовал сбор средств на ремонт церкви. Производил службы не только в религиозные праздники, но и всегда, устраивая крестные ходы с хоругвями вокруг храма.

8 сентября о. Борис был допрошен.

- Расскажите, когда, за что и сколько раз вы судились, - спросил следователь.

- Первый раз я был судим в 1937 году в январе месяце за невыполнение мясопоставок и финплатежей, за что присужден к одному году и шести месяцам лишения свободы. Срок не отбывал, а обжаловал кассацией и до сего времени ответа не имею. Второй раз судим также в 1937 году, месяца не упомню, за крещение новорожденных и похороны без справок загса, за что приговорен к шести месяцам ИТР, что также мной обжаловано в кассационную коллегию, но ответа не имею. Срок также не отбывал, хотя имел вызов Погорельским Бюро... Все это дело я обжаловал областному прокурору.

- Вы отлично знали советские законы, почему допускали до суда невыполнение их, почему вы сознательно это допускали?

- До перемещения меня в Коробинский сельсовет я не платил мясопоставок и финплатежей в силу отсутствия средств.

- Следствие располагает материалом о вашей агитационной контрреволюционной работе среди верующих прихожан, расскажите конкретно по данному вопросу.

- Никакой контрреволюционной агитацией я не занимался и не занимаюсь.

- Следствию известно, что вы сознательно не выполняли распоряжений местных властей, стараясь опорочить их, говоря, что "ваша советская агитация болтовня" и прочее.

- Я действовал в соответствии с законом о свободе совести; если меня приглашали на квартиры и в населенные пункты для религиозных обрядов, я шел, для меня все равно, были ли там эпидемии или нет, и указания райисполкома по данному вопросу считал противоречащими конституции. Да, я говорил, что безбожие идет против религии и агитация против религии является "болтовней" для человека религиозно настроенного.

27 сентября Тройка НКВД приговорила о. Бориса к расстрелу. Священник Борис Боголепов был расстрелян через несколько дней, 1 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик диакон Борис (Семенов) (память 10 ноября по старому стилю)

Родился в 1900 году в Санкт-Петербурге в семье наборщика типографии журнала "Нива" Александра Семенова. До 1916 года Борис учился в 6-й технической школе при фабрике Госзнак, а затем до 1920 года работал на этой фабрике рабочим. В 1920 году она была эвакуирована в Москву, куда переехала и вся семья Семеновых. До 1922 года Борис работал конторщиком, а затем в связи с массовым сокращением рабочих был уволен и поступил учиться в садово-огородный техникум. В это время он начал помогать в храме

Архангела Михаила на Пироговской улице в качестве алтарника, здесь он познакомился с епископом Августином и стал его келейником и иподиаконом.

Когда владыка был выслан в Среднюю Азию, Борис поехал вслед за ним в город Педжикент. Он работал здесь во фруктовых садах и помогал епископу во время совершения келейных богослужений. После того как епископ Августин получил назначение на кафедру в Сызрань, он выехал к нему и помогал во время богослужений в качестве иподиакона, кроме того он выполнял различные церковные поручения. Во время поездок Бориса Александровича в Москву владыка передавал с ним письма митрополиту Сергию. В декабре 1930 года преосвященный Августин рукоположил Бориса в сан диакона.

Арестованный вместе с владыкой, он так ответил на вопросы следователя: "По моим убеждениям, в настоящее время со стороны советской власти идет притеснение служителей религиозного культа. Это убеждение у меня сложилось потому, что духовенство облагается непосильными налогами, которые оно выполнить не может... На политические темы мне с епископом Августином беседовать не приходилось, и я не могу сказать о его взглядах на то или иное мероприятие. Лично мой взгляд на кампанию по коллективизации крестьянских хозяйств такой: коллективизация для православного христианина приемлема лишь в том случае, если она не будет направлена во вред его религиозным убеждениям, то есть если коллективизация не будет преследовать целей угнетения религии".

28 октября 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Августина и диакона Бориса к трем годам заключения в концлагерь.

Преосвященный Августин был отправлен в концлагерь недалеко от станции Лодейное Поле Ленинградской области.

Послушник епископа диакон Борис был отправлен в другой концлагерь, также недалеко от станции Лодейное Поле, и в заключении скончался.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученики Валаамской обители (память 20 февраля по старому стилю)

В течении своей многовековой истории Валаамская обитель, находившаяся близ границы владений Великого Новгорода со Швецией, неоднократно разорялась шведами. При короле Густаве Ваза (1523-1560 гг.) в Швеции была проведена Реформация. Во времена правления его сына Иоанна III, военный отряд из новообращённых лютеран - которые, по словам святого Игнатия (Брянчанинова), "пылали ещё фанатическим пристрастием к своей лишь родившейся вере" - преследуя православных корел, по льду перешел с материка на остров и напал на монастырь. 20 февраля 1578 года 18 достоблаженных старцев и 16 послушников были мученически истреблены за твёрдость в православной вере. Их имена с пометой "побиты от Немец на Валааме старцев и слуг" были внесены в синодик, оказавшийся впоследствии в Васильевском монастыре: священноинок Тит, схимонах Тихон, инок Геласий, инок Серий, инок Варлаам, инок Савва, инок Конон, инок Сильвестр, инок Киприан, инок Пимен, инок Иоанн, инок Самон, инок Иона, инок Давид, инок Корнилий, инок Нифонт, инок Афанасий, инок Серапион, инок Варлаам, послушники Афанасий, Антоний, Лука, Леонтий, Фома, Дионисий, Филипп, Игнатий, Василий, Пахомий, Василий, Феофил, Иоанн, Феодор, Иоанн. Нападения шведов продолжались. На Валааме нет камня, который не был запечатлён кровью подвижническою.

В XIX веке один из валаамских иноков близ пустыни игумена Назария сподобился видения неведомых черноризцев: "они шествовали в два ряда из залитой солнечным светом зелёной рощи и пели древним знаменным распевом погребальные молитвословия. Шли они сложив руки на груди, образом же были пресветлы и очи имели кротости несказанной. Только когда шествие приблизилось к монаху, он увидел, что все черноризцы обрызганы кровью и покрыты ранами. Там, где прошли они, трава оказалась не помятой. Они исчезли так же, как и явились, в зелёной чаще, причём тихие отголоски погребального напева долго носились в воздухе".

С благословения игумена Дамаскина в день мученичества 34 иноков, 20 февраля (4 марта н. ст.) в Валаамской обители ежегодно совершалась Божественная Литургия "о вечном покое их", с которой пелась и соборная панихида.

Причислены к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

Преподобномученик архимандрит Варлаам и иже с ним убиенные братия Белогорского монастыря (память 12 августа по старому стилю)

Преподобномученик Варлаам (в миру Василий Евфимович Коноплёв) родился в 1858 году в Юго-Кнауфском заводе Осинского уезда Пермской губернии в крестьянской семье старообрядцев-беспоповцев.

В автобиографии, в которой преподобномученик описал свои поиски истины и приход в Православную Церковь, он так рассказывал о себе: "На десятом году я выучился грамоте; молился с беспоповцами, со стариками и простолюдинами; когда стал приходить в возраст, полюбил читать Божественное Писание. Всё свободное время я отдавал чтению книг, покупая их или прося у других для прочтения. И постепенно стал разгораться во мне дух к Богу - я размышлял о вере, о расколе, о Православной Восточной Церкви, размышлял о священстве, без которого, видел, спастись нельзя. В этих думах я забывал всё. Ночью часто вставал на молитву перед иконами Господа Вседержителя и Пречистой Богородицы и молился усердно, горячо, со слезами, просил Господа: "Господи, открой мои очи, дай разуметь путь спасения; скажи мне путь, каким мне идти, научи творить волю Твою". И ещё просил указать, в какой Церкви и через каких пастырей благодать Святого Духа действует".

До тридцати пяти лет Василий был постоянно в размышлении о Церкви, стараясь уразуметь Евангельские, апостольские и прочие Писания, находя их зачастую несходными с писаниями о Церкви и священстве у старообрядцев. В это время он много путешествовал, посещал старообрядцев-беспоповцев, присутствовал на их беседах. Перелом в поисках истины совершил чудесный случай в неделю Всех святых, когда Василий уехал в Саратовскую губернию в старообрядческую обитель.

Там он усердно молился: "Милостиве Господи, как мне уразуметь о Церкви Твоей святой; не хочу быть раскольником, но не знаю, как уразуметь раздоры церковные, не знаю, какая половина ошибается, то ли старообрядцы что-то недопонимают, то ли Церкви Восточная или Греко-Российская погрешают. Господи, покажи мне чудо, разреши мои сомнения и недоумения; если Церковь Российская за перемену в обрядах не лишилась благодатных даров, то во время торжества духовенства на Белой Горе, во время их молебна, пошли, Господи, в это знойное время дождь обильный на землю, чтобы мне уразуметь, что через их пастырей действует благодать Святого Духа". И, действительно, по дороге домой он услышал разговор, что на Белой Горе среди торжественного молебна сошёл на землю обильный дождь.

В результате своих поисков Василий Коноплёв в 90-х годах XIX века через таинство миропомазания присоединился к Православной Церкви. Соединился с Церковью и его отец Евфим Тихонович - ему было тогда семьдесят пять лет - а также младшие его братья Антон и Павел с женами и детьми и семейство старшей сестры. Всего присоединилось девятнадцать человек.

В ноябре 1893 года Василий был пострижен в рясофор, и поселился на Белой Горе. Постепенно к нему стали собираться все желающие монашеского жития. К 1894 году собралось двенадцать человек. 1 февраля 1894 года Василий принял постриг в монашество с именем Варлаам, а на следующий день он был рукоположен в иеродиакона. 22 февраля во время освящения престола в малом храме во имя Святителя Николая его рукоположили в иеромонаха.

С этого времени отец Варлаам был назначен управляющим новостроящегося миссионерского монастыря на Белой Горе, получившего впоследствии название Уральского Афона. Он восстановил Православное уставное Богослужение и, памятуя, что монастырь миссионерский, поставил на должную высоту проповедь, которая звучала в нём утром и вечером. Ни одно богослужение не оставалось без поучения.

В 1913 году пермский священник Иаков Шестаков писал о батюшке: "Отец Варлаам - руководитель совести, это лицо, которому поручают себя люди - миряне, точно так же, как монахи, ищущие спасения и сознающие свою немощь. Кроме того, к отцу Варлааму, как вдохновенному руководителю, обращаются верующие в трудном положении, в скорбях, в часы, когда не знают, что делать, и просят по вере указания. Отец Варлаам отличался особой опытностью, аскетизмом, крепостью духа и детским незлобием. Молва о его мудрости росла; к нему стал стекаться народ со всей Пермской губернии, пошли даже инородцы из глухого Закамскаго края... Каждый, приходя к отцу Варлааму, выносит сильное незабвенное впечатление: в нём есть неотразимая сила. Аскетические подвиги и трудовая жизнь изнурили здоровье батюшки, но он никому не отказывал в совете. Великие таинства совершались в его тесной келье: здесь возрождалась жизнь, утихали скорби и текли слезы умиления и радости. Четверть века Белогородская обитель утешала страждущих.

В первых числах июня 1917 года в обители состоялось последнее величественное торжество - освящение Белогорского собора. Были посланы приглашения всем благодетелям и посетителям обители, а также отпечатаны и разосланы по всей России извещения о предстоящем торжестве. 2 июня в обитель приехал священномученик епископ Пермский Андроник (Никольский, память 7 июня); 5 июня стали прибывать в монастырь из окрестных селений крестные ходы с многочисленными богомольцами. Пройдя долгий путь при дневном летнем зное и пыли, они не выказывали утомления, лица многих были радостны, на них лежал отпечаток какого-то неземного состояния. Храмы не вмещали паломников, и богослужения совершались прямо под открытым небом; всенощные, панихиды или молебны - повсюду славилось имя Божие. И сама природа, казалось, внимала этому дивному зрелищу; не было ветра, свечи не гасли, так было тихо и хорошо. Прошёл год со времени освящения собора. В августе 1918 года большевики захватили обитель. В главном алтаре собора красноармейцы разворотили и осквернили престол. В келье архимандрита Варлаама устроили отхожее место, а иконописную мастерскую превратили в театр, где монастырских мальчиков-певчих заставляли петь светские фривольные песни. Многие монахи были после зверских пыток убиты.

12 (25) августа красноармейцы арестовали настоятеля монастыря архимандрита Варлаама и по дороге в уездный город Осу расстреляли его. Мученическую кончину приняли и многие монахи обители. Их имена: иеромонахи Сергий, Илия, Вячеслав, Иоасаф, Иоанн, Антоний; иеродиаконы Михей, Виссарион, Матвей, Евфимий; монахи Варнава, Димитрий, Савва, Гермоген, Аркадий, Евфимий, Маркелл; послушники Иоанн, Иаков, Петр, Иаков, Александр, Феодор, Петр, Сергий, Алексий. Могилы мучеников были скрыты властями и пребывают в неизвестности.

Прославлены в 1998 году как местночтимые святые Пермской епархии. Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Варсонофий (Лебедев), епископ Кирилловский (память 2 сентября по старому стилю)

Священномученик Варсонофий (Лебедев), епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии родился в 1873 году. В 1894 году он окончил Новгородскую Духовную Семинарию, а в 1895 принимает постриг и сан иеродиакона. С 1896 года отец Варсонофий назначается на должность епархиального миссионера- проповедника Новгородской епархии. В 1909 году отец Варсонофий возводится в чин архимандрита, а с 1911 года становится наместником Казанского Спасо-Преображенского монастыря.

8 января 1917 года отец Варсонофий был хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Вместе с иереем Иоанном Ивановым, игуменией Ферапонтова монастыря Серафимой (Сулимовой) и четырьмя мирянами - Николаем Бурлаковым, Анатолием Барашковым, Михаилом Трубниковым и Филиппом Марычевым - Владыка был расстрелян 2 (15) сентября 1918 года. Перед казнью, до тех пор пока Владыка не закончил молитву, красноармейцы не могли его расстрелять. Он шёл на расстрел, раскрыв руки крестом, в него не попала ни одна пуля. Тогда палачи в ярости бросились на священномученика и закололи его штыками. Похоронен он был неподалёку от Кирилло-Белозерского монастыря.

В 1960 годы могила была разрушена и осквернена, на её месте построили свинарник. Священномученик Варсонофий прославлен как местночтимый святой Вологодской епархии в 1999 году. Священномученик Варсонофий, епископ Кирилловский и иже с ним пострадавшие иерей Иоанн Иванов, игумения Серафима, Николай Бурлаков, Анатолий Барашков, Михаил Трубников и Филипп Марычев причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Василий, епископ Прилукский (память 22 марта по старому стилю)

Священномученик Василий, епископ Прилукский (в миру Зеленцов Василий Иванович) родился в 1870 году в деревне Замораево Ранненбургского уезда Рязанской губернии в семье протоиерея. Окончил юридический факультет Университета и Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Преподавал в Екатеринославской Духовной Семинарии, затем был назначен Екатеринославским епархиальным миссионером. В 1917-1918 году он - член Поместного Собора Российской Православной Церкви.

В 1919 году отец Василий принял монашеский постриг от епископа Полтавского Феофана (Быстрова, память 6 февраля), с которым был особенно близок. В 1920 году отец Василий служит на приходе в Полтаве.

Его служение и проповеди привлекают множество народа, даже сектанты ходили слушать его. Батюшка учил паству молиться так, чтобы никого и ничего не замечать во

время молитвы, он вводил общенародное пение во время служб, проводил духовные беседы по воскресным дням.

Отец Василий, помогая бедным, имел на своём иждивении четырёх детей-сирот. Он проводил открытые диспуты с сектантами, приводя их к Православию. В начале 20-х годов отец Василий организовал Покровское Христианское общество молодёжи, в противовес "комсомолу". После выступления против ограбления храмов, был арестован в 1922 году, приговорён к расстрелу, который заменили благодаря защите паствы на пять лет лагерей. В 1925 году батюшка был освобождён по амнистии. Из тюрьмы он забрал с собой ребенка умершей заключённой и воспитывал его вместе с другими четырьмя детьми.

В том же году, 25 августа архиепископом Григорием и епископом Дамаскиным отец Василий был хиротонисан в епископа Прилукского, викария Полтавской епархии. В сентябре 1926 года в Харькове Владыка был арестован вновь. В Полтаве власти опасались это сделать, боясь возмущении преданного ему народа, в основном из рабочих.

После мучительных допросов в застенках ГПУ он был выслан на Соловки. Там Владыка выступил с серьёзными замечаниями (т.н. "необходимыми каноническими поправками") в адрес "Декларации" митрополита Сергия (Страгородского) и его нового церковного курса, несмотря на то, что он был особенно близок ему в первые годы его заместительства. Святитель Василий считал, что попытка митрополита Сергия достигнуть мира с гонителями Церкви "движется вперёд не по каноническим рельсам, следовательно не по пути Церковной правды", поскольку под миром следует понимать мир Христов, "а не земное благополучие и безопасность". Святитель считал оправданным предание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Соборному Суду.

По почину Владыки Соловецкие епископы в сентябре составляют свой отзыв на "Декларацию", призывая открыто заявить большевицкому правительству, что "Церковь не может мириться с вмешательством в область чисто Церковных отношений государства, враждебного религии".

Из Соловков в 1928 году Владыка был переведён для продолжения ссылки в Иркутскую область (деревня Пьяново Братского района). Там его позиция по отношению к политике митрополита Сергия стала ещё более непримиримой. Он отправляет своей духовной дочери большую рукопись, требуя передать её митрополиту Сергию. В этой рукописи, помимо прочего, говорилось даже о необходимости борьбы с советской властью всеми возможными способами вплоть до вооружённых возстаний. В 1929 году духовная дочь после длительных колебаний передала рукопись митрополиту Сергию. А вскоре, 9 декабря, Владыка был арестован и перевезён в Москву в Лубянскую тюрьму. В 1930 году 22 января (3 февраля н. ст.) после истязаний ему вынесли приговор о расстреле и через три дня 25 января (7 февраля н. ст.) бесстрашный Святитель был расстрелян. Погребены честные останки священномученика на Ваганьковском кладбище.

Канонизован Украинской Православной Церковью как местночтимый святой в 1997 году. Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Василий (Малинин) (память 10 сентября по старому стилю)

По преданию Малинины происходят из рода боярина Сороки из Переславля-Залесского. В XVIII веке они служили священниками в Калязинском уезде Тверской губернии. Первый, о ком известно, был иерей Петр. Его сын, Афанасий, был священником на том же приходе. Затем приход принял Михаил Афанасьевич. В 1820 году у него родился сын Василий. Когда ему исполнилось шесть лет, о. Михаил повез его в школу.

Дни стояли морозные, ехать пришлось долго, и лицо мальчика стало красным от мороза. Когда учитель спросил, как его зовут, он назвался Сорокиным. "Ну какая же ты сорока, - сказал учитель, - сорока белая, а ты - малиновый". Учитель был большим оригиналом и записал его Малининым. Это был дед священника Василия Малинина.

Священномученик Василий родился 26 марта 1898 года в селе Васьянском Тверской губернии в семье священника Василия Малинина. Первоначальное образование он получил в Кашинском духовном училище, затем поступил в Тверскую Духовную семинарию, которую окончил в 1918 году. Сознательно выбрав путь священства, который был в то время путем исповедническим, Василий Васильевич в 1921 году был рукоположен в сан иерея ко храму в селе Конаково Тверской губернии. У него не было ни земли, ни большого хозяйства, всё имущество священника и его семьи составляли дом, два козленка и семь кур.

В 1932 году о. Василий был арестован по указу от 7 августа 1932 года, обвинён в краже колхозной соломы и приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовые лагеря. Дома осталась семья - супруга Антонина Александровна и трое детей, семи, шести и двух лет. Два года проработал священник на каторге в лагере и в 1934 году был досрочно освобожден.

Отец Василий вернулся в тот же храм села Конаково, где, к радости прихожан, возобновились богослужения. В мае 1934 года заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий наградил о. Василия наперсным крестом, и вскоре по распоряжению епископа Бежецкого Григория (Козырева) он был назначен благочинным. Однако это было время, когда повсюду арестовывали священников, храмы оставались без пастырей, число храмов в благочинии сокращалось, и о. Василий в апреле 1936 года направил прошение епископу Григорию с просьбой освободить его от обязанностей благочинного, которая и была удовлетворена.

Местные власти не переставали преследовать пастыря. В марте 1937 года они потребовали, чтобы священник заплатил пятьсот рублей в качестве налога, в противном случае он будет арестован, а церковь закрыта. За богослужением священник обратился к прихожанам, сказав, что власти требуют от него уплаты налога, и попросил их собрать деньги и заплатить налог. "В противном случае, - сказал о. Василий, - я буду вынужден уйти с вашего прихода, и тогда храм будет закрыт". Тут же в храме было решено собрать нужную сумму, для чего уполномочили одну из женщин отправиться по домам прихожан. Деньги были собраны, и служба в храме продолжалась.

Отец Василий за каждым богослужением говорил проповеди, тщательно и подробно растолковывая слово Божие. Он обходил дома своих прихожан, служа молебны и панихиды, соборуя и причащая, особенно это необходимо было для тех, кто жил в дальних деревнях прихода и по болезни или старческой немощи не мог прийти в храм.

Летом 1937 года власти решили арестовать священника. По соседству с приходом о. Василия был обновленческий храм, и власти, как это делалось с 1922 года, пригласили обновленческого священника свидетельствовать против православного пастыря. Был вызван и псаломщик обновленческого прихода.

5 августа 1937 года о. Василий был арестован. На следующий день был вызван для допроса секретарь сельсовета. Он показал: "Священник Малинин настроен антисоветски. Вокруг себя группирует антисоветский элемент, как-то: Архангельскую Марию Васильевну, в прошлом жену попа, в 1931 году осужденного за контрреволюционную работу; меру наказания, вынесенную ему по суду, я не знаю, но можно полагать, что он расстрелян, ибо от него никаких сведений нет, сама же Архангельская говорит, что он выслан, и Пархаеву Александру Антоновну из деревни Петраково, церковную старосту, через которых и проводит контрреволюционную работу. Как пример, Пархаева состоит членом колхоза "Верный путь", но в колхозе не работает, работает церковной старостой при церкви села Конаково, в которой служит священник Малинин. В рабочие дни по религиозным праздникам идет в церковь... Колхоз "Верный путь" все время из года в год

находится в прорывах. Под влиянием в лучшем случае скрытой, а временами открытой антисоветской деятельности церковников - священника Малинина, церковной старосты Пархаевой - в период сеноуборки в 1937 году из семидесяти человек трудоспособных колхозников на работу не выходило до тридцати человек колхозников, чем срывалась сеноуборка, которая не закончена и сейчас. Священник Малинин без разрешения сельсовета систематически в 1937 году ходил по квартирам колхозников своего прихода собирать деньги, хлеб и молоко. Причем ходит в квартиры не только колхозников верующих и посещающих церковь, а и ко всем без разбора, где, без всякого сомнения, ведет антисоветскую агитацию, пропагандируя свои взгляды..."

Снова был вызван священник обновленческого храма, который показал: "Малинин группирует социально чуждый элемент: Аршинова Ивана Алексеевича из деревни Крюково - бывший церковный староста, Пархаеву Александру из деревни Петраково, работает церковной старостой, в колхозе совершенно не работает, Пархаева - мужа церковной старосты, Голубеву Екатерину, муж её по суду сослан, а за что, хорошо не знаю, и других, через кого проводит разложение трудовой дисциплины в колхозах, направленное на развал колхозов. В своем доме по религиозным праздникам собирает в прошлом зажиточных крестьян, с которыми ведет беседы по вопросам жизни, сравнивая жизнь настоящего времени с дореволюционным временем, восхваляя жизнь при царском правительстве, порицая жизнь настоящего времени. Малинин является тихоновцем. Реакционно настроен к советской власти".

8 августа следователь допросил священника.

- Назовите свои связи по месту вашей работы. - Близко знакомыми мне являются: Архангельская Мария Васильевна из деревни Шубино, жена священника, муж её семь лет тому назад осуждён на пять лет лишения свободы, из области отправлен в другую местность для отбывания наказания, откуда обратно не вернулся; Пархаева Александра Антоновна, церковная староста; Пархаев Арсений Иванович, муж Пархаевой; Архипов Иван Алексеевич из деревни Крюково, бывший церковный староста, умер зимой 1937 года; Калинин Василий Григорьевич, в прошлом торговец; Хохлов Дмитрий Михайлович, кум, колхозник, в прошлом крестьянин-середняк. У некоторых я бывал в доме в гостях, и они бывали у меня в доме.

- На какой почве вы завязали с ними связи?

- Эти лица в религиозные праздники приглашали меня к себе в дом с молебном, а кто с панихидой. После службы, как более зажиточная часть, делали приглашение покушать, я на это соглашался, на почве чего у меня с ними и завязано знакомство.

- В царской армии служили?

- Я Духовную семинарию закончил в 1918 году; будучи учащимся, пользовался отсрочкой и в старой армии не служил.

- Следствие располагает данными, что вы служили в армии на командной должности в чине офицера. Скажите, в какой это армии, в белой или царской армии, вы служили?

- Ни в той, ни в другой армиях не служил.

- Следствие располагает данными, что вы в период гражданской войны служили в белой армии. Подтверждаете вы это?

- Нет, не подтверждаю.

- Являясь священнослужителем, по квартирам колхозников ходили вы с какой целью?

- По квартирам колхозников я ходил с целью получения за требы денег, хлеба, молока и других продуктов, считая это вполне заработанным. Кроме этого, на квартиры колхозников я ходил причащать больных, соборовать, крестить детей и отпевать умерших.

- Следствие располагает данными, что во время посещения вами квартир колхозников, вы вели с ними беседы. Расскажите, на какую тему они велись?

- Беседы велись чисто по хозяйственным вопросам, я спрашивал, как они живут, сколько трудодней заработали, и так далее.

- Скажите, в церкви проповеди вы читали? И на какую тему?

- Читал на тему Евангелия.

- Скажите, посещения квартир колхозников вы проводили с разрешения местной власти и кто персонально вам разрешал это делать?

- Ходил по своему усмотрению, разрешения ни у кого не брал.

- Следствие располагает данными, что в вашем доме собирались лица, которыми вы вели беседы по вопросам жизни, сравнивали жизнь настоящего времени с дореволюционным периодом. Подтверждаете вы это?

- Да, подтверждаю, посещения моего дома колхозниками были, разговоры на эту тему велись.

- Следствие располагает данными, что при ведении таких разговоров колхозниками вы восхваляли жизнь при царе и порицали жизнь настоящего времени. Подтверждаете это?

- Нет, не подтверждаю, наоборот, ряд колхозников высказывали недовольство тем, что они мало получили на свои трудодни; в этих случаях я спрашивал их о количестве выработанных ими трудодней и говорил им, кто больше имеет трудодней, тот больше получает на них.

- Следствие располагает данными, что во время посещения вами квартир колхозников, вы среди последних проводили антисоветскую противоколхозную агитацию. Подтверждаете вы это?

- Этого я никогда не делал.

- Скажите, кто именно из колхозников высказывал недовольство на заработки на трудодни?

- Фамилии я их сейчас назвать не могу, не помню.

- Как вы смотрите на новый проект конституции СССР?

- С положительной стороны.

- Следствие располагает данными, что в июне сего года, в праздник Анны Кашинской, вы и священник Колпецкий высказывались против новой конституции, вернее, проекта новой конституции СССР. Подтверждаете вы это?

- Нет, этого не было. Священника Колпецкого я не знаю.

- Вы обвиняетесь в том, что, будучи священником, группировали вокруг себя социально чуждый элемент, через который вели антисоветскую на развал колхозов. Лично сами ходили по квартирам колхозников, среди которых вели антисоветскую, противоколхозную агитацию, высказывались против проекта новой конституции СССР. Признаете себя виновным в этом?

- Виновным себя в вышеуказанном обвинении не признаю. Пусть докажут это свидетели.

На этом допрос был окончен, и сколько потом ни пытались следователи заставить мужественного священника оговорить себя, всё было безуспешно.

20 сентября Тройка НКВД приговорила о. Василия к расстрелу. Священник Василий Малинин был расстрелян через два дня, 23 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Исповедник Василий (Преображенский), епископ Кинешемский (память 31 июля по старому стилю)

Епископ Кинешемский Василий (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в 1876 году в городе Кинешме Костромской губернии в семье священника Сергия и жены его Павлы и своим христианским воспитанием целиком был обязан родителям. Очищение ума и сердца Таинствами и молитвой - в этом были смысл и цель земной жизни

супругов. И потому родители старались оградить детей от влияния мира, зная, как трудно вырвать из сердца тернии грехов и страстей, если те уже проросли.

Все устроение жизни, окружавшей мальчика с детства, было подобно монашескому. Ни новостей, ни сплетен, ни праздных разговоров не проникало за высокую изгородь их дома, покидать который детям воспрещалось. И было для ребенка отрадой посещение их дома нищей братией и странниками. В самый день его крещения, когда Вениамина принесли из храма домой, к ним пришла странница-старушка, которая, глянув на мальчика, сказала: "Это будет великий человек". Были и иные предзнаменования его незаурядного будущего.

После окончания гимназии Вениамин поступил в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1901 году со степенью кандидата богословия, и был определен преподавателем в Воронежскую духовную семинарию. От юности интересуясь христианским подвигом, он пишет диссертацию под названием "О скитском патерике, за которую ему была присуждена степень магистра богословия. В Воронеже Вениамин пробыл до 1910 года.

Зная в совершенстве как древние, так и новые европейские языки, Вениамин для более углубленного изучения европейской культуры уехал в Англию и 1910-1911 годы прожил в Лондоне. После возвращения в Россию он поступил преподавателем иностранных языков и всеобщей истории в Миргородскую мужскую гимназию. В 1914 году Вениамин переехал в Москву и устроился преподавателем латинского языка в Петровской гимназии. Преподавание настолько его увлекло, что он окончил педагогический институт, приготовившись окончательно к профессии педагога. Но Господь распорядился иначе.

Однажды, приехав в гости к родителям в Кинешму, Вениамин уговорился с друзьями покататься на лодке по Волге. Уже далеко от берега лодка внезапно перевернулась. Вениамин взмолился, прося Господа сохранить ему жизнь, обещая посвятить себя служению Православной Церкви. В этот момент он увидел толстую длинную доску и, ухватившись за нее, выплыл.

Вскоре после этого случая Вениамин переехал на родину, в Кинешму, и в октябре 1917 года поступил псаломщиком в Вознесенскую церковь, где служил его престарелый отец. Памятуя данный Богу обет, он стал проповедовать в храмах Кинешмы и ее окрестностей. Сознавая, что без точного и глубокого понимания Священного Писания невежественный человек легко может стать добычей обманщиков и лжеучителей, Вениамин приступил к созданию православных кружков, где изучению Священного Писания придавалось большое значение.

16 июля 1920 года Вениамин был рукоположен в сан священника в городе Костроме митрополитом Серафимом (Мещеряковым). Вскоре после этого скончался его отец, протоиерей Сергий, и отец Вениамин принял постриг с именем Василий - в память Василия Великого; 19 сентябри 1921 года он был хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. Рукоположенный во епископа, он усилил подвижнические труды. Отказавшись от какой бы то ни было собственности, он поселился на окраине города в маленькой баньке, стоявшей на огороде у вдовы-солдатки Анны Александровны Родиной. Никакого имущества или обстановки у святителя не было, спал он на голом полу, положив под голову полено. Подвиг свой он от посторонних скрывал, принимая приходящих в канцелярии, устроенной в доме рядом с Вознесенской церковью. Далеко находилась банька от храма. Каждое утро, еще до рассвета, владыка шел пешком через весь город в храм и возвращался домой поздно ночью. Не один раз грабители останавливали его на улице, и он с кротостью и любовью отдавал им все, что имел; вскоре они стали его узнавать и не тревожили.

Помимо ежедневных церковных служб, во время которых он обязательно проповедовал, святитель исповедовал, обходил дома всех нуждавшихся в его помощи со

словом утешения, посещал монастыри и основанные им кружки, разбросанные по епархии.

В дни больших праздников святитель служил в соборе, а каждый четверг - всенощные в Вознесенской церкви. Народ любил эти всенощные, посвященные воспоминаниям страстей Господних, и собирался на них во множестве. Особенно много было рабочих, некоторые из них жили в окрестностях города, они отстаивали долгую службу и только поздно ночью добирались домой, а утром снова шли на работу, но так велика была благодать церковной молитвы, что люди не чувствовали усталости. Святитель сам читал акафист страстям Господним, и в храме стояла такая тишина, точно в нем не было ни одного человека, и в самом дальнем конце его слышно было каждое слово.

Проповеди епископа Василия привлекали в храм все больше людей. Некоторые совершенно меняли образ жизни; иные, следуя примеру святителя, раздавали имущество нищим, посвящая жизнь служению Господу и ближним. Свет веры достигал и неверующих. Как бы ни относился иной человек к христианской вере и к Православной Церкви, почти всякий чувствовал, что слово, произнесенное епископом, отвечает внутренним запросам души, возвращает ей жизнь, а жизни - озаряющий смысл.

Миссионерская деятельность епископа вызывала у властей большое беспокойство. Но повода для ареста святителя не находилось. И тогда власти стали посылать в храм людей, поручая им во время проповеди епископа задавать искусительные вопросы, чтобы привести его в замешательство. Владыка провидел, что такие люди есть в храме, и заранее давал ответы на многие их вопросы. Обличаемые совестью, понимая всю невыгодность своего положения, они покидали храм, ничего не спросив.

Как истинный пастырь святитель оберегал свою паству от всякого рода зла и заблуждений. Если узнавал, что кто-то из его духовных детей мыслит неправо, то спешил этого человека посетить.

Летом 1922 года возникло еретическое церковное течение - обновленчество. Повсюду в стране обновленцы захватывали храмы, изгоняли православных священников и архиереев, которых советские власти предавали на заключение и смерть. В тех приходах, где храм был захвачен обновленцами, святитель благословил священников не покидать своей паствы, а литургию совершать на площадях сел. Пример такого служения он подавал сам, и на эти службы сходились сотни и тысячи людей.

Вскоре после хиротонии владыка Василий познакомился со своим будущим келейником Александром Павловичем Чумаковым, разделившим с ним трудности изгнания и тюремного заключения.

В 1922 году в Нижнем Поволжье разразился голод, от которого ежедневно умирали тысячи людей. Власти распорядились подбирать оставшихся без родителей детей и отправляли их по разным городам в детдома. Незадолго перед наступлением Пасхи привезли таких детей в Кинешму. Узнав об этом, святитель после богослужения обратился к народу с проповедью, призывая помочь голодающим: - Вскоре наступят праздничные дни пасхального торжества. Когда вы придете от праздничной службы и сядете за стол, то вспомните тогда о голодающих детях...

Многие после этой проповеди взяли детей в свои семьи.

Меньше двух лет прослужил святитель на кафедре, и 10 мая 1923 года был арестован и сослан в Зырянский край, в поселок Усть-Кулом, на два года.

Вскоре сюда приехал келейник владыки Василия, Александр Павлович, добровольно разделив с ним тяготы ссылки.

В мае 1925 года ссылка закончилась, и владыка Василий возвратился в Кинешму. О своем возвращении он известил духовных детей, и они стали, собираясь небольшими группами, приходить к нему в Вознесенскую церковь; здесь после вечерней службы он исповедовал. Долго, до поздней ночи длилась исповедь, много накопилось неразрешенных вопросов. Святитель не торопил исповедников, давая место действию Бога и Его благодати.

На Рождество 1926 года власти, обеспокоенные ростом и укреплением Церкви, потребовали, чтобы епископ покинул город. Александр Павлович предложил уехать на его родину, в деревню Анаполь, чтобы там переждать тяжелое время. Владыка согласился.

За две недели Александр Павлович поставил небольшой дом. В доме был установлен престол и совершались ежедневные уставные богослужения. Служил владыка с Александром Павловичем вдвоем, никто из посторонних на их службах не присутствовал, так как рядом был православный храм, где служил близкий святителю священник, у которого Александр Павлович был когда-то псаломщиком.

Так, почти в полном уединении, епископ прожил около полугода, а затем поехал в Саров - в последний раз помолиться у мощей преподобного Серафима; был в Дивееве, оттуда поехал в Нижний Новгород, где вместе с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) и епископом Александром (Щукиным) участвовал в хиротонии иеромонаха Николая (Голубева) во епископа Ветлужского. Митрополит Сергий сообщил владыке Василию о переводе епископа Вязниковского Корнилия (Соболева) на Екатеринбургскую кафедру и что вязниковцы просят его к себе. "Впрочем, - добавил он, - вы будете считаться Кинешемским, Вязниковская кафедра будет для вас временной". В Вязниках епископ продолжил дело, начатое еще в Анаполе. Давно ему хотелось беседы, которые он вел в храме и в кружках, собрать в одну книгу. Рукопись книги он передал доверенным людям в Кинешме, и они переписали ее от руки. В начале 1927 года епископ Афанасий (Сахаров) послал к владыке в Вязники своего келейника иеромонаха Дамаскина (Жабинского) с запиской - не примет ли владыка Василий во временное управление Владимирскую епархию ввиду того, что он, епископ Афанасий, арестован и не может продолжать служение.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Сергий (Страгородский) был арестован, и в управление Православной Церковью вступил архиепископ Серафим (Самойлович). Епископ Василий обратился к нему за разрешением этого вопроса, но владыка Серафим во Владимир послал епископа Дамиана (Воскресенского), а владыку назначил на Ивановскую кафедру. Но назначением воспользоваться не пришлось. К этому времени проповеди святителя, его духовная стойкость стали привлекать в храм множество народа и власти выслали владыку в Кинешму. Здесь он прослужил несколько месяцев, когда власти потребовали, чтобы он уехал.

В июне 1927 года владыка Василий приехал в Кострому, где прожил около года. Главной заботой были духовные дети, о каждом он хотел знать все и не упускал случая наставить и духовно поддержать каждого из них. Переписка с ними занимала много времени, и ее нельзя было доверить почте. Епископ отдавал письма своему иподиакону Василию Смирнову, тот отвозил их Екатерине Книшек, и она уже разносила их по адресатам, в свою очередь собирая письма к владыке.

В 1928 году епископ поехал в Ярославль переговорить с митрополитом Агафангелом по вопросам церковной жизни. Он встретился с ним в храме, куда тот приехал помолиться.

Митрополит предложил епископу Василию остаться в Ярославле викарным архиереем. Владыка отказался.

В августе этого года епископ вернулся в Кинешму и через месяц был арестован.

Около полугода епископ Василий пробыл в ивановской тюрьме и был приговорен к трем годам ссылки.

В ссылку владыка ехал тюремным этапом. Святитель поселился в маленькой таежной деревушке Малоречка в двадцати пяти километрах от районного города Таборово Екатеринбургской области. Александр Павлович и здесь разделил с ним трудности ссылки. Вдвоем они поставили в домике престол, епископ освятил его и ежедневно совершал богослужение.

Молитва, тяжелая работа в лесу - жизнь была подобна скитской с самым суровым уставом. Александр Павлович подрабатывал тем, что ловил рыбу и делал деревянные

корытца. Разговаривали они друг с другом мало и редко. Иногда наступал час отдыха, и они уходили в лес. Плещутся в темноте воды речки. Горит костер, освещая сосредоточенное лицо владыки, душа его погружена в молитву. Плотно окружает их лесной мрак, хочется Александру Павловичу поговорить, но, глянув на владыку, не решается его потревожить.

В уединении, в молитве и работе прошли три года, и уже кончался четвертый. Мысль епископа склонялась к тому, чтобы остаться здесь навсегда. Но оказалось, что и ссылку вольно выбрать нельзя. Только он собрался просить у местных властей разрешения остаться, как они сами начали требовать, чтобы он уехал.

Святитель задумался. Куда же, куда ехать? Какое место выбрать себе местом изгнания? Разоренный Саров...

Дивеево... Оптина пустынь. Об Оптиной, о своем пребывании в ней Александр Павлович часто рассказывал святителю, и тот любил слушать об этой любимой русским народом обители. Любил слушать о послушаниях, на которых приходилось трудиться Александру Павловичу. ?

- А что, пекарь Фотий, которому ты помогал в Оптиной, откуда был родом?

- Из Орла.

- Ну вот и хорошо, поедем на родину Фотия.

В Орел епископ приехал в сентябре 1932 года. Сразу же к нему приехала из Кинешмы монахиня Виталия, привезла множество писем. На некоторые он писал ответы сам, на иные давал ответы устно, чтобы уже сами записали и передали. Недолго пробыла мать Виталия у епископа. Пока он писал письма, она отдохнула, и он велел ей не задерживаясь ехать обратно.

До декабря епископ жил один, потому что Александр Павлович задержался на Урале, ожидая, когда установится зимний путь, чтобы вывезти из таежной глуши вещи.

В селе Наволоки, где у епископа был кружок, храм захватили обновленцы, и православные - прежде всего духовные дети епископа - стали ходить в храм села Семигорье, где служил священник Павел Никанорович Березин. Он не был лично знаком с епископом Василием, но заочно был его большим почитателем и всегда поминал его за богослужением, даже тогда, когда после ареста святителя была упразднена Кинешемская кафедра. Следователям на допросах он говорил: "Я считаю епископа Василия столпом Русской Православной Церкви и праведником". Отец Павел был хорошим проповедником, и храм его во время богослужений всегда был полон. Осведомители подробно донесли властям о церковной жизни в Семигорье. В декабре 1932 года ГПУ арестовало отца Павла и диакона Василия Магера, многих стали вызывать на допросы. В марте 1933 года епископ получил известие, что в Кинешме допрашивают его духовных детей, некоторых уже арестовали, следователи спрашивают о владыке.

31 марта владыка Василий и Александр Павлович вызваны в орловское ПТУ, арестованы и отправлены этапом в кинешемскую тюрьму.

Владыку обвинили в том, что он, "являясь противником советской власти, ориентируясь на реставрацию государственной власти, в 1918 году создал сеть контрреволюционных кружков - филиал ИПЦ (Истинная Православная Церковь), ставивший своей задачей через религиозное антисоветское воспитание религиозных масс свержение существующего строя... Организовал и воспитывал кадры тайного моления монашества... Добился в ряде сельсоветов Кинешемского района упадка роста коллективизации, массовых волнений и ухода старых работниц с производства".

В июле 1933 года епископ Василий был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Вместе с ним приговорили одиннадцать человек, в частности священника Павла Березина, Александра Чумакова и монахиню Виталию - к пяти годам, Марию Андреевну Дмитрову и ее сестру Елизавету - к трем годам лагерей.

Заключение владыка отбывал неподалеку от Рыбинска на строительстве канала.

В январе 1938 года епископа освободили из Рыбинского лагеря. Он поселился в Рыбинске, у хозяйки, которая предоставила ему отдельную комнату. В лагере владыка познакомился со священником села Архангельского Угличского района отцом Сергием Ярославским, который после освобождения стал служить в Угличе, и владыка часто посещал его. В один из своих приездов в Углич епископ познакомился с регентом храма села Котово Ираидой Осиповной Тиховой, и она пригласила его жить к себе в Котово.

Переехав в село Котово, владыка договорился с местным священником Константином Соколовым в будние дни служить вместе всенощную и литургию в присутствии только самых близких людей; позже на огороде хозяйки дома, в баньке, устроили небольшой храм.

5 ноября 1943 года ярославским НКГБ епископ Василий был арестован и 7 ноября заключен в ярославскую внутреннюю тюрьму. Конфискованного имущества у владыки оказалось немного: один ветхий подрясник, деревянный крестик, иконка, детская игрушка, кожаный ремень и расческа. При приеме в тюрьму врач поставил диагноз: миокардит и рекомендовал легкую работу. Владыке было шестьдесят восемь лет.

Допросы начались на следующий же день. И в тот же день ночью. И на следующий день. И на следующий день. И снова ночью. Следователей было двое, и они менялись. Иногда их сменял третий следователь. Епископа допрашивали, не давая ему спать по многу суток.

Следственный конвейер, когда многосуточно не давали спать, пытка голодом на фоне немощей и болезней старости сломили волю к сопротивлению следственным домыслам. И когда следователь в очередной раз принес загодя отпечатанный на машинке протокол допроса, владыка его подписал; он решил говорить хоть как-то, объяснять хоть что-то. Долго рассказывал о своем религиозном пути. Как был до революции в Англии и с интересом там наблюдал за христианским студенческим движением, как вернулся в Россию и здесь сам стал участником московского студенческого кружка. Как впоследствии сам создал "евангельские кружки" и что к октябрьскому перевороту отнесся совершенно отрицательно. Некоторое время думал, что в результате закона об отделении Церкви от государства она обретет свободу от государственного насилия, но скоро государство открыло жесточайшее гонение на Церковь, и тогда он уехал в Кинешму к отцу.

Следователь записывал по-своему: "Объединив вокруг себя недовольных советской властью лиц из числа сторонников нелегальной церкви, проживающих в городах и районах Ивановской и Ярославской областей, создавал антисоветскую организацию и руководил ею до момента своего ареста, вынашивая в себе надежду на неизбежность изменения у нас в стране политического строя..."

В январе 1944 года из НКГБ СССР телеграфировали в Ярославль, чтобы епископа Василия переслали этапом в Москву во внутреннюю тюрьму.

Измученный двухмесячным пребыванием в ярославской тюрьме и допросами, едва живым был доставлен святитель в Москву. При приеме во внутреннюю тюрьму НКГБ 26 января врач поставил диагноз: миокардит, артериосклероз, истощение и выписал направление в больницу.

В конце января владыку отправили в больницу Бутырской тюрьмы. Но пробыл он здесь недолго. Через две недели его перевели во внутреннюю тюрьму НКГБ для допросов. Допрашивал владыку майор госбезопасности Полянский.

Епископа Василия включили в одно "дело" с епископом Афанасием (Сахаровым), которого также доставили в Москву.

13 июля епископа перевели в Бутырскую тюрьму и здесь объявили приговор: пять лет ссылки, после чего у владыки случился тяжелый сердечный приступ.

Общим этапом он был отправлен в тюрьму города Красноярска, где ему объявили, что до места ссылки в село Бирилюссы он должен следовать сам. Кроме подрясника, иконки, креста у владыки не было ничего; он нашел крохотный клочок бумаги и написал

заявление в красноярский НКГБ, чтобы из денег, отобранных при аресте, ему выдали хотя бы сто рублей на первоначальное обзаведение.

Глухое сибирское село, заброшенное среди речек и бескрайних лесов. Нравы молодежи развращены безбожием и ужесточены войной. От происходящей кругом жестокости даже малые дети дичали. Долго епископ не мог найти себе квартиру и, наконец, поселился в доме вдовы, имевшей трех малолетних детей. Когда владыка молился, они скатывали из конского навоза шарики и бросали ими в святителя со словами: "На, дедушка, покушай".

Вскоре Господь даровал ему некоторое облегчение: верующие женщины нашли ему другую квартиру. Хозяйка была одинока, и у нее в это время жила ссыльная монахиня.

Подвижнические труды, годы заключения и ссылок подорвали здоровье святителя, он начал сильно болеть, в Бирилюссах с ним случился частичный паралич, теперь ему стало трудно ходить и требовался уход.

13 августа 1945 года епископ почувствовал приближение смерти и позвал жившую у хозяйки монахиню. Он попросил ее прочесть канон на исход души. Монахиня начала неспешное чтение, владыка молился. Когда она прочла последнюю молитву, святитель сам твердым голосом произнес: "Аминь", - и тихо почил.

Через 40 лет, 5/18 октября 1985 года, обретены были честные останки святителя и перевезены в Москву.

В июле 1993 года мощи епископа Василия были перенесены в Свято-Введенский женский монастырь города Иванова. В августе того же года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил местное почитание святого. 13 августа в Свято-Введенском женском монастыре был отслужен первый молебен святителю Василию Кинешемскому.

Из духовного наследия епископа Василия сохранились проповеди, но в наибольшей полноте - "Беседы на Евангелие от Марка", в которых явственно слышится голос великого проповедника, обратившего сердца многих людей ко Христу.

Священномученик Василий (Виноградов) (память 15 декабря по старому стилю)

1929 год государство объявило началом новых гонений на Православную Церковь. 11 мая 1931 года милиционер села Толмачи Тверской области, где служил священник Василий Виноградов, подал рапорт начальнику ОГПУ: "Довожу до Вашего сведения, что по Вашему поручению мною установлено следующее. На квартире попа Виноградова были вечером 11 мая следующие граждане. Была монашенка Соколова... служит сторожем в церкви. Сестра попа Виноградова, Анна. И племянницы его, Виноградова, Улита и Мария из деревни Дубнихи. И с ними же была гостья, неизвестно откуда. Притом же был мужик из деревни Воробьево по имени Михаил. Потом из деревни Иваньково, фамилия его неизвестна..."

Этого рапорта оказалось достаточно, чтобы принять решение об аресте ни в чем, кроме принадлежности к церкви, не виновных людей. 29 мая 1931 года священник Василий Виноградов, монахиня Анна Кузнецова и послушница Прасковья Соколова, подвизавшиеся в женском монастыре в Торжке, пока тот не был закрыт, были арестованы и заключены в Тверскую тюрьму.

В конце июня ОГПУ стало собирать материалы для обвинения священника, монахини и послушницы. Были вызваны свидетели, которые дали показания, какие требовал от них следователь ГПУ. Это и агитация против колхозов, в результате чего будто бы некоторые из них развалились, а некоторые крестьянские хозяйства так и не объединились в колхозы,

и распространение слухов о скорой гибели советской власти, и агитация за то, чтобы крестьяне не сдавали излишки хлеба властям.

После того как некоторые крестьяне были записаны в кулаки и высланы, а их дома и хозяйственные постройки переданы колхозу, монахиня Анна и послушница Прасковья будто бы уговаривали крестьян не брать чужого добра, так как им от этого не будет никакой пользы.

Лжесвидетели дали показания и о том, будто Анна и Прасковья уговаривали крестьян не сдавать государству излишков хлеба, так как обратно они ничего не получат, и, указывая на пустые полки магазина, говорили, что одни мыши теперь по пустым полкам бегают, а не так было раньше, когда товаров и продуктов сколько угодно продавали, на дом возили, в долг давали и под самые незначительные проценты. О священнике Василии Виноградове лжесвидетели показали, будто он, когда собирает у себя дома некоторых прихожан на репетиции церковного пения, делает это только для вида, а на самом деле занимается антисоветской агитацией. Один из лжесвидетелей сказал, что священник и монахини рассылали по деревням листовки (ни сам он, ни следователи этих листовок не видели и не представили их в качестве вещественных доказательств), в которых будто бы писалось, что нужно держаться церкви, что наше единственное спасение - в церкви и в вере, что без них наш народ пропадет.

Поскольку формулировки обвинений были одинаковы и перед следствием не ставилась задача выяснения неизвестных обстоятельств, а лишь юридическое оформление документов на арест и заключение гонимых православных, то следователь все опросы свидетелей обвинения провел в течение двух дней - 20 и 21 июня. На допросы о. Василий, монахиня и послушница были вызваны 2 июля.

Следователю не хотелось зачитывать показания свидетелей, которые даже для него были неубедительны, не хотелось называть их имен и устраивать очные ставки. И потому он попросил священника рассказать о себе, что тот и сделал.

Священномученик Василий (Василий Алексеевич Виноградов) родился 24 июня 1891 года в деревне Дубниха Толмачевской волости Бежецкого уезда Тверской губернии в благочестивой крестьянской семье. До пятнадцати лет он жил со своими родителями; окончил земскую школу; в 1907 году Василий Алексеевич поступил в Соловецкий монастырь, где прожил до 1913 года. Юноша предполагал остаться в полюбившемся ему монастыре на всю жизнь, но в 1913 году тяжело заболел и, по-видимому не надеясь уже и выздороветь, уехал повидаться с родителями и пробыл дома до 1914 года. Однако он выздоровел, вернулся в Соловецкий монастырь и подвизался в нем до 1919 года. Начинались гонения, монастырь стал подвергаться набегам большевиков, и стало ясно, что дни его существования сочтены. Василий Алексеевич уехал к себе на родину в деревню Дубниха.

В 1923 году он поступил псаломщиком в Покровскую церковь в селе Новый Стан; в 1927 году был рукоположен в сан диакона, а затем в сан священника. В 1929 году власти арестовали его за то, что он не смог сдать требуемого от него количества зерна. Отец Василий был приговорен к полугоду принудительных работ и штрафу. Вернувшись из заключения, он поступил служить в храм села Толмачи, где прослужил до своего ареста в 1931 году.

Следователь спросил, считает ли священник себя виновным в антисоветской агитации; на это о. Василий твердо и решительно ответил: "Виновным себя в антисоветской агитации не признаю".

Послушница Прасковья Соколова (ей было тогда пятьдесят восемь лет, в монастыре она прожила двадцать пять лет) на вопросы следователя ответила так: "По существу дела я могу показать, что антисоветской агитации я никакой не вела, в предъявленном обвинении виновной себя не признаю".

Так же ответила и монахиня Анна Кузнецова, жившая после закрытия монастыря у брата и воспитывавшая племянников (ей в то время было шестьдесят лет, в монастыре она

прожила десять лет). Через несколько дней, 6 июля, было составлено обвинительное заключение; 11 июля Тройка при ОГПУ вынесла постановление: священника Василия Виноградова заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года; послушницу Прасковью Соколову и монахиню Анну Кузнецову выслать этапом в Казахстан сроком на три года.

В 1934 году о. Василий вернулся из исправительно-трудового лагеря домой, в родную Тверскую область, испытав тюремное заключение, утомительные этапы, изнурительную каторжную работу в лагере, когда и лагерное начальство, и само окружение, состоящее зачастую из воров и убийц, превращали условия непосильные в физическом отношении в условия крайне тяжелые в отношении нравственном. Но и пройдя в течение трех лет этот крестный путь, о. Василий не собирался оставлять службу в храме, отказываться от духовного окормления паствы, от служения Божественной литургии.

Теперь он служил в храме села Селезениха Лихославльского района. Ничуть не уступил он безбожию - так же проповедовал, так же ходил по домам прихожан с молебнами. Он служил и жил так, словно не было никаких гонений. Таких священников и боялись Сталин и коммунистические правители. На таких священников не действовали ни угрозы, ни материальное утеснение, ни тюрьма, ни каторжная работа - ничто не могло принудить их отказаться от веры и служения Русской Православной Церкви.

В 1937 году был составлен указ об арестах и расстрелах церковно-священнослужителей и православных мирян. Для того чтобы получить начальные сведения, которые могли послужить основанием для ареста, НКВД требовал от председателей сельсоветов пофамильные характеристики на жителей категорий, планировавшихся для ареста. Председатель Селезениховского сельсовета написал соответствующую характеристику и на о. Василия: "Прибыл Виноградов В. А. в село Селезениха в 1934 году из Новокарельского района. Виноградов В. А., проживая и служа при церкви в селе Селезениха, окружал себя подозрительными, без определенных занятий лицами, якшался с бывшими кулаками, как например, с Лебедевым Василием Ивановичем, каковой арестован органами НКВД за контрреволюционную агитацию. Виноградов, проживая на территории Селезениховского сельсовета, не подчинялся сельсовету, без разрешения сельсовета производил подворные обходы крестьянских дворов, за что был оштрафован в 1935 году на 200 рублей, но, не обращая внимания на штраф, он продолжал это делать. Мало этого, он подговаривал женщин, которые толпой приходили в сельсовет и нарушали общественный порядок. Проводил агитацию среди верующих женщин и вообще населения, извращая сталинскую конституцию в своих религиозных целях, указывая, что сталинская конституция разрешает подворные обходы... Среди верующих проводит антисоветскую агитацию за соблюдение религиозных праздников, а этим самым срывает полевые работы...".

В ночь с 21 на 22 декабря священник был арестован. Следствие проводилось стремительно. 23 декабря следователь допросил председателя сельсовета на предмет того, чтобы тот подтвердил в своих показаниях данную им характеристику.

- Расскажите, с кем в селе священник Виноградов имел тесную связь из бывших кулаков и лиц антисоветски настроенных, - спросил следователь.

- Виноградов имел тесную дружбу с кулаком Лебедевым. Я сам лично хорошо видел, как кулак Лебедев систематически посещал священника Виноградова на квартире... Кроме этого, священник Виноградов группировал вокруг себя людей из кулацкой родни и лиц, подозрительных по социальному происхождению.

- Священник Виноградов производил неразрешенные обходы крестьян с религиозными обрядами?

- Да, производил. Без разрешения Виноградов начал обход крестьян в 1935 году, за что был оштрафован на 200 рублей, кроме этого, он делал обход без разрешения в 1936 году, я сам лично, обнаружив это, предложил ему прекратить обход. Почти перед каждым праздником Виноградов приходит в сельсовет и требует разрешения на обход. При

требовании разрешения на обход, Виноградов старался сослаться на конституцию, он говорил, что конституция разрешает делать обходы, а вы не разрешаете, то есть Виноградов в своих разговорах истолковывал в обратном смысле в своих интересах сталинскую конституцию, что делал и среди колхозников, и других лиц, окружавших его.

- Что вам еще известно об антисоветских разговорах священника Виноградова?

- При уплате самообложения и подоходного налога в конце этого года Виноградов, будучи в сельсовете, в присутствии колхозников, выражал свои антисоветские настроения. Он говорил, что советская власть неправильно насчитывает на него подоходный налог и самообложение, что сумму дохода государство выдумало и требует платить незаконно, таких доходов у него нет. Кроме этого, как я указывал выше, Виноградов выражал недовольство сталинской конституцией, проводил антисоветскую агитацию среди окружающих его женщин о том, что якобы сельсовет виноват, что не разрешает делать подворные обходы, посылал их ко мне, и они, приходя ко мне, устраивали скандал, требуя разрешения.

В тот же день следователь допросил председателя местного колхоза, который отвечал на вопросы сдержанно, не присочинял от себя того, что хотел бы услышать следователь.

- С кем из лиц, антисоветски настроенных, и бывших кулаков Виноградов имел тесную связь? - спросил следователь.

- Виноградов имел связь с кулаком Лебедевым, который часто посещал Виноградова, состоял в церковном совете. В настоящее время Лебедев арестован за контрреволюционную агитацию среди населения. Кроме этого, Виноградов группировал вокруг себя лиц из кулацкой родни...

- Виноградов производил ли обходы с религиозными обрядами крестьян?

- Да, производил. В 1935 году он производил обход крестьян села Селезенихи без разрешения сельсовета, за что был оштрафован сельсоветом на 200 рублей.

- Что вам известно об антисоветском настроении Виноградова и о его контрреволюционной агитации среди населения?

Контрреволюционной агитации от Виноградова я не слышал, и о его антисоветском настроении мне ничего не известно.

Вызвали на допрос председателя церковного совета.

- Расскажите, что вам известно об антисоветских разговорах священника Виноградова.

- Будучи председателем церковного совета, я с Виноградовым имел беседы. В беседах со мною Виноградов говорил, что вот, люди забыли Бога, не ходят в церковь, во всем этом виновата советская власть. По вопросу неразрешений обходов по селениям Виноградов посылал меня хлопотать в РИК, но я не ходил. В части сбора денег с населения, я не ходил, Виноградов посылал собирать деньги женщин, которые, обходя деревни, и собирали. Других фактов антисоветского высказывания я не знаю и от Виноградова не слышал.

Собранных против священника сведений показалось следователю недостаточно, и он допросил секретаря Селезениховского сельсовета. Но и тот ничего особенного не добавил.

- Расскажите, с кем из кулаков или лиц, антисоветски настроенных, Виноградов имел тесную связь, - спросил следователь.

- Виноградов имел тесную связь с бывшим кулаком Лебедевым Василием Ивановичем, каковой в прошлом имел конный маслобойный завод, а в настоящее время арестован за контрреволюционную агитацию среди населения. Я сам лично несколько раз видел летом, примерно в июле и в августе, как Лебедев беседовал на улице со священником Виноградовым. Кроме этого, я видел, как Лебедев заходил на квартиру к Виноградову. Посещал Лебедев квартиру Виноградова систематически, в особенности летом, почти каждый день. О чем у них происходили беседы, мне неизвестно.

- Расскажите, каково отношение Виноградова к проводимым мероприятиям партии и советской власти.

- Отношение его к мероприятиям партии и советской власти отрицательное. Помню, в моем присутствии и в присутствии председателя сельсовета и колхозников Виноградов, регистрируя квитанцию об уплате, говорил, что советская власть берет с него самообложение неверно и неправильно, что дохода у него такого нет. Неправильно насчитывают и заставляют платить за выдуманную сумму дохода. Этот разговор Виноградова был в канцелярии сельсовета 29 сентября 1937 года.

- Кто приезжал к Виноградову и куда выезжал он?

- Кто приезжал к Виноградову, я не знаю, в части же его выезда, это мне известно. Примерно в октябре месяце он выезжал в Рамешковский район якобы по причинам перевода его туда, но вернулся обратно через день и уже никуда не выезжал.

Все эти люди были допрошены в течение двух дней после ареста священника - 22 и 23 декабря. Тогда же, 23 декабря, следователь допросил о. Василия.

- Вы, Виноградов, обвиняетесь в том, что систематически среди окружающего населения проводили активную антисоветскую агитацию против существующего строя. Признаете ли вы себя виновным и в чем именно? - спросил он.

- Я, Виноградов, в антисоветской агитации среди окружающего населения виновным себя не признаю и отдельных разговоров антисоветского характера не проводил.

- Расскажите, с какого года вы стали служителем культа?

- С 1907 года и по 1919 год я был насельником Соловецкого монастыря, с 1923 года я был псаломщиком, а затем дьяконом, а потом священником.

- Сколько раз вы были судимы и за что?

- Судим я был два раза, первый раз был судим в 1929 году... присужден был к шести месяцам принудительных работ. Второй раз был судим по статье 58 пункт 10 УК к трем годам лишения свободы, срок наказания отбыл.

На этом допрос был окончен; на следующий день было составлено обвинительное заключение и дело передано на решение Тройки НКВД. 26 декабря Тройка приговорила священника к расстрелу. Священник Василий Виноградов был расстрелян 28 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Василий Надеждин (память 19 февраля по старому стилю)

Священномученик Василий родился 12 января 1895 года в Москве в семье служащего Дворцового управления Федора Алексеевича и его супруги Софии Павловны Надеждиных. Он был пятым из шести детей - трех сыновей и трех дочерей.

В роду Надеждиных многие служили в церкви псаломщиками, а отец Федора Алексеевича был диаконом. По семейному преданию, отрок Василий как-то проводил до дому старенького батюшку, который благословил его иконой святителя Николая и предсказал, что он тоже станет священником.

Примером веры и благочестия для мальчика с юных лет были родители, воспитывавшие детей в христианской вере. Его отец уже в преклонных летах писал: "В старину я слышал изречение "Дети - благословение Божие". Оглядываясь на прожитое мною долголетие и припоминая виденное мною в течение этого долголетия, конечно, я непререкаемо убедился в великой правде этого изречения. И меня лично не раз спасало от многих житейских искривлений сознание о моем долге и обязанностях перед детьми, в чем и видел благословение Божие".

Семья Надеждиных состояла в приходе Покровской церкви в Большом Левшинском переулке. Федор Алексеевич многие годы был старостой этого храма, и кончина его последовала в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, 14 октября 1935 года.

Василий с четырнадцати лет пел в церковном хоре Покровского храма, а впоследствии и регентовал, организовав хор из прихожан. В 1910 году по окончании Заиконоспасского духовного училища он поступил в Московскую духовную семинарию.

Большое участие в будущем пастыре принял его родственник архиепископ Анастасий (Грибановский; U 1965 г.). В 1914-1915 годах юноша ездил к нему в Холмскую епархию. В это время он сблизился и с архимандритом Сергием (Королевым) из Яблочинского Онуфриевского монастыря, впоследствии архиепископом Казанским и Чистопольским (U 1952 г.), о чем писал родителям в мае 1915 года: "Мы с ним не расставались, ходили пешком в их Белоозерский скит, и я пришел в восторг, когда увидел Белое озеро... переплыли его на лодке...

Обратно ехали на лошадях. Это было в субботу. Всенощная продолжалась с шести до десяти с половиной часов, но она была настолько хороша и благолепна, что я выстоял ее всю без особого утомления. Был за монастырской трапезой. Едят здесь очень скромно. Я все любовался, как мой о. Сергий превращался в торжественного архимандрита в трапезе и церкви. Я ему сказал это; он рассмеялся: "А то как же! А вы думаете, мы только босиком умеем ходить!.." (Он шел лесом в скит и там ходил босым.) Мы с ним много говорили об идеальном пастырстве..."

В 1916 году Василий успешно закончил семинарию. Он жаждал знаний и хотел поступить на философское отделение историко- филологического факультета Московского университета, а затем продолжить образование в Духовной академии. В письме к владыке Анастасию он писал: "...я хочу окончить Духовную академию и быть священником - это решение подсказывает мне моя душа, которую привлекает пастырская деятельность. Я знаю (и это бесспорно), что чем солиднее, обширнее и значительнее будет мое образование, тем ценнее для дела Церкви и интереснее для меня самого будет моя деятельность как пастыря".

В конце концов было принято решение сразу поступать в Московскую духовную академию. К вступительным экзаменам юноша готовился в Молдавии, куда к тому времени был переведен преосвященный Анастасий. "Я тут совсем пустынником заделался, - сообщал он родным, - одичал и оброс, целые дни провожу в одиночестве и в молчании, брожу по опушке леса с книгами..."

На первом курсе академии Василий записался в группу по изучению истории западных вероисповеданий и их критики с позиции Православия. С воодушевлением приступив к занятиям, он стремился полностью уйти в "интересную и серьезную работу".

Из-за вызванного первой мировой войной тяжелого экономического положения осенний семестр 1916/17 учебного года закончился 1 ноября, а весенний должен был начаться лишь 20 февраля. В конце ноября Василий Федорович был приглашен преподавать Закон Божий детям графа Медема, Федору и Софии. Имение Медемов, хутор "Александрия", находилось в Хвалынском уезде Саратовской губернии. Вскоре его обитатели искренно привязались к молодому учителю. "Мы медленно, но верно сближаемся, - писал он своей будущей супруге Елене Сергеевне Борисоглебской, - во-первых, конечно, с Федей, который очень охотно приходит ко мне и помимо уроков... мешает заниматься, извиняется и спешит уходить, а мне жалко прогонять его... Особенно горячо с ним беседуем на уроках Закона Божия. Сегодня немного поколебались: как нам быть с седьмою заповедию... пропустить или учить? Я решил, что надо и ее пройти, и стал ему объяснять... Он внимательно слушал, но... сидел ко мне почти спиной... хороший! Софинька тоже ко мне уже привыкла, так много задает вопросов на уроке, что я хорошо устаю после двух уроков подряд по Закону Божию (Феди и ее)".

Рождественским постом 1916 года законоучитель принимал участие в богослужениях в усадебной церкви, много читал и пел с певчими и в праздник Рождества Христова за Божественной литургией произнес небольшую проповедь, в которой говорил, что, несмотря на переживаемые Россией потери, православные русские люди должны иметь

радость во Христе, ибо защитники Отечества приняли на себя иго Христово и исполняют Его заповедь: любить до смерти.

В конце февраля для продолжения учебы Василий возвратился в Сергиев Посад. Это были первые дни революции. Известие об отречении императора Николая II от престола и образовании республики многими студентами академии было встречено с ликованием. Однако Василий Федорович, разделявший общее оживление из-за наступивших в России перемен, писал: "Бог даст, республики и не будет. Она нам мало к лицу".

После окончания весеннего семестра возобновились занятия с детьми графа Медема. В Петров день Василий Федорович произнес в сельской церкви проповедь, где говорил, что "многие... не в состоянии оценить подвигов апостолов Петра и Павла, узнать внутреннюю историю их подвижничества... Все происходящее: неповиновение властям, грабежи, захваты, самосуды-убийства (в Сызрани толпа... разорвала на куски двух братьев-купцов, совершенно не повинных ни в чем) и успехи проповеди социалистов и анархистов, явно антихристианской, свидетельствуют о том, что большая часть русского народа совершенно не просвещена христианством", и предупреждал о приближении "к последним временам, как их описывает апостол Павел". Это вызвало раздражение у революционно настроенной деревенской молодежи, и проповеднику угрожали близкой расправой.

К началу нового учебного года Василий Надеждин вернулся в академию. Там было "холодно, голодно и неуютно", условия содержания студентов стали еще хуже, сократилось число лекций и зачетов, но зато была введена новая программа и лекции по Новому Завету читал священномученик Иларион (Троицкий; U 1929 г.).

В ноябре 1917 года Василий Федорович переживал большой духовный подъем, посещая заседания Поместного Собора. Он помышлял о том, чтобы в будущем принять священный сан, и советовался с преосвященным Анастасием, также присутствовавшим на Соборе, о возможности устроиться псаломщиком в один из московских приходов.

В начале 1918 года Василий Федорович был помолвлен с дочерью певца Большого театра Сергея Алексеевича Борисоглебского Еленой Сергеевной. "С одной стороны, - писал он, - для меня так невыразимо приятно сознавать, что у меня нет и не может быть никакой иной любви и привязанности, как только к тебе. С другой стороны, я вполне сознаю, что недостоин тебя, и не стою тебя, и не знаю, когда установится между нами равновесие. Кажется мне, что ты больше обогатила меня своим "невестием", чем я тебя - своим "жениховством". В последние дни Страстной седмицы он делился своими душевными переживаниями: "Как грустно мне слышать твой тихий, усталый голос и подозревать за ним... непраздничное настроение. Надеюсь, что не будет этого в Светлые дни Пасхи. Что бы ни было - они должны быть для нас всегда светлыми, всегда радостными. Сегодня плащаница возвратила мне Христа моего, Которого я так боюсь всегда терять из сердца, из души, а последнее теперь так часто угрожает... Теряется и губится душа в житейской суматохе; если бы ты знала, как это я теперь почувствовал на своем горьком опыте. Блажени воистину, яже избрал и приял еси, Господи, и, конечно, память их - в род и род, а не с шумом мимоидет..."

С установлением советской власти в России наступили времена гонений на веру и Церковь. "У Церкви отнято все имущество буквально, - писал Василий Федорович невесте в начале сентября, - храмы с утварью по особому соглашению будут передаваться Совдепом приходским общинам в бесплатное, бессрочное пользование. Закон Божий окончательно изгнан из школы, и все духовные школы закрыты; никому не разрешается учить и учиться в школах религии до восемнадцатилетнего возраста, за исключением богословских школ... Академии не то закрыты, не то нет...

Мне больно и жутко не за себя, не за тебя... но за многих русских людей, губящих свои души...

"Борьба за душу человеческую", - сказал Луначарский. Нет, не борьба, но только стихийное антихристово душегубительство - и несть изымаяй".

После Успенского поста возобновились занятия в академии. Учение доставляло Василию Федоровичу большую радость, он чувствовал себя "как рыба в воде". Весной 1919 года, на пятой неделе Великого поста, Московская духовная академия была закрыта. В Москве свирепствовал голод и эпидемия сыпного тифа. Чтобы поддержать овдовевшую сестру Екатерину с тремя малолетними сыновьями, Василий Федорович уехал с нею в Пензенскую губернию, в село Никольский Поим, к своему другу священнику Иоанну Козлову. Там он устроился в местную гимназию учителем математики.

С начала 1919 года в России повсеместно вскрывались и изымались мощи угодников Божиих. Великим постом было получено известие о поругании святых мощей в Воронеже, и 23 марта в проповеди отец Иоанн обличал эти действия властей.

В апреле Василий Федорович приехал в Москву и 27-го, в Фомино воскресенье, обвенчался с Еленой Сергеевной. После венчания он с женою возвратился в село, где жил и учительствовал до 1921 года. В эти годы, самоотверженно трудясь, неся тяготы и скорби своих близких, он укреплялся духом и созревал для служения своей будущей пастве. После кончины сестры Анны, также жившей в Поиме на его попечении, Василий получил письмо от отца: "Бедный наш мальчик, как много жизненных осложнений свалилось на твою милую головку! Утешаюсь мыслию, что, может быть, Господь Бог испытует Своего избранника. А все-таки, несмотря ни на какие личные невзгоды и напасти, следует спешить делать добро".

Для завершения образования Василий Федорович в июле 1920 года приехал в Москву; экзамены выпускники академии сдавали на квартире отца Владимира Страхова. В марте 1921 года будущий пастырь переехал ближе к Москве и устроился счетоводом в Построечном управлении узкоколейки Орехово-Зуево. Вскоре вместе с Еленой Сергеевной и сыном Даниилом он поселился у тестя в Петровско-Разумовском.

3 июля 1921 года, в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, Василий Феодорович был рукоположен святым Патриархом Тихоном в диакона, а 7 июля, в праздник Рождества Иоанна Предтечи, - в иерея к храму Святителя и чудотворца Николая у Соломенной Сторожки.

Никольский храм был построен усердием офицеров расквартированной здесь 675-й пешей Тульской дружины по проекту архитектора Федора Шехтеля и освящен епископом Можайским Димитрием (Добросердовым) в 1916 году. Он располагался на земле Сельскохозяйственного института и был приписан к институтской Петропавловской церкви. После революции церковь была закрыта, как и все храмы при учебных заведениях, и ее прихожане перешли в Никольский храм.

Приход Соломенной Сторожки в основном составляла научная интеллигенция, жители поселка при Сельскохозяйственном институте. Группа профессоров института обратилась к отцу Василию с просьбой заняться христианским просвещением их детей, и батюшка, многие годы сознательно готовившийся к пастырской деятельности, с радостью принял это предложение. Он сумел привлечь к участию в богослужении приходскую молодежь, из которой составился прекрасный церковный хор; вел с духовными детьми беседы об основах православного вероучения; посещал с ними концерты классической музыки, разбирал литературные произведения. Просветительской деятельностью среди молодежи занимались по его благословению и некоторые члены общины.

Обязанности пастыря, заботы о духовных детях отец Василий ставил выше всего. Характерен следующий эпизод. В январе 1927 года в семье Надеждиных родился сын Сергей. Елена Сергеевна, находившаяся в клинике, ожидала прихода батюшки, но на этот день был назначен доклад Николая Степановича Педашенко о первых веках христианства, на котором отцу Василию необходимо было присутствовать, и он попросил навестить матушку Сергея Алексеевича Никитина (впоследствии епископа Стефана). "Я не могу никому позволить вмешиваться в мою пастырскую деятельность, которая у меня всегда будет на первом плане, - писал он. - Ты это знаешь и понимаешь меня, а потому и не будешь осуждать меня или сердиться на меня как жена моя".

В 1920-е годы в доме Клушанцевых на Михалковской улице была устроена своего рода начальная школа для небольшой группы детей прихожан Никольского храма, в которой отец Василий преподавал Закон Божий и общеобразовательные предметы.

Всегда носивший в душе радость о Господе, он имел особый дар сообщать ее своей пастве. Прихожане вспоминают, что крестный ход в день Святой Пасхи начинался с того, что батюшка выходил из царских врат и запевал: "Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех..." За ним стихиру подхватывал весь храм.

За год до ареста у отца Василия началось обострение туберкулеза, и ему пришлось уехать на лечение в Башкирию. По его просьбе в храме у Соломенной Сторожки в это время служил священномученик Владимир Амбарцумов († 1937 г.).

В Башкирии он сблизился с местными священниками, Иоанном и Сергием. Письма, которые батюшка присылал своим духовным детям, они читали все вместе, вслух. "Служат здесь хорошо, - писал он. - Уставнее нашего. Это очень приятно, когда духовенство на высоте...

Местный архиерей обязал священников всякое таинство предварять объяснительным поучением... Вот это правильно, а мы еще не додумались до этого... Стоял и вспоминал мою церковку. Как-то у вас там все?"

По возвращении домой, 28 октября 1929 года, отец Василий был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. При обыске он сумел передать матушке письмо, обнаружение которого могло повлечь за собою арест его духовного чада. 1 ноября на допросе заключенный дал следующие "показания по существу дела": "Что касается степени моей политической грамотности, то я совершенно теряюсь при политике в жизни. Я, например, разбирал в свое время трактат Данте "De monarhia" - принимаю или, вернее, мог бы принять его стройную систему: помазанника Божия на престоле, возглавляющего нацию, и т. д. Но практика монархизма меня отталкивает.

У меня действительно был доклад профессора Лосева "Об имени Божием", на котором были Педашенко - сейчас, кажется, безработный, историк; Шенрок - библиотекарь 1-го МГУ; возможно, что Некрасова Лидия Ивановна с дочерью; в общем, было человек до десяти...

О близкой ко мне молодежи могу сказать следующее: пришла ко мне она сама. Все лица, впоследствии бывавшие у меня, были связаны между собой еще школой, где они вместе учились. Вероятно, поэтому они также всей группой и перешли ко мне. У меня в церкви эта молодежь пела в хоре. Собираясь у меня на квартире, молодежь обыкновенно пела из опер под аккомпанемент моей жены. Церковные спевки бывали в церкви. У меня на квартире духовного мы пели мало.

Делал доклад о впечатлениях от моей поездки в Саровскую пустынь, о тех сказаниях, которые связаны с Дивеевым монастырем и Серафимом Саровским. Между прочим, рассказывал им о том, как во исполнение приказания Серафима умерла Елена Мантурова (в послушание, как мы говорим).

Были у меня беседы, посвященные юбилеям Первого Вселенского Собора, Григория Богослова и Василия Великого. Собственно, проповедь в церкви была по этим вопросам, а дома молодежи я читал только некоторые документы той эпохи.

Специальных вопросов по поводу существующего социального порядка и по поводу отдельных моментов взаимоотношения Церкви и государства, равно и чисто политических вопросов, мы никогда не обсуждали. Последние, т. е. политические вопросы, иногда только, и то вскользь, в обывательском разрезе, трактовались у нас; говорили, например, что жестока политика власти по отношению детей лишенцев и к лишенцам вообще. Специально вопросов о лишенцах не разбирали.

В вопросах об арестах церковников я придерживаюсь той точки зрения, что трудно провести грань между церковным и антисоветским и что поэтому со стороны власти возможны перегибы. Только в таком разрезе я и касался этого вопроса в беседах с молодежью, не ставя, конечно, этот вопрос специальной темой для беседы.

Молодежь у меня принимает участие в церковных делах с 1921 года. Всего у меня не больше десяти человек. Пять девочек: две дочери Мерцалова (профессора) (одна из них в 1-м МГУ, по имени Мария, другая - Надежда, еще не держала экзамен), две дочери бывшего торговца, теперь совслужащего Целиева Василия Ивановича, Татьяна и Клавдия (они собираются готовиться в ВУЗ), Елизавета Обыдова (учится на курсах иностранных языков). Кроме того, есть младшие девочки, учащиеся петь в хоре: Калошина, Борисова, Целиева. Из мужской молодежи: Иван Барановский (служит в Тимирязевской академии), Петр Столыпин - сын бывшего священника, теперь работающего в управлении какими-то домами (Столыпин - сезонник в совхозе около Хлебникова), Виталий Некрасов - студент Тимирязевской академии. Остальные - более случайного порядка. Игорь Фортунатов - внук проф. Фортунатова - бывает редко...

Когда у нас затрагивался вопрос об исповедничестве, т. е. о возможности примирения верующих с окружающими условиями, то здесь я проводил такую точку зрения: есть пределы (для каждого различные), в которых каждый христианин может примиряться с окружающей его нехристианской действительностью; при нарушении этих пределов он должен уже примириться с возможностью и неприятных для него лично изменений условий его жизни, иначе он не есть христианин. Христианином надо быть не только по имени..."

В Бутырской тюрьме отец Василий встретился со священномучеником Сергием Мечевым, которого хорошо знал; их беседа продолжалась несколько часов и была очень важной для обоих. Отец Сергий говорил впоследствии, что батюшка уже тогда был готов предстать пред Господом.

Отец Василий был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, но, поскольку не было навигации, остался до весны в Кеми. В бараке его поместили на место заключенного, заболевшего сыпным тифом, и вскоре он тоже заболел. В санчасти с уколом ему внесли инфекцию - и началась гангрена.

Предчувствуя близость смерти, священномученик Василий еще до болезни, 24 декабря 1929 года, написал последнее письмо, которое было получено в день его кончины: "Господи, помоги мне сделать это дело хорошо... Сегодня, в день Ангела моего старшего сынка, моего Додика, мне пришла мысль грустная, но, кажется мне, правильная, что я должен написать прощальное письмо на случай моей смерти... Ибо, если я заболею тифом, то писать уже не смогу, никого из близких не увижу и не услышу, не смогу ничего передать им, кроме этого письма, если оно будет написано заранее и... если Господь устроит так, что оно дойдет до моих близких... Это письмо должно заменить меня, прощание со мною, участие в моих похоронах, которые произойдут здесь без участия моих близких, без их молитвы и слез... Пишу все это спокойно и благодушно, ибо в душе живет неистребимая "надеждинская" надежда, что я вовсе не умру здесь, что я уеду из этого проклятого места и увижу еще всех моих дорогих... Но это будет дело особой милости Божией, которой я, может быть, и не заслужил, - а потому пишу это письмо.

Первое слово к тебе, моя дорогая, любимая, единственная Элинька, моя Ленуся! Прежде всего, благословляю тебя за твою верную любовь, за твою дружбу, за твою преданность мне, за твою неисчерпаемую нежность - неувядающую свежесть любовных отношений, за твою умную чуткость ко всему моему, за твои подвиги и труды, связанные с пятикратным материнством, за все лишения, связанные с твоим замужеством, наконец, за все эти последние слезы разлуки после моего ареста... Да воздаст тебе Господь за все, да вознаградит тебя любовь наших детей, любовь моих печальных родителей (если они переживут меня), моих братьев и сестер, всех моих друзей. Увы, я так мало любил тебя за последние годы, так мало принадлежал тебе духовно; благодарю тебя за наши последние встречи в Ильинском, на Сенеже; благодарю тебя за то, что ты удержала меня при себе и просила не торопиться переезжать на новую квартиру. Как хорошо нам было вместе в нашей кают-компании! Как ярко вспоминаю я наш уют, наш светлый мир, наше семейное счастье, тобою созданное и украшенное! Десять лет безоблачного счастья! Есть что

вспомнить! есть за что следует горячо благодарить Бога. И мы с тобой должны это сделать... во всяком случае - и в том, если ты уже меня не увидишь на этом свете... Да будет воля Божия! Мы дождемся радостного свидания в светлом царстве любви и радости, где уже никто не сможет разлучить нас, - и ты расскажешь мне о том, как прожила ты жизнь без меня, как ты сумела по-христиански воспитать наших детей, как ты сумела внушить им ужас и отвращение к мрачному безбожному мировоззрению и запечатлеть в их сердцах светлый образ Христа.

Прошу тебя, не унывай, я буду с тобой силою моей любви, которая "никогда не отпадает". Мое желание: воспитай детей церковно и сделай их образованными по-европейски и по-русски: пусть мои дети сумеют понять и полюбить книги своего отца и воспринять ту высокую культуру, которой он дышал и жил. Приобщи их к духовному опыту и к искусству, какому угодно, лишь бы подлинному. Кто-то из моих сыновей должен быть священником, чтобы продолжать служение отца и возносить за него молитвы. Ведь я так мало успел сделать и так много хотел! Элинька, милая моя! Если бы ты знала, если бы знали люди, как мне легко было любить и как я был счастлив чувствовать себя в центре любви, излучающейся от меня и ко мне возвращающейся. Как мне сладко было быть священником! Да простит мне Господь мои слабости и грехи по вашим святым молитвам! Благодарю тебя за твою музыку, за музыку души твоей, которую я услышал. Прости, родная! Мир тебе. Люблю тебя навсегда, вечно..."

Узнав о болезни отца Василия, матушка добилась разрешения приехать к умирающему мужу. Она писала родным из Кеми:

"Хожу утром и вечером вдоль деревянного забора с проволокой наверху и дохожу до лазарета, где лежит мое кроткое угасающее солнышко. Вижу верхнюю часть замерзшего окна и посылаю привет и молюсь. В три часа делаю передачу молока, бульона (кур здесь достать можно), получаю его расписку, написанную слабым почерком. Вот и все! Ночь проходит в тоске и мучительных снах. Каждый раз, как отворяется дверь нашей квартиры, я смотрю, не пришли ли сказать роковую весть...

Его остригли, изменился он сильно и исхудал, говорят, перевязки мучительны и изнуряют его...Я так счастлива, что живу здесь и могу помочь ему хоть сколько-нибудь... Прошу отца Владимира помолиться; на Маросейку и Дмитр. передайте..."

В день кончины, 19 февраля 1930 года, священномученик Василий сподобился принятия Святых Христовых Таин. Последние слова его были: "Господи, спаси благочестивыя и услыши ны". Начальник лагеря разрешил Елене Сергеевне молиться ночью около умершего и предать его тело погребению.

Один из знавших отца Василия, Николай Николаевич Линдрот, писал:

"С чувством глубочайшей скорби и любви преклоняюсь перед свежей могилой незабвенного, безвинного страдальца. Не сбылись горячие желание и надежда, теплившиеся в сердце, на выздоровление отца Василия, и он умер в тяжелых условиях жертвы жестокого режима. Господь отозвал к Себе одного из лучших сынов Своих и прекратил страдания его. Он перешел туда, в другую жизнь, как пастырь добрый, положивший душу свою "за овцы своя". А что он действительно положил жизнь свою "за овцы своя", об этом свидетельствует все его служение на ниве Христовой, на пути, предуказанном ему свыше. Он горел пламенной верой ко Христу и к Его Церкви и этим ярким светом объединял, поддерживал, укреплял, воодушевлял всех страждущих и жаждущих утешения в Церкви Христовой. Умер не только близкий, родной нам человек, добрый, нежный, славный, бесконечно кроткий, но умер пастырь с твердым духом, редкий по дарованиям, высоко державший чистоту Православия и безбоязненно, мужественно проповедовавший слово правды Божией. Он был не из тех бездушных трафаретов, о которых говорится: "ни горяч, ни холоден". Он был именно горяч и отдал всего себя на служение Богу. Не стало дорогого отца Василия, но земная жизнь его не угасла: остались его дела, его слова, его память, а главное, осталась часть его самого - его молодые ростки, его дети, и дай Бог, чтобы они были такие же чистые и светлые умом и сердцем, такие же

твердые и мужественные в своих убеждения, каков был их отец, а также верная спутница его жизни до последних минут - их мать. Если в настоящее время кем-либо пишется история нашей Церкви, то я думаю, что отец Василий перейдет к потомству как славный, неутомимый ревнитель Церкви, пострадавший и отдавший жизнь свою за укрепление Христова учения в бурное для него время..."

На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года священник Василий Надеждин был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских. Память его совершается в день кончины, 19 февраля.

Тропарь, глас 2

Кротким нравом Христовым измлада украшенный, заповеди Божия возлюбив всею душею и всем сердцем, явился еси пастве твоей пастырь добрый, якоже и Бог Спас наш, душу твою полагаяй за овцы твоя. Моли Человеколюбца Бога, отче священномучениче Василие, спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

О славе Божией и вере православной ревнуя, отче священномучениче Василие, священническое служение на земли достойно совершил еси, с радостию и благодарением престолу Божию предстоя и паству твою наставляя. Незлобив сый и кроток, пред учители явился еси адамант твердый, и славя Христа, из узилища мрачнаго в вожделенныя горния обители отшел еси. Темже ныне, в лице святых мучеников Триединаго Бога воспевая, огради нас, любовию тебе чтущих, молитвами твоими.

Священномученики протоиереи Василий Соколов, Христофор Надеждин, Александр Заозерский, преподобномученик иеромонах Макарий Телегин, и мученик Сергий Тихомиров (память 20 мая по старому стилю)

Протоиерей Христофор Надеждин, настоятель церкви Иоанна Воина (что на Якиманке), родился 21 февраля 1869 года в семье священника Рязанской губернии Зарайскаго уезда Нижне-белоомутского села.

Окончил Зарайское Духовное училище, Рязанскую Духовную Семинарию, а в 1897 году - Московскую Духовную Академию. Служил он в Москве с 1901 года. В 20-х числах марта 1922 года батюшка был арестован по "делу об изъятии церковных ценностей". Он не признал себя виновным и отказался назвать имена тех, через кого получил Послание Святейшего Патриарха Тихона.

Протоиерей Александр Заозерский, настоятель храма святой Параскевы-Пятницы в Охотном ряду, родился 20 июля 1879 года в Москве в семье священника. Окончил Заиконоспасское Духовное училище, Московскую Духовную Семинарию в 1899 году и Московскую Духовную Академию в 1903 году.

8 апреля 1922 года отец Александр был арестован по тому же делу "об изъятии церковных ценностей". На допросе батюшка виновным себя не признал, сказал только, что читал в храме Послание Святейшего Патриарха Тихона. Но через кого получил текст послания и текст протеста во ВЦИК, подписанный сотнями верующих, назвать отказался. На суде он держался мужественно и с достоинством. Судьям не удалось соблазнить его

облегчением участи в обмен на показания против других. Батюшка был признан идеологом духовенства, обнаружившим наибольшую непримиримость. Когда его вывели после суда на Лубянскую площадь в Москве, он широким крестом осенил приветствовавшую его толпу.

Священник Василий Александрович Соколов, родился в 1868 году в селе Старая слобода Александровского уезда Владимирской губернии. Окончил Вифанскую Духовную Семинарию. В 1888 году служил в селе Пустое Владимирской губернии. После смерти жены в 1906 поступил в Московскую Духовную Академию, окончив её в 1910 году. С 26.12.1910 года батюшка служил в церкви Святителя Николы Явленнаго на Арбате. В апреле 1922 года он был арестован по "делу об изъятии церковных ценностей". На допросе виновным себя в агитации против изъятия церковных ценностей не признал.

Иеромонах Макарий (в миру Телегин Макарий Николаевич) родился в семье крестьян Самарской губернии Бузулукского уезда села Перемениха. Получил лишь начальное образование. В Москве проживал с 1897 года. До 1914 года служил в Чудовом монастыре в Кремле. С начала 1-й Мировой войны состоял военным священником при госпитале на австрийском фронте, затем при штабе 1-й Донской Казачьей бригады; с 1917 года он - клирик Крестовской церкви Патриаршего подворья в Москве на Самотёке. В марте 1922 года отец Макарий был арестован по "делу об изъятии церковных ценностей", когда заявил свой протест комиссии, назвав её членов грабителями и насильниками. На суде он прямо сказал, что является "по убеждению монархистом". Сидевший с ним в камере священник рассказывал, что отец Макарий был весел и говорил: "Жду не дождусь встречи с Господом моим Христом".

Сергей Федорович Тихомиров, родился в 1866 (1867?) году в семье московского купца 2-й гильдии, состоявшего в купечестве с 1867 года и торговавшего в Охотном ряду. Как самостоятельный владелец мясной лавки на Арбате, Сергей Фёдорович числился с 1895 года. Вторая лавка появилась у него в 1902 году в Дорогомилове, куда он и переехал в 1910 году. Его лавка находилась напротив храма и он одним из первых, по первому удару набата бросился защищать церковные святыни. Арестован он был в апреле 1922 года. На суде держался мужественно, пощады не просил, от последнего слова отказался.

26 апреля в здании Политехнического музея над 50-ю арестованными открылся публичный процесс, который вёл Председатель Трибунала Бек, при участии нескольких обвинителей.

8 мая Московский Ревтрибунал, после судебных публичных заседаний с 26 апреля по 8 мая 1922 года и после рассмотрения дел подсудимых, обвинил Заозерского, Надеждина Христофора, Поспелова, Добролюбова, в том, что "состоя членами организации, называемой Православной иерархией, они по предварительному между собой соглашению, а также с целью воспрепятствовать общим усилиям проведению в жизнь постановлений ВЦИК и инструкции к нему об изъятии... в течение марта месяца 1922 г. в гор. Москве сознательно и умышленно из корыстных целей:

а) тайно распространяли заведомо ложные (сведения) о деятельности должностных лиц администрации Советской власти... возбуждающие в мещанских слоях населения враждебное к ним отношение;

б) призывали к противодействию изъятию церковных ценностей...;

в) открыто вручили подчиненному духовенству... воззвание, указывающее, что церковные драгоценности являются неприкосновенными и не подлежащими изъятию, что всякое посягательство на них есть святотатство и что уличенных в этом ждёт Суд Божий, и, кроме того, напоминающее, что самый голод есть "дело рук Бога"..." (сохранена орфография подлинника).

Священника Христофора Надеждина обвинили ещё в том, что 4 марта... с амвона открыто произнёс проповедь нерелигиозного характера на тему "гибнущая, могущественная когда-то держава Российская", призывал население к оказанию активного сопротивления.

Священника Василия Соколова обвинили в том, что 7 апреля в храме Николы Явленнаго после изъятия церковных ценностей использовал религиозные предрассудки, призывая в своей проповеди ... "население обратиться к Богу и просить последнего смести с лица Земли совершивших изъятие церковных ценностей", "в данном случае Рабоче-крестьянскую власть, подобно тому, как некогда Бог смел с лица земли древний Вавилон... и это выразилось в словах: "...Дщи Вавилоня окаянная, блажен, кто имет и разбиет младенцы твоя о камень"".

Тихомирова, Телегина и других обвинили в том, ; что они "приняли участие в публичных скопищах, ...возбуждали население к сопротивлению лицам, производившим изъятие, распространяли заведомо ложные сведения, что изъятие производится в интересах коммунистов и еврейского населения, ...что для них законы не писаны и т. п.", причём подчёркивалось, что Телегин, Брусилова, Черненко (всего перечислено 19 человек) "открыто оказали противодействие изъятию церковных ценностей, выразившееся в избиении красноармейцев".

Московский Трибунал приговорил 11 человек к расстрелу. 18 мая на заседании Политбюро 6 человек исключили из списка приговорённых к расстрелу. Пятеро приняли мученическую кончину от рук богоборческой коммунистической власти: протоиерей Христофор Надеждин, протоиерей Александр Заозерский, протоиерей Василий Соколов, иеромонах Макарий (Телегин), мирянин Сергий Тихомиров.

Расстреляны они были в начале июня 1922 года в роковом "корабле" Чрезвычайки. Так называлось помещение архива бывшего страхового общества, где в полуподвальном этаже, в глухих комнатах для прежних сейфов расстреливали осуждённых. Захоронены новомученики были на Калитниковском кладбище в Москве.

Канонизованы в 1998 году как местночтимые святые Московской епархии. Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Василий, архиепископ Черниговский и Нежинский (память 14 августа по старому стилю)

Священномученик Василий, архиепископ Черниговский и Нежинский (в миру Богоявленский Василий Дмитриевич) родился в февраля 1867 года в селе Старое Сеславино Тамбовской губернии в семье священника.

В 1888 году он окончил Тамбовскую Духовную Семинарию. После рукоположения в сан иерея в 1890 году отец Василий служил в церкви села Овсянки Тамбовской епархии. В 1896 году он поступил в Казанскую Духовную Академию, которую закончил в 1900 году. В 1907 году отец Василий был удостоен степени магистра богословия за диссертацию на тему: "Вторая книга Маккавейская. Опыт исагогического изследования".

В 1908 году, после кончины супруги, он принимает монашеский постриг и вскоре назначается ректором Черниговской Духовной Семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1909 году состоялась его хиротония в епископа Сумского, викария Харьковской епархии. На Черниговской кафедре Владыка состоял с 12 мая 1911 года до 6 мая 1917 года.

В 1917 году, по распоряжению Временного Правительства были уволены все члены Святейшего Синода, кроме архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). В их числе был и Владыка Василий, который, будучи обвинён "в приверженности старому строю", был отправлен на покой как "не соответствующий революционному духу

времени". Он был переведён в Николаевскую Теребенскую пустынь Тверской епархии; затем некоторое время управлял Московским Заиконоспасским монастырём.

Святитель участвовал в деятельности Поместного Собора Русской Православной Церкви, откуда в 1918 году был командирован в Пермь расследовать арест и убийство священномученика архиепископа Андроника (память 7 июня).

После произведения следствия Владыка с другими членами комиссии выехал из Перми, однако их поезд был остановлен между Пермью и Вяткой. В вагон ворвались красноармейцы, убили членов комиссии, а тела их выбросили из поезда. Самого Владыку сбросили с Камского моста в реку. Произошло это 14 (27 н. ст.) августа 1918 года. Тело Владыки похоронили местные крестьяне, но когда к его могиле начались паломничества, большевики выкопали тело священномученика и сожгли его.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Виктор (Ильинский) (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Виктор родился 31 октября 1872 года в селе Кой Сонковского уезда Тверской губернии в семье диакона Николая Ильинского. Он окончил учительские курсы при уездном училище в Новгородской губернии и вернулся в родное село, где служил, будучи к этому времени рукоположен в сан священника, его отец. Десять лет Виктор Николаевич был учителем в церковно-приходской школе, а с 1906 года стал служить в храме псаломщиком. В 1912 году он был рукоположен в сан диакона к той же церкви.

В 1918 году в центральной России была установлена советская власть, и сразу же начались гонения на Православную Церковь, убийства священников и мирян. Отец Виктор первый раз был арестован в 1920 году, обвинен в сокрытии излишков хлеба и приговорен к трем месяцам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Из заключения он вернулся в родное село. В 1927 году местные власти, ревнуя о выполнении распоряжений центральных властей, развернули кампанию по закрытию храма в селе Кой. Диакон Виктор вместе с прихожанами энергично выступили с протестом против действий властей. Около шестидесяти женщин отправились в сельсовет и потребовали прекращения пропагандистской кампании по закрытию храма. Верующие действовали столь уверенно и решительно, что властям пришлось уступить, кампанию прекратить и от своих планов временно отказаться. ОГПУ стало искать повод арестовать о. Виктора.

В 1930 году он был рукоположен в сан священника ко храму в селе Кой. Сразу же после рукоположения власти арестовали его за невыполнение плана хлебозаготовок и приговорили к восьми месяцам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Отец Виктор из заключения вернулся в свой храм.

6 декабря 1931 года начальник оперативного сектора отправил уполномоченному ОГПУ по Сонковскому району распоряжение, чтобы тот представил полные данные о священнике Викторе Ильинском, его социально-имущественном положении, а также о его антисоветской деятельности. В ответ на запрос сонковский уполномоченный написал: "В 1930 году был раскулачен, все имущество передано в коммуну, а сам Ильинский перебрался жить в деревню Яругино (находится там на квартире). Материалов о дальнейшей антисоветской агитации не добыто".

Преследования священника, однако, не прекратились - в 1934 году о. Виктор был арестован по обвинению в сокрытии церковных ценностей и мелкой разменной монеты.

Власти приговорили его к двум годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Аресты, заключения, непосильная работа подорвали здоровье священника настолько, что дальнейшее пребывание в лагере грозило ему смертью; по состоянию здоровья он был в 1935 году освобожден и вернулся в родное село.

В марте 1936 года сотрудники НКВД произвели в храме обыск и изъяли церковные регистрационные книги родившихся, бракосочетавшихся и умерших; было выяснено, что записи родившихся и умерших велись с 1918 года, бракосочетавшихся - с 1923-го.

Священнику был учинен допрос по поводу найденных книг. Отец Виктор ответил, что записи велись по долгу его священнической службы на основании распоряжения благочинного протоиерея Николая Троицкого и епархиального архиерея архиепископа Фаддея.

- Выдавали ли вы кому-либо справки по вашим документам о родивщихся, бракосочетавшихся и умерших? - спросил следователь.

- Ко мне за справками никто не обращался, - ответил о. Виктор. На этом допрос был закончен, на этот раз священника не арестовали. Отец Виктор продолжал служить в храме, все время и силы отдавая служению Богу, Церкви и своей пастве. Во всех отношениях тридцатые годы для Русской Православной Церкви, ее священнослужителей, кому дал Господь возможность служить в Божиих храмах, были временем наилучшим, временем собирания в душу тепла благодати, когда ревностные пастыри самым ходом исторических событий были подведены к наивысшему итогу своей церковной деятельности - мученической кончине. Против о. Виктора неоднократно выдвигались председателем сельсовета самые абсурдные обвинения, например, в том, что священник будто бы воспользовался отсутствием колоколов - которые были сняты по распоряжению советской власти - и служил, перестав регулировать время службы церковным звоном, сколь угодно долго, а также в том, что он неустанно призывал христиан к посещению храма, в чем добился больших успехов, и к 1937 году число постоянных прихожан значительно увеличилось. 12 ноября 1937 года о. Виктор был арестован и заключен в тюрьму в Бежецке. 20 ноября состоялся первый допрос. В этот день были вызваны "дежурные свидетели", которые поставили свои подписи под протоколами, заранее составленными следователем. Отец Виктор держался мужественно и не признал себя виновным в антигосударственной деятельности, не стал лжесвидетелем.

- Вам предъявляется обвинение в контрреволюционной деятельности, направленной на срыв проводимых советской властью мероприятий в колхозах. Признаете ли вы себя виновным? - спросил следователь.

- Виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю, - ответил о. Виктор.

- 30 августа сего года вы выступили с антисоветской проповедью, агитируя верующих не выполнять государственных обязательств. Подтверждаете ли вы это?

- С антисоветской проповедью я не выступал и не говорил, чтобы не выполняли государственных обязательств.

- 14 октября сего года вы производили антисоветские выпады, направленные против кандидатур, выставленных в Верховный Совет СССР.

- Нет, антисоветских выпадов не производил.

- В сентябре сего года вы производили антисоветские выпады, распространяли слухи о войне.

- Виновным в антисоветской деятельности себя не признаю.

25 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Виктор Ильинский был расстрелян 27 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Виктор (Островидов), епископ Глазовский (память 19 апреля по старому стилю)

Священномученик Виктор, епископ Глазовский, викарий Вятской епархии (в миру Константин Александрович Островидов) родился 20 мая 1875 года в селе Золотое Камышинского уезда Саратовской губернии в семье псаломщика. После окончания Камышинского духовного училища, он закончил Саратовскую Духовную Семинарию. Будучи студентом Казанской Духовной Академии, Константин принял монашество с именем Виктор. В 1903 году он окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия и был назначен на должность настоятеля Троицкого собора города Хвалынска. С 1905 по 1908 годы отец Виктор состоял иеромонахом Иерусалимской Духовной Миссии, затем, с 1909 года являлся смотрителем Архангельского Духовного училища.

Вскоре отец Виктор переводится в столицу и состоит иеромонахом Александро-Невской Лавры, а затем с 1910 года назначается настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря Санкт-Петербургской епархии с возведением в сан архимандрита. В сложное время гражданской войны с 21 февраля по декабрь 1919 года архимандрит Виктор является наместником Александро-Невской Лавры. До конца своей жизни он оставался учеником и почитателем престарелого профессора В.М. Несмелова, впоследствии руководителя Казанского филиала "Истинно-Православной Церкви". В 1919 году отец Виктор был арестован в Петрограде, но вскоре освобождён.

В январе 1920 года состоялась его хиротония во епископа Уржумского, викария Вятской епархии (на территории Удмуртии). В том же году Вятский Губернский ревтрибунал приговорил Владыку к лишению свободы до окончания войны с Польшей, но через 5 месяцев он был освобождён. За активные выступления против обновленчества Владыку вновь арестовали 12 (25) августа 1922 года и по постановлению ГПУ сослали на три года в Нарымский край, после освобождения в 1924 году его лишили права проживания в крупных городах. Святитель вернулся в Вятку, где имея большое влияние и авторитет у своей паствы, в том же году был назначен епископом Глазовским, а также временно управляющим Вятской и Омской епархиями. Однако он вновь был арестован 14 мая 1926 года по обвинению в организации нелегальной епархиальной канцелярии и выслан на три года с лишением права проживания в центральных городах и Вятской губернии. Владыка поселился в городе Глазове. С сентябре 1926 года ему было поручено также управлять соседней Воткинской и Ижевской епархией, но в периоды пребывания в синоде новоназначенного Вятского архиерея Павла (Борисовского), Владыка Виктор фактически управлял и Вятской епархией.

В конце августа - начале сентября 1927 года епископ Ижевский Виктор получил Декларацию 1927 года, предназначенную для оглашения её духовенству и верующим Воткинской епархии. Известно, что Владыка ещё в 1911 году пророчески писал митрополиту Сергию (Страгородскому, тогда ещё архиепископу), что тот потрясёт Церковь своим заблуждением. Будучи глубоко возмущён содержанием Декларации и не желая оглашать её, епископ Виктор запечатал её в конверт и отправил обратно митрополиту Сергию. Декларация была оглашена только в Вятской епархии, но её практически нигде не приняли, однако общения с правящим архиепископом Павлом не прервали.

Вскоре за этим последовал указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Синода о разделении только что образованной Воткинской епархии на пять частей между соседними епархиями, и в октябре 1927 года епископ Виктор обратился к митрополиту Сергию с достаточно почтительным письмом, пытаясь его убедить изменить занятую им

позицию соглашательства с богоборческой властью, требующей бесконечных компромиссов с совестью. Владыка предупреждал, что если митрополит Сергий не пересмотрит свою позицию, то "в Церкви произойдёт великий раскол": "Дорогой Владыко. Ведь не так давно Вы были доблестным нашим кормчим... И вдруг - такая печальная для нас перемена... <...> Владыко, пощадите Русскую Православную Церковь...". В ответ из Синода епископу Виктору сначала было сделано предупреждение о том, чтобы он, как викарий Вятской епархии, "знал своё место" и во всём подчинялся правящему архиерею, а затем последовал указ о назначении его епископом Шадринским с правом управления Екатеринбургской епархией. Поездка депутации к митрополиту Сергию с просьбой отменить указ Синода закончилась безрезультатно. Епископ Виктор отказался выполнить указ Синода и в Шадринск не поехал.

В ноябре Владыка предлагает архиепископу Павлу Вятскому принести покаяние и отказаться от "Декларации", "как от поругания Церкви Божией и как уклонения от истины спасения". А в декабре он обращался с "Письмом к ближним", в котором называл Декларацию явной "изменой Истине" и предупредил паству, что если подписавшие воззвание не покаются, то "надо беречь себя от общения с ними". В своём письме Владыка Виктор предлагал пастве не быть "ночными чтителями Истины", но "пред всеми исповедывать истинность Церкви" и путём страданий хранить души в благодати спасения.

Идею "законного существования Церкви" через образование Центрального Управления, признанного властями и обеспечивавшего якобы внешнее спокойствие церкви, Владыка отвергал, называя такое объединение с богоборцами "уничтожением Церкви Православной", превращающей Её "из дома благодатного спасения верных в безблагодатную плотскую организацию" "какового греха не могут оправдать никакие достижения земных благ для Церкви".

Вскоре состоялось совещание Духовного Управления Воткинской епископии, на котором было принято постановление о прекращении епархией молитвенно-канонического общения с митрополитом Сергием (Страгородским) и единомышленными ему епископами как предавшими Церковь Божию на поругание, впредь до их раскаяния и отречения от Декларации. Постановление было утверждено епископом Виктором и 16 (29) декабря в третьем письме отправлено Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Когда известия о событиях в Воткинской епархии дошли до Вятки, часть местного духовенства, оставшаяся на стороне митрополита Сергия, прекратила поминать за богослужением епископа Виктора. Однако большинство верующих города объединились вокруг пяти храмов, в том числе двух главных соборов, не принявших Декларации.

В результате, как кратковременный визит архиепископа Павла в Вятку, так и его архипастырское послание от 1 (14) декабря с разъяснением положительных результатов для Церкви, достигнутых митрополитом Сергием и его синодом после легализации, оказались безуспешными. Владыка Виктор понял из разговора, состоявшегося с архиепископом Павлом, что "действуют они без благословения митрополита Петра".

Вернувшись в Москву, архиепископ Павел обратился в Синод с жалобой на епископа Виктора и Синод ультимативно потребовал от епископа Виктора немедленного выезда в Екатеринбургскую епархию.

2 (15) декабря 1927 года епископом Воткинским назначен Онисим (Пыляев) с поручением ему временного управления Вятской епархией. Паства епископа Онисима не приняла. Назначение на место епископа Виктора нового архиерея лишь ускорило окончательное отделение. 8 (22) декабря Духовное Управление Глазовской епископии (Вятской епархии) постановило признать епископа Виктора своим духовным руководителем. На протоколе епископ Виктор наложил резолюцию: "Радуюсь благодати Божией, просветившей сердца членов Духовного Управления в сем трудном и великом деле избрания пути истины. Да будет решение его благословенно от Господа...".

Владыка одним из первых среди епископата объявил об отделении и перешёл на самоуправление, возглавив оппозицию, названную его именем (викторианская) в Вятской

и Вотской епархиях и объединив приходы в Вятке, Ижевске, Воткинске, в Глазовском, Слободском, Котельническом и Яранском уездах.

23 декабря 1927 года определением Временного Синода он был запрещён в священнослужении. Однако Владыка не признал этого определения, говоря, "ведь и раньше нередко бывало... что отпадшие от истины составляли соборы, и Церковью Божией себя называли и, по-видимому заботясь о правилах, делали запрещения неподчинившимся их безумию". Конечно, отделившихся архиереев сохраняла от обвинения в расколе их верность законному Главе Церкви митрополиту Петру (Полянскому, память 27 сентября), находящемуся в заключении. Уже в начале 1928 года Владыкой было налажено тесное общение с Петроградскими иосифлянами, и вскоре произошло практически полное с ними слияние.

В марте 1928 года Святитель пишет "Послание к пастырям", где снова повторяет свои мысли, выраженные в "Письме к ближним", предостерегая пастырей от принятия идеи насильственного соединения Церкви (путём превращения Её в политическую организацию) с организацией гражданской власти "на служение миру сему, во зле лежащему": "Дело наше есть не отделение от Церкви, а защищение Истины", - так заканчивал своё послание Владыка. Позиция же митрополита Сергия, по мнению Владыки, исключала подвиг исповедничества, так как он "в силу нового своего отношения к гражданской власти вынужден забыть каноны Православной Церкви, и вопреки им он уволил всех епископов-исповедников с их кафедр, считая их государственными преступниками, а на их места он самовольно назначил не признанных и не признаваемых верным народом других епископов". Вскоре, 22 марта (4 апреля) 1928 года Владыка быль арестован в Глазове и приговорён к 3 годам лагерей. Перед отправкой в лагерь он передал свои приходы в управление священномученику епископу Гдовскому Димитрию (Любимову).

В заключении на Соловках (июнь 1928-1930 гг.) Святитель работал бухгалтером на канатной фабрике, участвовал в тайных богослужениях - "рискуя быть запытанными и расстрелянными, Владыки Виктор (Островидов), Иларион (Бельский, память 18 августа), Нектарий (Трезвинский, память 26 августа) и Максим (Жижиленко, память 22 мая), не только часто сослужили в тайных катакомбных богослужениях в лесах острова, но совершили тайные хиротонии нескольких епископов. Совершалось это в строжайшей тайне даже от самых близких, чтобы в случай ареста и пыток они не могли выдать ГПУ воистину тайных епископов".

По воспоминаниям Д. Лихачёва, находившегося в лагере вместе с Владыкой: "Духовенство на Соловках делилось на "сергианское" и "иосифлянское"... . Иосифлян было громадное большинство. Вся верующая молодёжь была также с иосифлянами. И здесь дело было не только в обычном радикализме молодёжи, но и в том, что во главе иосифлян на Соловках стоял удивительно привлекательный Виктор Вятский... Он был очень образован, имел печатные богословские труды. <...> От него исходило какое-то сияние доброты и весёлости. Всем стремился помочь и, главное, мог помочь, так как к нему все относились хорошо и его слову верили... <...> Вышел приказ всех заключённых постричь и запретить ношение длинных одежд. Владыку Виктора, отказавшегося этот приказ выполнить, забрали в карцер, насильно обрили, сильно поранив лицо, и криво обрезали снизу одежду. Думаю, что сопротивлялся наш Владыка без озлобления и страдание свое считал милостью ей...". Все свои посылки с материка Владыка раздавал заключённым.

Весной 1930 года Святителя переводят на материк (командировка Май-Губа). По постановлению ГПУ по пересмотру дела он был приговорён к ссылке на 3 года в Северный край и, после освобождения из лагеря летом 1931 года, сослан в село Усть-Цильму Северного края. Но через несколько месяцев в 1932 году его вновь арестовали, этапировали в г. Сыктывкар и приговорили к 3 годам ссылки в Коми-Зырянскую А.О. Там он проживал в селе Нерица Усть-Цилемского района в доме председателя сельсовета,

помогая его семье в простых хозяйственных работах. В то время в селе жили сосланные старообрядцы. Владыка помогал крестьянам колоть дрова, беседовал о вере. Он часто удалялся в тайгу для глубокой молитвы.

Святитель скончался 19 апреля (2 мая н. ст.) 1934 года от воспаления лёгких. В районный центр его не смогли отправить из-за разлившейся реки.

18 июня (1 июля н. ст.) 1997 года святые мощи Владыки были обретены нетленными на местном кладбище с. Нерица, несмотря на 63-х летнее пребывание их в болотистой почве. В момент обретения мощей бесновавшийся хулитель Имени Божия превратился в кроткого и тихого человека. Кроме того, попросили Крещения люди, шестьдесят лет не знавшие Церкви и Её таинств.

Мощи Святителя были отправлены в Москву, а 2 декабря (н. ст.) 1997 года состоялось перенесение мощей в храм святого Александра Невского Свято-Троицкого Макариевского женского монастыря города Вятки, где они пребывают и поныне, источая благоухание и даруя исцеления. Приняв подвиг борьбы за истину, Святитель решительно и бесстрашно встал на путь мученичества за неё. Он шёл на страдания за Христа радостно, как древние мученики, сохраняя дивное спокойствие духа.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Виктор (Воронов) (память 16 ноября по старому стилю)

Священномученик Виктор (Виктор Иванович Воронов) родился 10 марта 1889 года в городе Вышнем Волочке Тверской губернии. В 1923 году он был рукоположен в сан священника к одному из городских храмов. Во время гонения на Православную Церковь в конце двадцатых годов священник был арестован и приговорен к пяти годам заключения за неуплату налога. Отец Виктор подал обжалование, и в силу того, что он был беден до чрезвычайности и в действительности не обладал никаким имуществом, приговор отменили.

В 1930 году он стал служить в храме села Заборовья Есеновского района, куда переехал вместе с женой, Александрой Федоровной, и двумя сыновьями, пяти и трех лет. В 1936 году власти снова арестовали священника и обвинили в том, что он ведет записи рождений и смертей прихожан. На этот раз о. Виктор был приговорен к штрафу. 15 ноября 1937 года власти снова арестовали его, и он был заключен в тюрьму Вышнего Волочка.

На следующий день после ареста следователь допросил священника.

- Когда вы прибыли в Есеновский район? - спросил он.

- В Есеновский район я прибыл в 1930 году, - ответил священник.

- С какого времени вы служите священником? - Священником я служу с 1923 года по день своего ареста.

- Следствие располагает материалами, что вы вели контрреволюционную агитацию, направленную против существующего строя.

- Контрреволюционную агитацию против существующего строя я не вел и виновным себя не признаю.

- Следствие располагает материалами, что в 1937 году вы пытались устроить антисоветскую демонстрацию. Предлагаем дать откровенные показания.

- Антисоветской демонстрации я не пытался устроить и виновным себя в этом не признаю.

- Следствие располагает материалами и свидетельскими показаниями о вашей попытке устроить антисоветскую демонстрацию. Предлагаем дать правдивые показания.

- Я вторично утверждаю, что попытки с моей стороны устроить антисоветскую демонстрацию не было.

- Следствие располагает материалами, что вы распускали провокационные слухи о скорой войне и гибели советской власти.

- Провокационных слухов о войне и гибели советской власти я не распускал и виновным себя в этом не признаю.

- Следствие располагает данными, что вы без разрешения сельсовета ходите по домам и совершаете обряды. Признаетесь в этом?

- Я считаю, что для совершения обрядов в домах верующих разрешения местного сельсовета не требуется.

27 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Виктор Воронов был расстрелян 29 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Виталий (Кокорев), монах Ниловой Пустыни (память 24 сентября по старому стилю)

Преподобномученик Виталий родился 10 августа 1890 года в деревне Дьяково Федосеевской волости Старицкого уезда Тверской губернии в семье крестьянина Ивана Кокорева. Среди крестьян в то время еще сохранялось высокое представление о служении Богу; среди возвышенейших форм этого служения считалось монашество. И поэтому сын крестьянина, окончив сельскую школу, направил свой путь в Валаамский монастырь, известный в то время своими схимниками и старцами. Здесь юноша прожил полгода, а затем, устоявшись в своей решимости избрать монашеский путь, вернулся на родину и поступил в 1912 году в число послушников Ниловой пустыни. Через некоторое время он был принят в число братии и пострижен в монашество с именем Виталий.

В Ниловой пустыни монах Виталий подвизался до ее закрытия в 1928 году. Монахи, несмотря на закрытие монастырей и их разрушение, и вне их стен старались вести молитвенный образ жизни и жить по монастырскому уставу. Для этой цели они организовывали монашеские общины. В одной из таких общин, которая называлась "Божье дело", и продолжал подвизаться монах Виталий. Но власти не собирались оставлять и тени христианства на русской земле, и через год община была закрыта, а монахи арестованы по обвинению в неуплате налогов. Монах Виталий был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере и сослан в город Николаевск-на-Амуре на Дальний Восток.

В Тверскую область и родные места он вернулся только в 1935 году. Один из знавших его священников посоветовал ему устроиться на свободное место сторожа в храм села Хвошня Пеновского района и заодно нести в храме при богослужениях послушание пономаря. Он так и сделал: устроился на работу в храм сторожем, а жил в деревне Пустошка, снимая комнату у крестьян.

В январе 1937 года начальник Пеновского районного отделения НКВД стал вызывать на допросы жителей района, членов сельсовета, бригадира колхоза и колхозников, выбирая тех, кто был враждебно настроен к Церкви и желал скорейшего закрытия храма.

Они показали, что дьячок хвошнянской церкви монах Виталий ходит по домам крестьян-единоличников и в самый день Всесоюзной переписи, 1 января 1937 года, он посещал некоторых крестьян; что верующие, и в частности монах Виталий, собирались вместе и читали вслух Евангелие, а также пели церковные песнопения, что происходило

это в рабочее время, и представитель местных властей потребовал от них, чтобы они разошлись.

"Свидетели" - бригадир колхоза и председатель сельсовета - перечислили всех крестьян-единоличников, ходивших в храм, предполагая, что НКВД их арестует, а храм закроет, и таким образом религиозный вопрос в селе будет решен.

В самый день праздника Рождества Христова, 7 января, начальник Пеновского отделения НКВД допросил монаха Виталия.

- Следствие располагает данными о том, что вы проводили нелегальные сборища верующих в деревне Пустошка Слаутинского сельсовета, где обрабатывали в антисоветском направлении верующих, особенно из единоличников.

- Нелегальных сборищ верующих я не организовывал, в деревне Пустошка очень часто посещал верующих... в октябре 1936 года я один молился по молитвеннику... было это часов в десять вечера, и, как видно, многие узнали об этом молении...

Сведений этих было недостаточно для ареста - указа об аресте всех священнослужителей тогда еще не было, и монах Виталий после допроса был освобожден. Только в конце июля и начале августа последовали указы об уничтожении Русской Православной Церкви, и тогда уже 4 августа монах Виталий был арестован и заключен в Осташковскую тюрьму и 6 августа допрошен. - Скажите, признаете ли вы себя виновным в антисоветской деятельности?

- Нет, виновным себя не признаю.

- Следствием установлено, что вы группировали вокруг себя единоличников, среди которых вели антисоветскую агитацию. Скажите, признаете ли себя в этом виновным?

- Я посещал квартиры единоличников... и сам живу у единоличницы... Посещая квартиры единоличников, я никогда не вел с ними антисоветских разговоров, так что виновным себя в антисоветской агитации не признаю.

- Скажите, какую цель вы преследовали, посещая единоличников?

- Посещая единоличников, я никакой корыстной цели не преследовал.

- Посещая единоличников, какие разговоры или беседы вы с ними вели?

- Сейчас припомнить этих разговоров не могу.

Снова НКВД допросил "дежурных свидетелей". В частности, был вызван такой противник церкви в селе, как председатель колхоза "Путь Ленина". Он рассказал, что церковники просили его продать старый сарай для починки крыльца в церкви, но он отказал им. Также он показал, что заходил в церковную сторожку, где в это время были единоличники. Он потребовал от них, чтобы они разошлись. Но и в следующий раз, когда по доносу одного из колхозников он зашел в церковную сторожку, он застал крестьян читающими Священное Писание и сказал:

- Как вам не стыдно собираться в рабочее время!

Один из присутствующих ответил:

- А вам какое дело, что мы здесь собрались, вы работаете в колхозе, а мы работаем на стороне и покупаем хлеб в кооперации. Он стал настаивать, чтобы все разошлись.

- По-моему, - заключил председатель свои показания, - у них организована антисоветская группировка...

После этого снова был допрошен монах Виталий.

- Чем вызван ваш уход из Ниловой пустыни?

- Я ушел из Ниловой пустыни потому, что монастырь со всеми монахами разогнали и вместо монастыря организовали детскую колонию.

- Как вы устроились дьячком и одновременно церковным сторожем хвошнянской церкви, кто вас туда рекомендовал?

- По прибытии из ссылки мне кто-то из служителей церковных сказал, что в хвошнянской церкви требуется сторож, и я пошел и был принят на работу.

- Сколько раз вы присутствовали на заседании церковной двадцатки в течение 1936 и 1937 годов и какие там вопросы обсуждались?

- Я был на заседании церковной двадцатки один раз, когда меня нанимали. От других собраний я отходил и, когда был еще, не помню.

- Проживая у гражданки Марии Вишняковой, куда часто собирались единоличники и верующие колхозники, что вы им рассказывали и внушали?

- Собирались или нет у Марии Вишняковой верующие, я не знаю, сам же я избегал собраний. С отдельными лицами встречался.

- Какие у вас, церковников, были разговоры о конституции, займе и о положении в колхозах?

- О конституции я слышал, что люди довольны конституцией. О займе я разговаривал лишь с уполномоченным при подписке на заем. О колхозах велся разговор, что нынче хороший урожай и колхозники этим довольны.

Чтобы склонить обвиняемого к самооговору, следователь устроил очную ставку монаха Виталия с председателем колхоза, который сказал, что в марте 1936 года, зайдя в здание церковной сторожки, он застал здесь заседание двадцатки.

- Обвиняемый Кокорев, вы признаете, что в марте 1936 года в сторожке хвошнянской церкви было нелегальное сборище церковников, на котором вы присутствовали и вели антисоветскую пропаганду? - спросил следователь.

- В марте 1936 года никакого нелегального сборища в сторожке церкви не было, на собраниях я не присутствовал и антисоветской агитацией там не занимался.

- Свидетель, скажите, - обратился следователь к председателю колхоза, - в августе 1936 года на нелегальном сборище был Кокорев или нет, что там обсуждали?

- В августе 1936 года я зашел в сторожку и в повышенном тоне сказал: "Зачем собрались в рабочее время?" Александров, бывший кулак, заявил: "А какое вам дело до нас, нечего здесь ходить, вы работаете за трудодни, но ничего не получаете, а мы, где хотим, там и работаем, и купим себе хлеба, торговля свободная". Я предложил им разойтись, так как они собрались в рабочее время и отвлекают колхозников; через несколько минут они разошлись.

- Вы, обвиняемый Кокорев, были на сборище в сторожке церкви в августе 1936 года, где Александров выступал с антисоветскими выражениями, споря с вошедшим председателем колхоза?

- В августе 1936 года на нелегальном сборище в сторожке церкви я не был ни разу и не помню, было ли такое собрание, где бы Александров и другие присутствовали и их разогнал председатель колхоза.

Были вызваны и другие свидетели, среди них староста храма, но они обвинений, выставленных следователем, не подтвердили. 9 сентября следствие было закончено, и 3 октября Тройка НКВД приговорила монаха Виталия к расстрелу. Он был расстрелян 7 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Владимир (Чекалов) (память 18 сентября по старому стилю)

Священномученик Владимир родился 10 июля 1880 года в селе Пухлино Кимрского уезда Тверской губернии в семье священника Дмитрия Чекалова. Владимир окончил Духовную семинарию и был призван в армию, где служил в чине прапорщика; в 1904 году был уволен в запас. В 1908 году Владимир Дмитриевич был рукоположен в сан диакона, а затем в сан священника и до конца жизни служил в храмах Тверской епархии.

В начале тридцатых годов он служил в храме в селе Васюнино Краснохолмского района. Когда началось гонение, от о. Владимира потребовали заплатить непосильный

налог, произвольно назначенный председателем сельсовета и никак не сообразующийся с реальными доходами священника, что и стало поводом для изъятия всего его имущества. Опасаясь дальнейших преследований властей, о. Владимир в июне 1932 года переехал в село Никитское Калязинского района, надеясь, что с нищего священника ничего не возьмут, но здесь от него потребовали, чтобы подписался на заем в сто рублей. Одновременно ОГПУ стало собирать о священнике сведения, чтобы иметь возможность его арестовать, и дело кончилось тем, что 3 января 1933 года о. Владимир был арестован и заключен в Калязинскую тюрьму.

Начались допросы. Кое-кто показал, будто о. Владимир говорил: "Власти настроили каких-то колхозов, управлять ими не умеют, и все это происходит потому, что и вы, православные, отступили от Бога. Советская власть, додумавшись уничтожать крестьян, выдумала рыть канал, а это значит, что все близлежащие деревни к Волге будут сносить, а вас ссылать в отдаленные места". "Священник Чекалов в село Никитское прибыл в июне месяце 1932 года. В декабре Чекалов, говоря в церкви проповедь, коснулся слуха о сгноении картофеля в деревне Карповке. По этому вопросу он говорил: "Вот как жить без Бога, и всегда при советской власти так будет происходить, сделали ни себе ни людям. Если бы не было колхозов, такого количества сгноенной картошки не было, и нам тогда жилось бы лучше"". Вызванный 9 января на допрос о. Владимир, отвечая на вопросы следователя, сказал:

- В сентябре, ходя по сбору хлеба по деревням, я прихожанам говорил: "Где я работал священником, на меня... наложили очень великий налог, я его не выполнил, так у меня отобрали все имущество, сюда переехал, и здесь... председатель сельсовета в обязательном порядке навязал займу на сто рублей, а где их мне взять, надо тоже отсюда удирать, вот пришла жизнь, живи да мучайся, и все нас давит эта безбожная власть". Я это недовольство высказал потому, что у меня все отобрали. В приводимых же мне еще фактах антисоветской и контрреволюционной агитации виновным себя не признаю.

28 февраля Тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

В 1936 году о. Владимир вернулся на родину в Тверскую область и стал служить в храме села Волкова. Положение приходских храмов теперь стало еще труднее, чем раньше, в начале тридцатых годов. По всему было видно, что власти стремятся закрыть их все и под любым предлогом - будь то невыплата задолженности за аренду храма или не сделанный вовремя по требованию властей ремонт; в этом случае составлялся акт, что верующие не способны содержать храм в порядке или что он находится в аварийном состоянии, а прихожане не могут привести храм в порядок. В таком случае церковь могли отобрать и засыпать в нее зерно. Отец Владимир решил служить до последнего, что бы его ни ждало впереди, и в этом ему помогала его супруга, Надежда Павловна, которая исполняла в храме обязанности псаломщицы.

23 июля 1937 года председатель Волковского сельсовета и секретарь, который одновременно был в Волкове комсоргом, отправили начальнику районного отделения НКВД докладную записку. В ней они писали, что священник Владимир Дмитриевич Чекалов и председатель церковного совета Иван Михеевич Михеев "ведут антисоветскую пропаганду, как-то: в первой половине июня 1937 года пускали брехню и объявляли это самое во время служения в церкви, якобы 20 июня сего года будет сильная гроза и побьет все хлеба, и колхозники останутся без хлеба, и побьет много народу, а предпосылок к тому, чтобы ожидать грозу, не было.

В настоящее время церковь ремонтируется, несмотря на то, что она должна государству обязательных платежей на сумму 1679 рублей, и плюс к тому бросают реплику "назло советской власти", то есть, хотя мы и должны обязательных платежей 1679 рублей, а церковь отремонтируем. Церковь ремонтируют, а деньги не платят.

Несмотря на предупреждение сельсовета не проводить собрания церковных советов без его разрешения, все же хоть нелегальным путем, но проводят..."

27 июля начальник районного НКВД приехал в Волковский сельсовет и предложил одному из подписавших донос, восемнадцатилетнему комсоргу, проследовать с ним в дом священника в качестве понятого для обыска и ареста последнего. При обыске нашли несколько писем, написанных знакомыми о. Владимира, которые и взяли. После обыска священнику было объявлено, что он арестован, а затем его доставили в Тверскую тюрьму.

Начались вызовы "дежурных свидетелей". Одного из них следователь спросил:

- Расскажите о проводимой контрреволюционной агитации против политики партии и советской власти со стороны попа волковской церкви, Владимира Дмитриевича Чекалова.

- Поп волковской церкви, Владимир Дмитриевич Чекалов, за проводимую контрреволюционную агитацию против партии и советской власти был судим органами ОГПУ, по отбытии наказания прибыл в 1936 году в село Волково.

- Вы уклонились от конкретных фактов контрреволюционной агитации против советской власти Чекаловым, следствие требует ответа по существу заданного вам вопроса.

- В мае 1937 года Чекалов в здании церкви собирал членов церковного совета и других граждан, среди которых проводил антисоветскую агитацию против советской власти и говорил, что настало время, когда религия должна воскреснуть, ибо она создана Богом, а не советской властью, и все граждане должны отстаивать права религии, которые попираются советской властью. В результате агитации увеличивается посещение церкви населением, кроме того, Чекалов в июле 1937 года среди местного населения собирал средства на восстановление церкви. Чекалов говорил, что советская власть не имеет права препятствовать укреплению религии.

- Что вам известно о нелегальном сборе средств среди населения на восстановление церкви села Волкова со стороны церковного старосты Михеева Ивана Михеевича? - спросил следователь председателя колхоза.

- Церковный староста села Волкова, Михеев Иван Михеевич, в июле месяце 1937 года, хорошо не помню какого числа, приходил ко мне на дом и просил денег на восстановление церкви. Я ему ответил, что денег у меня нет и платить не буду. Кроме того, церковный староста Михеев для нелегального сбора денежных средств на церковь, посылал членов церковного совета; сколько ими собрано денег, я хорошо не знаю, так как этим вопросом не интересуюсь.

Секретаря сельсовета, написавшего донос и участвовавшего в аресте священника, следователь решил не утруждать вызовом и переписал его донос в виде допроса - вопросов и ответов, и сам за него расписался.

27 июля следователь допросил священника.

- Вы обвиняетесь в проводимой контрреволюционной агитации против партии и советской власти.

- Контрреволюционной антисоветской агитации против партии и советской власти я не проводил.

- Вы следствию говорите неправду. Следствие располагает достаточными материалами о том, что вы среди населения проводите контрреволюционную агитацию против партии и советской власти. Следствие требует от вас дать показания по существу заданного вам вопроса.

- Повторяю, что с моей стороны никакой контрреволюционной агитации против партии и советской власти я не проводил.

- Вы в мае месяце 1937 года, а затем в июле 1937 года среди населения проводили контрреволюционную агитацию против политики партии и советской власти. Следствие требует от вас показаний по существу заданного вопроса.

- В мае 1937 года и в июле 1937 года среди населения никакой контрреволюционной агитации против политики партии и советской власти я не проводил.

- Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении?

- Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю и повторяю, никакой агитации не вел. 27 сентября Тройка НКВД приговорила о. Владимира к расстрелу. Священник Владимир Чекалов был расстрелян через несколько дней, 1 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Владимир (Дамаскин) (память 16 декабря по старому стилю)

Священномученик Владимир родился 27 февраля 1870 года в городе Торжке Тверской губернии в семье псаломщика Николая Дамаскина. Последние годы жизни его отец служил в селе Георгиевском Новоторжского уезда; скончался в 1914 году. Вскоре после рукоположения о. Владимир был направлен в храм села Островно Удомльского района, где прослужил большую часть жизни. Во время гонений в 1930 году местные власти арестовали его, но, продержав два с половиной месяца в заключении, отпустили, и он снова стал служить в своем храме.

В августе 1937 года Сталин принял решение об аресте и расстреле всех тех, кто с его точки зрения был враждебен советскому государству и безбожной идеологии. Представители НКВД потребовали от местных властей, и в частности от председателей сельских советов, донесений на живущих в их селах. Так появились доносы о том, что о. Владимир собирает подписи верующих, надеясь отстоять храм от закрытия и, ходя по селам, говорит, что созданные колхозы - это кабала для крестьян, и колхозников заморят голодом. Они доносили, что еще в 1932 году о. Владимир под видом церковной службы собрал в храме крестьян, которые затем в количестве трехсот человек отправились к сельсовету, намереваясь изгнать его председателя. Писали, что священник занимался антисоветской деятельностью, которая заключалась в том, что он ходил по селам и справлял службы в избах, "а также демонстративно, в полном облачении, шел по деревенской улице вслед за гробом умершего крестьянина", что священник, узнав, что на одном из колхозных собраний было постановлено закрыть храм, срочно собрал церковную двадцатку, чтобы обсудить с ней, как отстоять церковь. От имени двадцатки был послан по селам с подписным листом пятнадцатилетний подросток, который вписывал фамилии тех, кто был неграмотен и не мог расписаться (что власти попытались истолковать как фальсификацию подписей). "В настоящее время ставится важный вопрос, - сообщал председатель сельсовета в своем заявлении, - к двадцатилетию годовщины великой пролетарской революции закончить обработку и сдачу льноволокна государству. Владимир Николаевич Дамаскин так ставит свое дело, чтобы сорвать этот важный вопрос. Он 31 октября объявляет в церкви, чтобы православные приходили в храм, где до 7 ноября службу будет проводить три раза, тем самым он отвлекает массу от обработки льна. Считаю, что необходимо принять соответствующие меры к Дамаскину как к антисоветскому элементу".

22 декабря священника арестовали и заключили в Бежецкую тюрьму. Он был стар, почти слеп из-за катаракты; произведенное на следующий день медицинское обследование установило порок сердца, эмфизему легких, и врачи вынуждены были признать, что по состоянию здоровья он является инвалидом. В тот же день были допрошены свидетели, некоторые из них писали ранее жалобы и донесения на о. Владимира. Вечером исполняющий обязанности начальника Удомльского УНКВД допросил священника. Допрос занял около часа, столько понадобилось времени, чтобы заполнить лист допроса анкетными данными и записать ответы. Следователь спросил:

- Следствию известно, что вы, проживая в селе Островно, на протяжении ряда лет вели среди населения антисоветскую агитацию. Подтверждаете ли вы это?

- Нет, не подтверждаю, никакой антисоветской агитации я не вел и виновным себя в этом не признаю.

- Следствию известно, что еще в 1932 году вы собрали в церкви верующих и устроили затем около сельсовета митинг с требованием отмены налогов. Подтверждаете ли вы это?

- Нет, не подтверждаю, верующих я не собирал и никаких митингов не устраивал.

- Следствию известно, что в августе сего года во время проповеди в церкви вы говорили, что скоро наступит время, когда будет введена хуторская система, чему залог - война с Японией. Подтверждаете ли вы это?

- Нет, не подтверждаю, проповедей я не читаю и антисоветской агитации в церкви никогда не вел.

- Следствию также известно, что, посещая колхозников, вы говорили: "Советская власть скоро должна рухнуть, и мы тогда покажем коммунистам, как над нами издеваться". Признаете вы себя в этом виновным?

- Нет, виновным себя в этом не признаю, подобных разговоров у меня с колхозниками никогда не было.

- Вы обвиняетесь в том, что систематически вели антисоветскую агитацию среди населения и призывали его к свержению советской власти. Признаете вы себя в этом виновным?

- Нет, виновным себя в этом не признаю.

В тот же день следователь составил обвинительное заключение, в котором были повторены все лжесвидетельства. Сам он его составил, сам постановил направить следственное дело в Тройку при УНКВД, сам же с таким решением и согласился. Это было время, когда верховная власть требовала вершить подобные дела с наивозможной жестокостью. Уже через несколько дней, 27 декабря, Тройка НКВД постановила расстрелять священника. Священник Владимир Дамаскин был расстрелян 29 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Владимир (Медведюк) и преподобномученица Татиана (Фомичева) (память 20 ноября по старому стилю)

Священномученик Владимир родился 15 июля 1888 года в Польше в городе Луков Седлецкой губернии в благочестивой семье железнодорожного рабочего Фаддея Медведюка. Умирая, отец сказал сыну Владимиру: "Дитя мое, как хотелось бы мне видеть тебя священником или даже псаломщиком, но только служителем Церкви". Сын ответил ему, что это является также и его желанием.

Окончив в 1910 году духовное училище, Владимир служил псаломщиком в Радомском соборе в Польше. Мирное течение жизни было прервано Первой мировой войной, и Владимир Фаддеевич, как и тысячи других, оказался в положении беженца. Приехав в Москву, он познакомился с Варварой Дмитриевной Иванюкович, которая происходила из глубоко верующей семьи из Белоруссии и так же, как и он, была беженкой. В 1915 году они повенчались.

В 1916 году Владимир Фаддеевич был рукоположен в сан диакона ко храму мученицы Ирины, что на Воздвиженке в Москве. Здесь он прослужил до 1919 года и был рукоположен в сан священника ко храму Саввинского подворья на Тверской улице. В 1921 году он был назначен настоятелем храма святителя Митрофана Воронежского в Петровском парке в Москве.

С первых дней служения в храме святителя Митрофана отец Владимир стал пытаться наладить приходскую жизнь. В том океане страстей, бед и страданий, который представляла собой в это время советская Россия, для верующих этот приход стал островком любви. Молодой священник ревностно отнесся к своим пастырским обязанностям, и к нему сразу потянулась верующая молодежь, которой он старался привить любовь к православному богослужению и храму. В храм святителя Митрофана часто приезжали хоры из разных церквей, что привлекало многих молящихся и любителей церковного пения, так что бывали случаи, когда храм не мог вместить всех желающих.

Во время разгула обновленчества, когда раскольники при помощи безбожных властей дерзко захватывали храмы, отец Владимир, чтобы избежать такого самочинного захвата, сам запирал после богослужения храм и уносил ключи домой. Увидев, что не могут захватить храм без согласия на это священника, обновленцы пригласили отца Владимира к обновленческому епископу Антонину (Грановскому); тот, потребовав у священника ключи от храма, закричал на него:

- Отдай ключи!

- Не отдам, владыка, не отдам! - ответил отец Владимир.

- Убью! Как собаку убью!

- Убейте, - ответил священник. - Перед престолом Божиим мы с вами вместе предстанем.

- Ишь, какой! - сказал епископ Антонин, но настаивать больше не стал. И храм не удалось захватить обновленцам.

В 1923 году отец Владимир был награжден камилавкой. В 1925 году власти арестовали священника и, предъявляя ему надуманные обвинения, стали угрожать заключением в концлагерь. Освободиться, по их словам, можно было лишь согласившись на сотрудничество с ОГПУ. Отец Владимир дал согласие на это и был освобожден. ОГПУ давало ему какие-то задания, в основном касающиеся Местоблюстителя митрополита Петра, которые он исполнял, но чем дальше, тем больше он входил в разлад с совестью и тем мучительнее переживал свое положение. Ни ревностное служение в храме, ни пастырская добросовестность не могли утишить этой жгучей душевной боли. В конце концов отец Владимир решил прекратить свои отношения с ОГПУ в качестве секретного сотрудника и исповедал грех предательства перед духовником. 9 декабря 1929 года следователь ОГПУ вызвал его повесткой в один из кабинетов на Большой Лубянке и потребовал от него объяснений. Отец Владимир заявил ему, что отказывается от дальнейшего сотрудничества. В течение трех суток его уговаривали переменить свое решение, но отец Владимир решительно отказался, заявив, что он все равно уже рассказал обо всем священнику на исповеди. 11 декабря был выписан ордер на его арест, и ему было предъявлено обвинение в "разглашении... сведений, не подлежащих оглашению". 3 февраля 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила отца Владимира к трем годам заключения в концлагерь, которое он отбывал на строительстве Беломорско- Балтийского канала.

Семья его в это время была выселена из церковного дома и осталась без крова. Этого всего более опасался священник. Находясь в заключении, он стал усердно молиться преподобному Сергию и его родителям, схимонаху Кириллу и схимонахине Марии, чтобы их молитвами семья нашла себе пристанище. И они нашли себе кров в Сергиевом Посаде. Вначале им помогла в этом Ольга Серафимовна Дефендова, известная в свое время благотворительница, которая в двадцатые годы ухаживала в Николо-Угрешском монастыре за больным митрополитом Макарием (Невским).

В 1930 году на праздник Воздвижения Креста Господня сын отца Владимира Николай пошел в Ильинский храм в Сергиевом Посаде. Когда он подошел к елеопомазанию, настоятель храма отец Александр Маслов сказал ему:

- Я вас, молодой человек, первый раз вижу в нашем храме.

- У нас, батюшка, большое горе, - сказал Николай. - Нас пять человек осталось, папу взяли. Вот мама с Ольгой Серафимовной ходили два дня по городу. Как узнают, что пять человек детей, никто не пускает на квартиру. Не знаем, что делать.

Отец Александр подозвал одну из прихожанок и сказал ей:

- Надежда Николаевна, у вас самих большое горе, вы должны понять и принять эту семью.

- Благословите, - ответила она.

Так они оказались в семье Аристовых; глава семьи, диакон Вознесенской церкви, за несколько месяцев перед этим был арестован и расстрелян. Этот дом стал пристанищем для семьи отца Владимира на многие годы. После окончания срока заключения в 1932 году отец Владимир жил здесь вместе с семьей, а служить ездил в Москву в храм святителя Митрофана. В 1933 году храм был закрыт властями, и отец Владимир получил место в Троицком храме в селе Язвище Волоколамского района.

В 1935 году священник был возведен в сан протоиерея. В Язвище отцу Владимиру дали для житья небольшую, в два окна, церковную сторожку, куда переехала вся его семья. Жить было тесно, но у прихода не было другого помещения. Однажды к ним пришел сосед, живший напротив, и сказал: "Отец Владимир, предлагаю вам свой дом. Живите сколько хотите, мне ни копейки от вас не надо". В доме этого благодетеля семья протоиерея Владимира прожила десять лет.

В то время в Волоколамском районе жили многие из тех, кто вернулся из ссылки и кому было запрещено жить в Москве. Среди других в Волоколамске жил протодиакон Николай Цветков, которого верующие почитали за подвижническую жизнь и прозорливость.

Протоиерей Владимир часто ходил к нему для разрешения тех или иных затруднительных вопросов. Однажды протодиакон Николай попросил его послужить ночью у него в доме. Окна были плотно занавешены. Они облачились; было всего несколько человек молящихся. И вдруг во время службы кто-то постучал в окошко. Память о тюремном заключении и лагере была еще свежа, и отец Владимир стал снимать облачение. "Отец Владимир, не малодушествуйте, стойте как стояли. Сейчас мы узнаем", - сказал отец Николай. Оказалось, что это постучал случайный путник, который хотел узнать, как проехать на станцию.

Последний раз отец Владимир пришел к протодиакону Николаю весной 1937 года, чтобы поздравить его с днем Ангела. Но тот даже не вышел, только из-за двери сказал: "Христос воскресе!" - и все. Отец Владимир расстроился и попросил послушницу праведника сказать ему, что это отец Владимир из села Язвище пришел поздравить его с днем Ангела. Она все передала, и отец протодиакон повторил ей: "Скажи ему: воистину воскресе!" Отец Владимир был очень расстроен, так как понял, что это было сказано прозорливым старцем в знак того, что они больше в этой жизни не встретятся.

Летом 1937 года начались массовые аресты. В ноябре протоиерей Владимир ездил в Москву и когда вернулся, сказал, что уверен, что его вскоре арестуют. "Не ссылки и смерти я боюсь, - сказал он, - боюсь этапов, когда гонят заключенных по нескольку десятков километров в день, и падающих, обессилевших конвоиры добивают прикладами, и звери потом терзают их трупы".

11 ноября 1937 года в районное отделение НКВД Волоколамска поступила докладная записка о том, что в селе Язвище было проведено собрание, на котором почти не было молодежи. И будто потому ее не было, что сын протоиерея Владимира Николай собрал неподалеку от избы-читальни, где проходило собрание, домовник, и вся молодежь пошла туда. В записке также утверждалось, что к священнику ежедневно приходит до двадцати человек, в основном старух и стариков из разных колхозов Волоколамского и Новопетровского районов. 24 ноября 1937 года был выписан ордер на арест священника.

25 ноября отец Владимир собирался служить заказную заупокойную литургию и накануне вечером, стоя у окна в своей комнате, вычитывал священническое правило. В

доме, кроме семьи священника, находились две монастырские послушницы, Мария Брянцева и Татьяна Фомичева, которые после закрытия монастыря жили при Троицкой церкви в Язвище, исполняя послушания псаломщицы и алтарницы. Они в этот вечер помогали супруге священника рубить капусту. Вдруг отец Владимир увидел, что мимо его окна идут председатель сельсовета и милиционер. "Кажется, сейчас за мной придут", - сказал отец Владимир дочери. Через несколько минут они были уже в доме. "Дойдем до сельсовета, надо кое-что выяснить", - сказал один из них. Отец Владимир стал со всеми прощаться, причем сотрудник НКВД нарочито его торопил, говоря, что он скоро вернется. Но отец Владимир знал, что уже никогда не вернется, всех благословил и сказал дочери: "Вряд ли, деточка, мы теперь увидимся". Тогда же вместе с ним были арестованы послушницы Татьяна и Мария.

В тот же день супруга священника Варвара Дмитриевна собрала передачу и понесла в сельсовет, но ее не допустили к мужу, а сказали, что придут к ней вечером с обыском. Поздно ночью пришел тот же сотрудник НКВД и с яростным шумом стал производить обыск. Трещали полки, падали книги. Обыск свелся к тому, что он взял все, что попалось под руку, и побросал без описи в мешки.

Допросы начались почти сразу после ареста.

26 ноября были вызваны председатель сельсовета, участвовавший в аресте священника, секретарь сельсовета и "дежурные свидетели", которые подписали показания, написанные следователем. В тот же день был допрошен протоиерей Владимир.

- Следствие располагает данными, - заявил следователь, - что вашу квартиру часто посещают монашки и верующие из окружающих селений Волоколамского и Новопетровского районов. Дайте показания по этому вопросу.

- Фомичева и Брянцева мою квартиру посещали, но очень редко. Верующие мою квартиру посещают только с требой.

- Следствию известно, что у вас на квартире устраиваются сборища. На сборищах вы обсуждаете политику партии и советской власти.

- Сборищ у меня на квартире никогда не было.

- Следствие располагает данными, что вы среди окружающих вас лиц занимаетесь контрреволюционной и антисоветской агитацией. - Контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался.

- Вы показываете ложно. По вашему делу допрошен ряд свидетелей, которые подтверждают вашу контрреволюционную и антисоветскую агитацию. Следствие требует от вас правдивых показаний.

- Еще раз заявляю, что контрреволюционной и антисоветской агитацией я никогда не занимался. В тот же день были допрошены послушницы Мария Брянцева и Татьяна Фомичева.

Послушница Мария родилась в 1895 году в селе Северово Подольского уезда Московской губернии в семье крестьянина Григория Брянцева. Хозяйство у отца было небольшое - дом с надворными постройками, два сарая, амбар, лошадь и корова. В 1915 году, когда девушке исполнилось двадцать лет, она поступила послушницей в монастырь. После революции подвизалась в Борисоглебском монастыре в Воскресенском уезде до его закрытия в 1928 году. В этом же году она выехала на родину в Подольский район.

Послушница Татиана родилась в 1897 году в селе Надовражное неподалеку от города Истра Московской губернии в семье крестьянина Алексея Фомичева. В 1916 году она поступила послушницей в монастырь и после революции была на послушании в Борисоглебском монастыре. В 1928 году власти закрыли монастырь, и она переехала к родителям в село Надовражное.

В 1931 году власти начали преследовать монахов и монахинь закрытых монастырей. Многие из них, несмотря на закрытие обителей, старались придерживаться в своей жизни монастырского устава. Некоторые поселялись неподалеку от обителей, зарабатывали на пропитание, подобно древним пустынникам, рукоделием, а молиться ходили в

ближайшую приходскую церковь. Так ОГПУ в начале 1931 года создало "дело" против монахинь Крестовоздвиженского монастыря, расположен- ного рядом с селом Лукино Подольского района. До революции в Крестовоздвиженском монастыре подвизалось около ста монахинь. После революции монастырь был закрыт, но монахини добились разрешения на открытие в стенах обители сельскохозяйственной артели, состоящей из бывших монастырских сестер. Таким образом монашеская жизнь продлилась здесь до 1926 года, когда монастырь был окончательно упразднен, а в его корпусах разместился дом отдыха имени Карпова. Двенадцать сестер обители и тогда не ушли отсюда, частью устроившись работать в доме отдыха, частью поселившись в соседних деревнях и рукодельничая. Молиться все ходили в Ильинский храм в селе Лемешево. Хор при храме также состоял из инокинь и послушниц закрытых монастырей. Среди других в хоре пели послушницы Мария Брянцева и Татьяна Фомичева.

Допрошенный 13 мая 1931 года следователем ОГПУ директор дома отдыха показал, что "в бывшем монастыре, где находится сейчас дом отдыха, еще до сих пор висят колокола, кресты, стенные гравюры икон и разные церковные украшения, а за оградой монастыря находится церковь. Чем объясняется, что до сего времени не сняты колокола и монастырь не переделан в нормальный вид, трудно сказать. Однако пребывание до сего дня двенадцати монашек и их антисоветская деятельность дает основание полагать, что отсталое население окружающих деревень находилось под их влиянием и не подписывалось за снятие колоколов с монастыря. Двенадцать монашек составляют не что иное как общину вокруг бывшего монастыря... эти двенадцать монашек имеют общение между собой, проживают при монастыре, связаны с кулацким элементом, агитируют среди крестьян против мероприятий советской власти, часто вращаясь среди крестьянства, имеют общение с отдыхающими, всячески стараясь воздействовать на них, показывая себя обманутыми советской властью".

Допрошенный следователем ОГПУ культработник дома отдыха показал: "Выскажу свое мнение о "святом" очаге вокруг церкви. Хотя я сталкивался всего два-три раза с этим очагом во время обследования местности, кладбища, церкви, и причем очень поверхностно, тем не менее я ярко ощутил именно гнездо и рассадник, враждебный нам, со своими зловещими старухами, проклинающими нашу установку. Характерно отметить, как сильно их влияние. Девушки-крестьянки в возрасте до двадцати пяти лет, с которыми я разговаривал около церкви, веруют в Бога и на мои попытки разубедить их сначала прислушались, но скоро отмахнулись и пошли в церковь, руководимые старухами-монашками. Зимой были отмечены случаи, когда отдыхающие также ходили в церковь, поэтому мое мнение таково, что нужно вообще ликвидировать этот очаг вплоть до снесения церкви".

18 мая 1931 года послушницы Мария и Татьяна были арестованы и заключены в Бутырскую тюрьму в Москве. Всего тогда было арестовано семнадцать монахинь и послушниц из различных обителей, поселившихся вблизи от закрытого Крестовоздвиженского монастыря.

Хозяйка дома в селе Лемешево, где жила послушница Татьяна, показала, что послушница занимается рукоделием, которое продает крестьянам соседних деревень, и что она настроена против мероприятий советской власти. Одна из лжесвидетельниц показала, что послушница Татьяна является ярой церковницей и ведет активную антисоветскую деятельность. Другой свидетель показал, что послушница Мария говорила крестьянам: "Зачем вам нужны колхозы и зачем идти в них, когда там делают насилие над крестьянами. Сейчас вы, крестьяне, загнаны в такой хлев, в котором никакие законы не писаны". И крестьяне будто бы закричали в ответ на слова одной из послушниц: "Правильно говорят матушки, они всё же больше нашего знают".

На допросе послушница Мария сказала: "К советской власти я отношусь с презрением. Советская власть нас задушила. На Церковь коммунисты устроили гонения, закрывая

храмы и требуя уплаты больших налогов. Виновной в антисоветской агитации я себя не признаю".

29 мая 1931 года Тройка ОГПУ приговорила послушниц Марию и Татьяну к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Освободившись в 1934 году, Мария поселилась в селе Высокого, а Татьяна - в деревне Шелудьково Волоколамского района, и стали помогать в Троицком храме протоиерею Владимиру. Они были арестованы в 1937 году вместе с ним.

Допрошенные 26 ноября 1937 года, послушницы категорически отказались подтвердить обвинения, возводимые на них следователями, и не согласились никого оговаривать. 28 ноября следствие было закончено, и на следующий день Тройка НКВД приговорила протоиерея Владимира к расстрелу, а послушниц Татьяну и Марию - к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

В это время жене отца Владимира Варваре Дмитриевне сообщили, что заключенных готовят к отправке в Москву и поезд пройдет через ближайшую от их села станцию в три часа дня. Ей сказали, что заключенных повезут в первом вагоне, который будет с решетками. Варвара Дмитриевна с детьми подошла к поезду, взяв с собой вещи, - их она полагала передать мужу. Поезд остановился, но вагон с заключенными окружила охрана, никого не подпуская к нему близко. Они стали пристально всматриваться в зарешеченные окошки и вдруг увидели, как в одном из них появилась рука и священническим благословением благословила их. Поезд стоял на станции три минуты, которые показались им одним мгновением. После отхода поезда не было сил идти назад три километра и нести вещи, предназначенные для отца Владимира. В это время подошел подросток, живший в селе Язвище, и спросил, что случилось. Они объяснили, и он помог им донести вещи до дома.

Протоиерей Владимир Медведюк был расстрелян 3 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Послушница Мария Брянцева после окончания срока заключения вернулась домой, а послушница Татьяна Фомичева приняла смерть в заключении.

Священномученик Владимир (Проферансов) (память 2 декабря по старому стилю)

Священномученик Владимир родился 29 июня 1874 года в Москве в семье священника Александра Проферансова.

В 1898 году Владимир Александрович окончил Московскую Духовную семинарию и стал служить учителем.

В 1902 году он был определен псаломщиком к Георгиевской церкви, что на Лубянке. С 1905 года он состоял действительным членом Московского общества народных чтений и библиотек. В 1907 году за усердные труды на поприще народного просвещения он получил благодарственную грамоту от Святейшего Синода. В 1909 году он был награжден серебряной медалью на Александровской ленте и в том же году серебряной медалью на Владимирской ленте в память 15-летия приходских школ; а в 1914 году - золотой медалью на Аннинской ленте.

С 1915 года он стал исполнять обязанности старосты в Георгиевской церкви. В 1916 Владимир Александрович был рукоположен в сан диакона к Георгиевской церкви. В 1917 году диакон Владимир был назначен делопроизводителем Георгиевского приходского попечительства. С 1918 года он состоял сотрудником Московского епархиального совета. В 1920 году диакон Владимир был награжден двойным орарем. В том же году он был рукоположен в сан священника к Георгиевской церкви. С 1923 года он состоял секретарем

при Святейшем Патриархе Тихоне. В 1924 году отец Владимир был награжден наперсным крестом за труды по канцелярии Церковного управления при Святейшем Патриархе Тихоне.

Высокое положение священника, хорошо знавшего как Патриарха Тихона, так и заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, у которого он исполнял многие церковные поручения, а также близкое расположение храма, где служил отец Владимир, к зданию ОГПУ на Лубянке, натолкнуло сотрудников ОГПУ на решение привлечь священника к сотрудничеству.

9 января 1932 года власти вызвали протоиерея Владимира для допроса и предложили сотрудничество с ОГПУ. Но священник не согласился на это предложение ни под влиянием уговоров, ни под нажимом угроз, и следователь вынужден был потребовать от него расписку, что тот обязуется "хранить в абсолютной тайне от всех лиц происходивший разговор между мною и представителем ОГПУ, и в случае разглашения я буду отвечать перед Коллегией ОГПУ вплоть до применения ко мне самой высшей меры наказания". 8 февраля священник был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. На следующий день состоялся допрос.

- Что вы можете сказать по поводу группирования вокруг себя антисоветски настроенных церковников? - спросил следователь.

- Никакой группировки я не устраивал, - ответил священник.

- Происходили ли нелегальные собрания актива церкви при вашем руководстве?

- Таких собраний не было. У нас при церкви вообще собраний почти не было.

- Часто ли вами поминаются в церкви заключенные за контрреволюционную деятельность?

- Насколько часто, я сказать не могу, но когда подаются записки о поминовении заключенных, я всегда поминаю.

- Говорили ли вы среди верующих о том, что скоро конец советской власти и Россией будет управлять царь, потерпите немного и так далее?

- Никогда против советской власти я не говорил.

15 февраля ОГПУ приняло окончательное решение об аресте священника. 25 февраля, после нескольких дней угроз, снова состоялся допрос. Но священник держался мужественно и спокойно, казалось, отсутствуя на допросе, и следователь вынужден был спросить его:

- Слышали ли вы, в чем вас обвиняют?

- Да, слышал.

- Признаете ли вы себя виновным в этом?

- Виновным себя в антисоветской агитации и группировке вокруг себя антисоветского элемента не признаю.

2 марта 1932 года уполномоченный ОГПУ составил заключение по "делу" отца Владимира, где написал: "По своим убеждениям Преферансов является реакционно настроенным человеком. Долгое время работал в канцелярии у Патриарха Тихона, а в последующем - в Синоде митрополита Сергия. Одновременно являлся священником церкви Георгия на Лубянском проезде, где группировал вокруг себя антисоветский элемент и занимался систематической антисоветской агитацией".

14 марта 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Владимира к трем годам ссылки в Семипалатинск. Здесь он познакомился со священником Константином Некрасовым, который, по-видимому, и пригласил его приехать по окончании срока ссылки в город Можайск, зная, что отбывшим ссылку запрещено жить в Москве.

В 1935 году отец Владимир вернулся из ссылки и поселился в Можайске. Вернулся он тяжело больным. Власти вновь предложили священнику стать осведомителем и в обмен за согласие на сотрудничество обещали дать хороший приход, но отец Владимир от этих предложений отказался, и за это власти не дали ему возможности служить. Свой дом в

Москве, где жила его жена, Мария Петровна, он мог посещать только тайно, не задерживаясь в нем более чем на сутки. 5 декабря 1937 года власти арестовали священника, и он был заключен в тюрьму в Можайске. Отца Владимира обвинили в том, что он, "имея крепкие связи со священниками, возвратившимися из ссылки, проживающими в городе Можайске, и с другим контрреволюционным элементом, проживающим вне города Можайска, будучи враждебно настроен против советской власти, среди окружающего населения проводил скрытую контрреволюционную деятельность".

- Что вам известно о контрреволюционной деятельности со стороны духовенства? - спросил его следователь.

- О контрреволюционной деятельности мне ничего неизвестно.

- Какую контрреволюционную деятельность вы проводили и проводите в данный момент?

- Никакой контрреволюционной деятельности я не проводил и не провожу, - ответил священник.

9 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила протоиерея Владимира к расстрелу. Священник Владимир Проферансов был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Владимир (Рясенский) (память 21 ноября по старому стилю)

Священномученик Владимир родился в 1891 году в городе Осташкове Тверской губернии в семье священника Федора Рясенского. По окончании Тверской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника к церкви села Ясенович Вышневолоцкого уезда. 2 сентября 1916 года о. Владимир по его прошению был переведен в храм погоста Волго Осташковского уезда. В двадцатых годах он служил в Знаменском храме в Осташкове. Много раз священника вызывали в ЧК и с угрозами требовали, чтобы он прекратил произносить проповеди, но каждый раз он отвечал: "Произносил и произносить буду".

В ноябре 1929 года скончался один из старейших священников Осташкова, бывший много лет благочинным, протоиерей Иоанн Бобров. Уважение к этому пастырю было столь велико, что отпевание собрало в храм почти весь город, пришли монахини Знаменского монастыря, многие рабочие завода, и шествие от собора до кладбища растянулось на полгорода. В соборе и затем на кладбище многие священники говорили проповеди в память почившего. Отец Владимир, в частности, сказал, что протоиерею Иоанну пришлось много претерпеть гонений от властей, он был одним из первых, кого власть стала преследовать, и еще в 1918 году он был приговорен к тридцати годам заключения. Арест, следствие и заключение пагубно отразились на здоровье о. Иоанна и способствовали приближению его кончины.

Подходил к концу 1929 год; распоряжением властей многие крестьяне и духовенство были заключены в концлагеря или расстреляны; служение священническое венчалось в те годы подвигом исповедническим и мученическим. И прошло совсем немного времени после похорон о. Иоанна, когда самому о. Владимиру пришлось исповедовать верность Богу и православию в узах.

Некий шорник, имевший в Осташкове мастерскую, чтобы избавиться от строгого надзора жены и ездить в Москву по своим делам и погулять с приятелями, придумал "уважительный" предлог для отлучек из дома. И решил, что лучше рассказать жене и

шурину, рабочему кожевенного завода, что он ходит на тайные религиозные контрреволюционные собрания в Житный монастырь, что существует организация, называющая себя "Красный якорь", имеющая печать с изображением якоря. Собрания будто бы происходят в подвале монастыря, и для безопасности даже выставляются часовые. О чем говорилось на этих собраниях и кто состоял в "контрреволюционной" организации, шорник придумывать не стал. Однако, выслушав его объяснения и видя, что теперь наступило время, когда все газеты и власти в своих распоряжениях говорят о контрреволюции, шурин обо всем написал в Осташковское ГПУ и в конце декабря 1929 года был вызван к следователю для допроса, на котором подтвердил все ранее сообщенное.

Тогда же был вызван для допроса заведующий рыбными промыслами в Осташкове - вероятно, по близости расположения его конторы к монастырю. Он показал, что хорошо знает председателя церковного совета монастыря Дмитрия Мельникова, который еще в 1927 году предлагал на церковном собрании добиться от властей разрешения на устройство крестного хода в Нилову пустынь. По его инициативе собирались для Ниловой пустыни пожертвования. Дмитрий Мельников был противником обновленцев и в 1929 году на Ильин день устроил крестный ход без разрешения властей, только ради того, чтобы народ не шел к обновленцам. После категорического запрещения крестных ходов в Нилову пустынь Дмитрий Мельников от лица благочиннического совета подал властям ходатайство о разрешении крестных ходов из всех городских церквей Осташкова в Житный монастырь. Такое разрешение было ему выдано, но затем административный отдел забрал разрешение обратно. Во время погребения протоиерея Боброва священники устраивали панихиды и собрания в соборе в течение четырех дней, когда говорились антисоветские проповеди и, в частности, священником Владимиром Рясенским, а сами похороны были приурочены к вечернему времени, чтобы освободившийся от работы народ смог принять в них участие.

В 1930 году после опубликования в газетах интервью митрополита Сергия председатель церковного совета Дмитрий Мельников обратился с просьбой к одному из членов церковного совета, который был знаком с членом Синода митрополитом Серафимом (Александровым), чтобы выяснить, каковы, по мнению Синода, будут последствия этого интервью. Кроме того, посланец должен был через митрополита Серафима сообщить Священному Синоду о положении церковных дел в Осташкове, о том, что одну церковь Знаменского монастыря власти уже отобрали, что от соборного причта потребовали уплаты огромного налога, что часть монастырских помещений, где ранее размещались келии, власти отобрали и поселили в них рабочих. Положение таково, что если не удастся выплатить налоги за пользование собором, это грозит закрытием его и уничтожением монастыря. Все это посланец должен был изложить митрополиту, испросив у него совета. По приезде из Москвы посланец рассказал о своем посещении митрополита Серафима.

Это ли как свидетельство активности верующих в Осташкове, или решимость местного ГПУ исполнить постановление Политбюро по беспощадному аресту духовенства и церковников, но через непродолжительное время, летом 1930 года, ГПУ арестовало председателя церковного совета Дмитрия Мельникова, а затем еще несколько человек, принимавших деятельное участие в церковной жизни, и среди них священника Владимира Рясенского.

Во время заключения в тюрьме о. Владимира жестоко мучили, били, вырывали на голове волосы по волоску, но священник остался тверд в своем исповедании - не отрекся от Бога и не признал себя виновным в вымышленных преступлениях. Мужество его было удивительным. На заданные вопросы о знакомых ему священнослужителях о. Владимир отвечал: "Священнослужителей знаю, но разговоров на политические темы мы никогда не вели. Я лично - аполитичен и вопросами политики не интересуюсь; что касается Эклунда, то его я знаю как регента, в его доме я никогда не бывал и разговоров с ним не вел". Это

все, что услышали следователи ГПУ от священника, но продолжали допрашивать, добиваясь, чтобы он оговорил себя и других. Но помнил священник слово Христово: от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься, и на вопросы следователей отвечал сдержанно: "Мельникова я знаю как церковного старосту нашего собора и бываю у него только по службе, в Пасху и Рождество я приглашался к нему в дом. Я никогда не вел разговоров на темы о советской власти. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю".

23 декабря 1930 года следствие по делу священника, церковного старосты и нескольких мирян было закончено, на следующий день было составлено обвинительное заключение. Кроме священника, обвинялся Николай Ефимович Росляков - глубоко верующий человек, врач, выпускник медицинского факультета Московского университета. До войны 1914 года работал в Селижаровской земской больнице, а когда началась война, сразу ушел на фронт врачом в действующую армию, откуда вернулся только в 1919 году и поступил в Осташковскую больницу. В 1923 году он был арестован и приговорен к одному году принудительных работ за так называемую антисоветскую деятельность, ему было запрещено занимать должность врача в советских лечебных заведениях. Николай Ефимович стал лечить частным образом, что при его известности в городе никак не повлияло на его положение практикующего врача, и к нему так же, как и раньше, шли самые разные люди, включая партийных чиновников. Теперь его обвиняли среди прочего в том, что "сидя на балконе своей квартиры, он на флейте наигрывал "Боже, царя храни", а когда его спросили: "Что вы играете?" - он ответил: "Я выдуваю оставшиеся ноты и подготовляюсь к исполнению "Интернационала"". Как-то к нему на прием пришел человек и, ожидая в комнате, он не снял шапки, тогда врач сказал ему: "Здесь не исполком и не кабак, и сними свой колпак". Однажды некий отец пригласил Николая Ефимовича к своему больному сыну, прося, чтобы врач на дому сделал операцию. Николай Ефимович спросил больного: "Ты комсомолец?" Тот ответил отрицательно, и врач попросил показать крест, но креста, по-видимому, не было, и Николай Ефимович на это сказал: "Пойдешь воевать за китайцев".

В контрреволюционной деятельности был обвинен регент собора Константин Алексеевич Эклунд. Малым ребенком он был отдан обучаться пению сначала в хор Исаакиевского, а затем Казанского соборов в Санкт-Петербурге. Окончил в Санкт-Петербурге музыкальную школу и был приглашен регентом в Осташков. Его обвиняли в том, что в его квартире велись разговоры на политические темы, к которым он относился сочувственно.

Староста храма Дмитрий Мельников обвинялся в том, что выражал недовольство советской властью, хвалил прежние порядки и жизнь, жалел сосланных в ссылку, помогая им деньгами, говоря о них, что они - невинные жертвы коммунистического террора. Кроме того, протестовал против закрытия Преображенского храма и посылал с жалобами в Москву в Синод своего секретаря. Уже находясь в камере, он будто бы распространял среди заключенных слухи, что в колхозах люди голодают и хорошо ныне только колхозному начальству из коммунистов, которые живут, как бывшие помещики. У них на столах и свинина, и гусь, и курица, а остальным колхозникам нечего есть.

Шорник Павел Александрович Акимов был обвинен в том, что сам наговорил и напридумывал на себя, но только все придуманное следователь ему засчитал за правду.

Отца Владимира обвинили в том, будто бы он говорил: "Разложение религии соответствующими органами власти ведет к падению культуры народа и гибели России. Властители подзаборные и евреи занимаются грабежом богатой страны и сплавляют эти богатства за границу, этими же богатствами они откупаются от темных рабочих масс и тратят большие деньги на пропаганду".

Никто из обвиняемых не признал себя виновным в возводившихся на них государственных преступлениях, следственный материал не выдерживал ни малейшей критики, и уполномоченный ОГПУ решил, что "настоящее дело нецелесообразно

направлять на рассмотрение открытого судебного заседания, а потому направить его для внесудебного рассмотрения в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ". Тройка ОГПУ через несколько дней, 26 декабря 1930 года, приговорила врача Николая Рослякова к десяти годам заключения в концлагерь, священника Владимира Рясенского и регента Константина Эклунда - к пяти годам заключения в концлагерь, Павла Акимова - к трем годам заключения, старосту Дмитрия Мельникова - к пяти годам ссылки в Северный край. 30 января 1931 года священник, регент и двое мирян были отправлены этапом в концлагеря Мариинска.

Тяжелые условия следственной тюрьмы в Великих Луках, путешествия по пересыльным тюрьмам и непосильная работа в концлагере привели к тому, что отец Владимир Рясенский через полтора года скончался. Священник умер в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, 4 декабря 1932 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Владимир (Введенский) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Владимир родился 14 июля 1881 года в селе Погост-Архангельский Калязинского уезда Тверской губернии в семье священника Дмитрия Введенского. По окончании Тверской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника и служил в храме села Скнятино Калязинского уезда.

7 октября 1937 года о. Владимир был арестован и заключен в Кашинскую тюрьму, где его допрашивали в течение трех дней.

Были вызваны свидетели. Учитель из Скнятино передал беседу со священником, в содержании которой не было, впрочем, ничего преступного: "В 1937 году, примерно в январе, в квартире сына Введенского в присутствии жены и сына Введенского, Михаила, и его жены, Введенский в своем разговоре упорно отстаивал правильность идеализма, опровергая точку зрения материализма, говоря, что в основе всего существующего в мире есть идеальность, то есть Сам Бог. И это в скором будущем будет осознано большевиками, хотя они и отрицают Бога, но отрицают искусственно, закрывают народу глаза, а по существу уже к этому даже подошли сейчас. Вот возьмите новую конституцию, в ней уже прямо говорится о незапрещении отправлений религиозного порядка. Кроме того, второй факт: служителей культа лишали прав голоса, а сейчас их восстанавливают и даже не запрещают им служить. Большевики начинают одумываться, и придет время, что церковь не будет отделена от государства, а будет восстановлена так же, как восстанавливаются культурные учреждения".

На другой день следователи допросили заведующего складом станции Скнятино, и он, сказав, что знает о. Владимира девятнадцать лет, показал: "Введенский говорил, что колхозы не выгодны для крестьянина, крестьянину в них жить очень трудно, хотя большевики и говорят, что в колхозах крестьянин будет жить хорошо, но, по-моему, из этих колхозов ничего не выйдет и они развалятся... Введенский говорил, что советская власть только пишет в газетах, что Республиканская армия Испании имеет победы над мятежниками, но это все наоборот. Республиканская армия Испании успехов не имеет, а имеет одни поражения, а Советский Союз пишет для того, чтобы замазать народу глаза. В 1936 году Введенский при исповеди детей дошкольного возраста говорил им, по слухам, чтобы почаще ходили в церковь молиться Богу, поменьше читали советскую литературу".

Следователь спрашивал о. Владимира:

- Следствию известно, что вы проводили антисоветскую агитацию среди колхозников. Признаете ли вы себя в этом виновным?

- Антисоветской агитации среди населения не проводил и виновным себя в этом не признаю, - ответил священник.

- Скажите, с кем вы встречались на берегу Волги? Когда и какие вели разговоры?

- Я встречался на берегу Волги с гражданином Строгиным, мы разговаривали о быте и жизни, о лесосплаве, кто сколько зарабатывает, а также об урожае. Строгин мне говорил, что колхозники нынешний год получат много хлеба...

После подобного рода допросов сотрудник НКВД составил обвинительное заключение, где писал, что хотя обвиняемый не признал себя виновным, но "достаточно изобличается свидетельскими показаниями". 1 ноября Тройка НКВД приговорила о. Владимира к расстрелу. Священник Владимир Введенский был расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Владимир Амбарцумов (память 23 октября по старому стилю)

Священномученик Владимир Амбарцумов родился 20 сентября 1892 года в Саратове. Его отец, Амбарцум Егорович, происходил из города Шемахи Бакинской губернии и был почетным гражданином этого города, одним из сподвижников основателя обучения глухонемых в России Федора Андреевича Рау. Первая жена Амбарцума Егоровича умерла при родах, оставив мужу трех малолетних детей. После ее смерти он переехал в немецкую колонию Сарепту под Царицыном в поисках воспитательницы для осиротевших младенцев. В местной кирхе ему порекомендовали благочестивую девицу из лютеранской семьи Каролину Андреевну Кноблох; она согласилась взять на себя заботы о детях Амбарцума Егоровича и со временём стала его женой. Во втором браке у него родилось еще трое детей, младшим из которых был Владимир. Детей воспитывали в лютеранской вере.

Дочь священномученика Владимира, Лидия Владимировна Каледа, пишет: "Для старшего поколения родственников отца Владимира были характерны духовные искания и активная общественно-религиозная жизнь... В роду Кноблох были миссионеры, страдавшие от иноверцев. Сама Каролина Андреевна была глубоко верующей и вышла замуж из-за сострадания к овдовевшему Амбарцуму Егорычу и его трем осиротевшим детям... Родная сестра Каролины Андреевны, Ольга, принимала активное участие в жизни Сарептской лютеранской общины, за что в середине 30-х годов высылалась в Вятку... Активная религиозная жизнь была характерна и для рода Амбарцумовых. Брат Амбарцума Егорыча, Саркиз, был видным религиозным деятелем в Армении".

В Саратове, по семейному преданию, Амбарцум Егорович содержал частную школу для глухонемых. Будучи человеком милостивым, нестяжательным (детей бедняков он учил безвозмездно) и, по-видимому, непрактичным, он не смог справиться с финансовыми трудностями и разорился. Из Саратова семья Амбарцумовых в конце 1890-х годов переехала в Москву и поселилась на Шаболовке. Владимир поступил учиться в Московское Петропавловское училище при Петропавловской лютеранской церкви, находившееся в Петроверигском переулке.

Володя был резвым и смелым мальчиком. Однажды во время ледохода он на спор перебежал по льдинам Волгу около Саратова. Другой раз на пари пролежал под проходящим поездом. Он "с ранних лет... очень любил природу, много бродил по лесам, хорошо знал пение птиц; имея прекрасный слух, умел вторить любой птице. Он их любил особенно и всегда мечтал иметь целое окно птиц. В лесу он всегда слышал пение птиц и сразу определял, какая поет, и удивлялся, что мы этого не слышим. Охотником папа

никогда не был. В юности у него была собака терьер-фокс Дорон, спасенная им от мучивших его мальчишек. Дорон был очень умным псом и очень любил папу. Папа научил его всяким фокусам, в частности лазанью по деревьям за кошками... Папа был очень музыкальным, умел играть на скрипке, фисгармонии и хорошо пел. Видимо, его музыкальность способствовала изучению иностранных языков. Он знал греческий, латынь, английский и немецкий".

В училище Владимир увлекся физикой, особенно электричеством. Дочери он показывал круглую дыру под окном в доме на Шаболовке, которую некогда пробил, соорудив электрическую "пушку". Своей "сестре Наташе он часто подсовывал какие-нибудь электроды, и ее било током, он довел ее до того, что при виде какого-нибудь блестящего предмета она с криком убегала".

После окончания училища в 1911 году юноша поступил в Московский Императорский университет, где проучился полтора года. В марте 1913 года по настоянию матери он переехал в Германию, чтобы продолжить образование в Берлинском университете, считавшемся лучшим в мире по техническим наукам. В Берлине он жил у родственников Каролины Андреевны, а средства на учебу зарабатывал частными уроками. Здесь Владимир познакомился с христианским студенческим движением, целью которого была проповедь слова Божия среди молодежи, а основной формой деятельности - изучение Евангелия в небольших кружках. Владимир Амбарцумович стал активным членом движения и, возможно, уже тогда перешел в баптизм. Позднее он говорил: "Баптизм - это первый класс, но нельзя всю жизнь ходить первачком".

Отъезд его из Берлина, как пишет дочь, "был знаменательным. Проснувшись утром, он неожиданно почувствовал, что надо срочно возвращаться в Россию. Поезд из Берлина в Россию шел, огибая город, и имел несколько остановок. Когда отец принял решение ехать на родину, поезд уже отходил от первой станции. Папа успел окончить свои дела и на последней станции сел в этот последний или предпоследний поезд из Германии в Россию накануне первой мировой войны".

Образование он продолжил на физико-математическом факультете Московского университета. В те годы в университете также существовал христианский студенческий кружок, и Владимир принял активное участие в его деятельности. В России в христианское студенческое движение входила и православная интеллигенция. В кружке он познакомился с Валентиной Георгиевной Алексеевой, на которой женился в 1916 году. "Родители решили всю свою жизнь посвятить проповеди слова Божия", - пишет Л. В. Каледа.

Владимир Амбарцумович был талантливым физиком, и его ждала блестящая карьера, однако после окончания университета в 1917 году он оставил научную деятельность, стал зарабатывать на жизнь частными уроками и продолжал трудиться в кружке. В 1917 году у Амбарцумовых родился сын Евгений, в 1919 году - Виктор. В конце 1919 года из-за голода в Москве семья переехала в Самару, где Владимир Амбарцумович сблизился с Владимиром Филимоновичем Марценковским (U 1970 г.), по благословению Патриарха Тихона проводившим активную проповедническую деятельность среди учащейся молодежи. Здесь Владимир Амбарцумович организовал около десяти христианских кружков, в каждый из которых входило от десяти до пятнадцати человек. Собрания кружков вначале устраивались на частных квартирах, а затем был приобретен дом, в одной половине которого поселилась семья Амбарцумовых, а в другой проводились занятия и собрания кружков. За активную деятельность по организации молодежного христианского движения проповедник в 1920 году был арестован и перевезен в Москву. Это был его первый арест. Через пять недель его освободили из заключения с подпиской о невыезде из столицы. Жена навещала его в Москве, а после смерти в 1921 году сына Виктора переехала к нему со старшим сыном.

Восстановив связь с московским студенчеством, Владимир Амбарцумов организовал новый христианский кружок. В Кречетниковском переулке (снесен в связи со

строительством Нового Арбата) нашли брошенный дом и силами студентов привели его в порядок. Здесь поселились Амбарцумовы и наиболее активные члены кружка и проводились занятия с молодежью по изучению Евангелия. В начале 1920-х годов христианское студенческое движение получило развитие во многих городах России. Его объединяющим центром стал Центральный комитет христианских студенческих кружков, председателем которого был избран Владимир Амбарцумович. Комитет вел организационную работу, устраивал съезды представителей кружков (последний легальный съезд проводился в 1924 году).

В 1922 году в семье Амбарцумовых родилась дочь Лидия, а 24 мая следующего года умерла от пищевого отравления Валентина Георгиевна. Перед смертью, прощаясь с мужем, она говорила: "Володенька, я умираю. Но ты не очень скорби обо мне. Я только прошу тебя: будь для детей не только отцом, но и матерью. Поручаю тебе их, и Женечку, и Лидочку, и Никиту" (Никита был приемным сыном Амбарцумовых; впоследствии он нашел своих родственников и уехал на родину в Чувашию). Времена будут трудные. Много скорби будет. Гонения будут. Но Бог даст сил вам, и все выдержите..."

"Папа очень любил маму, - пишет Л. В. Каледа, - и часто повторял, что не знает, где кончается он и где начинается она. Очень переживая смерть супруги, папа, как мне рассказывали его друзья, внешне держался спокойно".

Похороны Валентины Георгиевны пришлись на Троицкую родительскую субботу и проходили необычайно торжественно: "Все были в белых платьях и пели песнопения. На могиле много говорили о маме, говорил и папа". Через много лет, уже будучи священником, отец Владимир исповедовал человека, который рассказал ему, что толчком, послужившим его приходу к вере, было необычное зрелище: похороны а все одеты как на торжество, все радостные и все поют... "Это были похороны моей жены!" - сказал отец Владимир. Незадолго до смерти Валентина Георгиевна беседовала со своей подругой о заупокойных молитвах. Обе они были баптистками и отрицали значение этих молитв. На сороковой день после кончины Валентины Георгиевны эта подруга увидела ее во сне и стала рассказывать усопшей о ее муже и детях, но та сказала: "Это не то, а вы молитесь за меня? Молитесь, молитесь, это нужно".

"После смерти мамы нас сперва хотели разобрать и взять к себе разные друзья и родственники, но, чтобы сохранить семью, нас стала воспитывать и отдала нам всю свою жизнь ее очень близкая подруга, Мария Алексеевна Жучкова, считавшая мою маму своей духовной матерью. Мария Алексеевна всегда была православной. Это был великий человек, пожертвовавший для нас своей личной жизнью и счастьем иметь своих детей, чтобы мы не остались сиротами. Для меня она стала "мамой". Вскоре после смерти мамы Женя как-то сказал Марии Алексеевне: "Я бы тоже стал вас звать мамой, но боюсь, что надо мной будут смеяться". "Мама" очень расстроилась, что Женя так скоро забыл мать, но папа ее успокоил: "Что вы хотите от ребенка, ему нужна мать". Так она стала матерью для нас обоих. Жене сказали, что, если он хочет, он может звать ее мамой. Но так как родители, то есть папа и "мама", были на "Вы", то, видимо, от этого у нас в семье к папе обращались на "ты", а к "маме" на "Вы". От нас никогда не скрывали, что мама умерла, и мы всегда, как я себя помню, ездили 24 мая на ее могилу на Ваганьковское кладбище...

О папе было предсказано, что он будет священником (священство ему предсказала блаженная Мария Ивановна (U 1931 г.) из Дивеева, где первый раз он был еще до перехода в Православие), поэтому Мария Алексеевна, зная, что второженец не может быть священником, отказалась выйти за него замуж. Еще она боялась быть нам мачехой, если будут свои дети... Об этом разговор у них был только один раз. Больше отец к этому вопросу никогда не возвращался..."

После смерти жены Владимир Амбарцумович целиком посвятил себя работе в кружке и жил в основном на его средства (время от времени он находил работу, не требовавшую от него большой отдачи: в 1922-1923 годах состоял на службе в Рентгеновском институте, а в 1923-1924 годах - в Союзе коммунальников). До 1924 года христианские студенческие

кружки пользовались всеми правами легальных общественных организаций, проводили публичные лекции на религиозные темы, в том числе и в Политехническом музее. В 1924 году деятельность христианского студенческого движения была запрещена советской властью, и многие его руководители были готовы подчиниться запрещению, но Владимир Амбарцумович рассудил иначе. Он считал, что в такое сложное и бурное время, какими были послереволюционные годы, христианское просвещение в России необходимо, и продолжил деятельность нелегально. Занятия проводились на частных квартирах; собирались членские взносы, организовывались съезды представителей кружков (последний состоялся летом 1928 года в Подмосковье).

Вслед за запрещением на движение обрушились репрессии, и проповедник чудом избежал ареста. Однажды он ночевал в доме Николая Евграфовича Пестова (1892-1978 гг., известный православный писатель) куда с ордером на обыск и арест пришли сотрудники ОГПУ. Чекист, проводивший обыск, не знал, что перед ним председатель студенческого движения; он продержал его всю ночь и рано утром отпустил, арестовав только хозяина квартиры. Владимир Амбарцумович пошел по Москве от одних друзей к другим, но у всех в этот ранний час горел свет - шли обыски. Проходив по городу до открытия парикмахерских, он сбрил бороду и усы, постриг волосы, затем сменил обычные очки на пенсне.

После этого случая он полностью перешел на нелегальное положение - уволился с гражданской службы и не имел постоянного места жительства. "Мы в то время жили в Манихино, - вспоминает дочь, - в каком-то барском доме. "Маме" сообщили, что папа ждет ее на поляне. Она пришла туда и видит, что там сидит какой-то совсем чужой человек, с большим трудом она узнала в нем папу... Ночевал в это время он у друзей, иногда снимал на короткое время какую-нибудь комнату. Нередко бывало, что, войдя в какой-нибудь дом, при выходе он одевал другую одежду, чтобы быть менее узнаваемым... А мы в это время молились об отце: "Господи, дай, чтобы папа опять был с бородой".

Несмотря на опасность положения, он продолжал работу в кружке. В эти годы под его непосредственным руководством занимались Николай Овчинников (впоследствии иеросхимонах Нектарий, служивший в соборном храме Ельца), Валерий Поведский (впоследствии священник Таллиннской епархии), Василий Евдокимов (впоследствии священник Ташкентской епархии), врач Сергей Сергеевич Утешев, психиатр Дмитрий Евгеньевич Мелихов. В середине 1920-х годов среди близких знакомых Владимира Амбарцумовича появилось много православных; тогда же он познакомился с отцом Валентином Свенцицким, оказавшим большое влияние на его духовную жизнь. В 1925 году в Никольской церкви на Ильинке отец Валентин крестил детей, а в начале следующего года и их отец принял Православие. ("В Манихино "мама" нас водила в церковь, но никогда не причащала, что очень смущало священника (мы же были некрещеные). Папа, видя скорбь "мамы", решил нас крестить до своего присоединения к Православию".) Став прихожанином Никольского храма на Ильинке, Владимир Амбарцумович сразу включился в жизнь прихода, начал прислуживать и читать в церкви, принял участие в организации и осуществлении паломничеств в Дивеево и Саров. (В эти годы он жил на средства, получаемые от частных уроков по немецкому языку и общеобразовательным предметам.)

В конце 1927 года он, как ставленник протоиерея Валентина Свенцицкого, был направлен в город Глазов к епископу Ижевскому Виктору (Островидову) и 4 декабря в кафедральном Преображенском соборе рукоположен во диакона, а 11 декабря - во иерея и определен на служение к Георгиевской церкви Глазова. Через две недели отец Владимир был перемещен на службу в Московскую епархию и назначен настоятелем московского Князе-Владимирского храма в Старосадском переулке. Вторым священником в храме был отец Сергий Барделиус (впоследствии иеромонах Феодор, погиб в 30-х годах в заключении).

С этого времени началось непродолжительное открытое служение Церкви священномученика Владимира. По свидетельству прихожан Владимирского храма, он служил вдохновенно, особенно в праздники. Как писал протоиерей Глеб Каледа, бывший духовным сыном отца Владимира, "праздничные богослужения его были благоговейным восторгом, который охватывал весь храм". Проповедовал он "живо и доходчиво"; особенно большое влияние оказывал на молодежь и подростков; "как пастырь он, казалось, был создан прежде всего для них".

В 1928 году отец Владимир разошелся с отцом Валентином Свенцицким из-за крайних неповиновенческих взглядов последнего и перешел под духовное руководство архимандрита Георгия (Лаврова). Декларация от 29 июля 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) вызвала резкий протест у отца Валентина; после ее выхода он почти до самой своей кончины не признавал духовной власти митрополита Сергия. Отец Георгий, напротив, убеждал своих духовных чад не вносить новых разделений в Церковь, и без того бедствующую, и остался на стороне Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В мае 1928 года отец Георгий был арестован и после вынесения приговора выслан в Казахстан, в поселок Кара-Тюбе.

В эти годы отец Владимир был близок с епископом, впоследствии митрополитом, Мануилом (Лемешевским, U 1968 г.), который часто служил в храме Святого князя Владимира; с отцом Сергием Мечевым (расстрелян в 1941 году; с Сергеем Алексеевичем Никитиным, впоследствии епископом Калужским и Боровским Стефаном (U 1963 г.). Летом 1928 года по просьбе священника Василия Надеждина, с которым у него также сложились близкие отношения, он временно служил в храме во имя Святителя Николая у Соломенной Сторожки. Отец Василий после продолжительной болезни уехал лечиться на кумыс, доверив отцу Владимиру своих духовных чад. Тот в короткое время расположил к себе прихожан Никольского храма своей деликатностью и полным отсутствием желания "завоевать" их сердца, принадлежавшие другому пастырю.

В 1929 году Князе-Владимирский храм был закрыт. Оставшись без места, отец Владимир с сыном пытался проехать к отцу Георгию в Кара-Тюбе, но из-за голода и болезни сына был вынужден вернуться в Москву. Дочь вспоминает, что при отъезде отца она "так плакала, что папа полдороги, к недоумению Жени, не мог прийти в себя". Когда же они вернулись, она радовалась и говорила, что Господь услышал ее молитвы и вернул папу.

В октябре отца Василия Надеждина арестовали и сослали в Кемский концлагерь, и 19 февраля 1930 года он скончался в Кеми, перед кончиной написав письмо своим духовным детям и отцу Владимиру, прося его возглавить осиротевший приход. Отец Владимир откликнулся на эту просьбу и стал настоятелем храма Святителя Николая у Соломенной Сторожки; вместе с ним служил отец Михаил Шик, впоследствии принявший мученическую кончину в Бутове 27 сентября 1937 года. Община Никольского храма, созданная в 1920-е годы отцом Василием, была известной в Москве. Храм посещало много молодежи; прихожане, в основном жители поселка при Сельскохозяйственной академии, занимались преимущественно наукой. Когда после революции запретили преподавание Закона Божия в школах, группа профессоров академии обратилась к отцу Василию с просьбой организовать религиозно-нравственное воспитание их детей. Батюшка часто проповедовал, не жалея сил для того, чтобы уберечь свою паству от соблазнов безбожного времени. Он создал прекрасный молодежный хор, устраивал беседы об основах православного вероучения, посещал с молодежью концерты классической музыки, разбирал литературные произведения.

Отец Владимир сумел сохранить и укрепить никольскую общину. Его службы и проповеди собирали полный храм. Прихожанам запомнились беседы на темы апостольских посланий и Евангелия; они были содержательными и поучительными, но более рациональными, чем проповеди отца Василия. Со свойственной ему ревностью священномученик Владимир заботился о благолепии храма, уделял много внимания

церковному хору. Обладая прекрасным музыкальным слухом и красивым голосом, он хорошо знал и любил богослужебное пение и часто обсуждал с регентом предстоящие службы, выбирая соответствующие песнопения. Он считал, что в храме ничто не должно отвлекать внимание от молитвы. Как-то он сказал регенту правого хора Ольге Павловне Шпор: "Выхожу на амвон, смотрю на ваш хор - цветник, а не церковный клирос: платочки и шапочки всех видов, цветов и узоров". После этого девушки-певчие стали надевать черные платки, и хор внешне воспринимался как единое целое.

Священномученик Владимир "был высокого роста с черными длинными волосами, всегда с бородой, и в молодости тоже". Он обладал твердым, не терпящим компромиссов характером и в то же время был очень миролюбив и не переносил ссор. С каждым человеком, за очень редким исключением, он разговаривал как с самым важным и дорогим. Он запечатлелся в памяти духовных детей как очень цельная личность; окружающих всегда поражал сосредоточенный взгляд его темно-карих глаз; трудно было представить у него хаотическое блуждание мыслей, как это бывает у большинства людей. Он мог сосредоточенно молиться среди шума и суеты; его близкие, у которых он нередко жил, вспоминают, как он подолгу молился, стоя в углу комнаты, в которой жизнь шла своим чередом: кто-то разговаривал, ел, спал и т. л "Вспоминая его, - писал протоиерей Глеб Каледа, - стыдно оправдываться и слушать оправдания других, что не было условий для молитвы".

Весной 1931 года благочинный предложил духовенству следовать формуле поминовения властей введенной Временным Патриаршим Священным Синодом при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии, и определить свое отношение к июльской Декларации 1927 года. В случае несогласия предлагалось уволиться на покой, чтобы не подпасть под запрещение в священнослужении. Отец Владимир признавал иерархическую власть митрополита Сергия, но сомневался в каноничности его местоблюстительства, хотя и не решался его отрицать, поэтому он принял решение выйти за штат и в сентябре 1931 года поступил на службу в Научно исследовательский институт птицеводства заведующим группой измерительных процессов.

Находясь на гражданской службе, он продолжал активную духовно-религиозную работу: руководил своими духовными детьми, совершал службы в домах наиболее близких из них, исповедовал, занимался с молодежью. Не имея возможности часто встречаться с духовными детьми, он прикреплял духовно неопытных чад к духовно и жизненно зрелым.

Сам испытав тяготы лишенства, отец Владимир разыскивал семьи репрессированных и организовывал им постоянную материальную помощь. В то время он имел неплохой заработок, значительную часть которого отдавал неимущим, ограничивая потребности своих собственных детей, оставляя самый минимум и не допуская никакого излишества.

"Помню, у меня были туфли, - пишет Л. В. Каледа, - а кто-то подарил мне синие резиновые тапочки, папа их у меня отобрал и отдал нуждающейся семье". Своих духовных детей, имеющих достаток, он благословлял помогать семьям лишенцев, требуя, чтобы помощь поступала регулярно в договоренном объеме и в четко определенный срок.

Среди семей, которым помогали отец Владимир и его духовные дети, были семьи отца Василия Надеждина; отца Михаила Соловьева, впоследствии архиепископа Тихвинского Мелитона (U 1986 г.); отца Сергия Сидорова, принявшего мученическую кончину в Бутове 27 сентября 1937 года, и др.

Дочь вспоминает, как в начале 30-х годов они с отцом ходили по Сергиеву Посаду и искали семью отца Владимира Медведюка, "с которым папа, видимо, был достаточно хорошо знаком, так как они одно время служили в соседних храмах".

5 апреля 1932 года отец Владимир был арестован органами ОГПУ как "активный участник Всесоюзной контрреволюционно- монархической организации "Истинно Православная Церковь". На допросе он дал следующие показания:

"...Формулу, введенную Сергиевским Синодом, о поминовении властей я считал для себя неприемлемой (как новшество) и поэтому ее не употреблял. Это, в частности, было одним из мотивов моего ухода от священнической деятельности. Как верующий человек я, естественно, не могу разделять политики соввласти по религиозному вопросу... Фамилии своих знакомых предпочитаю не называть, дабы не навлечь на них неприятностей... Ведя организованную работу среди молодежи, я ставил перед собой задачу удовлетворения их личных запросов, в духе христианского понимания жизни. Это были частью из числа прихожан церкви Соломенной Сторожки, частью - не прихожане. Организованной эту работу понимать следует в том смысле, что отношения эти были результатом личного доверия, дружбы. Постепенно эти люди от меня отошли - в силу моей загруженности и намерения оставить эту деятельность. По социальному признаку это были, главным образом, советские служащие, преимущественно женщины. Повторяю, что назвать персонально этих людей я отказываюсь по моральным и религиозным причинам..." В обвинительном заключении, составленном в июне 1932 года, ему инкриминировалась "контрреволюционная работа среди молодежи". Фактически же арест был связан с непризнанием декларации митрополита Сергия. По этому делу было арестовано более ста человек духовенства и мирян, не поминающих митрополита Сергия, в том числе и большая группа прихожан Соломенной Сторожки.

Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ СССР 7 июля 1932 года священномученик Владимир был приговорен к высылке в Северный край сроком на три года, но затем было постановлено приговор считать условным и обвиняемого "из-под стражи освободить", о чем ходатайствовало руководство Академии наук, где он в то время работал.

После освобождения отец Владимир продолжал работать научным сотрудником в ряде научно-исследовательских организаций, занимался разработкой и конструированием различных приборов и установок, имел авторские свидетельства на изобретения. "Помню, он что-то паяет, а потом ходит дует куда-то в трубку. Так он сделал мне маленькую железную чернильницу "невыливайку", так как в школе не было чернил и мы носили их из дома в пузырьках или стеклянных чернильницах и, кувыркая их, вечно обливались чернилами. Вместе с владыкой Мануилом он увлекался инкубаторами, и курами. У меня с Женей были свои куры, для которых папа сделал специальный курятник из фанеры с гнездами и специальной поилкой из перевернутой бутылки".

До зимы 1934-1935 годов отец Владимир не имел возможности жить со своими детьми, которых очень любил. Дети с Марией Алексеевной жили в Подмосковье, снимая комнаты то в одном, то в другом месте, а отец Владимир скитался из квартиры в квартиру по своим московским друзьям. Иногда, войдя в чей-нибудь дом, он видел, что там и так много народа, и уходил, ища пристанища на ночь в другом месте. Соскучившись по семье, он ехал ее навещать, говоря: "Я поехал в Лидино" - так по имени дочери он называл места, где жил и дети.

"Когда папа священствовал, - вспоминает Лидия Владимировна, - то мы были лишенцами, не получали карточек и не могли поступать в институт. Папа привозил продукты из Москвы, то, что нам собирали на приходе - собирали, урывая от себя". Когда дети подросли, он старался приезжать регулярно, хотя бы раз в неделю, занимаясь их воспитанием и образованием. "Помню, мы с Женей "делили папу" по часам, и иногда когда Женино время кончалось и он не отходил от папы, говоря: "О чем тебе с Лидой говорить, только о куклах", а я плакала".

Отец Владимир читал с детьми Слово Божие, с каждым отдельно. Кроме того, он учил дочь обиходному пению, а с больным сыном, не имевшим возможности посещать школу, занимался физикой и математикой. Полученных в это время знаний Евгению было достаточно, чтобы, когда он стал студентом-филологом, подрабатывать себе на жизнь репетиторством по физике и математике.

В 1933 году повсеместно проводилась паспортизация, и отцу Владимиру для получения паспорта пришлось уехать на год в город Россошь. В 1934 году он возвратился

в Москву и устроился на работу в Институт климатологии в поселке Кучино. Здесь он снял две комнаты, в которых поселился вместе с детьми и Марией Алексеевной; затем им представилась возможность переехать в Никольское - ближе к Москве.

"Эти годы были для меня самыми счастливыми, - пишет Л. В. Каледа, - папа жил всегда с нами. Наконец пришла возможность привести нашу фисгармонию, и папа с наслаждением играет на ней и поет духовные и церковные песнопения, "песни Сиона" - песни и гимны студенческого кружка: "Непобедимое дано нам знамя, среди гонений его вознесем, Бог нас в любовь приобрел! Себе вечно, и нам победу дает Христос"...

Папа, сам будучи с рождения не православным, очень всегда просил "маму" держать православный быт в доме. Все церковные праздники у нас; отмечались, конечно, хождением в церковь, а также праздничным столом, на который "мама" была мастерицей, несмотря на скудость продуктов...

В церковь мы ходили в "Салтыковке" (храм в честь Почаевской иконы Божией Матери у станции Салтыковка).

Папа обычно стоял в алтаре. В неделю Святых отцов перед Рождеством папа всегда читал Апостол и очень подчеркивал слова "ВЕРОЮ..." (Евр. 12:36-39). И теперь в этот день я всегда почти со слезами вспоминаю своего отца, так как это чтение подходит к его жизни: "Друзии же руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами и темницею... И сии вси поспешествовани бывше ВЕРОЮ..."

В середине тридцатых годов отец Владимир стал духовным сыном иеромонаха Данилова монастыря Павла (Троицкого), почившего в 1992 году, после долгих лет жизни в затворе. Вместе с ним у отца Павла окормлялась и вся семья.

В августе 1937 года начались массовые аресты. "Каждое мгновение мы ждали ареста папы. Вечерами и ночью мы прислушивались к каждому автомобильному сигналу". В ночь с 8 на 9 сентября сотрудники НКВД явились в дом на окраине села Николо-Архангельское, неподалеку от Москвы, где в то время в двух маленьких проходных комнатках жила семья Амбарцумовых. Отец Владимир с сыном спали в сарае и, услышав стук, стали переговариваться, спрятано ли облачение. Пришедшие прошли на голоса в сарай, нашли облачение и предъявили ордер на арест. Начался обыск. Следователь искал священные сосуды и антиминс. Он с радостью хватал каждую шелковую тряпочку и все спрашивал: "Где это?" (он забыл слово "антиминс"). Но по слову Церкви: "Яко одушевленному Божию Кивоту, да никакоже коснется рука скверны" - святыни остались не оскверненными. Антиминс был спрятан внутри старой фарфоровой керосиновой лампы, которая стояла на шкафу. Священные сосуды - в вещах на чердаке. Следователи стали подниматься на чердак, но, видимо, устали и вернулись с половины лестницы. Забрали много всяких бумаг, писем, книг, молитвенники, комплект облачений, наперсный серебряный крест. Хотели забрать медальон с частицей мощей святителя Николая, отложили его с другими вещами на стол, но папы. Вечерами и ночью мы прислушивались к каждому автомобильному сигналу". В ночь с 8 на 9 сентября сотрудники НКВД явились в дом на окраине села Николо-Архангельское, неподалеку от Москвы, где в то время в двух маленьких проходных комнатках жила семья Амбарцумовых. Отец Владимир с сыном спали в сарае и, услышав стук, стали переговариваться, спрятано ли облачение. Пришедшие прошли на голоса в сарай, нашли облачение и предъявили ордер на арест. Начался обыск. Следователь искал священные сосуды и антиминс. Он с радостью хватал каждую шелковую тряпочку и все спрашивал: "Где это?" (он забыл слово "антиминс"). Но по слову Церкви: "Яко одушевленному Божию Кивоту, да никакоже коснется рука скверны" - святыни остались не оскверненными. Антиминс был спрятан внутри старой фарфоровой керосиновой лампы, которая стояла на шкафу. Священные сосуды - в вещах на чердаке. Следователи стали подниматься на чердак, но, видимо, устали и вернулись с половины лестницы. Забрали много всяких бумаг, писем, книг, молитвенники, комплект облачений, наперсный серебряный крест. Хотели забрать медальон с частицей мощей

святителя Николая, отложили его с другими вещами на стол, но Евгений потихоньку забрал его и спрятал.

"Мы собрали папе какие-то вещи и положили их в наволочку. Папа вышел из дома, мы его провожали. Когда проходили садом, я сорвала яблоко и подала папе. "Не надо", - сказал следователь. "У вас есть дети? - оборвала его "мама". - Так дайте же детям проститься с отцом". Священномученик Владимир попросил прощения у хозяйки дома за беспокойство. Она сказала, что давно поняла, что он священник. Это была простая верующая женщина. Дети проводили отца до железнодорожной линии, дальше их не пустили. С платформы он помахал рукой и сел вместе с сопровождающими в поезд... "Утешайтесь надеждою, в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны", - было написано на пасхальном яичке, присланном отцом Павлом (Троицким) Лидии Амбарцумовой на Пасху 1938 года. Отец Владимир был заключен в Бутырскую тюрьму. Допрашивали его 20 и 21 сентября и 12 октября 1937 года:"

- В каких контрреволюционных организациях, когда и где вы вообще состояли?

- Я никогда ни в каких контрреволюционных организациях и группах не состоял.

- А чем вы тогда объясняете арест членов христианского студенческого кружка, фактически занявшегося контрреволюционной деятель- ностью?

- Прежде всего, я глубоко убежден, что советская власть религиозных людей не понимала и не понимает по сие время, поэтому совершенно естественно, [что] уже тогда возникли подозрения в том, что христианский студенческий кружок, проповедовавший христианскую веру среди студенческой молодежи, занимается контрреволюционной деятельностью. Я этот факт категорически отвергаю, а поэтому не могу считать себя состоявшим в контрреволюционной организации.

- Назовите известных вам по 1920 году членов христианского студенческого кружка и укажите, где они находятся в настоящее время.

- Руководителями этой организации были: Марценковский Владимир Филимонович - лектор, примерно в 1921 году был выслан из пределов СССР за границу; где он находится, мне неизвестно, и связи с ним я не имею; Шереметьева Анна Сергеевна (бывшая графиня) - умерла примерно в 1933 году. Фамилий рядовых членов организации я не назову, ибо не нахожу нужным.

- Расскажите следствию, какую роль вы играли в христианском студенческом кружке в 1920 году.

- В городе Куйбышеве (бывшая Самара) я был активным руководителем организации, являясь председателем.

- Назовите круг ваших родственников и близких знакомых и укажите, где они живут, чем занимаются.

- Брат - Амбарцумов Аршак Амбарцумович, живет в городе Москве, Вспольный переулок, дом No 19, квартира 9, работает инженером Главугля; сестра - Амбарцумова Наталья Амбарцумовна, проживает в городе Москве, Владимиров проезд, дом No 6, работает учительницей глухонемых; что касается своих знакомых, то я их просто не назову, ибо не хочу компрометировать своей судьбой. Должен еще указать тетку Кноблох Ольгу Андреевну, которая выслана в Кировскую область в 1935 году из Сталинградского края, города Красноармейска, а за что - мне неизвестно...

- Следствие располагает данными, что вы у себя на квартире проводили тайные богослужения. Дайте показания по этому вопросу. - Тайных богослужений у себя на квартире я не проводил. Начиная с 1931 года я бросил работать как священник и с тех пор богослужениями не занимаюсь вообще, хотя сана с себя не снимал - не отказывался.

- Имели ли место случаи, когда во время личного богослужения присутствовали посторонние люди?

- Таких случаев не было...

- Вы на следствии 21 сентября 1937 [года] заявили, что категорически отвергаете контрреволюционную деятельность христианского студенческого кружка в 1920 году. Чем объяснить такую уверенность и гарантию в отношении этой организации и людей ее?

- На основании принятого устава этого кружка как сама организация, так ее члены должны были быть аполитичными. Поэтому я категорически заявляю, что ни сам кружок, ни его члены контрреволюционной деятельности не могли проводить.

- Вы вчера отказались дать показания в отношении лиц, входивших в организацию в 1920 году, известных вам сейчас как по месту жительства, так и по месту работы. Следствие настаивает, чтобы вы перечислили их.

- Так как я не усматриваю в деятельности этой организации ничего контрреволюционного, то я окончательно отказываюсь называть фамилии ее членов...

- Назовите круг лиц, посещавших вашу квартиру, и расскажите о характере разговоров с ними.

- О том, что квартиру посещали мои брат и сестра, я уже говорил, а в отношении других показания давать я категорически отказываюсь. Разговоры, которые я вел, носили характер семейно-бытовой, религиозный и научный, причем должен указать, что эти разговоры не носили политического характера, и я, в частности, считаю, что политические проблемы не являются главными проблемами ни в жизни отдельных людей, ни в жизни общества...

- Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Шиком Михаилом Владимировичем?

- С Шиком я знаком с зимы 1928-1929 года, и с осени 1929 года я с Шиком хорошо познакомился, когда его двадцатка с моим отзывом пригласила его служить в церковь у Соломенной Сторожки священником. Я в это время замещал настоятеля церкви.

- Когда и где вы встречались последний раз с Шиком М. В.?

- Последняя моя встреча была с Шиком М. В. осенью 1934 года в Москве, я его случайно встретил на Арбате, и пошли к нему на квартиру.

- Следствие располагает данными, что вы с Шиком М. В. встречались в начале 1937 года, и требует от вас правдивого показания.

- В начале 1937 года я с Шиком М. В. не встречался.

- Зачитываю вам показания обвиняемого вашего единомышленника Шика М. В. от 3 июня 1937 [года] о том, что вы у него были два раза в городе Малоярославце в 1935-1936 годах и два раза был у вас на квартире обвиняемый Шик М. В.

- Да, я, Амбарцумов В. А., целиком подтверждаю показания Шика М. В. о том, что я был у него два раза в городе Малоярославце и он у меня был два раза на квартире в селе Никольском, встречи были у нас в 1935-1936 году.

- Почему вы скрывали от следствия встречи с Шиком М. В. в начале 1937 года?

- Встречи с Шиком М. В. в начале 1937 [года] я скрывал от следствия лишь только потому, что я боялся, что буду обвинен как участник контрреволюционной организации церковников, будучи связан с арестованным Шиком М. В.

- Цель поездок к Шику М. В. в город Малоярославец в 1935-1936 годах?

- Цель моих поездок к Шику М. В. в город Малоярославец в 1935-1936 годах – личные встречи с единомышленником и обменяться мнениями по церковным, общерелигиозным вопросам, а также и жизненным вопросам.

- Изложите содержание контрреволюционных разговоров, имевших место между вами и Шиком М. В.

- При наших встречах мы, то есть я, Амбарцумов и Шик, обсуждали о тяжелом ненормальном положении Православной Церкви в СССР, говорили, что раз Церковь отделена от государства, то государство не должно вмешиваться в церковные дела, также говорили, [что] если Церковь не занимается политикой, то надо дать Церкви свободу действий и дальнейшего ее развития, дать возможность провозглашать свободно проповеди с целью укрепления Православной Церкви. Я говорил, что бывают случаи,

когда служители культа невинно осуждаются за контрреволюционную деятельность и высылаются в концлагеря и в тюрьмы.

- Что вы говорили о новой Конституции?

- По вопросам Конституции я говорил, что хотя служители культа и получили по новой Конституции права быть избранными и избирать, но я не верю, что служители культа будут избраны в советы.

- Ваше отношение к советской власти?

- Я по своим убеждениям заявляю, что советская власть есть явление временное, как всякая власть"

Как видно из протоколов, на вопросы о знакомых сотрудниках по Христианскому студенческому движению, близких духовных чадах и собратьях-священниках отец Владимир называл или покойных, или лиц, находящихся вне досягаемости властей, или просто отказывался отвечать; говорил он лишь о том что и без него было известно сотрудникам НКВД.

2 ноября было составлено заключение по следственному делу; отец Владимир обвинялся в том, что он был "активным участником и организатором контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников - последователей "ИПЦ", среди своих единомышленников проводил большую контрреволюционную работу, направленную к свержению соввласти и реставрации монархического строя в СССР, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК РСФСР".

Следственное дело было направлено на рассмотрение тройки при УНКВД СССР по Московской области, которая 3 ноября 1937 года постановила "Амбарцумова Владимира Амбарцумовича расстрелять".

5 ноября священномученик Владимир был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. На запросы родных отвечали: осужден на 10 лет без права переписки. В начале 1956 года сын отца Владимира, уже ставший в это время священником (отец Евгений Амбарцумов принял священнический сан в 1951 году; был настоятелем Свято-Троицкого собора Александра-Невской Лавры в Ленинграде; скончался 26 ноября 1968 года), подал в Прокуратуру заявление с просьбой предоставить сведения о судьбе отца. В полученном ответе говорилось, что отец Владимир умер 21 декабря 1942 года в лагере от заболевания почек. Дата эта родными не была воспринята как день смерти, и о ней не вспоминали. Отпевание решено было совершить 24 мая, в день памяти Валентины Георгиевны Амбарцумовой. По воспоминаниям дочери, "отпевали папу в доме отца Евгения в Шувалове. Отпевание совершало четверо священнослужителей, хорошо его знавших - отец Михаил Соловьев... отец Петр Гнедич... отец Евгений... и еще один иеромонах. Еще кроме того, были... старые друзья моих родителей - Анна Никандровна Сарапульцева и Авенир Петрович, и вся семья Амбарцумовых..." Земля была захоронена на Ваганьковском кладбище в Москве в могилу Валентины Георгиевны.

"Память о твоем папе у меня глубоко в сердце: при жизни он был для меня одним из самых близких по духу и дорогих для души людей, а теперь он сияет мне из Вечности, как сияют многие из великих христиан трех первых веков нашей эры... Тогда семьи подобных твоему папе считали себя счастливыми, имея близких покровителей в Царстве Небесном", - писал в то время Н. Е. Пестов. "Твой папа был для меня большим другом. В жизни мы встречались с ним на очень "узких дорожках", да таких опасных, что только в "сказке сказать". Я рада, что мне удалось ему много помогать и во многом. Он у нас почти жил, наш дом был ему родным, и наши скорби и радости были общими. Я знаю, что он меня там встретит", - писала его жена Зоя Вениаминовна Пестова.

Чтобы узнать подлинные обстоятельства кончины священномученика Владимира, его дети и внуки в течение многих лет молились святому великомученику Артемию, помогающему отыскивать пропавших (память 20 октября/2 ноября). Весной 1989 года родственники подали заявление в Прокуратуру с просьбой выдать копию свидетельства о

реабилитации и в августе получили справку, в которой говорилось, что постановление тройки от 3 ноября 1937 года аннулировано "из-за недоказанности преступления". В управление КГБ был подан запрос о причине и месте смерти.

1 ноября, накануне дня памяти святого великомученика Артемия, Лидия Владимировна читала его житие и молилась; ночь со 2 на 3 ноября прошла почти без сна. Наутро семья узнала, что отец Владимир принял мученическую кончину: 3 ноября один из его внуков был приглашен в КГБ, где ему сообщили, что именно в этот день, 3 ноября, в 1937 году постановлением тройки отец Владимир был приговорен к расстрелу и 5 ноября того же года расстрелян.

По одному делу с ним были осуждены и расстреляны Владимир Алексеевич Комаровский, художник-иконописец, и Сергей Михайлович Ильин.

5 ноября 1989 года, через 52 года после расстрела священномученика Владимира, отец Глеб Каледа отслужил по нему заупокойную литургию. На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года священномученик протоиерей Владимир Амбарцумов был прославлен в лике святых.

Священномученик Владимир Амбарцумов (память 23 октября по старому стилю)

Священномученик Владимир Амбарцумов родился 20 сентября 1892 года в Саратове. Его отец, Амбарцум Егорович, происходил из города Шемахи Бакинской губернии и был почетным гражданином этого города, одним из сподвижников основателя обучения глухонемых в России Федора Андреевича Рау. Первая жена Амбарцума Егоровича умерла при родах, оставив мужу трех малолетних детей. После ее смерти он переехал в немецкую колонию Сарепту под Царицыном в поисках воспитательницы для осиротевших младенцев. В местной кирхе ему порекомендовали благочестивую девицу из лютеранской семьи Каролину Андреевну Кноблох; она согласилась взять на себя заботы о детях Амбарцума Егоровича и со временём стала его женой. Во втором браке у него родилось еще трое детей, младшим из которых был Владимир. Детей воспитывали в лютеранской вере.

Дочь священномученика Владимира, Лидия Владимировна Каледа, пишет: "Для старшего поколения родственников отца Владимира были характерны духовные искания и активная общественно-религиозная жизнь... В роду Кноблох были миссионеры, страдавшие от иноверцев. Сама Каролина Андреевна была глубоко верующей и вышла замуж из-за сострадания к овдовевшему Амбарцуму Егорычу и его трем осиротевшим детям... Родная сестра Каролины Андреевны, Ольга, принимала активное участие в жизни Сарептской лютеранской общины, за что в середине 30-х годов высылалась в Вятку... Активная религиозная жизнь была характерна и для рода Амбарцумовых. Брат Амбарцума Егорыча, Саркиз, был видным религиозным деятелем в Армении".

В Саратове, по семейному преданию, Амбарцум Егорович содержал частную школу для глухонемых. Будучи человеком милостивым, нестяжательным (детей бедняков он учил безвозмездно) и, по-видимому, непрактичным, он не смог справиться с финансовыми трудностями и разорился. Из Саратова семья Амбарцумовых в конце 1890-х годов переехала в Москву и поселилась на Шаболовке. Владимир поступил учиться в Московское Петропавловское училище при Петропавловской лютеранской церкви, находившееся в Петроверигском переулке.

Володя был резвым и смелым мальчиком. Однажды во время ледохода он на спор перебежал по льдинам Волгу около Саратова. Другой раз на пари пролежал под проходящим поездом. Он "с ранних лет... очень любил природу, много бродил по лесам, хорошо знал пение птиц; имея прекрасный слух, умел вторить любой птице. Он их любил особенно и всегда мечтал иметь целое окно птиц. В лесу он всегда слышал пение птиц и

сразу определял, какая поет, и удивлялся, что мы этого не слышим. Охотником папа никогда не был. В юности у него была собака терьер-фокс Дорон, спасенная им от мучивших его мальчишек. Дорон был очень умным псом и очень любил папу. Папа научил его всяким фокусам, в частности лазанью по деревьям за кошками... Папа был очень музыкальным, умел играть на скрипке, фисгармонии и хорошо пел. Видимо, его музыкальность способствовала изучению иностранных языков. Он знал греческий, латынь, английский и немецкий".

В училище Владимир увлекся физикой, особенно электричеством. Дочери он показывал круглую дыру под окном в доме на Шаболовке, которую некогда пробил, соорудив электрическую "пушку". Своей "сестре Наташе он часто подсовывал какие-нибудь электроды, и ее било током, он довел ее до того, что при виде какого-нибудь блестящего предмета она с криком убегала".

После окончания училища в 1911 году юноша поступил в Московский Императорский университет, где проучился полтора года. В марте 1913 года по настоянию матери он переехал в Германию, чтобы продолжить образование в Берлинском университете, считавшемся лучшим в мире по техническим наукам. В Берлине он жил у родственников Каролины Андреевны, а средства на учебу зарабатывал частными уроками. Здесь Владимир познакомился с христианским студенческим движением, целью которого была проповедь слова Божия среди молодежи, а основной формой деятельности - изучение Евангелия в небольших кружках. Владимир Амбарцумович стал активным членом движения и, возможно, уже тогда перешел в баптизм. Позднее он говорил: "Баптизм - это первый класс, но нельзя всю жизнь ходить первачком".

Отъезд его из Берлина, как пишет дочь, "был знаменательным. Проснувшись утром, он неожиданно почувствовал, что надо срочно возвращаться в Россию. Поезд из Берлина в Россию шел, огибая город, и имел несколько остановок. Когда отец принял решение ехать на родину, поезд уже отходил от первой станции. Папа успел окончить свои дела и на последней станции сел в этот последний или предпоследний поезд из Германии в Россию накануне первой мировой войны".

Образование он продолжил на физико-математическом факультете Московского университета. В те годы в университете также существовал христианский студенческий кружок, и Владимир принял активное участие в его деятельности. В России в христианское студенческое движение входила и православная интеллигенция. В кружке он познакомился с Валентиной Георгиевной Алексеевой, на которой женился в 1916 году. "Родители решили всю свою жизнь посвятить проповеди слова Божия", - пишет Л. В. Каледа.

Владимир Амбарцумович был талантливым физиком, и его ждала блестящая карьера, однако после окончания университета в 1917 году он оставил научную деятельность, стал зарабатывать на жизнь частными уроками и продолжал трудиться в кружке. В 1917 году у Амбарцумовых родился сын Евгений, в 1919 году - Виктор. В конце 1919 года из-за голода в Москве семья переехала в Самару, где Владимир Амбарцумович сблизился с Владимиром Филимоновичем Марценковским (U 1970 г.), по благословению Патриарха Тихона проводившим активную проповедническую деятельность среди учащейся молодежи. Здесь Владимир Амбарцумович организовал около десяти христианских кружков, в каждый из которых входило от десяти до пятнадцати человек. Собрания кружков вначале устраивались на частных квартирах, а затем был приобретен дом, в одной половине которого поселилась семья Амбарцумовых, а в другой проводились занятия и собрания кружков. За активную деятельность по организации молодежного христианского движения проповедник в 1920 году был арестован и перевезен в Москву. Это был его первый арест. Через пять недель его освободили из заключения с подпиской о невыезде из столицы. Жена навещала его в Москве, а после смерти в 1921 году сына Виктора переехала к нему со старшим сыном.

Восстановив связь с московским студенчеством, Владимир Амбарцумов организовал новый христианский кружок. В Кречетниковском переулке (снесен в связи со строительством Нового Арбата) нашли брошенный дом и силами студентов привели его в порядок. Здесь поселились Амбарцумовы и наиболее активные члены кружка и проводились занятия с молодежью по изучению Евангелия. В начале 1920-х годов христианское студенческое движение получило развитие во многих городах России. Его объединяющим центром стал Центральный комитет христианских студенческих кружков, председателем которого был избран Владимир Амбарцумович. Комитет вел организационную работу, устраивал съезды представителей кружков (последний легальный съезд проводился в 1924 году).

В 1922 году в семье Амбарцумовых родилась дочь Лидия, а 24 мая следующего года умерла от пищевого отравления Валентина Георгиевна. Перед смертью, прощаясь с мужем, она говорила: "Володенька, я умираю. Но ты не очень скорби обо мне. Я только прошу тебя: будь для детей не только отцом, но и матерью. Поручаю тебе их, и Женечку, и Лидочку, и Никиту" (Никита был приемным сыном Амбарцумовых; впоследствии он нашел своих родственников и уехал на родину в Чувашию). Времена будут трудные. Много скорби будет. Гонения будут. Но Бог даст сил вам, и все выдержите..."

"Папа очень любил маму, - пишет Л. В. Каледа, - и часто повторял, что не знает, где кончается он и где начинается она. Очень переживая смерть супруги, папа, как мне рассказывали его друзья, внешне держался спокойно".

Похороны Валентины Георгиевны пришлись на Троицкую родительскую субботу и проходили необычайно торжественно: "Все были в белых платьях и пели песнопения. На могиле много говорили о маме, говорил и папа". Через много лет, уже будучи священником, отец Владимир исповедовал человека, который рассказал ему, что толчком, послужившим его приходу к вере, было необычное зрелище: похороны а все одеты как на торжество, все радостные и все поют... "Это были похороны моей жены!" - сказал отец Владимир. Незадолго до смерти Валентина Георгиевна беседовала со своей подругой о заупокойных молитвах. Обе они были баптистками и отрицали значение этих молитв. На сороковой день после кончины Валентины Георгиевны эта подруга увидела ее во сне и стала рассказывать усопшей о ее муже и детях, но та сказала: "Это не то, а вы молитесь за меня? Молитесь, молитесь, это нужно".

"После смерти мамы нас сперва хотели разобрать и взять к себе разные друзья и родственники, но, чтобы сохранить семью, нас стала воспитывать и отдала нам всю свою жизнь ее очень близкая подруга, Мария Алексеевна Жучкова, считавшая мою маму своей духовной матерью. Мария Алексеевна всегда была православной. Это был великий человек, пожертвовавший для нас своей личной жизнью и счастьем иметь своих детей, чтобы мы не остались сиротами. Для меня она стала "мамой". Вскоре после смерти мамы Женя как-то сказал Марии Алексеевне: "Я бы тоже стал вас звать мамой, но боюсь, что надо мной будут смеяться". "Мама" очень расстроилась, что Женя так скоро забыл мать, но папа ее успокоил: "Что вы хотите от ребенка, ему нужна мать". Так она стала матерью для нас обоих. Жене сказали, что, если он хочет, он может звать ее мамой. Но так как родители, то есть папа и "мама", были на "Вы", то, видимо, от этого у нас в семье к папе обращались на "ты", а к "маме" на "Вы". От нас никогда не скрывали, что мама умерла, и мы всегда, как я себя помню, ездили 24 мая на ее могилу на Ваганьковское кладбище...

О папе было предсказано, что он будет священником (священство ему предсказала блаженная Мария Ивановна (U 1931 г.) из Дивеева, где первый раз он был еще до перехода в Православие), поэтому Мария Алексеевна, зная, что второженец не может быть священником, отказалась выйти за него замуж. Еще она боялась быть нам мачехой, если будут свои дети... Об этом разговор у них был только один раз. Больше отец к этому вопросу никогда не возвращался..."

После смерти жены Владимир Амбарцумович целиком посвятил себя работе в кружке и жил в основном на его средства (время от времени он находил работу, не требовавшую

от него большой отдачи: в 1922-1923 годах состоял на службе в Рентгеновском институте, а в 1923-1924 годах - в Союзе коммунальников). До 1924 года христианские студенческие кружки пользовались всеми правами легальных общественных организаций, проводили публичные лекции на религиозные темы, в том числе и в Политехническом музее. В 1924 году деятельность христианского студенческого движения была запрещена советской властью, и многие его руководители были готовы подчиниться запрещению, но Владимир Амбарцумович рассудил иначе. Он считал, что в такое сложное и бурное время, какими были послереволюционные годы, христианское просвещение в России необходимо, и продолжил деятельность нелегально. Занятия проводились на частных квартирах; собирались членские взносы, организовывались съезды представителей кружков (последний состоялся летом 1928 года в Подмосковье).

Вслед за запрещением на движение обрушились репрессии, и проповедник чудом избежал ареста. Однажды он ночевал в доме Николая Евграфовича Пестова (1892-1978 гг., известный православный писатель) куда с ордером на обыск и арест пришли сотрудники ОГПУ. Чекист, проводивший обыск, не знал, что перед ним председатель студенческого движения; он продержал его всю ночь и рано утром отпустил, арестовав только хозяина квартиры. Владимир Амбарцумович пошел по Москве от одних друзей к другим, но у всех в этот ранний час горел свет - шли обыски. Проходив по городу до открытия парикмахерских, он сбрил бороду и усы, постриг волосы, затем сменил обычные очки на пенсне.

После этого случая он полностью перешел на нелегальное положение - уволился с гражданской службы и не имел постоянного места жительства. "Мы в то время жили в Манихино, - вспоминает дочь, - в каком-то барском доме. "Маме" сообщили, что папа ждет ее на поляне. Она пришла туда и видит, что там сидит какой-то совсем чужой человек, с большим трудом она узнала в нем папу... Ночевал в это время он у друзей, иногда снимал на короткое время какую-нибудь комнату. Нередко бывало, что, войдя в какой-нибудь дом, при выходе он одевал другую одежду, чтобы быть менее узнаваемым... А мы в это время молились об отце: "Господи, дай, чтобы папа опять был с бородой".

Несмотря на опасность положения, он продолжал работу в кружке. В эти годы под его непосредственным руководством занимались Николай Овчинников (впоследствии иеросхимонах Нектарий, служивший в соборном храме Ельца), Валерий Поведский (впоследствии священник Таллиннской епархии), Василий Евдокимов (впоследствии священник Ташкентской епархии), врач Сергей Сергеевич Утешев, психиатр Дмитрий Евгеньевич Мелихов. В середине 1920-х годов среди близких знакомых Владимира Амбарцумовича появилось много православных; тогда же он познакомился с отцом Валентином Свенцицким, оказавшим большое влияние на его духовную жизнь. В 1925 году в Никольской церкви на Ильинке отец Валентин крестил детей, а в начале следующего года и их отец принял Православие. ("В Манихино "мама" нас водила в церковь, но никогда не причащала, что очень смущало священника (мы же были некрещеные). Папа, видя скорбь "мамы", решил нас крестить до своего присоединения к Православию".) Став прихожанином Никольского храма на Ильинке, Владимир Амбарцумович сразу включился в жизнь прихода, начал прислуживать и читать в церкви, принял участие в организации и осуществлении паломничеств в Дивеево и Саров. (В эти годы он жил на средства, получаемые от частных уроков по немецкому языку и общеобразовательным предметам.)

В конце 1927 года он, как ставленник протоиерея Валентина Свенцицкого, был направлен в город Глазов к епископу Ижевскому Виктору (Островидову) и 4 декабря в кафедральном Преображенском соборе рукоположен во диакона, а 11 декабря - во иерея и определен на служение к Георгиевской церкви Глазова. Через две недели отец Владимир был перемещен на службу в Московскую епархию и назначен настоятелем московского Князе-Владимирского храма в Старосадском переулке. Вторым священником в храме был

отец Сергий Барделиус (впоследствии иеромонах Феодор, погиб в 30-х годах в заключении).

С этого времени началось непродолжительное открытое служение Церкви священномученика Владимира. По свидетельству прихожан Владимирского храма, он служил вдохновенно, особенно в праздники. Как писал протоиерей Глеб Каледа, бывший духовным сыном отца Владимира, "праздничные богослужения его были благоговейным восторгом, который охватывал весь храм". Проповедовал он "живо и доходчиво"; особенно большое влияние оказывал на молодежь и подростков; "как пастырь он, казалось, был создан прежде всего для них".

В 1928 году отец Владимир разошелся с отцом Валентином Свенцицким из-за крайних неповиновенческих взглядов последнего и перешел под духовное руководство архимандрита Георгия (Лаврова). Декларация от 29 июля 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) вызвала резкий протест у отца Валентина; после ее выхода он почти до самой своей кончины не признавал духовной власти митрополита Сергия. Отец Георгий, напротив, убеждал своих духовных чад не вносить новых разделений в Церковь, и без того бедствующую, и остался на стороне Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В мае 1928 года отец Георгий был арестован и после вынесения приговора выслан в Казахстан, в поселок Кара-Тюбе.

В эти годы отец Владимир был близок с епископом, впоследствии митрополитом, Мануилом (Лемешевским, U 1968 г.), который часто служил в храме Святого князя Владимира; с отцом Сергием Мечевым (расстрелян в 1941 году; с Сергеем Алексеевичем Никитиным, впоследствии епископом Калужским и Боровским Стефаном (U 1963 г.). Летом 1928 года по просьбе священника Василия Надеждина, с которым у него также сложились близкие отношения, он временно служил в храме во имя Святителя Николая у Соломенной Сторожки. Отец Василий после продолжительной болезни уехал лечиться на кумыс, доверив отцу Владимиру своих духовных чад. Тот в короткое время расположил к себе прихожан Никольского храма своей деликатностью и полным отсутствием желания "завоевать" их сердца, принадлежавшие другому пастырю.

В 1929 году Князе-Владимирский храм был закрыт. Оставшись без места, отец Владимир с сыном пытался проехать к отцу Георгию в Кара-Тюбе, но из-за голода и болезни сына был вынужден вернуться в Москву. Дочь вспоминает, что при отъезде отца она "так плакала, что папа полдороги, к недоумению Жени, не мог прийти в себя". Когда же они вернулись, она радовалась и говорила, что Господь услышал ее молитвы и вернул папу.

В октябре отца Василия Надеждина арестовали и сослали в Кемский концлагерь, и 19 февраля 1930 года он скончался в Кеми, перед кончиной написав письмо своим духовным детям и отцу Владимиру, прося его возглавить осиротевший приход. Отец Владимир откликнулся на эту просьбу и стал настоятелем храма Святителя Николая у Соломенной Сторожки; вместе с ним служил отец Михаил Шик, впоследствии принявший мученическую кончину в Бутове 27 сентября 1937 года. Община Никольского храма, созданная в 1920-е годы отцом Василием, была известной в Москве. Храм посещало много молодежи; прихожане, в основном жители поселка при Сельскохозяйственной академии, занимались преимущественно наукой. Когда после революции запретили преподавание Закона Божия в школах, группа профессоров академии обратилась к отцу Василию с просьбой организовать религиозно-нравственное воспитание их детей. Батюшка часто проповедовал, не жалея сил для того, чтобы уберечь свою паству от соблазнов безбожного времени. Он создал прекрасный молодежный хор, устраивал беседы об основах православного вероучения, посещал с молодежью концерты классической музыки, разбирал литературные произведения.

Отец Владимир сумел сохранить и укрепить никольскую общину. Его службы и проповеди собирали полный храм. Прихожанам запомнились беседы на темы апостольских посланий и Евангелия; они были содержательными и поучительными, но

более рациональными, чем проповеди отца Василия. Со свойственной ему ревностью священномученик Владимир заботился о благолепии храма, уделял много внимания церковному хору. Обладая прекрасным музыкальным слухом и красивым голосом, он хорошо знал и любил богослужебное пение и часто обсуждал с регентом предстоящие службы, выбирая соответствующие песнопения. Он считал, что в храме ничто не должно отвлекать внимание от молитвы. Как-то он сказал регенту правого хора Ольге Павловне Шпор: "Выхожу на амвон, смотрю на ваш хор - цветник, а не церковный клирос: платочки и шапочки всех видов, цветов и узоров". После этого девушки-певчие стали надевать черные платки, и хор внешне воспринимался как единое целое.

Священномученик Владимир "был высокого роста с черными длинными волосами, всегда с бородой, и в молодости тоже". Он обладал твердым, не терпящим компромиссов характером и в то же время был очень миролюбив и не переносил ссор. С каждым человеком, за очень редким исключением, он разговаривал как с самым важным и дорогим. Он запечатлелся в памяти духовных детей как очень цельная личность; окружающих всегда поражал сосредоточенный взгляд его темно-карих глаз; трудно было представить у него хаотическое блуждание мыслей, как это бывает у большинства людей. Он мог сосредоточенно молиться среди шума и суеты; его близкие, у которых он нередко жил, вспоминают, как он подолгу молился, стоя в углу комнаты, в которой жизнь шла своим чередом: кто-то разговаривал, ел, спал и т. л "Вспоминая его, - писал протоиерей Глеб Каледа, - стыдно оправдываться и слушать оправдания других, что не было условий для молитвы".

Весной 1931 года благочинный предложил духовенству следовать формуле поминовения властей введенной Временным Патриаршим Священным Синодом при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии, и определить свое отношение к июльской Декларации 1927 года. В случае несогласия предлагалось уволиться на покой, чтобы не подпасть под запрещение в священнослужении. Отец Владимир признавал иерархическую власть митрополита Сергия, но сомневался в каноничности его местоблюстительства, хотя и не решался его отрицать, поэтому он принял решение выйти за штат и в сентябре 1931 года поступил на службу в Научно исследовательский институт птицеводства заведующим группой измерительных процессов.

Находясь на гражданской службе, он продолжал активную духовно-религиозную работу: руководил своими духовными детьми, совершал службы в домах наиболее близких из них, исповедовал, занимался с молодежью. Не имея возможности часто встречаться с духовными детьми, он прикреплял духовно неопытных чад к духовно и жизненно зрелым.

Сам испытав тяготы лишенства, отец Владимир разыскивал семьи репрессированных и организовывал им постоянную материальную помощь. В то время он имел неплохой заработок, значительную часть которого отдавал неимущим, ограничивая потребности своих собственных детей, оставляя самый минимум и не допуская никакого излишества.

"Помню, у меня были туфли, - пишет Л. В. Каледа, - а кто-то подарил мне синие резиновые тапочки, папа их у меня отобрал и отдал нуждающейся семье". Своих духовных детей, имеющих достаток, он благословлял помогать семьям лишенцев, требуя, чтобы помощь поступала регулярно в договоренном объеме и в четко определенный срок.

Среди семей, которым помогали отец Владимир и его духовные дети, были семьи отца Василия Надеждина; отца Михаила Соловьева, впоследствии архиепископа Тихвинского Мелитона (U 1986 г.); отца Сергия Сидорова, принявшего мученическую кончину в Бутове 27 сентября 1937 года, и др.

Дочь вспоминает, как в начале 30-х годов они с отцом ходили по Сергиеву Посаду и искали семью отца Владимира Медведюка, "с которым папа, видимо, был достаточно хорошо знаком, так как они одно время служили в соседних храмах".

5 апреля 1932 года отец Владимир был арестован органами ОГПУ как "активный участник Всесоюзной контрреволюционно- монархической организации "Истинно Православная Церковь". На допросе он дал следующие показания:

"...Формулу, введенную Сергиевским Синодом, о поминовении властей я считал для себя неприемлемой (как новшество) и поэтому ее не употреблял. Это, в частности, было одним из мотивов моего ухода от священнической деятельности. Как верующий человек я, естественно, не могу разделять политики соввласти по религиозному вопросу... Фамилии своих знакомых предпочитаю не называть, дабы не навлечь на них неприятностей... Ведя организованную работу среди молодежи, я ставил перед собой задачу удовлетворения их личных запросов, в духе христианского понимания жизни. Это были частью из числа прихожан церкви Соломенной Сторожки, частью - не прихожане. Организованной эту работу понимать следует в том смысле, что отношения эти были результатом личного доверия, дружбы. Постепенно эти люди от меня отошли - в силу моей загруженности и намерения оставить эту деятельность. По социальному признаку это были, главным образом, советские служащие, преимущественно женщины. Повторяю, что назвать персонально этих людей я отказываюсь по моральным и религиозным причинам..." В обвинительном заключении, составленном в июне 1932 года, ему инкриминировалась "контрреволюционная работа среди молодежи". Фактически же арест был связан с непризнанием декларации митрополита Сергия. По этому делу было арестовано более ста человек духовенства и мирян, не поминающих митрополита Сергия, в том числе и большая группа прихожан Соломенной Сторожки.

Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ СССР 7 июля 1932 года священномученик Владимир был приговорен к высылке в Северный край сроком на три года, но затем было постановлено приговор считать условным и обвиняемого "из-под стражи освободить", о чем ходатайствовало руководство Академии наук, где он в то время работал.

После освобождения отец Владимир продолжал работать научным сотрудником в ряде научно-исследовательских организаций, занимался разработкой и конструированием различных приборов и установок, имел авторские свидетельства на изобретения. "Помню, он что-то паяет, а потом ходит дует куда-то в трубку. Так он сделал мне маленькую железную чернильницу "невыливайку", так как в школе не было чернил и мы носили их из дома в пузырьках или стеклянных чернильницах и, кувыркая их, вечно обливались чернилами. Вместе с владыкой Мануилом он увлекался инкубаторами, и курами. У меня с Женей были свои куры, для которых папа сделал специальный курятник из фанеры с гнездами и специальной поилкой из перевернутой бутылки".

До зимы 1934-1935 годов отец Владимир не имел возможности жить со своими детьми, которых очень любил. Дети с Марией Алексеевной жили в Подмосковье, снимая комнаты то в одном, то в другом месте, а отец Владимир скитался из квартиры в квартиру по своим московским друзьям. Иногда, войдя в чей-нибудь дом, он видел, что там и так много народа, и уходил, ища пристанища на ночь в другом месте. Соскучившись по семье, он ехал ее навещать, говоря: "Я поехал в Лидино" - так по имени дочери он называл места, где жил и дети.

"Когда папа священствовал, - вспоминает Лидия Владимировна, - то мы были лишенцами, не получали карточек и не могли поступать в институт. Папа привозил продукты из Москвы, то, что нам собирали на приходе - собирали, урывая от себя". Когда дети подросли, он старался приезжать регулярно, хотя бы раз в неделю, занимаясь их воспитанием и образованием. "Помню, мы с Женей "делили папу" по часам, и иногда когда Женино время кончалось и он не отходил от папы, говоря: "О чем тебе с Лидой говорить, только о куклах", а я плакала".

Отец Владимир читал с детьми Слово Божие, с каждым отдельно. Кроме того, он учил дочь обиходному пению, а с больным сыном, не имевшим возможности посещать школу, занимался физикой и математикой. Полученных в это время знаний Евгению было

достаточно, чтобы, когда он стал студентом-филологом, подрабатывать себе на жизнь репетиторством по физике и математике.

В 1933 году повсеместно проводилась паспортизация, и отцу Владимиру для получения паспорта пришлось уехать на год в город Россошь. В 1934 году он возвратился в Москву и устроился на работу в Институт климатологии в поселке Кучино. Здесь он снял две комнаты, в которых поселился вместе с детьми и Марией Алексеевной; затем им представилась возможность переехать в Никольское - ближе к Москве.

"Эти годы были для меня самыми счастливыми, - пишет Л. В. Каледа, - папа жил всегда с нами. Наконец пришла возможность привести нашу фисгармонию, и папа с наслаждением играет на ней и поет духовные и церковные песнопения, "песни Сиона" - песни и гимны студенческого кружка: "Непобедимое дано нам знамя, среди гонений его вознесем, Бог нас в любовь приобрел! Себе вечно, и нам победу дает Христос"...

Папа, сам будучи с рождения не православным, очень всегда просил "маму" держать православный быт в доме. Все церковные праздники у нас; отмечались, конечно, хождением в церковь, а также праздничным столом, на который "мама" была мастерицей, несмотря на скудость продуктов...

В церковь мы ходили в "Салтыковке" (храм в честь Почаевской иконы Божией Матери у станции Салтыковка).

Папа обычно стоял в алтаре. В неделю Святых отцов перед Рождеством папа всегда читал Апостол и очень подчеркивал слова "ВЕРОЮ..." (Евр. 12:36-39). И теперь в этот день я всегда почти со слезами вспоминаю своего отца, так как это чтение подходит к его жизни: "Друзии же руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами и темницею... И сии вси поспешествовани бывше ВЕРОЮ..."

В середине тридцатых годов отец Владимир стал духовным сыном иеромонаха Данилова монастыря Павла (Троицкого), почившего в 1992 году, после долгих лет жизни в затворе. Вместе с ним у отца Павла окормлялась и вся семья.

В августе 1937 года начались массовые аресты. "Каждое мгновение мы ждали ареста папы. Вечерами и ночью мы прислушивались к каждому автомобильному сигналу". В ночь с 8 на 9 сентября сотрудники НКВД явились в дом на окраине села Николо-Архангельское, неподалеку от Москвы, где в то время в двух маленьких проходных комнатках жила семья Амбарцумовых. Отец Владимир с сыном спали в сарае и, услышав стук, стали переговариваться, спрятано ли облачение. Пришедшие прошли на голоса в сарай, нашли облачение и предъявили ордер на арест. Начался обыск. Следователь искал священные сосуды и антиминс. Он с радостью хватал каждую шелковую тряпочку и все спрашивал: "Где это?" (он забыл слово "антиминс"). Но по слову Церкви: "Яко одушевленному Божию Кивоту, да никакоже коснется рука скверны" - святыни остались не оскверненными. Антиминс был спрятан внутри старой фарфоровой керосиновой лампы, которая стояла на шкафу. Священные сосуды - в вещах на чердаке. Следователи стали подниматься на чердак, но, видимо, устали и вернулись с половины лестницы. Забрали много всяких бумаг, писем, книг, молитвенники, комплект облачений, наперсный серебряный крест. Хотели забрать медальон с частицей мощей святителя Николая, отложили его с другими вещами на стол, но Евгений потихоньку забрал его и спрятал.

"Мы собрали папе какие-то вещи и положили их в наволочку. Папа вышел из дома, мы его провожали. Когда проходили садом, я сорвала яблоко и подала папе. "Не надо", - сказал следователь. "У вас есть дети? - оборвала его "мама". - Так дайте же детям проститься с отцом". Священномученик Владимир попросил прощения у хозяйки дома за беспокойство. Она сказала, что давно поняла, что он священник. Это была простая верующая женщина. Дети проводили отца до железнодорожной линии, дальше их не пустили. С платформы он помахал рукой и сел вместе с сопровождающими в поезд... "Утешайтесь надеждою, в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны", - было написано на пасхальном яичке, присланном отцом Павлом (Троицким) Лидии

Амбарцумовой на Пасху 1938 года. Отец Владимир был заключен в Бутырскую тюрьму. Допрашивали его 20 и 21 сентября и 12 октября 1937 года:"

- В каких контрреволюционных организациях, когда и где вы вообще состояли?

- Я никогда ни в каких контрреволюционных организациях и группах не состоял.

- А чем вы тогда объясняете арест членов христианского студенческого кружка, фактически занявшегося контрреволюционной деятель- ностью?

- Прежде всего, я глубоко убежден, что советская власть религиозных людей не понимала и не понимает по сие время, поэтому совершенно естественно, [что] уже тогда возникли подозрения в том, что христианский студенческий кружок, проповедовавший христианскую веру среди студенческой молодежи, занимается контрреволюционной деятельностью. Я этот факт категорически отвергаю, а поэтому не могу считать себя состоявшим в контрреволюционной организации.

- Назовите известных вам по 1920 году членов христианского студенческого кружка и укажите, где они находятся в настоящее время.

- Руководителями этой организации были: Марценковский Владимир Филимонович - лектор, примерно в 1921 году был выслан из пределов СССР за границу; где он находится, мне неизвестно, и связи с ним я не имею; Шереметьева Анна Сергеевна (бывшая графиня) - умерла примерно в 1933 году. Фамилий рядовых членов организации я не назову, ибо не нахожу нужным.

- Расскажите следствию, какую роль вы играли в христианском студенческом кружке в 1920 году.

- В городе Куйбышеве (бывшая Самара) я был активным руководителем организации, являясь председателем.

- Назовите круг ваших родственников и близких знакомых и укажите, где они живут, чем занимаются.

- Брат - Амбарцумов Аршак Амбарцумович, живет в городе Москве, Вспольный переулок, дом No 19, квартира 9, работает инженером Главугля; сестра - Амбарцумова Наталья Амбарцумовна, проживает в городе Москве, Владимиров проезд, дом No 6, работает учительницей глухонемых; что касается своих знакомых, то я их просто не назову, ибо не хочу компрометировать своей судьбой. Должен еще указать тетку Кноблох Ольгу Андреевну, которая выслана в Кировскую область в 1935 году из Сталинградского края, города Красноармейска, а за что - мне неизвестно...

- Следствие располагает данными, что вы у себя на квартире проводили тайные богослужения. Дайте показания по этому вопросу. - Тайных богослужений у себя на квартире я не проводил. Начиная с 1931 года я бросил работать как священник и с тех пор богослужениями не занимаюсь вообще, хотя сана с себя не снимал - не отказывался.

- Имели ли место случаи, когда во время личного богослужения присутствовали посторонние люди?

- Таких случаев не было...

- Вы на следствии 21 сентября 1937 [года] заявили, что категорически отвергаете контрреволюционную деятельность христианского студенческого кружка в 1920 году. Чем объяснить такую уверенность и гарантию в отношении этой организации и людей ее?

- На основании принятого устава этого кружка как сама организация, так ее члены должны были быть аполитичными. Поэтому я категорически заявляю, что ни сам кружок, ни его члены контрреволюционной деятельности не могли проводить.

- Вы вчера отказались дать показания в отношении лиц, входивших в организацию в 1920 году, известных вам сейчас как по месту жительства, так и по месту работы. Следствие настаивает, чтобы вы перечислили их.

- Так как я не усматриваю в деятельности этой организации ничего контрреволюционного, то я окончательно отказываюсь называть фамилии ее членов...

- Назовите круг лиц, посещавших вашу квартиру, и расскажите о характере разговоров с ними.

- О том, что квартиру посещали мои брат и сестра, я уже говорил, а в отношении других показания давать я категорически отказываюсь. Разговоры, которые я вел, носили характер семейно-бытовой, религиозный и научный, причем должен указать, что эти разговоры не носили политического характера, и я, в частности, считаю, что политические проблемы не являются главными проблемами ни в жизни отдельных людей, ни в жизни общества...

- Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Шиком Михаилом Владимировичем?

- С Шиком я знаком с зимы 1928-1929 года, и с осени 1929 года я с Шиком хорошо познакомился, когда его двадцатка с моим отзывом пригласила его служить в церковь у Соломенной Сторожки священником. Я в это время замещал настоятеля церкви.

- Когда и где вы встречались последний раз с Шиком М. В.?

- Последняя моя встреча была с Шиком М. В. осенью 1934 года в Москве, я его случайно встретил на Арбате, и пошли к нему на квартиру.

- Следствие располагает данными, что вы с Шиком М. В. встречались в начале 1937 года, и требует от вас правдивого показания.

- В начале 1937 года я с Шиком М. В. не встречался.

- Зачитываю вам показания обвиняемого вашего единомышленника Шика М. В. от 3 июня 1937 [года] о том, что вы у него были два раза в городе Малоярославце в 1935-1936 годах и два раза был у вас на квартире обвиняемый Шик М. В.

- Да, я, Амбарцумов В. А., целиком подтверждаю показания Шика М. В. о том, что я был у него два раза в городе Малоярославце и он у меня был два раза на квартире в селе Никольском, встречи были у нас в 1935-1936 году.

- Почему вы скрывали от следствия встречи с Шиком М. В. в начале 1937 года?

- Встречи с Шиком М. В. в начале 1937 [года] я скрывал от следствия лишь только потому, что я боялся, что буду обвинен как участник контрреволюционной организации церковников, будучи связан с арестованным Шиком М. В.

- Цель поездок к Шику М. В. в город Малоярославец в 1935-1936 годах?

- Цель моих поездок к Шику М. В. в город Малоярославец в 1935-1936 годах – личные встречи с единомышленником и обменяться мнениями по церковным, общерелигиозным вопросам, а также и жизненным вопросам.

- Изложите содержание контрреволюционных разговоров, имевших место между вами и Шиком М. В.

- При наших встречах мы, то есть я, Амбарцумов и Шик, обсуждали о тяжелом ненормальном положении Православной Церкви в СССР, говорили, что раз Церковь отделена от государства, то государство не должно вмешиваться в церковные дела, также говорили, [что] если Церковь не занимается политикой, то надо дать Церкви свободу действий и дальнейшего ее развития, дать возможность провозглашать свободно проповеди с целью укрепления Православной Церкви. Я говорил, что бывают случаи, когда служители культа невинно осуждаются за контрреволюционную деятельность и высылаются в концлагеря и в тюрьмы.

- Что вы говорили о новой Конституции?

- По вопросам Конституции я говорил, что хотя служители культа и получили по новой Конституции права быть избранными и избирать, но я не верю, что служители культа будут избраны в советы.

- Ваше отношение к советской власти?

- Я по своим убеждениям заявляю, что советская власть есть явление временное, как всякая власть"

Как видно из протоколов, на вопросы о знакомых сотрудниках по Христианскому студенческому движению, близких духовных чадах и собратьях-священниках отец Владимир называл или покойных, или лиц, находящихся вне досягаемости властей, или

просто отказывался отвечать; говорил он лишь о том что и без него было известно сотрудникам НКВД.

2 ноября было составлено заключение по следственному делу; отец Владимир обвинялся в том, что он был "активным участником и организатором контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников - последователей "ИПЦ", среди своих единомышленников проводил большую контрреволюционную работу, направленную к свержению соввласти и реставрации монархического строя в СССР, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК РСФСР".

Следственное дело было направлено на рассмотрение тройки при УНКВД СССР по Московской области, которая 3 ноября 1937 года постановила "Амбарцумова Владимира Амбарцумовича расстрелять".

5 ноября священномученик Владимир был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. На запросы родных отвечали: осужден на 10 лет без права переписки. В начале 1956 года сын отца Владимира, уже ставший в это время священником (отец Евгений Амбарцумов принял священнический сан в 1951 году; был настоятелем Свято-Троицкого собора Александра-Невской Лавры в Ленинграде; скончался 26 ноября 1968 года), подал в Прокуратуру заявление с просьбой предоставить сведения о судьбе отца. В полученном ответе говорилось, что отец Владимир умер 21 декабря 1942 года в лагере от заболевания почек. Дата эта родными не была воспринята как день смерти, и о ней не вспоминали. Отпевание решено было совершить 24 мая, в день памяти Валентины Георгиевны Амбарцумовой. По воспоминаниям дочери, "отпевали папу в доме отца Евгения в Шувалове. Отпевание совершало четверо священнослужителей, хорошо его знавших - отец Михаил Соловьев... отец Петр Гнедич... отец Евгений... и еще один иеромонах. Еще кроме того, были... старые друзья моих родителей - Анна Никандровна Сарапульцева и Авенир Петрович, и вся семья Амбарцумовых..." Земля была захоронена на Ваганьковском кладбище в Москве в могилу Валентины Георгиевны.

"Память о твоем папе у меня глубоко в сердце: при жизни он был для меня одним из самых близких по духу и дорогих для души людей, а теперь он сияет мне из Вечности, как сияют многие из великих христиан трех первых веков нашей эры... Тогда семьи подобных твоему папе считали себя счастливыми, имея близких покровителей в Царстве Небесном", - писал в то время Н. Е. Пестов. "Твой папа был для меня большим другом. В жизни мы встречались с ним на очень "узких дорожках", да таких опасных, что только в "сказке сказать". Я рада, что мне удалось ему много помогать и во многом. Он у нас почти жил, наш дом был ему родным, и наши скорби и радости были общими. Я знаю, что он меня там встретит", - писала его жена Зоя Вениаминовна Пестова.

Чтобы узнать подлинные обстоятельства кончины священномученика Владимира, его дети и внуки в течение многих лет молились святому великомученику Артемию, помогающему отыскивать пропавших (память 20 октября/2 ноября). Весной 1989 года родственники подали заявление в Прокуратуру с просьбой выдать копию свидетельства о реабилитации и в августе получили справку, в которой говорилось, что постановление тройки от 3 ноября 1937 года аннулировано "из-за недоказанности преступления". В управление КГБ был подан запрос о причине и месте смерти.

1 ноября, накануне дня памяти святого великомученика Артемия, Лидия Владимировна читала его житие и молилась; ночь со 2 на 3 ноября прошла почти без сна. Наутро семья узнала, что отец Владимир принял мученическую кончину: 3 ноября один из его внуков был приглашен в КГБ, где ему сообщили, что именно в этот день, 3 ноября, в 1937 году постановлением тройки отец Владимир был приговорен к расстрелу и 5 ноября того же года расстрелян.

По одному делу с ним были осуждены и расстреляны Владимир Алексеевич Комаровский, художник-иконописец, и Сергей Михайлович Ильин.

5 ноября 1989 года, через 52 года после расстрела священномученика Владимира, отец Глеб Каледа отслужил по нему заупокойную литургию. На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года священномученик протоиерей Владимир Амбарцумов был прославлен в лике святых.

Священномученик Владимир Лозина-Лозинский, протоиерей (память 13 декабря по старому стилю)

Священномученик Владимир Константинович Лозина-Лозинский, протоиерей, родился 26 мая 1885 года в городе Духовщина Смоленской губернии, в семье земских врачей. Родители его по убеждениям были народники. В 1888 году мать будущего священномученика заразилась тифом, ухаживая за больными в земской больнице, и умерла. Овдовев, отец Владимира с сыновьями вернулся в Санкт-Петербург, получил место врача на Путиловском заводе и через некоторое время женился. Большая семья, в которой родилось ещё трое детей, была очень дружной, но особым благочестием не отличалась.

Владимир рос очень болезненным и впечатлительным ребёнком, необыкновенно добрым и бескорыстным. Ему был присущ врождённый аристократизм, он прекрасно говорил на европейских языках.

В 1904 году Владимир успешно окончил гимназию Императорского Человеколюбивого общества и сразу поступил на юридический факультет Университета.

В 1910 году он поступил на службу в Правительствующий Сенат. Одновременно молодой юрист продолжал изучать историю архивного дела и через два года окончил археологический институт.

Когда началась I Мировая война, Владимир Константинович, как и многие патриотически настроенные люди, стремился на фронт, но не был взят на действительную службу по состоянии здоровья. В должности помощника начальника Петроградской Санитарной автомобильной колонны он руководил перевозкой раненных с Санкт-Петербургских вокзалов и распределял их по госпиталям, самозабвенно работая целыми сутками.

Когда в 1917 году большевики закрыли Сенат, Владимир Константинович поступил на работу статистиком на Московско-Рыбинскую железную дорогу. Желание стать священником, по-видимому, вызрело в будущем священномученике постепенно, под влиянием русской катастрофы 1917-го года. Большим потрясением для него явилось также самоубийство любимого брата Алексея в 1916 году. Впервые он заявил о своём решении стать священником в дни, когда начались открытые гонения на Церковь. В 1920 году Владимир Константинович был зачислен на первый курс Богословского Института в Петрограде, а в ноябре подал прошение о рукоположении.

После рукоположения он служил в университетской церкви Всех Святых, в 1923 году являлся настоятелем этого храма, который к тому времени был переведён на Биржевую линию, дом 8 (в квартиру академика И. И. Срезневского).

Батюшка неоднократно подвергался аресту: в 24 году по делу "Спасское Братство". Затем, он был арестован в феврале 1925 года и приговорён к десяти годам лагерей по обвинению в монархическом заговоре и служении панихид с поминовением Императорской Семьи.

Сначала он отбывал срок на Соловках. Лагерную жизнь батюшка принимал смиренно и безропотно. Он со всеми был приветлив, ласков, любил шутку, острое словцо. По воспоминаниям соузников-соловчан, аристократизм его поведения не исчезал даже тогда, "когда он отвешивал вонючую воблу" в продовольственном ларьке, разносил посылки или мыл управленческие уборные. Но врождённый такт "и, главное, светившаяся в нём

глубокая любовь к человеку сглаживали внешние различия с окружающими". Он был "так воздушно-светел, так легко-добр, что кажется являлся воплощением безгрешной чистоты, которую ничто не может запятнать".

На Соловках отца Владимира посещали родные, которые вскоре добились смягчения приговора: в ноябре 1928 года заключение в лагере заменили пятилетней ссылкой в Сибирь. Пробыв несколько месяцев в пересыльной тюрьме Ленинграда, батюшка был отправлен в глухую деревню Пьяново, что в 150 километрах от города Братска Иркутской области.

Одновременно с отцом Владимиром в той же деревне отбывал ссылку также отправленный с Соловков епископ Василий (Зеленцов, память 22 марта), непримиримый противник политики митрополита Сергия (Страгородского).

Из Пьянова Владыка Василий послал своё последнее послание Патриаршему Местоблюстителю не только с требованием отказаться от Декларации 1927 года и с угрозой в противном случае подвергнуть того проклятию, но и с призывом бороться с советской властью всеми способами - вплоть до террора и вооружённых восстаний. Вскоре после отправления этого письма, епископ Василий мученически погиб.

После освобождения батюшка с 1934 года служил в Новгороде, став в 1935 году настоятелем кафедрального Михаило- Архангельского собора, что на Прусской улице. Правящим архиереем Новгородской епархии в то время являлся архиепископ Венедикт (Плотников), знакомый отцу Владимиру по совместному служению в Петрограде.

1(14) мая 1936 года протоиерей Владимир был арестован вновь, отправлен на обследование в областную больницу для душевнобольных, где признан вменяемым, и 26 ноября (8 декабря) 1937 года вместе с группой прихожан опять подвергнут аресту по 58 статье, оговорен как член группы "Народная демократия на основе неогосударственного капитализма", а 13 (26) декабря того же года, в Новгороде расстрелян по решению "Особой Тройки" от 6(19) декабря. Место его захоронения Господь оставил сокровенным.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Владимир Мощанский (память 25 августа по старому стилю)

Священномученик Владимир Мощанский родился 15 июня 1866 года в селе Заборовье Есеновского уезда Тверской губернии в семье священника Димитрия Мощанского. Мать его, Анна, рано осталась вдовой; будучи очень набожной, она кормила бедных и нищих, и когда она умерла, все они пришли хоронить её - только тогда многие увидели, сколь многим она благодетельствовала.

После окончания Тверской Духовной Семинарии, Владимир Димитриевич женился на дочери священника Иоанна Димитриевского - Евдокии, и вскоре был рукоположен в сан диакона ко храму в селе Рогачеве Ржевского уезда. В их семье родилась дочь и три сына. При рождении четвёртого ребёнка Евдокия Ивановна умерла. Отец Владимир остался с маленькими детьми, воспитывать которых ему помогала незамужняя сестра Евдокии, Александра Ивановна.

Через некоторое время, диакона Владимира рукоположили в сан иерея Успенского храма в селе Спасском, Кашинского уезда. Здесь батюшка служил до 1924 года, до самого закрытия храма большевиками.

Перед закрытием было совершено последнее богослужение: храм был полон молящимися, все стояли на коленях, многие плакали. До ближайшего города Кашина

священника провожал весь приход - шли пешком тридцать километров. Отец Владимир поселился в Вышнем Волочке в доме своего отца, который к тому времени уже умер. Служил батюшка в зимнем соборе. Несмотря на усилившиеся гонения, служб он не прекратил, по городу же ходил в рясе, проповедуя Слово Божие своим облачением. В свободное время он занимался воспитанием и образованием своей внучки Ольги, обучая её всем предметам по старым дореволюционным учебникам, но прежде всего обучил молитвам.

Когда в школе стали проверять её знания, то приняли Ольгу сразу в пятый класс. Ребёнок всё воспринимал с детской простотой и наивностью. Однажды в школе ей велели выучить частушку: "Нынче в церковь не ходила и не каялась попу, я такого крокодила даже видеть не хочу". Придя домой, она с детским простодушием прочла эту частушку дедушке. Александра Ивановна только ахнула и сказала: "Да что же это такое?". А отец Владимир промолчал, внимательно посмотрел на внучку и сказал: "А ты подумала, Оля, что твой дедушка - священник?". И такое раскаяние у неё было, что она упала на колени и попросила прощения.

Здоровье батюшки слабело и он уже не всегда мог служить Литургию, но приходил в храм молиться, крестил младенцев, служил панихиды на Пятницком кладбище. На это кладбище он приходил во все родительские субботы, здесь в Ильинской церкви служил когда-то его отец и за алтарём этой церкви было семейное захоронение Мощанских. Но прежде чем пришли сюда, батюшка шёл в другое место кладбища, где тогда не было захоронений, служил панихиду и молился там, как будто ему было открыто, что не в родовой, а в тюремной могиле ему суждено быть погребённым.

13 февраля 1938 года, несмотря на почтенный старческий возраст (отцу Владимиру шёл семьдесят второй год), батюшку арестовали. Отца Владимира обвиняли в проведении антисоветской агитации. Опросив "дежурных свидетелей" следователь стал допрашивать старца. Батюшка виновным себя в антисоветской агитации не признал и из всех свидетельских показаний подтвердил только свой разговор с учениками восьмых-девятых классов, который состоялся в ноябре 1937 года. Отец Владимир сказал тогда: "Учёный Павлов перед смертью завещал, чтобы имеющиеся церковные здания не ломать и не занимать под музеи, вот видите, и учёные идут за религией".

В конце апреля было составлено обвинительное заключение. 27 июня 1938 года состоялся суд. Отец Владимир, выслушав все выдвинутые против него обвинения, возразил, что если когда что и говорил, то не с целью агитации.

Судьи вынесли приговор - семь лет заключения с последующим поражением в избирательных правах на три года. Батюшка подал жалобу, прося пересмотреть приговор. На время пересмотра приговора отца Владимира поместили в Вышневолоцкую тюрьму. Камеры здесь были переполнены, заключённым почти круглосуточно приходилось стоять, даже на полу не было места прилечь, доходило до того, что когда надзиратель открывал дверь, то люди непроизвольно вываливались в коридор.

Батюшка в тюрьме строго постился и почти все посылки, которые ему передавала Александра Ивановна, раздавал сокамерникам. Здоровье его всё ухудшалось, тюремная администрация не принимала никаких мер, в конце концов заключённые в камере возмутились, стали стучать в железную дверь и кричать: "За что вы мучаете старого священника? В чём он виноват? Мы тоже верим в Бога". Однако тюремные власти не улучшали положения священника, он по-прежнему оставался в общей камере. Не вынеся тяжёлых условий заключения, протоиерей Владимир Мощанский скончался 25 августа (7 сентября н. ст.) 1938 года.

Заключённые сами сделали гроб. Батюшку одели в чистое бельё, которое он хранил в тюрьме на случай смерти. Гроб поставили на телегу и повезли на Пятницкое кладбище мимо дома священника. Александра Ивановна не знала о его смерти, и ещё несколько дней носила в тюрьму передачи. После смерти отца Владимира, его образ стал являться начальнику хозяйственной части тюрьмы. Куда бы он ни шёл, чтобы он ни делал, перед

его взором стоял старый священник. Это продолжалось и ночью. На рассвете девятого дня с момента кончины отца Владимира, едва рассеялись сумерки, он пошёл по улице в сторону кладбища. Не зная, где жил батюшка и его близкие, но непроизвольно, по внушению Божию, он остановился перед домом священника и постучал в окно. Александра Ивановна открыла форточку и спросила, что ему нужно. "Выйдите, оденьтесь, ваш дедушка умер, я покажу вам могилу". Он отвёл её на кладбище и показал могилу отца Владимира. Была она на месте, где ещё при жизни батюшка служил панихиды. Впоследствии на этом месте был поставлен крест и погребены сын и дочь священника - Владимир и Ольга.

6 (19 н. ст.) сентября 1999 года канонизован как местночтимый святой Тверской епархии.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Гавриил (Масленников) (память 5 ноября по старому стилю)

Священномученик Гавриил родился в 1871 году в городе Михайлове Рязанской губернии в семье кузнеца Михаила и жены его Ольги, у которых было одиннадцать детей. Родители Гавриила отличались благочестием и воспитывали детей в православном духе. Гавриил окончил городское училище и, как и старший его брат Василий, избрал профессию кузнеца. Образование, полученное в городском училище, ощущалось Гавриилом как недостаточное, и он много времени посвящал чтению книг, и в особенности духовных, занимаясь самообразованием.

С 1893 по 1896 год Гавриил Михайлович служил в 171-м полку в городе Варшаве в звании ефрейтора. Был участником русско-японской войны. За проявленную в боях отвагу он был награжден Георгиевским крестом. Во время военных действий Гавриил Михайлович попал в плен. После освобождения из плена и возвращения по окончании военной службы домой он работал кузнецом, арендуя кузницу в Печерских Выселках Михайловского уезда, а затем - в селе Прилучье. В это время он женился на Татьяне Ивановне Бориной, глубоко верующей девушке из семьи мещан города Коврова Владимирской губернии. Впоследствии у них родилось одиннадцать детей, из них в живых остались два сына и три дочери, которым они по мере сил старались привить начала веры и благочестия.

Глубокие познания, полученные путем самообразования, и нравственный авторитет Гавриила Михайловича были таковы, что жители города Михайлова избрали его в 1920 году городским головой.

В начале двадцатых годов у Гавриила Михайловича стало стремительно ухудшаться зрение; врачи отнесли это на счет его профессии кузнеца и настоятельно стали советовать оставить ее. Долго думал Гавриил Михайлович, как быть. В душе оживало давнее желание стать священником. Его не страшили идущие повсюду гонения на Русскую Православную Церковь, но смущали собственный преклонный возраст и отсутствие специального образования. Он жаждал стать всецело служителем Господа, но недоставало решимости, так как он считал себя недостойным служения столь высокого. Но однажды во сне он увидел умершую мать, которую он отпевает, находясь в сане священника. Этот сон он почел благоприятным знаком к принятию решения. В 1924 году он поехал в Рязань к архиерею, сдал экзамены на знание богослужения и Священного Писания, а также основных положений православного вероучения и был рукоположен в сан диакона ко храму Рождества Богородицы в селе Маково Михайловского района.

В 1925 году диакон Гавриил был рукоположен в сан священника ко храму Покрова Божией Матери в селе Самодуровка (ныне село Солнечное) Михайловского района.

Священническое служение стало для отца Гавриила великой отрадой и утешением. Он любил богослужение и храм, это чувствовали прихожане, и это привлекало их к церкви, тем более, что отец Гавриил, будучи человеком высоконравственным, до своего рукоположения пользовался среди жителей большим авторитетом.

Во время гонений на Русскую Православную Церковь в начале 1930-х годов в районное отделение ОГПУ города Михайлова пришла разнарядка - арестовать некоторое число жителей, в первую очередь подлежали аресту священники. 11 марта 1931 года сотрудники ОГПУ арестовали отца Гавриила и нескольких верующих женщин - псаломщицу Марию Сибикину и старосту храма архистратига Михаила в городе Михайлове Софью Чканникову, а вместе с ними сестру жены священника, Анну Комарову.

Поскольку арестовывали тогда не за конкретные преступления, а за принадлежность к духовному сословию и служение Церкви, то главной задачей для ОГПУ был поиск священно-церковнослужителей. Одна из инспекторш ОГПУ так описывает свою деятельность в докладной записке вышестоящему начальству. "16 марта 1931 года мне была поручена оперативная работа по выявлению гражданки Сибикиной Марии Михайловны, то есть ее духовного звания, что и было сделано. Я пошла в сторожку к монашенкам собора, которые знают, где таковая гражданка в настоящее время находится. Это было примерно около четырех часов вечера. Когда я вошла в сторожку, то там были четыре монахини, каковые собрались идти в церковь, как они пояснили мне позже. Чтобы не испортить ход оперативной работы, мне пришлось при входе перекреститься, после чего мне одна из монахинь сказала: "Садись, "раба Божия"". Я села. После, как я села, монахиня, которая предложила сесть, пошла в чуланчик, вынесла маленькое Евангелие, перекрестила меня им и дала поцеловать. Мне пришлось тоже перекреститься и поцеловать, после чего я приступила к расспросам, где находится матушка Сибикина. Меня спросила монахиня: "На что она тебе, "раба Божия", нужна?" Я ответила, что я приехала из Пронска, привезла пакет от священника, то есть от церковного совета, секретный. Спросили: "Разве наша матушка состоит в церковном совете города Пронска?" Я сказала: "Да". - "Но почему именно передали вам?" Я пояснила: "Сама я уроженка деревни Серебрянь, и мою сестру арестовали, а я приехала узнать, и мне батюшка поручил вручить ей секретный пакет". И мне монахиня сказала: "Она временно находится у Рябининой, там все свои, верующие". Потом одна из монахинь сказала: "Я тебя провожу и укажу, где живет матушка". Доведя меня, она показала, по какой улице идти, и еще раз предупредила: "Иди, не бойся, там все свои. В случае не будет матушки, то хозяйка скажет, где она находится, по каким деревням". После таких слов мы с ней расстались. Монахиня вернулась обратно, а я позамедлила в этой улице, дождалась, когда монахиня скроется за угол.

После чего я пошла в отделение милиции и доложила районному уполномоченному все что было. Тогда мне в помощь дали инспектора для ареста, я пошла вперед в указанный дом, где находилась матушка. Когда я вошла в дом, то на мой вопрос хозяйка сказала: "Матушка на печке". Я вошла в дом и сказала матушке: "Я пришла тебя предупредить, тебя ищут, и я привезла секретный пакет из Пронска от батюшки..." Мы с ней засуетились, в это время вошел инспектор, справился, где матушка по фамилии Сибикина. После чего сделал обыск и нас вместе взял и привел в ОГПУ".

Псаломщицу Марию обвинили в том, что она входила "в антисоветскую группировку Масленникова и других, занималась распространением провокационных слухов среди прихожан собора".

17 марта следователь допросил отца Гавриила. На его вопросы отец Гавриил ответил: "Я считаю, что построение колхозов из одних бедняков, которые сами себя не могут прокормить из нелюбви к труду, - из них колхозов не создашь, а необходимо принимать

любящих труд. Религиозные убеждения я имею с детства, так воспитан родителями, для душевной отрады я поступил в священники. В предъявленном мне обвинении в агитации против советской власти, в распускании слухов, что скоро падет советская власть, и тому подобном виновным себя не признаю".

Не признали себя виновными и все арестованные вместе с ним женщины. 25 апреля 1931 года Тройка при Полномочном Представительстве ОГПУ приговорила священника Гавриила Масленникова, псаломщицу Марию Сибикину и Анну Комарову к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет с заменой высылкой этапом в Казахстан, на тот же срок, а старосту храма Софью Чканникову к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Следствие в то время было жестоким - заключенных в тюрьме беспощадно избивали, даже и не скрывая это от родственников, и жене отца Гавриила не раз отдавали из тюрьмы окровавленные рубашки мужа. Между тем и отец Гавриил и его супруга Татьяна пользовались большим уважением и любовью среди местного населения. Совесть мучила милиционера, способствовавшего аресту отца Гавриила, и однажды он пришел к матушке Татьяне, упал ей в ноги, попросил прощения и сказал: "Что мне было делать? Пришла разнарядка на трех человек. Кого брать? Ну конечно, в первую очередь пришлось брать священника".

В 1936 году отец Гавриил вернулся из ссылки. Его дом был разорен, и семья сначала скиталась по домам православных, а затем они нашли пустой, брошенный хозяевами домик с земляным полом, стоявший на отшибе. Крыша над головой была, а средств сделать деревянный пол не было. Отец Гавриил ходил в приокские луга, накашивал осоку, высушивал ее, и ею выстилали земляной пол в доме, ею же и топили печь. В это время отец Гавриил, истосковавшись в заключении по духовной литературе, много читал духовных книг. После выхода из заключения он был направлен служить в храм Преображения Господня в село Внуково Михайловского района Рязанской области.

Недолго пришлось прослужить отцу Гавриилу в храме. Осенью 1937 года, во время очередного гонения, власти приняли решение арестовать священника. 6 октября сотрудники НКВД допросили одного из колхозников, который показал, что к священнику Гавриилу Масленникову часто группами ходят священники из Михайловского района и проводят в его доме антисоветскую деятельность. Священник Масленников живет рядом с председателем колхоза Тихоновым и поддерживает с ним тесную связь. Во время уборочной кампании осенью 1937 года Тихонов брал из жаток лошадей и бесплатно возил священника в город Михайлов. Косовица рожь и другие культуры в это время стояли в поле и осыпались, получились большие утери зерна от несвоевременной уборки урожая. Имело место влияние антисоветской агитации священника Масленникова. Это очень заметно всем колхозникам. Как только у нас в деревне поселился священник Масленников, сразу же упала трудовая дисциплина. Руководство колхоза ослабло, правительственные планы по уборке урожая и севу не выполнялись. Семья священника собирала колосья пшеницы с колхозных полей, где урожай еще не был убран.

Вызванный на допрос в качестве свидетеля председатель колхоза Тихонов показал, что священник Масленников проводит антисоветскую агитацию, направленную против партии и советского правительства, а также и против колхозного строя: в 1937 году во время уборочной кампании священник Масленников сагитировал женщин пойти в церковь на праздник Успения. В доме священника часто собиралось по два-три священника. В мае 1937 года около его дома на скамейке сидело двое неизвестных мне священников, которым священник Гавриил Масленников говорил: "Да, братцы, отцы духовные, наступило тяжелое время для всех православных христиан, в храм ходить стало мало, а верующих загнали в колхоз, как скотину, и работают там без денег". В дом к священнику Масленникову часто приезжают люди из деревень, и совершаются у него на дому крестины. Я слышал, что священник Масленников говорил в сенях своего дома неизвестному мне гражданину: "Не забывайте храм Божий, чаще посещайте его, молитесь

Богу". 16 октября 1937 года власти арестовали отца Гавриила, и он был заключен сначала в тюрьму в городе Скопине, а затем в Рязани. Его обвинили в том, что он вел среди населения активную контрреволюционную религиозную пропаганду и поддерживал тесную связь с арестованными священниками Акинфиевым и Амелиным и после ареста священника Григория Амелина оказывал материальную поддержку его семье.

- В чем заключается ваша связь с ныне арестованным за контрреволюционную деятельность попом Григорием Емельяновичем Амелиным? - спросил следователь отца Гавриила.

- Связь моя с Амелиным выражалась в том, что, вернувшись из ссылки, он приходил ко мне исповедоваться. После его ареста ко мне приходила его жена. Кроме того, я оказывал им материальную помощь.

- В чем выражалась ваша связь с ныне арестованным за контрреволюционную деятельность попом Акинфиевым?

- Акинфиев приходил ко мне за деньгами на содержание епархии как благочинный.

- Следствию известно, что вы совместно с указанными попами вели антисоветскую агитацию и религиозную пропаганду среди населения. Признаете вы это?

- Нет, этого я не признаю, но когда у меня в доме был Акинфиев, у нас с ним был разговор о Новой конституции, в котором мы приветствовали власть, - говорили, что мы теперь наравне со всеми гражданами имеем право выбирать и быть избранными в советы.

- Следствию известно, что вы высказывали недовольство советской властью и распространяли контрреволюционную клевету о колхозах. Признаете вы это?

- Нет, этого я не признаю.

12 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила отца Гавриила к расстрелу.

Священник Гавриил Масленников был расстрелян 18 ноября 1937 года и погребен в безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Георгий (Лавров), архимандрит (память 21 июля по старому стилю)

Преподобномученик Георгий, архимандрит (в миру Лавров Герасим Дмитриевич) родился 28 февраля 1868 (1867?) года в Елецком узде Орловской губернии в благочестивой, состоятельной крестьянской семье. Герасим закончил всего три класса школы. Однажды, когда ему было 12 лет, он с родителями приехал на Богомолье в Оптину пустынь и подошёл под благословение к старцу Амвросию. Старец обнял его за голову, благословил и сказал, что ему следует оставаться здесь. Но только с 1898 года, после кончины отца, Герасим стал послушником Введенской Оптиной пустыни, где в 1899 году был пострижен с именем Георгий, и в 1902 году рукоположен в иеромонаха. Известно о его разногласиях в вопросах управления скитом со скитоначальником старцем Варсонофием (Плиханковым), что вызвало в Оптиной разделение в среде монахов - событие доселе там неслыханное.

С 1915-го по 1918-й годы отец Георгий был настоятелем Георгиевского монастыря в город Мещовск Калужской губернии.

После закрытия монастыря в декабре 1918 года, батюшка был обвинён в "тайном заговоре" и "хранении оружия". Из Мещовской тюрьмы батюшку вместе с группой арестованных повезли в тюрьму Калуги, где их должны были расстрелять. Перед этим отцу Георгию было чудесное видение, после которого он утешил всех арестованных, сказав, что они останутся живы. И, действительно, их вагон почему-то прицепили к другому поезду, идущему в Москву. По прибытии в Москву арестованных поместили в

Таганскую тюрьму Москвы. Пока производилось дознание, в 1919 году вышла амнистия и расстрел был заменён пятью годами заключения.

До 1921 года батюшка находился в одиночной камере. В тюрьме он перенёс операции. Тюремный доктор Жижиленко (будущий тайный епископ Максим) обучил его медицинским навыкам и старец был поставлен на должность санитара, благодаря чему имел доступ к самым разным людям, в том числе и в камеры смертников. Батюшка исповедовал и причащал желающих, старался всех утешить и ободрить. Иногда он со слезами уговаривал умирающих исповедаться, если видел, что человек уходит из этой жизни озлобленным.

В Таганской тюрьме он получил благословение на старчество от митрополита Кирилла (Смирнова). Из тюрьмы отец Георгий был взят "на поруки" будущим священномучеником Владыкой Феодором (Поздеевским), который предоставил ему возможность проживания и служения в возглавляемом им Свято-Даниловом монастыре. Там батюшка принимал множество людей в келье при входе в Покровскую церковь. Хотя он был малообразованным, к нему шла интеллигенция, молодёжь. "Золотце, золотой мой, деточка" - так он обращался к людям. Старец имел дар различать душевные и духовные болезни. У него часто бывал Тверской архиепископ Фаддей (Успенский, память 18 декабря).

Во время разногласий, возникших из-за декларации митрополита Сергия, отец Георгий убеждал братию не вносить новых разделений в Церковь и остался на стороне Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

В мае 1928 года батюшку арестовали во второй раз. Он был обвинён в том, что "играл роль старца в черносотенном монастыре, вёл антисоветскую пропаганду среди обслуживаемого контингента".

Батюшку приговорили к трём годам ссылки в посёлок Кара-Тюбе Уральской области (ныне Казахстан). Там он жил в тяжёлых условиях, но утешался совершением Литургии в своей хижинке. В ссылке батюшка заболел раком гортани.

После освобождения старец поселился в Нижнем Новгороде. С трудом удалось духовным чадам найти для него комнатку. 21 июня (4 июля н. ст.) 1932 года после причащения Святых Таин отец Георгий скончался и был погребён на местном Бугровском кладбище.

В октябре 2000 года были обретены святые мощи старца, которые перевезли в Свято-Данилов монастырь в Москве.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Гермоген, епископ Тобольский и Сибирский и иже с ним убиенный иерей Петр Карелин (память 16 июня по старому стилю)

Священномученик Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов), епископ Тобольский и Сибирский, родился 25 апреля 1858 года в семье единоверческого священника Херсонской епархии, впоследствии принявшего монашество. Он окончил полный курс юридического факультета в Новороссийске, здесь же прошел курсы математического и историко-филологического факультетов. Затем Георгий поступает в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где и принимает монашество с именем Гермоген. 15 марта 1892 года он становится иеромонахом.

В 1893 году иеромонах Гермоген окончил Академию и был назначен инспектором, а затем ректором Тифлисской Духовной Семинарии с возведением в сан архимандрита. Не

желая содействовать антицерковному и материалистическому духу времени, он поощряет распространение миссионерства среди населения Российской окраины.

14 января 1901 года в Казанском Соборе Санкт-Петербурга отец Гермоген был хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В 1903 году его назначили епископом Саратовским и вызвали для присутствия в Святейшем Синоде.

Служение Владыки отличалось неослабевавшим горением духа: процветала его трудами миссионерская деятельность, устраивались религиозные чтения и вне богослужебные беседы, программу для которых составлял сам же епископ и он же руководил ими. Владыка часто объезжал приходы епархии и служил с таким благоговением, трепетом и молитвенным настроем, что люди действительно забывали - на Небе они или на земле, многие плакали от умиления и духовной радости. Во время политических беспорядков 1905 года Владыка успешно вразумлял одурманенных бунтовщиков своими проповедями.

С большой любовью и уважением относился к епископу Гермогену святой праведный Иоанн Кронштадтский, говоря, что за судьбу Православия он спокоен и может умереть, зная, что епископы Гермоген и Серафим (Чичагов, память 28 ноября) продолжат его дело.

Предрекая мученическую кончину Святителя, батюшка писал ему в 1906 году: "Вы в подвиге, Господь отверзает Небо, как архидиакону Стефану, и благословляет Вас".

В конце 1911 года на очередном заседании Святейшего синода Владыка резко разошелся с обер-прокурором В.К. Саблером, который с молчаливого согласия многих архиереев спешно проводил некоторые учреждения и определения прямо противоканонического характера (корпорация диаконисс, разрешение отпевания инославных).

7 января преосвященному Гермогену был объявлен указ за подписью Государя об увольнении от присутствия в Святейшем синоде и отбытии в свою епархию до 15 января. Не уложившись ввиду болезни в отведенный промежуток времени, Владыка был сослан в Блоруссию в Жировицкий монастырь. Одной из причин этой ссылки явилось также и резко отрицательное отношение Владыки к Г.Е. Распутину.

Положение опального епископа в монастыре было тяжелым. Ему не разрешали часто служить, а когда разрешали, то не оказывали должных почестей его епископскому сану. Иногда Владыке даже запрещалось выезжать из монастыря.

Святитель часто скорбел о будущем Отечества, и плача говорил: "Идет, идет девятый вал; сокрушит, сметет всю гниль, всю ветошь; совершится страшное, леденящее кровь - погубят Царя, погубят Царя, непременно погубят".

В августе 1915 года Владыку перевели в Николо-Угрешский монастырь Московской епархии, а после Февральского переворота 1917 года он был назначен на кафедру в Тобольск. Особой заботой Владыки были вернувшиеся с фронта одурманенные большевицкой пропагандой русские воины, и он создает особый солдатский отдел при Иоанно-Димитриевском братстве. Большевики, старавшиеся озлобить солдат, чтобы легче управлять ими, были вне себя, видя проявляемую о бойцах церковную заботу.

В это мятежное время Святитель призывал свою паству "не преклонять колена пред идолами революции", борясь против коммунизма, денационализации и искажения русской народной души.

Находясь на Тобольской кафедре во время пребывания там в заточении Царственных Мучеников, по его благословенно в утешение Им была принесена Абалацкая икона Божией Матери.

25 декабря 1917 года в Покровском храме города Тобольска, в присутствии Царской Семьи диакон Евдокимов провозгласил им многолетие - как и положено по Богослужебному Уставу. Вслед за этим последовал арест настоятеля и диакона. Настоятель храма протоиерей Васильев на допросе заявил, что "не подотчетен рачьим и собачьим депутатам", а диакон Евдокимов сказал: "Ваше царство минутное, придет скоро защита Царская. Погодите еще немного, получите свое сполна".

На запрос об этом происшествии из местного органа большевицкой власти Владыка Гермоген ответил письменно, отказавшись от какого бы то ни было личного общения: "Россия юридически не есть республика, никто Ее таковой не объявлял и объявить не правомочен, кроме предполагаемого Учредительного Собрания. Во-вторых, по данным Священного Писания, государственного права, церковных канонов, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры, не лишаются своего сана как такового и соответствующих им титулов, а потому в действиях причта Покровского храма ничего предосудительного не усмотрел и не вижу".

На Литургии Владыка всегда вынимал частички за Царскую Семью, свято храня любовь к Ней. Есть сведения, что во время пребывания Государя в Тобольской ссылке Владыка испросил у него прощения за то, что поверил наговорам на Г.Е. Распутина, и Государь со смиренным сердцем простил его.

В январе 1918 года, после принятия большевиками декрета об отделении Церкви от государства, ставившего верующих в действительности вне закона, архипастырь обратился к народу с воззванием, которое заканчивалось словами: "Станьте на защиту своей веры и с твердым упованием скажите: "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его"".

Власти стали усиленно готовиться к аресту непреклонного епископа, но Владыка, не смущаясь, назначил на Вербное Воскресенье 15 апреля 1918 года Крестный ход. Он говорил: "Я от них пощады не жду, они убьют меня, мало того, они будут мучить меня, я готов, готов хоть сейчас. Я не за себя боюсь, не о себе скорблю, боюсь за жителей - что они сделают с ними?".

Накануне праздника, 13 апреля, в архиерейских покоях появились вооруженные красноармейцы. Не обнаружив епископа, они учинили обыск в его покоях и осквернили алтарь домовой церкви. Крестный ход собрал множество верующих. Со стен городского Кремля хорошо был виден дом, где томилась в заключении Царская Семья. Владыка, подойдя к краю стены, высоко поднял крест и благословил Августейших Страстотерпцев, которые смотрели из окон на Крестный ход.

Сопровождаемый пешими и конными отрядами милиции, Крестный ход привлек много верующих, но на обратном пути (ход окончился в половине пятого) ряды народные стали редеть, так что милиция без труда (сначала при помощи обмана) разогнала оставшихся прикладами и арестовала Владыку. На колокольне рядом с архиерейским домом ударили в набат. Большевики выстрелами согнали с колокольни звонарей. Остальные возмущавшиеся были также разогнаны.

Владыка был заключен в Екатеринбургскую тюрьму. В заточении он много молился. В одном из писем, которое удалось переслать на волю, Святитель писал, обращаясь к "благоговейно любимой и незабвенной пастве": "Не скорбите обо мне по поводу заключения моего в темнице. Это мое училище духовное. Слава Богу, дающему столь мудрые и благотворные испытания мне, крайне нуждающемуся в строгих и крайних мерах воздействия на мой внутренний духовный мир... От этих потрясений (между жизнью и смертью) усиливается и утверждается в душе спасительный страх Божий...".

Продержав Владыку несколько месяцев в заточении, областной совнарком потребовал выкуп - сначала в сто тысяч рублей, но, убедившись, что такой суммы ему не собрать, уменьшили ее до десяти тысяч рублей. Когда деньги, пожертвованные местным коммерсантом Д.И. Полирушевым, были принесены духовенством, власти дали расписку в получении требуемой суммы, но вместо освобождения епископа арестовали и троих членов делегации: протоиерея Ефрема Долганова, иерея Михаила Макарова и Константина Минятова, о дальнейшей участи которых ничего более не известно. Видимо, их мученическая кончина предварила кончину Владыки.

Вскоре Святитель был перевезен в Тюмень и доставлен на пароходе к селу Покровское. Все узники, за исключением епископа и священника церкви Каменского завода, благочинного второго округа Камышевского уезда Екатеринбургской губернии, иерея Петра Карелина, были расстреляны. Владыка и отец Петр были заключены в

грязном трюме. Пароход направился к Тобольску. Вечером, 15 июня, когда священномучеников переводили с одного корабля на другой, Владыка, подходя к трапу, тихо сказал лоцману: "Передайте, раб крещеный, всему великому миру, чтоб обо мне помолились Богу".

Около полуночи с 15 на 16 июня большевики сначала вывели на палубу парохода "Ока" иерея Петра Карелина, привязали к нему два больших гранитных камня и сбросили в воды реки Туры. Та же участь постигла и Владыку (по некоторым сведениям, Владыку привязали к пароходному колесу, которое затем привели в движение. Это колесо искромсало живое тело Владыки).

Честные останки Святителя были вынесены на берег 3 июля и обнаружены крестьянами села Усольского. На следующий день они были похоронены крестьянином Алексеем Егоровичем Маряновым на месте обретения. В могилу был положен и камень.

Вскоре город был освобожден войсками Сибирского Правительства и останки Святителя были извлечены, облачены в архиерейские одежды, и торжественно погребены в склепе, устроенном в Иоанно-Златоустовском приделе на месте первой могилы святого Иоанна, митрополита Тобольского. Священномученики Гермоген, Ефрем, Петр, Михаил и мученик Константин причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Григорий (Раевский) (память 16 сентября по старому стилю)

Священномученик Григорий родился 28 сентября 1888 года в селе Завидове Тверской губернии в семье диакона Григория Раевского. Вскоре после окончания Московской Духовной семинарии Григорий Григорьевич женился на Лидии Васильевне Беляевой, дочери священника села Завидова. В 1912 году Григорий Раевский был рукоположен в сан священника к Успенскому храму этого села.

Все силы молодой священник отдавал храму и прихожанам, и его супруга стала ему помощницей в заботах о храме. Между ними во всем было полное согласие и мир. Единственное, что несколько омрачало их супружескую жизнь, это то, что у них не было детей. В 1913 году в селе почти одновременно умерли муж и жена, остались сироты - трое детей, и о. Григорий и Лидия Васильевна взяли к себе одну из девочек, Анну, которой было тогда восемь лет. Они воспитывали ее как свою, и впоследствии, когда у них в 1922 году родилась дочь Нина, они между детьми не делали никакой разницы, и сами девочки относились друг к другу как родные сестры.

В первый раз о. Григория арестовали в 1927 году. Он был заключён в Бутырскую тюрьму и обвинён в том, что он будто бы распространял ложные слухи, но на следствии выяснилась полная невиновность священника, и власти вынуждены были через два месяца его освободить.

В конце 1929 года, одновременно с коллективизацией, началось гонение на Православную Церковь. В Завидово приехали молодые коммунисты, уполномоченные из города, чтобы помочь объединять крестьянские хозяйства в колхозы.

В субботу 8 февраля на общем сходе крестьян председатель Завидовского сельсовета объявил, что на воскресенье, 9 февраля, назначается демонстрация, призванная показать превосходство коллективного хозяйства над единоличным. Были собраны подводы, украшены красными лентами лошади, чтобы проехать по соседним деревням и показать, что завидовские крестьяне почти все вступили в колхоз. К назначенному времени, одиннадцати часам дня, около избы-читальни собралась незначительная группа крестьян. Организаторы демонстрации решили, что с таким количеством народа ехать нельзя, и

ждали ещё два часа. Но и тогда народа не набралось. Тут кто-то из присутствующих сказал, что это потому нет народа, что все люди в храме, где идет торжественная служба.

Услышав об этом, секретарь комсомольской ячейки отрядил пойти в храм двух комсомольцев, чтобы узнать, что там происходит. Войдя, они увидели, что идёт служба и храм полон народа. Устроители демонстрации решили, что она не удалась из-за богослужения, и агитационное мероприятие было отменено.

В храме в тот день собралось около шестисот человек и больше половины было причастников. Молебен служил протоиерей Григорий Раевский, литургию - священник Николай Дмитров. Пока о. Григорий служил молебен, о. Николай исповедовал причастников, когда о. Николай стал служить литургию, исповедовать стал о. Григорий. Из-за того, что было столько причастников, служба затянулась до трёх часов дня.

Одного этого факта было для ОГПУ достаточно, чтобы уже на следующий день начать расследование с целью непременно арестовать хотя бы одного из священников. Прежде всего сотрудники ОГПУ выяснили, что наибольшим авторитетом и любовью у прихожан и вообще жителей Завидова и окрестных деревень пользуется о. Григорий. И началось расследование его церковной деятельности. Были вызваны комсомольцы, члены бригады по коллективизации, председатель Завидовского сельсовета и местный работник политпросвета (избач). Вот некоторые из показаний, которые они дали: "Раевского хорошо знаю. Последний зачастую говорит проповеди в церкви, в особенности в престольные праздники, в Троицу, Петров день, в Успенье и Михайлов день. Начинает проповедь на тему праздника и кончает: "Время, верующие, теперь пришло тяжелое, отец с сыном, брат с братом не уживаются вместе и восстают друг на друга. Идет сейчас гонение на религию". Кроме того, также Раевский говорил, то есть сопоставлял евангельское учение с настоящим моментом: "Почему отец с сыном не уживаются? Так как отец верит в Бога, а сын нет". И призывал верующих ещё сильнее веровать в Бога и не поддаваться вражьему учению".

"Попы наши завидовские очень хитрые и умные по-своему. Для того чтобы не отобрали у них церковь, они собирали среди крестьян деревень подписи, дескать, собрав большое количество подписей, можем отстоять от возможного отбора церковь".

"Демонстрация была сорвана благодаря поповской и кулацкой агитации. По имеющимся сведениям, священник Григорий Раевский в церкви произнес проповедь. Привел пример: "Братья, когда тонет корабль, то команда спасается, но капитан должен погибнуть". Из слов Раевского видно, что он до тех пор будет бороться с советской властью, пока не погибнет. А поэтому считаю дальнейшее пребывание попов в Завидове безусловно опасным для строительства коллективизации".

В самый день ареста о. Григория, 14 августа 1930 года, ОГПУ вызвало на допрос председателя сельсовета, который высказал свое категорическое суждение о необходимости ареста священника: "В декабре 1929 года Раевский приходил ко мне в сельсовет за разрешением на хождение по домам для совершения Рождественского служения. Тогда я, как председатель, ему не разрешил, и он сказал, что ваша задача задушить религию... К Раевскому часто приезжают неизвестно откуда священники и под видом службы проводят какие-то совещания. Я полагаю, что Раевский является первым контрреволюционером, который организовывает массу при помощи церкви".

Местный избач показал: "Священник села Завидова Раевский действительно является организатором масс на срыв всех мероприятий партии и советской власти".

Из верующих ОГПУ вызвало старосту храма, который, отвечая на вопросы следователя, не предполагал, что они задаются с единственной целью арестовать священника, и не стал читать протокол допроса, то, как записал следователь его показания: "Я церковным старостой нашей завидовской церкви был примерно двенадцать лет... Своих священников, Раевского и Дмитрова, хорошо знаю. Больше всего говорит проповеди благочинный Григорий Григорьевич Раевский. Он говорит проповеди в престольные праздники, на Троицу, Ильин день, Успенье, Михайлов день. В эти дни в

церкви бывает очень много народа. Любимые его проповеди - о блудном сыне, о страданиях Иисуса Христа. Заканчивал призывом к верующим, чтобы они своих детей воспитывали в духе Божьем, остерегались антихриста и дьявольского учения, не верили ему и не поддавались обману, ибо рассуждение о том, что Бога нет, исходит из уст злого человека... Проповедь священника Григория Раевского настолько действовала, что многие, выходя из церкви, плакали".

14 августа сотрудники ОГПУ пришли с обыском и арестовали священника. До того времени у о. Григория уже несколько раз были обыски, кончавшиеся конфискацией и без того скудного имущества. Когда-то они с матушкой имели хозяйство, держали кур, корову, был сад, огород, в доме стояла фисгармония. К тридцатому году ничего не осталось, все было конфисковано как уплата налога, включая фисгармонию, которую взял местный клуб. У о. Григория остались лишь небольшой шкаф с посудой, сундук и узкие деревенские половички. Сотрудники ОГПУ в очередной раз перевернули все вещи в поисках ценностей, хотели обыскать постель дочери священника, которая во время обыска безмятежно спала, но другая дочь, Анна, не позволила тревожить ребенка, и те отступились.

Первое время после ареста о. Григория держали в Завидове, а потом под конвоем отправили в Тверскую тюрьму. Вызвали для допроса о. Николая Дмитрова и спросили об арестованном священнике. Отец Николай, хорошо зная лукавство гонителей, настоял на том, чтобы записать ответ собственноручно:

- Священник Григорий Григорьевич Раевский ничего против советской власти не проявлял и недовольства мне не высказывал.

- За что же и когда он подвергался аресту? - спросил следователь.

- Аресту он подвергался Клинскими органами, просидел он шестьдесят два дня; возвратившись, за что сидел, не сказал. Больше мне ничего о нём не известно. Какие еще слова он говорит в проповедях, кроме хороших, мне не известно.

Снова вызвали в ОГПУ старосту храма. То, что был арестован столь уважаемый священник, поразило его. Увидев, как ОГПУ расправляется с невиновными и ищет лишь повода, чтобы закрыть храм, он ответил:

- Я служу церковным старостой более десяти лет и знаю священника Раевского как человека, который не стоит ни за, ни против советской власти. Затрагивает ли Раевский в проповедях вопросы политики, я не знаю, так как приходится все время стоять за свечным ящиком. Церковь наша большая, и все, что он говорит, мне не слышно. По приходу мне с ним ходить не случалось, и как он ведет себя среди крестьян, мне не известно.

21 августа вызвали на допрос о. Григория. На вопросы следователя он ответил:

- Проповеди в прошлом году в церкви говорил редко, иногда в двунадесятые праздники, в текущем году я проповеди говорил постом. Проповеди были чисто религиозного содержания, я политики не касался и даже намёков не делал... Против коллективизации никогда не выступал. 9 февраля 1930 года участия в организации торжественного служения в церкви не принимал и не служил, а прибыл в церковь в девять часов утра и стал служить молебны после утрени. В это время народу было около шестисот человек, из них исповедников было около трехсот человек. Меня удивляет по настоящее время, чем вызвано такое посещение церкви... В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Больше показать ничего не имею и считаю показания на меня ложью ".

5 января 1931 года Тройка ОГПУ приговорила священника к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Отца Григория отправили на каторжные работы, на строительство Беломорско-Балтийского канала в Вологодскую область, неподалеку от города Вычегды. Теперь между близкими осталась только письменная связь и редкие свидания; на одно из них Лидия Васильевна поехала вместе с дочерью Ниной, которой было тогда десять лет.

Их поселили за пределами лагеря в большом сером бараке; о. Григорий приходил к ним на свидания вечером после работы и каждый раз приносил свой паёк - налитую в глубокую миску похлебку.

Отца Григория освободили из заключения в начале 1934 года, и он вернулся в Завидово и стал служить в храме. Жить было трудно, он продал дом колхозу, а сам жил с семьёй сначала в доме о. Николая Дмитрова, а потом снял квартиру у одной доброй женщины неподалёку от храма. Впоследствии, когда дочь Нина осталась одна, то проданный еще при родителях дом дал ей возможность получить образование в школе, так как колхоз в течение нескольких лет выплачивал сироте небольшими суммами за этот дом.

12 мая 1935 года от скоротечной чахотки умерла супруга о. Григория. В конце зимы, придя в храм во время уборки, она пожалела труд убиравших, разулась, оттого простудилась и через три месяца скончалась. Дочь Нина осталась на попечении отца и крестного, священника Николая Дмитрова. Первые четыре класса она училась в Завидове, но в пятый класс её не взяли из-за того, что она дочь священника, и она снова поступила в четвертый, окончила его, но её снова не приняли в пятый, и она поступила в школу в соседнем селе в Спас-Заулке - это была уже Московская область. Пятый и шестой класс Нина проучилась там, а седьмой оканчивала снова в Завидове. Семь классов она окончила весной 1937 года. Училась она хорошо, и о. Григорий, просмотрев аттестат, похвалил ее и сказал: "Дочка, надо учиться обязательно, я не знаю, что со мной будет, но ты обязательно учись". Она исполнила завет отца, окончила полиграфический институт, занимала большую должность, но никогда не скрывала, что её отец священник. И молитвами отца-мученика Господь управлял её путь во благое, она никогда и ни в чем не чувствовала, что чем-то обделена из-за того, что у неё отец - священник гонимой Церкви.

Отец Григорий был нрава кроткого, открытого, никогда ни на кого не повышал голоса, не исключая и дочь, даже когда она показывала свое непослушание. Захочет она пойти к соседской девочке, своей подружке, под двунадесятый праздник или в воскресенье, а о. Григорий скажет:

- Нет, ты никуда не пойдешь сегодня.
- Папа, я пойду, - скажет дочь.
- Нет, ты никуда не пойдешь.
- А я пойду.
- Нет, не пойдешь.
- Нет, пойду.

И он тогда скажет:

- Ну, иди.

Но так скажет, что она уже никуда не пойдет, а только ждёт удобного момента, чтобы попросить прощения.

Летом 1936 года председатель областной комиссии по культам предложил благочинному Завидовского района собрать духовенство и обсудить проект сталинской конституции. Из священников пришли только двое, и одним из них был о. Григорий. Уяснив, что именно позвали его обсуждать, о. Григорий от обсуждения отказался, сказав, что поскольку он лишен как священник гражданских прав, то и обсуждать проект конституции не может. На этом собрание трёх священников закончилось, и никто бы о нём не помянул, если бы через год не нахлынули новые гонения.

Отец Григорий был арестован 30 июля 1937 года. В то время, когда сотрудники НКВД пришли к нему в дом, он был в лесу, куда часто ходил собирать грибы и ягоды. Вернулся он домой, а здесь в очередной раз идет обыск, но брать было нечего, взяли лишь письмо священника Александра Преображенского, которого, после выхода того из заключения, приютил о. Григорий. Отец Александр писал ему: "Вас искренне и сердечно, дорогой батюшка, благодарю за Вашу помощь и приют; не забуду никогда Вашего доброго, братского отношения и отзывчивости".

На следующий день после ареста следователь Завидовского НКВД Шевелев допросил священника.

- Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении? - спросил он.

- Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю, так как я никакой агитации, направленной на опошление, как вы утверждаете, мероприятий советской власти и партии, среди населения не проводил, - ответил священник.

- Скажите, как часто в церкви села Завидова вы или Дмитров произносите проповеди?

- Я лично говорил проповеди Великим постом с половины марта по 1 мая 1937 года.

- Расскажите, о чем вы говорили в своих проповедях верующим?

- В проповедях я говорил о значении исповеди, приготовлении к ней и о причащении.

- Скажите, какие вы проводили сборы среди верующих, на какие цели и сколько собрали средств?

- Сборы проводятся церковным старостой путем хождения с тарелкой; из общих сборов церковный совет или староста передают мне, я в свою очередь пересылаю по назначению - архиерею на содержание патриархии, епархиального управления, на приготовление мира.

- Расскажите о составе церковного совета церкви села Завидова.

- Членов церковного совета я не знаю, знаю только председателя церковного совета - церковного старосту Василия Григорьевича Голенкова, уроженца села Завидова.

Основания для обвинения, как часто бывало в подобных случаях, не находилось, и тогда стали вызывать на допрос прихожан. Среди других вызвали и старосту храма Василия Голенкова.

- Скажите, вы знаете Григория Григорьевича Раевского? - спросил следователь.

- Григория Григорьевича Раевского, священника церкви села Завидова, я знаю лет двадцать. Встречался с ним в церкви, на улице, иногда он бывал у меня дома, пили чай.

- Скажите, о чём вы разговаривали с Раевским при встречах?

- Мы с ним разговаривали о жизни, говорили о делах общины верующих. По вопросу посещения верующими церкви Раевский говорил, что люди верующие и желающие посещать церковь не могут прийти, так как связаны с работой в колхозе, а если бы был выходной день в воскресенье, молящихся было бы больше. Кроме того, Раевский говорил мне, что нужно веровать в Бога и надеяться на Бога.

- Скажите, как часто Раевский произносил проповеди в церкви и что он говорил в своих проповедях?

- Проповеди в церкви Раевский говорил нечасто, в проповедях он говорил о значении праздника, а также говорил, что нужно веровать в Бога и надеяться на Бога.

Стали вызывать на допросы соседей священника, но и они показали, что хорошо знают о. Григория как человека лояльного к государственной власти. Была вызвана жена благочинного о. Сергия Мазурова, которую следователь спросил:

- Скажите, какие вам известны факты контрреволюционных высказываний Раевского?

- Летом 1936 года моему мужу как благочинному было предложено обсудить с духовенством проект сталинской конституции. Мой муж разослал повестки о явке всем священникам благочиния. По повесткам из всех явились Дмитров и Раевский. От обсуждения проекта конституции Раевский отказался, говоря, что конституция нам, священнослужителям, ничего не дает. Все доводы мужа он не принял к сведению, заявив, что, если вам это нужно, вы и обсуждайте, пишите, что вам угодно.

Прихожане и многие жители Завидова искренне любили о. Григория, и даже из тюремщиков находились те, кто ему сочувствовал. Благодаря им, он смог в течение некоторого времени передавать близким коротенькие записки. 4 августа он писал о. Николаю Дмитрову, его супруге Екатерине, дочери Нине и хозяйке квартиры Марии: "Дорогие о. Николай, Екатерина Николаевна, Нина, Мария Егоровна и прочие и прочие, все, кто мне дорог и меня помнит. Здравствуйте. Ваши любовь и память и молитвы обо мне глубоко меня трогают и дают мне силы и покой переносить испытание, которое меня

ожидает. Обвинение 58-10, а в чём, пока еще не знаю; мне не представили ни одного факта - жду каждый день. Надеюсь, что вы все не оставите моей Нины и замените ей маму и отца в моё отсутствие и тем самым снимите мою тревогу о ней. Чтобы получить свидание и сдать передачу в Калинине - нужно получить разрешение у следователя Шевелева на станции Завидово или у начальника НКВД Глебова. Но это между прочим. Пока будет идти следствие - не разрешается никакой переписки".

На следующий день следователь снова допросил священника.

- Следствие располагает материалами о вашей контрреволюционной деятельности, настаивает на искренних показаниях. Скажите, намерены ли вы давать искренние показания о вашей контрреволюционной деятельности?

- Еще раз говорю, что я никакой контрреволюционной деятельностью не занимался.

- Следствие располагает материалами, что вы в целях контрреволюционной агитации опошляли законы советской республики по вопросу служителей религиозного культа. Вы говорили, что если нас задумают посадить, то посадят и найдут материалы для обвинения, несмотря ни на какие законы. Подтверждаете ли вы это?

- Смысл вопроса мне понятен и знаком, я мог сказать это только кому-либо из близких людей, но со своей стороны это высказывание контрреволюционной агитацией не считаю.

- Скажите, каковы ваши взгляды и мнения по вопросу проекта сталинской конституции?

- По вопросу обсуждения проекта сталинской конституции по предложению представителей культкомиссии Калининского облисполкома все духовенство района должно было собраться у благочинного Мазурова и обсудить проект, но явились лишь я и Дмитров. Я говорил, что, поскольку мы лишены избирательных прав, обсуждать этот проект не можем. Таким образом, вопрос остался открытым.

- Следствие располагает данными, что вы высказывали свои недовольства колхозным строем, говорили, что колхозники хотят ходить в церковь, но не могут, ибо не имеют дней отдыха.

- Это я отрицаю.

В этот день он написал родным: "Дорогая Нина, долго, долго мне не придется тебе писать. На какой срок я попаду - сейчас не знаю, но придется тебе жить одной. Постарайся быть паинькой - следи за собой, грубить не надо, за своими словами следи. Учиться старайся - это тебе пригодится на всю твою жизнь. Советов как отца Николая, Екатерины Николаевны и Марии Егоровны слушайся - худого, плохого они никогда тебе не пожелают. Будь сама со всеми хороша - и к тебе все будут относиться так же. Теперь я тебе напишу, когда попаду в лагерь.

10-30 вечера. Как бы мне хотелось, дочка родная, с тобой поговорить... Вспоминаю всех вас, родных и дорогих мне: хотя я и готовился мыслью к разлуке с вами, но она всё-таки тяжела мне. Утешаю себя надеждою, что так угодно Богу, чтобы жить мне опять вдали от вас. Он, благий, посылает испытание - даст и силы перенести его...

Так что обо мне не беспокойтесь. Я предлагаю такой план свидания, когда узнается день отправки - поезда в 10-50 утра и 1 час-50 дня - Нина с кем-нибудь пусть возьмут билеты до Калинина, пусть садятся в тот же вагон, и я надеюсь, что мы будем иметь возможность говорить всю дорогу, о дне отправки вам как-нибудь сообщат. Если удастся, было бы хорошо. Отправка должна быть на днях, приходите каждый день к означенным поездам - и всё будет хорошо. А теперь простите меня, кого я чем обидел, прошу ваших молитв о мне, грешном, чтобы Господь дал силы вторично перенести испытание.

Крепко всех целую - всем мой привет и душевное спокойствие".

Незадолго перед отправкой в Тверскую тюрьму о. Григорий написал дочери: "7.8.37. 7-30 утра. Дорогая Нина, на сколько теперь придется нам с тобой расстаться, я сейчас ещё не знаю, но надеюсь - кого я просил, заменят тебе отца и мать. Старайся учиться - приложи все усилия, чтобы тебе из отличниц не выходить, слушайся, что тебе будут

советовать, плохого совета из означенных лиц никто тебе не даст... Маму помни - меня не забывай... Веди себя хорошо, если я узнаю противное, мне будет очень тяжело..."

Отца Григория отправили в Тверскую тюрьму, и близким не удалось увидеться с ним, но и из тюрьмы приходили сведения, что он жив, и однажды сообщили, когда и как можно его увидеть.

Дочь Нина и матушка о. Николая, Екатерина, приехали в Тверь, добрались в указанное время до здания, в котором размещалось управление НКВД; у подъезда стояла машина для перевозки заключенных. Они остановились вдали, на противоположной стороне улицы, и видели, как из подъезда в сопровождении конвоя вышел о. Григорий. Он не глядел на другую сторону улицы, не оглядывался по сторонам и не увидел их. Это стало последним свиданием.

28 сентября был день рождения о. Григория, ему исполнилось сорок девять лет. На следующий день Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Григорий Раевский был расстрелян сразу после объявления приговора, 29 сентября 1937 года.

До сих пор среди завидовских прихожан сохраняется память о священномученике Григории - его служении, попечении о душах, его милосердии и мученической кончине. Священномученик был погребён в братской могиле на одном из кладбищ Твери; точное место погребения остается неизвестным.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Григорий Аверин (память 7 сентября по старому стилю)

Священномученик иерей Григорий Аверин родился 24 января 1889 года в селе Покровское Юрьевецкого уезда Костромской губернии в крестьянской семье. В 1910 году Григорий окончил учительскую семинарию и поступил учителем в церковно-приходскую школу города Кологрив Костромской губернии. С 1917 до 1918 года являлся председателем уездной земской управы. В марте 1918 года Аверин был арестован, как член партии эсеров, по обвинению в "организации крестьянского восстания" и провёл в заключении 4 месяца. В тюрьме он становится убеждённым христианином и после освобождения выходит из партии эсеров.

В 1920 году Григорий Иванович работает в библиотеке Костромского педагогического института, а затем поступает в этот институт. В 1921 году рукоположен во иерея архиепископом Севастианом (Вести) и служил (как целибатный священник) в Костроме. Затем до 1929 года отец Григорий служит в церкви села Ильинское (рядом с Макарьевским монастырём).

В августе 1929 года батюшка был арестован и заключён в тюрьму. Ему было предъявлено обвинение в "антисоветской агитации" и в начале 1930 года вынесен приговор - 5 лет лагерей.

После освобождения отец Григорий служил в Симеоновском храме Пучежского района Ивановской области. Но в сентябре 1935 года его снова арестовали и заключили в тюрьму города Кинешмы. Он был приговорён к трём годам лагерей и этапирован в лагерь около города Темиртау (Казахстан).

Держался батюшка в лагере с большим достоинством. Он не старался быть незаметным, напротив, всякому при встрече с ним было ясно, что перед ним священник. В бараке батюшка открыто молился, беседовал с заключёнными, читал им вслух молитвы, Евангелие, убеждал их не оставлять веру в Бога.

В 1937 году, в лагере, батюшка был арестован по обвинению в "религиозной работе среди заключенных". Семь дней он находился в камере смертников, зная о вынесенном ему приговоре, а 7 (20 н. ст.) сентября 1937 года отец Григорий был расстрелян.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Дамаскин, епископ Стародубский (память 2 сентября по старому стилю)

Священномученик Дамаскин, епископ Стародубский, викарий Черниговской епархии (в миру Цедрик Дмитрий Дмитриевич) родился в 1877 году в городе Маяки Одесского уезда Херсонской губернии в семье почтового чиновника. Димитрий окончил Духовную Семинарию, затем Владивостокский сельскохо- зяйственный институт со специальностью агронома, и Казанский институт восточных языков. Вскоре он принял монашеский постриг с именем Дамаскин и поступил служить миссионером при Пекинской Духовной Миссии. В 1914 году отец Дамаскин отправился на фронт и состоял в отряде Красного Креста на Кавказе.

В 1918 году в Орловской губернии его арестовали и приговорили к "высшей мере наказания", но расстрела ему удалось избежать. В это же время был расстрелян его брат священник Николай за бесстрашное обличение большевиков. Некоторое время отец Дамаскин проживал в Киевском Михайловском монастыре, являясь епархиальным миссионером и слушателем Киевской Духовной Академии. В 1919 году он был возведён в сан иеромонаха архиепископом Симферопольским и Таврическим Димитрием (князь Абашидзе). В 1920 году отца Дамаскина назначают настоятелем Балаклавского Георгиевского монастыря в Крыму с возведением в сан архимандрита. Вскоре, в том же году он опять был арестован вместе с Владыкой Димитрием, но через несколько месяцев был освобождён и выслан из Крыма.

Отец Дамаскин успешно боролся с обновленчеством. 14 сентября 1923 года он был хиротонисан лично Патриархом Тихоном в епископа Стародубского, и с этого времени управлял также Черниговской епархией и Глуховским викариатством. После неоднократных арестов в эти годы Владыка был так измучен заточением и допросами, что на всенощной вынужден был помазать народ сидя. В алтаре с ним случались сердечные приступы, но на следующий день он снова служил, видя в богослужении свою единственную радость. В 1924 году Владыка высылается властями в Харьков, а с сентября 1925 года живёт в Даниловом монастыре в Москве без права выезда. Но уже в ноябре 1925 года Святитель был арестован вновь по делу священномученика митрополита Петра (Полянского, память 27 сентября). По постановлению ГПУ (от 8 мая 1926 года) Владыка был приговорён к трём годам ссылки в Туруханский край, но до августа 1926 года содержался в Бутырской тюрьме в столице, затем жил в Красноярске и посёлке Полой Красноярского края (за Северным Полярным кругом). Здесь ему пригодилась должность агронома, которую он получил в молодости - завёл огород, спасаясь выращенной им самим зеленью от цинги.

Крохотный, полуразрушенный домик он вместе с келейником исправил сам. Здесь его застало известие об издании в 1927 году митрополитом Сергием "Декларации". Владыка был так потрясён его содержанием, что пишет около 150 писем по этому поводу, отправив с ними своего келейника-связника.

Зимой 1928 года, когда мимо Полой везут митрополита Кирилла (Смирнова), происходить встреча двух будущих священномучеников, которые после непродолжительной беседы стали друзьями.

О своём пребывании в тюрьмах Владыка не рассказывал, отвечая на вопросы так: "А что же, там люди хорошие, я и сейчас готов опять, туда", - считая, как и многие архиереи, что на свободе в это время было нравственно хуже, чем в заключении.

После освобождения в ноябре 1928 года, Владыка был принят в Москве митрополитом Сергием, после чего сразу отделился от него, примкнув первоначально к "даниловской" группе. Владыка обратился к митрополиту Сергию с резким посланием, обличая его призыв выражать "благодарность к Советскому правительству за... внимание к духовным нуждам Православного населения": "За что благодарить? - вопрошает Святитель. - За неисчислимые страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преподобного Сергия? За то, что драгоценные для миллионов верующих останки преподобного Серафима, а ещё ранее - останки святых Феодосия, Митрофана, Тихона и Иоасафа подверглись неимоверному кощунству? За то, что замолчали колокола Кремля? За кровь митрополита Вениамина и других убиенных? За что?".

Владыка поселился в Стародубе, и предлагаемых ему назначений не принимал. Оттуда он послал летом 1929 года преданного человека к митрополиту Петру (Полянскому, память 27 сентября), находящемуся в ссылке в посёлке Хэ. Он просил у Святителя, как у законного Главы Церкви разъяснения многих вопросов церковной жизни и передал Владыке письма митрополита Кирилла (Смирнова) и других архиереев к митрополиту Сергию по поводу его Декларации.

Для митрополита Петра многое, сообщённое Владыкой, было новостью, он передал ответ только на словах, но слова его, по свидетельству посланца, совпадали со словами самого Владыки. Через этого посланного митрополит Пётр устно передал следующее: "1. Вы, епископы, должны сместить митр. Сергия. 2. Поминать митр. Сергия за богослужением не благословляю" (см. жур. "Русский Пастырь". р 19. II-1994. С. 79-80).

В письме к митрополиту Кириллу Владыка так оценивал сложившуюся ситуацию: "Совершается Суд Божий над Церковью и народом Русским... Совершается отбор тех истинных Воинов Христовых, кои только и смогут... противостоять самому Зверю. Времена же приблизились, несомненно, апокалипти- ческие... Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных связей между пастырями и пасомыми... и по возможности исправить совершённый грех путём противодействия злу до готовности даже кровью смыть грех свой...".

В своих посланиях к верующим Владыка отмечал упорство, с каким митрополит Сергий продолжал игнорировать мнение подавляющего числа иерархов и церковного народа, несогласных с его курсом. Даже когда стало очевидно, что курс легализации церковной администрации провалился, митрополит отказывался признать свою ошибку. "Неисчислимы, бесконечно тягостны внутренние последствия Декларации - этой продажи первородства Истины за чечевичную похлёбку лживых и неосуществимых благ", - писал Владыка.

В 1929 году он сблизился с киевскими сторонниками священномученика митрополита Иосифа (Петровых, память 7 ноября) и архиепископом Димитрием (Любимовым, память 4 мая), с которым вёл переписку. В том же году он отказался от предложения митрополита Серафима (Чичагова) быть его помощником, потому что "как и раньше, не хочет никаких Сергиевских предложений".

К этому времени у Владыки ясно созревает мысль, он повторяет в своих письмах и посланиях: "христианство на Руси должно уйти в подполье". Влияние на широкие народные массы стало невозможно. Нужно спасать малое стадо. Масса же будет что всё-таки где-то есть "прибежище отвергнутой миром Правды, где мерцает Свет Невечерний". "Без суесловия и громких фраз, - писал Владыка, - создайте сначала малое ядро из немногих людей, жаждущих Христа, которые готовы претворять Евангельский идеал в

своей жизни. Объединяйтесь для благодатного руководства вокруг достойных пастырей, и давайте каждый в отдельности и все вместе приготовимся для ещё более верного служения Христу... Несколько людей, объединенных такой жизнью, уже есть малая Церковь, Тело Христово, в котором обитает Его Дух и Любовь".

Вновь Владыка был арестован в ноябре 1929 года по доносу Стародубского благочинного и по постановлению ГПУ приговорён к 10 годам лагерей.

В июне 1930 года Владыка был отправлен в заключение на Соловки, откуда был освобождён в 1933 году. После освобождения он возглавлял ряд иосифлянских общин на Украине и в самой России, назначал благочинных в Киеве и Вятской епархии, собирая малое стадо. Хотя Владыка перешёл на нелегальное положение, он не снимал рясы, не стриг бороды и волос.

Снова Святитель был арестован в сентябре 1934 года в Херсоне и по постановлению НКВД приговорён к 3 годам ссылки в Северный край, где окормлял духовных чад недавно скончавшегося священномученика епископа Виктора (Островидова).

В одном из писем Владыка сообщал своим чадам о позиции митрополита Петра (Полянского) так: "Извещаю вас, что дедушка Пётр предложил митрополиту Сергию распустить незаконный Синод свой, изменить своё поведение и принести покаяние перед Церковью и собратьями" (это письмо из следственного дела епископа Дамаскина, л. 55). Когда на допросах Владыку спросили, какой церковной ориентации он держится, то после заявления, что он не признаёт митрополита Сергия законным предстоятелем Церкви, он услышал такое замечание чекиста-следователя: "Пока вы не перестанете так рассуждать, не перестанут создаваться контрреволюционные дела против вас".

В июне 1935 года Владыка написал послание к иосифлянским священникам с указанием о необходимости полного перехода на нелегальное положение Церкви. Святителя, находящегося в ссылке в Архангельске, вновь арестовали в начале 1936 года и по постановлению НКВД приговорили к заключению в лагеря.

В заключении в Карагандинском лагере (Казахстан) он работал бухгалтером. В это время уже были запрещены и посылки заключённым и переписка с ними. Владыку с разными этапами переводили с места на место. Отстающих по дороге пристреливали: Святитель, чтобы спасти от этого своего друга-соузника, священника Иоанна, донёс его на себе до стоянки. По постановлению Тройки УНКВД по Карагандинской области (от 10.09.1937) Святитель был приговорён к расстрелу. Он принял мученическую кончину, будучи расстрелян 2 (15) сентября 1937 года в Караганде.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Димитрий (Добросердов), архиепископ Можайский, викарий Московской епархии, преподобномученики Амвросий (Астахов) и Пахомий (Туркевич), священномученик Иоанн (Хренов), преподобномученица Татиана (Бесфамильная), мученики Николай (Рейн) и Василий (Ефимов), мученицы Мария (Волнухина) и Надежда (Ажгеревич) (память 8 октября по старому стилю)

Священномученик Димитрий (в миру Иван Иванович Добросердов) родился 22 января 1864 года в селе Пахотный Угол Тамбовской губернии в семье священника. По окончании в 1885 году Тамбовской Духовной семинарии он был назначен учителем земской школы в Моршанском уезде, где трудился до 1889 года. За это время он неоднократно получал благодарность от Моршанского земского собрания и Тамбовского губернского училищного совета за усердные и успешные труды на поприще народного просвещения. Женился. 6 мая 1889 года Иван Иванович был рукоположен в сан священника к Николаевской церкви села Мамонтове Тамбовской губернии, в котором проживало тогда около двух тысяч человек, и был назначен заведующим и законоучителем Мамонтовской церковноприходской школы.

Вскоре у отца Иоанна умерли жена и дети. Оставшись один, он уехал из Тамбовской губернии и в 1894 году поступил в Московскую Духовную академию. По окончании ее в 1898 году со степенью кандидата богословия он был назначен законоучителем 4-й Московской гимназии и священником гимназической церкви. 10 апреля 1899 года митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) поставил иерея Иоанна настоятелем Благовещенской церкви при гимназии. В том же году Педагогическое общество при Императорском Московском университете избрало его своим действительным членом, а отделение Педагогического общества по вопросам религиозно-нравственного образования и воспитания избрало его своим секретарем. 6 мая 1908 года за заслуги по духовному ведомству он был награжден наперсным крестом. В это время митрополит Московский Владимир пригласил отца Иоанна к себе и сказал: "Отец Иоанн, у нас, в основном, два пути: семейный путь и монашеский. Семейный путь для вас закрыт. Я вам советую принять монашество". Отец Иоанн согласился и в декабре 1908 года в Смоленской Зосимовой пустыни Московской епархии был пострижен в монашество с наречением ему имени Димитрий, возведен в сан архимандрита и назначен синодальным ризничим и настоятелем церкви Двенадцати апостолов в Кремле.

В 1909 году архимандрит Димитрий был назначен наблюдателем послушнических школ ставропигиальных монастырей. В 1910 году его избрали в действительные члены церковно-археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения. В это время он был также действительным членом Попечительства над учащимися в Москве славянами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

18 мая 1914 года в Успенском соборе Кремля архимандрит Димитрий был хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии, и назначен настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря. С того же года он стал исполнять обязанности заведующего богословскими педагогическими курсами в Москве. Тогда же на него было возложено главное руководство и наблюдение за изданием научного художественно иллюстрированного описания Патриаршей ризницы.

В 1921 году преосвященный Димитрий был назначен епископом Ставропольским. Обновленцы в Ставропольской епархии одержали почти полную победу над

православными, которые лишились большинства приходов. Одной из причин этого было массовое уничтожение духовенства в эпоху гражданской войны в 1918-1921 годах. Под натиском обновленцев епископ Димитрий был вынужден покинуть епархию и переехать в Москву.

В 1922 году православные Тамбовской епархии вели упорную борьбу с обновленцами. На первых порах обновленцам в некоторых городах удалось захватить большинство храмов. В городе Козлове к обновленцам отошло четырнадцать храмов, только два храма остались православными. Православный народ, однако, обновленческие храмы не посещал, а ходил в мужской Троицкий монастырь, расположенный в трех километрах от города. После освобождения в 1923 году Патриарха Тихона из заключения епархиальный совет города Козлова направил в Москву своих представителей с просьбой назначить к ним православного архиерея.

26 сентября 1923 года преосвященный Димитрий был назначен епископом Козловским, викарием Тамбовской епархии, и временно управляющим Тамбовской епархией. После приезда преосвященного Димитрия в город обновленцы принесли покаяние, и все храмы за исключением одного перешли к православным. Преосвященный Димитрий служил во всех храмах города; он был прекрасным проповедником. С течением времени его популярность среди православных все более возрастала.

Обновленческому движению в епархии грозило полное поражение. Уполномоченный Тамбовского отдела ОГПУ по Козловскому уезду писал: "Во главе тихоновского движения в городе Козлове и уезде, а также всей Тамбовской губернии стоит епископ Димитрий, очень хитрый и осторожный человек, пользующийся громаднейшим авторитетом среди верующих, а в особенности у кулаков и темного элемента. Епископ Димитрий очень хитро проводит политику назначения своих попов на места, занятые попами-обновленцами, то есть попу, обращающемуся к нему за назначением, он предлагает идти в село и достать от группы верующих протокольное постановление о желании иметь посланного епископом Димитрием попа в приходе; конечно, при таком подходе к делу посланному попу ничего не остается делать, как вести агитацию против находящегося в приходе попа, обвиняя его в еретичестве, коммунизме и тому подобном. Со времени упразднения Епархиального управления вся полнота власти перешла в руки епископа Димитрия... которому... подчиняются попы, так как иначе неподчиняющийся при помощи агитации посланных Димитрием попов рискует потерять место и превратиться в еретика. Благодаря авторитетности и политике Димитрия, тихоновское движение в городе Козлове и уезде растет не по дням, а по часам. Громаднейшим злом для обновленческого движения являются также монахи, назначение которых Димитрий отрицает, ссылаясь на то, что и здесь он ни при чем, так как монахи опять-таки являются избранниками народа. Возвращение Пятницкой города Козлова церкви по распоряжению ВЦИКа тихоновцам от обновленцев дало возможность еще более поднять головы тихоновцам и еще более укрепить свой авторитет, в частности, авторитет епископа Димитрия... А всего духовенства, последователей бывшего Патриарха Тихона, в городе Козлове и уезде имеется до 90%. В области работы среди духовенства нами приняты следующие меры: производится... срочный учет всего духовенства, принимаются меры к расторжению договоров групп тихоновского толка в пользу обновленцев... Предполагается создание Епархиального управления с равным процентом тихоновцев и обновленцев..."

Великим постом 1925 года епископа Димитрия стали часто вызывать на допросы в ОГПУ. Иногда после допросов он сразу шел в храм, где его ждали, чтобы начать богослужение. Власти настаивали, чтобы владыка покинул Козлов, но он отказывался. Ему стали угрожать заключением. В конце концов он, ссылаясь на болезнь сердца, попросил власти отпустить его в Египет для лечения. Ему был выписан заграничный паспорт, и он отправился в английское посольство в Москве, чтобы получить разрешение на въезд в тогдашнюю английскую колонию. Благополучно оформив все документы,

преосвященный Димитрий на следующий день отправился в Сергиев Посад, чтобы попрощаться с Александром Дмитриевичем Самариным, бывшим когда-то обер-прокурором Святейшего Синода, с которым владыка был в дружеских отношениях. На пути к дому Самарина его остановил верховой, и епископ был арестован. Из тюрьмы в Сергиевом Посаде он был отправлен в тюрьму на Лубянку в Москве, где пробыл неделю, а затем с приказанием ехать в Козлов был освобожден. В Козлове его арестовали и препроводили в Тамбов. В Тамбове епископ Димитрий был освобожден из тюрьмы и уехал в Москву, где ему довелось на всенощной накануне празднования памяти великомученицы Екатерины сослужить Местоблюстителю митрополиту Петру. Для Местоблюстителя это была последняя служба, через три дня он был арестован.

В 1926 году епископ Димитрий служил в московских храмах и в Подмосковье. В июле 1926 года владыку вызвал к себе уполномоченный ОГПУ Тучков и потребовал, чтобы он покинул столицу. Сославшись на больное сердце, владыка сказал, что уедет в Кисловодск. Перед отъездом епископ Димитрий пошел к заместителю патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), который ввиду чрезвычайных обстоятельств по управлению Церковью в условиях беспрестанных гонений разделил Ставропольскую епархию на две и поручил епископу Димитрию управление новосозданной Пятигорской епархией.

Владыка поселился в Кисловодске, где снимал комнату в районе, который назывался Рябова Балка, на окраине города за железнодорожным вокзалом, неподалеку от Пантелеимоновской церкви, в которой он часто служил. 14 апреля 1932 года епископ Димитрий был возведен в сан архиепископа. 23 марта 1934 года он был назначен архиепископом Можайским, Викарием Московской епархии.

В Москве владыка поселился в сторожке при Ильинской церкви на Большой Черкизовской улице, где и жил до ареста.

Архиепископ Димитрий был арестован 29 сентября 1937 года и заключен в Бутырскую тюрьму. Сразу же после ареста начались допросы, которые 9 октября были оформлены в виде протокола и подписаны архиепископом.

Архиепископ Димитрий не признал себя виновным и не согласился кого-либо оговорить.

- Следствие располагает данными, что вы среди окружающих заявляли том, что в СССР существуют гонения на религию и духовенство. Вы это подтверждаете? - спросил следователь.

- Я это не подтверждаю, и об этом я никому не заявлял, - ответил архиепископ.

- Следствию известно о том, что вы распространяли контрреволюционные провокационные слухи, что якобы митрополит Петр расстрелян советской властью. Откуда вам это известно?

- Мне известно от митрополита Сергия (Страгородского) о том, что митрополит Петр в декабре 1936 года умер в ссылке, а о расстреле его я ни кого не слышал и таких слухов не распространял.

Вместе с архиепископом Димитрием были арестованы архимандрит Амвросий (Астахов), игумен Пахомий (Туркевич), диакон Иоанн Хренов, инокиня Татьяна (Бесфамильная), миряне Николай Рейн, Василий Ефимов, Мария Волнухина и Надежда Ажгеревич.

Преподобномученик Амвросий (в миру Алексей Аникеевич Астахов) родился в 1860 году в селе Борисовка Лебедянского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. До 1925 года он жил в монастыре, а после его закрытия - в разных селах Московской области, в частности в селе Аксиньино Красногорского района, и духовно окормлял монахинь и послушниц Головинского монастыря.

- Кто и в каких целях вас посещал на квартире? - спросил следователь.

- Меня посещали мои почитатели, которые обращались ко мне за различными советами, - ответил архимандрит Амвросий.

- Какие советы вы давали своим почитателям?

- Я давал советы только по вопросам семейной жизни.

- Следствие располагает данными, что вы своих почитателей обрабатывали в антисоветском духе. Вы это подтверждаете?

- Да, я действительно говорил, что советская власть на религию и духовенство устраивает гонения, говорил, что советская власть есть власть антихриста, посланная в наказание народу за грехи.

- Изложите ваши взгляды на советскую власть.

- К советской власти я отношусь враждебно, считаю, что советская власть разрушает храмы, ссылает совершенно безвинное духовенство и верующих. По своим убеждениям я являюсь монархистом, а советскую власть я рассматриваю как временное явление... Люди в России, которые по своей глупости свергли царя, сейчас в этом раскаиваются, потому что видят очень много несправедливости от советской власти, чего не было при царе.

Преподобномученик Пахомий (в миру Павел Акимович Туркевич) родился в 1864 году в местечке Миляновичи Ковельского уезда Волынской губернии в семье кузнеца. Подвизался в Златоустовском монастыре до его закрытия в 1923 году. В конце двадцатых - начале тридцатых годов, будучи в преклонных летах, жил в Москве у своих духовных детей.

- Ваше отношение к советской власти, - спросил следователь игумена Пахомия во время допроса.

- Я советскую власть считаю властью антихриста, которая послана Богом народу в наказание.

Священномученик Иоанн родился 3 сентября 1888 года в городе Москве в семье служащего Таганской тюрьмы Семена Хренова. Семья была очень религиозная и благочестивая. Иван с раннего детства ходил молиться в Новоспасский монастырь, расположенный неподалеку от дома, где они жили. Со временем он стал петь на клиросе вместе с монахами и на некоторых богослужениях был чтецом. В 1907 году Иван Семенович окончил педагогический институт, но учителем не стал; он не почувствовал в себе призвания к этой профессии и увидел, что сталкивается с большими трудностями в объяснении детям учебного материала. Он сначала устроился бухгалтером в Таганскую тюрьму, а затем иеросхимонах Аристоклий, с которым Иван Семенович был хорошо знаком, помог ему устроиться бухгалтером в Московский купеческий банк. В 1911 году Иван Семенович женился на девице Евдокии. Она была из благочестивой семьи и прихожанкой Новоспасского монастыря, где они познакомились. После национализации банков в 1917 году, Иван Семенович стал работать бухгалтером в государственных учреждениях города Москвы. После закрытия Новоспасского монастыря он, как и все прихожане монастыря, стал ходить в расположенный рядом с обителью храм Сорока мучеников; там ему предложили принять сан диакона. Выбор был очень серьезным, и Иван Семенович отправился в храм святителя Николая на Маросейке к протоиерею Алексию Мечеву, чтобы посоветоваться с ним и взять благословение. Отец Алексий благословил, и в 1921 году епископ Верейский Иларион (Троицкий) рукоположил его в сан диакона ко храму Сорока мучеников. При храме тогда еще существовала воскресная школа, которой диакон Иоанн стал руководить Прослужил он здесь около года; в храме в это время начались распри и он ушел из него. Затем служил некоторое время в Троицком храме в Котельниках. Во время служения в храме Сорока мучеников, и в Троицком храме диакон Иоанн продолжал работать бухгалтером. Семья отца Иоанна, состоявшая из супруги и дочери, была дружной; все свободное время в будни они посвящали чтению духовных книг, и в особенной житий святых, читая жития на каждый день. В воскресные дни и в праздники, и при любой возможности они шли в храм. В начале 1930 годов отца Иоанна вызвали в ОГПУ и сказали ему:

- Вы хороший работник, мы проверили вас, мы предлагаем вам работать у нас агентом, сообщать нам обо всех, кто с вами работает. Отец Иоанн ответил на это:

- Я не могу этого делать, потому что на мне сан диакона.

- А вы снимите с себя сан диакона.

- Бог дал, Бог с меня снимет, - ответил отец Иоанн.

Сотрудники ОГПУ не стали более настаивать, и один из них сказал:

- Нам бы побольше таких стойких людей.

В 1937 году на диакона Иоанна донесли, что его квартиру посещает много духовенства, и к нему пришли сделать обыск и арестовать. Во время обыска у него нашли справку, что он рукоположен в сан диакона. "Ну, вот еще одно дело", - удовлетворенно сказал один из обыскивавших. На допросах отец Иоанн подтвердил, что он до сего времени носит сан диакона и не желает с себя снимать сан. А что касается обвинений в контрреволюционной деятельности, то в этом он виновным себя не признает.

Преподобномученица Татиана (Татьяна Николаевна Бесфамильная) родилась 10 января 1866 года в Москве. В возрасте пяти лет она была отдана матерью в приют Рождественского монастыря, где прожила до самого его закрытия в 1923 году, не выходя все это время за пределы обители. Подвизаясь на различных послушаниях, она окончила в монастыре церковноприходскую школу. В 1920 году Татьяна приняла иноческий постриг. После закрытия обители и до самого своего ареста она жила в квартире неподалеку от монастыря, продолжая совершать свой иноческий подвиг, на жизнь зарабатывая рукоделием и шитьем. Будучи арестованной, виновной себя не признала.

Мученик Николай родился 21 января 1892 года в селе Сосновка Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье потомственного почетного гражданина Александра Рейна. По рождению Александр Рейн был прусским подданным, приехавшим в Россию в качестве управляющего имением, но в 1903 году он принял русское подданство. В 1911 году Николай Александрович окончил гимназию Креймана, а в 1918 году - сельскохозяйственный институт. С 1920 по 1930 год он работал научным сотрудником Тимирязевской академии в Москве, а затем по день своего ареста - в институте овощного хозяйства. Во время гонений на Церковь от безбожной власти он приютил в своем доме афонского иеромонаха Илариона (Громова) и оказывал ему материальную помощь.

- Следствие располагает данными, что вы среди верующих распространяли провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении на религию. Вы это подтверждаете?

- Я не отрицаю, что говорить о существующем гонении на религию мог, но провокационных слухов среди верующих не распространял, - ответил Николай Александрович.

- Следствие располагает данными, что на квартире у вас и знакомых вам прихожан производилось тайное богослужение. Подтверждаете ли это?

- Тайного богослужения ни у меня, ни у близких священника Илариона не было. Я не отрицаю, что богослужения на квартире у меня и знакомых проводились, но это было связано с выполнением ряда религиозных обрядов (похорон, праздничных молебнов и прочего).

- Ваши убеждения и взгляды на советскую власть.

- Советскую власть я считаю законной властью, но она не считается с мировоззрением верующих, она борется с религией и Церковью как с контрреволюционными организациями...

Мученик Василий родился 12 апреля 1903 года в семье благочестивых московских жителей Севастьяна и Мавры Ефимовых. Работал курьером в 33-м отделении милиции. Он был арестован 29 сентября 1937 года. Его обвинили в том, что он "будучи враждебно настроенным по отношению к советской власти, среди окружающих проводил систематическую антисоветскую агитацию. Свою квартиру он предоставил для совершения тайных богослужений и ночлега возвратившемуся из ссылки духовенству. В 1935 году он принял пострижение в тайное монашество, к чему склонял и других своих единомышленников".

Следователь спросил его, как в его квартиру попало священническое облачение. Василий Севастьянович ответил, что оно оставлено иеросхимонахом Аристоклием, которого глубоко почитала вся его семья и который несколько раз совершал молебны в их квартире, но "в данное время его нет в живых, так как он умер лет пять тому назад", - пояснил Василий Севастьянович. Виновным он себя ни в чем не признал. 17 октября 1937 года Тройка НКВД приговорила Василия Севастьяновича к десяти годам заключения, и он был отправлен в Локчимлаг в Коми область, где вскоре скончался.

Мученица Мария (Мария Николаевна Волнухина) родилась 3 марта 1876 года в Москве в семье торговца. Она вышла замуж за фабриканта Ивана Герасимовича Волнухина. Оба были глубоко верующими людьми, для которых вера была главной ценностью и содержанием жизни. Вскоре после революции Мария Николаевна потеряла мужа. В 1927 году все ее имущество было национализировано. В 1932 году Мария Николаевна была приговорена к трем годам ссылки в Северный край, в город Котлас, но вскоре оттуда уехала и с этого времени начала странствовать, не имея определенного места жительства. Среди верующих почиталась за подвижническую жизнь и прозорливость. Будучи арестованной, она не признала себя виновной.

- На какие же средства вы существовали? - спросил ее следователь.

- Я существовала на средства, которые получала от нищенства.

- Где вы проживали после вашего возвращения из ссылки?

- Определенного места жительства я не имела, проживала у своих знакомых, назвать которых я отказываюсь.

Мученица Надежда родилась в 1877 году в деревне Головенщицы Сверженской волости Минской губернии в семье крестьянина Григория Ажгеревича. Она была глубоко верующим человеком, имела благословение на принятие монашества, но принять постриг не успела. Дома своего не имела и жила у монахинь закрытых монастырей в Москве и Московской области. Будучи арестованной, она виновной себя не признала.

- Чем вы занимались и на какие средства существовали? - спросил следователь.

- Я нахожусь без определенных занятий, бродяжничаю и занимаюсь нищенством.

- Следствие располагает данными, что вы среди верующих производили денежные сборы для оказания материальной помощи высланным за контрреволюционную деятельность. Вы это подтверждаете?

- Я не отрицаю того, что оказывала материальную помощь арестованным из тех средств, кои мне удавалось собрать.

- Вы распространяли слухи о якобы имеющемся в СССР голоде?

- Я этого не говорила, без меня все видели, как у церквей сидели голодные, приехавшие с Украины, которые просили себе на пропитание.

- Вы распространяли провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении на религию и духовенство?

- Да, я говорила, что советская власть арестовывает безвинных людей, бесчинствует и расстреливает безвинный народ.

- Назовите своих почитателей, которые вам предоставляли ночлег.

- Ночлег я получала от своих почитателей, но их фамилии и адреса мне неизвестны.

17 октября 1937 года Тройка НКВД приговорила арестованных к расстрелу. 21 октября архиепископ Димитрий (Добросердов), архимандрит Амвросий (Астахов), игумен Пахомий (Туркевич), диакон Иоанн Хренов, инокиня Татьяна (Бесфамильная) и миряне Николай Рейн, Мария Волнухина и Надежда Ажгеревич были расстреляны на полигоне Бутово под Москвой и погребены в общей безвестной могиле.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Димитрий (Троицкий) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Димитрий родился в семье чиновника акцизного управления Ивана Троицкого. Благочестивые родители воспитали детей в вере и любви к Богу и ближним, и все четверо их сыновей стали священниками. Самым младшим из них был Дмитрий; он родился 20 июля 1905 года. Три года он учился в начальной школе в городе Кашине, затем поступил в духовное училище, которое, несмотря на революцию, продолжало свое существование и только в 1921 году было переименовано в советскую школу 2-й ступени, которую Дмитрий Иванович и окончил в 1923 году. Отец к тому времени умер, и получить образование Дмитрию помогли его братья-священники.

Юноша возрастом, душевной твердостью муж, Дмитрий, когда ему исполнилось всего двадцать лет, был рукоположен в сан священника ко храму села Перетерье Сонковского района. Молодой священник вполне отдавал себе отчет в том, что начал служить во времена непрекращающихся гонений на Церковь, но это не устрашало его. На каждой службе он говорил проповеди, тщательно к ним готовясь, жил горестями и переживаниями своих прихожан, старался, чтобы огонь веры неугасимо горел в их душах среди окружающего мрака государственного безбожия, поддерживал тех, кто унывал или готов был отчаяться от трудностей жизни и материальной нужды; он стремился научить прихожан заботиться прежде всего о духовном, а уже потом о материальном, бояться более греха, нежели гонений и притеснений от современных властей. И за это ревностное, искреннее служение прихожане полюбили молодого священника, в котором увидели образец православного пастыря. Церковная и духовная жизнь в приходе ожила. Люди стали чаще прибегать к таинству исповеди и причащения, старались и в семьях дать своим детям церковное воспитание. И это не нравилось безбожным властям; они стали искать повод удалить священника из прихода: в 1930 году они арестовали его за хранение пятидесяти одного рубля серебром и осудили на три года заключения в концлагерь. Отец Дмитрий был отправлен в исправительно-трудовой лагерь на строительство Беломорско-Балтийского канала. После освобождения он вернулся в тот же храм в село Перетерье. Священник нисколько не переменился в своих убеждениях, наоборот, испытание пошло ему на пользу, укрепило веру, и власти снова стали искать повод для его ареста.

В 1936 году с новой силой началось гонение на Церковь, большинство архиереев были лишены властями регистрации, многим священникам, вернувшимся из заключения, в такой регистрации отказывали. Отец Дмитрий был арестован и обвинен в нарушении правил записей гражданского состояния. Сонковский суд приговорил его к шести месяцам исправительно-трудовых работ. Священник не согласился с обвинением, опротестовал его через областной суд и был освобожден.

Вернувшись к служению, о. Дмитрий, зная, что страдания не окончились, но с усилением гонений продолжатся, использовал любую возможность для просвещения и воцерковления своих прихожан. Он жил и действовал как православный пастырь и христианин, пока Господь давал время.

В первое воскресенье Великого поста 1936 года, во время Пассии, о. Дмитрий, обращаясь к прихожанам с проповедью о покаянии, в частности сказал: "Что же воздадим Тебе, Сладчайший Иисусе, "о всех, яже воздаде нам?"

Какой любовью мы ответим на Твою любовь к нам? Припадем же ко Кресту Спасителя - приникнем сердцем к прободенным Его ребрам, и Он скажет нам: "даждь Мне, сыне, сердце твое". За тебя Я страдал, за тебя принял насмешки, заплевания и заушения. За тебя был пригвожден. Ты Меня распял грехами своими. Послушай же Меня теперь. Первое слово Мое было всему миру - "покайтеся". Оно должно быть и последним на все времена и всем народам. "Если не покаетесь, погибнете". Погибнете, как Мой предатель Иуда, погибнете, как этот жестокий народ иудейский. Моя плоть и кровь даны вам как очистительные средства от грехов ваших и наследования жизни вечной. Ответим,

возлюбленные братья и сестры, полной готовностью и принесем искреннее покаяние, пока не поздно. Скажем не языком только, нет, но сердцем распятому Христу: "Готово сердце наше, Боже, готово сердце наше". Кто бы ты ни был, в каком-либо звании, возрасте, кайся.

Кайся ты, подобно Иуде, ради своей жадности к житейской наживе готовый обмануть, обидеть, притеснить и даже продать своего ближнего. В лице его ты вновь предаешь Христа на страдания. Кайся и ты, стремящийся осудить своего ближнего и в лице его осуждающий Христа на пропятие.

Кайся и ты, ради мира сего оставляющий Церковь Христову и удаляющийся от Христа, подобно апостолам, оставившим Его во время страдания, но не подражающий им в твердой вере и исповедании Христа даже до смерти по Его воскресении.

Кайтесь и вы, родители, которые равнодушно смотрите на пороки и нечестие ваших детей, вопли которых доходят до неба и оскорбляют Христа.

Кайтесь и вы, непослушные дети своих родителей, причиняющие им своим поведением слезы и обиды, а иной раз наносящие телесные обиды, этим вы наносите удары и хулу Самому Богу.

Кайтесь и вы, молодое поколение, отвергающие таинства Церкви, вступающие в новую жизнь без благословения Божия, нарушая законы Церкви, вы наносите Христу, как главе Церкви, заушения и биения.

Кайтесь и вы, хулители имени Христова, вновь пригвождающие Его ко кресту.

Кайтесь! Кайтесь все! Вас к этому зовет Сам Спаситель, на кресте грехами нашими пригвожденный.

Петр, отвергшийся Христа, но плакавший о своем грехе горько, получил место в Царстве Небесном одесную Христа. Жена блудница, омывшая Христу слезами ноги и власами отершая их, введена в чертог Божий. Блудный сын и мытарь, покаявшись, введены в Небесный дом Христов. Благоразумный разбойник, покаявшись, во едином часе раеви сподобился.

Христианин! Восплачь и ты о грехах своих, как и они. Не языком только, нет, но всем своим существом молись распятому Христу, из глубины души взывай с разбойником благоразумным покаянным гласом: "Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем". И верь, что ты услышишь блаженный глас Христов: "Днесь со Мною будеши в раи".

В праздник Покрова Божией Матери о. Дмитрий сказал в проповеди: "Братие и сестры, возлюбленные чада во Христе! Какая великая нужда и какая великая польза для каждого христианина посещать храм Божий, издавать свои молитвы, искать помощи у Всевышнего, об этом так ярко говорит нам ныне воспоминаемое нами торжество Покрова Божией Матери. Этот случай, происшедший в первые столетия христианства, глубоко проник в сердца верных, и поныне с глубоким чувством благодарности и для нашего духовного назидания воспоминается ежегодно святой Православной Церковью.

Некогда христиане великого Царь-града видели себя окруженными злейшими врагами, которые, не имея любви Христовой в сердце своем, уничтожали все на своем пути, разрушали жилища, предавая все истреблению, касаясь святыни, уничтожали ее. И вот это многочисленное полчище врагов стояло у стен града для того, чтобы все предать уничтожению. А там, в стенах этого града, жители, сознавая свою слабую силу против врагов, не впали в малодушие... но устремились в храм Божий излить свои молитвы и свою просьбу о спасении пред престолом Всевышнего. Как сильна была вера в этих людях, как душевна была их молитва, что Сама Царица Небесная, окруженная ликом святых, разделяла их молитву пред Сыном Своим, Богом нашим, и покрывала присутствующих в храме честным Своим омофором, спасая их от окружающих врагов и близкой погибели.

Это чудное явление Божией Матери поучает нас крепкому упованию на Промысел и всегдашнее покровительство о нас Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Кто возлагает все упование свое на Господа, того Господь хранит. Возложи всю свою надежду на Бога: все, что ты делаешь, делай для Него, думай о том, как бы Ему угодить, а Он,

Милосердый, знающий лучше тебя, в чем ты нуждаешься и что для тебя полезно, тебя направит и наставит, оградит от всего дурного, даст тебе успех и удачу.

У нас часто слышатся жалобы на постоянные неудачи, на то, что наши желания не исполняются, что Господь нас оставил, не слышит наших молитв, допускает многому дурному случиться. Справедливы ли подобные жалобы? Подумай, христианин, возможно ли, чтобы Милосердый Бог, возлюбивший род человеческий до того, что Сына Своего Единородного предал на крестные страдания и смерть ради спасения нас, грешных, чтобы Он оставил хотя бы последнее и недостойное Свое создание? Господь не желает зла никому, потому что Он благ. Мы все дети Божии, дети любимые, купленные дорогою ценою крови Сына Его. Может ли любимая мать оставить или пожелать что-либо худое своему любимому ребенку? "Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего; аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь".

Но какая же причина подобных жалоб? Какая причина большинства неудач, неуспехов, несчастий? Эта причина - наше малодушие, недостаток нашего упования на Бога, большая надежда на свои собственные силы. Мы дали волю земным страстям, живем не для Бога, а на погибель своей души.

Вместо того, чтобы со смирением обращаться к Богу, говоря: "Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду", и просить Бога: "Научи мя творити волю Твою", мы сами избираем себе путь, руководясь единственно собственными влечениями, которые ведут нас к погибели. Конечно, Господь в этом случае не поможет нам, да мы часто Его и не просим, а если и просим, то забываем говорить: "Да будет воля Твоя". И оказывается, Господь не отступился от нас, а мы отступили от Него и отвергаем Его помощь. Справедливо ли после этого роптать и говорить, что нам ничего не удается, что Господь нас не хранит?

Если мы будем жить в Боге, ходить перед Богом, всегда помня, что мы находимся под охраной Его всеблагого Промысла, то всегда можем быть уверены, что все обстоятельства нашей жизни Господь направляет к нашей пользе. Тогда в самих наших несчастиях будем возлагать все наше упование на Господа и от Него Единого ожидать себе утешения, имея великую за нас заступницу и ходатаицу Саму Царицу Небесную.

"Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево, молений наших не презри в скорбех, но от бед избави нас, едина чистая и благословенная. Пресвятая Богородице, спаси нас"".

Служение о. Дмитрия, как и служение всякого священника в то время, вызывало пристальное внимание властей. На надзор за Православной Церковью и за верующим народом безбожное государство тратило больше сил и средств, чем на надзор за преступниками. 28 апреля 1937 года участковый инспектор подал рапорт начальнику Сонковского районного отделения милиции, в котором писал: "Доношу, что 26 апреля сего года в пуршевской школе ученица Малышкина Нина, когда ей завшколой Спасская стала говорить, зачем она ходит в церковь, ответила, что священник им говорит, что если будут молиться, то лучше будет даваться ученье, и не слушать учителей и повесить крестики. Спасская об этом сказала ее матери, Малышкиной Анне, и она стала наносить угрозы дочери, что тебе попадет, зачем ты зря говоришь на батюшку. У Малышкиной трое детей учатся в школе, и она их насильно посылает в церковь, и этот разговор, по всей вероятности, был на исповеди. О чем и довожу до вашего сведения".

Рапорт был оставлен в тот момент без внимания, но когда летом 1937 года НКВД получил указ Сталина об уничтожении Церкви, он лег в основу обвинения священника. В дополнение к нему НКВД потребовал сведений о священнике от председателя сельсовета, который, характеризуя о. Дмитрия как исповедника и ревностного пастыря, написал: "С прибытием его в село Перетерье в 1933-34 году стало быстро оживать церковное движение. Каждую службу сопровождал выступлением с проповедью. Через родителей привлекал учеников в церковь, среди которых проводил соответствующую работу, уговаривал верить в Бога и ходить в церковь.

Наличие попа Троицкого для сельсовета имело своим отражением невыполнение всех кампаний в сторону затяжки и несвоевременности выполнения таковых".

19 сентября 1937 года сотрудник НКВД произвел в доме священника обыск, после которого о. Дмитрий был арестован и заключен в тюрьму в Бежецке. Следователи допросили учительницу и директора школы в Пуршево. Директор школы показала на следствии:

- В последних числах апреля месяца сего года (в Страстную неделю) заметно усилилось посещение учащимися школы перетерской церкви; когда я в школе попыталась путем беседы выяснить причину посещения церкви, то одна из учащихся школы, ученица 3-го класса Нина, посещавшая церковь, заявила: "Я была в церкви и еще пойду, батюшка сказал, что вы особо учителей не слушайте, а ходите в церковь". Далее весьма характерным является следующий факт, подтверждающий контрреволюционное влияние попа Троицкого. В этот же день в школе, после проведения мною антирелигиозной беседы с учениками, сестра Нины - Марья, пытаясь передо мной ответ своей сестры поправить, сказала: "Батюшка не так говорил, он говорил: "в школе вас учат, что Бога нет, не верьте, это все учителя врут, есть"". Все это противодействие попа Троицкого в деле коммунистического воспитания детей в школе. Других фактов контрреволюционной деятельности гражданина Троицкого среди учащихся нашей пуршевской школы я не замечала.

Учительница школы в селе показала на следствии:

- Школа, в которой я работаю педагогом, обслуживает селения прихода церкви в Перетерье. В значительной степени заметно влияние священника Троицкого на родителей, а последних - на учеников. В 1935-36 годах дело доходило до того, что в школу являлся один ученик, а остальные шли в церковь. Даже в 1937 году весной в какой-то поповский праздник "Пассия", когда собираются в церкви несколько попов и ведут службу, и то несколько учеников не посетило школу, а были в церкви. Как слышно от женщин, посещающих регулярно церковь, Троицкий очень часто произносит проповеди, в которых призывает к усилению веры в Бога и тому подобному. Служба в религиозный день "Пассия" проходила вечером, и я, поздно вечером возвращаясь из Сонкова, видела, как ряд учеников шли с родителями из церкви.

После этого, считая собранный "материал" достаточным, следователь 2 октября допросил священника.

- Материалами расследования установлено, что вы, будучи служителем церковного культа, в селе Перетерье во время произнесения вами церковных проповедей среди посещающих церковь граждан, ведете контрреволюционную антисоветскую агитацию за отрыв учащихся детей от советской школы и вербовку их в посетителей церкви, вы этим развращаете советскую молодежь, совлекаете ее с пути коммунистического воспитания. Признаете себя в этом виновным?

- Я в периоды церковной службы произносил проповеди, являющиеся нравоучением как для взрослых, так и для детей, желающих посещать церковь. Но я никакой контрреволюционной агитации тут не вижу, я свою службу и нравоучения строго сочетал с возможностями, допущенными законами советской власти. Виновным себя в этом не считаю.

- В целях контрреволюционной дискредитации вождя партии и трудового народа товарища Сталина и обращения 1-го всесоюзного съезда колхозников-ударников, вы в обложки с портретом вождя и обращения съезда вложили реакционную брошюру и реакционные стихи в тетради для того, чтобы удобнее было вам вести контрреволюционную пропаганду среди граждан, посещающих вашу квартиру. Признаете себя в этом виновным?

- Брошюра в обложке с обращением 1-го всесоюзного съезда ударников не моя, правда, она находилась в моей квартире с апреля месяца сего года, я ее попросил для личного чтения, но и до сего времени не прочитал. Тетрадь, в которой мной записаны религиозные стихи, а на обложке портрет Сталина, это я использовал просто как обложку, и никакой контрреволюционной дискредитации я в этом не вижу. Это я рассматриваю как

вещи, не имеющие отношения к политике. Среди посещающих мою квартиру граждан, с которыми я общаюсь, указанные выше брошюру и стихи я не использовал. Виновным себя в этом не считаю.

- Материалами расследования установлено, что вы, действуя морально-религиозными нравоучениями на школьников, предлагали им не слушаться учителей, запугивали их "словом Божиим", в силу чего школьники в 36-м и 37-м учебных годах делали пропуски и отставали в учебе. Признаете себя в этом виновным?

- Нет. Таких явлений в практике моего церковного богослужения не было. Детей я не запугивал и умышленных нравоучений с целью отрыва школьников не читал. Виновным себя не признаю. Исповеди проводились в воскресные дни, когда школьники не занимались в школе.

- Материалами расследования установлено, что вы среди граждан высказывали обиду на государственную власть, что она преследует служителей церковного культа так же, как при царе Иоанне Грозном, тюрьмы и ссылки - обычное явление, только и ждешь, когда арестуют. Признаете ли себя в этом виновным?

- Я таких разговоров ни с кем не вел и виновным себя в этом не признаю.

- В материалах расследования имеются данные о том, что вы посылали письма своим знакомым с контрреволюционным содержанием, где вы прямо выражали свою мысль о том, что "материалисты не ценят души, они на все смотрят узкими глазами и ценят лишь материю, не признавая души; обеспечивая свою семью материальной стороной, они в корне разрушают духовные устои семьи". Имея целью повлиять на знакомых своими религиозными убеждениями, вы умышленно возводите клевету на учение марксизма-ленинизма, что оно основано на материализме и ведет к разрушению семейного счастья. Признаете ли вы себя в этом виновным?

- Я в этом письме не имел в виду критики, а тем более клеветы на учение марксизма-ленинизма о материализме, а имел в виду исключительную религиозную точку зрения, выраженную словами "духовное разрушение семьи". Под этим я понимаю, что материалисты отрицают религию... Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю.

В тот же день следствие было закончено и передано на решение Тройки НКВД. В обвинительном заключении следователь, невольно свидетельствуя о вере и исповедническом подвиге священника, написал: "По своим убеждениям является законченным контрреволюционным церковником, всеми фибрами своего сознания и действий противник социалистического строительства. По возвра- щении из места заключения своих убеждений не бросил, снова стал служить в церкви в качестве священника. Являясь контрреволюционно настроенным, в произносимых им проповедях во время церковного служения занимался контрреволюционной агитацией за отрыв учащейся молодежи от школьной учебы и привлечение ее в посетители церкви. В письмах к своим знакомым высказывал свои контрреволю- ционные убеждения, направленные против революционной теории марксизма-ленинизма. Пользуясь близорукостью правления колхоза, был допущен на работу в колхоз и в 1936 году заработал сто трудодней.

Допрошенный в качестве обвиняемого, Троицкий виновным себя не признал".

1 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Дмитрий Троицкий был расстрелян через день после вынесения приговора, 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Димитрий Беневоленский (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Димитрий Михайлович Беневоленский родился 10 октября 1883 года в городе Вышний Волочок Тверской губернии в семье священника Михаила Беневоленского. Сначала он учился в Тверской Духовной Семинарии, а затем в Санкт-Петербургской, которую закончил в 1909 году. По окончании Семинарии он поступил на должность учителя при Николо-Столпенском монастыре Тверской губернии.

В 1911 году Димитрию Михайловичу предложили принять священный сан и приход в селе Островно. Приходской священник там умер и паства осталась без пастыря. Димитрий в том же году обвенчался с Анной, дочерью инженера-путейца Ивана Алексеевича Тихомандрицкого.

21 ноября 1911 года Димитрий Михайлович был рукоположен в сан священника к Димитриевскому храму вышеупомянутого села. Все свои силы отец Дмитрий отдавал делу церковного служения. В 1919 году его перевели в Троицкий храм села Паношина Удомельского уезда.

В 1929 году власти разработали документ о необходимости усиления гонений на Православную церковь, как на единственную легально действующую контрреволюционную организацию, имеющую влияние на массы. Усиление гонений не миновало и села Паношина, где служил отец Димитрий. 16 января 1929 года его и старосту храма Александра Щёголева арестовали. Отца Димитрия обвинили в том, что он совершил 28 октября 1928 года торжественное богослужение "с целью, - как было сказано в обвинении, - возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путём материальных выгод". Старосту обвинили в том, что он помогал священнику устроить торжественное богослужение. Прихожане очень любили своего пастыря и стали ходатайствовать о его освобождении. На сельском сходе граждане села подписали ходатайство к властям "об освобождении священника Беневоленского и гражданина Щёголева из-под ареста". В случай необходимости поручительства ходатайствующие давали его.

Состоявшийся суд признал обвиняемых виновными и приговорил священника к штрафу в размере ста рублей, а старосту к шести месяцам заключения. Сыновей священника исключили из школы как детей лишенцев. Чтобы они не остались без образования, пришлось отправить их к сёстрам Анны Ивановны в Саратов.

Второй раз батюшку арестовали 5 февраля 1930 года по доносу члена правления колхоза Вихрова и того коммуниста, в доме которого снимал комнату отец Димитрий. Они писали, что дом священника является центром для всех верующих района, что каждую ночь у него кто-нибудь ночует из верующих, каждый день он кого-нибудь принимает и угощает. Хозяин дома в письме заявлял, что как-то спросил священника о его дальнейших планах, "намеревается ли он и дальше оставаться священником ли примет новый порядок и снимет сан. На это отец Димитрий ответил: "Я убеждён в правоте своей веры и священнического сана никогда не сниму".

- Значить, вам нужен старый царский строй, вы прямо за него, раз так.

- Да, - был ответ батюшки.

"Я прошу вас данное мое заявление проверить и сделать надлежащей вывод: убрать его к своим" - так заканчивали свой донос коммунисты.

25 апреля 1930 года Тройка ОГПУ приговорила священника к трём годам ссылки в Северный край. После окончания срока ссылки в мае 1933 года отец Димитрий вернулся домой, и будущий священномученик архиепископ Тверской Фаддей определил его священником в храм села Синево-Дуброво Сонковского района.

В ноябре 1937 года батюшку снова арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности и распространении провокационных слухов о войне. Следствие длилось всего один день. Батюшка виновным себя не признал. 25 ноября 1937 года Тройка ОГПУ

вынесла постановление о расстреле священника. (24 н. ст.) ноября 1937 года протоиерей Димитрий Беневоленский был расстрелян и погребён в братской могиле. Место погребения власти скрыли и оно до сего дня остаётся неизвестным.

6 (19 н. ст.) сентября 1999 года канонизован как местночтимый святой Тверской епархии.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Ефрем, епископ Селенгинский (память 23 августа по старому стилю)

Священномученик Ефрем, епископ Селенгинский (в миру Епифаний Андреевич Кузнецов) родился в 1876 году в семье забайкальских казаков. Епифаний рано осиротел, был пастухом в своём селе. На сироту-мальчика обратил внимание местный священник, сделал чтецом в церкви, отправил в Читинское духовное училище, а затем в Иркутскую Духовную Семинарию.

В 1898 году Епифаний окончил Иркутскую Духовную Семинарию и принял священство. После кончины жены в 1903 году он оканчивает Казанскую Духовную Академию и в 1904 году получает назначение в Забайкальскую Духовную Миссию в Чите. Отец Ефрем обратил ко Христу многих монголов, бурят и корейцев, которые его полюбили за горячую вдохновенную проповедь. В 1909 году он возводится в сан архимандрита.

20 ноября 1916 года отец Ефрем хиротонисается в епископа Селенгинского, викария Забайкальского и в 1917-1918 годах принимает участие в деятельности Поместного Собора Русской Православной Церкви.

20 мая (2 июня) 1918 года Владыку арестовали в Москве на квартире у священномученика протоиерея Иоанна Восторгова и заключили вместе с ним в Бутырскую тюрьму. Владыка и отец Иоанн были расстреляны 23 августа (5 сентября н. ст.) 1918 года. Святитель был захоронен на Братском кладбище в Москве, которое снесли в конце 20-х годов.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Евфимий (Горячев) (память 2 сентября по старому стилю)

Евфимий Никитич Горячев родился в селе Никольское-Бурнуки Пензенской губернии в 1884 году в бедной крестьянской семье. Ему было четыре года, когда умер отец, а вскоре после этого умерла и мать. Он был единственным мальчиком в семье и остался на попечении сестер. В этом же селе жил его дядя Алексей Горячев с женой Александрой, крестной матерью Евфимия. У них было своих четыре сына, но они с радостью приняли мальчика в дом. Семья была богобоязненная, а Александра даже и среди своих православных односельчан отличалась глубокой религиозностью и рассудительностью. И местный священник советовал, бывало, кому-нибудь из прихожан, когда у тех возникали

трудности в семье или с родственниками, или с близкими людьми, когда для правильного решения требовались опытность и рассудительность, пойти поговорить с Александрой.

У священника своих детей не было, и когда Евфимию исполнилось семь лет, он позвал Александру и сказал:

- Александра, отдай мне своего приемыша-крестника. Тебе тяжело. У самой четыре сына, а я его воспитаю.

Александра за это время полюбила кроткого сироту, который нравом был тих и послушен, но сочла, что дальнейшее воспитание в доме священника будет для мальчика полезней, - и согласилась.

Священник отдал учиться Евфимия в сельскую школу, а затем определил в двухклассную школу, которая в тот год была преобразована в семинарию. Живя в семье священника, Евфимий ничем не отличался от крестьянских детей - одевался, как и они, и так же, как и они, ходил в лапотках. Кто знает, - думал священник, - в каких обстоятельствах придется жить мальчику, не имеющему поддержки от родителей. Он считал, что юноше полезно с раннего возраста обучаться навыкам самостоятельной жизни. Учась в семинарии весьма прилежно, Евфимий уже сам зарабатывал, давая уроки в семьях, где родители были побогаче, а дети поленивей. По окончании семинарии Евфимий поступил учителем в школу села Архангельского. Здесь он проработал семь лет и совсем обжился. Село было крестьянское, но в трех верстах от него была железнодорожная станция Чаадаевка, здесь жили семьи служащих, купцов и тех предпринимателей, которые легко находили в дореволюционной России применение своим талантам и трудолюбию. Образованной молодежи сходилось вечерами человек по восемнадцать. Евфимий Никитич, как человек веселый, общительный и к тому же хороший танцор, быстро стал душой местного общества. Здесь он едва не женился. После нескольких лет учительства Евфимия в эти места приехало семейство Поповых. Это были люди состоятельные, они построили лесопильный завод, имели в городе большой дом, капиталы в банке. При этом они были людьми глубоко религиозными и не пропускали ни одной праздничной или воскресной службы. И, пожалуй, больше, чем материальный достаток, они ценили духовную настроенность человека. И потому, познакомившись с местной молодежью, которая стала собираться у них в доме, пожелали свою единственную дочь отдать за Евфимия Никитича, человека хотя и бедного, но благонравного и верующего. Не против была и сама дочь, нравилась и она Евфимию. И местный священник, Александр Федоров, советовал Евфимию жениться на ней. И жена дяди, Александра, говорила: "Зачем упускать свое счастье - женись на ней". Но ее богатство и то, что за ней давали большое приданое, смущали его. Казалось бесчестным жениться на богатой невесте, не хотелось, чтобы люди поминали потом, что он из-за денег женился. Жалованья Евфимий получал тогда восемнадцать рублей, иных доходов у него не было, а этих денег только и хватало, чтобы прожить одному. И брак не состоялся.

Вскоре начальство предложило Евфимию перейти из Архангельской школы в Воскресенско-Лопуховскую, в двадцати пяти верстах от Пензы. Условия были выгодные: двадцать рублей жалованья и восемнадцать рублей пятьдесят копеек за уроки пения и управление церковным хором. В Архангельском вся квартира состояла из одной комнатки, а здесь предлагали пять комнат. По тем временам жалованье и условия были настолько хороши, что на эти средства уже можно было содержать семью. Поскольку жениться на дочери Поповых Евфимий отказался, то дядя с тетей советовали жениться на дочери Константина Кирьянова - Александре. Они торопили с женитьбой, так как считали небезопасным несемейное проживание молодого человека, которому приходится общаться на службе с молодыми женщинами, и очень опасались, как бы его кто не увлек.

Константина Владимировича Кирьянова Евфимий знал с раннего детства, и в чем-то судьбы их были похожи, отчего, может быть, они и любили друг друга. Константин воспитывался в семье своего деда, которого звали Кириан. Дед был строгим, но справедливым, и все сыновья и внуки беспрекословно его слушались. Константин был

самым меньшим внуком. И вот когда старшие стали собираться в школу, Костя увязался за ними.

- Что это вы, ребенка привели? - спросил учитель.

- Я не ребенок, я буду учиться, - ответил Костя.

- Да ты же еще маленький учиться, тебе года два подождать надо, - возразил учитель, но все же решил оставить его - пусть попробует. А Костя оказался на диво способным, быстро выучил алфавит и научился читать, затем стал писать по заданию учителя сочинения - и тоже исправно. Учитель решил записать его в число учеников и спросил:

- Ты чей? Как твоя фамилия? С кем ты живешь?

Дети загалдели вокруг:

- А это деда Кирьяна внук.

Так учитель и записал: "Кирьянов".

Крестьяне в тех местах небогаты, семьи большие и поставить всех детей на ноги нелегко, так что многим и не по силам было отдавать детей в школу. А Кирьяна внук, хотя мал годами, а грамоте был научен, и стали к нему ходить крестьяне с просьбами: "Костя, напиши прошение... Костя, напиши письмо..."

Дед ему в этих случаях всегда говорил:

- Костя, к тебе с просьбой пришли, садись за стол и помоги людям. Ты же знаешь, что творить добро - это самое главное дело в жизни.

Константин вырос, стал красивым молодым человеком, женился, работать устроился к богатому купцу Пилибину. И стал замечать купец, что Константин работящ и смекалист, а, главное, честен, что в торговых делах русских купцов до революции почиталось качеством наисущественным: оно и деньги бережет, и за деньги его не купишь. И стал купец ему поручать ответственные торговые дела и большие суммы денег. И наконец отделил, чтобы Константин вел свое самостоятельное дело. Евфимий Никитич вспоминал впоследствии:

"С дядей Костей Кирьяновым мы иногда у дяди встречались. Беседовали. Он выбился из страшной нужды, сам, собственными силами и только своей головой и умом. Видит, что и я из большой нужды встаю на прочную дорогу, настолько верную, что моя, пожалуй, выше и прочнее, чем его... И говорит однажды:

- Нет, Ефим Никитич, не говорите, а ваше богатство козырнее и прочнее. У меня в один момент может все пропасть, а у вас вечный кусок хлеба, вечное богатство!

- Ну уж и нашли богатство! Да я весь тут. И кроме того что со мной, у меня ничего нет!

- Что ж? Вы сами-то весь золото. Если нас с вами поставить на чаши весов, то вы один меня перетянете со всей моей требухой, то есть с моим богатством!"

Уговоренный родственниками, Евфимий поехал посмотреть свою будущую невесту, Александру. Увидел, что нисколечко она его не любит и навряд ли полюбит, не такого ей надо. И роем поднялись мысли: "Хоть ты и обещался дяде с тетей и Константину Владимировичу, не смущайся этим! Беги! Ведь на всю жизнь хочешь связать себя. Лучше какой угодно скандал, но не связывай себя на всю жизнь. Много будешь страдать, это только начало!"

После отъезда Евфимия Константин Владимирович дочери бесповоротно сказал:

- Мое отцовское желание - я тебя замуж отдам только за него.

- Папочка, лучше я умру, но не пойду за него!

- Это отцовская воля! Пойдешь!

- Не пойду!

Не стал отец ее убеждать - время само убедит. А если не время, то вожжи. Через несколько месяцев пришла пора окончательно решать, но Александра никак не хотела выходить за Евфимия. Было ей тогда всего лишь пятнадцать лет, она считала себя красавицей, была избалована и выйти замуж за нелюбимого человека, не красавца и небогатого, казалось ей настоящей каторгой. Упала она перед отцом на колени и стала

упрашивать, чтобы он не выдавал ее за Евфимия. Константин принес вожжи, с силой ударил дочь несколько раз, она закричала:

- За кого хочешь отдай, только не бей!

Александре несколько месяцев не хватало до шестнадцати лет. Написали прошение архиерею, тот благословил совершить венчание, и 9 февраля 1909 года их повенчали. Размолвки между ними начались сразу. Теперь, став женой нелюбимого человека, она, как в отместку, не только ему это показывала, но и окружающим. Если шли в гости, то Александра старалась сесть за стол рядом с кем-нибудь, только не с мужем. Если возвращались из гостей, то садилась в повозку или в сани с кем-нибудь - с мужчиной или с женщиной, безразлично, но только не с мужем. Люди это, конечно, видели, и для самолюбия Евфимия такие уколы были весьма чувствительны. И ничего нельзя было сделать, только терпеть, и Евфимий терпел. Александра не любила своего мужа, но в супружестве была ему верна, и когда появились дети, полюбила их со всей беззаветностью материнской любви. Единственный, пожалуй, недостаток в ней, который тревожил Евфимия, была ее неглубокая вера: никогда он не видел ее молящейся со слезами или так, чтобы она обо всем, кроме молитвы, забыла.

Между тем среди молодежи начинали затеваться сходки и кружки, пошли разговоры о социализме, выказывалось все большее недовольство монархическим строем, от сытости жизни и благополучия многим хотелось перемен, хотя бы и революционных. Но главное, что происходило тогда среди образованной молодежи, - это обмеление душ, угасание тяги к духовному, а отсюда невосприимчивость церковных обрядов, непонимание их. С беспокойством смотрел на это священник, воспитатель Евфимия. Знал, как легко увлекает приятельская молодежная среда на путь заблуждений, вся прелесть которых в неиспробованности их. И он решил поговорить с Евфимием.

- Мое последнее великое желание, чтобы ты выбрал духовный путь, стал священником, - заключил он беседу.

Евфимий согласился, и в 1911 году поступил на пастырские курсы в Москве. Проучился он девять месяцев, и в марте 1912 года был рукоположен в сан священника с назначением в сибирское село Ново-Новоселово.

С трепетом сердечным ехал о. Евфимий в родное село молодым батюшкой, страшась уронить себя, растерять ту божественную благодать, которую он получил в таинстве священства. Уже он отчетливо ощущал, что теперь он не простой человек, а Божий служитель. Сразу же по приезде в Бурнуки пришлось быть на свадьбе у родственников, и здесь Александра снова при гостях показала, что нисколько не любит и не уважает своего мужа, хотя теперь и священника.

Тяготы домашней жизни и непонимание женой были как бы червоточиной в сердце, постоянной болью, но он старался преодолеть это в себе, для чего быть прежде всего священником. Причем открылись в нем большие проповеднические дарования, так что крестьяне за сто верст приглашали его, снаряжали подводу и привозили, чтобы только послушать.

Начав служить, о. Евфимий, сам выросший в бедности, не мог смотреть равнодушно и на чужую нужду. И за требы, если крестьяне были бедны, никогда ничего не брал. Поначалу весь доход его был - принесет кто из крестьян крынку молока или немного яиц, но и это домашним приходилось утаивать от него, а если узнает, то обязательно скажет:

- Зачем же вы взяли? У них у самих нужда!

Если видел кого нуждающимся, да еще если семья потеряла кормильца, то в этом случае он отдавал и свое последнее. Очень скоро он и его семья стали испытывать большую нужду. Но о. Евфимий не унывал, добывая средства к жизни наравне со своими прихожанами крестьянским трудом.

Прослужив пять лет в селе Ново-Новоселово, о. Евфимий 11 марта 1917 года был назначен в Никольскую церковь села Большой Улуй. Здесь, в Красноярском крае, вблизи города Ачинска, прошла почти вся его священническая жизнь. Прихожане любили о.

Евфимия за бескорыстие, за его верность Богу и Православной Церкви и за проповеди, которые он говорил не заученными раз и навсегда словами, но из глубины сердца, прилагая к произносимому свой духовный опыт. Когда перед исповедью он говорил проповедь о покаянии, о его благодатных дарах, о грехах, отдаляющих человека от Бога, то прихожане становились на колени, и многие, не стыдясь, плакали вслух, сокрушаясь о своих грехах.

5 ноября 1917 года состоялось собрание прихожан одного из благочинии Ачинского уезда, на котором о. Евфимий был избран благочинным. Этот год был началом всероссийской смуты. Смерть могла войти в каждый дом.

"В начале 1919 года, - вспоминал о. Евфимий, - стали расползаться слухи, втихомолку сначала и более смело и настойчиво потом, что между Ачинском и Большим Улуем оперирует какая-то группа, банда, отряд и т. п. Этот отряд многих едущих в Ачинск или оттуда не пропускает, некоторых грабят, а некоторых и убивают. Базой этого отряда называли деревню Лапщиху. Потом все чаще и чаще в устах народа стала раздаваться фамилия Щетинкина как начальника отряда, оперирующего в нашем районе, но еще не бывавшего в Большом Улуе. В конце января или в начале февраля один из граждан села Ново-Еловского привез мне записку, в которой говорилось, что их священник Владимир Фокин взят неизвестными людьми и отвезен в деревню Лодочную1. В это же время или немного позднее донесли до меня весть о том, что убит кем-то и еще один священник моего благочиния - священник села Петровского Михаил Каргополов, бывший до принятия сана священника офицером казачьих войск2.

В это время некоторые из священников переехали в город Ачинск, в некоторых приходах не было священников, некоторые священники не ночевали у себя дома, а у кого-либо из своих прихожан. Проснувшись однажды утром, я узнал, что наше село Большой Улуй занял со своим отрядом Щетинкин и мы находимся в его власти. Многие из моих прихожан предостерегали меня, чтобы я поберегся - не ездил бы в другие приходы с требами, не выходил бы ночью и т.п. Но я продолжал жить обыкновенной жизнью. Выпадов от лиц отряда Щетинкина против меня тогда как будто не было, по крайней мере, я ничего такого не слышал. Приходилось мне сталкиваться как с представителями отряда Щетинкина, так и с ним самим. Однажды был такой случай. Дело было зимой перед масленицей. За мной приехал на лошади крестьянин нашего села Алексей Киселев и сказал мне, что меня требует Щетинкин. Семейные мои ударились в слезы. Я же собрался и поехал. Привез он меня в дом местного жителя Тихонова. Полон дом был членами отряда Щетинкина. Меня провели в другую комнату. Здесь сидели в два ряда соратники Щетинкина с винтовками и штыками на них. Между ними был прямой проход к передней стене, где за столом, как я догадался, сидел сам Щетинкин. Он пригласил меня сесть, и у нас с ним произошел следующий разговор:

- А на вас, батя, жалоба!

- В чем дело?

- Вы отказались повенчать сына одного гражданина Красновского прихода.

- Раз отказался, то значит была причина к этому. Или жениху не доставало лет до определенного возраста, или у него нет надлежащих документов.

- Нет, у него документы есть, но от нотариуса, а вы требуете метрику.

Я припомнил данную просьбу ко мне и сказал:

- Я его по нотариальным документам повенчать не могу.

- Но почему же? Я сам венчался по нотариальным документам!

- В подтверждение ваших слов могу добавить, и я венчался и венчаю по таким же документам, но этого гражданина повенчать не могу!

- Почему?

- По нотариальным документам можно повенчать только лиц, родившихся в России или вообще в отдаленных местах, указанный же гражданин рожден здесь и крещен в Красновской церкви. Нам же известно, как составляются нотариальные акты. Поехал,

допустим, гражданин в город на базар. Берет там первого попавшегося знакомого, поит его водкой и просит его пойти к нотариусу и засвидетельствовать, что его сыну девятнадцать лет. Тот, не зная сына этого и ни разу не видя его, идет к нотариусу, и они пишут надлежащий акт. Вот вам и документ. А нашего брата, попа, потом тянут, ибо установляется, что повенчанному всего лишь шестнадцать лет. Когда субъект не здесь рожден, то я не отвечаю. Если же он рожден здесь, то отвечаю я за неосторожность и отвечаю довольно серьезно перед своим начальством.

Щетинкин рассмеялся.

- А ведь ты, батя, правду говоришь, я сам знаю случаи, когда ваш брат венчает чуть ли не двенадцатилетних по этим документам. Но как же быть? Ведь вы знаете, что в Красновой нет ни попа, ни псаломщика, кто же там напишет метрику?

- Я давал записку к церковному старосте, в которой просил его отпустить из церковного архива метрическую книгу за такой-то год, но жалобщик, очевидно, не нашел нужным сделать так, как я ему предлагал, а предпочел обратиться с жалобой к вам.

- Как же, батя, быть? Хочется удовлетворить мужика. А что, если я вас, батя, попрошу повенчать по имеющимся документам?

-А я вас, Петр Ефимович, прошу не просить меня об этом. Что же будет, если я вас буду просить о делах, касающихся ваших дел, а вы меня будете просить о моих поповских делах? Получится одна путаница.

Щетинкин снова рассмеялся.

- Эка ты, батя, какой несговорчивый. Ну, а если я сам напишу эту метрику, когда буду в Красновой?

- А я вам дам бланк для этой метрики, и когда вы ее напишите, то как вы не поп и не псаломщик, то пусть эту метрику подпишет еще кто-либо, что она с подлинником верна.

- Ладно, так и решим! Эй, дядя, собирайся сейчас с нами, и я тебе выдам нужную метрику! До свидания, батя!

Метрика вскоре была прислана и брак повенчан. В другой раз меня водили к Щетинкину за то, что я отказался повенчать брак из другого прихода на масленой неделе, ибо в эти дни по уставу Церкви браковенчать нельзя. Щетинкин, разобравшись в этом деле, со смехом сказал жалобщикам:

- Слушайте, братцы, я ведь не архиерей, как же я могу впутываться в эти дела?

В следующий раз Щетинкин на сходке просил моих прихожан, чтобы они отпустили меня с ним в село Красново, чтобы я там послужил неделю для красновских постников. Но мои прихожане меня не отпустили: "У тебя, Петр Ефимович, ребята озорные. Взять-то ты у нас попа возьмешь, а вернешь ли его обратно?" Щетинкин на это рассмеялся и меня в Красново не взял.

Но вот с первых недель Великого поста поползли слухи, конечно, шепотом, что из города Енисейска идет какой-то казачий карательный отряд, который уничтожает большевиков и все предает огню и мечу. У меня был тесть, приехавший из России. Однажды вечером он выходит из кабинета и говорит:

- А что-то неладное. Выскочили из переулка какие-то люди и направились сюда, к церкви. Они что-то тащили за собой на санках.

Оглянулись боязливо по направлению к волости и пошли туда, а один направился как будто к нашим воротам.

В это время отворилась дверь и вошел незнакомый человек.

- Здесь есть красные?

- Нет, кажется, нет.

- Давно они ушли?

- Не знаю!

- Мы казаки карательного отряда. Преследуем красных вообще, и, в частности отряд Щетинкина. Вы священник местный?

- Да.

- Командующий отрядом распорядился, чтобы в вашем доме для него и его штаба была квартира. Приготовьтесь!

- Возражать против этого, конечно, не приходится, но, я бы, просил, нельзя ли вам занять другой дом, более поместительный? У меня пятеро ребятишек, все они очень малы, вы их у меня затопчете.

- Ладно, скажу об этом полковнику, но вы, может быть, пойдете и покажете мне более поместительные дома.

Я собрался и, выйдя на улицу, показал ему на здание волости и дом Климовского, куда он и направился.

В это время на улицах было уже очень много казаков. Походив около своего дома, я направился к зданию волости и дому Климовского, которые были расположены через дорогу друг от друга. Казаки толпились больше около дома Климовского. Я вошел в дом, там было много казаков, и в особенности, судя по виду, казачьих офицеров. За это время стемнело. Потолкавшись в толпе, я направился домой. По пути я встретил жителя села Новоселова Черемнова, который был избран заместителем председателя волисполкома при Щетинкине. Он стал просить меня, чтобы я заступился за него, если к тому представится случай, перед казачьим начальством. Я это ему обещал, даже высказал ему уверенность, что его, Черемнова, ничто худое не ожидает, ибо он был, как мне было известно, на очень хорошем счету у населения. Придя домой, я увидел, что моя квартира полна казаками, их командным составом во главе с полковником, и посторонним народом. Полковник был в верхней одежде, увидев меня, он пошел ко мне навстречу.

- Вы, батюшка, вероятно, хозяин здесь? Мы извиняемся, что наделали вам беспокойств своим присутствием или, вернее, вторжением, но, видя, что у вас нам и вам при нас будет не совсем удобно, мы решили перекочевать в другую квартиру.

Я ненадолго остановил его и тут же попросил его быть снисходительнее к населению вообще и к виновным в частности. В особенности стал просить за гражданина Черемнова, указавши на то, что он пользуется уважением и симпатиями населения и, по моему мнению, вряд ли способен на что-либо дурное. Полковник успокоил меня, сказав, что во всем разберется и невиновные не пострадают за эту ночь. С этими словами он удалился, а вместе с ним удалились все посторонние. Остались одни мои семейные. Но мне не терпелось. Я снова оделся и пошел в дом Климовского, где, как я и предполагал, остановились штаб и полковник. Там было полно народа. Я протискался в дом, а потом вместе с другими в верхний этаж дома, где, как потом я узнал, уже началась расправа. Входя по лестнице в верхний этаж, я услышал громкий ужасный крик. Только что я отворил дверь, как услышал:

- Да меня вот и батюшка хорошо знает! - Это говорил житель деревни Баженовки Григорий Кириллович.

Ко мне обратился казак, стоящий около него, с вопросом, действительно ли я знаю этого гражданина и с какой стороны. В это время Григория Кирилловича потребовали к полковнику в другую комнату, куда вместе с ним направился и я. Я сказал полковнику, что Григорий Кириллович мне хорошо известен, имеет большую семью, ни в чем предосудительном не был замечен, но ввиду того, что на войне был фельдшером, Щетинкин мобилизационным порядком принудил стать фельдшером в его отряде.

- В чем его вина? - спросил полковник.

- Мы сейчас встретили его на дороге. Он ехал в Улуй. Мы его окликнули. Он нам ответил: "Свой, товарищи!" - Мы его и привели сюда.

- Отпустите, пусть идет, куда хочет, а ты молись Богу за батюшку, если бы не он, то получил бы и ты горяченьких.

В это время ввели двоих ребят лет по двадцати, моих прихожан из деревни Сучковой. Я сейчас же вступился за них, говоря, что их хорошо знаю, это хорошие ребята и т.д. Но полковник не дал мне договорить:

- Батюшка, не будем мешать друг другу. Вам, поверьте, не место здесь, лучше будет, если вы пойдете домой!

Не успел он это проговорить, как я оказался не то выведенным, не то вытесненным за дверь, за которой вскоре раздались снова крики и вопли.

Я постоял. Рванул дверь, но ее, очевидно, держали. Снова постоял. Сбежал в нижний этаж и, не заходя в комнаты нижнего этажа, поплелся тихо к себе домой.

Не помню, спал ли я эту ночь. Рано утром, до солнечного восхода, я снова отправился к дому Климовского. Между домом Климовского и зданием волисполкома начинается ров и по нему дорога на реку Чулым. Почти на дороге лежали два трупа, раздетые и растрепанные. Один выше, на покатой стороне рва, другой ниже, в самом рву. Около верхнего стояла и хрюкала свинья. Вдруг эта свинья схватила зубами за плечо труп и начала трясти головой и рвать его зубами. У меня от этой картины буквально как бы перевернулись все внутренности. Я бросился в дом Климовского в надежде выпросить у полковника позволение убрать трупы. Но у дома Климовского мне сказали, что полковник и его штаб перешли ночью на другую квартиру. Я направился туда, но там мне сказали, что полковник спит. Я заметался по улице, пробежав торопливо к своему дому и обратно к квартире штаба несколько раз. В это время я заметил еще один растерзанный труп неизвестного мне человека. Я снова бросился к полковнику. Он встал и умывался. Я выпросил у него позволение убрать и похоронить трупы и спросил, что же ожидает село и его жителей? Он ответил:

- А ваш Улуй я сотру с лица земли. Весь выжгу, а население расстреляю по крайней мере каждого десятого, считая баб и ребятишек!

- В таком случае, я надеюсь, что вы не откажете в моей просьбе начать выжигать село с моей квартиры, а при расстреле начать с меня, десятой расстрелять мою жену, двадцатым - моего первого ребенка, тридцатым - второго и так далее до последнего!

- У меня нет, правда, ясных доказательств вашей виновности. Ваш дом и ваше семейство будут из общего числа исключены!

- Полковник, подумайте, что вы говорите! А разве у вас имеются ясные доказательства виновности каждого ребенка, каждой женщины, каждого жителя?

- А! Пустая трава из поля вон!

Полковник умылся и сел пить чай. Я же за это время страшно разнервничался. Плакал, умолял пощадить граждан, лучше расстрелять меня и мою семью. Ползал на коленях. Полковник сначала шутил, потом начал успокаивать меня, приглашал пить с ним чай, плюнуть на все. В этот же день был собран сход жителей села Большой Улуй. Офицер штаба сказал им:

- Я не знаю, что предпримет полковник для того, чтобы наказать вас, но думаю, что вам мало не будет.

Я вызвался снова просить полковника за жителей. Снова побежал к нему. Полковник был уже в умиротворенном настроении и обещал мне, что больше никаких репрессий по отношению к большеулуйцам не будет, что и исполнил".

Время было страшное, беспощадное. В тех же местах неподалеку от села Бирилюссы служил священник Трофим Кузнецов. Однажды в январе в село въехал отряд красных; расспросив, где дом священника, красноармейцы направились прямо к нему; вошли в горницу и, ничего не объясняя, приказали:

- Ну, отец, давай собирайся. Пошли.

Священник оделся, они усадили его на телегу и увезли из села. Наутро выяснилось, что палачи привезли о. Трофима на кладбище, привязали к березе и затем каждый выстрелил в него.

Однажды вооруженный отряд стал обстреливать Большой Улуй, стреляли так сильно, что кое-какие дома начали загораться. Матушка Александра собрала детей и спустилась с ними в подпол, а о. Евфимий сказал:

- Я иду в храм.

За ним увязалась старшая дочь Антонина, схватилась за рясу, не отпускает. Пришлось идти вместе. Пожар был местами уже столь силен, что у о. Евфимия от жара вспыхивали волосы на голове.

Отец Евфимий вошел в храм, прошел в алтарь, открыл Царские врата и начал молиться. Только двое было их в храме: священник у престола и ребенок на коленях перед алтарем. Девочка плакала и просила Бога их всех пожалеть. Отец Евфимий говорил впоследствии: "Это детская молитва спасла село".

В Сибирь советская власть пришла в 1922 году, и вместе с нею пришло обновленчество. За сопротивление живоцерковникам о. Евфимий обновленческим УЦУ (Уездное Церковное Управление) 21 ноября 1922 года был отстранен от должности благочинного. Созванный тогда съезд священников и прихожан благочиния постановил оставить его в этой должности, но о. Евфимий отказался, поскольку часть приходов и духовенства перешла в обновленчество, а он продолжал служить по-старому, не обращая внимания на распоряжения обновленческого УЦУ. Тогда обновленцы решили применить к о. Евфимию меры церковно-дисциплинарные. Постановлением Ачинского УЦЕС (Уездный Церковный Епархиальный Совет) от 20 июля 1923 года и резолюцией Красноярского ГУБЦЕС (Губернский Церковный Епархиальный Совет) он был уволен заштат и запрещен в священнослужении. Но о. Евфимий продолжал служить как служил. Тогда обновленцы обратились к гражданской власти. Распоряжением ГУБЦЕС и резолюцией обновленческого архиепископа Георгия Жука о. Евфимий назначен был к высылке из пределов Ачинского округа. Обновленцы ждали, что власти арестуют непокорного православного священника, но этого не произошло, и тогда 25 января 1924 года протоколом ЕЦС (Епархиальный Церковный Совет) о. Евфимий за сопротивление обновленчеству был лишен священнического сана. Но он продолжал служить, не обращая внимания на угрозы и прещения. Обновленцы, однако, не оставили попыток изгнать православного священника, и в конце концов в августе 1924 года он был арестован и заключен в Ачинскую тюрьму, где пробыл месяц, а затем отправлен в тюрьму при Красноярском ГПУ, где пробыл два месяца. Возвратился о. Евфимий в село Большой Улуй в начале декабря. В его храме служил обновленец, и все храмы в округе были захвачены обновленцами, и о. Евфимию служить было негде.

Весной 1925 года в Красноярск прибыл православный архиерей, епископ Красноярский и Енисейский Амфилохий (Скворцов). В апреле о. Евфимий приехал к нему, и владыка благословил его служить, где представится к тому возможность. А прихожанам Большого Улуя велел объявить, что о. Евфимий имеет благословение законного православного архиерея служить в храме службу Божию.

Известия о прибытии в Красноярск православного архиерея, о его благословении, данном о. Евфимию, дошли до прихожан Большого Улуя, и они принудили обновленца покинуть село. В Великий Четверг 1925 года отец Евфимий стал служить в прежнем храме настоятелем. К июню все четырнадцать церквей благочиния вернулись в православие. 21 января 1926 года состоялось собрание благочиния, на котором прихожане вновь избрали о. Евфимия благочинным. 23 июня епископ Амфилохий утвердил выбор церковного народа.

Обновленчество, хотя и было потеснено, но, энергично поддерживаемое властями, не исчезло, бороться с ним православные могли только словом, и епископ стал посылать настоятелями соборов больших городов епархии исповедников православия. Стойкость о. Евфимия, его верность Православной Церкви в условиях гонения, личная беседа с ним убедили архиерея назначить о. Евфимия настоятелем городского собора. 26 июня 1926 года епископ перевел его в Троицкий собор города Ачинска.

После смерти Патриарха Тихона и ареста Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра возник григорианский ВВЦС (Высший Временный Церковный Совет), претендовавший административно возглавить Церковь. Ачинское благочиние и церковный совет Свято-Троицкого собора просили о. Евфимия и старосту собора Сергея

Митрофановича Байнова выяснить, насколько каноничны данные претензии ВВЦС на управление Церковью. В ноябре 1927 года они выехали в Москву. Прежде всего они посетили митрополита Агафангела (Преображенского) в Ярославле, затем дважды побывали в Москве у митрополита Сергия (Страгородского), трижды встречались с епископом Звенигородским Филиппом (Гумилевским) и, наконец, присутствовали в качестве гостей на четырех заседаниях григориан, проходивших в Донском монастыре. Суждение, вынесенное о. Евфимием о григорианстве, было вполне однозначно, но спутник его мыслил иначе, предполагая, что соборная община может приобрести множество благ от признания ВВЦС.

Отец Евфимий подробно объяснил ему, что ВВЦС неканоничен, что единственная цель этого административного новообразования - внести разлад в Церковь, и делается это с согласия безбожных властей, потому что некоторые епископы пытаются служить и советской власти, и Богу.

- А в старой Церкви были офицеры и дворянство, которые вовсе не верили в Бога, - неожиданно возразил Байнов, полагая, вероятно, что наличие в дореволюционной России неверующих и маловерующих людей, которые, однако, посещали храм, вполне оправдывает любое сотрудничество епископов с безбожной властью.

- Но старая власть, - возразил о. Евфимий, - не гнала Церковь, как нынешняя советская, а я буду всегда на стороне такой власти и таких людей, которые дают свободно веровать.

После их возвращения в Ачинск было созвано приходское собрание. На нем выступили Байнов (он предложил общине признать ВВЦС) и о. Евфимий, который подробно объяснил, почему этого делать нельзя. Община собора отказалась признать ВВЦС, а за ней и все храмы благочиния.

В 1929 году гонения на Церковь, не затихавшие вполне и раньше, резко усилились. Воинствующее безбожие действовало всеобъемлюще, спеша погрузить все стороны земного бытия человека в свою ужасающе гнетущую, безблагодатную атмосферу, иногда действуя с помощью демонстрации ошеломляющего душу бесстыдства. Не раз, бывало, в те годы матери задергивали занавески на окнах и, бросаясь к детям, говорили: "Не выглядывайте на улицу, не смотрите!" В это время совершенно голые, мужчина и женщина, нацепив кумачовые полосы с надписью "Долой стыд и совесть!" шли по улицам Ачинска. И так ходили в течение нескольких дней. Для небольшого сибирского городка явление невиданное, верующими оно воспринималось как предвозвестие прихода антихриста. В 1929 году власти попытались сбросить колокола с Троицкого собора, но прихожане не дали. Люди густо устелили землю своими телами, заняв все пространство внутри церковной ограды. Безбожники на время отступили.

Гонения обрушились на священника. Власти отобрали дом. После долгих поисков семья нашла в глухом конце города баню, и в ней поселись о. Евфимий с женой и семеро детей. Вещи и домашний скарб - все к этому времени было властями отобрано. Вместо постели сшили мешки, наполнили их соломой, получился большой матрас, на нем все дети и спали. В углу стоял маленький столик, в предбаннике были сложены дрова. 30 ноября 1929 года о. Евфимия арестовали. Жена была в отчаянии: он был кормильцем, а теперь она осталась одна, никто из детей не работал, а их было семеро. Они остались почти буквально в холоде, голоде и наготе. Отчаяние было такое, что Александре не раз приходила в голову мысль затопить печь, закрыть ее с головешками, чтобы разом и себя, и детей уморить и не мучиться.

Но Господь их не оставил, прихожане после ареста о. Евфимия стали приносить продукты, и их хватало для семьи и для передач в тюрьму. Старшая дочь Антонина пошла навестить отца. Подошла к тюрьме. У ворот часовой с винтовкой, на улицу выходят тюремные окна, полуподвальные, но конвоир к ним близко не подпускает.

- Иди, девочка, отсюда!

- Пожалуйста, скажите, где мой папа? Я хочу только голос его услышать. Скажите, какое окошко?

- Иди, девочка, отсюда, - повторил конвоир, - нам не велено разговаривать. Иди отсюда!

- А почему вам не велено разговаривать? - спросила девочка.

- Потому что я на посту.

- Может быть, вам нужно кого-нибудь убить, то вы меня убейте, а папу не убивайте. Пожалуйста, отпустите его! - И нагнувшись поближе к окошкам, крикнула: - Папочка!

Оказалось, о. Евфимий был совсем близко. Он услышал и ясно, внятно сказал:

- Подальше отойди от окна, а не то не этот конвоир, так еще кто-нибудь выстрелит.

- Папочка, скажи мне что-нибудь, - попросила девочка.

- Вы хоть что-нибудь ели сегодня? Что вы сегодня ели? - спросил он.

- Папочка, да мы и тебе принесли, - отвечала она.

Начались тяжелые допросы в тюрьме. Отца Евфимия обвиняли в том, он, "не являясь сторонником советской власти, вел систематическую антисоветскую агитацию", говорил прихожанам, что "советская власть заставляет отречься от Бога и от Церкви". Следователи в обвинительном заключении писали, что о. Евфимий "не только не любит власти, ее мероприятий и коммунистов вообще в настоящее время, но в прошлом, в период колчаковской реакции, вел с ними активную борьбу путем выдачи партизан и сочувствовавших советской власти лиц карательному отряду Колчака".

Отец Евфимий пространно ответил на все обвинения и все их отвел. Заканчивая свои объяснения, он написал: "Всякого, кто хотел бы утверждать и говорить, что у меня еще были какие-либо сношения с представителями или участниками колчаковской реакции, я считаю и называю лжецом и те слова и донесения ложью. Если бы мне пришлось и погибнуть, я погиб бы с мыслью, что никому и никогда намеренно не сделал зла".

Были вызваны свидетели, показания которых лишь подтвердили невиновность о. Евфимия. Был вызван друг о. Евфимия священник Никита Сторожев. На вопросы следователя о. Никита ответил немногословно:

- Мы вели разговоры преимущественно о пасеках. За этими разговорами также вели разговоры и о жизни. Говорили, в частности, и о налогах. О том, что налоги непосильные...

После заключения о. Евфимия в тюрьму к нему в камеру посадили осведомителя Александра Агафонова, который стал убеждать священника отказаться от сана.

- Многие священники сейчас, - говорил он, - работают бухгалтерами, секретарями...

На его доводы о. Евфимий ответил:

- Бросить священство - никогда не брошу! Служу я по убеждению. Может быть, будет время, когда нас будут возить под соломой, под назьмом, чтобы совершать службы в подвалах или даже ямах, и тогда я не брошу служить. Советская власть преследует христианство. Христианство останется. Возможно, останутся только одни сильные, которые сумеют возродить христианство. Были в древности такие периоды, когда христиан сжигали, но несмотря на это, в катакомбах, в подвалах христиане остались, и христианство восторжествовало.

- Сейчас вырастет молодое поколение, и оно бросит заниматься религией, - заметил Агафонов. - Ребенок с молоком матери впитает в себя идеи христианства, - возразил о. Евфимий.

23 февраля 1930 года Особое Совещание при ОГПУ постановило заключить о. Евфимия на три года в сибирский концлагерь. Условия в концлагере были таковы, что вышел оттуда о. Евфимий едва живым.

Когда он вернулся, жена его написала старшей дочери Антонине: "Еще один нахлебник приехал".

Для дочери было настолько прискорбно прочитать эти слова, что она заболела и попала в больницу. Но мысль о том, что отец где-то рядом и у него, может быть, нет

пропитания на сегодняшний день, не давала покоя. И, не долечившись, она выпросилась из больницы, чтобы идти просить помощи у своего начальника-управляющего. Он в прошлом был красным партизаном, и ничего хорошего она от него не ждала, тем более теперь, когда все знали, что ее отец-священник вернулся из лагеря. Всю дорогу Антонина усердно молилась, и когда вошла в кабинет, он, не дожидаясь просьб ее, сказал:

- Мы вам муки дадим двадцать килограмм, вам отвезут ее на станцию, вы ни о чем не беспокойтесь.

Антонина смотрела на него, и словно тот же был перед ней, и словно другой, святой, человек. Не того она ожидала. Это был 1933 год, когда и она голодала, и люди тысячами умирали от голода. Погрузили мешок, привезли, донесла она его до баньки, где жил отец-священник с семьей, и остановилась в сенцах, не решаясь войти. Отец Евфимий услышал, будто вошел кто, а дальше не идет, вышел взглянуть. Дочь упала перед ним на колени и стала за себя и за мать просить прощения:

- Папочка, прости! Прости! Прости!

Отец Евфимий наклонился, поцеловал ее в голову и сказал:

- Только я один во всем виноват, никто из вас ни в чем не виноват. Встань, ради Бога, не могу видеть тебя на коленях. Все страдания из-за меня, и вам приходится из-за меня терпеть.

Антонина встала. Ребятишки, голодные, как галчата, глядят, обнялись отец с дочерью, плачут. В это время вошла матушка Александра - она хотела чашку отрубей выпросить и вернулась ни с чем.

- Мама, вот мука, не ищи нигде ничего. Никто у тебя не нахлебник, это все вам - ешьте, ради Бога.

И так, милостью Божией, дочь их поддерживала.

Собор в Ачинске был закрыт, и пришлось искать другого места. Прихожане скрипачниковской церкви позвали служить к ним. Переехали, и с 16 января 1933 года о. Евфимий начал служить. Но недолго он прослужил, в апреле храм в Скрипачниковском был властями закрыт. Для о. Евфимия и его семьи наступили тяжелые дни. "Ужасное время было, что и говорить! - писал он позже в письме к дочери. - Недаром, уходя оттуда (из Скрипачниковского), я просил Бога: "Господи, не допусти меня скоро возвращаться! Пошли мне смерть, но не допусти возвратиться!" Ужас был полный! Тут ребятишки мрут с голоду, а тут я еще объедаю их! Тут я был виноват - что я не плотник, не кузнец, не чернорабочий... Доказывая всю мою ненужность, матушка говорила и то, что Женю (старшего сына, которому было в то время семнадцать лет) выгонят (с работы) из-за меня, что Женя ворчит и не знает, как отделиться от меня. Одним словом, ужаснее ужасного!!!"

Чтобы не обременять семью, о. Евфимий решил на время уйти. Зима, самые морозы. Он собрал все свои пожитки - столярный инструмент (все железо и дерево) - это все нужное и оставлять нельзя. Поклажи набралось два мешка, не менее трех пудов. Попробовал поднять - тяжело, не дойти с ними до Ачинска. Но с Женей, сыном, попрощался, еще утром, когда тот уходил на работу. Если еще остаться, то сын придет домой обедать, увидит, что отец еще не ушел, и будет недоволен. Простился с женой, с младшими детьми - никто не удержал, не попросил остаться, а как на то он надеялся, ведь никак ему с такой поклажей не дойти по лютому морозу до города.

Взвалил о. Евфимий мешки перевязкой на плечи и вышел. Прошел версту, а казалось, десять - так тяжело, и все оглядывался: не выйдет ли кто из домашних, не позовет ли вернуться? Уже и сын должен прийти, сядет обедать, узнает, что он только что вышел, примется догонять, вернет, ведь такая на дворе непогода. Так прошел о. Евфимий пять верст - и все оглядывался. Но никто не бежал его возвращать, пустая дорога, ни впереди никого, ни позади. Да и кто теперь пойдет пешим под ночь. Так он дошел до первой деревни.

Смеркалось. Надо бы зайти заночевать, но не было денег, нечем было заплатить за ночлег, и он, миновав деревню, отправился дальше. Наступила ночь, мороз с каждым

часом становился сильней, а сил двигаться дальше все меньше. Без отдыха мог пройти полверсты. Пока шел - изнемогал от напряжения, весь становился мокрым, а когда садился отдохнуть - мороз моментально проникал сквозь ветхий пиджачишко, пронизывая насквозь. Не доходя до Ачинска верст десять, изнемог окончательно. Твори, Бог, волю Свою, нет сил идти. Посидел минут пять. Слышит, едет кто-то. Смотрит - по дороге в Ачинск едет мужик вразнопряжку порожняком. А у о. Евфимия нет сил встать навстречу. Проехал было, но остановился, спрашивает:

- Кто сидит?
- Человек.
- Чего сидишь?
- Идти не могу.
- Замерзнешь!
- Наверное.
- Давай десять рублей! Довезу! - подошел.
- Если бы у меня был рубль, я сейчас зашел бы в Малый Улуй на станцию и доехал бы до Ачинска, но у меня и рубля нет.
- А кто ты?
- Бывший соборный поп.
- Как же ты очутился в таком положении?

А ему уже и разговаривать лень и ко сну клонит. Тот постоял, постоял и говорит:

- Ну, садись вот на заднего коня.

А батюшка уже и подняться не может. Мужик посадил его, положил мешки в сани и понесся вскачь. Удивительно, что о. Евфимий не только не хворал после этого, но и не обморозился, а мороз был жестокий.

Все церкви в округе закрыли, негде стало служить. В мае 1934 года Покровской церкви дальнего села Бея выпросили у архиепископа Ачинского и Минусинского Дионисия (Прозоровского) о. Евфимия, чтобы служил у них.

Мужики сами перевезли о. Евфимия и его семью в Бею, и он начал служить; вскоре архиерей назначил его благочинным 5-го округа Минусинского викариатства. Преследования начались сразу же после приезда в Бею, хотя теперь о. Евфимий говорил проповеди редко, хорошо зная, насколько превратно и пристрастно понимают его слова агенты власти. Во всех проповедях старался держаться строго духа церковности. Взрослым он объяснял подробно, насколько важны таинства причащения и исповеди, без которых человека может постигнуть духовная смерть, детей убеждал остаться смолоду исполнять заповеди Божии. Он был счастлив служением в храме, с которым душа за эти многие годы срослась. Но он уже видел, что советские власти налогами и поборами добьются разорения храма, когда не останется средств на закупку свечей, масла для лампад, муки для просфор, дров для отопления. Отец Евфимий видел, что власти пойдут до конца в своих намерениях разорить храм и поддерживающих его материально прихожан. Он несколько раз советовал прихожанам перейти служить в дом, но они убедили священника, что найдут возможность содержать и поддерживать храм. Однако безбожники не оставили своего намерения, и 30 июля 1935 года, перед празднованием памяти преподобного Серафима Саровского, Бейский исполком постановил богослужение в храме "без производства полного капитального ремонта... считать невозможным. Здание церкви до окончания церковным советом капитального ремонта закрыть". Причем обязали прихожан через два дня приступить к ремонту. На Ильин день в церковь пришел председатель сельсовета и сообщил, что будет сейчас опечатывать храм. Отцу Евфимию приказали немедленно покинуть церковную сторожку. Из храма позволено было взять старенькую, штопаную-перештопаную ризу и некоторые богослужебные книги. К вечеру о. Евфимий с семьей переехал на край села, где снял комнату, не имевшую отдельного входа, так что надо было проходить через комнату хозяина дома. Через три дня к священнику пришел сотрудник НКВД и предупредил, что если он немедленно не

пропишется на новом месте, то будет приговорен к шести месяцам исправительно-трудовых лагерей. Отец Евфимий тут же собрался и пошел в паспортный стол, но он был закрыт. В тот же день о. Евфимию было предъявлено обвинение в нарушении паспортного режима. Суд приговорил его к шести месяцам исправительно-трудового лагеря. Он подал жалобу, сославшись на невозможность в тот момент прописаться. Кассационный суд оставил приговор в силе, снизив наказание до ста рублей штрафа.

После закрытия храма о. Евфимий и церковный совет послали во ВЦИК телеграмму с просьбой разрешить проводить ремонт, не прекращая богослужений. Ответа не было, и они послали повторную телеграмму, а вслед за ней письмо во ВЦИК от общины. Но никакого ответа не получили, и священник стал подозревать, не задержаны ли все эти телеграммы местным начальством в Бее, и просил прихожан опустить письмо за пределами района.

Верующие стали просить у местных властей другое помещение для совершения служб. Исполком отказал: "Нет у нас для вас помещений". Верующие сказали, что сами найдут. "Ищите, - ответили безбожники, - и если оно нас удовлетворит, тогда разрешим".

Лишившись храма, прихожане приходили теперь к о. Евфимию домой, что приносило немало хлопот хозяйке дома, и он стал подыскивать другое жилье и месяца через два переехал с семьей в дом с отдельным входом и довольно большой комнатой, где можно было крестить, отпевать, а со временем и служить.

Члены райисполкома тем временем постановили "договор на аренду здания бейской церкви" с общиной верующих расторгнуть. И на Рождество Христово о. Евфимий служил в своем доме, в новоустроенной домашней церкви. Присутствовало человек двадцать. В следующий раз служил всенощную и литургию на Крещение. Служил ночью и окончил на рассвете. В конце службы он сказал в проповеди:

- Братья и сестры, нам приходится служить воровски, как изгнанникам, и в этом виноваты вы сами, своим слабоверием, тем что отступили от Церкви. Вы все боитесь. Вы пугаетесь, если кто вам покажет мизинец, а если уж топнет ногой, то вы от страха в землю готовы зарыться, а нужно все невзгоды переносить с терпением, как наши апостолы, как терпели старообрядцы при царском правительстве, они готовы были тайно в соломе перевозить священников, чтобы только служить. Вот и нам, возможно, придется служить и в тайге, и в подполье, все терпеть, все переносить.

С каждым годом, с каждой волной арестов священнослужителей и верующих, Российская земля духовно нищала, отемнялась нравственно, помрачалась разумом. На людей, оставленных советской властью для тяжелого труда на земле, горько было смотреть. Однажды кто-то в присутствии священника начал возмущаться, что вот теперь родители не крестят детей. Отец Евфимий хотел промолчать, но не выдержал:

- Не крестят... А вот если бы пришла другая власть и начала бы зверски убивать всех некрещеных детей, тогда мы стали бы возмущаться, глядя на эту ужасную нелепость. А между тем, мы не возмущаемся тем, что убиваем сами души своих детей, лишая их крещения и тем лишая их жизни вечной. Если бы избиение некрещеных было бы недалеко от нас, то мы поторопились бы скорее окрестить своих детей, бросились бы все к священникам. А между тем, мы совершенно не обращаем внимания, что ужас смерти у каждого из нас за плечами. И не торопимся приготовить ни себя, ни детей своих к встрече с этим ужасом.

Вера. Вера православная. Для всякого человека, а для русского человека в особенности, это необходимейшее содержание души и всей жизни. Без веры русский человек начинает беспрерывно жаловаться и беспредметно унывать. В окружающем мире он действует уже как слепой, но при этом не обращается за разрешением своих жизненных вопросов к Богу. И, как всякого человека, надеющегося более на людей, нежели на Бога, его ждет разочарование.

Отец Евфимий смиренно выслушивал жалобы прихожан, хотя сам жил с семьей впроголодь, но однажды сказал:

- Мы всегда только жаловались и жалуемся. Помните, как в начале революции вы жаловались на богачей и нанимателей? Сколько было разговоров и вариаций: "А хорошо нам было, когда мы на вас работали за пять фунтов в день?" А ведь кроме этих пяти фунтов, во время нашей работы богач кормил еще нас раза по три в день. А теперь вы жалуетесь, что вам приходится работать только за один килограмм в день и советская власть более ничего не дает. Не жаловаться нужно, а исполнять заповеди и все терпеть. У нас в том положении, в котором мы оказались, не остается выхода, как терпеть советскую власть и все приносимые ею неустройства. Если уж нас объявили бревнами, предназначенными для строительства государственного здания, то у нас уже нет выхода, как терпеть, пока все не построится.

Годы, проведенные в тюрьме, непосильный труд в лагере и голод подорвали здоровье. Отец Евфимий начал болеть, в 1936 году с ним случился инфаркт и он слег. Старшая дочь, Антонина, посетила его; видя, что положение серьезное, она стала его упрашивать сфотографироваться. По своему смирению, считая себя ни во что, батюшка никогда не фотографировался, у него была единственная фотография, сделанная еще в молодости.

- Ты же не поставишь мою фотографию на виду, - сказал о. Евфимий.

- Папочка, да что я! Да разве я могу не поставить твою фотографию на виду? - возразила дочь. Отец Евфимий согласился и, когда ему стало лучше, сфотографировался.

Приближался Великий пост, и о. Евфимий решил служить открыто - во всяком случае, в первую неделю поста, на Вербное воскресенье и на Пасху, а после, как Бог даст. Служил он, не спрашивая разрешения властей, но перед самой Пасхой подал заявление, чтобы разрешили служить на Пасху, на Фомино воскресенье и на Радоницу. А про себя решил: разрешат или нет - все равно буду служить, а власти хотя бы не скажут, что не просил разрешения. Отвратительным раболепством было бы отказаться от церковной службы на Пасху. Верующие собрались в дом священника пораньше, человек тридцать. Началась пасхальная заутреня; около двух часов ночи в дом ворвались сотрудники НКВД с обыском. Все присутствовавшие были переписаны, а священник арестован. При обыске у священника изъяли личную переписку, церковную книгу с регистрацией рождений, смертей и браков, приходно-расходную книгу, церковную кружку, в которой было сто пятьдесят рублей, тысячу двести свечей, семьдесят крестильных крестиков, пятьдесят пять книжечек для церковных поминаний и ветхую ризу.

Пересмотрев все отобранное, власти обнаружили, что священник аккуратно вел все записи рождений, браков и смертей. Сравнили их по книгам, хранящимся в сельсовете. Оказалось, что в сельсовете не зарегистрировано за 1934 год пятнадцать человек родившихся и девять умерших; за 1935 год не зарегистрировано одиннадцать умерших. Обвинили священника, что вопреки запретам советской власти он вел "регистрацию гражданского состояния" и тем "вредил советскому государству, втягивал в преступления часть колхозников и трудящихся единоличников..."

В тюрьме о. Евфимий в объяснительной записке писал: "Если меня необходимо обвинить - покоряюсь этому с радостью. По окончании следствия прошу меня из-под ареста не освобождать, потому что, освободившись, я снова буду чувствовать себя обязанным исполнять свои священнические обязанности, то есть и крестить, и отпевать, и совершать другие требы".

В мае следствие было завершено и священника перевели из дома предварительного заключения в Бее в Минусинскую тюрьму. Его обвинили "в том, что он, будучи священником, собирал у себя на квартире верующих и совершал богослужения, на которых высказывал антисоветские речи..." Отец Евфимий признал, что действительно дома служил, но все иные обвинения отверг. В августе 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило его к трем годам лагеря. В конце августа он был отправлен с этапом в карагандинские лагеря. В степи о. Евфимия сняли с этапа и отрядили перегонять к озеру Балхаш стадо овец. Затем он был заключен в лагерь неподалеку от станции Долинка. Через год, летом 1937 года, против о. Евфимия было начато новое дело. Он был в то время

в лагерной больнице и успел отправить домашним свое последнее письмо. Писал, что состояние его здоровья тяжелое, кроме того, потерял очки и их раздавили, так что он теперь слепой. Украли обувь, белье и, наверное, выбросят из больницы раздетым, потому что его надо кормить, а он уже числится не за лагерем, а за оперчастью как подследственный. Вскоре о. Евфимий был приговорен к расстрелу и 15 сентября 1937 года расстрелян.

Иным был путь друга о. Евфимия священника Никиты Сторожева, также принявшего смерть в заключении. Да и характера о. Никита был совершенно иного. Родился он в 1885 году в селе Ново-Жуковка Вольского уезда Саратовской губернии. Окончил учительскую школу. Избрав путь священства, он должен был жениться, потому что уходить в монастырь не собирался, а рукополагать для приходской церкви священника неженатого тогда было не принято. Но не было у Никиты невесты и был он настолько стеснительного характера, что с девушками не знакомился. Поехал он искать невесту в Пензу в институт благородных девиц. Там он и познакомился со своей будущей женой Валентиной. Родители Валентины были крестьяне, она у них - единственная дочь, и сами они уже в преклонном возрасте и очень опасались, что с их смертью войдет в жизнь дочери черная нужда, так что всю жизнь она будет вынуждена заниматься непосильной работой. И решили дать ей образование - продали корову, кое-что из имущества и внесли первый взнос в институт благородных девиц, решив - пусть получит воспитание и образование, может, потом станет воспитательницей в доме какого-нибудь богатого купца или иное какое найдет приличное место. Знали родители, что детей она любит, значит, сможет хорошей быть воспитательницей. Конечно, думали и о том, что, может, и для нее найдется достойный молодой человек.

Женихи в пансион ездили часто, но прежде чем отдать невесту, начальство пансиона наводило о женихе и его семье самые подробные справки, так как отдание за жениха с плохой репутацией могло повредить репутации пансиона. Никите Сторожеву показали будущую невесту, она ему понравилась, поехали к ее родителя, и те благословили венчаться. Они обвенчались. Но оба оказались настолько стеснительны и стыдливы, что всю жизнь прожили как брат и сестра. Но без детей не остались.

Пришла однажды к Валентине девушка, помогавшая ей по хозяйству, и сказала:

- Матушка, женщина просится пустить ее в баньку.

Дело было зимой. Валентина без раздумий сказала:

- Почему в баньку? Пускай идет в дом.

- Она не хочет, она хочет в баньку, - ответила девушка.

- Ну, может, она хочет помыться, - недоумевала Валентина, - тогда помоги ей.

Прошло два дня, и девушка со смущением сказала:

- Матушка, стыдно сказать, но у нас ребенок в баньке появился.

- Это надо же, - говорит Валентина, - ну так покорми его.

- Я все сделала. Женщина просит оставить ребенка на несколько дней, пока она на работу устроится.

- Хорошо, пусть оставит. Надо будет только как-нибудь обо всем этом отцу Никите сказать.

Сели они за стол ужинать. Валентина хочет сказать и не может, так что уже и о. Никита заметил и спрашивает:

- Вы, наверно, хотите мне какой-то вопрос задать?

- Да, хочу, - едва выговорила она.

- Пожалуйста.

- Батюшка, у нас ребеночек есть.

- Какой ребеночек?

- Вот попросилась одна женщина и в баньке оставила ребеночка.

- Ну оставила, так надо крестить. Когда родился ребеночек? - И посмотрел в святцы. - Прокопий будет.

Так и окрестили ребеночка. И стал он у них как родной, из прихожан и не сомневался никто, что это их сын. А женщина не вернулась. Когда мальчику было лет шесть, через село Большой Улуй, где служил тогда о. Никита после того, как о. Евфимия перевели настоятелем в Ачинск, проезжал обоз с детьми. Везли корейских детей, круглых сирот. Стоял обоз в селе несколько дней. И вот шли о. Никита с женой и маленьким Прокопием мимо обоза. Видят, на телеге лежат, как полешечки, дети, завернутые в тряпье. Ротики открывают, голодные.

Возчик, сопровождавший их, говорит:

- Люди, возьмите по ребеночку, воспитайте. Ведь это круглые сиротки погибают. Ведь они маленькие, их кормить надо!

Прокопий подошел к телеге, взял матушку за руку и сказал:

- Мамочка, возьмем одного ребеночка!

Она отвечает:

- Которого?

- А вот этого.

- Ну раз ты выбрал... братика... или сестричку - мы дома посмотрим...

Взяли, оказалась девочка. Назвали Марией, крестили. Воспитывали как свою, всему ее научили. И были эти дети о. Никите и матушке Валентине как родные и великим утешением - благодарное детское сердце глубоко отзывалось на истинную любовь, какую они видели со стороны священника и его жены.

Отца Никиту арестовали в 1935 году. Концлагерь находился неподалеку от Кемерова. Здесь о. Никита тяжело заболел воспалением легких. Узнав об этом, Валентина срочно собралась и поехала, и они еще раз в этой жизни увиделись. Вскоре о. Никита скончался, и администрация лагеря разрешила жене взять его тело для погребения.

---

1 Священник Владимир Фокин был истинным пастырем и сердечным, отзывчивым человеком, почему и пользовался большим уважением среди своих прихожан и всех знавших его. 24 января он был захвачен отрядом Щетинкина и расстрелян в полутора километрах от деревни Лодочная. На теле его, кроме огнестрельных ран, оказалось три штыковых. Ввиду того, что места эти были захвачены большевиками, тело священника было вывезено ночью из села Ново-Еловского и перевезено в город Ачинск, где и состоялось отпевание. Священник был погребен рядом с ачинской Казанской церковью. В погребении, кроме духовенства, участвовало почти все население города.

2 Он был арестован 31 января. На передней подводе ехали арестовавшие его красноармейцы, на задней - священник. Отъехав немногим более километра от села, красноармейцы остановили подводы, вытащили священника из саней, сняли с него шубу и потребовали, чтобы он снял с себя крест. Отец Михаил отказался. Тогда они попытались силой вырвать из рук священника крест, но безуспешно. Сжимая в руках крест, священник молился: "Не ведят бо, что творят!" Один из палачей выстрелил в упор в голову. Отец Михаил упал, и они стали стрелять в него, выпустив зарядов двадцать, пока не убили. 17 марта в Благовещенской церкви города Красноярска было совершено торжественное отпевание в сослужении архиепископа и духовенства. Тело пастыря-мученика было погребено рядом с Благовещенской церковью.

Священномученик Евфимий (Тихонравов) (память 22 января по старому стилю)

Священномученик Евфимий родился 17 апреля 1881 года в городе Шуе Владимирской губернии. По некоторым свидетельствам, его отец, Сергей Тихонравов, был священником. Евфимий Сергеевич окончил церковнопри- ходскую школу. В 1904 году, женившись на Татьяне Александровне Сперанской, дочери псаломщика Преображенского храма села Доронино, он переехал жить в это село. С этого времени он стал служить пономарем в Преображенском храме и, как многие церковнослужители того времени, зарабатывал на жизнь крестьянским трудом. У Евфимия Сергеевича и Татьяны Александровны родилось трое детей.

В 1917 году в России установилась безбожная власть, которая сразу же начала гонения на Русскую Православную Церковь. Местные власти в Доронино были жестко, непримиримо настроены к Церкви и пригрозили служившему здесь священнику, что если он не перестанет служить, то все его имущество будет конфисковано. У него была большая семья, много детей, и ради них священник оставил храм. Епархиальный архиерей направил в Доронино другого священника, но и он прослужил недолго, так как власти и к нему приступили с различными угрозами. Приход снова остался без священника, и Евфимий Сергеевич, соболезнуя оставшимся без пастыря верующим, подал прошение архиерею о рукоположении в сан священника. Здоровья он был от рождения слабого, и некоторые из родственников отговаривали его: "Такое время, все отказываются, прячутся, а ты хочешь рукополагаться!" Но он был решителен в своем намерении, и в 1933 году его рукоположили к Преображенскому храму в селе Доронино. Жена священника, Татьяна Александровна, сама пекла просфоры дома, но в 1935 году она тяжело заболела, ослепла и в том же году умерла. Вместо Татьяны Александровны отцу Евфимию стала помогать его младшая дочь, Антонина; другие же дети еще раньше уехали из села и жили отдельно. Она пекла просфоры и топила в храме печи.

В селе многие жители были крайне враждебно настроены к храму и требовали его закрытия. Когда отец Евфимий проходил по улице, то ему вслед часто неслись ругательства и смех. В 1935 году отец Евфимий не смог уплатить назначенных ему властями налогов. За неуплату его имущество было конфисковано, а храм закрыт. После закрытия храма безбожники стали его разорять, вынося иконы и уничтожая их. Один из таких безбожников вытаскивал иконы, бросал их на землю и с ожесточением одержимого топтал. Впоследствии он отморозил руки и ступни ног и лишился возможности двигаться; у сына, который родился у него вскоре после кощунства, руки и ноги были от рождения каленными. Местные власти устроили в храме склад для зерна, затем - конюшню, а после нее превратили помещение храма в склад для удобрений и этим почти разрушили здание.

После закрытия храма отец Евфимий еще некоторое время прожил в селе, совершая по просьбе верующих требы. Жить становилось все трудней, и он переехал в Иваново, где устроился работать сторожем в одном из лечебных учреждений, но так же, как и раньше, совершал требы по просьбам верующих. Он поселился в так называемом рабочем поселке, где снимал угол, лишь бы переночевать. Комнаты здесь сдавались всем, кто ни просился, люди совершенно друг другу не знакомые спали в одной комнате рядом друг с другом на полу. Через некоторое время узнали, что отец Евфимий - священник, и в разгар самых свирепых гонений донесли, что в доме "нелегально" проживает священник. 1 января 1938 года отец Евфимий был арестован и заключен в тюрьму в городе Иванове. Через несколько дней он был допрошен.

- Вы арестованы как участник нелегальной контрреволюционной группы заштатного духовенства, проводившей антисоветскую агитацию среди своего окружения. Признаете ли себя виновным?

- Не признаю себя виновным, так как никакой антисоветской агитации я не вел и членом контрреволюционной подпольной организации заштатного духовенства не состоял.

После этого были допрошены лжесвидетели, и в первую очередь хозяйка квартиры, где снимал угол священник. Она показала: "Тихонравов систематически на протяжении всего 1937 года в моем присутствии допускал контрреволюционные клеветнические выпады по адресу советской власти... В сентябре 1937 года, выражая недовольство советской властью, заявил: "Жить стало невозможно, нас, служителей... облагают непосильными налогами... Это делают с целью уничтожения религии и нас, духовенства". Припоминаю ряд случаев, когда Тихонравов в моем присутствии распространял контрреволю- ционные провокационные слухи о якобы эксплуатации заключенных в советских тюрьмах и концлагерях".

Другой лжесвидетель сказал: "В ноябре 1937 года в беседе со мной о выборах в Верховный Совет он говорил: "Теперь происходит подготовка к выборам в Верховный Совет, но что это за выборы, когда назначают своих кандидатов? Это всё те же выборы, что были раньше; кто им не очень люб, того они убирают куда следует, посылают строить каналы, а потом этими каналами и хвастаются. А что, сами они эти каналы выстроили? Ведь это сделано руками заключенных. Это работа не лучше египетской каторги".

3 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Евфимия к расстрелу. На следующий день после вынесения приговора следователь вновь допросил священника.

- Вам предъявляется обвинение в том, что вы на протяжении длительного периода времени среди своего окружения вели контрреволю- ционную агитацию. Признаете себя в этом виновным?

- Виновным себя в этом не признаю, так как никакой контрреволюционной агитации я не вел.

- Материалами следствия установлено, что вы систематически допускали на советскую власть контрреволюционную клевету.

- Нет, этого не было.

- Следствие располагает материалом, что вы в сентябре 1937 года допускали контрреволю- ционные клеветнические выпады о Советском Союзе, колхозах и положении колхозников. Признаете вы это?

- Нет, не признаю и сведения, которыми следствие располагает, я считаю ложными.

В тот же день, когда произведен был этот допрос, 4 февраля 1938 года, священник Евфимий Тихонравов был расстрелян в городе Иванове и погребен в безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Евгений (Ивашко) (память 29 октября по старому стилю)

Священномученик Евгений родился 26 августа 1899 года в семье священника Минской епархии Александра Ивашко. В 1920 году он окончил восемь классов Минской

Духовной семинарии. С 1 августа 1920 года по 20 января 1923 года был учителем в одной из школ Минской губернии. В августе 1922 года Евгений Александрович выдержал экзамены перед Минской епархиальной комиссией, необходимые для получения сана священника.

1 апреля 1924 года митрополит Минский Мелхиседек (Паевский) рукоположил его в сан священника к Павловичской церкви Бобруйского уезда. В 1926 году епископ Бобруйский Филарет (Раменский) переместил его к Лошницкой церкви Борисовского уезда, а в 1927 году - к Юрьевичской церкви Игуменского уезда.

В 1927 году власти арестовали о. Евгения и приговорили к трем годам. В 1930 году епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии, Сергий (Никольский) назначил о. Евгения в село Погромное Бузулукского района.

Власти в это время любыми средствами стремились закрыть и разрушить храмы; о. Евгений лишь только начал служить, как храм был закрыт. Архиепископ Самарский Александр (Трапицын) назначил его в храм села Медвецкое того же района. 19 февраля 1931 года скончалась его супруга, Антонина, и о. Евгений остался с двумя детьми - пятилетней дочерью и сыном, которому исполнился год и одиннадцать месяцев. Священнику стала помогать в воспитании детей сестра его матери Мария Адамовна Буковская.

В 1932 году епископ Ржевский Никон (Пурлевский) направил о. Евгевния в село Воскресенское Ржевского района. В том же году епископ Муромский Макарий (Звездов) назначил его к Успенской церкви города Мурома, здесь он прослужил недолго, но даже краткое его служение оставило самые теплые воспоминания в душах прихожан, которые при расставании вручили благодарственный адрес:

"Дорогой и глубокоуважаемый наш пастырь, отец Евгений. Позвольте нам высказать Вам свои сердечные чувства благодарности ревностное исполнение церковной службы. Нам видно было, что Ваше девятимесячное пребывание в здешнем храме сумело расположить к себе сердца всех прихожан. Несмотря на Ваши молодые годы, Вы так усердно относились к своим обязанностям служения Церкви Господней, что и было отмечено архиепископом Макарием и преосвященнейшим епископом Николаем, которые за короткий период времени Вашего служения наградили Вас тремя наградами. Вы служили примером для духовенства. Ваша личная жизнь многим известна, насколько она тяжела и печальна; но Вы, покорясь воле Божией, терпеливо и безропотно несете крест, ниспосланный Вам Господом Богом.

Горько и тяжело нам расставаться с Вами навсегда, но память о Вас, как о глубоко чтимом пастыре, будет вечно жить в наших сердцах.

Прощай, дорогой наш пастырь, не забудь нас в своих молитвах, и пусть благословит тебя Господь Бог на новом месте служения наилучшей и спокойной жизнью".

Местом его нового служения стал сначала храм в селе Завидове Оленинского района, а затем храм в селе Спас-Береза того же района. В это время епископом Ржевским, в чье викариатство входило село Спас-Береза, был преосвященный Палладий (Шерстенников). Епархия находилась в состоянии непрекраща- ющейся войны с обновленцами, большая часть которых послушно исполняла волю ОГПУ-НКВД, неизменной поддержкой которого они тогда пользовались. Отпадение их от Церкви и нравственное разложение обновленческого духовенства отвращало от них прихожан и лишало их поддержки народа, что, в свою очередь, не позволило им захватить все храмы, а в некоторых районах даже вынудило отдать храмы православным.

Епископ Палладий назначил о. Евгения благочинным. В благочинии остро стоял вопрос о взаимоотношениях с обновленческим духовенством; епископ Палладий имел по этому поводу четко сформулированное суждение, которое он записал в 1929 году в бытность свою настоятелем Кизического монастыря в Казани и направил в виде письма одному из священников, когда тот решил перейти в обновленчество. Владыка дал переписать это письмо о. Евгению, чтобы облегчить ему борьбу с обновленцами.

Летом 1937 года власти под предлогом аварийного состояния храма потребовали его закрытия, утверждая, что священник не сможет собрать необходимых денежных средств и отремонтировать здание, - они знали, насколько разорены крестьяне государственными поборами и займами. Видя, что храму грозит закрытие, о. Евгений обратился к прихожанам, объясняя им, что если они сейчас не дадут денег на ремонт храма, то власти его закроют, и им негде будет молиться. Никогда и ни на что не жертвует верующий русский человек с такой охотой и готовностью, как на храм Божий, и в самый короткий срок необходимые средства были собраны, и храм удалось отстоять.

Несмотря на гонения и пристальное внимание к Церкви НКВД, о. Евгений вел активную миссионерскую деятельность среди крестьян. В храме у него было немало молодежи, и священник предполагал при новых выборах двадцатки привлечь молодых людей, которые могли бы содержать храм в порядке и вовремя ремонтировать, чтобы таким образом отвести от него угрозу закрытия.

На примере о. Евгения и подобных ему священников, которых было тогда почти двадцать пять тысяч, становилось ясно, что никакими хитростями и ухищрениями не сломить веры народа и не уничтожить Церковь, если не прибегнуть к тотальному уничтожению, к которому власти готовились почти двадцать лет.

Летом 1937 года сотрудники районного отдела НКВД стали вызывать на допросы жителей села Спас-Береза и соседних, составлять протоколы, цель которых - доказать виновность священника. Вызывался на допросы и сам о. Евгений, но он категорически отвел все обвинения.

5 октября 1937 года сотрудник Оленинского отдела НКВД составил обвинительное заключение на священника, где тот был признан виновным в контрреволюционной деятельности на основании показаний "дежурных свидетелей", хотя сам виновным себя не признал. В заключении было постановлено передать дело священника на рассмотрение Тройки НКВД.

Отец Евгений был арестован и заключен в тюрьму города Зубцова 22 октября. 5 ноября состоялся последний допрос, на котором следователь намеревался письменно оформить показания священника относительно предъявленных ему обвинений, так как все другие допросы он не оформлял, надеясь сломить волю священника, уговорив сжалиться над детьми, остающимися без отца круглыми сиротами (дочери о. Евгения бьшо тогда двенадцать лет, а сыну - восемь). Но о. Евгений не согласился на предложение следователя и виновным себя не признал.

- Скажите, вы признаете себя виновным в том, что в августе 1937 года среди ряда лиц по вопросу выборов в советы вы высказывали свое враждебное настроение к советской власти, вместе с этим всячески опошляли колхозный строй и распускали провокационные слухи о плохой жизни в колхозах?

- В этом виновным себя не признаю.

- Скажите, вы признаете себя виновным в том, что в июле сего года вы проводили среди населения антисоветскую агитацию против займа, всячески высмеивая это мероприятие, и одновременно высказывались за свержение советской власти?

- В этом виновным себя не признаю.

- Скажите, вы признаете себя виновным в том, что в феврале сего года вы высказывались за политику врагов народа, восхваляли их, одновременно с этим обвиняли товарища Сталина?

- В этом виновным себя не признаю.

- Скажите, вы признаете себя виновным в том, что в период уборочной кампании зерновых культур среди верующих единоличников и колхозников вели агитацию за невыход на работу в воскресные дни и другие религиозные праздники?

- В этом виновным себя не признаю.

Отцу Евгению было тогда всего тридцать восемь лет, оставались сиротами дети, но он более всего полагался на Бога, словно преподавая своей жизнью пример другим.

Через несколько дней после последнего допроса, 9 ноября, Тройка НКВД постановила расстрелять священника. Священник Евгений Ивашко был расстрелян 11 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Евгений, митрополит Нижегородский (память 7 сентября по старому стилю)

Священномученик Евгений, митрополит Нижегородский (бывш. Приамурский и Благовещенский) (в миру Семён Алексеевич Зернов) родился 18 января 1877 года в Московской губернии, в семье диакона. В 1898 году Семён закончил Московскую Духовную семинарию и поступил в Московскую Духовную Академию. В 1900 году он принимает постриг в монашество с именем Евгений, а 1902 году рукоположение в иеромонаха. В том же году отец Евгений после окончания Духовной Академии назначается на место преподавателя сектоведения Черниговской Духовной семинарии. С 1904 года он - инспектор этой семинарии, а с 1906 года - ректор Иркутской Духовной семинарии в сане архимандрита. В то время в семинарии царило крайнее раздражение воспитанников против своего начальства. Отец Евгений сумел привести в порядок расстроенное смутой 1905 года учебное заведение, действуя без всякого применения репрессивных мер и заслужив общее доверие и любовь. Он имел замечательный дар проповедника, поэтому проводимые им внебогослужебные собеседования по воскресным дням в семинарском храме охотно посещали и учащиеся, и интеллигенция, и народ. В 1909 году отец Евгений являлся членом комиссии по освидетельствованию честных останков святого епископа Иркутского Софрония (Кристалевского).

1910 году отец Евгений сделал доклад о постановке миссионерских предметов в семинариях на Иркутском миссионерском съезде; все положения, высказанные в этом докладе, были единогласно приняты. В 1913 году состоялась хиротония архимандрита Евгения в епископа Киренского, викария Иркутской епархии. В 1914 году Владыка назначается на Приамурскую и Благовещенскую кафедру. Святитель являлся членом Священного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 годов. В 1923 году после всенощной, накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы, Владыка ночью был арестован и заключён сначала в тюрьму города Благовещенска, затем вывезен в город Читу, а оттуда в Москву.

На защиту своего архипастыря встал весь город, чекисты вынуждены были вызвать пожарную команду, которая, обливая толпу водой, кое-как рассеяла её. Даже сектанты пришли защитить Владыку. Все они глубоко почитали Святителя за миролюбие и правду. Пока Святитель содержался в тюрьме Благовещенска, по городу ежедневно разъезжала телега с надписью: "В тюрьму для епископа хлеб". Пищи набиралось такое количество, что Владыка кормил всех содержавшихся с ним заключённых.

После освобождения в том же году святейший Патриарх Тихон возводит Святителя в сан архиепископа, а в 1924 году он включается в состав членов Священного Синода при Святейшем Патриархе Тихоне.

В 1924 году Святитель арестовывается вновь и приговаривается к трём годам концлагеря с последующей высылкой на три года. До 1927 года Владыка находился в заключении в Соловецком лагере особого назначения.

Он был признан старшим среди епископов и остался им по общему согласию епископов даже после того, как туда прибыли и более старшие по рукоположению.

В июле 1926 года он принимал участие в составлении "Соловецкого послания" (обращения к правительству СССР православных епископов).

Дух документа преисполнен непоколебимой твёрдости во всём, что касается собственно свободы церковной жизни, совершенно чужд и малой тени соглашательства, безбоязнен в свидетельстве правды и свободен в своём мнении среди уз. В документе изложены факты гонения на Церковь и заявлено, что "политический донос совершенно несовместим с достоинством пастыря".

С 1927 по 1929 годы Владыка находится в ссылке в Зырянском крае (Коми (Зырян) А.О.). После выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского) Владыка не отделился от него и не считал необходимым отделять Заместителя от Местоблюстителя Патриаршего Престола священномученика митрополита Петра (Полянского).

Владыка был строгий постник и, невзирая на условия лагерной жизни, никогда не вкушал мяса, а также рыбы, если она предлагалась в неположенное время. Житейски был глубоко мудр, всегда тактичен и спокоен. Пастырям делал замечания всегда наедине в мягкой форме. Богослужения Владыки отличались величием, покоем и благоговением.

После освобождения в 1929 году Владыка проживал в городе Котельнич Нижегородского края. В августе 1930 года его назначают архиепископом Котельничским, викарием Вятской епархии, а с 1933 года временно управляющим Вятской епархией. В мае 1934 года Святителя переводят на Нижегородскую (Горьковскую) кафедру.

В 1935 году после пасхальной службы, совпавшей с празднованием 1 мая, Владыка собрался ехать домой. Близкие стали ему предлагать задержаться, пока пройдут участники демонстрации. "Что нам бояться, - ответил Владыка, - надо Бога бояться". И поехал домой по улицам в клобуке. Вскоре его арестовали в Нижнем Новгороде ("Горьком") и по обвинению "в антисоветской агитации" и приговорили к трём годам заключения в Карагандинском лагере. В сентябре 1937 года Святитель тройкой при УНКВД по Карагандинской области приговаривается к расстрелу. 7 (20 н. ст.) сентября 1937 года Владыка был расстрелян.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иаков (Бобырев) (память 4 октября по старому стилю)

Священномученик Иаков (Яков Иванович Бобырев) родился 25 ноября 1883 года в селе Букреевка Курской губернии в крестьянской семье, в которой оставались крепкими православные традиции и сам дух был подвижнический: его дядя по отцу, Сергий, ушел в Калязинский монастырь Тверской губернии, где принял постриг с именем Алексий. Яков окончил пять классов церковно-приходской школы и двухклассное училище, что позволило ему в 1901 году занять должность учителя церковно-приходской школы в селе Щетино. В 1903 году Яков Иванович поступил псаломщиком в храм села Плаксино, где прослужил до 1915 года, когда был призван в армию. В 1918 году он вернулся в то же село и стал служить здесь псаломщиком, через два года он был рукоположен в сан диакона, но продолжал исполнять обязанности псаломщика.

В конце двадцатых годов началось гонение на Православную Церковь и диакон Иаков был приговорен к трем годам высылки из пределов Курской области за невыполнение

хлебозаготовок. Он выехал в село Высокое Нерльского района Тверской области, где неподалеку, в деревне Никулино, жил его дядя, монах Алексий, обосновавшийся здесь после закрытия Калязинского монастыря. Отец Иаков жил как ссыльный, под надзором, и обязан был два раза в месяц являться на отметку в районное управление милиции.

В феврале 1930 года он был рукоположен в сан священника ко храму села Высокого. Крестьяне полюбили ссыльного священника за ревностное отношение к службе, и когда 13 декабря 1931 года о. Иаков неожиданно для всех был арестован, церковный совет сразу же обратился с прошением к властям, чтобы те освободили священника. В своем прошении они писали: "13 декабря 1931 года по какой-то неизвестной причине взяли у нас священника Иакова Бобырева. Мы, церковный совет, просим, чтобы вернули его к нам опять служить, потому что мы не замечали за ним никаких незаконных действий. Налог он уплатил в свое время, жил тихо, никуда не ходил, так как опасался, потому что был высланный. Агитации он никакой не вел, и мы думаем, что его взяли по чьей-нибудь клевете. И мы, церковный совет села Высокого, просим отпустить его к нам на службу".

Гонения на Церковь шли с конца 1929 года, но они не прекратились ни в 1930-м, ни в 1931-м году. Высланный из родных краев священник Иаков на новом месте снова стал подвергаться преследованиям. Указы! властей с требованиями об организации новых и новых гонений понуждали ОГПУ беспрестанно собирать сведения о жителях, пристально следить за теми, кого ОГПУ предполагало арестовать. И одни лжесвидетельствовали, опасаясь тюрьмы и лишений, другие по должности, будучи председателями сельсоветов, секретарями партийных ячеек или членами коммунистической партии.

Сведения о том, что в селениях Сорокине, Поречье, Болдиново, Высокое, Поповки и Никулино образовались группы религиозных крестьян, которые недовольны советской властью, стекались в Калининский оперативный сектор, которым руководил в то время Успенский. Одновременно со священником были арестованы и заключены в тюрьму и православные миряне: Михаил Егорович Галкин, пятидесяти четырех лет, Анастасия Васильевна Савина, пятидесяти восьми лет, Варвара Тарасовна Смирнова, сорока четырех лет, Егор Васильевич Устинов, двадцати семи лет. 23 декабря ОГПУ арестовало Дарью Дмитриевну Устинову, пятидесяти четырех лет, и братьев Зайцевых - Ивана, тридцати девяти лет, и Василия, сорока одного года. Отца Варвары Смирновой, Тараса Федоровича, решили привлечь в качестве обвиняемого, но до времени не арестовывать из-за его преклонного возраста (семидесяти семи лет), взяв с него подписку о невыезде. Брата Михаила Галкина, Григория Егоровича Галкина-Шарунова, пятидесяти семи лет, которого ОГПУ почитало главой организации, доставили в Тверь в Рождество 1932 года из Кашинской тюрьмы.

В 1930-1931 годах государство приступило к организации колхозов, которые устраивались не только как форма хозяйствования, но и как нарочито безбожная организация. Ради более удобного грабежа народа государство вернулось к крепостной, полурабовладельческой форме, только во главе стояло не дворянское сословие, а представители безбожной администрации. Причем каждый такой представитель, будь то председатель колхоза или секретарь сельсовета, должен был исповедовать воинственное безбожие, доводя его до каждого члена коллективного хозяйства и жителя села. Для этого, кроме пропаганды, применялись многообразные средства. Например, верующих крестьян-колхозников заставляли работать не только в двунадесятые праздники, попадавшие на будние дни, но и во все воскресные дни. Отказ от работы в воскресенье становился в то время подвигом исповедническим. Для тех, кто по религиозным соображениям не желал оказаться в плену безбожников, существовали формы экономического давления, когда хозяйства таких крестьян облагались непомерными налогами, а затем описывались за долги. Естественно, среди православных крестьян, привыкших к идее существования государства как православной монархии, начинало расти смущение, которое выливалось в конце концов в отрицательное отношение к безбожному правлению, что приводило к

отказу платить налоги.

24 октября 1931 года состоялся суд над крестьянином деревни Сорокино Григорием Егоровичем Галкиным-Шаруновым, который был обвинен в неуплате налогов: "Обвиняемый Григорий Галкин злостно уклонялся от предъявленного ему задания, несмотря на то, что хотя он и не имел земли ввиду того что от таковой отказался, но, однако, имеет усадьбу, на каковой имелся покос, почему и данное задание вполне было реально. Хотя обвиняемый работает по валке сапог без применения наемной силы, но, как видно по словам обвиняемого и свидетелей, занимается этим промыслом постоянно, почему и отказался от полевой земли. Из вышеуказанной работы он извлекает прибавочную стоимость, так как имеет шерстобойную машину, покупает на вольном рынке шерсть и валяет сапоги, поэтому присланный налог вполне был для него реален в части уплаты, но как видно до настоящего времени, налог не уплатил и задание по сену не выполнил, даже отказался принять извещение от сельсовета. Из показания самого обвиняемого и свидетелей по делу видно, что обвиняемый Григорий Галкин на протяжении ряда прошлых лет и в данное время никаких заданий по налогам не платил и вообще не хотел считаться ни с какими советскими законами по своим религиозным убеждениям. При таковом положении дела суд считает, что со стороны обвиняемого - злостное уклонение от всех видов налогов и заготовок; он не считается с советскими законами и проводимыми мероприятиями".

Суд приговорил Григория Егоровича к пяти годам ссылки в отдаленные места СССР и конфискации всего имущества.

Проводить его в ссылку пришли жители двух деревень. Проводы были устроены в его доме, который по суду теперь отходил государству. Больше часа все собравшиеся молились и плакали, а затем, когда пришло время прощаться, Григорий Егорович сказал собравшимся: "Не плачьте, братие, не долго терпеть, придет время - и мы возрадуемся, но сейчас нам нужно терпеть и стоять за свое дело, не уступать безбожию".

Следствие, однако, на этом не закончилось, и против Григория Егоровича выдвинули новое обвинение; причем среди обвиняемых были уже и другие крестьяне. Из главных свидетелей обвинения были председатель сельсовета и секретарь партийного комитета села. Председатель сельсовета показал о крестьянах: "Устинов Егор Васильевич, кулак, отец последнего сослан за неуплату налога, братья его скрываются. Устиновы лишены избирательных прав, а Устинов Егор не лишался, благодаря фиктивному разделу. Отец его имел сапожную мастерскую с применением наемного труда как до революции, так и после революции. Имел свою обувную торговлю в селе Нерль и в селе Нагорском. Отец его индивидуально облагался до 2000 рублей и подоходным налогом до 6000 рублей. Устинов Егор налога должен платить 15 рублей, но умышленно платить отказался, говоря, что кому буду платить, я советскую власть не признаю, признаю лишь кесаря царя, ему и буду платить подати. Я пошел к нему в дом производить опись имущества за неуплату налога, и когда пришел к дому, то таковой был заперт на замок, и я приходил к дому несколько раз, и когда ни приду, все заперт на замок, а Устинов Егор укрывался, дабы не дать произвести опись его имущества, и с трудом мне пришлось изъять описанное имущество.

По заготовкам всех видов, как-то: лен, рожь, овес и картошку, платить отказался, говоря, что не признаю советскую власть, а поэтому и выплачивать не буду, и до настоящего момента не выполнил.

Весной 1931 года прошла по сельсовету контрактация. Принято было всем обществом. Устинов Егор взял перед обществом обязательство засеять льносеменем 0,15 га. Но не засеял, этим самым сорвал контрактацию.

В сентябре 1931 года по сельсовету проводился заем 3-го решающего года пятилетки. Устинов принять подписку отказался, говоря, что займы нам не нужны и подписываться я не буду.

В августе 1931 года по единоличному сектору и колхозникам проводилось самообложение, каковое было принято на все 100%. Устинов на собраниях не присутствовал, и когда пришли к нему за самообложением, то он ответил, что я не признаю самообложения, оно нам не нужно, и платить не буду.

Устинов Егор имеет связь с Устиновой Дарьей, село Поречье, которая доводится ему родственницей, последняя - кулачка, имела овчинную мастерскую с применением наемного труда. И до революции имела свою мелкую торговлю.

Во время проведения самообложения Устинова Дарья принять таковое отказалась, мотивируя, что я платить не буду, я не признаю власть антихристов, за что было описано ее имущество, и когда я пришел делать изъятие имущества, Устинова отказалась подчиниться в момент изъятия, говоря, что хотите, то и делайте, а я делать сама для вас ничего не буду. После изъятия, мною вручался Устиновой акт, который из моих рук она не взяла руками, а взяла две щепки, какими прихватила акт, понесла к порогу и бросила возле двери. Устинова безземельная и налога не платит.

С Устиновой Дарьей имеет связь Савина Анастасия из села Поречье, которая также настроена антисоветски и не признает сельсовета. Среди женщин ведет антисоветскую агитацию, говоря, что в колхозы не ходите и не платите налоги, настоящая власть не от Бога, эта власть антихристов. Устинов Егор, Савина, Дарья Устинова имеют тесную связь с Шаруновым Григорием, который является организатором и руководителем. У последнего на квартире собирались нелегально собрания, где читались Шаруновым и Устиновым книги и ставились задачи не подчиняться советской власти и не платить никаких налогов. Означенные лица, входящие в группу Шарунова, тормозили проведение всех видов заготовок своей агитацией и неуплатой налога, ввиду чего среди населения с трудом проводились все мероприятия".

К действующему председателю был вызван и бывший председатель сельсовета, который, отвечая на вопросы следователя, сказал: "Галкин-Шарунов Григорий Егорович и его брат Михаил Егорович Галкин происходят из деревни Сорокино Романовского сельсовета. Смирнова Варвара и ее отец Тарас Смирнов из деревни Попово Романовского сельсовета, имеют тесную связь между собой и посещают друг друга. У Галкина Григория до его ареста были часто сборища и происходили читки книг. Вышеуказанные граждане были под влиянием Галкина Григория и антисоветски настроены, религиозных убеждений. Тарас Смирнов и его дочь Варвара как до революции, так и после революции занимались торговлей. Богаче их по деревне Попово нет. Под их влиянием находилась отсталая часть деревни, благодаря чему до настоящего момента в деревне Попово нет колхоза и в колхоз никто не идет. Смирновы имеют землю, обрабатывают, но налогов никаких не платят и заготовки не выполняют, за что сын их, Василий Смирнов, сослан на три года. Я был председателем сельсовета, и во время самообложения в августе месяце я вручал оповещения, но Смирновы самообложение не приняли, говоря, мы не признаем ваших законов самообложения. Нам не нужно, и платить не будем. Смирновы сеяли льноволокно, и когда сельсоветом проводились заготовки льноволокна, сдать отказались, говоря, никаких заготовок мы не признаем и сдавать не будем".

Секретарь партийной организации села Поречье показал: "Устинов Егор Васильевич из села Поречье является антисоветским элементом, не признает советскую власть и не подчиняется сельсовету.

Мне было известно как секретарю парткома, что Устинов состоит в какой-то организации и у него имеется контрреволюционная литература, книга с 26-ю протоколами, по которой он ведет антисоветскую агитацию крестьян. Я пошел к нему в квартиру и изъял у него книги. Устинов мне заявил, ты, мол, почитай вот эти протоколы, они будут для тебя полезны, и ты образумишься, а я ему дал книгу машинотракторной станции, говоря, почитай, для тебя тоже полезно. Устинов ответил, машинотракторная станция ведет к разрухе. У нас было раньше при царской власти в селе 130 лошадей, а сейчас осталось всего 40 лошадей. Отобрана у него Библия мною, он просил ее отдать

обратно, так как он над ней работает для пользы, и когда я ему велел расписаться в акте, он отказался, говоря, что я советскую власть не признаю и от подписи отказываюсь, советская власть не от Бога дана".

Стали звать к допросу крестьян, некоторые из них показали: "Я знаю священника Бобырева, который служил у нас в церкви. Его dct уважают как священника, так как знают, что он пострадал за веру православную. Рассказывал он в моем присутствии: "Теперь власть гонит веру православную и истинных сынов церкви ссылает в ссылку". Что Бобырев устраивает спевки, знала от других женщин, но, ввиду того что у меня есть дети, я была только один раз, кажется, в мае месяце, число не упомню. Когда я пришла, спевка уже началась, и что говорили, я не знаю, когда стала уходить, зашел разговор, Бобырев сказал: "У нас плохо верят, вот если бы таких прихожан, как в Поречье, Весках и Попово, было больше, ничего бы нам власть не сделала, я только и отдыхаю, когда бываю у них на беседе о вере". У кого он бывает, не сказал".

"Арестованный в настоящее время священник Бобырев в деревне Болдино служил около года. За это время сумел завоевать себе авторитет, так как в деревне знали, что он высланный, что создавало ему славу пострадавшего за веру. Весной текущего года в мае месяце Бобырев около двух раз у себя на квартире под видом спевок собирал женщин деревни, и только после того, как сельсовет запретил ему это, он собирать перестал, но все же женщины часто заходили к нему в дом под предлогом посещения живущей с ним монашки Виноградовой. Большая часть из посещавших священника Бобырева в колхоз не пошли, заявляя, что подождут, в то же время большая часть членов церковного совета вошла в колхоз, заявляя на собраниях: "Мы в колхоз пойдем, но не трогайте у нас священника, не облагайте налогом"".

"В один из праздничных дней я, воспользовавшись тем, что ко мне пришла родственница, оставила ее с детьми, а сама пошла пораньше в церковь. До начала службы среди женщин шел разговор о том, как быть, идти или нет в колхоз. В это время подошел священник отец Яков, фамилию я не знаю, и тоже вступил в разговор. Когда кто-то сказал, что народу стало ходить мало в церковь, отец Яков ответил: "Придет время еще будет меньше, истинные христиане будут молиться в украдку, чтобы власть не приставала и не угоняла в ссылку, как сделала со мной". У нас в доме отец Яков был всего один раз, на Ильин день, и после службы остался пить чай, у него с мужем зашел разговор о колхозах, и когда муж сказал, что не знает, как быть, идти или нет, о. Яков посоветовал: "Держись до последнего, не отказывайся и не соглашайся, а там видно будет, теперь надо быть непротивленцем, показывать вид, что соглашаешься, а делать по-своему". Муж сказал, что боится, что тогда разорят налогом, на это отец Яков ответил: "Надо отказываться платить, если все откажутся, ничего им не сделают"".

В конце декабря стали вызывать на допросы обвиняемых. Иван Федорович Зайцев, отвечая на вопросы следователя, показал: "Я от колхоза отказываюсь, они нам не нужны, и с политикой не согласен, если в колхозе быть, надо отказаться от религии. Колхоз является разлагательным для истинного христианина. И если религия пойдет хотя с белыми войсками, я крещен при помазаннике Божием Николае II, я и пойду за них, а за безбожную власть я в защиту никогда не пойду. В колхозах вечно брань, неурядицы, и поэтому колхозы крепки не будут. Я беседовал с колхозниками сам, они мне говорили, что в колхозе хуже, чем в единоличном хозяйстве, а я говорил, что пришло беззаконное царство и мы должны терпеть. А разве это неправда? Вот мне дали непосильный налог - 196 рублей, а где мне брать, разве я могу выплатить, а не выплатил я, у меня отобрали часть имущества и телку. Разве это правильно? Вот я жил при царе вместе с отцом, с меня налогу брали 13 рублей, а сейчас с меня одного берут 196 рублей. Ясно, мне тяжело, а некоторым при царе жилось хуже, так они сейчас живут лучше, чем мы. А кто они такие? Я сказать не могу, я буду лучше отвечать за свою душу. От займа государству я отказался ввиду того, что нет у меня лишних средств.

Самообложение я также не уплатил ввиду того, что не принимаю никаких самообложений, нет средств. В отношении теперешней власти, я таковую недолюбливаю, а поэтому у меня в квартире нет вождей, как Ленина, Сталина.

Считаю, иметь их портреты в доме, где висят иконы, это запустить в дом демона, антихриста".

К Анастасии Васильевне Савиной власти в свое время послали в качестве постояльца агронома, теперь следователь ОГПУ, собирая сведения у всех, вызвал и его на допрос. Агроном, отвечая на вопросы, сказал: "Я живу на квартире у гражданки Савиной Анастасии более года. Савину часто посещала Устинова Дарья. Последняя доводится Савиной кумой. В квартире Устиновой происходят по вечерам читки книг и Библии. Савина очень хитрая женщина и держит дома себя осторожно. Является очень религиозной женщиной. Я, бывало, когда спрошу ее, почему ты, Савина, не идешь в колхоз, то ответ получал один, что она стара идти в колхоз. Однажды Савиной сельсоветом было вручено извещение об уплате единовременного налога, но Савина принять отказалась, я ей сказал, что надо будет уплатить тебе, с тебя причитается не много, 3 рубля, она ответила мне, не платила я 6 лет и платить не буду, и когда я стал давать ей в руки бумажку извещения сельсовета, она не взяла в руки, а велела мне положить где-нибудь на столе".

Обвиняемый Тарасий Федорович Смирнов показал: "Я и моя дочь Варвара Смирнова к Григорию Шарунову-Галкину ходили неоднократно, посещали его Устинов Егор, Устинова Дарья и Савина Варвара из села Поречья. Собирались у него и проводили беседы, Шарунов Григорий читал нам книги. А что за книги, я вам, господин, отвечать не буду, не знаю. Сельсовета я не признаю, он дан не от Бога. Я чту царя и почитаю помазанника Божия Николая II. Отобранный портрет Иоанна Кронштадтского в моей квартире принадлежит мне, я почитаю его, он был правильный и грамотный человек. Нам от царя батюшки Николая II плохого ничего было, жилось лучше, и выбран он от Господа Бога, а сейчас власть хорошего нам не дала ничего. Живется плохо, власть безбожная. Больше отвечать вам ничего не буду. Я, господин, считаю себя православным христианином, и отвечать не буду".

Обвиняемый Василий Федорович Зайцев показал: "Я православный христианин и колхозы не признаю, я в колхоз никогда не пойду и другим не советую. Колхоз разлагающая организация и строится не по Закону Божию, в колхозе надо быть ударником, а я чужим трудом пользоваться не хочу, а хочу работать только своим трудом. Колхозы существуют за счет единоличников, колхозы обирают единоличников, берут хорошие земли, дают колхозникам все, а единоличникам ничего. Я с такой политикой, проводимой советской властью, не согласен. Устинов Егор одних со мной убеждений, он также против коллективизации, мне с ним приходилось говорить, он человек хороший. Колхозы есть насилие, так говорит Устинов, говорю и я, в колхозах вечные бранки, непорядки, а потому они крепкими быть не могут. Я говорю всем и кому угодно, что кто пойдет в колхоз, тот должен изменить религии и отдаться власти безбожной, антихристовой. Дети у меня есть в нешкольном возрасте, а хотя бы и подросли, то я в школу не пустил бы, так как в школе учат против религии, и чтоб дети стали безбожниками, я этого не допущу, буду учить детей дома, чтобы они признавали Закон Божий. С Шаруновым Григорием я знаком, он происходит из деревни Сорокино. Человек он грамотный и развитый. Знаю и Савину Анастасию из села Поречье, часто с ними встречался, но квартиру Шарунова я не посещал. Кто посещает, для меня неизвестно, и показать ничего не имею".

Обвиняемый Михаил Егорович Галкин показал: "Григорий Егорович Галкин-Шарунов является мне родным братом, человек он религиозный. Проживая в деревне Сорокине, он в своем доме устраивал религиозные собеседования с женщинами, которые собирались у него группами в 7-10 человек; на этих собеседованиях бывал и я, читал книги присутствующим и делал разъяснения: читал он Евангелие, Библию, протоколы сионских

мудрецов. В течение 1930 и 1931 года они все время собирались для подобных разговоров и проработки указанной литературы, и, кроме того, читались книги "Антихрист" и "Может ли быть христианин социалистом". Хранились эти книги у разных лиц из состава этой группы, также давалась литература для прочтения крестьянам, брал и лично я к себе на дом. Шарунов является монархистом, он сторонник царской власти".

Обвиняемый Егор Васильевич Устинов, отвечая на вопросы следователя, сказал: "Из родственников имеются: отец Василий Устинов, выслан два года назад за неуплату налога, брат Иван Устинов, тридцати четырех лет, выслан с отцом за неуплату налога, брат Сергей Устинов, семнадцати лет, уехал к отцу, брат Василий Устинов, также уехал к отцу вместе с моей матерью. Сестра Мария Пескова живет замужем в селе Поречье. Отец до революции и после имел сапожную мастерскую, до революции работало у него в мастерской десять человек рабочих, имел отец и двухэтажный деревянный дом.

Мое имущественное положение: дом 8х9 аршин, корова. Подвергался изъятию имущества - домашних вещей - за неуплату налога в размере семидесяти рублей в текущем году.

Галкина-Шарунова Григория я знаю, друг у друга с ним бывали, вели собеседования на религиозные и политические темы. По своим религиозным и политическим соображениям я не только не платил налоги и не выполнял задания, но и ушел с работы из валяльной мастерской, чтобы там своим трудом не приносить пользу власти".

Дарья Дмитриевна Устинова на вопросы следователя ответила так: "Я малограмотная, принадлежу к истинно православным христианам и другой партийности не имею, вдова, одинокая, не судима, избирательных прав не лишена, русская, гражданка СССР.

Имущественное положение до революции: дом, двор, овчинная мастерская и один ученик, торговли не имела. После революции мастерскую 4 года сдавала в аренду. До революции была лошадь и корова. Сейчас земли не имею, имею дом, двор и сарай. Подвергалась изъятию домашних вещей за отказ от уплаты самообложения в размере тридцати шести рублей. Советскую власть я считаю властью сатаны, которая попущена Богом для наказания грешных людей, считаю, что законной властью в России может быть только царская власть, так как царь является помазанником Божиим, поэтому я, как сочувствующая царскому строю, имела портреты Николая II и царицы. Антисоветской агитации я не вела и, в частности, против колхозов не выступала".

Анастасия Васильевна Савина показала: "По происхождению дочь крестьянина, сама также занималась крестьянством, все время проживала в деревне, вдова, живу с матерью восьмидесяти трех лет. Землю бросила обрабатывать второй год, так как работать некому, неграмотная, принадлежу я к истинным православным христианам. Советская власть сделала весь народ гражданами и безбожниками, а мы являемся истинными христианами, и никаких общих интересов у нас с гражданами (советскими) не должно быть, и мы должны избегать общения с ними. В колхозы идут только советские граждане, а я истинная православная христианка, поэтому я туда никогда не пойду, так как они от безбожной власти и являются антихристовыми".

Варвара Тарасовна Смирнова показала:

"Проживаю с отцом, все время безвыездно живу в деревне, занимаюсь сельским хозяйством. В хозяйстве отца также жил брат, Василий Смирнов, тридцати одного года, у которого семья состояла из жены и двух детей. Земля имелась только на брата. Брат выслан в 1931 году за невыполнение задания по хлебозаготовкам. Я малограмотная - умею только читать печатное.

Я являюсь истинной христианкой и считаю, что советская власть является властью богопротивной и антихристовой, но допущенной Богом за грехи людей. Я эту власть не признаю. Никогда не согласна помогать власти, то есть платить налоги, сдавать хлебозаготовки и выполнять какие бы то ни было другие ее мероприятия. Я признаю единственно законной властью - власть царя, помазанника Божия, я согласна платить налоги и другие повинности только царю".

Григорий Егорович Галкин-Шарунов показал: "Советской власти я не признаю, так как дела этой власти противны Богу. Законной властью признаю лишь царскую власть. На этом основании я противник каких бы то ни было мероприятий, исходящих от власти. Я против уплаты налога, сдачи по заготовкам хлебных излишков, так как это идет на укрепление власти антихриста и чинимые им безбожные дела. Я против обучения детей в школе, и своих детей там я не обучал, так как с приходом этой власти из школ изгнано религиозное влияние и введено сатанинское обучение, называемое политграмотой. Я против чтения и распространения советской литературы и печати, так как она противоречит моим политическим и религиозным убеждениям. Я против вступления в колхозы или в члены кооперации, так как это разлагающие организации, организованные советской властью, вступающие туда должны поступать вопреки своей совести и убеждениям. По соглашению с местным священником села Высокого Иаковом Бобыревым и совместно с ним я производил читки религиозных книг в сторожке указанной церкви перед началом церковной службы и давал объяснение текста в духе моих политических воззрений. Также я создал вокруг себя в деревне Сорокине группу истинных христиан из крестьян окружающих деревень: Вески, Поречье, Сорокине, Никулино, Попово".

Священник Иаков Бобырев на вопросы следователя так ответил: "С гражданами Нерльского района Галкиным Григорием, Галкиным Михаилом и другими я связи не имел, знал их как прихожан соседнего села Поречье, находящегося от села Высокого в двух верстах; тогда в селе Поречье служил священником Александров, упоминаемые лица принадлежали к его приходу, а когда Александров выбыл в село Губино, то часть указанных лиц стали ходить в церковь села Высокого. Галкина я знаю потому, что он приходил с литературой в церковную сторожку в село Высокое, читал ее там верующим перед началом службы, доказывая, что существующая советская власть является властью антихристовой - безбожной...

Устинова Егора я знаю и бывал у него всего один раз. Анастасию Савину я также знаю, но у нее я не бывал, она же бывала у меня в церкви, заказывала служить всенощную на 19 декабря сего года, обыкновенно всенощную заказывали сообща несколько человек, чтобы совместно помолиться, но кто должен был молиться на этой всенощной, я не знаю, ее служить не пришлось, так как я был арестован.

Зайцевых Василия и Ивана я знал, так как они являются моими прихожанами, бывал у них во время хождения по приходу. Я среди населения не говорил, что нужно не в колхозы поступать, а подталкивать баб к восстанию и готовить оружие. Не говорил, что эту власть скоро погонят, как гнали французов в 1812 году".

Виновными в предъявленных обвинениях признали себя Михаил и Григорий Галкины и Устинова Дарья. Остальные себя виновными не признали, а некоторые высказали и свое мнение по этому поводу. Анастасия Савина, когда тюремный надзиратель вывел ее к следователю Успенскому, сказала ему: "Перед властью я никогда себя виновной не признаю, виновной я могу быть только перед Богом". Варвара Смирнова на вопрос Успенского, считает ли она себя виновной, сказала: "Виновной себя в предъявленном обвинении не считаю, я говорила то, что я чувствовала, как я понимала слово Священного Писания. Умру, а своих убеждений не изменю. Протокол подписывать не буду, так как не желаю подписывать советские бумаги".

Допрошенный Успенским священник сказал: "Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю категорически, так как агитации я не вел и в антисоветских группировках не участвовал".

13 марта 1932 года Тройка ОГПУ вынесла постановление: Григория Егоровича Галкина-Шарунова заключить в исправительно- трудовые лагеря сроком на десять лет, его брата Михаила - сроком на пять лет, как и всех остальных, включая священника.

Отец Иаков Бобырев и еще шестеро осужденных были отправлены в Свирские исправительно-трудовые лагеря вблизи станции Лодейное Поле. В конце 1933 года, по

прохождении половины срока, о. Иаков написал ходатайство о пересмотре его дела и об освобождении, так как он не считал себя виновным. ОГПУ отклонило ходатайство.

В конце 1936 года о. Иаков вернулся в село Высокое, где пять лет назад был арестован, и снова стал служить в том же храме. Части прихожан уже не было: одни - сосланы, заключены в исправительно-трудовые лагеря, другие - скончались, третьи за это время отступили от церкви и смотрели на веру православную, на храм Божий, когда-то родной, на божественную службу в нем и на священника как на нечто обличающее их и потому ненавистное. Но были и другие - оставшиеся верными Богу и православной вере, которые по-прежнему ходили в храм и готовы были идти за веру на мученичество. Большей частью теперь это были женщины.

Не прошло и года служения о. Иакова в храме, когда поднялись с новой силой гонения, и 27 сентября 1937 года священник был арестован и заключен в тюрьму в Кашине. В качестве свидетелей были допрошены председатель сельсовета, бригадир колхоза, рядовые колхозники, а из крестьян-единоличников - неверующие (не всегда нежелание идти в колхоз соединялось с православными убеждениями). Самыми характерными показаниями, вобравшими в себя все лжесвидетельства, были показания бригадира колхоза. Он показал: "Яков Бобырев настроен враждебно против советской власти, в результате чего, безусловно, скрыто проводит контрреволюционную деятельность среди колхозников, что и отражается на проводимых сельскохозяйственных работах в колхозе. Особенно в религиозные праздники - народ уходит в церковь, и работа срывается в колхозе, точно указать факты его агитации не могу, так как он очень скрыто проводил контрреволюционную деятельность. Со своей стороны считаю, его бы давно надо было убрать из нашего селения, этим самым дали бы нормально проводить работу в колхозе без всяких срывов".

4 октября следователь допросил священника.

- Вы обвиняетесь в проведении антисоветской деятельности. Расскажите о фактах вашей антисоветской деятельности.

- Я виновным себя в проведении антисоветской деятельности не признаю, и антисоветских фактов агитации с моей стороны за время после прибытия из ссылки не было, - ответил священник.

- Следствие располагает достаточными данными о вашей антисоветской агитации. Требую правдивых ваших показаний.

- Вторично показываю, что с моей стороны антисоветской агитации не было.

- Следствие располагает данными, что в конце июля месяца 1937 года среди колхозников вы вели агитацию за срыв предвыборной кампании в Верховный Совет, указывая, что "только одни коммунисты будут голосовать и будут только их выбирать". Признаете ли такое антисоветское высказывание?

- Нет, с моей стороны агитации в антисоветском духе о выборах в Верховный Совет не было...

- Следствие имеет данные, что вы в августе 1937 года угрожали колхозникам расправой с контрреволюционным высказыванием о неизбежной перемене существующего строя в СССР. Признаете ли такой факт контрреволюционного высказывания?

- Нет, колхозникам я никому не угрожал а также контрреволюционного высказывания о перемене существующего строя в СССР я не говорил, такого факта я не признаю.

- Следствие располагает данными, что вы в момент общественно-политической кампании по подписке на заем обороны страны вели антисоветскую агитацию среди колхозников против подписки на заем. Признаете ли это?

- Это я отрицаю, агитации против подписки на заем я не проводил. Это такое мнение создалось у председателя сельсовета. А было это потому, что один раз я остановился поговорить с гражданином села Высокого, но я ему о том, чтобы не подписываться на заем, ничего не говорил.

15 октября Тройка НКВД приговорила о. Иакова к расстрелу. Священник Иаков Бобырев был расстрелян через день, 17 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иаков (Бойков) (память 6 апреля по старому стилю)

Священномученик Иаков родился в 1896 году в городе Бежецке в семье священника Иакова Бойкова. С детства любимым занятием его было чтение духовных книг, а любимой игрой - "игра в храм". На чердаке дома он оборудовал себе небольшую библиотеку и устроил "церковь" - повесил иконы, колокольчики и утром, когда наступало время службы, звонил. Все окружающие думали, что мальчик посвятит свою жизнь сугубо служению Богу скорее всего в монашеском звании, и, когда он впоследствии женился, были весьма удивлены. Яков окончил духовное училище, поступил в Тверскую Духовную семинарию, а по окончании её в 1915 году - в Московскую Духовную академию. После государственного переворота в 1917 году академия была закрыта; Яков в Сергиевом Посаде не имел родственников и из-за наступивших голода и разрухи вынужден был уехать в Бежецк к сестре. Гимназию в Бежецке переименовали в реальное училище, но состав преподавателей оставался прежним, и его взяли учителем. Яков Яковлевич проработал здесь два года, но был уволен, потому что был сыном священника и не скрывал своих взглядов - какой он видит окружающую жизнь. Преследования, увольнения и всякого рода гонения в верующем человеке только укрепляют веру, даруют ему духовный опыт и наглядно являют милующую руку Божию. И хотя пришло время гонений, Яков Яковлевич решил стать пастырем и послужить своему народу. Незадолго перед принятием сана он женился на выпускнице епархиального училища, которая работала в советской школе учительницей. Став женой будущего священника, она потеряла своё и без того шаткое материальное благополучие.

В 1923 году Яков Яковлевич был рукоположен в сан священника ко храму святой великомученицы Екатерины в селе Закрупье, где он прослужил до 1930 года, когда переехал в Бежецк. Но в Бежецке вакантных священнических мест не было, и о. Иаков уехал в село Кирилловское Максатихинского района, где прослужил два года. Затем открылась вакансия на место священника в селе Княжево недалеко от Бежецка, и о. Иаков стал служить там. В Княжеве он служил до 1938 года. Ему пришлось пережить непрекращающиеся гонения двадцатых- тридцатых годов. Там, где власти не арестовывали священника, они намеренно облагали его и его семью произвольными и заведомо непосильными налогами, вынуждая покинуть приход. Священникам в те годы приходилось тяжелее, чем их прихожанам-крестьянам. Жена о. Иакова не раз говорила ему:

- Яков, бросай ты служить в церкви, уходи, ведь мы только и делаем, что налоги платим, хуже нищих живем.

- Я сана с себя никогда не сниму, - отвечал на жалобные причитания жены о. Иаков, - никогда не стану предателем Церкви.

В 1937-1938 годах были арестованы, за единичными исключениями, все священники области. В Бежецке арест миновал только одного священника, которому шел восьмидесятый год, - сотрудники НКВД, вероятно, решили, что вскоре он умрёт сам.

5 февраля 1938 года секретный сотрудник под кличкой Килограмм составил донесение в НКВД на о. Иакова: "Бойков Яков Яковлевич, священник села Княжева, говорил следующее: "Какое угнетение видят наши граждане, это насилие над верующими. Конституция говорит совсем иное... а делают совсем по-другому, как духовенство, так и всех религиозных людей угнетают... мы, верующие, будем ждать того времени, когда наших коммунистов будут вычищать от православных людей, а самого Сталина, как худого, подзаборного жителя, увезут в Грузию, откуда он и приехал, как антихрист, для угнетения всех верующих людей". Относительно выборов в Верховный Совет гражданин Бойков говорил следующее: "Прошли выборы, и для чего все это, это только сами коммунисты опять выбрали себя, и как ни почитаешь газету, все только и пишут, что выбирали все, а на самом деле ложь. За границей над этими выборами только смеются... там также знают, что в Верховный Совет СССР прошли подонки общества, грабители и насильники, как мы всех коммунистов называем втайне"".

Чаще всего такого рода "сведения" были выдумкой самого осведомителя, но во время террора их никто не проверял. Они тем и хороши были для НКВД, что не нужно было проверять их достоверность. Сотрудник НКВД даже и сам мог подсказать осведомителю, какого рода "сообщения" требовались. Через три дня после доноса был выписан ордер на арест священника.

В эти несколько лет перед арестом о. Иаков подолгу и усердно молился, чаще всего ночью. Затепливал перед иконами в святом углу лампады, раскрывал на аналое книгу и начинал молиться словами святых праведников и подвижников. В час ночи с 8 на 9 февраля 1938 года раздался стук в дверь - это пришли сотрудники НКВД с понятыми, соседями, жившими в том же доме. Надо было произвести обыск, и сотрудник НКВД открыл крышку аналоя, порылся в лежавших там церковных книгах, крышку закрыл, и на этом обыск закончился. Отец Иаков простился с женой и дочерью и в сопровождении конвоя покинул дом навсегда. Жена несколько раз ходила в тюрьму в Бежецке и хлопотала, чтобы дали свидание, но ей отказали.

Сразу же после ареста, 9 февраля, следователь допросил священника.

- Расскажите, гражданин Бойков, о своем прошлом как до революции, так и после.

- До 1917 года я учился... получив среднее образование, стал учительствовать в городе Бежецке.

- Когда вы были лишены избирательных прав?

- В момент, когда я стал священником, то есть в 1923 году.

- Расскажите, кем, когда и за что вы были судимы.

- Судим я никогда не был. В 1935 году архиепископом Фаддеем было дано указание о том, чтобы мы регистрировали на местах случаи рождений и смертей, что мною и делалось. Но после об этом стало известно органам НКВД, и я в 1935 году был привлечен к ответственности за незаконную регистрацию актов гражданского состояния, но дело было прекращено.

- Расскажите, для какой цели вам было дано задание от архиепископа Фаддея собирать сведения об актах гражданского состояния?

- Сведения о рождениях и смертях я записывал в церкви примерно с год, после чего тетрадь с записями у меня была отобрана Бежецким НКВД. Сведения мы собирали только для церковных надобностей, для поминовения погребенных.

- Расскажите о вашей контрреволюционной агитации против партии и советской власти.

- Контрреволюционной агитации против партии и советской власти я никогда и нигде не проводил и виновным себя в этом не признаю.

- Следствие располагает данными, что вы, будучи враждебно настроены против партии и советской власти, среди населения вели антисоветскую агитацию, направленную на срыв проводимых советским правительством мероприятий, высказывали недовольство существующим строем и восхваляли жизнь при царе. Скажите, признаете ли вы это?

- Виновным себя в проводимой контрреволюционной агитации против партии и советской власти не признаю.

- Перед выборами в Верховный Совет СССР вы агитировали против выдвинутых кандидатов, кроме того, дискредитировали руководителей партии и советской власти. Признаете ли вы это? - Агитации против выдвинутых кандидатов в Верховный Совет я не проводил, а также не дискредитировал руководителей ВКП(б) и советской власти. Виновным себя в этом не признаю.

Допросы продолжились и на следующий день. Следователь спрашивал:

- Следствие не удовлетворено вашими показаниями, данными 9 февраля. В деле имеются материалы, уличающие вас в проводимой антисоветской агитации против партии и советской власти; требую ваших правдивых показаний.

- Я подтверждаю свои показания, данные мною 9 февраля, о том, что антисоветской агитации против партии и советской власти я не проводил, И виновным в этом себя признать не могу.

- Следствие настаивает на даче правдивых показаний о вашей контрреволюционной агитации против партии и советской власти. Расскажите по существу заданного вопроса.

- Вторично отрицаю. Контрреволюционной агитации против партии и советской власти я не проводил, виновным себя в этом не признаю.

- Признаете себя виновным в контрреволюционной агитации против проводимых советским правительством мероприятий на селе?

- Нет, виновным в этом себя не признаю.

После того, как священник отверг все возводимые на него обвинения, были вызваны и допрошены "дежурные свидетели", в том числе и осведомители. Они показали: "В июне 1937 года на базарной площади Бойков среди колхозников говорил: "Вот какая жизнь пришла. Церкви закрыли и разломали, религию притесняют, священников в тюрьмы сажают, а в колхозах что делается, колхозников голодом морят, все у них отбирают, что ни заработают, государству везут, а у коммунистов все ничего нет, денег сколько от займов собирают, куда только девается все". В августе, числа точно не помню, при встрече со мной Бойков в отношении конституции говорил: "Что дала эта новая конституция народу, - ничего, это пустая бумажка, по которой большевики рабочих да колхозников обирают, это не свободная жизнь, а хуже крепостного строя, по этой конституции додушат большевики народ разными налогами". По вопросу проводившихся выборов в Верховный Совет СССР говорил: "Ну прошли выборы. Коммунисты выбрали самих себя... За границей над этими выборами только смеются". На базаре города Бежецка среди колхозников Бойков предсказывал о предстоящем голоде в деревне, говорил, что скоро наступит сильный голод, это предсказывает Библия, да и как не быть, коммунисты нарочно до этого доводят, чтобы с голоду все умирали, колхозники и так уже голодные сидят, а с них еще берут хлеб и другие продукты, а им самим есть нечего и голые ходят". Все следствие продолжалось два дня, 9-10 февраля, и уже 10 февраля было составлено обвинительное заключение. 13 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был сослан в Екатеринбургскую область.

В своей жалобе начальнику 1-го спецотдела НКВД о. Иаков писал: "Гражданин начальник 1-го спецотдела, обращаюсь к вам и прошу вас рассмотреть мое дело, так как арестован я, за что - не знаю, и никакой вины не чувствую за собой. Я не виноват, преступной деятельности у меня нет, а поэтому объясняю вам по существу своего дела:

1. 8 февраля 1938 года я был арестован органами НКВД в городе Бежецке. Следственными органами мне предъявлены агитация, дискредитация членов правительства и еще что-то о конституции, что я не понял из-за глухоты и сильного расстройства. 2. Не совершив столь тяжелого преступления, я не мог дать следователю никаких показаний по существу предъявленного мне обвинения.

Поэтому на все поставленные мне следователем вопросы по существу обвинения я дал только отрицательные ответы. Протокол допроса и моих ответов я подписал сам, его прочитав, где виновность свою я отрицал, ибо это обвинение меня не касается.

3. Не совершив никакого преступления перед советской властью, я терзаюсь одной мыслью, что поводом для ареста явилось то, что я служил до дня ареста священником. Но может ли в этом предъявленном обвинении быть моя вина; конечно нет, я незаметный, безвредный человек.

На следствии мне не были указаны ни лица, ни факты, которые подтвердили бы мою какую-либо преступную деятельность. Да их и не могло быть, так как я не совершил никакого преступления перед общественностью Советского Союза, а также тем паче перед партией и правительством. Однако, несмотря на это, постановлением спецтройки НКВД города Бежецка Калининской области я осужден к исправительно-трудовым лагерям сроком на десять лет по статье 58 п. 10, а за что? Я так и не знаю до сих пор.

Всякое наказание является средством исправления для наказанного человека, который осознает, за что отбывает наказание. Но, не совершив преступления, нести столь тяжкое наказание, тем более в условиях советской действительности, недопустимое явление. Это может случиться только в результате нежелания следователя своевременно установить степень моей виновности или невиновности. Гражданин начальник 1-го спецотдела НКВД, я прошу вас пересмотреть мое дело, так как нижестоящие инстанции мне отказали. Я не виновен, выше я изложил суть своего дела. Прошу вас вынести свое справедливое решение по пересмотру моего судебного дела.

Мне, полному инвалиду, нести столь тяжкое и незаслуженное наказание - невыносимая мука. Здоровье сейчас резко ухудшилось. Родился я в городе Бежецке в 1896 году. Никогда не судим и под следствием не был, женат, имею семью, служил священником последние годы до ареста здесь же, в городе Бежецке, и в селе в одном километре от Бежецка. Следствие вел следователь Елин. С решением спецтройки не согласен и с ответами из области об отказах.

Я еще раз прошу вас обратить внимание на несправедливо вынесенный мне срок и наказание. Я не преступник!!! И прошу справедливого пересмотра моего дела. О чем и прошу, не откажите в моей просьбе, старость и болезнь прошу учесть при разборе дела, а также мою семью".

11 сентября 1940 года сотрудник следственной части НКВД по Калининской области постановил: "Решение Тройки НКВД по Калининской области от 13 февраля 1938 года по делу на Бойкова Якова Яковлевича оставить в силе, о чем через 1-й спецотдел сообщить заявителю".

1942. Августа 24-го дня.

Дорогие родные мама, Маня, Верочка и сестра Нюта!

Пишу вам это письмо, как говорится, наобум и на риск. В совершенной неуверенности, что оно попадет в ваши руки в переживаемое время. О себе сообщаю, что я, по милости Божьей, жив и здоров. Нахожусь там же, где и был. В моем положении особенных изменений нет. Писем от вас я не получал уже более года (с мая 1941 года) и не знаю, как вы живы и здоровы и где находитесь. Сам не писал потому, что не принимали писем, а когда стали принимать - послал в ноябре 1941 года открытку, но ответа не получил. Объяснял себе это современной обстановкой жизни. Но вот на днях мой земляк из города Бежецка получает от сына письмо, чему был несказанно рад, и я решаюсь послать вам запрос: живы ли? Отзовитесь, если можно. Пришлите письмецо самое короткое, сообщите, жива ли мама, как ваше материальное и служебное положение с работой, жива ли Вера и где учится? Лишнего, конечно, ничего не нужно. О себе также сообщаю пока кратко. Буду ждать радостной вести, что родной город еще не "за границей" и что вы все живы и здоровы, а там, что Бог даст! На всякий случай прошу вас быть как можно дальновидней и осмотрительней в настоящее время.

Горячо любящий вас иерей Яков Бойков".

Это было последнее письмо, которое получили родные. Положение в лагере во время войны становилось все тяжелее, заключенным запретили переписку, их почти не кормили, сил уже не доставало на то, чтобы выполнить норму, а таких заключенных совсем переставали кормить. Отец Иаков умер в лагере от голода 19 апреля 1943 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иаков (Леонович) (память 15 сентября по старому стилю)

К 1936 году руководители советского государства выяснили, что после восемнадцати лет гонений и террора по отношению ко всему населению страны действовала и противостояла безбожию только Русская Православная Церковь, сохранившая около 25 тысяч храмов, имевшая тысячи священников-подвижников, сотни тысяч православных подвижников-мирян, которые ни при каких обстоятельствах не желали отрекаться от веры. На них не действовали и не могли сломить их воли те преследования, которым подвергали их власти, - отобрание имущества, непосильные налоги, голод, аресты, ссылки, заключения в лагеря, где они были обречены на каторжный труд, - все это только укрепляло их в вере. С ними расправиться можно было только убив их. И в 1937 году советское правительство приступило к уничтожению всех действительных и мнимых противников.

15 августа 1937 года НКВД арестовал псаломщика в селе Егорьеве Бельского района, который согласился подтвердить навязанные ему следователем показания о священнике Иакове Леоновиче, старосте храма и председателе ревизионной комиссии в церковном совете.

3 сентября сотрудник НКВД арестовал священника, старосту храма Георгия Григорьевича Козлова и церковного сторожа Евдокима Ниловича Иванова.

Никто из арестованных не признал себя виновным, но наоборот, некоторые старались доказать следствию всю абсурдность предъявляемых им обвинений. Можно было бы думать, что они арестованы за то, что сочтены советской властью за состоятельных людей и записаны в кулаки, но и этого не было. Председатель ревизионной комиссии Петр Никифорович Козлов всегда был бедняком. Оставшись круглым сиротой, он с девяти лет жил у разных богатых людей, познав и голод и холод, оказываясь иной раз в крайне бедственном положении. Восемнадцати лет, в 1918 году, он поступил добровольцем в Красную армию, в которой прослужил до 1922 года. Затем женился на вдове, имевшей четверых детей; за недолгую совместную жизнь у них еще родились дети. В 1934 году жена умерла, и Петр остался один с малолетними детьми, так что тут было далеко до богатства. Но несмотря на службу в Красной Армии, на то, что он одним из первых вступил в колхоз добровольно, он оставался глубоко верующим человеком, и за это теперь был арестован.

Священномученик Иаков родился 23 октября 1876 года в селе Неелово Сафоновского уезда Смоленской губернии в семье алтарника Тимофея Леоновича. Иаков Тимофеевич получил образование в Духовной семинарии. Был рукоположен в сан священника и служил в храме села Николо-Кремяное Сафоновского уезда Смоленской губернии. Во время гонений начала тридцатых годов он и его супруга, Анна Ивановна, были арестованы за то, что, получая от крестьян за исполнение треб мелкую серебряную и

медную монету, не отдавали ее государству и тем самым, как говорилось в обвинительном заключении, способствовали недостатку разменной монеты, препятствуя экономическому развитию советского государства. Священник был приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, а его супруга, принимая во внимание преклонный возраст (шестьдесят лет), к одному году условно с испытательным сроком три года.

После освобождения из заключения о. Иаков стал служить в храме села Егорье Бельского района Западной области (ныне Тверская область). Осенью 1937 года он был вновь арестован и заключен в Смоленскую тюрьму. 10 сентября следователь допросил его.

- Следствие располагает данными о вашей контрреволюционной деятельности среди населения, что вы скажете на это?

- Контрреволюционной деятельностью я не занимался.

- Следствие располагает данными, что во время собрания членов церковного совета вы вели контрреволюционную деятельность.

- Я никогда среди этих людей контрреволюционной деятельности не проводил, газет им не читал.

- Следствие располагает данными, что вы среди верующих своего прихода и окружающего населения вели контрреволюционную деятельность, говоря о гибели советской власти, о голоде в стране, роспуске колхозов и так далее. Что вы скажете на это?

- Я об этом никому не говорил...

- Следствие располагает данными о вашей контрреволюционной деятельности по вопросу насильственного закрытия церквей и уничтожения религии через большие налоги на Церковь и духовенство.

- Этого я никому никогда не говорил.

Через десять дней после допроса Тройка НКВД приговорила священника и псаломщика к расстрелу. Староста и сторож храма были приговорены к восьми годам, а председатель ревизионной комиссии к десяти годам заключения в исправительно-трудовые лагеря.

Священник Иаков Леонович был расстрелян 28 сентября 1937 года в четыре часа дня.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученики Иаков (Маскаев), архиепископ Барнаульский, Петр (Гаврилов) и Иоанн (Можирин), преподобномученик Феодор (Никитин) и мученик Иоанн (Протопопов) (память 16 июля по старому стилю)

Священномученик Иаков (в миру Иаков Иванович Маскаев) родился 13 октября 1879 года в городе Уральске в семье крестьян села Еделева Сызранского уезда Симбирской губернии и был назван в память апостола Иакова Алфеева. В 1901 году Иаков Иванович окончил Оренбургскую Духовную семинарию. Учась на последнем курсе, он женился на девице Валентине, которая была круглой сиротой и воспитывалась в семье священника. В 1901 году у них родился сын Борис. Вскоре он смертельно заболел, и отец Иаков, который

был уже тогда священником, горячо молился о его выздоровлении. Он обращался в своих молитвах за помощью ко всем святым, но особенно горячо и с большой верой к преподобному Серафиму Саровскому и дал обет, что, если младенец выздоровеет, он совершит паломничество в Саровский монастырь к мощам только что прославленного преподобного Серафима. По чудесном выздоровлении сына он исполнил свой обет и совершил паломничество в Саровский монастырь. Впоследствии у них с супругой родилось девять детей, и она умерла при родах последнего ребенка в 1918 году.

В 1901 году Иаков Иванович был рукоположен в сан священника ко храму в селе Зобово, расположенном в 180-ти километрах от Оренбурга. Отец Иаков зарекомендовал себя как энергичный труженик на ниве Христовой. Он неустанно проповедовал, его усилиями в течение нескольких лет была построена в селе новая церковь. Несмотря на стесненные обстоятельства в средствах и большую семью, отец Иаков был одним из самых щедрых жертвователей в епархии. Горячо отзываясь на призыв Церкви и Отечества о помощи, он активно собирал и пересылал пожертвования на нужды армии и флота во время русско-японской войны 1904-1905 годов. 8 апреля 1905 года епископ Оренбургский и Уральский Иоаким (Левицкий) наградил его набедренником. В 1909 году отцом Иаковом было выстроено здание церковноприходской школы в деревне Ворониной. С 1913 года он значится членом епархиального комитета православного миссионерского общества. В 1915 году отец Иаков был награжден камилавкой. Во время начавшейся в 1914 году Первой мировой войны отец Иаков со своими прихожанами щедро жертвовали на нужды русских воинов, и пожертвований всегда было больше, чем в каком бы то ни было другом приходе в епархии, хотя они жертвовали не от материального избытка, а от широты милующих сердец, жертвовали всё, что имели.

Дело просвещения, всегда существенное для процветания любого народа, в начале XX века в России испытывало значительные трудности, и в особенности там, где в епархиях только недавно основались учебные заведения. В тяжелом материальном положении оказалась и Оренбургская Духовная семинария; это обстоятельство подвигло создать Общество вспомоществования ее нуждающимся ученикам, одним из деятельнейших участников и щедрым жертвователем которого стал священник Иаков Маскаев. "Без помощи Общества, - писалось в отчете ревизионной комиссии, - немало бедных воспитанников нашей семинарии не могли бы продолжать своего образования, а другие остались бы без необходимой обуви и одежды".

За безупречное и ревностное пастырское служение он вскоре был возведен в сан протоиерея и включен в состав епархиального управления. Среди своих прихожан, а также среди духовенства в епархии отец Иаков имел столь высокий авторитет, что когда пришло время и в Оренбургской епархии было образовано Орское викариатство, он был вызван в Оренбург в качестве кандидата на архиерейскую кафедру.

В январе 1923 года в Оренбурге состоялось собрание духовенства и мирян под председательством епископа Оренбургского Аристарха (Николаевского). На этом собрании абсолютным большинством голосов было решено кандидатом на Орскую кафедру избрать протоиерея Иакова и командировать его в Москву для рукоположения в сан епископа. Узнав желание правящего архиерея и собрания священнослужителей градо-Орских церквей возвести его в сан епископа, отец Иаков стал отказываться, указывая на то, что на его руках остались дети-сироты, трое из которых в несовершенных летах, причем младшей дочери всего пять лет, а между тем от епископа в настоящий исторический момент требуется прежде всего исповедничество, он должен быть готов к ссылкам и тюрьмам. На все возражения и слезные просьбы отца Иакова пронести мимо горькую сию чашу архипастырского служения и внять сиротству детей ему было сказано, что у Бога нет сирот. Выслушав это, отец Иаков согласился и не стал больше спорить, вручив детей попечению Бога и Матери Божией. Впоследствии все дети дожили до преклонного возраста, пережив летами мученика-отца; они всегда ощущали незримую Божию защиту.

По пострижению в монашество с именем Иаков, в честь апостола Иакова, брата Господня, с днем тезоименитства 23 октября, отец Иаков был рукоположен в сан епископа преосвященным Антонином (Грановским) и бывшим когда-то архиепископом Екатеринославским Владимиром (Соколовским-Автономовым), который сообщил нарекаемому в архиерейский сан, что он находится в подчинении Патриарха Тихона и никогда не прерывал с ним общения. После хиротонии епископ Иаков вернулся в Оренбург. 10 мая 1923 года епископ Аристарх отбыл в Москву, отдав распоряжение, что епископ Иаков остается на время его отсутствия управляющим Оренбургской епархией. В этом же году епископ Аристарх отпал в обновленчество; вместе с тем стало ясно, что епископ Антонин является одним из руководителей обновленчества, и по этой причине законность хиротонии владыки Иакова стала вызывать сомнения и желание у священнослужителей и прихожан, чтобы этот вопрос был разрешен священноначалием. 22 июля 1923 года состоялось собрание всех православных священнослужителей города Орска с участием представителей от приходских советов градо-Орских церквей по вопросу хиротонии епископа Иакова, которое единодушно постановило: "Принимая во внимание неканоничность и безблагодатность ВЦС и принятой от него именуемым епископом Иаковом - бывшим протоиереем Маскаевым, хиротонии, по недоразумению... вменить в обязанность епископу Иакову с первым отходящим поездом отправиться в город Москву и явиться к Патриарху Тихону или его заместителю для получения исправления в епископском сане и благословения от Святейшего на служение в городе Орске.

Кроме того, ввиду выдающихся нравственных достоинств и чистоты православия и той любви народа и духовенства, которую снискал епископ Иаков за кратковременное служение в Оренбургской епархии и в городе Орске, просить Святейшего Патриарха оставить любимого нами архипастыря в городе Орске, как народного избранника и весьма ревностного деятеля на ниве Христовой, снабдив его установленной грамотой". Так как попечение об Оренбургской епархии в то время было поручено архиепископу Челябинскому Серафиму (Александрову), владыка Иаков направил к нему письмо с объяснением всех обстоятельств дела и получил ответ о спорности в каноническом отношении его хиротонии. Получив такой ответ, епископ Иаков немедленно подчинился высказанному суждению и, рассматривая это распоряжение как необходимый крест, прекратил совершение богослужений.

В соответствии с решением собрания священнослужителей, 26 июля владыка Иаков из города Орска направился в Москву к Святейшему Патриарху, но в вагоне поезда в Оренбурге был арестован сотрудниками ОГПУ и возвращен ими в Орск. Через некоторое время владыка вновь попытался встретиться с Патриархом, но снова был арестован и после краткого пребывания в заключении освобожден.

Ввиду сложившегося положения, 5 августа 1923 года было вновь созвано собрание священнослужителей градо-Орских церквей с участием представителей приходских советов и заслушано сообщение владыки о его безуспешных попытках достичь Патриарха. Собрание постановило: "...С епископом Иаковом в молитвенно-евхаристическое общение войти; просить его озаботиться получением от Патриарха Тихона соответствующей грамоты свидетельствующей о его епископском достоинстве".

3 сентября 1923 года епископ Иаков отправил прошение Патриарху Тихону, в котором он изложил все обстоятельства дела и добавил: "Смиренно прошу не считать меня как карьериста... а если я что и сделал по малоопытности, без злого умысла, то коленоприпадающе к стопам Святительским Вашего Святейшества умоляю простить меня недостойного и грешного, исповедую верность "до смерти" Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, кормило коей в стране нашей Освященный Собор передал Вашему Святейшеству, рабски, как негодный раб, прошу, Ваше Святейшество, принять меня в общение; никаким обновленческим группам я не сочувствую и реформ в жизнь проводить никогда не буду без благословения Вашего Святейшества... Снизойдите, Ваше

Святейшество, к моей мольбе и исполните мою слезную просьбу. 26 июля я отправился к Вашему Святейшеству, но в вагоне в городе Оренбурге был арестован и возвращен обратно; собираюсь снова - но опять те же препятствия... Но буду надеяться на помощь Божию. Согласно извещения архиепископа Серафима о спорности и неканоничности моей хиротонии, я добровольно, как крест, возложил на себя запрещение и теперь службу не служу".

Патриарх Тихон принял его в молитвенное общение, но предложил написать письменное заявление, что владыка не имеет ничего общего с обновленческим Синодом. Епископ Иаков выполнил предложение Патриарха и написал заявление в обновленческий Синод, что он не желает и не находится в его подчинении. После этого его хиротония, как совершенная архиереями старого поставления, была признана действительной.

В это время владыку беспрестанно вызывали в ОГПУ, грозя арестом и предлагая стать негласным сотрудником. Видя, что властями созданы такие условия, когда он не может выехать из города для установления связи с Патриархом, владыка решил согласиться, для того, чтобы хоть несколько ослабить надзор над собой и канонически разрешить вопрос о законности своей хиротонии, получив об этом официальный документ Патриарха. Он заявил начальнику ОГПУ о своем согласии на сотрудничество. А затем выехал в Москву, где побывал у Святейшего и получил все необходимые документы, подтверждающие подлинность его хиротонии, и вернулся в Орск, где был тут же вызван к начальнику ОГПУ, который спросил его, зачем он ездил в Москву. Владыка ответил, что ездил за ставленнической грамотой.

13 января 1925 года обновленцы наложили на епископа Иакова запрещение в священнослужении, но оно было ничего не значащим для него, так как он никогда не связывал себя с ними, желая быть только в Патриаршей Церкви. После решительного отказа иметь какую бы то ни было связь с обновленцами владыка был вызван в ОГПУ, где ему было предложено начать сотрудничество с ОГПУ в связи с данным им обещанием, а также и с обновленцами. Владыка категорически отказался от сотрудничества как с теми, так и с другими. Начальник ОГПУ попытался уговорить его, действуя то лестью, то угрозами, но владыка проявил решительную твердость в своем выборе и не пошел ни на какие компромиссы. Вскоре ОГПУ предложило ему встретиться для переговоров с одним из своих сотрудников вне пределов здания ОГПУ, но владыка, твердо держась своего решения, отказался с кем-либо встречаться и уже никогда и никуда и ни на какие встречи не шел.

В это время владыка служил каждый день и за каждой службой проповедовал; в своих проповедях он старался как можно глубже раскрыть содержание Евангелия, но нередко ему приходилось касаться и существа обновленческого раскола. Однажды владыку задержали, когда он ехал на богослужение. Уже начинали звонить к службе, когда его привели в ОГПУ, где кроме сотрудников находился обновленческий священник. Все они стали шумно требовать, чтобы владыка дал подписку, что он перестанет проповедовать против обновленцев и вообще будет проповедовать реже. Владыка категорически отказался, сказав, что проповедь - это уставная часть богослужения, а устав он отменить не может. Продержав некоторое время, они отпустили его. В храме между тем не начинали служить всенощную до выяснения всех обстоятельств, и велика была всеобщая радость, когда приехал владыка и началось богослужение.

Видя непреклонность епископа в служении православию и его решительную борьбу с обновленцами, ОГПУ в 1925 году арестовало владыку и приговорило к трем годам ссылки, которую он был отправлен отбывать в город Самару. В ОГПУ составили на него следующую характеристику: "Как епископ среди верующих, и особенно среди монашествующих, пользуется авторитетом и имеет на них влияние".

После ареста владыки дети его остались без средств к существованию, и в храмах города устраивались тарелочные сборы на "архиерейских детей", дети зачастую сами

ходили с тарелочкой. Авторитет владыки, любовь паствы к нему, его почитание были столь велики среди православных, что они с охотой и обильно жертвовали сиротам.

По окончании ссылки в 1928 году владыка был назначен епископом Осташковским, викарием Тверской епархии. В Осташкове владыка прослужил около года и 6 февраля 1929 года был назначен епископом Балашовским, викарием Саратовской епархии.

В 1928 году в Балашове была арестована большая группа духовенства, а в 1929 году местные власти снова принялись собирать сведения о священнослужителях и верующих города Балашова. Они видели, что при балашовском соборе собрана дружная община верующих во главе с правящим епископом Иаковом, они обвинили их в том, что те ведут "среди населения агитацию против мероприятий советского правительства и партии, такого рода деятельностью они разлагающе действуют на местное население в селах". Было арестовано пятнадцать человек - священнослужителей, монахинь и мирян. Среди них 12 февраля 1930 года был арестован и епископ Иаков. Всех арестованных поместили в тюрьму в городе Балашове.

Власти стали вызывать для допроса одного за другим лжесвидетелей. Один из них показал, что "епископ Иаков, являясь враждебно настроенным по отношению к советской власти, имеет тесную связь с монашествующим элементом и реакционными церковниками, с коими частенько ведет беседы на дому, где он проживает; его квартиру очень много посещает не только городских церковников, но и приезжих, коим он дает советы для борьбы с мероприятиями советской власти и высказывает свое недовольство таковыми... так например, в одной из проповедей в кладбищенской церкви, примерно числа 25 мая, Маскаев говорил: "Для нас, верующих, настало невыносимо тяжелое время, власть всюду нас притесняет, не дает нам свободно мыслить; закрывая церкви, она оставляет нас, верующих, без куска хлеба, храм Божий это наша духовная пища, а советская власть нас лишает этого". Маскаев с приездом в Балашов объединил черные силы церковников из монашествующего, торгового и чиновничьего элемента и является вдохновителем их в борьбе с советской властью".

Давали показания в качестве лжесвидетелей и отступники от веры, священники, снявшие с себя сан. Один из них показал: "Мне, как бывшему священнику Преображенской церкви и бывшему благочинному города Балашова, хорошо известно, что кафедральный собор города Балашова являлся центром контрреволюционной церковной организации... Квартиру епископа Иакова Маскаева стали посещать черносотское духовенство, реакционные церковники и монашествующий элемент не только города Балашова, но и окрестных сел и районов за получением советов и обмена мнениями. Последний же, являясь вдохновителем контрреволюционной своры, в своих беседах и советах определенно восстанавливал посещающих его квартиру и подстрекал их против проводимых советской властью мероприятий. Так, примерно в мае 1924 года, в разговоре со мной по вопросу закрытия Преображенской церкви и положения коллектива сказал: "Гонения на Православную Церковь растут с каждым днем; несмотря на издаваемые законы, советская власть их сама же и нарушает, заточили сотни невинных отцов духовных, грабят и разоряют народное имущество и преследуют верующих вплоть до заточения по тюрьмам, вот плоды завоеваний русским народом свободы". Он же, Маскаев, в беседе с приехавшими крестьянами, примерно в сентябре 1929 года, по вопросу хлебозаготовок говорил: "Тяжелое настало время для народа, советская власть - власть рабоче-крестьянская, а своими мероприятиями разорила крестьянство, обобрала, что называется, дочиста, какой же крестьянин после этого скажет, что ему нужна советская власть". Маскаева очень часто и много посещает монашек, коих он настраивал для обработки местного населения, особенно в защиту церквей на случай кампании по закрытию последних, благодаря чему никому небезызвестно то, что, наряду с проводимыми кампаниями по закрытию церквей в округе, имелся ряд случаев открытых выступлений верующих против закрытия, вплоть до оказания сопротивления представителям советской власти и общественным работникам, как-то: в селе Андреевки

Аркадакского района, в селе Мача Тамалинского района, в селе Репно-вершины Балашовского района и так далее. Во время произнесения одной из проповедей в соборе Маскаев, призывая верующих к сплочению для защиты религии, произнес: "Претерпевайте, верующие, все обиды, наш Отец, Иисус Христос, терпел за нас, придет время и вы возрадуетесь"".

Один из членов приходского совета городского собора показал: "...Оставшийся представитель всей этой кучки Иаков Маскаев играет видную роль среди обиженных советской властью кулаков, монашек и антисоветского элемента. К нему часто и много ездят из сел монашек и священнослужителей, кои, получив должное внушение и наказ, какой точки придерживаться, возвращаются обратно в села. Мне, например, известно со слов, или вернее из разговоров, отдельных лиц о том, что Маскаев советует приезжим к нему священнослужителям, монашкам и церковникам возбуждать соответствующие заявления перед вышестоящей советской властью на мероприятия советской власти на местах и организованно не допускать закрытия церкви..."

4 марта 1930 года следователь допросил владыку, задавая вопросы в соответствии с показаниями лжесвидетелей. Владыка ответил: "В городе Балашове я проживаю с 15 марта 1929 года и служу в качестве епископа Балашовской епархии. За время нахождения меня в Балашове я близких знакомых, с которыми бы я поддерживал постоянное знакомство, не имел и не имею. В гостях я ни у кого не бывал, а также и у меня никогда никто не бывал. В отношении обращения ко мне со стороны верующих граждан о содействии их ходатайствам по вопросу незакрытия или вновь открытия церквей могу сказать следующее. Ко мне неоднократно являлись как члены коллектива верующих, так и члены церковного совета и просили у меня совета, как и перед кем им ходатайствовать, чтобы у них не закрывали церковь или, когда церковь была уже закрыта, вновь открыть, согласно желания верующих, на что я им предлагал обращаться согласно указания митрополита Серафима в окружной административный отдел... Но подобные обращения ко мне были очень редки, а в большинстве случаев верующие, помимо и не извещая меня, сами непосредственно обращались по соответствующим инстанциям...

Я знаю, что в городе Балашове проживает много монахинь, но я лично ни с одной из них не знаком и у меня на квартире таковые никогда не были. Кроме случаев, когда они приходили с заказом к дочери по шитью. В отношении двух монахинь, которые живут при соборе, могу сказать, что я их лично знаю плохо, знаю, что одну из них зовут Наталия, а другую, просфорню, даже и звать не знаю. Две эти монахини лично у меня на квартире не были, и о церковных делах я с ними никогда не говорил.

Лично ко мне из сел как Балашовской епархии, так и из других епархий никто и никогда, не обращался с просьбой дать указания, как и что предпринимать по вопросу закрытия церквей со стороны местных органов власти.

Летом 1929 года ко мне на квартиру пришла неизвестная мне гражданка, назвалась монахиней бывшего подворья Балашовского монастыря в Царицыне и просила меня сообщить, какого я церковного течения, кем назначен епископом Балашовским и какого я мнения о митрополите Григории Екатеринбургском. На что я ей ответил, что я православный, назначен митрополитом Сергием Нижегородским, что же касается Григория, то я его считаю отколовшимся от Православной Патриаршей Церкви. Когда я своими ответами удовлетворил просительницу, я в свою очередь задал ей вопрос, кто она и почему ее эти вопросы интересуют. На что мне эта монахиня сказала, что она приехала из Сталинграда, где большинство городских приходов перешло к григорианцам, а также она слышала, что я являюсь обновленцем, и она приехала это проверить и, если это правда, что я обновленец, то спасти здешних сестер от заблуждения. Далее эта монахиня задала мне вопрос, что если я не обновленец, то почему молюсь за власть, на что я ей также дал исчерпывающий ответ, который, по-видимому, ее удовлетворил, и больше она ко мне не приходила, и я ее больше не видал...

В отношении проповедей, произносимых мною почти после каждой ей службы, могу сказать, что в своих проповедях я исключительно касался евангельских тем, не сопоставляя их с современной жизнью и не касаясь в них современных политических и бытовых вопросов". Все обвиняемые и некоторые свидетели, будучи допрошены о владыке, говорили о нем как о выдающемся архиерее и ревностнейшем архипастыре, обладавшем среди православных города бесспорным и заслуженным авторитетом. Никто из обвиняемых не подтвердил фактов антигосударственной деятельности епископа, но для властей было достаточно свидетельства о его церковной деятельности.

13 марта 1930 года следствие было закончено, и владыке было предъявлено обвинение. Ознакомившись с ним, он написал: "В предъявленном обвинении виновным себя не признаю, ибо антисоветской деятельностью я не занимался".

9 июня 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Иакова к трем годам заключения в концлагерь. Вместе с ним были приговорены еще четырнадцать человек: четверо - к трем годам концлагеря, шестеро - к трем годам ссылки, один - к тюремному заключению на четыре месяца, трое освобождены с ограничением выбора места жительства, с поступлением на три года под надзор властей.

Среди этих троих была Раиса Покровская. Она родилась 5 сентября 1862 года в селе Казачки Балашовского уезда в семье диакона Льва Покровского. Получила хорошее образование и почти всю жизнь проработала учительницей в Балашовском женском монастыре, где приняла иноческий постриг. В 1923 году монастырь был закрыт, но монахини добились разрешения открыть на его месте монашескую общину, и Раиса, как и многие другие насельницы, продолжала жить в общине. В 1929 году власти закрыли и общину, а вскоре Раису арестовали. На вопрос следователя, знает ли она епископа Иакова, Раиса ответила: "Епископа Иакова Маскаева я знаю и неоднократно слыхала его проповеди в церквях, он пользуется большим авторитетом среди верующих и имеет на них влияние..."

Раису обвинили в том, что она "распускала среди населения явно антисоветские слухи, имела связь с монашками окрестных сел, через коих и обрабатывала местное население в антисоветском духе".

Виновной она себя не признала. Ей было тогда шестьдесят восемь лет, и власти приговорили ее к высылке из Балашова. Раиса была освобождена из заключения и отправлена под надзор властей в город Воронеж, где через три месяца, в сентябре 1930 года, скончалась.

По распоряжению властей епископ Иаков был отправлен в Соловецкий концлагерь и в конце июня прибыл в пересыльный лагерь в городе Кемь.

Незадолго до окончания срока заключения, 16 декабря 1932 года, Особое Совещание при Коллегии ОГПУ распорядилось отправить епископа на три года ссылки на Урал. Однако каким-то образом потерялись учетные документы, в которых сообщалось, в какой именно лагерь был отправлен епископ. 27 июня 1934 года Свердловское ОГПУ обратилось к своему начальству в Москву с сообщением, что епископ Иаков в Свердловск не прибыл, и просило объявить его во всесоюзный розыск.

Епископ Иаков между тем ни от кого не скрывался, но сразу же после освобождения из лагеря посетил заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия и 4 апреля 1933 года получил от него назначение на Барнаульскую кафедру с поручением временно также управлять и Бийской епархией. В 1935 году владыка был возведен в сан архиепископа.

В Барнауле святитель-исповедник сразу стяжал любовь паствы истовым богослужением, проповедями, христианским мужеством, которое напоминало пастве мужество апостолов и первых святителей-мучеников Церкви Христовой. Владыка служил каждый день. Учитывая, что нет возможности для преподавания Закона Божьего, для богословских и литургических бесед, владыка везде в храмах, где служил, завел всенародное пение, чтобы из сознательного восприятия богослужения научить богословию. Иногда он сам выходил с посохом в руке к народу и давал знак, чтобы пели

все. По городу и везде, куда бы он ни отправлялся, он всегда ходил в священнической одежде и с посохом, хотя в то время уже одно это было исповедничеством, вызывая со стороны безбожников хулу и насмешки. В своей жизни святитель отличался крайней нестяжательностью и для богослужений имел только одно архиерейское облачение. На службы в городские храмы он всегда ходил пешком. В будние дни совершал богослужения по священническому чину, во время праздничных богослужений всегда сам выходил к народу, совершая елеопомазание всех. После окончания литургии всех благословлял, независимо от того, много или мало было народа. В это время у него можно было что-либо спросить и получить ответ. В Барнаул к нему приехала дочь Нина. Она часто видела его молящимся ночью. Просыпаясь в два и в три часа ночи, Нина видела, с каким усердием владыка молился Богу. В эти годы здоровье владыки, сокрушенное заключением в Соловках, сильно пошатнулось, и в 1936 году он в сопровождении дочери выехал на лечение в Одессу. Когда он после непродолжительного лечения вернулся в Барнаул, стало очевидно, что близится новое гонение, и он завел себе сумку, в которой было собрано все необходимое на случай ареста.

Осенью 1936 года НКВД Алтайского края приступил к реализации плана по уничтожению духовенства Барнаульской и Бийской епархии. 23 сентября были арестованы и заключены в тюрьму в городе Бийске благочинный, протоиерей Даниил Носков, и мирянин Гектор Захарьин. 29 сентября был арестован священник Николай Пальмов. Все они согласились подписывать допросы с показаниями, которые требовались следователям. На основе их показаний власти составили обвинительное заключение, в котором, в частности, было написано: "23 сентября 1936 года 4-м отделом УГБ НКВД по Западно-Сибирскому краю в Смоленском районе ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация, возглавляемая Барнаульским епископом Маскаевым Иаковом и благочинным священником Носковым Даниилом Матвеевичем.

Деятельностью контрреволюционной организации были охвачены: Смоленский, Алтайский и Грязнухинский районы и города: Бийск и Барнаул. В состав контрреволюционной организации входило 6 оформленных повстанческих ячеек с числом участников 28 человек...

Организация подготовляла повстанческие кадры для вооруженного выступления против советской власти в момент интервенции..."

Основываясь на лжесвидетельствах, подписанных арестованными обвиняемыми, 29 октября 1936 года власти арестовали архиепископа Иакова и заключили в тюрьму в городе Бийске. Во время длившихся в течение нескольких месяцев допросов архиепископ Иаков держался с большим мужеством и достоинством.

- Вам предъявляется обвинение в том, что вы являетесь идейным вдохновителем и руководителем контрреволюционной повстанческой организации в Смоленском и других районах Западно-Сибирского края. Что вы можете показать об этом? - начал допрашивать следователь.

- Виновным себя в этом не признаю, - ответил владыка.

- Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими вас как руководителя этой контрреволюционной организации.

- Я уже ответил на первый вопрос, что виновным себя не признаю. Я не был участником никакой контрреволюционной организации.

- Вы продолжаете говорить неправду. Вам известен Даниил Носков, благочинный Смоленского района?

- Даниила Матвеевича Носкова я знаю. В мае 1933 года я из города Балашова прибыл в город Барнаул и занял место архиепископа. Первое время, ознакамливаясь с духовенством, занимающим приходы, я требовал их послужные списки. В то время Даниил Носков служил священником в селе Точилино Смоленского района. На этот приход он был поставлен мною по просьбе прихожан. В 1934 году Носков по просьбе прихожан села Смоленского мною был переведен в село Смоленское с возложением на

него временно исполняющего должность благочинного. Носков у меня в Барнауле не был ни разу. Я же у Носкова был в 1935 году в конце июня, когда ездил на курорт в село Белокуриху. Заезжал к Носкову, когда ехал в Белокуриху и обратно. На курорт в Белокуриху приезжал один раз ко мне и Носков, привозил деньги, собранные с приходов на содержание патриархии.

- Дайте показания о политической настроенности Носкова Даниила.

-Дать показания о политической настроенности Носкова я не могу, так как с Песковым говорил очень мало, но из всех разговоров я вывел заключение, что он относится лояльно к советской власти.

- Вы говорите неправду. Вам как архиепископу хорошо известно антисоветское настроение Носкова. Вы хорошо знали, что Носков был судим за контрреволюционную деятельность и отбывал наказание в Сиблаге. Предлагаем не запираться, а давать правдивые показания.

- О том, что Носков был судим Тройкой, я знал из его послужного списка, и что он в Смоленском районе отбывает административную ссылку. О политических настроениях Носкова я не знал, так как по этому вопросу с ним разговора не имел.

- Вы опять врете. Следствию известно, что вы, будучи у Носкова в 1935 году, имели с ним беседу на контрреволюционную тему. Категорически настаиваем, чтобы вы на этот вопрос дали правдивые показания.

- Беседа у меня с Носковым была только о церковных делах, то есть о сборе добровольных пожертвований на содержание патриархии, о службе в церквях, о перемене антиминсов. В этих разговорах коснулись, как жили раньше, кто где учился. Говорили и о том, кто за что был судим и где отбывал наказание. Носков говорил, что он не знает, за что был осужден. С Носковым по этому вопросу я разговоров полностью припомнить не могу. О себе я говорил, что был вызван к уполномоченному в ОГПУ, предъявили обвинение, допросили и судили заочно Тройкой.

- Вы все время даете показания ложные и отвиливаете от ответов на поставленные вам вопросы, что вы являетесь вдохновителем и руководителем контрреволюционной организации, созданной в Смоленском и других районах Западно-Сибирского края. Носков Даниил является одним из руководителей этой организации, о чем он дал показания. Настойчиво требуем от вас правдивых показаний.

- Я повторяю, что ни вдохновителем, ни участником контрреволюционной организации не являлся.

- Вам предъявляются показания Даниила Носкова от 19 октября, где он указал, что признает себя виновным в том, что был руководителем контрреволюционной организации в Смоленском районе. Будете ли вы продолжать говорить следствию неправду или будете давать правдивые показания?

- Я намерен говорить правду и говорю правду на поставленные передо мной вопросы. Если Носков признал себя виновным, значит, он это делал, но мне лично об этом известно не было.

- Следствие располагает бесспорными данными о том, что вы были осведомлены о контрреволюционной деятельности Носкова и лиц, связанных с ним, так как Носков информировал вас об этом. По-прежнему настаиваем на даче правдивых показаний.

- Категорически отрицаю это, о контрреволюционной деятельности Носкова я осведомлен не был, так как он мне об этом не говорил.

- Вы уклоняетесь от ответов на вопросы, которые вам ставит следствие. Следствию известно, что вы были не только осведомлены Носковым о его контрреволюционной деятельности, но и принимали в ней самое активное участие, давая Носкову соответствующие установки. Следствие категорически требует не запираться и настаивает на правдивых показаниях.

- Я утверждаю, что о деятельности Носкова осведомлен не был, поэтому и принимать участия не мог, а также не мог давать каких-либо установок.

- Вы продолжаете увиливать от ответов. Ваша осведомленность о контрреволюционной деятельности Носкова и связанных с ним лиц и ваше практическое участие в этой контрреволюционной деятельности бесспорно доказаны следствием. Вам предъявляется показание Захарьина от 23 октября: "Иаков даже говорил, все это нужно строить под видом церковных объединений, дабы не провалить начатое дело". Как видите, дальнейшее ваше запирательство бесполезно, и следствие предлагает вам дать показание по этому вопросу.

- Это отрицаю, с Носковым я так не говорил и о контрреволюционных действиях его осведомлен не был.

- Ваше поведение на следствии свидетельствует о вашей неискренности, а также о том, что вы своими показаниями стараетесь запутать следствие. Будете ли вы давать следствию правдивые показания или отказываетесь от дачи показаний?

- Я намерен давать следствию показания и даю их.

- Если вы заявляете, что намерены давать следствию показания, то давайте их. Расскажите о контрреволюционной деятельности вашей, Носкова и других лиц по созданию повстанческой организации в Западно-Сибирском крае.

- Рассказать об этом я не могу. О контрреволюционной деятельности Носкова я не знаю, сам же я в политику не вдаюсь.

- Вы говорите неправду. Следствием вы изобличены как главный руководитель контрреволюционной повстанческой организации, созданной Носковым, Пальмовым и Захарьиным в Смоленском и других районах Западной Сибири. Давайте показания по этому вопросу.

- Я уже указал на предыдущем допросе и говорю сейчас, что об организации не знал и не являлся ее идейным руководителем.

- Вы продолжаете говорить неправду. Для изобличения вас в том, что являлись руководителем контрреволюционной организации, вам дается очная ставка с обвиняемым Захарьиным.

- Расскажите, что вам известно об участии в контрреволюционной повстанческой организации Маскаева Иакова Ивановича, - спросил следователь Захарьина.

- Об участии в контрреволюционной организации архиерея Иакова Маскаева мне стало известно от Даниила Носкова при следующих обстоятельствах. Летом, точно месяц я не упомню, но это было в середине 1935 летом, я пошел к Носкову. В разговоре с ним мне Носков сказал, что вчера к нему проездом на курорт заезжал архиерей Иаков. Архиепископу Иакову Носков рассказал о проводимой работе по созданию контрреволюционной организации. Архиепископ Иаков, выслушав Носкова, одобрил действия и дал новые установки по вербовке новых участников.

- Что вы можете показать по этому поводу? - спросил следователь владыку.

- К Носкову я проездом на курорт Белокуриху заезжал в 1935 году в конце июня. Разговоров с ним, то есть с Носковым, о контрреволюционной организации не имел и установок никаких не давал.

После того, как лжесвидетель был уведен, следователь сказал, обращаясь к владыке:

- На очной ставке с Захарьиным вы изобличены в том, что Носковым были осведомлены о контрреволюционной повстанческой организации, вы приняли в этом участие и дали практические установки по вербовке новых участников в организацию. Будете ли вы теперь по-прежнему отрицать вашу принадлежность к контрреволюционной повстанческой организации?

- Свое участие в контрреволюционной организации я категорически отрицаю.

- Вам для очной ставки предъявляется обвиняемый Пальмов.

- Расскажите, что вам известно об участии в контрреволюционной повстанческой организации Маскаева Иакова. Членом этой организации являлись и вы, - сказал следователь Пальмову.

- Летом 1935 года, кажется в июле, я зашел к благочинному Даниилу Носкову переговорить об устройстве меня на приход. В разговорах о нашей жизни Носков мне рассказал, что у него в конце июня был Барнаульский архиерей Иаков Маскаев, которому он рассказал о проводимой контрреволюционной работе в Смоленском районе. Архиепископ Иаков одобрил все действия и дал новые установки вовлекать как можно больше недовольных. С того момента я узнал, что Маскаев является руководителем нашей организации.

- Что вы можете показать по этому поводу? - спросил следователь владыку.

- Я уже указал, что у Носкова был проездом, но разговоров с ним на тему о контрреволюционной организации не имел и установок ни письменных, ни устных не давал.

- Как видите, ваше запирательство и нежелание давать правдивые показания следствию и то, что вы своими ответами стараетесь запутать следствие, подтверждается другими участниками и руководителями этой повстанческой организации. Будете ли вы давать следствию показания о вашей контрреволюционной деятельности и деятельности других лиц, связанных с вами?

- Свое участие в организации я отрицаю. О контрреволюционном заговоре Носкова я не знал, поэтому не давал ни письменных, ни устных установок.

- О том, что Носков, Пальмов и другие вели активную контрреволюционную работу, вы были осведомлены. Об этом подтверждали сами обвиняемые на очной ставке с вами 31 октября 1936 года. Почему вы это скрываете?

- О контрреволюционной работе, которую проводили Носков, Пальмов, я ничего не знал.

- Вы говорите неправду. При первом допросе вы, характеризуя Носкова, заявили: "из всех разговоров я вывел заключение, что он относится лояльно к советской власти". Значит, у вас с Носковым разговор на политические темы был, так как без этого вы не могли бы сделать такого вывода.

- Такой вывод я сделал потому, что он, то есть Носков, в разговорах со мной не сделал ни одного выпада против власти. И к тому же Носков еще до получения от меня благословения был представителями власти зарегистрирован на приход.

- Вы же говорите, что с Носковым не имели разговора на политическую тему, а были у вас разговоры чисто религиозного характера. Как же вы все же могли определить его лояльность к советской власти?

- В разговорах Носков сказал, что у него отношения с местными властями хорошие. В доказательство привел, что на него не накладываются такие налоги, как на других священников, свыше нормы.

- Об отношении местных властей к Носкову вы сами хотели узнать или Носков в разговорах рассказал сам об этом?

- Задал вопрос Носкову я, как у него дела с налогом. Носков мне сказал, что налоги накладывают не свыше нормы.

- Значит, у вас с Носковым были и другие разговоры, не религиозного характера?

- Разговор был на религиозную тему, а отсюда вытек вопрос и о налогах. Других разговоров не было.

- Вы по-прежнему даете следствию неверные показания. С Носковым у вас был разговор и на политическую тему. О чем вам было подтверждено на очной ставке 31 октября с обвиняемыми Пальмовым и Захарьиным. Почему вы стараетесь скрывать это от следствия?

- Я уже отвечал, что никаких разговоров с Носковым на политические темы не имел. Пальмов и Захарьин от меня этого не слышали, поэтому утверждать не могут.

- Вы своими неверными показаниями стараетесь ввести следствие в заблуждение. Носкова вы характеризуете как лояльного человека, а Носков дал показания, что он антисоветский человек. В своих показаниях он говорит: "...они, то есть Пальмов,

Можирин, Захарьин излагали свои взгляды, зная, что и я не советский человек". И ваши показания, что вы с Носковым не имели разговора на антисоветские темы, являются ложными.

- Никаких разговоров на антисоветские темы я с Носковым не имел.

- Кроме этого, Носков показал, что он, как благочинный и имеющий непримиримую вражду и злобу против советской власти, все антисоветские суждения священников оформил в контрреволюционную организацию, став руководителем последней. Вам он об этом рассказал, когда вы к нему заезжали. Предлагаем не запираться и дать показания.

- Ни о какой организации меня Носков не информировал, и такого разговора не было.

- Намерены ли вы давать следствию показания о своем участии в контрреволюционной организации?

- Показания давать согласен.

- Дайте показания, в чем заключалось ваше практическое участие в организации.

- Никакой организации участником я не был, и дать показания по этому вопросу я не могу.

- Вы же на первый заданный вам вопрос, будете ли давать показания своем о своем участии в организации, дали ответ, что показания дадите, а теперь заявляете, что дать показания не можете. Чем объяснить ваши противоречивые ответы?

- Противоречий не вижу, я думал, что вы будете касаться лиц, причастных к организации, поэтому ответил, что показания давать буду.

- Хорошо, дайте показания о известных вам лицах, принимавших участие в организации.

- Мне стало известно о контрреволюционной работе священников, находящихся в моем подчинении, только во время следствия. До этого времени я не знал, что они ведут работу контрреволюционного характера.

- Вы говорите неправду. О том, что Носков, Пальмов, Можирин и другие ведут контрреволюционную работу, вы знали до следствия. Предлагаем не запираться, а дать показания по этому вопросу.

- Повторяю, что до следствия я не знал, что они ведут работу против власти, когда меня стали допрашивать, то были зачитаны кое-какие показания, с того времени я узнал, что они ведут контрреволюционную работу.

- О том, что вы являлись не только участником организации, а даже руководителем ее, вам подтверждали на очных ставках Пальмов и Захарьин, и вы их показания слышали.

- Показания Пальмова и Захарьина я отрицаю, так как они не говорят, что слышали это от меня лично, а им обо мне говорил будто бы Носков...

- Носков начал заниматься контрреволюционной деятельностью с момента прибытия в Смоленский район из Сиблага. Вы, зная о его контрреволюционных действиях, не сняли его с работы, а, наоборот, приняли сами активное участие, возглавив эту организацию. Что вас заставляет скрывать это?

- Занимался ли Носков контрреволюционной деятельностью с момента прибытия в Смоленский район, мне неизвестно. И вел ли он работу впоследствии, я не знал также.

- Вы не могли не знать, что Носков создает организацию в Смоленском районе, так как Носковым за этот период времени завербованы Пальмов, Василевский и другие священники. К тому же, когда вы приезжали к Носкову, то об этом имели разговор.

- Разговора с Носковым о его контрреволюционной деятельности у меня не было, и я не знал, что им создается какая-то организация.

25 декабря 1936 года архиепископу Иакову был предъявлен протокол об окончании следствия. Владыка его подписать отказался, сказав, что он не признает себя виновным и поэтому протокол подписывать не желает.

Однако следствие на этом не было закончено, и он вместе с другими заключенными продолжал пребывать в тюрьме. Несмотря на тяжелые условия тюремного заключения и длительность пребывания в узах в условиях неопределенности, не сулившей ничего

доброго, владыка не унывал, подкрепляемый благодатью Духа Святого, дававшего силы переносить все испытания, сколь бы длительны и тяжелы они не были.

Вместе с владыкой в числе других были арестованы священники Петр Гаврилов и Иоанн Можирин, инок Феодор (Никитин) и мирянин Иван Протопопов.

Священномученик Петр родился в 1870 году в деревне Уткино Мамадышского уезда Казанской губернии в семье крестьянина Гавриила Гаврилова. В 1888 году окончил учительскую семинарию, а в 1903 году - миссионерские курсы. В 1895 году Петр Гаврилович был рукоположен в сан священника. За безупречное и ревностное служение отец Петр был возведен в сан протоиерея.

В 1929 году он был выслан из города Барнаула в Нарым. Вернувшись через четыре года из ссылки, служил в одном из храмов в городе Бийске. 1 ноября 1936 года отец Петр был арестован. 4 ноября состоялся первый допрос, а затем допросы продолжались в течение нескольких месяцев.

- Вам предъявляется обвинение в том, что вы являлись участником контрреволюционной организации, ставящей своей задачей свержение советской власти вооруженным путем в момент интервенции со стороны Японии. Что вы можете показать об этом?

- Виновным себя в этом не признаю.

- Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими вас как активного участника повстанческой организации. Требуем от вас правдивых показаний.

- Я этого даже и в мыслях не имел и заниматься этими вещами не занимался.

- Вы продолжаете говорить неправду. Вам известен священник Розанов Александр?

- Да, Розанова знаю с 1935 года, он ко мне пришел как к протоиерею. С ним разговор был краткий, но о чем говорили, точно не помню.

- Дайте показания о политических настроениях Розанова.

- О политических настроениях Розанова сказать ничего не могу, не знаю.

- Сколько раз у вас бывал Розанов?

- Был он у меня раза два-три.

- Зачем он приходил к вам?

- Зачем он приходил ко мне, не знаю.

- С кем он, то есть Розанов, приходил к вам?

- Не помню когда, то есть в какой-то месяц 1936 года, Розанов приходил ко мне со священником Николаем Городецким, приходили они ко мне за советом, куда писать и как о сложении подоходного налога.

- А был ли у вас Розанов с другим кем-либо еще в 1935 и 1936 году?

- Нет, больше ни с кем не приходил.

- Вы по-прежнему продолжаете говорить неправду. Следствию известно, что Розанов был у вас в 1935 и 1936 году вместе с благочинным Смоленского района Даниилом Носковым.

- Верно, припоминаю, что Носков был у меня осенью 1935 года и весной 1936 года, приходил он ко мне за миром и с отношением архиерея отпустить ему мира. Когда был у меня Носков второй раз, то ко мне зашел и Розанов. Напившись у меня чаю, они от меня ушли к Михаилу Босых.

- У кого Носков ночевал, когда бывал в Бийске?

- У меня Носков не ночевал ни разу, когда он приходил весной 1936 года, то ночевал у Босых.

- Какие у вас с Носковым были разговоры?

- Разговоры были чисто религиозного характера, то есть говорили, что нужно было бы иметь свою архиерейскую кафедру в Бийске.

- Почему вы на предыдущий вопрос ответили, что кроме Розанова и Городецкого у вас никого не было? Почему скрыли свое знакомство Носковым?

- Я не скрыл свое знакомство с Носковым, а просто забыл, что он был у меня.

- Вы говорите неправду, следствие располагает данными, что с Носковым и Розановым у вас были контрреволюционные разговоры, позднее вас Носков вовлек в повстанческую организацию.

- Это я отрицаю.

- Вы все время даете следствию ложные показания и отвиливаете от ответов на поставленные вам вопросы, что вы являетесь участником повстанческой организации.

- Ни в какой организации я не состоял и не знаю о ее даже существовании.

- Вы напрасно стали на путь запирательства. Следствие располагает бесспорными данными, что вы были хорошо осведомлены о контрреволюционной деятельности Розанова и Носкова, так как сами являлись участником повстанческой организации. Будете ли вы продолжать говорить неправду или будете давать следствию правдивые показания?

- Я еще раз подтверждаю, что показания мои правдивые. Я не знал и не участвовал в контрреволюционной организации.

- Вы опять уклоняетесь от ответов на вопросы. Вы не только были осведомлены, а даже сами принимали активное участие в выявлении настроений среди населения и подбирали людей для вербовки в повстанческую организацию. Следствие от вас категорически требует не запираться, а говорить на поставленные вам вопросы правду.

- Это отрицаю. Ни с кем никогда я не вел никаких разговоров.

- Вы архиерея Маскаева знаете? Дайте показания о политических настроениях Иакова Маскаева.

- О политических настроениях Маскаева я ничего не знаю, по этому поводу разговора с ним не было.

- Вы врете, о политических настроениях Маскаева вы были осведомлены. Для уличения вас во лжи вам предъявляются показания священника Пальмова, который прямо указывает, что Маскаев настроен контрреволюционно, являлся руководителем повстанческой организации, давал установки, приезжал в 1935 году сам в Бийск и Смоленск.

- Это отрицаю. Со мной Маскаев ни о чем никогда не говорил. В Бийск Маскаев приезжал в 1935 году, в первых числах января, провел службу и уехал, разговоров с ним я не имел.

- На предыдущем допросе вы сказали, что с Маскаевым знакомы с 1933 года. Дайте показания о политической настроенности Маскаева, - потребовал следователь на следующем допросе.

- О политических настроениях Маскаева я ничего не знаю.

- Вы говорите неправду. О политических настроениях Маскаева вы были хорошо осведомлены. Для уличения вас во лжи вам на предыдущем допросе были предъявлены показания обвиняемого Пальмова, который указал, что Маскаев являлся основным руководителем контрреволюционной повстанческой организации. Им, то есть Маскаевым, были завербованы Носков, вы и другие. Следствие настойчиво требует от вас не запираться.

- Маскаева я знаю только как архиерея. Разговоров на политические темы никогда не имел. Пальмова я совершенно не знаю и показания его отрицаю.

- Ваше поведение на следствии свидетельствует о вашей неискренности, а также и о том, что вы своими показаниями стараетесь запутать следствие. Будете ли вы давать следствию правдивые показания или совершенно отказываетесь от дачи показаний?

- Показания давать я не отказываюсь.

- Если вы заявляете, что показания давать следствию будете, тогда расскажите о вашей контрреволюционной деятельности и деятельности сообщников.

- Контрреволюцией я не занимался, поэтому у меня не было никаких сообщников и рассказать об этом я ничего не имею.

- Но на предыдущий вопрос вы ответили, что следствию будете давать показания о вашей контрреволюционной деятельности, теперь же заявляете, что ничего не знаете. Категорически настаиваем дать следствию показания о контрреволюционной вашей деятельности.

- Контрреволюционной деятельностью я не занимался.

- Вы по-прежнему врете. Следствие располагает неопровержимыми данными, что вы не только были участником организации, а даже по указанию руководства контрреволюционной организации создавали ячейку в городе Бийске. Требуем дать показания по этому вопросу.

- Я уже ответил на предыдущие вопросы, что контрреволюционной деятельностью не занимался, поэтому больше ничего сказать не могу, так не знаю.

- Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении, что вы являлись участником контрреволюционной организации?

- Виновным себя в этом не признаю, ни в какой организации я не состоял.

- Вы врете. Следствию достоверно известно о ваших контрреволюционных настроениях. Требуем дать по этому вопросу правдивые показания.

- Мои настроения лояльные по отношению к советской власти, поэтому дать показания о своих контрреволюционных делах не могу, так как у меня их не было.

- Ваше поведение на следствии свидетельствует о вашей неискренности и о том, что вы своими показаниями стараетесь запутать следствие. На предыдущих допросах вы были уличены показаниями других обвиняемых, что являлись участником контрреволюционной организации. Будете вы давать следствию правдивые показания или отказываетесь от дачи показаний?

- Показания давать я не отказываюсь, но говорю, что контрреволюционных настроений у меня не было, и я не состоял ни в какой организации.

- Хотя вы и заявляете следствию, что показания будете давать правдивые, но даете следствию ложные показания. Для изобличения вас в неправде вам предъявляются показания Михаила Босых, где он говорит, что вы, читая газеты в сторожке 22 октября, говорили: "Испанский фашизм безусловно возьмет Мадрид и выгонит из Испании коммунистов. Управятся у себя, тогда возьмутся и за наших товарищей... И если они возьмутся, то сотрут с лица земли эту советскую власть". Будете ли вы теперь отрицать свои контрреволюционные настроения и участие в организации?

- Показания Босых я отрицаю полностью. Никогда я после службы в сторожке не был и не имел привычки заходить, а если когда и случается зайти, то газет читать в сторожке в присутствии сторожей и других лиц не читал. Газеты я выписываю на дом и читаю их дома в свободное от службы время.

- Но ведь Босых ваш сослуживец по церкви и показать неправду не мог, к тому же он ссылается на ряд лиц, присутствовавших при этом. Эти лица подтверждают показания Босых. Настойчиво требуем дать правдивые показания о ваших контрреволюционных настроениях.

- Я уже отвечал вам, что контрреволюционными делами не занимался, поэтому дать показания по этому вопросу не могу. Затем допросы продолжались еще в течение месяца, и следователи настойчиво добивались, чтобы священник оговорил себя и других.

- Дайте показания о ваших контрреволюционных взглядах, - потребовал следователь.

- Я лоялен к существующей советской власти и антисоветских настроений не имел.

- Вы говорите неправду. Допрошенный свидетель Босых прямо указал, что вы свои антисоветские настроения часто высказывали, будучи в церковной сторожке. Показания Босых вам были предъявлены. Не старайтесь запутать следствие ложными показаниями.

- Никогда я газет в церковной сторожке не читал и говорить такие слова по отношению к советской власти не мог.

- Вы все время говорите неправду. Для уличения вас в неправде вам дается очная ставка с Михаилом Босых.

- Расскажите, что вам известно о контрреволюционных действиях Петра Гаврилова, - спросил следователь Михаила Босых.

- Гаврилов настроен резко антисоветски. К этому я могу привести следующее. В двадцатых числах, кажется 22 октября 1936 года, Гаврилов после окончания церковной службы вышел из церкви и зашел в сторожку В этот день были получены свежие газеты "Совсибирь" и "Красный Алтай". Эти газеты Гаврилов взял и стал читать о новых событиях в Испании. Прочитав эти известия, стал говорить: "Испанский фашизм безусловно возьмет Мадрид и выгонит из Испании коммунистов. Управятся у себя - возьмутся за наших товарищей. Испании помогает Германия, а нашим воевать с ними не стоит соваться. И если они возьмутся, то сотрут с лица земли эту советскую власть.

- Что вы можете сказать по этому вопросу? - спросил следователь отца Петра.

- Возможно, что я и заходил в сторожку, но не имею привычки читать газеты в сторожке.

- Кто кроме вас и Гаврилова был в это время в сторожке? - спросил следователь свидетеля.

- Кроме меня в сторожке были сторожа церкви. Был еще какой-то нищий, который сидел в углу сторожки, разбирал собранные куски от подаяния.

- Ваше запирательство, как видите, ни к чему не приводит. Требуем дать правдивые показания об этом, - сказал отцу Петру следователь.

- Я уже сказал, что в сторожке газет я не читал и разговоров антисоветского характера не вел.

Когда лжесвидетель был уведен, следователь сказал священнику.

- Как видите, ваше поведение на следствии, имеющее цель запутать своими ложными показаниями, не оправдывается. Предлагаем не запираться, а дать правдивые показания о проводимой вами контрреволюционной работе.

- Никакой контрреволюционной работы я не проводил, поэтому дать показания по этому вопросу не могу.

Добиваясь лжесвидетельства от священника, следователь и далее продолжал устраивать очные ставки с теми, кто оговорил себя и собратьев, но отец Петр отверг все их показания.

Священномученик Иоанн родился в 1870 году в селе Софьино Тамбовской губернии в семье крестьянина Михаила Можирина. По окончании среднего учебного заведения Иван Михайлович был рукоположен в сан священника. В 1931 году отец Иоанн был арестован и заключен в концлагерь. По возвращении из заключения он стал служить в храме в селе Старо-Белокуриха Алтайского края. Незадолго до нового ареста отца Иоанна постигло большое искушение, по поводу которого он писал 4 сентября 1936 года священнику Даниилу Носкову: "С самого начала поступления на Белокурихинский приход тяжелая картина, тяжелое впечатление отзывались в моей душе и сердце. Теперь казалось, что дело устроилось. В воскресные дни, а в особенности в великие праздники, когда больше бывает молящихся, стало раздаваться под сводами храма живое пастырское слово - об устроении жизни прихожан по заветам Христа. И в эти минуты мне чувствовалось, что мои уста глаголят от избытка сердца. Но увы, наверно не придется отслужить ни одной литургии, так как церковь требуют освободить для засыпки хлеба, как и в прошлом году. Провидение снова оставляет меня без службы. Все эти действия лишают нас права отвергать промыслительные действия Бога и обязывают нас к осторожности в суждениях о том, что невозможно для нашего разума узнать".

23 сентября 1936 года власти арестовали священника, заключили в тюрьму города Бийска и сразу же приступили к допросам.

- Сколько времени вы жили в Смоленском районе?

- В Смоленский район я прибыл после освобождения меня из лагерного пункта на станции Яя в 1933 году. Освобожден я был по инвалидности как нетрудоспособный. С 15

июля 1933 года я начал служить священником в Смоленском районе. Служил в селах Ново-Смоленское, Смоленское, Старо- Тырышкино.

- Имели ли вы знакомых в Смоленском районе до приезда в него?

- Знакомых никого не имел.

- Почему после освобождения из лагерей вы избрали местом своего жительства Смоленский район?

- Я, будучи освобожден из лагеря как нетрудоспособный, должен был отбывать вольную ссылку три года в Западной Сибири. Местом отбывания ссылки был назначен город Бийск. Бийский отдел ОГПУ определил мне место жительства в Смоленском районе, куда я и явился.

- Назовите ваших хороших знакомых в Смоленском районе.

- Хорошо знакомых у меня в Смоленском районе не так-то много. В селе Смоленском я знаю священника Даниила Матвеевича Носкова. В селе Старо-Тырышкино знаю Митрофана Гавриловича Белгородцева, церковного старосту Степана Семеновича Кащеева, крестьянина- единоличника, и Павла Яковлевича Труботурина, секретаря церковного совета.

- Расскажите, при каких обстоятельствах и где вы познакомились с перечисленными выше лицами.

- В 1933 году я был на базаре в селе Смоленском. Идя по базару, я увидел человека, идущего в сиблаговской одежде. Остановив его, я спросил: из Сиблага? Он мне ответил: да. На мой вопрос, кто такой, мне последовал ответ, что священник по фамилии Носков, сослан в Смоленский район для отбытия ссылки. До зимы 1933 года я Носкова нигде не встречал. Служил же я священником в селе Ново-Смоленском. Зимой 1933 года, в каком месяце, не помню, ко мне пришел монах, отбывавший со мной наказание в Сиблаге. Звать этого монаха Василий Федорович, фамилию не знаю. Этот монах, придя ко мне, сказал, что он пришел от Носкова, который назначен архиереем благочинным. Носков как благочинный послал его по селам брать на учет священников. Точно не помню, ночевал этот монах или нет, знаю, что он от меня ушел в село Анутское. Настоящее мое знакомство с Носковым относится к началу 1934 года, то есть к тому времени, как я переехал служить священником в село Смоленское. После закрытия каменной церкви в селе Смоленском я перешел служить священником в молитвенный дом в селе Смоленском, где служил и Носков. С тех пор я считаю Носкова своим хорошим знакомым.

- Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении в том, что вы являетесь активным участником контрреволюционной группы? Участвовали на сборищах этой группы у Даниила Носкова? Высказывали свои антисоветские взгляды, предлагали вести организацию недовольных лиц на вооруженное восстание для свержения советской власти?

- Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, так как ни в какой группе, ведущей антисоветскую работу, не состоял.

- Вы у Носкова часто бывали в селе Смоленском?

- Знаю я Носкова с 1934 года, то есть с того момента как он приехал в село Смоленское. Поправляюсь, с того момента, как я стал служить священником в селе Смоленском, я служил в каменной церкви, ныне закрытой, а Носков служил в деревянной. Живя в одном селе, я посещал Носкова.

- Посещая Носкова, вы имели с ним разговоры о жизни колхозников и единоличников села Смоленского?

- Разговоры о жизни крестьян у нас с Носковым, конечно, были, но разговоры были в плоскости того, что верующих с каждым годом ставится меньше. Говоря об этом, мы толковали, что те крестьяне, которые в колхозе, они не ходят потому, что заняты работой, а вот почему не ходят в церковь единоличники, мы додуматься не могли. В другой какой-либо плоскости у нас с Носковым разговоров не было.

- Следствию известно, что вы с Носковым говорили о том, что среди мирян есть много недовольных советской властью и что этих недовольных нужно приблизить к церкви.

- Таких разговоров с Носковым не было.

- Вы говорите неправду, так как с Носковым вы довольно часто говорили на политические темы, обсуждали прочитанное из газет о событиях в других странах, говорили, что война с СССР неизбежна, и переворот должен быть.

- Никогда с Носковым на политические темы не говорили.

- Вы в июле 1936 года заходили к Носкову?

- Какого числа, не помню, но в июле 1936 года у Носкова я был. Заходил я к Носкову, по-видимому, узнать, какой он получил ответ на поданное им заявление об освобождении, так как я имел в виду после его освобождения занять его приход.

- Когда вы зашли к Носкову, то кто был у него?

- У Носкова в это время сидел священник Николай Пальмов и какой-то крестьянин из села Ново-Белокуриха, но фамилии этого крестьянина я не знаю, узнал я, что он из Ново-Белокурихи потому, что он пришел вместе с Пальмовым регистрировать его в это село. И больше, кажется, не было никого.

- О чем в это время вы говорили?

- Разговор был на разные обыденные темы. Во время этих разговоров коснулись вопроса и о новой конституции. Я стал говорить, что по новой конституции будут предоставлены права выбора и священникам, но здесь же сразу сказал, что в этих правах не нуждаюсь, так как я никогда не ходил на выборы и не пойду, мое дело исправлять религиозные обряды. Дальше коснулся вопроса, что при новой конституции будет разрешено свободное проведение митингов и собраний, а будут ли разрешены крестные ходы, не сказано. Каких-либо серьезных подробностей мы не касались, и обсуждать конституцию мы не обсуждали.

- Вы говорите неправду, так как во время этой беседы, касаясь новой конституции, вы высказывали свои взгляды, что использовать эту конституцию можно хорошо после ее утверждения, собирать крестьян, проводить открытые митинги и организовывать население для открытия новых церквей.

- В таком разрезе мы по вопросу о новой конституции не разговаривали.

- Во время этой беседы вы касались и международного положения. Разбирая последние события, лично вы и Носков высказывали свое мнение о неизбежной войне иностранных государств с СССР и восстания во время войны внутри страны.

- Об этом у нас разговоров не было.

- Следствию известно, что вы разговоры о войне внутри СССР вели не только с Носковым, Пальмовым, а даже и среди крестьян, которых своими разговорами обрабатывали в антисоветском духе. Почему вы это скрываете от следствия?

- Разговоров о предстоящей войне СССР с другими странами я нигде ни с кем не вел.

- Вы опять говорите неправду. Вам предъявляется протокол допроса свидетеля Степана Кащеева, который на допросе показал, что он заходил к вам на квартиру, когда вы жили в церковной сторожке, слышал от вас, что при советской власти жить стало плохо, кормиться стало нечем, колхозники сидят голодом. Тут же добавляли Кащееву, что жизнь скоро переменится, так как будет война и Япония свергнет советскую власть.

- Таких разговоров я с Кащеевым не имел, хотя Кащеева знаю хорошо. Жить мне было не так-то плохо, и обижаться мне на жизнь не приходилось.

- Вы жили в селе Старо-Тырышкино Смоленского района?

- В селе Старо-Тырышкино я жил с 1 августа 1935 года по 15 июня 1936 года. С 1 августа до 12 декабря 1935 года я там служил священником. В декабре месяце после закрытия церкви я в этом селе жил без работы.

- Жителя села Старо-Тырышкина Митрофана Белгородцева вы знаете?

- Знаю, так как он был сторожем церкви и был церковным старостой. Белгородцев колхозник.

- Имели вы с Белгородцевым разговоры о том, что скоро будет война и колхозников за то, что они не хотели жить единолично, будут убивать?

- Таких разговоров у меня с Белгородцевым никогда не было.

- Вы говорите неправду, так как Митрофан Белгородцев нами допрошен, по этому вопросу он показал, что в один из воскресных дней в марте 1936 года в церковную сторожку пришли он, Кащеев, Летягин и ряд женщин. В разговорах с ними вы стали говорить, что при советской власти жить стало плохо и особенно плохо живется колхозникам. Потом сказали, скоро житье переменится, так как власть свергнут, колхозов не будет.

- Таких разговоров я ни с Кащеевым, ни с Белгородцевым не вел.

- Вы напрасно встаете на путь отрицания этого, так как Белгородцев и Кащеев в своих показаниях, которые вам были зачитаны, подтверждают разговоры в сторожке. От вас я также требую правдивых показаний.

- Я еще раз подтверждаю свои показания, что таких разговоров с ними не вел.

- Кроме всего этого Захарьин подтверждает, что в то время, как вы были у Носкова вместе с Пальмовым, то и там высказывали такие же взгляды, что власть будет свергнута и настанут новые лучшие времена. Почему вы все же пытаетесь отрицать то, что вы антисоветски настроены?

- Если я с Пальмовым и был у Носкова, то Захарьина там не видел. Говорить что-либо против советской власти я не говорил.

2 октября 1936 года следователи произвели очную ставку между священником Иоанном Можириным и Степаном Кащеевым, которого следователь спросил:

- Расскажите, когда, при ком и где вы говорили с Можириным о плохой жизни крестьян при советской власти, и что вам говорил Можирин.

- Точно не помню, кажется в январе или феврале 1936 года, я зашел к Можирину в сторожку. Меня Можирин спросил, что нового в селе. Я ответил, что живем по-старому. После этого мне Можирин сказал, что он недавно ездил в село Смоленское и слышал там, что скоро будет война СССР с Японией. Добавил, что война уже идет, скоро японец возьмет все по Урал в свои руки, и жизнь будет значительно легче, а то ему, священнику, очень плохо живется при советской власти. Когда я спросил, откуда все это ему известно, он ответил, что читал в газетах.

Следователь, обратился к священнику Иоанну:

- Следствием устанавливается, что вы, будучи антисоветски настроены, воспитывали в таком же духе и крестьян, распространяя всевозможные провокационные слухи, о чем подтверждает и свидетель Кащеев. Требую от вас откровенных показаний о ваших антисоветских действиях.

- Когда Кащеев был избран представителем для ходатайства об открытии церкви, мы ходили с ним вместе. Значит, он также мог бы знать те же новости, которые слышал и я. Помню, что Кащеев мне говорил, что он в газетах читал о скорой войне. Я же с Кащеевым в разговоры не вступал, а только говорил, что войны с Советским Союзом быть не может, так как советская власть сильно вооружена и вступить в войну с ней побоятся, а о том, что крестьянская жизнь плохая, я ему не говорил.

- С какого времени вы знакомы со Степаном Семеновичем Кащеевым?

- Знаю его с 1936 года, то есть с того момента, когда он был выбран религиозным обществом села Старое Тырышкино уполномоченным по ходатайству об открытии церкви, которая была закрыта на ремонт.

- Какие у вас с Кащеевым были разговоры во время его посещения вас, кроме церковных вопросов?

- С Кащеевым у меня были разговоры только на церковные темы, о том, как собрать денег на ремонт церкви, куда подавать заявление о разрешении открыть церковь.

- Вы говорите неправду, Кащеев в своих показаниях прямо говорит, что вы с ним имели разговоры на антисоветские темы, обрабатывали его с расчетом привлечь в

повстанческую организацию. В январе 1936 года Кащеев вами в вашей квартире был завербован в организацию, - и следователь зачитал показания Кащеева.

- Это я отрицаю, - ответил отец Иоанн. - Так как ко мне Кащеев приходил как к священнику, разговоров у меня с ним никаких не было, кроме церковных дел.

- Но ведь Кащеев в своих показаниях прямо указывает когда, где и при каких обстоятельствах он вами был привлечен в участники повстанческой организации. После того как вы его привлекли в организацию, предложили и ему проводить вербовку новых участников. Выполняя вашу установку, Кащеев ходил и обрабатывал новых участников.

- Нет, этого не было, и виновным я себя не признаю.

- Сколько раз вы присутствовали на контрреволюционных сборищах у Носкова?

- К Носкову я приходил один раз в 1936 году, когда у него был Пальмов. Один раз у меня были Носков с Пальмовым, но это я не считаю сборищами.

- Вы врете. Следствие вас изобличает как участника контрреволюционной повстанческой организации. По установке руководителя этой организации Даниила Носкова вы проводили вербовку новых участников в организацию. Будете ли вы давать следствию правдивые показания?

- Я намерен давать показания следствию.

- Если вы заявляете, что намерены давать правдивые показания, то следствие от вас требует рассказать о вашей контрреволюционной деятельности и о деятельности других участников вашей организации.

- Я контрреволюционной деятельностью не занимался, а о других не знаю, если они вели работу против советской власти, то пусть об этом говорят сами.

- Вы продолжаете говорить неправду. Вам были проведены очные ставки с Жабиным, с Кащеевым и с Захарьиным. Первые двое рассказали следствию, как вы их обрабатывали в контрреволюционном духе, а Захарьин прямо указал, что вы являетесь активным участником организации. Намерены ли вы и дальше запираться?

- Показаний их я не подтверждаю, на меня они показали ложно.

- Ваше поведение на следствии свидетельствует о вашей неискренности, а также и о том, что вы своими показаниями стараетесь запутать следствие. Вы уличены как активный участник повстанческой организации, от вас следствие настойчиво требует рассказать о контрреволюционной организации и ее участниках.

- В организации я ни в какой не состоял и о ее участниках не знаю.

- Вам предъявляются показания руководителя вашей контрреволюционной повстанческой организации Даниила Носкова, где он говорит: "Они, то есть Можирин, Пальмов и другие участники организации, приходя ко мне, излагали свои антисоветские взгляды, зная, что и я не советский человек". Будете ли вы продолжать говорить неправду?

- Показания Носкова я отрицаю. К нему я приходил как к благочинному за советом по церковным делам. Никогда антисоветских взглядов я не высказывал.

Через некоторое время следователи снова вызвали на допрос отца Иоанна.

- Дайте показания, кем вы были завербованы в контрреволюционную организацию и когда.

- Меня никто в организацию не вербовал, и дать показания по этому вопросу я не могу.

- Вы говорите неправду. Следствие располагает данными о вашем активном участии в организации.

- Я участия ни в какой организации не принимал и дать показания не могу.

- Для уличения вас в неправде вам предъявляются показания обвиняемого Даниила Носкова: "Участниками организации были: я, Носков, Захарьин, Пальмов и Можирин". Будете вы продолжать говорить неправду следствию?

- Показания Носкова я отрицаю.

- Но ведь Носков прямо указал, что он является руководителем организации, давал вам как участнику организации задания выявлять недовольных, привлекать в организацию.

-Никаких заданий по выявлению недовольных советской властью я от Носкова не получал.

- Вы говорите неправду. Для уличения вас в этой неправде вам предъявляются показания Носкова, где он говорит: "Захарьин, Пальмов, Можирин говорили мне о тех недовольствах среди крестьян, которые они выявляли". Как видите, ваше запирательство ни к чему хорошему не приводит, вы уличаетесь показаниями ваших же соучастников. Не запирайтесь, дайте показания о вашем участии в организации.

- Я уже говорил, что участником организации не был и давать показания в дальнейшем отказываюсь.

- Чем вызван ваш отказ от дачи следствию показаний о контрреволюционной деятельности участников организации?

- Это вызвано тем, что я ни в какой организации не состоял, поэтому дать показания не могу.

- Вам в процессе допроса предъявлялись показания других обвиняемых - Носкова, Захарьина, Пальмова, которые прямо указывают, что вы были активным участником организации. Еще раз предлагаем дать следствию правдивые показания.

- Никакого участия в контрреволюционной организации я не принимал. Показания Носкова, Захарьина и других отрицаю.

- Напрасно вы отрицаете. У Носкова вы были, имели с ним беседы на контрреволюционные темы, получали от него установки на проведение контрреволюционной работы. Не запирайтесь, дайте показания об этом.

- Когда я служил в селе Смоленском вместе с Носковым, то виделся с ним, когда же он уехал из села Смоленского, то я бывал у Носкова один-два раза в год. Приходил к нему как к благочинному. В 1936 году я был у Носкова два раза, заходил по церковным делам.

- Вы врете. Разве входило в ваши церковные дела обсуждение проекта новой конституции, которую вы хотели использовать в контрреволюционных целях?

- Верно, это не входило в церковные дела, но мы касались конституции не всей, а только тех пунктов, где говорится об отделении Церкви от государства, о правах и выборности. Ни в каких контрреволюционных направлениях мы конституцию использовать не хотели.

- Как вы хотели использовать конституцию в контрреволюционных целях, об этом следствию хорошо известно из показаний других обвиняемых. Эти показания вам предъявлялись. От вас по-прежнему требуем дать следствию показания о вашем участии в контрреволюционной организации, возглавляемой Носковым.

- Ни в какой организации я участия не принимал и дать показания не могу.

- Ваше поведение на следствии свидетельствует о вашей неискренности и желании запутать следствие. Вы не хотите давать следствию показания только потому, что скрываете остальных участников организации.

- Я уже сказал, что показания давать отказываюсь, но ни в какой организации я не состоял и о ней не знаю.

- Намерены вы все же давать показания о вашем участии в организации или нет?

- Давать показания не буду - организации я никакой не знаю.

Преподобномученик Феодор (Федор Васильевич Никитин) родился в 1873 году в крестьянской семье в селе Солдатском Орловской губернии. Принял иноческий постриг. В 1931 году инок Феодор был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь в Сибири, откуда был досрочно освобожден по состоянию здоровья и отправлен в административную ссылку в село Колбаны Грязнухинского района Западносибирского края. Здесь он работал в храме сторожем. 17 ноября 1936 года инок Феодор был арестован.

- Вам предъявляется обвинение в том, что вы являлись участником контрреволюционной повстанческой организации. Что вы можете показать об этом? - спросил следователь.

- В этом себя виновным не признаю.

- Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими вас как активного участника организации.

- Никаким участником организации я не был и дать показания по этому вопросу не могу.

- Вы продолжаете говорить неправду. Вам известен Даниил Носков, благочинный Смоленского района?

- Даниила Носкова я знаю. Познакомился с ним в селе Точилино Смоленского района, куда он устроился священником в 1933 году после освобождения из ссылки. Когда я стоял в церкви, ко мне подошел Носков и, увидев на мне сиблаговскую одежду, стал спрашивать, откуда я. На вопрос Носкова я ответил, что из Орловской губернии, в Сибири отбывал наказание. Носков на это мне сказал, что и он был в Сиблаге, освобожден недавно. С тех пор мы с ним изредка встречались.

- Дайте показания о политической настроенности Даниила Носкова.

- О политических настроениях Носкова дать показаний не могу, так о них не знаю.

- Вы говорите неправду. Вам хорошо были известны антисоветские настроения Носкова, он сам вам рассказывал, за что был осужден, где отбывал наказание. Предлагаем не запираться, а дать правдивые показания.

- О том, что Носков был осужден Тройкой ОГПУ, я знал из его рассказов, но не знал, за что его судили. На политические темы мы с ним не говорили, и дать показания по этому вопросу я не могу.

- Вы опять говорите неправду. Следствию известно, что вы у Носкова были не один раз и имели разговоры антисоветского характера. Настаиваем на даче правдивых показаний.

- К Носкову я заходил по церковным делам, разговора с ним на антисоветские темы не имел.

- Вы все время врете и отвиливаете от прямых ответов на поставленные перед вами вопросы. Носков является одним из руководителей организации, о чем он дал показания. Настойчиво требуем от вас дать правдивые показания.

- Я даю правдивые показания, и участником организации я себя не считаю.

- Вам предъявляются показания Носкова, где он прямо говорит, что он вас использовал для связи между участниками организации, посылая с записками. Будете ли вы и далее отрицать свое участие в организации?

- Показания Носкова подтверждаю в том, что он меня действительно посылал в ряд приходов к священникам с распоряжением от архиерея, в котором говорилось, чтобы собрать пожертвования на содержание патриархии.

- К кому вы ходили с записками от Носкова?

- Ходил к священнику Николаю Пальмову, к священнику Михаилу, ныне почившему, к священнику Ивану Можирину и другим священникам, фамилий которых не помню. У Пальмова я ночевал.

- Перечисленные вами лица являются активными участниками организации. К ним вы ходили от Носкова с определенной целью, узнать их настроения и доложить потом об этом Носкову.

- Нет, Носков отправлял меня по приходам, не давая задания узнавать настроения. Когда же я вернулся, обойдя приходы, то Носков спросил меня, кто и как принял архиерейский указ и кто как живет.

- Значит Носков посылал вас не только с указом от архиерея собрать пожертвования, а и узнать настроения священников?

- Нет, такого задания он мне не давал.

- Зачем же он тогда спрашивал у вас, кто как настроен?

- Он как благочинный должен был знать, как относятся к нему священники, входящие в его благочиние.

- Вы говорите неправду. Носков хотел через вас узнать о настроениях священников, которых потом он мог бы привлечь в организацию. Вам он дал задание обойти район как участнику организации.

- Это я отрицаю, участником организации я не был.

- Вы являетесь активным участником контрреволюционной повстанческой организации. Дайте показания, кем и когда вы были вовлечены в организацию.

- Ни в какой организации я не состоял и меня никто в нее не вербовал.

- Вы говорите неправду. В организации вы принимали активное участие.

- О своем участии в организации я показаний дать не могу, так как никакой организации я не знаю.

- Даниил Носков является руководителем повстанческой организации в Смоленском районе. Вас же, как участника организации, Носков использовал для контрреволюционной работы, посылая с письмами и записками по районам к участникам организации.

- Это я отрицаю. Носков давал мне поручения ходить по приходам не с записками, а с указом от архиерея собрать добровольные пожертвования на содержание патриархии.

- Носков, посылая вас по району, дал поручение собирать сведения о настроениях среди населения. Не отрицайте этого, а дайте правдивые показания.

- Носков мне не давал такого поручения, но, когда я, обойдя район, возвратился к нему, то он интересовался, как кто принял указ архиерея.

- На прошлом допросе вы сказали, что Носков спрашивал вас и о настроениях среди населения. Почему же вы сейчас даете противоречивые показания?

- Противоречий в своих показаниях я не нахожу, я говорил, что он спрашивал, как живут люди, но это я не считаю, что он интересовался настроениями населения, так как это у каждого человека первый вопрос при встрече.

- Вы говорите опять неправду. Носков вас прямо спрашивал, какие настроения среди населения, и вы ему рассказали, что вам удалось узнать, обойдя район.

- Я еще раз повторяю, что заданий мне Носков никаких не давал, но когда я вернулся из района, он меня стал спрашивать, где и как живут люди. Видя по селам, что часть крестьян жалуется на свое плохое житье в колхозах, что не хватает хлеба, а часть хвалит свою жизнь, я так и рассказал Носкову. Носков мне на это ничего не сказал.

- Все же вы неискренни. Носков признал себя руководителем организации в Смоленском районе и дал показания по этому вопросу. Вы же, являясь участником организации, выполняя его установки, ходили к участникам организации с письмами и выявляли настроения среди крестьян. - Я участником организации не являлся и виновным себя в этом не признаю.

7-9 апреля 1937 года состоялось судебное разбирательство с участием выездной сессии Специальной Коллегии Западносибирского края, на котором обвиняемые, признавшие себя виновными и оговорившие других, стали выступать с заявлениями, что сделали это под влиянием угроз и давления со стороны следователей. 9 апреля выездная сессия Специальной Коллегии постановила отложить слушание дела, направив его на дополнительное расследование в краевую прокуратуру.

Следователи НКВД стали допрашивать дополнительных "свидетелей", некоторые из которых сидели с обвиняемыми в тюрьме в качестве подследственных. 8 июня 1937 года следователь записал показания подобного свидетеля, бывшего члена Коммунистической партии, содержащегося в Бийской тюрьме по обвинению в связи с троцкистами.

- Расскажите известные вам факты сговора следственно-заключенного Гектора Захарьина с его однодельцами относительно отказа в судебном заседании от показаний, данных ими на предварительном следствии, - следователь.

- Гектора Николаевича Захарьина я знаю с февраля 1937 года со времени пребывания моего в больнице, где в то время находился Гектор Захарьин и его одноделец священник Можирин, - ответил свидетель. - Находясь в течение месяца с указанными лицами в больнице, я неоднократно был свидетелем их разговоров, в которых они, и главным

образом Захарьин, строили планы отказа на судебном заседании от показаний, данных ими на предварительном следствии. На третий или четвертый день моего пребывания в больнице Захарьин говорил Можирину примерно следующее: "В суде надо свести дело на нет. Сделать это надо так, чтобы не оскорбить следствие - надо кое-что признать, но затем выхолостить сущность своего признания. У меня уже имеются вполне продуманные девять вариантов моего выступления, и с учетом обстановки в суде один из них будет реализован". В то же время он рекомендовал Можирину признать хотя бы такой факт, как имевшее место сборище по обсуждению сталинской конституции. Где было это сборище, когда - я не помню, но в разговорах об этом Захарьин с Можириным говорил. Можирин заявлял, что ни в чем признавать себя виновным не будет, также не признает и факт этого сборища.

12 мая был вызван на допрос один из тех обвиняемых священников, Николай Пальмов, который отказался от показаний, данных на следствии. Следователь спросил его:

- Что послужило причиной того, что вы на судебном следствии отказались от своих показаний, данных на предварительном следствии?

- Я чувствовал себя невиновным, поэтому на суде, когда спросили меня, признаю ли я себя виновным, я ответил, нет.

- Вам было предъявлено обвинение на предварительном следствии?

- Да, было.

- Во время допросов на предварительном следствии ваши показания зачитывались с ваших слов?

- Показания зачитывались с моих слов, но некоторые показания я дал неправдивые.

- Почему же вы давали неправдивые показания? Или вас вымогали давать такие показания?

- Это получилось в силу вот чего. Я после ареста был заключен в тюрьму и на второй, кажется, день был вызван на допрос. После допроса сидящие в этой же камере заключенные стали меня спрашивать, за что сижу, о чем допрашивали и так далее. Я им рассказал, что обвиняют по 58-й статье пункт 10 и 11 Уголовного Кодекса. После этого один из заключенных сказал, что во время допроса будет лупка, в каком смысле лупка, я не понял, а тот заключенный указал: чтобы избежать этого, нужно скорее признаться. Я, видя человеческое обращение со стороны следователей, не желая портить взаимоотношений, во время допроса на поставленные передо мной вопросы стал признавать себя виновным и принял на себя вину даже в том, в чем не был виноват. Каких-либо физических воздействий во время предварительного следствия не было.

- Какие же вы свои показания считаете неверными?

- Показания мои неверны в том, что я указал, что являлся участником организации. На самом деле ни в какой организации я не участвовал и в организацию, как таковую, никого не вербовал. В остальном свои показания подтверждаю полностью.

Но следователи не остановились на этом и стали допрашивать дальше.

- Вы обвиняетесь в том, что являлись активным участником контрреволюционной повстанческо-диверсионной организации, действовавшей в Смоленском районе. Признаете ли себя в этом виновным? - спросил следователь Костриков.

- Виновным себя в этом не признаю, так как ни в какой контрреволюционной организации я не состоял.

- Вы говорите неправду. В показаниях от 24 октября и в последующих показаниях вы признали себя в этом виновным и рассказали о вашей практической деятельности. Расскажите, по каким причинам вы отказались от показаний?

- Причиной моего отказа является то обстоятельство, что тогда я давал ложное показание, а сейчас решил говорить только правду.

- Что явилось причиной дачи ложных, как вы их называете, показаний?

- Будучи доставленным в Бийскую тюрьму, в первый же день заключенные, находившиеся со мной в одной камере, расспрашивая о сущности моего дела, стращали

меня избиением в том случае, если я не буду сознаваться. Боясь избиения, я и дал ложные показания, наговорил то, о чем я совершенно не знал и не знаю.

- У вас показания вынуждали?

- Нет, не вынуждали, но настойчиво добивались признания.

- Кто из заключенных вас запугивал и рекомендовал признаваться?

- Почти вся камера, но фамилий их ни одного не знаю.

- Вы говорите неправду. Ваше признание последовало после восьмикратных ваших допросов и трех очных ставок с другими обвиняемыми и свидетелями. Чем объяснить, что вы, как об этом говорите, будучи "запуганным", продолжали длительное время не признавать себя виновным и признали только после очных ставок?

- До признания меня допрашивал следователь Буйницкий. Он обращался со мною корректно. 24 октября меня допрашивал Костриков. Последний от меня настойчиво требовал признаний и грубо обращался. В силу настойчивости и грубости я дал ложные показания.

- Вы продолжаете говорить неправду. На допросе вы показали, что дали такое показание в силу того, что со стороны следствия видели человеческое обращение и не желали портить взаимоотношений со следователями. Находите ли вы, что противоречите себе?

- Да, противоречие есть, но это объясняется неправильной записью в протоколе допроса. Тогда я говорил о человеческом обращении только со стороны следователя Буйницкого, а он записал о человеческом обращении со стороны следователей.

- Вы вновь противоречите себе. Признание о том, что вы являетесь участником контрреволюционной организации, вами дано следователю Кострикову, а не Буйницкому. Следовательно, в протоколе допроса речь могла идти только о Кострикове. Чем объяснить противоречивость ваших показаний?

- Не желая дальше запутывать следствие, вынужден признать, что я являлся активным участником контрреволюционной повстанческо- диверсионной организации в Смоленском районе, а также в смежных с ним Алтайском и Грязнухинском районах, во главе которых стоял благочинный Даниил Матвеевич Носков.

- К какому времени относится начало возникновения контрреволюционной организации?

- О точном времени возникновения контрреволюционной организации я сказать не могу. Я лично был завербован в нее благочинным Носковым в сентябре 1934 года.

- Какие задачи ставила перед собой ваша контрреволюционная повстанческо-диверсионная организация?

- Контрреволюционная повстанческая организация, участником которой я являлся, ставила своей задачей помощь Японской армии в момент возникновения войны путем организации вооруженного восстания, с одной стороны, а до возникновения войны - организацию актов диверсий в колхозах в виде срыва сезонных работ, как-то: уборки урожая, сеноуборки, выполнения гособязательств и тому подобного, путем создания антиколхозных настроений, организации невыходов на работу и выходов из колхозов. В то же время перед участниками контрреволюционной организации ставилась задача тщательно и повседневно изучать настроение населения и регулярно информировать руководителя организации благочинного Носкова.

1 июля 1937 года священник Николай Пальмов написал заявление начальнику местного НКВД, что отказался от показаний на суде под давлением одного из заключенных, который угрожал ему расправой. После этого он вновь был вызван на допрос и подписал все показания, под которыми требовал от него подписей следователь. 22 июля следователь передопросил инока Феодора.

- Признаете ли себя виновным в том, что являлись активным участником контрреволюционной повстанческой организации?

- Нет, не признаю и на предварительном следствии я говорил об этом.

- Но ведь вас Носков использовал как связного, посылая в села к участникам организации, а также выявлять антисоветские настроения среди населения?

- Верно, меня Носков посылал по селам с указом архиерея по сбору добровольных пожертвований. Когда приходил из района, тогда заходил к Носкову и говорил ему, кто как принял указ. В разговорах Носков меня спрашивал, как живет народ, какие есть настроения. Я видел, что некоторые жалуются на свою жизнь в колхозе, об этом говорил Носкову, для чего ему это надо было, я не знаю. Участником организации я себя не признаю и не признаю себя виновным. 12 июня 1937 года следователи снова допросили архиепископа Иакова.

- Следствию известно, что вы имели тесные связи с архиепископом из Новосибирска Асташевским и его преемником Васильковым. Расскажите о характере этих связей.

- Архиепископа из Новосибирска Асташевского и его преемника архиепископа Василькова я знаю. Моя связь с ними была исключительно по делам духовной службы.

- Расскажите, как часто вам приходилось бывать в городе Новосибирске в квартирах Асташевского и Василькова.

- В квартире Асташевского за время моей службы в городе Барнауле пришлось быть два раза: первый раз в июне 1934 года, а второй раз 12 сентября 1936 года; в квартире Василькова - один раз, 12 сентября 1936 года.

- Расскажите о цели посещения вами Асташевского и Василькова.

- Первое мое посещение квартиры Асташевского было вызвано тем, что Священный Синод в июне 1934 года предложил, или вернее поручил, произвести дознание по поводу жалобы протоиерея Сырнева на неправильные административные действия Асташевского. Я произвел это дознание и письменно доложил Синоду о неосновательности жалобы. Второй случай моего посещения, имевший место 12 сентября 1936 года, произошел так: я возвращался из Одессы после лечения. Доехав до Новосибирска, я не смог закомпостировать билет. В силу этого я остановился ночевать у Асташевского. Пробыл у него с 9 часов вечера до 11 часов следующего дня, а затем выехал в город Барнаул. 12 сентября я навестил архиепископа Василькова с целью представиться ему, так как в то время я его еще не знал, кроме того во время моего пребывания на лечении Васильков был назначен временно управляющим Барнаульской епархией. Мне нужно было получить от него текущие дела епархии. Дел в это время я не получил, их перед моим отъездом в квартиру Асташевского принес протоиерей Аристов, исполнявший обязанности секретаря Василькова, он и вручил мне дела епархии.

- Следствию известно, что, посещая квартиры Асташевского и Василькова, вы с ними имели беседы об организации борьбы с советской властью. Расскажите о характере этих разговоров. - Мои разговоры как с Асташевским, так и с Васильковым носили исключительно деловой характер по духовным делам. Никаких разговоров на политические темы между нами не было.

- Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими вас в том, что вы от Асташевского и его преемника Василькова получили установку о создании в районах Алтая повстанческих организаций для вооруженной борьбы с советской властью в момент возникновения войны с Японией, приняли эту установку и проводили практическую контрреволюционную деятельность. Дайте об этом показания.

- Я утверждаю, что таких разговоров между нами не было и никакой установки я не получал.

- Вы говорите неправду. Следствию известно, что такое предложение вам Асташевским и Васильковым дано, вы его приняли и проводили в жизнь через священников вашей епархии. Признаете ли вы это?

- Я уже говорил об этом, что таких разговоров между нами не было, никаких предложений я не получал и поэтому признать себя виновным в этом не могу.

- Следствию известно, что вами через священников Романовского и Носкова созданы контрреволюционные повстанческие организации в Алтайском и Смоленском районах. Признаете ли вы это?

- Нет. Виновным себя в этом не признаю.

- Вам зачитываются показания священника Андрея Максимовича Романовского.

И следователь зачитал показания священника Андрея Романовского, в которых тот оговаривал себя и других, а затем написал, что и архиепископ Иаков вместе с другими архиереями вел контрреволюционную работу и предлагал священнику Романовскому вести такую работу в Алтайском крае. И далее следователь написал, что архиепископ подтверждает показания Романовского и свою контрреволюционную деятельность, и потребовал, чтобы владыка поставил свою подпись под этими показаниями, но архиепископ Иаков категорически отказался ставить свою подпись под протоколом допроса.

3 июля 1937 года Сталин подписал распоряжение о массовых расстрелах и о проведении дел приговариваемых к расстрелу административным порядком через Тройки. 25 июля 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Иакова (Маскаева), протоиерея Петра (Гаврилова), священника Иоанна (Можирина), инока Феодора (Никитина), Ивана Протопопова и других к расстрелу.

Архиепископ Иаков, священники Петр и Иоанн и инок Феодор были расстреляны 29 июля 1937 года и погребены в безвестной общей могиле. Мирянин Иван Протопопов был расстрелян 4 августа 1937 года.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Иеремия Валаамский (память 7 августа по старому стилю)

Преподобномученик Иеремия Валаамский (в миру Иван Михайлович Леонов) родился 1 января 1876 года, в селе Гаврипольское, Зарайского уезда, Курляндской губернии. Окончил курс Виленского технического училища и монастырской Богословской школы по младшему отделению. Поступил в Валаамский монастырь 12 февраля 1918 года. Зачислен в послушники 2 июня 1910 года. Пострижен в монашество с именем Иеремия 4 августа 1912 года. Проходил послушания в слесарной мастерской и состоял её смотрителем. С 1917 года находился в России, в отпуске. Был убит в России в 1918 году.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания (память 25 января).

Преподобноисповедник Игнатий (Бирюков) (память 14 сентября по старому стилю)

Преподобноисповедник Игнатий (в миру Иван Адрианович Бирюков) родился 25 мая 1865 года в городе Бирюче Острогожского округа Воронежской губернии в семье

крестьян Адриана Павловича и Екатерины Николаевны Бирюковых. Кроме крестьянских работ, Адриан Павлович хорошо знал кузнечное ремесло. Иван обучался в Бирючском городском училище. Здесь он участвовал в хоре и здесь полюбил пение, особенно церковное. Бирюковы были прихожанами Успенской церкви, где церковным хором управлял старший брат Ивана, Михаил. В этом же хоре пел и сам Иван и еще четверо его братьев. Церковное пение оказало огромное благодатно-воспитующее влияние на Ивана, который от природы был мальчиком шаловливым. Но постепенно чтение церковных книг, и особенно житий святых, склонило его к мысли об иночестве. Мать, души не чаявшая в своем сыне, из всех детей особенно выделявшая и любившая Ивана, которого она ласково называла касатиком, просила его не уезжать далеко, а пойти в ближайший к городу Бирючу Валуйский монастырь.

9 октября 1878 года, когда Ивану было тринадцать лет, родители, помолившись, благословили его поступить в монастырь. В то время наместником Валуйского монастыря был архимандрит Игнатий (Алексеевский), он взял мальчика к себе келейником. Послушание ему было дано клиросное - он ходил каждый день в церковь на правый клирос читать и петь. Настоятель и братия полюбили молодого послушника за его кроткое и благонравное поведение, а также за искусное пение и чтение. Когда скончался в монастыре регент, настоятель благословил управлять монастырским хором Ивана.

При монастыре была школа для детей-сирот, находившаяся в подмонастырской слободке. Монастырь бесплатно одевал, кормил и обучал детей. Для них было отведено особое помещение вблизи монастыря. Дети участвовали и в монастырском хоре. Правый клирос состоял из двадцати человек: басы и тенора набирались из монашествующей братии, а дисканты и альты из детей монастырской школы.

Став регентом, Иван принялся за изучение теории вокальной и инструментальной музыки, научился играть на скрипке и на фисгармонии; игра его на этих инструментах хотя и не была профессиональной, но вполне достаточной для изучения вокала. В 1888 году он издал нотный сборник - догматики восьми гласов знаменного распева. Было у него несколько произведений собственного сочинения, но Иван по смирению не стал их издавать, и они все остались в рукописи. Будучи страстным любителем церковного пения, он с необыкновенным рвением исполнял послушание монастырского регента, за что стал получать выговоры от настоятеля, так как эта ревность не по разуму в исполнении монастырского послушания привела к печальным последствиям: Иван заболел туберкулезом, и у него открылось кровотечение. Настоятель пригласил из Валуек врача и просил его взяться за лечение регента. Врач посоветовал длительный отпуск. Архимандрит Игнатий благословил послушника отправиться в семимесячный отпуск, который ему должно было провести в путешествии по святым местам и Афону.

В январе 1894 года Иван отправился в Киев, где прожил неделю, молясь у киевских святынь. В Киеве он получил заграничный паспорт для проследования в Иерусалим, на Афон и обратно в Киев и по железной дороге проехал в Одессу, где сел вместе с другими паломниками на пароход, плывший на Святую Землю. От Одессы до Яффы пароход шел две недели. Первая остановка была в Константинополе, где пароход простоял двое суток. Больше всего послушника, да и всех паломников, в Константинополе поразил храм Святой Софии. Дорогой останавливались в Пиреях, Смирне, Александрии и в Бейруте. Из Яффы по узкоколейной железной дороге проехали в Иерусалим, куда прибыли 22 февраля. Паломников разместили в гостиницах, которые назывались в то время Русскими постройками.

Отдохнув от трудного и долгого пути, Иван вместе с другими паломниками первым делом поклонился Гробу Господню, святой Голгофе, а затем принял благословение у Иерусалимского Патриарха Герасима. На другой день караван русских паломников в числе около четырехсот человек, оберегаемый от кочевых бедуинов стражей Миссии, отправился по святым местам: в Вифлеем, к Мамврийскому дубу в Хеврон, в Горняя, к Сорокадневной горе, в Иерихон, к реке Иордан, в Назарет, Тивериаду, на Фаворскую гору,

в Кану Галилейскую, в город Наин, в Самарию и ко всем тем местам, которые упоминаются в Священном Писании. Это путешествие заняло три недели. Вернувшись в Иерусалим, они около недели отдыхали, а затем пошли помолиться у святых мест Иерусалима: на горе Елеонской, в Гефсимании, у Овчей купели. Побывали в древней обители преподобного Саввы Освященного, в Омаровой мечети, стоящей на месте Соломонова храма, в армянских и католических храмах и монастырях. Так дожили до Страстной седмицы. В Великий Четверг Иван пошел в Троицкий храм Русской миссии причаститься Святых Христовых Таин. В этот день он также застал литургию в греческом храме Воскресения, которую служил Патриарх Герасим. Патриарх совершал и обряд омовения ног под открытым небом на площади с южной стороны Воскресенского храма в сослужении греческого и русского духовенства при многочисленном стечении православных паломников самых разных национальностей: греков, русских, арабов, болгар, сербов и других. На утреню и литургию в Великую Субботу Иван пошел в греческий храм Воскресения. Здесь же он встретил и великий праздник Воскресения Христова. Служил Патриарх Герасим вместе с многочисленным православным духовенством, принадлежавшим к самым разным национальным церквам. Литургия закончилась в пять часов утра. Душа молодого паломника была полна благодарности Богу. Пожалуй, еще никогда его переживания не были столь сильны и глубоки. Неизреченное духовное утешение получил он в этот незабвенный день Пасхи Христовой.

В два часа пополудни Патриарх Герасим в присутствии синодальных архиереев в патриаршей резиденции христосовался со всем православным духовенством и народом; затем отслужил великую вечерню.

Пасхальную седмицу Иван употребил для того, чтобы поклониться в последний раз святым местам Иерусалима, так как понимал, что вряд ли Господь сподобит его вновь побывать здесь. На Светлой седмице он еще раз причастился Святых Таин. В Фомино воскресенье он принял благословение у Патриарха Герасима и вместе с другими паломниками выехал в Яффу; через пять дней пароход доставил их на святую гору Афон.

На Афоне Иван пробыл три месяца, проживая в разных русских монастырях и проходя в них различные послушания: он пел, переписывал ноты и делал многое другое, исключая чтение при богослужении. Вблизи берегов Афона он вместе с афонскими монахами попал в шторм. Буря была такая, что они едва не погибли. Все усилия управиться с баркасом оказывались тщетны. Он в любую минуту мог потерпеть крушение. Только от Бога можно было ждать помощи. Иван со слезами взмолился ко Господу, чтобы Он извел их из этой беды; молились и другие. Господь внял их молитве, баркас остался цел, но впоследствии одно воспоминание о пережитой буре приводило Ивана в содрогание.

После праздника святого великомученика и целителя Пантелеимона Иван вместе с другими паломниками отправился с Афона в Россию, куда прибыл 5 августа. Праздник Успения Божией Матери он провел в Почаевской Лавре, а 25 августа вернулся в начальный пункт своего путешествия - Киево-Печерскую Лавру. Здесь в конторе Палестинского общества он оставил проездной билет общества от Киева по святым местам, на Афон и обратно, который обошелся ему в тридцать семь рублей пятьдесят копеек.

Помолясь у киевских святынь, Иван отправился в Валуйский монастырь и был встречен здесь с радостью настоятелем и братией. Путешествие чрезвычайно благотворно сказалось на состоянии его здоровья, на родину он вернулся бодрым и полным сил. Настоятель, зная о пристрастии юноши к монастырскому хору и опасаясь, как бы он вновь не расстроил свое здоровье, совершенно освободил его от клиросного послушания, благословив быть регентом ученика Ивана, инока Никифора (Шацкого), а Ивана сначала назначил помощником повара, потом помощником трапезного, потом благословил его быть звонарем, а затем снова своим келейником и учителем монастырской школы грамоты.

В 1896 году Иван был официально зачислен в число послушников монастыря. 20 декабря 1897 года на тридцать третьем году жизни Иван был пострижен настоятелем, архимандритом Игнатием, в монашество с наречением ему имени Игнатий. В 1898 году епископ Иосиф (Соколов) рукоположил его в Алексеевском монастыре в сан иеродиакона. Через два года епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) рукоположил его в Воронежском Митрофаньевском монастыре в сан иеромонаха. С этого времени по благословению настоятеля он снова стал управлять монастырским хором.

В 1900 году настоятелю монастыря архимандриту Игнатию исполнилось семьдесят семь лет, ему все труднее становилось управлять монастырем, епархиальное начальство назначило иеромонаха Игнатия помощником настоятеля.

В 1908 году вследствие повторного ухудшения здоровья иеромонах Игнатий с разрешения настоятеля и епархиального начальства был отпущен в путешествие по святым местам России. Он побывал в Троице-Сергиевой Александро-Невской Лаврах и в Валаамском монастыре. Восстановив силы, он через полтора месяца вернулся в родной монастырь. В 1910 году здоровье его снова расстроилось, врачи, лечившие его в Валуйках, посоветовали ему отправиться в путешествие, и настоятель благословил поехать на Кавказ. Иеромонах Игнатий побывал на Новом Афоне, в Сухум-Кале, в Команах, в Новороссийске и Краснодаре.

3 февраля 1912 года скончался архимандрит Игнатий, и иеромонах Игнатий был избран братией настоятелем Валуйского монастыря. Епархиальное начальство утвердило этот выбор, и 19 апреля 1912 года он был возведен в сан игумена, а впоследствии - архимандрита. Теперь то, что отцу Игнатию приходилось делать в течение двенадцати лет как помощнику, он стал делать как настоятель. Уже во времена гонений на Церковь, когда монастырь был закрыт, желая, чтобы сохранились о монастыре достоверные сведения, он кратко записал его историю.

"Валуйский монастырь основан в 1615 году старцем Корнилием и его сподвижниками, имена коих неизвестны, - писал отец Игнатий. - Сей монастырь отстоит от города Валуек в трех верстах и расположен на весьма хорошем месте на полуострове. С восточной стороны монастырь окаймлен рощами, где протекает река Валуй, а с западной стороны - рекой Оскол, за которой тянутся цепи гор с вековыми лесами, откуда открывается чудная панорама окрестностей города Валуек и самого монастыря.

Монастырю принадлежало сто десятин леса с рощами и восемьдесят десятин луга. В реках братия ловила рыбу. Настоятельствовал в Валуйском Монастыре последние пятьдесят лет архимандрит Игнатий (Алексеевский). Скончался он на девяностом году жизни и был погребен в ограде монастыря близ алтаря Успенского храма. Погребение совершали Задонский архимандрит Александр и ключарь архиепископа Анастасия, протоиерей Григорий Алферов, протоиереи и священники разных селений Валуйского уезда, сердечно и глубоко почитавшие почившего старца за его благочестивую жизнь, вместе с монастырской братией, со множеством богомольцев из примыкающих к монастырю селений и разной беднотой, для которой покойный старец был всегдашним кормильцем и помощником в их житейских нуждах. При своей кончине старец и мне, его преемнику, завещал никогда не оставлять всех в нуждах сущих: странников, нищих и убогих, что я, по завету моего покойного старца и духовного воспитателя, всегда старался исполнять в точности, до тех пор, пока сам волею судеб Божиих не сделался странником.

Братии в монастыре было около ста человек на разных монастырских послушаниях. Двенадцать иеромонахов, шесть иеродиаконов, четыре иеросхимонаха: Феоктист, Филипп, Иоасаф, другой Феоктист - очень хорошей жизни. Два схимонаха истинной монашеской жизни - Пахомий и Антоний - да будет им Царствие Небесное!

В монастыре были мастерские: сапожная, портняжная, столярная, кузнечная, слесарная. Водяная и паровая мельницы. Два сада. Свечной восковой завод. Хлебня, поварня, общая для всей братии трапеза, не исключая и настоятеля. Экономический двор

для рабочей братии, здесь же было помещение для мойки и просушки белья и тому подобное.

У монастыря было восемь лошадей, хорошие огороды, хлебопашеской земли не было. Было до двадцати дойных коров, кроме яловых и подростков с телятками. Была хорошая пасека - до трехсот колод. Была в монастыре живописная мастерская и иконная лавочка. Всякий из братии, не исключая и настоятеля, обязан был по мере своих сил трудиться на общую пользу в положенное время и час, за что каждый был одет, обут, накормлен и напоен. Был свой монастырский фельдшер, аптека и приемный покой для больных, временами наезжал доктор из Валуек - для освидетельствования больных и надлежащих указаний фельдшеру.

Храмов в монастыре было три: Успенский, Николаевский и Трапезный. Братия монастыря ежедневно посещала службу в храме. Те из братии, которые были приурочены к послушаниям в мастерских, отстояв в церкви полунощницу, прикладывались к святым иконам и, приняв благословение настоятеля, уходили на свое послушание, где и трудились до завтрака, а потом и до обеденного времени, то есть до двенадцати часов дня, а клиросная братия, то есть певцы и чтецы, вместе со священнослужащей братией и старцами, уже не способными к труду, оставались в храме.

Утреня в монастыре начиналась в три часа пополуночи, затем ранняя обедня и молебен с акафистом очередному святому, после молебна служилась поздняя литургия, которая оканчивалась в двенадцать часов дня; затем - звон на общую трапезу... После обеда отдых до двух часов пополудни.

В два часа дня все расходятся по послушаниям до шести часов вечера. В четыре часа пополудни звон к вечерне, к которой отправляется клиросная братия и священнослужители; вечерня оканчивается около семи часов вечера. В восемь часов - звон на ужин... После ужина читалось общее монашеское правило, состоявшее из трех канонов с акафистами; после него пелись всей братией крестные стихиры, во время пения которых братия прикладывалась ко кресту. Затем, приняв благословение у настоятеля, братия расходилась по кельям на ночной отдых до трех часов утра.

Воскресные и праздничные богослужения начинались всенощным бдением в шесть часов вечера, которое заканчивалось около двенадцати часов ночи. Ранняя воскресная литургия начиналась в пять часов утра, поздняя в девять часов и оканчивалась в двенадцать часов дня. После службы был обед и затем отдых до вечерни.

Настоятель монастыря архимандрит Игнатий (Алексеевский) строго придерживался данного церковного устава и вообще держал братию строго. Примеру его следовал и архимандрит Игнатий (Бирюков)".

Во время Первой мировой войны, когда многие мужчины из окружавших монастырь селений ушли на фронт, отец Игнатий предложил взять на монастырское обеспечение их семьи. Монастырь регулярно снабжал их одеждой, обувью, продуктами и деньгами во все время войны, и эти семьи не чувствовали ни в чем недостатка, имея от монастыря Божие благословение, нравственную поддержку и материальную помощь. Когда после первых боев раненые воины заполнили госпитали, монастырь предложил принять их после оказания необходимой врачебной помощи в госпитале к себе, расположив в монастырских гостиницах и обеспечив бесплатной трапезой.

После отречения Государя от престола и образования временного правительства в монастыре был произведен обыск, а настоятель арестован. Под арестом отца Игнатия продержали неделю, но поскольку ничего предосудительного в монастыре не нашли, он был отпущен на свободу.

После захвата власти в стране большевиками, в марте 1918 года архимандрит Игнатий был вызван в Валуйский исполком к председателю Рындину, который потребовал, чтобы наутро была доставлена на нужды советской власти вся монастырская наличность. Власти потребовали, чтобы монастырь выплатил восемьсот тысяч рублей контрибуции, а братия - десять тысяч рублей. Отцу архимандриту был вручен мандат для объявления братии

решения советской власти, а также вместе с ним в монастырь был отправлен представитель власти, который должен был повсюду сопровождать настоятеля и участвовать в подсчете всех монастырских сумм.

По возвращении в обитель отец Игнатий вызвал братию в настоятельские покои, объявил о решении советской власти и сказал: "Боголюбивые мои братия! Слово Божие учит нас: всякая душа властей да повинуется; несть власти не от Бога, и противящиеся власти - Божию велению противятся. Посему, во исполнение приказа власти, мы должны сию же минуту приступить к учету всей монастырской наличности, также и нашей братской суммы при участии здесь перед нами предстоящего представителя власти и, по учете суммы, должны доставить ее полностью в исполнительный комитет".

Монахи выразили свое согласие, после чего избранные от братии вместе с архимандритом Игнатием и представителем власти приступили к учету монастырских средств, которых в сумме оказалось всего десять тысяч сто пять рублей. Утром следующего дня все было представлено настоятелем в Валуйский исполком.

Однако нападения на монастырь и преследования монахов после этого не прекратились. Через три дня после этих событий было совершено нападение на обитель. Часов в десять вечера группа из тридцати вооруженных людей ворвалась в монастырь и приступила к в поискам, как они говорили, оружия и золота. Обыск был начат с кельи настоятеля, а затем обыскали кельи всей братии, но ничего не нашли. Озлобленные бесполезностью поисков, они, угрожая оружием, запретили монахам выходить из келий, потребовали открыть собор и привели туда отца Игнатия. Отец Игнатий стал на колени и молился, а разбойники, приставив два револьвера к его голове, требовали, чтобы он сказал, где спрятано монастырское золото.

В монастыре не было никогда золотых вещей, и лишь некоторые богослужебные сосуды были серебряными. Все деньги уже были взяты властями. Разъяренные молчанием настоятеля, нападавшие стали стрелять над его головой. Затем вывели архимандрита Игнатия на паперть, раздели и, оставив стоять на морозе, отправились обыскивать номера монастырской гостиницы, забрав из церковных кружек несколько найденных копеек. Юноша-послушник под угрозой расправы принес последнюю выручку от продажи свечей, которой набралось пятьдесят два рубля. В два часа ночи нападавшие, забрав деньги, покинули монастырь.

В 1924 году власти закрыли монастырь. Отец Игнатий уехал в город Бирюч, где некоторое время жил у родственников. Но долго ли проживешь в родном доме после сорока лет жизни в монастыре? В 1925 году в Воронеж прибыл великий святитель и подвижник, любимый и чтимый народом, архиепископ Петр (Зверев). 4 января 1926 года архимандрит Игнатий приехал в Воронеж. Но к служению он приступил не сразу: заболев тифом, он пролежал в болезни более двух месяцев. Архиепископ Петр назначил его на место, которое наиболее соответствовало дарованиям отца Игнатия и намерениям владыки привлечь народ к участию в богослужении: он поставил его руководить церковным народным хором.

Летом 1929 года архимандрит Игнатий попросил отпуск ввиду пошатнувшегося здоровья. Получив отпуск, он отправился в город Задонск, где остановился у своей племянницы, и прожил здесь около двух недель. Из Задонска отец Игнатий решил поехать в Киев, чтобы помолиться у киевских святынь, но, словно предчувствуя свой близкий арест, сперва задумал посетить все те места, с которыми была связана его жизнь. Он приехал в Валуйки и остановился у своего племянника. Прожил он здесь два дня и оба дня надолго уходил молиться к стенам монастыря, в котором прошли его отрочество, юность и зрелая жизнь и где он учился христианскому благочестию. Затем отец Игнатий поехал в Киев, где, остановившись у знакомых, прожил три дня, осматривая храмы и молясь у киевских святынь.

После возвращения в Воронеж отец Игнатий прослужил неделю и подал прошение об увольнении его на покой. В начале 1930 года ОГПУ открыло против воронежского

духовенства следственное дело. Среди многих других был арестован и архимандрит Игнатий. Пасху 1930 года он встретил в тюрьме. Вместе с ним в камере были священники, монахи и миряне, и в частности протоиерей Александр Архангельский и священник Феодор Яковлев. Начиная с Великого Четверга Страстной седмицы они совершали богослужение утром и вечером - по тем немногим книгам, которые были с ними в тюрьме, и по памяти. Священнический крест из кипариса был только у протоиерея Александра Архангельского. Служащий священник надевал этот крест, епитрахиль, в качестве которой служило полотенце, и начинали служить. В Великую Субботу с воли передали парчовую епитрахиль, и был отслужен водосвятный молебен, в конце которого один из священников, обращаясь к узникам камеры, сказал:

- Поздравляю вас с наступающим праздником Пасхи и желаю всем вам встретить его в добром здравии. Вам, братья-иереи, желаю и в дальнейшем быть твердыми защитниками веры православной, а вы, - обратился он к заключенным крестьянам, - должны приобщиться Святых Таин, потому что никто из нас не знает, когда наступит наша смерть; здесь есть много священников, у которых вы можете исповедаться.

Вечером в субботу были освящены куличи, и затем до двенадцати часов ночи узники читали по очереди Деяния апостолов. Удалось достать масло и устроить лампаду. В двенадцать часов ночи пропели "Христос воскресе" и стали укладываться спать. Пасхальную службу отслужили в воскресенье утром после поверки. Вся камера причащалась. После службы прикладывались ко кресту, который держал архимандрит Игнатий, христосовались и получали кусочек освященного кулича. В. субботу и воскресенье священники получили передачи, которые были распределены между всеми узниками камеры. Таким же порядком прошла служба и на второй день Пасхи.

Архимандрит Игнатий был обвинен в том, что он являлся "фактическим руководителем монашества Центральной Черноземной области, через которое вел среди верующей массы антиколхозную и антисоветскую агитацию". Отец Игнатий виновным себя не признал. 28 июля 1930 года на заседании Коллегии ОГПУ слушалось "дело", по которому обвинялось тридцать восемь человек, в том числе и архимандрит Игнатий. Он был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь. Через год Коллегия ОГПУ изменила приговор, постановив выслать его на весь оставшийся срок в Северный край. Архимандриту Игнатию было тогда шестьдесят шесть лет. Условия ссылки оказались непосильными для тяжело больного архимандрита, и через полтора года, 27 сентября 1932 года, на праздник Воздвижения Креста Господня, преподобноисповедник Игнатий скончался.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский (память 15 декабря по старому стилю)

Святитель Иларион, в миру Владимир Троицкий, родился 13 сентября 1886 года в семье сельского священника Алексея Троицкого. Отец будущего архиепископа служил в селе Липицы Каширского уезда Московской губернии. Кроме Владимира в семье было еще два младших сына - Димитрий и Алексей, а также две дочери, которых звали Ольга и София. Троицкие были родом потомственных священников. О деде Владимира, отце Петре, сохранились сведения как о человеке редкой образованности; среди народа он пользовался великим авторитетом и любовью. Димитрий, средний из братьев,

впоследствии принял монашеский постриг с именем Даниил и стал епископом Брянским. Самый младший, Алексей, также избравший для себя стезю священника, сделался преемником своего отца по служению в Липицах. При большевиках он был репрессирован и погиб в лагере.

Жизнь семейства Троицких отличалась патриархальной строгостью и неукоснительным следованием православным обычаям. Супруга отца Алексея умерла рано; воспитанием детей после ее смерти занималась ее незамужняя сестра - учительница приходской школы. Нередко ей приходилось брать Володю с собой на уроки читать. А поскольку с раннего детства он все церковные службы проводил на клиросе, он овладел и славянским языком. Будучи пяти лет, он уже читал в храме часы и шестопсалмие.

Дух будущего борца за Церковь, богослова и мученика святителя Илариона воспитывался в благодатной среде сельского храма; дружная православная семья заложила в нем основы того душевного здоровья, которое помогло ему выстоять в нечеловеческих условиях советских тюрем лагерей. Прекрасная, чистая душа Владимира Троицкого формировалась в детстве и ранней юности и под влиянием впечатлений от родной среднерусской природы. Село Липицы расположено на высоком берегу Оки. Оттуда видна обширная речная долина, где по берегам к самой воде подступают смиренные селения, единственным украшением которых служат Божии храмы. "Придешь, бывало, домой на Пасху, - вспоминал архимандрит Иларион о своих посещениях родных мест, - выйдешь к реке. На несколько верст она разлилась, затопила всю равнину. И слышишь по воде со всех сторон радостный пасхальный трезвон во славу Христа Воскресшего: и с нашего тульского берега, и с московского несется звон, будто две церкви, две епархии сливаются в одном торжественном гимне. Ярко и ласково светит весеннее солнышко, шумно бегут по канавам мутные потоки, важно расхаживают по земле грачи, вся земля проснулась и начала дышать, зеленеет уже травка. Оживает природа, и смиренный народ справляет праздник Воскресения. Слышишь, бывало, как несется над рекой пасхальный звон, - будто волны новой жизни вливаются в душу, слезы навертываются на глазах. Долго и молча стоишь зачарованный... Мальчик рос в атмосфере не только благочестия, но и красоты. Прекрасные и величественные картины природы прививали его душе стремление к преображенному, восстановленному до своего райского состояния миру. Но как представление о "новой", очищенной от греха и возрожденной твари есть нерв богословского учения Троицкого, развивавшего идеи восточных отцов Церкви. Православный дух святителя Илариона отличался не только силой и крепостью, но одновременно утонченностью, изяществом, добротой и красотой. Устремленность к святости, пронизывающая его богословские сочинения, неотделима от стремления к высшей красоте.

Пожалуй, самой яркой чертой будущего святителя в детстве была жажда знания, желание учиться. Когда ему было пять лет, он задумал идти на учебу в Москву. Прихватив с собой букварь, мальчик взял за руку трехлетнего братишку, и, никому ничего не сказав, они пошли по дороге в направлении Москвы. Спустя некоторое время в доме обнаружили исчезновение детей. От волнения мать потеряла сознание; отец Алексей же запряг в телегу лошадь и помчался на поиски. Крестьяне окрестных деревень знали и любили семью священника из Липиц: Кое-кто видел, как по дороге шли важно два мальчика в летних рубашонках; один из них нес под мышкой книгу. С людской помощью отец Алексей через несколько часов нагнал сыновей. На упреки родителя будущий архиепископ серьезно ответил: "Папа, не расстраивайся! А как же Ломоносов? Ведь он пешком пошел в Москву - и я тоже решил идти учиться!"

И когда Владимиру пришло время учиться, он с блеском прошел это поприще. Святитель Иларион Троицкий, один из крупнейших представителей русского академического богословия XX века, получил превосходное духовное образование. Вот его основные вехи. 1900 год - окончание Тульского духовного училища, 1906 - завершение с отличием курса Тульской духовной семинарии и поступление в Московскую

духовную академию. В 1910 году Владимир Троицкий заканчивает академию со степенью кандидата богословия и остается при ней в качестве профессорского стипендиата. А в 1913 году он защищает магистерскую диссертацию; еще в 1912 году она была опубликована в Сергиевом Посаде в качестве книги под названием "Очерки из истории догмата о Церкви". Стоит отметить, что Владимир Троицкий всегда был круглым отличником учебы. Помимо того, за свои студенческие работы он был в 1910 году удостоен двух наград - премии Московского митрополита Макария за лучшее семестровое сочинение и премии митрополита Московского Иосифа за лучшую кандидатскую работу. Магистерская его диссертация также была отмечена: он получил за нее премию Московского митрополита Макария 1912-13 годов.

Владимир Алексеевич был по своему призванию, и затем по своим дарованиям и учености, исследователем-богословом. Любовь к науке сливалась у него с любовью к академии и Троице-Сергиевой лавре, в стенах которой она располагается. Эта любовь носила даже несколько страстный характер, и в 1913 году при монашеском постриге молодой ученый переживал это как серьезный грех. Путь к преодолению этого внутреннего кризиса указал Троицкому епископ Феодор Поздеевский, тогдашний ректор академии. Он обратил внимание своего младшего собрата и коллеги на таинственный духовный закон: духовной мудростью и бесчисленными писаниями обогатили Церковь не богословы-рационалисты, но пустынники, отвергшие всякую книжную мудрость, - поскольку жертва и подвиг открыли в их душах бездонные источники боговедения. В сущности, владыка Феодор говорил о том, что особо ценным является богословствование, идущее от опыта сокровенной духовной жизни, монашеского внутреннего делания. Владимир Алексеевич осознавал это еще в годы студенчества. Будучи на четвертом курсе, он произнес "слово" в день празднования 95-й годовщины академии, в котором выразил свой взгляд на существо богословия. "Что такое богословие? - спрашивал оратор. - Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием". Богословие Владимир Алексеевич понимал в высшем смысле - как опытное богопознание; владыка Феодор утвердил его в этом, облегчив тем самым ему жизненный выбор.

Научная деятельность для Троицкого была неотделима от подвижничества и благодатной церковной жизни. В течение всего пребывания будущего святителя в доме Живоначальной Троицы его жизнь протекала, как между двумя центрами или полюсами: с одной стороны, в стенах уникальной академической библиотеки, с другой - под сенью русской православной святыни, как называл он гробницу Преподобного Сергия в Троицком соборе. И если Московская духовная академия в начале XX века была тем уникальным местом, где осуществлялся редкий синтез науки и духовной жизни, то святитель Иларион Троицкий стал одним из тех, кто свидетельствовал об этом собственным подвигом и творчеством.

В 1910 году Владимира Троицкого, выпускника академии, оставляют при ней для научной работы и преподавания. Владимир Алексеевич начинает готовить к защите магистерскую диссертацию. На протяжении двадцати лет научной деятельности (она началась в студенческие годы и продолжалась даже и в заключении: в тюрьмах и на Соловках святитель много писал) он разрабатывал, по существу, одну проблему - проблему Церкви. Что такое Церковь? Именно на этот вопрос святитель Иларион отвечал своими трудами и жизнью. Потомственный священник, он не мыслил себе жизни в стороне от Церкви. Основой его богословских убеждений и стало переживание благодатности, спасительности Церкви, ее приподнятости над преходящим природным бытием. Экклезиология святителя Илариона имеет опытный характер: читатель его трудов приобщается к его благодатному церковному опыту. Концепция Церкви, предложенная святителем, опирается на Священное Писание и учение святых отцов, причем святоотеческие представления пережиты им изнутри, согласие с ними его глубоко

сердечное. Труды святителя Илариона, выдающегося церковного писателя, принадлежат святоотеческой линии в русской духовной литературе первых десятилетий XX века.

В большинстве сочинений святителя Илариона можно проследить развитие мысли о Церкви как "союзе любви" - как организме, мистическом Теле, члены которого объединены общей благодатной жизнью, имя которой - любовь. Святитель пользовался разнообразными словесными жанрами: это не только богословский трактат или эссе, но и искусствоведческий очерк и даже путевые заметки. Писал владыка Иларион чрезвычайно ясно, просто и при этом с установкой на устное слово: с его именем связана слава блестящего проповедника, лектора, а также полемиста (диспуты в академии, а после революции - в Политехническом музее). В литературных произведениях святителя сквозит возвышенная простота его личности. И именно эта простота была отмечена епископом Феодором в речи при пострижении Владимира Троицкого. "Душа твоя, имущая печать высокой мудрости о Христовой истине, с любовью принимала в себя "простоту, яже о Христе"". Эти слова епископа Феодора характеризуют в целом богословское творчество святителя Илариона, поскольку оно отмечено "высокой мудростью", с одной стороны, и "простотой" - с другой.

11 декабря 1912 года в академии состоялась защита Владимиром Троицким его магистерской диссертации. Владимир Алексеевич называет в своей диссертации догмат о Церкви выражением церковного самосознания. Он показывает, как на протяжении первых веков своего существования Церковь приходит к нему в напряженной борьбе с ересями. И эта древняя полемика, утверждает автор диссертации, имеет явные параллели с современной богословской борьбой за Церковь. Он не только прослеживает спор святых отцов с еретиками о природе Церкви, но попутно полемизирует на ту же тему с современными католическими и протестантскими учеными. По академической традиции защита диссертации протекала в виде диспута, ранее работа Троицкого уже получила блестящие отзывы оппонентов. Достоинство его диссертации было настолько бесспорным, что никаких весомых научных возражений труд не получил. Потому Владимир Алексеевич не был удовлетворен защитой.

Одновременно с присуждением Владимиру Троицкому степени магистра богословия в самом начале 1913 года его утверждают в должности доцента академии по кафедре Нового Завета. А в мае 1913 года Троицкий становится профессором академии. Очень скоро он приобрел всеобщие любовь и уважение; среди преподавателей и студентов с ним была связана слава академического "столпа". В один из моментов жизни академии он был первым кандидатом на пост ее ректора. Причиной того, что был избран все же не он, было полное отсутствие у него жизненного практицизма, возвышенная "неотмирность".

Студенты академии восторженно относились к лекциям молодого профессора. Живой интерес к ним был связан с их жизненностью, непременной привязанностью к современности. Чтение лекций было для Владимира Троицкого, а затем архимандрита Илариона насущнейшим делом - борьбой за Церковь; с этим был связан их публицистический и полемический настрой. "Он не мог спокойно повествовать... - вспоминает слушатель его лекций в 1917-1919 годах, - а должен был гореть, зажигать своих слушателей, спорить, полемизировать, доказывать и опровергать... Он никогда не был только теоретиком: он был человеком дела, всегда соединявшим теорию с практикой". Автору этих строк Сергею Волкову принадлежит и словесный портрет святителя: "Высокий и стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и прекрасным взглядом голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший уверенно и прямо, с высоким лбом и... небольшой окладистой русой бородой, звучным голосом и отчетливым произношением, он производил обаятельное впечатление. Им нельзя было не любоваться". Владыка имел "сильный облик чисто русского человека, прямо-таки богатыря, одухотворенного глубоким интеллектом и чистой, благородной душой". У слушателей его лекций возникало впечатление, что "целостность... была главной чертой его личности. Этот

смелый, исключительно талантливый человек все воспринимал творчески". И вот еще несколько характерных черт его духовного облика, отмеченных современником: "Иларион благодатно влиял на меня самой своей личностью - прямотой, властностью в отстаивании убеждений, восторженностью совершаемого им богослужения, сильной, покоряющей речью и, наконец, бодростью, энергией и жизнерадостностью". Он в жизни был носителем того начала любви, которое обосновывал в своих теоретических трудах: "У него самого была поразительная восторженность и любовь ко всему, что ему было дорого и близко, - к Церкви, к России, к академии, и этой бодростью он заражал, ободрял и укреплял окружающих".

О годах, проведенных в стенах лавры, святитель вспоминал как о лучшем времени своей жизни. С академией он был связан до мая 1920 года - времени своего рукоположения во епископа Верейского. В конце октября 1917 года, когда среди профессоров академии велся спор по поводу патриаршества на Руси, он прочитал там лекцию "Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?" Будучи участником проходившего тогда в Москве Поместного Собора, он специально приехал на один день в Сергиев Посад, чтобы выступить в академии с этой примечательной лекцией. С. Волков так вспоминает об этом: "На лекцию собралось большинство профессуры и все студенты, продолжалась она около трех часов. Конечно, она была прочитана так блестяще, как это мог сделать только Иларион: восстановление патриаршества в России было его заветным желанием, как бы смыслом его жизни, которому он отдавал все свои силы". В своей лекции святитель пророчески представил совершенно новый образ русского Патриарха: "Теперь наступает такое время, - сказал он, - что венец патриарший будет венцом не "царским", а, скорее, венцом мученика и исповедника, которому предстоит самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского". Знаменательны были эти слова, пришедшиеся в точности на день большевистского переворота!..

28 марта 1913 года произошло событие особой важности в жизни Владимира Троицкого: он принял монашеский постриг с именем Илариона. Есть люди, с самого рождения предназначенные служить непосредственно Богу и словно невидимой стеной отгороженные от мира. Таким человеком был Владимир Троицкий. Он не сомневался в своем монашеском призвании, которое для окружающих очевидным не было: душевная одаренность и внешняя красота, веселость и общительность могли вводить в заблуждение относительно внутреннего устроения и жизненных установок.

Каким же был "внутренний человек" святителя Илариона? Об этом мы можем судить по его сочинениям и поступкам, по воспоминаниям современников; вглядываясь в фотографические портреты святителя, мы также можем пережить встречу с его душой. Главной чертой святителя и священномученика была исключительная врожденная душевная чистота, самым верным признаком которой было естественное и радостное следование добродетели вместе со страданием от греха, в случае владыки Илариона совершавшегося лишь в области помыслов. Святитель свидетельствует о собственном внутреннем опыте, когда пишет: "Жизнь и совершенствование личности в Церкви несет с собою счастье и блаженство"; "Сама добродетель есть блаженство, а грех есть страдание"; "Как с грехом неразрывно связано его следствие - страдание, так с добродетелью соединено блаженство". В подобных простодушных личных признаниях выражена чистота святости Божиего избранника.

С врожденной чистотой души соединялась природная веселость святителя. Опять-таки от собственного опыта им написаны такие, например, строки: "Есть на земле носители торжествующего христианства, всегда радостные, всегда с пасхальными песнопениями на устах, и лицо их, как лицо ангела". Духовное веселье временами, видимо, переполняло его, прорываясь даже в богословско-полемических работах. Сохранил святитель его и в тяжелейшей обстановке Соловецкого лагеря. Он стремился научить этой радости и тех, кто не был ею одарен: "Иларион любил говорить, что, насколько христианин должен

осознавать свои грехи и скорбеть о них, настолько же он должен радоваться бесконечной милости и благости Божией и никогда не сомневаться и не отчаиваться в своем жизненном подвиге", - пишет С. Волков. Действительно, "по имени" было житие святителя Илариона!1 Склонность к глубинному и неотмирному веселью еще совсем молодого святителя побуждает вспомнить о преподобном Серафиме Саровском с его постоянным пасхальным приветствием. Кого бы мы имели в лице святителя Илариона, не прервись его жизнь на сорок пятом году!..

Некоторые люди приходят к монашеству, пройдя через бездну греховного опыта: испытав ужас перед страшной реальностью "пучины греха", они вступают на стезю покаяния. Путь к монашеству Владимира Троицкого был иным. Это был безупречный в своих поступках человек, которому при этом было присуще особое стремление к совершенству. Лишь всецело посвятив себя Богу, он мог поднять свою личность на высшую духовную ступень. Избрание монашества было почти естественным для него: аскеза была его привычным состоянием, добродетель радостна и желанна, грех вызывал муку и отвращение. Уже в силу своей природной чистоты Владимир Троицкий был "земным ангелом и небесным человеком"; не знавший ничего низменного, он не мог допустить присутствия низких черт у какого-то другого христианина. В монашестве он искал для себя лишь наиболее благоприятных условий для служения Богу - искал того тесного образа жизни, который не оставляет и малой лазейки греху. Брака же он не только не гнушался, но считал путем к Богу, совершенно равночестным монашеству.

Во время пострига Владимир Алексеевич испытал великую радость, которая, по его собственному свидетельству, не оставляла его на протяжении двух месяцев. 11 апреля 1913 года Троицкого рукоположили во иеродиакона, 2 июня - во иеромонаха, а 5 июля отец Иларион был возведен в сан архимандрита. Совершение Божественной литургии стало отныне центром его жизни. Вот как описывает служение святителя С. Волков: "Величественно и красиво Иларион совершал богослужение. Было нечто возвышенное, легкое и прекрасное в его чтении Евангелия, произнесении возгласов и молитв звучным и раскатистым голосом, властно заполнявшим все пространство обширного академического храма. Столь же звучно раздавался он и в Успенском соборе нашей лавры, и в храме Христа Спасителя в Москве. В его служении замечалась некая восторженность, вполне искренняя, чуждая малейшей театральности... Он отдавался богослужению всей душой, всем существом своим, как главному делу своей жизни". Красоту богослужения святитель ставил выше всякой земной красоты. Он любил повторять, что ни одна опера, ни один спектакль не могут вызвать интерес, хотя бы отдаленно сравнимый с тем, которым обладает богослужение. Как немногие, владыка Иларион умел проникаться настроением древних напевов и жить смыслами, содержащимися в богослужебных текстах. Совершение Евхаристии становилось для него всякий раз великим событием.

Священномученик Иларион (Троицкий) был не только прирожденным монахом, ученым и педагогом: Бог в нужный момент призвал его к высшему церковно-общественному служению, его натуре церковного деятеля был присущ святительский размах. Этот новый поворот в его жизненном пути произошел в 1917 году, когда ему пришлось участвовать в Поместном Соборе Русской Церкви.

На Собор отец Иларион пришел с идеей необходимости восстановления в Русской Церкви патриаршества - идеей, которую он вынашивал всю свою сознательную жизнь. Восстановление патриаршества означало для него в первую очередь освобождение Церкви от гнета государства. 23 октября архимандрит Иларион произнес на Соборе свою ставшую знаменитой речь "Почему необходимо восстановить патриаршество?" В основу ее он положил свое убеждение в том, что "патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви", и что если мы не хотим порывать с вековым церковным преданием, мы не имеем права отвергнуть патриаршество. Речь отца Илариона звучала со страстной убежденностью и закончилась на высокой ноте: "Есть в Иерусалиме "стена плача"... В Москве, в Успенском соборе, также есть русская стена плача - пустое

патриаршее место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и былой церковной славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская стена плача! Да не будет!.." Думается, в том, что выбор Собора осуществился в конце концов в пользу патриаршества (это произошло 30 октября), была немалая заслуга и архимандрита Илариона.

К моменту участия в Соборе отца Илариона его известность и авторитет уже вышли за пределы академии. Во время Собора "его, единственного не епископа, в кулуарных разговорах называли в числе желательных кандидатов на патриарший престол". Однако по воле Божией священномученику Илариону довелось в труднейшие для Церкви, воистину страшные годы большевистского гонения, быть главным помощником и сподвижником Патриарха Тихона.

Сразу после избрания Патриарха архимандрит Иларион становится его секретарем и главным консультантом по богословским вопросам. За этой респектабельной в другие времена должностью ученого секретаря стояла на деле роль человека, всегда находящегося под вражеским ударом. Перед Патриархом стояла труднейшая задача сохранения Церкви - этого корабля спасения посреди бушующей враждебной стихии. И во всех контактах с советской властью - при переговорах с Тучковым, встречах с "революционным" духовенством и т. д. - святитель Иларион заслонял собою Патриарха. Келейник Святейшего Яков Полозов погиб от руки наемного убийцы, обращенной против Патриарха. Судьба священномученика Илариона оказалась сходной: он стал жертвой мести Тучкова Патриарху.

В марте 1919 года архимандрит Иларион был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Причины ареста он и сам не понимал; видимо, он был схвачен из-за одной своей близости к Патриарху. Через два месяца свяшенномученика освободили. И после выхода на волю отец Иларион поселился в Москве у своего земляка и друга по академии священника Владимира Страхова. Отец Владимир служил в церкви Святой Троицы в Листах, находящейся на Сретенской улице; его квартира тоже была неподалеку. Деятельность архимандрита Илариона в Сергиевом Посаде после закрытия академии летом 1919 года прекратилась. С начала же 20-х годов установилась его тесная связь со Сретенским монастырем. До своего ареста в ноябре 1923 года святитель Иларион был настоятелем Сретенского монастыря.

В мае 1920 года в день памяти священномученика Патриарха Ермогена произошло одно из ключевых событий в жизни архимандрита Илариона: он был возведен в святительский сан. Осуществился Божий Промысл, направлявший его жизнь; это имело великое значение для судеб Русской Церкви в тот исторический момент. Святейшим Патриархом Тихоном была совершена хиротония архимандрита Илариона во епископа Верейского, викария Московской епархии. В своем слове Патриарх Тихон особо отметил это совпадение, предсказав новопоставленному архиерею за твердость в вере исповеднический венец. Владыка Иларион ответил на патриаршее слово замечательной, проникновенной речью, в которой выразилось его глубокое понимание как нынешнего состояния Церкви, так и собственной судьбы. К этому времени была пролита уже кровь сотен мучеников за веру; надвигались еще более страшные гонения, и святитель предвидел это. "Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссоном, кровью новых мучеников, - сказал он в своей речи. - Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят... Силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников". Святитель чувствовал, что к высшему, епископскому служению в Церкви в этот страшный и славный момент ее истории его призвал Божий Промысл. "Знаю теперь твердо, - сказал священномученик, - что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церкви епископы... Господь милосердый да примет душу мою, сию малую

лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви, для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет". Святитель Иларион вступил на епископскую стезю с полным сознанием того, что его ожидает, с готовностью к мученичеству.

После принятия епископского сана святитель по-прежнему жил в квартире священника Страхова на Сретенке: помещения Сретенского монастыря захватывало государство, монахи выселялись оттуда, и обосноваться в монастыре у святителя возможности не было. Ежедневно первую половину дня святитель Иларион проводил у Патриарха в Донском монастыре; очень часто он сослужил Святейшему. За год своего епископства им были отслужены 142 обедни, примерно столько же всенощных и произнесено 330 проповедей. Известность святителя и любовь к нему церковного народа возрастали; за ним стало закрепляться имя "Иларион Великий". О его служении в Сретенском монастыре свидетельствует православный москвич, живший неподалеку; на протяжении нескольких лет он вел дневник. Вот запись из этого дневника, относящаяся к 1921 году: "На Страстной неделе тянуло в церковь. Несколько раз ходил в Сретенский монастырь. Привлекал туда епископ Иларион, не своим пышным архиерейским служением, а участием в службах в качестве рядового монаха. Однажды (за всенощной со среды на четверг) он появился в соборном храме монастыря в простом монашеском подряснике, без панагии, без крестов, в камилавке, и прошел на левый клирос, где и пел все, что полагается, в компании с 4-5 другими рядовыми монахами, а затем вышел в том же простом наряде на середину храма и проникновенно прочитал канон, не забывая подпевать хору в ирмосах. Прочитавши канон, запел один "Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный..." Ну! Я вам скажу, и пел же он! Голос у него приятнейший, чистый, звучный, молодой (ему 35 лет), высокий. Тенор. Пел попросту, не по нотам, но так трогательно и задушевно, что я, пожалуй, и не слыхивал за всю свою жизнь такого чудесного исполнения этой дивной песни". Простодушные заметки современника передают отношение к святителю Илариону православной Москвы 20-х годов: "На вынос Плащаницы я ходил к Николе на Драчах, где тот же Иларион служил во всем великолепии архиерейского сана, и тогда он сказал с кафедры вдохновенную речь, растрогавшую всех слушателей. В былое время ее, разумеется, напечатали бы во всех "клерикальных" газетах, ну а теперь она достоянием потомков уже не будет. Жалко!"

Из 1920 или 1921 года известен еще один эпизод, связанный с пребыванием святителя в Сретенском монастыре. 8 сентября отмечался день Владимирской иконы Божией Матери - престольный праздник монастыря. В этот день было принято переносить в монастырь крестным ходом Владимирскую из Успенского собора Кремля. Икона уже находилась в Третьяковской галерее. Святитель Иларион обратился к Игорю Грабарю с просьбой разрешить взять на праздник икону в монастырь. Разрешение было получено, но святителя арестовали. Для ареста власти воспользовались тем поводом, что возле иконы подняли шум кликуши. Произошел суд, и состава преступления не нашли... Вообще же в эти годы владыка всегда ожидал ареста.

Когда в 1921 году в ряде губерний России вспыхнул голод, то всюду совершались всенародные моления о спасении погибающих. Во время одного из таких молений в храме Христа Спасителя, когда служил Патриарх, святителем Иларионом было сказано пламенное слово о помощи. Громадный, переполненный народом храм, казалось, слился в общей молитве и жертвенном порыве. Обострением ситуации в стране власти воспользовались для нанесения Церкви очередного удара. После декрета ВЦИК от февраля 1922 года относительно изъятия церковных ценностей, приведшего к народным волнениям, по стране покатился вал репрессий. В апреле 1922 года был арестован Патриарх Тихон. Еще раньше, 22 марта, оказывается под арестом святитель Иларион, которому выпало на долю разделить крест Патриарха. В июне он высылается на год из Москвы в Архангельск: в мае власть в Церкви захватили обновленцы, и безбожники сделали ставку на них, намереваясь поставить патриаршую Церковь вне закона.

Когда в июне 1923 года Патриарха Тихона освободили из-под стражи, его правой рукой стал святитель Иларион, уже вернувшийся из ссылки (вскоре он был возведен в архиепископский сан). Положение Церкви в этот момент было таково, что, казалось, она вот-вот погрузится в бездну обновленческого растления. Государство поддерживало обновленцев и одновременно взяло курс на упразднение "тихоновских" - православных - общин. В чрезвычайно напряженных переговорах с Тучковым святитель добился от власти смягчения ее политики в отношении Церкви. А когда началось массовое возвращение в Церковь обновленцев, благодаря именно святителю Илариону церковная жизнь в Москве была налажена в кратчайший срок. Святитель разработал чин покаяния и сам принял исповедь сотен обновленцев - священников и мирян.

Сретенский монастырь после захвата обновленцами власти в Церкви был занят сторонниками "митрополита" Антонина Грановского. Как известно, это был один из самых радикальных реформаторов Церкви; в Сретенском монастыре служились "литургии" по разработанному им самим чину. Неприятие им Православной Церкви было беспредельным. Личная ненависть к Патриарху Тихону "митрополита" Антонина поражала даже его друзей-чекистов. Вот что писал "митрополит" Антонин в те годы: "Тихон - большое поповское чучело, набитое магизмом, рутиной, колдовством, ремеслом и червонцами. Он печет каждую службу архиерейские чучела поменьше, которые надевают парчовые халаты, золотые горшки, грамофонят, вертятся, машут руками..." Дальше следует хула на Таинство Евхаристии...

Летом 1923 года святитель Иларион прибыл в Сретенский монастырь и изгнал из него обновленцев. При этом он совершил беспрецедентное святительское деяние: заново, великим чином освятил престол и собор Сретенского монастыря. Этим он показал, что грех и нечестие отступничества от Церкви требуют особого очищения. Молва об этом сразу разнеслась не только по Москве, но и по всей России. Обновленцы целыми приходами и общинами каялись и возвращались в Церковь. Следует заметить, что освящение Сретенского монастыря и торжественное изгнание из него обновленцев произошли в буквальном смысле слова под носом ЧК - Сретенский монастырь находится на улице Большая Лубянка. И конечно же, ни лидеры обновленчества, ни их покровители-чекисты не могли простить святителю Илариону своего страшного поражения. Вскоре он был снова арестован...

Примечательно, что спустя семьдесят лет произошло повторение этой истории: храм иконы Владимирской Божией Матери после передачи его Сретенскому монастырю был освящен великим чином Святейшим Патриархом Алексием.

Приходилось святителю участвовать и в знаменитых диспутах в Политехническом музее. "Религиозному гипнозу" обновленческого "митрополита" Александра Введенского и атеизму А. Луначарского святитель, по свидетельству В. Шаламова, противопоставлял непоколебимую уверенность в высшей Истине. Владыка говорил с совсем иной духовной и бытийственной позиции, чем сыпавшие софизмами "совопросники века сего". Люди сердцем чувствовали глубокую правоту святителя и, выражая ему свою благодарность, устраивали овации.

Осенью 1923 года власти предприняли новую попытку подорвать изнутри патриаршую Церковь: Тучков потребовал от Патриарха немедленно начать примирение с обновленческим "архиепископом" Евдокимом Мещерским. Патриарх самым решительным образом отказался... Через несколько дней был арестован архиепископ Иларион, на которого Тучков возложил главную ответственность за провал своей политики.

Владыку осудили на три года концлагерей. 1 января 1924 года он был привезен на пересыльный пункт на Поповом острове, а в июне отправлен на Соловки. На берегу залива Белого моря он работал сетевязальщиком и рыбаком; был лесником, живя в Варваринской часовне; как сторож жил в Филипповской пустыни. В лагере святителя не оставляли бодрость и духовная радость. Это состояние имело благодатный характер: оно

было следствием Божией помощи и напряженного внутреннего делания, продолжавшихся в страшных концлагерных условиях. Об окружающей его атмосфере святитель писал: "Надо побыть в этой обстановке хотя немного, а так не опишешь. Это, воочию, сам сатана".

Святитель нередко стремился поднять дух своих солагерников шутками. Но эти шутки, обращенные против гонителей, были выражением его великого мужества. Когда владыка находился еще в лагере на Поповом острове, умер Ленин. От заключенных потребовали почтить его смерть минутой молчания. Когда все выстроились для церемонии в шеренгу, владыка лежал на нарах. Несмотря на просьбы и требования, он не встал, заметив: "Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество!" И в заключении святитель остался внутренне свободным человеком. "Чарующий дух нестяжания" позволял ему не замечать лишений, прощать уголовникам, кравшим его вещи, - если же у него что-то просили, он отдавал не задумываясь. Удивительным было отношение владыки к окружающим. Казалось, что внешнее состояние другого человека вообще не важно для него. В той уважительности, с которой он относился даже и к представителям "дна", не было ничего показного: святитель умел распознавать образ Божий в любом человеке. Люди отвечали ему за любовь искренним уважением и любовью.

Совершенно невольно святитель так поставил себя, что на Соловках стали создаваться о нем легенды. О них мы знаем благодаря полудокументальным-полухудожественным очеркам Б. Ширяева, также бывшего соловецким узником. Очерки эти составили книгу "Неугасимая лампада", в которой святителю Илариону отведено немало страниц. Вот как относились к святителю - согласно свиде-тельству Ширяева - те, кто считал себя его "классовыми врагами": "Силе, исходившей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противостоять и сами тюремщики: в разговоре с ним они никогда не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках, где не только чекисты-охранники, но и большинство уголовников считали какой-то необходимостью то злобно, то с грубым добродушием поиздеваться над "опиумом".

Нередко охранники, как бы невзначай, называли его владыкой. Обычно - официальным термином "заключенный". Кличкой "опиум", попом или товарищем - никогда, никто".

Вот еще примечательный случай, описанный в той же книге. Однажды буря унесла в открытое море лодку, в которой находился самый злобный лагерный охранник - некий Сухов. Заключенные и солдаты, собравшиеся на берегу, были убеждены: гибель лодки вместе с людьми неминуема. "Там, вдали, мелькала черная точка, то скрываясь, то вновь показываясь на мгновение. Там шла отчаянная борьба человека со злобной, хитрой стихией. Стихия побеждала.

- Да, в этакой каше и от берега не отойдешь, куда уж там вырваться, - проговорил чекист, вытирая платком стекла бинокля. - Пропал Сухов! Пиши полкового военкома в расход!

- Ну, это еще как Бог даст, - прозвучал негромкий, но полный глубокой внутренней силы голос.

Все невольно обернулись к невысокому плотному рыбаку с седоватой окладистой бородой.

- Кто со мною, во славу Божию, на спасение душ человеческих? - так же тихо и уверенно продолжал рыбак, обводя глазами толпу и зорко вглядываясь в глаза каждого. - Ты, отец Спиридон, ты, отец Тихон, да вот этих соловецких двое... Так и ладно будет. Волоките карбас на море!

- Не позволю! - вдруг взорвался чекист. - Без охраны и разрешения начальства в море не выпущу!

- Начальство - вон оно, в шуге, а от охраны мы не отказываемся. Садись в баркас, товарищ Конев!

Чекист как-то разом сжался, обмяк и молча отошел от берега.

- Готово?

- Баркас на воде, владыка! - С Богом!

Владыка Иларион стал у рулевого правила, и лодка, медленно пробиваясь сквозь заторы, отошла от берега.

Спустились сумерки. Их сменила студеная, ветреная соловецкая ночь, но никто не ушел с пристани. Забегали в тепло, грелись и снова возвращались. Нечто единое и великое спаяло этих людей. Всех без различия. Даже чекиста с биноклем. Шепотом говорили между собой, шепотом молились Богу. Верили и сомневались. Сомневались и верили.

- Никто, как Бог!

- Без Его воли шуга не отпустит.

Сторожко вслушивались в ночные шорохи моря, буравили глазами нависшую над ним тьму.

Еще шептали. Еще молились.

Но лишь тогда, когда солнце разогнало стену прибрежного тумана, увидели возвращавшуюся лодку и в ней не четырех, а девять человек.

И тогда все, кто был на пристани - монахи, каторжники, охранники, - все без различия, крестясь, опустились на колени.

- Истинное чудо! Спас Господь!

- Спас Господь! - сказал и владыка Иларион, вытаскивая из карбаса окончательно обессилевшего Сухова.

Пасха в том году была поздняя, в мае, когда нежаркое северное солнце уже подолгу висело на сером, бледном небе. Весна наступила, и я, состоявший тогда по своей каторжной должности в распоряжении военкома Особого Соловецкого полка Сухова, однажды, когда тихо и сладостно распускались почки на худосочных соловецких березках, шел с ним мимо того Распятия, в которое Сухов когда-то выпустил два заряда. Капли весенних дождей и таявшего снега скоплялись в ранах-углублениях от картечи и стекали с них темными струйками. Грудь Распятого словно кровоточила. Вдруг, неожиданно для меня, Сухов сдернул буденновку, остановился и торопливо, размашисто перекрестился.

- Ты смотри... чтоб никому ни слова... А то в карцере сгною! День-то какой сегодня, знаешь? Суббота... Страстная...

Спас Господь! - повторил я про себя слова владыки Илариона, сказанные им на берегу. - Спас тогда и теперь!.."

Не только Ширяев, но и другие свидетели сообщают о том, что единственное в истории Соловецкого лагеря пасхальное богослужение (1926 год) возглавлял святитель Иларион (Троицкий). По воспоминаниям соловецкого узника священника Павла Чехранова, служба (проведенная по инициативе святителя Илариона), состоялась втайне от начальства в недостроенной пекарне. Участвовали кроме отца Павла в ней всего два человека - епископ Нектарий (Трезвинский) и архиепископ Иларион (Троицкий).

"Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

"Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его..." - не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион. Мы запели "Христос воскресе!" Плакать или смеяться от радости? - думал я".

В лагере владыка пользовался великим почетом. Многие видели в нем духовного отца; а в отношении душ, уже отравленных неверием, он был миссионером. Авторитет святителя был так высок, что вскоре сведения о его лагерной деятельности дошли до эмиграции. И благодаря, в частности, ему Соловецкий лагерь в 20-х годах был своеобразным духовным очагом, возле которого многие нашли спасение.

Святитель Иларион был одним из автором так называемой "Памятной записки соловецких епископов" (27 мая/ 9 июня 1925 года), выразившей волю группы епископов, которая стала как бы негласным церковным собором. "Записка" имела целью разработать

основы для сосуществования Церкви и государственной власти в тех условиях, когда их духовные принципы противоположны, несовместимы; она продолжала линию церковной политики, которую вел Патриарх Тихон. Составители "Записки" заявили о систематических гонениях на Церковь в Советском Союзе и обличили неправду обновленчества. Они призвали к последовательному проведению в жизнь закона об отделении Церкви от государства; речь шла, в сущности, о желании Церкви действовать без опеки государственных чиновников.

В конце лета 1925 года святителя внезапно перевели из Соловков в ярославскую тюрьму. Это было сделано ради того, чтобы склонить священномученика к присоединению к новому обновленческому расколу - григорьевщине. В разговоре с агентом ГПУ святитель решительно отверг это предложение. "Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю", - говорил он своему соузнику, обновленческому "епископу" Гервасию. Через год святителю дали новый трехлетний срок. Основанием для этого было сделано "разглашение" святителем среди заключенных содержания его разговора с агентом.

Весной 1926 года святитель вновь оказывается на Соловках. По-прежнему судьба Церкви занимает все его помыслы. В условиях враждебного окружения Церковь могла устоять, лишь сохраняя единство и добившись легализации. Поэтому после выхода в свет декларации Митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года святитель поддержал ее позицию. Вот как свидетельствует об этом митрополит Мануил (Лемешевский): "В ноябре 1927 года некоторые из соловецких епископов начали было колебаться в связи с иосифлянским расколом. Архиепископ Иларион сумел собрать до пятнадцати епископов в келии архимандрита Феофана, где все единодушно постановили сохранять верность Православной Церкви, возглавляемой Митрополитом Сергием. "Никакого раскола! - возгласил архиепископ Иларион. - Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!""

Осенью 1929 года срок заключения святителя Илариона заканчивался. Однако власти не собирались выпускать его на волю; накручивая ему все новые сроки, они надеялись сгноить его в тюрьме. В октябре священномученик был вновь осужден на три года, на этот раз на поселение в Среднюю Азию. Повезли его туда этапным порядком - от одной пересылочный тюрьмы к другой. В дороге святитель заразился сыпным тифом, вспыхнувшим среди заключенных. Без вещей (в пути его обокрали), в одном рубище, кишащем насекомыми, в горячке его привезли в Ленинград и поместили в тюрьму. Через день при температуре 41°, изнемогая, он пешком перебрался в больницу имени доктора Гааза. Помочь страдальцу было уже невозможно. Спустя несколько дней начался бред, перешедший в агонию. В бреду священномученик говорил: "Вот теперь я совсем свободен!" Врач, присутствовавший при его кончине, был свидетелем того, как святой благодарил Бога, радуясь близкой встрече с Ним. Он отошел ко Христу со словами: "Как хорошо! Теперь мы далеки от..." Это произошло 15/28 декабря 1929 года. Славный жизненный путь священномученика был увенчал блаженной кончиной. Ленинградский митрополит Серафим (Чичагов) добился у властей разрешения похоронить святителя в соответствии с его саном. Когда ближайшие родственники и друзья увидели его тело, святителя с трудом узнали: годы лагерей и тюрем превратили молодого, цветущего человека в седого старика. Похоронен священномученик был на кладбище Новодевичьего монастыря у Московской заставы. В 1999 году состоялось обретение мощей владыки Илариона и перенесение их в Москву, в Сретенский монастырь.

Тропарь священномученику Илариону Троицкому

Тропарь, глас 4

Воине Христов Иларионе, славо и похвало Церкве Русския, пред гибнущим миром Христа исповедал еси, кровьми твоими Церковь утвердися, разум Божественный стяжал еси, людем верным возглашаше: без Церкви несть спасения.

Кондак, глас 6

Иларионе, священномучениче Христов, служителей грядущаго антихриста не убоялся еси, Христа мужески исповедал еси, за Церковь Божию живот твой положи. Красо новомученик Российских, Руси святыя похвало, ты Церкве нашея слава и утверждение.

---

1 Иларион (греч.) означает "тихий", "радостный". Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученик Илия (Чередеев) (память 16 декабря по старому стилю)

Священномученик Илия родился 20 июля 1878 года в городе Кашине Тверской губернии в семье священника Иоанна Чередеева. В 1901 году он окончил Тверскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Отец Илья служил в храме села Высоково Нерльского уезда.

Когда начались гонения на Православную Церковь в конце двадцатых годов, местные власти выгнали о. Илью из его дома, отобрали все имущество, и под угрозой ареста ему было предложено покинуть район. Отец Илья уехал к родственникам в город Кашин; живя там, он получил назначение от святого архиепископа Фаддея в храм села Стельково Калязинского района.

В 1931 году о. Илья по традиции стал обходить дома своих прихожан с молебнами и требами, был за это арестован, приговорен к шести месяцам принудительных работ и послан для отбывания наказания в колхоз села Стельково.

В 1934 году архиепископ Фаддей назначил о. Илью в храм села Константинова Калязинского района. Его жена к тому времени умерла, и единственную дочь, которой было тогда двенадцать лет, помогала воспитывать его незамужняя сестра Наталья Ивановна. Здесь он служил до лета 1937 года, когда стало известно, что власти намереваются закрыть храм под предлогом, что верующие перестали его ремонтировать.

После всенощной под праздник Успения Божией Матери о. Илья собрал наиболее активных прихожан в церковной сторожке и сообщил им, что местные власти собираются закрыть храм, само здание сломать, а кирпич использовать для строительства театра в Калязине. "Я призываю вас, верующих людей, - сказал собравшимся священник, - противодействовать отданию нашего храма на поругание. Он стоит у нас уже двести лет, лучше соберем деньги и украсим храм Божий".

На следующий день о. Илья и староста храма пошли по приходу собирать пожертвования и собрали достаточно средств, чтобы сделать ремонт. Через две недели были завершены все работы, выкрашена крыша и побелены стены, так что храм выглядел теперь, будто только что выстроенный.

Но недолго пришлось прослужить в нем священнику. Ревностный пастырь, не отступивший от исполнения своих христианских обязанностей даже и во время самых

лютых гонений, был арестован 21 декабря 1937 года. В Калязине в результате проведенного медицинского обследования выяснилось, что священник тяжело болен миокардитом, к физическому труду не способен, но дойти пешком до Кашина, где размещалась ближайшая тюрьма, все же сможет. В тот же день о. Илья был отправлен в Кашинскую тюрьму и вскоре допрошен. После обычных вопросов, за что священника арестовывали ранее, следователь спросил:

- Вы арестованы за проведение среди колхозников антисоветской агитации. Признаете ли вы себя виновным?

- Я разговоров против советской власти никогда не проводил. Виновным себя не признаю, - ответил священник.

На этом допрос был закончен. Несмотря на угрозы следователя, о. Илья отказался оговаривать себя или других.

Через несколько дней, 27 декабря, Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Илья Чередеев был расстрелян 29 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Илия (Бенеманский) (память 18 декабря по старому стилю)

Священномученик Илия родился 14 декабря 1883 года в Твери в семье священника Ильи Бенеманского. В 1905 году он окончил Тверскую Духовную семинарию и был направлен служить в армию. Год он служил при армейской церкви псаломщиком, около полутора лет - дьяконом, а в 1908 году был рукоположен сан священника и направлен в 13-й гренадерский полк. В 1916 году он отправился на фронт с Волынским полком и здесь пробыл до крушения монархии и развала армии. В 1917 году о. Илья вернулся на родину и стал служить в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского при станции Тверь, где среди прихожан было много рабочих депо и железнодорожников.

Для него новая власть с самого начала явилась гонительницей. В рабочем районе при станции, где жили в основном семьи рабочих депо и железнодорожных служащих, был мальчик пятнадцати лет Петр Иванов. Несмотря на юный возраст, у него был вид человека порочного; даже своим внешним обликом он наводил на школьников ужас. За лазанье по чужим садам отец не раз наказывал его, сажал в сарай под замок, но так и не смог отучить от воровства. Подросток предпочитал воровать и бездельничать, и на этом поприще искал себе приложение. Коммунистическая идея оказалась наиболее для него подходящей. Нашлись и взрослые, которые поддержали и похвалили его. Так он вступил в Российский Коммунистический Союз Молодежи и принялся за создание в школе, где учился, коммунистической ячейки. 21 января 1920 года он пришел в класс и узнал, что большинство учеников были на праздник Крещения в храме, и будто бы священник о. Илья говорил, что есть столь развращенные дети, которые уже сейчас не веруют в Бога, и назвал Петра Иванова, а затем посоветовал родителям присматривать за своими детьми и воспитывать их. По-видимому, священник сказал это не с церковного амвона, а непосредственно родителям, в особенности тем, чьи дети жаловались на то, что дерзкий подросток открыто кощунствует и поносит святую Церковь.

Узнав, что его поступки начинают обсуждаться публично, Петр написал в комсомольскую ячейку заявление, которое через губернский коммунистический союз молодежи 25 января 1920 года было передано в губернскую чрезвычайную комиссию. Он

писал: "Мои родители узнали через полмесяца, что я член РКСМ, стали меня проклинать, говорить, что я мал, что мне рано быть членом СМ. Я принужден был покинуть дом. После этого родители опять взяли меня. Весною при мобилизации я просился, чтобы меня взяли на фронт, но я, мол, должен был помириться, и меня не взяли. Опять старая жизнь, опять гнет от родителей за то, что я член РКСМ за то, что я в школе был организатором ячейки. Но я шел и только одно желал, чтобы жизнь изменилась... идти туда, к светлому будущему, к коммунизму. Слышал я упреки от родителей, что я не работаю, что я живу на отцовской шее, но я был непоколебим, я все выносил. Теперь осенью я перешел в школу железной дороги, я там организовал политкружок имени Урицкого, я стал работать в школе, то есть агитировать. И не мог равнодушно смотреть на все поповские проделки. Я стал вести ряд митингов в школе, где все нити поповской лжи объяснял учащейся молодежи железнодорожной школы. Один из попов Александро-Невской церкви Бенеманский, попросту говоря молодой батюшка о. Илья, 19 января 1920 года после ранней литургии в проповеди рассказал, что я не верю в Бога, что я член РКСМ, что я выступаю оратором на митингах как в школе, так и в РКСМ станционного района, спросил, нет ли моих родителей и предупредил моего брата, что если он, молодой батюшка, узнает наш помянник, то он его не будет поминать, то есть попросту всех нас, из-за меня, предал анафеме антихристу и предупредил других родителей, что если есть у них дети, то следите за ними, чтобы они не вступили в РКСМ... Попросту говоря, повел агитацию против РКСМ. Надо принять меры, и чтобы таких агитаторов антисоветских в республике не было".

По получении письма секретно-оперативный отдел 29 января послал сотрудника Тверской ЧК для расследования. Тот пришел в школу, где учился подросток, который повторил все написанное им в заявлении. Был допрошен брат Петра Иванова, Иван, который хотя и был за ранней обедней 19 января, но не подтвердил ни доноса своего брата, ни его показаний, будто бы о. Илья после литургии говорил проповедь против комсомола. Был вызван диакон Александро-Невского храма Федор Лебедев, который также отрицал правдивость показаний подростка. Наконец следователь допросил о. Илью Бенеманского. Священник сказал: "19 января 1920 года я служил за ранней обедней. Проповедь говорил на тему праздника. Против власти ничего никогда не говорил и не могу даже говорить. Против Союза Молодежи ничего не говорил".

6 февраля следственный отдел Тверской ЧК дал свое заключение. Несмотря на то что оговор священника не был доказан, следователи написали: "19 января после богослужения священник Бенеманский в своей проповеди коснулся вопроса поступления юношей в Союз Молодежи РКП, причем персонально указал на одного из членов означенного Союза, Петра Степановича Иванова, называя его богоотступником и увещевая тех, у кого есть дети, всячески противодействовать их поступлению в Союз. Причем в виде угрозы, сказал, что если попадется в церкви поминание Иванова и если он его узнает, то поминать не будет. Кроме того, тут же говорил младшему брату Иванова, Ивану Иванову, чтобы он не был таким, как брат. Принимая во внимание, что выступление священника перед массой в церкви носит агитационный характер и вносит дезорганизацию в строительство Союза РК Молодежи... священника Александро-Невской церкви Илью Бенеманского на первый случай за антикоммунистическую агитацию подвергнуть аресту при трудовой коммуне сроком на один месяц".

9 февраля состоялось заседание Тверской Чрезвычайной Комиссии, на котором было постановлено: "Священника Бенеманского заключить в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны". 13 февраля Тверская ЧК отправила начальнику Тверской городской милиции распоряжение: "Священника Александро-Невской церкви Бенеманского препроводить в концентрационный лагерь".

20 февраля рабочие и служащие станции Тверь отправили заявление в Губернскую Чрезвычайную Комиссию. Они писали: "По состоявшемуся постановлению ГЧК священник станционной церкви Илья Бенеманский арестован на неопределенное время,

якобы за контрреволюционную пропаганду, выразившуюся в том, что он, говоря проповедь, сказал, чтобы родители не пускали детей своих под праздники в театр, а посылали бы их в церковь, что-то в этом роде. Мы, прихожане станционной церкви, знаем священника Бенеманского более трех лет и, бывая в церкви почти каждый праздник, не слыхали никогда ничего подобного, да и было бы глупо говорить в храме какие-то контрреволюционные речи и в то же время знать, что есть и могут быть в церкви и такие люди, которым не по душе будет таковая речь... Кроме того, мы, прихожане, утверждаем, что донесший на священника Бенеманского мальчик Петр Иванов известен в станционном районе как мальчик испорченный и бывший уже не раз замечен в худых делах... Все вышеизложенное могут подтвердить свидетели... Мы, представители станционного района, просим ГЧК о пересмотре настоящего дела, и не найдет ли возможным ГЧК условно освободить священника Бенеманского на поруки всего населения района, при этом мы утверждаем, что он, Бенеманский, не мог быть контрреволюционером и никогда не будет".

Получив письмо от рабочих, Чрезвычайная Комиссия, зная абсурдность обвинений против священника, через несколько дней, 23 февраля, собрала новое заседание, где постановила: "В изменение постановления священника Бенеманского подвергнуть аресту в административном порядке сроком на один месяц, считая срок со дня ареста". Через месяц священник был освобожден из Тверского концентрационного лагеря.

Через два года началось новое гонение на Православную Церковь, проводившееся на этот раз под предлогом изъятия церковных ценностей. В 1922 году о. Илья был арестован ГПУ вместе с духовенством сразу после богослужения в Ниловой пустыни и заключен на полторы недели в тюрьму.

Прошли судебные процессы в Петрограде и Москве; в Твери за сопротивление захвату церквей обновленцами были арестованы и высланы в Среднюю Азию епископ Петр (Зверев) и некоторые священники и миряне. Тверское ГПУ считало своим долгом впрямую поддерживать обновленцев, помогать им отбирать у православных храмы, всячески способствуя тому, чтобы православие в Твери было заменено обновленчеством. Начальник секретного отдела ГПУ Юсов разрешил тверским священникам собраться для того, чтобы создать инициативную группу по борьбе за обновление Церкви. Духовенство собралось в доме протоиерея Павла Невского. Были священники Николай Рождественский, Василий Владимирский, Александр Троицкий и другие. Обсуждались вопросы о созыве собрания двух благочиний с участием мирян и о том, нужно ли участвовать в Соборе обновленцев в Москве. Решили всё же послать своих делегатов, но предварительно каждый священник должен был оповестить свой приход - будут ли согласны с этим прихожане.

Между тем у обновленцев был свой план: они предполагали захватить кафедральный собор, а затем провести выборы нового главы епархии, которым должен был стать бывший Тверской викарий, епископ Александр (Надеждин). Собрание планировалось провести в кафедральном соборе 28 марта. Объявления о предстоящем собрании духовенства в соборе были расклеены по городу; обновленцы, зная о поддержке их гражданскими властями, почти не сомневались в успехе. К концу вечерней службы, в начале восьмого часа, когда молящиеся еще не разошлись, в собор пришли представители ВЦУ: уполномоченный ВЦУ - священник Сергий Раевский, священник Бурмистров, обновленческий епископ Александр с сыном, священником Юрием Надеждиным, священник села Пречистого Бора Алексей Озеров и престарелый протоиерей Николай Троицкий. Когда последний вошел в собор и проходил мимо молящихся, направляясь к алтарю, одна из женщин с искренним сожалением сказала священнику: "Напрасно вы, отец Николай, пришли сюда..."

Когда обновленческие священники собрались в алтаре, выяснилось, что хотя православное духовенство собора настроено к ним мирно, однако молящиеся вовсе не собираются покидать собор, а, следовательно, могут возникнуть трудности с объявлением

перехода кафедрального собора в ведение обновленческого ВЦУ, а также и с "выборами" епископа Александра на роль главы Тверской епархии и лишением кафедры архиепископа Тверского Серафима (Александрова), так как по церковным канонам два архиерея не могут занимать одну кафедру.

Видя, что дело не клеится, на амвон вышел уполномоченный ВЦУ священник Бурмистров и попросил всех молящихся разойтись, но никто с места не двинулся. Тогда он вошел в алтарь и, обращаясь к священникам собора, попросил, чтобы кто-нибудь из них вышел и умиротворил толпу, объяснив, что власти дали разрешение на собрание одного духовенства, без мирян. Из находившихся в алтаре вышел высокий молодой человек, врач, старший санитарный инспектор при губернском отделе здравоохранения Михаил Благовещенский. Отделившись от группы священников, он сказал обновленцам:

- Зачем вам священник? Я член соборного совета.

- Объявите с амвона, что сегодня собрание только духовенства и попросите всех мирян покинуть собор. Общее собрание духовенства с мирянами будет в воскресенье.

Выйдя на амвон вместе с Бурмистровым, Михаил Благовещенский сказал:

- Уполномоченный ВЦУ Бурмистров приказывает всем разойтись, так как сегодня собрание для духовенства. В воскресенье будет общее собрание с мирянами.

После этих слов в соборе поднялся крик: "Не надо нам ВЦУ!" Обновленческий священник Алексей Озеров попытался успокоить толпу, но ничто не помогало, шум становился все сильнее, кое-кто уже пытался схватить священника Бурмистрова за одежду, чтобы стащить его с солеи, так что Бурмистров и Озеров вынуждены были скрыться в алтаре. Толпа прихлынула к царским вратам, несколько прихожан-мужчин прошли в алтарь. Вошедшие потребовали, чтобы Раевский немедленно покинул храм. Он отказался и быстро присоединился к группе обновленцев, отчасти испугавшись, а отчасти надеясь, что требования вошедших не будут простираться на всех, тем более что среди них находился престарелый архиерей. Но вошедшие подошли к обновленцам вплотную и грозно потребовали, чтобы они немедленно вышли из храма. Первыми пошли к выходу епископ Александр и священник Юрий Надеждин, за ними - протоиерей Сергий Раевский, за которым последовали протоиерей Бурмистров и другие. Весь их путь сопровождался проклятиями, кого толкали в спину, кого дергали за рясу. Видя, что проиграли и сами оказались в угрожающем положении, обновленцы как можно скорее старались покинуть собор.

На следующий день все они составили докладные записки в Тверское Епархиальное Управление (обновленческое) для дальнейшего ознакомления с ними сотрудников ГПУ, а протоиерей Бурмистров написал заявление непосредственно начальнику Тверского ГПУ.

Епископ Александр в своей записке писал: "Вчера, 28 марта, в тверском кафедральном соборе произошло невероятное для нашего времени событие. Собравшаяся буйная мятежная толпа, преимущественно из женщин и детей, сорвала назначенное на сей день собрание духовенства и насильственно вывела из святого алтаря все неугодное ей духовенство во главе со мною. При этом у сопровождавшего меня моего сына одна из истеричных женщин вырвала из рук картонку, в коей находился мой клобук и перчатки, избила несколькими ударами моего сына, наносила мне словесное оскорбление... Думаю, что все это произошло не без влияния сторонних лиц, вполне для сего организованных. Я считал бы необходимым указать на насельников Желтикова монастыря (монашествующих) во главе с их руководителем архимандритом Иннокентием, которые безусловно агитаторски действуют среди рабочих фабричных масс".

Протоиерей Сергий Раевский в докладной записке писал: "Архиепископа толкали в спину кулаками, меня дергали за рясу и подставляли ноги, чтобы уронить. С этой же целью одна женщина схватила за наперсный крест и разорвала цепочку. Где находится крест с разорванной на части цепочкой - не знаю. По выходе из собора я отправился вместе с архиепископом Александром за Тьмаку, слушая все время ругательства. Проходя мост, архиепископ с сыном вскочили в трамвай, и я остался один... На съезжей улице

случайно встретился милиционер, который приказал провожавшей меня толпе разойтись, и я благополучно добрался до гостиницы коммунального отдела".

Уже на следующий день, 30 марта, ГПУ арестовало священников Василия Владимирского, Николая Рождественского, Павла Невского, Николая Флерова, диакона Петра Романова и случайно оказавшуюся в соборе женщину Прасковью Лысенко. 14 апреля ГПУ арестовало священников Александра Троицкого, Илью Бенеманского и мирянина Михаила Благовещенского.

Спрошенный о своем участии в беспорядках и бунте в соборе, о. Илья отвечал: "В момент происходившего бунта в соборе, 28 марта, я был повесткой вызван в ГПУ; здесь я пробыл до десяти часов вечера, и в соборе я не был. В инициативной группе я себя считать состоявшим не могу... В среду, 28 марта, днем ко мне пришел какой-то мужчина, откуда - не знаю, принес протокол инициативной группы. В числе инициативной группы в протоколе была указана моя фамилия, и мне предлагалось подписать протокол. Протокол я не подписал. К протоколу был приложен листок с объявлением о собрании духовенства в соборе 28 марта. На собрание в этот вечер мне в собор прийти не удалось, так как я вовсе не собирался, да кроме того, вызван был в ГПУ к шести часам вечера, где я был до десяти часов вечера".

На следующий день после ареста священников прихожане Скорбященской церкви послали в ГПУ заявление: "В ночь на 30 марта арестован священник Скорбященской церкви Николай Флеров. Ввиду предстоящего праздника Пасхи и Страстной недели мы, нижеподписавшиеся прихожане Скорбященской церкви, просим освободить священника Николая Флерова под наше личное поручительство". О том же просили крестьяне деревень Новой Константиновки и Бычково, у которых духовным пастырем был о. Николай Рождественский. "Ввиду его ареста, - писали они, - мы остались без духовника на такой великий для нас праздник Пасхи. Мы, как верующие, убедительно просим его освобождения".

Вместо того чтобы освободить ни в чем не повинных, даже с точки зрения государственной власти, священников, ГПУ нарядило новое следствие, пытаясь выяснить - кто был инициатором составления писем, где и как эти письма подписывались прихожанами храмов.

1 апреля, в Вербное воскресенье, прихожане Скорбященской церкви стали просить диакона Иоанна Архангельского, чтобы он отредактировал заявление в ГПУ об освобождении на Пасху священника, что он и сделал. Подписи были собраны мгновенно. ГПУ попыталось узнать, не заплатили ли сборщику и не было ли под заявлением поддельных подписей, но выяснить это не удалось, и дело пришлось прекратить.

4 апреля 1923 года начальник секретного отделения Тверского отдела ГПУ Юсов написал обвинительное заключение по "делу" священников: "...имеющиеся материалы и показания обвиняемых в достаточной степени изобличают их заговорщическую деятельность в инициативной группе, а посему полагаю...перевести под стражу в Тверской исправительный дом... Принимая во внимание вышеизложенную деятельность обвиняемых и согласуясь с приказом СО ГПУ No 218280, считаю необходимым просить ГПУ применить меру наказания вышепоименованных обвиняемых - заключение в лагерь..." на три года.

Находившийся в это время в Москве архиепископ Тверской Серафим начал со своей стороны хлопотать об освобождении священников, и 10 апреля начальник 6-го отделения секретного отдела ГПУ Тучков потребовал, чтобы обвиняемые были переведены в Москву. Так священники оказались в Бутырской тюрьме.

В апреле сотрудница ГПУ допросила арестованных священников. Священник Павел Невский сказал: "Меня обвиняют в участии в нелегальном собрании, но это собрание было созвано по инициативе уполномоченного губернского отдела ГПУ. Что же касается будирования масс, я себя виновным в этом не признаю и во всем обвиняю

живоцерковников: Раевского, Троицкого Николая и других. В беспорядках в церкви участия я не принимал".

Священник Николай Флеров сказал: "Я членом инициативной группы не состоял и на собрание 28 марта приглашен не был, и никто мне об этом не сообщал".

Священник Александр Троицкий пояснил: "Меня обвинили в участии в нелегальном собрании, но это собрание было словесно разрешено Юсовым, следователем губернского отдела ГПУ".

Священник Илья Бенеманский на вопросы следователя ответил: "Участия в созыве нелегального собрания я не принимал, хотя и приходил на квартиру Невского, но уже пришел после свершившегося факта, массу я не будировал и 28 марта на собрании не был, так как был вызван в ГПУ".

21 апреля сотрудница ГПУ составила заключение: "Дело возникло в Тверском губернском отделе ГПУ на основании агентурного материала о том, что вышеназванные попы будировали массы против Живой церкви. Принимая во внимание, что материалов, компрометирующих их как контрреволюционеров, в деле не имеется, полагала бы Владимирского В. И., Рождественского Н. И., Флерова Н. А., Невского П. И., Троицкого А. Н. и Бенеманского И. И. из-под стражи освободить. Дело следствием прекратить".

Начальник отдела ГПУ Самсонов сделал, однако, свою приписку: "Из-под стражи освободить под подписку о том, что они безвыездно будут проживать по месту жительства и по первому требованию будут являться в губотдел и объявлять о перемене своего адреса. Дело следствием продолжать в Твери с тем, чтобы о результатах было сообщено в СО ГПУ".

В мае священники были освобождены и уехали в Тверь. Захват обновленцами церковной власти в Твери под возглавием епископа Александра не состоялся, и последний был переведен обновленцами в Олонецкую епархию, но и здесь на уездном съезде паства отвергла его.

24 июня архиепископ Тверской Серафим направил послание благочинному города Твери протоиерею Василию Владимирскому. "Долгом почитаю уведомить Вас как благочинного, - писал он, - что я, по освобождении гражданской властью из тюремного заключения, вступаю в управление Тверской епархией, а посему по делам прихода города Твери, как и по другим, предлагаю непосредственно обращаться только ко мне. Вам же поручается управление как благочинному всех приходов и церквей города Твери, принимая в общение тех (имеются в виду ушедшие в раскол обновленцы), кто заявит вам о своем желании и кои останутся или будут верными сынами Православной Христовой Церкви".

Вскоре циркуляр, который архиепископ Серафим выслал благочинным Твери и Тверской епархии, попал в ГПУ, и оно стало требовать от протоиерея Василия дать ответ - на каком основании он считает себя благочинным. Встав на сторону обновленцев, ГПУ все распоряжения епархиальных управлений Православной Церкви почитало нелегальными и незаконными. В своем объяснении протоиерей Василий писал: "Довожу до вашего сведения, что я благочинным назначен не архиепископом Серафимом, а избран на общем собрании духовенства и мирян, бывшем с разрешения Губисполкома 30 июля еще прошлого, 1922 года, когда архиепископа Серафима не было в Твери".

Сразу же после освобождения из заключения Патриарха Тихона и архиепископа Серафима на имя последнего стало поступать множество писем и заявлений от обновленческих священников с просьбой принять их в молитвенное общение, и таким образом, несмотря на поддержку ГПУ и государства, обновленческое движение в Тверской губернии стремительно рушилось, не оставляя никаких надежд на свое восстановление в будущем. Между тем планы гонителей по созданию новой церкви, раскола и уничтожению православия в России были восприняты Тверским ГПУ как государственное задание, требующее непременного и скорого исполнения. Но его невозможно было осуществить без решительной поддержки ГПУ в Москве, без новых

арестов Патриарха Тихона и его ближайших помощников-архиереев, а также и всех православных епархиальных епископов, но это и для московской власти было непосильно в то время исполнить.

Видя все последствия освобождения архиепископа Серафима для обновленческого движения, Тверское ГПУ 4 июля 1923 года срочно запросило центральный аппарат ГПУ: "Тверьотдел ГПУ просит срочно сообщить: действительно ли освобожден из-под стражи Серафим; если освобожден, необходимо его вторично привлечь к ответственности за издание распоряжений, противоречащих изданному постановлению НКВД о порядке управления Церковью. Кроме этого, вследствие распространения провокационных распоряжений, игнорирующих ВЦС и Тверской ЕС, наша работа по духовенству сводится к нулю, так как попы как города Твери, так и губернии, признавшие ранее постановления Поместного Собора и ВУС, в связи с распоряжением Серафима откалываются от Живой церкви, вставая на его сторону. О принятых вами мерах просим срочно сообщить для согласованности действий и принятия нами мер к лицам, распространяющим распоряжения Серафима".

Через две недели сотрудники Тверского ГПУ, обеспокоенные возвратом многих храмов православным и крушением обновленческого движения, и в то же время не получая никаких разъяснений из Москвы, отправили туда срочное послание, в котором писали: "Между попами началась переписка, направленная: одних с целью наставления отойти от Живой церкви и примкнуть к Тихону, других с просьбами, направленными к тихоновцам, указать путь перехода на сторону Тихона. Попы, примкнувшие к обновлению, продолжают выходить из состава группы, маскируясь различными предлогами, но главная причина - освобождение Тихона, Серафима и других и вступление их в управление Церковью. Губотдел просит дать необходимые указания, так как в настоящее время работа требует некоторых изменений".

Вскоре после освобождения архиепископ Серафим прибыл в Тверь, где встретился с городским духовенством и благочинным о. Василием Владимирским и рассказал им, что хотя в храмах России Патриарха Тихона и поминают везде, но есть случаи, когда местная власть в лице губернских прокуроров издает распоряжения о запрещении поминовения Патриарха, за нарушение которых грозит разными карами. Такие распоряжения уже издали петроградский и новгородский прокуроры. Если таковое распоряжение издаст и тверской прокурор, то пусть духовенство Твери прекратит поминовение Патриарха, но при этом срочно сообщит об этом ему, архиепископу Серафиму, в Москву.

22 августа 1923 года прокурор Твери опубликовал в "Тверской правде" заметку, где писал о недопустимости демонстративного поминовения Патриарха Тихона за богослужением как заведомого контрреволюционера и что таковое поминовение влечет за собой уголовную ответственность. Ознакомившись с заметкой, протоиерей Василий издал распоряжение по городу Твери о прекращении поминовения Патриарха в соответствии с рекомендацией архиепископа Серафима и срочно сообщил ему в Москву о происходящем. Архиепископ Серафим передал о. Василию распоряжение по епархии относительно поминовения Патриарха. Он писал: "Прочитал заметку в газетах. Это не распоряжение власти, а ихние запреты и корреспондентское сообщение. Наши были где следует, а я был у Тучкова в ГПУ, и он сказал, что прокурор петроградский перехватил, и ему послано должное указание. А потому усердно прошу, не прекращать поминовение Патриарха, как и прочих владык".

26 августа благочинный издал распоряжение восстановить поминовение Патриарха, и где оно было прекращено, там духовенство с радостью вернулось к поминовению за богослужением главы Русской Православной Церкви. ГПУ, однако, усмотрело в этом повод возобновить гонения. 1 сентября уполномоченный ГПУ вызвал члена обновленческого Епархиального Совета для дачи показаний по делу поминовения Патриарха. Он показал: "Приблизительно числа 25, присутствуя в нескольких церквях на богослужениях, я обратил внимание, что священники опять начали поминать Тихона.

Распоряжение о возобновлении поминовения сделал благочинный Владимирский. Сам Владимирский о поминовении Тихона получил распоряжение из Москвы от епископа Серафима". В тот же день уполномоченный ГПУ издал постановление: "Начав следственное дело, в качестве обвиняемых привлечь к ответственности священников... как использующих религиозные предрассудки масс в целях свержения советской власти, выразившегося в поминовениях Патриарха Тихона как заведомого контрреволюционера".

4 сентября сотрудники ГПУ арестовали благочинного о. Василия Владимирского и его помощника о. Илью Бенеманского. На вопросы следователя протоиерей Василий ответил:

- Поминовение не производилось приблизительно с неделю. Числа 26-27 августа я получил официальное распоряжение от архиепископа Серафима о возобновлении поминовения Патриарха Тихона и в свою очередь сделал официальное распоряжение духовенству о возобновлении поминовения. Распоряжение о возобновлении поминовения Патриарха я сделал потому, что официального значения заметке прокурора не придавал сам, а также получил разъяснение и от своей церковной власти.

- Гражданин Владимирский, поминая Патриарха Тихона в церквях за богослужением, считаете ли вы себя виновным в том, что, поминая Тихона, вы демонстративно выносите ему поощрение как контрреволюционеру?

- Виновным себя в демонстративном поощрении Патриарха Тихона как контрреволюционера не признаю. Поминовение произносилось как чествование главы Церкви.

Аналогичные вопросы были заданы о. Илье. Он ответил:

- Я, хотя и состоял помощником благочинного, распоряжений духовенству лично от себя никаких не делал, являясь сам исполнителем распоряжений как рядовой священник. Поминовений не производилось приблизительно с неделю. Числа 27 августа вновь последовало распоряжение от благочинного Владимирского о возобновлении поминовения за богослужением Патриарха Тихона. Являясь опять простым исполнителем распоряжений церковной власти, я вновь приступил к поминовению Патриарха. Официального значения заметке губернского прокурора о недопустимости поминовения Патриарха как контрреволюционера я не придавал.

- Гражданин Бенеманский, поминая Патриарха Тихона, известного вам как контрреволюционер, этим торжественным поминовением за богослужением не оказывали ли вы ему, Тихону, демонстративное поощрение как контрреволюционеру?

- Демонстративного поощрения как контрреволюционеру поминовением за богослужением я не оказывал, производя поминовение Тихона как Патриарха - главу Церкви.

На следующий день о. Василий написал губернскому прокурору заявление: "Прочитав в "Тверской правде" от 22 августа сего года Вашу беседу с корреспондентом относительно поминовения Патриарха за богослужениями в церквях, мною, как благочинным, тотчас было сделано духовенству города Твери распоряжение о прекращении поминовения. Приблизительно через неделю было получено распоряжение из Москвы от правящего Тверской епархией архиепископа Серафима, в котором он усердно просил возобновить поминовение Патриарха. Зная, что архиепископ Серафим находится в Москве при Патриархе и, вероятно, по церковным делам имеет частые сношения с гражданской властью, я полагал, что вопрос о поминовении Патриарха, связанный со статьей, помещенной в "Тверской правде", там рассматривался, и я полагал, что, делая распоряжение мне, как благочинному, архиепископ Серафим имел какие-либо данные, а посему усердно прошу сделать распоряжение об освобождении меня из-под стражи".

Отец Илья написал аналогичное заявление: "Будучи арестованным в ночь с 3 на 4 сентября и находясь под стражей при ГПУ по делу о поминовении за богослужениями Патриарха Тихона, я являюсь простым исполнителем данных распоряжений как рядовой священник, что делали, да быть может и делают сейчас, многие другие священники по Тверской епархии. Полагая, что странным было бы мне отвечать за то, в чем повинны

многие, я покорнейше прошу сделать распоряжение о моем освобождении". На этот раз дело было быстро прекращено, и уже через день ГПУ постановило освободить священников.

Не так много прошло времени, как началось новое гонение на православие. И как всегда в этих случаях, находились ненавистники, готовые первыми идти против Церкви. Их было немного, но и один ядом лжи, клеветы и предательства может, когда придет его час, послужить уничтожению многих.

8 декабре 1929 года обновленческий диакон дал показания уполномоченному ОГПУ Успенскому против православных священников Твери. В них он писал: "Духовенство города Твери и особенно верхи, которые имеют руководящее влияние, например, священник Бенеманский Алексей, его брат Илья, Куприянов Василий, Владимирский Василий, Троицкие Никандр и Александр, резко контрреволюционны, в чем я убедился из того, что наблюдал с их стороны в их повседневной жизни и в их борьбе против советской власти, а именно: этими лицами и под их руководством остальным духовенством города Твери систематически из года в год производится злостное укрытие доходов от обложения подоходным налогом. Это производится организованно, и кто укрывает, они друг про друга знают, специально по этому вопросу советуются друг с другом и инструктируют неумелых, как надо поступать и как лучше укрывать".

9 марта 1930 года власти закрыли Александро-Невскую церковь, и архиепископ Фаддей, возглавлявший в то время Тверскую епархию, благословил о. Илью служить в храме Космы и Дамиана. Следователь Успенский между тем завел на о. Илью "дело", твердо преследуя цель арестовать священника. 11 марта он вызвал на допрос молодую женщину, машинистку, которая сама в храм не ходила, но жила неподалеку от храма и могла что-нибудь знать. Она показала: "Мне неоднократно приходилось слышать от своих знакомых, что в Александро-Невской церкви служителем культа Ильей Бенеманским... с момента выступления папы Римского против СССР произносились поминовения этого папы, что, безусловно, преследовало агитационную цель, так как совершалось публично за церковными службами. Причем перед поминовением папы Илья Бенеманский обращался к присутствующим и объяснял, что сейчас в СССР идет сильное гонение на религию и что на защиту ее выступил глава католической церкви, и призывал молиться за него. Все присутствующие во главе с Бенеманским молились на коленях. Об этом знает Мария Ивановна, фамилию не знаю... адрес сообщу".

В Успенский пост, 16 августа 1930 года, ОГПУ арестовало священника. При обыске ничего компрометирующего не обнаружили, но зато нашли сорок пять рублей мелкой серебряной монетой и за отсутствием более серьезного повода решили воспользоваться находкой, обвинив священника в том, что "он умышленно придерживал у себя разменную серебряную монету, преследуя цель подрыва правильного денежного обращения".

Хотя о. Илье было тогда всего сорок семь лет, здоровье его было основательно подорвано многократными заключениями в тюрьму, и на следующий день после ареста врач вынужден был, осмотрев его, дать справку, что заключенный "страдает правосторонней грыжей, неврозом, расширением границ сердца, значительным расширением вен голени".

20 августа уполномоченный ОГПУ допросил священника. Он спросил о найденных сорока пяти рублях, о том, платил ли священник налоги, об изъятых у него письмах митрополита Серафима и о рукописной тетрадке "Ответ востязующим", составленной духовенством, находившимся в то время в оппозиции митрополиту Сергию.

Священник на поставленные вопросы ответил: "Обнаруженная у меня серебряная разменная монета в сумме сорока пяти рублей принадлежит дальнему моему родственнику Миловскому Алексею Михайловичу, умершему 13 июня сего года. Большая сумма этих денег, около сорока двух рублей, хранилась мной у меня в спальне в особом ящике, принадлежавшем Миловскому, полтора или два рубля лежали у меня в столе, обнаруженные у меня в уборной серебряные три рубля, принадлежат моей семье, но кто

положил их в уборную, я или моя жена, не помню. Мне хорошо известно о тех затруднениях, которые переживает рынок в связи с недостатком разменной серебряной монеты; даже был лично со мной случай в конце июля: при возвращении со службы из церкви меня, как не имеющего разменной монеты, высадили из трамвая, и мне пришлось идти полторы или две версты пешком. Всего налога в 1930 году было уплачено тысячу рублей, еще не уплачено двести пятьдесят шесть рублей. Не обменял я эти деньги, сорок пять рублей, на бумажные купюры, так как они принадлежали умершему Миловскому, который никого, кроме нас, родственников не имеет. При богослужениях о здравии папы Римского не поминал никогда. Для погашения своего налога я по домам с подписным листом не ходил, слов "что все равно у большевиков ничего не будет", "что же с нами дальше будет, если войны не будет" при обложении меня налогом я никогда не говорил. Мое отношение к советской власти вполне лояльное. Обнаруженная у меня при обыске переписка митрополита Серафима Александрова хранилась у меня как у исполняющего должность благочинного города Твери в 1924 и в 1925 годах. Обнаруженный у меня при обыске материал, печатанный на пишущей машинке, "Ответ востязующим" на шестнадцати страницах мне прислали по почте два-три года тому назад в одном экземпляре, я его не распространял, только лишь прочитал сам лично. Кто прислал мне, не знаю... Обнаруженные у меня при обыске книги в числе сорока четырех богословского содержания принадлежали ранее станционной библиотеке, а после их изъятия из обращения предназначены к уничтожению; списав, мне их доставили на квартиру, а большая часть была в библиотеке уничтожена".

Ни первоначального допроса женщины, ни тем более выдержанных и ясных показаний священника было недостаточно для обвинения, и тогда следователь снова допросил её, надеясь, что на этот раз она даст расширенные показания, но она вдруг стала пояснять, что все ее "показания" основаны на слухах и разговорах в продуктовой лавке, и все это говорила какая-то женщина. Следователи вынуждены были разыскать и допросить эту женщину. Оказалось, что она год назад пела на клиросе в Александро-Невской церкви, и следователь стал уговаривать ее, чтобы она показала хоть что-нибудь. Она показала: "В праздник преподобного Сергия и Федоровской Божией Матери, перед иконой последней, во всенощную священник Бенеманский при чтении акафиста упоминал слова "ея величества императрицы", а затем продолжал упоминать о Федоровской Божией Матери. Стоявший вблизи меня псаломщик этой же церкви (фамилия мне неизвестна) тут же возмущался на священника Бенеманского за сказанные им слова. В то время в церкви было много народа, лично я припоминаю, была женщина Клавдия (верующая фанатичка) и другие, в лицо я их знаю, а по фамилии не знаю. Я не посещаю церковь около года, до этого ходила часто и слушала проповеди Бенеманского, который говорил о страданиях людей, о гонениях религии как раньше, так и теперь, ссылался, что и раньше сжигали образа, а в заключение указывал, что "как религия была, как Бог был, так Он и будет"; этим он указывал на гонение, переживаемое религией в настоящее время. Своими страстными проповедями он публику доводил до слез. Помимо этого Илья Бенеманский у себя на квартире за закрытыми ставнями проводил собеседования среди верующих фанатичек очень осторожно, но о чем они беседовали, мне неизвестно. Но по всему поведению священника Бенеманского видно, что он контрреволюционный элемент, играя на религии, активно тормозит мероприятия советской власти и вредит всяким начинаниям. Примерно в текущем году мой муж в ленинские дни подал заявление о вступлении в партию через печать железнодорожной газеты "На рельсах", в котором он упомянул о своем разрыве с религией, указывая, что "это ложь и обман". Бенеманский воспользовался этим и сказал страстную проповедь, упоминая слова "о христопродавце". Его проповедь сильно повлияла на чувства верующих, из которых очень многие плакали. Об этом мне говорила молодежь, посещающая церковь, и это правда. Фамилия моего мужа Игнатьев Петр Иванович, ранее, до осени 1929 года, он состоял членом церковного совета той же церкви в течение полутора лет".

В тот же день следователь допросил в качестве свидетеля псаломщика церкви Космы и Дамиана. Он показал: "Я с Ильей Бенеманским служил в церкви в течение двенадцати лет, он держится обособленно, особенно с того времени, как я вместе с диаконом перешел в обновленчество, в то время Бенеманский отсутствовал, находясь в Москве под арестом. А по приезде обратно он повлиял на приход, который заставил нас перейти обратно к тихоновцам. В то время из-за этого я и диакон были без дела три месяца. Меня лично возмущали выражения, все время употребляемые Ильей Бенеманским при служении в церкви при чтении акафиста иконе Федоровской Божией Матери, он постоянно употреблял следующие слова: "Утвердить скипетр державы Российской". Акафист же этот читался еженедельно по вторникам в присутствии тридцати-сорока человек молящихся, а иногда и больше. Помимо этих слов он употреблял при чтении того же акафиста и следующие выражения антисоветского характера: "Радуйся, царей венчание", а с переходом из станционной Александро-Невской церкви в Космодемьянскую, он слово "царей" заменил словом "людей"; перешли мы служить в Космодемьянскую церковь 9 марта 1930 года. Илья Бенеманский при желании мог бы выкинуть эти слова, так как часто читал акафист, но этого не делал, а какая цель преследовалась произносить эти слова, я не знаю, и я ему не говорил об этом, зная, что он отлично понимает, что его могут привлечь к ответственности за эти слова. Имея ораторские способности, он говорил почти каждое воскресенье и праздники проповеди с хорошим подходом и, говоря о страданиях святых, доводил верующих до слез".

25 августа следователь последний раз допросил священника. Что такое тюрьма - страдание или двери в Царство Небесное, у которых стоит Сам Господь? Хочешь "хорошо" жить на земле - отрекись от Христа. Тут, в тюрьме, в нужде и обстоянии, и определялся весь человек, его мера веры и любви ко Господу, и уяснялось, что всё тлен, всё прах, всё преходит. Тюрьма была данным от Господа подвигом. В таких обстоятельствах, отринув упование на земное, сердце само открывалось Господу, и Господь устраивал в нем Свою вечерю, душа ощущала благодатное присутствие Творца, и с этим счастьем, душевным миром, неизреченным блаженством не могло сравниться ничто земное.

Для о. Ильи нетрудным стало заключение, почти привычными за время гонений - стены тюрьмы и решетки. Да и что гонение ему, военному священнику, шедшему вместе с солдатами в бой с крестом вместо оружия. Ему был дан золотой крест на Георгиевской ленте и другие награды за христианское мужество, проявленное в смертельном бою. Не страшась смерти на поле боя, неоднократно быв в узах, он мирно держался и со следователем. На вопросы он отвечал спокойно, не уклоняясь в ненужное и опасное многословие. "В предъявленном мне обвинении я признаю себя виновным в хранении серебряной разменной монеты; в умышленном придерживании этих денег не признаю вины; также не признаю себя виновным в проведении антисоветских идей в проповедях, так как последние были чисто религиозного содержания; при чтении акафиста еженедельно по вторникам я слов "об утверждении скипетра державы Российской", "об утверждении царства и о венчании царей" не произносил, а произносил, насколько помню, "об утверждении царства", а других выражений не произносил, так как эти выражения мной в акафисте зачеркнуты".

5 сентября 1930 года Тройка ГПУ приговорила священника к трем годам заключения в концлагерь на Соловках. Отец Илья из Тверской тюрьмы был отправлен в пересыльную тюрьму Петрограда, а оттуда этапом в Соловецкий концлагерь, где ему предстояло пробыть весь срок заключения.

Через три года о. Илья вернулся на родину в Тверь. Большинство храмов к тому времени было закрыто, служить было негде, и архиепископ Фаддей благословил вернувшегося из Соловков исповедника, которого он знал как выдающегося священника, цвет и украшение Церкви, служить в храме иконы Божией Матери Неопалимая Купина, где служил в то время и сам.

Пять лет служения в храме промелькнули как один день. Несмотря на гонения, преследования и угрозы, сама возможнось служить Божию службу и совершать таинства покрывала все. Церковь и храм среди бушующих волн злого моря житейского стали местом обетованным, раем земным. И сам храм на холме, среди кладбища, отделенный от города полем и Волгой, был как скит.

В декабре о. Илье исполнилось пятьдесят четыре года, из которых тридцать три были посвящены служению Церкви и родине. И мог бы еще послужить, но воля Божия предлагала иной путь спасения.

Снова начались гонения. Всю осень 1937 года шли аресты. В ночь со 2 на 3 ноября были арестованы священники Илья Громогласов и Николай Маслов, в ноябре сотрудники НКВД арестовали родственника о. Ильи, протоиерея Алексея Бенеманского, много раз бывшего в ссылках и заключениях. Отец Илья, видя, как разоряются и опустошаются храмы и арестовывают священников, понимал, что скоро и его черед. Но не приходило в голову и сердцу было чуждо - оставив храм и паству, бежать.

Теперь надо было готовиться к худшему. Опустел чудный храм, где столько лет служилась служба под покровом Матери Божией: 20 декабря был арестован архиепископ Фаддей, через три дня власти арестовали протоиерея Илью Бенеманского и келейницу владыки Веру Васильевну Трукс. В арестах 1937 года обновленцы сыграли ту же роль "судебных убийц, что и в начале двадцатых годов в лице своих руководителей Александра Введенского и Владимира Красницкого, явившись пособниками арестов православных архиереев и духовенства.

22 ноября обновленческий священник Василий Сопрыкин лжесвидетельствовал перед уполномоченным НКВД: "Знакомыми мне в Калинине являются лица исключительно среди духовенства, поскольку я сам являюсь тоже духовным лицом. Среди духовенства тихоновской ориентации моими знакомыми являются следующие лица: архиепископ Фаддей (Успенский И. В.), Бенеманский Илья Ильич, Маслов Н. И., Громогласов И. Н. - три последних лица являются священниками церкви Неопалимая Купина. Кроме того, священник Бенеманский Алексей Константинович, Садовников Василий Гаврилович, бывший иподиаконом архиепископа Фаддея, активный церковник Иван Иванович Пирогов и Иван Морошкин - священник единоверческой церкви, и активная церковница Вера Васильевна Трукс.

По приезде в город Калинин в начале 1937 года меня назначили настоятелем Волынской церкви, эта церковь является обновленческой ориентации, но рядом с ней находится единоверческая церковь - тихоновской ориентации. За короткое время я, наблюдая за деятельностью служителей религиозного культа, тихоновцами, узнал, что там собираются люди с определенными целями и задачами, то есть с определенной антисоветской целью, прикрываясь религиозными делами".

27 декабря обновленческий диакон храма Белая Троица лжесвидетельствовал о священнике Илье Бенеманском и других православных священниках: "Мне известно, что Илья Ильич Бенеманский, Иван Николаевич Морошкин и Александр Петрович Богданов между собой тесно связаны и проводят в своих церквях, используя свой сан служителей культа, пропаганду антисоветских убеждений, высказывая их публично массе верующих. Мне известен факт, происшедший в церкви Неопалимая Купина 20 декабря 1937 года, когда во время отпуста, то есть при окончании службы, Илья Бенеманский во всеуслышание поминал как святых всех великих князей и княгинь с полным их титулованием, показывая политическую подкладку, напоминая о прежней жизни при монархии. При чтении молитвы при молебне Бенеманский избирает явно такие молитвы, которые в политическом отношении по своему содержанию являются контрреволюционными, как например, молитву преподобному Нилу, в которой верующих призывают на борьбу против врагов религии и монархического строя. В молитве говорится "видимых и невидимых врагов и супостатов". В церкви Неопалимая Купина подбор прихожан сделан исключительно из изысканного прежнего общества в лице

бывших офицеров, купцов и разных чуждых элементов, то есть церковь является по существу сборищем контрреволюционных сил и очагом контрреволюционной агитации".

В тот же день священник-обновленец храма Белая Троица Тимофей Колесников лжесвидетельствовал: "С Ильей Ильичом Бенеманским я знаком с 1935 года. Познакомился я с ним у него на квартире, куда я приходил по делу о приглашении его перейти в обновленчество. В разговоре со мной Бенеманский категорически приглашение отклонил и высказался по этому вопросу в антисоветской форме. На мое предложение он заявил: "Я удивляюсь, кто вас послал ко мне с таким гнусным предложением. Я предателем православной веры быть не могу и угодничать советской власти, как обновленцы, не желаю. Обновленчество - это враждебное религии течение и направлено на погибель религии. Я враг этого". После данного разговора Бенеманский попросил меня оставить его дом и больше не являться к нему. Встреч с Бенеманским у меня лично не было, но из рассказа одной и: прихожанок мне известно, что Бенеманский среди своих прихожан ведет систематические высказывания своих контрреволюционных измышлений о гибели советской власти и в церкви производит поминовение во время службы о здравии и спасении заключенных и страждущих в тюрьмах в Советском Союзе. Кроме того, допускает молитвы на богослужении о даровании победы православным христианам над супротивными. Бенеманский среди верующих производит сбор в помощь заключенным врагам народа. Также из разговоров мне известно, что Илья Бенеманский имеет тесную связь со священниками Громогласовым и Масловым, осужденными за контрреволюционную деятельность, а также со священником Морошкиным и диаконом Богдановым, которые также допускают открытые выступления контрреволюционного характера в церкви во время службы. Мне также известно, что указанные Бенеманский, Морошкин и Богданов группируются вокруг прислужницы бывшего архиепископа Трукс Веры Васильевны, которая является связующим звеном с Фаддеем Успенским который продолжает нелегально руководить через Трукс всей Калининской епархией".

В тот же день следователь НКВД, имея в своем распоряжении лжесвидетельства обновленцев, допросил о. Илью Бенеманского. Как всегда, желая, чтобы сам человек дал против себя и других показания, он спросил:

- Назовите фамилии ваших знакомых в городе Калинине и других городах и характер вашей с ними связи.

- Знакомых у меня никого нет, и называть мне некого.

- Вы говорите ложь. Следствие настаивает назвать ваших знакомых.

- Я могу назвать своих сослуживцев по церкви, но знакомства у меня с ними близкого нет.

- Назовите фамилии ваших сослуживцев.

- Сослуживцами моими являлись священник Илья Михайлович Громогласов, священник Борис Иванович Забавин, священник Николай Иванович Маслов, диакон Преклонский - все они служили в церкви Неопалимая Купина за Тверцой.

- Вы знакомы с бывшим архиепископом бывшей Тверской епархии Фаддеем (Успенским Иваном Васильевичем) и его доверенной Верой Васильевной Трукс и каковы у вас с ними взаимоотношения?

- Да, архиепископ Фаддей и Вера Васильевна Трукс мне знакомы, но знакомство у меня с ними было чисто официальное, и никаких других связей у меня с ними не было, кроме служебных, так как я служил священником, а Фаддей архиепископом, и мне приходилось к нему обращаться по служебным вопросам. Веру Васильевну Трукс я хорошо не знаю, так как разговаривать мне с ней не приходилось, о ней я знаю, что она является приближенным лицом к архиепископу Фаддею.

- Вы арестованы как активный участник контрреволюционной церковно-монархической организации, существовавшей в городе Калинине. По заданию руководства этой организации вы проводили контрреволюционную деятельность. Признаете вы себя виновным в этом?

- О существовании контрреволюционной церковно-монархической организации мне неизвестно, и участником ее я не являюсь, и контрреволюционной деятельности я никакой не проводил.

- Вы, являясь активным участником данной контрреволюционной организации, среди духовенства и социально чуждой среды населения проводили вербовку в эту организацию. Признаете ли вы это?

- Нет, это я за собой не признаю.

- Вы с целью контрреволюционной монархической агитации в своей церкви обновили путем подкрашивания и промытия иконы, изображавшие бывших князей (именуемых святыми), тогда как другие иконы оставлены без этого; и на службах церковных особенно выделяли поминовение этих князей. Признаете это?

- Согласно договору церковь должна быть в порядке, поэтому хозяйственный коллектив в порядке ремонта помещения произвел промывку икон в церкви и всех стен, поэтому возможно, что и были иконы каких князей промыты; я лично знаю, что кроме благоверного князя Михаила Тверского, изображений других князей в церкви нет. На церковных службах я поминал только князя Михаила Тверского, а других князей я не поминал.

- Вы систематически среди населения проводили контрреволюционную агитацию, направленную на срыв мероприятий советского правительства. Признаете вы это?

- Контрреволюционной агитации я нигде и никогда не проводил.

На допросах о. Илья держался спокойно и достойно, ему не о чем было волноваться и не было повода печалиться. Ему было куда спокойнее, чем допрашивавшему его следователю. В понимании того, что наступил его крестный час и, может быть, самый главный момент в его жизни, когда решался вопрос жизни вечной, было хорошо, благостно и радостно, что столь велика милость Божия, что и за малое терпение в течение всего лишь нескольких дней Господь открывает райские двери; за ничтожное, малое и временное даруется вечное. И потому, выслушав, что следователь записал из его ответов, священник с сознанием полноты исполненного долга поставил свою подпись под протоколом. И не было и тени смущающих душу сомнений.

Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу 29 декабря - до того как было составлено обвинительное заключение. Священник Илья Бенеманский был казнен в тот же день, что и архиепископ Фаддей, - 31 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Илия (Громогласов) (память 22 ноября по старому стилю)

Священномученик Илия Михайлович Громогласов родился 19 июля 1869 года в селе Ермиши Темниковского уезда Тамбовской губернии в семье диакона Михаила Громогласова. Первоначальное образование он получил в Шацком духовном училище. Затем окончил Тамбовскую Духовную Семинарию, а в 1893 году Московскую Духовную Академию. Академию он окончил со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней профессорским стипендиатом.

Через год он стал исполняющим должность доцента на кафедре истории русского раскола, а в 1900 году его назначают на должность лектора английского языка.

В 1902 году Илья Громогласов обвенчался с девицей Дуловой, дочерью князя Николая Фёдоровича. В 1908 году он защитил диссертацию "Определения брака в Кормчей". Ему была присвоена степень магистра богословия. В 1910 году Илью Громогласова назначают на должность экстраординарного профессора М. Д. А. по кафедре истории русского раскола.

Через год его уволили из Академии "за прогрессивные взгляды", выраженные им в газетных публикациях. Он поступил на службу инспектора классов Мариинского женского училища, одновременно преподавая русскую словесность и всеобщую историю в Московской женской гимназии, которой заведовала его супруга.

В 1914 году Илья Михайлович выдержал экзамены на юридическом факультете Московского университета и был удостоен диплома первой степени. Через год он выдержал экзамены по церковному и государственному праву и получил учёное звание магистранта церковного права. В том же году его приняли в число приват-доцентов на юридический факультет Московского университета на кафедру церковного права.

В 1917 году Илья Михайлович был восстановлен в звании профессора М. Д. А. по кафедре церковного права, оставаясь в то же время профессором Московского университета и преподавателем школы второй ступени.

Илья Михайлович Громогласов был деятельным участником Поместного Собора 1917-1918 годов. В декабре 1917 года Собор избрал Илью Михайловича в Высший Церковный Совет. Он был активным сторонником движения за участие мирян в делах церкви и за проведение соборного принципа в её управлении. В начале 1922 года он оставил светскую службу, приняв решение стать священнослужителем. 18 февраля 1922 года Святейший Патриарх Тихон рукополагает Илью Громогласова в сан диакона ко храму священномученика Антипы в Москве, а 20 февраля - в сан священника того же храма.

Уже через месяц, 22 марта 1922 года отец Илья был арестован. На процессе по изъятию церковных ценностей его приговорили к полутора годам заключения, которые затем заменили годом ссылки. По возвращении из ссылки отца Илию назначили настоятелем Воскресенского храма в Кадашах. 8 марта 1924 года последовал второй арест. Коллегия ОГПУ приговорила его к трём годам ссылки на Урал, но отец Илья добился приёма у прокурора Верховного Суда Красикова и ему дали отсрочку.

Однако, после смерти Патриарха Тихона в 1925 году его вновь арестовали и применили к нему тот приговор - три года ссылки, но уже начиная с 19 мая 1925 года. Сослали батюшку далеко на Север, в село Сургут Тобольского округа. По окончании ссылки ему было запрещено проживать в Москве и ещё в ряде крупных городов. Так он попал в Тверь, где служил в храме иконы Божией Матери Неопалимая Купина.

В ночь со 2-го на 3-е ноября 1937 года батюшку арестовали в четвёртый раз. Его обвиняли в участии в контрреволюционной фашистско-монархической организации, возглавляемой священномучеником Фаддеем, архиепископом Тверским.

Виновным себя батюшка не признал. 2 декабря Тройка НКВД приговорила его к расстрелу.

21 ноября (4 декабря н. ст.) 1937 года протоиерей Илья Громогласов был расстрелян. Погребён священномученик Илья в общей могиле на Волынском кладбище.

6 (19 н. ст.) сентября 1999 года канонизован как местночтимый святой Тверской епархии.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Иннокентий (Беда) (память 24 декабря по старому стилю)

Преподобномученик Иннокентий (Беда) родился в 1881 году в селе Мойсенцы Золотоношского уезда Полтавской губернии в крестьянской семье. Образование получил дома. Поступил в монастырь. В 1908 году был пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона, затем иеромонаха. С началом Первой мировой войны иеромонах Иннокентий переехал в Тверь, где и познакомился с епископом Старицким, викарием Тверской епархии, Петром (Зверевым) и стал его келейником. В Твери отец Иннокентий жил до ареста епископа в 1923 году, после чего он уехал на родину в Полтавскую область. После возвращения из ссылки в Москву епископа Петра отец Иннокентий приехал к нему, а по назначении того на кафедру в Воронеж поехал вместе с ним. Был возведен в сан архимандрита.

Он был арестован по "делу" владыки 17 декабря 1926 года Воронежским ОГПУ и приговорен к трем годам заключения в концлагерь на Соловках. Из заключения архимандрит Иннокентий писал: "Мы по милости Божией пока живы, мое здоровье не совсем порядочное... Одна у нас радость и утешение - это церковь, где находим абсолютный душевный покой, забываются все жизненные невзгоды далекого севера. В церковь имеем возможность ходить почти ежедневно. Вот тут в уголке, в тиши молитвенно и вспоминаются лица, с которыми так или иначе приходилось в жизни встречаться; и когда всех вспомнишь, легко, легко на душе станет, уходишь из храма обновленным и ободренным".

Писал он это 2 сентября 1927 года, а в октябре тяжело заболел, причем состояние его здоровья ухудшалось стремительно. В декабре он соборовался. Он исхудал до неузнаваемости, силы таяли, не было сил говорить. Но дух его был бодр и мирен. Архимандрит Иннокентий умер 6 января 1928 года, накануне праздника Рождества Христова, не произнеся ни одного слова ропота, и был погребен на монастырском кладбище неподалеку от церкви преподобного Онуфрия Великого.

Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

Святитель Иннокентий (Смирнов), епископ Пензенский (память 10 октября по старому стилю)

Святитель Иннокентий (Смирнов), епископ Пензенский, родился в 1784 году в семье церковнослужителя. Учёный по призванию, он был человеком кротким, расположенным к молитвенному деланию и аскетической жизни.

Будучи профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии, он написал двухтомный труд под названием "Начертание церковной истории от библейских времён до 18 века", который полстолетия служил руководством в церковных школах.

Владыка был дружен с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Как деятельный противник модного тогда мистицизма, он был удалён из Санкт-Петербурга на епископскую кафедру сначала в Уфу, а затем в Пензу. Народ его почитал за аскетическое житие и чудеса, совершаемые по его молитвенному предстательству.

Святитель скончался 10 октября 1819 года.

Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

Святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический (память 25 мая по старому стилю)

Святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический (в миру Иван Алексеевич Борисов) родился 15 декабря 1800 года в городе Ельце Орловской губернии в семье священника Успенской церкви Алексия Борисова. Родители преосвященного Иннокентия были люди простые, доброй жизни. Отец Алексей Борисов получил домашнее образование. Из низших степеней клира он дослужился до священника и старался в частых проповедях донести до прихожан слова отцев и учителей Церкви.

Мать преосвященного Иннокентия Акилина была женщина неграмотная, но умная и набожная. Крест и молитва были главным основанием всей её жизни, всех её мыслей, действий и поступков. У неё была своя домашняя аптека, состоявшая из разных трав и цветов, росного ладана, благословенных хлебов, елеев от чудотворных икон, Богородичных просфор и подобных сим священных предметов. Ими она врачевала себя и своих детей. В родительском доме Иван изучил славянскую азбуку, Часослов и Псалтирь и научился письму.

В 1819 году Иван Борисов окончил курс семинарского учения с отличным успехом и поступил в Киевскую Духовную Академию. Здесь он предался изучению наук с таким жаром, что иногда целые ночи проводил за книгой. Повинуясь внутреннему призванию, более всего занимался он составлением и обработкой проповедей.

В 1823 году 23-летний Иван Алексеевич окончил полный курс академического учения первым магистром и был определён в Санкт-Петербургскую Духовную Семинарию на должность инспектора и профессора Церковной истории, но не прошло и трёх месяцев, как он занял и должность ректора Санкт-Петербургского Александро-Невского Духовного училища. Здесь же он принял пострижение в монашество с именем Иннокентий и был рукоположен в иеромонаха. В декабре 1824 года отец Иннокентий назначается бакалавром богословских наук в Санкт-Петербургской Духовной Академии, а через несколько месяцев её инспектором и экстраординарным профессором. В марте 1826 года он возводится в сан архимандрита.

Лекции свои отец Иннокентий обыкновенно преподавал наизусть. Он внимательно следил за современным состоянием и успехами естественных наук, и в его воззрениях эти знания не только не противоречили, но наилучшим образом служили богословию.

В свойствах своей любвеобильной души архимандрит Иннокентий черпал искусство скреплять в среде профессоров добрую общительность и повсюду вносил мир и успокоение. За девять лет ректорства отца Иннокентия академическая семья думала с ним одну думу, жила с ним одною жизнью. Со студентами Академии отец ректор всегда обходился ласково и благородно. Особенно добрым и внимательным бывал он к ним тогда, когда их постигало какое-либо горе, например, серьёзная болезнь. Помочь в этой беде несчастному - составляло тогда для ректора всю его главную заботу. Он жертвовал в этом случае не только своими средствами, но иногда даже и своими жизненными удобствами.

Особую славу отца Иннокентия составляет необыкновенный проповеднический талант. Впоследствии Владыку Иннокентия назовут "Русским Златоустым". Как

проповедник он отличался тем, что действовал по преимуществу на сердца слушателей и увлекал их ясностью и простотою слова, тонкими и остроумными сближениями предметов, искусством открывать в них новые и занимательные стороны и умением принять, как можно ближе, свои поучения к различным случаям и обстоятельствам. Таким образом, Владыка Иннокентий создал новую русскую школу проповедничества, далёкую всякой внешней эффектности и сухой учёности.

Кроме проповедей, Владыка оставил много замечательных научных произведений и переводов, таких как: "Жизнь св. Киприана", "Жизнь св. Апостола Павла", "Памятник веры", "История Соборов Вселенских", перевод "Кормчей Книги" и многое другое.

Внешняя природа для отца Иннокентия была второю Библией, свидетельствующей о Божественном величии Творца. Этот взгляд на природу ясно проводил он в своих проповедях. "Посмотрите, -говорил он, - на кипящее волнами море, или на тучу, рассекаемую молниями и громами: не образ ли это всемогущества Божия? Посмотрите на свод небесный, усеянный звёздами, на восходящее Солнце: не образ ли это премудрости Божией? Посмотрите на Весну, украшенную цветами, ведущую за собою хоры пернатых: не образ это благости Божией? Что мешает тебе, смотря на свои картины, восходить мыслею к совершенствам Творца твоего"? При таком взгляде отца Иннокентия на природу понятна и особенная любовь его к ней и к естественным наукам. Императорская Академия наук и разные ученые общества почтили литературные заслуги проповедника принятием его в свои члены. Проповеди его были переведены в своё время на греческий, немецкий, французский и польский языки.

В 1836 году 21 ноября в Казанском соборе Санкт-Петербурга в день Введения во храм Пресвятой Богородицы состоялась хиротония архимандрита Иннокентия во епископа Чигиринского.

В марте 1840 года он назначается на кафедру епископа Вологодской епархии. Здесь он оставался 9 месяцев и затем был перемещён в Харьковскую епархию. Служение его в Харькове продолжалось около семи лет. За этот срок он восстановил Ахтырский и Святогорский монастыри, открыл Никольскую женскую обитель. Владыке принадлежит идея учреждения торжественного крестного хода в Харькове по случаю перенесения в город из Куряжского монастыря чудотворной иконы Божией Матери.

В 1845 году Владыка возводится в сан архиепископа. И через 3 года назначается в Херсоно-Таврическую епархию, где разноплеменная православная паства непрестанно подвергалась тлетворному влиянию татар, евреев и немецких колонистов.

Восстановить в Крыму древние христианские памятники, разрушенные татарами, и основать свой "Русский Афон", - вот главное, чего хотел достичь архипастырь во время своего управления Херсоно-Таврической епархией.

Желая сохранить развалины древнего Херсона, прославленного крещением великого князя Русского Владимира, преосвященный Иннокентий испросил себе у наместника Кавказского эти развалины и постарался устроить там, посреди пустыни, вблизи остатков бывшего соборного храма, небольшую церковь во имя святой княгини Ольги с небольшим помещением для иноков. Затем он обновил иссечённый руками святого Климента в Инкерманской скале древний храм, освятил его в память двух священномучеников Климента и Мартина, пострадавших в Херсоне, куда они посланы были на каменноломные работы, и устроил в этой же скале небольшой скит. Во время своего путешествия по Крыму Владыка обычно оставлял спутников у подножия гор, а сам поднимался на их вершину для молитвы на местах подвигов древних подвижников.

В последние годы своего святительства преосвященный Иннокентий принимал самое живое архипастырское участие в бедствиях Крымской войны и имел в высшей степени благотворное влияние на воинов.

Величие духа Святителя Иннокентия обнаружилось и в посещении им страдальцев-воинов в лазаретах, свирепствовал заразительный тиф и где можно было видеть всю тяжкую скорбь, все страдания, порождаемые войной. В сражениях он обходил ряды войск,

ободряя героев. И здесь мужественный пастырь-отец являлся ангелом-утешителем страждущих.

В коронацию Императора Александра II, архиепископ Иннокентий назначен был членом Святейшего Синода.

Усиленные труды и тревоги надломили здоровье славного архипастыря. Владыка заболел, находясь в Севастополе во время битвы русских войск с неприятелем, и на обратном пути в Одессу скончался в Херсоне 25 мая 1857 года в светлый праздник Живоначальной Троицы.

Канонизован Русской Православной Церковью в 1997 году.

Священномученик Иоанн (Богоявленский) (память 11 декабря по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 12 февраля 1892 года в селе Ветрине Ярославской губернии в семье священника Дмитрия Богоявленского и жены его Людмилы. В 1914 году Иван Дмитриевич окончил Ярославскую Духовную семинарию, но по стопам отца идти не захотел, он желал выбрать светский путь и работать в земских учреждениях. Так как семинарию он окончил по 2-му разряду, то в земство его не взяли, и он был вынужден устроиться учителем в церковно-приходскую школу. Однако эта работа его не удовлетворила, и осенью 1916 года Иван Дмитриевич поступил на юридический факультет Ярославского Демидовского лицея, где проучился два курса - до 1918 года, когда власти преобразовали лицей в государственный университет, где продолжать образование он не захотел. В 1918 году в Ярославле, как и во многих промышленных городах России, начался голод, и Иван Дмитриевич стал подыскивать место учителя в одном из маленьких городков и, наконец, в 1919 году уехал в Весьегонск, где поступил в советскую школу 2-й ступени преподавателем истории, географии, истории социализма и политической экономии. Несмотря на свое былое стремление к светскому пути, Иван Дмитриевич был человеком глубокой веры, которую не скрывал, и часто посещал храм. В обстановке начавшегося гонения его вера стала подвергаться насмешкам - сначала от коллег учителей, а затем и от учеников, и Иван Дмитриевич решил оставить работу и уехать.

В январе 1922 года он вернулся на родину, в село Ветрино, где служил его отец, и поселился в родительском доме. В апреле отец умер, приход остался без священника, и Иван Дмитриевич решил поступить на место почившего батюшки. В начале мая он обвенчался с дочерью священника, служившего в одном из храмов города Мологи Ярославской епархии, Ниной Николаевной Семеновской, а 9 мая был рукоположен в сан священника ко храму родного села.

В конце двадцатых годов снова начались гонения; в глухом селе они выразились в требовании, чтобы священник выполнил заведомо непосильное задание по лесозаготовкам, которое он выполнить не смог, за что в марте 1930 года был приговорен к одному году исправительно-трудовых работ. Прихожане, однако, были недовольны расправой над священником и пришли к зданию районного отделения НКВД, требуя его освобождения. Перепуганные власти вынуждены были его отпустить, всего лишь выслав за пределы области. Отец Иоанн приехал к епископу Рыбинскому Серафиму (Протопопову) за советом и благословением, и тот сообщил ему, что в селе Раменье Тверской области остался приход без священника, и посоветовал поехать к епископу Бежецкому Григорию (Козыреву), в чьем ведении был храм. Владыка Григорий благословил его занять место священника в Раменской церкви. Здесь, как и в родном селе, прихожане полюбили о. Иоанна. Но власти не забыли о приговоре, и в апреле 1931 года он был арестован и отправлен отбывать заключение на лесоповал в Сонковский район.

Верующие не оставляли его - привозили продукты и всячески поддерживали. 27 марта 1932 года срок заключения закончился, и священник вернулся в Раменье.

Сразу же вслед за этим начальник районного ОГПУ послал уполномоченному по Сонковскому району сообщение, где говорилось, что о. Иоанн "является ярым противником советской власти; приверженцем тихоновской ориентации. В 1929 году был репрессирован за антисоветскую деятельность. Кроме того, были установлены факты подпольной адвокатуры. Ввиду изложенного, за Богоявленским установить тщательное наблюдение".

Храм в селе Раменье находился рядом со школой, и школьники во все большие церковные праздники заходили в него - одни потому, что у них родители были верующими, другие - из любопытства. Это не нравилось директору школы, и он стал искать пути закрыть храм.

10 августа 1934 года сотрудник НКВД Фейгенберг потребовал от прокурора разрешения на арест священника, и 15 августа о. Иоанн был арестован; в тот же день следователь НКВД допросил его.

На вопросы следователя о его отношении к мероприятиям советской власти о. Иоанн ответил: "Ко всем мероприятиям советской власти я отношусь лояльно и недовольства никогда не выражал как про себя, так и в присутствии других. Все проводимые мероприятия одобряю, так как они направлены на улучшение жизни человечества, хотя бы взять к примеру колхозы - это, по моему мнению, единственный выход крестьянину из нужды. Я отлично понимаю, что все проводимые мероприятия советской власти и партии влекут постепенное отмирание религии... Каких-либо разговоров среди населения по вопросам политики партии и мероприятий советской власти я не веду, откровенно говоря, боюсь, так как скажешь слово, а после его извратят, и можно получить неприятность. С вопросами текущей политики я знаком, так как выписываю и читаю областные, районные и центральные газеты".

В это время было заведено следственное дело на одного из прихожан о. Иоанна, Алексея Попкова, и следователь решил найти обвинение в самом факте знакомства Алексея со священником и спросил о. Иоанна, знает ли он Попкова. Священник ответил: "Алексея Попкова я знаю, потому что он является зятем регентши Дарьи Кондратьевны, она все время пела на клиросе. С ней приходила петь ее дочка Параскева. Я спросил: "Кто с тобой поет?" Она мне сказала: "Моя дочка, Прасковья, она замужняя, муж ее Алексей Попков". В какой-то религиозный праздник я пришел с молебном в дом к Попковым, после молебна я спросил его, он ли муж Параскевы. Он ответил: "Да". С тех пор мы с ним знакомы, изредка встречались на улице, здоровались и расходились, никаких разговоров на политические темы не было. Позже летом, когда Попков проходил мимо моей квартиры на работу в поле, он заходил ко мне попить воды. В июле 1934 года Попков приходил ко мне домой и просил поисповедовать отца".

Не добившись нужных для себя показаний, следователь вызвал на допрос регентшу Дарью Кондратьевну. Она рассказала: "В деревне Маланьино Раменского сельсовета я проживала в течение девяти лет, то есть с 1925 по 1933 год. Как любительница пения до 1933 года участвовала в церковном хоре. Священника Богоявленского я знаю хорошо и должна про него сказать, что человек он очень осторожный и хитрый, зная, что я являюсь активисткой, избегал со мной откровенных разговоров относительно власти. Я имела намерение выведать его взгляды на мероприятия советской власти, но он избегал этих откровенных разговоров и заводил речь о другом. Из крестьян деревни Маланьино священник имеет хорошее знакомство с семьей Алексея Попкова, которая ему оказывает материальную помощь продуктами. Алексей Попков настроен антисоветски, систематически среди колхозников распространяет слухи о войне и гибели советской власти".

7 сентября следователь допросил старосту храма, где служил о. Иоанн, Наталью Томилину.

Ей в то время было девяносто четыре года. Она ответила следователю: "Я являюсь церковной старостой Раменской церковной общины. По долгу своей службы мне иногда приходилось вести разговоры с Богоявленским, а также последний иногда ко мне заходил по церковным делам и просто так побеседовать. В момент, когда он приходил ко мне, приходили односельчане, но священник с ними вести разговоры остерегался. Из всех граждан нашего селения Богоявленский считал самыми самостоятельными семьи Алексея Попкова и Григория Попкова. В прошлом году приезжал в Маланьино какой-то священник, как Богоявленский рассказывал, то он не пустил его и в дом. Этот же священник после заходил и ко мне, но я его также не пустила - раз батюшка что-то заподозрил, то я думаю, что не зря. Он у нас человек очень умный и осторожный. Кое с кем, да еще с незнакомым человеком о чем-либо постороннем говорить не будет".

Следователи допрашивали священника каждый день посменно, день один следователь, день - другой. Обвинить его было не в чем, следователям не к чему было придраться, и они стали интересоваться - как же он, верующий человек, и преподавал социализм. Отец Иоанн отвечал: "Будучи преподавателем в школе, я ученикам преподавал об утопическом социализме, что при нем будет много школ низших и высших, школы будут общие для мужчин и женщин, что будет создано общественное питание в школах и среди всего населения. Фабрики будут общие, должно быть учтено все имущество, труд должен стать коллективным. Я был преподавателем времен военного коммунизма. В это время было положение смутное, не было точных установок учения Карла Маркса о научном социализме, поэтому я и преподавал утопический социализм. Впоследствии от меня стали требовать преподавания о принципах трудовой школы, общественно-полезном труде и так далее. Я далек был от такого преподавания, не мог в своей голове переварить всего нового о школе. Я тогда в 1922 году ушел на службу священником, где я хотел найти для себя отраду в своей работе. Я знал, что, будучи священником, все время буду находиться среди учеников в деревне и среди крестьян. Причем после преподавания в школе я видел, что не могу быть полезным для настоящего общества и у меня к этому нет призвания. В отношении обновленческой церкви я все подробности сам хорошо не усвоил, но должен заявить, что ходить в маске я не могу. Я хочу быть настоящим священником Православной Церкви и ни в коем случае не могу отступить от Церкви митрополита Петра Крутицкого, митрополита Нижегородского Сергия, митрополита Ярославского Павла. Я буду служить, если мне предоставится возможность, до последнего. Политической жизнью советской власти я интересуюсь через газеты. Главным образом в газетах интересуюсь государственным управлением - как власть управляет своей страной, но понимание нового управления для меня дается тяжелее. Раньше было понятно, что управлял один царь и всё. Я интересуюсь через газеты управлением государственным не потому, что меня особенно советская власть интересует, для меня все равно, царь управлял, советская власть управляет или кто другой. Я жил при царе так, как живу и теперь. Я предан Православной Церкви и буду продолжать до конца служить ей. Относительно обвинения меня и моей связи с Алексеем Попковым в отношении антисоветской агитации я должен отметить одно. Я убежден в том, что вести контрреволюционную работу против советской власти и политики партии я один или вдвоем, хотя бы и с Попковым, не мог, потому что мы вдвоем не могли оказать большого влияния на подрыв советской власти. Если бороться с советской властью, то надо много иметь сторонников, но я их не имел и не мог иметь. Я хорошо знал, что за каждым моим шагом следят, ко мне каждый год посылали шпионов... Ко мне подослали в 1933 году зимой одного священника. Он просил, чтобы я принял его на службу, хотя бы в сторожа церкви. За малое время пребывания со мной он старался завести разговор о советской власти. Я понял, что он кем-то подослан и совершенно с ним перестал разговаривать. В 1934 году был подослан еще один священник. Я знал, что мне свой язык невозможно, как говорят, распускать ни в каком случае - кругом следят, поэтому я был очень осторожен во всех разговорах о мероприятиях советской власти. Я предупреждал Алексея Попкова,

чтобы он особенно не болтал про советскую власть плохого среди женщин, так как женщина из мухи может раздуть слона, и можно попасть через язык в тюрьму. Какая может быть антисоветская агитация при данных условиях среди неграмотных людей, когда кругом за нами следят. Кем подосланы эти шпионы, я точно сказать не могу".

Прочитав показания священника, следователь решил попробовать - а не удастся ли зацепиться за это предупреждение Алексея Попкова священником, но о. Иоанн на это возразил:

"Алексею Попкову я никаких предупреждений об антисоветской агитации не делал. Написанное выше о том, что я предупреждал Попкова, было следователем недопонято".

Не зная, кого еще допросить, следователь вызвал женщину, возившую о. Иоанну продукты, когда он находился в заключении. На вопросы следователя она ответила: "Я, как религиозная женщина, к священнику отношусь сочувственно, у священников церкви села Раменье, которые были до о. Иоанна, иногда прислуживала, мыла полы. Когда Богоявленский отбывал принудительные работы в Сонкове, верующие ему помогали продуктами - хлебом, картошкой. Однажды я была в Сонкове по своим делам, года два тому назад, в этот день была в Сонкове и жена Богоявленского, встретили мы его на вокзале, и среди нас был разговор про колхозы и дровозаготовки, священник спрашивал, как там живут верующие - наверное, были все на лесозаготовках, спрашивал, как в колхозах, было ли распределение доходов. И когда я ответила, что колхозники недовольны колхозом, так как не все еще одинаково работают, а после того, как поделили доходы, очень ругаются, он ответил: "Ну я так и знал, что ничего из этих колхозов не получится". Больше от священника я ничего подобного не слыхала".

Как всегда, в качестве самого значительного свидетеля обвинения был вызван представитель местной власти - председатель сельсовета, который показал: "Алексея Алексеевича Попкова я знаю как односельчанина, его взгляды антисоветские... Конкретных выступлений с указанием даты припомнить не могу. Алексей Попков имеет тесную связь со священником Раменской церкви Богоявленским. В сельскохозяйственную кампанию 1934 года я был у себя в деревне, и колхозники мне рассказывали, что в момент уборки клевера днем все колхозники сушили клевер, а Попков ушел к священнику Богоявленскому и долгое время с ним беседовал. Характерно отметить то обстоятельство, что все лица, которые имеют тесную связь с Богоявленским и которых я знаю как односельчан, так же, как Попков, антисоветски настроены и открыто высказываются против проводимых мероприятий. Все лица, которые держали связь со священником, держали ее как-то скрытно от других и ходили только они к священнику, к ним же священник, как я заметил, не ходил. Можно уверенно сказать, что все антисоветские настроения и разговоры, которые очень часто можно было слышать от граждан деревни Маланьино, исходили от священника через близких ему людей".

Но и эти показания были неубедительны и недостаточны для обвинения священника, и тогда 27 сентября о. Иоанна допросил уполномоченный управления НКВД, чтобы составить свое окончательное заключение по этому делу.

Отец Иоанн, отвечая на вопросы, сказал: "Служа священником села Раменье, я при отправлении служб в церкви каких-либо проповедей антисоветского характера не произносил. В частные беседы с прихожанами вступал очень редко, тем политического характера не касался никогда и ни с кем. Прихожане относились ко мне хорошо, среди них я пользовался авторитетом. Объясняется это, с одной стороны, тем, что я на требы не только не устанавливал таксы, но и не просил; что дадут, то и ладно, а и не дадут - хорошо. С другой стороны, прихожане любили меня за то, что я заботился о храме, исправлял обязанности не только священника, диакона и псаломщика, но был одновременно и звонарем, и сторожем, и уборщиком. Предшественник мой довел, можно сказать, храм до запустения - всюду были грязь, пыль, паутина. Я храм благоустроил и все время своими силами поддерживал в нем чистоту. Как и каким путем отдельные граждане, как, например, председатель сельсовета, говорят, что я являюсь

первоисточником разного рода антисоветских разговоров - для меня совершенно непонятно".

По-видимому, и следователи НКВД, и уполномоченный вполне сочувствовали священнику и, записывая его ответы, не слишком искажали то, что он говорил, и не захотели его осудить. 2 октября уполномоченный НКВД составил свое заключение: "В действиях, приписываемых обвиняемому Богоявленскому, нет состава преступления, а потому дело производством прекратить, арестованного Богоявленского Ивана Дмитриевича из-под стражи немедленно освободить". Отец Иоанн был освобожден из Бежецкой тюрьмы и вернулся служить в село Раменье.

В начале 1935 года благочинный прислал о. Иоанну распоряжение, чтобы он вел в своем храме запись родившихся, умерших и вступивших в брак. По существу эти записи нужны были самим крестьянам, которые желали, чтобы факт крещения их детей, смерти близких был записан в церковных книгах их собственной приходской церкви.

Отец Иоанн в соответствии с распоряжением благочинного вел эти записи до сентября 1935 года, когда вновь был арестован властями и обвинен в присвоении административных функций. Прихожане нашли адвоката для защиты священника. Состоявшийся вскоре суд приговорил о. Иоанна к денежному штрафу. После оглашения приговора священник был освобожден. Адвокат, прощаясь с о. Иоанном, предупредил его, что он все равно будет вскоре арестован, так как главная его вина перед властями состоит в том, что он священник, и он может избегнуть ареста лишь оставив служение в храме. Такой путь о. Иоанн категорически отверг и вернулся служить в церковь.

В декабре 1935 года благочинный снова прислал распоряжение, чтобы священник и в 1936 году вел подобные записи. Об этом распоряжении стало известно НКВД, и, намереваясь привлечь священника к ответственности, 8 марта 1936 года следователь вызвал о. Иоанна на допрос.

- Поступила ли к вам директива благочинного с указанием о ведении записей в церкви на 1936 год - родившихся, умерших и вступивших в брак? И когда она к вам поступила? - спросил следователь.

- Да, такая директива ко мне поступила в декабре... точно указать какого числа не могу.

- Что вами практически сделано во исполнение указанной выше директивы?

- В сентябре 1935 года я был судим за присвоение административных функций, то есть за то, что вел эти записи и выдал по ним справку. Поэтому, невзирая на указания вышестоящего духовного лица, я вести записи в 1936 году не стал.

Следователь удовлетворился ответами священника и отпустил его.

Положение храма в 1936 году стало критическим, власти обложили его налогом, выплатить который было невозможно, тем более что они запретили молебны в домах, а в храм многие уже опасались открыто ходить. 5 февраля в доме священника собралась церковная двадцатка, чтобы решить, как избежать закрытия храма. Решили во что бы то ни стало выполнить требование властей и собрать далеко не малую для разоренных коллективизацией крестьян сумму, а для этого произвести сбор средств по дворам с обращением к жителям, что если они не помогут, то советская власть закроет храм, и уже не придется хоронить своих близких на церковном кладбище, не будет ни отпеваний, ни панихид, ни молитв, и никто не помянет души почивших за литургией.

Обход по дворам моментально дал результаты: была собрана нужная сумма и уплачен налог. Все это не осталось незамеченным властями; тут же посыпались доносы в НКВД: будто крестьяне стали говорить, что священник работает лучше, чем сельсовет, которому никогда плана по государственному займу не выполнить, будто он одним словом, что церковь закроют и сельсовет без церкви будет брать за похороны тридцать рублей, собрал нужную сумму, плохие же помощники у сельсовета, куда хуже, чем у священника. Несмотря на доносы, все же и власти видели, что священник ведет себя сдержанно, и не потому, что осторожен, а по своему смирению и какой-то природной застенчивости.

Но пришли новые, более безжалостные гонения, руководители страны приняли решение о беспощадном уничтожении всех неугодных им людей и целых слоев населения, в том числе и духовенства. 12 ноября 1937 года о. Иоанн был арестован; после этого сотрудники НКВД стали собирать "доказательства преступности" священника. По обыкновению стали вызывать "дежурных свидетелей". Как обычно, был вызван представитель местной власти - председатель сельсовета; продолжали собираться доносы. Один из доносчиков писал о священнике, что "два года назад из колхоза, то есть на третий год пятилетки, одна женщина дала священнику Богоявленскому два мешка картошки из общеколхозной, подлежащей распределению по трудодням. Он знал, что картофель общий, а взял". 20 ноября состоялся первый допрос.

- Вам предъявляется обвинение в систематической контрреволюционной агитации, направленной к срыву проводимых хозполиткампаний в колхозах. Следствие от вас требует правдивых показаний.

- Антисоветской агитации я не вел.

- В сентябре вы дали установку монахине вести антисоветскую агитацию о том, что якобы советская власть - каторга и колхозы распадутся. Подтверждаете вы это?

- Этого не подтверждаю.

- 4 ноября вы, будучи в церковной сторожке, восхваляли врагов народа. Подтверждаете ли вы это?

- Этого я не подтверждаю, показания свидетелей ложны.

- В августе вы среди колхозников деревни Маланьино вели антисоветскую агитацию. Говорили: "Работаете день и ночь, а получаете гроши, все пойдет государству". Подтверждаете ли вы это?

- Этого я не подтверждаю. Антисоветской агитации не вел.

- В сентябре вы распространяли слухи о войне и падении советской власти. Подтверждаете ли вы это?

- Нет, не подтверждаю.

Священник держался твердо и отказался возводить клевету на себя или других, и в тот же день следствие было закончено. 25 ноября Тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Отец Иоанн был сослан в Коми область в Сев-желдорлаг, в поселок Княж-Погост. Он пробыл на тяжелых работах с 1938 по 1941 год. С началом войны, при том что работа оставалась непосильно тяжелой, кормить в лагере почти перестали. Священник Иоанн Богоявленский умер от голода 24 декабря 1941 года; ему было тогда сорок девять лет.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Бойков) (память 6 апреля по старому стилю)

Священномученик Иоанн (Бойков) родился в 1891 году в городе Бежецке и был старшим братом священномученика Иакова (Бойкова). В 1915 году он окончил Тверскую Духовную семинарию и поступил псаломщиком в собор в городе Осташкове. В 1917 году умер отец священник, и родственники уговорили Ивана Яковлевича вернуться на родину в Бежецк, куда он приехал в 1918 году и устроился работать учителем. Но не по душе было религиозному молодому человеку преподавание в новой, враждебной православию

школе. Он женился, оставил учительство и в 1921 году был рукоположен в сан священника ко храму села Залужанье Молоковского района Тверской области. Здесь он служил до 1929 года. В это время началась коллективизация, и, как почти везде, она началась с закрытия храма. После того как храм был закрыт, жена Евфросиния Михайловна стала просить его, чтобы он не искал нового места священника и перестал служить; о том же просили и некоторые из крестьян, видя, что надвигается беда и не сегодня-завтра священник может быть арестован. Они говорили ему:

- Отец Иван, ведь уже и в Москве всё разрушают, храмы взрывают, оставь служение.

- Нет, я не изменник Богу. Море переплывешь - на берегу утонешь.

Но на всякий случай, чтобы из-за его священства власти не преследовали семью, он разрешил жене развестись.

В 1929 году о. Иоанн получил место священника на погосте Белом Молоковского района, а 1 ноября 1930 года перешёл служить в храм села Бошарова. Здесь жили монахини из многих закрытых монастырей и церковная служба правилась по-монастырски.

Время от времени о. Иоанн приезжал в Залужанье навестить семью и повидаться с прихожанами, которые искренне любили глубоко верующего священника. Приезжать приходилось ночью, чтобы не навлечь беду на близких. Но все равно, часто случалось так, что соседи, которым ГПУ поручило следить за домом священника, доносили о приезде о. Иоанна уполномоченному ОГПУ, тот посылал милиционера, который, приходя, спрашивал, здесь ли священник, и тут же уходил, не желая арестовывать его.

Побывав дома и всех повидав, священник ночью уходил пешком в село, где служил. ОГПУ все же решило арестовать священника, а вместе с ним и прихожан-крестьян. Формально их обвинили в том, что они являются противниками создания колхозов, повсюду говорят против них и создали на этой почве целую группу, которую будто бы и возглавил о. Иоанн Бойков. Соседи в очередной раз донесли, что к жене и детям приехал священник, и на этот раз ГПУ само арестовало его. Виновным себя о. Иоанн не признал. На допросе, отвечая на вопросы следователя, он показал: "В селе Залужанье я не стал служить с октября месяца 1929 года ввиду того, что церковь закрыли. Там я служил восемь лет. Особой дружбы мне с кем-либо вести не приходилось по той причине, что я глуховат, болезненный. В деревне Малые Дельки я знаю всех, так как эта деревня была прихода церкви села Залужанье. Знаю там Павлова Василия Павловича как живописца, так как последний лично мне писал икону и в церковь писал две иконы, затем золотил крест на колокольне. Кроме того, когда бывали в деревне Малых Дельках молебны и бывала плохая погода, приходилось останавливаться у Павлова, так как у него имеется навес и удобно ставить лошадь. Специально в гости к нему не ходил. Какой-либо помощи, советов я ему не давал и около года совершенно не виделся с ним. С момента моего отъезда в село Бошарово, то есть с 1 ноября 1930 года я ни с одним прихожанином Залужанского прихода не видался и никакой связи не имел, как письменной, так же и живой. Приехал я в село Залужанье 11 марта и, так как в Бошарове уволился совсем, привез детям картофеля два узла и хотел на другой день ехать на Красный Холм в город Бежецк к преосвященному епископу Григорию проситься куда-нибудь на службу в другой приход, но уехать не удалось, так как 12 марта был задержан на квартире у разведенной жены Постниковой. Больше по настоящему делу добавить ничего не могу".

Были арестованы и крестьяне, но ни один из них не признал себя виновным и не стал поддерживать выдумок следователя. Как раз именно в этом селе бедняки выступили против раскулачивания и изъятия имущества у односельчан, сумев доказать, что ни кулаками, ни "мироедами" они не являются. Тогда власти обложили "виновных" налогом и, поскольку налог был велик и не был уплачен, потребовали уплату штрафа, а за неуплату штрафа постановили изъять все имущество; однако сельсовет медлил с исполнением бессовестного решения. Теперь, когда и священник, и крестьяне были арестованы, следователь спросил председателя сельсовета Ивана Кутьина, почему он не

произвел изъятия имущества у оштрафованных крестьян. Тот ответил: "Я не выношу крика и плача детей, и поэтому отказался идти, но я не говорил другим членам сельсовета, чтобы и они не ходили, а почему и они не пошли, я не знаю".

Через месяц, 20 апреля 1931 года, Тройка ОГПУ приговорила о. Иоанна к пяти годам исправительно-трудовых лагерей; вместе с ним были приговорены к различным срокам заключения и ссылки четверо крестьян.

После ареста священника у его жены Евфросинии отобрали дом в Залужанье и все, что в нем было, хотя дом был построен еще ее родителями, когда она решила выйти замуж за Ивана Яковлевича. Без дома и средств остались дочери о. Иоанна, Нина и Вера, которым было тогда восемь лет и четыре года. Власти отобрали всю одежду, у детей забрали игрушки, родным священника разрешили взять из дома только то, что те успели надеть.

Незадолго до ареста о. Иоанн просил свою мать, Александру Васильевну: "Мама, когда меня арестуют, не оставь моих детей, помоги им". Сестра о. Иоанна была против того, чтобы давать приют жене брата, потому, мол, что у Евфросинии Михайловны есть свои родственники, но Александра Васильевна настояла, и жена о. Иоанна с детьми поселилась в Бежецке в доме его матери. В доме в это время проживало много родственников, и семья арестованного священника поселилась на кухне. Поскольку Евфросиния Михайловна была лишена гражданских прав как жена священника, несмотря на то что была с мужем разведена, на работу ее никуда не принимали. И пришлось ей ходить по миру и побираться. Свое нищенство она от детей скрывала, чтобы те не переживали за нее и не стыдились; она никогда не ходила просить в храмы, так как это быстро дошло бы до родственников, а ходила по глухим и дальним деревням. Утром потихонечку соберется и уйдет, вечером придет с тем, что подаст Господь. Все, что ей удалось сохранить из личных вещей, в первые же дни было обменено на продовольствие. Но бесконечно так не могло продолжаться, и она поехала к своей сестре в Москву посоветоваться. Сестра ее принимала, но помочь ничем не могла, да и принимала как жену арестованного священника, тайно: только накормит - и все, на ночь никогда не оставляла, боялась, чтобы муж не узнал. Ехала однажды к ней Евфросиния в Москву и горько плакала, глаза не просыхали от слез. И вот какой-то человек спросил ее:

- Да что вы плачете-то? Что у вас случилось?

- Да вот еду, еду, а сама не знаю, куда и как еду и на что и как мне жить.

И человек тогда ей сказал:

- Поезжайте в Иваново-Вознесенск, есть такой город - Иваново-Вознесенск. И там вас в правах восстановят. Устроитесь работать на комбинат и восстановитесь в правах.

Евфросиния, как он это сказал, сразу ему поверила и отправилась в Иваново-Вознесенск - поначалу одна, без детей. Приехала - чужой город, ни одного родного человека. Пришла она на меланжевый комбинат, и там ей кто-то сказал: "Идите по такому-то адресу. Там живет одинокая старушка, она вас пустит".

Это была одинокая бабушка, девица, она сама и свой маленький домик построила, и дрова заготовляла, и все по дому сама делала. Постучалась робко Евфросиния Михайловна.

- Кто, кто там? Кто ты?

- Да вот я... мне посоветовали.

Женщина глянула на пришедшую и говорит:

- Проходи, проходи! Ты знаешь, какой мне сон сегодня приснился? Увидела я, как ко мне в окошко священник постучал. Проходи, проходи, матушка! И детей привози, устраивайся.

Съездила Евфросиния Михайловна за детьми, устроилась работать на меланжевый комбинат, на самую тяжелую, грязную работу, на которую никто не шел - цеха убирать. Проработала она здесь один год и стала болеть, и ей сотрудники на комбинате посоветовали - похлопочи, чтобы тебя восстановили в правах. Хлопоты увенчались успехом, ее восстановили в правах, она уехала в Бежецк и устроилась работать

учительницей. Но проработала недолго: как узнали, что она жена священника, так уволили. И она пошла в другую школу, но здесь повторилось то же самое. В последний раз она устроилась в школу в Княжеве, в селе, где служил брат ее мужа о. Иаков. И здесь директор школы хотел не только уволить ее как жену священника, но стал добиваться, чтобы ГПУ непременно арестовало ее. Все эти события и переживания привели к тому, что у Евфросинии Михайловны на продолжительное время отнялись ноги. Врачи выписали ей документ об инвалидности, и Александра Васильевна сказала ей: "Фролушка! Не ходи больше работать. Не ходи. Ну их. Не ходи к ним больше работать". Это был 1937 год. О пенсии ей пришлось хлопотать долго, многократно она писала властям, писала даже Крупской. Пенсию ей дали самую незначительную, только чтобы хлеба купить, но с Божьей помощью она с детьми выжила.

Сразу же по прибытии в лагерь о. Иоанн написал всем своим родным и писал во всё время заключения.

28 июля 1934 года.

Дорогая мама!

Я, слава Богу, жив и здоров, из Суянки меня отправили 25 июля на этап в Вишеру, а сейчас 28 июля утром в пять часов из Вишеры отправляют, не знаю куда. Обо мне не беспокойтесь. Я здоров и благополучен. Привет всем родным. Где буду находиться, я напишу.

Бойков".

Хотя и успокаивал о. Иоанн своих родных, но здоровье его было подорвано, туберкулез давал о себе знать, и в сочетании с тяжелой работой это оказалось непереносимым. Вскоре после этого последнего письма о. Иоанн скончался.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Бороздин) (память 14 сентября по старому стилю)

В слободе Мстере Вязниковского уезда Владимирской губернии во второй половине XVII века был образован мужской Богоявленский монастырь. В 1722 году, в период владения этими землями графом Головиным, в Мстере среди местных жителей зародилось занятие иконописью, которое принес сюда московский иконописец А. Алексеев. В 1844 году мстерские земли вместе с населяющими их крестьянами и художниками-иконописцами перешли во владение графа Панина. К этому времени мстерские иконописцы получили широкую известность, и их стали часто привлекать к работам по реставрации росписей храмов и монастырей, и в особенности древних икон. В начале XVIII столетия они занимались реставрацией соборов Московского Кремля и московских монастырей.

1861 год положил конец крепостному праву, но мстерские иконописцы не удовлетворены были получением личной независимости и решили всем обществом выкупить Мстерское владение у графа. В течение двадцати пяти лет мстерцы выкупали владение и наконец, уплатив всю сумму в 167200 рублей, получили полную независимость.

По традиции мастерские в Мстере были семейными - Брагиных, Клыковых, Кутягиных, Бороздиных. Последняя была организована в Мстере Петром Кузмичем Бороздиным. В ней работали члены его семьи: семь сыновей и пять дочерей. Иконы его мастерской пользовались известностью и ценились за искусность письма даже старообрядцами. В семье мстерского иконописца Петра Кузмича и родился в 1878 году Иван Бороздин.

С раннего детства благодатный, но нелегкий труд стал основой его религиозного воспитания в семье. К шести годам, когда мальчик поступил в церковноприходскую школу, он уже освоил начала иконописного дела - мог готовить самостоятельно краски, грунтовать доски, делать прориси. В одиннадцать лет Иван поступил в мстерскую школу иконописания, которую успешно окончил в 1894 году и получил звание мастера-иконописца. Как и большинство жителей Мстеры, семья Бороздиных была единоверческой. В 1899 году мстерское единоверческое братство направило Ивана в Московское духовное училище, существовавшее при Всехсвятском единоверческом монастыре, которое он окончил с отличием, и был оставлен при монастыре псаломщиком. В 1905 году он женился на Ирине, дочери Михаила Ивановича Отарина, известного священника-миссионера и проповедника из села Вармалеи Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Вскоре Иван Петрович был рукоположен в сан диакона ко храму Всехсвятского единоверческого монастыря. Здесь он прослужил до его закрытия в 1921 году.

В 1923 году Святейший Патриарх Тихон направил диакона Иоанна в храм бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, что в Гончарной слободе в Москве. Храм был известен выдающимися настоятелями. До 1919 года настоятелем храма был профессор Московской Духовной академии протоиерей Востоков. Проповеди его были просты, убедительны, со многими живыми примерами, понятные для слушателей всех сословий. По его настоянию в храме было введено общее пение всех прихожан. Для этого всем присутствующим раздавались тексты. Он говорил: "Вы пришли в храм - дом Божий - соединиться в молитве с Богом; молитесь! Спасение России в соединении с Богом".

В 1919 году настоятелем в храме стал священник Сергий Закатов. Еще будучи семинаристом, он участвовал в археологических раскопках, проводившихся князем Щербатовым, создателем исторического музея в Москве, который предлагал ему после окончания семинарии поступить в археологический институт. Он послушался совета, после семинарии закончил археологический институт, затем был рукоположен в сан священника и совмещал свои пастырские обязанности с преподаванием в археологическом институте. После захвата власти большевиками отца Сергия стали вызывать на Лубянку, требуя, чтобы он оставил служение в храме, но священник не согласился, В 1928 году власти заявили, что храм Космы и Дамиана будет разрушен. Отец Сергий вступил в борьбу за храм, отстаивая его от закрытия и разрушения. Доказывая комиссии Моссовета культурную и историческую значимость древнего храма и показывая постройку XVI века, отчетливо видную в верхней части храма, отец Сергий упал с балки. В результате полученных травм он тяжело заболел и в том же году скончался.

Отец Иоанн, который к тому времени был рукоположен в сан священника, был назначен настоятелем храма Космы и Дамиана. С верой и убежденностью в правоте своего дела он мужественно сопротивлялся закрытию храма. Он писал многочисленные протесты властям, собирал подписи верующих, не согласных с решением властей, но все было напрасно. В 1930 году храм Космы и Дамиана был закрыт и вскоре разрушен. Тяжело переживая это событие, отец Иоанн заболел. В это время он был назначен настоятелем в единоверческий храм святителя Николая на Рогожском кладбище и возведен в сан протоиерея.

Время по отношению к Церкви было разбойное, она была лишена каких бы то ни было прав. Место расположения храма на кладбище было глухим, и отец Иоанн, чтобы уберечь храм от грабителей, поселился при нем, выбрав для жилья небольшую холодную комнату

на колокольне, где хранились старые иконы. Комната была не приспособлена для жилья; чтобы обогреваться зимой, отец Иоанн поставил в ней железную печку. Неподалеку от храма жили глубоко верующие и преданные церкви люди - псаломщик Федор, из отставных моряков, и его жена Варвара.

Беспокоясь об отце, сыновья священника Василий и Петр поочередно оставались с ним на ночь. Шел декабрь 1931 года. Отец Иоанн отслужил всенощную и по обыкновению вместе с псаломщиком Федором обошел храм, затем священник поднялся на колокольню в свою комнату, где в это время сын Василий топил печь и готовил на ней скудный ужин. Поужинав и подбросив дров в печь, они легли спать.

Около часа ночи псаломщик Федор встал и еще раз обошел храм; не заметив ничего подозрительного, он вернулся домой и уснул. И видит во сне, как к нему подходит отец Иоанн Кронштадтский, портрет которого у него висел на стене, и говорит: "Чадо Федор, пойди, помоги своему священнику, ему плохо!" А немного погодя к нему подошла жена Варвара и, растолкав его, говорит: "Федя, вставай, мне сейчас видение было, пришел Батюшка Кронштадтский и наказывал: "Разбуди Федора, идите, помогите вашему священнику"".

Они быстро оделись и побежали к колокольне. Двери были на запоре, они стали стучать, и этот их стук придал сил Василию, он добрался до двери, открыл ее и упал, только и успев сказать: "Идите скорее к отцу, я его вытащил на площадку - мы угорели".

Господь хранил Своего пастыря, протоиерей Иоанн прослужил в Никольском храме семь лет; за каждой службой он проповедовал, объяснял смысл церковных молитв, убеждал молиться прилежней, чему сам был примером. Так продолжалось до осени 1937 года. В ночь с 5 на 6 сентября отец Иоанн был арестован в комнате на колокольне. Пришедшие утром сыновья обнаружили, что все вещи в комнате перевернуты, а постель и подушка - в крови.

Протоиерей Иоанн был заключен в Бутырскую тюрьму. Все обвинения и вопросы были стандартными.

- Следствие располагает материалами, что вы... будучи антисоветски настроены, воспитывали верующих в антисоветском духе...

- Не могу вспомнить, когда бы это я занимался воспитанием верующих во враждебном духе... - ответил отец Иоанн.

- Вы говорили окружающим о якобы существующем гонении на религию в СССР...

- Я допускаю, что мог бы сказать... но... без специальной цели...

День за днем шли допросы. Следователи упрямо склоняли священника к признанию своей вины и, вероятно, прибегали для этого к пыткам. 14 сентября состоялся последний допрос.

- Следствие располагает данными, что вы среди окружающих... выражали недовольство советской властью.

- Я действительно выражал недовольство... я отрицательно отношусь к действиям советской власти относительно церковных вопросов, считаю, что храмы закрываются без согласия верующих, ссылаются священнослужители, которые обрекаются на вымирание.

- В результате чего сложились ваши антисоветские убеждения?

- Мои убеждения относительно советской власти сложились в первые годы революции, так как советская власть ухудшила условия жизни духовенства, я и сам начиная с 1928 года вынужден жить в отрыве от семьи, и в этом, я считаю, виновата советская власть.

В тот же день было составлено обвинительное заключение, где священнику было поставлено в вину, что он "распространял ложные слухи о якобы существующем в СССР гонении на религию". 26 сентября Тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Бороздин был расстрелян на следующий день -27 сентября 1937 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Цветков) (память 16 ноября по старому стилю)

При беспощадных гонениях на Русскую Православную Церковь в советской России все меньше оставалось священников, рукополо- женных в дореволюционное время, и архиереи стали рукополагать в сан священника благочестивых мирян, дабы паства не осталась без духовного руководства и таинств, и не были закрыты храмы.

Из таких пастырей был священномученик Иоанн. Он родился 17 марта 1878 года в городе Торжке Тверской губернии в семье огородника Степана Цветкова. В Торжке Иван Степанович окончил двухклассное образцовое училище при гимназии. Женился, но жена вскоре оставила его, а детей у них не было. В начале двадцатых годов он был рукоположен в сан священника.

В 1929 году о. Иоанн, как и многие священники в те годы, был арестован, обвинен в невыполнении государственных поставок сельхозпродукции и приговорен к трем годам ссылки. После возвращения из ссылки он был назначен служить в храм села Перхова Удомльского района Тверской области и здесь встретил кровавое гонение 1937 года.

17 ноября 1937 года местные власти в лице председателя и секретаря Перховского сельсовета, а также председателя местного колхоза написали по требованию НКВД характеристику-жалобу на священника. Они писали, что о. Иоанн затягивает службы и продолжительно проповедует, часто обращается к прихожанам с призывом, чтобы они вели себя благолепно, не ходили по храму и не разговаривали во время богослужения, что он призывал верующих родителей, чтобы те обязательно водили детей в храм, и чтобы все, и взрослые, и дети, носили кресты и никогда их не снимали и в большие праздники и в воскресные дни посещали церковь. "Все эти действия Цветкова, - писалось в заключении характеристики священника, - были направлены на подрыв колхозов и свержение советской власти. Дальнейшая работа Цветкова, как врага народа, не допустима. Цветков должен быть изолирован от масс как враг народа, опасный элемент".

Через несколько дней после того, как представители местных властей дали подобную характеристику священнику, о. Иоанн был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. И в тот же день состоялся допрос.

- Следствие располагает данными, что вы ведете антисоветскую агитацию среди населения, - сказал следователь.

- Я никогда среди населения антисоветской агитации не вел, - ответил о. Иоанн.

- Вы говорили в церкви верующим, что советская власть существовать будет недолго. Откуда вы имеете такие данные?

- Я никогда и нигде этого не говорил.

- Следствие от вас требует чистосердечных признаний, поэтому скажите, для какой цели вы запугивали верующих наказанием от Бога?

- Я хорошо знаю, что за каждое антисоветское высказывание меня потянут, куда следует, поэтому я не мог в церкви верующим что-либо подобное говорить. Другое дело наедине, но и этого я также не делал.

- Какую цель вы преследовали, когда колхозникам во время сенокоса говорили, чтобы они не выходили на работу, а шли в церковь молиться

- Я только приглашал тех колхозников, которые не заняты на работах, но основную силу колхоза я не приглашал и с работы не срывал.

- Вы говорили верующим, что если они не будут посещать церковь, в случае их смерти вы не будете их отпевать?

- Таких слов я не говорил.

- Вы признаете себя виновным в антисоветской контрреволюционной агитации?

- Не признаю.

27 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Иоанн Цветков был расстрелян 29 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученик Иоанн (Иван Ковшаров) (память 31 июля по старому стилю)

Мученик Иоанн (Иван Михайлович Ковшаров) родился в Одессе в 1878 году в мещанской семье, юрист по образованно, бывший присяжный поверенный. Был юрисконсультом Александро-Невской Лавры в Петроград. Весной 1918 года он был избран комиссаром по епархиальным делам "для представительства и защиты общих прав и интересов" Петроградской епархии.

В 1922 году мученик Иоанн был арестован по "делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей". 5 июля был оглашён приговор трибунала, по которому священномученики митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский) и вместе с ним архимандрит Сергий (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров приговаривались к расстрелу.

В ночь на 31 июля (13 августа н. ст.) 1922 года они, обритые и одетые в лохмотья, были расстреляны, по некоторым сведениям, на окраине Петрограда на станции Пороховые.

Прославлен новомученик в 1992 году на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви.

Священномученик Иоанн (Мельницкий) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился в 1878 году в деревне Шетеево Удомльского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Петра Мельницкого. В 1899 году он окончил третий класс Тверской Духовной семинарии, после чего ему пришлось оставить учебу ради помощи отцу в его крестьянском хозяйстве. Но мысль посвятить себя всецело служению Богу не оставляла молодого человека, и он подал прошение епархиальному архиерею, в котором высказал свое пожелание. 5 мая 1907 года он был определен

исправляющим должность псаломщика к церкви села Воротилова Бежецкого уезда, а 19 июня 1908 года утвержден в этой должности.

21 ноября 1908 года Иван Петрович был рукоположен в сан диакона к той же церкви. Все это время он был учителем и законоучителем в Воротиловской церковно-приходской школе и законоучителем в Новинской земской школе. Он был не раз отмечен начальством, как писалось в наградных документах, "за безвозмездное и усердное преподавание Закона Божьего". Его служение на церковном и учительском поприще продолжалось до 1918 года.

Летом 1918 года диакон Иоанн был переведен в храм села Илова Вышневолоцкого уезда, где прослужил до начала гонений 1929 года, когда власти одновременно с крестьянами, составлявшими в то время большую часть населения страны, стали уничтожать и духовенство. Для русских крестьян в то время храм и слово Божие оставались единственным источником подлинного просвещения.

В 1930 году о. Иоанн был лишен домашнего хозяйства, подспорья для семьи - супруги и шести детей, причем младшим детям было всего семь и пять лет. 9 марта 1930 года за неуплату налогов о. Иоанн был приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Освободившись 20 марта 1932 года из Завидовской трудовой колонии, о. Иоанн подал святому архиепископу Фаддею прошение с просьбой определить его в один из храмов епархии. В 1933 году он получил место в селе Тальцы, куда за ним переехала и его семья. Здесь он прослужил до наступления новых гонений. Он был арестован сразу после праздника Покрова Божией Матери, 15 октября 1937 года, и на следующий день допрошен. Были допрошены председатель колхоза имени Сталина и местный комсомолец. Они показали: "В 1937 году в июле месяце, в религиозный праздник, среди населения села Тальцы он агитировал: "Граждане, сколько бы вы в колхозах много ни работали, все равно лучше вам от этого не будет, живете вы в нищете и изменения к лучшему в вашей жизни при советской власти не ожидайте, вспомните о Боге, придите все в церковь в этот праздник и помолитесь о скорейшей перемене к лучшему и отдохните, в праздник работать грешно". В результате его контрреволюционной агитации все колхозники колхоза имени Сталина прогуляли два дня в самый разгар полевых работ. В 1937 году в августе месяце 15 дня, также в религиозный праздник, он призывал население села Тальцы в эти дни не работать в колхозе, говоря: "Трудна ваша жизнь, колхозники, и только объединившись все вокруг церкви нашей, мы можем улучшить жизнь нашу, придите и помолитесь о скорой перемене существующей власти". В этот праздник колхозники под влиянием его подрывной антисоветской агитации прогуляли все также два дня в самый разгар уборочных полевых работ, чем нанесен значительный ущерб материальному хозяйству колхоза имени Сталина. На данные церковные праздники приезжали колхозники не только из Талицкого сельсовета, а также из Молотовского и Соколовского сельсоветов, в результате контрреволюционной и антисоветской агитации Мельницкого. Срыв полевых работ получился по целому ряду колхозов. В 1937 году, 23 сентября, на общем собрании в селе Тальцы по вопросу о самообложении Мельницкий выступил и заявил: "Советская власть очень много дерет с сельского населения, обкладывает всевозможными налогами и самообложением, а населению и так трудно жить"".

Трудно сказать, излагали ли свидетели то, что слышали сами, или все их ответы были вложены в их уши следователем. В тот же день он допросил отца Иоанна.

- Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, дайте правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности, изложите факты, - сказал следователь.

- Никакой контрреволюционной деятельности я не проводил и виновным себя не признаю, - ответил о. Иоанн.

- Следствие располагает данными, что вы в 1937 году, в июле месяце, среди населения села Тальцы вели антиколхозную агитацию.

- Никакой антиколхозной агитации я не вел, а приходилось говорить с отдельными гражданами, что в колхозах живете неладно, голодно, и если плохие условия у нас созданы в жизни, то это может быть для того, чтобы после жить лучше, и говорил, чтобы в праздники не работали.

- Следствие располагает данными, что вы в 1937 году, в августе месяце, среди населения села Тальцы вели контрреволюционную агитацию антисоветского и пораженческого характера на религиозной почве.

- Никакой контрреволюционной агитации антисоветского и пораженческого характера я среди населения не вел, а при разговорах с отдельными гражданами призывал посещать церковь и говорил: "Если хотите, чтобы Вашу церковь не закрыли, то надо посещать ее как можно чаще".

- Следствие располагает данными, что вы в 1937 году, в сентябре месяце, на общем собрании в селе Тальцы по вопросу о самообложении выступили с антисоветской и антиколхозной агитацией.

- На данном собрании я присутствовал, но ни с какой антисоветской и антиколхозной агитацией я не выступал, так как ушел домой, не дожидаясь конца собрания.

Уже на следующий день следствие было закончено, материалы переданы на рассмотрение Тройки НКВД, а сам о. Иоанн переведен в тюрьму города Осташкова.

1 ноября Тройка приговорила его к расстрелу. Диакон Иоанн Мельницкий был расстрелян 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Никольский) (память 12 августа по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 4 января 1878 года в селе Ляцково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье псаломщика Михаила Никольского. По окончании Тверской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника к одному из сельских храмов Кимрского уезда.

В 1929 году власти обязали о. Иоанна привезти к 10 ноября на государственный хлебосдаточный пункт 25 пудов ржи. Священник в это время был в отъезде. Получив повестку 12 ноября, он на следующий же день привёз рожь на хлебосдаточный пункт и был арестован за то, что опоздал на три дня. Суд приговорил священника к конфискации всего имущества и ссылке за пределы Кимрского района.

В Твери у о. Иоанна жил двоюродный брат, протоиерей Василий Владимирский, и священник решил переехать с семьей туда. Святой архиепископ Фаддей назначил о. Иоанна служить в Рождественскую церковь. В это время ОГПУ арестовало в Твери наиболее достойных священников и осудило их на заключение и ссылку, среди них и о. Василия Владимирского. Семьи арестованных оказались без поддержки, и оставшиеся на свободе священники старались чаще посещать их. Отец Иоанн стал чаще бывать у семидесятидвухлетней супруги о. Василия, Надежды Николаевны, у которой не было никого из родных. ОГПУ отметило частые посещения квартиры находящегося в тюрьме священника и решило арестовать о. Иоанна.

29 января 1933 года он был арестован и заключён в Тверскую тюрьму. Доказательств его виновности у ОГПУ не было никаких, и следователь попытался заполучить их через

соседей Надежды Николаевны, но безуспешно. Только через полтора месяца, 14 марта, о. Иоанн был вызван на первый допрос. Следователь спросил, как он относится к советской власти.

- Как человек верующий, - ответил о. Иоанн, - я считаю советскую власть Богом поставленной, и ей следует повиноваться не только за страх, но и за совесть. Причин быть враждебным советской власти я не вижу. Она дала право гражданам свободно исповедовать свою религию, верующим дала возможность организовываться в общины, оградила их права определенными законами и инструкциями. Повиновение советской власти я считаю своим долгом и веду себя как священнослужитель и как гражданин строго в рамках законности, чтобы не принести вред государству и не подвергать себя опасным взысканиям.

- Но в душе-то вы все-таки враг советской власти, - заметил следователь.

- Да, временами я чувствую обиду, - ответил священник, - но не на закон или власть, а на представителей низших органов советской власти, которые, проводя политику высших органов власти, незаконно притесняли меня. Но я подавлял в себе чувство обиды и покрывал его христианским терпением и покорностью или обращался за защитой к высшим органам власти, и не напрасно.

Следователь спросил, с какой целью он посещал квартиру Владимирской, не читал ли он там газет, как комментировал то, что читал, и не было ли в это время посторонних в квартире. Отец Иоанн ответил:

- Владимирский - мой двоюродный брат; как родственник, не имея других знакомых в городе, я заходил к нему, а когда его выслали, заходил к его жене, интересуясь, что пишет брат и как себя чувствует.

На следующий день о. Иоанн в камере написал заявление прокурору по наблюдению за органами ОГПУ. Он писал: "При допросе 14 марта следователь Агафонов показания мои записал кратко и иногда неточно, чем искажается их смысл, при подписании протокола допроса лишил меня возможности сделать оговорку... Следователь очень интересовался, читал ли я в доме Владимирского газеты. Я пояснил, как и было, что, когда хозяйка занята была домашними хлопотами и я оставался один, я читал, что попадало под руку, книги или газеты. Непродолжительные разговоры наши вращались больше около личности ее мужа, теперь умершего. Вести какие-либо разговоры о политических событиях не располагали ни обстоятельства, ни обстановка. Письма от Владимирского получались все тревожные: его обокрали, оставшись без теплой одежды, он студился, хворал, окончательно слег и помер. Жене его, убитой горем и в слезах, было не до посторонних разговоров. К квартире Владимирских прилегают три квартиры, отделяющиеся от нее легкими переборками и занятые посторонними жильцами. Кто же решится в такой обстановке устраивать чтение газет и обсуждение их в смысле критики политики существующей власти, на чем так настаивает гражданин следователь? Кто ещё ходит к Владимирской, я не знаю. Случалось, что при мне заходили к ней по своим делам незнакомые мне женщины и, поговорив, уходили. Следователь Агафонов сказал мне, что в деле есть еще показания свидетелей о том, что в мае месяце мы трое: я, Флоренский и Владимирский, в квартире последнего читали газеты, делали какие-то политические выводы, злорадствовали; другое показание, что я где-то говорил о пришествии антихриста, о близкой кончине мира. Следователь не опросил меня по содержанию этих показаний, отказал мне дать очную ставку, между тем эти показания, если только они есть в деле, чисто провокаторские или корыстные... По показанию свидетеля, дело было в мае прошлого года. Владимирский в это время был уже в исправительно-трудовом учреждении, а Флоренский в 1930 году выехал из Калинина и не бывает здесь...

Уверяю Вас, гражданин прокурор, что показания мои вполне искренни, и прошу сделать распоряжение, чтобы Тройка при обсуждении моей виновности, считалась с моими показаниями, написанными моею рукою, а не показанием, записанным неточно с моих слов следователем. Прошу Вас еще дать мне возможность иметь очную ставку со

свидетелями, дававшими обо мне показания заведомо ложные. Виновным себя в антисоветской пропаганде я не признаю, тем более что я давно поставил себе жизненным правилом быть в стороне от политики..."

Заявление это не было принято во внимание, и 26 апреля Тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Казахстан. Через три дня тюремным этапом о. Иоанн был отправлен в Алма-Ату.

Отец Иоанн вернулся на родину в Тверскую область в 1936 году, незадолго до наступления новых гонений. Несмотря на все преследования, заключения в тюрьмы и ссылку, он не оставил служения Богу и Церкви и был направлен святым архиепископом Фаддеем служить в храм села Кунганово Высоковского района Тверской епархии. Священник продолжал ревностно служить, непрестанно при богослужениях проповедуя, но памятуя, насколько пристрастно и подозрительно ОГПУ, от разговоров на политические темы уклонялся.

Однако того, что он дважды арестовывался и ни на следствии, ни в ссылке, ни уже выйдя на свободу, не выказывал ни малейшего раскаяния в выборе священнического служения, было достаточно, чтобы его арестовали вновь. Он был арестован 4 августа 1937 года.

Вызванные сразу после ареста о. Иоанна "дежурные свидетели" по указанию следователя показали, что священник говорил, что советская власть закончится и люди пойдут к Божьему храму с повинной головой; что к священнику в дом ходят люди, что на вопрос, почему к нему не приезжает его матушка, он ответил, что она боится бесов, и он сам ездит к ней в Тверь, а в проповеди в храме говорил, что сейчас в России идёт гонение на верующих. 8 августа следователь допросил о. Иоанна.

- Расскажите о вашей контрреволюционной деятельности против советской власти.

- Контрреволюционной деятельности с моей стороны не было. Если были какие разговоры несоветского порядка, то несознательно, но я таких случаев не помню. Иногда у меня были сомнения в правильности проводимой политики советской власти, но я их сам рассеивал. Помню, однажды по радио я слышал, что лен убрали за 60 дней, в то время когда картофель и другие плоды не были убраны, вот это я считал неправильным, но потом подумал, что возможно, лен нужнее.

- Следствие требует от вас правдивых, откровенных показаний о вашей контрреволюционной деятельности.

- Других показаний я дать не могу, так как считаю свои показания правильными. Никакой контрреволюционной работы я не проводил совершенно.

На этом следствие было закончено. 22 августа Тройка НКВД приговорила о. Иоанна к расстрелу. Священник Иоанн Никольский был расстрелян 25 августа 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Софронов) (память 10 сентября по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 1 января 1875 года в селе Павловском Тверской губернии в семье крестьянина Василия Софронова. Был призван в армию, где служил

писарем в полковой канцелярии. Окончил годичные курсы при Духовной семинарии. До революции крестьянствовал, а когда пришло время гонений, изъявил желание послужить Церкви и был рукоположен в сан священника. Как почти все духовенство, он был в 1931 году арестован за невыполнение хозяйственных обязательств, наложенных на него государством, и приговорен к одному году исправительно-трудового лагеря.

В храме села Волоскова о. Иоанн стал служить в 1936 году. 26 июля сотрудник НКВД допросил представителей местных властей, считая, что те дадут показания, порочащие священника. Был допрошен председатель сельсовета, который сказал: "Священник Софронов в религиозные праздники, особенно в горячие дни, стал дольше служить обедни. 21 июля сего рода на религиозный праздник "Казанскую" он во время служения призывал верующих к сбору средств на ремонт церкви.

23 июля сего года, когда я его пригласил в сельсовет для уплаты налога в сумме 1220 рублей, он платить отказывался и говорил, что платить не будет, а потом заявил: "Эх, Русь, до чего же ты дожила!" Религиозная работа сейчас заметно сказывается на состоянии колхоза "Серп и молот" села Волоскова. Благодаря проведенной священником Софроновым религиозной работе праздник "Казанскую" колхозники справляли тридцатых дня..."

Допросили председателя названного колхоза, он показал: "Я знаю, что староста (бывшая) производила денежные сборы и хлеба среди колхозников и единоличников села Волоскова и всего прихода. Это было в 1936 году. Собранные деньги и хлеб употреблялись на ремонт церкви (красили крышу). Священник Софронов в воскресные дни всегда службу проводит с затяжкой, то есть до двух часов дня, в результате такого явления колхозники верующие, приходя из церкви, выходят на работу часа в четыре вечера, а некоторые и совсем не выходят..."

Этих показаний было в то время достаточно, чтобы арестовать священника, и 29 июля о. Иоанн был арестован и заключён в Бежецкую тюрьму. Допросы начались сразу же после ареста. К сожалению, во многих случаях запись допроса, сделанная следователем, есть единственное свидетельство о жизни и мученическом подвиге исповедника веры.

- Обвиняемый Софронов, вы обвиняетесь по статье пятьдесят восемь пункт десять. Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении?

- В предъявленном мне обвинении я себя виновным не признаю, потому что я против каких бы то ни было мероприятий партии и советской власти подрывной работы не проводил.

- Вы следствию лжете, следствию известно о том, что вы проводили контрреволюционную деятельность и подрывную работу среди членов колхоза Волосковского сельсовета. Признаете ли себя виновным в этом?

- Я себя виновным в контрреволюционной деятельности не признаю.

- Следствию известно, что вы собирали в селе Волосково единоличников и давали задание по сбору средств от населения, в то же время вели агитацию с ними же, чтобы не вступали в колхоз, так как жизнь колхозная ведет к обнищанию и гибели. Подтверждаете ли вы это?

- Виновным себя в этом отношении не признаю.

На этом допрос был прерван - по слабому ли состоянию здоровья шестидесятидвухлетнего священника или потому, что следователь применил к нему пытки, - неизвестно; возобновился допрос в тот же день позже.

- Обвиняемый Софронов, вы следствию давали в предыдущем допросе ложные показания; следствию известно о проведении вами контрреволюционной деятельности, а поэтому требуем от вас показаний.

- То, что было показано в предыдущем допросе, иного сказать в свое оправдание ничего не могу. Контрреволюционной деятельности никогда не проводил и виновным себя не признаю.

- Вы следствию даете ложные показания, следствию известно, что вы в июне 1937 года среди членов колхоза села Волоскова проводили контрреволюционную агитацию, направленную к развалу колхоза, заявляя: "Зачем вы, православные, работаете в колхозе, все равно ничего не получите, все государство у вас отберёт, кто не работает в колхозе, тот живет лучше". Подтверждаете ли вы это?

- Такого случая агитации среди членов колхоза с моей стороны никогда не было. Себя виновным в этом не признаю.

20 сентября Тройка НКВД приговорила о. Иоанна к расстрелу. Священник Иоанн Софронов был расстрелян 23 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Сперанский) (память 10 ноября по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 1 января 1864 года в селе Желовижи Московской губернии в семье священника Иоанна Сперанского. По окончании Калужской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника и служил в храмах Калужской епархии. За безупречное и ревностное служение отец Иоанн был возведен в сан протоиерея и награжден митрой. Был членом Союза Русского Народа. За самоотверженное служение Церкви и отечеству был награжден орденами. Протоиерей Иоанн пользовался огромным авторитетом среди верующих Калуги, и когда к власти пришли безбожники и началась гражданская война, он был тут же арестован и заключен в тюрьму в качестве заложника. Во время изъятия властями церковных ценностей в 1922 году протоиерей Иоанн был вновь арестован и приговорен к одному году заключения. В 1937 году власти снова арестовали священника.

- Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, которую проводили будучи настоятелем церкви Одигитрии... Дайте следствию показания по этому вопросу, - потребовал следователь.

- Контрреволюционной деятельности и агитации я не проводил.

- В каких взаимоотношениях вы находились с архиепископом Августином Беляевым?

- К архиепископу Августину я относился как к носителю высшего священного сана.

Следователи стали спрашивать об архиепис- копе Августине и требовать подтверждения лжесвидетельств против него, но священник категорически отказался. На одном из последних допросов следователь сказал:

- На предыдущих допросах вы уклонились от дачи правдивых показаний. Следствием достоверно установлено, что вы являетесь участником контрреволюционной монархической организации, состоя в которой, вы проводили работу по обработке верующих граждан в антисоветском духе. Признаете вы это?

- Нет, не признаю. В контрреволюционной организации я не состоял и не знаю о ее существовании...

- Вам зачитываются выдержки из показаний обвиняемых, которые признали себя участниками существующей в городе Калуге контрреволю- ционной монархической организации и показали, что и вы являетесь ее участником; состоя в ней, вы занимались контрреволюционной деятель- ностью. Теперь вы признаете себя виновным?

- Вновь заявляю, что я в контрреволю- ционной церковно-монархической организации не состоял и контрреволюционной деятельностью не занимался. Если мне будут устроены очные ставки, я и на них буду отрицать свою виновность.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Августина (Беляева), архимандрита Иоанникия (Дмитриева), протоиерея Иоанна Сперанского, псаломщиков Алексея Горбачева, Аполлона Бабичева и члена церковного совета Михаила Арефьева к расстрелу, они были расстреляны 23 ноября 1937 года и погребены в общей безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Троянский), епископ Великолукский и Торопецкий (память 22 августа по старому стилю)

Священномученик Иоанн (в миру Иван Ефимович Троянский) родился 10 ноября 1862 года в селе Ново-Клинском Воронежской губернии в семье священника. Окончил Тамбовскую Духовную семинарию, 10 сентября 1884 года был рукоположен в сан священника.

После смерти жены о. Иоанн в 1922 году был рукоположен обновленческими епископами во епископа. В ноябре 1924 года он прервал отношения с обновленцами, за что был ими запрещен в священнослужении. В начале 1925 года он принес покаяние и как ставленник епископов старого поставления был принят в сущем сане и назначен епископом Акмолинским и Петропавловским, викарием Омской епархии. 9 марта 1932 года епископ Иоанн был назначен на кафедру в Рыбинск. Но власти не простили ему ухода от обновленцев, и вскоре после назначения он был арестован и приговорен к трём годам ссылки. По возвращении из ссылки в 1935 году он был назначен епископом Великолукским и Торопецким и поселился в городе Торопце Тверской области. Получив с большим трудом от гражданских властей регистрацию и разрешение на богослужение в храмах города, он старался служить как можно чаще, за каждым богослужением обращаясь к молящимся с проповедью.

Недоброжелатели доносили в НКВД, что он в своих проповедях говорит о несомненном бытии Бога, о том, насколько большое значение имеют в нашей жизни святость и святые, а также чудотворные иконы; чудеса, совершаемые по молитвам святых и по обращении верующего к чудотворному образу, - это факты. Но мало этого, он заманивает в церковь гостинцами и печеньем детей. Так например, в Вознесенской церкви он посреди храма раздавал детям конфеты и пряники.

23 июля 1937 года епископ Иоанн был арестован и заключен в Торопецкую тюрьму.

- Следствие располагает документами, что вы у себя на дому исполняете религиозные обряды. Вы подтверждаете данные следствия?

- Да, подтверждаю, я действительно допустил однажды по усопшему отслужить панихиду в своем доме. Кроме этого, я регулярно у себя на квартире проводил вечерние и утренние службы, - ответил епископ.

- Ваши взгляды на обновленчество?

- По каноническим правилам обновленчество - это ересианство, обновленчество зародилось давно, оно борется за новшества в жизни духовенства; безусловно, православная церковь с обновленчеством борется.

- Ваше личное влияние на обновленчество по Великолукской епархии?

- Личного видимого влияния на обновленчество мною не проявлялось, тем не менее за последнее время по Великолукской епархии прибавилось четыре церкви тихоновской ориентации за счет обновленчества.

- Следствие располагает данными, что вы как епископ с целью привлечения к церкви людей детского возраста практиковали в своей деятельности раздачу конфет, печенья детям, находясь в церкви и на улице. Вы эти данные подтверждаете?

- Да, признаю, что я... иногда раздавал детям конфеты, печенье, находясь в церкви и на улице. В основе при этом у меня была жалость к детям; как нищему каждый православный подает копеечку, так и детям, я считаю, нужно оказывать внимание и заботу.

- Вы допускали в своей деятельности проповеди вне стен церкви?

- Да, признаю себя виновным, что я произносил проповедь религиозного содержания вне стен церкви.

Вызывались свидетели - из тех, кто готов был лжесвидетельствовать против епископа. "Троянский, посещая церковь, произносит проповеди контрреволюционного содержания; так в начале июля 1937 года Троянский, будучи в Вознесенской церкви, говорил: "Апостол Павел страдал за веру христианскую, и ему были не страшны ни пытки, ни казни, а мы изменяем вере, боясь репрессий". Троянский систематически ведет борьбу с обновленчеством, в результате тринадцать священников перешло в тихоновскую ориентацию. В мае месяце, будучи в гостях у гражданина Федорова Михаила, Троянский критиковал современные моды в СССР и говорил, что эти моды неизбежно приведут к вырождению юношества".

В справке, составленной по требованию НКВД, председатель Торопецкого горсовета написал, что епископ принимал активное участие в ходатайстве об открытии закрытых церквей города Торопца.

31 августа Тройка НКВД приговорила преосвященного Иоанна к расстрелу. Епископ Иоанн был расстрелян 4 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Васильев) (память 18 сентября по старому стилю)

Священномученик Иоанн (Иван Иванович Васильев) родился 18 июня 1876 года в деревне Малая Киселенка Новоторжского уезда Тверской губернии в благочестивой крестьянской семье. Не для земного крестьянского труда хотелось приготовить своего сына Ивану Васильеву, а для небесного - служения Богу и Его святой Церкви. В те времена, когда существовали сословные ограничения, не просто было дать крестьянским детям образование в духовном учебном заведении, но отец Ивана добился своего, определив сына в Тверскую Духовную семинарию, которую тот окончил в 1898 году. Через три года, в 1901 году, Иван Иванович был рукоположен в сан священника ко храму села Осипова Новоторжского уезда. За усердное служение через несколько лет он был возведен в сан протоиерея. Здесь, в селе Осипово, прошла безвыездно его жизнь до 1928

года, когда он был переведен в целях укрепления прихода в храм села Таложня Новоторжского уезда.

До его приезда духовная жизнь в Таложне из-за нерадивости священника была в небрежении. Отец Иоанн сразу же наладил частые службы не только в храме, но и служение молебнов в домах прихожан. За каждой службой он говорил проповедь, призывая православных к нравственному совершенствованию и духовному возрождению; он объяснял слово Божие так, чтобы оно стало доступным пониманию каждого прихожанина. Отец Иоанн призывал к частой молитве, к внимательному отношению к окружающей человека действительности, научая понимать, что все случающееся с нами есть действия Промысла Божия, и как таковые имеют глубокое значение в деле спасения нашей души. Во время служб о. Иоанна храм стал наполняться молящимися, в дом Божий потянулись люди, чуть было не отошедшие от веры, в прихожанах стала воскресать любовь ко храму и богослужению как орудию их собственного спасения, службы стали восприниматься как нечто живительное и необходимое, подобно воздуху, без чего может наступить духовная смерть. Безбожные власти, видя оживление духовной жизни в приходе, стали принимать свои меры.

В 1929 году единственный в этих местах член коммунистической партии на сельском сходе поставил вопрос об отмене празднования церковных праздников - Ильина дня и Преображения Господня. Против такого предложения выступили староста храма Антоний Кузьмин и крестьяне Бойков и Скачков. Подали протестующие голоса и многие крестьяне с места, но власти записали решение собрания так, будто большинство стоит за отмену.

На следующий день староста храма собрал прихожан, которые постановили: продолжать празднование церковных праздников. Из сельсовета о. Иоанну было послано распоряжение, чтобы он в эти праздники отмени службы, но священник проигнорировал запрет и продолжал служить по-прежнему.

В 1930 году власти сделали попытку закрыть храм за ненадобностью будто он мало посещаем и население в нем не нуждается. Но не таков был этот приход, прихожане любили храм и почитали своего священника. Ту же было собрано множество подписей, и храм удалось отстоять.

Прихожане за год служения у них о. Иоанна искренне полюбили его, взяли на свое попечение и храм, и священника с его супругой Елизаветой (их единственный сын был взрослым и жил в другом городе), возя дрова для отопления храма и дома священника, своевременно внося деньги для уплаты налогов. И батюшка, приходя в сельсовет, добродушно говорил "Спасибо, что старые люди помогают, а то иначе бы пришлось закрыть храм".

В декабре 1930 года власти все же решили добиться закрытия храма. Для достижения этой цели они выставили такую сумму налога за пользование церковным зданием, что ни священнику, ни прихожанам внести ее было невозможно, тем более что большинство прихожан о. Иоанна быта людьми бедными, а в самой двадцатке состояли почти одни бедняки, с которых взять было нечего и, соответственно, выслать их под тем предлогом что они кулаки, невозможно. Причем на этот раз власти запретили сбор средств для уплаты налога, а также и сбор подписей против закрытия храма и уже готовы были праздновать свою победу.

После богослужения о. Иоанн объявил, что от церкви требуют уплаты налога, в противном случае храм будет закрыт. Выступил со своим словом председатель церковного совета Антоний Кузьмин, который сказал, что церковь и рада бы заплатить все налоги, но в церковной кассе нет стольких денег. Среди присутствующих сразу же начался сбор денег. Первой положила пять рублей самая бедная из прихожанок Мария Федоровна из деревни Шевково, а за нею стали жертвовать и все остальные, и в течение получаса прихожане, полные решимости отстоять храм, собрали нужную сумму.

Наступил 1931 год, а службы в храме продолжались, несмотря на все ухищрения безбожников. Но это было время ужесточения гонений. Еще 14 февраля 1929 года

центральная власть издала обязательную для исполнения всеми местными сатрапами директиву, в которой, в частности, было сказано: "Церковно-религи- озные организации используют трудности социалистического строительства в целях мобилизации реакционных и малосознательных элементов страны...

С усилением классовой борьбы в деревне, как одна из форм этой классовой борьбы, особенно усиливается деятельность религиозных организа- ций среди реакционных и малосознательных прослоек крестьянства. Деятельностью религи- озных организаций принимает активное участие в антисоветской работе кулачество, часто используя церковные советы как аппараты своего влияния перевыборов в советы, агитируя против сдачи хлеба заготовительным органам, против советской школы, коллективизации, социалисти- ческого переустройства сельского хозяйства, против деятельности партии, комсомола, юношеского движения, нашей работы среди женщин и против других общественных и культурных мероприятий сов-власти и партии...

Наркому Внудел и ОГПУ. Не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными обществами, имея в виду, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы..."

Ни о. Иоанн, ни крестьяне, члены церковной двадцатки, не знали о принимаемых на их счет указах, которые не замедлили осуществиться практически. Рано утром 11 марта 1931 года священник села Таложня о. Иоанн и пятеро наиболее активных в церковном отношении крестьян были арестованы. Не надеясь на то, что они оговорят себя, ОГПУ не спешило их и допрашивать, не предъявляло им и обвинение. А тем временем допрашивали тех, кто стоял за безоговорочное закрытие храма. Их ответы неизбежно обрекали священников и верующих крестьян на арест: "Считаю, что дальнейшее пребывание Кузьмина (председатель церковного совета) в обществе с его политическими взглядами на советскую власть не допустимо". И так о каждом из арестованных крестьян. Только в конце апреля ОГПУ допросило обвиняемых. Отец Иоанн Васильев, отвечая на вопросы следователя, сказал:

- Сам я советскую власть признаю и выполняю все ее требования. В момент моего переезда в село Таложня председателем церковного совета был гражданин села Кузовкова Кузьмин Антон Егорович; с Кузьминым я встречался только по делам службы, заходил к нему в дом только во время исполнения религиозных обрядов, никаких разговоров у меня с ним по вопросам коллективизации сельского хозяйства, хлебозаготовок и о политике советской власти, проводимой в деревне, не было. Сам я никаких подписей среди верующих с протестом против закрытия церкви не собирал и не могу сказать, собирал ли их кто из членов церковного совета, так как мне об этом ничего известно не было. Проповеди я в церкви говорил, но касался вопросов только религиозно-нравственного характера; заявлений и обращений с моей стороны к верующим о том, что коммунисты закрывают храмы, служителей культа облагают непосильными налогами, сажают в тюрьмы, никогда не было. Вину свою в том, что якобы я, служа в церкви, обращался к верующим со словом, что коммунисты закрывают церкви, обирают нас непосильными налогами, сажают в тюрьмы, не признаю и заявляю, что этого с моей стороны допущено не было, и вообще разговоров антисоветского характера с прихожанами я не вел.

Арестованные вместе со священником председатель церковного совета Антоний Кузьмин и крестьяне Симеон Турбанский, Иларион Яковлев также не признали себя виновными. 18 июля 1931 года Тройка ОГПУ приговорила о. Иоанна и председателя церковного совета Антония Кузьмина к пяти годам ссылки в Казахстан с отправкой этапом, Симеона Турбанского и Илариона Яковлева - к трем годам ссылки в Казахстан с отправкой этапом. Антонию Кузьмину было в это время шестьдесят пять лет, и вряд ли ему удалось пережить этап и ссылку.

Отец Иоанн пробыл в ссылке день в день и вернулся на родину в Тверскую епархию в середине 1936 года. После тяжелых условий заключения, изнурительной ссылки, хорошо

зная, за что он принял эти страдания, он, как многие мученики первых веков христианства, переносил эти страдания радуясь. Не упрямое упорство было в его желании не солгать, не покривить душой, а переживания радостного сопричастия страданиям сонма увенчанных Христом святых мучеников, и ему, как и другим, Господь протянул Свою десницу, и сами страдания были уже не страшны.!"

Вернувшись на родину, о. Иоанн получил благословение на служение в храме села Яконово, причем исповеднический подвиг только укрепил священника в решимости с ревностью послужить Богу и вверенной его попечению пастве. Около года прослужил о. Иоанн в храме Божием. 5 августа 1937 года председатель Яконовского сельсовета по требованию сотрудников НКВД написал заявление, где просил "принять меры воздействия к служителю религиозного культа Яконовской церкви Васильеву Ивану Ивановичу, который занимался агитацией среди окружающего населения..."

В тот же день священник был арестован и заключен в Тверскую тюрьму. Против него лжесвидетельствовали лишь представители местных властей - председатель сельсовета и бригадир колхоза. Никто из крестьян не согласился оговорить священника.

13 августа после истязаний голодом и бессонницей следователь НКВД допросил священника:

- Следствием установлено, что вы среди колхозников Яконовского сельсовета систематически вели контрреволюционную антисоветскую агитацию. Признаете вы это?

- Не признаю; контрреволюционной, антисоветской агитации я среди колхозников не вел.

- В июле месяце 1937 года вы среди колхозников деревни Малиново открыто высказывали контрреволюционные мысли против подписи на заем и вели провокационные слухи о войне. Признаетесь в этом виновным?

- Виновным себя не признаю, подобных разговоров у меня не было, это я отрицаю.

10 сентября следствие было закончено и дело передано на рассмотрение Тройки НКВД, которая 29 сентября приговорила о. Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Васильев был расстрелян 1 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Василевский) (память 4 сентября по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 18 марта 1869 года в Краснохолмской слободе Весьегонского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Николая Василевского. По окончании Тверской Духовной семинарии был рукоположен в сан священника и служил в соборе города Весьегонска.

После прихода к власти безбожников о. Иоанн в 1922 году был арестован, обвинен в сопротивлении изъятию церковных ценностей и приговорен к одному году заключения. Священник подал на кассацию, которая была удовлетворена; он был освобожден и вернулся в собор в Весьегонске, тем он служил до февраля 1924 года, затем перешел в храм села Селихова, где прослужил до октября 1926 года и был назначен в Воскресенскую церковь поселка Селижарово.

В Воскресенском храме служило тогда три священника, но, пожалуй, самым деятельным из них был о. Иоанн. Это и явилось причиной преследований. 15 июля 1927

года он был арестован и заключён в Осташковскую тюрьму. Следователь на допросе спросил, говорил ли священник об атеистическом воспитании детей, кого он поминал за богослужениями в качестве правящего епископа и ходил ли с молебнами по приходу. Священник ответил:

- Я действительно говорил на тему христианского воспитания детей своими родителями, но что касается недопущения детей в общественные организации, например пионеров и комсомола, мною это не говорилось, как не говорилось и об отдельных представителях советской власти. Могу сказать, что в произносимых мною проповедях я политики не касался и говорил то, что разрешено конституцией. 21 ноября 1926 года я ходил по приходу по случаю праздника Михайлова дня, причем я из Селижарова ушёл без иконы, но один из граждан деревни Никвы привёз икону Архистратига Михаила (откуда привёз, не знаю), и я служил с этой иконой в нескольких домах, но когда мне псаломщик сказал, что с иконой нельзя ходить, так как есть запрещение местной власти, я тогда дальше в деревню Лупаны пошел без иконы. Что касается правящего архиерея, то я, как и двое других священников в храме, поминаю митрополита Серафима (Александрова), хотя тот и был привлечен в тот момент к ответственности.

Чтобы собрать обвинительный материал, следователь стал вызывать свидетелей, которые, впрочем, почти все были немногословны. Диакон Воскресенской церкви Михаил Штерин, отвечая на вопросы, сказал:

- С Василевским в разговоре не сталкивался, суждений о войне, партии и власти не помню. Василевский, будучи на Пасху в деревне Захарово, спросил окружающих его детей: "Есть ли у вас кресты?" И добавил: "Если нет, то скажите родителям, чтобы они вам купили кресты". Священник Николай Рождественский дал такие показания:

- Василевский при мне только один раз коснулся общественных организаций в проповеди во время храмового праздника в декабре месяце 1926 года в присутствии 200-300 человек, где он сказал: "Воспитание детей зависит от родителей, от последних зависит, чтобы дети не стали безбожниками, не стали пионерами и комсомольцами". Как-то лично мне Василевский говорил: "Я, ходя по приходу, проверял, есть ли кресты у молодежи, я требовал, чтобы все надели кресты". Это он делает в деревнях своего прихода.

Протоиерей Петр Зверев, которому было шестьдесят девять лет, сказал:

- Василевский в своей проповеди 19 декабря 1926 года в Воскресенском храме в поселке Селижарово говорил, предостерегая родителей: "Не пускайте детей в школы, где с них снимают кресты". В данной проповеди Василевский коснулся пионерства и комсомола и дал совет родителям не пускать детей в эти учреждения, но за слабостью памяти точную фразировку проповеди не помню. Мне Василевский говорил, что в Михайлов день разрешения на хождение с иконой по приходу не было, но он ходил.

Опросив духовенство, следователь стал вызывать на допросы мирян, начав с председателя церковного совета Ивана Анишина, который показал:

- Об отношении Василевского к власти и партии ничего не знаю и в его проповедях агитации против власти и партии не слышал; по моему мнению, Василевский к партии и власти относится хорошо, также и в частных разговорах я агитации не замечал.

Житель Селижарова Иван Травкин сказал:

- Василевского знаю как своего священника, но в разговорах с ним на политические темы не сталкивался, его мнения о власти и партии не знаю, его проповедей, направленных против власти, не слышал, потому что в церкви бываю редко.

11 августа следователь предъявил священнику обвинение, в котором было сказано, что он "изобличается в том, что, будучи враждебно настроен к советской власти, распространял среди несознательных слоев населения контрреволю- ционные и провокационные слухи. В церкви с амвона произносил контрреволюционные проповеди, предлагал своим прихожанам не пускать детей в школы, так как в таковых в настоящее

время ничего хорошего не преподают. Закон Божий не преподают... своими действиями создавал среди населения панику и возбуждал недоверие к советской власти".

Но и самим следователям доказательность обвинения показалась, по-видимому, не вполне достаточной, и они снова приступили к допросам свидетелей, вызвав на этот раз инструктора уездного исполкома, члена коммунистической партии Василия Шустрова, который показал:

- Приблизительно в ноябре месяце 1926 года я был в отпуске и проводил таковой у своего тестя гражданина Мосягина Георгия Тихоновича в деревне Селижаровской волости, где мне местные крестьяне говорили, что в Селижарово приехал какой-то новый поп, который, проходя по приходу, и в частности в деревне Мосягино, носил с собой маленькие крестики на лентах, и в домах после служения молебнов этот поп проверял, у всех ли детей имеются кресты, и если креста не оказывалось, то он без разговоров надевал крест, говоря, что кто не носит крестов, тот будет наказан Богом, при этом он не спрашивал согласия родителей, и имелись случаи, когда дети крестьян убегали от этого священника, когда он насильно хотел надевать на них кресты. Такое принудительное надевание крестов носило массовый характер, и, конечно, за каждый крест он получал с крестьян деньги. Впоследствии, как я выяснил, это был священник Селижаровской церкви Иван Василевский. По данному делу может дать показания гражданин деревни Мосягино Алексей Павлов.

Вызвали Павлова, он об о. Иоанне сказал:

- В Пасху, в 1927 году, детям и молодежи говорил: "Я сам сидел три года, крест носить надо" - и при этом предлагал крест, давая его каждому, кто хотел, бесплатно. Его политических выпадов против власти не слышал.

Снова стали вызывать священников. Священник Петр Зверев сказал:

- В праздник 19 декабря 1926 года в Воскресенском храме поселка Селижарова при стечении народа священник Василевский в своей проповеди говорил, обращаясь к родителям: "Не пускайте своих детей в школы, там с них снимают кресты", и намекал на то, что там учат не тому, чему нужно, но иное в его проповеди проскальзывало очень осторожно, далее Василевский, касаясь комсомола и пионеров, говорил: "Не пускайте в эти учреждения" - и намекал, что в этих организациях детей развращают; в своих разговорах Василевский не только давал совет родителям, но и запугивал их тем, что за допущение детей в пионеры и комсомол они понесут кару перед Богом.

Следователь вызвал для повторного допроса и псаломщика Александра Анишина. Мы уже не узнаем, как в действительности рассказывали эти люди об о. Иоанне, вероятно, не так грубо, как получилось в записи следователя, который по-своему, в силу своей заинтересованности, изложил их показания, отображавшие его попечение о пастве, и особенно о тех семьях, где было много детей, подвергавшихся насилию безбожного образования. Но свидетели согласились с такой записью следователя, поставив ней свою подпись. Псаломщик показал:

- Я был с Василевским в Пасху 1927 года в деревне Лупаны у гражданина Шустрова. Василевский, увидя в доме на одной стене иконы, а на другой портреты Ленина и других вождей революции, обратившись к Шустрову, сказал: "Что это за безобразие, порочите Бога. К Троице я приду, уберите эту нечисть". Это было сказано в присутствии нескольких человек, которые возмутились предложением Василевского и посоветовали подать Шустрову заявление на Василевского соответствующим властям. Василевский, будучи в деревнях, в каждый свой приход смотрел, есть ли у детей кресты, и если не находил крестов, то заставлял их надевать, причем часто высказывал мысль родителям о том, что, не надевая знамение Божие на ребенка, они его пускают в разврат, за это они ответят перед судом Божиим.

24 августа, прежде чем вынести окончательное решение по делу арестованного священника, его допросил уполномоченный тверского секретного отдела ОГПУ, пытаясь все же выяснить, что тот говорил в проповедях на службах. Отец Иоанн ответил:

- 19 декабря 1926 года после церковной службы - литургии, по заведенной традиции, я говорил проповедь на тему "Повинуйтесь наставникам вашим, которые бдят о душах". В проповеди указывал на святителя Николая чудотворца как на ревнителя благочестия и укрепителя православия, обличителя нечестия Ария. Просил верующих быть верными православию и преданными Церкви, детей своих воспитывать в духе веры и православия. Отрицательное же отношение к вере и Церкви приведет детей к пионерству и комсомольству. На Пасху 1927 года с молебнами я был не только в деревне Лупаны, но и еще в пятнадцати деревнях. Был ли разговор во время этого хождения о портретах вождей, висящих на стенах в доме некоторых прихожан, и, в частности, в доме Шустрова, я не помню.

Это было за год до наступления массовых гонений на Православную Церковь, и следствие постановило, что, поскольку виновность священника не доказана, дело следует прекратить, а священника освободить из тюрьмы.

Отец Иоанн вернулся к служению в храме. В 1930-х годах он служил в Бежецке в Благовещенской церкви, православную общину которой составляли монахини бывшего здесь еще недавно монастыря. Здесь он встретил 1937 год, который мало кому из духовенства удалось пережить. Отец Иоанн был арестован в ночь с 14 на 15 августа, в тот же день допрошен и заключён в Бежецкую тюрьму. Отец Иоанн на допросах держался с достоинством и спокойствием, не соглашаясь с тем, как следователь хотел интерпретировать те или иные события. Следователь спросил:

- Расскажите следствию, что вам известно о проводимых епископом Григорием Козыревым собраниях и вечеринках духовенства, где и по какому поводу они имели место, кто на них присутствовал.

- Собрания духовенства созывались епископом Григорием, и впоследствии это было заведено как правило по случаю именин епископа, десятилетия его епископства и престольных праздников. Собрания имели место на квартире у епископа и в церковной сторожке.

- Следствию известно, что на указанных выше собраниях произносились антисоветские речи. Расскажите, кто и как выступал на этих собраниях.

- Никаких антисоветских выступлении и бесед на указанных выше собраниях не было. На собраниях произносились приветствия по адресу епископа.

- Как вы лично реагировали на закрытие советскими властями в Бежецке церквей и снятие колоколов?

- Я лично скорбел о закрытии церквей и снятии колоколов, однако с решениями местных властей о закрытии церквей примирялся.

Следователь стоял на своём и на допросе через два дня спрашивал:

- Следствию известно, что вы являетесь активным членом созданной епископом Григорием Козыревым контрреволюционной группировки духовенства, проводившей под благовидными предлогами собрания с контрреволюционными целями. Вы признаете себя виновным?

- Нет, я не признаю себя виновным, ибо я ни в какой контрреволюционной группировке духовенства не состоял и о существовании таковой не знаю.

- Что вам известно об антисоветских выступлениях отдельных членов контрреволюционной группировки на контрреволюционных собраниях духовенства, в частности, о выступлениях диакона Кладовского, бывшего генерала Тюрина и других.

- Лично мне никогда не приходилось быть свидетелем или участником контрреволюционных выступлений и высказываний на собраниях духовенства.

- Почему вы скрыли от следствия тот факт, что в 1934 году вы были под следствием по обвинению в антисоветских разговорах?

- Да, я действительно находился под следствием, но не по делу об антисоветских разговорах, а в связи с арестом и преданием суду Сергия Кордюкова, священника города Бежецка.

- Следствию известно, что вы однажды, спрашивая Василия Покровского о причинах прекращения посещений контр-революционных собраний духовенства, высказали мысль, не является ли он шпионом НКВД. Вы подтверждаете этот факт?

- Нет, такого разговора у меня с Покровским не было, возможно, я запамятовал.

Заканчивая через несколько дней следствие, следователь еще раз вызвал на допрос священника; на поставленный вопрос, признает ли он себя виновным, о. Иоанн ответил:

- Виновным себя в том, что я состоял в контрреволюционной группировке духовенства и занимался антисоветской агитацией, не признаю. Все мои предыдущие показания считаю правильными и дополнить их чем-либо не могу.

В составленном через два дня обвинительном заключении следователь написал: "...На протяжении ряда лет на территории города Бежецка существовала и проводила свою контрреволюционную и антисоветскую работу группировка церковников... Контрреволюционная группировка церковников путем проведения нелегальных собраний местного духовенства и бывших людей, чтения проповедей и отдельных бесед проводила среди населения контрреволюционную агитацию, направленную на организацию сопротивления населения закрытию церквей и снятию колоколов, срыв коллективизации в районе, распространение провокационных слухов о войне, клевету на сталинскую конституцию и сеяние террористических настроений.

Материалами следствия установлено, что обвиняемый Василевский Иван Николаевич вместе с контрреволюционно настроенным духовенством города Бежецка состоял активным членом контрреволюционной группировки бежецкого духовенства...

Среди населения через проповеди в церквях и беседы проводил антисоветскую агитацию...

Привлеченный в качестве обвиняемого, Василевский Иван Николаевич виновным себя не признал...

Следственное дело по обвинению Василевского Ивана Николаевича направить на рассмотрение Тройки УНКВД по Калининской области...".

Через три недели после последнего допроса, 13 сентября, Тройка НКВД постановила расстрелять священника. Священник Иоанн Василевский был расстрелян 17 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иоанн (Владимирский) (память 25 ноября по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 21 марта 1877 года в селе Боронкино Луковниковского уезда Тверской губернии в семье священника Михаила Владимирского. Образование получил в Духовной семинарии, в 1906 году он был рукоположен в сан священника ко храму родного села Боронкина, где служил его отец. В 1924 году власти лишили о. Иоанна избирательных прав, как священника.

В 1930 году местные власти, ставя своей целью закрытие храма в селе, потребовали от священника уплаты непосильных налогов. Отец Иоанн не смог выплатить их и был в 1931 году арестован. Районный суд приговорил его к пяти годам ссылки. Отец Иоанн переехал в соседнюю область и здесь стал служить в храме. По окончании ссылки в 1936 году он

вернулся в родное село, где оставались жить его супруга, Мария Федоровна, и сын, которому было тогда десять лет.

Прошло немногим более года после возвращения священника, как началось новое гонение, еще более жестокое и кровавое.

15 ноября 1937 года о. Иоанн был арестован. Как обычно, были вызваны "дежурные свидетели", в этот раз - председатель сельсовета и заведующий избой-читальней, которые согласи- лись подписать приготовленные следователем документы об антисоветских высказываниях священника, будто тот говорил, что до революции жилось лучше, чем при советской власти, всего было много, а теперь и тот хлеб, что есть, у колхозников отбирают, и они голодают. Дали они показания и о том, что священник был против закрытия храма.

На следующий день следователь допросил о. Иоанна. Выслушав перечисленные следователем обвинения, священник ответил:

- Виновным себя в агитации против партии и советской власти я не признаю. Контрреволюционной агитации и пропаганды против советской власти я не веду. О скорой войне, падении советской власти и роспуске колхозов я не говорил. О том, что ранее жили лучше, а сейчас ничего нет, я не говорил. Якобы колхозы созданы для гибели народа, колхозникам дают непосильные посевы, колхозники работают много, а хлеб у них берет государство бесплатно, и колхозники голодают, этого я нигде не говорил и не слышал. О том, что выборы в Верховный Совет давно проведены и подготовка к выборам делается для успокоения народа, что рабочие и колхозники бессильны в выборах, этого никогда не говорил. Агитации и пропаганды против партии и советской власти я не веду.

29 ноября дело было закончено и передано на решение Тройки НКВД. 5 декабря Тройка приговорила священника к расстрелу. Священник Иоанн Владимирский был расстрелян 8 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученики Иоанн Флеров и Иоанн Быстров

Священник Иоанн Флеров был строителем и первым служителем храма Архангела Михаила в селе Семьяны Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Церковь была построена и освящена незадолго перед революцией 1917 года. Освятив храм о. Иоанн сказал: "Моя церковь долго будет стоять, и никто к ней не подступится". Это исполнилось, но сам настоятель зимой 1918 года был арестован и препровожден в Васильсурск; ему было тогда сорок лет.

В Васильсурской тюрьме его долго мучили, часто вызывали на допрос, требуя отречения от Христа или от священнического сана. Священник не согласился. И тогда о. Иоанна вывели на кладбище и велели копать могилу. Выкопав, он стал молиться. И когда кончил, сказал: "Я готов". Он был убит залпом в спину.

После его кончины храм обрел предстателя пред Богом. Долго не могли безбожники закрыть его, а когда закрыли, не смогли разорить, а хотели, потому что храм был укоряющим памятником народного строительства - были еще живы сами строители и крестьянежертвователи.

Но прихожане не отдавали ключей. Придет к Татьяне, хранительница ключей, верующая подруга и скажет:

- Татьяна, все равно нас заберут с тобой.

- Ну и пусть заберут, уйдем не за кого, а за Бога, - ответит Татьяна.

В одно из гонений хитрый председатель сельсовета призвал Татьяну к себе и сказал:

- Татьяна, ключ у тебя, давай, надо церковь открывать.

- Врете, церковь вы сейчас открывать не будете, не дам вам ключа. Хоть сажайте меня и всю мою груду, а не дам вам ключа, пока не объявите, что в церкви будет служба.

Председатель отступился, и церковь неразоренной достояла до своего открытия в сороковых годах.

В этом селе родился в 1888(9?) году священник Иоанн Быстров. У родителей о. Иоанна были одни дочери, а им хотелось сына, и мать усердно молила о том Бога, дав обет, что если родится мальчик, он будет, посвящен Господу, и когда он родился, назвали его Иоанном.

Окончив гимназию, Иоанн стал учителем в родном селе.

Строительство храма, служба в нем ревностного пастыря оказали немалое влияние на молодого учителя. Было ясно, что только с Богом воспитание могло быть успешным, потому что основой его могла быть только любовь.

Обладая заметными дарованиями как воспитатель, он скоро стал известен среди учителей, и окружающие прочили ему славное будущее. Казалось, он нашел себя в любимом деле, обеты, данные перед его рождением, были забыты. Но Господь Сам напоминал о Себе. Все чаще Иоанн вспоминал о данном его матерью слове, все мучительнее переживал мысль о своей неверности Богу. Сколь удачно ни сложилась бы его дальнейшая жизнь, но она будет никуда не годна, если выстроится на зыбучей основе неправды. И когда Иоанну исполнилось двадцать семь лет, он сказал матери:

- Мама, я должен исполнить обещание. Я сам так хочу.

Он женился, был рукоположен и стал служить в селе Саканах Нижегородской епархии. Это была во всех отношениях счастливая семья. У них с супругой родилось восемь детей, и в семье царила взаимная любовь. С редкостной мерой о. Иоанн был к детям рассудительно строг и справедлив, и дети любили его. Он никогда не забывал, что он не только отец, не только воспитатель, но и священник - образец нравственности для всех окружающих. И хотя семье было в те годы вдвойне тяжело от выпавших на ее долю гонений изза того, что Иоанн стал священником, он ни разу не пожалел, что исполнил материнский обет. Никакие преследования, никакие утеснения со стороны безбожных властей его не страшили. Гонимому властями, ему пришлось сменить несколько приходов. Последним местом его служения стал храм села Арапово Богородицкого района Нижегородской епархии.

Педагогическая известность некоторое время охраняла его, но в конце тридцатых годов арест навис над ним неминуемо. Коекто из представителей власти пытался уговорить о. Иоанна оставить храм и вернуться к учительству, обещая, что не будет помянуто его священство, его сделают директором школы, и при его способностях ему откроются все дороги. А иначе не избежать ареста. Слушая это, матушка бросилась уговаривать мужа оставить церковь и пойти в школу; она напоминала ему о детях, со слезами умоляя сжалиться над ними. Но как раньше, так и теперь оставался тверд пастырь в своем решении служить Богу. С кротостью и любовью он произнес:

- Господь не оставит, он всех детей выведет в люди.

11 сентября 1938 года, на Иоанна Постника, его арестовали. Когда приехали чекисты, шла служба, и они не посмели ее прервать, вышли из храма и расположились неподалеку, ожидая священника.

Отец Иоанн был заключен в Нижегородскую тюрьму.

Кончина его и с ним многих других священников Нижегородской епархии арестованных в 1937-1938 годах, была такова. Их всех вывезли на середину Волги против города Бор, неподалеку от Нижнего. Связанных священников по одному сталкивали в воду, наблюдая, чтобы никто не выплыл; выплывших топили. И так были умучены все.

Священномученики Иоанн и Василий (Козыревы) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 16 января 1885 года в селе Пожарье Сандовского уезда Тверской губернии, где его отец, Алексей Козырев, служил священником. В 1904 году Иван Алексеевич окончил Тверскую Духовную семинарию и поступил преподавателем в Краснохолмское Духовное училище, где прослужил до 1910 года, затем уехал в село Пожарье и устроился учителем в сельской школе. В 1911 году умер отец, и Иван Алексеевич 9 октября того же года был рукоположен в сан священника ко храму в родном селе.

Его брат, священномученик Василий, родился в 1889 году. До 1907 года он учился в Бежецком Духовном училище, затем окончил пять классов Тверской Духовной семинарии и поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, но окончить его не смог, так как у семьи не было средств для продолжения его образования. В 1914 году Василий поступил учителем в сельскую школу и проработал в ней до 1919 года. Но когда пришла новая власть, он вынужден был из школы уйти; он устроился счетоводом, затем инструктором в Рыбинский губернский потребительский союз, где проработал до 1921 года, когда принял решение стать священником.

В 1921 году Василий был рукоположен в сан священника к одному из храмов в Бежецке. Гонения конца двадцатых - начала тридцатых годов не обошли и его - в 1930 году он был арестован, приговорен к трем годам заключения и отправлен сначала на Соловки, а потом в Свирский концлагерь. После двух лет заключения, в 1932 году, он вернулся в Бежецк и стал служить в храме.

В 1929 году брат священников Иоанна и Василия, преосвященный Григорий, был назначен епископом Бежецким. Владыка отличался высоким молитвенным настроем и сумел своим примером поднять дух клира и мирян, многие из которых начали унывать от безжалостности и, казалось, безвременности наступивших гонений.

Шли гонения на Православную Церковь; те, кто не были арестованы в начале двадцатых годов, были арестованы в конце их. В 1929 году власти приступили к описи имущества в храмах, так как собирались в очередной раз изымать церковное достояние, арестовывать духовенство, закрывать храмы. Узнав об этом, о. Иоанн скрыл от описи чашу, дискос, лжицу, две тарелочки и напрестольное Евангелие в серебряном окладе. Впрочем, все это не удалось сохранить, власти нашли и отобрали. В том же году о. Иоанна арестовали, обвинили в сборе пожертвований для храма и приговорили к штрафу в размере трехсот рублей.

23 января 1934 года сотрудники ГПУ арестовали священника Введенской церкви в городе Бежецке о. Сергия Кордюкова. В качестве доказательств вины ему были представлены доносы осведомителей на него и на священников. Трудно теперь установить, чем угрожали пастырю, что обещали ему следователи в случае подтверждения этих оговоров, но о. Сергий поверил и подтвердил представленные ему сведения.

16 февраля 1934 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. И им следователь, по-видимому, что-то обещал, только бы они признали себя виновными. Отец Иоанн согласился со следователем. 22 февраля следователь составил протокол допроса, о. Иоанн его подписал. В нем, в частности, было написано: "Я, Козырев Иван Алексеевич, полностью признаю себя виновным в том, что состоял одним из активных членов контрреволюционной группировки церковников города Бежецка, которая на протяжении

ряда лет проводила антисоветскую контрреволюционную деятель- ность против существующего строя.

Характерным примером нелегального сборища было 24 сентября 1933 года, когда духовенство собралось в Никольскую сторожку после торжественного служения по случаю десятилетнего юбилея епископа Григория...

На этом сборище Сретенский завел разговор о том, что в стране плохо дело со снабжением, что колхозы не оправдывают... надежд на обеспечение страны хлебом и вообще продуктами. Присутствующий здесь Кладовский Алексей (село Алабузино) говорил, что он живет в деревне и знает жизнь колхозников и видит, что им живется очень трудно, так что лучше бы им бежать из колхозов без оглядки.

В ответ на это я, Козырев Иван, говорил, что знаю жизнь колхозников в деревне Кучели и знаю, что многие из колхозников в настоящее время сидят без хлеба и в нем нуждаются. В этом же духе слышались разговоры и от других сидящих за столом, но кто и что говорил, в настоящее время не помню.

Епископ Григорий Козырев по этому вопросу говорил, что если жизнь трудная, то и надо на это смотреть как на Божие наказание, в проповедях надо призывать народ к терпению, к покорности Промыслу Божию.

Ко мне часто заходят из деревень духовенство и верующие, и все жалуются на трудную жизнь и на недостатки..."

Отец Василий виновным себя не признал. В тот же день, 22 февраля он показал: "В первые годы существования соввласти до 1919 года я работал преподавателем сельской школы в селе Смердынях... После этого работал там же счетоводом потребкооперации до 1920 года и по 1921 инструктором Рыбинского Губсоюза потребкооперации, но, будучи недоволен советской властью, и в особенности проводимыми ею в то время мероприятиями, как например, прекращением преподавания Закона Боя в школах... решил стать священником Никольской церкви в городе Бежецке в целях укрепления православной веры. Хотя я и был недоволен существующим строем, но... беседы вел исключительно с лицами узкого круга близких мне людей... Больше показать ничего не могу..."

На следующий день врач освидетельствовал состояние здоровья подследственных. Оказалось, что перед самым арестом о. Иоанн тяжело переболел воспалением легких. Плеврит так и остался, а также развило малокровие и истощение организма вследствие того, что в тюрьме почти не кормили. Больным оказался и о. Василий. Но священников и отправляли на смерть, их арестовывали с тем, чтобы они никогда не вернулись и поэтому приглашенный судебно-медицинский эксперт написал каждому в сопроводительной бумаге: "Годен для исполнения тяжелых физических работ". Через день Тройка ОГПУ вынесла постановление: священников Сергия Кордюкова, Василия Козырева и Ивана Козырева заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Их должны были отправить в Северо-восточные лагеря с первым этапом 13 марта, но тюремный вагон к назначенному этапному дню не пришел, и священников вернули в Бежецкую тюрьму дожидаться следующего этапа. Из Владивостока они были отправлены на Колыму. Здесь работа и жизнь оказались настолько тяжелы, что священники Иоанн и Василий Козыревы едва выжили, а о. Сергий Кордюков умер в лагере.

В конце октября 1936 года по окончании срока заключения священники вернулись в Бежецк и поступили на службу в храм. Дома они встретились с братом, епископом Григорием. Он подробно расспрашивал их о том, как им жилось в лагере, как проходило следствие, о чем их спрашивали и что отвечали братья. Они рассказали, что следователь обвинял их в создании церковной контрреволюционной организации, причем роль главы организации отводил епископу Григорию.

Теперь, после лагеря, священническое служение было уже исповедничеством. Наступил 1937 год, повсюду шли аресты; им стало ясно, что не миновать заключения.

В июле 1937 года митрополит Сергий назначил преосвященного Григория епископом Барнаульским. 17 июля братья, почти все духовенство и многие из мирян проводили епископа к поезду. Епископ Григорий в последний раз благословил свою паству и духовенство и расстался с ними навсегда - сразу по приезде в Барнаул он был арестован.

В сентябре 1937 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. Опыт следствия 1934 года многому их научил - прежде всего тому, что оно держится на лжи, что следователи ради достижения своей цели не побрезгуют ничем, что ни одному их слову верить нельзя. И потому оставался единственный выход - быть в меру сил мужественным, не признавать и не подписывать лжи и молить Бога о том, чтобы Он даровал силы все претерпеть.

Первый раз о. Иоанн был допрошен сразу же после ареста, 21 сентября. Следователь спросил, почему в его доме не было обнаружено никакой переписки, ведь находясь на Колыме в лагере, он писал домой. Священник ответил, что переписку он сжег. На следующем допросе через несколько дней следователь спросил:

- В своих показаниях от 21 сентября сего года вы заявили, что, опасаясь ареста органами НКВД, вы заранее уничтожили всю переписку. Скажите, чем были вызваны ваши опасения и что за переписку вы уничтожили?

- Мои опасения быть арестованным строились на том, что когда в прошлом году арестовали Григория Козырева, то меня вызывали в НКВД на допрос... Я опасался, что вслед за Григорием Козыревым арестуют и меня. Переписка, которую я уничтожил, - это моя переписка с женой в бытность мою в концлагере.

- Скажите, возвратясь из ссылки, вы поддерживали связь с руководителем контрреволюционной группировки Григорием Козыревым?

- Да, я и мой брат Василий Козырев поддерживали с Григорием Козыревым самую близкую связь, были близки друг к другу и вхожи в дома.

- Скажите, о чем беседовали вы втроем - Козырев Василий, Козырев Григорий и вы - на квартире у Козырева Василия при закрытых дверях?

- Разговоры у нас были только семейного характера. О политике или мероприятиях советской власти мы никогда не беседовали.

- Следствию известно, что, возвратясь из концлагеря, вы как член контрреволюционной группировки продолжали свою контрреволю- ционную деятельность. Вы подтверждаете это?

- Нет. После возвращения из концлагеря я контрреволюционной агитацией не занимался.

Следователь не удовлетворился подобными ответами, у него уже был шаблонный набор обвинений.

- Следствию известно, что в июле 1937 года вы произносили в церкви проповеди, сопровождаемые контрреволюционными коммен- тариями. Вы утверждаете это?

- Нет, я отрицаю это. Мои проповеди, кои я читал в церкви, были исключительно религиозного содержания.

- Скажите, с какой целью вы распространяли среди верующих провокационные слухи о войне?

- Подобных слухов я никогда не распространял.

- Следствию известно, что среди верующих вы объясняли аресты священников... желанием советской власти перед выборами в Верховный совет изолировать арестами нежелательных ей людей от участия в выборах... Вы подтверждаете это?

- Да, я действительно в беседах объяснял аресты священников желанием советской власти устранить неугодных ей людей от участия в выборах... Мой арест я объясняю сейчас тем же.

- Но ведь это является не чем иным, как клеветой на сталинскую конституцию. Вы согласны с этим определением?

- Да, я согласен, что это является клеветой на сталинскую конституцию.

1 октября состоялся последний допрос.

- Следствием установлено, что, находясь на высылке и возвратясь с таковой, вы продолжали состоять членом контрреволюционной группировки и заниматься контрреволюционной агитацией среди населения. Вы все еще будете отрицать то, что уже бесспорно доказано?

- Я окончательно утверждаю, что членом контрреволюционной группировки... не состою и контрреволюционной агитацией не занимался... - ответил о. Иоанн.

Тогда же, в сентябре, тот же следователь, техник-интендант 2-го ранга Иолин допросил о. Василия.

- Скажите, как в 1936 году прошли именины Григория Козырева, кто из них присутствовал и каков характер выступлений участников контрреволюционной группировки?

- В связи с тем, что Григорий Козырев целый месяц находился в 1936 году под стражей в городе Калинине, его именины, совпавшие с арестом не проводились.

Через несколько дней снова состоялся допрос.

- Следствию известно, что у вас на квартире часто при закрытых дверях происходили беседы между вами, Козыревым Григорием и Козыревым Иваном. Скажите, к чему была такая конспирация и характер ваших собеседований?

- Мы беседовали исключительно о домашних делах и делах наших семей. Иногда заходил вопрос о политике, но о ней мы толковали в положительном смысле. Двери закрывались как обычно.

- Следствию известно, что вы и ваш брат, Козырев Иван, после возвращения из ссылки в 1936 году до момента ареста как участники контрреволюционной группировки духовенства проводили среди населения контрреволюционную агитацию. Вы подтверждаете это?

- Нет, я отрицаю то, что я якобы проводил после возвращения из ссылки контрреволюционную работу. Таковую я прекратил в 1934 году, когда был арестован, осужден и выслан.

Наконец, 1 октября состоялся последний допрос.

- Следствию известно, что в проповедях, кои вы произносили в церкви, вы допускали контрреволюционные выпады по адресу советской власти, изображая большевиков в виде сошедшего на землю антихриста. Вы подтверждаете это?

- Нет, я произносил проповеди исключительно религиозного содержания.

- Как установлено следствием, вы распространяли среди верующих клевету на сталинскую конституцию, заявляя, что советская власть арестами неугодных ей людей устраняет их от участия в выборах в Верховный Совет. Вы подтверждаете это?

- Нет, я отрицаю это. Я никогда такие объяснения верующим не давал.

1 ноября 1937 года Тройка НКВД по Калининской области приговорила священников Иоанна и Василия Козыревых к расстрелу. Они были расстреляны 3 ноября 1937 года.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик протоиерей Иоанн Кочуров (память 31 октября по старому стилю)

Священномученик протоиерей Иоанн Кочуров родился 13 июля 1871 года в селе Бигильдино (Сурки) Данковского уезда Рязанской губернии в благочестивой и

многодетной семье сельского священника Александра Кочурова и его супруги Анны. Его отец многие годы успешно совмещал своё приходское служение с исполнением обязанностей законоучителя Бигильдинского народного училища.

Следуя стопам отца, юноша поступил в Данковское Духовное училище, а затем в Рязанскую Духовную Семинарию, которую закончил в 1891 году. В этом же году он поступил в Петербургскую Духовную Академию.

По окончании Академии отец Иоанн в соответствии с его давним желанием был направлен на миссионерское служение в Алеутскую и Аляскинскую епархию. Здесь он был рукоположен в сан священника преосвященным Николаем, епископом Алеутским и Аляскинским, и назначен настоятелем церкви святого Владимира в городе Чикаго. Уже в первые три года своего приходского служения отцом Иоанном были присоединены к Православной Церкви 86 униатов и 5 католиков, а число постоянных прихожан в храмах Чикагско-Стриторского прихода возросло до 215 человек в Чикаго и 88 человек в Стритоле. При обоих храмах работали детские церковные школы. Трудами отца Иоанна был построен новый храм в Чикаго в честь Пресвятой Троицы. Возведение нового храма благословил Святитель Тихон, будущий Российский Патриарх. Деньги на его постройку были собраны отцом Иоанном в 1900 году во время отпуска в Россию.

В 1907 году отец Иоанн вернулся на родину и приписан к клиру Преображенского собора города Нарвы. В этом же году он стал исполнять обязанности законоучителя Нарвских гимназий. С ноября 1916-го года отец Иоанн назначается приходским священником Екатерининского собора Царского Села. С первых месяцев отец Иоанн зарекомендовал себя не только как ревностный и благоговейный совершитель службы Божией, но и как красноречивый эрудированный проповедник, собиравший под своды Екатерининского собора православных христиан со всех концов Царского Села. 30 октября 1917 года во время артиллерийского обстрела Царского Села (в котором находились казачьи отряды генерала атамана Краснова) в Екатерининском храме отцом Иоанном был совершён особый молебен. После него, несмотря на продолжающийся обстрел, прошёл крестный ход с чтением нарочитых молений о прекращении междоусобной братоубийственной брани, на котором батюшка в проповеди призывал взволнованный народ к спокойствию в виду грядущих событий.

31 октября (13 ноября н. ст.) 1917 года отряды большевиков вступили в Царское Село, оставленное казаками. Священники были арестованы. В тот же день отец Иоанн за бесстрашную проповедь подвергся избиению, а затем его, полуживого, красногвардейцы долго волокли по шпалам, к царскосельскому аэродрому. Там на глазах сына-гимназиста его расстреляли. Смерть батюшки не была мгновенной... Убийцы таскали его за волосы, предлагая друг другу "прикончить как собаку". Тело убитого пастыря было вечером доставлено в часовню Дворцового госпиталя, оттуда перенесено в Екатерининский Собор, где 4 ноября 1917 года было совершено отпевание. Погребли батюшку по просьбе прихожан в усыпальнице под Собором, который был затем взорван в 1939 году, Через три дня, не выдержав потрясений, скончался и его сын, 17-летний юноша.

Отец Иоанн стал первым священномучеником, пострадавшим от коммунистов после революции. Святейший Патриарх Тихон, лично знавший отца Иоанна, писал его вдове: "Храним в сердце твёрдое упование, что украшенный венцем мученичества, почивший пастырь предстоит ныне Престолу Божию в лике избранников верного стада Христова".

В настоящее время на месте его захоронения в Царском Селе, что под Санкт-Петербургом, находится памятник вождю коммунистов В. Ленину.

Канонизован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1994 году.

Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов (память 23 августа по старому стилю)

Священномученик протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов родился 20 января 1864 года в станице Новоалександровской Ставропольской губернии, в семье священника Иоанна. Отец его рано скончался.

По окончании в 1887 году Ставропольской Духовной Семинарии, два года Иоанн учительствовал, а в 1889 году он принял священство. Первым местом его служения стало кубанское село Кирпилское, большая часть жителей которого являлась старообрядцами. На свои средства батюшка устроил в селе церковноприходскую школу, не упускал ни единой возможности проповедовать Слово Божие, открыл общество трезвости. В результате за год его деятельности более ста старообрядцев села воссоединились с Православной Церковью.

В сентябре 1890 года батюшка назначается законоучителем Ставропольской мужской гимназии. Он становится истинным христианским педагогом, научая мальчиков хранению христианских основ государственности и семьи. Вскоре батюшка был переведён в Тифлисскую епархию и назначен на должность епархиального миссионера Грузинского Экзархата. Немало времени посвящает он изучению Суро-Халдейского языка (несториан), после чего направляется в Персию (Иран), где приступает к организации работы по присоединению суро-халдеев к Православной Церкви, плодом которой явилось воссоединение с Православием трёх епископов.

Вернувшись на Родину в разгар беспорядков 1905 года, спровоцированных еврейскими революционерами, отец Иоанн понимает, что революция, ниспровержение Богом данного Самодержавия как оплота Православия необходима сионистам - врагам человечества и России, которым наше Отечество препятствовало на пути к завоеванию мирового господства и приуготовлению пришествия антихриста. Сионизм, пользуясь своей веками проверенной практикой, проникал во все слои общества и разлагал его изнутри, добиваясь падения и разрушения всех неудобных для него государств и правительств, действуя прежде всего через уничтожение национального самосознания у народов - с одной стороны, и магические тайные сатанинские жертвоприношения лучших представителей данного народа - с другой.

Отец Иоанн понимает, что дело зашло уже так далеко, что борьба предстоит не на жизнь, а на смерть, Но он выбирает путь борьбы и исповедничества. Вместе со своими единомышленниками-патриотами он создаёт "Союз Русского Народа", в деятельность которого включаются лучине сыны Отечества. Он предпринимает многочисленные поездки по делам организации, приступает к изданию газет "Церковность", "Русская земля", журнала "Верность", где разъясняет суть происходящего. И его труды принесли свой плод - революция 1905 года, устроенная на деньги патологического русофоба Якова Шиффа (позднее, в 1917 году субсидировавшего и Октябрьский переворот) была подавлена именно благодаря сплочению русского народа.

Однако правительственная ошибка - издание Манифеста 17 октября 1905 года ("Об усовершенствовании государственного порядка") - позволила, вместо ужесточения мер (к чему непрестанно призывал святой праведный отец Иоанн Кронштадтский) и введения твёрдого правопорядка, предоставить бунтовщикам полную свободу действий - свободу печати, свободу слова, свободу собраний, народное представительство в государственном управлении - введение Государственной Думы, в которую вместо действительно народных представителей правдами и неправдами вошли большей частью именно те, кто работал на разрушение страны, вооружившись опытом первой революции.

В дальнейшем со стороны правительства делалось всё, чтобы разорвать этот союз народа и власти, благодаря которому единственно только и можно было спасти Отечество. Провокаторы раскалывают "Союз" на отдельные организации, что подрывает доверие к священному делу спасения Руси. К членам "Союза" начинают применяться судебные преследования по ложным обвинениям.

В итоге, к 1916 году патриотические организации лишают права хранения оружия, и распускают. В 1917 году народ оказался идеологически неподготовлен и неорганизован, а правительство таким образом выступило в роли предателя народа и собственного самоубийцы.

Тем не менее, отец Иоанн продолжает свою плодотворную деятельность, он пользуется сильным авторитетом, к его слову прислушиваются все патриоты. В 1910 году он отправляется в далёкий Китай в город Харбин и организовывает там Братство Воскресения Христова с возложением на него заботы по охране могил павших в Маньчжурии русских воинов.

В 1911 году он организовывает покупку участка земли в Италии в городе Бари - для русских богомольцев, дабы они могли иметь пристанище, приехав к мощам великого Святителя и Чудотворца Николая.

В 1913 году, по возвращении в Москву батюшка стал одним из инициаторов открытия Женского Богословского Института. В этом же году по решению Святейшего Синода батюшка назначается Синодальным миссионером-проповедником, в каковой должности Господь сподобил его присутствовать при освидетельствовании нетленных мощей Святителя Софрония Иркутского (память 30 марта).

В мае 1917 года он состоит в должности настоятеля Покровского собора (храм Василия Блаженного) в Москве, где в то время почивали частицы честных мощей "от жидов убиенного" святого младенца Гавриила Белостокского. Перед его мощами отец Иоанн почти ежедневно совершал молебны - что и послужило одной из причин ареста батюшки и его убийства коммунистами.

Когда до Москвы дошла весть об убиении первомученика митрополита Владимира, батюшка произнёс на проходившем тогда Поместном Соборе трогательную речь, после которой к нему с благодарностью подошёл Святейший Патриарх Тихон, батюшка тогда сказал: "Народ наш совершил грех, а грех требует искупления и покаяния, а для искупления прегрешений народа и для побуждения его к покаянию всегда требуется жертва, а в жертву всегда избираются лучшие, а не худшие. Вот где тайна мученичества старца митрополита. Чистый и честный, церковно настроенный, правдивый, смиренный митрополит Владимир мученическим подвигом сразу вырос в глазах верующих и смерть его такая, как и вся жизнь, без позы и фразы, не может пройти бесследно. Она будет искупляющим страданием и призывом и возбуждением к покаянию..."

Батюшка горячо призывал Православных немедленно объединяться в "дружины пасомых" для защиты Церкви Христовой через приходские собрания, религиозные союзы и тому подобные братства: "вы, пасомые, должны составить около пастырей ту дружину, которая обязана в единства всецерковном бороться за веру и Церковь", - так говорил он мирянам. А пастырей он призывал готовиться к исповедническому подвигу священной борьбы: "Есть область - область веры и Церкви, где мы, пастыри, должны быть готовы на муки и страдания, должны гореть желанием исповедничества и мученичества..."

Вскоре, 20 мая (2 июня) 1918 года, батюшка был арестован по обвинению в антисемитской пропаганде и заключён в Московскую Бутырскую тюрьму. Там, одною из самых тяжёлых обязанностей заключённых было закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела. Работа эта происходила изо дня в день Заключённых вывозили на грузовике под надзором вооружённой стражи к Ходынскому полю, иногда на Ваганьковское кладбище, надзиратель отмерял широкую, в рост человека, канаву, длина которой определяла число намеченных жертв. Выкапывали могилы на 20-30 человек, готовили канавы и на много

десятков больше. Подневольным работникам не приходилось видеть расстрелянных, ибо таковые бывали "заприсыпаны землёю" руками палачей. Арестантам оставалось только заполнять рвы землёй и делать насыпь вдоль рва, поглотившего очередные жертвы "Чека".

Однажды конвоиры объявили, что на завтрашнее утро - 23 августа 1918 года - предстоит "важный расстрел" попов и министров. На следующий день дело объяснилось. Это были: Селенгинский епископ священномученик Ефрем (Кузнецов), протоиерей Иоанн Восторгов, ксендз Лютостанский с братом, бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков, председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов, бывший министр внутренних дел Хвостов и сенатор Бельский...

Прибывших разместили вдоль могилы лицом к ней... По просьбе отца Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осуждённым помолиться и попрощаться друг с другом. Все стали на колени и полилась горячая молитва "смертников", после чего все подходили под благословение преосвященного Ефрема и отца Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым подошёл к могиле отец Иоанн, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву. "Я готов", - сказал он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошёл к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул её за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону от кустов шагов на 20-30, но настигнутый двумя пулями, упал, и его приволокли к могиле, выстрелили ещё раз и сбросили.

Палачи, присыпая землёй свои жертвы, высказывали глубокое удивление отцу Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, видимо поразивших их своим хладнокровием. Иван Григорьевич Щегловитов, по словам рассказчика, с трудом передвигался, но также ни в чём не проявил никакого страха.

Протоиерей Иоанн Восторгов причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Иоанникий (Дмитриев) (память 10 ноября по старому стилю)

Преподобномученик Иоанникий (в миру Иван Алексеевич Дмитриев) родился в 1875 году в деревне Редкие Дворы Московской губернии в семье крестьянина; в их семье было пятеро детей. В течение трех лет Иван зимой ходил на дом к учителю и обучался грамоте, а летом пас скотину на пастбище. В двенадцать лет он пошел вместе с деревенскими портными по деревням в качестве ученика и в течение трех лет обучался портняжному ремеслу. Когда Ивану исполнилось семнадцать лет, он отправился в Москву и устроился в портняжную мастерскую. Проработав три года, он на две недели приехал в родную деревню повидать отца с матерью, а затем вернулся в Москву. Вскоре умерла мать, и он взял к себе на содержание всю семью - отца и братьев с сестрами. Иван рос с детства благочестивым, а в юности почти ежедневно посещал церковь и читал много духовных книг. Два года он жил с мыслью уйти в монастырь и в конце концов остановился в своем выборе на ските Оптиной пустыни.

В 1908 году Иван приехал в Оптину пустынь; две недели он прожил в ней и беседовал с настоятелем, который, увидев высокий духовный настрой благочестивого юноши, принял его в обитель послушником. Здесь он был пострижен в монашество с именем Иоанникий и в 1915 году рукоположен в сан иеродиакона. С 1917 года он был экономом в архиерейском доме у епископа Калужского Феофана (Тулякова). В 1918 году иеродиакон Иоанникий был мобилизован в тыловое ополчение и прослужил здесь два года. В 1921 году епископ Феофан рукоположил его в сан иеромонаха и направил служить в село Сухиничи неподалеку от Калуги. В 1927 году епископ Феофан был переведен на другую кафедру; назначенный вместо него епископ Стефан (Виноградов) возвел в 1928 году иеромонаха Иоанникия в сан игумена и определил его настоятелем Георгиевского монастыря в городе Мещевске.

Направляя отца Иоанникия в монастырь, владыка благословил его помогать всем престарелым монахам и монахиням, жившим тогда при монастыре. В 1929 году монастырь закрыли, а на его месте была организована коммуна "Искра". Отец Иоанникий после закрытия монастыря был назначен настоятелем мещевского собора. Монахи закрытой обители образовали вокруг собора некое подобие монастырской общины, с уставными службами в соборе. Они жили теперь по частным квартирам, но все строго выполняли устав. Отец Иоанникий, исполняя благословение епископа, помогал монашествующей братии, и в особенности тем, кто по старости или болезни не мог себя содержать. Наличие вокруг городского собора некоторого числа монашествующих обратило на себя внимание властей. В это время властями проводилась коллективизация, к которой они сами относились как к мероприятию рискованному, и оттого опасались крестьянских восстаний и сопротивления - или пассивного, когда люди не шли в колхозы, или активного, когда они готовы были идти на физическое сопротивление. Священнослужителей и монахов власти считали первыми своими врагами, а зная, что это наиболее просвещенные люди, почитали их врагами вдвойне.

В октябре 1932 года власти арестовали в городе Мещевске девятнадцать человек, из них одиннадцать - монахов и монахинь. Игумен Иоанникий был арестован 31 октября и заключен в тюрьму города Брянска. 16 ноября он был вызван на допрос и на вопросы следователя ответил: "По существу предъявленного мне обвинения в создании контрреволюционной группировки из монашествующих и бывших торговцев и проведении агитации против мероприятий советской власти виновным себя не признаю. Служба в церкви шла продолжительно, хотя некоторые молитвословия монашеские и были сокращены. Акафисты в начале службы читались, а потом во время самой службы пелись, но это было заведено еще до меня. Службы проходили в церкви ежедневно. Это я делал из-за заботы об истинной христианской православной вере, как и должен был делать каждый священник. Никакого подпольного монастыря при мещевском соборе у нас не было. Все монашествующие признавали меня за своего духовника, но за старшего не считали".

Следователи, собрав против игумена Иоанникия показания "свидетелей", их ему зачитали. Выслушав, отец Иоанникий ответил: "Указанны мне якобы конкретные случаи моей контрреволюционной деятельности категори- чески отрицаю и заявляю, что я нигде и никогда не говорил против тех или других мероприятий советской власти. Со стороны арестованных со мною я также ни разу не слышал что-либо против мероприятий советской власти".

15 марта 1933 года Тройка ОГПУ приговорила игумена Иоанникия в ссылке в Северный край на пять лет. По возвращении из ссылки он был возведен в сан архимандрита и направлен служить в Николо-Казинский храм в городе Калуге. Осенью 1937 года власти арестовали архимандрита Иоанникия вместе с архиепископом Августином и группой духовенства Калуги. 28 октября состоялся допрос священника.

- Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает вам по этому вопросу дать откровенные показания, - потребовал следователь.

- Я среди духовенства и верующих неоднократно высказывал недовольство советской властью, обвиняя ее в том, что в результате ее политики по всему Советскому Союзу по требованию советской общественности закрылись церкви, кроме этого я говорил о том, что советская власть несправедливо проводит репрессии в отношении бывших людей... и духовенства, - высказал отец Иоанникий свое мнение, но отказался признавать себя виновным в контрреволюционной деятельности и оговаривать других.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Августина (Беляева), архимандрита Иоанникия (Дмитриева), протоиерея Иоанна Сперанского, псаломщиков Алексея Горбачева, Аполлона Бабичева и члена церковного совета Михаила Арефьева к расстрелу, они были расстреляны 23 ноября 1937 года и погребены в общей безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Иона (Лазарев),епископ Невельский, викарий Витебской епархии (память 8 октября по старому стилю)

Священномученик Иона (в миру Иван Иванович Лазарев) родился в 1869 году в селе Лучино Санкт-Петербургской губернии в семье священника. В 1892 Иван Иванович окончил Новгородскую Духовную семинарию и был определен надзирателем в Звенигородское духовное училище. Он учился в Новгородской семинарии в тот период, когда ректором ее был архимандрит Тихон (Никаноров), впоследствии архиепископ Воронежский, в 1919 году претерпевший мученическую кончину от воинствующих безбожников.

4 ноября 1892 года Иван был пострижен в монашество с наречением имени Иона, а 3 декабря того же года рукоположен в сан иеродиакона. 23 декабря 1893 года иеродиакон Иона был зачислен в число братии Саввино-Сторожевского монастыря, а 6 января 1895 года рукоположен в сан иеромонаха. 30 декабря 1899 года иеромонах Иона по ходатайству епископа Полоцкого Тихона (Никанорова) был зачислен в число братии Полоцкого архиерейского дома, а 5 января 1900 года назначен казначеем и ризничим Полоцкого архиерейского дома. 27 ноября того же года иеромонах Иона был назначен настоятелем Невельского Спасо-Преображенского заштатного необщежительного монастыря. 2 сентября 1902 года он был переведен на должность настоятеля Новгородского Сковородского необщежитель- ного третьеклассного монастыря и через год возведен в сан архимандрита.

В 1907 году епископ Тихон жил в ставропигиальном Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, исполняя должность его настоятеля. Перед тем как покинуть монастырь и занять архиерейскую кафедру, владыка предложил Святейшему Синоду назначить на должность настоятеля Новоиерусалимского монастыря архимандрита Иону, которого он давно и хорошо знал с самой лучшей стороны, и 22 марта 1911 года архимандрита Иона был назначен на должность настоятеля этого монастыря. В январе 1918 года архимандрит Иона был отправлен в распоряжение архиепископа Воронежского и Задонского Тихона.

29 января 1926 года архимандрит Иона был рукоположен во епископа Невельского, викария Витебской епархии, но приступить к своим обязанностям он по независимым от него обстоятельствам не смог. 14 мая 1926 года он был уволен на покой с благословением

заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия проживать в селе Батюшкове Дмитровского района Московской области. Живя здесь, он служил в Никольском храме в этом селе. Многие почитали епископа Иону за дар рассуждения и приезжали, чтобы получить от него духовные наставления. В тридцатых годах на территории Дмитровского района была создана система исправительно-трудовых лагерей, заключенные которых занимались строительством каналов и шлюзов. Среди узников этих лагерей было много духовенства, и епископ через заключенных, имевших свободный выход из лагеря, помогал находящимся в неволе священникам.

Во время гонений 1937 года епископ Иона был арестован по обвинению в том, что он под видом церковных проповедей вел контрреволюционную агитацию. На допросах он виновным себя не признал. 17 октября Тройка НКВД приговорила владыку к расстрелу. Епископ Иона (Лазарев) был расстрелян 21 октября 1937 года и погребен в безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобный Иов, в схиме Иисус, Анзерский (память 6 марта по старому стилю)

Преподобный Иов, в схиме Иисус, Анзерский родился в Москве в 1635 году и во святом крещении был назван Иоанном. Вероятнее всего, происходил он из духовного звания, был воспитан в добрых нравах и получил хорошее воспитание. По достижении зрелого возраста благочестивый Иоанн был поставлен священником одной из Московских приходских церквей и проходил своё служение с таким вниманием и любовью, что имя его скоро сделалось известным по Москве. Истинное утешение он находил в совершении Литургии, которую служил с таким вниманием, благоговением и воодушевлением, что все невольно молились усерднее обыкновенного.

После молитвы любимым делом отца Иоанна было творить милостыню. Он близко входил в положение своих прихожан, для бедняков часто устраивал трапезу, а для облегчения участи несчастных пользовался своим авторитетом среди влиятельных знакомых. Ворота его дома были всегда открыты, и всякий мог свободно прийти к любимому пастырю. А он, после беседы, при прощании одарял ещё каждого, чем мог.

Весть о добром пастыре дошла вскоре и до самого Императора Петра I. Император сделал отца Иоанна сначала придворным священником, а потом и духовником всего Царственного Дома. Став лицом важным, отец Иоанн ещё боле и шире, чем прежде, стал благотворить ближним, ни в чём остальном не изменяя прежнего скромного образа жизни.

Особенной любовью его с этого времени стали пользоваться богадельни и тюрьмы, которые он часто навещал.

Через некоторое время случилась со старцем-иереем тяжкая болезнь (малокровие и обмороки), однако, через три месяца он поправился и, как бы предчувствуя приближавшуюся беду, стал опять всех принимать и со всеми прощаться. И предчувствие не обмануло святого старца.

Когда началось "дело вора Гришки Талицына" отец Иоанн был оклеветан. Гришка во время исповеди открыл батюшке своё злоумышление, а отец Иоанн, сохраняя тайну исповеди, не донёс о сем начальству. Во время допросов Гришка объявил, что он исповедался пред духовником. На отца Иоанна донесли Государю, который счёл

обвинения против духовника обоснованными и приказал отправить отца Иоанна к епископу Холмогорскому Афанасию для пострижения в монахи на Соловках.

Безропотно отправился старец в 1701 году в далёкий Архангельск. С любовью приняли его и Владыка Афанасий и настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Фирс. Вскоре отец Иоанн был пострижен в монашество с именем Иов в главном Преображенском соборе обители. По пострижении он был отдан под руководство старца Ионы. Бывший придворный священник трудился вместе с другими иноками на самых суровых послушаниях. Сам он ничего не вкушал, кроме хлеба и воды.

Братия, увидев в старце Иове мужа совершенна, освободила его от послушаний, дабы он всё время посвящал молитве, посту и поучению в Слове Божием. Слава о старце снова стала расти и дошла до Царя. Царь же, убедившись в невиновности своего духовника, снова звал его к себе, но изнурённый летами и подвигами, старец, отказался от такого предложения и просил у настоятеля разрешения удалиться в Анзерский скит на безмолвие. Просьба его была уважена, а вскоре, по кончине прежнего строителя скита, отец Иов был назначен на должность строителя, которую исполнял восемь лет. При нём число насельников возросло до 30-ти. Особым подвигом, который принял на себя отец Иов, был уход за больными. Часто он любил удаляться на безмолвие, иногда посещал пустынника Паисия, одного из младших учеников преподобного Елеазара Анзерского, который жил на Секирной горе. В 1710 году отец Иов, по его желанию, был пострижен в схиму с именем Иисус, в честь праведного Иисуса - сына Навина.

Однажды, после продолжительного Богомыслия ни Секирной горе, преподобному в тонком сне явилась Пресвятая Дева с преподобным Елеазаром. Воспрянув, старец в трепете преклонится пред небесными посетителями. "Эта гора отныне назовётся второю Голгофою, на ней будет построена каменная церковь во имя Сына Моего и Господа, и устроится скит на вселение твое с учениками. Я Сама буду посещать гору и пребуду с вами во веки", - сказала Царица Небесная. И тотчас же с Неба раздался: глас: "Освяти гору Голгофу и поставь на ней крест".

В духовной радости преподобный Иисус с другом своим Паисием не замедлили исполнить небесное повеление и освятили гору.

Вскоре в 1713 году строительство скита было благословлено преосвященным Варнавою. Была выстроена церковь в честь Распятия Господня и освящена в 1715 году. Устроились келии и собралось 6братий 20 человек. Царствующий Дом внёс немало пожертвований в обустройство нового скита.

В основу братской жизни преподобный Иисус положил те же начала, кои были установлены преподобным Елеазаром в Анзерском скиту. Старец сам носил на вершину горы воду, рубил дрова. По его молитв, после явления ему Пресвятой Богородицы с первоверховными Апостолами, на вершине горы открылся родник.

Предчувствуя свою кончину, старец сам выкопал себе могилу и нередко близ неё проводил время в молитве. Перед смертью он заболел горячкой и три дня лежал в бессознательном состоянии, но потом вдруг так поправился, что смог отслужите Литургию. После Литургии старец снова возлёг на одре, назначил преемником по управлению скитом ученика Макария, и в ночь на 6 марта 1720 года - в Неделю Православия - свято почил о Господе. Перед кончиной лицо его просияло и он произнёс: "Благословен Бог отец наших! Если так есть, я уже не боюсь, но в радости отхожу от мира сего!". В ту же минуту келью осиял Небесный свет. Преподобный был погребён в уготованной им самим могиле, над которой был выстроен храм.

Причислен к лику преподобных Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

Священномученик Иувеналий, епископ, Рязанский и Шацкий (память 12 октября по старому стилю)

Священномученик Иувеналий, епископ, Рязанский и Шацкий (в миру Масловский Евгений Александрович) родился 15 января 1878 года в городе Ливны Орловской губернии в благочестивой семье дворянина Александра Масловского и его жены Анны. Во святом Крещении его назвали Евгением. Одарённый природным умом, он отличался благородством, великодушием, волевым и целеустремлённым характером. В гимназические годы в его парте всегда лежало Евангелие.

В 1900 году Евгений поступил в Казанскую Духовную Академию (где ректором в то время был преосвященный Антоний (Храповицкий)) и на II курсе - 10 февраля 1901 года - он принял монашеский постриг с именем Иувеналий в честь Патриарха Иерусалимского (память 2 июля). 25 февраля того же года он рукополагается в иеродиакона, а 31 июня 1902 года архиепископ Казанский и Свияжский Димитрий (Самбикин) посвящает его в иерея.

После окончания Академии со степенью кандидата богословия отец Иувеналий год служил в Урмийской Православной миссии в Персии, после чего получил назначение на должность преподавателя гомилетики в Псковскую Академию, а ещё через полтора года по указу Святейшего Синода становится настоятелем Спасо-Елиазаровского Великопустынского мужского монастыря. В июне 1906 года он был возведён в сан игумена, а 16 октября назначается в Новгородский первоклассный Юрьев монастырь на должность настоятеля и на протяжении четырёх лет управляет им в сане архимандрита.

Хиротония отца Иувеналия во епископа Каширского, викария Тульского, была совершена 24 августа 1914 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Незадолго до Октябрьских событий 1917 года (28 июля) его назначили на Тульскую кафедру, где вскоре, как практически во всех других епархиях, открылась волна жестокого преследования Церкви.

В 1923 году Владыка вместе с протоиереем Успенским и старостой Сынтарёвым были осуждены за отправление молебна перед иконой Божьей Матери, найденной на колокольне Казанского храма, а за отказ отдать комиссарам церковные ценности, совет храма приговорили к трём годам лишения свободы. Всего с начала года в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей в Туле было расстреляно и замучено более шестидесяти служителей Христа. Епископа власти вынуждены были в августе выпустить.

17 октября 1923 года Указом Священного Синода епископ Иувеналий возводится в сан архиепископа Курского. К этому времени в Курске закрыли все двенадцать домовых храмов, а остальные обратили в места увеселений и надругательств.

В феврале 1924 года был арестован по обвинению в "антисоветской агитации" и отправлен в Соловецкий концлагерь и сам Владыка - к тому времени на Соловецком архипелаге находилось уже более 120-ти священнослужителей, 25-ть из которых были архиереями.

Будучи известным литургистом и обладая исключительной памятью на церковные песнопения, Владыка начал в условиях лагеря трудиться над "Архиерейским Торжественником", составившим впоследствии три тысячи страниц. Владыка сделал попытку связать практику древнерусских архиерейских служб, содержащихся в Чиновниках Московского Успенского собора, Холмогорско-Преображен- ского собора, Нижегородского Преображенского собора и Новгородского Софийского собора с современной церковной практикой, подведя различные местные особенности под единые правила для всех архиерейских служб. К сожалению, рукопись была утрачена в 1935 году.

После ходатайства митрополита Сергия (Страгородского) перед властями об амнистии некоторым из заключённых священнослужителей, поданного им 7 октября 1927 года, Владыка смог вернуться из заключения. По возвращении в 1928 году он был назначен на Рязанскую кафедру и восстанавливал её после обновленческих потрясений. Рязанцы помнят его как любящего и доброго пастыря. Его молитвенная настроенность сообщалась всем присутствовавшим на богослужениях: паства и Святитель в это время были "единыя усты и едино сердце". Даже глубокой ночью прихожане спешили к своему Владыке в Иерусалимский храм на монашеские богослужения и сразу по окончании шли в собор, куда Владыка, не замечая ни времени, ни усталости, должен был придти для совершения Литургии Преждеосвящённых Даров.

В мае 1928 года митрополит Серий направил Владыку, как члена Временного Патриаршего Синода, для достижения согласия к отделившемуся от него после выхода "Декларации" авторитетнейшему иерарху митрополиту Ярославскому Агафангелу. Благодаря особой мягкости характера, Владыке удалось смягчить разрыв митрополита Агафангела с Заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием.

Владыка принимал в епархию возвращающихся из ссылок священнослужителей, давая им приходы и по возможности помогая материально. В 1935 году арестованный священник из Старожиловского района иеромонах Анатолий (Купряшкин) бежал из-под стражи и около недели скрывался в доме Владыки. Так он помогал скрываться и другим. В декабре 1934 года им был пострижен с именем Фотий вернувшийся из ссылки протоиерей Александр Турлевский, будущий епископ Читинский.

22 января 1936 года Владыка был арестован и приговорён к пяти годам лагерей. Вот что значится в документах по его обвинению: "являлся организатором и вдохновителем контрреволюционной группы духовенства, монашества и церковников, систематически с духовенством из числа арестованных вёл контрреволюционные суждения, давал установки контрреволюционного характера, в частности, о переводе Церкви на нелегальное положение, лично сам служил в церкви торжественную панихиду по бывшему русскому царю Николаю 2-му, произнес в церкви речь контрреволюционного содержания во время своего 20-летнего юбилея (имеется в виду двадцатилетие с архипастырского служения - Сост.), он же разрешал производство тайных постригов, комплектовал вокруг церкви учащуюся молодежь..." (сохранена орфография и фразеология подлинника).

Эти слова легли дорогим мученическим венцом на могилу доброго пастыря и патриота, положившего, по слову Спасителя, "душу свою за овцы своя" (Ин. 10:11).

Заключение Святитель проходил в Сиблаге (Томская ж. д.), работая сторожем, счетоводом и на общих работах по десять часов в день. Летом 1937 года он был переведён в лагерь для инвалидов. 30 сентября 1937 года Святитель был осужден и приговорен к расстрелу. Владыку расстреляли в ночь с 11 на 12 октября (24 н. ст.) 1937 года.

В сохранившихся его письмах из мест заточения он остаётся несломленным и бодрым духом, сообщая о себе, что в "последнее время пришлось пережить столько назидательного, отрадного, мистического" и что "отсюда у меня и бодрость духа, и мир в душе, и сознание, насколько мы ничтожны и как велика сила Божия и Его милость к нам". Даже находясь в заточении Святитель не забывал поздравить всех своих близких с праздниками и именинами.

Прославлен в Соборе Рязанских святых 10 (23) июня 1992 года Указом Святейшего Патриарха Московского всея Руси Алексия II.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученики, исповедники и подвижники благочестия Ивановские и Кинешемские

Священник села Каменки Юрьевецкого района Николай Аполов был настоятелем храма Рождества Христова и законоучителем в школе. Среди крестьян пользовался известностью не только как достойный священник, но и как врач, успешно лечивший глазные болезни.

Во время гонения в начале двадцатых годов двое деревенских безбожников пытались застрелить о. Николая, но народ вступился и не дал убить пастыря. Тогда в следующий раз они пришли в большем числе, вооруженные винтовками и кольями, и арестовали его.

Вместе с о. Николаем были арестованы два священника, одного звали Михаил, фамилия другого - Виноградов и два диакона, фамилия одного из них - Златоустовский. Все они скончались в заключении.

Священник Николай служил в селе Васильевском Шуйского района; в начале двадцатых годов арестован, скончался в заключении.

Священник Михаил Никольский служил в селе Георгиевском Ивановской области. В 1929 году его пришли арестовывать, жена сказала ему:

- Подожди, я тебе хлеба и белья положу. Сотрудники ГПУ не позволили:

- Не надо, завтра в сельсовет принесешь.

Утром, когда она пришла, ей ответили, что о. Михаила увезли в Кинешемскую тюрьму. Матушка поехала в Кинешму, там ей сказали: такого нет. Только через много лет родственникам о. Михаила удалось добиться от властей ответа, что он расстрелян.

Священник Александр Соболевский служил в селе Меховицы Савинского района. Был высокодуховным человеком и прекрасным проповедником. В конце тридцатых годов о. Александр был арестован и скончался в заключении. Незадолго перед его арестом всю его семью, девять человек, выселили из дома, а старшему сыну, который работал бухгалтером, велели или оставить работу, или не общаться с родителями и жить от них отдельно. Он поселился отдельно, но родителей не оставлял, посещая их ночью тайком.

Священник Иоанн Славницкий служил в селе Кузнецы Шуйского района; в конце тридцатых годов арестован и расстрелян.

Священник Константин служил в селе Афанасьево Шуйского района; в конце тридцатых годов был арестован и, по всей вероятности, сразу же после ареста расстрелян.

Псаломщик Николай Алексеевич Касаткин родился в 1874 году в селе Осовец Покровского уезда Владимирской губернии. До 1929 года служил псаломщиком в храме села Палех. В январе 1931 года был арестован и приговорен к двум годам ссылки в Казахстан, где и скончался.

Иоанн Михайлович Блинов родился в 1874 году в селе Красном Владимирской губернии (ныне Палехский район Ивановской области), служил псаломщиком в храме родного села. В январе 1931 года он был арестован и сослан на три года в Казахстан, где и скончался.

Александр Бобков был певчим в одном из храмов города Шуи. В тридцатых годах он был арестован и почти сразу же после ареста расстрелян.

Священник Александр Архангельский служил в селе Васильевском, в тридцатых годах арестован, скончался в заключении.

Священник Василий служил в Никольской церкви села Красного Шуйского района; арестован и скончался в заключении. После его ареста в храме служил о. Александр; в тридцатых годах он был арестован, скончался в заключении.

Священник Иоанн Михайлович Аристов служил в храме села Макатовского Вичужского района. Он был арестован в 1933 году и приговорен по 58 статье к десяти годам заключения. Отец Иоанн скончался в исправительно-трудовом лагере в Сибири.

Вместе с ним была арестована его жена Варвара Николаевна Аристова и приговорена к трем годам заключения, которое отбывала в Карагандинских лагерях.

Священник Арсений Сарапкин до революции учительствовал, после революции был рукоположен в сан священника и служил в селах Подолино и Матушкино Ивановской области.

Во время гонений двадцатых годов власти, изыскивая способы расправы со священником, потребовали от него сдать хлеб, зная, что взять тому неоткуда. Отец Арсений был осужден на пять лет.

После возвращения из заключения его снова хотели арестовать, но он ушел в лес. Встретила представителей властей жена о. Арсения и сказала: "Ах вы, коты кровожадные". За эти слова ее осудили на пять месяцев заключения. Отца Арсения тогда не арестовали.

Он стал служить в храме села Афанасьевское. Однажды, подходя к дому, священник увидел, что ему навстречу идут двое военных. Отец Арсений понял, что это арест и отказался с ними идти. Сочтя неудобным арестовывать священника посреди села, сотрудники НКВД ушли. Он был арестован через несколько дней.

Первое время о. Арсения держали в местной тюрьме, и родственники пытались передать ему продукты, но тюремщик передачу не взял, сказав, что такого в тюрьме нет. Уже собираясь уходить, они вышли на улицу и вдруг услышали голос о. Арсения, который убеждал их, что он здесь и просил не уходить. Они вернулись и оставили передачу, хотя тюремщик по-прежнему говорил им, что о. Арсения в тюрьме нет.

Вскоре о. Арсений был расстрелян.

Священник Василий Сперанский служил в селе Сакулино; в конце тридцатых годов арестован, скончался в заключении.

Священник Иоанн Смирнов служил в селе Майдаково. Был ревностным исполнителем церковного устава. Утреннюю службу начинал неизменно в четыре часа утра. Ему, бывало, скажут: "Народ еще не собрался", а он ответит:

- Я не для народа служу, а для Бога. Кому надо, тот придет. И делаю я это не сам собой, а как положено.

Отца Иоанна арестовали во второй половине тридцатых годов и приговорили к заключению; когда срок заключения подошел к концу, его не отпустили, приговорили к смерти и расстреляли.

Вместе с ним была арестована раба Божия Таисия. Во время ареста безбожники надели на нее церковные ризы, дали в руки крест и с насмешками повели к тюремной машине. Скончалась она в заключении.

Священник Евгений Широкогоров родился в шестидесятых годах XIX столетия. Служил в селе Крутцы Палехского района.

Однажды к нему приехал о. Леонид, священник села Красного Палехского района и сказал:

- Отец Евгений, в нынешнем году будет большая перемена: ставится вопрос о переходе на новый стиль.

Отец Евгений ответил:

- Это для вас вопрос, а для меня это не вопрос, буду придерживаться того, что есть.

Отец Леонид стал обновленцем. Отец Евгений в 1937 году, несмотря на преклонный возраст, был арестован, увезен в Иваново и расстрелян.

Священник Александр Вексин и диакон Павел. Александр Иванович Вексин с раннего детства служил Господу в храме - сначала мальчиком ходил со свечой, потом стал алтарником, псаломщиком, был рукоположен в сан диакона и священника; преподавал Закон Божий до тех пор, пока это было возможно. Отличался необыкновенным смирением. Никогда никого не осуждал, приходящих наставлял в духе кроткого перенесения скорбей, в чем сам был примером.

Служили о. Александр и диакон Павел в селе Тезино (ныне город Вичуга Ивановской области) в храме святых апостолов Петра и Павла. В конце тридцатых годов они были арестованы. В следственной тюрьме на допросах о. Александру по волоску выдернули бороду. Отец Александр скончался 1 декабря 1939 года в Ивдельлаге Ека-теринбургской области. Диакон Павел скончался в заключении.

Священник Иоанн Красовский и диакон Николай Сахаров служили в Никольском храме села Яковлевского Костромской губернии (ныне город Приволжск Ивановской области). В тридцатых годах арестованы, скончались в заключении.

Священник Иоанн Вознесенский служил в селе Андреевском Приволжского района; во второй половине тридцатых годов арестован и расстрелян.

Протоиерей Сергий Архангельский родился в городе Шуе Владимирской губернии. После окончания Духовной академии служил во Владимирском храме города Иваново-Возне- сенска. В 1930 году о. Сергий был арестован и выслан. И безвозвратно.

Священник Геннадий Крутиков служил в селе Песцово. В 1930 году арестован, из заключения не вернулся.

Священник Василий Павлович Алеев родился в селе Моршово. По окончании Санкт-Петербургской Духовной академии служил в эстонском городе Юрьеве. Во время революции переехал на родину и стал служить в Иваново-Вознесенске. В начале тридцатых годов уехал в город Кирсанов Тамбовской области, где служил до 1937 года, когда был арестован; из заключения не вернулся.

Протодиакон Иоанн Александрович Нечаев родился в 1887 году. Когда ему исполнилось семнадцать лет, скончался отец, и Иван остался за кормильца и старшего в семье, где было еще шесть детей и больная мать, и ему пришлось много работать, чтобы прокормить семью. Только подняв на ноги своих братьев и сестер, Иван Александрович женился и вскоре был рукоположен в сан диакона. Первое время он служил в монастыре неподалеку от города Галича. В 1933 году он был переведен в храм села Углец. Его неоднократно вызывали в ГПУ и, угрожая расправой, требовали, чтобы он отрекся от веры, но он эти предложения отверг. В 1937 году протодиакон Иоанн Нечаев был арестован и приговорен по 58 статье к десяти годам заключения. Он был отправлен в сибирские лагеря и здесь скончался.

Священник Андрей Николаевич Ардентов служил в Успенском и Троицком соборах города Кинешмы. В 1937 году он был арестован и приговорен к десяти годам заключения. Умер в лагере.

Священник Николай Михайлович Дымов родился в 1885 году. Окончил Псковскую Духовную семинарию. Сначала служил в селе неподалеку от Пскова, затем переехал в Иваново и служил в Преображенском соборе. В 1929 году был арестован. Отцу Николаю предложили снять сан, но он отказался и был приговорен к пяти годам заключения. По возвращении из заключения служил в селе Лежнево. Весной 1937 года о. Николай был арестован и 27 июня того же года приговорен к пяти годам заключения. Он был отправлен в магаданские лагеря, где вскоре скончался.

Александра Федоровна Кочкова родилась в 1881 году в деревне Никоново (ныне Палехский район Ивановской области); была арестована в 1937 году как жена диакона и 1 октября 1937 года расстреляна в городе Иваново; сам диакон скончался до наступления гонений.

Священник Николай Сергеевич Житников родился в 1884 году в городе Переяславле-Залесском Владимирской губернии. В 1912 году был рукоположен в сан священника к церкви села Толпыгино Середского уезда, где прослужил до 1919 года. С 1922 года служил в Сретенском храме города Кинешмы и был благочинным церквей города.

Отец Николай был в дружбе со многими духовными людьми - Патриархом Тихоном, епископом Кинешемским Василием, старицей Марфой Лаврентьевной, особенно же с блаженным Максимом Ивановичем, свидетелем праведной кончины которого он стал.

В 1929 году о. Николай был арестован. На вопрос следователя, как он думает, почему его арестовали, священник ответил:

- Причин моего ареста я объяснить не могу. О том, что высланный ОГПУ епископ Василий благословил своих последователей посещать только один храм, в котором служу я, - мне неизвестно. Епископ Василий мне ничего не говорил об этом, хотя я с ним и виделся. Его последователи и члены кружков ревнителей православия также ничего мне не говорили. Прихожане Знаменской церкви, в которой служил епископ Василий, ходят ко мне в храм на богослужения, а также и во время служения второго священника нашего храма.

В другой раз о. Николай был арестован в 1937 году и, по-видимому, тогда же был расстрелян в городе Иваново.

Священник Константин Васильевич Разумов родился в 1869 году в селе Головинском Буйского уезда Костромской губернии. С 1890 по 1895 год служил псаломщиком, в 1895 году был рукоположен во диакона, а в 1904 году в сан священника к Успенскому монастырю города Кинешмы. Здесь он служил до самого закрытия монастыря в 1924 году, а после его закрытия - в кинешемском соборе. В двадцатых годах ГПУ арестовывало его несколько раз; при аресте в 1929 году следователь спрашивал - за что арестовывали его раньше. Отец Константин отвечал:

- Причины своих арестов объясняю тем, что имею авторитет среди верующих людей, пользуюсь их вниманием, любовью и признанием, а также известен и за пределами Кинешемского уезда. Будучи священником Успенского монастыря, я был духовным отцом многочисленных паломников, посещавших монастырь. Приписываемые мне обвинения в руководстве нелегальными женскими кружками категорически отрицаю. Правда, я посещал дома рабочих фабрики "Демьяна Бедного", но как своих прихожан. Служил я и в моленной в деревне Цибиха, находящейся в частном доме, но эта моленная была зарегистрирована в административном отделе.

Что касается моего знакомства и связей с епископом Николаем Голубевым, то я у него в селе Ширяево не бывал и в переписке с ним не состоял. Состою в подчинении у митрополита Сергия, и все его указы моими прихожанами принимались и принимаются без возражений.

Отец Константин был приговорен тогда к трем годам ссылки в Северный край. Вернувшись в Кинешму в 1933 году, он поселился в доме своих прихожан; в комнате, где он жил, была устроена церковка, и там он служил скрытно от всех. Время от времени посещал своих духовных детей, живших в Вичуге и около Палеха. Эти его посещения стали известны НКВД. Через сеть осведомителей районные отделы НКВД методично собирали сведения о жителях, в первую очередь о тех, кто должен был подвергнуться уничтожению: священнослу- жителях, выходцах из дворянского и купеческого сословия, зажиточных крестьянах и активных православных мирян. В начале декабря 1935 года начальник Палехского районного отделения НКВД писал в Иваново: "По материалам проработки группы церковников проходит священник Разумов, просьба принять меры к установлению места жительства, а также собрать материалы его антисоветской деятельности". 20 февраля 1936 года священник Константин Разумов был арестован. Вместе с ним были арестованы священник Иоанн Румянцев1 и Елизавета Румянцева2, Анна Серова3 и другие, всего семь человек. Их привезли в Кинешемскую тюрьму; когда-то здесь был монастырь, где о. Константин был священником. Неописуемо и трудно представимо чувство человека, священника, который после долгих лет служения на месте святом видит здесь мерзость запустения. Допросы начались сразу же после ареста. У следователя не было ничего для обвинения священника. Были материалы прошлого "дела", следователь знал, что о. Константин знаком с находящимся в концлагере епископом Василием Преображенским, была переписка, которую изъяли при обыске. Остальное следовать предполагал услышать от самого священника. Он спросил, признает ли себя о. Константин виновным в антисоветской агитации. Священник обвинение отверг.

- Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, дайте показания, - потребовал следователь.

- Контрреволюционной работы я не вел и виновным себя не признаю, - ответил священник. - Вы являетесь последователем ссыльного епископа Василия Преображенского и руководили контрреволюционной группой, существовавшей в поселке при фабрике имени "Демьяна Бедного" - дайте об этом показания.

При этой фабрике был приход о. Константина до его ареста в 1929 году. Но священник знал: как только он согласится со следователем, тот перепишет обвинение 1929 года в новое "дело". Отец Константин ответил:

- Я руководил общиной в поселке при фабрике до 1929 года, так как только до этого времени я служил в молитвенном здании. Мне известно, что существуют нелегальные группы последователей епископа Василия Преобра- женского, но я к ним никакого отношения не имел, их возглавлял сам епископ.

- Назовите по именам участников групп.

- Этого я не знаю, так как от их деятельности был далек.

- А тогда откуда же вы знаете о существовании этих групп?

- Слышал об этом, но от кого именно - не помню.

- Вы говорите неправду, вы сами до самого последнего времени возглавляли эти группы.

- Нет, это я отрицаю.

- Но вы устраивали в своем доме нелегальные сборища.

- Сборищ в своем доме я не устраивал.

- А тогда для чего же вы в своем доме содержали специально оборудованную домашнюю церковь?

- Для своих личных потребностей.

Следователь перешел к допросу о знакомых:

- В вашей квартире изъят пакет из города Каргополя от Розова. Скажите, кто такой Розов?

- Леонид Розов - протодиакон и мой близкий знакомый. Он был арестован в начале 1936 года в городе Шуе. Я узнал, что он отправлен в ссылку, и написал ему. В ответ он сообщил, что оказался в тяжелом материальном положении. И тогда я стал посылать ему деньги.

- При обыске в вашей квартире изъято несколько пакетов из города Кашина от Кулачковой. Скажите, кто такая Кулачкова?

- Анна Кулачкова - это игумения Кашинского женского монастыря.

- Откуда вы ее знаете?

- Я познакомился с ней в ссылке в 1930 году в Коми области, куда она также была сослана.

- Скажите, с кем еще из находящихся в ссылке вы поддерживали связь?

- Ни с кем.

- Вы продолжаете давать следствию ложные показания. Вы разъезжали по районам Ивановской области и вели антисоветскую работу по укреплению и созданию контрреволюционных групп "истинно православной церкви". Это вы признаете?

- Я посещал Вичужский и Палехский районы, но контрреволюционных целей я не преследовал.

- Скажите, кого именно вы посещали в Вичужском районе?

- Я останавливался у Евпраксии Кудряшевой и Евдокии Румянцевой.

- Кто они такие и откуда вы их знаете?

- Я с ними знаком с 1919 года по Кинешемскому монастырю; когда я служил там, они были постоянными прихожанками монастыря.

- С какими целями вы посещали их квартиры?

- Я останавливался у них на ночлег.

- У кого вы останавливались в Палехском районе?

- В деревне Конопляново у Николая Сергеевича Рябинина.

- С какими целями вы ездили в Палехский район и откуда вы знакомы с Рябининым?

- Семью Рябинина я знаю по Кинешемскому монастырю и останавливался у них для отдыха.

- Это неверно. В Палехский район вы ездили для связи с контрреволюционной церков-но-монархической группой.

- Ни с какой контрреволюционной группой в Палехском районе я не связывался.

- А почему же вас в Палехском районе считают находящимся на нелегальном положении? Значит, в Палехский район вы ездили нелегально?

- Я считаю, что в Палехский район я ездил гласно. Большую часть времени там я проводил в доме Рябинина, и потому никто из деревенских жителей о моем приезде не знал.

- Чем же была вызвана ваша конспирация от населения?

- Тем, что в Палехском районе меня многие знают, и чтобы избежать сборищ, я решил о своем нахождении у Рябинина не разглашать.

- Каких же сборищ вы избегали?

- Я считал, что мои близкие знакомые, узнав, что я остановился у Рябининых, могут собраться навестить меня, что советские органы могут посчитать за нелегальное контрреволюционное сборище.

И снова следователь пытается вызнать хотя бы какие-нибудь обвиняющие сведения. Но о. Константин в своих ответах старался не выходить за пределы трех-четырех известных фактов, отрицая обвинение.

- Какие районы Ивановской области вы еще посещали?

- В 1934 году я был в Шуе у протодиакона Леонида Розова.

- Это тот самый Розов, который за контрреволюционную деятельность отбывает срок наказания и с которым вы поддерживаете письменную связь?

- Да, это тот самый Розов, который в настоящее время находится в ссылке и с которым я поддерживаю переписку.

- Следствию известно, что с перечисленными выше лицами вы поддерживали связь с антисоветскими целями.

- Я никого из них не считаю антисоветскими лицами и связь с ними поддерживаю как со своими близкими знакомыми.

- Но ведь один из них, Розов, так же, как и вы, репрессирован за контрреволюционную деятельность?

- Ни о каких фактах контрреволюционной деятельности Розова мне не известно.

- Дайте подробные показания о вашей связи с участником контрреволюционной группы Иваном Румянцевым.

- С Иваном Румянцевым я знаком с 1919 года, когда он служил в Решемском женском монастыре, а я в Кинешемском. Ближе я познакомился с ним в Ивановской тюрьме в 1929 году, когда так же, как и он, был арестован.

- Следствие установило, что вы, как руководитель контрреволюционного церков- но-монархического течения "ИПЦ", созданного на основе контрреволюционной платформы ссыльного епископа Василия, кроме организационной работы по укреплению этого течения, вели среди населения антисоветскую агитацию. Дайте следствию исчерпывающие об этом показания.

- Виновным себя в антисоветской агитации не считаю.

- А для чего же вы хранили тетрадь с антисоветскими стихами и проповедями?

- Только для личного пользования.

- Вам предъявляются изъятые у вас при обыске и размноженные лично вами церковно-монархические брошюры и акафисты. Скажите, для чего вы делали это?

- Тоже для личного пользования.

- Для чего же вам они были нужны по несколько экземпляров?

- Как это получилось, что у меня оказалось по несколько экземпляров, я не помню,

- К какому периоду времени относится ваша работа по составлению этих брошюр и акафистов?

- Больше того, что я уже показал, показать не могу.

Так же твердо держался и священник Иоанн Румянцев.

- Вам зачитываются показания, которые определенно показывают о вашей руководящей роли в контрреволюционной группе последова- телей епископа Василия и вашей антисоветской деятельности. Дайте правдивые показания.

- Антисоветски настроенной личностью и руководителем контрреволюционной группы последователей епископа Василия я себя не считаю, - ответил о. Иоанн.

- Значит, вы следствию правдивых показаний дать не хотите?

- Кроме того, что я уже показал, мне показывать нечего.

Так же твердо держались и женщины. 15 июля 1937 года о. Константин Разумов и Елизавета Румянцева были приговорены к пяти годам ссылки в Казахстан, о. Иоанн Румянцев и Анна Серова - к пяти годам исправитель- но-трудового лагеря. Отец Константин вскоре в ссылке скончался, не вернулись из заключения и остальные.

С 9 по 17 сентября 1937 года в Шуйском районе были арестованы почти все священники, диаконы, церковные старосты и ревностные миряне. В Шуйской тюрьме их запугивали, били, пытали, требуя признания в антисоветской деятельности. Следственные материалы тех лет почти не содержат достоверного. Для ареста было достаточно священнического или диаконского сана. Участь многих была одинакова. И тех, кто соглашался подписывать выдумки следователей, и тех, кто отвергал презренную ложь, несмотря на пытки и застращивание, - всех ждал расстрел. Священник Феодор Павлович Лебедев родился 15 февраля 1875 года в селе Стебачево Кибергинского уезда Владимирской губернии в семье священника. По окончании в 1899 году Владимирской Духовной семинарии был рукоположен в сан диакона и затем священника. Служил сначала в храме неподалеку от города Юрьев-Польский, затем в храме села Кузнецово Шуйского района; в 1932 году был назначен благочинным. 17 сентября 1937 года о. Феодор был арестован Шуйским НКВД. Допросы начались в день ареста и продолжались без перерыва трое суток. Следователи менялись и отдыхали, священнику отдыхать не давали. Весь расчет был на то, что обвиняемый в течение первых трех суток подпишет протокол следствия. Но о. Феодор отказался. Доносчиков в те годы было достаточно, и они писали, будто о. Феодор говорил: "... при такой бесхозяйственной системе ничего... не получится, у мужика все отбирают, везде и всюду ищут вредителей да кулаков, а сами вредят... колхозы только и строят для того, чтобы отвлечь народ от церкви и от веры в Бога, заставляют работать в праздники". Теперь его об этом допрашивали.

- Что вы говорили по вопросу коллективизации сельского хозяйства и жизни колхозного крестьянства?

- Ничего не говорил, - ответил священник. - Следствие располагает данными, что вы в июне 1937 года вели контрреволюционные разговоры. Отвечайте.

- Еще раз отвечаю, что ни с кем ничего я не говорил.

- Ваши показания следствие считает ложными. Зачитываю вам показания обвиняе- мого... Вы и после этого хотите говорить неправду?

- Отрицаю полностью.

- Ваше поведение на следствии характеризует вас как врага народа, который скрывает не только свою контрреволюционную деятельность, но и других лиц с вами связанных. Отвечайте!

- Контрреволюционной деятельностью я не занимался.

- Если вы и дальше не будете давать правдивых показаний, то следствие уличит вас очными ставками.

- Какие бы показания свидетелей следствие мне ни зачитывало и сколько бы очных ставок ни проводило, виновным я себя в контрреволю- ционной деятельности не признаю, - ответил священник.

В тот же день, 20 сентября, следствие было закончено, через два дня состоялось заседание Тройки УНКВД по Ивановской области, которая приговорила всех арестованных священников к расстрелу. Еще через несколько дней, 25 сентября 1937 года, в одиннадцать часов ночи о. Феодор Лебедев был расстрелян вместе с другими священниками.

Священник Леонид Михайлович Оранский родился в 1877 году. Служил в селе Ильинском Середского уезда. В 1930 году он был арестован и сослан в Семипалатинск. По окончании ссылки в 1934 году о. Леонид вернулся в село Ильинское. В 1937 году власти арестовали священника. Тройкой НКВД 22 октября 1937 года о. Леонид был приговорен к расстрелу и на следующий день расстрелян.

Священник Василий Арсеньевич Смирнов родился в 1874 году в селе Якимово Владимирской губернии. В 1895 году закончил Владимирскую Духовную семинарию; был рукоположен в сан диакона и служил в храме Бориса и Глеба во Владимире. Вскоре он был рукоположен в сан священника ко храму села Крутец Александровского уезда Владимирской губернии.

В 1930 году о. Василий был арестован и приговорен к трем годам заключения. По возвращении из заключения о. Василий служил в храме села Марьинского Середского района. В 1937 году он был арестован и 29 декабря того же года Тройкой НКВД приговорен к расстрелу. Отец Василий был расстрелян в Ивановской тюрьме на второй день праздника Рождества Христова, 8 января 1938 года.

Священник Димитрий Григорьевич Левкоев родился в 1875 году в селе Дубенки Владимирской губернии в семье священника. По рукоположении в сан священника служил в храме села Яковлева Ореховского уезда Московской губернии. Крестьяне любили о. Дмитрия за безотказность к их просьбам и за простоту образа жизни, которую он вел, почти ничем не выделяясь среди крестьян - так же, как и они, пахал землю, накашивал сено. Если случалась у крестьян какая беда - шли к священнику. Приходили, несмотря на то, день или ночь на дворе. Однажды ночью постучали в дверь. Он открыл. Мужик стоит на пороге в отчаянии. "Батюшка! - говорит. - Помоги, жена не может разродиться!" Отец Дмитрий тут же собрался и пошел в храм и молился до тех пор, пока женщина не разродилась.

Как-то прибежал к священнику в дом мужик в нижнем белье, весь в крови. Это был одержимый бесами из соседней деревни, находящейся за три километра от села. Отец Дмитрий вышел к нему. Мужик ему говорит: "Батюшка! Пойдем помолимся!"

Отец Дмитрий пошел вместе с ним в храм и молился до тех пор, пока бес не перестал мучить несчастного. Тем временем из деревни приехали родные мужика, и он уже спокойный, умиротворенный отправился вместе с ними домой.

Помогал о. Дмитрий крестьянам и по хозяйству. Помогал вдовам, чьи мужья не вернулись с войны домой. Сначала вспашет полосу вдовы, а уже потом свою. А если сено кто по вдовству не успевал убрать, то он тогда говорил своим детям: девочки, идите помогите такой-то. После службы он окроплял святой водой дом и скотный двор, говоря при этом: "Христос воскресе! Христос воскресе!"

Отца Дмитрия арестовали в 1930 году, предъявив обвинение в контрреволюционной пропаганде. Прихожане яковлевского прихода ходатайствовали перед властями об освобождении священника; ходатайство подписали девяносто шесть прихожан, но оно было оставлено властями без внимания: о. Дмитрий был приговорен к ссылке в Северный край сроком на три года.

После ареста о. Дмитрия власти увели из его дома домашнюю скотину и забрали все съестные припасы, оставив семью священника без средств к существованию. Но крестьяне любили о. Дмитрия и, бывало, выйдут дети из дома и видят - все ступенечки на

крыльце уставлены кринками с молоком. После ареста священника осталась полоска ржи, им засеянная, все было сжато кругом, одна она стояла. Дочь о. Дмитрия сказала женщинам: "Ну, хоть вы-то сожните ее, чтобы она не рвала сердце, сожните, возьмите!" Но никто не посмел. Так она и осталась стоять.

19 июля 1931 года было описано имущество арестованного священника, включая дом и хозяйственные мелочи, которые были "переданы в ведение Яковлевского колхоза имени Сталина". Так дети остались без крова, и им пришлось уехать из родного села и скитаться.

Когда о. Дмитрий вернулся из ссылки, церковь была закрыта, служить было негде, и он поехал на родину в Судогодский район. Здесь он получил приход в селе Языкове Ивановской епархии. В апреле 1936 года о. Дмитрий был арестован и приговорен к пяти годам заключения, которое отбывал в Кемеровской области. Через год, находясь в лагере, снова был арестован и приговорен к расстрелу. Священник Дмитрий Левкоев был расстрелян 9 января 1938 года.

Во времена лютых гонений в конце тридцатых годов, получая срок заключения, нельзя было быть уверенным в том, что через месяц-два не обвинят тебя еще в чем-нибудь и не приговорят вновь. Осенью 1937 года были арестованы священники: Иоанн Розанов4, Петр Зяблицкий5, его брат Иаков Зяблицкий6, Николай Бухарин7, Иоанн Успенский8, Доброхотов9 и Иоанн Коржавин10. Все семь священников были из разных тюрем свезены в Ивановскую тюрьму и помещены в одну камеру. В эту камеру вместе с ними поместили четырех осведомителей из заключенных. Священники беседовали на религиозные темы между собой и с другими заключенными. 20 января последовал первый донос: "В камере No 7 имеется группа священников, которые занимаются агитацией, говоря, что Советская власть их невинно сажает в тюрьмы и притесняет". Через день последовал новый донос, и затем осведомители писали донесения каждый день. В одном из них осведомитель писал: "В камере No 7 священники Зяблицкие высказывают надежду на ликвидацию Советской власти, говоря, что церкви и монастыри будут восстановлены и народ почувствует свободу".

25 января уполномоченный Баринов открыл против священников следствие, которое продолжалось всего два дня. Семерых священников и свидетелей-осведомителей допрашивали сразу несколько следователей. Уполномоченный Брянцев допрашивал священника Иоанна Розанова:

- Вы обвиняетесь в том, что совместно с другими вели среди заключенных систематическую контрреволюционную агитацию.

- Виновным себя не признаю и это категорически отрицаю. Вели ли контрреволюционную агитацию другие, мне неизвестно.

- Следствием установлена полностью ваша виновность в систематической контрреволю- ционной агитации. Что же вы, отрицаете это?

- Я это категорически отрицаю и виновным себя в контрреволю- ционной деятельности не признаю.

- Следствием установлено, - заявил уполномоченный Баринов священнику Иоанну Доброхотову, - что вы занимались контрреволю- ционной деятельностью среди заключенных.

- Нет, я антисоветской агитации не проводил. Я знаю, что Бухарин вместе с Зяблицким и в присутствии Розанова, Доброхотова и Успенского среди заключенных вели разговор о религии и ругали советскую власть.

- Расскажите о своих высказываниях?

- Я не вел. Я только слушал. Больше показать ничего не могу.

- Следствием установлено, что вы, находясь в заключении, систематически занимались камер- ной контрреволюционной деятельностью, - настаивал Баринов, допрашивая семидесятидвух- летнего священника Иоанна Коржавина.

- Нет, я это отрицаю, - ответил старец.

- Вы говорите неправду, следствию известно, что вы совместно с заключенными священниками организованно проводили контрреволюционную деятельность.

- Находясь в одной камере со священниками, говорил, что надо терпеть. Больше я никакой агитации не проводил.

- Вы, Успенский, будучи озлоблены против Советской власти, вели террористическую агитацию совместно со священниками, - допрашивал следователь Брянцев о. Иоанна Успенского.

- Я это категорически отрицаю. Я знаю, что находившийся вместе со мной в камере священник Бухарин Николай доказывал о правоте религии и тому подобное, но я его не поддерживал и его бесед не слушал. Занимались ли агитацией другие священники, я не знаю.

- Следствием установлено, - говорил священнику Иакову Зяблицкому помощник оперуполномоченного Тогер, - что вы, находясь в камере No 7, совместно с группой священников, вели контрреволюционную агитацию.

- Я это категорически отрицаю, - ответил священник.

- Вы лжете. Следствие требует от вас правдивых показаний. Вы, а также указанная выше группа священников, высказывали надежду на ликвидацию соввласти, доказывали необходимость физического уничтожения коммунистов. Признаете ли вы себя в этом виновным?

- Я это так же категорически отрицаю и отказываюсь давать показания, так как не признаю себя виновным.

- Следствием установлено, что вы, - допрашивал Тогер о. Николая Бухарина, - находясь в камере No 7 тюрьмы No 2 города Иванова, совместно с группой священников вели контрреволюционную террористическую агитацию.

- Я это категорически отрицаю, - ответил священник.

- Вы даете ложные показания. Вы высказывали надежду на ликвидацию соввласти, доказывали необходимость физического уничтожения коммунистов.

- Я это категорически отрицаю. Отказываюсь давать показания, так как не считаю себя виновным.

Допрашивая священника Петра Зяблицкого, следователь Баринов говорил:

- Следствию известно, что вы, находясь в заключении, систематически занимались контрреволюционной деятельностью.

- Я все это категорически отрицаю, - ответил священник.

3 февраля 1938 года Тройка УНКВД по Ивановской области приговорила священников к расстрелу. На следующий день они были расстреляны.

Священник Леонид Александрович Виноградов родился в 1897 году в городе Костроме. Родители его были очень благочестивы, особенно мать, которая часто вместе с мальчиком, коему было тогда девять лет, ездила к о. Иоанну Кронштадтскому. Религиозные впечатления от этих поездок были столь значительны, что Леонид решил свою жизнь посвятить служению Богу. Но не долго пришлось мальчику наслаждаться благотворной обстановкой семьи; когда ему исполнилось двенадцать лет, он осиротел и его взяла на воспитание бабушка. Желая дать ему какую-нибудь доходную профессию, она решила направить мальчика в обучение к знакомому купцу, но он категорически отказался - не расположена была душа Леонида к занятию торговлей. Бабушка была настроена сурово и решительно и в ответ на отказ внука сказала:

- В таком случае ты ничего от меня не получишь! Можешь идти на все четыре стороны.

Мальчик собрал котомку - белье, кружку и миску - и ушел в Ипатьевский монастырь, где жил на попечении монахов до совершеннолетия, по достижении которого Леонида благословили быть в монастыре пономарем. Здесь, в монастыре, он познакомился со своей будущей женой, девушкой из благочестивой семьи; по окончании епархиального училища она работала учительницей и часто посещала богослужения в Ипатьевском

монастыре. В 1918 году они обвенчались и епархиальное начальство отправило Леонида Александровича в село Сусанине псаломщиком. Через два года он был рукоположен в сан диакона ко храму села Вознесения Сусанинского района. В марте 1924 года Патриарх Тихон рукоположил его в сан священника и он стал служить в храме села Никола Эзу неподалеку от Кинешмы. Вскоре о. Леонида арестовали. Прихожане много хлопотали перед властями об освобождении священника, ездили в Москву к Калинину. Отец Леонид был освобожден через год и направлен служить в храм села Панино Костромской области, а затем в храм села Сокольского Ивановской области. В 1934 году местный исполком постановил разрушить церковь, где служил о. Леонид, и уничтожить обширное кладбище вокруг храма, разбив на этом месте парк для прогулок и увеселений. Кощунственный проект властей вызвал среди жителей возмущение. Крестьяне не один раз ходили к властям и уговаривали их отказаться от кощунственного плана. В ответ власти арестовали о. Леонида, старосту храма Александру Косулину и члена церковного совета Хионию Сафонову и заключили их в Кинешем-скую тюрьму. Суд над ними назначили на праздник Рождества Христова 1935 года. Весь день в сочельник и всю ночь их гнали шестьдесят километров пешком от Кинешмы до Сокольского, где должен был состояться суд. Суд был закрытым и продолжался три дня. Отца Леонида приговорили к семи годам заключения, а женщин - к четырем годам.

Летом 1935 года жена о. Леонида поехала в Москву и добилась приема у Молотова. Он выслушал ее и пообещал разобраться. Осенью 1935 года священник и женщины были освобождены. После освобождения о. Леонид служил в храме села Воронцово Пучежского района. Много раз его арестовывали и предлагали отречься от Бога и снять священнический сан.

Но всякий раз о. Леонид отвечал: "Служу Богу моему дондеже есмь!" В последний раз его арестовали 17 сентября 1938 года. Это был седьмой арест священника. В тюрьме он молился: "Скажи мне, Господи, путь в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою".

Отец Леонид был приговорен к четырем годам заключения, которое отбывал в лагере Никола-Ёлнать Юрьевецкого района. В 1940 году дети добились свидания с отцом в лагере.

Началась война. Заключенных концлагерей переводили на восток страны. 30 октября 1941 года о. Леонид отправил домой последнее письмо; с дороги он писал, что их везут в Пермскую область. Этот этап оказался для о. Леонида последним. Он скончался 12 ноября 1941 года в одном из лагерей Чердынского района Пермской области. А через два дня в деревне Власово Костромской области скончалась его жена, поддерживавшая его на трудном пути священнического служения.

Игумения Арсения (в миру Анна Гавриловна Добронравова) родилась в 1879 году в селе Шегарском Юрьев-Польского уезда Владимир- ской губернии в семье священника. Окончив епархиальное училище, Анна в 1903 году поступила учительницей в детский приют при Шуйском Воскресенском-Феодоровском монас- тыре. В ее обязанности входило учить девочек грамоте и рукоделию. В этом монастыре она приняла постриг с именем Арсения.

В начале XX века игуменией монастыря была София, после смерти ее - Афанасия, а после смерти Афанасии сестры в 1915 году избрали игуменией Арсению. Усердная последователь- ница учения святых отцов о молитве и подвижнической жизни, она шла в горнюю страну долгим путем смирения и самоукорения, почитая себя ниже всех. Из современных церковных учителей она более всех пользовалась советами епископа Игнатия Брянчанинова. Уже достигнув большой духовной высоты, игумения Арсения и тогда почитала себя ниже всех, часто спрашивала совета у тех, кто далеко не достиг той чистоты сердца и просветленности разума, которые были обретены ею. Ризу христианского смирения, удобно закрывавшую ее от многих стрел лукавого, она не оставляла до конца жизни, до самой кончины почитая себя хуже всех. В монастыре она вела тихий, уединенный образ жизни; была усердным делателем Иисусовой молитвы,

пользуясь в прохождении трудного и многоскорбного иноческого пути советами святых отцов, книги которых внимательно и молитвенно изучала. Таинственен этот сокровенный сердца человек, и блажен, кто нашел дверь в его тайную келью и исполнил заповедь Господню, и помолился Отцу, который втайне, и Отец воздал ему явно.

Наступили новые времена, к власти в России пришли люди, утверждавшие новую веру, - безбожие. Власти распорядились закрыть монастырь, но затем позволили не закрывать с тем, однако, чтобы монахини работали в совхозе.

Странно это им было, но директор совхоза Иван Иванович Озарин уговорил их принять предложение. "Матушки, - говорил он, - не расстраивайтесь, идите ко мне все, я всем буду платить, а работать из вас будут только те, кто может, кому будет по силам". Насельницы, которых было тогда триста тридцать человек, согласились. Жили в монастыре, работать ходили в совхоз, но по праздникам не работали, пребывая на молитве в церкви.

В общем, все осталось по-старому, за исключением того, что теперь плодами сельскохозяйственных трудов пользовался не монастырь, а совхоз, который платил монахиням за труд. Мать Арсения осталась игуменией, и Озарин никого из насельниц не ставил на работу, не испросив у нее предварительно благословения. Это было особенно важно в тех случаях, когда намечался постриг, так как по правилам монастыря новопостриженные не выходили из церкви сорок дней. Другим строго соблюдавшимся правилом было то, что в мантию постригали только после сорока лет.

Молитвами праведной игумении десять лет прожили насельницы безмятежно среди бушующих вод безбожия. В 1929 году власти прислали распоряжение о закрытии монастыря и недопущении церковных служб и иноческой жизни ни под каким видом. Директор совхоза, не желая принимать участия в разорении монастыря и создании крепостных колхозов, уволился и уехал.

Монастырь закрыли. В апреле 1932 года игумения Арсения была арестована; ее обвинили в том, что она "проводила среди населения.... агитацию, используя главным образом церковь, призывала к противодействиям..." Виновной себя мать Арсения ни в чем не признала. В октябре Особое Совещание ОГПУ приговорило ее к трем годам ссылки в Казахстан. Первое время игумения жила в Алма-Ате, а затем была сослана в Каркалинск. Здесь она приняла схиму с именем Фома. По окончании срока ссылки в 1935 году игумения приехала во Владимир и здесь в конце июня 1938 года снова была арестована; ее обвинили в том, что она "являлась активной участницей контрреволюционной организации духовенства и монашества". В тюрьме она тяжело заболела, и с начала января следствие было приостановлено. Игумения Арсения умерла 23 января 1939 года в больнице при Ивановской тюрьме No 1. "Смерть последовала вследствие падения сердечной деятельности на почве... полного истощения организма". По свидетельству монахини Серафимы (Булгаковой), на следующую ночь после кончины игумении женщине, находившейся с ней в одной камере до того, как игумению Арсению перевели в тюремную больницу, было во сне сказано: "Какой у вас здесь на земле беспорядок, а у нас мощи матушки Арсении в таком почете находятся".

Блаженный Максим (Максим Иванович Румянцев) родился в середине пятидесятых годов XIX столетия в деревне Вандышки Кинешемского уезда Костромской губернии в крестьянской семье. Родители его умерли, когда Максиму едва минуло десять лет, и он поселился в доме брата Егора и его жены Елизаветы, где прожил до пятнадцати лет, а в пятнадцать лет ушел странствовать. Где и как странствовал Максим - неизвестно, но вернувшись почти через тридцать лет на родину, он знал службу церковную наизусть, хотя оставался неграмотен; во время странствий он принял подвиг юродства, который не оставлял до самой кончины.

Вернувшись в родную деревню, Максим Иванович жил то у брата в в баньке, то в благочестивом семействе Груздевых, почитавших блаженного за прозорливость, то в семействе Кочериных, а то где придется, куда Бог приведет. Ходил Максим Иванович

круглый год босиком и в одних и тех же, надетых одна на другую, рубахах. Если кто-нибудь дарил ему сапоги, то он совал в них бумагу, чтобы неудобно было ходить, а потом все равно отдавал. В бане никогда не мылся, а как войдет в баню в грязных рубашках, в тех же самых рубашках и выйдет.

Однажды священник Николай Житников, с которым блаженный вел близкую дружбу, уговорил его попариться в бане. Отец Николай остался ждать, а Максим Иванович ушел в баню и исчез.

Что же это он так долго? Куда это он пропал? - недоумевал о. Николай. Вошел он в баню и видит: сидит Максим Иванович на полке красный, как свекла, во всех своих рубахах.

- Да что же ты, Максим Иванович, в одежде сидишь? - спросил он.

- Так ты же мне сам велел париться, а не мыться, - улыбаясь ответил блаженный.

В деревне многие, особенно поначалу, смеялись над ним, а мальчишки, бывало, пускали в него камни. Но благодушно все это переносил блаженный, помня, что все подвизающиеся за Христа гонимы будут. К тому времени, когда он поселился в деревне после многолетнего подвига странничества и юродства, он достиг берегов блаженного бесстрастия, и Господь начал открывать ему Свою благую волю о других людях.

Уныние и грусть овладели Андреем Груздевым, когда пришла ему пора идти на войну 1914 года.

- Прощай, Максим Иванович, может, не вернусь, - сказал он, подходя к юродивому.

- До свидания, сладкий барин, - ответил Максим Иванович.

Многими чудесами засвидетельствовал Господь блаженного, так что не осталось у Андрея сомнения: он вернется живым. И вернулся.

Дочь его, Веру Груздеву, Максим Иванович называл Христовой невестой. "Верно, ты, Вера, замуж не выйдешь", - говорила ей мать. И действительно, она осталась девицей. Младшей дочери Груздевых Максим Иванович, когда та была девочкой, частенько говорил:

- Николай, давай закурим. Николай, давай закурим.

А то возьмет да вдруг начнет бегать, приговаривая:

- За мной кто-то бежит. Я спрячусь в сарай, за мной кто-то бежит. Спрячусь под стол.

Объяснилось все через много лет, когда она вышла замуж за Николая, и тот, когда бывал пьян, преследовал ее, так что она не знала, куда от него укрыться.

Максим Иванович никогда не говорил человеку прямо, а всегда как бы о себе. Пришел как-то к Максиму Ивановичу священник Григорий Аверин, и блаженный сказал ему:

- Вот Максима Ивановича скоро заберут. Скоро заберут - да это ничего. Умрет Максим, и прилетит соловей, но не сядет на могилку и не пропоет.

Вскоре о. Григорий был арестован и в лагере расстрелян.

Если и говорил блаженный о событиях прямо, то лишь тогда, когда иначе было нельзя. Как-то сидел Петр Кочерин со своими друзьями на завалинке. И Максим Иванович тут же. Вдруг посреди разговора Максим Иванович говорит:

- Вот, дымок пошел.

Но никто не обратил на это внимания. Максим Иванович через некоторое время настойчивее произнес:

- Дымит. Дымит.

Но опять никто на его слова не обратил внимания, и тогда Максим Иванович уже в голос закричал:

- Да пожар же!

Тут все вскочили. Забежали за дом. И точно. За домом полыхало гумно. Обмануть или скрыть что-нибудь от Максима Ивановича было невозможно.

Однажды, когда блаженный жил у Груздевых, хозяйка дома ради своей болезни и семейных нужд взяла у него из мешка, который он хранил на печи, сухарей. "Я немного возьму, не узнает Максим", - решила она.

Но Максим Иванович, как вошел в избу, схватился за голову и закричал:

- Заворовали! Заворовали! Житья у вас нет. Заворовали!

Пришлось ей все рассказать.

Однажды пришла к Максиму Ольга Добрецова, с нею женщина передала для блаженного сверток. Ольга отдала Максиму Ивановичу два свертка и не стала говорить, какой от кого, посчитав это неважным.

Но иначе на это посмотрел блаженный.

- Это - твое, - сказал он, - а это с тобой передали.

- Прости меня, Максим Иванович, - встрепенулась Ольга.

- Прости, прости, - проговорил блаженный, - хорошо еще, что ты созналась, а то соврут и не сознаются.

В другой раз, когда она собралась уходить, он сказал:

- Ты оставайся, а то люди злые...

Не послушалась она и пошла. Нужно было идти глухим местом. И видит Ольга - стоят мужики и ни за что ее не пропустят. Бросилась она бежать. Мужики - за ней. Она бежит изо всех сил, а они нагоняют, и все отчетливей их топот, уже прямо за спиной. И взмолилась Ольга к блаженному Максиму о помощи. И слышит - стих звук погони, перестали ее преследовать. Едва живой от страха добралась она до общежития, где жила.

Ольга никогда не рассказывала блаженному подробностей своей жизни в общежитии, где у нее не было ни кровати, ни постели, она спала на полу.

Максим Иванович сам говорил:

- Вот развалятся, как баре, на кроватях, а у меня - пальто под голову и под себя.

Пальто это вскоре украли, о чем ей блаженный сам сказал:

- Вот какие злые люди, пальтушку украли. Но ты не расстраивайся.

Вскоре Ольга нашла на земле деньги, которых как раз хватило на покупку пальто.

Бывало, что Максим Иванович ни к кому не шел ночевать, а садился со своим мешком посреди улицы и сидел здесь по нескольку дней. Однажды он просидел так неделю. И одна женщина сжалилась над ним:

- Максим Иванович, так же нельзя.

- Конечно, нельзя, - кротко ответил блаженный, но не сдвинулся с места. Женщина пошла домой, истопила баню и пришла уговаривать блаженного.

- Максим Иванович, пошли, я уже и баню специально для тебя истопила. - Ну, давай салазки, накладывай на них мешки, - согласился он. Она пришла с салазками, положила на них мешки блаженного и попробовала везти. Но салазки с места не стронулись. Попробовала еще. Не может их сдвинуть.

- Максим Иванович, не идут что-то салазки.

- Не идут, - покачал он головой и сам легонько подтолкнул салазки. И сразу они сдвинулись и легко пошли.

Однажды, когда блаженный жил у Груздевых, он начал с самого утра петь заупокойные стихиры и пел их почти весь день. Хозяйка слушала, думая, когда же он кончит, и наконец спросила:

- Что ты все заупокойные стихиры поешь?

Ничего не ответил Максим, продолжая петь, а через некоторое время, кончив петь, сказал:

- Ну, теперь все. Отпето. Опускайте в могилу.

Вскоре приехали из Кинешемского Успенского монастыря и сказали, что в монастыре умерла монахиня.

Как-то еще до начала гонений блаженный, проходя мимо Кинешемского монастыря, сказал: - Подушки-то, подушки какие! Разве это монахини? Все разлетится. Все.

В середине двадцатых годов монастырь был закрыт, в его зданиях поместилась следственная тюрьма.

Сердце Максима не прилеплялось ни к чему земному; деньги он презирал, а если ему кто их давал, то он потрет их, потрет, да и бросит или сунет куда-нибудь.

Однажды прибежала соседка Груздевых к Максиму Ивановичу:

- Максим Иванович, ведь у нас землю-то отнимают!

- Ну и что? - невозмутимо ответил блаженный. - Тебе жалко, что ли?

- Да как не жалко? Конечно, жалко.

- Ах ты, жалко, - покачал головой блаженный, - да ты возьми в карман землю-то и ходи, раз тебе жалко.

Духовно близкие отношения Максим Иванович вел с епископом Ки-нешемским Василием.

- Многих я видел подвижников, молитвенников и духовных людей, - говорил о нем святитель, - но этот ближе всех к Богу.

Владыка Василий ходил к блаженному Максиму Ивановичу пешком. И когда бы он ни задумал прийти, Максим Иванович всегда заранее знал о его посещении. Однажды он предупредил о его приходе хозяйку, и она бросилась убирать в избе. Но не успел святитель войти, как блаженный сам указал ему место:

- Ты, владыко, здесь на пороге садись.

- Да как же так! - всплеснула руками хозяйка. - Я уже и скамеечку вытерла...

- А ему тут... тут... Садись, садись здесь! - настойчиво повторял блаженный, показывая на порог.

Святитель не стал возражать. Это было незадолго до ареста епископа.

Но праведнику закон не лежит. Однажды Максим Иванович передал через близких святителю, что хотел бы причаститься. В назначенный день епископ Василий пришел к блаженному. Сидит, ждет. А Максим Иванович в это время с мужиками беседует. Те ему уже и покурить предлагают, и он не отказывается, закуривает.

Видя, что напрасно его ожидание, епископ послал за ним келейника и, когда Максим Иванович пришел, строго спросил:

- Ты что-нибудь ел?

- Немножечко поел, - ответил блаженный так, точно только этого вопроса и ждал, и добавил: - Уж больно ты строг, владыко, я совсем немножко, чуть-чуть поел, а будет время, когда поемши будут причащаться.

О будущем ли он говорит? Не прелестное ли это пренебрежение ко святыне? - подумал святитель, сам строгий подвижник и ревнитель церковных канонов. И благословил своих духовных детей повременить обращаться к блаженному за советами.

Через некоторое время Максим Иванович снова позвал владыку к себе - причаститься.

- Ну, что, Максим Иванович, не ел, не пил? - спросил тот, войдя.

- Не ел, не пил, владыко святый, - ответил блаженный с кротостью благообразного Иосифа, принимающего на свои руки пречистое тело Христа.

После исповеди все сомнения у святителя рассеялись, и он вновь благословил духовных детей обращаться к блаженному. Многие, видя, какую жизнь он ведет, говорили ему:

- Максим Иванович, ты уже спасен, ты уже в Царстве Небесном.

- А кто это знает: в Царстве ли? - ответит блаженный, глянет на образ Царицы Небесной. - Царица Небесная! - воскликнет, и слезы сами собой побегут по щекам.

Зная службу на память, он на Пасху пел ее всю дома. Сядет против окон и радуется.

- Смотри, - скажет хозяйке, - ангельская душенька, как солнышко играет.

А сам смотрит не на солнце, а на святые иконы.

Незадолго до своего ареста Максим Иванович пришел к о. Николаю Житникову и сказал:

- Отец Николай, давай багаж собирать.

И действительно, вскоре они оба были арестованы.

Председателем первого в тех местах колхоза был Василий Сорокин, а сын его, Владимир, работал в колхозе трактористом. Оба они не любили блаженного и писали доносы властям, чтобы те арестовали его. И, наконец, зимой 1928 года к дому, где тогда жил Максим Иванович, подъехали сани с возницей-милиционером. Случившийся тут Андрей Груздев спросил:

- За что вы его арестовываете?

- Да нам не жалко, - ответил милиционер, - он нам не мешает, но на него уже третье заявление подано, чтобы его арестовать. Так что собирайся, Максим Иванович, поехали.

Собирать Максиму Ивановичу было нечего, никакого имущества у него не было, сел он в сани, и они отправились. По дороге им встретилась женщина, которая, узнав блаженного, спросила:

- Куда это ты, Максим Иванович, поехал?

- К Царю на обед, - ответил блаженный.

В Кинешемской тюрьме Максима Ивановича подвергли жестоким мучениям, попеременно держа то в жаре, то в холоде. Но недолго он здесь пробыл и был переведен в другой город. Здесь блаженный оказался вместе с о. Николаем Житниковым, который явился свидетелем его кончины, и написал из заключения кинешемцам, что блаженный Максим умер как великий праведник.

Блаженная Елена родилась в городе Кохме Владимирской губернии (ныне Ивановская область). Родителей ее звали Михаил и Александра. Всю жизнь она прожила в родном городе, отлучаясь лишь в паломничество по святым местам. Она рано вступила на путь подвига и юродства и стяжала, по свидетельству ее знавших, неоспоримые благодатные дары духовного рассуждения и прозорливости.

В одно из своих паломничеств в Дивеевскую обитель она получила благословение принимать всех к ней приходящих. В доме Елены стоял гроб, в котором она спала. Однажды, когда она легла в гроб, к ней по доносу пришли милиционеры; они постучали в дверь и вошли.

Она высунула из гроба голову - они побежали. Блаженная выскочила вслед за ними и закричала:

- Ребята, я жива, ребята, что вы побежали.

Но они бежали без оглядки и уже не вернулись.

Блаженная Елена духовно наставляла и поддерживала множество людей. К ней за советами приходили почти все кохомские священники, любившие ее за тот свет чистой духовности, который излучала ее очищенная подвигами душа.

Блаженная любила священников Кохмы и Шуи за их духовный настрой, предупреждала их о грядущих событиях, как вразумлял ее Господь. Как-то она сказала: "Это еще хорошо, здесь попы с головами, а в Иванове я была, там все попы без голов" (В это время почти все ивановские священники были обновленцами).

Блаженная Елена явила такую высоту жизни и очевидные духовные дарования, что для православных ее советы и слово были непререкаемы. Во время гонений на Церковь во второй половине тридцатых годов блаженная была арестована и отвезена в тюрьму города Шуи. После недолгого пребывания здесь блаженная Елена была расстреляна.

Свет ее веры не напрасно светил. При возникновении и кратком торжестве обновленчества, когда бывало, что почти все священники иных городов переходили в него, в Кохме только один священник, Добродеев, вступил в обновленчество, надеясь, впрочем, что другие последуют за ним. Но этого не произошло. Были арестованы за верность православию и скончались в заключении священники города Кохмы Алексей Преображенский и Николай Авдаков11, которого обновленцы особенно ненавидели за его ревностное служение. Служил он вдохновенно и проповеди говорил такие, что людям долго не хотелось покидать храм.

Арестованных священников увезли в Иваново и здесь изощренно мучили. Их заставляли ходить за водой по ледяной крутой горке, на которую невозможно было взобраться. Они падали, тюремщики понуждали их подниматься и снова взбираться. Они снова падали, их поднимали. И так - до изнеможения. Их сажали в камеры, полные голодных крыс; водили в баню, где в это время были нагие женщины.

Однажды, когда это случилось, о. Николай Авдаков сказал тюремщикам:

- Не мне, а тем должно быть стыдно, кто распорядился привести нас сюда.

Сразу же после его слов священников увели. Отец Николай пробыл в заключении четырнадцать лет и в заключении скончался.

Священник Михаил Шомфонов служил в Кохме, его арестовали и приговорили к пяти годам заключения; когда срок заключения закончился, он был отправлен в Кинешемскую тюрьму и здесь замучен.

Блаженный Мишенька (Михаил Поликарпович Голубев) родился в деревне Якимово Костромской губернии. В молодости ходил с гармошкой и пел песни, а из молодого возраста вышел - стал в церковь ходить и юродствовать, жил последние годы в селе Жарки Ивановской области. Спал он на голых досках, положенных кое-как: один конец на залавке, другой на шестке. Никакой постели у него не было, под голову клал полено. Носил вериги - железное кольцо, которое со временем вросло в тело.

В церковь ходил на каждую литургию и стоял на левом клиросе; во время Херувимской громко, во весь голос, плакал, так что служивший в тотвремя священник велел его вывести. С тех пор Мишенька стал молиться дома и, пока шла литургия, ни с кем не разговаривал и никого не принимал. Крестьяне почитали его за прозорливость и шли к нему за советами со всей округи.

Однажды к Екатерине Наумовой, которая работала тогда конюхом на колхозной конюшне, пришли шорники чинить хомуты, и затопила она печь на конюшне. Истоплю, думает, затем домой схожу, приберусь, сготовлю, все-таки - Казанская, престольный праздник в селе, а потом уже приду и коней накормлю.

Тут Мишенька идет навстречу, остановился и говорит:

- Ох, какая избушка-то, ой, батюшки! А дворик-то какой, как игрушечка! - И так грозно: - Выбрасывайте все хомуты! Лошади могут погибнуть!

На другой день с утра случился пожар, и конюшня сгорела дотла вместе со всеми лошадьми - хомуты помешали им выбежать.

А Екатерине, конюху, что теперь делать? "Ну, теперь меня посадят и не выпустят", - подумала она.

А Мишенька говорит:

- Ну! Молись Всевышнему, да Царице Небесной, да Николаю чудотворцу. Ведь Всевышний спасает, Царица Небесная укрывает, а Николай чудотворец заступает.

Екатерину осудили к полутора годам заключения и штрафу в девятнадцать тысяч рублей. Заунывала она. Подала на пересуд в Иваново. Ждет. А Мишенька говорит:

- Ты не бойся. Российские мужики защитят, заступят.

Второй суд отменил приговор.

В 1943 году Александра Карачева пошла с одной женщиной к Мишеньке в Жарки. Он встретил их, взял Александру за руку и, поглаживая, точно успокаивая, сказал:

- Большая семья, а мать-то с ума сошла.

Александра вздрогнула - не о ее ли матери предвещает юродивый?

- Да что ты, что ты шарахаешься? Я не тебе говорю, я тебя специально за руку держу, чтобы ты не боялась.

И действительно, у попутчицы Александры вскоре сошла с ума мать, и близкие вынуждены были ее запирать.

В 1954 году к Александре посватался один мужчина. И поехали они венчаться в жарковскую церковь. Родители не благословили ее выходить за него замуж. Александра предложила взять благословение у Мишеньки. Мишенька посмотрел на них и сказал:

- А жить-то не будете. Он уйдет от тебя.

Александра заплакала, а жених говорит:

- Старику веришь, а мне не веришь.

Стали они уговаривать Мишеньку.

- Хотите венчаться, венчайтесь, только жить вы не будете, - ответил он.

И действительно, когда Александра забеременела, муж стал гулять, и они расстались.

В выборах советских властей Мишенька никогда не участвовал; когда приходило время выборов, он всегда уходил из дома. Придут к нему - а его нет.

Многие шли к нему из любопытства. Идут, и сомнения их гложут: вроде бы и не особенно старый этот Мишенька, и на гармони, говорят, играл, и мирские песни пел. Что такой может сказать? И вот приходит к нему женщина с этими мыслями и спрашивает:

- Мишенька, у меня сынок жив ли?

- А, вот так тебе язык лезвием надо отрезать. Уйди от меня.

Но она не уходит, спрашивает. Он от нее в Никольский придел на клирос убежал молиться и говорит оттуда: - Пришли пытать меня, грешного.

О самих Жарках Мишенька говорил: "Наступит время, когда в Жарках останется совсем мало жителей. И будет это место, как скит. И не будет там ничего скверного".

Умер Мишенька в конце пятидесятых годов в возрасте пятидесяти пяти лет и погребен на кладбище села Жарки, неподалеку от храма. Он был среднего роста, бородка была небольшая, русая, с рыжинкой. Когда кто из местных жителей заболевает, то берут с его могилки травку и натирают ею больное место. И по вере обращающихся к нему исцеляются.

Примечания

1 Священник Иван Иванович Румянцев родился в 1889 году в селе Карчино Костромской губернии. С 1914 года по 1923 год служил диаконом в Решемском монастыре. В 1923 году был рукоположен в сан священника. После закрытия монастыря служил в храме села Воскресенского Кинешемского района. Впервые был арестован в 1929 году. На вопросы следователя он отвечал: - В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, подтверждаю, что нахожусь в общении с епископом Николаем Голубевым. Вошел в общение с ним по своему желанию, от верующих своего прихода я никакого давления на это не имел и даже думаю, что они об этом не знают. Декларацию митрополита Сергия я читал, но верующим ее не разъяснял, и они совершенно не знают о ее существовании. Сам я лично декларацию не могу принять, ибо не нахожу возможным согласиться с призывом митрополита Сергия радоваться радостям и успехам безбожной власти, ибо это противоречит моим религиозным убеждениям. Коллегия ОГПУ приговорила о. Иоанна к трем годам заключения в концлагерь. Вернувшись в 1933 году на родину, он поселился в селе Воздвиженском Наволокского района Ивановской области.

2 Елизавета Григорьевна Румянцева родилась в деревне Ильинской Костромской губернии. Жила в деревне Вандышки Кинешемского района, где была арестована. Обвинялась в том, что принимала в своем доме священников и верующих и вела антисоветскую агитацию. Виновной себя не признала, была приговорена к пяти годам ссылки в Казахстан. В сороковых годах она писала жалобу на неправое осуждение и просила разрешения переехать на родину, но НКВД ей в этом отказал. Умерла она в ссылке.

3 Анна Васильевна Серова родилась в деревне Большие Ламы Ветлужского уезда Костромской губернии в крестьянской семье. Работала на ткацкой фабрике имени "Демьяна Бедного"; жила в общежитии при фабрике. Ее обвинили в том, что она принимала у себя священников, ходила молиться, а также в том, что разорвала портрет одного из советских вождей. Была приговорена к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

4 Священник Иоанн Андреевич Розанов родился в селе Бабаеве Владимирской губернии в 1873 году в семье священника. В 1901 году окончил Владимирскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. В 1930 году был арестован и приговорен к трем годам лагеря. По возвращении из заключения служил в селе Мостцы Ковровского района Владимирской области. 20 октября 1937 года был арестован и приговорен к десяти годам исправительно-трудового лагеря.

5 Священник Петр Алексеевич Зяблицкий родился в 1873 году в селе Дмитровский Погост Владимирской губернии. Осенью 1937 года был арестован и в декабре приговорен к десяти годам исправительно-трудового лагеря.

6 Священник Иаков Алексеевич Зяблицкий родился в 1878 году в селе Дмитровский Погост Владимирской губернии. Служил в селе Талица. Осенью 1937 года был арестован и приговорен к десяти годам исправительно-трудового лагеря.

7 Протоиерей Николай Евгеньевич Бухарин родился в 1871 году в городе Костроме в семье чиновника Костромского окружного суда. Окончил Духовную семинарию. Служил в селе Маврино Кинешемского уезда. С 1935 года служил в храме города Гаврилов Посад. В октябре 1937 года он был арестован и через десять дней приговорен к десяти годам заключения.

8 Священник Иоанн Алексеевич Успенский родился в 1870 году в селе Большие Соли Ярославской губернии. Окончил духовное училище и был рукоположен в 1890 году в сан диакона, а затем - священника. Служил в храме села Введенского Кинешемского уезда. В начале ноября 1937 года он был арестован и приговорен к десяти годам лагеря. В тюрьме против него было начато новое дело.

9 Протоиерей Иоанн Александрович Доброхотов родился в 1870 году в селе Чихачево Пестяковского уезда Владимирской губернии. В этом же селе он, по-видимому, и служил. Арестован в 1937 году.

10 Священник Иоанн Петрович Коржавин родился в 1866 году в селе Дунилово Шуйского уезда Владимирской губернии. Перед арестом в конце 1937 года, вероятно, был уже по возрасту за штатом. Самому молодому из арестованных священников было шестьдесят лет, самому старшему - семьдесят два.

11 Николай Васильевич Авдаков родился в 1899 году в городе Кохме в семье священника. За сопротивление обновленчеству был выслан в город Пугачев Саратовской области. В 1930 году ОГПУ арестовало его и приговорило к трем годам заключения. После освобождения вернулся на родину и в разгар гонений принял сан священника. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученик Измаил (Кудрявцев) (память 10 сентября по старому стилю)

Священномученик Измаил родился в 1876 году в селе Садуново Кимрского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Ивана Кудрявцева. Окончил три класса церковно-приходской школы. Был призван в армию, где прослужил в звании старшего унтер-офицера с 1898 по 1902 год, когда был демобилизован и вернулся домой. С 1908 по 1910 год служил урядником в одном из сёл Кимрского уезда. После революции 1917 года избрал путь церковного служения и был рукоположен в сан священника. Во время гонений начала тридцатых годов был арестован и приговорён к пяти годам ссылки, но через два года ему по причине болезни было разрешено вернуться на родину, и он стал служить в храме села Архангельского Кимрского района.

Начало 1937 года ознаменовалось закрытием храмов. Кимрский райисполком распорядился о закрытии храма в селе Архангельском под выдуманным предлогом его аварийного состояния. Отцу Измаилу удалось отстоять храм, но 7 августа 1937 года НКВД арестовал его. Был допрошен культработник села, который показал:

- Мне известно, что служитель религиозного культа, бывший кулак-лишенец Кудрявцев Измаил Иванович, проживающий в селе Архангельском Кимрского района, среди верующих систематически ведет антисоветскую агитацию, направленную против советской власти. Мне известно, что Кудрявцев Измаил Иванович, вопреки решению президиума Кимрского РИКа в начале 1937 года (в нём было указано о немедленном закрытии церкви ввиду её технической непригодности, которая могла вызвать несчастные случаи во время служения), организовал верующих на невыполнение указанного решения и призывал верующих к неповиновению советской власти.

На допросе следователь спросил о. Измаила:

- Лишались ли вы избирательных прав и подвергались ли раскулачиванию?

- Да, действительно, я лишен избирательных прав, и хозяйство, которое я оставил сыну, Кудрявцеву Федору Измаиловичу, в 1929 году было раскулачено.

- Были ли вы судимы?

- Был судим или нет, я не знаю, но в 1932 году я арестовывался по линии ОГПУ по статье пятьдесят восьмой и вернулся в 1934 году.

- Следствие располагает данными, что вы среди населения ведёте активную контрреволюционную агитацию против советской власти и партии. Признаете ли вы это?

- Антисоветской агитацией я не занимался.

- Следствие от вас требует правдивых показаний, а вы лжёте и стараетесь укрыть следы своего преступления: как враждебно настроенный против советской власти, занимались распространением провокационных слухов против существующего строя.

- Я следствию показываю одну лишь только правду, борьбы против советской власти не вёл. 8 августа было составлено обвинительное заключение и дело передано в Тройку НКВД, которая 20 сентября вынесла постановление - расстрелять священника. Священник Измаил Кудрявцев был расстрелян через два дня, 23 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский (память 7 ноября по старому стилю)

Священномученик Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский (в миру Смирнов Константин Иларионович) родился в семье псаломщика 26 апреля 1863 года в городе Кронштадт Санкт-Петербургской губернии.

В 1887 году Константин окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. 21 ноября 1887 года он был рукоположен в священника и определён к Воскресенской церкви Общества трезвости в Санкт-Петербурге, одновременно исполняя обязанности законоучителя Елисаветпольской гимназии и 2-й гимназии Санкт-Петербурга.

С 1900 года отец Константин был назначен на должность настоятеля Кронштадтского Свято-Троицкого кладбищенского храма. 15 лет батюшка прослужил в священническом сане. Неожиданная смерть маленькой Ольги, мучительно умиравшей от проглоченной иглы, вслед за тем и - жены, не пережившей горя, подвигла 38-летнего отца Константина в 1902 году принять монашество. Вскоре он назначается на должность начальника Урмийской Духовной Миссии в Персии с возведением в сан архимандрита.

6 августа 1904 года состоялась хиротония архимандрита Кирилла во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. Желая, чтобы народ полнее участвовал в богослужении, Владыка ввёл всенародное пение за богослужением в Александро-Невской Лавре.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский перед смертью просил, чтобы его отпевал молодой епископ Кирилл, которого он знал по служению его в Кронштадте. С 1908 по 1928 годы Владыка управляет Тамбовской и Шацкой епархией. Он стремился как можно чаще совершать поездки в самые отдалённые места своей епархии ради общения с паствой. В 1913 году он возводится в сан архиепископа. В 1914 году трудами Владыки состоялось прославление Святителя Питирима Тамбовского (память 28 июля).

Твёрдость веры Владыки проявилась в таком эпизоде: когда по распоряжению санитарной комиссии в связи с эпидемией холеры в 1909 году было дано распоряжение освящать на Богоявление только кипячёную воду, Владыка отказался это делать и освящал речную. Замечательно, что это же убеждение: "Всё, что не от веры - грех", - высказано и в одном из последних его писем от 8 марта 1937 года.

Во время февральских событий 1917 года Владыка предупреждал с амвона: "Если не удержимся над своим прошлым, то напишем такую страницу своей истории, которую следующие будут читать с краской стыда на лице, готовы будут вырвать её, но нет таких ножниц, которыми можно было бы вырезать что-либо из памяти истории".

Во время войны, по инициативе Святителя организуются сборы средств для нужд фронта, лазареты при монастырях, приюты для детей, у которых погибли родители, различные комитеты помощи воинам.

На Поместном Соборе Владыка был выдвинуть вторым в числе первоначально избранных 25-ти кандидатов на Патриаршество. Также он был избран членом Священного Синода при Святейшем Патриархе Тихоне.

19 марта 1918 года Святитель назначается на митрополичью Тифлисскую и Бакинскую кафедру, а также на должность Экзарха Кавказского, однако к месту назначения выехать ему не удалось. В 1919 году его арестовали в Москве по обвинению "в контрреволюционной агитации путём рассылки воззваний и сношения с Колчаком и Деникиным" и заключили в тюрьму ВЧК.

В 1920 году, после освобождения, он назначается на Казанскую и Свияжскую кафедру, но через месяц вновь был арестован в Казани по обвинению, что "выехал из Москвы в г.

Казань без разрешения ВЧК". Владыка приговаривается к заключению в лагере на 5 лет. В Таганской Московской тюрьме он находится в одной камере со священномучениками архиепископом Феодором (Поздеевским) и епископом Гурием (Степановым). В 1921 году его освобождают по амнистии и Владыка возвращается в Казань, но в 1922 году его вновь арестовывают и после заключения в Московской тюрьме ссылают в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар).

В Московской тюрьме он сидел в одной камере со священномучеником Фаддеем, архиепископом Астраханским (память 18 декабря). Вместе они написали обращение к верующим по поводу "Живой церкви", которое удалось разослать по России. Затем Владыку ссылают в Усть-Кулом (Коми А. О.), где он находится вместе с епископом Афанасием (Сахаровым), а позже его переводят в город Котельничи Вятской области. Есть сведения, что из Усть-Куломы начальник отдела ГПУ Е. А. Тучков вызывал митрополита Кирилла в Москву для переговоров, предлагая "договориться", то есть пойти на компромиссы, но завершилась эта попытка неудачей для властей.

В 1924 году Святитель возвращается из ссылки и встречается в Москве с св. Патриархом Тихоном, успешно убеждая его отказаться от примирения и сотрудничества с обновленцем В. Красницким. ГПУ навязывало эти действия Святейшему, обещая тогда выпустить из тюрем архипастырей. На эти обещания Владыка сказал Святейшему: "Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...". Выслушав это, Святейший вычеркнул из подписанной бумаги фамилию Красницкого.

Из Москвы Владыка переезжает под Ельск, затем в Перерволок. По завещательному распоряжению Святейшего Патриарха Тихона от 25 декабря 1924 года он назначается первым кандидатом на должность Патриаршего Местоблюстителя. Вскоре Святителя снова отправляют в ссылку. По этой причине, после кончины св. Патриарха Тихона, он не смог восприять должность Местоблюстителя и им стал священномученик митрополит Пётр (Полянский).

В 1926 году среди епископата возникла мысль о тайном избрании Патриарха. Под актом избрания митрополита Кирилла, у которого истекал срок ссылки, было собрано 72 архиерейские подписи (в то время за митрополита Сергия (Страгородского) всего одна. Таким образом, митрополит Кирилл был избран Патриархом, но интронизация его не состоялась, так как ГПУ стала известна эта акция.

Тучков, когда ему стали известны результаты голосования, заявил, что допустит интронизацию митрополита Кирилла на Патриарший Престол только с условием, что в будущем тот при поставлении епископов станет следовать его указаниям. Владыка ответил "Евгений Алексеевич, вы - не пушка, а я - не снаряд, при помощи которого вы надеетесь уничтожить Русскую Церковь".

Вскоре последовала волна арестов. Был арестован находившийся в ссылке Владыка Кирилл, которого заключили в тюрьму города Вятка. Владыку приговорили дополнительно к трём годам ссылки и с апреля 1927 года он высылается в станок Хантайка Туруханского района Красноярского округа, а затем в город Енисейск.

После выхода в 1927 году Декларации митрополита Сергия, Владыка отделился от общения с ним, так как не хотел участвовать в том, что его "совесть...признала греховным". В утверждённом митрополитом Сергием Временном Патриаршем Священном Синоде он видел угрозу целости Патриаршего строя и подмену его коллегиальным управлением.

В административной церковной деятельности митрополита Сергия, Владыка (как и Местоблюститель, священномученик митрополит Пётр (Полянский)) усматривал превышение полномочий, предоставленных ему званием Заместителя Местоблюстителя, что повлекло за собой раскол в Церкви. Владыка считал бессмысленным и вредным сохранение центральной церковной власти такой ценой. В условиях, когда легальное устроение центральной административно-церковной власти невозможно, и когда стало ясно, что "митрополит Сергий правит Церковью без руководства митрополита Петра", он

призывал руководствоваться указом св. Патриарха Тихона от 20 ноября 1920 г., согласно которому епископы должны были создавать местное самоуправление, чтобы потом при более благоприятных условиях дать отчёт Собору о своей деятельности.

С мая по ноябрь 1929 года Владыка вёл переписку с митрополитом Сергием, пытаясь убедить его сойти с пагубного пути компромиссов. Эти письма Владыки, глубоко продуманные и чётко аргументированное, вскрывают духовно-нравственную суть проблемы.

Митрополит Сергий отвечал угрозами канонического прещения, требуя сохранения церковной дисциплины. Владыка же, защищая тех, кто исповедал своё несогласие с церковным курсом Заместителя Местоблюстителя, не желая "участвовать в том, что совесть их признала греховным", так отвечает на это требование: "Это исповедание вменяют им в нарушение церковной дисциплины, но и дисциплина способна сохранять свою действенность лишь до тех пор, пока является действенным отражением иерархической совести соборной Церкви, заменить же собою эту совесть дисциплина никак не сможет. Лишь только она предъявит свои требования не в силу указаний этой совести, а по побуждениям, чуждым Церкви или неискренним, как индивидуальная иерархическая совесть непременно встанет на стражу соборно-иерар- хического принципа бытия Церкви, который вовсе не одно и то же с внешним "единением во что бы то ни стало"". В декабре 1929 года митрополит Сергий предаёт Святителя суду архиереев и увольняет его от управления Казанской кафедрой.

С 1932 года Владыка находился в ссылке в Туруханском крае. Полгода здесь длится ночь, прерываемая только Северным сиянием, полгода обитатели этого края оторваны от всего мира: ни писем, ни газет, ни посылок. Мороз доходит до 60-ти градусов. Короткое полярное лето и мириады мучительных комаров-гнусов, цинга, отсутствие предметов первой необходимости... Такова обстановка в ссылках за Полярным кругом? Здесь многие сосланные епископы жили в маленьких посёлках далеко друг от друга, так что видеться не могли. Лишь со священномучеником епископом Дамаскиным (Цедриком) удалось Владыке недолго пообщаться и с тех пор они стали друзьями навсегда.

После освобождения в августе 1933 года Святитель непродолжительное время проживал в городе Гжатске. Единомысленное духовенство настойчиво просило Святителя заявить свои права и взять на себя бремя управления страждущей Церковью. Но Владыка считал для себя невозможным это сделать, пока полностью не уяснит создавшееся положение. В 1934 году Святитель приехал в Москву и явился в Патриархию. Учинённый страж преградил ему вход, но высокий, когда-то могучий митрополит, отстранив его, шагнул в кабинет митрополита Сергия. Через несколько мгновений Владыка вышел; видимо, ему всё стало ясно. Это была их последняя встреча.

Вскоре летом 1934 года он был арестован в Гжатске по обвинению в "контрреволюционной деятельности" и заключён во внутренний изолятор особого назначения Бутырской тюрьмы г. Москвы. Святителя приговорили к 3 годам ссылки, которую отбывал в пос. Яны-Курган (Южно-Казахстанская обл.). Неподалёку в той же ссылке жил митрополит Иосиф (Петровых) и два старца-митрополита были утешены хоть какой-то возможностью общения. "С митрополитом Иосифом, - так писал Владыка, - я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи митрополита Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности". Владыка, по словам его верного последователя-исповедника епископа Афанасия (Сахарова, память 15 октября), допускал в качестве протеста непосещение "сергианских" храмов, но при этом он осуждал хуления неразумных ревнителей в адрес совершаемых там богослужений. Для себя же он допускал только в случае смертной нужды исповедаться у "сергиевского" священника. В одном из писем 1929 года Святитель написал: "Совершённую им (м. Сергием) подмену власти, конечно, нельзя назвать отпадением от Церкви, но это есть, несомненно, тягчайший грех падения. Совершителей греха я не назову безблагодатными,

но участвовать с ними в причащении не стану и других не благословляю, так как у меня нет другого способа к обличению согрешающего брата". Непосредственно митрополиту Сергию он писал: "Во всей полноте своё воздержание я отношу только к Вам, но не к рядовому духовенству и тем менее к мирянам. Среди рядового духовенства очень немного сознательных идеологов Вашей церковной деятельности". Однако, "для тех, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду", - писал Владыка в 1934 г., - "... своим непротивлением ей обнаруживает преступное равнодушие к поруганию Церкви".

Но эта мягкая позиция Святителя несколько ужесточилась в последние годы жизни, возможно, благодаря общению в ссылке со священномучеником митрополитом Иосифом (Петровых), а также тому, что истекли все сроки ожидания раскаяния митрополита Сергия в пагубном курсе церковной политики.

7 июля 1937 года Владыка был арестован в ссылке и заключён в тюрьму г. Чимкент. На допросе, где обвинялся в том, что "возглавлял всё контрреволюционное духовенство", Владыка держался очень мужественно и всю ответственность по обвинению следствия взял на себя. 6 ноября он был осуждён тройкой УНКВД и приговорён к расстрелу.

7 (20 н. ст.) ноября Святитель был расстрелян в Лисьем овраге под Чимкентом вместе со священномучениками митрополитом Иосифом (Петровых) и епископом Евгением (Кобрановым).

Митрополит Кирилл - один из самых выдающихся иерархов в истории Русской Православной Церкви. Этот особой духовной силы архипастырь был послан Господом в эпоху неслыханных гонений, как образец твёрдости в исповедании веры. Он был Святитель безупречный, соединивший молитвенный подвиг с активной архипастырской деятельностью, достоинство высокого сана с истинной простотой, смирением и любовью. Во всех местах служения Владыки проявляется его особый дар: к нему притягиваются люди, привлечённые его духовной красотой, несокрушимой верой.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Константин (Голубев) (память 19 сентября по старому стилю)

Священномученик Константин Алексеевич Голубев, Богородский протоиерей родился в 1852 году в селе Барановке Вольского уезда Саратовской губернии в семье псаломщика, и во святом Крещении был наречён именем благоверного князя Константина Ярославского, Чудотворца (память 19 сентября). Отец его отошёл ко Господу, когда мальчику исполнилось 9 лет. Вскоре после смерти отца Константин поступил в Саратовскую Духовную Семинарию, которую окончил по первому разряду.

Когда Константину исполнилось 24 года, он почувствовал в себе дар миссионерского служения. Он вступает в Саратовское братство Святого Креста и по благословению епископа Саратовского и Царицынского Тихона отправляется в качеств миссионера Братства в родное село Барановку, население которого находилось под сильным влиянием старообрядцев. Константин Алексеевич был уверен, что отход от Церкви происходит только тогда, когда нет церковной проповеди и подлинного просвещения. Первым делом он основал церковно-приходскую школу. Помогал молодому миссионеру настоятель местного храма М. Васильев, поддерживало его и Вольское земство.

Круг его миссионерской деятельности постепенно расширялся - по благословению преосвященного Тихона он назначается в 1876 году учителем русско-славянского языка Вольского Духовного училища и миссионером братства Святого Креста, руководителем миссионерских бесед и основателем просветительской библиотеки в городе Вольский. Ещё через три года преосвященный Тихон, учитывая успех Константина Голубева на миссионерском поприще, назначает его противораскольничим и противосектантским миссионером Саратовской епархии.

Деятельность Саратовского епархиального миссионера обратила на себя внимание митрополита Московского и Коломенского Сергия (Ляпидевского). 4 марта 1895 года он определяет Константина Голубева в Богородск на протоиерейскую вакансию. 12 марта 1895 года епископ Можайский Тихон (Никаноров) рукоположил Константина Голубева во священники. Отец Константин очень быстро завоевал расположение не только православных верующих, но и православных старообрядцев. В том же году отец Константин вошёл в число обязательных директоров Богородского уездного отделения попечительного о тюрьмах Комитета и стал принимать активное участие в его деятельности на пользу заключённых - так, он совершил богослужение в тюремном храме, покуда туда не был определён постоянный священник. За свою деятельность по обращении из старообрядчества и сектантства отец Константин был награждён наперсным крестом. Весной 1896 года его назначают председателем Богородского Богоявленского отделения Кирилло-Мефодиевского братства.

В 1897 году отец Константин Голубев избирается на три года членом попечительного совета Богородской женской протогимназии. Занятия в попечительном совете открыли перед священником проблемы религиозного образования и просвещения женщин в России, от которых в значительной мере зависело религиозно-нравственное воспитание народа. Какие будут женщины в стране, считал батюшка, какова будет их вера и религиозная просвещённость, такими будут и граждане России. Это имело особенное значение для фабричных городов, каким был Богородск в то время. И в 1900 году отец Константин открыл при Богоявленском соборе женскую церковно-приходскую школу, в которой состоял заведующим и законоучителем. В 1901 году его избрали членом Богородского Комитета народной трезвости. При этом он не оставлял миссионерской деятельности.

Несмотря на огромную пастырскую деятельность, отец Константин находил время и для своей семьи. Семья у него была большая, дружная, дети - а их было семеро - воспитывались в строго православном духе. Две старшие дочери его были замужем за священнослужителями, старший сын, митрофорный протоиерей Константин Константинович Голубев, в послевоенные годы был настоятелем Троицкого храма в Наташине, а младший, Леонид Константинович, окончил М.Д.А. и позднее был педагогом и директором средней школы.

Отец Константин, по свидетельству членов семьи, был духовно близок священномученику протоиерею Иоанну Восторгову (память 23 августа), часто бывал в Москве, служил в Покровском соборе и Чудовом монастыре, а в приезды Государя Императора Николая II был участником торжественных молебнов в Кремле. После совершённого государственными преступниками переворота 1917 года начались жестокие гонения на Церковь Христову. Докатились они и до тихого Богородска. Хотя новая богоборческая власть ещё не вполне была установлена в Богородске, отца Константина довольно быстро арестовали. Несколько дней его содержали под арестом в Богородской тюрьме, а затем без суда и следствия приговорили к смертной казни. По-видимому, о том, что он будет расстрелян ему было объявлено, так как после этого он передал из тюрьмы на волю свой наперсный Крест и служебник.

О подробностях гибели протоиерея Константина мы узнаём из доклада члена Всероссийского Церковного Поместного Собора 1917-1918 годов В. П. Шеина, впоследствии новомученика архимандрита Сергия (память 31 июля), расстрелянного в

1922 году вместе со священномучеником митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским, память 31 июля). Возможно, что мученический подвиг отца Константина и многих свидетелей веры первых лет гонения на Церковь Христову явился примером для архимандрита Сергия свидетельства за истину "даже до крови".

В докладе будущего мученика мы читаем такие слова о смерти отца Константина: "При расстреле в Богородске Московской епархии протоиерея отца Константина Голубева, убийцы нанесли ему только рану и ещё живого бросили в яму и стали засыпать землёй. Несчастный поднимал из ямы голову и молил прикончить его; находящаяся при этом дочь его на коленях с рыданиями умоляла также, чтобы отца не хоронили живым, но ничто не помогало, и злодейство было доведено до конца. Его засыпали живым".

Свидетели расстрела священника вспоминали, что вместе с отцом Константином были расстреляны женщина, бесстрашно его защищавшая, и воин, отказавшийся привести в исполнение смертный приговор. Их тела были сброшены в тот же ров. По свидетельству старшей дочери убиенного протоиерея Марии Константиновны, приговор привёл в исполнение некий Белов. Больная совесть, очевидно, тревожила убийцу. Ему не раз являлся покойный отец Константин. И вот однажды, увидев свою жену, вошедшую в дом с неубранными волосами, Белов в припадке умопомешательства принял её за расстрелянного священника и, выстрелив, убил её, а затем застрелился сам.

Многие десятилетия место кончины отца Константина на опушке соснового бора за городским стадионом г. Богородска почиталось благочестивыми жителями, хотя безбожники не раз выравнивали маленький холм, пытаясь уничтожить все признаки погребения мученика, духовные дети и почитатели отца Константина вновь и вновь воссоздавали его, принося на могилу цветы, иконы и свечи, возжигали лампаду, служили панихиды по убиенному протоиерею.

Так память о выдающемся миссионере и мученике дошла до нашего времени. В конце 1995 года были открыты нетленные мощи отца Константина, а также останки убиенных с ним воина и мученицы.

Канонизован священномученик протоиерей Константин Голубев как местночтимый святой Московской епархии в 1996 году.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Константин (Колпецкий) (память 10 сентября по старому стилю)

Об иных наших мучениках сохранилось совсем немного сведений - место их службы, время ареста, краткий протокол допроса и документ о приведении приговора в исполнение. Из таковых - священник Константин Колпецкий.

Он родился 15 мая 1885 года в селе Фроловском Кашинского уезда Тверской губернии в семье священника Алексея Колпецкого. Учился в Тверской Духовной семинарии и был рукоположен в сан священника - к какому храму, нам неизвестно.

В 1931 году за неуплату налога священник был осужден на шесть месяцев заключения в исправительно-трудовой лагерь. В 1935 году он снова был арестован за неуплату налогов и заключен на один год в исправительно-трудовой лагерь.

Вернувшись из заключения, о. Константин стал служить в храме села Сукромля Новоторжского района Тверской области. Сталинский указ еще не доведён до областных управлений НКВД, а о. Константин уже был арестован - 5 августа 1937 года. Арестованных свозили поначалу в сельсовет. В комнате, куда привели о. Константина, находилось трое арестованных крестьян. Почувствовав, что ему уже никогда не выйти на волю, Константин в волнении стал ходить из угла в угол по комнате. Конвоир окликнул его и потребовал, чтобы священник сел, но о. Константин не послушался, и тогда конвоир набросился на него с кулаками.

В тот же день о. Константин был заключен в Тверскую тюрьму. 9 августа состоялся краткий допрос.

- Расскажите о вашей антисоветской контрреволюционной агитации, которую вы вели среди населения.

- Никакой антисоветской контрреволю- ционной агитации я среди населения не вёл.

- Вы следствию говорите неправду, следствие требует от вас дачи правдивых показаний.

- Вторично подтверждаю, что я никакой антисоветской контрреволюционной агитации не вёл.

20 сентября Тройка НКВД приговорила о. Константина к расстрелу. Священник Константин Колпецкий был расстрелян 23 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Кронид (Любимов) (память 27 ноября по старому стилю)

Священномученик Кронид (в миру Любимов Константин Петрович) родился в 1859 году в селе Левкиево Волоколамского уезда Московской губернии. В 1915 году архимандрит Кронид был назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры, и так судил Господь, что он стал последним её наместником вплоть до её закрытия, после чего архимандрит Кронид 17 лет жил в Загорске, посещая сначала Петро-Павловскую церковь, а после её захвата обновленцами - Кукуевскую церковь (где отец Кронид любил петь на клиросе), рядом с которой был похоронен старец Алексий Зосимовский. Архимандрит Кронид в то же время фактически оставался главой закрытой большевиками Лавры, владел и пользовался печатью Лаврского Наместника. По его благословению около пятидесяти вернувшихся из ссылок и тюрем Лаврских иеромонахов были назначены на приходы в окрестностях города Загорск.

Архимандрита Кронида арестовали в ноябре 1937 года - к этому времени он был уже совсем слепым. Его заключили в Таганскую тюрьму Москвы. По его делу проходило 15 человек, в том числе 10 монахов, бывших насельников Троице-Сергиевой Лавры. По обвинению в "контрреволюционной деятельности" 11 человек были расстреляны, четверо получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Отца Кронида обвинили в "руководстве контрреволюционной монархической группой монахов и духовенства". 27 ноября (10 декабря) 1937 года архимандрит Кронид был расстрелян на полигоне НКВД в посёлке Бутово под Москвой и захоронен в общей могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Лаврентий, епископ Балахнинский (память 24 октября по старому стилю)

Священномученик Лаврентий, епископ Балахнинский (в миру Евгений Иванович Князев) родился в 1877 году в городе Кашире. Происходил он из духовного звания. Закончив Тульскую Духовную Семинарию, он продолжил обучение в Санкт-Петербургской Духовной Академии. После завершения обучения в 1902 году Евгений на Валааме был пострижен в монашество с именем Алексий. В 1912 году отец Александр назначается на должности ректора Литовской Духовной Семинарии и настоятеля Виленского Свято-Троицкого монастыря. Там он знакомится с архиепископом Тихоном, будущим Патриархом, который в 1917 году представил его к хиротонии. В феврале того же года архимандрит Лаврентий был хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Владыка был усердным делателем Иисусовой молитвы, учеником и другом Оптинских старцев. Незадолго до его мученической кончины преподобный Анатолий (Зерцалов) трижды земно поклонился ему.

В Нижнем Новгороде Владыка благословил создание Спасо-Преображенского братства по возрождению церковно-общественной жизни. Тогда же было организовано религиозно-философское общество, в заседаниях которого принимал участие Владыка. Сам Святитель жил в Печерском монастыре, часто служил, говорил проповеди. Он остался один в это тяжёлое время управлять всей Нижегородской епархией, так как правящий архиерей архиепископ Иоаким (Левицкий) принял мученический венец, будучи повешен в Крыму бандитами.

Когда в епархии начались аресты пастырей, Владыка посещал их в тюрьме. В конце августа 1918 года чекисты арестовали и Владыку. В тюремной камере он непрестанно молился, не обращая внимание на насмешки сокамерников. Вскоре те, видя силу духа Владыки, стали стремиться подражать ему.

Один Святитель, увидев присланные с тюрьмы изношенные чётки Владыки, которые тот просил заменить на новые, сказал: "Трудовые чётки". В тюремном храме Святителю было разрешено служить по праздникам, и это было для него утешением и поддержкой. Власти отказались выпускать его даже тогда, когда верующие, собрав залог (сумму 16 тысяч рублей), обратились к ним с просьбой освободить своего архипастыря.

После того как летом 1918 года Владыка поставил свою подпись под протестом верующих против изъятия церковных ценностей, его перевели в тюрьму ЧК. В октябре чекисты предложили ему отказаться от сана в обмен на свободу. Нечего говорить, что такой отказ был немыслим и услышав ответ Владыки, они объявили окончательный приговор - расстрел.

Святыми Дарами, которые Святитель имел с собою, он причастил себя и священника Алексия Порфирьева, которому также был объявлен расстрел.

24 октября (6 ноября н. ст.) 1918 года их повели в сад, где уже была вырыта могила. Владыка стоял напротив палачей и молился с воздетыми рукам. Русские солдаты расстреливать его отказались, и он был расстрелян латышами. Тела Владыки и священника отвезли на Молчальный остров и выбросили в Волгу.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобный Леонтий (Стасевич), архимандрит (память 27 января по старому стилю)

Преподобный Леонтий (в миру Лев Фомич Стасевич) родился 20 марта 1884 года в посаде Тарноград Белгорайского уезда Люблинской губернии Царства Польского, входившего в те времена в состав Российской империи. Родители его - Фома Фёдорович и Екатерина Стефановна - были крестьянами. Один из родственников будущего старца - людей верующих и благочестивых - дядя его Адам, был протоиереем. Детей в семье долго не было. Когда маленький Лева появился на свет, Фоме Фёдоровичу было сорок четыре, а Екатерине Стефановне - тридцать два года. Лева был единственным ребенком в семье. Он окончил церковно-приходскую школу и, по мере возрастания, помогал родителям по хозяйству.

Отец Леонтий вспоминал, что Фома Фёдорович, возвращаясь на лошадях с базара, всегда привозил с собой какого-нибудь странника, которому негде было переночевать. Странники - люди бедные, обычно благодарили добрых хозяев духовными песнопениями, рассказывали о святых угодниках Божиих и тех святых местах, в которых побывали на своём пути. Так постепенно, в атмосфере любви, благочестия и труда, возрастал отрок, которому суждено было стать добрым колосом на ниве Христовой.

С пятнадцати лет Лев начал работать писарем в Тарноградском суде. В 1905 году он похоронил своего отца и стал единственным кормильцем престарелой матери. В брак Лев Фомич не вступал, видимо, желая всецело посвятить свою жизнь служению Богу.

Обеспечив безбедное существование матери, двадцатипятилетний Лев осуществил своё заветное желание: 1 января 1910 года он поступил в Яблочинский Свято-Онуфриевский первого класса необщежительный мужской монастырь, расположенный в двух верстах от села Яблочна Бельского уезда Седлецкой губернии.

В 1911-м году Лев Фомич принимает в этом монастыре постриг с именем Леонтий в честь Леонтия, Святителя Ростовского (память 23 мая), а через год хоронит свою мать, со смертью которой прерывается последняя нить, связывавшая его с миром.

По всей видимости, именно в Яблочинском монастыре у отца Леонтия проявилась любовь к частому и строгому уставному богослужению, которую он пронёс через всю свою жизнь. Хотя отец Леонтий прожил в монастырь менее пяти лет, пребывание в нём оказало существенное влияние на его духовный облик. Преподобного Онуфрия, в честь которого был освящён главный храм обители, батюшка считал своим особым покровителем и до конца дней своих чтил его.

В 1914 году началась 1-я Отечественная война, и 6братия Яблочинского монастыря, ввиду близости линии фронта, была эвакуирована в глубь России. Отец Леонтий был определён в Московский Богоявленский монастырь.

Во время пребывания в Москве, отец Леонтий в 1916 году закончил Духовное училище и был рукоположен в иеродиакона, а затем в иеромонаха. Своё духовное образование он продолжил в Духовной Семинарии, которую окончил в 1919 году.

В 20-е годы отец Леонтий стал известен Святейшему Патриарху, который в 1922 году назначает его Наместником Суздальского Спасо-Евфимьевского мужского монастыря с возведением в сан архимандрита.

Когда отец Леонтий прибыл в монастырь, он обнаружил, что жизнь в нём пришла в совершеннейшее расстройство: должным чином не совершались богослужения, требовали неотложного решения запущенные хозяйственные дела, многие из братии сочувствовали обновленческому расколу, терзавшему в те годы Церковь и поддерживавшемуся

властями. Новый наместник принялся за наведение порядка, но столкнулся с враждебным отношением братии. Отца Леонтия всячески поносили, обзывали, злословили. Некоторые из монахов даже поднимали на своего настоятеля руку, жестоко избивая его и пытаясь заставить покинуть монастырь. Но простые люди - паломники и жители Суздаля полюбили отца Леонтия за его кротость, доброту и искреннюю веру. Отец Леонтий сохранял верность Патриарху Тихону.

За время своего служения в Суздале батюшка, несмотря на сложные условия, привлёк к Церкви многих людей. Его имя стало широко известным среди верующих. И в 1930 году отец Леонтий был арестован. Он вызвал озлобление местных властей тем, что препятствовал антирелигиозной пропаганде ежедневным совершением богослужения и своими проповедями. Поводом же к аресту послужили любовь отца Леонтия к колокольному звону. Позже он вспоминал об этом так: "...звон тогда был запрещён. А мне... так захотелось Господа прославить звоном. Залез на колокольню и давай звонить. Долго звонил. Спускаюсь с колокольни, а меня уже встречают с наручниками". Заключение отец Леонтий отбывал в Коми АССР. Он работал фельдшером при дорожно-строительном участке.

В 1933-м году батюшка возвращается из лагеря и начинает служить в селе Бородино Гаврилово-Посадкого района Ивановской области. Но пребывание его на новом месте было недолгим - 19 октября 1935 года он был опять арестован.

Отец Леонтий рассказывал: "Когда я проходил в Москве по улице, там сидел один блаженный, он предсказал мне: "Придёт время, тебя поведут по улице и прикладами будут погонять"". Это сбылось в Гавриловом Посаде. Скудное имущество отца Леонтия было конфисковано и погружено на телегу. Сам же он со связанными руками был за шею привязан к этой телеге, как бессловесное животное. Под издевательства и насмешки толпы батюшку в таком виде отправили в районный отдел НКВД. В ходе допросов отец Леонтий виновным себя в предъявленных преступлениях не признал, и был приговорён к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года. К тому времени у батюшки была обнаружена болезнь сердца, но комиссия признала его годным к физическому труду. Заключение отец Леонтий отбывал в Карагандинских лагерях, работая при санчасти печником.

Зимой 1935 года на перроне железнодорожного вокзала города Иваново был собран целый этап заключённых, среди них находилось много священников; все были обриты и острижены. Несмотря на это отцы узнавали друг друга и прямо здесь на перроне, запели громко, во весь голос молитву "Царю Небесный". Они пели так вдохновенно и красиво, что народ вокруг плакал. Охрана грубо прекратила пение, и в наказание вагоны с заключёнными были загнаны в тупик. Стоял сильный мороз, от которого в несколько дней погибли многие ссыльные. Только в одном вагоне, в котором находился отец Леонтий, все остались живы. Батюшка призвал всех заключённых ночью класть земные поклоны с Иисусовой молитвой и потому никто из них не замёрз.

В лагере отца Леонтия, как священника, пытались "перевоспитать". Однажды в пасхальную ночь охранники потребовали, чтобы батюшка отрёкся от Бога. Он отказался это сделать. Тогда коммунисты привязали его к верёвке и с головой опустили в уборную. Через некоторое время поднимают его и кричат: "Отрекаешься?", а он им - "Христос воскресе, ребята". Так долго издавались над ним, но отречься от Бога заставить не смогли.

Батюшка как-то рассказывал: "...часто нам не давали по целым ночам спать. Только ляжешь, - кричать: "Подъём, на улицу строиться", - а на улице холодно и дождь. Начинают мучить: "лечь, встать, лечь, встать", - а падаешь прямо в грязь, в лужу. Скомандуют отбой, только начнёшь согреваться и опять кричать: "Подъём, строиться" И такая процедура до утра, а утром на тяжёлую работу".

Когда отцу Леонтию жаловались на скорби, то он говорил: "Это не скорби, а мы, бывало, в тюрьме откушаем, а нас выведут, поставят в ряд и говорят: "Сейчас будем расстреливать". Прицелятся уже, попугают, а потом опять в казарму гонять".

Все тюремные скорби батюшка переносил с большим терпением. В конце 1938 года отец Леонтий был освобождён и вернулся в Суздаль, где жил в домике по улице Ленина, 139. В храмах, насколько известно, он не служил, но часто ходил по деревням Суздальского и Гаврилово-Посадского районов, совершая требы. Иногда он приезжал в посёлок Нерль Тейковского района, где на дому у своих духовных чад совершал богослужения.

При этом батюшка весьма критически относился к властям и к священникам, которые служили ей "не за страх, а за совесть". Так один из таких священников-наемников города Гаврилов Посад сообщал: "В марте месяце 1944 года бывший священник, проживающий в селе Весь Суздальского района мне рассказывал, что Стасевич с ним в беседе обвиняет теперешнее руководство и лично меня за то, что мы якобы работаем не на благо укрепления православной веры и церкви, а в угоду большевикам, что он, как истовый пастырь, этого никогда делать не будет, какая бы ему опасность не угрожала. В 1943 году в религиозный праздник "Троицу" Стасевич по вопросу открытия храмов сказал: "Прежде, чем говорить об открытии церквей вновь, надо товарищам коммунистам вывезти из церквей навоз, что только благодаря коммунистам произошло такое осквернение Православных храмов. Сейчас они под давлением союзников хотят исправить и сгладить свою ошибку, но всё равно, это ненадолго. Большевики будут допускать некоторые послабления до тех пор, пока им выгодно, а потом опять нажмут"".

После окончания Великой Отечественной войны положение Русской Православной Церкви изменилось в лучшую сторону. Отцу Леонтию было предложено вернуться к службе, и он согласился.

23 июня 1947 года епископ Ивановский и Кинешемский Михаил вручил отцу Леонтию указ о назначении его настоятелем храма Живоначальной Троицы села Воронцово. 2 мая 1950 года, в 11 часов, после Литургии, батюшка был арестован в третий раз. За три дня до ареста он внезапно начал раздавать духовным чадам и своим прихожанам всё своё имущество, включая келейные иконы. Деньги отец Леонтий раздавал и наличными и отправлял почтовыми переводами. Во время допросов он говорил: "...в своих проповедях при богослужении я призывал верующих, посещающих храм Божий, преданно верить Богу, исполнять все заповеди, регулярно посещать храм". Один из свидетелей по делу показывал при допрос: "Сам Стасевич... служит по монастырскому уставу, старается хранить веру в чистоте и прививать её путём церковных служб и проповедей. Он всегда требует исполнения всех духовных заповедей".

Обвинительное заключение гласило:

"...Обвиняемый Стасевич в течение 47-50 годов, проводя богослужения в церкви в своих проповедях распространял антисоветские измышления о якобы приближающихся "Страшном Суде" и "Кончине мира", истолковывая религиозные писания в антисоветском духе" (сохранена орфография подлинника). Следователь ходатайствовал о том, чтобы отец Леонтий и три его духовных дочери были приговорены к 10 годам лагерей.

Особым совещанием при Министре Госбезопасности СССР это ходатайство было удовлетворено в отношении 66-летнего отца Леонтия. Его же духовные чада, как выходцы из рабоче-крестьянской среды, получили по 8 лет лагерей. Отец Леонтий был отправлен в лагерь Озёрный в Коми АССР.

В лагере батюшке, бывшему в преклонных годах, приходилось трудно, но заключённые, видя святость его жизни и силу веры, уважали старца. Батюшка был посажен в камеру с вором рецидивистом; зайдя в камеру, он сделал земной поклон, а когда пришло начальство с осмотром, то увидели, что вор стоит на коленях и плачет, а батюшка утешает его. Заключённые охотно длились едой и тёплой одеждой с батюшкой, а когда начальство обижало его, то заключённые грозились поднять бунт в лагере.

У начальника лагеря, в котором отбывал заключение отец Леонтий, тяжело заболела дочь. Семьи офицеров жили, видимо, при лагере, в глуши, а лагерный врач даже не мог определить, что это за болезнь. Отец Леонтий увидел девочку и сказал, что в неё вселился

бес. Отчаявшиеся родители обратились к нему за помощью. Отец Леонтий стал усердно молиться за эту девочку, и бес вышел из неё. В благодарность за это начальник лагеря дал ему какие-то послабления в режиме и возможность на Пасху отслужить Литургию. Вскоре отец Леонтий получил освобождение по амнистии.

По возвращении батюшки из заключения новый настоятель села Воронцово встретил его крайне недоброжелательно и даже угрожал устроить ему ещё один арест. И семидесятилетнему старцу опять пришлось искать другое место службы. Около месяца он проживал в Иваново, а 20 июля 1955 года был назначен архиепископом Венедиктом настоятелем храма Михаила Архангела села Михайловского Середского (ныне Фурмановского) района.

В 1960 году отец Леонтий был награждён правом служения Божественной Литургии с открытыми Царскими вратами до Херувимской песни. Летом 1962 года два местных священника в корыстных целях оклеветали батюшку, обвинив его в небрежном отношении к святыням. Владыка, не разобравшись в сути дела, запретил отца Леонтия в служении на месяц. Батюшка много плакал об этом: "Плачу и рыдаю, - говорил он. - Шило в мешке не утаится, всё выйдет наружу, все улетят".

Так оно и получилось. Священник, оклеветавший отца Леонтия, на приходе долго не задержался и вынужден был покинуть его по причине нелюбви к нему прихожан. А через год Владыку Илариона перевели в дальнюю епархии. Покидать Иваново ему пришлось на самолёте. Действительно, "все улетели". Отцу Леонтию было уже 78 лет.

В 1963 году новый Владыка Ивановской епархии Преосвященный Леонид (Лобачев), ознакомившись с положением в епархии, вернул батюшку на прежнее место службы, в село Михайловское.

Но несмотря на то, что к Пасхе 1969 года отец Леонтий Святейшим Патриархом Алексием I был награждён вторым наперсным крестом с украшениями, уже шли разговоры о том, чтобы отправить батюшку за штат. Хотя сам батюшка был преисполнен любви ко всем, находились люди, зло издевавшиеся над телесной немощью старца. Ему подставляли ноги во время каждения храма, несколько раз, якобы ненароком, роняли на него тяжёлые хоругви. Подходя при отпусте ко кресту, некоторые грозили ему, говоря: "Когда ты отсюда уйдёшь?" А отец Леонтий в простоте сердечной в проповеди к народу говорил: "Люди, что вы меня гоните? Вы же всю ночь спите, а я не сплю -молюсь за вас ".

По свидетельству близких людей батюшка не раз говорил, что хотел бы умереть на службе. Последнюю Литургию отец Леонтий отслужил 7 февраля 1972 года в день памяти Святителя Григория Богослова. 8 февраля он сильно ослабел, воздевал вверх руки и радостно говорил: "К Богу идём, к Богу идём". 9 февраля во время чтения часов отца Леонтия причастили Святых Таин на дому. После Литургии все певчие пошли к батюшке и пели для умирающего старца церковные песнопения. В 16 часов душа его отошла ко Господу. На могиле его совершаются многочисленные чудеса, подтверждённые епархиальной комиссией.

Канонизован в 1999-м году как местночтимый святой Ивановской епархии Русской Православной Церкви.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Макарий (Гневушев), епископ Орловский и Севский (память 4 сентября по старому стилю)

Священномученик Макарий (Гневушев), епископ Орловский и Севский родился в 1858 году. Имел высшее богословское образование, служил священником. Он сталь известен как духовный и национальный деятель в бытность Киевским епархиальным миссионером. Поэтому после того, как он овдовел, ему предложили хиротонию в епископа Вяземского, которая и состоялась в январе 1917 года. Прибыв в Вязьму, Владыка поселился в древнем Свято-Духовском монастыре. Однако, уже с мая того же года Святитель по требованию революционных элементов, был отправлен на покой, как "несоответствующий духу времени".

Летом 1918 года в монастырь явился большевицкий отряд и арестовал Святителя. Когда к нему в камеру на следующий день пришёл его келейник, то он видел на лице и теле Владыки следы побоев и издевательств, сам он был острижен, без бороды, в солдатском одеянии. 4 (17 н. ст.) сентября 1918 года Святителя в составе группы из 14-ти человек вывезли в пустынное место под Смоленском и построили спиной к свежевырытой могиле. Убивали по очереди, подходя вплотную и приставляя винтовку ко лбу. Владыка был последний, он молился с чётками в руках и благословил каждого: "С миром отыди". Когда дошла его очередь, у красноармейца дрогнула рука. Увидев страх в глазах палача, Владыка сказал: "Сын мой, да не смущается сердце твоё и Твори волю пославшего тебя". Вскоре этот красноармеец, простой крестьянин, оказался в больнице для душевнобольных. Каждую ночь он видел во сне убитого Святителя, благословляющего его. "Я так понимаю, что убили мы святого человека. Иначе как он мог узнать, что у меня захолонуло сердце? А ведь он узнал и благословил из жалости и теперь из жалости является ко мне, благословляет, как бы говоря, что не сердится. Но я-то знаю, что моему греху нет прощения. Божий свет мне стал не мил, жить я недостоин и не хочу", - так говорил этот несчастный, совершивший убийство Святителя.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Макарий (Смирнов) (память 16 декабря по старому стилю)

Преподобномученик Макарий (в миру Михаил Ефимьевич Смирнов) родился 1 апреля 1877 года в селе Мелехово Санкт-Петербургской губернии в семье крестьян Евфимия и Анны. Родители вместе с сыном часто посещали монастыри, так что у него в конце концов созрело желание оставить мир и поселиться в монастыре. Он окончил Духовную семинарию, принял монашеский постриг с именем Макарий и священнический сан, но в каком году это произошло, нам неизвестно. Монастырь, где он подвизался, просуществовал до 1928 года. После его закрытия о. Макарий служил священником в храме, но в 1933 году власти обложили его непомерными налогами и за их неуплату приговорили к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Выйдя из лагеря, иеромонах Макарий стал служить в храме в селе Красная Поляна, куда он приехал летом 1937 года, незадолго до последнего ареста и мученической кончины.

"Дежурные свидетели", секретарь сельсовета и председатель сельской кооперации, были допрошены 19 декабря 1937 года. Они показали, что священник обратился к прихожанам с просьбой о помощи, сказав: "Помогите, меня задавила советская власть налогами, требуя от меня выплатить тысячу рублей. Если я не уплачу, то меня посадят".

Еще его обвиняли в том, что он говорил верующим, что церковь отдавать не надо, она им самим нужна. Свидетели показали, что, когда в сентябре 1937 года власти все же закрыли храм, священник хлопотал, чтобы люди собирали подписи, препятствуя окончательному его закрытию.

В тот же день о. Макарий был арестован и заключен в тюрьму в Бежецке. Сразу же начались допросы.

- Следствие располагает данными о том, что вы в июле 1937 года в магазине села высказывали антисоветское суждение относительно советской власти. Расскажите по этому вопросу.

- Нет, антисоветского суждения по отношению к советской власти я никогда не высказывал.

- Вы подговаривали верующих, чтобы они восставали против закрытия церкви.

- Нет, это я отрицаю, возможно, они сами организовывались, я этого не знаю, но слышал, что до моего прихода собирали подписи среди верующих о том, чтобы не закрывали церковь.

- Материалами следствия установлено, что вы дискредитировали органы советской власти, при этом наносили оскорбление работникам сельской власти, объясните по этому вопросу.

- Это неверно, я органы советской власти не дискредитировал и работникам сельсовета оскорблений не наносил.

- Скажите, Смирнов, вы призывали граждан к тому, чтобы они призывали окружающее население посещать церковь?

- Нет, это неверно, я один раз после службы просил верующих о том, чтобы они собрали средства для ремонта церкви, а то закроют церковь. Кроме этого, я говорил верующим о том, чтобы они не давали снимать колокола в 1934 году.

- В сентябре вы проводили антисоветскую агитацию против государственного займа. Дайте показания по этому вопросу.

- Нет, против государственного займа я антисоветской агитации не проводил.

- Вы признаете себя виновным в том, что на протяжении ряда лет занимались контрсоветской агитацией среди населения?

- Нет, виновным себя в контрсоветской агитации не признаю.

- Следствием установлено, что вы, собрав верующих, призывали их к тому, чтобы они восставали против закрытия церкви, признаете в этом себя виновным?

- Этого я не признаю, я верующим говорил о том, что нужно ремонтировать церковь, а то ее закроют, антисоветскую агитацию не проводил.

- Вы уличаетесь конкретными фактами в контрреволюционной агитации, признаете ли себя виновным?

- В контрреволюционной агитации виновным себя не признаю. 27 декабря Тройка НКВД приговорила о. Макария к расстрелу. Иеромонах Макарий был расстрелян через день, 29 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Святитель Макарий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Алтая (память 16 февраля по старому стилю)

Святитель Макарий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Алтая (в миру Михаил Андреевич Парвицкий-Невский) родился 1 октября 1835 года на празднование Покрова Божией Матери, в сел Шапкино Владимирской губернии. Отец его, Андрей Иванович, служил причётником сельского храма Рождества Пресвятой Богородицы. С детства мать приучила маленького Михаила к молитве. Любимым чтением юного Михаила были творения святого Тихона Задонского, Ефрема Сирина и житие преподобного Серафима Саровского.

В 1854 году он закончил Семинарию (здесь ему дали фамилию - Невский), и, согласно своему желанию служить делу проповеди Евангелия, поехал в Алтайскую миссию рядовым сотрудником, хотя по блестящим успехам мог бы продолжить обучение в Академии. Образцом миссионерского служения для него стал преподобный архимандрит Макарий (Глухарёв, память 18 мая) основатель Алтайской миссии, о жизни и трудах которого он слышал от очевидцев. Первое время будущий Святитель служил чтецом, преподавал в Катехизаторской школе, сопровождал миссионеров в отдалённые труднодоступные дикие места, изучал алтайский язык.

16 марта 1861 года он принимает монашеский постриг с именем Макария, в честь преподобного Макария Великого. На следующий день его рукополагают в иеродиакона, а 19 марта - в иеромонаха. Теперь начинается его самостоятельное миссионерское служение. Сначала в Чемальском стане, а затем в Чулышмане. Успех проповеди мог быть лишь в том случае, когда народу несли слово Божие на его родном языке. Поэтому отец Макарий в совершенстве овладел алтайским языком и его наречьями. И многие годы он посвящает переводу богослужебных книг на алтайский язык, работая над этим в Санкт-Петербурге и в Казани. В 1875 году отца Макария назначают помощником начальника Алтайской Миссии.

В 1883 году отца Макария возводят в сан епископа Бийского и он становится начальником Алтайской миссии. В этой должности Владыка прослужил восемь лет. За это время число крещёных возросло до 19216 человек (во время основания миссии при преподобном архимандрите Макарии (Глухарёве) число крещёных -675 душ), число приходских храмов - до 49, открыто такое же количество школ и училищ с числом учащихся до 1168 человек.

За 36 лет своего миссионерского служения Владыка Макарий приобрёл всероссийскую известность. В 1891 году его назначают епископом Томским. Владыка Макарий считал, что пастырь должен быть готов "во всякое время износить из сокровищницы души своея для одних утешение, для других - наставление, для третьих - ободрение, а для иных обличение". Он занимался также попечительством: к концу пребывания его на Томской кафедре в Томске было одиннадцать церковно-приходских попечительств, занимавшихся сбором средств для бедных, шесть приютов для детей, ночлежный дом, пять богаделен. За время его служения в епархии было открыто 217 новых приходов, два женских монастыря, 229 церковно-приходских школ, 442 приходских попечительства.

Святитель Макарий предчувствовал грядущая события в России. В одном из своих поучений он говорил: "Мы переживаем смутные времена. Бывали на Руси лихолетия, но тогда было не так худо как теперь. Тогда были все за Бога, все желали знать, что Ему угодно; а теперь не то. Тогда были за Царя. Теперь опять не то. Теперь слышатся голоса хульные на Бога и замыслы против Помазанника Его... В подмётных письмах и листках их мы читаем, что они, как вестники ада, жаждут разрушения, безпорядков... Их желание - всё перевернуть, чтобы голова стала внизу, а ноги наверху; чтобы честный человек ждал милости из рук босяка, которого они хотят сделать раздаятелем награбленного ими...". Владыка предрекал, обличая смутьянов: "Не хотите вы своей Русской власти, так будет же у вас власть иноплеменная".

В Мае 1906 года его возвели в сан архиепископа. А в 1912 году назначили митрополитом Московским и Коломенским и членом Святейшего Синода. В Москве, как и в Томске, Владыка большое внимание уделяет катехизации народа, смело обличает

нравственную распущенность современников, выступает против всего, что подтачивает "твердыню Церкви Божией". Священномученик Арсений (Жадановский) (память 14 сентября) в своих воспоминаниях писал: "Гордой столице не понравилось его простое учительство, его строго церковное патриархальное направление. Отшедшие от веры и доброй нравственности люди считали его за отсталого, неинтересного архиерея, а пастыри, ставившие на первое место не спасение пасомых, а свои личные житейские интересы, не находили себе в митрополите поддержки".

Владыка Макарий известен и как добрый восстановитель мира в афонских спорах об Имени Божием (1912 год). Его совесть не могла мириться с теми грубыми методами, какие были применены к русским имяславцам на Афоне - последователям древнего аскетического учения о внутреннем безмолвии (исихазме). И Святитель в 1914 году создал особую Комиссию при Московской Синодальной Конторе, которая определила учение имяславия Православным, не содержащим ереси и, таким образом, несправедливое решение Святейшего Синода относительно афонских старцев было упразднено. Митрополит Макарий был духовным писателем, имел дар умной сердечной молитвы, был строгий монах и аскет.

В 1917 году, после Февральского переворота в газетах начинается кампания клеветы на Владыку, который остался верен присяге Государю и отказался присягнуть Временному правительству. Его не допустили на Всероссийский собор 1917-18 годов. Святителя принуждают "как несоответствующего духу времени" - под угрозой заключения в Петропавловскую крепость - подать прошение об отставке. Это было явно беззаконное, противоканоническое действие со стороны Временного масонского правительства, так как московские митрополиты, благодаря своему особому статусу, никогда не увольнялись на покой - ни по причине болезни, ни по старости. Кроме того, 82-х летнего старца лишили положенного ему по статусу содержания и права проживания в Троице-Сергиевой Лавре - священноархимандритом которой он был - сослав в Николо-Угрешский монастырь.

Последние годы святой старец, забытый и покинутый почти всеми, находился в параличе, но не потерял способность говорить. Не раз посещал больного Владыку св. Патриарх Тихон, последнее их свидание было в августе 1924 года, оба испросили друг у друга прощение. Священномученик митрополит Пётр, став Патриаршим Местоблюстителем, просил у старца благословения и Владыка с любовью подарил ему свой белый клобук.

Выдающийся Святитель-миссионер, "Апостол Алтая", "Сибирский столп Православия", "живой Русский святой" - так называли его современники - почил 16 февраля 1926 года в посёлке Котельничи Московской области Люберецкого района. В 1957 году его честные нетленные останки были перенесены в Троице-Сергиеву Лавру и захоронены в храме Русских Святых Успенского Собора.

Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Архиерейском Соборе в августе 2000 года. Включен в Собор Московских святых (память в воскресенье перед 26 августа по старому стилю).

Священномученик Марк (Новоселов), епископ Сергиевский (память 4 января по старому стилю)

Священномученик Марк, епископ Сергиевский (в миру Новосёлов Михаил Александрович), родился в июне 1864-го года в селе Бабье Домославской волости Вышневолоцкаго уезда Тверской губернии в дворянской семье. Отец его был директором гимназии. В 1886-м году Михаил окончил историко-филологический факультет Московского университета. До 1892 года он находился под идеологическим влиянием Л. Н. Толстого. Но затем порывает с ним и возглавляет издание "Религиозно-философской библиотеки", в которой предоставляет возможность печататься талантливым русскими мыслителям.

В 1912-м году за заслуги в деле духовного просвещения и христианской апологетики Михаил Александрович был избран почётным членом Московской Духовной Академии. На него оказало большое влияние учение имяславцев и он пишет ряд работ в защиту древнего учения об имени Божием, исповедуемого изгнанными за это Синодом с Афона монахами. После 1916 года он занимает профессорскую кафедру классической филологии в Московском Университете. В 1918-м году Новосёлов участвует в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви по отделу о духовно-учебных заведениях.

В 1920-м году Михаил Александрович принимает монашеский постриг с именем Марк, а с 1922 года входит в "Братство ревнителей Православия". В 1922-м году после обыска в его квартире отец Марк перешел на нелегальное положение и переехал в Вышний Волочёк. В 1923-мъ году он был тайно хиротонисан священномучениками: архиепископом Феодором (Поздеевским), епископами Арсением (Жадановским) и Серафимом (Звездинским) - во епископа Сергиевскаго1.

С 1922 по 1927-й годы Владыка написал 20 открытых "Писем к друзьям", в одном из которых так характеризовал курс митрополита Сергия (Страгородскаго), после появления в 1927 году его "Декларации": "... нас постигло в истекшем году испытание, значительно, можно сказать - несравненно тягчайшее: накренился и повис над бездной весь церковный корабль. Небывалое искушение подкралось к чадам Церкви Божией. Новыя сети раскинул князь Мира сего - и уже уловил множество душ человеческих". В 1927-м году последовал непродолжительный арест Владыки. С 1928 года он является одним из главных руководителей и идеологов иосифлянского движения, занимая крайне жесткую позицию, доходившую до отрицания благодатности таинств у подчинившихся митрополиту Сергию. Владыка был сторонником перехода иосифлян на тайное, катакомбное служение. Сам он много ездит по стране, разъясняя на приходах современное церковное положение. Он подолгу жил в северной столице, был близок с протоиереем Феодором Андреевым (память 10 мая), этим "адамантом Православия", и вместе с ним составил обращение Заместителю Местоблюстителя - митрополиту Сергия - с предложением ему изменить курс церковной политики.

В марте 1929 года Святитель был арестован в Москве как "руководитель антисоветских церковников, ведущий их к переходу на нелегальное положение, распространяющий своеобразные циркуляры идеологического антисоветского характера с призывом к "мученичеству"".

На допросах Владыка подтвердил, что при безбожной власти единственным выходом для Православной Церкви является "пассивное мученичество, но никак не активное сопротивление советской власти". Его приговорили к трём годам заключения, которое отбывал сначала в Суздальском политизоляторе, а затем в Бутырской тюрьме. По делу Всесоюзного Центра "Истинное Православие" ОГПУ вменило Владыке в вину решающую

роль в идеологическом объединении антисергианского духовенства. В 1930-м году он был вывезен в Москву для допросов. Его срок был продлён до 8-ми лет, которые он провёл в Ярославском политизоляторе. В феврале 1937 года следует новое продление срока - ещё на три года. Святителя переводят в Вологодскую тюрьму, где по постановлению УНКВД предположительно 4 (17 н. ст.) января 1938 года Владыка был расстрелян.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских (как мирянин) на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

---

1 По сведениям некоторых архивных источников на протоколах допросов Новосёлова приписано сверху его мирского имени рукою следователя: "Епископ Марк". Кроме этого, в деле Всесоюзного Центра "Истинное Православие" есть неподтверждённые данные о том, что Новосёлов был хиротонисан во епископа в 1928-м году архиепископом Димитрием (Любимовым) и епископом Сергием (Дружининым). Новому- ченики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославлен- ные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Блаженная Матрона Анемнясевская, исповедница (память 16 июля по старому стилю)

Матрена Григорьевна Белякова, известная среди своих многочисленных почитателей под именем Матреши, родилась 6 ноября 1864 года в деревне Анемнясево Касимовского уезда Рязанской губернии. В этой деревне и суждено было Матреше безвыходно провести почти всю свою страдальческую жизнь.

Родители ее Григорий и Евдокия были едва ли не самыми бедными людьми в деревне и кое-как вели свое крестьянское хозяйство. По внешнему своему виду они были хилыми, тщедушными людьми и казались какими-то недоразвитыми. Отец много пил и слыл в деревне пьяницей. У них было большое семейство - шесть дочерей и два сына. Три сестры умерли в детстве; Матреша была четвертою по счету.

До семи лет Матреша была обычным нормальным ребенком; как и все дети ее возраста, гуляла и играла со своими сверстницами и подружками.

С самого раннего детства родители почему-то невзлюбили ее - и отец и мать.

Нерадостна была жизнь ребенка в родной семье, где ей, больше чем кому-нибудь из братьев и сестер, приходилось терпеть обиды, ругань, побои; но еще большие страдания ждали девочку в дальнейшем.

В семилетнем возрасте Матреша заболела оспой, все, тело покрылось нарывами. "Мать не лечила меня, - вспоминает Матреша, - и не молилась за меня Богу. Лежала я на печке, где было много всякого сора, поэтому мать меня всю вымыла, после чего все тело мое распухло, я ослепла и долго проболела..."

После этой болезни девочка поправилась, но уже навсегда осталась слепою. Теперь на ее обязанности было нянчить своих младших сестренок и братьев.

Тяжело было слепой девочке справляться с этим делом.

- Слепая я ходила три года, - рассказывала Матреша, - нянчила своих сестренок; особенно тяжело было мне нянчить сестренку, которой было уже полтора года, я все

роняла ее, а мать за это меня очень била, а я все роняла... Однажды, когда мне уже было десять лет, я нянчила по обыкновению сестренку, а мать ушла на речку. Каким-то образом нечаянно я уронила сестренку с крыльца на землю, страшно испугалась, заплакала и сама со страха прыгнула за ней туда же. В этот момент как раз подошла мать, она схватила меня и начала бить. Так она меня била, так била, - вспоминает Матреша, - что мне очень тяжело и трудно стало, и мне привиделось в этот момент: я увидела Царицу Небесную. Я сказала об этом матери, а она меня опять стала бить. Так видение повторилось три раза, и я все говорила об этом матери, а мать после каждого раза все больше и больше била меня.

Во время последнего видения Царица Небесная дала мне утешительную записочку, - говорила Матреша, но что это за записочка и что в ней записано, она не сказала.

- После этого кое-как залезла я на печку и пролежала до утра. Утром зовут меня есть блины, а я встать не могу, ноги не ходят, руки как изломанные, все тело болит. И вот с тех пор я не могла ни ходить, ни сидеть, а только лежала...

С этого времени началась для Матреши более тяжелая жизнь. Слепая изувеченная девочка навсегда лишилась возможности ходить и что-либо делать. Она стала совершенно беспомощной, могла только лежать и уже не вставала с кровати во всю свою дальнейшую жизнь. Это была жизнь мученицы, пригвожденной к одру.

Сколько в течение своей жизни вытерпела Матреша обид и горя, сказать мудрено, но она терпеливо несла свой тяжелый крест, дарованный ей Богом.

Рассказывая эти факты, Матреша все время оговаривалась.

-Боюсь я, - говорила она, - что это грешно. Не прогневить бы мне Господа Бога. Про мать-то так рассказывать, грех-то какой... Жизнь-то моя горькая, ужасная такая; все лила я слезы, да и грешно сказать-то, все от родительницы, от матери...

- Много слез ты пролила в жизни-то?

- Ох, много. Если бы собрать, то большие ушаты набрались бы...

Так лежала Матреша в родительском доме до 17 лет, терпеливо перенося всякие скорби и обиды и только в молитве находя себе утешение и отраду.

- С семнадцати лет, - говорит Матреша, - ко мне стал ходить народ.

Односельчане знали о страдальческой жизни девушки и относились к ней с чувством благоговейного уважения.

Первым за помощью пришел к Матреше крестьянин ее же деревни, по специальности пильщик.

- Матреша, - сказал он, - вот уж как ты лежишь несколько лет, ты небось Богу-то угодна. У меня спина болит и я пилить не могу. Потрогай-ка спину-то, может быть, и пройдет от тебя. Чего мне делать-то, лечился - доктора не помогают.

Матреша исполнила его просьбу - боли в спине, действительно, прекратились, и он встал на работу.

С тех пор все больше и больше стали к ней люди ходить со своими нуждами, скорбями и болезнями. С течением времени эти посещения приняли характер настоящего паломничества: к Матреше шли не только жители окрестных мест, но жители и дальних, и иногда и самых отдаленных мест нашего Отечества. Причем шли они беспрерывным потоком на протяжении более чем пятидесяти лет в количестве нескольких десятков, а иногда и сотен ежедневно.

Когда умерли родители, хозяином остался брат ее Сергей. Но жить с братом было не легче, и Матреша перешла на жилье вместе со своей сестрой, девицей Дарьей, в небольшой собственный домик, построенный ей ее почитателями.

По-видимому, здесь она должна была бы чувствовать себя хорошо, так всем и казалось со стороны, но в действительности этого не было. Сестра смотрела на нее исключительно как на средство дохода: ничего ей не давала и отбирала все, что ей приносили. Вся забота ее сводилась к тому, чтобы как можно больше собрать этих приношений.

- Мне было невыносимо тяжело, - говорила Матреша о своей жизни с сестрою. Она решила перейти к племяннику. Сестра, узнав об этом, страшно рассердилась и, желая как

можно больше принести огорчений Матреше и отомстить ей, подала на нее в суд и отняла у нее ее домик.

Племянник ее, Матвей Сергеевич, к которому перешла на жительство Матреша, был очень религиозным и добрым человеком, он с детства относился к Матреше с благоговением, уважал и любил ее. Не менее мужа уважала и любила, Матрешу и жена племянника Ирина Федоровна. Она очень усердно ухаживала за Матрешей и всеми мерами старалась облегчить ее тяжелое положение.

Но здесь огорчения ждали Матрешу с другой стороны. У Матвея Сергеевича подросли дети, их товарищи-односельчане стали смеяться над ними, дразнить их: вот, к Матреше пошли, лепешек понесли! Эти насмешки тяжело переживались молодыми людьми. Но особенно тяжело это было для самой Матреши. Она мучилась и глубоко скорбела, что за нее и через нее эти ни в чем не повинные люди должны были переносить иногда очень тяжелые для них насмешки и оскорбления. Особенно насмешки эти усилились в революционные годы в связи с антирелигиозным движением.

Матреша обычно лежала в небольшой отдельной комнатке крестьянской избы, в маленькой детской кроватке, которая всегда завешивалась пологом. Летом, когда в избе становилось душно, ее обычно выносили в сени, и там лежала она до зимы. Сама она никогда не просила, чтобы ее перенесли в избу, и терпеливо переносила осеннюю стужу и холод. Родные же, за исключением племянника, не обращали на нее внимания и переносили ее в избу только тогда, когда уже видели, что в сенях лежать более было невозможно.

- Однажды, - вспоминает Матреша, - в октябре месяце я лежала в сенях, ночью был сильный дождик. Вода через крышу полилась на меня, и я промокла до нитки. К утру случился мороз, я страшно озябла, и одежда вся на мне оледенела. Утром сестра увидела это, сжалилась и перенесла меня в избу, за что я ей благодарна.

Часто в осенние холода приходящие удивлялись ее терпению и спрашивали:

- Матреша, да тебе холодно?

- Да нет, тепло, - обычно отвечала она в таких случаях, - посмотри, вот какая я горячая.

При этом она давала свою руку, и рука была действительно горячая. По внешнему своему виду Матреша была настолько мала, что казалась десятилетним ребенком. Ее платьице, подаренное ею одной из своих почитательниц, закрывавшее ее совсем с ногами, по длине своей равнялось только 91 сантиметру. Очевидно, с десятилетнего возраста, с тех пор, когда она лишилась возможности ходить, тело ее не росло и навсегда осталось таким, каким было у десятилетней девочки. Она имела возможность переворачиваться с бока на бок, шевелить ручками и брать небольшие предметы. Она легко и свободно разговаривала и пела священные песнопения удивительно чистым и звонким детским голосом. "Голосок у нее, как колокольчик", - говорили слышавшие ее пение.

Бог дал ей силу достигнуть не только личного высокого духовного совершенства, но и сделаться центром и источником религиозно-нравственной жизни для многих и многих верующих, которые шли к ней со своими сомнениями, нуждами, скорбями и болезнями и получали у нее то, что нужно для их духовного роста, для их духовного руководства на трудном и тяжелом пути человеческой жизни.

Во время бесед со своими посетителями она часто читала вслух различные молитвы, подходящие по своему содержанию к данному случаю. Иногда читала целые акафисты, читала быстро, уверенно, громким голосом. Иногда пела церковные песнопения, совершенно правильно выдерживая особенности гласов и распевов.

На вопрос одного из удивленных посетителей, спросившего, как это она, будучи слепой, знает наизусть даже целые акафисты, Матреша ответила, что "придет добрый человек и прочитает что-нибудь, я и запомню с Божией помощью".

Особенно важной считала Матреша молитву об умерших.

Матреша часто причащалась Святых Христовых Таин, каждый месяц обязательно. С этою целью она приглашала к себе своего духовника - приходского священника, и день

принятия Святых Таин бывал для нее самым, радостным днем. Пять раз в течение своей жизни она соборовалась.

Особенно строго соблюдала Матреша посты. С семнадцати лет она не ела мяса. Кроме среды и пятницы соблюдала такой же пост по понедельникам. В церковные посты почти ничего не ела или ела очень мало.

Очень уважала Матреша духовенство и к каждому священнику всегда и неизменно относилась с глубоким благоговением. Не признавала только батюшек-обновленцев. Одного из своих приходских священников, перешедшего в обновленчество, называла "наш Петруша".

Особенно же Матреша любила монахинь и вообще девиц. Монахинь ставила выше всех мирских, все им прощала, бывала с ними, как ребенок: беседовала с ними, забывая все, в большой радости, с необыкновенною ласкою и участием.

Из святых мест с наибольшим благоговением Матреша относилась к Иерусалиму, к монастырям Дивеевскому и Саровскому. Она говорила о них с особенным умилением и любовью.

Эта высокая религиозно-нравственная настроенность Матреши, эта способность подняться выше граней нашей обычной человеческой жизни, способность жить духовной жизнью, жить в Боге и для Бога создавалась на протяжении многих лет путем долгих усилий, путем тяжелой внутренней борьбы, постоянной и напряженной работы над собою. И Матреша не скрыла в себе этот великий дар Божий, не утаила его от людей и щедро делилась им со всеми, кто к ней приходил.

Вереницы людей тянулись ежедневно к Матреше не только из ближайших окрестностей, но и из всех мест и уголков нашей обширной Родины. В ее убогой комнатке нередко можно было встретить паломников из Москвы, с Крайнего Севера, Юга, из далекой Сибири.

Многие, не имея возможности побывать у Матреши лично, присылали ей письма с просьбой помолиться за них или передавали такие же просьбы через своих знаковых, и такие просьбы никогда не оставались тщетными.

Матреша своим внутренним, духовным взором как бы насквозь видела каждого из своих посетителей и каждому давала то, что для него нужно, полезно, необходимо в зависимости от его настроенности, его духовных немощей и нужд, в зависимости от условий и обстоятельств, среди которых ему приходится жить.

Одних она учила и наставляла, других обличала и раскрывала им их грехи и пороки, третьих ободряла и утешала в тяжелых обстоятельствах жизни, четвертых предупреждала, указывая последствия их ошибочного пути, стремлений и намерений, пятых исцеляла от болезней, и всех вместе старалась направить на путь истинной, богоугодной христианской жизни.

Своих посетителей Матреша учила тому, как надо жить, чтобы помнить о будущей жизни, чтобы к ней готовиться, а не привязываться к земному. Учила жить "по-Божьи": исполнять закон Божий, молиться Богу, любить Бога и на Него только надеяться. Твердо и безропотно нести свой жизненный крест, ниспосланный Богом, - вот основная мысль ее бесед и наставлений.

В своих беседах с посетителями Матреша очень часто приводила тексты из Священного Писания Нового и Ветхого Заветов, и особенно много из Евангелия. Часто ссылалась на факты и события из Священной Истории, полагая их в основу своих наставлений и научений.

Молиться советовала различно, каждому сообразно с его положением.

Но особенно высоко ставила Матреша молитву в церкви, настаивала на том, чтобы каждый обязательно и при всяком удобном случае ходил в церковь.

Всякий, кто ленится ходить в церковь и молиться, ссылается на недосуг и разные дела, такой человек говорит она, хватится потом, да будет поздно. Ведь неизвестно, когда Страшный Суд, а нас, нерадивых рабов, не добудишься, страховая труба только разбудит.

Матреша, как будто видя человека насквозь, обычно указывала самое его больное место, требующее врачевания, и тем заставляла его осознать свою болезнь, о существовании которой он до сих пор, может быть, и не подозревал, встать на путь исправления. При этом Матреша указывала именно только на один порок, одну болезнь, заставляя тем человека сосредоточить свое внимание на одном недостатке, а не расплываться во многих направлениях, что затрудняет борьбу с собою и не всегда приводит к желательным результатам.

В тех же случаях, когда человек страдал несколькими болезнями, Матреша раскрывала их ему не сразу, а постепенно, через известный промежуток времени, и тем стремилась с необходимой постепенностью вести человека по пути исправления.

Многие из почитателей Матреши на себе испытали это систематическое благодатное ее руководство и потому старались возможно чаще пользоваться ее советами и наставлениями, прибегая к ней в минуты сомнений, несчастий и скорбей душевных, в те тяжелые минуты, когда колеблется почва под ногами и человек, чувствуя свое бессилие, сильнее нуждается в твердой опоре, твердом руководстве духовном.

К концу жизни о житейских делах Матреша говорила едко и неохотно, можно сказать, только в исключительных случаях. Но о жизни духовной, о жизни религиозно-нравственной, тем более о будущей жизни она готова была говорить день и ночь. Очень охотно, с любовью принимала таких людей, которые шли к ней с запросами духовного порядка, интересы которых сосредотачиваются не здесь, на земле, а там, на небе, на будущей загробной жизни.

Она много говорила о тяжести жизни, о страданиях, о том, что необходимо терпеть все, что посылает Господь. С благодарностью нести крест, данный Богом каждому из нас, и во всех случаях жизни прибегать к Богу с молитвой.

- Самим ничего не делать, а всегда прибегать к Господу, Он все видит и знает... Сам Господь терпел, и нам нужно терпеть, сколько кому Господь пошлет. Трудна жизнь, трудна; помоги, Господи, крест понести. От креста-то своего никуда не убежишь; как ни трудно, а надо его нести. Мученики, святые страдали, томились в темницах, всякие мучения претерпевали. Они молились Господу, и Господь терпенье посылал. Пошли и нам, Господи, терпение, помоги крест понести...

О последних днях и кончине блаженной Матроны известно следующее.

Летом 1935 года в Белькове было заведено дело "попов Правдолюбовых и больного выродка Матрены Беляковой". Началось оно с доноса одного жителя города Касимова на священника Николая Правдолюбова в связи с рукописной книгой, собранной и написанной им и его братом и приготовленной к печати. Были арестованы 10 человек (хотя должны были быть арестованы 12). Одна женщина умерла, получив повестку с требованием явиться в Отделение НКВД города Касимова. По списку должна была быть арестована и блаженная Матрона. Все арестованные были уже отправлены в Рязань и Москву, а Матрону боялись трогать.

Наконец было собрано колхозное собрание, на котором постановили "изъять" Матрону Григорьевну Белякову как "вредного элемента". Из 300 жителей села подписались 24 активиста.

После отправки заключенных в Рязань была послана машина и за блаженной Матроной.

Подъехали к ее дому днем, не таясь. Вошли. Тут их охватил страх, подойти боялись. По долгу службы подошел председатель сельсовета и, преодолевая страх, поднял Матренушку с ее дощатой постели. Матрона закричала тоненьким голоском. Народ оцепенел...

Про московский период жизни блаженной Матроны имеются скудные сведения. В Москве она прожила почти год. Предположительно, она была заключена в Бутырскую тюрьму. Но пробыла она там недолго, потому что сделалась объектом почитания всех, без исключения, заключенных, которые начали петь акафисты и молиться. Ее должны были

куда-то деть. Убить боялись, а отправить в лагерь не позволял пример тюремного молитвенного подъема заключенных.

По другим данным, безнадежно болевшая мать следователя, ведшего дело блаженной Матроны, получила исцеление от Матроны, и следователь сумел освободить ее как больную и умирающую. Он поместил ее в тогдашний дом престарелых и увечных больных - хронически больных.

Документально засвидетельствовано, что блаженная Матрона умерла от сердечной недостаточности 16/29 июля 1936 года в Доме хроников имени Радищева в Москве, недалеко от храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине.

Мученик Михаил (Арефьев) (память 10 ноября по старому стилю)

Мученик Михаил (Михаил Павлович Арефьев) родился 27 июня 1865 года в городе Калуге. До 1917 года Михаил Павлович был приказчиком и доверенным лицом одного из калужских фабрикантов. Будучи глубоко верующим человеком, он в 1928 году вошел в состав церковного совета Одигитриевской церкви в Калуге. В октябре 1937 года власти арестовали его. На допросах Михаил Павлович не признал себя виновным в возводимых на него обвинениях.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Августина (Беляева), архимандрита Иоанникия (Дмитриева), протоиерея Иоанна Сперанского, псаломщиков Алексея Горбачева, Аполлона Бабичева и члена церковного совета Михаила Арефьева к расстрелу, они были расстреляны 23 ноября 1937 года и погребены в общей безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Михаил (Белюстин) (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Михаил родился 1 марта 1881 года в городе Твери в семье чиновника Тверской консистории Николая Белюстина. Окончил Тверскую Духовную семинарию. Служил в селе Котово Молоковского района. В 1931 году переехал в Сонковский район и стал служить в храме погоста Сабурова.

После того как власти объявили начало гонений, ОГПУ стало собирать сведения о священнослужителях. Уполномоченный ОГПУ по Сонковскому району вызывал к себе тех, кто мог дать соответствующие показания об о. Михаиле. Но получить их было нелегко, мало кто соглашался дать показания, порочащие священника. 6 апреля 1933 года уполномоченный ОГПУ допросил колхозного бригадира. Он показал: "С политической

стороны Белюстина могу охарактеризовать следующим образом: элемент, настроенный антисоветски, но осторожно высказывающий свои антисоветские взгляды, так, например, осенью 1932 года по просьбе матери я приглашал священника Белюстина для исполнения религиозного обряда "причастья". Белюстин пришел ко мне и сказал: "Вот смотри, до чего довели ваши колхозы, у мужика последний хлеб и картошку отбирают". Указать еще что-либо в отношении Белюстина не могу, так как в обыденной жизни с ним сталкиваться приходится редко, даже можно сказать, что совсем не приходится".

В тот же день вызвали женщину, о которой знали, что она приглашала к себе о. Михаила отпеть мужа. Она показала: "В конце февраля месяца у меня помер муж, по которому я справила небольшие поминки, приглашены были близкие родственники и лица, рывшие могилу, всего было человек восемь-девять, впоследствии пришел на поминки и священник Белюстин. Среди лиц, рывших могилу, был Марахонов, гражданин деревни Сабурово, имущество у которого все описано и предназначено к продаже, за что не знаю. Среди присутствующих было много разговоров, всех припомнить не могу. Но священник Белюстин что-то говорил о перемене власти. В разговоре с Марахоновым говорил что-то ему о возврате имущества, но точно не помню доподлинные его слова. В части священника Белюстина указать ничего не могу, так как с ним никакой связи не имею".

В тот же день о. Михаил был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. 9 апреля следователь допросил священника, который, отвечая на вопросы, сказал:

- В деревне Сабурово существует правило приглашать священника на поминки, и в первых числах марта я был на поминках в деревне Сабурово у гражданки Горячевой, где были ее родственники. Каких-либо разговоров про политику советской власти и правильность ее проведения я ни с кем не имел ни при каких обстоятельствах.

На следующий день районный уполномоченный ОГПУ составил обвинительное заключение, и дело было передано на рассмотрение Тройки ОГПУ, которая 26 апреля вынесла постановление: заключить священника в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года. Отец Михаил был выслан в Саровские лагеря.

В 1935 году он освободился из лагеря и по благословению святого архиепископа Тверского Фаддея поехал в Сонково, где храм в погосте Прилуки был в то время без священника. В ноябре 1936 года, несмотря начавшуюся государственную кампанию, направленную на закрытие храмов, о. Михаилу удалось перерегистрировать православную общину погоста Прилуки и прилегающих к нему деревень - Гладышево, Синяево, Прибериха, Григорьевка, Сносы, Моисеиха, Селы.

Начавшееся в 1937 году новое гонение не обошло никого, кроме тех, кто открыто служил безбожникам, и предателей-обновленцев. 12 ноября о. Михаил был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. Были вызваны дежурные свидетели", которые подписали все, что от них требовал следователь. 20 ноября следователь НКВД допросил о. Михаила.

- Вам предъявляется обвинение в систематической контрреволюционной агитации, направленной на срыв колхозного строительства. Подтверждаете ли вы это?

- Нет, не подтверждаю. Антисоветской агитации я не вел.

- В сентябре сего года вы среди колхозников распространяли провокационные слухи о войне и падении советской власти. Подтверждаете ли это?

- Нет, не подтверждаю. Антисоветской агитации я не вел.

- 14 октября сего года вы восхваляли врагов народа - Троцкого, Бухарина и других.

- Врагов народа я не восхвалял. Все факты предъявленного мне обвинения в контрреволюционной деятельности отрицаю.

25 ноября Тройка НКВД приговорила о. Михаила к расстрелу. Священник Михаил Белюстин был расстрелян 27 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Михаил (Богородский) (память 4 сентября по старому стилю)

Священномученик Михаил родился 19 сентября 1878 года в селе Молоково Тверской губернии. Его отец, Николай Богородский, был письмоводителем в имении помещика. По окончании Тверской Духовной семинарии Михаил Николаевич был рукоположен в сан священника и служил в храмах Тверской епархии. За безупречное исполнение пастырских обязанностей в апреле 1922 года о. Михаил был награжден Святейшим Патриархом Тихоном наперсным крестом и саном протоиерея.

Безбожное государство беспощадно боролось с Церковью, обвиняя одних священнослужителей и православных мирян в политических преступлениях против государства, других - в неуплате непомерно высоких налогов. Любой представитель властей от любого священника мог потребовать заплатить огромную сумму. И поскольку чаще всего этих денег взять было неоткуда, то священника арестовывали, рассчитывая при этом закрыть и храм.

Ревностная деятельность о. Михаила вскоре была замечена властями, и в январе 1930 года он был арестован и обвинен в том, что "в декабре 1929 года уклонился от выполнения вторичных заданий по хлебозаготовкам, установленных для него комиссией содействия по хлебозаготовкам". Суд приговорил священника к одному году лишения свободы и штрафу в размере четырёх тысяч рублей. Но поскольку таких средств у него не было, не в силах он был выплатить и меньшую сумму налога, то суд постановил описать его имущество. Причем, желая отнять у прихожан добросовестного и уважаемого ими пастыря, суд постановил: "Ввиду его социальной опасности для данной местности, применить к нему ссылку из пределов Московской области1 сроком на пять лет с обязательным поселением в отдалённых местностях, установленных НКЮ и НКВД".

Через год о. Михаил был освобожден и вернулся в Тверскую епархию. По благословению архиепископа Тверского священномученика Фаддея он был направлен служить в Скорбященский храм села Селец Максатихинского района с назначением быть благочинным 11-го благочиннического округа. За ревностное пастырское служение протоиерей Михаил в апреле 1932 года был награжден палицею.

Как многие священники, побывавшие в заключении, о. Михаил держался осторожно, воздерживаясь говорить на политические темы. Но когда началось новое гонение на Православную Церковь, никакое благоразумие не могло оградить от ареста. Сотрудники НКВД вызвали запуганных лжесвидетелей, и хотя те не могли сказать об о. Михаиле ничего порочащего, но все, что они говорили, оформлялось как ценные свидетельства. "В последних числах июля 1937 года возле церковной ограды при встрече с отцом Михаилом на мой вопрос, как живется, отец Михаил Богородский ответил: "Живу ничего. Верующих увеличивается, тяга к церкви все больше и больше"". Эти сведения позволили следователю написать впоследствии, что контрреволюционная деятельность священника подтверждается свидетельскими показаниями и другими данными. В качестве свидетеля вызвали одного из жителей дома, где поселился о. Михаил, который показал, что тот говорил: "До революции было к священникам уважение, новая конституция дает возможность церковного служения, дает права священнику как и остальным членам общества, и он, о. Михаил, никогда не бросит священническое служение".

8 августа 1937 года власти арестовали о. Михаила. При обыске забрали церковные документы, обратив особенное внимание на то, что ему благословляется быть духовником благочиния для духовенства и членов их семей. Поэтому первый вопрос сразу же после

ареста священника был - какую организационную работу поручает о. Михаилу архиепископ Фаддей. - В 1933-36-м годах я вел учет и исповедь духовенства и их семей в своем благочинии, - ответил священник.

- Следствию известно, что вы по возвращении из ссылки вели контрреволюционную и антисоветскую агитацию.

- Контрреволюционной и антисоветской работы я нигде и никогда не вел. Я иногда говорил, что раньше было уважение к нам, священникам, а сейчас смеются и презирают.

- Следствию известно, что вы критиковали сводки о событиях в Испании, опубликованные в "Правде", доказывая, что они неправильны, так как освещаются только потери мятежников.

- По этому вопросу я ничего не могу сказать, но ход событий в Испании мне известен, так как я регулярно читаю газету "Правда".

На этом допрос был окончен. 13 сентября Тройка НКВД приговорила о. Михаила к расстрелу. Протоиерей Михаил Богородский был расстрелян через несколько дней, 17 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

---

1 В то время село, где в храме служил о. Михаил, находилось в Московской области, сейчас это Тверская область. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученик Михаил (Косухин) (память 31 августа по старому стилю)

Священномученик Михаил родился 7 января 1858 года в селе Яренском Калязинского уезда Тверской губернии в семье священника Алексея Косухина. Окончил Московскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. В храм села Дымцево Максатихинского уезда он был назначен в 1907 году и прослужил здесь до своего ареста.

В тридцатых годах из родных у него остались братья, один из которых жил в Польше, другой - священствовал в Тверской области, и дочь-девица, которая и помогала престарелому отцу. До 1929 года о. Михаил имел хозяйство, состоявшее из лошади, коровы, трех десятин земли и пятидесяти семей пчел, но в том году все хозяйство и имущество было изъято, дом был отобран, и они с дочерью поселились в церковной сторожке. Самого священника власти тогда не арестовали и не выслали, полагая, что поскольку священнику уже за семьдесят лет, то он сам вскоре умрет или не в силах будет служить, и тогда храм все равно будет закрыт.

Этого, однако, не случилось - священник служил и служил, а его преклонный возраст и близость смерти придавали ему еще более решимости и дерзновения. И он не упускал ни одной возможности для проповеди. За эту ревность по Богу и о спасении душ

вверенного ему Господом словесного стада прихожане любили его и готовы были всегда прийти к нему на помощь.

Власти, видя решимость и непреклонность священника, начали его преследовать. Пользуясь тем, что церковная сторожка, где жил о. Михаил, стояла за пределами церковной ограды, районный и областной исполкомы постановили выселить священника, отобрать у храма здание сторожки для размещения в нем ветеринарной лечебницы. Председатель Дымцевского сельсовета стал требовать, чтобы священник ушел из сторожки, он приходил к нему с этим требованием неоднократно, но о. Михаил всякий раз отвечал, что ни при каких обстоятельствах не покинет церковного здания.

Тогда в воскресенье 25 марта 1936 года председатель сельсовета велел выставить рамы в сторожке, и так как в это время на улице было еще очень холодно, то он надеялся, что священник сам уйдет из дома. Но этого не случилось. В тот же день о. Михаил после воскресного богослужения и проповеди сказал, что поскольку сельсовет вынул у него в доме рамы, то он обращается к прихожанам, чтобы они просили власти вернуть ему рамы, так как на дворе еще холодно. В храме в это время присутствовало около ста пятидесяти человек, и все они прямо из храма пошли к сельсовету. Председатель, напуганный идущей к сельсовету толпой, запер все двери и спрятался. Люди, найдя все двери запертыми, стали ходить вокруг дома, и, зная, что председатель сельсовета находится внутри, кричали ему, чтобы он возвратил оконные рамы, но тот никаких признаков жизни из дома не подавал, и прихожанам пришлось в конце концов разойтись.

Рамы не были возвращены, но о. Михаил не ушел из церковной сторожки; прихожанам он говорил: "Я из дома никуда не пойду, я стар и ничего не боюсь". Выселить его из церковной сторожки насильно местные власти не посмели, и он с тем же бесстрашием продолжал служить и проповедовать. К Пасхе того же года за исправную службу он был награжден иереем наперсным крестом.

Только через год, при наступлении повсеместных гонений, о. Михаил был арестован и заключен в Бежецкую тюрьму. Незадолго перед этим священнику исполнилось семьдесят девять лет; он тяжело болел и в течение нескольких месяцев не вставал с постели, передвигался только с помощью дочери. Приехавшие сотрудники НКВД, подняв за руки и за ноги, забросили его в машину и увезли в тюрьму. Вызванный для медицинского освидетельствования врач поставил диагноз: миокардит, и как следствие - отечность ног; полное отсутствие зубов, старческая дряхлость. К физическому труду тюремный врач признал его непригодным. Начались допросы.

- Какие проповеди и наставления вы давали верующим, касающиеся советской власти? -Я верующим проповедовал часто, но о советской власти и политике ничего не говорил.

- В марте месяце сего года вы проводили антисоветскую агитацию среди верующих и организовали массовое выступление верующих с требованием к сельсовету возвращения вам дома. Подтверждаете это? - 25 марта я действительно проповедовал в церкви, а после службы я верующим сказал, что сельсовет у меня вынул рамы из дома, я просил их, чтобы они пошли и попросили сельсовет вернуть мне рамы, так как время было еще холодное. Верующие, которые присутствовали в церкви, а их присутствовало примерно 100-150 человек, все пошли требовать рамы у председателя сельсовета, но рамы сельсовет не вернул.

- Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении о проведении вами контрреволюционной деятельности?

- В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

- Вы отрицаете свою преступность в проведении контрреволюционной деятельности, но следствием и свидетельскими показаниями точно установлено, что вы проводили контрреволюционную деятельность; требуем правдивых показаний.

- Повторяю, что контрреволюционной деятельности я не проводил, а проповеди верующим говорил...

2 августа следствие было закончено, и дело направлено на рассмотрение Тройки НКВД, которая 10 августа приговорила священника Михаила Косухина к расстрелу.

В результате ли действий следователя Голофаста, который допрашивал о. Михаила, или тяжелых условий содержания в переполненной камере тюрьмы, но у священника оказалось сломанным левое бедро, он не мог ходить и не смог бы добраться до места расстрела. 16 августа по распоряжению администрации тюрьмы о. Михаил был переведен в Бежецкую городскую больницу, где прожил, приговоренный к расстрелу, 29 дней и 13 сентября 1937 года скончался.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Михаил (Люберцев) (память 22 августа по старому стилю)

Священномученик Михаил родился 21 октября 1883 года в городе Осташкове в семье портного Сергея Люберцева. Окончил духовное училище и с 1901 по 1907 год был учителем в 4-й приходской школе в родном городе. Решив избрать для себя новое, сугубо церковное поприще, он в 1907 году поступил псаломщиком в Преображенскую церковь города Осташкова.

В 1912 году Михаил Сергеевич был рукоположен в сан диакона к одному из храмов города Старицы и прослужил здесь до 1918 года, когда, вернувшись в Осташков, стал служить в Знаменском монастыре. Нападение большевиков на Нилову пустынь, изъятие церковных ценностей из храмов Осташкова - все эти события прошли перед глазами диакона Михаила.

В конце двадцатых годов усилилось гонение на Православную Церковь. В 1931 году ОГПУ арестовало епископа Великолукского Тихона (Рождественского) и вместе с ним духовенство Великих Лук, Торопца, Осташкова, насельников Ниловой пустыни, многих монахинь и послушниц, всего - сто девяносто одного человека: девяносто девять священноиноков и монахов, двадцать пять - белых священников и диаконов и шестьдесят семь мирян - из крестьян, офицеров царской армии и дворян. Диакона Михаила арестовали 19 марта 1931 года. Арестованных обвиняли в том, что они, вопреки распоряжению советских властей, закрывших все монастыри в области, организовали нелегальный монастырь, который высоким идеалом христианского подвига стал привлекать многих мирян, а также и в том, что они организовали кружки для школьников для изучения Закона Божьего, создали сестричества, которые действовали в Великих Луках, Торопце и Осташкове, причем среди членов сестричеств широко распространялась богословская литература. Желая придать обвинениям политический характер, власти заявили, что их религиозная деятельность привела к развалу колхозов в этих районах.

Диакон Михаил был приговорен к трем годам ссылки в Северный край. Тюремное заключение и ссылка не сломили его дух, но, наоборот, укрепили в нём веру и упование на Бога. Несмотря на то что у него была большая семья - три сына и две дочери (младшим детям было шесть и десять лет), он был полон решимости служить Богу и святой Православной Церкви до конца.

Из ссылки он вернулся в 1934 году и был рукоположен в сан священника к Успенской церкви в селе Щучье Осташковского района, где прослужил до мученической кончины в 1937 году.

Власти пытались ограничить благодатное влияние Церкви только стенами храма, всячески препятствуя священнику ходить с молебнами по дальним деревням своего прихода, исповедовать и причащать тех, кто не мог дойти до храма. Однако всех таковых о. Михаил посещал, ходил по деревням с крестными ходами и служил молебны в домах и в полях. Для своих духовных детей, прихожан, он был подлинным пастырем и душепопечительным отцом. Но не желая, чтобы его упрекали в том, что он действует, не попытавшись получить разрешение исполкома, он шел испрашивать его к властям, но почти всегда получал отказ.

18 июня верующие одной из деревень прихода обратились в сельсовет за разрешением на службу молебнов в их домах и на крестный ход с иконами в день Троицы. Сельсовет в этой просьбе верующих отказал. 22 июля о. Михаила вызвали в правление колхоза, где председатель сельсовета в присутствии колхозников стал предлагать священнику подписаться на заём.

- Подписаться на заём - это дело хорошее, - ответил священник. - Но вот мне хлеба в кооперативном магазине не продают. Мне не разрешают ходить по приходу с молебнами. А кроме того, я и так плачу очень большой налог... Но все же, я подпишусь на заём, но с условием, если вы мне разрешите совершать богослужения в домах. Например, 2 августа, на Ильин день, в деревне Лукьянове.

- Хорошо, - ответил председатель сельсовета, - пусть желающие граждане подадут по этому вопросу заявление, и сельсовет его разберет.

В тот же вечер о. Михаил позвал к себе одного из членов двадцатки и сказал:

- Представляется возможность снова просить о разрешении служить молебны по домам и о крестном ходе с иконами на Ильин день, но для этого нужно, чтобы верующие подали заявление в сельсовет. Когда придешь в сельсовет, то скажи, что если они разрешат служение молебнов, то все верующие подпишутся на заём.

Заявление было написано, подписи собраны, и все документы поданы уже на следующий день, 23 июля, но сельсовет в просьбе отказал. На другой день сотрудник НКВД подал документы на арест священника. В них он писал: "Являясь контрреволюционно настроенным, Люберцев проводил контрреволюционную агитацию, направленную к срыву проводимых мероприятий в деревне, выступил с агитацией против займа, агитируя колхозников подписываться на заём в том случае, если сельский совет разрешит совершать богослужение с хождением с иконами по деревням".

В тот же день о. Михаил был арестован и заключен в Осташковскую тюрьму. В качестве вещественных доказательств его преступлений из его дома были взяты книга сочинений святого праведного Иоанна Кронштадтского и двенадцать иллюстраций к Священной истории.

На следующий день следователь НКВД допросил священника. Отец Михаил держался в тюрьме и на допросах бесстрашно и свободно и на вопрос следователя, признает ли он себя виновным, ответил, что никоим образом не признает. Был вызван один из членов сельсовета, который показал: "Мне известно, что Люберцев говорил, что нужно добиться, чтобы сельсовет считался с верующими и что верующие должны крепко стоять за веру". Вызвали члена двадцатки, ходившего в сельсовет, который сказал: "Люберцев часто призывал верующих стоять за веру и защищать Церковь от нападок. По вопросу о положении с колхозами Люберцев часто говорил, что не надо терпеть и ждать, когда изменится жизнь к лучшему. Помню, что однажды, примерно в конце апреля месяца сего года, перед Пасхой, на заданный Люберцеву вопрос о войне, он пояснил, что война скоро будет, а кто победит - фашисты или СССР, сказать трудно, так как победа СССР над фашистами будет зависеть от того, как крестьяне пойдут защищать СССР".

Один из колхозников, вызванный на допрос, показал: "В июне месяце стояла большая засуха и не было дождя. Люберцев стал вести работу среди верующих, обрабатывая их в контрреволюционном духе и заявляя, что нужно добиться разрешения организовать по деревням ход с иконами и просить Господа Бога, как говорил Люберцев, о послании дождя. Сельсовет, конечно, в этом отказал. Тогда Люберцев повел контрреволюционную агитацию, говоря, что нет дождя потому, что прогневали Господа Бога, и что за попирание веры будут все жестоко наказаны. Помню, что мне пришлось случайно услышать, как Люберцев среди верующих по вопросу о войне говорил, что скоро будет война и что в этой войне много погибнет людей".

31 августа Тройка НКВД приговорила о. Михаила к расстрелу. Священник Михаил Люберцев был расстрелян 4 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Михаил (Накаряков) (память 22 июля по старому стилю)

Священник Михаил Накаряков родился в 1866 году; служил в Преображенской церкви села Усолье неподалеку от города Соликамска1. В храме о. Михаил был третьим священником; прихожане больше других любили его, особенно за милосердие и нестяжательность. Если нужно было что попросить, то всегда просили у о. Михаила. Кроме служб в храме, он преподавал Закон Божий в церковно-приходской школе, преподавал с любовью и благоговением к предмету. Когда собирались пожертвования в храме на подарки детям из бедных семей, то сборщики сначала подходили к о. Михаилу, зная, что он даст больше всех, а после него другим будет неловко пожертвовать меньше, и скуповатый настоятель храма, хотя и был недоволен щедростью о. Михаила, но уже сам давал столько же. На Пасху о. Михаил обходил дома бедняков и раздавал деньги, иной раз говоря: "это на обувь", "это на подарки детям".

В июне 1918 года после ареста архиепископа Андроника священники Пермской епархии перестали служить. Таково было распоряжение владыки, отданное им еще до ареста: если власти арестуют кого-либо из священнослужителей, перестать служить всем, пока не отпустят; и народу так объяснить - чтобы требовали освобождения священника. Священники прекратили служить. Вместе со всеми перестал служить о. Михаил. Власти, опасаясь народного возмущения, стали вызывать священников в ЧК, чтобы заставить их исполнять требы. Был вызван и о. Михаил. В ответ на угрозы он сказал:

- Я клятву давал перед крестом при рукоположении - подчиняться своему архиерею. И пока он не отдаст распоряжения - венчать, отпевать - я служить не буду. Вы его отпустите, и тогда я буду совершать требы.

Через несколько дней о. Михаил был арестован и отправлен в тюрьму Соликамска.

Под Ильин день епископ Феофан (Ильминский) за всенощной просил прихожан усердно молиться об о. Михаиле, так как тому грозил расстрел. Весь народ молился о нем, многие плакали, после всенощной прихожане выбрали представителей для переговоров с властями. Они предложили местным властям отпустить о. Михаила под залог; те отказали: "Он слишком популярен, собрал вокруг себя народ, его слишком многие слушаются". Тем временем было решено его убить, но чтобы избежать народного возмущения, объявили, что священника Михаила Накарякова отправят на принудительные работы в Чердынь. Некоторые солдаты стражи были из местных

крестьян, они хорошо знали о. Михаила и раскрыли обман. В те дни священник находился в тюрьме на Усолке. 3 августа отсюда взяли на расстрел троих заключенных - врача, офицера и о. Михаила; к каждому арестованному приставлено было по два конвоира; они, помогая священнику забраться на телегу, заговорили с ним вполголоса:

- Батюшка, мы тебя везем расстреливать, а нам тебя жалко. Мы все помним тебя, ты нас учил, помогал семьям. Не можем мы тебя убить. Мы будем стрелять в воздух, а ты падай, а то иначе тебя застрелим, а мы этого не хотим.

- Нет уж, что распорядились делать со мной ваши начальники, то и делайте, - сказал священник.

Приехали на место казни в лес. Врач и офицер были сразу расстреляны: конвоиры повели о. Михаила в глубь леса и стали стрелять поверх головы. Священник стоял напротив красноармейцев, когда-то своих прихожан, и молчал. Тогда один из конвоиров подошел к о. Михаилу вплотную и с такой силой ударил его прикладом, что священник потерял сознание. Очнувшись, он увидел: смеркается, какие-то впереди тени мелькают. Он пошел прямо на них и натолкнулся на трупы врача и офицера, а неподалеку красноармейцы усаживались на телегу. Священник стал читать отходную молитву.

- А поп-то еще жив, - сказал один из них и в темноте несколько раз выстрелил наугад.

Пули попали в правую руку, в левую ногу и в грудь священника.

На следующий день красноармейцев послали закапывать трупы. Подъезжают и видят - о. Михаил сидит на пне.

- Батюшка, ты разве жив? Как же мы будем тебя живым закапывать? Ну, ладно, может, обойдется, повезем тебя отсюда.

Выкопали могилу, засыпали землей тела расстрелянных, посадили о. Михаила на телегу и повезли. Но везти через села священника, приговоренного к расстрелу и не расстрелянного, истекающего кровью, было опасно, и, желая от него поскорее избавиться, красноармейцы спросили:

- Батюшка, скажи, куда тебя спрятать?

- Вы меня не прячьте, - спокойно ответил тот.

Тем временем въехали в село, стали спрашивать жителей, кто бы приютил священника. Но ужас от деятельности карательных большевистских отрядов столь был велик, что никто из крестьян не решился предоставить приют раненому. Поехали к дому приходского священника, но тот, увидев издалека красноармейцев и раненого священника, замахал руками, делая знаки, чтобы они скорее проезжали мимо. Просили конвоиры, чтобы кто-нибудь из жителей хотя бы перевязал раны. Но то ли жестокосердный все попадался народ, который, как зачарованный, не мог очнуться от ужаса какой наводили повсюду большевики, то ли неверующий, а может быть не верили в искренность красноармейцев, но только никто не согласился предоставить священнику кров и перевязать раны. Поехали дальше. В соседней деревне женщина напоила о. Михаила парным молоком, но приютить отказалась, и конвой повез его дальше, и так привезли обратно в тюрьму. В камеру его поместили вместе с белым офицером Пономаревым, и священник рассказал ему обо всем, что с ним произошло, и добавил:

- Знай, что если будут меня забирать и будут говорить, что на работу - это значит поведут на расстрел.

Действительно, на следующий день тюремная стража объявила о. Михаилу и офицеру, чтобы собирались на работу. Памятуя слова священника, Пономарев приготовился к худшему. Их вывели во двор. Один из конвоиров ударил священника прикладом по голове - легонько, второй стукнул с другой стороны, и так били по очереди, пока не убили.

Поглощенные убийством о. Михаила палачи забыли об офицере. Он тем временем перебрался через забор, бросился в реку и спрятался за сваей моста. Обнаружив его отсутствие, стража кинулась на поиски, но они ни к чему не привели. Пономарев видел, как красноармейцы приволокли тело священника на берег реки, привязали к нему большой камень, раскачали и бросили в воду.

На следующий день женщины пришли на берег полоскать белье. На середине реки, крестообразно раскинув руки, с крестом на груди лежал замученный накануне священник. Женщины подняли крик, отовсюду стал сбегаться народ, и известие быстро дошло до чекистов. К реке подогнали лошадь, красноармейцы выловили из воды тело священника, положили на телегу и повезли из города. Чудо было явное, и за неходко катившейся телегой пошла толпа народа. Красноармейцы пытались отогнать народ то руганью, то угрозами, но это не помогло, и они стали стрелять поверх голов, но люди продолжали идти. Выстрелили по толпе, некоторых ранили, и тогда только остановили народ.

Жена о. Михаила приехала домой в Усолье в трауре; ее стали навещать прихожане и спрашивать:

- Родная матушка, где же наш батюшка? Где наш кормилец? Что с ним?

Она подробно обо всем рассказала. Через несколько дней представители властей предупредили ее: если будешь о своем муже рассказывать, сама туда же пойдешь.

Епископ Феофан отслужил по о. Михаилу всенощную, поминая его на службе священномучеником, о котором не только мы молимся, сказал владыка, но и он молится о нас перед Богом. После всенощной он позвал сына о. Михаила - Николая, служившего диаконом в Троицком храме в Перми, и сказал:

- В память твоего отца-мученика будешь рукоположен в сан священника. Иди вслед за отцом.

После рукоположения о. Николай служил в селе Кольцове. Часто по церковным делам он бывал в Перми, куда переехали его мать и сестры. В одну из таких поездок село Кольцово захватили красные.

- Где поп? С белыми удрал? - спрашивали они прихожан.

- Нет, он поехал в Пермь по церковным делам, - пытались их убедить прихожане.

- Нет, удрал! - настаивали красноармейцы.

Видя, что большевики твердо решили арестовать священника, прихожане отправили доверенного человека в Пермь предупредить о. Николая, чтобы он не возвращался в село, так как красные собираются его расстрелять и дом его уже разграблен.

Для о. Николая это известие оказалось большим потрясением. Утром он пошел в храм и, остановившись среди народа, долго со слезами молился. После службы к нему подошла монахиня и спросила:

- Батюшка, о чем вы плачете?

Ему было тогда двадцать четыре года, выглядел он моложе своих лет, и ей было странно, о чем может так горько плакать молодой священник.

- Да как же мне не плакать? Приехал я в Пермь по церковным делам и тут узнаю, что дом мой в селе отобрали, имущество разграбили и меня хотят расстрелять.

Монахиня предложила о. Николаю поехать вместе с ней в Бахаревский монастырь, в это время оставшийся без священника. Он согласился. Игумения монастыря, мать Глафира, нашла для него и его семьи квартиру, собрали необходимую одежду, отыскали, чем квартиру обставить. Место о. Николаю понравилось, и он начал служить.

В Успенский пост 1919 года священник ехал из Перми в монастырь, путь лежал через лес. Здесь навстречу ему вышли два красноармейца.

- А, поп, выходи из телеги, - остановили они его. - Мы тебя сейчас расстреляем.

Молча о. Николай вышел, они стали напротив, вскинули винтовки, чтобы стрелять, и один из красноармейцев сказал:

- Нет, садись на телегу, езжай, не надо нам тебя.

Молча о. Николай сел в телегу, поехал. Потрясение было, однако, столь сильным, что, приехав в монастырь, он тяжело заболел. Болезнь развивалась стремительно, сопровождаясь сильными головными болями. На третий день по приезде в монастырь он скончался.

После мученической кончины о. Михаила власти долго преследовали его семью, лишали продуктовых карточек, не допускали детей учиться в школе, но семья молитвами

мученика жила безбедно. Господь не оставлял их. Бывало, кто-нибудь из детей или матушка выйдет утром из дома, а на пороге - пакет с едой, припорошенный снегом, с запиской.

Некоторые прихожане поминали о. Михаила как мученика и обращались к нему в своих молитвах. Один из учеников приходской школы, где преподавал о. Михаил, стал священником, был во время гонений арестован, и в заключении, видя неминуемое приближение смерти, стал усердно молиться мученику, чтобы сподобил Господь пережить заключение и выйти на волю. И Господь молитвами священномученика Михаила исполнил его просьбу: он дожил до конца срока и еще долго прослужил потом в храме.

Брат жены о. Михаила, священник Павел Конюхов, служил после смерти своего отца, протоиерея Василия, в Троицкой церкви. При храме он организовал школу для детей из бедных семей, кто не мог отдать своих детей в гимназию. Кроме других учителей, в школе преподавали сам о. Павел и его жена Елизавета, учившая детей рукоделию и церковному пению. Местные жители так и называли - школа о. Павла. Образование в ней давалось такое, чтобы выпускники могли работать учителями. После революции школа была закрыта, но храм продолжал служить.

Арестовали о. Павла в 1935 году. Формальным поводом для ареста послужил донос, что священник помянул за литургией убиенного Императора Николая с супругой. Вместе с о. Павлом были арестованы священники Алексей Дроздов, Петр Козельский, Феодор Долгих и миряне Панкратов и Лаптев. Все они скончались в заключении. Одна из сестер о. Павла была замужем за священником Сергием Баженовым, который служил под Екатеринбургом и здесь был замучен большевиками.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного

---

1 Отец Михаил был женат на дочери протоиерея Василия Конюхова, который служил в Троицкой церкви в Перми. Отец Василий был первым священником и настоятелем Троицкого храма, а сын его, Павел, последним, и при нем, в 1935 году, храм был закрыт. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученик Михаил (Некрасов) (память 14 ноября по старому стилю)

О иных наших мучениках остались в качестве свидетельства об их подвиге только драгоценные мученические акты: анкета, заполненная следователем при аресте, листы допроса, неправедный приговор и документ о расстреле. Одним из таких мучеников был священник Михаил Некрасов.

Священномученик Михаил родился 1 ноября 1883 года в селе Сергино Старицкого уезда Тверской губернии в семье церковнослужителя Алексея Некрасова - священника, диакона или псаломщика, мы не знаем. Михаил Алексеевич окончил два класса Старицкого духовного училища; 12 февраля 1908 года он был рукоположен в сан диакона

ко храму села Алферьева Старицкого уезда, а затем в сан священника и служил в селах Тверской епархии.

В 1929 году ГПУ начало кампанию против крестьянства и Православной Церкви. 10 февраля 1930 года священник был арестован, приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь и отправлен на Беломорско-Балтийский канал. 25 октября 1932 года о. Михаил был освобожден и вернулся в Тверскую епархию. В 1934 году он получил место священника в храме в селе Дегунино Старицкого района. Отец Михаил был ревностным пастырем и часто обходил по деревням своих прихожан. Когда началось новое гонение на Православную Церковь, имевшее целью едва ли не полное ее уничтожение, о. Михаил 15 ноября 1937 года был арестован и заключен во Ржевскую тюрьму. Следствие продолжалось три дня. Обвинительные материалы против священника отсутствовали, и были вызваны двое крестьян того же села, которые подписали составленный следователем протокол допроса. Получив подписи под нужными ему протоколами, следователь на третий день вызвал на допрос священника, требуя от него признания в антигосударственной деятельности.

- Следствие располагает данными о том, что, будучи враждебно настроены, вы систематически проводили контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию советского правительства. Признаете себя виновным в этом?

- Нет, виновным себя не признаю, контрреволюционную агитацию я не проводил.

- Следствием установлено, что вы в августе месяце сего года возле церкви дискредитировали среди населения конституцию СССР и вождей советского правительства. Признаете себя в этом виновным?

- Нет, виновным себя не признаю и повторяю, что контрреволюционную агитацию не проводил.

- Вы не хотите дать правдивые показания, хотя следствием установлено, что вы систематически проводили контрреволюционную агитацию, что подтверждено свидетельскими показаниями.

- Снова заявляю, что контрреволюционную агитацию я не проводил, виновным себя не признаю и показать больше ничего не могу.

- Следствие располагает данными, что вы имеете тесную связь с благочинным Соколовым, через которого получаете контрреволюционные установки, направленные на срыв мероприятий партии и правительства. Вы признаете это?

- Благочинного Соколова я знаю хорошо, за последнее время я дважды посещал его квартиру, но никаких контрреволюционных установок не получал и виновным себя не признаю.

На этом следствие было закончено, оставалось ждать решения Тройки НКВД. 25 ноября священник Михаил Некрасов был приговорен к расстрелу и через день, 27 ноября 1937 года, расстрелян.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Михаил (Скобелев) (память 18 сентября по старому стилю)

Священномученик Михаил родился 14 ноября 1887 года в селе Бикалиха Тверской губернии в семье благочестивых крестьян Степана и Евдокии Скобелевых. Сердце

верующего человека открыто свету просвещения, и родители Михаила, постаравшись дать ему хорошее образование, отдали его в учительскую школу в Новгороде. После ее окончания он решил избрать путь служения святой Православной Церкви. В 1910 году Михаил Степанович был рукоположен в сан диакона ко храму в селе Рамешки, с которым оказалась связана впоследствии вся его жизнь и исповеднический подвиг.

В начале 1918 года обозначилось с определенностью, что наступила эпоха гонений, конца которым не было видно, эпоха небывалая для Русской Православной Церкви. И вот, когда многие и многие уже приняли мученическую кончину и земля обильно обагрилась кровью священномучеников и мучеников, диакон Михаил в 1925 году принял рукоположение в сан священника ко храму, где пятнадцать лет прослужил диаконом.

В самом начале очередного этапа гонений, в 1929 году, о. Михаил был арестован, обвинен в неуплате налогов и приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь и к пяти годам ссылки. Жестокие условия лагеря и ссылки не сломили волю священника, и в 1935 году он вернулся служить в свой храм в село Рамешки.

И сразу же начались преследования. Власти, не имея против священника обвинений политических, потребовали от него уплаты непосильного налога, чтобы затем за невыполнение его арестовать. В 1936 году они ему дали задание - заготовить корм для скота, и норму дали заведомо такую, чтобы священник не справился с ней, но затем заменили задание выплатой денег на заем. Отец Михаил не в силах был уплатить и этих денег, он обратился на службе к прихожанам с просьбой помочь ему: "Прошла одна буря, Бог заступился за нас, и власти сняли задание по корью, но после тихой погоды снова наступает буря, с которой, я думаю, мы как-нибудь справимся и соберем деньги на заем".

Противостоя безудержной пропаганде безбожия, о. Михаил в проповеди на Рождество Христово в начале 1937 года призвал прихожан не верить богохульникам, которые говорят, что нет Бога, а между тем сами летосчисление ведут от Рождества Христова. Эти слова впоследствии были выставлены как доказательство тяжелейшего преступления священника против властей.

В 1937 году власти стали активнее искать повод к закрытию храма. Одним из таких поводов, которым пользовались почти все руководители сельсоветов и райисполкомов, - было закрытие храмов под предлогом аварийного состояния здания и необходимости ремонта. Когда в июне 1937 года такое предложение возникло и относительно рамешковской церкви, прихожане отправились в райисполком отстаивать храм. Власти уступили, но 17 июля арестовали о. Михаила, и тогда под предлогом отсутствия священника храм был закрыт.

Сразу же после ареста он был препровожден в Тверскую тюрьму и здесь жестоко допрошен.

- Вы обвиняетесь в систематической антисоветской агитации, направленной на подрыв существующего строя. Признаете ли себя в этом виновным? - спросил следователь.

- Виновным себя не признаю, - ответил о. Михаил.

- Ваши показания ложны, следствие от вас требует правдивых показаний о вашей антисоветской агитации.

- Никакой агитации я не вел и виновным себя не признаю.

По-видимому, следователем были применены к священнику пытки, которые сделали невозможным дальнейший допрос, но когда о. Михаил пришел в себя, допрос был продолжен.

- Ваши предыдущие показания ложны, следствие располагает материалами о вашей антисоветской агитации и требует правдивых показаний о вашей контрреволюционной работе. Признаете ли себя виновным?

- Антисоветской агитации я никакой не вел и виновным себя не признаю.

- Ваши показания неверны, так как 28 ноября 1935 года, во время исповеди, вы вели агитацию против колхозов, призывая колхозников выходить из колхозов. Признаете ли себя виновным?

- Среди верующих на исповеди я никакой агитации против колхозов не вел и виновным себя не признаю. - В этот день среди исповедавшихся граждан вы вели пораженческую антисоветскую агитацию против существующего строя и его руководителей. Признаете ли себя виновным?

- Таких слов я среди исповедавшихся у меня граждан не говорил и в антисоветской агитации виновным себя не признаю.

- 5 июля 1936 года вы в церкви говорили проповедь, в которой выражали антисоветские взгляды против заготовок и займа. Признаете ли себя виновным?

- Агитации против заготовок и займа не вел и виновным себя не признаю.

- В конце 1936 года вы дискредитировали как центральные, так и областные и районные газеты, называя их ложью. Признаете ли себя в этом виновным?

- В дискредитации газет виновным себя не признаю.

- 7 января 1937 года вы сказали антисоветскую проповедь, в которой дискредитировали районных руководителей, существующий строй и его руководителей. Признаете ли себя виновным?

- Антисоветских проповедей я не говорил и виновным себя не признаю.

- В начале 1937 года, в связи с событиями в Испании, вы вели пораженческую антисоветскую агитацию против народного фронта Испании и против советского правительства. Признаете ли в этом себя виновным?

- Я вообще никакой антисоветской агитации не вел и виновным себя не признаю.

- Ваши показания ложны, вы изобличаетесь свидетельскими показаниями, дайте следствию правдивые показания.

- Антисоветской агитации не вел, виновным себя не признаю и больше показать ничего не могу.

27 сентября Тройка НКВД приговорила о. Михаила к расстрелу. Священник Михаил Скобелев был расстрелян 1 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученики иереи Михаил Пятаев и Иоанн Куминов (память 15 февраля по старому стилю)

Священномученики иереи Михаил Пятаев и Иоанн Куминов приняли священный сан в годы гонения на Православную Церковь. Их не устрашило, что на их глазах безбожные власти жестоко расправлялись с верующими. Отец Михаил служил в Омском кафедральном соборе в 1917-1918 годы. У него была многочисленная семья из 8-ми детей. После ареста священномученика епископа Сильвестра (Ольшевского), батюшку отправили в сельский приход Новосибирской области. Его духовный авторитет был так велик, что к нему ходили люди из 30-ти окрестных сёл и деревень, несмотря на то, что там были свои храмы. Это раздражало безбожную власть.

Первый раз его арестовали в 1929 году. Освобождению батюшки помог его старый знакомый, который вместе с ним учился в Москве и к тому времени работал в МУРе. Он предложил ему оставить служение в Церкви и идти работать учителем, чтобы можно было содержать большую семью, но батюшка ответил: "Я пастырь, служу Богу, моя семья не пропадёт", и не прекратил служения.

19 января 1930 года батюшку арестовали вновь, а 20-го числа состоялся суд. По приговору тройки ГПУ 15 (28 н. ст.) февраля 1930 года батюшка вместе с иереем Иоанном

Куминовым был расстрелян в город Каинск (ныне Куйбышево, Новосибирской области). На допросе ему опять предлагали отречься от веры и идти работать учителем, но он не принял этого. Последнее слово его было: "Верить в Бога - это есть людям радость и счастье. Это не значит, что я совершаю преступление".

В то время составлялись планы по уничтожению лучших русских людей, и по России запланировано было в эти дни расстрелять 24 тысячи 300 человек. С 1 января по 2 марта 1930 года было расстреляно 28 тысяч 700 человек, в число этих мучеников попал и отец Михаил. На фотокарточке батюшки, полученной его дочерью из архива КГБ, значится номер 28337.

Священномученики иереи Михаил Пятаев и Иоанн Куминов канонизованы как местночтимые святые Омской епархии в 1999 году.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик иеромонах Нифонт (Выблов) (память 10 ноября по старому стилю)

Иеромонах Нифонт родился в 1882 году в городе Ейске в семье небогатого крестьянина Григория Выблова. Когда ему исполнилось десять лет, родители отдали его учиться в двухклассную сельскую школу в городе Ейске, которую он окончил в 1894 году. Затем он стал помогать по хозяйству отцу. Отец его умер, когда юноше исполнилось семнадцать лет, и с этого времени они остались хозяйствовать вдвоем с младшим братом. В 1913 году он уехал в село Подлесное Хвалынского уезда Саратовской губернии к известному в этих местах миссионеру иеромонаху Антонию (Винникову), который заведовал миссионерской школой. Пробыв некоторое время в миссионерской школе у иеромонаха Антония и утвердившись в решении вступить на новый путь, он поступил в мужской монастырь в городе Хвалынске, где вскоре был пострижен в монашество с именем Нифонт и хиротонисан в сан иеромонаха. В 1925 году епископ Вольский назначил служить иеромонаха Нифонта в храм в село Березовый хутор, где он прослужил до дня своего ареста.

28 декабря 1930 года местное отделение ОГПУ, поставившее своей целью закрытие всех храмов в районе, направило двух милиционеров в село Березовый хутор для ареста священника. Приехав в село, они увидели, что в храме идет богослужение. Тогда они направились в дом священника, чтобы там дождаться его возвращения из храма. В нетерпении они несколько раз посылали сотрудников сельсовета узнать, когда же наконец закончится служба, о чем всем в селе стало известно, как и о предстоящем аресте священника. По окончании литургии было совершено отпевание покойника, гроб с его телом священник проводил на кладбище. Домой отец Нифонт и приехавший к нему в гости его духовный отец, иеромонах Антоний (Винников), бывший с ним в храме, пришли около двух часов дня. По их приходе был произведен обыск, а затем иеромонахов вывели из дома и велели садиться на подводу. К этому времени около дома священника собралась толпа числом около сорока человек, в основном женщин. Они стали требовать освобождения священнослужителей. Тогда милиционеры вытащили оружие и под угрозой стрельбы заставили священников сесть на телегу. Люди закричали, что власти учиняют разбой, и потребовали освободить ни в чем не повинных пастырей. Тогда милиционеры стали переписывать тех из присутствующих, кто вел себя наиболее активно, и угрожать им арестом. Был послан гонец в соседнее село за милицейским подкреплением. Все это принудило верующих отступить, и арестованные священники были увезены в тюрьму в

город Сызрань. Однако, арестовав иеромонаха Нифонта, ОГПУ не смогло выдвинуть против него никаких обвинений. Сотрудник местного ОГПУ написал: "Связь с местными кулаками не установлена, но те обстоятельства, что к нему ежедневно носили хлеб и молоко, и больше всего приносили зажиточные, и даже дочь выселенного в Северный край кулака Татьяна Шуракина прислуживала ему, пекла хлеб и стирала белье, - заставляют думать, что поп Выблов имел связь с кулацкой частью села..."

Допрошенный следователем, иеромонах Нифонт виновным себя не признал; об иеромонахе Антонии, арестованном вместе с ним, сказал, что знает его по монастырю в Хвалынске с юности и неоднократно ездил к нему в Хвалынск в последнее время, чтобы исповедаться. В последний раз они вместе вернулись из Хвалынска в село Березовый хутор, где и были арестованы.

Иеромонах Нифонт скончался 30 августа 1931 года в половине десятого утра в Сызранской тюрьме.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученики, исповедники и подвижники благочестия Нижегородские

Архиепископ Иоаким (в миру Иоанн Иоакимович Левицкий), сын причетника Киевской епархии, родился в 1853 году. Образование получил в Киевской Духовной академии. В 1879 году был назначен преподавателем в Рижскую духовную семинарию, в 1880 году рукоположен в сан священника к Рижскому кафедральному собору. Овдовев, он принял в 1893 году монашество и в 1896 году был хиротонисан во епископа Балтского, викария Каменец-Подольской епархии. В 1903 году преосвященный Иоаким был назначен епископом Оренбургским.

Владыка Иоаким был большим покровителем и защитником миссионерского дела в этой епархии. При нем многие иноверцы присоединились к Православной Церкви. В Оренбургской семинарии было введено преподавание татарского языка и изучение мусульманства как обязательного предмета.

Владыка Иоаким изыскал средства на содержание четырех епархиальных миссионеров. Лично он обратил множество сектантов и раскольников в православие и, открывая единоверческие приходы, сам служил в них по старопечатным книгам. В 1905 году в поселке Сухореченском он обратил с помощью местных миссионеров старообрядческого священника о. Савву Сладкого, с которым в единоверие последовало несколько сот семейств.

Благодаря миссионерской деятельности владыки и миссионера о. Ксенофонта Крючкова в Уральской области на протяжении семисот верст (от пределов Оренбургской губернии до Каспийского моря) было построено более пятидесяти единоверческих храмов и школ. Сотни и тысячи казаков и иногородних обращались в православие на правах единоверия, и епархия ежегодно увеличивалась на десятки новых приходов.

В 1903 году в Тургайскую область началось переселенческое движение из южных областей России. На новых местах не было ни храмов, ни школ, не было священников.

В июне 1906-начале 1907 года епископ Иоаким послал в Тургайскую область двух епархиальных миссионеров, которые лично убедились, что отсутствие храмов породило пленение населения сектами разных толков.

По возвращении миссионеров преосвященный Иоаким составил доклад, по которому Святейший Синод сверх годовой сметы ассигновал пятьдесят тысяч рублей на устройство храмов и школ в Тургайской области. Были экстренно созданы миссионерские курсы в Оренбурге и Кустанае, на которые в течение четырех месяцев подготовлялись кандидаты в священники, главным образом из народных учителей, псаломщиков и диаконов. На средства Синода были построены храмы, школы и больницы, и каждый такой пункт получал священника-учи- теля. Многие пастыри из других уездов сами просились в Тургай, и таким образом в короткий срок вся область покрылась хорошо организованными приходами с ревностными пастырями, везде были заведены вечерние богослужения с беседами священников, стали открываться приходские религиозно-просве- тительские и миссионерские братства.

В 1908 году епископ Иоаким сам объехал область. В каждом поселке его встречали верующие. Сам владыка был глубоким знатоком Священного Писания и незаурядным оратором и в своих поучениях кратко, но сильно и убежденно обличал заблуждения сектантов.

После присоединения к православию сектантского проповедника из поселка Викторовка уже нигде по всей области не наблюдалось отступлений в сектантство. Перешедший из баптизма бывший глава секты по фамилии Простибоженко, знаток пения и регент, вместе со своей многочисленной семьей занял в православной общине видное место как горячий защитник православия. Владыка Иоаким предложил ему принять сан священника, от которого тот по смирению отказался, приняв на себя должность псаломщика, регента и помощника миссионера. По обширности епархия превосходила все другие в России: в нее входили Оренбургская губерния, Тургайская область и земли Уральского казачьего войска. От реки Тобол Челябинского уезда до города Гурьева на Каспийском море по прямой линии было ровно три тысячи верст. И эту огромную территорию владыка Иоаким объезжал ежегодно, иногда посещая места, где архиерея не видели по двадцать пять лет. В своих путешествиях он был неутомим, делая сотни верст на телеге.

Преосвященный Иоаким покровительствовал просвещению, при нем число церковных школ быстро увеличивалось и они процветали. Малоимущих семинаристов владыка одевал с ног до головы из своих средств; рукополагая в священство, снабжал деньгами на обзаведение хозяйством. Это был благодетель, творивший много добрых дел явно и тайно.

В 1909 году владыка был переведен в Нижний Новгород с возведением в сан архиепископа. Нижегородцы сразу полюбили его.

В 1917 году архиепископ уехал на Поместный собор в Москву и в Нижний Новгород уже не вернулся. С Поместного собора он поехал в Крым навестить сына с семьей. Рассказывают, что когда все домашние уехали в гости и архиепископ остался один, явились бандиты, кто именно, осталось неизвестным, и повесили его.

Епископ Неофит (в миру Николай Алексеевич Коробов) родился 15 января 1878 года в селе Новоселове Борисоглебского уезда Ярославской губернии в купеческой семье. Отец вел торговлю мясом и зеленью, был владельцем двух магазинов в Санкт-Петербурге. После окончания гимназии Николай Алексеевич поступил в 1902 году в Валаамский монастырь. В монастыре окончил миссионерско-богословские курсы и в 1906 году был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, в 1910 году рукоположен во иеромонаха. С 1911 года - эконом Финляндского архиерейского дома. С 1919 года - настоятель Борисо-Глебского монастыря. С 1922 года зачислен в братство Покровского Углического монастыря. 25 апреля 1927 года хиротонисан во епископа Городецкого, викария Нижегородского.

После ареста Ветлужского епископа Григория (Козлова) владыка Неофит был переведен в августе 1929 года в Ветлугу.

Красный террор 1918 года коснулся здесь самых богатых и уважаемых людей; их могилы послужили началом нового городского кладбища. В городе было много

монашествующих и блаженных, освятивших его своими молитвами. Епископ Неофит достойно вошел в молитвенный строй последней Ветлужской церкви, ставшей вскоре церковью мученической.

Однажды в одной семье, где было пятеро детей, заболела мать. Болезнь оказалась смертельной. Велико было горе семьи. Муж заболевшей пришел к епископу и попросил помолиться о ней. Мы не знаем, какова была молитва смиренного архипастыря, но за ближайшим богослужением епископ объявил о болезни женщины, призвав всю церковь безотлагательно молиться о ней. И молитва эта была услышана, женщина выздоровела.

Епископ Неофит был нищелюбцем и после каждой службы, выходя из храма, раздавал милостыню. И не было никого среди его многочисленной паствы, кто был бы им обижен или кем бы он пренебрег. В великие праздники он звал нищую и убогую братию к себе на обед. Юродивые и блаженные приходили к нему в любое время.

Будучи ревнителем церковного благочестия, он и паству свою призывал к исполнению церковных правил.

- Я буду отвечать за вас как ваш пастырь, - говорил он в церковных проповедях. - Наступает такое время, когда правил исполнять не будут, но среди вас есть многие незаметные ныне христиане, которые в свое время первыми пойдут мучениками в тюрьму.

Время это неуклонно приближалось. Во время гонений 1930 года власти решили снять с собора Флора и Лавра колокола. Эти колокола были украшением города, ветлужцы почитали их своей святыней. Один был весом в пятьсот шестьдесят пудов с очень мелодичным звоном, слышным за двадцать пять верст.

Со страшным гулом и стоном падал он вниз, под своей тяжестью уйдя в землю. Как живое существо, били и терзали безбожники колокол, пока не разбили его на мелкие части.

Разорителями были приезжие, а из своих - городские пьяницы Николай Галанкин и Анатолий Морозов. Господь не замедлил явить над ними Свой суд. Николай Галанкин вскоре по несчастному случаю убился насмерть, а Морозова разбил паралич, и он неподвижно пролежал сорок лет.

Видя происходящее, томилось и стенало сердце архипастыря. Но он знал, что любое слово протеста приведет к аресту, а колокола все равно снимут. Но не о колоколах поставил его печься Господь, а о душах живых. Конец все равно будет мученическим, а сейчас надо смириться и ждать. Но в народе поднялся - в первый раз - ропот на архипастыря: почему не защитил достояние народа. И тогда епископ вышел на амвон и сказал:

- Дорогие братья и сестры, я не хозяин над имуществом храма, теперь здесь хозяева власти, они захотели - они и сняли, меня не спросили. Я скоро умру, а вы еще будете жить, и вы сами увидите, какая наступит страшная жизнь.

Вскоре безбожники закрыли Троицкую церковь, а затем и собор. Но не пришли еще сроки уничтожения Ветлужской церкви. Один из благочестивых ветлужских прихожан поехал к начальству в Москву и добился разрешения на открытие собора. За это время кое-где стекла в храме побили, и хотя внутри было нетронуто, но уже потянуло духом запустения и смерти.

В собор вошел его настоятель о. Александр Зарницын. Он упал на колени и заплакал. За ним вошел протодиакон Иоанн Воздвиженский и опустился на колени рядом. Люди, сколько их было в храме, заплакали. Епископ Неофит, видя такую любовь народа к храму Божию, прослезился сам.

В те годы жила в городе известная всей ветлужской округе блаженная Степанида. Одета всегда в лохмотья, подпоясанные кушаком. На голову когда что попало наденет, а когда и платок. На вид была смуглая, волосы черные. Но когда умерла и в гробу лежала, то весь облик ее просветлился.

Если ей дарили какую-нибудь вещь, она ее поносит да где-нибудь и оставит. Однажды подарили Степаниде шубу овчинную, принесла она ее к Марии, у которой в то время жила, и стала шубу стричь и в печке сжигать. Мария проснулась, спрашивает:

- Ты что это делаешь?

- Что делаешь! Никому он не нужен.

- Ты бы хоть одевалась потеплее.

- Не надо мне. Никому он не нужен, - повторила она. Дети били по беззащитности ее до крови. Сидит она в крови, кто-нибудь подойдет, спросит:

- Что это ты?

- Да ребятишки меня били.

- Что же ты им поддалась?

- Да их много налетело, - говорит, а сама улыбается. Но, конечно, не все дети били ее.

Часто сидела Степанида возле дома владыки, и когда, бывало, увидит детей, подзовет, спросит:

- Девчонки, вы куда пошли?

- В школу.

- Что вы! Идите ко владыке.

- Мы не смеем, - отвечали те.

- Идите, чего не сметь?

- А зачем мы к нему пойдем?

- Он вам конфет даст. Он вас конфетами оделит.

- Да мы не смеем.

- Да идите!

Да возьмет сама откроет калитку и всех, человек семь или восемь, затолкает во двор к епископу, а сама начнет в дверь колотить - так всех и проводит к нему.

Узнав, что их прислала к нему Степанида, владыка со всеми поговорит и сполна даст конфет. Степанида, когда дети выйдут, только улыбнется и скажет:

- Я же вам говорила, что у него конфет много. Однажды попросилась она к владыке:

- Пустите меня ночевать.

- А где-же у нас ночевать? (Епископ сам жил у хозяев).

- А как хотите, - ответила блаженная.

Постелили ей в сенях, ночью она раскрыла все двери и ушла. Как-то затопили у хозяев епископа баню, все приготовили, и пришла Степанида.

- В бане ведь хочу мыться, в бане надо мыться. Епископ ей говорит:

- Ну, так что же, Степанидушка, вот сходим мы в баню, да и ты пойдешь.

- Нет, - говорит, - я вперед пойду, а ты после. - Ладно, Степанидушка, иди ты вперед, а я после тебя. Вперед себя Степанида хозяев пропустила мыться, епископ все ждал, блаженная снова ему говорит:

- А теперь я пойду, а ты после меня пойдешь.

- Ладно, иди, иди, Степанида.

Пошла она в баню, вымылась, воду всю вылила, все кадушки и шаечки опрокинула, ни капли воды не осталось.

Пришла она, а владыка спрашивает:

- Ну, как, Степанидушка, намылась?

- Намылась, теперь ты иди.

Пришел он в баню, а в бане хоть бы капля воды.

- Ну, что? - встречает его Степанида. - С легким паром. Намылся?

- Намылся, - смиренно ответил епископ, - спасибо.

В другой раз истопили в среду у хозяев епископа баню, наполнили горячей водой кадки, а Степанида перелезла через забор да поставила их кверху дном.

- Владыка, кто это сделал? - спросил кто-то. А Степанида ответила:

- Нечего мыться, он и так чистый.

- Ты чего безобразничаешь? - строго спросил владыка. Но она ничего не ответила, только улыбнулась.

А однажды она долго у владыки сидела, а когда уходила, то в калошу ему навалила, да калошу калошей накрыла. Он стал собираться в церковь и влез в ту калошу. Впереди его ждало поругание - так понял епископ.

Когда Степанида умерла, епископ Неофит ее отпевал и сказал о ней слово. Он рассказал, как еще молодой она покинула родной дом, своих близких, среди которых мы, обыкновенные люди, находим поддержку. А она все упование возложила на Бога. И Господь не посрамил ее упования, всячески ее укрепляя. Блаженная Степанида много лет скиталась, ночуя на папертях храмов, принимая побои, терпела голод и холод, но не переставала благодарить Бога. Когда она просилась ночевать, то люди по любви к блаженным и странникам пускали ее, но она раскрывала ночью двери и уходила. И добилась того, что ее перестали пускать в дом, и она стала истинно пришелицей и странницей на земле, не имея где преклонить голову, ночуя то под мостом, то у ворот какого-нибудь дома.

И за все время своей многотрудной, полной болезней и скорбей жизни она ни разу не пожаловалась, никого не укорила, но со смирением несла свой подвижнический крест как дарованный ей Самим Господом. И мы верим, что за это смирение ожидает ее от Господа награда великая и блаженство нескончаемое. И скажет когда-нибудь Церковь устами пастырей истинных и подвижников искренних: "Блаженная Степанида, моли Бога о нас". Так закончил святитель свое слово о ней.

На все престольные праздники епископ Неофит ездил по сельским приходам. С ним ездили певчие - девушки шестнадца- ти-восемнадцати лет. Однажды он поднялся на паперть и говорит, указывая на них: "Девки старые - все девки старые, все замуж повыходят". И на кого показал, те вышли впоследствии замуж. Анастасия Алексеевна Смирнова работала в больнице и вступила в профсоюз. Кругом все говорили, что профсоюзников еще больше будут мучить на Страшном Суде, чем колхозников. Сердце ее сжималось от тоски - какому верующему хочется погибнуть. Пришла она в Екатерининский храм, стоит, плачет горько. Подходит ней игумен Дорофей, спрашивает:

- Что ты, Настасьюшка? Она рассказала.

- Ну, так что же, - ответил он, - сегодня ты здесь, а завтра нет тебя.

После этих слов она из больницы ушла. Через некоторое время пошла она на службу. Служил владыка Неофит. До этого она к нему никогда не подходила и дома у него не бывала. Впереди народ стоит; Анастасия позади. И вдруг после всенощной владыка через всю толпу говорит:

- Настя, Настя, зачем из больницы-то ушла, как жить-то будешь? Народ раздвинулся, пропустил ее, она подошла к епископу и говорит:

- Преосвященный владыко, а как Господь благословит.

Вскоре она вернулась на работу в больницу. Близилось время страданий. На преподобного Серафима Саровского 19 июля/1 августа епископ Неофит стоял среди певчих на клиросе. И как отец детям перед разлукой, вдруг сказал:

- Ну вот, родные мои, я скоро умру. Вы за меня здесь помолитесь, а я за вас там помолюсь.

- Что вы это, преосвященнейший владыко, помирать собираетесь, - стали возражать певчие, зная, что никогда владыка ничем серьезным не болел.

- Да, да, - повторил епископ, - я скоро умру.

Не прошло и недели, и 6 августа 1937 года епископ был арестован. Вместе с ним арестовали всех священников Ветлужской округи.

Священник Владимир Федорович Драницын родился в селе Спасском Ветлужского уезда в 1902 году. Окончил среднюю школу в городе Ветлуге в 1921 году и вскоре был рукоположен во священника в родное село Спасское.

Священник Сергий Маркович Кислицын родился в 1897 году в крестьянской семье. Успел окончить лишь церковно-приходскую школу. После революции 1917 года был рукоположен во священника и служил до своего ареста в селе Галкино Ветлужского района.

Священник Андрей Петрович Скворцов родился в 1897 году в селе Марково Ковернинского уезда Нижегородской губернии в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу. Был рукоположен во священника после революции 1917 года. Служил в селе Ново-Мокровском Ветлужского района.

Священник Григорий Иванович Весновский родился в 1879 году в селе Белышево Ветлужского уезда в семье священника. По окончании Костромской духовной семинарии был рукоположен во священника. Служил в селе Богоявленском Ветлужского района.

Священник Алексей Иванович Чудецкий родился в 1877 году в селе Минском Костромского уезда в семье священника. Окончил Костромскую духовную семинарию. В 1932 году был арестован и приговорен к трем годам заключения, которое отбывал в концлагере на Медвежьей горе. После освобождения и до ареста служил в селе Белышево Ветлужского района. В той же церкви служил благочинный, священник Александр Иванович Благовещенский. Родился в 1894 году в селе Георгиевском Ветлужского уезда в семье священника. В 1916 году окончил Костромскую духовную семинарию и поступил в школу учителем. Через год уехал в Москву и поступил на курсы дошкольного воспитания, которые окончил в 1919 году, и вернулся на родину учительствовать. Но душа молодого человека была неудовлетворена работой в школе, и в самый разгар гонений в 1922 году Александр Иванович принял сан священника. В 1930 году был арестован за проповеди, но через семь месяцев освобожден. Был ревностным пастырем, и не только сам произносил проповеди в дни служения, но призывал к обязательному произнесению проповедей и священников своего благочиния.

Священник Александр Павлович Карпинский родился в 1887 году в городе Макарьеве Костромской губернии. Окончил два класса духовной семинарии. Был рукоположен во священника и служил в селе Белышево. В 1931 году был арестован и сослан на три года в Нарымский край. По возвращении из ссылки служил в одном из храмов Ветлужского района.

Священник Иоанн Иоаннович Сахаров родился в 1884 году в семье крестьянина. Окончил сельскую школу и был рукоположен в сан диакона. После революции принял сан священника. Служил в селе Никольском Ветлужского района.

Священник Иоанн Иоаннович Сеготский родился в 1881 году в селе Соболеве Юрьевецкого уезда Костромской губернии. Окончил четыре класса духовной семинарии, служил псаломщиком. После революции 1917 года принял священство. В 1931 году был арестован и приговорен к двум годам лагерей и пяти годам ссылки. После возвращения из ссылки служил в храме священником.

Священник Иоанн Всеволодович Розанов родился в 1876 году в городе Ветлуге в семье учителя. Служил в храме села Турань Ветлужского района.

В селе Успенье был арестован священник о. Владимир Слободской. Скончались все в заключении.

На Покров арестовали священников и диаконов собора, в декабре - всех оставшихся в городе священников, множество православных мирян и жившего на покое епископа Фостирия (Максимовского).

Епископ Фостирий родился 21 октября 1864 года. Окончил Костромскую духовную семинарию, и в 1895 году был рукоположен в сан священника. В 1930 году он был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Томского. В 1933 году был епископом Сызранским, в 1934-м уволен на покой и поселился в Ветлуге.

Из принявших смерть в заключении известны имена некоторых. Церковный сторож Николай Никифорович Шумов. Когда храм закрыли, молился дома; арестован и приговорен к десяти годам заключения; по прошествии десяти лет вторично приговорен,

скончался в заключении. Николай Николаевич Лебедев - церковный староста в селе Темита. Раба Божия Пиама Дмитриевна - пела на клиросе.

Был арестован и скончался в Нижегородской тюрьме старец Иван Дормидонтович из села Большего. В молодости родители захотели его женить, купили ему костюм. Но не то было у него на уме. Чтобы не нарушить воли родительской, он сделал так, что невесты сами от него отказались. Подпоясал пиджак полотенцем и пошел по деревне. Деревенские, увидев его, закричали:

- Иван Дормидонтович сблажил, сблажил...

С этого времени он ушел странствовать и странствовал до ареста. В тюрьме пел молитвы, за что заключенные смеялись над ним, но он все насмешки переносил терпеливо, говоря: "Горе не навсегда и печаль не без конца".

Была арестована и скончалась в тюрьме монахиня Вера в миру Мария Петровна. Родом была из деревни Бараново. В детстве облила лицо горячим молоком, и потому оно было изуродовано. Она жила в женском монастыре в Сокольниках, неподалеку от Ветлуги. Когда монастырь в 20-х годах разорили, матушка Вера поселилась в Починках, неподалеку от Шахуньи.

Она сочиняла духовные стихи и пела их посещавшим ее людям - каждому свой. За духовные стихи ее и арестовали, обвинив в религиозной проповеди. Когда ее привели в тюрьму, она ни с кем не разговаривала и пайки не брала. Вскоре надзиратели унесли ее в отдельную камеру, где она скончалась.

После арестов священства перед горожанами выступил начальник НКВД. Около городской школы сколотили и поставили для него трибуну, согнали людей. Он стал читать лжеобвинения против епископа, священников и православных мирян города. Будто епископ хотел взорвать мост, священники поджигали колхозные фермы, а миряне хотели организовать какую-то группу и для этого ходили к священникам. Кое-кто из народа сказал: "Не зря забрали. Правильно". Остальные стояли молча.

Те, кого арестовали в Ветлуге в 1937 году, почти сразу были подвергнуты пыткам и всякого рода мучениям. Вот как вспоминает об этом один из тех, кто был арестован в декабре 1937 года. Привели в кабинет. Поставили лицом к раскаленной докрасна печке, вплотную, и оставили так сутки стоять. Не смей повернуться. Еды не давали. Воды - рюмочку, от которой жажда только сильнее распалялась.

Условий для содержания значительного числа арестованных в Ветлуге не было, и их отправили в тюрьмы Варнавина и Нижнего Новгорода.

Этап, в котором шли епископ Фостирий и Николай Шумов, от Ветлуги до Варнавина, гнали пешком. На подводах было разрешено везти только вещи.

Епископ Фостирий, утомленный тяготами тюремного заключения и немощью возраста, в пути изнемог. Его посадили на подводу. Стояли сильные морозы, епископа быстро оставляли силы, и не доезжая до Варнавина, он замерз.

Мирян держали в тюрьме Варнавина несколько месяцев. Затем погнали на станцию Ветлугино, чтобы везти в Красноярские лагеря. Начальник эшелона подошел к вагону, где они были собраны, и спросил:

- Осуждены?

- Нет, нет, - заговорили те наперебой, - все не осуждены.

- Ну, сейчас будем судить вас, - сказал начальник эшелона и стал читать, спрашивая: "Такой-то? Десять лет".

У всех, за исключением двух или трех человек, было по десять лет.

Священников отделили от мирян, поместив в Нижегородскую тюрьму. Епископа Неофита содержали отдельно от собранного вместе духовенства. Священникам предлагали отречься от сана и Бога и так обрести свободу, но только один выбрал этот гибельный путь.

Епископ отказался отвечать на вопросы следователя, обвинил НКВД в арестах невиновных и предъявлении надуманных обвинений, за что был заключен в карцер.

Пыточное следствие продолжалось весь август и сентябрь. Следователь Нестеров не утруждал себя допросом епископа, добиваясь одного - чтобы тот подписал составленный и отпечатанный на машинке протокол допроса. 23 октября 1937 года епископ подписал протокол, а 31 октября и составленное следователем дополнение к нему. Владыку обвиняли в том, что он якобы "проводил активную к-р подрывную работу, направленную на свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР", и что им была "создана церковно-фашистская, диверсионно-террористическая, шпионско-повстанческая организация... с общим числом свыше 60 участников". Что будто бы он "руководил подготовкой терактов, сбором шпионских сведений, поджогами колхозов, уничтожением колхозного поголовья. Передал... шпионские сведения митрополиту Сергию Страгородскому для передачи разведывательным органам одного из иностранных государств".

На основании этих обвинений 11 ноября 1937 года Тройка УНКВД приговорила епископа к расстрелу.

Однажды из камеры, где был епископ, постучали в соседнюю: "Уходим в Марьину Рощу". Это означало - на расстрел. Могила владыки находится на тюремном кладбище рядом со старообрядческой церковью.

В городе Ветлуге в 1937 году на Покров Божией Матери было арестовано духовенство городского собора.

Протоиерей Александр Иванович Зарницын родился в 1871 году в городе Галиче Костромской губернии в семье священника. Окончил Костромскую духовную семинарию. Прослужил в Ветлуге почти сорок лет. Протоиерей Иоанн Иоаннович Знаменский родился в 1875 году в селе Спас-Нодога Нерехтского уезда Костромской губернии в семье священника. Окончил Костромскую духовную семинарию. Служил в Ветлуге, в селах Н.-Успенском, Спасском, Макарьевском и Васильевском.

Протодиакон Иоанн Николаевич Воздвиженский родился в 1875 году в селе Караваново Костромского уезда. Окончил духовное училище. Сын его диакон Николай Иоаннович Воздвиженский родился в 1901 году. Учился в духовной семинарии, которую вряд ли успел до революции окончить. Служил в храмах псаломщиком. В 1932 году переехал вместе с отцом в Ветлугу и был рукоположен епископом Неофитом в сан диакона. Он не был женат, жизнь вел подобно монашеской, никогда не пил вина.

Вместе с ними был арестован регент собора Михаил Алексеевич Вячеславов. Он родился в 1888 году в селе Ильинском В.-Устюжского уезда в семье священника. Окончил духовную семинарию. До переезда в Ветлугу он жил неподалеку от Великого Устюга. В Ветлуге у него жил родственник, который давно предлагал переехать к нему, высоко отзываясь о епископе Неофите, в свою очередь и епископу он много рассказывал о Михаиле Алексеевиче. В конце 1936 года епископ пригласил Михаила Алексеевича в Ветлугу. Несвязанный семьей, Михаил Алексеевич в январе 1937 года переехал в Ветлугу и сразу же принялся за устройство пения в соборе.

Все они вскоре после ареста, по-видимому, были казнены.

Не лишне будет здесь рассказать об одном случае из жизни о. Иоанна Знаменского. Об этом случае знали все жители города.

Был престольный праздник - иконы Тихвинской Божией Матери. Священники, отслужив, разъехались, народ еще праздновал несколько дней.

В эти дни забирали в солдаты уроженца села Глущиха Ивана Хомякова. Он был неверующим, и неверие свое решил показать - выстрелил в образ Богоматери. Стекло разбилось, пуля попала в образ. Вставили новое стекло; Иван ушел в армию.

В армии захворал. Заболело на щеке то самое место, куда попала пуля на образе. Ему становилось все хуже. Повезли по больницам - не помогает, еще хуже становится. Наконец написали домой, чтобы за ним приехали. Дома его весьма усердно лечили, но лечение не приносило пользы. Щеку раздуло, как поросячье рыло, и язва постоянно источала зловонный гной, почему приходилось затыкать ее тряпкой. Дошло до того, что

родственники отказались держать его в доме и отселили в баню. Долго он лежал в бане, гнил, но не умирал. Ему уже стали советовать - ты покайся, потому что тебя наказала Божия Матерь, может быть, Она простит тебя.

После многих страданий пришел он в разум, покаялся, позвал о. Иоанна Знаменского, исповедался, причастился и на третий день мирно скончался. Грех кощунства бывает отдален от наказания Господня, но оно всегда приходит, ибо благ и милостив Господь. Игумен Дорофей (в миру Дорофей Павлович Павлов) родился в 1880 году в деревне Карманово Орешковской волости Московской губернии в семье крестьянина. Начинал иноческое служение в Валаамском монастыре. Был знаком с епископом Неофитом с 1923 года, и когда в 1929 году епископ предложил ему переехать из Ростова-на-Дону в Ветлугу, отец Дорофей сразу же согласился. В Ветлуге сначала служил в Екатерининской церкви, а затем соборе.

К греховным поступкам был строг, но сердце имел мягкое и доброе. Из-за его доброты к нему любили приходить дети. И пока он их не накормит и не оделит каждого подарком, не отпустит.

Если случалось ему идти с паломниками на престольный праздник к преподобному Макарию и остановиться на ночлег, о. Дорофей не успокоится, пока не устроит и не утешит всех идущих с ним паломников.

Заповедь деятельной любви к ближнему была особенно близка его сердцу.

И скорбело оно, видя грядущее в мир ожесточение. Марии Голубевой он говорил:

- Вот ты замуж вышла, в матери вступила, сумей теперь в страхе Божием детей воспитывать. Придет время - детей будут выбрасывать из поезда, все будут мучиться.

Пришло время, и из Ветлуги и окрестностей повезли в ссылку крестьян, выбрасывая умерших в дороге.

Когда на душе становится скорбно и тяжко, о. Дорофей с особой ревностью припадал к Богу: "Боже милостив! Боже, я так устал и так немощен, помоги!" - и не бывало случая, чтобы Господь не пришел и не подал Свою благодатную помощь, от которой истаивала скорбь.

Отец Дорофей любил молиться и молился подолгу; часто коленопреклоненно перед иконой Спасителя читал акафист. В Боге и Церкви он видел сбытие всяческого упования. "Ходите, пока не поздно, пока церкви у нас православные, - говорил о. Дорофей на проповеди, - а то такие будут церкви, что незачем туда будет ходить".

Было время, когда священников Ветлуги вызывали в милицию и принуждали отказаться от священства, действуя где угрозой, где лестью. К чести пастырей, все они показали себя верными Христу.

Игумену Дорофею искусители говорили:

- Ты такой молодой, такой красивый, что тебе губить себя? Иди к нам, мы тебе любую работу дадим, работай и будешь жить, только положи на стол крест, откажись от монашества и священства.

Игумен Дорофей отвечал:

- Зачем я буду отказываться от Бога? Я один, у меня нет ни жены, ни детей, никто из-за меня не пострадает, я пойду и умру за Христа. От Бога я не откажусь, что хотите со мной делайте. И крест я с себя не сниму.

Льстивые гонители отпустили его. Арестован он был в октябре 1937 года и вскоре, как полагаем, казнен.

Вместе с ним был арестован священник Вячеслав Всеволодович Ильинский. Он родился в 1877 году в селе Колшево Кинешемского уезда Костромской губернии в семье священника. Окончил Костромскую духовную семинарию. Служил в Троицкой церкви в Ветлуге. В 1935 году власти обложили храм таким налогом, что ни священник, ни прихожане не в силах были его уплатить, и храм был закрыт. Отец Вячеслав перешел в Екатерининский храм.

Игумен Антоний. Во время гонений 1929-1931 годов в Ветлугу ссылали духовенство других епархий. Сюда был сослан игумен Антоний. Поначалу его посадили в тюрьму. Выпустив, служить не дали, и он за хлеб пел на клиросе.

Был он простой и смиренный, скончался на Пасху в 1931 году. Отпевание и погребение его, собравшее множество народа, превратилось в видимое торжество веры над безбожием и смертью.

Погребен игумен Антоний рядом с Ветлужскими блаженными на новом кладбище, получившем начало от могил казненных в 1918 году.

Священник Михаил Скомницкий родился в шестидесятых годах XIX столетия в селе Благодатском Сеченовского уезда Нижегородской губернии в семье священника о. Иоанна Скомницкого.

Последние десять лет перед мученической кончиной о. Михаил служил в селе Ратово Сеченовского района. Это был кроткий пастырь и строгий исполнитель устава Православной Церкви. Нестяжательный, он жил в стесненных обстоятельствах, в домишке худшем, чем у последнего бедняка, получая часто от прихожан только хлеб на сегодняшний день. Но иначе выглядели в очах Божиих его кротость, смирение и нищета. Елизавета Козлова видела во время литургии о. Михаила молящимся на воздухе.

- Чем так батюшка угодил Богу? - спросила она матушку о. Михаила.

- Он никогда не начинал служить, не исполнив правила. И от детства ни разу не нарушил среды и пятницы, - отвечала она.

В семи километрах от Ратова в селе Козловка служил иного склада священник - Борис Михайлович Вознесенский.

Во время коллективизации был издан указ, по которому всякий, убивающий свою скотину, мог быть осужден на тюремное заключение. Отец Борис зарезал теленка, и это стало известно властям; он был приговорен к заключению. В 1937 году он освободился и вернулся в Козловку. Но не нравилось ему служить здесь, хотелось в богатое Ратово. Отец Борис был молод, обладал прекрасным голосом, и часть ратовских певчих согласилась просить его к себе.

Прихожане же воспротивились его переходу в Ратово. Но грех сладок, а человек падок. Где грех - закон, там и вера, и совесть - рубашка переменная. И о. Борис, действуя всякими неправдами, захватил храм.

Отец Михаил уступил и перешел служить в Козловку. Но только две или три службы успел здесь отслужить и на Преображение в 1937 году был арестован, а вместе с ним прихожане, защищавшие его.

Отец Борис также вскоре был арестован и приговорен к пятнадцати годам заключения за участие в убийстве и скончался в лагере вероотступником.

Для расправы над верующими из Нижнего прибыл следователь Комаров. Арестованных держали первое время в Сеченове; многих пытали, иных угрозами старались склонить к сотрудничеству с властями. Однажды вызвал к себе Комаров прихожанку о. Михаила и стал ее уговаривать.

- Ну, зачем ты пошла в церковь, ты лучше ходи к Аполлинарии Ивановне (та была членом церковного совета и сотрудничала с чекистами) и все будешь иметь.

Уговоры не помогли, и следователь попробовал льстить.

- Да, ты религиозная...

- Что вы, - та даже руками всплеснула, - да я такая же, как все. А все-то - неверующие, лицемеры, и пошел Комаров за стол писать протокол; пишет, а лицо с каждой минутой чернее, и, наконец, говорит:

- Распишись.

- Я не могу подписать то, что не знаю.

Он прочел, что такая-то обязуется сотрудничать с органами НКВД.

Та не подписывает. Комаров вынул наган и говорит:

- Всех мы вас сотрем с лица земли. Вы нам мешаете. Мы загоним вас туда, куда ворон костей не заносит. Не только тебе, но и всему роду твоему будет тошно. Никуда-то я тебя не отпущу, ты от нас никуда не скроешься - у нас глаза видят далеко, уши далеко слышат.

Долго он говорил и все ходил, угрожая, и, наконец, пригрозил, что застрелит ее сейчас.

- Я в тебя пулейку пущу, - сказал он, наставив наган.

- Давай, пускай, - бесстрашно ответила та.

Комаров снова заходил по кабинету, потом написал другую бумагу, что такая-то обязуется никому не говорить о том, что было между нею и следователем.

В Сеченове о. Михаила подвергли мучениям, а потом отвезли в Нижегородскую тюрьму. Однажды пришел его сын Константин и принес передачу.

- А ты кто ему? - спросили его.

- Сын, - ответил тот.

Он тут же был арестован; скончался в заключении.

В тюрьме о. Михаила долго мучили, после допросов и пыток запирая в узкий каменный ящик; такие ящики назывались столбами. Отец Михаил здесь и скончался.

Вместе с о. Михаилом были арестованы и умерли в заключении: староста храма Косма Боганов, бывший ко времени ареста уже в преклонных годах;

Никифор Илларионович Шишканов - это был глубоко верующий человек; сначала он работал учителем, но когда школа стала распространителем невежественного безбожия, был уволен и работал в колхозе учетчиком, веры своей не скрывал, открыто заступался за церковь и о. Михаила;

регент Порфирий, до Ратова жил в другом месте; во время коллективизации его хозяйство было разграблено сельсоветом, и он покинул родное село и устроился в храме Ратова; обладал большими музыкальными дарованиями как в регентском искусстве, так и в сочинении музыки; с успехом обучал прихожан церковному пению;

Александр Савелин был арестован за то, что ходил в церковь, несмотря на угрозы безбожников;

член церковного совета Петр Делява;

церковный сторож Петр Левадонов; ко времени ареста ему было около семидесяти лет, он был арестован вместе с другими мужиками по делу о. Михаила.

После ареста митрополита Феофана начались массовые аресты духовенства и верующих. Среди других был арестован священник Александр Иванович Крылов. Он родился в 1879 году в селе Варганы Лысковского уезда Нижегородской губернии. Служил священником в селе Ляпуны Лысковского района Нижегородской области. 17 сентября 1937 года он был арестован на основании показаний, вымученных под пыткой у арестованных ранее. Отца Александра обвинили в том, что он будто бы участвовал в сожжении двадцати домов и скирды соломы в селе Островском, колхозного двора в селе Уварово и мельницы в деревне Гугино. Отец Александр отверг все обвинения. 11 ноября 1937 года он был приговорен Тройкой УНКВД к расстрелу и расстрелян.

По тому же делу был арестован священник Павел Васильевич Борисоглебский. Он родился в Васильсурске Нижегородской губернии. Служил в селе Плотинское Лысковского района Нижегородской области. Отец Павел был арестован 24 июля 1937 года и обвинен в том, что, находясь в ссылке в 1930-1931 годах допустил антисоветские высказывания. Виновным себя не признал. 11 ноября 1937 года был приговорен к расстрелу и расстрелян.

Священник Порфирий Михайлович Колосовский родился в 1868 году селе Долгое Поле Нижегородской губернии. Служил в селе Варганы Лысковского района Нижегородской области. Был арестован 17 сентября 1937 года; на основании ложных показаний ранее арестованного священника, который сломленный тюремным содержанием и пытками, подписал все показания, составленные следователем. С предъявленным обвинением о. Порфирий не согласился, и следователи не смогли доказать

его виновность. Священник держался мужественно. 11 ноября 1937 года он был приговорен к расстрелу и расстрелян.

Николай Федорович Филиппов родился в 1885 году в селе Макарьево Лысковского уезда Нижегородской губернии. Всю жизнь он прожил в Макарьеве, и когда разгорелось в 1937 году пламя гонений, был в храме родного села старостой. 13 сентября 1937 года он был арестован. Все предъявленные обвинения отверг и был 11 ноября 1937 года приговорен к расстрелу и расстрелян.

Священник Михаил Петрович Адамонтов родился в 1892 году в Нижегородской губернии. Служил в селе Берендеевка Лысковского района Нижегородской области. 15 сентября 1937 года был арестован. Виновным себя не признал, приговорен к расстрелу и расстрелян.

В тот же день арестовали диакона Иоанна Иоанновича Мошкова, служившего в селе Исады Лысковского района Нижегородской области, и диакона Вениамина Ксенофонтовича Владимирского, служившего в селе Просек Лысковского района. 13 сентября в селе Ивановском Лысковского района арестовали верующую женщину Елизавету Ивановну Сидорову. У следователя не было никаких доказательств их вины. Несмотря на пытки, арестованные стойко сопротивлялись оговору. В числе двадцати одного человека они были приговорены к расстрелу и расстреляны. По тому же делу был арестован священник села Валки Лысковского района Алексей Андреевич Молчанов, не подписавший лжесвидетельства.

В июне 1937 года на основании полученных в застенках показаний двух рабочих были арестованы священники Лысковского района. Их обвинили в поджогах домов, принадлежавших колхозникам. Среди других был арестован священник Валентин Иванович Никольский, Он родился в 1885 году в селе Линево Борского уезда Нижегородской губернии. Служил в селе Трофимово Лысковского района. Все обвинения отверг и ложных свидетельств против других обвиняемых не подписал. 21 сентября Тройка НКВД приговорила о. Валентина к расстрелу. 4 октября приговор был приведен в исполнение.

В конце июля - начале августа 1937 года в Автозаводском районе Нижнего Новгорода были произведены аресты среди духовенства и православных мирян. Их обвиняли в участии в церковной контрреволюционной группе. До конца отрицали свою виновность и отказались давать показания против кого бы то ни было православный мирянин Иаков Иванович Гортинский, механик при больнице, живший в поселке Гнилица на окраине Нижнего Новгорода, и жившая в том же поселке монахиня Анна (Ежова). 21 августа они были приговорены к расстрелу и расстреляны.

С 5 по 7 августа 1937 года были арестованы священнослужители и православные миряне Нижнего Новгорода: священник Иоанн Михайлович Лазарев (родился в 1876 году в селе Курмыш Нижегородской губернии); священник Петр Иванович Сахаровский (родился в 1876 году в Нижнем Новгороде, служил в нижегородской Спасской церкви); священник Иоанн Николаевич Никольский (родился в 1868 году в селе Кладбищи Сергачского уезда Нижегородской губернии); священник Андрей Николаевич Бенедиктов (родился в селе Воронине Б.-Мурашкинского уезда Нижегородской губернии); священник Александр Николаевич Беляков (родился в 1890 году в Нижнем Новгороде); диакон Андрей Евгеньевич Батистов (родился в 1871 году); православные миряне А. Д. Овсянников, А. Н. Никольский и В. С. Цветков. Никто из них не согласился ни поставить свою подпись под возводимыми на них следователями наветами, ни оговорить других. Отец Петр Сахаровский даже пытался убедить следователей, что в Нижнем Новгороде нет антисоветских организаций и вряд ли они возможны. Все было напрасно. 21 сентября все были приговорены к расстрелу и расстреляны.

В августе 1937 года были арестованы священнослужители Нижнего Новгорода. Их обвинили в том, что они протестовали против закрытия храма.

Священник Виктор Владимирович Лебедев (родился в 1872 году в селе Белавка Воротынского уезда Нижегородской губернии;

впервые был арестован в 1929 году и приговорен к трем годам ссылки); священник Макарий Васильевич Кряжев (родился в 1884 году в селе Лиски Острогожского уезда Воронежской губернии, в 1927 году был приговорен к трем годам ссылки); священник Николай Иванович Надешов (родился в 1878 году в селе Веденеево Городецкого уезда Нижегородской губернии); священник Иоанн Николаевич Сатирский (родился в 1889 году в селе Вельдеманово Перевозского уезда Нижегородской губернии); диакон Павел Вениаминович Архангельский (родился в 1887 году в селе Акулино Салганского уезда Нижегородской губернии). Все они отрицали возводимые на них обвинения. 8 сентября 1937 года были приговорены к расстрелу и расстреляны.

8 сентября 1937 года были арестованы священнослужители и православные миряне Гагинского района Нижегородской области, всего десять человек. Никто из арестованных не признал себя виновным. Их обвиняли в том, что они 6 июля организовали торжественную службу, в которой участвовало четыре священника и множество верующих. И хотя после службы проповеди на политическую тему произнесено не было, самой церковной службе было придано значение антигосударственного мероприятия, потому что она отрывала крестьян от работы в колхозе. 17 сентября 1937 года восемь человек были приговорены к расстрелу и расстреляны. Их имена сохранились в следственных делах: священник Иоанн Дмитриевич Ромашкин (родился в 1891 году в крестьянской семье, первый раз арестован в 1928 году и приговорен к трем годам ссылки; служил в селе Субботино); священник села Сорочки Петр Иванович Лебединский (родился в 1881 году в семье священника, в 1935 году за проповеди был приговорен к двум годам ссылки); священник села Юсупово Николай Александрович Хвощев (родился в 1883 году в семье священника); священник села Панова-Осанова Александр Семенович Никольский (родился в 1883 году в семье священника); крестьяне села Покров Александр Иванович Блохин, Петр Васильевич Лонсков, Стефан Семенович Митюшин и Василий Киреевич Ежов.

В сентябре-октябре 1937 года были арестованы двенадцать священников Балахнинского района, староста храма села Петрушино и председатель церковного совета. Их обвиняли в том, что они состоят в церковной организации, возглавляемой митрополитом Нижегородским Феофаном. Следствие для некоторых продлилось два месяца, для других десять дней. Многие держались достойно, приводим их имена. Священник Константин Васильевич Покровский (родился в 1896 году в деревне Солониха Спасского уезда Нижегородской губернии); священник Владимир Федорович Барминский (родился в 1889 году в селе Слободское Нижегородской губернии); председатель церковного совета Константин Исакович Соловьев (родился в 1892 году в деревне Сосновской Нижегородской губернии). 29 октября все были приговорены к расстрелу и расстреляны.

В ночь с 20 на 21 октября 1937 года были арестованы священники Перевозского района Нижегородской области. Следствие шло менее месяца, и 11 ноября все были приговорены к расстрелу и расстреляны. Приведем имена тех, кто отверг выдвинутые против них обвинения. Священник Александр Иванович Ильинский родился в 1899 году в селе Пустынь Нижегородской губернии. Служил в селе Большие Кемары. Он обвинялся, как и другие, в том что являлся руководителем антисоветской группы и высказывал недовольство советской властью. Священник Александр Михайлович Курмышский родился в 1879 году в городе Симбирске, окончил духовную семинарию, служил в храме села Танайково. Священник Павлин Иванович Старополев родился в 1865 году в селе Быковы Горы Спасского уезда Нижегородской губернии, окончил духовную семинарию, служил в селе Дубское. Священник Николай Алексеевич Троицкий родился в 1885 году в селе Лобаски Ичалковского уезда в Мордовии, служил в селе Ревезень.

3 ноября 1937 года были арестованы священники, служившие в храмах Борского района Нижегородской области: священник Александр Николаев Лузин (родился в 1882 году в селе Выездная Слобода); священник Владимир Ильич Григорьев (родился в 1884 году); священник Сергей Алексеевич Борисов (родился в 1880 году в селе Заскочиха); священник Иоанн Андреев Милицин (родился в 1898 году в Залесском уезде). Они обвинялись в распространении антисоветских слухов. Отказались подтвердить обвинения и давать показания. Приговорены к расстрелу и расстреляны.

В октябре - ноябре 1937 года массовые аресты выкосили священнослужителей и православных мирян Семеновского района Нижегородской области. По одному из дел было арестовано двадцать шесть человек. Восемь из них были 6 ноября 1937 года приговорены к расстрелу, остальные к разным срокам заключения. Из всех расстрелянных по этому делу только Елизавета Николаевна Самовская не подписала обвинения. Это была глубоко верующая женщина, происходившая из дворянской семьи; в момент ареста ей было семьдесят семь лет. Следователи, Комаров и Дахновский, обвиняли ее в том, что она имеет множество знакомых среди духовенства и прямой нрав, позволяя себе говорить вслух все, что думает.

Осенью 1937 года был арестован архиепископ Александр Богородицкий викарий Нижегородский (в миру Александр Андреевич Похвалинский). По одному делу с ним были арестованы девять священников, три диакона и староста из Нижнего Новгорода. Трое из них отказались подписать протоколы следствия - священник Евгений Никанорович Яковлев (ему был восемьдесят один год); священник Василий Назарович Завгородний, служивший в Новокладбищенской церкви, и староста Предтеченского храма Анисия Ивановна Масланова. 2-3 декабря 1937 года все арестованные решением Особой Тройки УНКВД приговорены к расстрелу и расстреляны. Благочинный храмов города Семенова Нижегородской области священник Александр Петрович Меньшиков родился в 1892 году в селе Мотаки Спасского уезда Казанской губернии. С лета 1936 года служил в храме города Чкаловска. 26 августа 1937 года он был арестован. После ареста следователи обнаружили, что не располагают ни одним свидетельством, обвиняющим о. Александра в антисоветской деятельности. Тогда были найдены два лжесвидетеля, которые показали, что о. Александр допускал антисоветские высказывания. Сам о. Александр все обвинения отверг и виновным себя не признал. 26 сентября он был приговорен к расстрелу.

Были арестованы священник о. Михаил и староста Василий Панков из села Митрополье, диакон из села Красного.

Трое суток их держали стоя, не давая ни присесть, ни к чему-нибудь прислониться, так что кожа на ногах лопалась и сочилась сукровица.

Здесь мучение, а безбожие веселится - гармонь, песни, следователи на стол вкусную еду выставили - ешьте, пейте. Только подпишите бумагу о сотрудничестве.

- Ну, не стыдно тебе тут стоять? - укоряет конвоир девушку, стоящую рядом со священниками. - Некоторые из ваших веселятся, а ты тут стоишь.

- Их ноги пляшут, а мои стоят, я буду молчать, а вы ходить, - отвечала она.

- Давай, говори.

- А чего я буду тебе говорить? Когда следователь придет, когда бумагу принесет, ручку возьмет, тогда я буду говорить, а тебе что я буду говорить?

Вскоре пришел Комаров и начал ее избивать.

- За что ты меня бьешь? - спросила исповедница. Тот не ответил, и она сказала:- Я не буду, как ты, а ты будешь как я.

И действительно, вскоре он был арестован и приговорен к пятнадцати годам заключения. В лагере они встретились, Комаров подошел к ней и сказал:

- Это я, твой "благодетель". - Не знаю.

- Да Комаров. Ноги-то тебе отбивал.

- А, Господь посетил. Раз посетил, хорошо, вот вам паек. Вот и хорошо, что вы сюда попали, значит счастливый.

Он не понял ее.

Отца Михаила из села Митрополье, старосту Василия и диакона из села Красного вскоре перевели в Арзамасскую тюрьму. В те годы там мучители сбрасывали священников вниз головой с крутой лестницы и нещадно избивали, вырывали бороды, так что не только следственные кабинеты, но и лестницы были залиты кровью. Все трое были замучены.

В том же году был арестован священник Михаил Преображенский, служивший в селе Лопатино Сеченовского района, скончался в заключении.

Отец Михаил Скомницкий любил принимать странников. К нему часто приходил иеромонах Иоасаф (в миру Иоанн Додонов). Это был кроткий и смиренный монах. Родился он в пятидесятых годах XIX века в селе Балтинка Сеченовского района. После смерти жены ушел в Алатырский Троицкий монастырь, где подвизался до закрытия. Был священником в селе Новацком, а затем по немощи оставил служение. Его арестовали в селе Майданы на престольный праздник Тихвинской иконы Божией Матери и отвезли в Сеченове; оттуда арестованных повезли в Арзамас, где вскоре о. Иоасаф был замучен.

В тот же год в Арзамасской тюрьме был убит на допросе иеромонах Лев из Саровского монастыря. В этой же тюрьме скончалась странница Евфимия. Родом она была из Чувашии, окончила институт, но ради Христа оставила все и пошла странствовать. Брат ее был в этой тюрьме следователем и с особой ненавистью относился к своей сестре и другим христианам; а ее никакие угрозы и пытки не могли сломить. "Что хотите со мной делайте, я ваших бумаг подписывать не буду", - говорила она.

Не описать сотен мучеников, скончавшихся в Арзамасе. Расскажем об одном.

В начале тридцатых годов, во время гонений на церковь, места в тюрьме не хватало, и власти отвели под тюрьму огромный Арзамасский собор. В 1932 году здесь скончался исповедник иеромонах Серапион (в миру Степан Иванович Оськин). Он родился в благочестивой крестьянской семье в селе Новацком Нижегородской губернии.

Почти каждому православному родителю хочется, чтобы кто-то из семьи взял на себя подвиг сугубого служения Господу и молился не только за себя, но и за близких. Хотелось этого и Ивану Оськину. И вот как-то он собрал всех детей - четырех дочерей и трех сыновей - и спросил:

- Не пойдет ли кто из вас в монастырь?

Все отказались, и только младший, Степан, вышел вперед и тихо сказал:

- Отец, я пойду в монастырь.

Степан окончил Арзамасскую семинарию и подвизался в монастыре. После разорения монастыря служил в храме села Языкова и был вместе с другими исповедниками арестован в 1932 году, украсив одежды иноческие подвигом исповедническим.

Священник Александр Валидов родился в семье священника Нижегородской епархии Алексея Валидова. Дивен и надежен тот мир, где живут святые Божии люди, ради них Господь терпит и мир, ожидая его покаяния. Один из таких Божиих людей жил в Нижнем Новгороде, подвизаясь в подвиге юродства. Однажды священник Алексей приехал с сыном-подростком в город. Идут они по улице, навстречу им - юродивый. Поклонился им до земли и сказал:

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, - ответили отец с сыном.

- Ты - Александр, - показал блаженный на мальчика, - ты первый и последний.

- Что? - не поняли те.

- Ты, Александр, первый и последний, слышишь? - настойчиво повторил блаженный.

Переглянулись недоуменно отец с сыном, и Александр спросил:

- А как ты узнал, что меня зовут Александром?

- Я знаю. Ты - Александр, а ты - Алексей. Запомни, Александр, ты первый и последний, - повторил он.

Понял Александр значение этих слов, когда они начали сбываться. В свое время он стал первым священником в новопостроенном храме в селе Лисьи Поляны, прослужив в нем до его закрытия в 1937 году. В 1943 году от удара молнии разоренный храм загорелся. В конце сороковых годов остатки храма были употреблены под клуб.

Окончив семинарию и получив благословение на священство, Александр стал искать невесту. Прослышал он, что неподалеку у Владимира Ивановича Померанцева живут племянни- цы-сестры. Отец их умер, и Владимир Иванович взял их к себе. Отец Алексей с сыном пришли к ним в гости. Сели, поставили самовар. Александру понравилась Александра, и он попросил ее в жены. А ей не хотелось:

- Рано мне еще, - отговаривалась она.

И тогда мать ее, Ольга Ивановна, упала перед ней на колени и стала просить:

- Сашенька, мое благословение тебе идти. Лучшего жениха по твоему сиротству тебе не сыскать. Он будет священником, человек он положительный, какого тебе еще надо? Прошу тебя пойди за него.

Александра послушалась. Жили они хорошо. У них была большая семья, четыре сына и три дочери, последняя родилась в 1913 году.

По рукоположении о. Александр стал служить в селе Лисьи Поляны. С первого дня служения он решил ни с кого никакой определенной платы за требы не брать. Бывало, спросят его:

- Сколько, батюшка, тебе?

- Да сколько дадите.

- Да денег вот нет.

- И не надо ничего; когда выбьешься из нужды, тогда отдашь. А не отдашь - и не надо.

Александра возражала:

- Ты бери хоть сколько-нибудь.

Отец Александр отвечал:

- Ты сыта, обута, одета. А у них нет. Они голодают. А мой закон, моя вера говорят мне, что я должен дать бедному, накормить.

Когда Петровым постом или на Пасху ходили с молебнами по домам, то прихожане гору хлеба наносили в сени. Отец Александр шел с молебнами и самым бедным, вдовам, говорил, чтобы они вечером приходили за хлебом.

Вечером он вместе с матушкой наложит каждой по мешку и только спросит:

- Донесешь? Ну иди.

В своем доме о. Александр дал приют Матроне Горбуновой. Муж у нее умер рано, и она одна воспитывала сына Михаила. Матушка Александра шила по просьбе мужа ему одежду, и чтобы она ничем не отличалась от одежды их детей. Сироты, вдовы, обиженные - все к нему шли за советом и помощью.

Жила в селе Аннушка. Была у нее незаконнорожденная девочка Вера. Крест в то время двойной - крест позора и бедности. Жил в селе богатый мужик Василий. Имел сорок овец, две коровы, молотилку. По тем временам для этих мест он был человек состоятельный. Жена его, Екатерина, все время болела. Аннушка около этого человека кормилась. Зимой за больной женой ухаживала, летом в поле работала. Пришла она однажды, и говорит:

- Василий Федорович, я пришла вам сказать, что нынче я просо полоть не приду.

- Почему?

- Я, Василий Федорович, захворала.

- А чем ты захворала?

- Не знаю. Захворала. Не могу никак.

Жена его была женщиной богобоязненной и говорит:

- Василий Федорович, я ей полкаравая хлеба отрежу.

- Нет, не отрежешь, лодырей кормить я не буду.

- Василий Федорович, я захворала, завтра я приду.

Екатерина говорит:

- Дам я ей полбуханки хлеба, ведь она просит. - Нет, не дашь.

Не дал и жене запретил. Пошла Анна к о. Александру. Матушка стала ее лечить, о. Александр дал ей четыре каравая хлеба и ведро муки и сказал:

- Аннушка, как съешь, так приходи к нам опять.

Она хотела в ноги поклониться, но он не велел:

- Нет-нет, в ноги не кланяйся. Я - христианин и обязан голодного накормить и обиженного утешить.

А о. Александру у Василия Федоровича не раз приходилось самому занимать. Увидя, что Аннушка вышла от священника с хлебом, Василий Федорова с гневом направился к нему:

- Зачем ты ей дал! Она теперь ко мне неделю работать не придет. Отец Александр обнажил голову, поклонился ему и сказал:

- Василий Федорович, прости ты меня Христа ради, если я тебя чем обидел. Я накормил голодного, она пришла ко мне и плачет. Я надеюсь, что и я к тебе приду и попрошу и ты дашь.

- Нет, теперь не дам, потому что ты снабдил ее хлебом и она вообще не придет.

Отец Александр поклонился ему и снова попросил прощения.

Не только милосердным был о. Александр, но и миротворцем, как и заповедал Христос. За сто верст от Лисьих Полян жил богатый мужик Алексей Максимович. И столь он любил беседовать с о. Александром, что и сто верст для него было не помехой. И вот случилось в его семье горе. Дочь его Антонина родила незамужем ребенка. Разгневанный отец выпорол ее и сказал:

- Иди из моего дома, Тонька, и на глаза мои не являйся, пока я тебя вовсе не убил, а ребенка твоего я и без тебя убью.

Вспыхнула она и сказала:

- Ну, тятенька, мамонька, простите меня, Христа ради, больше вы меня не увидите.

Собралась и ушла. Алексей Максимович вскоре после ее ухода стал раздумывать обо всем происшедшем, и все тревожней ему вспоминались слова: "Вы меня больше не увидите". Уж не собирается ли она самоубиться? И тревога двойная, темней и тягучей, чем от позора, сдавила сердце. Он собрался и поспешил к о. Александру и все ему рассказал.

- Иди, Алексей Максимович, и догони ее.

- Батюшка, да где же я ее найду?

- Иди, Алексей Максимович, сегодня же найди ее и скажи: "Тонюшка, прости меня, я разгневался, не удержался, идем домой, ребенок плачет, твое детище плачет по тебе".

- Не пойду, - заупрямился своенравный старик.

- Если ты не пойдешь, то ты не одну, а две души убьешь. Если она утопится, то как?.. Она согрешила, приняла стыд, а ты ее избил. Ты за что ее избил?! Она и так несчастна!

- Она не пойдет. Она меня боится теперь. Я сказал: "Убью, если появишься на глаза".

- А ты пади ей в ноги и скажи: "Прости меня, доченька, Христа ради, прости; я грешник, я тебя избил, несчастную". Иди и приведи ее домой.

Он послушался и привел дочь домой. Наутро они пришли к о. Александру. Антонина в ноги поклонилась священнику и сказала:

- Батюшка, ты спас мне жизнь, я утопиться хотела: дома меня не держат, ребенка отняли... - А я, батюшка, хотел ее убить, да больно красивая доченька-то, ребенок-то - и не убил.

- Тебя Господь отвел от этого греха. Она, Алексей Максимович, совершила грех и приняла за него стыд, а ты ее еще прибил. А ее грех не непрощенный, это грех искупаемый...

Во второй половине двадцатых годов о. Александра стали теснить налогами и поборами. Теснили новые власти церковь хуже татар; те оставляли, чтобы было, что взять в следующий раз - эти разоряли до донышка. Приходят и говорят:

- Батя, наклади ведро меду!

- Куда?

- В правление.

Выбрав все, составили обвинение: злостный неплательщик, противник советской власти, мед не дает. Отец Александр, прочитав про мед, сказал:

- Вы идите сами и берите, если найдете хотя бы ложку меда. Если найдете, то забирайте меня как лжеца. Берите и всех пчел.

Идти они не пожелали, а потребовали, чтобы он поставил под обвинением подпись. Подумал: подписывать ли такую бумагу? Но решил, что, если он не подпишет, то они сами его подпись поставят и все равно арестуют. И он подписал.

"Мне отмщение, Аз воздам", - говорит Господь. Вскоре председатель сельсовета Титов застрелил бедняка и сам был арестован; о. Александр остался на воле.

В 1929 году прибыли в село безбожники снимать колокола. Мужики собрались с вилами и кольями и были полны решимости отогнать безбожное воронье, слетевшееся клевать святыню и уничтожать народное достояние. Отец Александр остановил:

- Всякая душа власть предержащим да повинуется. И вас пересажают, и меня в этом обвинят. Как хотите, а это дело Божие, не наше вами.

Колокола сняли, служба продолжалась.

Как произрастает семя добра в душе человека и как - семя зла? Бог видит рост и того, и другого. Михаил Горбунов, нашедший когда-то приют в семье священника, вырос, вступил в коммунистическую партию, стал председателем поселкового совета и теперь разорял и обездоливал. Зная, что о. Александр будет лишен имущества и крова, он пришел в этот день пораньше и сказал:

- А можно ли чаю поставить?

Домашние священника захлопотали, поставили самовар, стали собирать на стол, когда в дом вошли восемь человек. Отец Александр предложил разделить трапезу, но они отказались, сказав:

- Хватит тебе чай пить, ты свое отпил.

С собой они привели ту самую Анну, которой столь много о. Александр благодетельствовал, и намеревались поселить ее в доме священника. Как бы в исполнение некоего обряда Николай Ваньков приказал ей:

- Анна, снимай иконы, руби, да растопляй подтопку.

- Николай Андреевич, я иконы рубить не буду. Александр Алексеевич мой благодетель.

- Какой он благодетель! Он паразит.

- Нет, он мой благодетель. Без него бы мне дочери не воспитать.

Николай Ваньков и Михаил Горбунов с подручными сняли со стен икон картины, книги. Ваньков принес со двора топор и принялся рубить иконы. Отец Александр сказал:

- Николай Андреевич, ну зачем вы хотите топить печь этими вещами! Их можно было бы отдать в музей. Они еще пригодились бы. Есть дрова, ими топите.

- Ты здесь не хозяин, - ответил Ваньков, складывая порубленные иконы в печь.

9 декабря 1937 года о. Александр был арестован. За день до ареста его навестила раба Божия Анастасия, помогавшая семье о. Вячеслава Леонтьева, после ареста которого она ухаживала за его матушкой Зоей. Отец Александр был болен. Анастасия стала жалеть его и говорить, что, может быть, больного его не арестуют.

- Нет, они никого не жалеют и не желают ничего видеть. Завтра меня арестуют.

Наутро милиционер повез его в тюрьму. Дочь собрала и понесла передачу.

- Валидов здесь? - спросила она у окошка.

- Здесь.

- Вот передача ему.

- Никаких передач. Отъел свое.

- Вы мне скажите, его здесь будут держать или отправят?

- Приходите послезавтра.

И надзиратель захлопнул окошко.

Через день она пришла вместе с матушкой о. Василия из села Андосова, который был арестован тогда же. Но власти объявили, что они отправлены накануне.

Родственники после смерти Сталина попытались узнать о судьбе о. Александра, им пришел ответ, что он приговорен к заключению в Дальневосточные лагеря без права переписки (то есть расстрелян).

Священник Василий Воскресенский служил в селе Пильна Нижегородской области в храме Ильи Пророка. В 1921 году храм сгорел, но вместо него был построен новый, который сразу по окончании строительства безбожники отобрали и, разрушив купол, приспособили под школу. Православные перешли в убогую времянку.

Первый раз о. Василий был арестован в двадцатых годах, приговорен к пяти годам, по прошествии которых вернулся в село. Прихожане просили о. Василия служить у них. В 1937 году вместе с диаконом Александром о. Василий был арестован; оба они скончались в заключении.

Протоиерей Никандр и его жена Александра были арестованы в селе Княжиха Пильненского района. По всей вероятности, о. Никандр вскоре в заключении скончался, а матушка Александра пробыла в лагере семь лет и умерла незадолго до освобождения.

Священник Петр Кочетков служил в Никольском храме села Пожарки Сергачского района. Он был арестован в 1935-1936 годах и скончался в заключении.

Священник Петр был арестован в селе Ильина Гора Курмышского района - и безвестно.

Протоиерей Иоанн Масловский родился в Нижегородской губернии. Окончил Духовную академию и более сорока лет прослужил в селе Шохине. Приход был бедный, семья у о. Иоанна была большая, и ему приходилось крестьянствовать.

Однажды зимой он заблудился, не знал, как выйти, и тогда взмолился Николаю чудотворцу: "Не дай мне умереть неготовому, не очистившемуся покаянием". И по молитвам святителя он выехал на село, где служил священником его родной брат.

Во время гонений двадцатых годов его трижды вызывали к себе власти и принуждали отречься от Бога. Он не соглашался. А положение становилось все труднее. Опасаясь гонений, стали принуждать к отречению домашние. Злым разбойником надвигался со всех сторон мир. Отец Иоанн не уступил просьбам и вскоре был арестован, скончался в заключении.

Протоиерей Александр Касаткин окончил Духовную академию и служил в Нижнем Новгороде. По воспоминаниям знавших его, он был тих и кроток. Во время гонений был арестован и сослан. Отбыв ссылку, он вернулся домой. Дом его был занят, жилец донес на него, и о. Александр снова был арестован; скончался в заключении.

Священники Николай Покровский, Димитрий Орловский и Леонид Архангельский были арестованы в тридцатых годах. Леонид Архангельский подписал отречение, рассчитывая получить хорошее место, и был освобожден, но позже его вновь арестовали и отправили в лагерь, где он и скончался. Два других священника скончались в заключении как исповедники.

Священник о. Симеон, по национальности мариец, служил в селе Лежнево Шаранговского района. Арестован в 1930 году.

Вместе с ним был арестован староста храма Иоанн Лежнин. Цель безбожников была закрыть храм. Старосту обвинили в незаконном изготовлении крестов и заключили в Яранскую тюрьму. Мучителям не удалось склонить исповедника к самооговору, и он был приговорен к трем годам заключения; скончался в тюрьме города Вятки.

Священник Симеон был заключен в Архангельские лагеря, куда ездила к нему его многочисленная паства. Из заключения ему удалось бежать, и хотя тюремщики приложили много сил, чтобы найти его, поиски остались безуспешными.

Вместе со священником о. Никифором и несколькими крестьянами о. Симеон ушел глубоко в лес. Здесь они выкопали пещеры и устроили монастырь. Не один год прожили они здесь. Завели кошку. Однажды, это было в начале сороковых годов, за кошкой погналась охотничья собака, а вслед за нею набрели на отшельников охотники. Они донесли о монастыре властям. Все скрывавшиеся были арестованы и расстреляны.

Священника Иоанна Макарова арестовали в тридцатых годах. Родом он из села Балтинка. Служил под городом Ядрином. Скончался в заключении.

После арестов в селе нескольких священников архиерей прислал священника из Сергача, но прихожане попросили поставить своего деревенского - Петра Даниловича Платонова. Архиерей согласился. Отец Петр служил до закрытия храма в 1937 году. Узнав, что его собираются арестовать, он скрылся в лесу, где и прожил до своей кончины. Хоронили его прихожане открыто, народу собралось множество, и власти не решились препятствовать. Иеромонах Савва - родственник о. Петра, был арестован и скончался в заключении.

Священник Михаил Козлов и сын его, регент Владимир. Несчастно село и беден приход, когда они лишены настоящего пастыря. Никакое дело в таком селе не спорится, и жизнь, как прогнившая ткань, расползается в разные стороны. Нет духовных успехов, нет и материального благополучия. Если в такое село попадет ревностный, но молодой и неопытный пастырь то, столкнувшись с трудностями, придавливающей работой, начинает унывать и стремится уйти на приход полегче. И со временем такое село как бы заволакивает серая безлюбовная хмарь.

Праведники и святые - как звезды на небе, хмуро и неприветливо жить там, где над человеком распростерто небо без звезд, - пустота. Таким несчастным и невезучим было село Борятино. Было в нем двести домов, была земля, а достатка не было никогда. И пастыри сюда достойные не приходили, а недостойные быстро его покидали, и оставалась неудачливая паства без духовного окормления. Только и радость была, что во время закулачивания в конце двадцатых годов всего десять дворов записали кулацкими и хозяев их не выслали в Сибирь, а разрешили расселиться по соседним районам.

В 1918 году приходской священник в Борятине отказался от сана и вместе с псаломщиком бежал. Затем священники часто менялись. В трудные для крестьян годы (1928-1932) храм остался совсем без священника и так достоял до середины тридцатых годов, когда в нем стал служить последний в селе священник о. Михаил Козлов. Родом он был из села Порецкого, не в пример Борятину, благочестивого большого села.

Сын о. Михаила Владимир тоже был когда-то священником, имел семью, четверых детей, но овдовев, пленился страстью к молодой девице, певшей на клиросе, у которой от природы был дивной красоты голос. Отец Владимир снял с себя священнический сан и женился. Обретя вожделенное, он не обманывал себя, зная, что выбрал худшее, небесному предпочел земное, свободному - страстное, рабское. Теперь Владимир служил в храме у отца регентом. Регентом он был ревностным и не желал ни при каких обстоятельствах покидать храм. Показывая на гордо расхаживающих по селу новых господ - безбожное колхозное начальство, Владимир говорил: "И я мог бы так же с папкой ходить, но я лучше буду Богу служить. Хоть и грешный, а Божий".

В 1937 году о. Михаил и его сын Владимир были арестованы. В тюрьме безбожники предлагали Владимиру отречься от веры, обещая свободу, но он предпочел более выгодный торг, ценою мученической смерти приобрести душе первые одежды. Вместе с ним в заключении скончался и о. Михаил.

Священник Александр Воскресенский служил в селе Паново Арзамасского уезда. Он был расстрелян вместе с сыном Петром в сентябре 1918 года за религиозную проповедь.

Священника Лебедева села Ездоково Арзамасского района, диакона, звонаря Ивана Ивановича Коновалова и монахинь, живших при храме, арестовали в 1937 году. После заключения в тюрьму о них не было никаких известий.

Священник Иоанн Ходоровский был эмигрантом, но в 1921 году нелегально вернулся в Россию, был арестован и отправлен в ссылку, где тайно принял рукоположение в священнический сан, а затем бежал и долгое время скитался. Прибыв в Арзамас, о. Иоанн нашел приют у монахини Терентьевой. Некоторое время она скрывала его как беглеца, но впоследствии о. Иоанн перестал скрываться и снискал к себе всеобщее уважение. В обхождении с народом был мягок, отзывчив, шел навстречу любой просьбе и без отказа совершал все требы. Жил о. Иоанн в миру по уставу затворников и готовился принять монашескую схиму. Он был обвинен в распространении антисоветских листовок при помощи странствующих религиозных проповедниц и принадлежности к церкви, возглавляемой митрополитом Иосифом (Петровых). Расстрелян в Арзамасе в 1938 году.

Священник Порфирий Устинов родился в восьмидесятых годах XIX столетия, был рукоположен ко храму села Каменки Нижегородской губернии. У о. Порфирия родилось двое детей. Но не к счастью семейной жизни влекло его сердце, а к подвигу. Во время Великого поста он каждый вечер шел в церковь и молился там до двух часов ночи. В течение всего поста он и его жена Александра употребляли в пищу только просфоры и хлеб, а в первую седмицу не ели вовсе.

Время не сохранило подробностей недолгого служения о. Порфирия, но известна одна история из его семейной жизни, которая рисует смиренный облик православного подвижника.

Во время ночных молений в храме о. Порфирий сам читал псалмы, каноны и акафисты. В сердце Александры стало расти раздражение - ей хотелось читать в церкви, а батюшка не предлагал. По молодости и духовной неопытности (ей было тогда двадцать два года) она решила попробовать свои силы на поприще самостоятельного духовного подвига и пришла к мужу:

- Батюшка, я пойду странничать. Благослови.

- Благословляю тебя, иди, - кротко ответил о. Порфирий.

Дети остались с отцом. Александра отправилась странствовать вместе с духовными сестрами, и странствовали они около года.

Однажды отыскали они большого подвижника, жившего в лесу. Монах вышел навстречу странницам, провел к келье, и, обратившись к Александре, сказал:

- У меня мух полно, в келью зайти нельзя... Своего подвижника бросила и ко мне пришла. Не покидайте своего батюшку, - обратился он ко всем, - он настоящий подвижник Христов.

А потом постукал пальцем Александру по голове и сказал:

- Будешь читать Псалтирь и акафисты.

Вышли они из лесу. Александра решила домой возвращаться. И вовремя. Прошло после ее возвращения несколько дней - и она внезапно ослепла. Отец Порфирий не попрекнул ее долгим отсутствием, он вел тот же образ жизни - прилежно молился ночами, постился. Александра стала ходить с ним в храм, слушала чтение, сама уже читать по слепоте не могла. Прошло немного времени, и она выучила на память Псалтирь, семь акафистов, основные каноны и полунощницу с семнадцатой кафизмой, чтение которых стало для нее великим утешением и поддержкой после смерти мужа.

Отец Порфирий недолго прослужил в храме. Во время гонений на Церковь в начале двадцатых годов он был арестован и отвезен в тюрьму села Пильна. Там он заболел и вскоре скончался.

Священник Василий Адаменко родился в 1885 году в станице Попутная, неподалеку от Армавира. С юных лет был очень религиозен, обладал красноречием; часто проповедовал на берегу Кубани, где собиралось много верующих. Заметив его ревность, приходской священник направил его на курсы противосектантских миссионеров. Затем он был рукоположен во священника.

Отец Василий служил в Армавире, в Одессе, Екатеринодаре. В 1919 году он был выслан из Екатеринодара в Нижний Новгород в числе других священников. В Нижнем

Новгороде он много и успешно проповедовал. Служил в Ильинском храме. Истовым богослужением, проповедью, внимательной исповедью привлек в храм много молодежи, так что, в конце концов, образовалась религиозная община.

Будучи даровитым миссионером, он много страдал от того, что слово Божие и православное богослужение с трудом понимаются значительной частью народа, что душа участвует в молитве, а ум остается без плода, что сам язык богослужебных книг не вполне понятен для современного человека. Его переживания и размышления находили поддержку в суждениях по этому вопросу некоторых современных ему учителей Церкви, например св. Феофана Затворника, который писал: "Есть вещь крайне нужная. Разумею новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши церковные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных книг. И о. Василий взялся за переводы на русский язык богослужебных книг. Он составил и издал на русском языке Служебник, Сборник суточных церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви и Требник.

В дореволюционной России трудно было ожидать скорого проведения церковно-богослу- жебных реформ, и когда появилось обновленческое движение о. Василий увидел в нем возможность к осуществлению реформ и примкнул к движению. В храме у о. Василия все было подчинено строгому благочестию, в алтаре были запрещены все разговоры, из алтаря и ризницы убраны все зеркала которых он не только в храме, но и в доме не держал. Он был очень нестяжателен и не брал за требы денег. Его духовные чада строго постились в установленные церковным уставом дни, и часто он благословлял кого-нибудь из молодежи проповедовать в храме. В 1924 году жена о. Василия, не выдержав аскетического уклада его жизни, ушла, и он принял монашество с именем Феофан.

Он видел, что не все обновленческие священники столь же ревностны, что преобладающее большинство обновленческого духовенства ищет иного - мирского, а не духовного, и даже вовсе не религиозного. И о. Василий старался не служить Евхаристии с другими обновленческими священниками, а сослужить лишь на всенощных.

К о. Василию приезжал из Киева известный знаток церковного устава Михаил Николаевич Скабалланович; он был на службе о. Василия и одобрил ее. "Я переводил богослужение на русский язык для знакомства верующего народа, но не думал, что это так скоро осуществится на практике", - сказал он.

Часто о. Василий выступал на диспутах с безбожниками и всегда выходил победителем. На известном диспуте в Москве Луначарского с Введенским выступил также о. Василий, после чего Луначарский подошел к нему, обнял и сказал:

- Ты меня победил.

Своим авторитетом и религиозной ревностью о. Василий многих привлекал в обновленчество, придавал ему значительность. Но ни возглавителей обновленчества, ни советские власти о. Василий не удовлетворял.

Обновленческий митрополит Александр Введенский, приехав в Нижний Новгород, всячески льстил о. Василию, но, вернувшись в Москву, заявил "Хватит нам этой эндэковщины и адамовщины". (Священник Александр Эндэка служил в храме на Лубянской площади и принадлежал к "идейным" обновленцам). Вскоре Введенский послал своего епископа для ревизии и удаления о. Василия из храма. Поначалу приехал епископ Александр (Лавров), но познакомившись с о. Василием и побывав на богослужении, отказался расправляться со священником, за что в наказание был переведен Введенским в Вологду. На смену епископу Александру был прислан митрополит Иерофей Померанцев (постриженник архимандрита Сергия Страгородского), которому также было поручено ликвидировать общину, о чем он при отъезде сказал:

- Мне поручено было вас разогнать, но я не мог этого сделать, так как мне понравилось ваше уставное богослужение на русском языке.

Вскоре приехал митрополит Иоанн (Миртов), который быстро договорился с НКВД об образе действий. Отец Василий стал готовиться к аресту и послал письмо митрополиту Сергию (Страгородскому), в котором приносил покаяние в обновленчестве. Одновременно с этим готовил себе преемника.

Священник Василий Адаменко был арестован 9 декабря 1931 года после всенощной на Знамение Божией Матери и выслан в Красно-Вишерские лагеря.

Его преемник Василий Абоимов был рукоположен во диакона и священника митрополитом Сергием (Страгородским), а служивший здесь ранее диакон Иоанн Фролов был митрополитом Сергием перерукоположен. В своем храме о. Василию Абоимову служить не дали, так как обновленцы забрали ключи от храма. Паства Ильинского храма разошлась по городским приходам. На этом Нижегородское обновленчество прекратило свое существование. Священник Василий Абоимов и диакон Иоанн Фролов были направлены в село Пахотный Усад, где с благословения митрополита Сергия служили на русском языке. Вскоре о. Василий Абоимов был арестован.

По окончании срока о. Василий Адаменко жил во Владимире. В 1937 год он был арестован и отправлен этапом в Караганду в числе девятнадцати человек нижегородского духовенства. Скончался в заключении.

Священник о. Василий служил в Преображенском храме села Воротынец с 1919 года. В 1926 или 1927 году он был переведен в село Катунки; служил усердно и был в нравственном отношении примером для прихожан.

Вместе с ним служил священник о. Владимир, совершенно иного духа. Рано овдовев, он пьянствовал и распутничал, переходя в состояние все горшее, так что не гнушался предавать собратьев. После перевода о. Василия на другой приход власти объявили сбор подписей якобы для того, чтобы сохранить храм. Когда все подписались, дело представили так, будто подписи собрали, чтобы закрыть церковь. В 1928 году храм стали поспешно ломать.

По доносу о. Владимира о. Василий вскоре был арестован и умер в тюрьме.

Священник Александр Цитронов служил в селе Корсакове Пьянперевозского района. Родился он в 1874 году, рано овдовел и сам воспитывал сына, несчастья переносил с кротостью и смирением, полагая в Господе упование и утешение свое. В 1929 (или 1930) году власти изгнали его из дому, он скитался, жил подаянием, но службы в храме не оставлял. Неподалеку от села Корсакова, селе Воротынец служил священник Владимир. Не раз он приступал к о. Александру, соблазняя его.

- Давай откажемся от Бога, нам хорошее место дадут.

Отец Александр отвечал:

- Я Бога менять не буду ни на кого.

В 1937 году он был арестован и расстрелян.

Священник о. Косма служил в Нижегородской епархии; во времена гонений на Церковь был арестован и пробыл несколько лет в заточении; по окончании срока служил в селе Митино, где в этот момент не было священника. В 1937 год он был арестован и расстрелян.

Священник Павел Перуанский и диакон Михаил Лилов. После закрытия Дивеевского монастыря в 1927 году в Дивееве оставалась только Казанская церковь, которая служила до своего закрытия в 1937 году. Настоятелем храма был митрофорный протоиерей Павел Перуанский. Вторым священником был о. Симеон. Он был из мастеровых; в тридцати годах из страха перед преследованиями снял с себя сан. Умер в Вятке во время войны.

Михаил Лилов был последним диаконом в Казанском храме. У него был большая семья, а служить становилось все труднее, и он уже решил снять с себя священный сан; и вот в то время, когда он находился в Казанской церкви, ему явилась первоигумения мать Александра, после чего он изменил свое решение и до самой смерти горько оплакивал свое малодушие. В Великую среду за литургией Преждеосвященных Даров он не мог читать Евангелие о предательстве Иуды, захлебываясь от слез.

При закрытии храма осенью 1937 года диакон Михаил был арестован вместе с настоятелем о. Павлом Перуанским. Незадолго до ареста его вызвали и спросили: "Ты пастырь или наемник?" Он ответил: "Я пастырь".

Оба они скончались в Арзамасской тюрьме на Пасху 1938 года.

Саровский иеромонах Маркеллин много лет стоял гробным у мощей преподобного Серафима. Он никогда не уставал служить молебны и поминать о здравии всех. Он говорил: "Пишите, пишите всех, кого знаете, чтобы всех помянуть у мощей преподобного". Перед закрытием монастыря управляющий Тамбовской епархией архиепископ Зиновий предложил ему взять мощи и скрыться с ними на Кавказе, но тот не послушался. Он говорил: "Стоя столько времени у мощей, я видел так много чудес, что уверен, что преподобный сам не дастся". Когда же мощи были изъяты и увезены из Сарова, он страшно раскаивался в своем самоволии и едва не заболел.

В начале тридцатых годов о. Маркеллин был арестован и в 1932 году находился в Алма-Ате на пересыльном пункте. Последний раз его видели в церкви в Алма-Ате в Великую субботу, а в Пасхальную ночь его вместе с другими заключенными послали этапом дальше; вскоре он скончался.

Игумен Саровской пустыни Руфин скоропостижно скончался в Сарове в 1924 году. После него игуменом был Мефодий. Он был сослан еще до закрытия монастыря и, по-видимому, скончался в ссылке.

Иеромонах Исаакий, подвижник Саровской пустыни, после закрытия Сарова был арестован и скончался в ссылке.

Инок-подвижник Василий, сидевший у Серафимовского источника, был убит в 1927 году при закрытии Саровской пустыни.

Священник Иоанн Пустынский был рукоположен ко храму села Бабино Ташинского уезда Нижегородской губернии, где и прослужил двадцать пять лет.

Когда начались гонения, власти, намереваясь закрыть храм, потребовали уплаты непомерного налога. Священнику нечем было заплатить, но крестьяне сами собрали все нужное. Тогда власти арестовали его, обвинив в том, что он уговаривал крестьян помочь с уплатой налога, и отправили в лагерь.

После освобождения он стал служить в селе Усы, потому что в Бабино на его место поступил служить иеромонах Саровского монастыря Дамаскин.

Вскоре о. Иоанна снова арестовали. В лагере он смертельно заболел, был освобожден и сразу после этого скончался. Заключение и испытания не сломили исповедника, он говорил: "В тюрьме спасение. От востока до запада все там узнаешь".

Иеромонах Дамаскин был ревностным пастырем. Однажды в его приходе без исповеди умер старик-прихожанин. Узнав об этом, он сильно сокрушался: "Теперь я должен всю жизнь о нем молиться, ибо дам за него ответ".

В 1939 году он был вызван в районный центр как бы для уплаты налога, там арестован и скончался в заключении.

Инок Феодор (Малешкин) был послушником Саровского монастыря. Родом из села Гавриловки Ташинского уезда. После закрытия властями в 1927 году Саровского монастыря он вернулся на родину, ходил из села в село, читал Псалтирь. За кротость и незлобие крестьяне любили его и всегда с радостью принимали. Когда власти приказали идти на выборы, проверяя покорность народа новым обрядам, он не пошел. И представители властей пришли к нему в дом.

- "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста", - сказал он вошедшим. Его арестовали и заключили в тюрьму, где он и скончался.

Священник Владимир Боголюбов родился в селе Шуварово. Он был женат на дочери священника о. Иоанна из села Лендяй Старшайкова района. Служить о. Владимир начал с 1922 года.

В 1931 году скончался о. Иоанн, и о. Владимир перешел служить на место в село Лендяй в храм святителя Николая. Местные власти настолько навидели Церковь, что на похоронах о. Иоанна запретили колокольный звон.

Первое время о. Владимир жил в церковном доме, но его отобрали. Он купил свой дом, но и его отобрали, и семью священника приютила одна старушка. Однако и здесь о. Владимиру не пришлось долго жить.

В феврале 1932 года в сельсовете собрался комсомольский актив во главе с Михаилом Перфильевым и постановил поехать за священником, отвезти на кладбище и каждому пустить в него пулю.

На собрании присутствовал учитель Иван Степанович Демин. План убийства священника его ужаснул, он пришел домой и рассказал обо всем матери. Она сказала своей снохе Марии:

- Беги, предупреди, батюшку убить собираются.

Та вмиг побежала. Убийцы заблудились, хотя ночь была лунная, и Мария успела предупредить священника, который тут же ушел. Отца Владимира убийцы не застали, но увидев Марию, схватили ее и отвели в сельсовет. А сами пошли к ней домой.

Пришли и спрашивают мать:

- Где твоя дочь?

- Не знаю, задержалась где-то.

- Мы твою дочь убили, - говорят.

- Что же, видно, так Богу угодно, - спокойно ответила она. (Через некоторое время Марию отпустили).

Отец Владимир перебрался в небольшую деревню Обувка. Но и туда пришли его искать убийцы. Тогда он ушел в соседнюю Нижегородскую область, в село Мудаюв, где служил до 1937 года.

В 1937 году о. Владимир был арестован и скончался в заключении.

Священник Алексей Салганский служил в храме Казанской Божией Матери в селе Григорово Большемурашкинского района. Отца Алексея арестовали в середине тридцатых годов, и он умер в заключении. После его ареста безбожники начали разорять храм. Разрушили колокольню и разбили колокол; батогом срывали с иконостаса иконы и бросали в реку. Наконец объявили, что будут снимать с храма кресты. Вызвался Иван Ананьев:

- Если хорошо заплатите, я найду напарника и обещаю вам кресты снять.

Власти согласились и дали денег, но когда он поехал на базар, лошадь понесла, разбила телегу; он сломал ногу, руку, поломал несколько ребер, так что мероприятие это рассыпалось, и других желающих испытывать на себе гнев Божий не нашлось.

Священник Николай Сатирский служил в селе Воронине, в пяти километрах от Григорьева, был арестован в 1936 (или 1937) году и скончался в заключении. Священник Николай Васильевич Никольский служил в селе Курлаково Большемурашкинского района. Прихожане с благодарностью вспоминали о нем как о ревностном священнике; он много и интересно рассказывал о Церкви и ее истории.

Когда его арестовали в 1941 году, ему было около сорока лет. Он был казнен, по-видимому, сразу же после ареста.

Игумения Елизавета - вторая игумения от основания монастыря в селе Медяны Нижегородской епархии. Монастырь был трудовой, инокини и послушницы занимались в основном сельскими работами. Как и многие монастыри, Мединский благотворил нуждающимся.

В 1918 году в монастырь прибыли представители советской власти и стали грабить его. Игумения благословила звонить в колокол. Крестьяне, услыхав колокол, поспешили к монастырю с вилами, топорами, кольями. Безбожники продолжали грабеж, и в завязавшейся схватке трое из них были убиты.

Через несколько часов в село вошел карательный отряд. Всех монахинь собрали в одну комнату, престарелую игумению - ей было в то время около восьмидесяти лет - в другую.

Обнажив тело старицы, палачи стали нещадно сечь ее. Били так, что мясо отделялось от костей. Но Господь укрепил ее, и ни одного стона палачи не услышали.

Избив, едва живой бросили они игумению в подвал и держали там долгое время без пищи. Господь не оставил рабу Свою: когда каратели открыли двери, они нашли ее живой, исцелившейся от ран.

Вскоре после этого она мирно почила и была погребена в селе Каменка, где вместе с другими монахинями жила после закрытия монастыря.

Монахиня Надежда (Надежда Ивановна Короткова) жила в селе Каменка. Она была арестована в конце двадцатых годов. Восемь или девять лет пробыла в заключении, не уставая проповедовать Христа, не изменяя монашеским обетам и правилам благочестия, за что ей немало приходилось терпеть от надзирателей.

Умерла она на руках своей соузницы Анастасии, уроженки села Медяны. Ангельское пение сопровождало кончину праведницы: его слышали Анастасия и надзиратели.

Монахиня Феофания (Рубцова) от юности подвизалась в монастыре в селе Кутузовка. Жила вместе со схимонахиней Серафимой - старицей высоко духовной жизни.

Когда безбожие разорило монастырь, она сняла монашескую одежду, надела мирскую, но поста и внутренних трудов не оставляла. Однако совесть ее была неспокойна. Она сказала себе: "Все идут за венцами, а я останусь так? Нет, и я пойду". И она снова надела монашеское. Ее арестовали, вскоре она скончалась.

Фекла - послушница Дивеевского монастыря; после его закрытия долго скиталась, пока, наконец, не поселилась в лесу неподалеку от Чебоксар. В сороковых годах, когда ей исполнилось семьдесят лет, была арестована. После приговора конвойный офицер сказал ей:

- Слушай, бабушка, внимательно. Тебе дали двадцать пять лет. Ты живой уже не выйдешь.

- Ну, что ж, и там Бог, - спокойно ответила она.

В 1954 году после смерти Сталина она была освобождена, умерла у духовных сестер.

В селе Кадым Темниковского уезда Нижегородской губернии в 1930 (?) году власти собирались арестовать девяностолетнюю монахиню Святославу и выслать в Казахстан, куда уже были сосланы монахини женского Рождественского монастыря. Послушница Параскева вызвалась идти в ссылку вместо престарелой монахини. Она взяла ее документы, была арестована, сослана и скончалась в ссылке.

В 1937 году безбожниками были арестованы верующие крестьяне села Новаты Пильнинского района: инокиня Параскева; церковный староста Никифор Тимошкин шестидесяти семи лет; церковный чтец Тимофей Карасев семидесяти семи лет. При аресте последнего как доказательство преступления искали Библию и Евангелие. Когда милиционеры пришли обыскивать, Тимофей велел жене накормить их.

Инокиня Параскева скончалась в заключении. Рабы Божий Никифор и Тимофей попали в Карагандинские лагеря, где им давали в день сто граммов хлеба и воду, и через три года оба скончались.

Вместе с ними был арестован Степан Воржакин. Он почти наизусть знал Священное Писание, хотя был неграмотен, и полагал, что ради его неграмотности власти не арестуют его.

В Новатах почти все крестьяне оставались единоличниками. И вот, желая привлечь одного многодетного крестьянина, колхоз предложил ему помощь. Он пошел просить совета у Степана, и тот ответил:

- Не бери, от них и помощь брать грех.

Крестьянина вызвали и спросили, почему он не желает брать денег. Тот сказал:

- Степан Воржакин не велит. Грех.

Степан был арестован и скончался в заключении.

Исповедницы села Пузо. В селе Пузо власти приняли решение закрыть церковь и приступили к старосте - взять ключи. Староста отдала ключи верующим и они попали к вдове Марине Марининой, которая ни за что не пожелала их отдавать.

- Нам надо церковь, чтобы хлеб туда ссыпать. - Не отдам. Берите мой дом, ломайте печь и насыпайте, а ключи я не отдам.

Ее арестовали, и она умерла в заключении. А храм у верующих отобрали и стали ссыпать туда хлеб. Хлеб гнил, и крестьян гоняли его лопатить, но он продолжал гнить. Пришлось освободить храм.

В этом селе были арестованы православные женщины Ольга и дочь ее Мария. Обе скончались в заключении как исповедницы.

Была арестована Анна Гусева, каждый праздник доброхотно звонившая к службе. Она сильно скорбела о том, что другие идут за венцами, а она остается. Добровольно вызвалась она на мучения и пошла в тюрьму вместе с другими исповедницами. Вскоре после ареста она умерла.

Странница Ольга. Мы ничего не знаем о ее происхождении. Известно только, что ради Христа она оставила дом, мужа, детей и пошла странствовать; в конце тридцатых годов подвизалась в Ветлуге.

Горели в сердце слова Христовы, обещая высшую награду. Труден страннический подвиг: жара и холод, всякому поклонись и смирись - нет у странника на земле пристанища. Сомневалась Ольга - ладно ли сделала, и все молилась и просила Царицу Небесную открыть ей волю Божию, путь Господень. Может, не на душевную пользу и спасение выбранный ею путь?

И вот однажды, когда она ночевала в церковной сторожке, ей явилась Царица Небесная, как бы спускающаяся сверху. И с этих пор Ольга успокоилась и не сомневалась в правильности выбранного ею пути.

Епископ Неофит приглашал ее вместе с другими странниками в церковные праздники. Владыке хотелось, чтобы и его дом наполнился - и нищие и убогие ввели его в Царство Небесное.

Приходя к епископу, Ольга всегда снимала обувь.

- Да что ты, матушка, делаешь? - останавливал ее владыка.

- Это я от радости, что ты меня пригласил.

Во время гонений конца тридцатых годов она была арестована и скончалась в тюрьме города Варнавина Нижегородской области.

В селе Резоватово Нижегородской области в начале тридцатых годов арестовали трех братьев Маркеловых - Димитрия, Иоанна и Петра. Это были глубоко верующие люди, воспитанные в благочестии. Все трое умерли в заключении. Тогда же в этом селе были арестованы два верующих брата Василий и Иоанн. Оба скончались в заключении.

Феодор Ефимович Заколюкин - крестьянин села Салганы Нижегородской губернии. Когда он учился во втором или третьем классе церковно-приходской школы, у учеников проверяли певческие данные, и его взяли клирос. С тех пор он все службы был в церкви. Женился, уже было семеро детей, а как ударят в колокол, бросал любую работу и спешил в храм.

Когда начались аресты священства и прихожан, Феодор тайно уехал в Иваново. В 1942 году вернулся на родину, был узнан и тотчас арестован. Дочь провожала его. Когда шли мимо кладбища, он сложил на груди руки и показал на землю, давая тем понять, что предполагает отойти в мир иной.

Суд приговорил Феодора к семи годам заключения; он был отправлен в Нижегородскую тюрьму, где спустя два месяца после приговора скончался.

Блаженный Петр Полянский родился в селе Полянки Нижегородской губернии в 1885 (или 1886) году. В семнадцать лет он тяжело заболел, случилось что-то вроде паралича, так что он не мог ходить. Домашние и даже мать сразу оставили его. Но не оставил Господь.

Однажды пришла к нему девица Агриппина.

- Груня, будешь за мною ухаживать? - спросил Петр. Она согласилась.

- Как это ты пойдешь ухаживать за молодым парнем? Что люди-то будут говорить?! - ругала ее мать.

- Что бы ни говорили, а я за ним ухаживать буду, - ответила она.

Больше двенадцати лет он пролежал больным, и все эти годы Агриппина ухаживала за ним, смиренно терпя насмешки и поношения.

Во время болезни и до самой смерти Петр сурово постился, обходясь без хлеба и питаясь только растительной пищей. Он всем давал в своем доме приют. Четыре года в его доме пролежал тяжело больной раб Божий Василий; он ничего не ел, кроме бобов, и когда умер, то у него плоть отпала от костей, а при жизни Василий молча переносил все скорби и болезни.

Люди слышали о подвигах блаженного Петра и обращались к нему с просьбой помолиться. По его молитвам начали происходить исцеления.

Однажды к нему приехал помещик с больной женой, и по молитвам блаженного Господь исцелил больную. В благодарность помещик поставил блаженному дом, в котором он с того времени и принимал всех приходивших. Только в Великий пост Петр затворялся и никого не принимал.

Татьяна Ивановна Короткова заболела, когда ей было около десяти месяцев. Тетка, искупав ее, посадила на землю, и с девочкой случился паралич. Сначала она не могла двигаться вовсе, потом все же стала кое-как ходить, но рука и нога оставались сухими. Когда ей исполнилось семь лет, у нее отнялась речь. Видя, что болезнь усиливается, родители повезли дочь к блаженному Петеньке. Блаженный помолился, дал святой воды, и девочка заговорила. Родителям ее он сказал:

- Если эта девочка до двенадцати лет не умрет, то она проживет очень долго. Татьяна исцелилась совершенно, больная рука и нога стали здоровы, и прожила она больше восьмидесяти лет.

Господь наделил блаженного Петеньку даром прозорливости.

Однажды прислали ему к Пасхе подарок - одеяло, простыню и рубашку:

Татьяна Ивановна, просфорня, дала все это рабе Божией Александре и сказала:

- Ты все это отнеси между утреней и обедней.

Александра позвала с собой Полю, и они пошли вместе. Идти нужно было четыре километра лугами, а ночь была темная, ничего не было видно. Вдруг их осветил свет. Александра и говорит:

- Поля, ты видишь свет?

- Вижу.

И как только стали они об этом разговаривать, свет пропал. Приходят к Петеньке, а он их встречает словами:

- Надо было молчать.

После отречения царя от престола обеспокоенные крестьяне стали приходить к нему и спрашивать - что такое произошло и что теперь будет.

- Господь теперь народами не управляет, - отвечал блаженный. - Что будет со священником, то будет и с молящимися. Что будет с продающим, то и с покупающим. Земля устарела, изменила лик свой, шатается, как пьяная... сколько было церквей, сколько было монастырей - ничего не будет. Разделится Россия на три части, попадете в Англию и во Францию - поживете.

Блаженного любили посещать больные и юродивые.

В селе Шохино служил священник Аркадий. Он ходил к блаженному, сам юродствовал и, бывало, говорил: "Троим богам по сапогам, а Николе лапти, венерам по почтению, дела сдал в архив, отнимают удочки - к сумочке, ушки на макушке. Скоро к нам дадут электричества, а в потомках - темно".

В тех же местах жил блаженный Михаил Степанович, который везде куда бы ни приходил, пел одну и ту же песню: "Вот весь я жизни новой... она передо мной... Я вижу гроб готовый... Как плакали, рыдали святые в жизни сей, как смерть напоминали, как мыслили о ней". Споет, остановится и снова начинает. И все про то же. Его спросят: - Ты что все один и тот же стих поешь?

- А больше не открывается, - ответит он и запоет вновь.

За несколько дней до смерти блаженного Петра Михаил Степанович пришел в село к Александре и сказал:

- Завтра пойду к Петру Ивановичу Псалтирь читать.

На следующий день он пришел к блаженному и сказал:

- Петр Иванович, давай поменяемся мы с тобой крестами, потому что я пришел по тебе Псалтирь читать.

Блаженный Петр понял, что Михаил Степанович послан возвестить о его смерти, и попросил всех собраться. Когда все собрались, он сказал:

- Я позвал вас всех, чтобы со всеми вами попрощаться, потому что я скоро от вас уйду.

- К кому же мы понесем свое горе, - сетовали собравшиеся. - Горе имеем сердца. Кто был к Богу - пойдет выше, а кто от Бога - пойдет глубже... Ну, ладно, идите ложитесь спать, а когда буду умирать, вас позову, - ответил блаженный.

Все ушли, но не спали. И вдруг услышали, как он громко сказал: "Слава Тебе, Боже!" - и затем позвал: "Идите, прощайтесь".

Множество людей, бывших здесь, стали прощаться. Будучи больным и убогим, он жил как праведник, со смирением и радостью терпя все скорби, и скончался тихо и мирно, заслужив среди народа славу молитвенника.

Блаженная Елизавета Ивановна подвизалась в Семеновском уезде Нижегородской губернии в конце XIX начале XX века:

Она пришла в Белбажский монастырь из Ветлуги еще молодой, босая, зимой. О происхождении ее и подвигах мало известно. Известно только, что зимой, какие бы заносы ни были, наутро весь монастырь был начисто вычищен. Труд этот единодушно приписывали Елизавете Ивановне. Видели ее молящейся на колокольне. Умерла она в глубокой старости.

Прозорливость ее была поразительна. Так Вера, послушница игумении Крестовоздвиженского монастыря матери Назареты, когда ей было двенадцать лет, ходила к блаженной за благословением идти в монастырь. Она помолчала, а потом сказала: - Потом придешь, когда матушка уедет.

И потребовала себе киселя. Морщилась и не ела.

Вера вернулась домой и прожила в миру до восемнадцати лет, обуреваемая сомнениями, где лучше жить - в миру или в монастыре. Наконец, она решилась просить родителей отвезти ее в Крестовоздвиженский нижегородский монастырь. Приехала в тот момент, когда у игумении скончалась ("уехала") ее келейница, и на ее место взяли Веру. В монастыре за трапезой подавался почти каждый день кисель, которого она есть не могла.

О блаженной Елизавете много рассказывал основатель пустыни Св. Параклита о. Дорофей. В юношеские годы он очень любил веселую жизнь. Как-то еще семинаристом ехал он с братом-священником в Ветлугу. Брат его позвал:

- Заедем в Белбажский монастырь к Елизавете Ивановне.

Но тот был навеселе и говорит:

- Много таких подхалимок, а вы всем верите.

Но брат очень почитал истинную рабу Божию и уговорил поехать. Предварительно заехали на базар за гостинцами. Хотелось ему купить яблок и арбуз, но арбуза не нашлось, и семинарист посмеялся: "Хороша она и без арбуза".

Приехали они в монастырь и пошли к блаженной. У нее был отдельный домик в одну комнату, в которой она построила крошечную каморку, где и жила в страшном смраде и грязи; ходила всегда в холщовой рубашке; народ принимала во внешней комнате.

Вышла она к ним и начала вслух молиться Царице Небесной, припевая; молилась долго, так что семинаристу надоело ждать, и он стал думать:

"Ну какая это молитва, когда она молится вслух..." И тут она обернулась и говорит:

- А как же еще нужно молиться?

Потом она похристосовалась со всеми, а с ним не стала:

- Он ангел, с ним нельзя.

- Что ты, блаженная, - говорит будущий иеромонах Дорофей, - я в монахи не собираюсь.

- Нет, пойдешь, с тобой нельзя.

Потом приняла от них яблоки и говорит:

- Хороша и без арбуза...

Весь облик блаженной, ее слова сильно подействовали на душу юноши. Весь этот день и ночь он не знал покоя и сна, что было для него редкостью; молился Богу и думал: "Вон какой я сразу примерный стал..."

Наутро он снова пошел к блаженной Елизавете Ивановне. В наружной комнате ее не было, и она не стала к нему выходить. Тогда он подошел окошку, которое было прорезано во внутреннюю ее комнату, и заглянул. Она подошла также к окошку и хлестнула его изо всех сил.

- Что, ты! Что ты делаешь?! - он едва не кричал от боли.

Она говорит:

- Надо из тебя как-нибудь дурь-то вышибить, а то ничего не видя, возомнил о себе.

Белбажский монастырь был очень бедным, и все, что приносили блаженной, она дочиста раздавала.

- Что ты все раздаешь, - говорили ей, - умрешь и - и схоронить тебя будет не в чем и не на что.

Она отвечала:

- Придет человек, схоронит меня, паникадило зажжет и вас всех накормит.

У матери Веры двоюродный брат был церковным старостой, очень богобоязненный человек. Он давно собирался в Белбаж и все никак не мог попасть. Ездил он на базар в Ковернино, это тридцать верст от Белбажа, а оттуда всегда возвращался домой. Но однажды непреодолимая сила потянула его в Белбаж. Оставив все свои дела и намерения, он поехал в монастырь.

Приехал и узнал, что Елизавета Ивановна только что скончалась. Он очень сокрушался, что не застал ее в живых. Похоронил ее на свои деньги, зажег паникадило и устроил обед сестрам. Так сбылись слова блаженной старицы.

Блаженная Мария (Мария Трофимовна Смирнова) родилась в конце XIX века в деревне Шуда вблизи Ветлуги, отчего и назвали ее Мария Шудская.

Ходила круглый год в лаптях, без чулок, без носков, дома своего не имела. Православными почиталась за прозорливость.

Однажды встала она около окошка Марии Голубевой и начала реветь.

- Что ты, Маша, ревешь? - спросила ее хозяйка.

- Ой, да как я жить-то буду?! Как я жить-то буду?! Да я есть хочу, голодная.

- Маша, иди к нам, я тебя сейчас накормлю.

Она вошла, а муж Николай на полу спал. Она пихнула его ногой и говорит:

- Нет, не солдат. Мужик, а не солдат. Мужик, а не солдат.

Вскоре Николая арестовали.

Однажды разболелась Мария Голубева и слегла. Приходит блаженная и говорит:

- Здорово, подруга Мария.

- Здорово.

- Что - али неможешь?

- Немогу, Машенька, так голова болит.

- Тебе ведь поесть надо, да по-хорошему.

А она и вправду паек только на детей получала по сто пятьдесят граммов хлеба, а всего на семью девятьсот двадцать граммов. Блаженная принесла три десятка яиц, покормила ее, и та поправилась.

Однажды заболела Анастасия Смирнова - обе ноги отнялись, не могла ходить, ползала. Заглянула блаженная к ней в окошко и говорит:

- Я иду тебя лечить!

- Что ты, Мария, разве ты меня вылечишь?

- Вылечу. Вот несу тебе меду, сахару, яиц сырых, и будешь ходить. Давай вот, ешь.

После этого Анастасия стала ходить.

Валентина Замышляева работала на ферме, возила молоко для колхозников. Идет к ней Мария на ферму, сухари несет:

- Подруга, давай молока, у меня сухари пшеничные, будем молоко хлебать.

Налили они в блюдо молока, накрошили туда сухарей и едят.

- Подруга, ты знаешь Ольгу Лукешину да Анну Лукешину? Ольгу да Анну знаешь Лукешиных?

- Знаю, конечно.

- Я им купила поросят целый подол и под мостом всех поросят вывалила. Пускай две дуры за поросятами ходят. Поняла?

- Да что ты, Маша, под мостом поросят...

- Да тебе говорю, полудурок. Ольгу и Анну Лукешиных знаешь? Так вот им поросят принесла целый подол и под мостом, под мостишкой вывалила. Пускай за поросятами две дуры ходят.

Пришла Валентина домой и матери обо всем рассказала. И только рассказала - идет с фермы бригадир.

- Валентина, будешь ходить за поросятами.

- Да что ты, я молоко вожу.

- Да не все ли тебе равно. Ходи за поросятами. И поставили ее смотреть за поросятами.

Была блаженная такая, что кого побьет, а кто ее побьет, у кого что украдет, а у кого окошко разобьет. Иногда такое скажет, что непременно побьют. А то возьмет к кому-нибудь в печку полезет, спросит только хозяйку: "Ты что варила?" - да и повыливает варево из горшков.

За прямоту, с которой она многих обличала, забирали ее в милицию. Но однажды она там нечистотами всю стену обмарала и сказала: "Какая власть - такая мазь". Пришлось отпустить. Умерла она в Ветлуге, похоронена на новом кладбище рядом с блаженными Степанидой и Зинаидой.

Праведная Евдокия была одной из тех праведниц, которых так много было в России. Она была няней в семействе Приваловых в Нижнем Новгороде. За молитвенно-праведную жизнь все ее звали монахом, и мало кто помнил ее настоящее имя.

В семейство Приваловых она пришла, когда ей было двадцать лет, прожила в нем пятьдесят пять лет. Всю свою жизнь каждую ночь простаивала она на молитве, а днем занималась с детьми, но это только зимой. С наступлением весны она шила себе сумку, складывала в нее сухари и на все лето уходила на богомолье.

Она побывала не только у всех святынь российских, но и за границей. Была в Соловецком монастыре, в Сарове, у преподобного Сергия Радонежского, Тихона Задонского, Митрофана Воронежского, в Риме, Иерусалиме. Каждую весну хозяйка не хотела отпускать ее, потому что дети ее очень любили и за зиму сильно привыкали к ней. Но Евдокия твердо стояла на своем и уходила.

Когда дети подросли, хозяйка решительно воспротивилась пускать Евдокию на богомолье. Тогда она взяла сумку и тайно на рассвете ушла из дома. Ей нужно было идти через сад, за которым стояла мельница, и при ней жили рабочие. Увидев Евдокию, они остановили ее и привели к хозяевам. Но те, почувствовав непреклонность желания

Евдокии, отпустили ее с миром. На этот раз она обещалась скоро быть назад, потому что шла только в Саров.

Прошло все лето, а ее не было. Все забеспокоились. Может, умерла в дороге, может, в тюрьму попала - она всегда уходила без паспорта. Написали ее брату, уряднику, в Петербург.

А Евдокия, придя в Саров, нашла попутчиков в Соловки. Долго туда шла, там побыла, потом пошла в Петербург навестить брата, а тот только что получил письмо от хозяев. Он встревожился сам и ее напугал, купил билет, посадил в поезд, и она смиренно, нимало не осердясь за такой прием, отправилась домой. И хотя Евдокия жила у людей, жалованья не получала и работала только за кусок хлеба и одежду, она умела творить милостыню. Однажды хозяйка сшила ей шубу и подарила. На другой день Евдокия опять была одета в рваную тужурку. Хозяйка вскипела.

- Монах, постыдись, куда ты новую шубу дела?

- Не сердись, барыня, не сердись, пани, брат Божий голый был, нельзя было не одеть.

Отдавала она и все свои новые платья, даже выпрашивала у других, чтобы отдать. Если ей шили кофту с юбкой, то она считала своим долгом отдать то или другое. Тогда хозяйка придумала шить ей платья капотом. Сшила. И вдруг видит, идет Евдокия в какой-то коротенькой юбочке.

- Ты что это, монах, надела?

- Ничего, барыня. Я отрезала кофту-то, а юбку себе носить оставила.

Иногда Евдокия приходила в столовую к чаю с большой кружкой и просила ей налить чаю да сделать послаще с сахаром и еще варенья туда положить.

- Неужели ты всю эту кружку выпьешь? - спросит хозяйка и думает: "Как же она любит сладкое". А Евдокия еще слоенок да пирожков просит. Повторялось это многократно, и вся прислуга считала ее сладкоежкой. И только случайно открылось действительное.

Однажды гости долго засиделись за картами. Вдруг слышат, кто-то крадучись идет через соседнюю комнату - не воры ли? Выбежали посмотреть и натолкнулись на Евдокию. Она растерялась и прижала к груди узелок, в котором у нее были спрятаны пирожки, спитой высушенный чай, кусочки сахара и в бутылках холодный сладкий чай. Пришлось ей признаться, что все это она носит детям-сиротам.

Умерла Евдокия от чахотки, когда ей было семьдесят пять лет. Она болела смолоду, и к концу жизни у нее осталось одно легкое.

Хоронить Евдокию сошлось множество крестьян из соседних деревень, и каждый взял себе из гроба на память цветок, так что, когда ее опускали в могилу, не осталось ни одного цветка. До уничтожения крестьян в 1929 году многие из них ходили к могиле праведницы за исцелением и утешением в скорбях.

Преподобномученик Никифор (Югов) (память 25 января по старому стилю)

Преподобномученик Никифор (в миру Николай Ильич Югов) был племянником и крестником старца Максима. Отец Николая, Илья, был человек на редкость благочестивый, усердный к богомолью, правдивый и простодушный. Давно уже сиял, как с высокого свещника, подвиг старца Максима, чья пламенная вера в Бога зажгла сердца многих обращавшихся к нему за помощью и советом. И молитва дяди, его подвижническая жизнь не оставили равнодушным благочестивого юношу, душа которого с детства устремлялась к подвигу. Сначала он только навещал крестного, иногда проводя в его келье по несколько дней, а последние четыре года перед смертью старца жил у него неотходно.

Первое время Николая, как ребенка, все развлекало в обстановке старца и отвлекало от молитвы. На нем лежала обязанность читать вслух монашеское правило. Однажды во время чтения раздался стук в дверь.

- Крестный, я пойду открою, - сказал Николай, перестав читать.

- Нет, не открывай, пока не дочитаешь молитвы, - не позволил старец.

Николай понял так, что не надо никому открывать, пока не дочитаешь правила; стук был настолько явственен, что ему не пришло тогда в голову в нем усомниться.

- Ладно, крестный, я не буду открывать, - сказал он и продолжил чтение.

Вскоре снова раздался стук в дверь, и Николай замолчал. Старец сделал внушение, чтобы племянник не прерывал чтение. По окончании правила выяснилось, что никаких посетителей не было, все оказалось бесовским наваждением. Впоследствии, наблюдая многократно такие явления, он научился отличать действия бесовские от действительных событий.

Переехав на жительство к старцу, Николай, несмотря на все трудности пустыннического жития, был глубоко счастлив. Его чистая и простая душа ощущала себя за молитвы старца в покое, обретя в глухой чаще леса доброго путевождя, знающего путь ко спасению. И нетрудно представить, что пережил Николай, когда старец объявил ему о своей близкой кончине.

После смерти духовного наставника Николай уединился в лесной пустыни и усилил молитвенные труды. Еще при жизни старца он принял монашеский постриг с именем Никифор. Прошло несколько лет подвижнической жизни, и со временем многие из духовных детей старца Максима пошли за духовными советами к келье пустынника Никифора.

Келья у него была разделена на две половины, сам он жил в дальней, народ принимал в передней половине.

В 1918 году началось гонение на Русскую Православную Церковь, отряды безбожников повсюду арестовывали священно-церковнослу- жителей и православных мирян, не миновала эта участь и монаха Никифора. Для его ареста безбожники послали вооруженный отряд. В тот день у него был полон дом посетителей. Когда вооруженный отряд приблизился, монах Никифор мог еще успеть незаметно уйти и скрыться - из кельи был тайный ход в лес. Но он знал, что в этом случае арестуют всех присутствующих в доме как заложников. Не желая, чтобы кто-нибудь из-за него пострадал, он добровольно отдался в руки карателей.

Первую остановку красногвардейцы с арестованным монахом Никифором сделали в селе Красавино. По селу вмиг разнеслось известие, что чекисты привезли из лесу арестованного подвижника. Люди стали выходить из домов, на улицу выбежали дети. Увидев детей, он осенил их крестным знамением и с любовью, молитвенно напутствуя на всю их дальнейшую жизнь, сказал: - Живите с Богом.

Вскоре его отвезли в тюрьму в Великий Устюг. Монах Никифор был расстрелян в 1918 году в числе семнадцати человек, арестованных в те дни чекистами в Устюге, и погребен в безвестной могиле на городском кладбище.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Никита, епископ Нижнетагильский, Орехово-Зуевский (память 6 ноября по старому стилю)

Священномученик Никита, епископ Нижнетагильский (в миру Фёдор Петрович Делекторский) родился в 1876 году в городе Покров Владимирской губернии. Он окончил Холмскую Духовную Семинарию в 1908 году, а затем Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Фёдор Петрович руководил хором Академии, написал юбилейный гимн к 1914 году. В течении года он исполнял должность помощника секретаря М. Д. А., а затем, в 1898 году, был рукоположен в иерея.

С 1917-1921 годы отец Феодор являлся настоятелем Пермского Петропавловского собора, а затем настоятелем Христо-рождест- венского собора города Александров Владимирской губернии.

В период с 1921 по 1924 годы отец Феодор принял монашеский постриг и 16 (29) апреля 1924 года был хиротонисан во епископа Бугульминского. В 1926 году его назначают епископом Орехово-Зуевским, викарием Московской епархии, затем переводят на новую кафедру: с 1927 года он епископ Нижнетагильский, викарий Свердловской епархии.

Владыка Никита четырежды подвергался арестам. Впервые он был арестован в 1924 году, затем в 1925, 1930 и 1937 годах. Обвинения были различные: в связях с "белочехами", в совершении богослужения без патента, в поминовении Патриарха Тихона.

В 1927 году епископ Никита, очевидно, за несогласие с позицией митрополита Сергия (Страгородского) после выхода его "Декларации", в возрасте 51 года был уволен на покой. С этого времени начались его скитания, бездомная жизнь, которая продолжалась до мученической кончины. В 1930 году он был арестован в Москве на квартире у гражданки Елизаветы, проживавшей на Самотёке и дававшей приют странникам и бездомным священнослужителям. Епископа Никиту приговорили к исправительно-трудовым работам сроком на три года. До 1933 года он отбывал заключение на строительстве Днепрогэса, где работал конюхом и сторожем. После освобождения и до последнего ареста Владыка тайно служил в храмах Орехово-Зуева, но с 1935 года епископ Никита находится в розыске. Существовал Святитель тем, что собирал и сдавал утильсырьё. В 1936-1937 годах, скрывая своё происхождение, он ночевал в милицейских казармах у одного приютившего его милиционера, который проникся к бездомному необъяснимым для него самого сочувствием. Милиционер пускал его ночевать в казармы в шорную комнату и иногда даже поил чаем. Сам же Владыка голодал постоянно.

18 октября 1937 года Владыка был выслежен и арестован в четвёртый раз. На окошко кладбищенской церкви, около которой его арестовали, он незаметно положил бумажник со своими настоящими документами. Дело в том, что последних два года Владыка жил под вымышленной фамилией Макаров. Документы на эту фамилию ему достались от одного заключённого, и когда местные жители нашли бумажник с документами Владыки, они принесли его в отделение милиции, что чрезвычайно усугубило положение Святителя, так как в тех документах указывалось, что он епископ.

Кроме документов, в бумажнике находились восемь облигаций, иголка, нитки, ножницы и зашитый в матерчатый лоскуток пятирублевый золотой. Это было всё имущество епископа Никиты. Владыку препроводили в Москву в Таганскую тюрьму. Свидетелями по его делу проходили священники: один из Орехово-Зуева, а другой из Загорска. Они характеризовали Святителя как "монархиста и революционера,

клевещущего на советскую власть". В следственном обвинении говорилось, что "Делекторский Ф. П. являлся нелегальным, бродячим епископом, деятелем Истинно-Правос- лавной Церкви", что он "проводил антисоветскую агитацию, занимался контрреволюционной деятельностью".

4 (17 н. ст.) ноября 1937 года Святитель тройкой при УНКВД по Московской области был приговорён к расстрелу и через два дня 6 (19 н. ст.) ноября расстрелян на полигоне НКВД в Бутово. Власти считали епископа Никиту настолько опасным, что ещё до его ареста арестовали и вскоре расстреляли регента Орехово-Зуевского собора Андреева только за то, что тот поддерживал связь с Владыкой.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Никодим, архиепископ Костромской и Галичский (память 8 августа по старому стилю)

Священномученик Никодим (Кротков), архиепископ Костромской и Галичский родился в 1868 году. С 1911 по 1917 годы управлял Чигиринской епархией, затем Петровской епархией, и далее вплоть до 1921 года снова Чигиринской епархией.

С 1921 по 1924 годы занимал Симферопольскую кафедру. С 1924 по 1932 годы пребывал в заточении в лагере на Соловках. С 10 июня 1932 года по 20 декабря 1936 года управлял Костромской епархией. В 1936 году Владыка снова был арестован и сослан в Кандалакшу. Там он не вынес тяжёлых условий проживания в юрте и скончался 8 (21 н. ст.) августа 1938 года.

Канонизован в Костромской епархии в 1995 году как местночтимый святой. Также память священномученика празднуется в Соборе Костромских святых 23 января.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Богородский) (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Николай родился в 1877 году в семье священника Василия Богородского, служившего в Успенской церкви погоста Окатово Кимрского уезда Тверской губернии.

По окончании Духовной семинарии Николай Васильевич стал служить при храме псаломщиком. Это служение продолжалось с 1892 по 1906 год, когда он был рукоположен в сан диакона ко храму Благовещения погоста Благовещенье Ржевского уезда. В этом

храме он служил во все время гонений, с ним был связан его исповеднический подвиг, здесь он был арестован в последний раз незадолго перед мученической кончиной. К этому времени его дети - две дочери и сын - разъехались, и он остался вместе с супругой Марией Васильевной. Управляться с хозяйством им помогала няня детей, которая, как это тогда часто бывало, связала с семьей свою жизнь.

До 1929 года у о. Николая было кое-какое хозяйство - немного земли при церкви, лошадь, две коровы. В 1929 году ему велели уплатить налог, причем сумма была столь велика, что отец диакон никоим образом не мог ее вовремя выплатить, и тогда власти отобрали его имущество, включая личные вещи, а за несвоевременную уплату налога приговорили к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь и к тремстам рублям штрафа. Отбыв заключение в лагере, священник вернулся в свой храм и здесь служил до гонений конца тридцатых годов.

Отец Николай был арестован 6 ноября 1937 года и заключен в Ржевскую тюрьму. На следующий день после ареста следователь НКВД допросил его. Был задан всего один вопрос.

- Следствие располагает данными, - сказал следователь, - что вы проводили антисоветскую деятельность. Расскажите об этом подробно.

- Антисоветской деятельностью я не занимался и виновным себя в этом не признаю, - ответил о. Николай.

Доказательств преступности отца диакона у следователя не было никаких, и допрос на этом закончился.

19 ноября следователь допросил председателя местного сельсовета и избача. Они ничего о "преступной деятельности" диакона рассказать не смогли. Но сказали, что о. Николай является активным деятелем церковной двадцатки, можно сказать, ее организатором, что он все время призывает крестьян не оставлять веры, посещать церковь.

Через шесть дней после последних допросов свидетелей, 25 ноября, Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Диакон Николай Богородский был расстрелян 27 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Дмитров) (память 23 февраля по старому стилю)

Священномученик Николай Лаурович Дмитров родился 14 мая 1878 года в селе Кунцево Московской губернии в семье священника Лавра Дмитрова, болгарина по происхождению. После окончания Московской Духовной Семинарии стал работать учителем в селе Кунцево.

В 1909 году в храме Христа Спасителя в Москве он был рукоположен в сан священника храма села Завидова Тверской епархии. Прихожане полюбили его за доброту, отзывчивость и безупречное исполнение пастырских обязанностей. В любую погоду, когда у него не стало лошади (при большевиках), он не отказывался идти пешком в дальнюю деревню за двадцать пять километров, чтобы причастить больного. Ещё любили батюшку за то, что он сам, будучи не богатым и имея большую семью, никогда никому не отказывал в помощи, и если не имел возможности помочь деньгами, то помогал сам в

крестьянской работе или в починке дома. Когда приходили нищие, отец Николай всегда принимал их и усаживал за стол. Эту любовь к нищим усвоили и дети. Завидев нищего они брали что-нибудь из дома и бежали, чтобы подать им.

Во время послереволюционных гонений отцу Николаю пришлось продать дом и купить хибару, чтобы на вырученные деньги поддержать семью и расплатиться с революционными властями, которые каждый год требовали от него уплаты всё больших и больших налогов. Власти не решились прибегать к аресту, так как уважение и любовь к священнику среди прихожан были очень велики, но пытались уговорите оставить служение в храме и отказаться от сана. В обмен они обещали отменить непосильные налоги. Продолжались уговоры в течении нескольких лет, но исповедник в ответе говорил всегда одно и то же: "Никогда не уйду из храма и не сниму сана".

В 1930 году власти арестовали второго завидовского священника, протоиерея Григория Раевского (память 16 сентября), и потребовали от отца Николая лжесвидетельства против собрата, но он отказался, сказав:

- Священник Григорий Григорьевич Раевский ничего против советской власти не предпринимал.

Отец Николай понял, что его тоже арестуют и был к этому готов. В 1932 году власти потребовали от священника, чтобы он за три месяца напилил и сдал сто пятьдесят кубометров дров. Его дети к тому времени разъехались, помочь было некому, один он не в силах был выполните это задание, а за неисполнение ему грозило тюремное заключение. Отец Николай написал жалобу, чтобы задание было отменено, местные власти отказали, но уменьшили норму вдвое.

Налоги всё время увеличивали, и в конце концов отец Николай не смог их заплатить. За это в 1933 году его арестовали и приговорили к одному году исправительно-трудового лагеря. Вернувшись через год к служению в храме, он стал подвергаться гонениям с угрозами нового ареста.

8 февраля 1938 года батюшку вновь арестовали. В то время он тяжело болел. Арестовывали ночью. Несмотря на болезнь, отец Николай был духовно бодр, уговаривал свою супругу не унывать, не отступаться от храма и веры, никогда и ни при каких условиях не сдаваться. Обвинили священника в контрреволюционной деятельности. Виновным себя отец Николай не признал. 6 марта тройка Н.К.В.Д. приговорила протоиерея Николая Дмитрова к расстрелу. 23 февраля (8 марта н. ст.) 1938 года батюшка был расстрелян в Тверской тюрьме и погребён на одном из кладбищ города в братской могиле. Точное место захоронения неизвестно.

В 1956 году супруга отца Николая подала прошение властям о реабилитации священника. Для опросов власти вызывали завидовских крестьян. Все они перед лицом власти показали, что священник пользовался огромным авторитетом и любовью крестьян и никакой антигосударственной агитации не проводил. На основании многочисленных свидетельств, верующих и неверующих людей, власти в 1956 году признали отца Николая невиновным.

Доныне среди православных Тверской епархии сохраняется память о жизни и подвиге священномученика.

6 (19 н. ст.) сентября 1999 года канонизован как местночтимый святой Тверской епархии.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Добронравов), архиепископ Владимирский и Суздальский (память 27 ноября по старому стилю)

Священномученик Николай (в миру Николай Павлович Добронравов) родился 21 ноября 1861 года в селе Игнатовка Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника. В 1881 году Николай Павлович окончил Московскую Духовную семинарию, а в 1885 году - Московскую Духовную академию и стал преподавать богословие и Священное Писание в Вифанской Духовной семинарии. Женился. Был рукоположен в сан священника, служил в храме Александровского военного училища и преподавал Закон Божий в 7-й московской мужской гимназии, в гимназии Поливановой и в гимназии Арсеньевой. После революции 1917 года и закрытия Александровского военного училища отец Николай был переведен в храм Всех Святых на Кулишках. Он был одним из активнейших участников Поместного Собора 1917/18 годов.

Летом 1918 года власти приняли решение арестовать священника. 19 августа сотрудники ЧК во главе с комиссаром Реденсом пришли ко храму Всех Святых, чтобы произвести обыск. Церковь была закрыта, и чекисты, придя к настоятелю храма протоиерею Николаю, потребовали, чтоб он выдал им ключи. Отец Николай ответил, что при обыске храма необходимо присутствие председателя приходского совета. После такого ответа священник был арестован и отвезен в тюрьму ЧК на Лубянке. На допросе следователь спросил, у кого находятся ключи от храма, и отец Николай ответил, что у церковного старосты.

Во время обыска чекисты обнаружили дневники священника с краткими заметками, касающимися, в частности, восстания большевиков 3-5 июля 1917 года в Петрограде, а также сопротивления юнкеров большевикам в ноябре 1917 года. Под датой 2(15) ноября 1917 года в дневнике отец Николай записал: "Страшный день сдачи большевикам". Допрошенный относительно всех этих событий протоиерей Николай ответил, что в июле 1917 года он действительно выезжал в Петроград по вызову Святейшего Синода для принятия участия в предсоборных совещаниях. В подавлении восстания большевиков никакого участия не принимал, находясь в это время на совещании. В то время, когда на улице началась стрельба, председательствующий собранием архиепископ Сергий (Страгородский), обратившись к присутствующим, предложил не прерывать собрания и продолжать работу. "Во время октябрьской революции я находился в своей квартире в Александровском военном училище, где занимал должность законоучителя и настоятеля церкви. Там же находились юнкера, так как училище было штабом юнкеров. Училище находилось под обстрелом. 1 ноября тяжелым снарядом были разбиты стена и окно в моей квартире. В эту же ночь у меня ночевало несколько семейств офицеров. 2 ноября училище было сдано большевикам. 3 ноября происходила сдача оружия. В выступлении юнкеров я никакого участия не принимал. Как настоятель собора я принимал участие в похоронах юнкеров и офицеров, погибших в гражданскую войну. Проповеди в церкви произносил не особенно часто, содержания чисто религиозного, не касаясь политической жизни. Против новой власти никогда не агитировал, ни к какой партии не принадлежал".

По окончании следствия Реденс написал свое заключение: "Из допроса гражданина Добронравова я вынес впечатление, что он принимал участие в политической жизни... хотя у меня нет материалов, дабы установить его роль в событиях июля 1917 года, а также в октябрьской революции; из всего же видно, что это вредный для революции "тип", который, будучи на свободе, наверняка спокойно сидеть не будет. Поэтому предлагаю отправить его в концентрационный лагерь".

3 декабря 1918 года президиум Коллегии отдела ЧК принял решение о заключении отца Николая в концлагерь. Однако руководители ЧК отправили дело на доследование, и в конце концов 16 апреля 1919 года было принято решение, что, поскольку явных улик против священника нет, его следует освободить.

В начале 1921 года протоиерей Николай был назначен настоятелем Крутицкого Успенского собора. К этому времени он овдовел и в 1921 году был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Московской епархии. В 1922 году в связи с появлением обновленцев были арестованы многие архиереи из числа тех, кто не согласился поддержать раскольников. Среди других был арестован и епископ Николай. Власти приговорили его к одному году ссылки в Зырянский край.

По возвращении в Москву он был возведен в сан архиепископа. Владыка стал одним из ближайших сподвижников Патриарха Тихона, оказывав ему помощь в защите Церкви от натиска обновленцев. 16 апреля 1924 года безбожники арестовали архиепископа и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. Его привлекли в качестве обвиняемого по некоему делу об избиении члена рабоче-крестьянской инспекции, а также обвинили в том что он, имея большой авторитет, проводил среди духовенства контрреволюционную агитацию. Вызванный на допрос, архиепископ сказал, что под его руководством находится Звенигородское викариатство, а также храм Замоскворецкого района в Москве, где в его подчинении состоят три благочиния, в которых находится сорок четыре храма. "Связь с благочинным" я поддерживаю путем приемов, не носящих регулярного характера. Специальных собраний или совещаний с благочинными мною никогда не устраивалось. Не имели место и антисоветские выступления или выпады с моей стороны, так как в сношениях с благочинными я придерживался узко церковной области. Что касается моих проповедей, то они носили чисто моралистический характер".

14 июня 1924 года архиепископ был освобожден. В этом же году он был назначен архиепископом Владимирским и Суздальским. Хорошо знавший владыку священник вспоминал, что это было время, когда шла трудная борьба с обновленчеством, когда становилось модным крикливое и вычурное пение в церкви; твердо держась православной традиции, архиепископ Николай "настойчиво и властно боролся против человеческих врываний в святая святых и нередко выходил победителем в борьбе за Церковь".

После кончины Патриарха Тихона владыка стал одним из ближайших помощников Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра. Впоследствии, когда под давлением ОГПУ возник григорианский раскол и архиепископ Григорий добивался того, чтобы Местоблюститель передал церковное управление церковной коллегии, Местоблюститель первым в списке архиереев, которым он выражал абсолютное доверие, поставил имя архиепископа Николая, зная его как исповедника, человека твердых убеждений и опытного труженика на ниве церковной. 11 ноября 1925 года комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства приняла решение ускорить процессы раскола в Церкви, для чего было необходимо арестовать архиереев, которые противились проводимой государством антицерковной политике. 11, 20 и 30 ноября 1925 года были арестованы одиннадцать архиереев из числа ближайших сподвижников митрополита Петра и среди них архиепископ Николай, а также многие священники и миряне.

В тюрьме архиепископа Николая спрашивали о том, знал ли он о письме историка Сергея Павловича Мансурова к Местоблюстителю, в котором обосновывалась необязательность с канонической точки зрения следования тому курсу, который изложен в так называемом "завещании" Патриарха Тихона. Следователь пытался добиться от архиепископа, чтобы тот оговорил не причастных к этому делу людей. Но разумные и спокойные ответы святителя убедили следователя отказаться от этой попытки. Священник Сергей Сидоров, арестованный по этому же делу, вспоминал впоследствии: "На первом моем допросе в ноябре 1925 года следователь потребовал от меня выдачи автора письма к митрополиту Петру. Я отказался его назвать, и Тучков потребовал очной ставки моей с

архиепископом Николаем. Помню серую мглу сумерек... хриплый крик Тучкова и нечленораздельный возглас... следователя, который все время целился поверх моей головы в окно маленьким браунингом. Архиепископ Николай вошел, взглянул... на меня и остановил внимательный взгляд свой на следователе. На владыке была сероватая ряса и зимняя скуфья. Утомленные глаза были холодно-строги. Встав со стула, следователь разразился такими воплями, что звякнули стекла дверей и окон. Высокопреосвященный Николай властно прервал его: "Выпейте валерьянки и успокойтесь. Я не понимаю звериного рычания и буду отвечать вам тогда, когда вы будете говорить по-человечески. И спрячьте вашу игрушку". Чудо совершилось. Следователь спрятал револьвер и вежливо стал спрашивать владыку, который давал ему, как и Тучкову, какие-то дельные показания. Во время этого допроса владыке удалось совершенно обелить Сергея Павловича Мансурова...

Когда рассеялись ужасы сидения в тюрьме, то мне удалось узнать подробности пребывания владыки Николая на Лубянке. Я с ужасом узнал об издевательствах над ним, о его сидении в подвале тюрьмы и о постоянных ночных допросах. И с тем большей благодарностью я склоняюсь перед величием его духа, благодаря которому владыке удалось спасти многих и сохранить многие церковные тайны. В московской тюрьме особенно ярко выявился его строгий и правдивый лик, смелый лик человека, забывающего о себе и готового к смерти за веру.

Много благодарен я ему лично за свою судьбу. К 8 января 1926 года у меня было двадцать три допроса, всю ночь под 9 января я был почти под непрерывным допросом. Утомленный и нравственно и физически, я готов был сдаться на требование следователей, готов был наклеветать на себя и друзей. Пробило четыре часа утра, когда меня вызвали к следователю. Его допрос вертелся на одном месте, он обычно требовал выдать людей, не причастных к письму митрополиту Петру. Привели архиепископа Николая. "Я требую, - сказал владыка, - чтобы вы оставили в покое Сидорова. Я его знаю как нервнобольного человека, а вам, - обратился он ко мне, - я запрещаю говорить что бы то ни было следователю властью епископа". Меня увели в коридор, я слышал неистовую ругань следователя.

Вряд ли эти мои строки будут прочтены многими, но если... близкие прочтут их, пусть они склонятся перед дивным ликом архиепископа Николая, некогда в застенках ГПУ избавившего меня от самого большого несчастья - от выдачи друзей врагам веры и Церкви".

Священник Сергей Сидоров и Сергей Павлович Мансуров были тогда освобождены, но архиепископ Николай Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 21 мая 1926 года был приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. После окончания ссылки ему было разрешено свободное проживание везде, кроме шести крупных городов, с прикреплением к определенному месту жительства на три года.

Когда срок юридического поражения в правах закончился, архиепископ Николай поселился в Москве. Во время гонений 1937 года власти ставили своей целью уничтожение большинства священно-церковнослужителей и для этого опрашивали всех тех, кто мог бы стать свидетелем обвинения. 10 ноября 1937 года сотрудники НКВД допросили одного из московских священников, который показал, что знал архиепископа Николая с 1924 года, служа с ним в разных храмах Москвы. Архиепископ Николай - один из самых авторитетнейших архиереев Русской Православной Церкви. Будучи долгое время священником Александровского военного училища, он имел большое влияние на юнкеров и до сего времени тесно связан с бывшими военными кругами. Что касается антисоветской деятельности архиепископа, то он неоднократно заявлял, что "Русская Православная Церковь и весь русский народ переживают тяжелое положение исключительно по своей простоте и недальновидности, доверились различным проходимцам, и вот результат, у власти стоит "апокалиптический зверь", который расправляется с русским народом и духовенством". Также Добронравов среди

окружающих говорил о необходимости защиты Церкви и духовенства, заявляя, что "каждый верующий должен противодействовать мероприятиям советской власти, не допускать закрывать церкви, собирать подписи, подавать жалобы, а самое главное, что духовенство должно разъяснять верующим смысл происходящих событий... что советская власть есть явление временное..."

27 ноября власти арестовали владыку и заключили в Бутырскую тюрьму. На допросе следователь спросил архиепископа:

- Какое участие вы принимали в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви?

- Я был членом Поместного Собора Православной Церкви, в работах которого принимал деятельное участие, входя в так называемую профессорскую группу.

- Когда и где вы встречали Сахарова, Стадницкого и Дамаскина?

- Епископ Афанасий Сахаров являлся моим помощником по управлению Владимирской епархией, судился по обвинению в контрреволюционной деятельности. После его возвращения из ссылки он заезжал ко мне в Москву навестить меня и получить от меня указания на свою дальнейшую пастырскую деятельность. С епископом Дамаскиным Цедриком я познакомился в ссылке, после его возвращения из ссылки он заезжал ко мне в Москву навестить меня. Митрополит Арсений Стадницкий - мой единомышленник, он посещал меня в Москве, где мы с ним обсуждали создавшееся тяжелое положение по управлению Православной Церковью.

- Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной организации церковников.

- Нет, это я отрицаю.

- Следствие располагает данными, что вы являетесь участником контрреволюционной монархической организации церковников, и требует от вас правдивых показаний.

- Я это отрицаю, я признаю лишь то, что встречался с епископом Дамаскиным Цедриком, митрополитом Арсением Стадницким и епископом Афанасием Сахаровым, которые в прошлом были судимы по обвинению в контрреволюционной деятельности.

На этом допрос был закончен. 7 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила владыку к расстрелу. Архиепископ Николай (Добронравов) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Кандауров) (память 4 февраля по старому стилю)

Священномученик Николай родился 21 января 1880 года в станице Барсуковской на Кубани в семье военного Андрея Кандаурова. Со стороны матери, Анны Александровны, многие из предков были священниками. Все предки со стороны отца были военными, большей частью офицерами, почти все были участниками сражений во время многочисленных войн, которые вела Россия, защищая свою независимость. Андрей Кандауров дослужился до высоких офицерских званий и за участие в военных действиях был награжден двумя орденами. Отслужив свой срок, он вышел в отставку и был назначен инспектором народного образования по Северо-Кавказскому округу. В конце XIX - начале XX века по России прокатилась волна революционного террора, когда были убиты многие государственные деятели, офицеры полиции и армии; от террористов страдали и случайные люди. В 1898 году террористами был убит и Андрей Кандауров. Террористы

признали, что это убийство было бессмысленным и случайным, и пришли к Анне Александровне предложить ей в качестве компенсации материальную помощь, так как ее муж убит по ошибке, но та только сказала: "Господи, да какая там помощь! Прости вас, Господи, вы не знаете, что творите!"

Это время характеризовалось не только разгаром террора, но и не удерживаемой ничем пропагандой безбожия; дело доходило до того, что дети из семей священнослужителей под давлением общественного мнения отказывались принимать священный сан. Воспитанный в глубоко верующей семье военных, Николай Андреевич был человеком долга, и распространившиеся в обществе трусость и малодушие только укрепили в нем решимость идти наперекор обстоятельствам, избрать поприще наиболее трудное. "Кому-то надо же быть священником", - сказал Николай своей матери, решив избрать путь служения Богу и народу на поприще пастырской деятельности. Он поступил в Ставропольскую Духовную семинарию, которую окончил в 1907 году. Еще будучи семинаристом, он женился на Елене, дочери священника Иоанна Карагачева. Впоследствии у них родилось три сына и три дочери.

В 1908 году Николай Андреевич был рукоположен в сан священника и затем служил в храмах на Северном Кавказе - в станицах Воздвиженская, Новоалександровская, Усть-Лабинская и Рождественская Армавирского округа.

Он служил на Северном Кавказе, когда там проходили активные военные действия во время гражданской войны. Не обращая внимания на то, занималась ли территория, где был расположен его приход, красными или белыми, он говорил тем и другим, что смотрит на гражданскую войну как на самоубийство нации. Бывало, что после такого рода проповедей офицеры белой армии подходили к нему и просили не говорить подобных проповедей.

После ухода белых и утверждения на Северном Кавказе советской власти начались гонения, разгар которых пришелся на время изъятия церковных ценностей в 1922 году. Местные власти однако относились с большим уважением к священнику, и их представители не раз приходили к нему домой и предупреждали о готовящемся аресте: "Николай Андреевич, готовятся документы на ваш арест, уезжайте, мы дадим вам лошадей, берите и уезжайте". Приходили и встревоженные прихожане и также уговаривали священника на время покинуть село. Но отец Николай остался. И по-прежнему бесстрашно говорил проповеди о том, что его волновало, - о всё истребляющем безбожии, о поругании православной России. Проповеди его были настолько созвучны настроению прихожан - в большинстве своем прошедшим несколько войн казакам, что, слушая своего пастыря, многие из них плакали. Когда священнику говорили, что его проповеди контрреволюционны и он может быть за них арестован, отец Николай отвечал: "В моих проповедях ничего контрреволюционного нет, я говорю о судьбе нашей России".

Отца Николая арестовали в 1930 году и приговорили к двум годам исправительно-трудового лагеря. В заключении отец Николай работал сначала грузчиком торфа, а затем кладовщиком на Шатурской электростанции. Во время его заключения дома умерла от голода жена Елена. Голод был в то время такой, что если где умирала на дороге от истощения лошадь, то уже через несколько часов от нее не оставалось ни костей, ни копыт. В станицах на Кубани не осталось ни собак, ни кошек.

Когда отец Николай освободился из заключения, ему был предложен приход в селе Высочерт в Белоруссии. Он был назначен в храм настоятелем и возведен в сан протоиерея. Во время служения отца Николая в Высочерте в Белоруссии разразился голод. Семья спаслась от голодной смерти, благодаря помощи директора маслозавода; это была глубоко верующая женщина, она оставляла семье священника бидон молока, за которым дети священника шли за семь километров.

В 1935 году протоиерей Николай был назначен настоятелем Введенского храма в селе Подлесная Слобода Луховицкого района Московской области. Когда отец Николай приехал в село, то община была рассеяна, а власти приняли твердое решение закрыть

храм. Через некоторое время отец Николай собрал вокруг храма крепкую общину, храм был отремонтирован и обновлен крест. Храм отец Николай содержал в идеальном порядке, это был дом Божий, куда шли люди на праздник. Несмотря на то, что у священника были больные ноги и порок сердца, он пешком обходил свой большой приход. Во время богослужений в храм приходило молиться столько народа, что он не вмещал всех, и люди стояли на улице. Для любого человека, проживающего в округе и попавшего в бедственное положение, священник стал последним прибежищем и надеждой. Никогда он не отказывал в просьбах нуждающимся. Зачастую, приходя домой, он вынужден был говорить матери: "Мама, я сегодня вам на еду ничего не дам, у меня нет сейчас денег, все, что было, я отдал больным". Мать не возражала и не роптала, будучи уверенной, что Господь никогда не оставит того, кто оказал помощь ближнему.

Сестра отца Николая, преподававшая пение, не раз говорила брату, что у него замечательные певческие способности. Видя, какие пришли времена, и опасаясь за судьбу брата, она не раз указывала ему на его исключительный слух и хорошо поставленный голос и уговаривала оставить священническое служение: "Надо тебе спасаться, у тебя семья, подумай о семье, переходи петь в театр, у тебя всё будет - и слава, и деньги". Но он всегда отказывался от подобных предложений, говоря, что он уже взял свой крест, который донесет до конца.

Вечером 25 января 1938 года вся семья сидела в комнате после богослужения. Было темно, горела всего лишь одна свеча, топилась печь, на которой готовилась еда, напротив нее расположились дети. Отец Николай помешивал кочергой угли в печи и рассказывал детям что-то радостное. Вдруг раздался громкий стук в дверь, она распахнулась, свеча погасла. Кто-то из детей зажег лампу, и все увидели в проеме двери человека в шинели, подпоясанной ремнем, на котором висела кобура с пистолетом.

- Кандауров здесь проживает? - грубо выкрикнул он.

- Дети, это всё! - сказал отец Николай детям, и хотя стал сосредоточенно серьезным, но прежний его мирный и ласковый настрой не изменился, и, уходя, он тепло попрощался со всеми.

Во время обыска отец Николай держался спокойно, и, несмотря на то, что стоял январь и на дворе было холодно, из теплых вещей он взял лишь телогрейку.

После ареста священник был заключен в тюрьму в городе Коломне, а затем в тюрьму в Москве. На следующий день состоялся допрос. Протоиерея Николая обвиняли в том, что он будто бы вел антисоветскую агитацию и распространял контрреволюционные слухи. Священник не признал себя виновным. В тот же день "дело" было закончено, следователь составил обвинительное заключение и отправил его на рассмотрение Тройки. 2 февраля Тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Кандауров был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Лебедев) (память 4 сентября по старому стилю)

Священномученик Николай родился в 1867 году в селе Лощемли Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в семье священника Андрея Лебедева. По окончании Тверской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника. В тридцатых годах о.

Николай служил в храме села Русская Кошева Краснохолмского района. Имел семью - жену, Прасковью Ивановну, двух сыновей и двух дочерей, но к началу тридцатых годов дети выросли и разъехались по другим городам. Чтобы не повредить им, о. Николай почти не переписывался с ними и адреса их скрывал от посторонних, говоря, что связи с ними не поддерживает. Даже супруга его жила не вместе с ним в селе, где он служил, а в Бежецке. Самому священнику в 1937 году исполнилось семьдесят лет, и можно было надеяться, что власти, учитывая возраст, не арестуют его. Однако для ареста и мученической кончины во время гонений ограничений в возрасте нет.

Отец Николай был арестован 8 августа 1937 года и заключен в Бежецкую тюрьму. Через три дня следователь допросил священника.

- Следствию известно, что вы являлись участником проводимых епископом Григорием Козыревым антисоветских собраний духовенства. Расскажите следствию, что вам известно об этих собраниях, и о вашем участии в них.

- Мне лично пришлось за все время быть один раз на именинах епископа. Мы, священники, оживленно беседовали по разным вопросам, однако, произносились ли антисоветские речи, сказать не могу, так как не помню.

- Расскажите следствию о характере ваших бесед у Фунтикова в 1934 году.

- В 1934 году после церковного обхода по селу Узуниха Бежецкого района я со своим псаломщиком Ильей Ивановичем Фунтиковым зашёл к нему. В беседе я сообщил как новость об убийстве Кирова. Причем подробностей разговора о Кирове не помню. Говорил я и об открытии советскими властями широкой продажи хлеба, причем высказал предположение, что несознательное население быстро разберёт в запас хлеб и его снова временно не будет. Других разговоров я не вёл. Ко мне как к священнику часто обращались верующие с жалобами на отсутствие хлеба в деревне и магазинах, на тяжесть налогов, интересовались, будет ли война и что пишут о ней в газетах. По всем этим жалобам я высказывал обращавшимся ко мне сочувствие и соболезнование и давал пояснения, что хлеба нет, потому что часть хлеба отправили в Испанию, а часть ушла на Красную Армию и подготовку к войне. По вопросу войны я говорил, что война против СССР готовится, но когда она будет, по газетам ничего не известно. Жалоб на колхозы ко мне не поступало.

- Что вам известно об антисоветской деятельности других участников собраний духовенства?

- Об антисоветской деятельности других участников собраний духовенства мне ничего не известно.

Допросы на этом не закончились, и 15 августа о. Николай снова был вызван к следователю.

- Как вы реагировали на закрытие советскими властями в городе Бежецке церквей?

- Я лично в душе был недоволен закрытием церквей, но никаких препятствий или действий, направленных к недопущению закрытия, не предпринимал.

- Расскажите следствию о контрреволю- ционных высказываниях и выступлениях, которые имели место на проводимых епископом Козыревым антисоветских собраниях духовенства.

- Мне о таковых ничего не известно и слышать не приходилось.

- Следствием установлено, что вы являлись участником контрреволюционной группировки духовенства... Вы признаёте себя виновным в этом и что можете показать по существу?

- В контрреволюционной группировке я не состоял, о таковой не слышал и не знаю. Антисоветской агитацией не занимался.

Следователи НКВД были недовольны ответами престарелого священника, его отказом подписывать лжесвидетельства и снова, и снова допрашивали. Наконец 17 августа состоялся последний допрос. На вопросы следователя священник вновь повторил:

- Дополнить чем-либо свои предыдущие показания не могу, виновным себя в принадлежности к контрреволюционной группировке не признаю и антисоветской агитацией не занимался.

13 сентября Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Священник Николай Лебедев был расстрелян 17 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священноисповедник Николай (Лебедев) (память 19 августа по старому стилю)

Священноисповедник Николай родился в 1869 году в селе Бережаи Бежецкого уезда Тверской губернии в семье пономаря Василия Лебедева. Семья была из бедных, и весь курс Тверской Духовной семинарии Николай обучался за казенный счет. В 1893 году он с отличием окончил семинарию, и начальство как одному из лучших учеников предложило ему продолжить за казенный счет образование в Духовной академии. Но Николай отказался от этого предложения и поступил псаломщиком в храм в селе, где он родился и где служил когда-то его отец. Здесь он пробыл полгода и в 1894 году был рукоположен в сан священника ко храму Казанской иконы Божией Матери в селе Власьево, расположенном в нескольких верстах от Твери.

Село Власьево - одно из старинных сел Тверской губернии. Первое письменное упоминание о нем относится к середине XVII века. Здесь в то время действовал деревянный храм в честь святителя Николая чудотворца, прихожанами храма тогда были семьи местных землевладельцев - Бабарыкины, Угрюмовы - и жившие здесь крестьяне. Во время польско-литовского нашествия местное население стало участником военных действий, храм опустел и в конце концов разрушился. Около пятидесяти лет в селе не было храма, и только в 1732 году владельцы села обратились к архиепископу Тверскому Феофилакту (Лопатинскому) с просьбой благословить их на строительство нового деревянного храма в память Казанской иконы Божией Матери, которая явилась заступницей русского народа в смутное время. Храм был построен, но через некоторое время также пришел в негодность. В 1779 году помещица села Власьево получила разрешение епископа Тверского Арсения (Верещагина) на строительство каменного храма во имя Казанской иконы Божией Матери с приделом Николая чудотворца. Началось строительство храма, и в 1781 году придел во имя Николая чудотворца был освящен, но затем строительство растянулось на двадцать лет, так как благотворительница уехала из Власьева, а ее зять растрачивал деньги, предназначенные для строительства церкви. В результате храм был полностью выстроен и освящен только в 1799 году.

Сразу же после начала служения в Казанском храме отец Николай стал принимать деятельные меры по воспитанию прихожан в духе православной нравственности и по искоренению пороков. 22 октября 1897 года им было открыто Общество трезвости во имя Казанской иконы Божией Матери, которое было утверждено, как официально действующее, министром внутренних дел 28 января 1899 года.

Впоследствии в своих объяснениях следователям во время заключения в 1929 году отец Николай писал: "...Я родился в деревне и детство свое провел среди простого народа. Испытавши и нужду и горе, я близко принимал к сердцу нужды и бедность народные. Еще на школьной скамье у меня созрело решение отдать все свои силы на служение темной, забитой, бесправной и бедной деревне... Мне думалось, что нужно прежде всего внести лучи света и знания в темную деревню, нужно поднять ее экономическое положение, - и народ сам завоюет себе и права и свободу. В этих видах я отказался от Духовной

академии, куда меня посылали как лучшего ученика, и решил идти в священники и именно в деревню - и я пошел.

Вся моя жизнь в деревне была посвящена осуществлению моей мечты - служению простому народу.

Когда я поступил в 1894 году во Власьево священником, в приходе моем было два кабака, две пивных и мелочная лавка одного кулака и ни одной школы; дети оставались неграмотными, учиться негде было. Можно по этому судить, что представлял из себя мой приход. Народ костенел в невежестве, предавался пьянству, а вместе с этим хозяйство в деревне падало, росла бедность и преступность. Бедняцкая часть населения была в кабале у местного кулака Баскакова, который в деревне Пасынково имел кабак и мелочную лавку, под большие проценты ссужал бедняков семенами, овсом, товарами из своей лавки и в своем кабаке иногда в долг спаивал народ. К нему неслись под заклад сбруя, одежда и другая утварь крестьянская, особенно страдала женская половина. Я решил бороться со всеми этими темными сторонами деревенской жизни и во что бы то ни стало вырвать народ из их цепких лап.

На первом же году своего служения в приходе мне с громадными усилиями удалось построить во Власьеве земскую школу, потом добился закрытия кабаков и пивных, угрозой уйти даже из прихода добился приговора от крестьян на то, что и впредь кабаков и пивных у себя они не будут открывать. Немалых усилий мне стоило выжить из деревни и кулака Баскакова. Все, что мной было пережито в этой борьбе с кулаками и кабаками, не опишешь. В 1904 году мне удалось построить вторую образцовую земскую школу в деревне Большой Перемерке. Обе школы существуют и до сих пор. Еще в начале своего служения в приходе тем обстоятельством, что как-то не взял с одного крестьянина платы за требы и дал кому-то почитать Некрасова, я возбудил против себя подозрение в глазах епархиального начальства и был отдан как неблагонадежный под надзор местного благочинного. А устройством именно земских школ, а не церковноприходских, я навлек на себя уже неприязнь со стороны епархиальной власти. А моя борьба с кабаками и пивными, борьба с кулаками и их приспешниками, возбудили против меня с их стороны уже открытую злобу, мне грозили даже убийством. Но я продолжал свою деятельность в приходе и даже решился перенести эту борьбу с недугами деревни за пределы прихода. Для большего успеха в борьбе с великим социальным злом - пьянством народным - мной в 1897 году было организовано Власьевское Общество трезвости, которое широко потом развило свою деятельность, открывая свои отделения в губернии, устраивая дешевые столовые, чайные, при них библиотеки и читальни, устраивая при них музыкальные вечера, концерты, спектакли, чтения с картинами, елки, кино и другие разумные развлечения для народа, в целях отвлечения его от пьянства, причем библиотеки и читальни никогда не носили узкого, одностороннего характера. В библиотеки и читальни выписывались не только духовные или специальные о пьянстве книги и журналы, но и вообще литература в широком смысле этогослова?

В 1901 году мной был устроен приют для алкоголиков с мастерскими: столярной, шорной, сапожной, переплетной, швейной, кузнечной и сельским хозяйством для тех из алкоголиков, которые не знали никакого ремесла, при этом в приют я отдал... и свой скот, и сельскохозяйственный инвентарь. В приюте проживало одновременно до сорока семи человек, работа в мастерских была сдельная, пациенты приюта получали готовый стол, одежду, обувь, а остальной заработок выдавался им при выходе из приюта. Цель приюта была дать возможность ослабевшим, опустившимся людям выдержать себя, освободиться от своего недуга, подняться на ноги и начать новую жизнь. Приют существовал пять лет. Сколько неприятностей, тревог и забот доставили мне эти алкоголики, этот приют...

В 1907 году мной был открыт приют для беспризорных детей, детей, покинутых своими родителями, детей алкоголиков, детей с улицы. В приюте детей было до тридцати семи человек, в возрасте от пяти до двенадцати лет. Для детей была открыта особая школа, некоторые мастерские и велось сельское хозяйство. Пожар в приюте осенью 1909

года, истребивший два сарая с запасами хлеба и сена, и отсутствие средств принудили в 1910 или в 1911 году приют закрыть.

В своей деятельности в деревне я старался поднять ее экономическое положение и всячески способствовать улучшению сельского хозяйства в крестьянстве, и в этих видах я устраивал чтения для народа... беседы по сельскому хозяйству, убеждал крестьян вводить травосеяние; даже для общества деревни Пасынково, когда было трудно добиться единогласия на засев поля клевером под предлогом отсутствия средств, я приобрел клевер в долг под свою личную ответственность и поля засеял клевером. Граждане потом оценили всю пользу травосеяния, и последнее стало быстро распространяться и по другим селениям; также убеждал крестьян приобретать сельскохозяйственные орудия и машины, развивать садоводство. Для более успешного достижения этих целей по моей инициативе было открыто Власьевское Кредитное товарищество, которое потом охватило 33 селения с количеством 800 с лишком членов; товарищество под моим председательством работало 11 лет; оно снабжало бедняков деньгами, приобретало для крестьян лучшие семена ржи, овса, льна, приобретало сельскохозяйственные орудия, выписывало из разных питомников яблони и другой посадочный материал и все это распространяло среди населения по своей цене. Причем мной безвозмездно выполнялась большая часть этой работы и бесплатно предоставлялось товариществу и помещение, и отопление, и освещение.

В 1914 году по моей инициативе и при моем непосредственном участии (я был при постройке и выработке кирпича и рабочим, и инженером, и мастером) был для товарищества выстроен бетонный дом 25х25 аршин, который существует и поныне. Общие собрания за такую мою самоотверженную работу в товариществе не раз протокольно выражали мне благодарность. Я был также и первым проводником кооперативной идеи в округе. Местные общества потребителей открывались по моей инициативе и работали при моем участии.

Вот вкратце моя жизнь и деятельность в приходе. Понятно, что такая моя общественная деятельность не могла встретить сочувствие со стороны тогдашнего гражданского начальства. Я считался в его глазах неблагонадежным, и моя деятельность была взята под подозрение. Вот почему, когда были выборы в 3-ю Государственную Думу от духовенства и моя кандидатура на уездном съезде прошла большинством голосов, я по требованию бывшего губернатора Бюнтинга, переданного мне через архиепископа Антония, "как человек неблагонадежный", вынужден был снять свою кандидатуру. По распоряжению епархиального начальства я состоял членом уездного и губернского попечительств народной трезвости, но моя правдивая речь на одном из заседаний попечительства, в присутствии губернатора, о том, что правительство в борьбе с пьянством не вполне искренне, что те меры, которые выдвигаются правительством в этой борьбе в виде учреждений попечительств, являются лишь жалким паллиативом, ширмой и целей не достигают, что правительство слишком слабо борется с шинкарством и не помогает почти нам, отдельным борцам, что я испытал на своем опыте... навлекла на меня гнев губернатора, и я был немедленно уволен от членов уездного и губернского попечительств о народной трезвости, а издаваемый мной противоалкогольный журнал, выписываемый до того для чайных и читален попечительств по губернии, был изъят из библиотек и запрещен для выписки. В 1912 году в апреле за статьи против казенной продажи питий, против монополий и другие статьи в журнале я был вызван губернатором и мне пригрозили высылкой из губернии и закрытием журнала, и только заступничество тогдашнего архиепископа Антония, ценившего мою деятельность по борьбе с пьянством, спасло меня от высылки, а журнал от его закрытия. По предложению архиепископа в виде компромисса над журналом была учреждена негласная цензура, и цензором был назначен бывший инспектор семинарии... которому с тех пор предварительно, до печати, и представлялся журнал для просмотра..."

Для епархиального начальства церковная деятельность, которую вел священник, виделась настолько значительной, что отчет о ней включался в отчет о епархиальной деятельности перед Святейшим Синодом, а сведения о деятельности отца Николая печатались в "Тверских епархиальных ведомостях" для духовенства епархии, чтобы вдохновить и других священников на пастырский подвиг служения народу.

Благочинный в отчете на имя архиепископа Тверского и Кашинского Димитрия (Самбикина) в 1903 году писал: "Власьевское Общество трезвенников продолжает свою деятельность, привлекая все большее и большее число членов, которых возросло свыше 10000. При чайной этого Общества, в доме Жуковых, в кануны дней воскресных и праздничных совершаются всенощные бдения председателем Общества священником села Власьева Николаем Лебедевым; им же или под его наблюдением ведутся беседы религиозно-нравственного содержания; читаются книги такого же содержания, иллюстрируемые нередко световыми картинами. В настоящее время это Общество, получив от Тверского губернского попечительства о народной трезвости 4000 рублей, устроило приют для алкоголиков, в котором занимаются разными мастерствами давшие обет трезвости. Этот приют освящен Вашим Высокопреосвященством 22 октября 1902 года, и с этого дня начат прием и занятия трезвенников..."

В отчете за 1904 год о состоянии епархии говорилось: "Кроме приходских попечительств и братств существует 8 обществ трезвости, из коих особенной плодотворной деятельностью отличается Власьевское Общество в Тверском уезде. При этом Обществе существует 6 отделений, открытых вследствие ходатайства пред правлением Общества местных священников и местного населения, а именно: в селе Бакланове Кашинского уезда, в селе Высоком того же уезда, в селе Локотцах Новоторжского уезда и в селе Белом Бежецкого уезда. Число членов Власьевского Общества в отчетном году превысило 17000 человек..."

В 1906 году священник Николай Лебедев был награжден камилавкой.

Во время революционных беспорядков в 1905 году отец Николай не оставил свою паству на расхищение злым волкам - социалистам и революционерам, но, узнав, что 25 ноября в селе Эммаус, расположенном неподалеку от Власьева, состоится митинг, на котором собирались присутствовать прихожане Казанского храма, отправился туда. Вот как он описывает эти события в показаниях, данных полицейскому приставу: "...О предстоящем в Эммаусе митинге я узнал только накануне его от одного крестьянина, присланного самими крестьянами села Эммаус и передавшего просьбу от них, чтобы я приехал на митинг и разъяснил бы крестьянам многое для них не понятное из того, что совершалось кругом их в то время. Я решил ехать; прибыл в Эммаус около 12 часов дня 25 ноября, народу еще не было, мне сообщили, что ждут ораторов из Твери. Многие крестьяне меня просили возразить ораторам, если будут смущать крестьян, так как сами они не сумеют, да и боятся.

Через какой-нибудь час собрался народ из окрестных деревень, явились наконец и ораторы. Приехало их четверо, в числе их были: студент Н. К. Скобников, сын Эммаусовского священника, родственник его жены (брат) Исполатовский, родственник Вячеслав, кажется Покровский, и четвертый мне совершенно не известный. Выступал с речами все время только один последний, остальные молчали. Речь свою оратор начал с того, что появление среди слушателей духовных лиц его удивляет, что духовенство обыкновенно, когда они где-либо появляются, скрывается и молчит, когда они говорят, от духовенства можно слышать было только их такой призыв: "бей студентов, бей интеллигенцию".

Я возражал тем, что такое огульное обвинение духовенства не справедливо, может быть и бывали такие печальные случаи призыва, но большинство духовенства всегда действовало и действует в духе христианской любви, во всяком случае, подобного призыва к избиению, наверно, ни прихожане села Эммауса не слыхали от своего священника, ни мои прихожане не слыхали от меня. Оратор, поддерживаемый своими

товарищами, не хотел мне дать свободы слова, но крестьяне требовали, чтобы мне эта свобода была дана.

Оратор исходным пунктом своей речи взял смету государственного прихода и расхода за 1904 год, много говорил о статьях расхода на войну, на содержание армии, чиновников и указывал на отсутствие школ, на обременительность налогов и тому подобное. Говорил много о начале освободительного движения, говорил о манифесте, о реакции, о том, что манифест остался только на бумаге, убеждал крестьян не верить в Государственную Думу, что народ сам должен встать во главе страны и взять в свои руки власть, что эта власть не спадет с неба, что народ должен завоевать путем борьбы эту власть, убеждал крестьян, что эта борьба по местам уже началась и идет с успехом, что войска по местам переходят на сторону крестьян (причем факты действительности извращались), и в конце концов призывал народ к вооружению.

Мне приходилось несколько раз возражать оратору, указывать на извращение фактов и неправильное их толкование. По поводу армии мной говорено было, что нельзя за армией признать только того отрицательного значения, на какое указывает оратор: я указывал на историю нашей родины, указывал, как росло и крепло русское государство, и армия играла в этом росте великое значение. Я указывал на 12-й год, я указывал, что без армии немыслимы ни слава, ни могущество России, я указывал, что никакая милиция народная не заменит постоянной армии. Японская война ясно нам доказала, какие требования в нынешнее время предъявляются к армии, какими знаниями должен обладать каждый солдат, что, конечно, немыслимо, если постоянная армия будет заменена народной милицией. Относительно податей мною было говорено, что виды государственной подати не так велики, как их представил оратор, земский сбор в иных местах превышает сбор государственный... говорил, что нельзя не сознаться, что платежи - это бремя для крестьян, и справедливое и равномерное распределение их между всем населением русского государства - есть задача всех лучших людей и самого правительства. Оратором были предъявлены разные требования для крестьян и рабочих: чтобы было бесплатное обучение, были повсюду школы, больницы, богадельни, страхование рабочих, помощь со стороны правительства в самом широком размере во время неурожая, и был поставлен вопрос: вот требуйте от правительства и то, и се, и третье - где же правительство возьмет денег? Говорилось мной, что прекращение платежей в настоящее время было бы прямым преступлением перед родиной и поставило бы нашу родину, и без того переживающую тяжелое время и несущую большие расходы, в безвыходное положение, за которое придется расплачиваться таким же крестьянам, прекращение платить подати остановило бы сразу жизнь великой монархии, каковой является наше государство; указывал, что платить-то все-таки придется, и крестьяне только неплатежом и следованием советам оратора наживают на свои головы новые неисчислимые беды.

По поводу манифеста мною было говорено, что никто не виноват, что манифест и возвещенные им свободы русские люди поняли по-своему, поняли как произвол, как свободу делать то, что хочется. Указывалось на факты безобразий молодежи в разных местах. По поводу народного представительства говорилось, что о чем же оратор спорит, ведь высочайшею волей государя, выраженной в манифесте 17 октября, народ и призывается к управлению русской землей через своих выборных, в Государственную Думу и войдут свободно избранные от народа, которые и будут вместе с государем с помощью Божией устраивать жизнь русского народа на новых началах... И наша обязанность всеми силами стараться помочь нашему государю в его святом намерении и выборе честных, правдивых людей, преданных родине и государю, облегчить его заботу о благе российской земли.

Говорил по поводу призыва оратора к вооружению: против кого мы будем вооружаться-то? Неужели против лиц, исполняющих волю государя? Этот призыв я считаю верхом безумия, и лицам, призывающим к вооруженному восстанию, место не здесь, не среди нас, понимающих всю нелепость вооруженного восстания, - а в доме

умалишенных. Говорил прямо: ну вооружайтесь - как же посмотрит правительство на вас тогда, конечно, как на бунтовщиков и пришлет к вам войска для усмирения. Что вы сделаете со своими ухватами, вилами, револьверами против пушек?

Хотите вы устлать улицу своими трупами, но подумайте, у вас есть дети, у вас есть жены, на кого они останутся. Врут вам, что солдаты в вас стрелять не будут. Если и в некоторых местах солдаты и бунтовали, то малая часть их, и притом под влиянием агитаторов. Вы слышали, чем кончились волнения эти в Кронштадте, Севастополе и тому подобном? Нет, всякий солдат всегда будет служить верой и правдой помазаннику Божию, своему государю, своей отчизне, своей вере православной, за защиту их всегда готов проливать свою кровь. Убеждал не особенно верить всяким посулам непризванных спасателей России и своей преданностью вере Христовой, своему государю, своей родине, исполнением своих прямых обязанностей помочь царю в его трудных делах управления землей и оправдать то доверие, которое государь оказал всем нам своим манифестом.

После речей под руководством агитаторов пели революционные песни. Речей после меня не произносили, лишь оратор был спрошен, будут ли еще говориться речи, и получен ответ, что нет. Ораторы оставили Эммаус раньше меня. Общее мнение было не в пользу ораторов... Общее мнение крестьян было таково: потерпели неудачу, какие это ораторы. Крестьянами была мне выражена глубокая благодарность. В моем приходе ораторов совсем не являлось. Хотя была слабая попытка один раз в школе, во время чтения, но ораторы тут потерпели полное поражение, и народ их попросил замолчать. То доверие, которое существует между мной и крестьянами, не делает благоприятной почвы для происков ораторов, этих непризванных радетелей русского народа..."

В начале XX века быстрыми темпами стало развиваться обнищание русской деревни. В результате этого многие крестьяне направляли своих малолетних детей в Санкт-Петербург, где они попадали в руки мастеров, которые вместе с обучением ремеслам обучали их порокам, и в результате губили их и как будущих мастеров, и как здоровых людей. Пьянство и пороки стали приобретать среди народа все больший масштаб; появлялось все больше детей, лишенных родителей или чьи родители безнадежно погрязли в пороках. Столкнувшись с массой бездомных детей, отец Николай не мог пройти мимо них; христианский пастырь, он не мог не протянуть им руку помощи, и в 1907 году он принял решение организовать детский приют. С этой целью он составил воззвание, которое представил архиепископу Тверскому Алексию (Опоцкому). 12 октября 1907 года владыка написал: "С сердечным удовольствием разделяю добрую мысль и желанное для города Твери дело призрения нищих детей. Усерднейше прошу все приходские советы, состоящие при церквах города Твери, принять участие в сем святом деле... Воззвание это напечатать и в Епархиальных ведомостях, и в особой брошюре..."

26 декабря 1908 года состоялось заседание епархиального съезда, на котором один из депутатов предложил прийти на помощь детскому приюту Власьевского Общества трезвости, который пострадал от пожара. По благословению архиепископа в "Тверских епархиальных ведомостях" в экстренном порядке было отпечатано воззвание о помощи с приложением подписных листов для сбора пожертвований, как среди духовенства, так и прихожан. Воззвание было составлено священником Николаем Лебедевым.

Одним из главных недостатков тогдашнего общества была его малопросвещенность. Все просвещение народа было сосредоточено только в Церкви и около Церкви. Но как только крестьянин отходил от Церкви, переставал посещать храм, интересоваться духовным, он тут же оказывался окруженным беспросветной тьмой. Если он был грамотен, то оказывался перед морем литературы, обучающей страстям и имеющей разрушительный характер как по отношению к человеческой личности, так по отношению к государству и социальным институтам. Чтобы хоть как-то содействовать просвещению народа, и в особенности крестьян, отец Николай основал в 1909 году журнал "К Свету", который издавался им до революции 1917 года, прекратившей всякую церковную и

культурную деятельность в издательском деле.

15 декабря 1913 года, в значительной степени усилиями отца Николая, в Тверской епархии состоялось открытие Епархиального Общества борьбы с народным пьянством.

Понимая, насколько зависит материальное положение крестьян от природных условий, отец Николай часто устраивал беседы с ними на сельскохозяйственные темы, он убеждал крестьян улучшать обработку земли, а также следить за тем, чтобы почва не истощалась, убеждал приобретать современные сельско-хозяйственные машины и инвентарь, с помощью которых можно свой труд сделать и производительней и легче. Для практического осуществления этих задач священник учредил Власьевское Кредитное товарищество, которое своей деятельностью охватывало 33 селения с 800 жителями. Товарищество проработало одиннадцать лет, все это время снабжая бедняков деньгами, приобретая для крестьян лучшие сорта посевных материалов, сельскохозяйственные машины, выписывая из питомников плодовые культуры. Все это Товарищество распространяло среди крестьян по недорогим ценам. В 1914 году для Товарищества был выстроен отдельный каменный дом.

Когда начались гонения от безбожной власти на Русскую Православную Церковь, отец Николай ни в чем не изменил своим принципам, не изменил и своей ревности о спасении душ вверенных ему Богом православных. Вот как описывает он свою жизнь после большевистского переворота во время ареста и допросов в 1929 году.

19 августа 1929 года власти арестовали отца Николая по обвинению в том, что он, используя свое положение священника, с церковного амвона будто бы вел агитацию, направленную во вред советской власти. Например, в 1928 году во время престольных праздников говорил в проповеди крестьянам, что большевики разорили страну, притесняют крестьян и всеми средствами отвращают их от религии. "Осенью 1928 года, - говорилось в постановлении о привлечении священника к ответственности, - в деревне Никифоровской близ села Власьево произошло убийство. Из-за семейных неурядиц была убита крестьянка Наумова своей родственницей (золовкой), девушкой Марией Наумовой. Это обстоятельство было использовано Лебедевым, и он, отпевая убитую, над открытым гробом произнес проповедь в присутствии около 50 крестьян, в которой сказал: "Вот до чего доводит нашу молодежь культурно-просветительная работа и наш клуб, благодаря им, наша молодежь так опускается, что идет на убийство", что "в клубах и красных уголках лишь один разврат, и это происходит потому, что наша молодежь отошла от Бога". В текущем году, вследствие расширения совхоза Власьево, земля, принадлежавшая Лебедеву, подлежала передаче совхозу. Лебедев обратился в праздник Преображения к крестьянам с проповедью, где сказал, что советская власть отбирает у него землю и он просит крестьян помочь ему, чтобы земля осталась в его пользовании". Отец Николай был обвинен также в сотрудничестве с жандармским управлением во время революционного движения в 1905 году, будто бы он "вел активную борьбу с революционным движением путем разъяснения крестьянам царских манифестов в монархическом духе, предупреждения крестьян против активных выступлений против царского правительства, выступлений на митинге против выдвигаемых мероприятий революционного характера, не допускал организации крестьянского митинга во Власьевской школе".

Отвечая на все эти обвинения, отец Николай написал в своем объяснении следователям: "Мне предъявляется обвинение в том, что я будто имел связи с царской охранкой, был ее агентом, служил у нее на службе, узнавал, где устраивались митинги, выслеживал ораторов и потом выдавал их правительству. Обвинение слишком для меня тяжелое, чудовищное и до глубины души меня возмущающее, как несправедливое и совершенно не соответствующее действительности. Я решительно заявляю, что никогда я связей с царской охранкой не имел, в услужении у нее не был никогда и шпионажем никогда не занимался и не мог заниматься, так как это противоречило и моим убеждениям, и моей деятельности, и тем взаимоотношениям, которые у меня

установились с самого начала моего служения в приходе вплоть до самой революции с гражданской властью и ее представителями... Эти взаимоотношения совершенно исключали всякую возможность не только какой-либо связи с царской охранкой или службы в ней, но исключали даже возможность и самой мысли о том... На митинге в 1905 году я лишь был в селе Эммаусе и выступал на нем с единственной целью - предотвратить возможность кровавой расправы полиции с беззащитным населением и избавить деревню от тех ужасных последствий, которые неизбежно бы обрушились на население в случае подобного столкновения... Население понимало меня и выразило благодарность за то, что страсти тогда не разгорелись и митинг окончился сравнительно спокойно. Письменные мои показания на имя пристава Тверского уезда об означенном митинге исходили не из моей инициативы, совсем не по моему плану, не добровольно и вовсе не с целью шпионажа, а были вынужденными, вызванными официальным допросом со стороны полиции (а не жандармерии), пристава, приехавшего для допроса ко мне на дом... По крайней мере, ни при аресте 1918 года, ни при аресте 1921 года о контрреволюционных каких-либо с моей стороны выступлениях и разговора не было... В церкви в своих проповедях тем политических я не касался и каких-либо контрреволюционных выступлений не делал.

По поводу убийства Наумовой своей снохи. Да, это было зверское, кошмарное убийство. Молодая девушка, едва достигшая 18-ти лет, комсомолка или бывшая пред тем комсомолка, после спектакля в местном клубе, чуть ли не участница спектакля, после обычных танцев идет домой и зверски убивает свою спящую сноху - мать трех или четырех малолетних (одного из них грудного) детей, порезав ей горло и нанеся ей несколько тяжелых ран. Говоря об этом убийстве, я между прочим высказал такую мысль, что некоторая ответственность за этот поступок ложится и на местную ячейку молодежи, что она больше внимания и забот уделяет на устройство спектаклей, танцев и увеселений, чем серьезной и нужной работе - такому воспитанию молодежи, которое бы исключало возможность среди молодежи подобных кошмарных фактов, как это зверское убийство. Через несколько дней после этого мне пришлось вести на эту тему более подробный разговор на мельнице с представителем ячейки... Я высказал такую мысль, что на партийной молодежи, как на передовой, в частности на местной ячейке комсомола, лежит великая задача - подготовка и перевоспитание современной молодежи для предстоящего социалистического переустройства страны, подготовка кадров нужных для этого работников, - работа слишком серьезная, ответственная, требующая потому особенного внимания и напряжения сил. Было время, когда воспитание молодежи лежало отчасти на нас, теперь мы сошли со сцены, эти обязанности перешли теперь к вам, комсомолу; на вас устремлены взоры всей страны, вы являетесь цементом для будущего строительства, поэтому нужно и более строгое, внимательное отношение к себе, нужна серьезная умственная работа над собой, больше уделять внимание книге, а между тем книги даже партийной литературы молодежью не читаются или мало читаются, и книги в библиотеке лежат неразрезанными (ведь этого факта, что молодежь мало уделяет внимания книге, отрицать и ячейка не будет), чему я был сам свидетелем. Нельзя же ограничивать и сводить работу ячейки к устройству лишь спектаклей, танцев и других увеселений. Нужно принять все меры к тому, чтобы между молодежью было меньше случаев пьянства, хулиганства, поножовщины, что подобными поступками партийная молодежь кладет пятно на всю партию... Вот краткое содержание моего разговора... Не отсюда ли и обвинение меня в том, что я не советовал брать книги из библиотеки при местной избе-читальне, не произошла ли тут простая путаница или простая перефразировка моих слов о том, что молодежь вообще мало читает, даже партийную литературу. Никаких выступлений против читальни при клубе я не делал. По просьбе отдельных лиц из крестьян, не молодежи, а людей семейных, я выдавал книги для прочтения из своей библиотеки этой зимой... Теперь о собраниях и моем участии в них. В конце июня сего года мне пришлось бывать на собраниях в деревне Большой Перемерке, Никифоровской и

в конце июля или начале августа в деревне Малой Перемерке и вот по каким обстоятельствам. В начале июня сего года в целях расширения местного совхоза "Власьево" у меня проектом землеустроителя произведено было изъятие земли надельной, сада и даже усадьбы, с обязательством снести дом и постройки в полуторагодовалый срок, а для дома в саду и построек в нем срок этот даже 1 октября сего года. Земля, которой я пользовался, расположена среди земель совхоза. При изъятии земли мне не отводилось ни другого какого-либо земельного участка, ни даже усадьбы, где бы я мог построиться. Земля отбиралась тотчас же, по проекту землеустроителя, и мне предоставлялось лишь то, что я засадил и засеял. Я в течение тридцатипятилетней жизни во Власьеве все время занимался сельским хозяйством и обрабатывал землю своими руками. Сад разведен мной лично еще в 1904 году на совершенно бросовом участке и возделывался мной и моей семьей... Сад отходит безвозмездно в совхоз, мне не предоставлено даже права взять что-нибудь из насаждений сада, хотя я весной этого года посадил пять штук яблонь. Положение мое и моей семьи оказалось крайне тяжелым и совершенно безвыходным. Я обжаловал этот проект землеустроителя в уездном землеуправлении и обратился к местному населению, чтобы оно подтвердило такие факты: что я занимался сельским хозяйством в течение 35 лет, сад лично разводил и обрабатывал его своими трудами, при участии всех членов своей семьи, что был не только служителем культа, но и общественником и кое-что делал для народа и местного населения, и поддержали мое ходатайство пред земельными органами или о сохранении за мной сада или части его, или, наконец, какого-нибудь небольшого участка земельного в другом каком-нибудь месте для постройки. На собраниях обсуждалось только мое экономическое положение и положение моей семьи в тесной связи с вопросом об изъятии у меня земли, и разговоры с крестьянами не выходили из пределов этого круга. Население составило приговоры и выслало своих представителей ко дню разбора дела и поддерживало мое ходатайство о сохранении за мной сада или части его, или предоставлении мне небольшого участка в другом каком-либо месте для постройки...

Во время нахождения отца Николая в тюрьме прихожане селений Пасынкова, Никифоровской, Перемерок, Иенева, Кольцова выступили в защиту своего пастыря. Они писали в заявлении к властям: "Священник Николай Васильевич Лебедев во время своего 35-летнего служения в нашем приходе проявил себя с хорошей стороны. Он никогда не был корыстолюбив. Никогда не назначал определенной платы за требы, а удовлетворялся тем, что дают ему, и не требовал от тех, кто не давал ничего. Всегда был добр и отзывчив к чужому горю. Во время своей 35-летней пастырской деятельности он проявил себя как общественный деятель; борясь с грубостью, хулиганством и пьянством, закрыл существовавшие у нас кабаки, открыл вместо них две школы, устраивал чайные с читальнями, литературными чтениями и туманными картинами. Открыл Общество трезвости, спасая людей от погибели и разврата. Те средства, которые получал от трезвенников, он не брал себе, а вкладывал их на другое полезное общественное дело: детский приют, основанный им на 40 человек беспризорных детей, детей алкоголиков и беднейшего населения. Кроме того, он пытался обратить на честную трудолюбивую дорогу людей, сбившихся с пути, поддавшихся пьянству, привлекая их к трудовой и честной жизни, устраивал им разные мастерские: швейные, сапожные, корзинные, где были руководители-специалисты. Кроме того, он организовал кредитное товарищество, обслуживающее 33 деревни, распространяющее семена, земледельческие орудия, плодовые деревья, привлекая население к ведению культурного хозяйства. Всю свою жизнь в нашем приходе он отдавал всего себя народу, борясь с грубостью, невежеством, темнотой, пьянством и хулиганством. Он не занимался какой-либо провокацией и пропагандой против советской власти, не выступал ни на каком собрании. Он никогда не был врагом народа, а был всегда другом его, полезным и ценным членом общества, а посему мы, прихожане села Власьево и граждане селений Пасынкова, Никифоровской, Перемерок, Иенева, Кольцова, ходатайствуем перед ОГПУ о его освобождении".

Власти не вняли прошению народа, и 3 ноября 1929 года священник был приговорен к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь, где он пробыл до 9 августа 1931 года, а затем был выслан в город Мезень Архангельской области. В июле 1932 года отца Николая перевели в Архангельск, а затем выслали в Усть-Куломский район в село Керчёмья Коми области. 19 августа 1932 года окончился срок ссылки священника. Для выезда с места ссылки требовалось согласие местного ОГПУ, но оно не было дано, и священник еще на год остался в Керчёмье. Дочь отца Николая добилась встречи с членом Верховного суда РСФСР Аароном Сольцем и изложила ему, кто был ее отец и суть своей просьбы. На заявлении, поданном дочерью, он наложил резолюцию об освобождении священника. В заключение встречи она спросила его: "Могу ли я узнать о результатах своего ходатайства и когда?" -"Ваш отец приедет к вам, вы и узнаете",- ответил тот.

Летом 1933 года положение священника сильно ухудшилось. Посылки, которые посылала дочь, из-за дальности расстояния и затрудненности в средствах сообщения доходили не регулярно и со значительным опозданием. Здоровье отца Николая в это время сильно пошатнулось, и он стал быстро слабеть. Дочь священника снова написала письмо Сольцу, закончив его словами: "Буду верить, что вы при всей своей важной работе сдержите свое честное и стойкое слово коммуниста, и я дождусь, что мой отец действительно приедет ко мне".

Однако, несмотря на все обещания властей, он не вернулся домой. Священник Николай Лебедев умер в ссылке в селе Керчёмья Усть-Куломского района Коми области 1 сентября 1933 года и был погребен на деревенском кладбище в безвестной ныне могиле. После ареста отца Николая храм в селе Власьево был закрыт, вновь он был открыт лишь в 1989 году. Это был первый храм в Тверской епархии, в котором возобновилось богослужение после нескольких десятилетий гонений на Русскую Православную Церковь.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Маслов) (память 4 января по старому стилю)

Священномученик Николай (Николай Иванович Маслов) родился в 1874 году в Твери. После окончания духовного училища и пастырских курсов в 1924 году он был рукоположен в сан священника. Служил в Твери, в храме иконы Божией Матери Неопалимая Купина за Волгой.

После того как в городе закрыли почти все храмы, и в частности Вознесенский собор, где служил тогда святой архиепископ Фаддей (Успенский), владыка перешел служить к о. Николаю в храм иконы Божией Матери Неопалимая Купина. Бывало, что здесь собиралось всё православное духовенство города. Священномученик Фаддей любил эту церковь на кладбище, со всех сторон окруженную спускавшимися к Волге лугами, столь напоминавшими ему родные места в Нижегородской губернии. Как свеча, стоял белый храм на холме среди зелени. От храма расходились аллеи благоуханной сирени. Могилы были ограждены коваными металлическими оградками, кое-где стояли памятники из мрамора с надписями, прося прохожего человека помолиться за тех, кто под ними. Всё здесь настраивало на молитву и напоминало о том, что ожидает каждого человека в конце жизни, - и храм, как обетование немеркнущего света Царства Небесного, и кресты на могилах, как подсказка пути, по которому следует человеку идти, и в то же время рядом -

стогны древнего града с его подвижниками и молитвенниками прошлых веков, прошедших весь крестный путь и достигших небесных обителей. Через Волгу отсюда был виден и древний Успенский монастырь - место мученической кончины митрополита Филиппа и недавнего служения архиепископа Петра (Зверева) - священно-мученика, и купола заволжских церквей, как армия ратников, частью плененных - закрытых, заброшенных, превращенных в склады и мастерские, и грозное здание тюрьмы, где самому святителю, архиепископу Фаддею, суждено было принять мученическую кончину... и милостью Божией вернуться сюда, на кладбище Неопалимой Купины, чтобы телом лечь под шатром разросшейся благоуханной сирени, духом предстоя Господу и пребывая в молитве перед Богом за нас. Но и земля не могла скрыть и удержать этого кротчайшего и смиреннейшего подвижника, который жил на земле подобно тому, как живут на небесах ангелы.

Незабываемо для о. Николая было служение со святым архиепископом Фаддеем, само присутствие которого ощущалось как благодатно очищающее душу, обличая в ней все греховное и недостойное. При жизни он был ангелом-хранителем города, после смерти - великим за него молитвенником.

Лютое гонение на Церковь в 1937 году не оставило на свободе почти никого из духовенства Твери. 3 ноября 1937 года сотрудники НКВД арестовали о. Николая. Ему было тогда шестьдесят три года, здоровье у него было весьма слабое, он часто болел, может быть, поэтому НКВД решил его не расстреливать, а ограничиться концлагерем - сам вскоре умрет. Сразу после ареста состоялся допрос. Следователь спросил священника о знакомых в городе. Отец Николай ответил, что знал только тех священников, которые служили вместе с ним в храме иконы Божией Матери Неопалимая Купина.

- Вы знакомы с бывшим архиереем Успенским? Священник поправил:

- Не с бывшим архиереем Успенским, а с архиепископом Фаддеем; да, я его хорошо знаю, был у него на квартире в 1930 году, после этого часто его видел в церкви Неопалимой Купины.

- Какие взаимоотношения у вас были с Успенским?

- Взаимоотношения с архиереем у нас были чисто служебные, каких-либо посторонних разговоров у нас не было.

- Вы обвиняетесь в том, что вы, Маслов, являетесь участником контрреволюционной фашистско-монархической организации в городе Калинине, возглавляемой архиереем Фаддеем Успенским. Признаете ли вы это?

- Участником контрреволюционной фашистско-монархической организации я не был и виновным себя в этом не признаю.

- Вы, Маслов, являясь участником контрреволюционной организации, проводили свою контрреволюционную деятельность. Признаете вы это?

- Являясь убежденным монархистом и чувствуя, что советская власть относится недоброжелательно к духовенству, по моему мнению, притесняет религию... я высказывал среди верующих отдельные недовольства советской властью, говорил, что новая конституция нам ничего не дает, церкви по-прежнему стараются закрыть, религию уничтожить. Вел антисоветскую агитацию по выборам в Верховный Совет СССР, то есть за то, чтобы избирали кандидатов верующих, чтобы люди, попавшие в Совет, могли бы поддержать религию.

- Вы следствию говорите неправду, следствие располагает данными о том, что вы являлись членом контрреволюционной фашистско-монар- хической организации.

- Это обвинение я отрицаю, ни в какой контрреволюционной организации я не состоял.

После подобных ответов были вызваны "дежурные свидетели", в данном случае обновленцы, которые по требованию следователя подписали составленные им лжесвидетельства.

2 декабря Тройка НКВД приговорила священника Николая Маслова к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Во время заключения в тюрьме о. Николай

болел, и состояние его здоровья все ухудшалось. В июле 1938 года он был переведен из Твери в тюрьму в Лыкошино, находясь в которой, долго и тяжело болел и 17 января 1939 года скончался.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученики Николай (Подьяков) и Виктор (память 13 февраля по старому стилю)

Священномученик Николай служил в Богородице-Рождественский храме в селе Подосиновец Вологодской епархии. В 1918 году отец Николай Подьяков прочел с амвона послание Патриарха Тихона; мужественное, обличающее грех и призывающее к покаянию слово Патриарха-исповедника раздражило воинствующих безбожников, и прихожане, опасаясь нападений на храм и беспокоясь за жизнь священника, установили в храме постоянное дежурство.

24 сентября 1918 года протоиерей Николай совершил отпевание прихожанина и пошел вместе с родственниками почившего на кладбище. К концу панихиды на кладбище прибежала прислуживавшая при храме монахиня, одетая на этот раз не в монашеское, а в мирское:

- Отец Николай, скорее прячься. Сегодня тебя приедут расстреливать.

Отец Николай улыбнулся и, обратив внимание на ее непривычный наряда, сказал:

- Ты что меня в одной юбке-то прибежала спасать?

Карательный отряд явился в село после полудня. Все были с красными бантами, в одинаковых кумачовых рубахах. - Где священник? - спрашивали каратели.

Никто не хотел указывать.

- Ну что ж, если не появится, возьмем младшего сына, - пригрозили они.

Узнав об этом, отец Николай пришел домой и собрал детей для последней беседы. Священник учил их, как несмотря на все тяготы настоящей жизни сохранить веру в Бога, остаться верными Церкви, не отступить от исполнения заповедей, даже если всё вокруг к тому понуждает. Он был безмятежно спокоен и в наставлениях и советах входил во все подробности их дальнейшей жизни: как детям жить одним, так как матери, рано умершей, они лишились давно. Во время беседы в дом ворвались каратели. - Никому не выходить! - приказали они.

Обрадованные, что нашли священника, они стали в него стрелять и, увидев, что ранили, покинули дом.

- Ну слава Богу! - с облегчением вздохнул отец Николай и перекрестился.

Неясно было домашним, надолго ли ушли палачи, вернутся ли. Сын побежал за врачом. Врач пришел сразу, но не успел он перевязать рану, как в дом снова ворвались каратели.

- Ты зачем здесь? - с гневом приступили они к врачу.

- Я врач и обязан прийти к больному.

- Убирайся отсюда сейчас же! Чтобы сию минуту тебя здесь не было! Мы сами понесем его в "больницу", - кричали каратели, указывая на носилки, которые принесли с собой.

Детям запретили сопровождать отца. "Больница" оказалась рядом - это был покосный луг возле речки. Положив отца Николая около ямы, они стали мучить его. Кто стрелял, кто колол, вонзая в тело, вынимая и снова вонзая штык. Впоследствии при осмотре тела, выяснилось, что кроме огнестрельных ран ему было нанесено одиннадцать ран штыковых.

Тело убитого священника сбросили в яму, но зарывать не стали. В это время в сельсовете сидел задержанный карателями священник из соседнего прихода, отец Виктор. Его подвели к яме и велели отпевать замученного священника. Когда отпевание подошло к концу, один из палачей выстрелом в затылок убил отца Виктора.

Весной приехали сыновья отца Виктора и вместе с детьми отца Николая выпросили у властей разрешение похоронить священников на кладбище. Тело отца Виктора сыновья увезли в приход, где он служил, а отец Николай Подьяков был похоронен на кладбище в Подосиновце.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Пробатов)и иже с ним пострадавшие мученики Косма, Виктор (Краснов), Наум, Филипп, Иоанн, Павел, Андрей, Павел, Василий, Алексий, Иоанн и мученица Агафия (память 29 октября по старому стилю)

Священномученик Николай родился в 1874 году в селе Игнатьеве близ города Кадома Тамбовской губернии. Он был младшим сыном священника этого села Александра Николаевича Пробатова и его жены Еликониды.

Образование Николай получил в Касимовском духовном училище, а затем в Тамбовской Духовной семинарии. Из сохранившихся его писем брату, протоиерею Василию, видно, что учился он, находясь в условиях большой материальной нужды: иногда одежда изнашивалась настолько, что товарищи смеялись над ним, а наставники делали замечания.

По окончании семинарии он женился на младшей дочери священника села Темирево Елатемского уезда Варваре Алгебраистовой. После венчания Николай и Варвара, по существовавшему тогда благочестивому обычаю, отправились в свадебное паломничество в Саровский монастырь.

В 1899 году Николай был рукоположен в сан пресвитера и определен вторым священником в храм села Темирево. Но он очень хотел служить один. Желание его вскоре сбылось, в 1906 году он получил приход в селе Агломазово, где был деревянный Богоявленский храм, выстроенный в 1779 году. В 1910 году отец Николай обновил обветшавший иконостас. При храме был хор, и трудами отца Николая было устроено прекрасное общее пение. Перед служением литургии священник всегда долго и усердно молился, служил он с вдохновением и благоговением; а о службе церковной говорил: "У меня в алтаре уголок рая".

Село Агломазово насчитывало тогда сто пятьдесят домов, более тысячи прихожан, и была большая нужда в открытии церковноприходской школы. Стараниями отца Николая было выстроено просторное деревянное здание, в котором свободно могло обучаться двести детей. Талантливый проповедник, он усердно проповедовал в храме, а в школе преподавал Закон Божий. Семья священника жила бедно, но он за требы платы не брал. Обуви всегда имел только две пары - зимнюю и летнюю.

Началась Первая мировая война. Священников в армии не хватало, и епархиальный архиерей, епископ Тамбовский Кирилл (Смирнов), обратился к духовенству епархии с

просьбой - пойти священниками в действующую армию. Охотников нашлось немного. Отговаривались - кто болезнью, кто семьей, кто малолетством детей. Слыша такое от священников, отец Николай устыдился: что же это мы - священники, и отказываемся - у одного жена, у другого дети, а там наши же воины кровь проливают, защищая родину; надо соглашаться. И хотя у отца Николая с женой было трое детей, старшему сыну четырнадцать лет, младшим, сыну и дочери, по году, он пошел служить полковым священником в первый Бахмутовский полк, сражавшийся против австрийцев. Здесь, на фронте, в полку он увидел, как мало остается в людях веры: из всего наличного состава полка храм посещали не более тридцати человек. Вернувшись в 1917 году домой, он с нескрываемой скорбью говорил близким: "Священники уже тут не нужны, они теперь скорее жители Неба, чем земли".

Совершилась революция. Нравственная болезнь коснулась и крестьян. Многие бросились рубить впрок казенные и господские леса, наваливая штабеля бревен перед домами, поспешно делили земли крупных землевладельцев.

После издания большевиками декрета об изъятии из храмов метрических книг к отцу Николаю явился отряд солдат и потребовал выдать из церкви книги.

- А кто вы такие, что мне указываете? - решительно встретил их отец Николай. - Скажет мое начальство, тогда передам.

- Нет, - не отступали солдаты, - передавай сейчас.

- Ну, хорошо, - ответил священник, - не хотите слушать церковное начальство, соберем сход крестьян. И как решит народ, так и сделаю.

Собрали сход, и священник произнес слово, после которого крестьяне сразу же изгнали покушавшихся на церковные книги.

В феврале 1918 года большевики объявили мобилизацию в Красную гвардию. Крестьяне, ждавшие от большевиков мира, решили в армию не записываться, а идти в ближайший уездный город и разогнать там большевистское начальство. Перед выходом попросили отца Николая отслужить для них напутственный молебен. После молебна священник сказал краткую проповедь, которую заключил словами:

"Благословляю вас идти на борьбу с гонителями Церкви Христовой".

Крестьяне, вооруженные кто топорами, кто вилами, двинулись к уездному городу, до которого было двадцать пять верст. Пока шли, решимость многих растаяла, и они стали возвращаться домой. Нашлись и такие, которые поспешили в город, чтобы предупредить большевиков. Когда оставшиеся крестьяне подошли к городу вплотную, по ним была выпущена очередь из пулемета, установленного на колокольне. Это остановило восставших, и толпа быстро рассеялась. Инцидент был исчерпан, но большевики никогда не прощали тем, кто выступал против них, и в Агломазово был направлен карательный отряд. Известие о карательном отряде достигло села, и священник благословил домашних уйти в соседнее село Калиновец, где служил брат жены отца Николая. Тревожные предчувствия томили его душу, и жена, видя это, сказала:

- Написано: Господь не посылает испытаний выше сил человеческих.

- Да, - сказал священник. И, помолившись, наугад открыл Апостол и прочел: "Верен Бог, который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести".

Слово Священного Писания, как ничто другое, утешило и укрепило душу. Ко времени прихода карателей отец Николай совершенно успокоился, предав свою жизнь в волю Божию. Крестьяне говорили ему:

- Беги, батюшка, убьют!

- Я никогда не бежал и сейчас не побегу.

Домашние ушли, остался только старший сын Александр. Отец Николай предложил и ему уйти, тем более что матери, возможно, потребуется помощь, но Александр не пожелал оставить отца.

Священник надел теплый ватный подрясник и вышел из дома. Издалека показался отряд карателей.

- Римские легионы идут, - покачав головой, сказал отец Николай.

Карательный отряд приближался, и вскоре слышна стала песня, которую пели идущие: "Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне..."

Каратели расположились неподалеку от храма, в большом кирпичном доме, принадлежавшем некоему Седухину. Всех арестованных сводили в подвал дома. Списки на аресты составлял сельский учитель, Петр Филиппович, местный безбожник, не любивший храм и священника.

Двоих красногвардейцев отправили за священником. После ареста отца Николая в доме был произведен обыск. Присутствовал лишь сын священника, Александр. Каратели перерыли все вещи, но ничего не нашли.

Арестованных допрашивали с побоями и издевательствами. Отца Николая били шомполами по пяткам, заставляя плясать.

- Я и раньше никогда не плясал и перед смертью не буду, - ответил священник.

Последнюю свою литургию перед арестом отец Николай отслужил на праздник Казанской иконы Божией Матери. Некоторые из палачей еще недавно посещали церковные службы и помнили слова молитв. Издеваясь над пастырем, они говорили:

- Заступница усердная!.. Ты Ей молился! Что же Она тебя не заступает? - И старались всячески оскорбить священника. На все поношения отец Николай отвечал:

- Христос терпел, будучи безгрешен, а мы терпим за свои грехи.

Эти слова священника вызывали у истязателей хохот.

Учитель, составляя список, включил в него нескольких женщин, но начальник карательного отряда имена женщин вычеркнул, оставив лишь одну - Агафью; она была совершенно одинока, и за нее некому было просить. Долго и изощренно издевались над ней палачи, но она все переносила молча. Наконец было объявлено, что все арестованные будут расстреляны.

Перед смертью все исповедались. В седьмом часу вечера красногвардейцы вывели из подвала восемнадцать осужденных на смерть и повели к реке Цне. У реки их разделили на две партии, одну повели по берегу реки налево, другую - направо. Вскоре раздалась команда красногвардейцам построиться и приготовиться к стрельбе. Приговоренные столпились напротив. Отец Николай, воздев руки, молился, произнося слова громко, раздельно. Все услышали:

- Господи, прости им, они не знают, что делают.

Раздался залп. Хотя уже совсем стемнело и каратели, похоже, не собирались проверять, кто жив, кто мертв, но отец Николай, собрав силы, поднялся и с воздетыми руками продолжал вслух молиться:

- Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу...

Вторым залпом он был убит.

Из восемнадцати человек были убиты тринадцать, остальные ночью доползли до ближайших изб и были спрятаны жителями. От них и стали известны подробности расстрела. Убиты были староста храма Косма Егорович, крестьяне Виктор Краснов, Наум и Филипп (отец с сыном), Иван, Павел, Андрей, Павел, Василий, Алексей, Иван и Агафья.

На следующее утро крестьяне снарядили подводу и поехали забрать убитых. Вместе с ними поехал сын священника Александр. Весь песок был пропитан кровью, и Александр снял с него верхний слой и положил на телегу. Тело священника уже закоченело - с поднятыми при последней молитве руками, с пальцами, сложенными для благословения. Когда его везли по селу, крестьяне выглядывали из окон и говорили: "Батюшка нас и мертвый благословляет".

В этот же день жена отца Николая вернулась домой. Она обратилась к властям за разрешением похоронить священника возле церкви. "Что?! - возмутились каратели. -

Собаке собачья смерть. Его надо отвезти на свалку. Еще спасибо скажите, что в овраг не свалили, на кладбище разрешаем похоронить".

Отпевать и хоронить мученика пришли священники соседних приходов - отец Павел Мальцев из села Усады и отец Максим из села Старое Березово. Отец Павел был очень дружен с отцом Николаем, они договорились заранее: если кого убьют, чтобы другой пришел отпевать и хоронить.

Отпевали отца Николая в его доме. Окна занавесили черной плотной материей, чтобы каратели не могли видеть, что происходит внутри. Тело мученика перенесли со стола в гроб, и началось неспешное отпевание. Хоронили отца Николая глубокой ночью, священники несли гроб на кладбище, где уже была вырыта могила на месте погребения близкого отцу Николаю прихожанина, неистлевший гроб которого был хорошо виден при ясном свете луны и звезд. И плыло тихое пение последних погребальных молитв.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Раевский) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Николай родился 2 марта 1885 года в городе Ржеве Тверской губернии. Отец его, Василий Саввич Раевский, служил псаломщиком в одном из ржевских храмов. В 1892 году умерла мать Николая, Александра Васильевна, и в 1897 году отец с детьми переехал в село Березниково Тверского уезда, где устроился в храм псаломщиком; но недолго ему пришлось здесь прослужить, в марте 1899 года он умер.

В 1892 году Николай поступил в начальную школу, после окончания которой год учился в городском училище, а затем перешел в духовное городское училище, которое окончил в 1899 году, и был направлен служить псаломщиком в село Березниково на место почившего отца. В 1906 году он был переведен в храм села Тургинова Тверского уезда, где прослужил немногим более полугода, и в ноябре того же года был призван в армию. Военную службу он проходил в Варшаве в 182-м пехотном резервном полку.

По окончании срока военной службы в 1910 году Николай Васильевич вернулся на родину во Ржев и поступил псаломщиком в Покровскую церковь. Через год он переехал в город Старицу, где был экономом духовного училища. В 1913 году в его жизни произошла существенная перемена - он был рукоположен в сан диакона. Через два года церковное начальство определило его в храм села Осульского Ржевского уезда, где он прослужил диаконом пятнадцать лет - до 1930 года.

Это было время, когда, точно в калейдоскопе, прошло множество событий - конец монархии, революция, гражданская война, гонения, изъятие церковных ценностей, коллективизация, а с нею снова аресты священников. Казалось, переворачивалась не страница истории, а сама Россия. Но, несмотря на гонения и убийства, и в первую очередь священников и крестьян, диакону Николаю не приходило в голову оставить церковное служение, и 20 января 1930 года он был рукоположен в сан священника ко храму села Кокоша Ржевского района. Однако гонение нарастало, храмы под тем или иным предлогом закрывались, захватывались с помощью властей обновленцами, которые затем передавали их властям для закрытия.

В 1936 году о. Николай был переведен в храм села Баранья Гора, который власти также пытались закрыть. На всякий случай священник стал присматривать место, куда бы он мог перейти служить. В августе 1937 года прихожане села Борзыни написали ему, что хотели бы пригласить его служить к себе в храм. Отец Николай посетил село, послужил здесь, после чего, давая свое согласие, написал прихожанам: "Возвратившись из села Борзыни и обдумав все, что я там слышал, заключаю, что народ церковью дорожит, церковь любит и рад бы принести пользу, и не откажется хлопотать и жертвовать... Я очень опасаюсь, что Борзынский приход захватят обновленцы, а это равносильно закрытию храма".

9 октября о. Николай написал прошение архиепископу Тверскому о переводе в храм села Борзыни. Но уже действовал государственный указ об аресте духовенства и верующих и всех людей, вызывающих у советской власти подозрение сочувствием дореволюционной России. 8 октября исполняющий обязанности начальника Борзынского отделения НКВД писал начальнику Каменского районного отделения НКВД: "Сообщаю, что 8 октября 1937 года в религиозный праздник Сергиев день в село Борзыни явился незнакомый священник, который остановился у монашки, принимал участие в богослужении, после чего собирал верующих, по каким вопросам, нами не установлено. При проверке личности нами установлено, этот человек является священником Бараньегорской церкви Каменского района, Раевским Николаем Васильевичем. Несмотря на то, что в селе Баранья Гора служит священником восемь месяцев, по паспорту не прописан. В беседе с членами ВКП(б) Малолетковым и Сениным, которые зашли на квартиру монашки под предлогом снять временно квартиру на жительство, Раевский сказал им: "Если бы не советская власть, вы были бы лучшими монахами и принесли бы большую пользу". Сообщаю для проверки личности Раевского и принятия мер".

На следующий же день о. Николай был арестован и заключен в Осовскую тюрьму, а через день допрошен.

- Кого вы имеете из родственников за границей и чем они занимаются?

- Из родственников за границей у меня никого не было и нет.

- Кого и где вы имеете из родственников в СССР, чем они занимаются и какая у вас с ними связь?

- Из родственников, проживающих в СССР, имею сыновей. Связи у меня с ними родственные, во время отпусков приезжают ко мне, имею с ними письменную связь. Имею родного брата Леонида Васильевича Раевского, служил священником с 1921 года по 1932 год в селе Дарьино Луковинского района Калининской области. В 1932 году он был осужден на пять лет, за что, сказать не могу. Наказание отбыл, в данное время находится в Восточной Сибири, адреса не помню. До ареста его я с ним имел родственную связь, а когда он был в заключении, он мне писал письма и я ему. Имею двоюродную сестру, проживает со мной с 1922 года в качестве домохозяйки.

- В какой контрреволюционной организации или группировке состояли и состоите в данное время и какую контрреволюционную деятельность проводили?

- В контрреволюционной организации или группе я не состоял и не состою.

- Скажите, какая контрреволюционная агитация, среди кого, где и с какой целью вами проводилась?

- В 1930 году, будучи в сане священника, я служил в селе Кокоша Ржевского района и призывал посещать богослужения, одновременно давая наставления верующим, как нужно вести борьбу за то, чтобы не закрыли храм и продолжалась в нем служба. По приезде в село Баранья Гора в феврале 1937 года я также активно призывал колхозников прихода посещать церковь. 1 сентября 1937 года в религиозный праздник меня пригласила жительница деревни Кашуево послужить у нее, что я и сделал. После службы она пригласила меня остаться выпить чаю, на что я дал согласие, и между нами был разговор, и я говорил, что нет никакой пользы в колхозе работать, все равно государство весь хлеб отберет, а колхозники как были без хлеба, так и останутся. Во время разговора

никого в доме не было, а после разговора я сказал хозяйке, чтобы она обошла дома верующих и сказала им, чтобы они не шли на полевые работы в праздник, а чтобы шли в церковь. В это время пришли к ней под окно трое жителей и просили меня отслужить молебны у них в домах, я им ответил, что служить я сейчас не могу, не имею права, и одновременно дал указание, как нужно им получить от советских органов разрешение на право службы по домам. В 1937 году в августе месяце граждане из деревни Вязьмицы, фамилии их не знаю, пригласили меня приехать в село Борзыни на 7 октября с целью ознакомиться с приходом и местоположением, а затем, если понравится, остаться служить у них в приходе, на что я дал согласие ознакомиться с местом и людьми. И пришел к заключению, что жители готовы активно посещать богослужения в Борзынском приходе, но было уже поздно, так как место было занято другим священником. Это несмотря на то, что я давал советы верующим села Борзыни, что нужно делать, чтобы меня перевели к ним и чтобы церковь не оставалась в руках обновленцев.

- Признаете ли вы себя виновным в проводимой вами контрреволюционной агитации среди граждан села Баранья Гора и вашего прихода?

- Я признаю себя виновным лишь в том, что я в своей душе обижался на советские органы за то, что меня облагали большими налогами, чего не было раньше, в царское время, но свое недовольство я никому не высказывал и в контрреволюционной агитации среди граждан Бараньегорского прихода виновным себя не признаю.

В тот же день следователь стал допрашивать жителей - кто бы согласился дать обвинительные показания. Была вызвана счетовод сельпо, она показала: "Раевский, зайдя к гражданке Муравьевой, говорил, что нет никакой пользы в колхозе работать, все равно весь хлеб отберет государство, а колхозникам ничего не останется, говорил, чтобы Муравьева прошла по домам церковников-колхозников и сказала, чтобы они пошли лучше в церковь. За это член сельсовета составила на священника акт и передала в райком, который постановил оштрафовать о. Николая на сто рублей".

На основании подобных "свидетельств" 26 октября было составлено обвинительное заключение и решено направить "дело" на рассмотрение Тройки. 1 ноября Тройка НКВД постановила расстрелять о. Николая. Священник Николай Раевский был расстрелян 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученик Николай (Смирнов) (память 10 ноября по старому стилю)

Мученик Николай родился 6 мая 1886 года в селе Старая Кашира Коломенского уезда Московской губернии в семье крестьянина Петра Смирнова. Окончил школу, а затем до 1922 года работал сельским учителем. В 1922 году Николай Петрович переехал в Калугу и до своего ареста в 1937 году служил в Георгиевском храме псаломщиком и пел в церковном хоре. На допросе следователь спросил Николая Петровича:

- Вы арестованы за проведение контрреволюционной деятельности, дайте показания следствию по этому вопросу.

- Контрреволюционной деятельностью я не занимался.

- Вы врете, следствию доподлинно известно, что вы, будучи враждебно настроены к существующему советскому строю, занимались антисоветской агитацией, следствие требует от вас правдивых показаний.

- Антисоветской агитацией я не занимался и виновным в предъявленных обвинениях себя не признаю.

- Следствию известно, что вы, как враждебно настроенный к советскому строю, занимались антисоветской агитацией; прекратите запирательство и дайте правдивые показания следствию; учтите, что ваше чистосердечное раскаяние будет учтено советской властью к 20-й годовщине октябрьской революции.

- Виновным в предъявленных обвинениях себя не признаю и к своим показаниям больше добавить ничего не могу.

Подписывая протокол допроса, Николай Петрович в конце листа дописал: "Читал. Виновным себя не, - подчеркнул он, - признаю и считаю себя в соответствии со своими убеждениями не способным к подобным явлениям".

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила псаломщика Николая Смирнова к десяти годам заключения в исправительно-трудо- вой лагерь, по прибытии в который он вскоре скончался.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Сретенский) (память 4 сентября по старому стилю)

Священномученик Николай родился 15 апреля 1867 года в селе Толстиково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье священника Алексея Ивановича Сретенского. Когда Николаю исполнилось десять лет, родители отдали его учиться в Бежецкое духовное училище, окончив которое он поступил в Тверскую Духовную семинарию. Пройдя курс семинарии, Николай Алексеевич полгода работал учителем в земской школе, затем был переведен на должность духовного надзирателя, в коей проработал несколько месяцев. В 1890 году, когда ему исполнилось двадцать три года, Николай Алексеевич был рукоположен в сан священника ко храму Бежецкого Благовещенского монастыря, в котором прослужил до своего ареста в 1937 году. С 1906 года о. Николай состоял действительным членом Тверского Православного миссионерского общества. С 1910 года - член благотворительного общества во имя святой великомученицы Варвары для вспомоществования бедным воспитанницам Тверского епархиального женского училища. В 1915 году за двадцатилетнее преподавание Закона Божьего в различных школах о. Николай был награжден орденом Анны III степени.

В семье о. Николая было двое детей - сын и дочь. Сын Владимир родился в 1895 году. Поступил в Екатеринославский горный институт, но окончить успел только два курса, так как началась Первая мировая война и он был направлен в Петергофскую школу прапорщиков, а затем на германский фронт. В связи с большевистской революцией и развалом фронта, летом 1918 года он вернулся к родителям в Бежецк, но вскоре уехал в Екатеринослав, откуда с отступавшей белой армией попал за границу. Некоторое время жил в Польше и работал механиком на заводе, а затем уехал во Францию и окончил в Париже физико-математический институт и горную академию.

Прослужив несколько лет в Бежецком монастыре, о. Николай стал пользоваться большой любовью и уважением прихожан. Несмотря на беспощадные гонения двадцатых годов, в Бежецке при монастыре еще в середине тридцатых годов жили около пятидесяти монахинь. Из монастырских зданий они были изгнаны, жили по частным квартирам, но по-прежнему собирались в храме, отправляли монастырские службы и держались монашеского образа жизни. Когда власти в городе попытались закрыть все храмы, монахини воспротивились этому и начали собирать подписи верующих жителей города под прошением не закрывать храмы.

Отец Николай был арестован сразу же после начала гонений лета-осени 1937 года - 5 августа, и в тот же день был допрошен. Следователь, в поисках обвинения, спрашивал о деталях биографии священника, о его родственниках, о находящемся за границей сыне. Допросы шли каждый день, беспрерывно. Затем был составлен протокол. Следователь спрашивал:

- Расскажите, как вы лично реагировали на закрытие бежецкими властями Введенской церкви.

- Я считал это мероприятие бежецких властей неверным. Хотя церковь и не обслуживалась мною, я все же осуждал священников Введенской церкви и церковный совет за то, что они допустили закрытие властями этой церкви. Я полагал, что они боятся репрессий со стороны советской власти.

- Были ли случаи, когда верующие обращались к вам с жалобами и осуждениями отдельных мероприятий советской власти?

- Нет, таких случаев не было, несмотря на то, что я пользуюсь у них большим доверием и авторитетом. Правда, был случай, когда пятьдесят моих монахинь обратились ко мне с жалобой, что органы власти обложили их большим налогом за кустарную выделку одеял без патента. Я оказал им содействие в обжаловании.

10 августа был составлен очередной протокол допроса:

- Следствию известно, что на созываемых епископом Григорием Козыревым антисоветских собраниях духовенства вы произносили антисоветские речи. Что вы можете показать по существу?

- Я отрицаю, что на указанных выше собраниях духовенства я произносил якобы антисоветские речи.

- Скажите, до приезда Козырева в Бежецк вы собирались на собрания духовенства?

- Нет, до приезда епископа Козырева в Бежецк собраний духовенства никогда не проводилось, они установились как правило лишь с приездом епископа.

- Скажите, в читаемых вами в церкви проповедях вы упоминали о бесах, кого вы понимали под бесами?

- Да, я действительно упоминал в своих проповедях о бесах, призывая верующих не верить бесам, не поддаваться их соблазнам. Под бесами я понимал тех бесов, о коих сказано в Евангелии.

- Скажите, в какой плоскости у вас был разговор с Василием Ливановым об убийстве товарища Кирова?

- Был ли у меня с Ливановым разговор на данную тему, сказать не могу, так как не помню.

- Вы использовали своих монашек в собирании подписей за недопущение закрытия церкви?

- Нет. Я знал, что государство все равно не пойдет навстречу нашему ходатайству о недопущении закрытия церкви.

- Скажите, какого характера у вас был разговор с Иваном Докучаевым по заметке в газете "Знамя коммуны"?

- Незадолго до ареста меня и Докучаева последний пришел ко мне. Я ему показал статью в газете "Знамя коммуны", где священники назывались врагами народа и говорилось об усилении антирелигиозной пропаганды. Мы с Докучаевым возмущались

тем, что в печати нас называют врагами народа, и пришли к выводу, что антирелигиозная пропаганда местных властей, по-видимому, должна выразиться в арестах и высылках священников.

14 августа был проведен очередной допрос. Следователь спрашивал:

- Следствию известно, что вы занимались религиозной обработкой молодежи. Что вы можете рассказать по существу?

- Что вовлечением молодежи в церковь я не занимался.

- Признаете ли вы себя виновным в том, что, присутствуя на антисоветских собраниях духовенства, устраиваемых епископом Козыревым, вы произносили антисоветские речи и занимались антисоветской агитацией?

- Присутствуя на всех собраниях духовенства города, созываемых епископом Козыревым, я антисоветских речей не произносил и антисоветской агитацией не занимался.

19 августа состоялся последний допрос:

- Следствию известно, что вы предупреждали всех участников контрреволюционных собраний духовенства о соблюдении ими конспирации в целях избежания подозрений НКВД. Вы подтверждаете это?

- Нет, таких случаев не было.

- Вы признаете себя виновным в том, что являлись участником контрреволюционной группировки духовенства, возглавляемой епископом Григорием Козыревым, и проводили антисоветскую агитацию?

- Нет, не признаю.

13 сентября Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Священник Николай Сретенский был расстрелян 17 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Троицкий) (память 16 ноября по старому стилю)

Священномученик Николай родился 23 июля 1887 года в Тверской губернии в селе Покров, где служил в храме его отец, протоиерей Иоанн Троицкий. По окончании Духовной семинарии Николай Иванович был рукоположен в сан священника ко храму села Покров недалеко от города Удомля. Здесь он прослужил до гонений конца двадцатых - начала тридцатых годов.

В 1930 году власти арестовали священника за то, что он не смог уплатить налог, и приговорили к двум годам заключения в исправительно-трудовой лагерь и пяти годам ссылки. Когда о. Николай в 1932 году вернулся из заключения в Тверь, святой архиепископ Фаддей благословил его служить в храме села Верескунова Удомльского района. Там благочестивый священник прослужил до кровавого гонения 1937 года. 20 ноября 1937 года НКВД арестовал о. Николая, и он был заключен в тюрьму города Бежецка. В тот же день следователь допросил священника.

- Скажите, вы помните, крестили ли вы ребенка гражданина Шелепова Петра Сергеевича из деревни Корякине?

- Да, ребенка Шелепова я крестил, это было летом в 1936 году.

- В этот момент вы были в гостях у Шелепова?

- Да, после крестин я был Шелеповым приглашен в гости.

- Вы не помните, о чем у вас был разговор с Арсением Шелеповым, братом Петра Шелепова?

- О чем у меня был разговор с Арсением Шелеповым, сейчас не помню.

- Следствию известно, что с Шелеповым вы вели антисоветские разговоры, говорили о неизбежности войны и гибели безбожников, как вы выражались. Подтверждаете вы это?

- Антисоветских разговоров с Шелеповым у меня не было, весь мой разговор в беседе с Шелеповым сводился к убеждению последнего в необходимости веры в Бога, и я говорил, что Бог долготерпелив, но настанет тот момент, когда Бог начнет Свои расправы над безбожниками.

- Скажите, в религиозный праздник Покров, 14 октября, после службы в церкви вы были в сторожке?

- Да, в сторожке после службы я был.

- Скажите, к чему сводился ваш разговор с колхозниками относительно отсутствия дождей?

- Я говорил, что Бог начинает наказывать людей за их действия, вот вода вышла вся, и колодцы все высохли, народ может пострадать из-за безбожников от засухи и жажды, и тогда отступившие от Бога будут каяться. Такой разговор с колхозниками с моей стороны сводился исключительно к убеждению в необходимости веры в Бога.

- Такой разговор с колхозниками сводился, Троицкий, к другому, а именно к восстановлению колхозников против советской власти, и следствие требует от вас искреннего признания.

- Стремления восстановить колхозников против советской власти у меня не было.

- Следствие располагает данными, что вы среди колхозников вели агитацию против выставленных кандидатур в Верховный Совет СССР, заявляя: "В Верховный Совет кого задумают, того и выберут, народ спрашивать не будут". Подтверждаете вы это?

- Нет, это не подтверждаю, и такого разговора у меня не было.

- Вы обвиняетесь в проведении антисоветской агитации среди населения, признаете вы себя в этом виновным?

- Виновным себя в проведении антисоветской агитации не признаю.

27 ноября Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Николай Троицкий был расстрелян 29 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Николай (Верещагин) (память 4 октября по старому стилю)

Священномученик Николай родился 10 декабря 1893 года в селе Глебово Старицкого уезда Тверской губернии в семье священнослужителя Михаила Верещагина. Образование получил в Тверской Духовной семинарии и был рукоположен в сан священника уже в то время, когда начались послереволюционные гонения. Служил в селе Глебово, где служил и его отец.

Когда летом 1937 года начались гонения, сотрудник Старицкого НКВД, собирая сведения о подлежащих аресту и уничтожению священнослужителях, допросил одного из крестьян села Глебова, который согласился лжесвидетельствовать против священника и

показал: "... Приблизительно в июле 1937 года колхозники колхоза "Рабочий путь" приехали за камнем к церковной ограде. Среди этих колхозников лично при мне Верещагин, ведя контрреволюционную агитацию, заявил: "Вы зря забираете церковный камень. Знайте, что скоро крах советской власти. Неверующих будут высылать, а их вожаков всех уничтожат".... В дополнение этих контрреволюционных фактов надо заявить, что Верещагин бродяжничает по колхозам и также проводит контрреволюционную агитацию, говоря: "Разве это жизнь в колхозах, это старая барщина, где также верующий мог посещать церковь только с разрешения барина". Наконец, заслуживает внимания то, что Верещагин в качестве церковного старосты пригласил неизвестную личность - Подгурного Стефана Андреевича - поляка, который прибыл в наше село Глебово в 1930 году и с того времени также проживает в церковной сторожке и враждебно настроен, но хитрый, открыто не выступает".

В тот же день следователь допросил и пришельца. Вероятно, опасаясь за свое положение, проявив крайнее малодушие, Стефан Андреевич согласился лжесвидетельствовать против священника и оклеветал его.

Несмотря на полученные показания лжесвидетелей, НКВД не сразу арестовал священника. Только 20 сентября о. Николай был арестован и заключен в тюрьму города Ржева. В тот же день следователь допросил его. Священник твердо стоял на своем, отказываясь лжесвидетельствовать, и допрос был недолгим:

- Следствие располагает данными о том, что вы систематически проводили контрреволю- ционную агитацию, направленную на срыв мероприятий партии и правительства. Признаете ли себя виновным в этом? - спросил следователь.

- Нет, виновным себя не признаю, так как контрреволюционную агитацию я не проводил.

- Почему вы не хотите дать справедливых показаний? Следствие располагает данными о том, что вы в июле 1937 года среди колхозников, которые забирали камень от церковной ограды, вели контрреволюционную агитацию, указывая, что скоро настанет крах советской власти, и тому подобное.

- Да, действительно, в июле сего года забирали камень, но среди работающих я контрреволюционную агитацию не проводил.

- Вы упорно не даете справедливых показаний, между тем следствие располагает данными, что вы систематически проводили контрреволюционную агитацию. Вы признаете себя виновным в этом?

- Нет, виновным себя не признаю и больше показать ничего не могу.

15 октября Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Священник Николай Верещагин был расстрелян через день, 17 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Благоверный царь Николай Александрович и его семья (память 4 июля по старому стилю)

Будущий Император Всероссийский Николай II родился 6 (18) мая 1868 года, в день святого праведного Иова Многострадального. Он был старшим сыном Императора Александра III и его супруги Императрицы Марии Феодоровны. Воспитание, полученное им под руководством отца, было строгим, почти суровым. "Мне нужны нормальные здоровые русские дети" - такое требование выдвигал Император к воспитателям своих

детей. А такое воспитание могло быть по духу только православным. Еще маленьким ребенком Наследник Цесаревич проявлял особую любовь к Богу, к Его Церкви. Он получил весьма хорошее домашнее образование - знал несколько языков, изучил русскую и мировую историю, глубоко разбирался в военном деле, был широко эрудированным человеком. У Императора Александра III была программа всесторонней подготовки Наследника к исполнению монарших обязанностей, но этим планам в полной мере не суждено было осуществиться...

Императрица Александра Феодоровна (принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) родилась 25 мая (7 июня) 1872 года в Дармштадте, столице небольшого германского герцогства, к тому времени уже насильственно включенного в Германскую империю. Отцом Алисы был Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг, а матерью - принцесса Алиса Английская, третья дочь королевы Виктории. В младенчестве принцесса Алиса - дома ее звали Аликс - была веселым, живым ребенком, получив за это прозвище "Санни" (Солнышко). Дети гессенской четы - а их было семеро - воспитывались в глубоко патриархальных традициях. Жизнь их проходила по строго установленному матерью регламенту, ни одной минуты не должно было проходить без дела. Одежда и еда детей были очень простыми. Девочки сами зажигали камины, убирали свои комнаты. Мать старалась с детства привить им качества, основанные на глубоко христианском подходе к жизни.

Первое горе Аликс перенесла в шесть лет - от дифтерии в возрасте тридцати пяти лет умерла ее мать. После пережитой трагедии маленькая Аликс стала замкнутой, отчужденной, начала сторониться незнакомых людей; успокаивалась она только в семейном кругу. После смерти дочери королева Виктория перенесла свою любовь на ее детей, особенно на младшую, Аликс. Ее воспитание, образование отныне проходило под контролем бабушки.

Первая встреча шестнадцатилетнего Наследника Цесаревича Николая Александровича и совсем юной принцессы Алисы произошла в 1884 году, когда ее старшая сестра, будущая преподобномученица Елизавета, вступила в брак с Великим князем Сергеем Александровичем, дядей Цесаревича. Между молодыми людьми завязалась крепкая дружба, перешедшая затем в глубокую и все возрастающую любовь. Когда в 1889 году, достигнув совершеннолетия, Наследник обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой, отец отказал, мотивируя отказ молодостью Наследника. Пришлось смириться перед отцовской волей. В 1894 году, непоколебимую решимость сына, обычно мягкого и даже робкого в общении с отцом, Император Александр III дает благословение на брак. Единственным препятствием оставался переход в Православие - по российским законам невеста Наследника российского престола должна быть православной. Протестантка по воспитанию, Алиса была убеждена в истинности своего исповедания и поначалу смущалась необходимостью перемены вероисповедания.

Радость взаимной любви была омрачена резким ухудшением здоровья отца - Императора Александра III. Поездка в Крым осенью 1894 года не принесла ему облегчения, тяжелый недуг неумолимо уносил силы...

20 октября Император Александр III скончался. На следующий день в дворцовой церкви Ливадийского дворца принцесса Алиса была присоединена к Православию через Миропомазание, получив имя Александры Феодоровны.

Несмотря на траур по отцу, было решено не откладывать бракосочетание, но оно состоялось в самой скромной обстановке 14 ноября 1894 года. Наступившие затем дни семейного счастья вскоре сменились для нового Императора необходимостью принятия на себя всего бремени управления Российской империей.

Ранняя смерть Александра III не позволила вполне завершить подготовку Наследника к исполнению обязанностей монарха. Он еще не был полностью введен в курс высших государственных дел, уже после восшествия на престол многое ему пришлось узнавать из докладов своих министров.

Впрочем, характер Николая Александровича, которому при воцарении было двадцать шесть лет, и его мировоззрение к этому времени вполне определились.

Лица, стоявшие близко ко двору, отмечали его живой ум - он всегда быстро схватывал существо докладываемых ему вопросов, прекрасную память, особенно на лица, благородство образа мыслей. Но Цесаревича заслоняла мощная фигура Александра III. Николай Александрович своей мягкостью, тактичностью в обращении, скромными манерами на многих производил впечатление человека, не унаследовавшего сильной воли своего отца.

Руководством для Императора Николая II было политическое завещание отца: "Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед Престолом Всевышнего. Вера в Бога и святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся самого себя и своей совести".

С самого начала своего правления державой Российской Император Николай II относился к несению обязанностей монарха как к священному долгу. Государь глубоко верил, что и для стомиллионного русского народа царская власть была и остается священной. В нем всегда жило представление о том, что Царю и Царице следует быть ближе к народу, чаще видеть его и больше доверять ему.

1896 год был ознаменован коронационными торжествами в Москве. Венчание на царство - важнейшее событие в жизни монарха, в особенности когда он проникнут глубокой верой в свое призвание. Над царской четой было совершено Таинство миропомазания - в знак того, что как нет выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения, Господь... даст крепость царем нашим (1 Цар. 2:10). С этого мгновения Государь почувствовал себя подлинным Помазанником Божиим. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

К великой скорби Государя, торжества в Москве были омрачены катастрофой на Ходынском поле: в ожидавшей царских подарков толпе произошла давка, в которой погибло много людей. Став верховным правителем огромной империи, в руках которого практически сосредотачивалась вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, Николай Александрович взял на себя громадную историческую и моральную ответственность за все происходящее во вверенном ему государстве. И одной из важнейших своих обязанностей почитал Государь хранение веры православной, по слову Священного Писания: "царь... заключил пред лицем Господним завет - последовать Господу и соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы Его всего сердца и от всей души" (4 Цар. 23:3). Через год после свадьбы, 3 ноября 1895 года, родилась первая дочь - Великая княжна Ольга; за ней последовало появление на свет трех полных здоровья и жизни дочерей, которые составляли радость своих родителей, Великих княжон Татианы (29 мая 1897 года), Марии (14 июня 1899 года) и Анастасии (5 июня 1901 года). Но эта радость была не без примеси горечи - заветным желанием Царской четы было рождение Наследника, чтобы Господь приложил дни ко дням царя, лета его продлил в род и род (Пс. 60:7).

Долгожданное событие произошло 12 августа 1904 года, через год после паломничества Царской семьи в Саров, на торжества прославления преподобного Серафима. Казалось, начинается новая светлая полоса в их семейной жизни. Но уже через несколько недель после рождения Царевича Алексия выяснилось, что он болен гемофилией. Жизнь ребенка все время висела на волоске: малейшее кровотечение могло стоить ему жизни. Страдания матери были особенно сильны...

Глубокая и искренняя религиозность выделяла Императорскую чету среди представителей тогдашней аристократии. Духом православной веры было проникнуто с самого начала и воспитание детей Императорской семьи. Все ее члены жили в

соответствии с традициями православного благочестия. Обязательные посещения богослужений в воскресные и праздничные дни, говение во время постов были неотъемлемой частью быта русских царей, ибо царь уповает на Господа, и во благости Всевышнего не поколеблется (Пс. 20:8).

Однако личная религиозность Государя Николая Александровича, и в особенности его супруги, была чем-то бесспорно большим, чем простое следование традициям. Царская чета не только посещает храмы и монастыри во время своих многочисленных поездок, поклоняется чудотворным иконам и мощам святых, но и совершает паломничества, как это было в 1903 году во время прославления преподобного Серафима Саровского. Краткие богослужения в придворных храмах не удовлетворяли уже Императора и Императрицу. Специально для них совершались службы в царскосельском Феодоровском соборе, построенном в стиле XVI века. Здесь Императрица Александра молилась перед аналоем с раскрытыми богослужебными книгами, внимательно следя за ходом церковной службы.

Нуждам Православной Церкви Император уделял огромное внимание во все время своего царствования. Как и все российские императоры, Николай II щедро жертвовал на постройку новых храмов, в том числе и за пределами России. За годы его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, было открыто более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке новых храмов и других церковных торжествах. Личное благочестие Государя проявилось и в том, что за годы его царствования было канонизировано святых больше, чем за два предшествующих столетия, когда было прославлено лишь 5 святых угодников. За время последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Черниговский (1896 г.), преподобный Серафим Саровский (1903 г.), святая княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 г.), святитель Иоасаф Белгородский (1911 г.), святитель Ермоген Московский (1913 г.), святитель Питирим Тамбовский (1914 г.), святитель Иоанн Тобольский (1916 г.). При этом Император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Император Николай II высоко чтил святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. После его блаженной кончины царь повелел совершать всенародное молитвенное поминовение почившего в день его преставления.

В годы правления Императора Николая II сохранялась традиционная синодальная система управления Церковью, однако именно при нем церковная иерархия получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить созыв Поместного Собора.

Стремление привносить в государственную жизнь христианские религиозно-нравственные принципы своего мировоззрения всегда отличало и внешнюю политику Императора Николая II. Еще в 1898 году он обратился к правительствам Европы с предложением о созыве конференции для обсуждения вопросов сохранения мира и сокращения вооружений. Следствием этого стали мирные конференции в Гааге в 1889 и 1907 годах. Их решения не утратили своего значения и до наших дней.

Но, несмотря на искреннее стремление Государя к I миру, в его царствование России пришлось участвовать в двух кровопролитных войнах, приведших к внутренним смутам. В 1904 году без объявления войны начала военные действия против России Япония - следствием этой тяжелой для России войны стала революционная смута 1905 года. Как великую личную скорбь воспринимал Государь происходившие в стране беспорядки...

В неофициальной обстановке с Государем общались немногие. И все, кто знал его семейную жизнь не понаслышке, отмечали удивительную простоту, взаимную любовь и согласие всех членов этой тесно сплоченной семьи. Центром ее был Алексей Николаевич, на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. По отношению к матери дети были полны уважения и предупредительности. Когда Императрице нездоровилось, дочери

устраивали поочередное дежурство при матери, и та из них, которая в этот день несла дежурство, безвыходно оставалась при ней. Отношения детей с Государем были трогательны - он был для них одновременно царем, отцом и товарищем; чувства их видоизменялись в зависимости от обстоятельств, переходя от почти религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы.

Обстоятельством, постоянно омрачавшим жизнь Императорской семьи, была неизлечимая болезнь Наследника. Приступы гемофилии, во время которых ребенок испытывал тяжкие страдания, повторялись неоднократно. В сентябре 1912 года вследствие неосторожного движения произошло внутреннее кровотечение, и положение было настолько серьезно, что опасались за жизнь Цесаревича. Во всех храмах России служились молебны о его выздоровлении. Характер болезни являлся государственной тайной, и родители часто должны были скрывать переживаемые ими чувства, участвуя в обычном распорядке дворцовой жизни. Императрица хорошо понимала, что медицина была здесь бессильна. Но ведь для Бога нет ничего невозможного! Будучи глубоко верующей, она всей душой предавалась усердной молитве в чаянии чудесного исцеления. Подчас, когда ребенок был здоров, ей казалось, что ее молитва услышана, но приступы снова повторялись, и это наполняло душу матери бесконечной скорбью. Она готова была поверить всякому, кто был способен помочь ее горю, хоть как-то облегчить страдания сына, - и болезнь Цесаревича открывала двери во дворец тем людям, которых рекомендовали Царской семье как целителей и молитвенников. В их числе появляется во дворце крестьянин Григорий Распутин, которому суждено было сыграть свою роль в жизни Царской семьи, да и в судьбе всей страны - но претендовать на эту роль он не имел никакого права. Лица, искренне любившие Царскую семью, пытались как-то ограничить влияние Распутина; среди них были преподобномученица Великая княгиня Елизавета, священномученик митрополит Владимир... В 1913 году вся Россия торжественно праздновала трехсотлетие Дома Романовых. После февральских торжеств в Петербурге и Москве, весной, Царская семья довершает поездку по древним среднерусским городам, история которых связана с событиями начала XVII века. На Государя произвели большое впечатление искренние проявления народной преданности - а население страны в те годы быстро увеличивалось: во множестве народа величие царю (Притч. 14:28).

Россия находилась в это время на вершине славы и могущества: невиданными темпами развивалась промышленность, все более могущественными становились армия и флот, успешно проводилась в жизнь аграрная реформа - об этом времени можно сказать словами Писания: превосходство страны в целом есть царь, заботящийся о стране (Еккл. 5:8). Казалось, что все внутренние проблемы в недалеком будущем благополучно разрешатся.

Но этому не суждено было осуществиться: назревала первая мировая война. Использовав как предлог убийство террористом наследника австро-венгерского престола, Австрия напала на Сербию. Император Николай II посчитал своим христианским долгом вступиться за православных сербских братьев...

19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила России войну, которая вскоре стала общеевропейской. В августе 1914 года необходимость помочь своей союзнице Франции заставила Россию начать слишком поспешное наступление в Восточной Пруссии, что привело к тяжелому поражению. К осени стало ясно, что близкого конца военных действий не предвидится. Однако с начала войны на волне патриотизма в стране затихли внутренние разногласия. Даже самые трудные вопросы становились разрешимыми - удалось осуществить давно задуманное Государем запрещение продажи спиртных напитков на все время войны. Его убеждение в полезности этой меры было сильнее всех экономических соображений.

Государь регулярно выезжает в Ставку, посещает различные секторы своей огромной армии, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы - одним словом, все, что играло роль в ведении этой грандиозной войны. Императрица с самого начала

посвятила себя раненым. Пройдя курсы сестер милосердия, вместе со старшими дочерьми - Великими княжнами Ольгой и Татьяной - она по несколько часов в день ухаживала за ранеными в своем царскосельском лазарете, помня, что требует Господь любить дела милосердия (Мих. 6:8).

22 августа 1915 года Государь выехал в Могилев, чтобы принять на себя командование всеми вооруженными силами России. Император с начала войны рассматривал свое пребывание на посту Верховного главнокомандующего как исполнение нравственного и государственного долга перед Богом и народом: назначал пути им и сидел во главе и жил как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих (Иов 29:25). Впрочем, Государь всегда предоставлял ведущим военным специалистам широкую инициативу в решении всех военно-стратегических и оперативно-такти- ческих вопросов.

С этого дня Император постоянно находился в Ставке, часто вместе с ним был и Наследник. Примерно раз в месяц Государь на несколько дней приезжал в Царское Село. Все ответственные решения принимались им, но в то же время он поручил Императрице поддерживать сношения с министрами и держать его в курсе происходящего в столице. Государыня являлась самым близким ему человеком, на которого всегда можно было положиться. Сама Александра Феодоровна занялась политикой не из личного честолюбия и жажды власти, как об этом тогда писали. Единственным ее желанием было быть полезной Государю в трудную минуту и помогать ему своими советами. Ежедневно она отправляла в Ставку подробные письма-донесения, что хорошо было известно министрам.

Январь и февраль 1917 года Государь провел в Царском Селе. Он чувствовал, что политическая обстановка становится все более и более натянутой, но продолжал надеяться на то, что чувство патриотизма все же возьмет верх, сохранял веру в армию, положение которой значительно улучшилось. Это вселяло надежды на успех большого весеннего наступления, которое нанесет решительный удар Германии. Но это хорошо понимали и враждебные государю силы.

22 февраля Государь выехал в Ставку - этот момент послужил сигналом для врагов порядка. Им удалось посеять в столице панику из-за надвигавшегося голода, ведь во время голода будут злиться, хулить царя своего и Бога Своего (Ис. 8:21). На следующий день в Петрограде начались волнения, вызванные перебоями с подвозом хлеба, они скоро переросли в забастовку под политическими лозунгами - "Долой войну", "Долой самодержавие". Попытки разогнать манифестантов не увенчались успехом. В Думе тем временем шли дебаты с резкой критикой правительства - но в первую очередь это были выпады против Государя. Претендующие на роль представителей народа депутаты словно забыли наставление первоверховного апостола: Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите (1 Пет. 2:17).

25 февраля в Ставке было получено сообщение о беспорядках в столице. Узнав о положении дел, Государь посылает войска в Петроград для поддержания порядка, а затем сам отправляется в Царское Село. Его решение было, очевидно, вызвано и желанием быть в центре событий для принятия в случае необходимости быстрых решений, и тревогой за семью. Этот отъезд из Ставки оказался роковым. За 150 верст от Петрограда царский поезд был остановлен - следующая станция Любань была в руках мятежников. Пришлось следовать через станцию Дно, но и тут путь оказался закрыт. Вечером 1 марта Государь прибыл в Псков, в ставку командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского.

В столице наступило полное безвластие. Но Государь и командование армией считали, что Дума контролирует положение; в телефонных переговорах с председателем Государственной думы М. В. Родзянко Государь соглашался на все уступки, если Дума сможет восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так на самом деле? Ведь революцией были охвачены только Петроград и окрестности, а авторитет Царя в народе и в армии был еще велик. Ответ Думы ставил Царя перед выбором: отречение или попытка идти на Петроград с верными ему войсками - последнее означало гражданскую войну в то время, как внешний враг находился в российских пределах.

Все окружающие Государя также убеждали его в том, что отречение - единственный выход. Особенно на этом настаивали командующие фронтами, требования которых поддержал начальник Генерального штаба М. В. Алексеев - в войске произошли страх и трепет и ропот на царей (3 Езд. 15:33). И после долгих и мучительных размышлений Император принял выстраданное решение: отречься и за себя и за Наследника, ввиду его неизлечимой болезни, в пользу брата, Великого князя Михаила Александровича. Государь покидал верховную власть и главнокомандование как Царь, как воин, как солдат, до последней минуты не забывая о своем высоком долге. Его Манифест - это акт высочайшего благородства и достоинства.

8 марта комиссары Временного прави- тельства, прибыв в Могилев, объявили через генерала Алексеева об аресте Государя и необходимости проследовать в Царское Село. В последний раз он обратился к своим войскам, призывая их к верности Временному правительству, тому самому, которое подвергло его аресту, к исполнению своего долга перед Родиной до полной победы. Прощальный приказ войскам, в котором выразились благородство души Государя, его любовь к армии, вера в нее, был скрыт от народа Временным правительством, запретившим его публикацию. Новые правители, одни других одолевая, вознерадели о царе своем (3 Езд. 15:16) - они, конечно, боялись, что армия услышит благородную речь своего Императора и Верховного главнокомандующего.

В жизни Императора Николая II было два неравных по продолжительности и духовной значимости периода - время его царствования и время пребывания в заточении, если первый из них дает право говорить о нем как о православном правителе, исполнившем свои монаршие обязанности как священный долг перед Богом, о Государе, памятующем слова Священного Писания: Ты избрал мя еси царя людем Твоим (Прем. 9:7), то второй период - крестный путь восхождения к вершинам святости, путь на русскую Голгофу...

Рожденный в день памяти святого праведного Иова Многострадального, Государь принял свой крест так же, как библейский праведник, перенес все ниспосланные ему испытания твердо, кротко и без тени ропота. Именно это долготерпение с особенной ясностью открывается в истории последних дней Императора. С момента отречения не столько внешние события, сколько внутреннее духовное состояние Государя привлекает к себе внимание. Государь, приняв, как ему казалось, единственно правильное решение, тем не менее переживал тяжелое душевное мучение. "Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает", - говорил Государь Генералу Д. Н. Дубенскому.

В самый день отречения, 2 марта, тот же генерал Шубенский записал слова министра Императорского Двора графа В. Б. Фредерикса: "Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастью России, что его нашли нужным просить оставить трон. Его волновала мысль о семье, которая оставалась в Царском Селе одна, дети больны. Государь страшно страдает, но ведь он такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе". Сдержан Николай Александрович и в личном дневнике. Только в самом конце записи на этот день прорывается его внутренне чувство: "Нужно мое отречение. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!"

Временное правительство объявило об аресте Императора Николая II и его Августейшей супруги и содержании их в Царском Селе. Арест Императора и Императрицы не имел ни малейшего законного основания или повода.

Когда начавшиеся в Петрограде волнения перекинулись и на Царское Село, часть войск взбунтовалась, и громадная толпа бунтовщиков - более 10 тысяч человек - двинулась к Александровскому дворцу. Императрица в тот день, 28 февраля, почти не выходила из комнаты больных детей. Ей докладывали, что будут приняты все меры для безопасности дворца. Но толпа была уже совсем близко - всего в 500 шагах от ограды дворца был убит часовой. В этот момент Александра Феодоровна проявляет решимость и незаурядное мужество - вместе с Великой княжной Марией Николаевной она обходит ряды верных ей солдат, занявших оборону вокруг дворца и уже готовых к бою. Она убеждает их договориться с восставшими и не проливать крови. К счастью, в этот момент благоразумие возобладало. Последующие дни Государыня провела в страшной тревоге за судьбу Императора - до нее доходили лишь слухи об отречении. Только 3 марта она получила от него краткую записку. Переживания Императрицы в эти дни ярко описаны очевидцем протоиереем Афанасием Беляевым, служившим во дворце молебен: "Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати Наследника. Перед иконою зажгли несколько тоненьких восковых свечей. Начался молебен... О, какое страшное, неожиданное горе постигло Царскую семью! Получилось известие, что Государь, возвращавшийся из Ставки в родную семью, арестован и даже, возможно, отрекся от престола... Можно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная Царица, мать с пятью своими тяжко заболевшими детьми! Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, геройски, самоотверженно, посвятив себя уходу за больными, [с] полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила прежде всего помолиться пред чудотворною иконою Знамения Божьей Матери. Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к иконе и подойдя под нее, попросила принести икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети сразу могли приложиться к Чудотворному Образу. Когда мы выносили икону из дворца, дворец уже был оцеплен войсками, и все находящиеся в нем оказались арестованными".

9 марта арестованного накануне Императора перевозят в Царское Село, где его с нетерпением ждала вся семья. Начался почти пятимесячный период неопределенного пребывания в Царском Селе. Дни проходили размеренно - в регулярных богослужениях, совместных трапезах, прогулках, чтении и общении с родными людьми. Однако при этом жизнь узников подвергалась мелочным стеснениям - Государю было объявлено А. Ф. Керенским, что он должен жить отдельно и видеться с Государыней только за столом, причем разговаривать только по-русски. Караульные солдаты в грубой форме делали ему замечания, доступ во дворец близких Царской семье лиц воспрещался. Однажды солдаты даже отняли у Наследника игрушечное ружье под предлогом запрета носить оружие.

Отец Афанасий Беляев, регулярно совершавший в этот период богослужения в Александровском дворце, оставил свои свидетельства о духовной жизни царскосельских узников. Вот как проходила во дворце служба утрени Великой пятницы 30 марта 1917 года. "Служба шла благоговейно и умилительно... Их Величества всю службу слушали стоя. Перед ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелия, так что по ним можно было следить за чтением. Все простояли до конца службы и ушли через общее зало в свои комнаты. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая царственная семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужением".

На следующий день вся семья исповедовалась. Вот как выглядели комнаты царских детей, в которых совершалось Таинство исповеди: "Какие удивительно по-христиански убранные комнаты. У каждой княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров с изображением чтимых особенно святых угодников. Перед иконостасом складной аналой, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники и богослужебные книги, а также Святое

Евангелие и крест. Убранство комнат и вся их обстановка представляют собой невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство. Для выслушивания молитв перед исповедью все четверо детей были в одной комнате..."

"Впечатление [от исповеди] получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи - страстной и греховной, - пишет отец Афанасий, - меня привели в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть, им неведомых, и как расположить к раскаянию в известных мне грехах".

Доброта и душевное спокойствие не оставляли Императрицу даже в эти самые трудные после отречения Государя от престола дни. Вот с какими словами утешения обращается она в письме к корнету С. В. Маркову: "Вы не один, не бойтесь жить. Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда все страдания и мучения. Идите прямо вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимитесь снова и идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и ваша жизнь покажется вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь".

В дворцовой Церкви или в бывших царских покоях отец Афанасий регулярно совершал всенощную и Божественную литургию, за которыми всегда присутствовали все члены Императорской семьи. После дня Святой Троицы в дневнике отца Афанасия все чаще и чаще появляются тревожные сообщения - он отмечает растущее раздражение караульных, доходящих порой до грубости по отношению к Царской семье. Не остается без его внимания и душевное состояние членов Царской семьи - да, все они страдали, отмечает он, но вместе со страданиями возрастали их терпение и молитва. В своих страданиях стяжали они подлинное смирение - по слову пророка: Скажи царю и царице: смиритесь... ибо упал с головы вашей венец славы вашей (Иер. 13:18).

"...Ныне смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на крест и Евангелие... высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах пред величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях", - читаем мы в дневнике отца Афанасия Беляева.

В жизни Царственных узников тем временем назревали серьезные изменения. Временное правительство назначило комиссию по расследованию деятельности Императора, но несмотря на все старания обнаружить хоть что-то, порочащее Царя, ничего не нашли - Царь был невиновен. Когда невиновность его была доказана и стало очевидно, что за ним нет никакого преступления, Временное правительство вместо того, чтобы освободить Государя и его Августейшую супругу, приняло решение удалить узников из Царского Села. В ночь на 1 августа они были отправлены в Тобольск - сделано это было якобы ввиду возможных беспорядков, первой жертвой которых могла сделаться Царская семья. На деле же тем самым семья обрекалась на крест, ибо в это время дни самого Временного правительства были сочтены.

30 июля, за день до отъезда Царской семьи в Тобольск, была отслужена последняя Божественная литургия в царских покоях; в последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклоненно у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей, и в то же время понимая, что вступают они

на путь, предначертанный Самим Господом Иисусом Христом для всех христиан: Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в темницы, и поведут пред правителей за имя Мое (Лк. 21:12). За этой литургией молилась вся Царская семья и их уже совсем малочисленная прислуга.

6 августа Царственные узники прибыли в Тобольск. Первые недели пребывания в Тобольске Царской семьи были едва ли не самыми спокойными за весь период их заточения. 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, узникам позволили в первый раз отправиться в церковь. Впоследствии и это утешение крайне редко выпадало на их долю. Одним из самых больших лишений за время жизни в Тобольске было почти полное отсутствие всяких известий. Письма доходили с огромным опозданием. Что же касается газет, то приходилось довольствоваться местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге и дававшим лишь старые телеграммы с опозданием на несколько дней, да и те чаще всего появлялись здесь в искаженном и урезанном виде. Император с тревогой следил за разверзавшимися в России событиями. Он понимал, что страна стремительно идет к гибели.

Корнилов предложил Керенскому ввести войска в Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, которая становилась изо дня в день все более угрожающей. Безмерна была печаль Царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению Родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное средство избежать неминуемой катастрофы. Государь раскаивается в своем отречении. "Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжать с честью войну и не погубят дело спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови... Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо родины, он принес ей вред своим отречением", - вспоминает П. Жильяр, воспитатель Цесаревича Алексея.

А между тем к власти в Петрограде уже пришли большевики - наступил период, о котором Государь написал в своем дневнике: "гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени". Известие об октябрьском перевороте дошло до Тобольска 15 ноября. Солдаты, охранявшие губернаторский дом, прониклись расположением к Царской семье, и прошло несколько месяцев после большевистского переворота, прежде чем перемена власти стала сказываться на положении узников. В Тобольске образовался "солдатский комитет", который, всячески стремясь к самоутверждению, демонстрировал свою власть над Государем - то заставляют его снять погоны, то разрушают ледяную горку, устроенную для Царских детей: над царями он издевается, по слову пророка Аввакума (Авв. 1:10). С 1 марта 1918 года "Николай Романов и его семейство переводятся на солдатский паек".

В письмах и дневниках членов Императорской семьи засвидетельствовано глубокое переживание той трагедии, которая разворачивалась на их глазах. Но эта трагедия не лишает Царственных узников силы духа, веры и надежды на помощь Божию.

"Тяжело неимоверно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте веру в Божию милость. Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в силах наших помочь). И Он спасет, долготерпелив и многомилостив - не прогневается до конца... Без веры невозможно было бы жить...

Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней [Родиной] все переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, все пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и с Родиной. Я чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство, - мы одно составляем, и делим горе и счастье. Больно она нам сделала, обидела, оклеветала... но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную...

Крепко верю, что время страданий проходит, что солнце опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь милостив - спасет Родину..." - писала Императрица.

Страдания страны и народа не могут быть бессмысленными - в это твердо верят Царственные страстотерпцы: "Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы, награду за все страдания... Весна придет и порадует, и высушит слезы и кровь, пролитые струями над бедной Родиной...

Много еще тяжелого впереди - больно, сколько кровопролитий, больно ужасно! Но правда должна окончательно победить...

Как же жить, если нет надежды? Надо быть бодрым, и тогда Господь даст душевный мир. Больно, досадно, обидно, стыдно, страдаешь, все болит, исколото, но тишина на душе, спокойная вера и любовь к Богу, Который Своих не оставит и молитвы усердных услышит и помилует и спасет...

...Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что больше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его святая!"

Утешение и кротость в перенесении скорбей Царственным узникам дают молитва, чтение духовных книг, богослужение, Причащение: "...Господь Бог дал неожиданную радость и утешение, допустив нас приобщиться Святых Христовых Тайн, для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу".

В страданиях и испытаниях умножается духовное ведение, познание себя, своей души. Устремленность к жизни вечной помогает переносить страдания и дает великое утешение: "...Все, что люблю, - страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния: Он охраняет от отчаяния, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете".

В марте стало известно, что в Бресте был заключен сепаратный мир с Германией. Государь не скрывал к нему своего отношения: "Это такой позор для России и это "равносильно самоубийству". Когда прошел слух, что немцы требуют от большевиков выдачи им Царской семьи, Императрица заявила: "Предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами". Первый большевистский отряд прибыл в Тобольск во вторник 22 апреля. Комиссар Яковлев осматривает дом, знакомится с узниками. Через несколько дней он сообщает, что должен увезти Государя, уверяя, что ничего плохого с ним не случится. Предполагая, что его хотят отправить в Москву для подписания сепаратного мира с Германией, Государь, которого ни при каких обстоятельствах не покидало высокое душевное благородство (вспомним Послание пророка Иеремии: царь, показуяй свое мужество - Посл. Иер. 1:58), твердо сказал: "Я лучше дам отрезать себе руку, чем подпишу этот позорный договор".

Наследник в это время был болен, и везти его было невозможно. Несмотря на страх за больного сына, Государыня принимает решение следовать за супругом; с ними отправилась и Великая княжна Мария Николаевна. Только 7 мая члены семьи, оставшиеся в Тобольске, получили известие из Екатеринбурга: Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева. Когда здоровье Наследника поправилось, остальные члены Царской семьи из Тобольска были также доставлены в Екатеринбург и заточены в том же доме, но большинство лиц, приближенных к семье, к ним допущено не было.

О екатеринбургском периоде заточения Царской семьи свидетельств осталось гораздо меньше. Почти нет писем. В основном этот период известен лишь по кратким записям в дневнике Императора и показаниям свидетелей по делу об убийстве Царской семьи. Особенно ценным представляется свидетельство протоиерея Иоанна Сторожева, совершавшего последние богослужения в Ипатьевском доме. Отец Иоанн служил там дважды в воскресные дни обедницу; в первый раз это было 20 мая (2 июня) 1918 года:

"...диакон говорил прошения ектений, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой низким басом и Николай Александрович... Молились очень усердно..."

"Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было... [Он] произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза..." - писал отец Иоанн.

Сохранилось немало портретов членов Царской семьи - от прекрасных портретов А. Н. Серова до поздних, сделанных уже в заточении, фотографий. По ним можно составить представление о внешности Государя, Императрицы, Цесаревича и Княжон - но в описаниях многих лиц, видевших их при жизни, особое внимание обычно уделяется глазам. "Он смотрел на меня такими живыми глазами..." - говорил о Наследнике отец Иоанн Сторожев. Наверное, наиболее точно можно передать это впечатление словами Премудрого Соломона: "В светлом взоре царя - жизнь, и благоволение его - как облако с поздним дождем..." В церковнославянском тексте это звучит еще выразительнее: "во свете жизни сын царев" (Притч. 16:15).

Условия жизни в "доме особого назначения" были гораздо тяжелее, чем в Тобольске. Стража состояла из 12-ти солдат, которые жили в непосредственной близости от узников, ели с ними за одним столом. Комиссар Авдеев, закоренелый пьяница, ежедневно изощрялся вместе со своими подчиненными в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям этих грубых людей - в числе охранников были бывшие уголовные преступники. Как только Государь и Государыня прибыли в дом Ипатьева, их подвергли унизительному и грубому обыску.

Спать Царской чете и Княжнам приходилось на полу, без кроватей. Во время обеда семье, состоящей из семи человек, давали всего пять ложек; сидящие за этим же столом охранники курили, нагло выпуская дым в лицо узникам, грубо отбирали у них еду.

Прогулка в саду разрешалась единожды в день, поначалу в течение 15-20 минут, а потом не более пяти. Поведение часовых было совершенно непристойным - они дежурили даже возле двери в туалет, причем не разрешали запирать двери. На стенах охранники писали нецензурные слова, делали неприличные изображения.

Рядом с Царской семьей оставались лишь доктор Евгений Боткин, который окружил узников заботой и был посредником между ними и комиссарами, пытаясь защищать их от грубости стражи, и несколько испытанных, верных слуг: Анна Демидова, И. С. Харитонов, А. Е. Трупп и мальчик Леня Седнев.

Вера заключенных поддерживала их мужество, давала им силу и терпение в страданиях. Все они понимали возможность скорого конца. Даже у Цесаревича как-то вырвалась фраза: "Если будут убивать, только бы не мучили..." Государыня и Великие княжны часто пели церковные песнопения, которые против воли слушал их караул. В почти полной изоляции от внешнего мира, окруженные грубыми и жестокими охранниками, узники Ипатьевского дома проявляют удивительное благородство и ясность духа.

В одном из писем Ольги Николаевны есть такие строки: "Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильней, но что не зло победит зло, а только любовь".

Даже грубые стражи понемногу смягчились в общении с заключенными. Они были удивлены их простотой, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, кого думали держать в своей власти. Смягчился даже сам комиссар Авдеев. Такая перемена не укрылась от глаз большевистских властей. Авдеев был смещен и заменен Юровским, стража заменена австро-германскими

пленными и выбранными людьми из числа палачей "чрезвычайки" - "дом особого назначения" стал как бы ее отделением. Жизнь его обитателей превратилась в сплошное мученичество.

1 (14) июля 1918 года отцом Иоанном Сторожевым было совершено последнее богослужение в Ипатьевском доме. Приближа- лись трагические часы... Приготовления к казни делаются в строжайшей тайне от узников Ипатьевского дома.

В ночь с 16 на 17 июля, примерно в начале третьего, Юровский разбудил Царскую семью. Им было сказано, что в городе неспокойно и поэтому необходимо перейти в безопасное место. Минут через сорок, когда все оделись и собрались, Юровский вместе с узниками спустился на первый этаж и привел их в полуподвальную комнату с одним зарешеченным окном. Все внешне были спокойны. Государь нес на руках Алексея Николаевича, у остальных в руках были подушки и другие мелкие вещи. По просьбе Государыни в комнату принесли два стула, на них положили подушки, принесенные Великими княжнами и Анной Демидовой. На стульях разместились Государыня и Алексей Николаевич. Государь стоял в центре рядом с Наследником. Остальные члены семьи и слуги разместились в разных частях комнаты и приготовились долго ждать - они уже привыкли к ночным тревогам и разного рода перемещениям. Между тем в соседней комнате уже столпились вооруженные, ожидавшие сигнала убийцы. В этот момент Юровский подошел к Государю совсем близко и сказал: "Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета вы будете расстреляны с вашей семьей". Эта фраза явилась настолько неожиданной для Царя, что он обернулся в сторону семьи, протянув к ним руки, затем, как бы желая переспросить, обратился к коменданту, сказав: "Что? Что?" Государыня и Ольга Николаевна хотели перекреститься. Но в этот момент Юровский выстрелил в Государя из револьвера почти в упор несколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрелять все остальные - каждый заранее знал свою жертву.

Уже лежащих на полу добивали выстрелами и ударами штыков. Когда, казалось, все было кончено, Алексей Николаевич вдруг слабо застонал - в него выстрелили еще несколько раз. Картина была ужасна: одиннадцать тел лежало на полу в потоках крови. Убедившись, что их жертвы мертвы, убийцы стали снимать с них драгоценности. Затем убитых вынесли на двор, где уже стоял наготове грузовик - шум его мотора должен был заглушить выстрелы в подвале. Еще до восхода солнца тела вывезли в лес в окрестности деревни Коптяки. В течение трех дней убийцы пытались скрыть свое злодеяние...

Большинство свидетельств говорит об узниках Ипатьевского дома как о людях страдающих, но глубоко верующих, несомненно покорных воле Божией. Несмотря на издевательства и оскорбления, они вели в доме Ипатьева достойную семейную жизнь, стараясь скрасить угнетающую обстановку взаимным общением, молитвой, чтением и посильными занятиями. "Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою родину, - пишет один из свидетелей их жизни в заточении, воспитатель Наследника Пьер Жильяр, - они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие проистекало не из их царского сана, а от той удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальной силой. И в самом своем уничижении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти".

Вместе с Императорской семьей были расстреляны и их слуги, последовавшие за своими господами в ссылку. К ним, помимо расстрелянных вместе с Императорской семьей доктором Е. С. Боткиным, комнатной девушкой Императрицы А. С. Демидовой, придворным поваром И. М. Харитоновым и лакеем А. Е. Труппом, принадлежали убиенные в различных местах и в разные месяцы 1918 года генерал-адъютант И. Л. Татищев, гофмаршал князь В. А. Долгоруков, "дядька" Наследника К. Г. Нагорный,

детский лакей И. Д. Седнев, фрейлина Императрицы А. В. Гендрикова и гофлектрисса Е. А. Шнейдер.

Вскоре, после того как было объявлено о расстреле Государя, Святейший Патриарх Тихон благословил архипастырей и пастырей совершать о нем панихиды. Сам Святейший 8 (21) июля 1918 года во время богослужения в Казанском соборе в Москве сказал: "На днях свершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... Мы должны, повинуясь учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Мы знаем, что он, отрекшись от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией.

Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе". Почитание Царской семьи, начатое уже Святейшим Патриархом Тихоном в заупокойной молитве и слове на панихиде в Казанском соборе в Москве по убиенному Императору через три дня после екатеринбургского убийства, продолжалось - несмотря на господствовавшую идеологию - на протяжении нескольких десятилетий советского периода нашей истории.

Многие священнослужители и миряне втайне возносили к Богу молитвы о упокоении убиенных страдальцев, членах Царской семьи. В последние годы во многих домах в красном углу можно было видеть фотографии Царской Семьи, во множестве стали распространяться и иконы с изображением Царственных мучеников. Составлялись обращенные к ним молитвословия, литературные, кинематографические и музыкальные произведения, отражающие страдание и мученический подвиг Царской семьи. В Синодальную Комиссию по канонизации святых поступали обращения правящих архиереев, клириков и мирян в поддержку канонизации Царской семьи - под некоторыми из таких обращений стояли тысячи подписей. К моменту прославления Царственных мучеников накопилось огромное количество свидетельств о их благодатной помощи - об исцелениях больных, соединении разобщенных семей, защите церковного достояния от раскольников, о мироточении икон с изображениями Императора Николая и Царственных мучеников, о благоухании и появлении на иконных ликах Царственных мучеников пятен кровавого цвета.

Одним из первых засвидетельствованных чудес было избавление во время гражданской войны сотни казаков, окруженных в непроходимых болотах красными войсками. По призыву священника отца Илии в единодушии казаки обратились с молитвенным воззванием к Царю-мученику, Государю Российскому - и невероятным образом вышли из окружения.

В Сербии в 1925 году был описан случай, когда одной пожилой женщине, у которой двое сыновей погибли на войне, а третий пропал без вести, было видение во сне Императора Николая, который сообщил, что третий сын жив и находится в России - через несколько месяцев сын вернулся домой.

В октябре 1991 года две женщины поехали за клюквой и заблудились в непроходимом болоте. Надвинулась ночь, и болотная трясина могла бы легко затянуть неосторожных путешественниц.

Но одна из них вспомнила описание чудесного избавления отряда казаков - и по их примеру стала усердно молить о помощи Царственных мучеников: "Убиенные Царственные мученики, спасите нас, рабу Божию Евгению и Любовь!" Внезапно в темноте женщины увидели светящийся сук от дерева; ухватившись за него, выбрались на сухое место, а затем вышли на широкую просеку, по которой дошли до деревни. Примечательно, что вторая женщина, также свидетельствовавшая об этом чуде, была в то время еще далеким от Церкви человеком.

Учащаяся средней школы из города Подольска Марина - православная христианка, особо почитающая Царскую Семью - чудесным заступничеством Царских детей была

избавлена от хулиганского нападения. Нападавшие трое молодых людей хотели затащить ее в машину, увезти и обесчестить, но внезапно в ужасе бежали. Позднее они признались, что увидели Императорских детей, которые заступились за девушку. Это произошло накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы в 1997 году. Впоследствии стало известно, что молодые люди покаялись и в корне изменили свою жизнь.

Датчанин Ян-Майкл в течение шестнадцати лет был алкоголиком и наркоманом, причем пристрастился к этим порокам с ранней молодости. По совету добрых знакомых в 1995 году он отправился в паломническую поездку по историческим местам России; попал он и в Царское Село. На Божественной литургии в домовой церкви, где некогда молились Царственные Мученики, он обратился к ним с горячей мольбой о помощи - и почувствовал, что Господь избавляет его от греховной страсти. 17 июля 1999 года он принял православную веру с именем Николай в честь святого Царя-мученика.

Московский врач Олег Бельченко 15 мая 1998 года получил в подарок икону Царя-мученика, перед которой практически ежедневно молился, и в сентябре стал замечать на иконе небольшие пятна кровавого цвета. Олег принес икону в Сретенский монастырь; во время молебна все молящиеся почувствовали от иконы сильное благоухание. Икона была перенесена в алтарь, где находилась в течение трех недель, причем благоухание не прекращалось. Позднее икона побывала в нескольких московских храмах и монастырях; было многократно засвидетельст- вовано мироточение от этого образа, свидетелями которого были сотни прихожан. В 1999 году чудесным образом у мироточивой иконы Царя-мученика Николая II исцелился от слепоты 87-летний Александр Михайлович: сложная глазная операция почти не помогла, но когда он с горячей молитвой приложился к мироточивой иконе, а служивший молебен священник покрыл его лицо полотенцем со следами мира, наступило исцеление - зрение вернулось. Мироточивая икона побывала в ряде епархий - Ивановской, Владимирской, Костромской, Одесской... Везде, где побывала икона, были засвидетельствованы многочисленные случаи ее мироточения, а двое прихожан одесских храмов сообщили о исцелении от болезни ног после молитвы перед иконой. Из Тульчинско-Брацлавской епархии сообщили о случаях благодатной помощи по молитвам пред этой чудотворной иконой: от тяжелого гепатита была исцелена раба Божия Нина, получила исцеление сломанной ключицы прихожанка Ольга, от тяжелого поражения поджелудочной железы исцелилась раба Божия Людмила.

Во время Юбилейного Архиерейского Собора прихожанки строящегося в Москве храма в честь преподобного Андрея Рублева собрались для совместной молитвы Царственным мученикам: один из приделов будущего храма планируется освятить в честь новомучеников. При чтении акафиста молящиеся почувствовали сильное благоухание, исходившее от книг. Это благоухание продолжалось в течение нескольких дней.

К Царственным страстотерпцам многие христиане обращаются ныне с молитвой о укреплении семьи и воспитании детей в вере и благочестии, о сохранении их чистоты и целомудрия - ведь во время гонений Императорская семья была особенно сплоченной, пронесла несокрушимую веру православную чрез все скорби и страдания.

Память святым страстотерпцам Императору Николаю, Императрице Александре, их чадам - Алексию, Ольге, Татиане, Марии и Анастасии совершается в день их убиения 4 (17) июля, и в день соборной памяти новомучеников и исповедников Российских 25 января (7 февраля), если этот день совпадает с воскресным днем, а если не совпадает, то в ближайшее воскресение после 25 января (7 февраля).

Мученица Нина (Кузнецова) (память 1 мая по старому стилю)

Блаженная мученица Нина родилась 28 декабря 1887 года в селе Лаль Архангельской губернии (ныне это город в Вятской области) в благочестивой семье урядника Алексея Кузнецова и жены его Анны. Она была единственным ребенком, и родители любили ее до чрезвычайности. Они мечтали выдать дочь замуж, но Нина с детства любила только молитву, монастыри и духовные книги. Храмов тогда было немало, в одном только Лальске шесть, хотя в те годы это было небольшое село. Посмотрел отец на тяготение дочери к духовному и решил, что не благоприятно для нее будет спасение на путях жизни семейной. Раз так, то неразумно будет и препятствовать ее духовным стремлениям. Отец отдал ей амбар, в котором сам смастерил полки, и стал покупать ей духовные книги. Так у Нины собралась богатая библиотека, и не было для нее большего утешения, чем чтение книг. Она много молилась, многие молитвы знала наизусть, на память читала Псалтирь. В постоянной молитве и трудах душа ее возрастала и укреплялась в чистоте, добродетелях и совершенстве. Тогда же она стала принимать странников и людей обездоленных. Родители вполне смирились с выбранным ею жизненным поприщем, да и сами видели, что наступило время гонений, и уж какая теперь счастливая семейная жизнь, когда христиан начинают преследовать, мучить и убивать.

В 1932 году власти арестовали Алексея и Анну, которые были уже в преклонных летах; они не выдержали тягот заключения и вскоре скончались. Власти собирались арестовать вместе с ними и Нину, но во время ареста родителей ее от переживаний разбил паралич, и впоследствии она с трудом передвигалась и почти не владела правой рукой. Когда нужно было перекреститься, она всегда помогала себе левой рукой. Не случись с ней болезни, осудили бы и ее на заключение, но из-за ее немощи, продержав месяц в Котласской тюрьме, Нину отпустили домой. По той же причине власти оставили ей дом и все имущество, которым она распорядилась как нельзя лучше. Дом был большой, пятистенный, с огромной кухней, где на полатях умещалось до двадцати человек и на печи пять, была еще большая комната, которая вся занималась народом, в основном женщинами, у которых были арестованы мужья, а имущество отобрано. Все они шли к Нине, у которой находили приют и пропитание. Она сама укладывала их ночевать, что было для нее нелегко из-за болезни.

После закрытия в начале революции Коряжемского монастыря братия его перебралась в Лальск, здесь образовался монастырь из двенадцати человек. Под храмом, в бывшем складском помещении, монахи сложили печь, прорубили два окошка, перегородили склад надвое и у них получилось две кельи. Здесь они жили, а служили в лальском соборе, и в своей жизни, и в церковной службе полностью сохраняя монастырский устав. Уже и монастырей в Северной Руси не осталось, а здесь был монастырь, и двенадцать человек братии сохраняли монашеское благочестие и благочиние. Настоятелем монастыря был игумен Павел (Хотемов). Родом он был из зырян, из глухой деревни неподалеку от Усть-Сысольска (ныне город Сыктывкар). Грамоте его обучил благодетель учитель, который преподавал в городе, но каждое лето, возвращаясь домой, проходил через село, где жили родители мальчика. Учитель давал ему задание на лето, объяснял урок и уходил, а на обратном пути принимал выполненное и задавал новое, и так мальчик обучился грамоте. На всю жизнь отец Павел сохранил благодарность к своему учителю и поминал его за каждой литургией. Но еще больше он был благодарен тем, кто пробудил в нем интерес к грамоте духовной, любовь ко Христу и монашеской жизни. Был он тогда подростком, и вот деревенские женщины собрались идти на богомолье в Киев пешком и предложили взять с собой и его. Он быстро собрался, даже шапки не взял. Путешествие заняло целый

год. Вот тогда, у мощей преподобных в пещерах Киево-Печерского монастыря, он вполне понял и оценил, что это такое - спасительный монашеский путь. "Я за тех женщин, кто меня в Киев водил, каждый день молюсь, - говорил отец Павел, - если бы не попал я тогда в Киев, то не стал бы монахом, а не стал бы монахом, то не спасся бы". "А теперь, батюшка, спасешься?" - спрашивал его послушник Андрей Мелентьев. "А как не спасусь?! Бесы меня потащат в ад, так я вот так руки расставлю да скажу: я христианин! нет вам до меня дела!"

Отец Павел был большим подвижником. Он помнил на память больше шестисот имен людей, за которых постоянно молился за литургией. Чтобы иметь возможность помянуть всех, он приходил в храм за несколько часов до начала обедни, совершал проскомидию и молился за каждого человека. Когда его спрашивали, что такое монастырь, он отвечал: монастырь - это семнадцатая кафизма и кислая капуста каждый день, в простоте своего сердца выделяя для вопрошающего главное - молитву и пост. Сам он постился весьма сурово. Бывало, принесет ему кто-нибудь домашнего печенья или ватрушек вкусных. Отец Павел посмотрит, пощупает и эдак скажет со смехом: "Ой, ой, сильно хорошие, да жалко". И уйдет. Эти ватрушки потом так и лежат, пока не засохнут. Нина забирала эти сухари у отца Павла, размачивала их в ковше с водой и ела. Это и была вся пища подвижницы в течение многих лет.

После того как в 1928 году и этот монастырь в Лальске был властями закрыт, часть братии и среди них игумены Павел и Нифонт, который был в монастыре казначеем, нашли приют в доме блаженной Нины.

Монастырский устав блаженная соблюдала строго. Спала она четыре часа в сутки и в два часа ночи неизменно становилась вместе с монахами на молитву. И никогда она не пила ни чаю, ни молока, не ела сахара и ничего вкусного, а вся ее каждодневная еда состояла из размоченных в воде сухарей. И это при том, что в горнице у нее самовар со стола не сходил, один вскипит, другой ставят, а за столом вокруг самовара люди сидят, чай пьют, обедают, полон двор лошадей, потому что и проезжие у нее останавливались: за постой платить не надо, да и искать не надо, дом блаженной Нины, урядниковой дочки, каждый укажет, а уж в доме все не по мирскому, а по простому православному обычаю устроено - всякий здесь находил кров и какое-то пропитание; у кого был излишек хлеба, муки или крупы, те, уезжая, оставляли его для других. Гости хозяйки располагались обычно вокруг стола, но сама Нина никогда за стол не садилась, а в углу перед печью у загородочки на чурбачке. Она никогда не спала на постели, ляжет в углу избы под умывальником, натянет калечными руками на голову одеяло, свернется калачиком и спит. В храме она присутствовала за каждой службой; устраивалась где-нибудь на клиросе и делала вид, что спит. Но стоило кому-нибудь запнуться в службе, как она сразу подавала голос и читала, что следовало дальше, потому что службу она знала наизусть. Зрение у отца Павла было худое, и он, зная, что блаженная помнит службы и церковный устав, бывало, открывал из алтаря дверь и спрашивал оттуда:

"Нинка, какое зачало Апостола и Евангелия читать?" Она тут же и отвечала: такие-то, и никогда не ошибалась.

В это время за псаломщика на клиросе был послушник Андрей Мелентьев. Многих из тех, кто пел раньше в церкви, кого закулачили, кого выслали, а некоторые сами разъехались и попрятались. Остались только старушки-матушки да купчихи-старушки, да иных старушек насобирает псаломщик и с ними поет. А пока с ними поет, забудет вовремя нужный Апостол найти, а пора уже выходить читать. Блаженная сидит на клиросе с закрытыми глазами, делая вид, что спит, и в этот момент говорит: "Открывай зачало..." -"Ну, не мешай, Нинка", - ответит послушник, а сам спешно ищет. Первое время он не верил, что она ему верно говорит, но потом, многократно убедившись в этом, уже не проверял.

В тридцатых годах из монастырских священников остался только игумен Павел (Хотемов), и стали прихожане опасаться - сможет ли вести каждый день службу старец,

который из-за возраста становился весьма немощным. Отец Павел хотел пригласить служить иеромонаха, только что вернувшегося из заключения, но староста храма испугалась и воспротивилась этому. Тогда пригласили протоиерея Леонида Истомина, служившего в селе Опарине. Он был родом из Великого Устюга, до революции был лесничим, а после революции, в самый разгар гонений на Церковь, выразил желание стать священнослужителем и был рукоположен. Очень переживали отец Павел и блаженная, а ну как придет мирской протоиерей и нарушит устав монастырский. Он придет настоятелем, как его не послушаться, если он потребует сократить службу? Андрей Мелентьев сказал блаженной: "Нинушка, давай так уговоримся - не будем поддаваться, пока он сам не запретит. А и то - поспорим немножко. Скажем: батюшка, во-первых, собор, а во-вторых, в городе был монастырь, люди здесь просвещенные, понимают службу. Вот мы и держимся за церковный устав, чтобы пороку нам от людей не было. А если уж вы благословите - так и будет, как благословите". А заранее решили они священника ни о чем не спрашивать. Отец Леонид, прослужив несколько первых служб, ничего не сказал, так и осталась у них в соборе полная монастырская служба. По молитвам и заступничеству блаженной Нины собор в Лальске долго не закрывался, хотя власти не раз принимали шаги к прекращению в нем богослужения. В начале тридцатых годов они все же распорядились закрыть собор, но блаженная тогда стала писать в Москву решительные письма, собрала и отправила ходоков и действовала столь твердо и неотступно, что властям пришлось уступить и вернуть собор православным.

В начале 1937 года сотрудники НКВД арестовали отца Леонида Истомина, послушника Андрея Мелентьева, старосту храма, певчих, многих прихожан и последних еще остававшихся на свободе священников. Все они были этапированы в Великий Устюг и заключены в храме Архангела Михаила, превращенном в тюрьму.

31 октября 1937 года сотрудники НКВД арестовали блаженную Нину, но обвинения против нее не нашли. Полмесяца продержали блаженную в Лальской тюрьме, ни о чем не спрашивая, не предъявляя обвинения. Власти принуждали к лжесвидетельству против блаженной многих людей, но согласился на это только один - заместитель председателя Лальского сельсовета. Он дал показания о том, что блаженная Нина является активной церковницей, которая не только противится закрытию храмов, но неустанно хлопочет об открытии новых. "Летом 1936 года, когда поселковый совет намеревался закрыть церковь в Лальске, - показывал он, - Кузнецова организовала кампанию, приведшую к срыву этого мероприятия, она собирала подписи и проводила собрания верующих, предоставляя для этой цели свой дом. В августе 1937 года сельсовет начал собирать подписи среди жителей Лальска, которые желали бы закрыть храм, но Кузнецова снова собрала собрание верующих в своем доме и, таким образом, сорвала мероприятие, намеченное к проведению советской властью. Когда был арестован псаломщик Мелентьев, Кузнецова сразу же стала хлопотать за него, просить, чтобы его освободили, брала его под защиту".

После этих показаний в середине ноября блаженной Нине было предъявлено обвинение, и она была допрошена.

- Следствие располагает данными о том, что вы на протяжении ряда лет предоставляли свою квартиру для сборищ церковников, так ли это?

- Да, у меня в квартире до сих пор проживает священник Павел Федорович Хотемов, а также приходили другие верующие по вопросам церкви и службы в ней.

- Следствию известно, что вы по вопросу открытия лальского собора говорили: "Эта власть долго не продержится, все равно скоро будет война и снова все будет по-старому". Так ли это?

- Нет, этого я не говорила.

Виновной себя перед советской властью блаженная не признала.

Но что было делать с калекой, само содержание которой в тюрьме было для властей неудобным, а по известности блаженной среди народа и страшным - и на следующий же день после допроса она была отправлена в тюрьму города Котласа. 23 ноября 1937 года

Тройка НКВД приговорила блаженную Нину к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Блаженная Нина была отправлена в один из лагерей Архангельской области, но недолго пробыла здесь исповедница. Она умерла в концлагере 14 мая 1938 года.

Причислена к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания. Арестованные ранее священники, в частности отец Леонид Истомин, были заключены в это время в храме Архангела Михаила в Великом Устюге. Православных поместили в небольшую камеру над алтарем, там же были собраны все священники и диаконы из Лальска. Лежа служили всенощные под большие праздники, священники во время службы, не приподнимаясь с нар, подавали вполголоса возгласы. Два года пробыл отец Леонид Истомин в тюрьме и лагере вместе со своими прихожанами, а затем его среди других священнослужителей отправили на лесозаготовки в Карелию. Условия содержания были такими, что заключенные вымирали целыми лагерями. Здесь принял кончину и отец Леонид.

Преподобномученик иеромонах Нифонт (Выблов) (память 10 ноября по старому стилю)

Иеромонах Нифонт родился в 1882 году в городе Ейске в семье небогатого крестьянина Григория Выблова. Когда ему исполнилось десять лет, родители отдали его учиться в двухклассную сельскую школу в городе Ейске, которую он окончил в 1894 году. Затем он стал помогать по хозяйству отцу. Отец его умер, когда юноше исполнилось семнадцать лет, и с этого времени они остались хозяйствовать вдвоем с младшим братом. В 1913 году он уехал в село Подлесное Хвалынского уезда Саратовской губернии к известному в этих местах миссионеру иеромонаху Антонию (Винникову), который заведовал миссионерской школой. Пробыв некоторое время в миссионерской школе у иеромонаха Антония и утвердившись в решении вступить на новый путь, он поступил в мужской монастырь в городе Хвалынске, где вскоре был пострижен в монашество с именем Нифонт и хиротонисан в сан иеромонаха. В 1925 году епископ Вольский назначил служить иеромонаха Нифонта в храм в село Березовый хутор, где он прослужил до дня своего ареста.

28 декабря 1930 года местное отделение ОГПУ, поставившее своей целью закрытие всех храмов в районе, направило двух милиционеров в село Березовый хутор для ареста священника. Приехав в село, они увидели, что в храме идет богослужение. Тогда они направились в дом священника, чтобы там дождаться его возвращения из храма. В нетерпении они несколько раз посылали сотрудников сельсовета узнать, когда же наконец закончится служба, о чем всем в селе стало известно, как и о предстоящем аресте священника. По окончании литургии было совершено отпевание покойника, гроб с его телом священник проводил на кладбище. Домой отец Нифонт и приехавший к нему в гости его духовный отец, иеромонах Антоний (Винников), бывший с ним в храме, пришли около двух часов дня. По их приходе был произведен обыск, а затем иеромонахов вывели из дома и велели садиться на подводу. К этому времени около дома священника собралась толпа числом около сорока человек, в основном женщин. Они стали требовать освобождения священнослужителей. Тогда милиционеры вытащили оружие и под угрозой стрельбы заставили священников сесть на телегу. Люди закричали, что власти учиняют

разбой, и потребовали освободить ни в чем не повинных пастырей. Тогда милиционеры стали переписывать тех из присутствующих, кто вел себя наиболее активно, и угрожать им арестом. Был послан гонец в соседнее село за милицейским подкреплением. Все это принудило верующих отступить, и арестованные священники были увезены в тюрьму в город Сызрань. Однако, арестовав иеромонаха Нифонта, ОГПУ не смогло выдвинуть против него никаких обвинений. Сотрудник местного ОГПУ написал: "Связь с местными кулаками не установлена, но те обстоятельства, что к нему ежедневно носили хлеб и молоко, и больше всего приносили зажиточные, и даже дочь выселенного в Северный край кулака Татьяна Шуракина прислуживала ему, пекла хлеб и стирала белье, - заставляют думать, что поп Выблов имел связь с кулацкой частью села..."

Допрошенный следователем, иеромонах Нифонт виновным себя не признал; об иеромонахе Антонии, арестованном вместе с ним, сказал, что знает его по монастырю в Хвалынске с юности и неоднократно ездил к нему в Хвалынск в последнее время, чтобы исповедаться. В последний раз они вместе вернулись из Хвалынска в село Березовый хутор, где и были арестованы.

Иеромонах Нифонт скончался 30 августа 1931 года в половине десятого утра в Сызранской тюрьме.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученица Ольга (Масленникова) (память 10 ноября по старому стилю)

Мученица Ольга (Ольга Александровна Масленникова) родилась 10 июля 1874 года в городе Калуге. Окончила церковноприходскую школу. Была прихожанкой храма великомученика и Победоносца Георгия, в котором служил владыка Августин, помогала в работах по храму. 29 октября 1937 года власти арестовали ее. Вызванная на допрос, Ольга Александровна не признала себя виновной в возводимых на нее обвинениях и никого не оговорила. 19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила ее к восьми годам заключения. Ольга Александровна скончалась в концлагере в 1941 году.

Причислена к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Онуфрий, архиепископ Курский и Обоянский (память 19 мая по старому стилю)

Священномученик Онуфрий, архиепископ Курский и Обоянский (в миру Антоний Максимович Гагалюк) родился 2 апреля 1889 года в Холмской губернии. В 1915 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. 8 января 1923 года был хиротонисан во епископа Елисаветградского ("Кировоградского"), викария Одесской епархии. В его недолгое служение в Кривом Роге поистине было торжество Православия. Старые и

молодые до отказа наполняли храм, где он служил. Молодёжь забывала развлечения, спешила послушать своего епископа.

Летом 1924 года его арестовали. Народ провожал поезд с арестованным Владыкой с плачем, многие падали ниц. Через год Владыка был назначен епископом Елисаветградским, но в 1927 году снова арестован. Святитель был известен как борец с обновленчеством. С 1929 года он - епископ Старо-Оскольский, а с 1933 года епископ Курский. 17 января 1934 года возведён в сан архиепископа Курского и Обоянского. С 22 ноября 1935 года находился в ссылке на Урале в Красноярске. 19 мая 1938 года Святитель был расстрелян. Прославлен как местночтимый святой, согласно решению Священного Синода Украинской Православной Церкви от 8 (22) июня 1993 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Парфений, игумен Кизилташского монастыря (память 4 сентября по старому стилю)

Преподобномученик Парфений, игумен Кизилташского монастыря, родился в 1816 году. Память о его трудах на благо Церкви, его добродетелях и мученической смерти 4 сентября 1867 года от крымских татар-мусульман сохранилась в Крымской епархии.

Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

Священномученик Павел (Березин) (память 24 сентября по старому стилю)

Священномученик Павел родился в 1866 году в селе Маковницы Софрониевской волости Кашинского уезда Тверской губернии в семье священника Михаила Березина. Мы ничего не знаем о первоначальном его воспитании и образовании, но, по всей видимости, он окончил, как и большинство детей духовенства, семинарию, после чего поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. Окончив университет, он вернулся на родину, в Тверскую губернию и стал преподавать Закон Божий в Новоторжской учительской семинарии. Когда Павлу Михайловичу исполнилось тридцать семь лет, он был рукоположен в сан священника. С этого времени его жизнь была полностью посвящена церковному служению. Отец Павел, по свидетельству прихожан, был выдающимся исповедником и говорил проповеди за всеми церковными службами. Отец Павел рано овдовел, и когда начались гонения, дети, будучи взрослыми, жили уже не с ним, и это дало возможность его сыну беспрепятственно получить образование в Ленинградском университете. В двадцатых годах о. Павел служил в Вознесенском храме

села Котова Молоковского района, и в этом же селе, где было тогда несколько домов, он снимал комнату.

В 1929 году по распоряжению советских властей начался новый этап гонений на Русскую Православную Церковь, когда по всей стране закрывали православные храмы и арестовывали духовенство и мирян. Если свеча стоит на подсвечнике и светит всем в доме, то в периоды гонений противники Христа всегда стараются ее угасить, дабы свет не обличил, что дела их злы. Отец Павел не раз в проповеди с амвона с сокрушением сердечным указывал прихожанам, большей частью это были женщины, на зловещее разлитие греха по нашей земле, что женщины ни за что теперь считают убийство своих детей во чреве, отчего детей рождается все меньше и земля наша безлюдеет. Те, чья вера была поглубже и потверже, горевали об этом вместе со священником, а некоторые из женщин в помрачении сердечном не только не задумывались о содеянном, но в состоянии какого-то безумия смеялись над священником, над тем, что он считает злом то, что они за грех не считали.

Дом священника стоял неподалеку от школы, дети в селе и окружающих деревнях еще не были столь развращены, как в городе, у многих родители были глубоко верующими людьми и ходили с детьми в церковь. Некоторые просили у священника книги для чтения. Отец Павел давал им книги по Закону Божию, Священную историю Ветхого и Нового Завета, сборники рассказов нравственного содержания. По прочтении дети возвращали книги и просили почитать другие, восполняя таким образом пробелы светского образования, враждебного тогда Церкви. Это продолжалось до января 1929 года, когда однажды директор школы, войдя в класс до начала занятий, увидела, что ученики с увлечением читают какие-то книги; такого еще не бывало, это настолько поразило ее, что она несколько минут стояла молча, не зная, что сказать. Некоторые дети стали показывать книги, говоря: "Смотрите, Татьяна Васильевна, какие нам дали книги". Она стала отбирать книги, и, видя это, дети попрятали их под парты. Но директор настояла, чтобы книги отдали ей. Среди них была книга "Таинство святого причащения" и множество проповедей.

- Откуда вы получили эти книги? - спросила директор.

Дети ответили, что их им дал священник.

Отобранные книги она отправила секретарю волостной партийной ячейки с соответствующим сопроводительным письмом.

Узнав от детей о том, что директор отобрала у них книги, о. Павел пришел к ней в школу и сказал:

- Эти книги принадлежат мне, и я прошу мне их и вернуть. Вы живите - как хотите, а я буду жить - как я хочу, у вас свое, а у меня свое. Вы вот как воспитываете детей, разве можно так воспитывать, что дети бегают у вас по церковной ограде и по могилам?

Директор книг не отдала. Впоследствии начальник волостной милиции вызвал священника и потребовал, чтобы о. Павел больше не давал детям религиозную литературу. "Раз этого делать нельзя, то этого делать не буду", - ответил священник. На этом все бы и закончилось, если бы не было распоряжения центральных властей о начале кампании против Церкви.

21 сентября 1929 года директор школы была вызвана к следователю и подтвердила, что священник действительно давал детям читать религиозные книги. После нее в тот же день к следователю была вызвана учительница школы, которая показала: "Находясь на квартире, занимаемой мною в селе Котове, однажды к моей квартирной хозяйке явилась в посидки гражданка села Котова Платонова Анна, каковая в процессе разговора с моей хозяйкой сказала, что батюшка дал интересную книгу ей и велел последнюю прочитать ее дочери Соне, ученице моего класса. Разговор Платоно-вой с моей хозяйкой я услыхала через переборку, так как я сама лично находилась в другой комнате. Выйдя из своей комнаты в комнату беседующих женщин, я спросила у Платоновой, что у нее за книга и откуда последнюю она получила. Платонова на мой вопрос ответила, что книгу ей дал

священник села Котова Березин, но книги она при себе не имела. На следующий день мною о разговоре с Платоновой было сообщено уполномоченному... Последний просил достать книгу, для чего я пошла к Платоновой. Получить книгу от Платоновой мне не удалось в силу того, что она заявила: "Березин книгу отдавать никому не велел".

Кроме того, мне лично самой приходилось слышать от гражданки села Новое Котово Филипповой Анны, что во время исповеди Березин говорил ей, что не нужно пускать на спектакль дочку в силу того, что спектакли - бесовское наваждение".

В тот же день следователь допросил местного комсомольца, подавшего заявление на поступление в члены партии. Он показал: "Я слышал от ныне умершей Николаевой, что Березин давал ученикам школы книги, как-то: Закон Божий, Священную историю и тому подобное. И что Николаеву Березин приглашал несколько раз зайти... а также она говорила, что поп Березин говорил ученикам после занятий в школе, давая литературу: "Читайте, она вас приведет к добру..." Мероприятий Березина против колхоза я не знаю. Мне пришлось слышать от комсомольца Хорева Николая Андреевича... что ему его мать Варвара Хорева говорила, чтобы он ушел из комсомола, что в комсомоле его испортят и о. Павел его ругает..."

Получив эти показания, следователь вызвал на допрос Варвару Хореву, которая показала: "Священник о. Павел на исповеди мне стал говорить, что у тебя есть сын комсомолец, на что я ответила, что есть, а у меня в семье верно, есть сын Николай Хорев, состоящий в комсомоле. Когда я ответила о. Павлу Березину, что сын комсомолец вреда нам не делает, он, Березин, ответил, что так нельзя позволять".

В тот же день следователь арестовал священника, и он был заключен в камеру при Молоковском отделении милиции. На следующий день следователь допросил священника; о. Павел, отвечая на вопросы, сказал: "В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и по делу обэясняю, что при селе Котово, где я служу в церкви, а также проживаю, имеется школа, в которой обучаются ребятишки окружающих селений. Было два или три случая, когда ко мне некоторые ученики-ребятишки обращались по нескольку человек с просьбой дать почитать книжек, ввиду чего я им давал книжки "Закон Божий", "Молитвы", "Священная история Ветхого и Нового Завета", рассказы нравственного характера, и некоторые из этих книжек я получил от ребятишек обратно, а часть книжек в школе учительница Васильева отобрала у ребятишек и мне их не вернула, а куда, она их дела, я не знаю... С учительницами, ввиду невозвращения ими мне моих книжек, даваемых ребятишкам, я не ругался совершенно, а только просил возвратить эти книжки. Кому именно я давал из учеников литературу персонально, фамилии учащихся припомнить не могу... Ко мне однажды обратилась гражданка Платонова за книжкой, и я ей дал книжку, но при этом не говорил дать книжку почитать дочери. При религиозных обрядах, проповедях и исповедях я никогда не использовал свое положение в целях проведений мероприятий против власти... Против того, чтобы молодежь посещала красные уголки, против комсомола никогда ничего не предпринимал".

После допроса о. Павел был отправлен под конвоем в Бежецкую тюрьму, все небольшое имущество его было описано и изъято, причем из списка изымаемого не вычеркивалось ничего, не исключая рясы, одеяла с подушкой и карманных часов.

В течение двух последующих дней следователи допросили некоторых жителей села: "Я сама никому не говорила и ни от кого не слышала, что монастырщики хотят нашу деревню поджечь и побить за то, что арестовали священника, а говорил ли кто об этом, я не знаю. В церковь села Котова я не хожу уже около пяти лет, а ранее ходила и однажды слышала, как священник Березин в проповеди сказал, что "вот теперь такое время настало, женщины стали делать аборты, это грех, и из-за этого детей стало мало", на что в деревне Новой села Котова женщины смеялись. Говорил ли поп Березин в проповедях или на исповедях что-либо относительно власти, я не слышала и не знаю. У нас в деревне живут

довольно хорошо Старшиновы, и были ли случаи со стороны Старшиновых какие-либо преследования комсомольцев, я не знаю и не слышала".

"Проживая в селе Котове, я ходила в церковь молиться. После службы священник Павел Березин иногда говорил проповеди, в которых он, как я понимаю, говорил о Боге, а говорил ли он что-либо о власти, налоге, колхозе и тому подобном, я хорошо не знаю, да у меня забита голова семейными трудами, о которых я все в церкви и думаю, и что он, Березин, в проповедях говорил, я не всегда слушала. На исповеди Березин меня спрашивал, слушаются ли дети меня. На что я отвечала, что слушаются, и больше он мне ничего не говорил. Верно, я от Березина принесла дочери своей почитать книжку с картинками, и эту книжку я давала своей дочери почитать, а за книжкой я сама ходила к Березину, думая, что у него есть книжки, но он меня не зазывал к себе за книгой".

"В 1929 году я действительно ходила в церковь села Котова к священнику Березину на исповедь, во время которой он, Павел Березин, меня о грехах не спрашивал, а только сказал: "На спектакле была?" Я ответила: "В деревне Новой села Котова была на спектакле". На что он мне ответил, что на спектакли ходить нельзя, грешно. Павел Березин на исповеди сказал моей матери: "Зачем отпускаешь детей на спектакли?" Но я все равно ходила на спектакли, но также ходила и в церковь. В церкви проповеди Березина я слушала, но из них ничего не понимала".

Не удовлетворившись этим, следователь допросил комсомольцев, один из которых стал показывать против своих односельчан Ивана Феоктистова и Семена Старшинова, будто бы они выступали против организации колхоза. Причем пожаловался, что хотя местные власти уже несколько раз лишали Семена Старшинова избирательных прав, его всякий раз в конце концов восстанавливали. Большим преступлением было сочтено то, что на сельском сходе, посвященном самообложению, на котором было принято решение о 25% самообложении, ни Старшинова, ни Феоктистова не было, а когда они принимали участие, сход принял решение только о 15% самообложении.

Вызванный на допрос Алексей Александров (в 1918 году он командовал продотрядом) показал, что Семен Старшинов и вся его семья до сих пор не может примириться с советской властью. Впрочем, ничего конкретного он назвать не смог, а, желая себя оправдать, сказал, что "Старшиновы очень хитрые и осторожные, на собраниях открыто против того или другого мероприятия не выступают и действуют через других. Через кого, я, конечно, сказать не могу".

Был вызван на допрос председатель церковного совета Дмитрий Петров, который сказал: "Мне как председателю церковного совета приходится в церкви бывать и слушать проповеди священника Березина, которые он говорит часто. В проповедях он говорил, что в настоящее время нравственность пала, дети не слушаются родителей, развивается преступность, хулиганство и так далее".

Деревенский комсомолец Семен Егоров на допросе дал против Семена Старшинова показания самые нелепые: будто тот, когда Михаила Егорова в 1918 году выбирали уполномоченным от уезда, дал ему такой наказ: "Если советская власть даст нам хлеба, пусть существует, а если не даст, то такая власть нам не нужна", а также будто бы он хотел убить Михаила Егорова и выдрать нерадивых крестьян за незаботу о церкви.

Семен Старшинов на допросе сказал: "Выбирался ли в 1918 году Михаил Егоров в уполномоченные от общества, я не помню, а также не помню, давал ли какой ему наказ от имени общества. Драть за неисправность исповедей я никого не собирался и не предполагал это делать".

Был вызван на допрос и член сельсовета, который, лжесвидетельствуя, давал показания, всецело руководствуясь партийными директивами: "Мне как члену сельсовета и комсомольцу-общественнику приходится ощущать ожесточеннейшую классовую борьбу в нашей деревне. Поповщина с группой кулаков Семеном Старшиновым, Иваном Феоктистовым противодействовали всякой общественной работе комсомольской ячейки... Противодействие исходит сразу из двух лагерей. Попы обрабатывают в церкви во время

исповеди, проповедей, как например, поп Березин во время исповеди спрашивал, комсомолец ли сын. Когда она ответила: "да", то он начал ей говорить нехорошее. Старшиновы, Феоктистов и их подкулачники проводят свою деятельность вне церкви, в закоулках и в уголках, вне и во время собрания... Когда приехал землеустроитель Крузе, то женщины подняли шум-гам, затопали ногами и с криками: "не надо землеустроительства" собрание сорвали..."

Вызванный на допрос Иван Феоктистов сказал: "Когда было собрание по вопросу землеустройства, меня дома не было".

Одна из участниц собрания на допросе показала: "В 1928 году на сходе обсуждали вопрос о землеустройстве и во время собрания я говорила, что нужно подождать землеустройства до прихода с заработка мужиков, так же говорили и другие женщины... И землеустройство у нас в деревне не состоялось... Делили ли землю в прошлом году и до конца ли собрания был землеустроитель, не помню... В церковь я ходила, и проповедей, что священник Березин говорил, я не понимала, а на исповеди у меня Березин спрашивал о грехах".

На основании подобных показаний 29 сентября ОГПУ арестовало Семена Старшинова и Ивана Феоктистова, они были заключены в Бежецкую тюрьму.

ОГПУ допросило учительницу, которая сказала: "Священник села Котова Павел Березин в конце января 1929 года среди детей-школьников распространял церковную религиозную литературу, каковую мы отобрали у детей, принесших эту литературу в школу. После чего священник Березин приходил к заведующей школой и требовал книги обратно. Открытых антисоветских выступлений я с его стороны не слыхала, на исповеди женщинам-матерям не велел пускать своих детей на спектакли... мол, там дьявольское наваждение. Когда в деревне Новой села Котова организовался колхоз, братья Старшиновы, главным образом Семен Платонович, и Феоктистов, бывший торговец, - оба лишенные избирательных прав - среди крестьян-колхозников агитировали: "У вас ничего не выйдет, находитесь в лаптях, все передеретесь..." В результате колхоз развалился и лишь через несколько месяцев вновь организовался".

В тот же день был допрошен крестьянин, который сказал: "Священник Павел Березин был в хороших отношениях со Старшиновым. Каждый праздник у него останавливался, пил чай. Никаких суждений по поводу соввласти не было. Ведет ли священник антисоветскую агитацию, я не знаю. Сам я никогда против советской власти не выступал".

13 октября следователь ОГПУ составил текст постановления, в котором писал: "Рассмотрев следственный материал по делу, в коем они достаточно изобличаются в том, что вели антисоветскую агитацию, направленную на срыв проводимых соввластью кампаний... стремились развалить комсомольскую организацию путем угроз, влияния на родителей и так далее, постановил: привлечь Березина, Старшинова и Феоктистова в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение в антисоветской агитации".

20 октября обвиняемые были вызваны в последний раз к следователю; на вопрос, согласны ли они с предъявленным обвинением, о. Павел сказал:

- По существу... виновным себя не признаю. Антисоветской агитации в проповедях и частных беседах не вел, разваливать комсомольскую ячейку путем влияния на родителей не стремился. Все предъявленные обвинения считаю чистейшей клеветой.

Иван Феоктистов сказал: "По существу предъявленного обвинения виновным себя не признаю. Антисоветской агитации не вел, самообложение не срывал, даже на этом собрании не присутствовал, землеустройство я не только не срывал, но сам был инициатором его проведения".

В то время, когда обвиняемые находились в тюрьме, в газетах была развернута кампания против них. Одна из статей в газете "Бежецкая жизнь" кончалась словами: "Теперь, когда ведется следствие, когда в район выезжают рабочие бригады, надо принять все меры к тому, чтобы каленым железом выжечь осиное гнездо кулачья, попов и подкулачников.

Только при условии ликвидации кулацкой шайки и при условии широкого развертывания массовой работы, в частности - с беднотой, деревенские передовики смогут успешно вести свою работу по социалистическому устройству деревни.

Железная рука пролетарской диктатуры жестоко накажет тех, кто вредит нашему социалистическому строительству, тех, кто преступной рукою вырывает из наших рядов лучших борцов!"

В конце ноября 1929 года дело было направлено в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для внесудебного разбирательства. 13 января 1930 года Особое Совещание приговорило священника Павла Березина к высылке в Северный край на три года, а крестьян Семена Старшинова и Ивана Феоктистова - к лишению свободы сроком на шесть месяцев. 23 марта священник этапом прибыл в один из северных лагерей, откуда его отправили в ссылку в город Мезень Архангельской области.

Вскоре о. Павел направил прошение во ВЦИК с ходатайством об освобождении. Оно было удовлетворено, и 18 июля 1931 года священник выехал из Архангельска в село Котово Тверской области, где стал служить в той же церкви. Он жил один - жена скончалась, сын Дмитрий учился в университете и почти не писал. Соприкосновение с безбожием, несмотря на сохранившееся глубокое уважение к отцу-священнику, привело к тому, что молодой человек почти утратил веру и на одно из писем о. Павла к нему весной 1937 года отвечал: "Дорогой папа! Уже давно получил твое письмо, все не мог выбрать время, чтобы ответить. Тем более, что это дело для меня очень сложное, так как это первое мое письмо к тебе.

За присланные деньги меня благодарить не следует, так как это все же моя обязанность, хотя ты принадлежишь к другому миру и, вероятно, враждебно относишься к тому делу, за которое мы, большевики, боремся. Но я знаю о твоем тяжелом положении, и мне всегда очень хочется тебе помочь, но возможности для этого пока нет, так как я окончу университет лишь осенью, а стипендия невелика для Ленинграда. Но как поступлю на работу, при первой же возможности буду тебе помогать. И не уверяй, что Бог не оставит меня своей милостью. Когда вы, верующие, "творите добро", вы обязательно ждете награды за это, если не в земном, то в загробном мире. Мы же, неверующие, делая какое-либо хорошее дело, не думаем ни о какой награде. Для нас лучшая награда - это сознание того, что сделанное нами дело полезно для человеческого общества, что оно есть хотя бы небольшой вклад в общее дело построения социалистического общества, где все будут радостно и счастливо жить и работать. Кстати, я думаю, что у тебя об этом будущем обществе, вероятно, существуют неправильные представления как о чем-то сером, угнетающем личность, превращающем человека в животное, а человеческое общество в стадо. Враги социализма всегда старались и стараются изобразить его именно в таком виде, и неудивительно, если ты этому и поверил.

Но хватит о политике. Тебе это, вероятно, неприятно, но если хочешь, то в следующих письмах можно завязать полемику...

Я тебя уважаю... Я понимаю, что теперь тебе особенно трудно отказаться от своих взглядов, так как у каждого обладающего определенным уровнем нравственности человека должны быть какие-то духовные идеалы. Для нас они заключаются в достижении всеобщего счастья как материального, так и духовного, в работе, в науке, в литературе, в музыке и т.д. У тебя этих идеалов в современной жизни нет, и естественно, что единственное утешение ты находишь в религии"..

Странно было о. Павлу, получившему блестящее образование в университете, всегда интересовавшемуся вопросами научными, социальными и современной жизни, получить упрек от сына в том, что он плохо знает теорию и практику социализма и не верит в построение земного рая без Бога.

Наступило страшное лето 1937 года. Советская власть решила покончить с христианством в России и закрыть к лету следующего года почти все церкви в стране. В соответствии с замыслом Сталина это был самый большой поход против Бога и Церкви.

Отца Павла, как и многих православных, такое решение Сталина обрекало на мученическую кончину. Он был арестован 27 июля 1937 года и заключен в Краснохолмскую тюрьму. На следующий день состоялся допрос.

- Скажите, гражданин Березин, чем вы занимались до революции и после революции?

- До революции и после я занимался исключительно служением и больше ничем не занимался вплоть до 1937 года, исключая только срок отбывания в ссылке. Хозяйства не имел никакого.

9 августа следователь допросил председателя сельсовета, который на вопрос, что он знает о священнике, сказал:

- Павла Михайловича Березина я знаю со дня его приезда в погост Котово, он служил все время в приходской церкви... В конце 1936 года в церкви погоста Котово собравшимся в церкви колхозникам после службы читал проповедь, в которой говорилось: "В настоящий момент при советской власти мы находимся в ужасно плохом положении. Избегнуть такого положения можно только исключительно через... крепкую веру в Бога". Проповеди в церкви Березин читает после каждой службы, стараясь привлечь внимание людей к вере в Бога... В 1936 году в марте Березин читал проповедь такого содержания: "Миряне, знаете ли вы, почему пошел разврат в семьях, разводы мужа с женой и снова женитьба, частая смерть людей... Это все оттого, что вы забываете Бога и не обращаете внимания на Церковь". Кроме таких проповедей, Березин в 1937 году собирал нелегальные собрания прихожан, тайно и без разрешения органов советской власти, на которых обсуждались вопросы исключительно церковного характера.

13 августа следователь снова допросил священника.

- Расскажите о ваших контрреволюционных проповедях среди верующих и чем вы руководствовались.

- В своих проповедях я очень много говорил о том, что мы сейчас наблюдаем упадок нравственности, и в смысле нравственности мы находимся в ужасном, отчаянном положении; люди, видя такое положение, кончают жизнь самоубийством... Упадок нравственности есть результат упадка веры, а это все вместе ведет к физическому вымиранию людей.

Допросы шли не переставая, днем и ночью.

- Гражданин Березин, где и когда вы собирали нелегальное собрание верующих, какие обсуждались вопросы?

- 25 апреля 1937 года в сторожке Вознесенской церкви во время перерыва в службе собрались на отдых верующие. Я решил воспользоваться этим моментом для того, чтобы довести до сведения верующих то, что Калининский архиепископ отстранил от службы священника Одинцова за склоку. Больше никаких вопросов в это время не обсуждалось, и я сказать ничего не могу. Вы можете со мной делать что хотите, но я сказать ничего не могу, потому что других вопросов не было.

В обвинительном заключении следователь написал: "Березин, возвратившись после отбытия срока наказания, продолжал систематически проводить антисоветскую контрреволюционную агитацию, выражавшуюся в открытых выступлениях перед верующими с антисоветскими и контрреволюционными проповедями, в которых распространял провокационные слухи об... упадке нравственности, объясняя это существованием советской власти и коммунистической партии. Распространял провокационные слухи о разложении семьи, о разврате среди населения, при этом сохранял контрреволюционную литературу".

3 октября Тройка НКВД приговорила о. Павла к расстрелу. Священник Павел Березин был расстрелян через несколько дней - 7 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Павел (Василевский) (память 4 сентября по старому стилю)

Священномученик Павел родился 22 июня 1881 года в селе Карабузино Кесовогорского уезда Тверской губернии в семье церковнослужителя Ивана Васильевского. Семья была большая, девять человек детей. Отец Павла умер, когда ему исполнилось пять лет, и его взял на воспитание дядя. Павел окончил духовное училище. В 1916 году он был призван в армию и служил до 1918 года в 177-м запасном пехотном полку, расквартированном в Новгороде. После демобилизации вернулся на родину и служил в храме псаломщиком, затем женился и был рукоположен в сан священника ко храму в селе Хобоцкое. Жена о. Павла, Анна Михеевна Михеева, была дочерью благочестивых крестьян, которые имели тринадцать детей и воспитывали еще одного приемного. Желая помочь о. Павлу, тесть купил для его семьи дом. У о. Павла с матушкой родилось пятеро детей, но все они умирали в раннем возрасте, и жива осталась только младшая дочь Тамара. Впоследствии священник служил в Никольском храме села Добрынине Максатихинского района. Хотя его служение там было непродолжительным, прихожане успели полюбить своего пастыря.

В 1937 году о. Павел был арестован. В России в это время было фактически установлено военное положение, когда аресту подвергалось множество невиновных людей; дела велись зачастую не местными сотрудниками, а военнослужащими войск НКВД, которые производили аресты, вели следствие и участвовали в расстрелах.

Отца Павла арестовали 6 августа в шесть часов вечера. Он только что вернулся с женой и дочерью из леса, где они собирали грибы и ягоды на зиму. Пришло трое сотрудников НКВД. Перевернули весь дом, но ничего не взяли. Жене и дочери, несмотря на просьбы, не разрешили проводить священника до околицы. Повели пешком, попутно производя аресты в других селах. Дошли до села Дымцево, где арестовали глубокого старца, священника Михаила Косухина, который не мог идти; здесь всех арестованных погрузили в машину и повезли в тюрьму.

Следствие по делу о. Павла продолжалось всего четыре дня. Два дня следователь допрашивал крестьян добрынинского прихода, некоторые из которых уже сами были арестованы. На третий день, 9 августа, следователь допросил священника.

- Расскажите о вашей антисоветской и контрреволюционной деятельности.

- Антисоветской и контрреволюционной деятельностью не занимался.

- Как вы рассматриваете факт хождения по домам и сбора подписей для хождения с иконой в период весеннего сева?

- Факт срыва сева я отрицаю, если и был, так только в деревне Ду-бищи, так как мне там были разрешены хождения утром, и в некоторых домах колхозников остались взрослые, хотя о том, чтобы они остались, я их не просил.

- Расскажите о вашей связи с Воиновым Василием Федосеевичем.

- Он мой прихожанин, его дети пели в церкви.

- Какие разговоры вы вели в церкви по вопросам войны и ваши взгляды на будущую войну?

- Разговоров о войне в церкви я никогда не вел. Я думаю, что войны у нас скоро не будет, в чем я убеждён, хотя я об этом никому не говорил. На следующий день, 10 августа, не выезжая из села, лейтенант войск НКВД закончил следствие, посчитав, что, несмотря на то что священник не признал себя виновным, его виновность в

антигосударственной деятельности доказана, и передал дело в Тройку НКВД, которая 13 сентября постановила священника расстрелять. Священник Павел Васильевский был расстрелян через несколько дней, 17 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Павлин, архиепископ, Могилёвский (память 21 октября по старому стилю)

(**В** миру Крошечкин Пётр Кузьмич) родился 19 декабря 1879 года в Пензенской губернии в крестьянской семье. Он рано лишился отца и был воспитан благочестивой матерью. Их дом был приютом для странников. После посещения вместе с родительницей Саровской пустыни, в сердце мальчика возгорелось желание иноческой жизни. И в 1895 году 16-летний Пётр поступает в Саровскую обитель. Затем он перешёл в Николо-Бабаевский монастырь.

Однако тяга к знаниям привела юношу в Москву. Он поступает в число братии Новоспасского монастыря и в течении одного года кончает курс Духовной Семинарии. А в 1916 году послушник Пётр окончил курс Московской Духовной Академии. В Новоспасском монастыре он прожил 17 лет и там принял постриг с именем Павлин. В 1920-1921 годах он являлся наместником Новоспасского монастыря.

2 мая 1921 года отец Павлин был хиротонисан в епископа Рыльского, викария Курской епархии. Владыка неустанно объезжал Курскую епархию, укрепляя позиции Православия в борьбе с обновленчеством.

С 1926 по 1933 годы Владыка занимал сначала Пермскую, а затем Калужскую кафедры. Владыка всегда был прост в общении и доступен. Он любил петь церковные песнопения вместе с народом, приучая паству к сознательному произношению слов молитвенных. Его очень любил простой русский народ. Владыка был незлобив как дитя. Никогда его не видели гневающимся и терпение его было удивительно, а смирение и кротость достойны преклонения. Если он видел, что кто-то раздражался на него, то не мог успокоиться, пока не испросит прощения у этого человека. Имел Святитель "сердце милующее ко всякой твари?" Так, в своём садике он построил мостик через дорожку по которой проложили тропу муравьи, чтобы случайно не наступить на них.

Когда осенью 1926 года среди епископата обсуждали возможность тайного избрания Патриарха, Владыка, бывший инициатором этой идеи, взял на себя практическое руководство проведением выборов. Он объезжал епископов по всей России, собирая подписи. К ноябрю 1926 года имелись уже подписи 72-х епископов под актом избрания священномученика митрополита Кирилла (Смирнова, память 7 ноября) Патриархом.

Находясь тайно с этой миссией в Москве, Владыка был внезапно арестован. И хотя документы не попали в Г. П. У., последовала волна арестов тех епископов, кто поставил свои подписи под актом избрания Патриарха. Год Владыка пробыл в одиночной камере. Впоследствии он называл тюрьму своей "второй Академией". 9 апреля 1927 года Владыка был освобождён, вслед за освобождением митрополита Сергия (Страгородского), который вскоре издал свою печально известную "Декларацию".

В 1933 году Владыка был назначен на Могилёвскую кафедру. 11 (24) октября 1936 года Владыка был арестован и приговорён к десяти годам заключения.

Святитель был расстрелян 21 октября (3 ноября н. ст.) 1937 года вместе с группой духовенства в Кемеровском лагере.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Пермские мученики, исповедники и подвижники

В 1918 году были замучены священники города Перми и Пермского уезда: 21 сентября расстрелян священник Свято-Троицкой церкви Константин Широкинский; в ночь с 3 на 4 декабря утоплены в Каме священники Воскресенской церкви Иоанн Пьянков и Алексей Сабуров, священник Сергиевской церкви Николай Яхонтов; священник юговского заводского собора Алексей Стабников расстрелян 21 сентября; священник единоверческой церкви села Сретенского Петр Вяткин расстрелян 9 октября; диакон села Сылвино-Троицкого Василий Кашин 4 декабря расстрелян вместе с десятью прихожанами своей церкви; священники села Култаево Николай Бельтюков и Александр Савелов изрублены саблями и расстреляны 17 декабря; священник села Красно-Слудского Александр Посохин утоплен в Каме; расстреляны священник Косинских Приисков Василий Комакин, священник села Сергина Иоанн Швецов, священник села Сылвино-Троицкого Сергий Колчин, псаломщик Юговского завода Анатолий Попов, псаломщик села Дивьинского Александр Зуев1. Были расстреляны священники города Кунгура: Владимир Белозеров, Павел Соколов, Александр Калашников; умер от голода псаломщик села Покровского Кунгурского уезда Василий Петухов, мобилизованный красными на окопные работы; был расстрелян православный мирянин Петр Федорович Мелехов, крестьянин деревни Дикари Кунгурского уезда. Священник Михаил Жидяев служил в селе Кочувахино Кунгурского уезда, расстрелян за околицей села. Красные позволили взять тело мученика и похоронить. Когда облачали тело, то увидели, что пальцы сложены для крестного знамения.

Были замучены священнослужители города Соликамска и Соликамского уезда: диакон Спасской церкви Александр Ипатов расстрелян 8 сентября; священник храма Рождества Богородицы Александр Шкляев расстрелян в ночь на 10 сентября; священник Спасской церкви Григорий Горяев расстрелян; диакон Преображенского храма Василий Воскресенский расстрелян в ночь на 24 сентября; заштатный священник села Кудымкара Иаков Шестаков расстрелян и заколот штыками в десяти верстах от села Хохловка 10 декабря; священник завода Пожвы Александр Преображенский расстрелян в селе Усолье; священники завода Майкора Михаил Киселев и Александр Федосеев расстреляны в ночь на 21 декабря; священник села Шаманского Николай Онянов расстрелян в селе Усолье, сам себе рыл могилу; священник села Ленвы Александр Махетов расстрелян; священники сел Кудымкара и Пешнигорта Николай Орлов и Сергий Лавров увезены неизвестно куда и, по частным сведениям, убиты.

Замучены священнослужители города Чердыни и Чердынского уезда: священник Котуров - его мучители поливали на морозе водой, пока он не превратился в ледяную статую; священник Николай Конюхов застрелен и заморожен; священник Преображенской церкви Евграф Плетнев расстрелян вместе с сыном 10 декабря; священник села Чураково Игнатий Якимов расстрелян за проповеди; священники села Юма Феодор Антипин и Николай Мациевский расстреляны 11 января; священник села Пятигоры Михаил Денисов расстрелян; диакон села Юрлы Аркадий Решетников расстрелян 28 декабря.

Были убиты священнослужители города Красноуфимска и Красно-уфимского уезда: священник Алексей Будрин расстрелян; миссионер красноуфимского собора Лев Ершов избит и расстрелян; священник завода Суксуна Антоний Попов расстрелян 7 декабря; священник села Верх-Суксунского Александр Малиновский задушен епитрахилью и расстрелян; псаломщик села Бисертого Афанасий Жуланов расстрелян.

Замучены священнослужители города Оханска и Оханского уезда: настоятель оханского собора Владимир Алексеев 16 декабря расстрелян и сброшен в Каму; священник села Сенычей Иоанн Бояршинов расстрелян 22 августа за колокольный звон; в тот же день расстрелян священник завода Очера Алексей Наумов; священник единоверческой церкви села Воробьеве Симеон Конюхов расстрелян 27 сентября; священник завода Павловского Петр Кузнецов расстрелян на станции Верещагино; священник села Черновского Николай Рождественский и священник села Ново-Паинского Вениамин Луканин расстреляны; священник Павел Анишкин и диакон Григорий Смирнов, служившие в селе Мокино, расстреляны и приколоты штыками; в селе Острожка были замучены священник Иоанн, староста храма Петр Носов и помощник старосты Николай.

Убиты священники Осинского уезда: священник завода Ашана Валентин Белов и священник села Телес Александр Осетров расстреляны и изрублены; священник села Ерши Петр Решетников расстрелян 29 августа; священник села Гиблого Константин Тарасов и священник села Комарово Виктор Никифоров расстреляны.

Священник Петр Дьяконов был закопан в землю по шею у Надеждинского завода Верхотурского уезда и расстрелян.

При набеге красных в августе 1918 года на Белогорский монастырь были зверски замучены иеромонахи Сергий Вершинин и Илия - тела их найдены с исколотыми штыками шеями, с размозжёнными черепами и простреленными ладонями рук. Предполагают, что их пригвождали ко крестам. Иеромонах Вячеслав, иеродиакон Михей, монах Варнава, инок Димитрий, послушник Иоанн - расстреляны; иеромонах Иоасаф - замучен; иеромонах Иоанн, иеродиаконы Виссарион и Матфей, инок Савва - после жестоких пыток утоплены; монахи Гермоген, Аркадий и Евфимий - расстреляны за отказ сражаться в армии красных против правительственных войск Колчака; монах Маркелл - застрелен после долгих мучений. Были расстреляны за отказ работать по устройству праздника октябрьской революции и за отказ сражаться в рядах красных против правительственных войск Колчака послушники монастыря: Иаков, Петр, Иаков, Александр, Феодор, Петр, Сергий.

Иеромонах Антоний Арапов был выдающимся миссионером-проповедником, его проповеди, как и проповеди настоятеля монастыря архимандрита Варлаама Коноплева, привлекали в монастырь тысячи паломников. В 1911 году о. Антоний был назначен казначеем Белогорского монастыря. В это время собор был выстроен только наполовину, об украшении его внутри нечего было и думать; не было средств для окончания постройки. Благодаря энергичной деятельности о. Антония и его проповедям, которыми он расположил сердца многих людей к щедрым пожертвованиям, строительство собора было завершено, и он был богато украшен. При наступлении красных о. Антоний и часть братии ушли вместе с войсками адмирала Колчака. Иеромонах Антоний был арестован и расстрелян в Иркутске в 1919 году.

В пяти километрах от Белогорского монастыря располагался Серафимовский скит. Сюда не допускали женщин за исключением одного дня в году - престольного праздника. Скит окружала деревянная ограда. Скитяне жили в маленьких бревенчатых избушках; пищу принимали однажды в день без масла. Были среди них такие суровые подвижники, которые, захватив с собой немного сухарей, удалялись из скита в соседние меловые горы, где жили по месяцу в совершенном безмолвии и молитве. При захвате скита красными были замучены монахи Сергий, Иоанн, Иосиф, скитский эконом Исаакий и инок Павел. Тела Сергия, Исаакия и Павла были завалены нечистотами. У мучеников были

размозжены головы, вырваны куски тела с боков и штыковые раны по всему телу. За отказ сражаться в армии красных против правительственных войск были расстреляны послушники скита: Григорий, Василий, Пантелеимон и Симеон.

Протодиакон Михаил Иванович Тихонов служил в селе Александровском. Зимой 1930 года отправлен властями на лесозаготовки и там погиб.

Иеромонах Варлаам Киселев был послушником в Белогорском монастыре. В 1924 году от епископа Аркадия (Ершова) принял монашество и рукоположение в сан священника. Служил в селе Сапово. Здесь в церкви было много икон, перенесенных из Белогорской обители после ее разорения. Среди них была чтимая икона Иверской Божией Матери. После закрытия церкви эту икону безбожники отправили в катальную и, сделав из нее столешницу, катали на ней валенки. Как-то утром о. Варлаам шел мимо катальной и увидел, что она загорелась. Он поспешил в сельсовет:

- Горит у вас.

- Это ты поджег нарочно, - обвинили его в сельсовете.

Вскоре о. Варлаама арестовали, из заключения он не вернулся.

Священник Николай Михайлович Гашев родился в 1869 году в деревне Успенка. Был рукоположен в сан священника ко храму села Ильинского, где прослужил всю свою жизнь. В декабре 1918 года расквартированный в Ильинском 10-й кавалерийский полк поднял восстание против большевиков. Когда большевики перешли в наступление, многие, опасаясь расправы, ушли с Колчаком в Сибирь. Некоторые советовали о. Николаю уйти с белыми, красные не пощадят священника, но он остался и, когда красные вошли в село, не стал прятаться, а так же, как и раньше, свободно и открыто ходил по селу в рясе, чем приводил в недоумение красноармейцев. Он прослужил в селе еще десять лет. 30 декабря 1929 года в Ильинское приехал лектор-безбожник из Перми с докладом на тему "Был ли Христос?" В конце лекции предложили немедленно закрыть храм. Отец Николай созвал приходское собрание, в котором участвовало около четырехсот человек; постановили - храм на поругание не отдавать. 8 января ОГПУ арестовало священника. Свидетели, вызванные после его ареста в ГПУ, показали, что он "вел агитацию среди верующих, говорил, что надо во что бы то ни стало отстоять церковь, призывал биться за нее с советской властью до последней капли крови, указывая при этом на пример первых христиан, принимавших смерть за веру... ходил по приходу с иконой Богоматери, говорил родителям, чтобы они не пускали детей в комсомол, потому что ничему хорошему их там не научат..."

Отец Николай отвечал:

- По поводу предъявленных мне обвинений в антисоветской агитации заявляю, что я, как и всякий гражданин, отношусь к советской власти лояльно, но не отрицаю, что как священнослужитель должен был ревностно защищать веру Христову и показывать пример в этом своим прихожанам. Поэтому я действительно в церкви призывал прихожан укреплять веру Божию, молиться чаще, указывая на пример первых христиан, страдавших и подвергавшихся гонениям за свою великую преданность вере. Все мои беседы были исключительно религиозного характера. Каких-либо высказываний против советской власти в проповедях не допускал, церковную службу проводил по уставу, избегал вообще каких-либо конфликтов с властями. Поэтому виновным себя в агитации против советской власти не признаю. Никаких бесед против советской власти не проводил и не устраивал никаких нелегальных собраний.

16 февраля 1930 года Особое Совещание при ОГПУ постановило выслать его "на север Урала сроком на три года".

Сыну священника, Владимиру, разрешили свидание с отцом. Отец Николай был тяжело болен и передвигался с трудом. Сын, когда ехал на свидание, думал утешить отца, но, увидев такое его положение, сам горько заплакал. Отец Николай стал его утешать и велел всем передать, что он чувствует себя хорошо, ему никто ничего плохого не сделал и сделать не может.

В ссылке его поместили в бараке, где условия жизни были близки к лагерным. Через некоторое время жена о. Николая, Капитолина, получила разрешение навестить мужа. Когда она приехала, начальство предупредило ее, что о. Николай очень плох и не сегодня-завтра умрет, и если она не хочет, чтобы старика бросили в общую яму, то пусть сегодня же закажет гроб и могилу.

Так вот и свиделись - снимала она с живого мужа мерку для гроба. Но и это было великим счастьем и утешением, недоступным для сотен тысяч других - попрощаться с близким, проводить его в последний путь.

Священник Иоанн Котельников - настоятель Беляевского монастыря неподалеку от города Орда. Отличался нищелюбием. В доме у него была устроена столовая, где он обедал вместе с нищими, убогими, всеми, кто пожелал прийти к нему после службы. После обеда о. Иоанн рассказывал из житий святых и поучений подвижников. В начале тридцатых годов власти арестовали о. Иоанна и заключили в Екатеринбургскую тюрьму. Зимой его посадили в подвал раздетого, в окне не было стекол, только решетки, и держали его там, пока он не замерз. Похоронили о. Иоанна в Екатеринбурге, на тюремном кладбище.

Священник Михаил Тимофеевич Тюрин родился в городе Кунгуре в 1887 году в крестьянской семье. Подростком он все свободное время проводил в храме и, имея прекрасный голос, пел в церковном хоре. Он был рукоположен в сан диакона, а затем священника ко храму села Пожва. Прослужив здесь несколько лет, в 1924 году был переведен в село Посад Усть-Кишертского района. Летом 1932 года секретарь сельсовета Степан Оборин подал на священника ложный донос, о. Михаила арестовали и заключили под стражу в Усть-Кишерти. Суд приговорил его к десяти годам заключения. Степан Оборин после приговора пришел к жене о. Михаила и просил прощения за то, что оклеветал ее мужа, объясняя случившееся тем, что его заставили написать ложный донос. У священника осталось четверо детей - семнадцати, двенадцати, девяти и трех лет и тяжело больная жена. Но прихожане настолько любили и уважали о. Михаила, что несмотря на угрозы преследователей, не оставили его детей, и только благодаря поддержке прихожан семья выжила.

5 марта 1933 года о. Михаил писал из заключения: "Я нахожусь в Нижней Туре, завод - исправительно-трудовой лагерь за линией, камера 13". Он писал, надеясь, что кто-нибудь из родных его посетит, но жена в это время была тяжело больна, и поехал один из племянников. Он приехал в лагерь 25 марта. Представители лагерной администрации сообщили ему, что о. Михаил скончался 11 марта. Умер ли он от болезни, от голода или был расстрелян - неизвестно. Несмотря на то, что времени со дня кончины священника прошло немного, администрация лагеря отказалась показать место его могилы.

В тридцатых годах в городе Оса были арестованы иеромонахи Гермоген и Герасим. Скончались в заключении.

Священник Стефан Ильич Денисов родился в семидесятых годах XIX века в селе Киндилино Кунгурского уезда в семье крестьянина. В 1918 году умер приходской священник, о. Александр, и в храм был рукоположен его сын Павел. В тридцатых годах о. Павла вместе с крестьянами послали на лесоповал, где он простудился, тяжело заболел и, вернувшись домой, через некоторое время скончался. Храм остался без священника. Стефан Ильич много лет был в храме псаломщиком и теперь согласился стать в нем священником; его рукоположили, но прослужил он недолго, был арестован, из заключения не вернулся.

В тридцатых годах были арестованы: священник села Спас-Барда Алексей Золотов, священник Стефан из села Бым неподалеку от Белой Горы - и не вернулись. Были арестованы и не вернулись: староста одного из храмов город Перми Косма-Есюнин; староста храма Иоанна Богослова в городе Лысьва Василий Петухов; священники Владимир и Александр села Осов Березовского района. В селе Саженово того же района арестовали священника Иоанна Овчинникова, старосту Иоанна Ярмоковского,

заместителя старост Иакова Лышава и двадцать прихожан - никто из них не вернулся. Иаков умер от голода в Кунгурской тюрьме спустя месяц после ареста.

Протоиерей Александр Михайлович Луканин родился в 1870 году в семье священника. Начальное образование получил дома, затем окончил Пермское Духовное училище и несколько лет помогал отцу-священнику в храме. Был рукоположен в сан диакона, некоторое время служил вместе с отцом в Покровском храме села Александровского. После смерти отца рукоположен в сан священника ко храму того же села и прослужил здесь сорок лет до самого ареста в 1935 году. Прихожане любили его за незлобие и доброту, за сочувствие к чужим бедам, бескорыстие в оказании помощи нуждающимся и скромную, жизнь. Отец Александр скончался в Екатеринбургской тюрьме. Тело его было передано в медицинский институт для анатомических опытов.

В селе Ют Пермского района в 1936 году арестовали священника Алексея Лебедева. После его ареста в церкви служил священник о. Павел. Он почти все время болел и власти повременяли с его арестом, но в конце концов о. Павла арестовали. Он, как и о. Алексей, скончался в тюрьме.

Протоиерей Фотий Давидович Шандаровский служил в Нижнем Тагиле, где был в 1937 году арестован, из заключения не вернулся.

Протоиерей Сергий Иванович Луканин родился 31 августа 1883 года в селе Сажино Кунгурского уезда Пермской губернии в семье священника. Окончил Духовное училище и Пермскую Духовную семинарию и в 1906 году был рукоположен в сан диакона, а через несколько дней в сан священника к Михаило-Архангельской церкви села Жилино Кунгурского уезда. В приходе о. Сергия было десять деревень; жители, узнав поближе молодого священника, полюбили его. Им нравилось, с каким благоговением и неторопливостью он служил, сколько времени и сил отдавал благоустройству и благоукрашению храма. Не забывал он и о нуждах прихожан; со всякой заботой они шли к нему, зная, что батюшка не откажет. Для прихожан он явил образ истинного пастыря. Чистый душой, скромный и бескорыстный, он был для своей паствы чадолюбивым и добрым отцом. Для каждого у о. Сергия находилось доброе слово, разумный совет и искреннее сочувствие. На помощь страждущим он спешил прийти незамедлительно в любое время. Отец Сергий был директором церковно-приходской школы и в течение непродолжительного времени добился того, что жилинская школа стала одной из лучших в Пермской епархии. Из учащихся он создал прекрасный церковный хор; им была открыта воскресная школа для крестьян. Священник организовал в селе общество трезвости, и в конце концов по его настоянию, был закрыт сельский кабак. Прихожане отвечали на его заботы любовью. В период первых гонений, во время гражданской войны, они единодушно защитили своего пастыря от чекистов, которые хотели его убить.

В селе Жилино о. Сергий прослужил двадцать один год и намеревался служить здесь и далее. Перемена произошла неожиданно. В феврале 1927 года скончался его отец, священник Иоанн Луканин, настоятель Свято-Троицкого собора в городе Красноуфимске, и прихожане стали просить, чтобы к ним назначили настоятелем о. Сергия.

Вступив в должность настоятеля, он терпеливо и настойчиво принялся за восстановление жизни и хозяйства собора, за последние годы пришедших в расстройство. Отец Сергий старался установить добрые отношения с сослуживцами, с церковным советом, с прихожанами. Отдавал много сил благоукрашению храма, приведению в порядок церковной ризницы. Хорошим помощником священнику явился его сын Иоанн; он организовал сестричество из усердных прихожанок, которые за непродолжительное время привели храм в порядок; привлек к богослужению молодежь и вскоре образовался хороший хор. Господь даровал Иоанну талант проповедника, и о. Сергий благословил его произносить проповеди в соборе и проводить воскресные беседы, на которые собиралось множество слушателей. Приходилось участвовать ему и в диспутах с заезжими лекторами-безбожниками, причем Иоанн неизменно выходил в них победителем. Летом 1929 года (ему был тогда двадцать один год) Иоанна рукоположили в сан диакона.

В канун Рождества Христова 6 января 1930 года безбожники решили закрыть собор, рассчитывая на растерянность верующих, у которых недостанет смелости отстаивать храм. Отцу Сергию власти предложили перейти служить в Иннокентиевский кладбищенский храм, но он отказался, рассудив, что его переход будет истолкован как согласие на закрытие собора. В самый день Рождества на квартире о. Сергия собрались члены церковного совета и было решено отстаивать храм. Возглавить депутацию взялся его сын, диакон Иоанн. Той же ночью они выехали в Екатеринбург. Хлопоты увенчались успехом, решение городского совета о закрытии собора было отменено, и в навечерие Богоявления над городом полился с соборной колокольни торжественный благовест. За труды и заслуги перед Церковью диакон Иоанн был возведен в сан протодиакона. Но сам он и о. Сергий почли эту награду незаслуженной и никому о ней не сказали.

В 1932 году о. Сергий потерял сына, протодиакона Иоанна, умершего в результате небрежной хирургической операции. Покорный воле Божией, со смирением и кротостью он воспринял эту потерю. Гонения от безбожников все усиливались, и теперь о. Сергий лишь с одним псаломщиком совершал ежедневную службу и требы. Особенно утомительны были службы страстной седмицы, когда приходили на исповедь сотни говеющих.

В декабре 1934 года в самые морозы на о. Сергия обрушились новые беды - его выселили из церковной сторожки. Он нашел комнату в частной квартире, но его выселили и оттуда. И только когда он нашел себе комнату в подвале частного дома, власти перестали его преследовать. Но ненадолго. Через год, в декабре 1935 года, о. Сергий был арестован. Его обвинили в том, что он в частной беседе неодобрительно отзывался о школьном обучении в советской России и в храме за богослужением молился за усопших царей и цариц. В марте 1936 года о. Сергий был приговорен к восьми годам заключения и отправлен в Мариинские лагеря, где пробыл до 1937 года и где, по-видимому, был расстрелян.

Есть места, на которых лежит ощутимый отпечаток благодати Божией. Таково село Серга Кунгурского района. В 1918 году здесь были арестованы священники Константин Юрганов и Анатолий Аристов, увезены в Пермь и 2 ноября расстреляны в саду Духовной семинарии. Но храм не опустел и не закрылся. До 1929 года здесь служили священник Феодор Верхоланцев и диакон Михаил Куклин; верным и ревностным их помощником по службе был псаломщик Василий Голубчиков. Все были местные, пермские. Василий Голубчиков родом из Серги. Еще до революции богатый крестьянин Андрей Третьяков выделил ему на своем хуторе участок земли в двух километрах от Серги для постройки дома и обустройства хозяйством, здесь он и жил. Кроме службы в храме и занятий по хозяйству, он много читал и был одним из просвещеннейших людей в этих местах.

Михаил Куклин родился в 1900 году в селе Юг. Был рукоположен в сан диакона во времена гонений на Православную Церковь. В 1924 году вся семья переехала в село Сергу, и здесь он служил до закрытия храма в двадцатых годов, когда разорили церковь - сломали купола, сбросили кресты, уничтожили иконы. Из местных жителей снимали кресты Николай Косачевский и Наумов. Николай Косачевский вскоре после этого умер, а Наумов заболел и долго, мучительно хворал. Все крестьяне признали, что это наказание Божие за разорение церкви. Однако часть икон, свечники и кое-что из утвари верующие сохранили и перенесли в деревню Бурака, где была деревянная часовенка, и в ней устроили храм. После закрытия церкви диакону с семьей жить было негде, и псаломщик Василий Голубчиков пригласил их к себе. О священнике Феодоре, диаконе Михаиле и псаломщике Василии церковное предание свидетельствует как о глубоко верующих и благочестивых людях, верных служителях Божиих. В августе 1937 года они были арестованы и расстреляны.

Протоиерей Иоанн Николаевич Утемов родился 27 октября 1888 года в семье крестьянина Суксунского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии. Образование получил на учительских курсах, после окончания которых преподавал пение

в Суксунском начальном училище. Но глубокая вера и призвание привели его к алтарю, и в 1914 году епископ Пермский Андроник (Никольский) рукоположил его в сан диакона к Иоанно-Богословской церкви села Мангаж Красноуфимского уезда. Через семь лет епископ Пермский Сильвестр (Братановский) рукоположил его в сан священника. В трудное время гонений пришлось служить о. Иоанну, но он не соблазнился покинуть храм ради житейского благополучия. В 1932 году его перевели в город Красноуфимск настоятелем кладбищенской церкви. Прихожане с любовью встретили священника, дали жилье, снабдили домашней утварью и одеждой. Заботливый и добрый пастырь, о. Иоанн пользовался большим уважением прихожан. В августе 1937 года о. Иоанн был арестован и расстрелян.

После захвата в 1918 году Пермской губернии большевиками часть священников была убита, часть ушла с белыми, но не опустели приходы. На их место пришли другие. Одним из таких был священник Сергий Николаевич Калашников. Он родился в 1901 году в селе Покров-Ясыл Ординского уезда в семье священника. В 1924 году епископ Аркадий (Ершов) рукоположил его в сан священника к Богородицкой церкви села Голухино Ординского района. Здесь он прослужил до самого ареста. К середине лета 1937 года стало очевидным, что все священники будут арестованы. Ночуя у своих прихожан в Кунгуре, о. Сергий сказал:

- Только домой приду, меня арестуют.

В июле 1937 года перед самым рассветом сотрудники НКВД пришли его арестовать. Из дома выбрали все дочиста, забрали все ценное, не осталось чем жить и что есть. Матушка Клавдия во время ареста мужа была тяжело больна и в тот же день умерла. Ей было тогда всего тридцать два года. Осталось трое детей восьми, шести лет и одиннадцати месяцев. Дети остались с бабушкой Александрой Васильевной. После ареста о. Сергия она ездила хлопотать о нем сначала в Орду, где он находился в тюрьме около месяца, а затем в Кунгур. У о. Сергия было две сестры и два брата, но никто не помог осиротевшим детям - ни родные, ни прихожане. Они голодали и, чтобы не умереть, воровали с соседних огородов. Ужас их положения стал беспредельным, когда умерла бабушка Александра Васильевна; братья были отданы в детский дом, а сестру взяла к себе тетя по матери. Жизнь в детском доме была невыносимой, братья бежали и поселились в пустом родительском доме. Голодали смертельно, вскоре их снова забрали и отправили в детский дом, откуда на этот раз только одному удалось успешно бежать; чтобы не умереть с голоду, он устроился на работу в колхоз и проработал здесь всю войну.

Отец Сергий Калашников был расстрелян 1 октября 1937 года по постановлению Тройки УНКВД по Екатеринбургской области.

Священник Александр Мальцев родился в 1900 году. Рукоположен в сан священника села Ледово Сергинского района в конце двадцатых годов после того как там арестовали священника. Отец Александр был ревностным пастырем и служил с большим благоговением. В алтаре он никогда не разговаривал. Отцу Александру в храме прислуживал подросток, звали его Гавриил; мальчик любил службу и с большим вниманием относился ко всем словам священника. Однажды, на Пасху, о. Александр зашел к нему домой, и мать Гавриила спросила его о сыне, продолжать ли ему дальше учиться. "Да хватит с него и этого", - ответил священник. И действительно вышло так, что Гавриил окончил четыре класса школы, но впоследствии никогда не возникало препятствий из-за отсутствия образования, хотя ему приходилось занимать начальственные должности. В 1932 году о. Александр был арестован. Через три года он вернулся в село. В 1938 году власти закрыли церковь, о. Александр уехал из села и устроился рабочим на нефтебазу в поселке Кислотном. В конце августа 1938 года его арестовали и заключили в Пермскую тюрьму. Жена его, Елизавета, принесла в тюрьму передачу, но когда пришла в другой раз, то ей сказали, что муж ее расстрелян. Погребен о. Александр, по словам тюремщиков, неподалеку от Пермской тюрьмы, на краю церковного кладбища, где в те годы находился спецучасток НКВД.

Священник Александр Калагерев служил в Троицком храме завода Юг-Осокинского (ныне село Калинино) Кунгурского уезда. Не случаен был его выбор в служении. Уральским Афоном прославилась в те годы Белогорская обитель, собиравшая на свои торжества десятки тысяч людей, среди которых был и мальчик Александр. Незабываемы паломничества, совершенные в детстве по святым местам вместе с народом. Немудрено, что Александр, как только окреп и стал способен к самостоятельной жизни, поступил послушником в Серафимовский скит Белогорского монастыря. И если строг был устав в Белогорской обители, то еще строже он был в скиту. Но именно здесь воспиталась его душа в твердости и верности Истине. И он, став священником, во время гонений мужественно противостоял как безбожникам, так и обновленцам, и, в частности, главе обновленцев в Перми Михаилу Трубину, который стремился отобрать у православных все храмы, не брезгуя никакими средствами. Желая привлечь на свою сторону одного уважаемого протоиерея, Михаил Трубин ему сказал: "Отец протоиерей, выбирайте: или у нас архиерейство, или тюрьма". В двадцатых годах о. Александру удалось отстоять храм Троицы, который был властями закрыт уже после ареста священника. Отец Александр был арестован в конце тридцатых годов и скончался в заключении.

Священник Иоанн Митрофанович Окулов родился 24 сентября 1882 года в селе Дуброва Осинского уезда в крестьянской семье. В родном селе закончил школу и стал учителем. Любовь к детям, расположение к людям ощутительно углубили веру в Бога и пробудили желание послужить Православной Церкви в понимании того, что в служении Истине обретет он смысл собственной жизни.

Окончив в Перми богословские курсы, Иоанн Митрофанович уехал в город Оханск, где некоторое время служил в храме псаломщиком. В 1909 году он был рукоположен в сан священника ко храму святого Александра Невского в Оханске. Став священником, о. Иоанн служил каждый день; утром приходил в храм и приходил домой только после вечернего богослужения, вне зависимости от того, много ли в храме было народа или нет.

Отца Иоанна арестовали в августе 1937 года в храме. Сотрудники произвели в доме священника обыск и забрали все книги; чтобы вывезти их, они подогнали подводу, сложили на нее книги, усадили на край подводы священника и увезли в тюрьму. Вскоре после ареста о. Иоанн был расстрелян.

Священник Александр Павлович Тетюев родился 10 марта 1879 года в селе Салтанове Чердынского уезда Пермской губернии. Все предки его были священнослужителями в Пермской губернии. Прадед его, Савва Иоакимович Тетюев служил в начале XIX века. Его сын, Стефан Саввич, родился в 1825 году и служил дьяконом. Жена Стефана Саввича, дочь пономаря из Ныробской церкви, родилась в 1828 году. Их сын Павел Стефанович родился в 1853 году в Соликамске; его жена, Любовь Федоровна, родилась в 1858 году и была дочерью псаломщика. Павел Стефанович был рукоположен в сан священника к одному из храмов города Соликамска, где прослужил до самой кончины, 1916 года. Его сын Александр поступил учиться в городское училище в Соликамске, окончить которое ему не пришлось. Однажды он с товарищами решил пошутить. За одну ночь они перевесили почти все городские вывески. Вывеску купца второй гильдии повесили сапожнику, а вывеску сапожника - купцу и т. д. Отец Павел на шутку посмотрел строго и решил своего сына примерно наказать. Он забрал его из училища и отдал на исправление в Соликамский Троицкий монастырь. Два года пробыл Александр послушником, в последнее время - у архимандрита Хрисанфа Клементьева2.

Монастырская жизнь благотворно повлияла на юношу. В монастыре он стал усиленно заниматься и сдал экстерном экзамены за курс училища, получив право на преподавание в церковно-приходских сельских школах. В 1901 году Александр Павлович поступил учителем в церковно-приходскую школу села Мошева; через год он стал помощником учителя в селе Усть-Ныроб. Здесь он женился на Клавдии Александровне.

Когда-то, рано или поздно, но все настойчивее начинает предноситься в уме человека вопрос о смысле его жизни. Если иному человеку, живущему за пределами Руси для

удовлетворения запросов души, достаточно отыскать свое дело, то для русского человека этого мало. Ему желается, чтобы смысл его жизни совпадал со смыслом жизни вечной, как он открыт людям Христом, желается, чтобы он был близок и смыслу жизни народному. В момент таких поисков архимандрит Хрисанф посоветовал Александру Павловичу оставить учительство и благословил стать священником. В 1903 году он был рукоположен в сан священника села Леклюртово. Недолго о. Александр здесь прослужил и был переведен в Воскресенский собор города Чердыни. Еще не прокатился по русской земле большевистский каток, и город славился многими выдающимися людьми и, в частности, священниками. По приходе в Чердынь большевиков многие священнослужители были сразу замучены, причем самым жестоким образом - их обливали ледяной водой на морозе до смерти.

В первый раз о. Александр был арестован в 1920 году за отказ сотрудничать с ЧК, он просидел в тюрьме Чердыни около года. Во второй раз его арестовали в 1929 году за сопротивление обновленчеству. В этот год обновленцы употребляли значительные усилия, чтобы захватить православные храмы. Они силой захватили Воскресенский собор, надеясь, что о. Александр продолжит свое служение в нем и тем самым присоединится к обновленцам. Но священник категорически отказался служить с обновленцами и перешел в храм Успения, остававшийся православным, а за ним перешли и все прихожане. Обновленцы запротестовали против ухода прихожан и обратились за помощью к ГПУ. Отец Александр был арестован и обвинен в том, что он своими действиями внес рознь в среду верующих. Сидел он в тюрьме на Усолье. Здание это ранее принадлежало церкви, здесь родились все братья и сестры о. Александра. Освободившись из заключения, о. Александр вернулся в Чердынь, продолжал служить в храме. Гонения на Православную Церковь тем временем не только не уменьшились, но все увеличивались, и священник, чтобы не подвергать жену и детей преследованиям, благословил их переехать в другой город, откуда они приезжали навещать подвижника-отца. В 1936 году близкие стали уговаривать о. Александра оставить священство и перейти на гражданскую службу, домашние даже и костюм ему купили, но он категорически от этих предложений отказался. Всю жизнь он более всего любил Православную Церковь, православную Россию, русский народ, наиболее полно воплотивший в себе идеал христианского совершенства, и для него немыслимо было оставить церковное служение. "Я верю, - говорил он, - что, несмотря на все гонения, православие, которое исповедует русский народ, не будет уничтожено". Отец Александр был арестован 5 августа 1937 года и вскоре расстрелян.

Священник Димитрий Киприанович Овечкин родился 25 мая 1877 года в деревне Малые Подберезы Казанской губернии в семье крестьянина. В 1896 году Дмитрий Киприанович окончил Казанскую учительскую семинарию и стал учителем математики, предполагая жизнь посвятить обучению крестьянских детей. В Казани Дмитрий познакомился со своей будущей женой, дочерью благочестивых уральских купцов, Ольгой Григорьевной Китаевой, преподававшей в школе русский язык. Несколько лет они учительствовали на Урале, а затем переехали в город Осу, где жили родители жены. Здесь Дмитрий Киприанович решил стать священником и поступил в Духовную семинарию, по окончании которой был рукоположен в сан священника к Успенскому собору города Оса. В 1917 году на средства жителей города был выстроен Троицкий собор, и о. Дмитрий стал служить в нем.

Отец Дмитрий своим детям с малолетства старался привить навыки жизни по евангельским заповедям. Однажды дочь о. Дмитрия нашла около дома монету и радостная прибежала домой сообщить об этом отцу с матерью. Отец Дмитрий, выслушав дочь, нахмурился и сказал:

- Пойди и положи ее там, где нашла, потому что не ты ее потеряла и она не твоя.

В 1922 году началось изъятие из храмов церковных ценностей. Отец Дмитрий отказался сотрудничать с комиссией по передаче церковных ценностей, был арестован и

заключен в тюрьму, где пробыл около года. После освобождения в 1923 году он приступил к служению в храме. В мороз и стужу, днем и ночью ходил священник по требам, никому не отказывая в просьбах. Его неоднократно вызывали в Осинское ГПУ и предлагали сотрудничество, но он отказался. В 1925 году власти предложили ему стать обновленческим архиереем, что было предательством не только близких, но и самой Церкви, и священник отказался. Отца Дмитрия с семьей выселили из церковного дома, и им пришлось долго скитаться, снимая квартиры.

В двадцатых годах власти устраивали диспуты на религиозные темы и о. Дмитрий решил в них участвовать. Жена отговаривала его:

- Дмитрий, зачем ты участвуешь в этих диспутах, тебя опять посадят! Что мы делать-то будем?

Но о. Дмитрий принял твердое решение отстаивать христианскую веру перед лекторами-безбожниками и участвовал во всех трех диспутах, проходивших в Перми. Сразу после этого он был арестован и приговорен к трем годам заключения, которое отбывал на соляных шахтах в Соликамске. Вернулся он из заключения инвалидом - с больными ногами и поврежденным позвоночником. Власти отправили его на поселение в город Кудымкар, куда к нему приехали жена с сыном. В 1936 году они все вместе переехали к старшей дочери, которая жила в то время в Майкопе. Ольга Григорьевна скучала по родине и не раз говорила мужу:

- Дмитрий, поедем умирать в Осу.

Отец Дмитрий некоторое время колебался, но наконец осенью 1937 года согласился на уговоры жены. Это было время самых беспощадных гонений. По приезде в город священник сразу же был арестован, приговорен к расстрелу и 14 ноября 1937 года расстрелян.

Священник Михаил Андреевич Козьмин родился 29 октября 1885 года. В 1902 году он окончил училище Министерства народного просвещения. Через два года окончил курсы псаломщиков при братстве святого Стефана Пермского и был определен псаломщиком в Никольский храм в городе Перми. В 1909 году Михаил Андреевич был рукоположен в сан диакона и поступил в пастырско-миссионерское училище имени Иоанна Кронштадтского. В 1916 году епископ Пермский Андроник рукоположил его в сан священника к Иоанно-Предтеченской церкви в селе Култаево, где он прослужил до 1937 года. За двадцать лет служения о. Михаила несколько раз арестовывали, предлагали снять сан, но все эти предложения священник отверг.

По воспоминаниям прихожан, о. Михаил, хотя и жил с семьей бедно, но многим помогал и его любили, видя в нем чистого и бескорыстного пастыря. В 1937 году священник был арестован и расстрелян.

Священник Павел Петрович Духонин родился в селе Юг-Осокино в семье священника и впоследствии служил священником в этом селе. Когда начались гонения на Православную Церковь, о. Павел переехал с семьей в село Березовка, где служил до своего ареста в середине тридцатых годов. После освобождения из тюрьмы служил в небольшом деревянном храме в селе Сая. Во время гонений конца тридцатых годов о. Павел был арестован и 27 января 1938 года расстрелян.

Священник Константин Михайлович Воронцов родился в 1876 году в городе Перми. Служил в храме села Частые. Был арестован в 1930 году и приговорен к трем годам заключения. По возвращении из лагеря служил в храме села Спас-Барда. 3 августа 1937 года был арестован и приговорен к десяти годам заключения. Скончался в тюрьме в 1938 году.

К сороковому году почти все храмы Пермской епархии были закрыты, В Перми не осталось ни одной служащей церкви. Ближайшей к городу была церковь в селе Лады. Служил в ней священник Петр Тюриков. В семье их было три брата. Один из братьев эмигрировал в Китай и здесь был убит, другой, опасаясь за свою жизнь, вступил в комсомол, третий стал священником.

Петр Тюриков родился в 1899 году в селе Суксун. Отец его был ремесленником, он изготавливал упряжь для лошадей. В пятнадцать лет Петр отпросился у родителей в Белогорский монастырь, где прожил послушником до его закрытия в 1921 году, после чего вернулся в родное село. В монастыре он хорошо изучил церковный устав и пение и теперь стал в храме регентом. Благодаря ли религиозному воспитанию, полученному в Белогорской обители, собственному ли призванию, но в это время непрекращающихся гонений, он решил стать священником, и в 1931 году был рукоположен в сан иерея ко храму села Черный Яр. Власти всячески притесняли и преследовали его, требовали уплаты все больших и больших налогов, так что он оказывался неуплатным должником и мог быть в любой момент арестован. Налоги требовалось платить не только деньгами, но и мясом, и шкурами. Отцу Петру пришлось разводить свиней, откармливать их и сдавать государству.

Церкви повсюду закрывались, был закрыт и храм, где служил о. Петр, и он перешел в село Ляды. Надвигался арест. Еще можно было его избежать и сохранить жизнь, но для этого надо было перестать служить. Близкие советовали ему уйти из храма в это страшное время, но он не согласился. "Что должно совершиться, то и совершится, надо принимать все, что посылает Господь", - говорил он. Отец Петр прослужил до лета 1940 года, когда пришли его арестовать. Дома его не оказалось, уехал по делам в город, и милиционер остался ждать на ночь. Не выдержав долгого ночного бдения, он улегся на пороге дома и заснул. Отец Петр, не заходя домой, сразу проехал в храм и здесь был арестован. Особое Совещание приговорило его к заключению в концлагерь рядом с поселком Ухта. Здоровье его и без того слабое, совсем расстроилось. В сентябре 1942 года о. Петр попал в лагерную больницу. Из лагеря он писал семье: "По болезни сердца и почек лицо припухло и общая слабость во всем теле. Я лежу в стационаре 14 лагпункта... Кормят не досыта, но лежащему ладно. Жизнь моя по-старому, на общих работах, что заставят. Живите дружно, не ссорьтесь, это не полезно для Вас, дорожите друг другом, любите друг друга сильнее, помогайте друг другу, живите мирно. Благословляю Вас тысячу раз. Отец Петр".

Это его последнее письмо. Тяжелый каторжный труд, болезни и голод исправительно-трудовых лагерей военного времени сделали свое - о. Петр скончался.

Священник Павел Афанасьевич Сергеев родился в 1897 году в селе Мердва. В 1920 году он окончил семинарию и был рукоположен в сан священника ко храму села Кочево Коми-Пермяцкой области. В 1925 году он переведен в село Пихтовка Частинского района, где прослужил до закрытия церкви в 1936 году. Отца Павла часто арестовывали, приходили к нему ночью с обысками. "Что вы ищете, - говорила его жена, - золото? Вот мое золото", - показывала она на лежащих на полу вповалку детей. В 1936 году она умерла, а в августе 1937 года арестовали о. Павла. Вместе с ним были арестованы миряне Феодор Лебедев и его сын Василий, которые из заключения не вернулись. Отца Павла Тройка НКВД приговорила к десяти годам заключения. Первое время он работал на строительстве железной дороги неподалеку от Улан-Удэ, а в 1942 году его перевели на строительство железной дороги в город Котлас. В 1943 году дети получили от него последнее письмо, в котором он писал, что у него началась цинга. В году о. Павел скончался.

В 1939 году власти в Кунгуре закрыли последний храм. Староста Афанасий Иванович Наумов поднял на вышку (чердак) иконы и там обустроил себе моленную. Так он прожил до осени 1947 года, когда был арестован - из заключения он не вернулся.

***

Верх-Язьвинский район. Глухая тайга. Концлагерь был расположен в тридцати километрах от ближайшей деревни Коновалово. В конце двадцатых годов через эту деревню под усиленным конвоем гнали этап за этапом священнослужителей. В концлагере дома успели поставить только для охраны, срубы бараков для заключенных

так и остались недостроенными - все заключенные умерли. Через некоторое время приехал новый конвой - расстрелял охрану лагеря и уехал.

***

Блаженный Игнатий был родом из села Лупичи Пермской губернии. Он был слепой, и не было у него ни дома, ни родных. По свидетельству очевидцев, силою благодати Божией он имел духовное зрение, и слово его было растворено благодатью. Ради подвига он всегда носил на спине мешок, полный камней, и так сидел, спал, не снимая его. В его бороде и волосах было такое множество вшей, что волосы постоянно шевелились, как бы от ветра. Одна женщина из сострадания к блаженному решила выбрать насекомых из его бороды. Но он не позволил, сказал строго:

- Не смей этого делать! Эта дар Божий мне!

Но удивительным для всех было вот что. Куда бы Игнатий ни приходил ночевать, везде ему постилали чистую простыню, и никогда ни одно насекомое нигде не оставалось и на других не переходило.

Однажды блаженный проходил через большое село. У пяти изб, расположенных в разных местах села, он долго стоял и горько плакал. В тот год на Троицу в этом селе случился пожар, и такой был ветер, что горящие доски с силой разметывало на другие дома, и там занималось пламя, и скоро огонь охватил почти все село; многие дома сгорели дотла, но остались целы и невредимы те пять изб, возле которых плакал блаженный.

Незадолго до кончины блаженный Игнатий сказал:

- Игнашкиным телом поторгуют, поторгуют, а Игнашка останется в своей коже.

Никто этих слов не понял тогда. Все объяснилось само собой. Перед смертью блаженный тяжело заболел, и его привезли в больницу. Два крестьянина из разных сел, узнав об этом, не сговариваясь, решили навестить блаженного в больнице. Приехали, спрашивают разрешения у врача и узнают, что Игнатий умер в предыдущий день и лежит в мертвецкой. Делать нечего, мужики и тому рады, что смогут взять тело блаженного, отвезти в церковь и похоронить по-православному. Но не тут-то было. Врач сообщил: неожиданно объявились родственники почившего, которые продали тело, так что теперь на нем студенты будут изучать человеческое устроение, и тело почившего послужит науке.

- Это дело полезное для всех, - сказал врач, - так как благодаря такого рода изучению врачи учатся лечить здоровых.

Выслушав врача, мужики поспешили найти родственников блаженного, дали им довольно денег и выкупили тело. В храм на отпевание блаженного Игнатия собралось множество народа и духовенства.

Скончался блаженный Игнатий в конце двадцатых годов.

Иеромонах Герасим (Феодор Александрович Егоров) родился 5 февраля 1896 года в поселке Суксун Пермской губернии в семье рабочего. По окончании Красноуфимского церковного училища поступил в Иркутский университет, оканчивать который он, однако, не стал, выбрав иной путь служения Богу и людям - священство. Он был рукоположен в сан священника в 1930 году. Отец Феодор служил на многих приходах Пермской епархии, был прекрасным проповедником, строгим духовником и истовым совершителем церковных служб и святых таинств. В 1937 году он был арестован и вместе с двадцатью семью священниками приговорен к расстрелу. После многочисленных ходатайств расстрел был заменен десятью годами заключения. Он работал на общих работах в лагерях Магадана, Колымы, бухты Ногаева. Без техники, при помощи лопаты и тачки строили заключенные дороги на Колыме. В страшные морозы, почти без одежды, изнемогая от голода, подвергаясь постоянным побоям, работали они по многу часов подряд. Неоднократно священника привозили на тачке едва живым. Но Господь давал силы, о. Феодор вставал, и заключенные тогда, бывало, смеялись над ним: "Поп воскрес!"

Однажды заключенный уголовник ударил о. Феодора лопатой по голове. Священник упал, кровь залила глаза, и он уже думал, что это конец, "но и в этот раз какая-то неведомая сила избавила меня от смерти", - вспоминал священник.

В 1946 году о. Феодор освободился из заключения - тяжело больным, почти оглохшим. На воле он заболел тифом, голодал, первое время скитался не имея крова, но когда немного оправился, то попросил у Пермского архиерея священнического места. Архиерей направил его служить в храмАрхистратига Божия Михаила в село Пальники Кунгурского района, но прослужил здесь о. Феодор недолго. В 1948 году он был арестован и приговорен по 58 статье к десяти годам заключения. Семь лет он проработал в лагере на строительстве Камской ГЭС. В 1955 году он был освобожден и снова стал служить в храмах родной епархии, приняв монашеский постриг с именем Герасим. В последние годы его служения, как и в первые, у него не было ни своего дома, ни имущества. Родители монахини Афанасии Барановой соорудили ему на своем огороде крохотную избушку-келью, в ней он и жил. Но прослужил он недолго - здоровье было смертельно подорвано в лагерях и тюрьмах, развилась язва желудка и цирроз печени. Отец Герасим ушел в заштат. Он скончался в 1968 году и погребен на кладбище села Нижняя Курья. Тридцать семь лет он пробыл в священном сане, из которых восемнадцать лет находился в заключении, умер смиренно, не получив на земле никаких наград.

Многими в Пермской епархии почитается как человек праведной жизни игумен Харитон (в миру Василий Емельянович Вилисов). Он родился в семье крестьянина села Рождественского. Его мать Синклитикия очень хотела, чтобы сын стал монахом и усердно молилась об этом. Когда Василию исполнилось четырнадцать лет, он отправился с богомольцами в паломничество в монастырь на Белую Гору. Паломники собрались все старички; шли зимой, мороз доходил до тридцати шести градусов, и по худой одежде Василий дорогой обморозился, так что тело местами покрылось коростой. Пробыли они три дня в обители, и мальчик стал проситься, чтобы его оставили жить в монастыре навсегда. Монах, к которому он обратился с этой просьбой, сказал ему:

- Ну, посмотри, какой ты монах? Ты мальчик негодный, весь коростенный.

На другой день пришел келейник настоятеля монастыря, о. Варлаама, и сказал:

- Иди, мальчик, тебя настоятель зовет.

Когда Василий пришел, о. Варлаам спросил:

- Ты зачем, мальчишка, пришел? Какой из тебя будет монах? Ведь ты монашества ищешь, а недостоин монаха.

Василий расплакался:

- Мне мама сказала, что я буду монахом. У нас много ребят, но она только мне сказала: ты будешь монахом.

- Мама, значит, сказала, - повторил о. Варлаам и, помолчав, добавил, - нет, не принимаю. И, взяв его за плечо, вывел из кельи.

Долго плакал Василий, забившись в угол, а в душе уже принял решение твердое - из обители не уходить.

Позвал его настоятель в другой раз.

- У тебя есть какие-нибудь документы? - спросил он.

Какие-то документы у мальчика были, и он показал их настоятелю.

- Ну, ладно, - сказал о. Варлаам, - посмотрим, какой ты у нас будешь монах. Ты что умеешь делать?

- Я умею лапти плести. За лыком сам схожу.

- А где будешь жить?

- А в конюшне. Вы меня конюхам отдайте, я у конюхов буду жить.

- Какой ты! С конюхами хочешь!

- С конюхами. На хлеб я заработаю. Лыко принесу, лапти сплету и за пять копеек продам. На хлеб хватит, а водичка у вас есть, а мне больше ничего и не надо.

Настоятель распорядился мальчика вымыть, одеть во все чистое, накормить и к пяти часам привести.

Когда привели, о. Варлаам отвел мальчика в алтарь и сказал:

- Ну, теперь клади Богу три поклона.

Поклонился мальчик трижды, и настоятель сказал:

- А теперь мне три поклона.

Затем поцеловал его в лоб:

- Ну, вот, теперь мы с тобой будем друзьями. Ты у меня будешь послушником. Вот тебе подрясник и четки. Послушание твое будет - кадило разжигать.

Началась для Василия жизнь в монастыре. Сначала он разжигал кадило; в свободное время много учился и проявил в деле обучения такую ревность, что впоследствии стал секретарем настоятеля. В монастыре он принял постриг с именем Харитон и, по-видимому, тогда же был рукоположен в сан священника. После закрытия монастыря большевиками о. Харитон, поселившись лесу, выкопал пещеру, в которой устроил небольшой храм. Сама пещера и вход в нее были сделаны с большим искусством: проходя близко, нельзя было догадаться, что здесь человеческое жилье. Лесообъездчиком в тех местах был инок Антоний, частый гость о. Харитона. Три года прожил здесь священник, а затем стал служить в храме села Майкор в тридцати пяти километрах от пещеры. Здесь он прослужил восемь лет, затем его перевели в село Усть-Горевое, где в 1938 году он был арестован и приговорен к десяти годам заключения. Прихожане несколько лет хлопотали о его освобождении, и через шесть лет, в самом конце войны, о. Харитон был освобожден и назначен служить в село Ныроб, где прослужил много лет, затем его перевели в село Чернухи. Во время нового гонения конца пятидесятых - начала шестидесятых годов, храм в селе был закрыт, но о. Харитон остался здесь жить. Он скончался в 1971 году, незадолго перед кончиной приняв схиму с именем Корнилий.

---

1 Список мучеников Пермской епархии за 1918 год был составлен сразу же после ухода красных. Имена мучеников, обстоятельства и время их кончины отличаются исключительной точностью. Расспросы свидетелей впоследствии дали те же самые результаты.

2 Архимандрит Хрисанф Клементьев родился в 1862 году. В 1925 году был хиротонисан во епископа Соликамского, викария Пермской епархии. Скончался в 1930 году. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославлен- ные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Мученики Петр (Жуков), Прохор (Михайлов) и иже с ними (память 11 апреля по старому стилю)

27 марта 1918 года к священнику села Гнездово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии явились комендант местной Никулинской волости, два вооруженных красногвардейца, письмоводитель, два члена волостного комитета и предъявили распоряжение председателя волостного совета Журавлева1 произвести опись церковного

имущества. В присутствии причта и церковного старосты приступили к описи, в которую включили все вещи из серебра и меди и ризницу. Невзирая на бедность недавно построенного деревянного храма, они взяли из церкви все деньги: двадцать три рубля тринадцать копеек и две кассовые книжки на двести рублей.

На четвертый день после этого Журавлев был схвачен народной толпой и отправлен под конвоем в соседний Козловский комитет, но дорогою, при переходе через реку, он бросился в воду и утонул. Народ признал это явным наказанием Божиим за разорение церкви.

В апреле состоялся волостной сход, и прихожане села Гнездово стали упрекать красногвардейцев в том, что они незаконно захватывают церковное имущество. Особенно отличались своей ревностью к храму Петр Жуков и Прохор Михайлов. Красногвардейцы тут же на сходе арестовали около тридцати человек. В заключении их избили, а затем через некоторое время повели в уездный город Вышний Волочек. Дорогою арестованных жестоко били и, пока шли к городу, убили десять человек. Еще в волостном комитете Петра Жукова избили так, что вся голова его была в ранах, были переломаны пальцы; на седьмой версте мучители покончили со своей жертвой: разрезали скулы, вырезали язык и застрелили. Не меньше мучений перенес и Прохор Михайлов, которого избивали два дня; дорогой ему нанесли восемь штыковых ран и застрелили уже на девятой версте, когда он потерял сознание и стал нечувствителен к пыткам.

Тела убиенных новых Тверских исповедников были торжественно погребены в их приходе. Архиепископ Тверской Серафим (Александров) благословил оповестить о случившемся по всей епархии и отслужить всенародные панихиды во всех городских и сельских церквах.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

---

1 Сергей Журавлев - председатель Никулинского волостного комитета. В свое время был осуждён за воровство. Незадолго до описываемых событий убил человека при реквизиции хлеба. Постоянно угрожал народу, что закроет все церкви. По его распоряжению были обобраны церкви в селах Гнездово, Ерзовка и Петровское-Новостанское. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Преподобномученик Петр (Павел Козлов), иеромонах Ниловой Пустыни (память 15 февраля по старому стилю)

Преподобномученик Петр (в миру Павел Федорович Козлов) родился 24 июня 1879 года в деревне Зуево Зубцовского уезда Тверской губернии в семье крестьян Федора и Марии. Павел с детства мечтал стать монахом; по достижении двадцатилетнего возраста он оставил родителей, крестьянское хозяйство и поступил послушником в Нилову пустынь. Через некоторое время он принял постриг с именем Петр.

В России произошла революция, началось время гонений, но монах Петр, выбрав крест церковного служения, пожелал стать священником и был рукоположен в сан иеромонаха.

В середине двадцатых годов власти закрыли Нилову пустынь, и иеромонах Петр стал служить в приходском храме. В 1930 году, воспользовавшись тем, что он не смог вовремя уплатить налоги, власти приговорили его к пяти годам ссылки, которую он отбывал в городе Енисейске. Наученный в монастыре всякому делу, о. Петр зарабатывал на жизнь починкой сапог, пилкой и колкой дров. Чувствуя, что слабеет здоровьем, он подал властям заявление о сокращении срока ссылки по состоянию здоровья и по прошествии четырех лет получил разрешение вернуться на родину.

В 1935 году владыка Фаддей направил его служить в храм села Борки Зубцовского района, где о. Петр прослужил до 19 февраля 1938 года, когда был арестован и заключен в тюрьму города Зубцова.

В день ареста следователь допросил священника и секретаря сельсовета. Секретарь сельсовета показал, что священник рассказывал ему, каковы были условия заключения, о том, что в лагере процветает воровство и что кормят заключенных очистками от картофеля. В 1937 году при уплате налогов за церковь он говорил, что большевики берут налоги и с колхозников, и с церкви, хотя говорят, что Церковь отделена от государства. Говорят одно, а делают другое. Говорил, что раньше крестьяне работали на барина, а сейчас хуже чем барщина: колхознику не дают отдохнуть, он работает целый день, а получать ничего не получает.

На допросе следователь спросил иеромонаха Петра:

- Следствию известно, что вы систематически занимались контрреволюционной антисоветской агитацией среди населения, направленной на подрыв экономической мощи колхозов и советской власти. Говорили, что жить теперь тяжело, все большевики забрали, налогами задавили и так далее. Признаете себя в этом виновным?

- Я виновным себя в этом не признаю, так как антисоветской агитацией не занимался и данных слов никому не говорил.

- Следствию известно, что летом 1937 года вы говорили, что вот, при советской власти ничего не стало. Что вы можете на это сказать?

- Я данных слов не говорил и виновным себя в этом не признаю.

- Следствию известно, что в декабре 1937 года, во время выборов в Верховный совет СССР, вы говорили: "а что нам выбирать, мы их не знаем..."

- Действительно, я был на предвыборном собрании и говорил, что не знаю, за кого голосовать, так как газет я не читал, а больше ничего я не говорил.

- Следствию известно, что во время подписки на заем укрепления обороны страны вы говорили, что сколько ни подписывайся, у большевиков ничего не будет.

- Я таких слов не говорил.

На этом допрос был закончен, закончено и само следствие. 26 февраля Тройка НКВД приговорила иеромонаха Петра к расстрелу. Он был расстрелян через день - 28 февраля 1938 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Петр (Титов) (память 14 ноября по старому стилю)

Иерей Петр был одним из тех, кто сознательно избрал путь служения Богу и Церкви во время беспощадных гонений. Для него было ясно при самом выборе священнического служения, что власть, с такой яростью исповедующая воинствующее безбожие, к Церкви и ее служителям будет беспощадна. Вероятность и близость ареста, а то и насильственной смерти лишь способствовали тому, чтобы с твердой решимостью отдавать все свои силы служению Богу и пастве.

Священномученик Петр родился в 1890 году в селе Титовском Телятинской волости Весьегонского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Николая Титова. Он окончил Тверскую Духовную семинарию и был определен псаломщиком в село Федоровское Конаковского уезда. В 1924 он был рукоположен в сан священника ко храму в селе Архангельском Кимрского района.

Во время его служения в Архангельском начались мероприятия советской власти по коллективизации крестьянских хозяйств. Представители властей, непосредственно занимавшиеся коллективизацией, видели в коллективизации не только хозяйственное мероприятие, но и идеологическое, направленное против веры и Православной Церкви. Будучи заинтересованными противниками Церкви, многие из устроителей колхозов искали любой повод для ареста священников.

10 февраля 1930 года в селе Архангельском остановились на ночлег кимрские коммунисты. Они тут же на месте произвели небольшое следствие, собрав слухи о жизни прихода, где служил о. Петр. Они узнали, что в воскресенье 9 февраля богослужение в храме продолжалось с шести часов утра до четырех часов вечера. Этого факта показалось им вполне достаточно, чтобы применить репрессивные меры к священнику. Придя к председателю сельсовета, они потребовали от него обеспечить явку священника в Кимрское ОГПУ для ответа, почему он собрал в храме около шестисот человек верующих и служил целый день.

Один из коммунистов сразу же по приезде в Кимры, 11 февраля, сам пошел в отдел ОГПУ и дал показания против священника. На этом основании 17 февраля ОГПУ арестовало о. Петра и заключило под стражу. И только тогда следователи приступили к допросам свидетелей, заранее решив, что вне зависимости от их ответов священник должен быть осужден, а храм закрыт. 27 февраля ОГПУ допросило председателя сельсовета. Он показал:

- Я сам не знаю, что происходило в церкви, но слышал, что служить Титов начал в шесть часов утра и кончил часа в три-четыре вечера. После службы начались венчания, во время которых молодежь стала приставать к гостям, причем молодежи и гостей было полно в церкви. К ним подошел церковный староста и начал их уговаривать, после чего они вышли и возле церкви устроили драку. Был ли в церкви митинг, об этом я ничего не слышал; что говорил священник Титов о закрытии церкви, я также не знаю.

2 марта следователь допросил старосту храма. Тот показал: - В середине февраля, в воскресный день, к нам в церковь наехало очень много народу со всех окрестных деревень, примерно около четырехсот человек. Служба началась в шесть часов утра и продолжалась до четырех часов вечера. Объяснялось такое громадное стечение народа тем, что церкви в окружающих селениях все закрыты. Во время службы священник Титов проповеди не говорил. После, когда происходило венчание, в церковь вошли пьяные ребята. Я сказал матери одного из вошедших, и она взяла и увела их. Драка действительно возле церкви была, но сам я был в церкви и не видел, что там происходило, и на почве чего, сказать я не могу. Священник Титов действительно ходил по приходу в праздники Рождества и Крещения, но я с ним не ходил, с ним ходил бывший церковный староста. В селе Архангельском колхоз только что начал организовываться. Сейчас вошли в колхоз только шесть дворов, всего дворов в селе Архангельском тридцать два, почему не идут остальные, я не знаю.

5 марта следователь вызвал на допрос священника. На его вопросы о. Петр ответил:

- В Архангельской церкви я священником начал служить с 1924 года. Общественной жизни, проживая в селе Архангельском, я не касался. Организован ли в настоящее время колхоз в селе Архангельском, я точно сказать не могу. Во время службы в церкви 9 февраля действительно собралось очень много верующих, приблизительно человек четыреста. Я думаю, что причиной такого сбора послужило то, что церкви в соседних селах закрыты. Проповедь во время богослужения я в этот день не говорил. Служба началась с пяти часов утра и продолжалась до пяти часов вечера. Что за скандал был возле церкви, я не слышал и из церкви не выходил. По своему приходу я ходил в праздники Рождества и Крещения с разрешения РИКа, в приходе я нигде не говорил о том, что коммунисты закрывают церковь и служить буду в последний раз. Никакой агитации среди верующих против колхозного движения я не вел и его совершенно не касался. Кроме меня священнослужителей в храме в селе Архангельском нет.

Последним допросили бывшего старосту. На вопросы следователя он отвечал:

- В бытность мою церковным старостой я ежегодно в Пасху ходил со священником по приходам. Агитации от него против советской власти я не слыхал. Иногда, особенно в большие праздники, священник говорил в церкви проповеди на религиозные темы. В Рождество 1929 года и Крещение 1930 года церковным старостой я уже не состоял и по приходу со священником не ходил. Приблизительно в середине февраля 1930 года в церкви села Архангельского была продолжительная служба, длившаяся с шести часов утра до четырех часов вечера. Чем вызвана такая длительная служба, я не знаю, но говорили, что было очень много народу и очень много причастников.

15 мая 1930 года Тройка ОГПУ постановила выслать священника в Северный край на три года.

Домой, в Тверскую область, о. Петр вернулся только в 1935 году. Его супруга, Наталья, и двое детей, сын и дочь, жили в это время в селе Федоровском, где в храме служил тесть о. Петра, священник Феодосий Судаков. Отец Петр стал служить в этом храме в качестве псаломщика, а в июле 1937 года получил место священника в селе Селихово и переехал туда. Но недолго он здесь прослужил - 27 октября он был арестован и заключен в Тверскую тюрьму; сразу же начались допросы.

- За что вы судимы при советской власти? - спросил следователь.

- Я был осужден в 1930 году на три года ссылки с предъявлением мне обвинения в произнесении контрреволюционных проповедей в церкви. Наказание отбыл.

- Расскажите о вашей враждебной деятельности по отношению к советской власти по возвращении из ссылки.

- Враждебных действий к советской власти по возвращении из ссылки я не проявлял.

- Вы распространяли клевету на советскую власть, говоря, что власть издевается над народом и морит его голодом. Признаете ли вы это?

- Клеветы на советскую власть я никогда не распространял и таких слов, что якобы советская власть издевается над народом, я не говорил. После приезда моего из ссылки я действительно говорил, что тот, кто там не работал, тот умирал с голода.

- Следствию известно, что в конце 1936 года после чтения вами газеты, где писалось о событиях в Испании, вы в разговорах с гражданами выражали желание интервенции со стороны капиталистических стран против Советского Союза и поражения советской власти. Подтверждаете вы это?

- Не подтверждаю, так как я никогда не высказывал желания интервенции со стороны капиталистических стран, а также вообще не говорил о событиях в Испании.

- Следствию известно, что во время отпевания в церкви умершей дочери священника Судакова, которая до этого отбывала срок наказания за антисоветскую деятельность, вы произнесли антисоветскую речь, что якобы эта мученица пострадала от советской власти за веру Христову. Подтверждаете вы это?

- Не подтверждаю, так как антисоветской речи я во время похорон дочери моего тестя, священника Судакова, не говорил.

- Расскажите, среди каких призывников осенью 1936 года вы вели разговор антисоветского содержания, восстанавливая их против советской власти?

- Сейчас не помню, так как времени прошло много. Знаю только одно, что перед отправкой в Красную армию у нас в доме были призывники.

- Ваши показания ложны. Следствие располагает свидетельскими показаниями о систематической антисоветской агитации с вашей стороны. Требуем правдивых показаний.

- В систематической антисоветской деятельности я виновным себя не признаю.

- Для какой цели вы открыли в церкви торговлю просфорами ниже себестоимости и заманивали этим в церковь детей школьного возраста?

- Этим занимался церковный староста без моего участия.

Вызвали на допрос секретаря Федоровского сельсовета, он показал: "Священника Петра Николаевича Титова я знаю давно, когда он служил в Архангельской церкви Конаковского района. После отбытия наказания он приехал в село Федоровское к своему тестю - священнику Судакову Феодосию Ивановичу и жил у него до 1937 года, занимаясь богослужением вместе со священником Судаковым. За два года его нахождения в селе Федоровском священник Титов проводил антисоветскую работу, направленную на развал колхозов, он в своей квартире собирал, под предлогом спевки, хор из колхозников. Кроме этого, от колхозников я слышал, что священник Титов рассказывал верующим, что когда он был в заключении, то там много народу умерло с голоду. Зимой 1936 года Титов вместе со священником Судаковым организовали торговлю просфорами в церкви по пять копеек за каждую с целью завлечь в церковь детей. В результате во время перемен ученики из школы стали бегать в церковь. После чего учителя стали жаловаться в сельсовет на то, что священники Титов и Судаков срывают в школе учебу. После вмешательства в это дело председателя сельсовета Титов и Судаков прекратили торговлю просфорами в церкви".

29 октября вызвали на допрос председателя Федоровского сельсовета, который показал: "Свою антисоветскую деятельность Титов, вернувшись из заключения, не прекратил, а наоборот, открыто выступал в церкви перед верующими с контрреволюционными речами.

Например, когда умерла дочь священника Судакова, до этого отбывавшая срок заключения за антисоветскую деятельность, при отпевании ее в церкви Титов произнес такую речь, что якобы эта мученица пострадала от советской власти за веру Христову, это было в марте 1937 года. В 1936 году, когда допризывников отправляли на службу, Титов вместе со священником Судаковым зазывали их в церковь и служили молебен, как о Христовых воинах. Также мне известно, что Титов в 1936-1937 годах под предлогом спевки хора собирал у себя на квартире колхозников".

18 ноября следствие было закончено; 25 ноября Тройка НКВД приговорила о. Петра к расстрелу. Священник Петр Титов был расстрелян 27 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Петр (Зиновьев) (память 16 декабря по старому стилю)

Священномученик Петр родился 20 июня 1894 года в селе Березники Воскресенского уезда Саратовской губернии в семье священника Константина Зиновьева. В 1914 году Петр Константинович окончил Духовную семинарию, некоторое время служил псаломщиком, а затем был рукоположен в сан священника ко храму города Петровска Саратовской губернии. Был женат, имел троих детей, старшей дочери Серафиме было в 1937 году девятнадцать лет, сыну Геннадию - тринадцать, младшей дочери Зое - одиннадцать лет. В те годы он имел небольшое хозяйство - корову и двадцать две десятины земли. Как ни трудно было жить во время начавшихся после 17-го года гонений, но священник не оставлял службы Богу ради выгод земных. Так продолжалось до 1935 года, когда ОГПУ потребовало от священника выехать из Саратовской области. А куда было ехать? Как и многие священники Нижнего Поволжья, где служил в двадцатых годах архиепископ Фаддей, он поехал к этому праведнику. В Тверской епархии о. Петр сразу же получил место священника в Воздвиженском храме города Бежецка, где прослужил до своего ареста в 1937 году. Волна гонений, арестов и расстрелов привела к тому, что в епархии почти не осталось священников. Отец Петр был арестован одним из последних.

Решив арестовать священника, НКВД вызвал "дежурного свидетеля", который восемь лет был регентом в одном из бежецких храмов и теперь давал показания против церковно-священ- нослужителей. Он показал, будто о. Петр говорил, что церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в городе стоит на таком хорошем месте, а возле него поставлен памятник Ленину, по инициативе которого были закрыты многие церкви; говорил, что верующих угнетают, но время угнетателей сочтено, что колхозы для крестьян - это гибель, и тому подобное.

19 декабря снова был допрошен бывший регент и другие "дежурные свидетели", которые показали, что "Зиновьев 18 декабря, идя из церкви вечером после службы, проводил антисоветскую агитацию: "Да... Бог нас пока спасает, видим, как много еще верующих, чуть ли не все ходят в церковь, только плохо то, что нас окружают в церкви и в домах неверующие люди..." При этом наносил контрреволюционное оскорбление одному из руководителей ВКП(б). При чтении проповедей в церкви среди верующих призывал последних ходить в церковь, говорил им, чтобы они возбуждали ходатайство перед советскими органами об открытии церквей. В 1937 году, примерно в мае, среди верующих дискредитировал коммунистическую партию и ее руководителей, заявил, что "все коммунисты ходят в церковь". По вопросу о новой сталинской конституции говорил, что "это не конституция, а просто пустое дело, ничего не дает", при этом дискредитировал руководителей ВКП(б). В ноябре 1937 года Зиновьев среди населения проводил контрреволюционную деятельность против выдвинутых кандидатов в депутаты Верховного Совета, говорил: "Эти люди выставлены против воли народа большевиками, и за них голосовать не нужно"".

В самую ночь ареста, 19 декабря, следователь НКВД допросил священника.

- Расскажите следствию, когда вы и где проявляли недовольство советской властью и проводили контрреволюционную антисоветскую деятельность, - спросил он.

- Никогда я антисоветской деятельности против советской власти не проводил и недовольства ею не проявлял.

- Следствием установлено, что вы распространяли слухи о войне и гибели советской власти и расправе фашизма с коммунистами Вы это подтверждаете?

- Нет, я это отрицаю, слухов о войне и гибели советской власти я не распространял.

На следующий день следователь продолжил допрос.

- В мае месяце 1937 года вы среди населения проводили контрреволюционную деятельность против конституции, характеризуя ее как обман и кабалу для народа, одновременно выражали злобу и террористические суждения о руководителях партии и правительства. Вы это признаете?

- Нет, это я отрицаю...

- Вы в ноябре месяце 1937 года проводили клевету и антисоветскую деятельность против выдвинутых кандидатур в депутаты Верховного Совета по Бежецкому избирательному округу. Вы это подтверждаете?

- Это я отрицаю, клеветы по отношению к выдвинутым кандидатам в Верховный Совет я не проводил.

- 18 декабря 1937 года в момент службы в церкви среди населения вы распространяли слухи о невыносимом гнете над трудящимися в СССР, о гибели советской власти и наносили оскорбления руководителям партии и правительства.

- Этого я не говорил и полностью отрицаю.

- Следствию вы говорите неправду, и следствие требует от вас правдивых показаний, так как следствие имеет достаточно данных о фактах вашей контрреволюционной деятель- ности. Дайте искренние показания.

- Больше дать показаний я не могу и подтверждаю полностью данные показания, а больше ничего рассказать не могу.

- Вы в мае месяце 1937 года дискредитировали руководителей партии и правительства. Дайте показания по этому вопросу.

- Это я отрицаю...

- Следствием установлено, что вы в декабре месяце 1936 года среди населения распространяли слухи о плохой жизни в СССР, о голоде в колхозах, а также о гибели колхозов, предсказывая войну с Германией, поражение в ней страны Советов, призывая население выступить против власти. Вы это подтверждаете? - Да, я это частично подтверждаю, не помню, среди кого из близких людей говорил, что в городе Петровске Саратовского края был голод в 1932-1933 годах, где я в то время был, говорил я об этом, как о тяжелом пережитом положении... слухов о войне я не распространял.

- В апреле месяце 1937 года вы призывали в момент службы в церкви население против советской власти, обвиняя ее в закрытии церквей. Вы это подтверждаете?

- Это я отрицаю, этого я не говорил.

На следующий день, 21 декабря, следователь составил обвинительное заключение, в которое переписал показания лжесвидетелей. Через несколько дней, 27 декабря, Тройка НКВД приговорила о. Петра к расстрелу. Священник Петр Зиновьев был расстрелян через десять дней после ареста - 29 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Пётр, митрополит Крутицкий (память 27 сентября по старому стилю)

Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий Петр (в миру Петр Федорович Полянский) родился 28 июня 1862 года в селе Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской губернии в семье священника. У о. Федора было три сына: Александр, Василий и Петр. Александр уехал в Петербург и служил государственным чиновником. Василий готовился к принятию сана священника. Младший, Петр, учился в Московской Духовной академии, которую окончил в 1892 году и был оставлен при ней помощником инспектора. За диссертацию на тему "О Пастырских посланиях" ему была присуждена степень магистра богословия. В 1896 году Петр Федорович был назначен смотрителем духовного училища в Жировицах. С 1906 года он вошел в Учебный комитет при Святейшем Синоде и исполнял обязанности ревизора духовных учебных заведений. Переехав в Петербург, Петр Федорович близко познакомился со многими выдающимися церковными деятелями, которые стали часто бывать у него на квартире. Среди других и архиепископ Литовский Тихон (Белавин). Петр Федорович был живым и жизнерадостным человеком, всех поражала его природная безунывность. Не было, казалось, таких обстоятельств, которые могли заставить его безутешно скорбеть и унывать. Господь изобильно одарил его нравственным и физическим здоровьем и огромным душевным тактом, так что, узнав его, невозможно было не полюбить.

В 1918 году большевики закрыли все духовные учебные заведения, был упразднен и Учебный комитет; Петр Федорович переехал в Москву и здесь принял участие в Поместном Соборе 1917/18 годов.

В 1920 году Патриарх Тихон предложил ему принять монашество, священство, епископство и стать его помощником по управлению Православной Церковью. Предложение Патриарха было сделано тогда, когда уже широко разливалось гонение на Православную Церковь. Некоторые епископы были убиты - имена мучеников входили в самою летопись Поместного Собора. Убивали и тех, кого Собор посылал для выяснения обстоятельств убийств архиереев. Были зверски убиты митрополит Киевский Владимир, архиепископ Пермский Андроник, епископ Тобольский Гермоген, архиепископ Черниговский Василий и с ними многие священнослужители и миряне. Не почет и комфорт сулило в то время архиерейство, а многие страдания, а часто и мученическую кончину. Петр Федорович принял предложение Патриарха как волю Божию, как прозвучавший через Патриарха Божий призыв - послужить Богу и Церкви.

Ему было уже пятьдесят восемь лет. Оставаясь человеком светским, не связанным ни монашескими обетами, ни священным саном, имел он еще возможность умереть своей смертью, но если принимал предложение патриарха, то такой возможности почти наверняка лишался.

Петр Федорович жил в то время в Армянском переулке в Москве, доме своего брата, священника Василия, служившего в храме Николы-на-Столпах. Придя домой, Петр Федорович рассказал родственникам о предложении Патриарха и прибавил:

- Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь - я знаю, я подпишу тем себе смертный приговор.

Слова эти сбылись в точности. После рукоположения во епископа Подольского, викария Московской епархии, он был арестован и сослан. Ссылку владыка Петр отбывал в Великом Устюге; сначала жил у знакомого священника, а потом в сторожке при соборе. Власти в ссылке не стесняли его, и он часто служил вместе с великоустюжским духовенством. Вернувшись из ссылки в 1923 году, он был возведен Патриархом Тихоне в сан архиепископа, а через год - митрополита и назначен митрополитом Крутицким.

На Благовещение 1925 года скончался Патриарх Тихон. Российская Православная Церковь лишилась первоиерарха мудрого и обладавшего в глазах большинства церковных людей бесспорнейшим авторитетом. Незадолго до своей кончины, 7 января 1925 года, Патриарх составил завещание: "В случае нашей кончины, наши Патриаршие права и обязанности до законного выбора нового Патриарха, представляем временно Высокопреосвящен- нейшему Митрополиту Кириллу1. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Агафангелу2. Если же и сему Митрополиту не представится возможности осуществить это, то наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему Петру, Митропо- литу Крутицкому". В день похорон Патриарха Тихона, 12 апреля 1925 года собрался архиерейский собор из сорока пяти архиереев Российской Православной Церкви, которые, ознакомившись с завещанием почившего Патриарха, сделали следующее заявление: "Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) - то обстоятельство, что почивший ПАТРИАРХ при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) - что ни Митрополит Кирилл, ни Митрополит Агафангел, находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них... обязанностей, мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвящен- нейший Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего ПАТРИАРХА должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя".

Восприяв пост Местоблюстителя, митрополит Петр принял на себя все проблемы, стоявшие тогда перед Русской Православной Церковью.

Став Патриаршим Местоблюстителем, он оказался перед необходимостью выбора церковной позиции. Следуя примеру своих предшественников на этом посту, святых митрополитов Петра, Алексия, Филиппа и Гермогена, он решил быть возглавителем и вождем прежде всего - большинства верующего народа. Митрополит Петр не был политиком, не был и дипломатом, единственная ясная цель виделась им - это быть со Христом и народом Божиим. И потому он уже тогда решил твердо - не обращаться ни по каким вопросам к представителям ГПУ, ни о чем их не просить и в переговоры с ними не вступать.

Наиболее последовательными защитниками православия стали в те годы монахи Данилова монастыря во главе с настоятелем, архиепископом Феодором (Поздеевским). Во время бушевания обновленчества Данилов монастырь стал несокрушимым оплотом православия. После ареста Патриарха Тихона многие епархиальные архиереи под давлением обновленцев начинали уступать их требованиям и, не имея с кем посоветоваться, обращались в Данилов монастырь и здесь получали неизменную поддержку и твердые советы. Настоятеля монастыря, архиепископа Феодора, называли столпом православия. Патриарх Тихон относился к владыке Феодору с большим уважением и неизменно интересовался его мнением, хотя и поступал зачастую по-своему. Митрополит Петр стал поступать согласно с мнением архиепископа Феодора и близких тому архиереев, и, в первую очередь, потому, что в его глазах они были наиболее авторитетными и верными выразителями церковных суждений всего верующего народа, были хранителями и блюстителями чистоты православия. Монахи оценили твердость и верность православию Местоблюстителя и стали часто приглашать его служить в монастырь.

30 августа (12 сентября) 1925 года на престольный праздник митрополит Петр служил в монастыре. Троицкая церковь, где стояли мощи преподобного Даниила, и весь монастырь были заполнены народом. Путь к раке преподобного устилал ковер из живых цветов, и вся рака была искусно украшена ими.

Митрополит Петр, войдя в храм, прошел к мощам преподобного и с благоговением приложился к ним. Некоторые монахи видели, что, когда Местоблюститель затем пошел к солее, то над мощами образовалось как бы облако, в котором возник образ преподобного

великого князя Даниила. И во все время, пока митрополит Петр шел к алтарю, преподобный сопровождал его.

Архиепископ Феодор был к тому времени арестован, и братию возглавлял архиепископ Парфений (Брянских). Ему после службы митрополит Петр передал деньги для раздачи находящимся в ссылке священнослужителям. Митрополит Петр помогал многим заключенным. Он сам отправлял деньги митрополиту Кириллу (Смирнову), архиепископу Никандру (Феноменову), секретарю Патриарха Тихона Петру Гурьеву и другим. Иногда владыка, получив после службы деньги, сразу же отдавал их на помощь томящимся в тюрьмах и ссылках. По предложению благочинных московских церквей он благословил причты храмов жертвовать в пользу заключенных.

Одной из проблем, стоявших тогда перед Русской Православной Церковью, было разрушительное обновленчество. Обновленцы готовились к своему второму собору, усиленно предлагая православным помириться и принять в нем участие. Некоторым предложение показалось приемлемым и они начали с обновленцами переговоры о примирении. Пришло время определять свою позицию относительно обновленчества - твердо и однозначно. Местоблюститель написал послание к православной пастве. Для совета передал текст известному церковному деятелю тех лет Александру Дмитриевичу Самарину. 28 июля 1925 года Местоблюститель обратился с посланием к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви, укрепляя всех колеблющихся и малодушных и нанося сокрушительный удар разорителям Церкви.

Обновленцы писали о нем: "...воззвание митрополита Петра определило всю линию поведения староцерковников... Тон, данный "крутицами", уже заранее определил позицию староцерковников по всему фронту, и в дальнейшем возможны были только варианты одной и той же политики. При этом по местам легко было уже просто ссылаться на центр, что мы и видим на самом деле..." Так, например, в Ленинградской епархии "среди духовенства появилась "левая группа" тихоновцев, которая склонна была идти навстречу примирительной политике Св. Синода (обновленческого). До появления воззвания Петра Крутицкого эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции. Но как только появилось воззвание Петра... они заговорили другим языком и опустили свой флаг... то же самое произошло и с тихоновскими мирянами". "... До распространения воззвания Петра Крутицкого большинство духовенства и церковно-приходских советов Тамбовской епархии готовы были принять участие в благочиннических собраниях и епархиальном съезде... на миролюбивое настроение "низов" сильно повлияло воззвание Петра Крутицкого. На благочиннические съезды, собранные после появления этого воззвания, тихоновцы уже почти не явились..." "В целом ряде епархий, как иллюстрируют приведенные данные, идущая из Крутиц непримиримая линия тихоновцев выразилась в полном отказе даже от разговоров о церковном примирении. Тихоновские архиереи этого типа или отмалчивались, или сразу резко выражали свое отрицательное и враждебное отношение и вообще боялись даже вступать в какие-либо сношения с синодальными представителями: очевидно, они буквально исполняли директивы своего начальства, но были и такие архиереи, где, что называется, удавалось "завязать разговор" с тихоновскими главарями, однако кончались эти разговоры обычно той же непримиримостью".

После послания Местоблюстителя советские газеты начали печатать статьи, обвиняющие его в контрреволюционной деятельности3. На обновленческом соборе священник Александр Введенский прочел фальшивый документ, в котором Местоблюститель обвинялся в связях с заграницей.

Уже спустя месяц после смерти Патриарха Тихона ГПУ начало создавать новый раскол в Церкви. Представитель ГПУ Полянский встретился с Московским викарным епископом Борисом (Рукиным) и предложил ему создать инициативную группу "Защита православия"4 и подать от ее имени соответствующее ходатайство во ВЦИК. Представитель ГПУ уверял, что Православная Церковь после этого будет немедленно

легализована, причем Церковь решительно отмежуется от всех новшеств, включая обновленчество. Епископ Борис согласился, но заявил, что один он ничего сделать не может, и отправил представителя ГПУ к Местоблюстителю, рекомендуя тому принять предложение ГПУ. Местоблюститель решительно отверг эту сделку. По Москве пошли слухи, что епископ Борис стал красным большевистским архиереем и замышляет новый раскол. Отношения между епископом Борисом и Местоблюстителем окончательно испортились.

Епископ Борис, однако, не оставил своих попыток изменить порядок церковного управления и вновь вступил в переговоры с представителем ГПУ. Договорившись об условиях легализации, он потребовал от Местоблюстителя созыва архиерейского собора, предполагая сместить на нем митрополита Петра с поста. Будучи противником патриаршего управления, епископ Борис добивался отмены патриаршества и возвращения Русской Православной Церкви к синодальной форме правления - коллегией епископов. Местоблюститель решительно отверг все его предложения как провокационные. "Власти несомненно не допустят никакого свободного собрания православных архиереев, не говоря уже о Поместном соборе", - сказал он.

Условия легализации, предложенные Местоблюстителю представителями ГПУ, были: 1) издание декларации, призывающей верующих к лояльности относительно советской власти; 2) устранение неугодных власти иереев; 3) осуждение заграничных епископов и архиереев; 4) контакт в деятельности с правительством в лице представителя ГПУ.

Осенью 1925 года Местоблюститель все же решил составить и подать декларацию советскому правительству, показать, какими он видит отношения между Русской Православной Церковью и советским государством. Митрополит Петр набросал черновой вариант и отдельные пункты проекта декларации и передал его епископу Иоасафу (Удалову), прося написать текст. Владыка Иоасаф составил черновой текст, прочел его некоторым архиереям, жившим тогда в Даниловом монастыре, - епископам Пахомию (Кедрову), Парфению (Брянских) и Амвросию (Полянскому) - и после их замечаний внес в текст поправки и передал Местоблюстителю.

Декларация так и не приняла окончательный вид. Местоблюститель не хотел ее передавать советским властям через представителей ГПУ и добивался личной встречи с главой правительства Рыковым. Но советское правительство не желало встречаться с главой Русской Православной Церкви, и проект декларации был изъят при аресте митрополита Петра ГПУ. В конце ноября 1925 года были арестованы почти все сколько-нибудь выдающиеся архиереи, жившие в то время в Москве. Местоблюститель видел, что неминуем и близок арест. И надо было позаботиться о церковной власти, о судьбе церковного управления. 6 декабря 1925 года он составил следующее распоряжение: "В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященней- шему Сергию5, Митрополиту Нижегородскому. Если же сему Митрополиту не представится возможности осуществлять это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвящен-нейший Михаил6, Экзарх Украины, или Высокопреосвященнейший Иосиф7, Архиепископ Ростовский, если Митрополит Михаил будет лишен возможности выполнить мое распоряжение. Возношение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным".

Шаг этот был продиктован благочестивой ревностью о судьбе управления Церковью, желанием оградить Российскую Православную Церковь от анархии и расколов в убеждении того, что два других кандидата в местоблюстители, назначенные Патриархом Тихоном, митрополит Казанский Кирилл и митрополит Ярославский Агафангел, как находящиеся в ссылке, не имеют возможности принять церковное управление. Кроме того, после подтверждения избрания Местоблюстителем митрополита Петра собором архиереев права двух названных кандидатов на местоблюстительство переставали быть

безусловными и не могли рассматриваться механически в силу лишь завещания Патриарха Тихона, но только при востребовании прав самими кандидатами и при одобрении архиерейским собором. Патриарший Местоблюститель знал, что полезной будет только законная передача церковной власти при благословении первоиерарха, что безвластие поведет Церковь к анархии и захвату церковного управления группами, имеющими корыстные цели, что поведет, в свою очередь, к разрыву с канонами и традициями Православной Церкви.

9 декабря 1925 года состоялось заседание комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б). Прослушали информацию ОГПУ о внутрицерковных группах: как расколоть Церковь, кому помогать, кого уничтожать. Личность митрополита Петра, его благородство, глубокая образованность, ум, выдержка и неизменная доброжелательность к представителям ОГПУ, но без всякой угодливости перед ними, вызывали у них, и, в частности, у Тучкова, раздражение и неприязнь. Представители ОГПУ сообщили, что митрополит, вероятно, откажется от сотрудничества с ОГПУ, направленного в конечном счете на разрушение Церкви. А посему постановили: "Ввиду проводимой им явно враждебной Соввласти церковной политики и имеющихся о нем конкретных обвинительных материалов, признать намеченную ОГПУ линию по вопросу о внутрицерковных группировках правильной". (То есть митрополита Петра - арестовать, архиепископа Григория - поддержать.) В тот же день Местоблюститель был арестован.

В начале декабря, незадолго перед арестом, уже ясно предчувствуя его, Местоблюститель решил изложить свою позицию первоиерарха - какие задачи он ставит в своем церковном управлении и как смотрит на него и на свой долг перед паствой. Он писал: "Меня ожидают труды, суд людской, скорый, но не всегда милостивый. Не боюсь труда - его я любил и люблю, не страшусь и суда человеческого - неблагосклонность его испытали не в пример лучшие и достойнейшие меня личности. Опасаюсь одного: ошибок, опущений и невольных несправедливостей, - вот что пугает меня. Ответственность своего долга глубоко сознаю. Это потребно в каждом деле, но в нашем - пастырском - особенно. Не будет ни энергии, ни евангельской любви, ни терпения в служении, если у пастырей не будет сознания долга. А при нем приставникам винограда Господня можно только утешаться, радоваться. Если отличительным признаком учеников Христовых, по слову Евангелия, является любовь, то ею должна проникать и деятельность служителя алтаря Господня, служителя Бога мира и любви. И да поможет мне в этом Господь! Вас же прошу исполнять с любовью как послушных детей, все правила, постановления и распоряжения Церкви. В них уставы и правила ее многие считают произвольными, лишними, обременительными и даже отжившими. Но мудрецы века при всей своей самоуверенности не изобрели средств укрепить нашу волю в добре, дать человеку почувствовать сладость духовной свободы от страстей, мира совести и торжества победы в борьбе со злом, как это делают труды и подвиги, предписываемые уставами Церкви. К каким несчастным последствиям может привести уклонение от церковных постановлений, показывает горький опыт братий наших по духу и плоти, отколовшихся от единения со святой Церковью, блуждающих во мраке предрассудков, и тем самопроизвольно отчуждающим себя от упования вечной жизни. Буду молиться, недостойный Пастырь, чтобы мир Божий обитал в сердцах наших во все время жизни нашей. Для всякого православного человека, переживающего наши события, они не могут не внушать опасений за судьбу Православной Церкви, пагубный раскол, возглавляемый епископами и пресвитерами, которые забыли Бога и предают своих собратий и благочестивых мирян, - это все, может быть, не так еще опасно для Церкви Божией, которая всегда крепла, обновлялась страданиями. Но грозен, опасен дух лести, ведущий борьбу с Церковью и работающий над ее разрушением под видом заботы..."

Допросы начались почти сразу. 12 декабря был первый допрос. Основное обвинение было: поскольку митрополит Петр не сместил с поста Киевского митрополита Антония

(Храповицкого) и не лишил его звания Киевского митрополита, а митрополит Антоний - контрреволюционер, то значит, контрреволюционер и митрополит Петр. Владыка держался с завидным мужеством, но все равно своими ответами на первом допросе был недоволен.

14 декабря 1925 года митрополит Сергий (Страгородский) послал на имя епископа, управляющего Московской епархией, уведомление о том, что в соответствии с распоряжением Патриаршего Местоблюстителя он приступает к исполнению обязанностей Местоблюстителя. 22 декабря группа из девяти епископов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским) собралась в Москве. Они заявили, что поскольку деятельность Местоблюстителя Петра контрреволюционна и с арестом его Церковь лишилась управления, то они организовали Высший Временный Церковный Совет.

7 января 1926 года в газете "Известия" было опубликовано сообщение об организации ВВЦС. 14 января митрополит Сергий послал архиепископу Григорию письмо, потребовав ответа о произведенном самочинии. Ответ архиепископа Григория о канонических основаниях ВВЦС был неудовлетворителен, и митрополит Сергий 29 января уведомил его, что он запрещает его и единомышленных с ним архиереев в священнослужении, так что все служебные действия вышеназванных архиереев (рукоположения, назначения, награды и всякие по службе распоряжения), начиная с 22 декабря 1925 года и далее, считать недействительными. С заявлением митрополита Сергия, как заместителя Местоблюстителя, действия по организации Высшего Временного Церковного Совета лишались канонической основы. Но Тучков очень надеялся на свое соглашение с владыкой Григорием, тем более, что на этот раз ему удалось договориться с православным архиереем, имевшим авторитет. Он предложил архиепископу устроить свидание с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром и от него добиться согласия на учреждение ВВЦС. Архиепископ Григорий составил доклад на имя Местоблюстителя Петра, в котором писал, что после ареста последнего в Русской Православной Церкви начались такие разделения, которые могут вызвать раскол, что митрополит Сергий проживает не в Москве, а в Нижнем Новгороде, и выехать для управления церковными делами не может, что митрополит Михаил отклонил от себя поручение по исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, а архиепископ Иосиф не может принять его, так как он совершенно не известен. Архиепископ Григорий предложил своих кандидатов на исполнение обязанностей высшей церковной власти - себя и трех единомышленных с ним архиереев.

Боясь за судьбу церковного управления, опасаясь анархии и раскола, Местоблюститель резолюцией на докладе архиепископа Григория поручил исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя коллегии из трех архипастырей, из которых он исключил кандидатов, предлагавшихся архиепископом Григорием, повелев им отправляться в свои епархии, и включил в коллегию архиепископа Владимирского Николая (Добронравова) и архиепископа Томского Димитрия (Беликова), известных ему своей твердостью и преданностью Церкви.

Участвовавшие в переговорах уполномо- ченные ОГПУ Тучков и Казанский ни слова не сказали о том, что архиепископ Николай сидит в тюрьме. Зато архиепископ Димитрий, убеждал Казанский, обязательно прибудет из Томска. И Тучков показал митрополиту Петру фальшивую телеграмму, в которой значилось, что архиепископ Димитрий дня через три-четыре будет в Москве, между тем как последний даже не слыхал о переговорах. Чувство подсказывало Местоблюстителю, что не так обстоит дело, как следователи рисуют ему при молчаливом согласии владыки Григория, но как узнать, находясь в полной изоляции, каково истинное положение Православной Церкви? После долгих раздумий митрополит попросил включить для участия в занятиях новосоздаваемой коллегии митрополита Арсения (Стадницкого). Тучков с готовностью согласился:

- Пожалуйста, напишите телеграмму о вызове, а мы пошлем. Местоблюститель написал текст телеграммы, подписал, подал Тучкову, тот никуда ее не послал.

Находясь в одиночном заключении, митрополит весьма скорбел - не приведут ли его действия к худшему. Беспокойство в правильности принятого решения о создании коллегии, общая неопределенность и, главное, отсутствие сведений о подлинном положении церковного управления и невозможность их добыть в условиях одиночного заключения - все это сказалось на его здоровье. После посещения архиепископа Григория и Тучкова он заболел тяжелым нервным расстройством и 4 февраля был помещен в тюремную больницу. Тем временем митрополиту Агафангелу, кандидату на пост Патриаршего Местоблюстителя, власти разрешили выехать из ссылки и вернуться в Ярославль. Но в Пермской тюрьме он был задержан для встречи с Тучковым. Тучков обрисовал ему тяжелое положение Православной Церкви, которое все более ухудшается борьбой за власть между архиепископом Григорием, возглавляющим ВВЦС, и митрополитом Сергием Нижегородским, претендующим на главенство. Тучков предложил митрополиту Агафангелу как бы ради установления церковного мира, ради церковного благополучия, как второму кандидату на пост Патриаршего Местоблюстителя, как заместителю Патриарха, назначаемого последним на эту должность в 1922 году, и старейшему, авторитетнейшему архиерею Русской Православной Церкви, вступить в управление Церковью в качестве Патриаршего Местоблюстителя и начать переговоры с правительством о регистрации церковного управления, в чем Тучков обещал оказать митрополиту всяческую поддержку.

Митрополит Агафангел поверил и, не выясняя дальнейшего, не войдя в переговоры по столь важному вопросу с митрополитом Петром, 18 апреля 1926 года составил в Перми послание о своем вступлении в права Патриаршего Местоблюстителя, которое 26 апреля вместе с сопроводительным письмом послал митрополиту Сергию, и не только ему, но и многим епархиальным архиереям, как архиерей уже восприявший пост Местоблюстителя. Еще владыка Агафангел был в Перми, а его воззвание потекло по России, раскалывая Церковь.

Через шесть дней после подписания митрополитом Агафангелом послания и рассылки его по России состоялось заседание комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства. Представитель ОГПУ доложил об успехах на поприще церковных расколов. Постановили: "Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на Патриаршее Мес-тоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию - Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным". Дело о митрополите Петре "выделить и продолжать дальнейшее следствие в течение 1-2-х месяцев. Поручить ОГПУ этим временем окончательно выяснить положение о взаимоотношении местоблюстителей Сергия и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра".

22 мая митрополит Сергий испросил у Тучкова разрешения обменяться письмами с митрополитом Петром и сообщил Местоблюстителю, что митрополит Агафангел получил свободу, претендует на пост Патриаршего Местоблюстителя, и предупредил владыку, чтобы тот был осторожен и воздержался от передачи местоблюстительства.

Тучков, хорошо понимая, какую распрю можно разжечь из борьбы за местоблюстительство, с удовольствием передал письмо митрополиту Петру, предложив ему отказаться от местоблюстительства, причем обещал, что в этом случае легализует церковное управление под возглавием митрополита Агафангела и освободит из заключения самого митрополита Петра, после чего тот сможет беспрепятственно проследовать на Кавказ или в Крым для лечения в соответствии со своим желанием.

Митрополит Петр, несмотря на предостережение митрополита Сергия, в письме от 22 мая приветствовал решимость митрополита Агафангела принять на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя, предполагая вопрос об окончательной передаче обязанностей выяснить по возвращении из ссылки митрополита Кирилла. Но митрополит Кирилл не возвратился, и тогда в письме от 9 июня на имя митрополита Агафангела владыка Петр подтвердил передачу местоблюстительских прав. Владыка не держался за местоблюстительство, которое по своему положению и смыслу, как патриаршество Святейшего Тихона, было ежедневным и ежечасным страданием. Все болезни и муки Поместной Церкви, все стрелы лукавого, которыми тщились ее уязвить враги, прежде кого бы то ни было достигали Патриарха, а теперь - Местоблюстителя. Без колебаний написал митрополит Петр документ о передаче местоблюстительства. Однако по мудрой осторожности и опасению быть обманутым и на этот раз, он добавил: "В случае отказа митрополита Агафангела от восприятия власти или невозможности ее осуществления - права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а заместительство - митрополиту Сергию".

Это не понравилось Тучкову, но он промолчал, хотя уже знал, что днем раньше митрополит Агафангел решительно отказался от местоблюстительства.

Через несколько дней, 12 июня, митрополит Агафангел в письме на имя митрополита Петра отказался от поста Патриаршего Местоблюстителя. После этого митрополит Петр был переведен в Суздальский политизолятор, где содержался в одиночке, без известий о происходящем за стенами тюрьмы.

Спустя некоторое время Тучков пришел к митрополиту Петру с новым предложением: учредить православный Синод с обязательным включением в него архиепископа Григория. Будет ли участвовать в заседаниях Синода митрополит Петр, об этом умалчивалось, но если нужно, заметил Тучков, то члены Синода могут приезжать в Суздальский изолятор и здесь проводить свои заседания. Митрополита Сергия Тучков предложил лишить прав заместителя Местоблюстителя и переместить в Красноярскую епархию. Тучков старался восстановить Местоблюстителя против митрополита Сергия, рассказывая о нем все худое, обвиняя его в интригах и политиканстве. Митрополит Петр решительно от этого предложения отказался. Через несколько лет, вспоминая о предложении Тучкова, владыка писал председателю ОГПУ Менжинскому: "...по отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных, просвещенных и авторитетнейших архиереев, к которому последние относились с уважением и перед которым выражала свою восторженную симпатию и управляемая им паства, - предлагаемая мера была бы посягательством на его достоинство и неслыханное для него оскорбление... Это перешло бы всякие пределы справедливости. А относительно архиепископа Григория должен сказать, что архиерей, лишенный кафедры и подвергшийся запрещению, не может быть членом Синода".

5 ноября 1926 года Патриарший Местоблюститель был приговорен к трем годам ссылки. В декабре митрополита этапом отправили через пересыльные тюрьмы в Тобольск. Только теперь, освобожденный из одиночки, он узнал о положении церковных дел в России и 1 января в Пермской тюрьме составил воззвание, в котором окончательно упразднил коллегию, подтвердил запрещение в священнослужении архиепископа Григория и единомышленных с ним архиереев и сообщил о решении митрополита Агафангела отказаться от принятия на себя обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола.

21 января 1927 года на свидание к Местоблюстителю в Екатеринбургскую тюрьму явился архиепископ Григорий, и митрополит Петр подтвердил, что архиепископ стоит вне молитвенно-канонического общения с ним, и предупредил, что производимая им и его сторонниками смута не может быть терпима в Православной Церкви. Тогда же Местоблюстителю удалось передать свое обращение на волю, и оно стало широко известно. В феврале 1927 года митрополит Петр прибыл в село Абалак. Власти велели ему

поселиться на территории упраздненного Абалакского монастыря. Пока ремонтировали отведенную ему комнату в доме рядом с сельсоветом, владыка жил в поселке. Держался он осторожно, зная, что ГПУ каждое слово может истолковать против него. Монахиня Иоанновского монастыря Евгения Манежных помогла привести в порядок комнату, иногда помогала по хозяйству, но ежедневную работу старец выполнял сам - топил печь, убирал жилье, варил пищу. Прожил он здесь недолго. Пермское воззвание сильно напугало власти, напугал сам факт обращения Местоблюстителя к православной пастве. В начале апреля 1927 года митрополит Петр был арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму. 9 июля ВЦИК принял решение о судьбе Патриаршего Местоблюстителя: он был сослан за полярный круг на берег Обской губы в поселок Хэ.

В ссылке владыка Петр жил в атмосфере большой неприязни со стороны местных священников, ибо обдорский, абалакский и хэнский священники были обновленцами, причем последний скрывал это от митрополита. Местоблюститель в обновленческие храмы не ходил, а глядя на него, перестали их посещать и верующие, которых и без того здесь было немного. В конце 1928 года кончалась трехлетняя ссылка Местоблюстителя, но Тучков не стал ждать окончания ссылки, и 11 мая 1928 года постановлением Особого Совещания ОГПУ срок был продлен еще на два года. Здоровье владыки становилось все хуже, он с трудом переносил климат, особенно в зимние месяцы. 15 июля 1928 года он направил заявление в ОСО ОГПУ и во ВЦИК: "...оставление меня в селе Хэ Обдорского района, далеко за полярным кругом, среди суровой обстановки слишком пагубно отражается на моем здоровье, которое после моего годичного проживания здесь пришло в окончательный упадок... Дальнейшее оставление меня в настоящем, трудно переносимом климате, при моих сильно развивающихся болезнях (эмфизема, миокардит, хронический ларингит и др.) и при отсутствии средств для ослабления их, равносильно обречению на смерть". Заявление было оставлено властями без последствий. Через год, 15 марта, митрополит снова обратился к властям: "Пробыв около двух лет в селе Хэ, я убедился, что моя болезнь, эмфизема легких, последнее время обострилась, без сомнения, вследствие суровости климата. Но кроме эмфиземы, я еще страдаю миокардитом, каковая болезнь нередко, особенно в сильные морозы, захватывает дыхание и мешает возможности двигаться... Здесь еще я получил ревматические боли в руках и ногах... Уведомление о применении амнистии, на которую я имел одинаковое с другими право, не получил, но получил уведомление о продлении срока ссылки еще на два года. Оставление меня в настоящих суровых климатических условиях без надлежащей медицинской помощи является слишком тяжелым, а посему желательно было бы на новый срок ссылки иметь облегчение своей участи, которое могло бы выразиться в переводе меня куда-либо на юг и в такой пункт, где бы представлялась возможность находиться под наблюдением врачей..." Ответа на письмо Местоблюстителя не последовало. 29 марта 1929 года ГПУ провело у владыки обыск. Искали переписку, но ничего не нашли. Хорошо зная мелочную придирчивость ГПУ, митрополит из переписки ничего не хранил.

А еще были переживания скорбные, грустные.

Почти в те же места, в Сургут, был сослан старый знакомый Местоблюстителя, крупнейший знаток жизни и учения святых отцов Церкви, профессор Иван Васильевич Попов. Они переписывались. Несколько раз Иван Васильевич посылал митрополиту Петру денежные переводы, не сообщая от кого, но однажды написал, что эти деньги пересылаются через него митрополитом Сергием; (Страгородским). Владыку больно задело, что его заместитель боится пересылать ему деньги открыто. Ведь не за политические преступления находится Патриарший Местоблюститель в ссылке, а за верность Православной Церкви. Благодаря распоряжению митрополита Петра стоит ныне митрополит Сергий во главе Церкви. Заместительство митрополита Сергия - явное, их отношения открытые. Неужели же есть причины заместителю скрывать, что он оказывает материальную помощь тому, кого замещает. И в следующий раз владыка просил Ивана Васильевича отписать митрополиту Сергию, что переводов посылать больше не нужно,

так как он ни в чем нуждается. Все эти неприятные мелочи, однако, не оказывали ни малейшего влияния на решения церковные.

16/29 июля 1927 года митрополит Сергий опубликовал декларацию о лояльности. Летом 1929 года епископ Дамаскин (Цедрик) организовал посылку гонца к митрополиту Петру8. Из доставленных документов картина представлялась тревожная. Патриарший Местоблюститель видел, что церковный мир нарушается, что некоторые архиереи уходят из административного подчинения митрополиту Сергию, а это чревато расколом. В декабре 1929 года Местоблюститель отослал митрополиту письмо.

Не получив ответа, Местоблюститель в феврале 1930 года послал второе письмо. Но и на это письмо он ответа не получил и тогда летом передал копию декабрьского письма с оказией, одновременно предав его огласке. Это письмо, как и возможность обращения Патриаршего Местоблюстителя к своему заместителю, переполошила власти.

17 августа 1930 года ГПУ арестовало владыку. При аресте ему не было сказано, что его ожидает, а между тем срок ссылки заканчивался через четыре месяца, и митрополит почти все свои вещи роздал нищим. После трехмесячного пребывания в Тобольской тюрьме он был переведен в тюрьму Екатеринбурга, где его посетил уполномоченный ОГПУ Полянский и предложил снять с себя сан Местоблюстителя. Иначе, угрожал он, митрополита ждет новое заключение. Митрополит отказался.

С отказом от местоблюстительства митрополита Петра сразу упали бы и права митрополита Сергия, и Поместная Церковь осталась бы без канонически законного возглавия, что могло только усилить и утвердить все начинающиеся расколы. Нет, своей рукой лить горючее в этот огонь геенский Местоблюститель не хотел и не мог. Он хорошо знал, что расколы не преодолеваются в земной жизни поместных церквей. Воодушевление и вдохновенная проповедь расколоучителей прольются горькими слезами в потомках их последователей. Грех расколоучительства не покроется ни благочестием личной жизни, не омоется и мученической кровью9.

В ноябре 1930 года ГПУ открыло против Местоблюстителя новое дело, обвинив его в том, что, находясь в ссылке, вел он "среди окружающего населения пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении соввласти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать церковь для постановки борьбы с соввластью". Начальнику Тобольского окротдела ОГПУ было приказано "раздобыть данные, уличающие Петра Полянского в сношении с церковниками и попытках руководства церковью в антисоветском направлении... обратить внимание на его связь с тобольским духовенством... Подтвердить свидетельскими показаниями... все... факты антисоветской агитации со стороны Полянского, и в особенности факты направления верующих на активную борьбу с обновленцами".

30 ноября Местоблюститель был вызван на допрос; он отвечал: "Находясь в ссылке на тобольском севере, в дела управления Церковью я не вмешивался, был только один случай, я написал митрополиту Сергию письмо, в котором сообщил о дошедших до меня слухах о том, что в Церкви происходят раздоры и разделения в связи с переходом им границ доверенной ему церковной власти, и просил его все это устранить... Далее, находясь в Абалаке, ссыльный священник обратился ко мне с предложением, очевидно, идущим из Тобольска, о награждении некоторых духовных лиц. Я ему ответил, чтобы местный архиерей написал мне по этому поводу. Со своей стороны я имел в виду представить это митрополиту Сергию со своим мнением".

12 декабря митрополит Петр был вызван к следователю Костину, который прочитал ему обвинительное заключение и предложил ответить на некоторые вопросы. Понимая всю важность ответов и что ОГПУ будет придираться к каждому слову, владыка писал показания собственноручно: "В предъявленном обвинении виновным себя не признаю. Пораженческой агитацией в ссылке не занимался... Вообще я противником советской власти никогда не был. Советскую власть я признаю, ее распоряжениям подчиняюсь.

Повторяю, что против советской власти каких бы то ни было ни с кем разговоров не вел, и это было бы безумием с моей стороны".

14 января следователь объявил владыке об окончании следствия и спросил, желает ли он дополнить свои показания. Митрополит написал: "Я решительно заявляю о своей непричастности к тем действиям, в которых хотят меня обвинить... действиям нелепым и детски наивным... Я знаю, что совесть моя чиста, и это побуждает меня просить о проявлении ко мне советской справедливости, учитывая при этом мою старость, обремененную болезнями, и продолжительную ссылку... Нельзя не принять во внимание и того, что контрреволюционной деятельности отводится время четыре года тому назад, никто из властей ни одним словом до последнего времени не упрекнул меня в том".

Допрос кончился, и снова - одиночное заключение. Митрополиту Петру было шестьдесят девять лет. От природы могучее здоровье сокрушено за девять лет ссылок и тюрем. Словно надеясь на его скорую смерть, митрополита ставили в невыносимые условия; так прошел почти год одиночного екатеринбургского заключения - без передач, без свиданий с кем бы то ни было, кроме уполномоченных ГПУ и тюремных надзирателей, почти без прогулок. В тюрьме сломались зубные коронки, он обратился к властям, чтобы те вызвали зубного техника, но власти оставили просьбу без внимания. Отсутствие коронок и невозможность хорошенько пережевывать пищу привели к тому, что после каждого приема еды у него случались сильные боли в желудке и в конце концов развился катар. Ночами все чаще стали случаться приступы астмы. Он с тревогой ложился ночью, на тюремную койку, с сомнением - встанет ли завтра. Приступы астмы бывали чаще всего после полуночи, сопровождаясь нестерпимыми страданиями. Во время обмороков он падал и подолгу лежал на тюремном полу. Иногда это продолжалось так долго, что входил надзиратель и переносил старца-митрополита на койку.

Весной 1931 года в тюрьму прибыл Тучков и предложил Местоблюстителю стать осведомителем ОГПУ, угрожая в случае отказа новым сроком заключения. Владыка сказал нечто неопределенное и тут же спохватился. Он почувствовал, что его душе угрожает большая опасность. И потеряв обычную свою выдержку и благожелательность, которую он неизменно сохранял к своим мучителям, ответил Тучкову резко. Все годы тяжелого одиночного заключения он отгонял от себя худые мысли и чувства. Благодатию Божией он не то что поступком, а и словом не проявил ни к кому неприязни или нерасположения. И потому разговор в повышенном тоне был ему неприятен. Тучков, увидев, что план погубления митрополита не состоялся, стал прощаться.

Странное чувство охватило душу старца, и прошло не менее двух часов прежде чем, помолившись, он сумел успокоиться и уяснить до конца происходящее. Конечно же, и речи не могло быть ни о каком сотрудничестве с ГПУ, и это надо было заявить определенно. В тот же день он обратился к надзирателю, чтобы тот вызвал следователя Костина, присутствовавшего при разговоре, но надзиратель сказал, что того в тюрьме нет. На следующий день митрополит попросил отправить Тучкову телеграмму и затем написал письмо Менжинскому, в котором вежливо, но твердо отказался от предложения. "Если бы я являлся только гражданином П. Ф., - писал Местоблюститель, - то путь мой был бы направлен иначе, но как первый предстоятель Церкви я не должен искать своей линии. В противном случае получилось бы то, что на языке церковном называется лукавством... Расстроенное здоровье и преклонный возраст не позволят мне со всей серьезностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую предлагал тов. Е. А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия не совместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре".

Владыка не сомневался, как нужно поступать в случае предложения ГПУ о сотрудничестве. Он в одном из своих тюремных писем писал: "Мы по слабости нашей более или менее отступаем от того идеала, той истины, которая заповедана христианам. Но важно то, чтобы не быть озабоченным только этим земным и ради этого не убивать яростно истину и не сходить с ее пути. Тогда лучше вовсе отречься от Бога... А между

тем, если говорить по совести, то дело, которое послужило причиной такой репрессии10, нравственно недопустимо не только для предстоятеля Церкви, но и вообще для всякого христианина, в котором господствует идея греха и искупления. В этом деле пришлось бы столкнуться с двумя совершенно противоположными принципами: принципом христианским и принципом революционным. Основой первого принципа служит любовь к ближнему, всепрощение, братство, смирение; а основой второго принципа является: цель оправдывает средства - классовая борьба, разгром и т.п. Становясь на точку зрения этого второго принципа, становишься на революционный путь, напрашиваешься на борьбу и таким образом отрекаешься не только от истинного символа христианской веры и уничтожаешь ее основы - идеи любви и другие, но и принципы исповедания веры. Нет нужды говорить, как должна быть разрешена эта дилемма - любовь к ближнему и классовая борьба - серьезно верующим человеком, и, в частности, не наемником, а настоящим пастырем Церкви. Едва ли бы последний знал покой во всю свою жизнь, если бы подвергся искушению со стороны указанных противоречий".

Переживания Патриаршего Местоблюстителя после визита Тучкова были столь сильны, что спустя несколько дней владыку парализовало, отнялись правая рука и нога. Рука со временем пришла в прежнее состояние, а нога окончательно не выздоровела, что давало знать при ходьбе.

Со времени ареста прошло девять месяцев, предъявленное обвинение было смехотворно, но, похоже, Местоблюстителя не собирались выпускать из одиночки. 25 мая 1931 года он писал председателю ОГПУ Менжинскому: "В настоящее время я настолько изнурен, что затрудняюсь двигаться, стоять и даже говорить. Приступы удушья, иногда совместно с обморочными состояниями, участились, и всякий раз после них делаюсь совершенно разбитым и словно немыслящим. Лишение существенных потребностей слишком велико, и все мои мысли фиксированы на одном вопросе: когда же, наконец, окончатся мои скитания по тюрьмам и ссылкам, продолжающиеся вот уже девять лет... За все время ареста я еще ни разу не видел солнца. Мне приходится положительно подвизаться, сидя в камере. Мои двадцатиминутные прогулки (точнее - сидение у тамбура, ведущего в каменный подвал), по условиям тюремной жизни, обычно совершаются между десятью и половиной двенадцатого ночи, да и то с перерывами. Угнетает также изоляция, лишение права переписываться с родными и получать от знакомых пищу... С особой настойчивостью утверждаю, что контрреволюцией я никогда не занимался, каких-либо противоправительственных деяний не совершал... Обращаюсь в лице Вашем к советской справедливости и убедительно прошу Вас освободить меня из заключения и возвратить на место постоянного жительства, где бы я мог основательно заняться лечением у пользовавших меня раньше профессоров и иметь общение с сослуживцами архиереями - моим заместителем и другими".

23 июля 1931 года Особое Совещание ОГПУ выслушало "дело" митрополита. "Дело" рассматривали в порядке постановления президиума ВЦИК СССР от 9.06.27 года. Постановили: Полянского-Крутицкого Петра Федоровича заключить в концлагерь сроком на пять лет. Считая срок с момента вынесения настоящего постановления". То есть без зачета года, проведенного в одиночке.

19 августа уполномоченные ОГПУ Агранов и Тучков отправили администрации Екатеринбургской тюрьмы служебную записку с рекомендацией, как следует содержать митрополита: "... Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича, осужденного к заключению в концлагерь... просьба содержать под стражей во внутреннем изоляторе..."

После объявления приговора следователь Костин посоветовал митрополиту раскаяться и написать покаянное заявление о своем участии в Союзе Русского Народа.

- Я не только не участвовал в такой организации, - ответил Местоблюститель, - но даже и не слышал, чтобы подобная организация существовала в Советском Союзе.

- Тогда вам нужно принести раскаяние за участие в антисоветской организации, - сказал Костин.

- Но я ни в каких подобных организациях не участвовал, - ответил владыка.

Время шло, надежды на освобождение таяли. Удивляло владыку, что мера осуждения по своей тяжести совершенно не соответствовала тому приговору, который ему был зачитан. Он стал просить власти смягчить заключение или освободить его, учитывая отсутствие за ним какого бы то ни было политического преступления. "Я постоянно стою перед угрозой более страшной, чем смерть, как, например, паралич, уже коснувшийся оконечностей правой ноги, - писал он, - или цинга, во власти которой нахожусь свыше трех месяцев, и испытываю сильнейшие боли то в икрах, точно кто их сжимает туго железным обручем, то в подошвах, - стоит встать на ноги, как в подошвы словно гвозди вонзились. Меня особенно убивает лишение свежего воздуха, мне еще ни разу не приходилось быть на прогулке днем; не видя третий год солнца, я потерял ощущение его. С ранней весны вынужден прекратить и ночные выходы. Этому препятствуют приступы удушья (эмфизема), с вечера настолько развивающиеся, что положительно приковывают к месту, бывает, что по камере затруднительно сделать несколько шагов. В последнее время приступы удушья углубились и участились. Неизменно повторяясь каждую ночь, они то и дело поднимают с постели. Приходится сидеть часами, а иногда и до утра, не ладно делается и с сердцем - тяжелые боли в нем доводят до обморочных состояний... Много раз умолял врача исходатайствовать мне дневные прогулки, лечебное питание взамен общего стола, тяжелого и не соответствующего потребностям организма... но все тщетно, неоднократно и сам обращался к начальству с той же просьбой, и также безрезультатно, а болезни все сильнее и сильнее углубляются и приближают к могиле. Откровенно говоря, смерти я не страшусь, только не хотелось бы умирать в тюрьме, где не могу принять последнего напутствия и где свидетелями смерти будут одни стены. Поступите со мной согласно постановлению... отправьте в концлагерь... как ни тяжело там будет, все-таки несравненно легче настоящей одиночки..."

В июне 1933 года условия заключения еще более ужесточились: ему заменили ночные и поздневечерние прогулки в общем дворе на прогулки в крохотном дворике, представлявшем собою подобие сырого погреба, на дне которого постоянно скапливались от дождевой воды лужи, а воздух был наполнен испарениями отхожих мест, соседствующих с двориком. Когда владыка впервые увидел ночью свое новое место прогулок, ему стало жутко, он почувствовал себя скверно, с ним сделался припадок удушья, и, боясь упасть, он едва добрался до камеры и не сразу пришел в себя.

И снова старец пишет властям. Две темы перед ним - бесконечных страданий и своих обязательств перед Церковью: "...неослабно подвергаюсь лишениям даже тех элементарных прав, какие здесь разрешены... с конца лета 1930 года и до сего дня еще ни разу не видел солнца... воздух здесь... пронизан едкой пылью каменного угля, а зимой... дымом и сажей, обильно выбрасываемой из трубы котельной... В общей сложности мое пребывание в тюрьмах, политизоляторах и ссылках продолжается уже более десяти лет... Ввиду изложенных обстоятельств... решаюсь ходатайствовать о сокращении в порядке амнистии срока моего наказания до трех лет, с зачетом предварительного заключения... Для совершения приписываемого мне преступления у меня не только не было никакого желания, но даже и физической возможности... Обвинение по 58 статье было выдвинуто совершенно неожиданно после того... как я высказал противоположное суждение по вопросу об отречении от местоблюстительства.

(Для себя лично, с точки зрения своего естественного эгоизма, я не должен бы в этом вопросе расходиться с представителями власти, но я не мог поступить иначе)

В сущности местоблюстительство лично для меня не представляет интереса, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета... Но я должен считаться с тем обстоятельством, что решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не может быть актом моей единоличной воли. Своим званием я неразрывно связан с духовными интересами и волей всей Поместной Церкви. Таким образом, вопрос о распоряжении местоблюстительством, как не являющийся личным вопросом, не подлежит и личному усмотрению, в противном

случае я оказался бы изменником Святой Церкви. Между прочим и в акте о моем вступлении имеется напоминание, что я обязан не уклоняться от исполнения воли Патриарха Тихона, а следовательно и воли подписавшихся к акту архиереев... равно как и воли клира и верующих, девятый год состоящих со мной в молитвенном общении".

Шли месяцы и годы, а в положении Местоблюстителя ничего не менялось, разве что условия становились все жестче и строже: его перевели в одиночку Верхнеуральской Тюрьмы Особого Назначения; надзирателям здесь было запрещено куда-либо его выводить, где он мог бы столкнуться с другими людьми.

В Верхнеуральской тюрьме митрополит Петр пробыл до окончания срока, 23 июля 1936 года. День прошел, но его не освободили. Еще 9 июля 1936 года состоялось заседание Особого Совещания при НКВД СССР (за секретаря - Тучков), на котором было решено продлить срок заключения митрополита Петра еще на три года; было послано ходатайство об утверждении срока во ВЦИК СССР. Состоявшееся 25 августа заседание президиума ВЦИК постановило ходатайство Особого Совещания НКВД о продлении срока тюремного заключения еще на три года удовлетворить. 1 сентября 1936 года Патриаршему Местоблюстителю объявили о продлении срока. Митрополиту Петру было уже семьдесят четыре года, и срок этот, можно было считать пожизненным. Во всяком случае власти решили считать святителя умершим, о чем и сообщили митрополиту Сергию. В декабре 1936 года митрополиту Сергию был усвоен титул Патриаршего Местоблюстителя. А Местоблюститель был еще жив. И так прошел еще год заключения. В июле 1937 года по распоряжению Сталина был разработан оперативный приказ о расстреле в течение четырех месяцев всех находящихся в тюрьмах и лагерях исповедников. В соответствии с этим приказом администрация Верхнеуральской тюрьмы составила против митрополита Петра обвинение: "Отбывая заключение в Верхнеуральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом советского государства, клевещет на существующий государственный строй... обвиняя в "гонении на Церковь", "ее деятелей". Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение, так как он не принял к исполнению требование НКВД отказаться от сана Местоблюстителя Патриаршего престола".

2 октября 1937 года Тройка НКВД по Челябинской области приговорила Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра к расстрелу. Он был расстрелян через несколько дней, 10 октября в четыре часа дня.

Канонизован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1997 году.

Примечания

1 Смирнову

2 Преображенскому

3 Печатание газетами обвинений против митрополита Петра не было, конечно, действием случайным. Советские власти и ГПУ приняли решение об уничтожении митрополита. 11 ноября 1925 года комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК партии большевиков постановила: "Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев... В целях поддержки группы (архиепископа Григория Яцковского), стоящей в оппозиции к Петру... поместить в "Известиях" ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить тт. Стеклову И. И., Красикову П. А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой (архиепископа Григория.) декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие".

4 Будущие григорианцы

5 Страгородский

6 Ермаков

7 Петровых

8 Уже некоторое время епископ Дамаскин искал человека, который мог бы поехать к больному Местоблюстителю для передачи ему материальной помощи, а также и для ухода за ним, так как митрополит Петр часто болел. Летом 1929 года из Чернигова в Стародуб, где жил в то время вернувшийся из ссылки епископ, приехала монахиня Ирина Бурова. Она была родом из Сибири, и ее владыка попросил поехать к митрополиту Петру. Он передал ей письмо к Местоблюстителю, в котором просил ответов на многие вопросы церковной жизни, и, в частности, о границах полномочий митрополита Сергия. Вместе со своим письмом епископ передал и копии писем митрополита Кирилла к митрополиту Сергию, а также письма архиереев, выражавших свои суждения относительно декларации.

9 Объясняя, почему он не может согласиться с предложением ГПУ, митрополит Петр в заявлении Менжинскому 27 марта 1931 года писал: "Прежде всего я нарушил бы установленный порядок, по которому Местоблюститель остается на своем посту до созыва Поместного Собора. Собор, созванный без санкции Местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными... Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия... К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом митрополиту Сергию, датированным декабрем 1929 года. Наконец, мое распоряжение, вышедшее из тюрьмы, несомненно, вызовет разговоры, догадки, будет истолковано как вынужденное, с разными нежелательными выводами... Откровенно скажу, что лично о себе я не хлопочу: дней моей жизни осталось немного, да и, кажется, я уже потерял интерес к жизни, скитаясь в общем более восьми лет по тюрьмам и ссылкам. Я только опасаюсь, что распоряжением и деланием наобум могу нарушить свой долг и внести смуту в среду верующих".

10 Оставлению его в тюрьме и новому приговору. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученик Петр, архиепископ Воронежский (память 25 января по старому стилю в Соборе новомучеников и исповедников Российских)

Священномученик Петр, архиепископ Воронежский (в миру Зверев Василий Константинович) родился 18 февраля 1878 года в Москве в семье протоиерея. После обучения на Историко-Филологическом факультете Московского Императорского Университета, Василий поступил в Казанскую Духовную Академию, где за два года до окончания курса (в 1900-м году) принял монашеский постриг с именем Петр.

По окончании Академии иеромонах Петр преподавал в Орловской Духовной Семинарии, а затем исполнял должность епархиального миссионера при Московском епархиальном доме.

С 1907 года он получает назначение на должность инспектора Новгородской Духовной Семинарии, а с 1909 до 1917 года является настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в городе Белев Тульской епархии, в сане архимандрита. В это время он часто посещает расположенную неподалёку Оптину пустынь, проводя многие часы в беседах с Оптинскими старцами. Служения отца Петра очень любили местные крестьяне, поскольку отец Петр, часто служа в их сёлах, отличался ласковым и внимательным обращением с ними. Бывал отец Петр и в Сарове, и в Дивеево, не упуская при этом случая навестить блаженную Прасковью Ивановну. Она и подарила ему холст своей работы, из которого он сшил потом себе архиерейское облачение и которое хранил на собственное погребение. Во время Первой мировой войны в Спасо-Преображенском монастыре был устроен лазарет для раненых. Сам же настоятель в 1916 году служил священником в действующей Армии.

После февральского переворота отец Петр назначается на должность настоятеля Тверского Свято-Успенского Желтикова монастыря. И уже в 1918 году, в Твери, он подвергается кратковременному аресту.

2 (15) февраля 1919 года в Москве Святейшим Патриархом Тихоном архимандрит Петр был хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Сразу после хиротонии Владыка Петр приехал в Нижний Новгород и поселился в Печерском монастыре на берегу Волги. Монастырь находился в упадке, 6братия была малочисленна, древний Успенский собор пришёл в запустение. Владыка сам принял участие в уборке храма, и ввёл строгую уставную службу. Случалось, что всенощная длилась всю ночь, и тогда Владыка привлекал к службе усердствующих прихожан, поскольку никакие певчие не могли столь долго стоять на клиросе. Акафистов за всенощной он никогда не читал, но требовал, чтобы вычитывались все кафизмы. Сокращений он не допускал ни при служении панихид, ни при отпеваниях. Порой, Владыка с грустью говорил: "Кто отслужит по мне такую панихиду?". А келейнику так говорил: "Во всём твой Петр грешен, только устава никогда не нарушал".

В Печерском монастыре он завёл преподавание Закона Божия для детей и сам учил их. Нижегородцы полюбили Владыку, увидев в нём настоящего духовного наставника. Эта слава не понравилась правящему архиепископу Нижегородскому Евдокиму (впоследствии отпавшему в обновленческий раскол). И вскоре Владыка был переведён в Канавино, за Оку. Там в мае 1921 года его арестовали во второй раз. Рабочие местных заводов по поводу ареста любимого архипастыря устроили трёхдневную забастовку, и местные власти пообещали его выпустить, но вместо этого тайно отправили в Москву.

С декабря он находился в заточении в Московских тюрьмах. Сначала его поместили на Лубянку, но и там Владыка не прекращал проповедь: ему не успевали посылать кресты: обращая людей к вере, Святитель снимал свой крест и надевал на обращённого. "Я хотел бы открыть им и показать своё сердце, как страдания очищают душу".

С Лубянки Владыку перевели в Бутырскую тюрьму, оттуда - в Таганскую. С плачем прощались с ним заключённые, а при переводе из Бутырок его провожали даже надзиратели.

В Таганской тюрьме в это время находилось двенадцать архиереев. Их духовные чада передавали просфоры и облачения, и Святители прямо в камере совершали соборную службу. Там Владыка Петр заболел от истощения и попал в больницу. В конце июля 1921 года он был отправлен по этапу в Петроград, где оставался в заключении до зимы. В декабре Владыка был освобождён и вернулся в Москву, где вскоре получил назначение епископом Старицким, викарием Тверской епархии. Вскоре Святитель вновь был арестован за выпущенное им обращение к Тверской пастве, в котором он объяснял сущность обновленчества. В ноябре 1922 года его доставили в Москву. На допросах он

показал, что признаёт Патриарха Тихона главой Русской Православной Церкви, а решениям самозванного обновленческого совета ВЦУ не подчиняется. В марте 1923 года Святитель был отправлен по этапу в Ташкент, а оттуда в посёлок Кызыл-Орду. Жил он в тяжёлых условиях, болел цингой, в результате чего лишился зубов.

Летом 1923 года был освобождён из заключения Патриарх Тихон. Он подал властям списки архиереев, без которых не мог управлять Церковью. В их числе был и епископ Петр. Летом 1924 года он вернулся из ссылки в Москву.

30 марта 1925 года он подписал Акт о восприятии священномучеником митрополитом Петром (Полянским) власти Патриаршего Местоблюстителя.

В июле 1925 года Владыку направили в Воронеж для помощи престарелому митрополиту Владимиру (Шимкевичу). После его кончины Владыка Петр в 1926 году был назначен на Воронежскую кафедру с возведением в сан архиепископа.

Владыка пользовался огромным уважением жителей Воронежа, которые почитали его хранителем чистоты Православия. Храмы, где Владыка служил по Афонскому уставу, были всегда переполнены. Он не любил партесного пения: у него пела вся церковь. Народ шёл к своему архипастырю непрерывно: входившие к нему с грустным видом выходили сияющими и утешенными.

При Владыке началось массовое возвращение из обновленчества. Возвращавшихся священ- нослужителей он принимал в Православие через всенародное покаяние. Верующие, опасаясь, что арестуют их любимого Владыку, устраивали круглосуточные дежурства возле его квартиры, неоднократно выражали массовые протесты. Когда Владыка отправлялся по очередному вызову в милицию или Г.П.У. то по 300 человек мирян сопровождали его, требуя освобождения Святителя. В защиту архипастыря даже была послана телеграмма от имени рабочих в адрес XV-й партконференции.

Рассказывали, какое впечатление производил Владыка на служащих Г.П.У. Входя в комнату следователя, он оглядывался, как бы ища икону. Но не найдя таковой, он крестился на правый угол, делая поясной поклон, и тогда начинал разговор со следователем. Служащие при его появлении невольно обнажали головы.

Однако властям удалось в ноябре 1926 года арестовать Святителя. Его немедленно вывезли из Воронежа и постановлением О.Г.П.У. от 27 марта 1927 года осудили на 10 лет лагерей "за контрреволюцион-ную деятельность против советской власти".

Поздней осенью священномученик после тюрьмы, этапов и Кемского пересыльного лагеря оказался на Соловках. Там он работал счетоводом на продуктовом складе. Владыка и в этих условиях строго соблюдал молитвенное правило, жил по церковному уставу. После отправки из Соловков священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) Владыка Петр был избран ссыльными архиереями главой Соловецкого православного духовенства и пользовался среди него высоким авторитетом. Там он возглавляет тайные богослужения, а после того как был отобран антиминс, службы совершались на груди у Владыки. Нравственная высота Святителя была такова, что даже с метлой в руках в роли дворника или сторожа, он внушал благоговейное уважение. Грубые и наглые "вохровцы", привыкшие издеваться над заключёнными, при встрече не только уступали ему дорогу, но и приветствовали его, на что он отвечал, осеняя их крестным знамеиием. Начальники же отворачивались: достойное спокойствие архипастыря принижало их, вызывало раздражение и досаду. Святитель Петр медленно шествовал мимо смущённого начальства, слегка опираясь на посох и не склоняя головы. Вскоре лагерная власть отомстила не сломленному ею человеку. После того, как властям стало известно, что он отпел умершую на Соловках "белую" уборщицу Императрицы Александры Феодоровны Валентину Карловну (по другим сведениям, это случилось после того, как он крестил в Святом озере заключённую эстонку) Святитель с зимы 1928 года был отослан на остров Анзер "в уединённое и пустынное местожительство". Здесь, живя в бывшем Голгофском скиту, в молитвенном горении духа он написал Акафист преподобному Герману Соловецкому.

В конце 1928 года Святитель Петр заболел тифом, и в январскую стужу был помещен в тифозный барак, который открыли в Голгофо-Распятском скиту на (острове Анзер). Святитель проболел две недели, и даже казалось, что кризис миновал, но Владыка был очень слаб и не принимал пищи. Его духовному сыну, в день кончины Святителя, пришло видение: в четыре часа утра он услышал шум, словно влетела стая птиц, он открыл глаза и увидел святую великомученицу Варвару со многими девами. Она подошла к постели Владыки и причастила его Святых Тайн. Вечером священномученик несколько раз написал на стене карандашом: "Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает".

25 января (7 февраля н. ст.) 1929 года священномученик Петр скончался. Первоначально Владыку похоронили в общей могиле, куда опускали всех погибших от тифа. Однако на пятый день заключённые тайно открыли общую могилу и, по рассказу присутствовавшей там монахини Арсении: "Все умершие лежали чёрные, а Владыка лежит... в рубашечке, со сложенными на груди руками, белый как кипельный".

После облачения в архиерейские одежды, духовенством лагеря было совершено отпевание, над могилой поставлен крест. Похоронен был Владыка в отдельной могиле у подножия Анзерской горы Голгофы, напротив алтаря церкви в честь Воскресения Христова. Когда же могилу уже засыпали, над ней появился столп света, в котором увидели Владыку, всех благословившего.

17 июня 1999 года святые мощи священномученика Петра были обретены и сейчас пребывают в соборе Соловецкого монастыря.

Канонизован, как местночтимый святой Воронежской епархии в 1999-м году.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Пимен, епископ Семиреченский и Верненский (память 3 сентября по старому стилю)

Священномученик Пимен, епископ Семиреченский и Верненский (в миру Пётр Захарьевич Белоликов) родился 5 ноября 1879 года в селе Васильевское Череповецкого уезда Новгородской губернии в большой благочестивой семье священника Захария Ивановича и его супруги Марии Ивановны Орнатской - дочери священника Иоанна Орнатского. Известные санкт-петербургские священники Философ и Иоанн Орнатские приходились ему двоюродными братьями. Через отца Иоанна Пётр Белоликов находился в свойском родстве с великим кронштадтским пастырем - святым праведным Иоанном Кронштадтским.

Окружение святого батюшки, жившее яркой церковно-общественной жизнью, и сам он были той средой, в которой духовно формировался будущий священномученик. Митрополит Новгородский Арсений говорил о Петре как о воспитаннике Кронштадтского пастыря.

В 1900 году по окончании Новгородской Духовной семинарии, Пётр продолжил обучение в Киевской Духовной Академии, которую закончил в числе лучших в 1904 году. В его дипломном сочинении "Отношенье Вселенских Соборов к творениям Церковных Писателей" исследовался догматический вклад святоотеческой литературы в деятельности семи Вселенских Соборов.

Ещё студентом 7 августа 1903 года он принял монашеский постриг с именем Пимен в честь Киево-Печерского преподобного Пимена Многоболезненного, что в Ближних пещерах.

Духовный отец - митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий) - благословил его на миссионерские труды. 3 июня 1904 года иеродиакона Пимена рукополагают в иеромонаха с назначением в Урмийскую Православную Духовную миссию на Северо-Западе Персии (в городе Урмия). Перед отъездом в Урмию отец Пимен познакомился в Санкт-Петербург с бывшим начальником миссии епископом Гдовским Кириллом (Смирновым, память 7 ноября), который пользовался особой любовью и уважением святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Миссионерскому служению было отдано в общей сложности девять лет из недолгой жизни епископа. Миссионер по призванию, он скоро овладел древнесирийским и новосирийским языками, тюркскими наречиями и проповедовал среди сирийских несториан, перешедших в Православие, защищал их интересы перед персидскими властями, преподавал в училище при миссии, находя время и для научных трудов, переводов раннехристианских сирийских текстов, издавал миссийский журнал "Православная Урмия".

В 1911 году игумен Пимен назначается на должность ректора Ардонской Духовной семинарии Владикавказской епархии с возведением по должности в сан архимандрита. В Ардоне в течении года он трудился над духовным просвещением осетин. Однако сожаление об уходе из Урмийской миссии побуждает отца Петра просить начальство вернуть его обратно. В это время отец Пимен начинает свою переписку с известным миссионером, Святителем Николаем (Касаткиным, память 3 февраля), трудившимся в далёкой Японии. Просьба была удовлетворена, и два последующих года служения в должности помощника начальника миссии были отмечены расцветом его миссионерского таланта. Начало Первой мировой войны остановило дело дальнейшего присоединения к Православию сирийцев.

С 1914 года отец Пимен служит в Перми в должности ректора Пермской Духовной семинарии, где становится сподвижником и надёжной опорой во всех начинаниях пламенного поборника Православия, будущего священномученика архиепископа Пермского Андроника (память 7 июня), который надеялся видеть отца Пимена своим викарием.

В одном из пермских выступлений архимандрит Пимен прозорливо предостерегал: "Берегите своё драгоценное достояние - веру Православную и ея священныя воспоминания... Иначе вы воспитаете в народе не душу кроткую и терпеливую, а душу зверя, который принесёт неисчислимые беды и себе и вам". Отец Пимен также руководил трезвенническим движением в городе.

6 августа 1916 года в Петрограде состоялась его епископская хиротония с назначением на приграничную Салмасскую кафедру в Персии. Преосвященный Андроник подарил ему свою панагию, с которой епископ Пимен не расставался последующие два года жизни.

В хронике проводов Владыки Пимена из Перми, на которые пришла вся православная Пермь, указывалось: "Он был истинным пастырем, был безсребреником, помогал направо и налево". Когда Владыка поднялся в поезд, народ, стоявший на перроне, обнажил головы. В оставшиеся минуты люди пели церковные песнопения.

Третий приезд в Урмию уже в качестве епископа принёс много скорбей: обнищание миссии, её вынужденное бездействие в помощи голодающим от неурожая, интриги инославных миссий. Это положение вызывало скорбь в сердце Владыки. Тем не менее командующий Урмийским отрядом отмечал благотворное воздействие епископа на дух русских воинов.

Через год Владыку по его просьбе отозвали из Персии. Последовало его назначение викарием Туркестанским в город Верный (ныне Алма-Ата) на вновь созданную кафедру

Семиреченскую и Верненскую. В свой кафедральный город Верный, центр Семиреченской области, Владыка прибыл 11 октября 1917 года.

Там 38-летний епископ возобновил народные чтения и беседы, объясняя присутствующим на них современное положение в России. Владыка давал весьма сдержанные оценки Февральской революции, а с приходом к власти большевиков деятельный, умный, промонархически настроенный архипастырь был обречён на гибель. По воспоминаниям самих большевиков народ шёл к нему с утра до вечера. Его авторитет был так велик, что "соввласть" серьёзно опасалась "двоевластия" в Семиреченске. Миротворческими усилиями он мешал политике разжигания классовой розни между казачеством и крестьянством, осудил декрет о гражданском браке, добивался сохранения преподавания в школах Закона Божия. Часто он занимался в своём доме с детьми, организовал детский духовный кружок. Летом 1918 года Владыка воспрепятствовал изъятию церковных ценностей из кафедрального собора.

Неся ответственность перед Богом за весь народ Семиречья, Святитель утешал и напутствовал раненых и той, и другой стороны в начавшейся гражданской войне. Но на страницах издававшейся в Китае, в Кульдже, и нелегально распространявшейся по Семиречью газеты "Свободное слово" он давал христианскую оценку творившемуся новыми властями беззаконию, поддерживал Белое движение и призывал к участию в его рядах. Об этом же он говорил и в открытых проповедях, призывая народ молиться "об избавлении от супостата".

Уже в августе 1918 года ему стало известно о расстреле Государя и он с амвона Архиерейской церкви осудил это злодеяние. При этом он оставался в Верном в фактическом одиночестве в своём противлении разгулу зла. Цельность и чистота его натуры, твёрдая воля, интеллект ученого, соседствовавшие с привычкой к физическому труду и восприимчивостью к прекрасному талант оратора при полном отсутствии притязания на внешнее самоутверждение, аскетический образ жизни человека, привыкшего к походной жизни рядом с офицерами Кавказского фронта - всё это говорило о глубине духа Святителя. Обстоятельства гибели Владыки таковы. Накануне ареста он вёл в своём доме занятия детского духовного кружка. Вечером, 3 (16 н. ст.) сентября 1918 года, в его покои ворвались красноармейцы из карательного отряда Мамонтова, отозванного с Семиреченского фронта специально для ареста Владыки. Оскорбляя и унижая Святителя, они потребовали ехать с ними. После раздумий Владыка подчинился. Его посадили на тачанку и увезли в загородную рощу Баума. Даже бойцы карательного отряда, вызванного в Верный для "наведения революционного порядка", долго не решались выстрелить в Святителя. Убил же Владыку выстрелом в упор известный в городе бандит, служивший в городской милиции, и, упав с лошади, здесь же сломал ногу.

Духовенство, которому Владыка велел звонить в колокола в случае долгого своего отсутствия, чтобы поднять народ - не выполнило просьбы своего Архипастыря. Согласившись ехать с красноармейцами, Владыка сознательно пошёл на великую жертву: он отдавал свою жизнь для того, чтобы расправа над ним стала сигналом православному народу явить свою сплочённость и силу. Только напрасно слух его ловил звуки набата: духовенство приняло решение не звонить, приводя один довод малодушнее другого... Но известно то, что в городе был митинг с требованием выдать тело убитого и демонстрация протеста, которую разогнали с помощью оружия. Только на следующий день дети, ходившие в рощу за орехами, увидели на поляне убитого епископа. Тело Владыки верующими было глубокой ночью тайно погребено в парке рядом с кафедральным собором в старом семейном склепе Семиреченского генерал-губернатора. На месте, где после расстрела лежало тело Владыки, ещё недавно был виден ровный прямоугольник - размером с человека - красного мха. Такого нигде больше нет во всей старинной роще. Теперь здесь стоит гранитный обелиск.

Рядом с кафедральным собором, недалеко от тайного захоронения святых останков, в 1999 году заложен храм-крестильня имени священномученика Пимена.

Канонизован как местночтимый святой Алма-Атинской епархии Русской Православной Церкви 12 октября 1997 года.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученики Платон, епископ Ревельский, Николай Бежаницкий и Михаил Блейве (память 1 января по старому стилю)

Священномученик Платон, епископ Ревельский (в миру Павел Петрович Кзельбут (Кульбуш), родился 13 июля 1869 года в Рижской губернии в эстонской семье псаломщика. В 1893году окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию и принял сан священника. В 1904 году назначается настоятелем Эстонского Православного Свято-Исидоровского храма в Санкт-Петербурге и занимает эту должность в течении 13 лет. Отец Платон сумел объединить православных эстонцев столицы в один приход.

24 декабря 1917 года он принимает монашество и возводится в сан архимандрита, а 31 декабря 1917 года хиротонисуется священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским, память 31 июля) во епископа Ревельского в Александро-Невском соборе города Ревеля. Владыка ревностно восстанавливает в Эстонии приходскую жизнь, объезжает дальние приходы, ободряя смятенные революционными событиями души верующих. От духовенства он требовал близости к народу: "Ныне сила в народе, в единении с ним, - писал он в своём Послании, - нужно духовенству искать частого общения с ним, встреч, разговоров, знакомства с их настроениями, надеждами, исканиями".

В 1917-1918 годах Святитель принимает участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви. Но чтобы не быть отрезанным от своей паствы, Владыка спешно возвращается в Ревель за несколько дней до прихода туда германских войск. Чтобы быть ближе к пасомым, он переносить свою кафедру в город Юрьев.

С 1918 по 1919 годы Владыка временно управляет и Рижской епархией. После того, как немецкие войска, оккупировавшие Эстонию, покинули Тарту (бывший Юрьев), город заняли большевики. 20 декабря 1918 года Владыку арестовали вооружённые красноармейцы прямо в алтаре храма во время всенощной. Причём один из них сел на Престол, как был, в шапке и закурил. Епископа грубо разоблачили.

Святителя и арестованных с ним 17 человек заключили в подвал бывшего кредитного Банка, превращённого большевиками в тюрьму, где они подверглись всяческим издевательствам. Владыку заставляли под конвоем носить через весь город пятипудовые мешки, под тяжестью которых он падал. Так мучили его 12 дней. Вскоре пришло известие о приближении Белой Армии. В ночь на 1 января Владыку вызвали на ночной допрос. Комиссар настаивал, чтобы он перестал проповедовать Евангелие, на что Святитель ответил: "Как только меня выпустят на свободу, я буду вновь повсеместно славить Господа".

В ту же ночь 1 (14 н. ст.) января 1919 года Владыка принял мученическую кончину, будучи зверски убит вместе с другими соузниками (в их числе протоиереи Николай Бежаницкий и Михаил Блейве).

В этот же день белые войска отбили город. Верующие поспешили в подвал, в котором большевики производили расстрелы. Гора ещё тёплых трупов с раздробленными черепами предстала их взорам.

На теле епископа Платона были найдены следы семи штыковых и четырёх огнестрельных ран, правый глаз Святителя был поражён разрывной пулей. Персты его правой руки были сложены для крестного знамения. Священнику Михаилу Блейве разрывная пуля была пущена в затылок, поэтому от лица у него ничего не осталось.

Отпевание мучеников было совершено в Успенском соборе города Тарту. 27 января 1919 года честные останки Владыки были торжественно перевезены в Таллин и погребены у левого клироса Спасо-Преображенского собора. А 4-5 января 1931 года было совершено торжественное освящение мраморного саркофага над могилой священномученика Платона.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученики Казанского Успенского Зилантова монастыря (память 28 августа по старому стилю)

В 1917 году в Зилантьевом монастыре, на окраине города Казани, проживали девять монахов и послушников под окормлением архимандрита Сергия (Зайцева).

Когда в 1918 году Казань была освобождена бело-чешскими войсками под командованием полковника Каппеля, на холме перед входом в обитель установили два орудия, которые обстреливали позиции большевиков.

28 августа (10 сентября н. ст.) чехи отступили и большевики ворвались в слободу, где стоял монастырь. Красноармейцы выстроили всю братию у стены монастырского двора и расстреляли их залпами из винтовок. Далее они оставили обитель и двинулись в город.

В живых остался лишь один престарелый иеромонах Иосиф, который при первых залпах упал на землю и его сочли убитым. Выбравшись из-под трупов своих собратий, он пошёл в город и нашёл приют в Иоанно-Предтеченском монастыре Отец Иосиф, оглохший и умерший через год после этого расстрела, рассказал о мученической кончин своих братий. Были расстреляны архимандрит Сергий (Зайцев, 1863-1918 гг.), иеромонах Лаврентий (Никитин; 1872-1918 гг.), иеромонах Серафим (Кузьмин; 1870-1918 гг.), иеродиакон Феодосий (Александров; 1864-1918 гг.), монах Леонтий (Карягин; 1870-1918 гг.), монах Стефан († 1918 г.), послушник Георгий (Тимофеев, 1880-1918 гг.), послушник Сергий (Галин, † 1918 г.), послушник Иларион (Правдин, † 1918 г.), послушник Иоанн (Сретенский, † 1918 г.). Чин отпевания и погребения мучеников совершил архимандрит (впоследствии епископ- священномученик) Иоасаф (Удалов).

Канонизованы как местночтимые святые Казанской епархии в 1998 году.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Прокопий (Попов) (память 30 сентября по старому стилю)

Вплотную к воде широкого Юга подходит село Шолга Вологодской губернии. Неподалеку от берега выстроен большой стройный храм во имя Пресвятой Троицы. Приход - больше ста деревень, и в самой Шолге благочиние, служат три священника, два диакона и три псаломщика.

Уже катилась по России смута. Прежде гражданской - духовная, и кому как не священникам было видеть падение и опустошение нравственное. Внешне жизнь для некоторых материально благоустраивалась, но уже предчувствовался грозный конец. Постучишь по дереву на вид здоровому, а звук обнаружит - дупло.

Шла Первая мировая война; одним тогда казалось, что стоит Россия непоколебимо, а другие уже тогда видели, что дело идет к концу. Еще задолго до революции настоятель храма отец Прокопий Попов, показывая церковному попечителю царские деньги, сказал:

- Вот, Василий Васильевич, придет скоро время, когда эти деньги, николаевские, на стены будут лепить, и никому они не будут нужны.

Для благочестивого попечителя это прозвучало как призыв к революции. Разгневавшись, он едва удержался, чтобы не отчитать резко священника. Прошло время, пало правительство царское, мутной волной унесло правительство временное, и вся тысячелетняя история России стала крениться и перекраиваться, все радужные краски погасли, и будущее затмилось.

Произошла революция, наступил 1918 год, большевики организовали карательные отряды, которые по всей стране истребляли священнослужителей и пользовавшихся авторитетом населения мирян. 13 октября, перед праздником Покрова Божией Матери, каратели явились в Шолгу и арестовали отца Прокопия. Посреди поля была вырыта яма. Уверенные в своей силе и безнаказанности, они решили расстреливать днем, не препятствуя народу присутствовать.

Когда-то римские воины-язычники, видя бесчинные убийства христианских мучеников, исповедовали себя христианами. Ныне на глазах паствы убивали пастыря - и она беззвучно отдавала его на расправу1.

Новоявленные властители показывали, что предела жестокостям не будет, и эта безжалостная решимость действовала на население парализующе. Это было время наглого, торжествующего зла.

Отец Прокопий встал перед могилой, помолился, попрощался с прихожанами, земно поклонился им и сказал:

- Простите меня, грешного.

Прихожане заплакали. Священник снял рясу, подал ее сыновьям, которые все это время стояли рядом, и остался в подряснике. Затем повернулся лицом к востоку, снова помолился и сказал:

- Я готов.

Раздался выстрел. Отец Прокопий упал. Вторым выстрелом он был убит.

Поначалу священник был погребен здесь же, на поле, но сыновья стали просить разрешения перенести его тело на кладбище. Власти отказывали, но родственники не прекращали хлопот, и наконец им дано было разрешение похоронить священномученика на кладбище села Косково.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

---

1 Имея в виду подобного рода случаи, Поместный Собор 1917/1918 годов принял решение: в те приходы, где прихожане не пытались защитить своего пастыря, другого священника не посылать. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученики Прокопий, архиепископ Херсонский и Николаевский и иже с ним убиенный иерей Иоанн Скадовский (память 10 ноября по старому стилю)

Священномученик Прокопий (в миру Титов Пётр Семёнович) родился 25 декабря 1877 года в городе Кузьминск Томской губернии в семье священника. В 1901 году он окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В том же году Пётр Семёнович принял монашеский постриг с именем Прокопий, был посвящён в сан иеромонаха и назначен преподавателем Томской церковно-учительской школы. С 1906 года отец Прокопий преподаёт в Иркутской Духовной Семинарии, а с 1909 года является помощником начальника училища пастырства в Житомире в сане архимандрита. 30 августа 1914 года отец Прокопий был хиротонисан в епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии.

Являясь участником Поместного Собора 1917-1918 годов, Владыка осенью 1917 года на нём был назначен настоятелем Александро-Невс- кой Лавры. В январе 1918 года при неудавшейся попытке захвата Лавры красноармейцами Святитель был объявлен арестованным, но по требованию верующих был освобождён. Через несколько дней он был назначен наместником Лавры, находясь на этой должности до апреля 1918 года. Затем Владыка уезжал на Украину.

С 1919 года епископ Николаевский, викарий Одесской епархии; с 1921 года епископ Одесский и Херсонский. В начале 1920-х годов Владыка был судим "за противодействие изъятию церковных ценностей и за тесные сношения с добровольческим командованием при ген. Деникине".

К февралю 1925 года его освободили из тюрьмы и некоторое время он проживал в Москве. С июня 1925 года Владыка назначается архиепископом Херсонским и Николаевским. Он входил во временный состав Священного Синода, учрежденный святым Патриархом Тихоном в 1925 году. С ноября 1925 года Святитель епархией не управлял, так как был арестован и в мае 1926 года приговорён к трём годам лагерей. Заключение он отбывал в Соловецком лагере до ноября 1928 года, а затем находился в Тобольской ссылке.

В сентябре 1928 года заключённый архипастырь был смещён митрополитом Сергием (Страгородским) с Херсонской кафедры, что вызвало недовольство у многих священнослу- жителей епархии, не согласных с текстом Декларации 1927 года. Сам Владыка, хотя и выпустил Послание, осуждавшее Декларацию, но от митрополита Сергия не отделялся. До августа 1930 года он состоял в переписке с митрополитом Петром (Полянским).

Во второй половине 1930-х годов Владыка был в ссылке в городе Ташкент и город Турткул Узбекской С. С. Р. Святитель был расстрелян 10 (23 н. ст.) ноября 1937 года.

Вместе с Владыкой пострадал и священномученик иерей Иоанн Георгиевич Скадовский. Он родился в Херсоне в 1875 году в дворянской семье, получил высшее образование и до революции был земским начальником. После 1917 года принял сан священника и служил в церкви города Херсон. В январе 1931 года он был арестован по делу Херсонской группы Одесского "филиала" Истинно-Православной Церкви и приговорён к пяти годам лагерей.

В феврале 1933 года отец Иоанн был освобождён досрочно с ограничением проживания в 12-ти городах. Он поселился в городе Камышин. В 1935 году отец Иоанн был арестован и приговорён к 5 годам ссылки в Каракалпакии.

В 1937 году в ссылке он был снова арестован и в ноябре 1937 года расстрелян.

Священномученики Прокопий и Иоанн прославлены в 1996 году Священным Синодом Украинской Православной Церкви, а также причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Протоиерей Роман Медведь, исповедник (память 26 августа по старому стилю)

Протоиерей Роман Иванович Медведь, исповедник родился в Холмской губерний 1 октября 1874 года. Получив духовное образование, он посвятил себя пастырскому служению, во всём стараясь следовать примеру своего духовного отца - святого праведного Иоанна Кронштадтского. В 1900 году отец Иоанн повенчал Романа Ивановича с А.Н. Невзоровой, которая также стала духовной дочерью Кронштадтского светильника. В том же году он был рукоположен во иерея. Первым местом служения для него стал храм Воздвижения Креста Господня в Черниговской губернии, где он окормлял паству в течении 1902-1903 годов. Затем болезни, а вскоре и гонения от богоборческой власти заставили несколько раз сменить приходы.

С 1907 года батюшка самоотверженно служил настоятелем Адмиралтейского Свято-Влади- мирского собора в городе Севастополь. Как протопресвитер Черноморского флота, он пользовался огромным авторитетом среди моряков. В его подчинении находились 50 священников на кораблях флота. Чтобы развеять революционную "романтику" на флоте, батюшка выпустил брошюру о соблазнах революции и основах Православия. С помощью проповеди батюшке удалось прекратить волнения 1912 года на линкоре "Святитель Иоанн Златоустый"; там же он исповедывал приговорённых к расстрелу матросов. Однако, накануне Рождества 1918 года, один из матросов, уличённый батюшкой в краже церковных денег и ставший во время Февральской революции председателем революционного комитета, настоял на приговоре батюшки к расстрелу.

Преданные своему духовнику чада предупредили батюшку о готовящейся расправе и он успел перебраться в Москву. Некоторое время он окормлял осиротевших после расстрела священномученика протоиерея Иоанна Восторгова приход храма Василия Блаженного, но вскоре храм закрыли и батюшка был переведён в храм Святителя Алексия в Глинищевском переулке. И там батюшка в эти тяжёлые годы сумел наладить глубокую духовную жизнь общины. Появилось "Братство ревнителей Православия в честь Святителя Алексия, митрополита Московского", которое организовало "Народные лекции". Братство это имело не менее 200 постоянных членов. На этих лекциях выступал и отец Роман, обличая ложные идеалы, навязываемые народу новой властью. В мае 1931 года батюшка был арестован и обвинён в том, что руководил организацией "преследовавшей политические, антисоветского характера цели, в издательстве антисоветской литературы и распространении листков под заглавием "Кто наше

правительство" антисемитского характера". Однако, по амнистии В.Ц.И.К. дело руководителей Братства было прекращено и батюшка был освобождён ещё до суда.

Несмотря на непрестанно ухудшавшееся здоровье, батюшка оставался спокойным, доступным и ангельски кротким. Сравнивая его общину со своей, известный московский духовник отец Алексий Мечёв говорил: "У тебя стационар, а у меня - только амбулатория".

В 1930 годы батюшка был арестован, а храм разрушен. В 1931 году отца Романа приговорили к 10 годам лагерей на Соловках. Но и оттуда он не оставлял духовных чад, писал им письма. На Соловках отец Роман работал сторожем, потом счетоводом. Из-за полученной инвалидности срок заключения батюшки был сокращён. В 1936 году он вернулся из ссылки и поселился в городе Малоярославец, где, несмотря на тяжёлую болезнь (костный туберкулёз и перелом шейки бедра), продолжал пастырское служение. Незадолго до кончины батюшка принял постриг в мантию с именем Иосиф.

26 августа (8 сентября н. ст.) 1937 года отец Роман скончался. Погребён он был на кладбище города Малоярославец.

3 августа 1999 года состоялось обретение мощей священноисповедника протоиерея Романа. Святые мощи были перенесены в Москву и положены в храме Покрова Пресвятой Богородицы, что на Лыщиковой горе.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик митрополит Серафим (Чичагов) (память 28 ноября по старому стилю)

Святитель Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов) родился 9 января 1856 года в Санкт-Петербурге, в семье полковника артиллерии Михаила Никифоровича Чичагова и его супруги Марии Николаевны. Семья будущего святителя принадлежала к одному из наиболее знаменитых дворянских родов Костромской губернии. По причине того, что отец будущего святителя полковник М. Н. Чичагов проходил военную службу в Учебной артиллерийской бригаде, младенец Леонид принял Таинство святого крещения 20 января 1856 года в храме Святого Александра Невского при Михайловском артиллерийском училище. То обстоятельство, что местом вхождения будущего святителя Серафима в церковную жизнь стал храм, принадлежавший военному ведомству, оказалось весьма символичным для всей дальнейшей жизни святителя. Действительно, подобно своим предкам святитель Серафим начал свое служение Богу как служение Царю и Отечеству на поле брани, и именно это служение воина стало для него, как и для его предков, первым опытом самоотверженного служения Богу в миру.

Оказавшись участником почти всех основных событий кровопролитной Русско-турецкой войны, произведенный на поле брани в гвардии поручики и отмеченный несколькими боевыми наградами Л. М. Чичагов неоднократно (как это, например имело место при переходе через Балканы и в сражении под Филиппополем) проявлял высокий личный героизм.

Промысл Божий, уберегший поручика Л. М. Чичагова от смерти и ранений на полях брани, привел его вскоре после возвращения в Санкт-Петербург в 1878 году к встрече с великим пастырем Русской Православной Церкви святым праведным Иоанном Кронштадтским, разрешившим многие духовные вопросы молодого офицера и ставшим на все последующие годы непререкаемым духовным авторитетом для будущего

святителя, который с этого времени многие свои важнейшие жизненные решения принимал лишь с благословения святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Важным событием, ознаменовавшим дальнейшее духовное становление 23-летнего Л. М. Чичагова, стал заключенный им 8 апреля 1879 года брак с дочерью камергера Двора Его Императорского Величества Наталией Николаевной Дохтуровой. Памятуя о том, что христианский брак есть прежде всего малая Церковь, в которой не угождение друг другу, а тем более предрассудкам, большого света, но угождение Богу является основой семейного счастья, Л. М. Чичагов сумел привнести в уклад своей молодой семьи начала традиционного православного благочестия. Именно эти начала и были положены в основу воспитания четырех дочерей - Веры, Наталии, Леониды и Екатерины, которые родились в семье Чичаговых.

Научившись еще на войне глубоко сопереживать физическим страданиям раненых воинов, Л. М. Чичагов поставил перед собой задачу овладеть медицинскими знаниями, для оказания помощи своим ближним. В дальнейшем значительным итогом многолетних медицинских опытов Л. М. Чичагова стала разработанная им и испытанная на практике система лечения организма лекарствами растительного происхождения, изложение которой заняло два тома фундаментального труда "Медицинские беседы".

В это же время в жизнь Л. М. Чичагова вошли и систематические богословские занятия, в результате которых не получивший даже семинарского образования офицер превратится в энциклопедически образованного богослова, авторитет которого со временем будет признан всей русской Православной Церковью. Промысл Божий неуклонно подводил Л. М. Чичагова к подготовленному всем его предшествующим развитием решению о принятии священного сана. Но именно накануне этого промыслительно предустановленного решения Л. М. Чичагову пришлось испытать одно из серьезнейших искушений в своей жизни. Его горячо любимая супруга Наталия Николаевна воспротивилась решению своего мужа оставить военную службу и всецело посвятить себя служению Богу в качестве священнослужителя. Причины, подвигнувшие эту весьма благочестивую женщину к противлению благой воле своего супруга, коренились как во всем духовном укладе окружавшего ее высшего петербургского общества, так и в той весьма непростой житейской ситуации, в которой находилась семья Чичаговых в это время. Воспитанная своим супругом в убеждении всегда строго следовать исполнению своего долга перед семьей, Н. Н. Чичагова в какой-то миг противопоставила этот слишком по-человечески понятный ею долг перед семьей Промыслу Божию о призвании своего мужа.

Благословивший Л. М. Чичагова на принятие священного сана святой праведный Иоанн Кронштадтский, понимая всю сложность грядущей жизненной перемены для семьи Чичаговых и очень хорошо представляя всю тяжесть бремени матушки любого настоящего пастыря, счел необходимым в личной беседе с Н.Н. Чичаговой убедить ее не противиться воле Божией и дать согласие на принятие супругом священного сана. Слова мудрого кронштадтского пастыря и данное ей благословение стать матушкой, также верность своему грядущему священническому призванию и глубокая любовь к ней ее мужа помогли Н.Н. Чичаговой преодолеть свои сомнения, и она согласилась разделить с супругом бремя его нового служения.

15 апреля 1890 года Высочайшим приказом Л.М. Чичагов был уволен в отставку, после чего семья Л.М. Чичагова в 1891 году переехала в Москву, и в синодальную эпоху остававшуюся православной столицей России. Именно здесь, под сенью московских святынь, Л. М. Чичагов стал благоговейно готовиться к принятию священного сана. 26 февраля 1893 года в московском синодальном храме Двунадесяти апостолов Л. М. Чичагов был рукоположен в сан диакона. Пресвитерская хиротония последовала через два дня, 28 февраля, в той же церкви.

Испытания первого года священнического служения отца Леонида оказались усугубленными неожиданной тяжелой болезнью супруги, матушки Наталии, которая

привела в 1895 году к ее безвременной кончине, лишившей матери четырех дочерей, старшей из которых было 15, а младшей - 9 лет. Отец Леонид привез тело почившей супруги в Дивеево и похоронил на монастырском кладбище. Вскоре над могилой была возведена часовня, и рядом с местом погребения матушки Натальи отец Леонид приготовил место для собственного погребения, которому, впрочем, так и не суждено было принять мощи будущего священномученика.

14 февраля 1896 года священник Леонид Чичагов по распоряжению Протопресвитера военного и морского духовенства был "определен к церкви в г. Москве для частных учреждений и заведений артиллерии Московского военного округа".

Обращенность к молитвенной жизни неизбежно влекла отца Леонида в стены монастыря, тем более, что уже несколько лет одним из важнейших послушаний в своей жизни отец Леонид считал составление "Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря", открывшей ему не только историю одной из замечательнейших монашеских обителей Русской Православной Церкви, но и монашеские подвиги одного из величайших подвижников Святой Руси - преподобного Серафима Саровского. Рождение замысла о составлении этой летописи, имевшей определяющее значение для всей дальнейшей жизни будущего архипастыря и отмеченной с самого начала чудесными проявлениями Промысла Божия об этом труде, отец Леонид описывал следующим образом. "Когда после довольно долгой государственной службы я сделался священником небольшой церкви за Румянцевским музеем, мне захотелось съездить в Саровскую пустынь, место подвигов преподобного Серафима, тогда еще не прославленного, и когда наступило лето, поехал туда. Саровская пустынь произвела на меня сильное впечатление. Я провел там несколько дней в молитве и посещал все места, где подвизался преподобный Серафим. Оттуда перебрался в Дивеевский монастырь, где мне очень понравилось и многое напоминало о преподобном Серафиме, так заботившемся о дивеевских сестрах. Игумения приняла меня очень приветливо, много со мной беседовала и между прочим сказала, что в монастыре живут три лица, которые помнят преподобного: две старицы-монахини и монахиня Пелагия (в миру Параскева, Паша)... Меня проводили к домику, где жила Паша. Едва я вошел к ней, как Паша, лежавшая в постели (она были очень старая и больная); воскликнула: "Вот хорошо, что ты пришел, я тебя давно поджидаю: преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил Государю, что наступило время открытия его мощей, прославления". Я ответил Паше, что по своему общественному положению не могу быть принятым Государем и передать ему в уста то, что она мне поручает... На это Паша сказала: "Я ничего не знаю, передала только то, что мне повелел преподобный". В смущении я покинул келью старицы".

Весна 1898 года стала временем принятия отцом Леонидом окончательного решения о своей будущей судьбе. Оставив своих уже несколько повзрослевших после кончины их матери четырех дочерей на попечение нескольких доверенных лиц, призванных следить за получением ими дальнейшего образования и воспитания, отец Леонид 30 апреля 1898 года получил отставку от протопресвитера военного и морского духовенства и летом того же года был зачислен в число братии Свято-Троице-Сергиевой лавры. Особое значение для новопостриженного иеромонаха имело наречение ему при пострижении в мантию 14 августа, 1898 года имени Серафим.

Указом Святейшего Синода 14 августа 1899 года он был назначен настоятелем суздальского Спасо-Евфимиева монастыря с последующим возведением в сан архимандрита.

В 1902 года усилиями архимандрита Серафима была переиздана впервые вышедшая в 1896 года "Летопись Серафимо-Дивеевекого монастыря". Это второе издание "Летописи" имело особое значение для канонизации преподобного Серафима Саровского, открывая перед всей Россией величие благодатных даров преподобного, отозвавшихся чудесным образом в жизни его многочисленных духовных чад.

По настоянию Государя в августе 1902 года комиссией во главе с будущим священномучеником митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским), в которую входил и архимандрит Серафим, было осуществлено предварительное освидетельствование мощей преподобного Серафима.

29 января 1903 года произошло событие, которого в это время с нетерпением и надеждой ожидали не только архимандрит Серафим и другие участники торжественного открытия мощей преподобного Серафима Саровского, но и многие верные чада Русской Православной Церкви, которые уже сподобились приобщиться к молитвенному почитанию преподобного, сопровождавшемуся многочисленными чудотворениями. Святейший Синод принял деяние, на основании которого саровский старец Серафим причислялся к лику святых Русской Православной Церкви.

14 февраля 1904 года архимандрит Серафим, был назначен настоятелем одной из семи ставропигиальных обителей Русской Православной Церкви - Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Проведя всего лишь год в Воскресенском монастыре, архимандрит Серафим запечатлел свое игуменство реставрацией знаменитого Воскресенского собора.

Однако Промыслом Божиим отцу Серафиму уготовано было новое церковное служение, возможно, самое трудное для священнослужителей Русской Церкви в наступившем в это время и ознаменовавшем свое начало обилием духовных и исторических смут XX столетии. 28 апреля 1905 года в Успенском соборе Московского Кремля будущим священномучеником митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским) в сослужении епископов Трифона (Туркестанова) и Серафима (Голубятникова) была совершена хиротония другого будущего священномученика архимандрита Серафима в епископа Сухумского.

Уже первое место епископского служения Сухумского святителя Серафима, древняя православная Иверская земля, стала для него местом испытаний в связи с событиями, которые наступили в результате революционной смуты, разразившейся в России. С этого времени и до конца его дней архиерейское служение оказывалось для святителя Серафима неразрывно связанным с мужественным стоянием за чистоту православной веры и единство Русской Церкви, которое священномученик Серафим, будучи продолжателем воинской славы своих доблестных предков, осуществлял уже в качестве воина Христова на поле духовной брани.

6 февраля 1906 года святитель Серафим был направлен на Орловскую кафедру, где он пришел к ставшему определяющим всю его дальнейшую архипастырскую деятельность убеждению, что полнокровное развитие епархиальной жизни возможно лишь на основе активно действующих приходских общин.

Свидетельством все возраставшего авторитета святителя Серафима в качестве епархиального владыки стало назначение его в 1907 году присутствующим членом Святейшего Синода.

16 сентября 1908 года был принят указ о его назначении на Кишиневскую кафедру. Вновь, как это уже неоднократно бывало в жизни святителя Серафима, успешно начав очередное церковное деяние, он не имел возможности непосредственно участвовать в его завершении.

С глубокой душевной болью покинув Орловскую кафедру, святитель Серафим 28 октября 1908 года прибыл в Кишиневскую епархию, состояние которой превзошло самые худшие ожидания владыки.

Тяжелым испытанием для владыки Серафима вскоре после его переезда в Кишинев стала кончина в декабре 1908 года святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, все эти годы продолжавшего оставаться духовным отцом святителя.

Трехлетняя созидательная деятельность святителя Серафима на Кишиневской кафедре не только привела к подлинному преображению епархии, но и получила самую высокую оценку как в Святейшем Синоде, так и у Государя. И может быть, наилучшей

характеристикой содеянного владыкой Серафимом в Кишиневской епархии стал Высочайший указ Государя Святейшему Синоду от 16 мая 1912 года, обращенный к святителю. "Святительское служение ваше, отмеченное ревностью о духовно-нравственном развитии преемственно вверявшихся вам паств, - говорилось в Высочайшем указе, - ознаменовано особыми трудами по благоустроению Кишиневской епархии. Вашими заботами и попечением множатся в сей епархии церковные школы, усиливается проповедническая деятельность духовенства и возвышается религиозное просвещение православного населения Бессарабии... В изъявление Монаршего благоволения к таковым заслугам вашим Я... признал справедливым возвести вас в сан Архиепископа... Николай".

В 1912 году служение архиепископа Серафима на Кишиневской кафедре подходило к концу, и определением Святейшего Синода он был назначен архиепископом Тверским и Кашинским.

Положение в церковной жизни Тверской епархии обстояло значительно лучше, нежели во всех тех епархиях, в которых святителю Серафиму приходилось служить раньше. Поэтому важный опыт возрождения приходской жизни, который владыка приобрел в течение предшествующих лет епископского служения, мог быть реализован в Тверской епархии во всей полноте.

Предвестием испытаний гражданской смуты для святителя, также как и для всей России, стала начавшаяся в 1914 году Первая мировая война, на которую владыка отозвался не только как архипастырь, умевший облегчать скорби людей, пострадавших от войны, но и как бывший русский офицер, хорошо сознававший нужды русских воинов, защищавших свое Отечество в тяжелейших условиях кровопролитнейшей из всех войн, известных тогда человечеству. Взывавшие к стойкости и одновременно к милосердию проповеди и сборы пожертвований для раненых и увечных воинов, вдохновенные молитвы о победе русской армии и участие в мероприятиях по организации помощи беженцам и по оснащению необходимыми средствами госпиталей и санитарных поездов, наконец, призывы к епархиальному клиру вступать в ряды военного духовенства, а приходским причетникам не уклоняться от воинской службы - таков далеко не полный перечень деяний святителя Серафима в течение всего периода войны.

Когда в мартовские дни 1917 года отречение Государя поставило под вопрос само дальнейшее существование монархии, а Святейший Синод счел необходимым поддержать Временное правительство как единственный законный орган верховной власти в стране, святитель Серафим, продолжая подчиняться высшим церковной и государственной властям, не стал скрывать своего отрицательного отношения к происшедшим в России переменам.

Усиление в России революционной смуты осенью 1917 года и захват власти в Петрограде большевиками возымели пагубные последствия и для развития событий в Тверской епархии. Сознавая, что большинство духовенства и мирян епархии продолжало сохранять верность святителю Серафиму, некоторые члены епархиального совета, избранного на сомнительных канонических основаниях еще в апреле 1917 года, решили прибегнуть для изгнания святителя к помощи большевистских властей в Твери, которые в это время открыто выражали свои богоборческие настроения и не скрывали ненависти к владыке Серафиму как "церковному мракобесу и черносотенному монархисту". 28 декабря 1917 года Вероисповедный отдел Тверского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов выдал предписание о высылке архиепископа Серафима из Тверской губернии.

Желая уберечь святителя от бесчинной расправы большевиков, Святейший Патриарх Тихон за несколько дней до разгона Поместного Собора, 17 сентября 1918 года, успел принять на заседании Святейшего Синода решение о назначении владыки Серафима на Варшавскую и Привисленскую кафедру, находившуюся на территории свободной от власти большевиков Польши.

Разраставшаяся гражданская война и начавшаяся затем советско-польская война сделали физически невозможным отъезд владыки Серафима во вверенную ему епархию, и до конца 1920 года святитель оставался за пределами своей епархии, пребывая в Черниговском скиту Свято-Троице-Сергиевой лавры и находя духовную опору в столь созвучной ему и многие годы из-за епископского служения недоступной молитвенно-аскетической жизни монастырского монаха.

В январе 1921 года, вскоре после окончания Советско-польской войны, владыка Серафим получил синодальное предписание о необходимости ускорить возвращение в Варшавскую епархию православного духовенства и церковного имущества в связи с бедственным положением православного населения Польши, лишившегося за время войны многих храмов. Возведенный в это время Святейшим Патриархом Тихоном уже в сан митрополита святитель Серафим обратился в Народный комиссариат иностранных дел, где ему было заявлено, что вопрос о его отъезде в Польшу может быть рассмотрен лишь после прибытия в Москву официального польского представительства. Однако вскоре после переговоров владыки Серафима с прибывшими в Москву польскими дипломатами, весной 1921 года, органами ВЧК у святителя Серафима был произведен обыск, в результате которого у него были изъяты письма главе Римо-католической Церкви в Польше кардиналу Каповскому и представлявшему в Варшаве интересы православного духовенства протоиерею Врублевскому.

В результате 24 июня 1921 года ничего не подозревавшему о надвигавшейся на него опасности святителю Серафиму был вынесен первый в его жизни официальный приговор, принятый на проходившем без присутствия святителя заседании судебной тройки ВЧК и постановивший "заключить гражданина Чичагова в Архангельский концлагерь сроком на два года". Впрочем, находившийся под секретным наблюдением ВЧК владыка Серафим продолжал оставаться на свободе, ожидая разрешения на отъезд в Варшавскую епархию, и был неожиданно для себя арестован 21 сентября 1921 года и помещен в Таганскую тюрьму.

13 января 1922 года начальником секретного отделения ВЧК Рутковским по поручению ВЦИК было составлено новое заключение по "делу" владыки Серафима: "С упрочением положения революционной соввласти в условиях настоящего времени гр. Чичагов бессилен предпринять что-либо ощутительно враждебное против РСФСР. К тому же, принимая во внимание его старческий возраст, 65 лет, полагаю, постановление о высылке на 2 года применить условно, освободив гр. Чичагова Л. М. из-под стражи". 16 января 1922 года по постановлению президиума ВЧК уже тяжело заболевший святитель покинул Таганскую тюрьму.

22 апреля 1922 года в 6-м отделении Секретного отдела ВЧК было подготовлено очередное заключение по так и не прекращенному "делу" митрополита Серафима. На основании этого заключения судебная коллегия ГПУ под председательством Уншлихта 25 апреля приговорила владыку Серафима к ссылке в Архангельскую область.

Проведя около года в архангельской ссылке, святитель Серафим вернулся в Москву. Однако 16 апреля 1924 года владыка вновь был арестован ГПУ, вменявшим ему на этот раз в вину организацию прославления преподобного Серафима Саровского в 1903 году. Следствие над святителем Серафимом, оказавшимся в Бутырской тюрьме, продолжалось уже около месяца, когда в мае 1924 года Святейший Патриарх Тихон подал в ОГПУ ходатайство об освобождении 68-летнего владыки, в котором ручался за его лояльное отношение к существующей государственной власти. Сначала проигнорированное начальником 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Тучковым, это ходатайство через два месяца все же способствовало освобождению святителя Серафима, которому тем не менее по требованию властей вскоре пришлось покинуть Москву.

В это время святителю пришлось пережить новое испытание, обрушившееся на него на этот раз не со стороны гонителей Церкви, но со стороны игумении столь дорогого его сердцу Дивеевского монастыря Александры (Троковской), избранию которой в игумении

более 20 лет назад способствовал сам святитель Серафим. После того как изгнанный властями из Москвы владыка обратился к игумении Александре с просьбой дать ему пристанище в Серафимо-Дивеевском монастыре, игумения отказала гонимому исповеднику.

Отвергнутый обителью, около которой святитель уже более 30 лет со времени погребения там его супруги Наталии Николаевны надеялся найти свой последний покой, владыка Серафим вместе с дочерью Натальей (в монашестве Серафима) был принят игуменией Арсенией (Добронравовой) в Воскресенский Феодоровский монастырь, находившийся около Шуи.

В конце 1927 года, трогательно простившись с насельницами Воскресенского Феодоровского монастыря, владыка Серафим навсегда покинул давшую ему гостеприимное прибежище обитель, чтобы принять участие в деятельности Временного Патриаршего Священного Синода. Поддержка столь авторитетного, известного своей твердостью и бескомпромиссностью церковного иерарха, каким являлся святитель Серафим, была чрезвычайно важна для Митрополита Сергия, которого в это время его противники из числа православного епископата все чаще упрекали в недопустимых уступках государственной власти. И весьма показательно, что митрополичья кафедра, на которую был назначен постановлением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода от 23 февраля 1928 года владыка Серафим, находилась в Ленинградской епархии, откуда громче всех раздавались упреки Митрополиту Сергию в этих недопустимых уступках.

Свое пребывание в епархии святитель Серафим ознаменовал тем, что в условиях жестоких и всесторонних стеснений церковной жизни государственными властями он в основу своего архипастырского служения положил благоговейное совершение воскресных и праздничных богослужений и вдохновенное проповедование в городских и пригородных храмах. "Пока совершается Божественная литургия, пока люди приступают к Божественному причащению, дотоле можно быть уверенным, что устоит и победит Православная Церковь, что не погибнут во зле греха, безбожия, злобы, материализма, гордости и нечистоты русские люди, что возродится и спасется Родина наша. Поэтому, - убеждал митрополит Серафим и спасется Родина наша. Поэтому - убеждал митрополит Серафим клириков и паству, - паче всего думайте о хранении, совершении и непрерывном служении (ежедневном, даже многократном на разных престолах) литургии. Будет она - будут и Церковь, и Россия".

В 1933 году отдавший все силы Ленинградской епархии 77-летний святитель Серафим подходил к концу своего архипастырского служения в качестве правящего архиерея. Телесные немощи владыки и все возраставшая ненависть к нему государственной власти в Ленинграде, делавшая весьма вероятным скорый арест святителя Серафима, побудили митрополита Сергия и Временный Патриарший Священный Синод 14 октября 1933 года издать указ о увольнении владыки на покой. Отслужив 24 октября в храме своей юности - Спасо-Преображенском соборе - Божественную литургию, святитель Серафим навсегда покинул свой родной город.

После возвращения в Москву и кратковременного проживания в резиденции Митрополита Сергия в Баумановском переулке, в 1934 году святитель Серафим нашел себе последнее пристанище в двух комнатах загородной дачи, находившейся недалеко от станции Удельная Казанской железной дороги.

Как и для многих других новомучеников Русской Православной Церкви, последнюю черту земного бытия святителя Серафима кроваво очертил 1937 год, ознаменовавший начало пятилетнего периода ни с чем не сравнимого в мировой христианской истории массового уничтожения православных христиан. Однако и в этой чреде многих десятков тысяч мученических смертей кончина владыки Серафима оказалась исполненной особого подвижнического величия и достоинства. Арестованный сотрудниками НКВД в ноябре 1937 года, прикованный к постели 82-летний святитель был вынесен из дома на носилках

и доставлен в Таганскую тюрьму, из-за невозможности перевезти его в арестантской машине, в машине "скорой помощи".

7 декабря 1937 года "тройка" НКВД по Московской области, уже вынесшая в этот день несколько десятков смертных приговоров, приняла постановление о расстреле митрополита Серафима. Почти 50 приговоренных к смерти страдальцев расстреливали в течение нескольких дней в находившейся недалеко от Москвы деревне Бутово, в которой обнесенная глухим забором дубовая роща должна была стать безымянным кладбищем многих тысяч жертв коммунистического террора. 11 декабря 1937 года с последней группой приговоренных был расстрелян и священномученик Серафим.

Священномученик Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский (память 13 августа по старому стилю)

Начало свое Звездинские берут от рода Бонефатьевых, старообрядцев-беспоповцев. Иоанн Гаврилович Бонефатьев, будущий отец владыки Серафима, горя желанием просвещения, пешком отправился из Солигалича в Петербург и подал прошение на Высочайшее имя о своем причислении к Православной Церкви. Он был принят в Единение с Российской Православной Церковью, наименован Звездинским и определен на должность чтеца при храме на Волковом кладбище в Петербурге, где у него обнаружились редкие музыкальные способности и прекрасный голос.

В Петербурге он женился на дочери единоверческого священника Евдокии Васильевне Славской, принял духовный сан и получил место священника в Ржеве. С начала 80-х годов отец Иоанн служил в Москве. Состоя настоятелем Троицкой церкви, отец Иоанн Звездинский заслужил всеобщую любовь и уважение и вскоре был назначен благочинным всех единоверческих храмов.

7 апреля 1883 года, в четверг шестой седмицы Великого поста, у него родился сын Николай, будущий епископ Серафим. Впоследствии владыка вспоминал слова из Триоди постной, которые читались в день его рождения за Церковным богослужением: Даждь Ми, сыне, твое сердце, очи же твои Моя пути да соблюдают (на вечерне 2-е чтение, Притч. 23, 26) и видел в них пророчество о своем монашестве.

В 1885 или 1886 году скончалась совсем молодая супруга отца Иоанна, и Николай трех лет остался без матери.. По нежной любви отец Иоанн был ему не только отцом, но и матерью: всегдашняя его теплота и ласка не давали ощущать Коле, что он сирота, не имеющий материнского покрова.

Рассказывая о своем детстве, владыка отмечал, что его, маленького, неопустительно будили в церковь к ночной службе под праздники. Утреня по единоверческой традиции совершается ночью. И в холод, и в непогоду его вели в храм, где он часто засыпал, но присутствие на богослужении считалось необходимым для воспитания.

Отец приучал Колю любить церковную службу, храм, пение и чтение. На клиросе Коля читал охотно и четко. Чтобы он мог видеть лежащий на аналое Часослов, подставляли скамеечку. Однажды маленький Коля вошел в алтарь через Царские врата. Видевшие выразили уверенность, что младенец станет служителем престола Божия.

Взирая на отца, совершавшего литургию, Коля с трепетом внимал его пламенной молитве. "Видно, папа за меня молился в то время, - говорил потом владыка. - Может быть, он испросил у Бога и эту милость, что я пошел по пути служения Церкви Божией".

Учиться Колю отдали в церковное училище при единоверческой церкви, а по окончании ее, в 1895 году, - в Заиконоспасское духовное училище, что на Никольской улице.

Было их три дружных одноклассника: Коля Звездинский, будущий епископ Дмитровский Серафим; Николай Кудрявцев, сын священника церкви Никола Большой крест на Ильинке, будущий епископ Богородский Никанор, единоверческий викарий Московской епархии, и Всеволод Красновский, сын священника церкви Святителя Алексия на Николо-Ямской улице, впоследствии епископ Клинский Гавриил.

С 1899 года Николай Звездинский - учащийся Московской духовной семинарии. В комнате Коли висел образ святителя Николая во весь рост, перед которым он ежедневно молился о даровании способности говорить слово Божие - поучения и проповеди. И Господь наградил его этим даром.

В храме Христа Спасителя в Москве епископом Парфением (Левицким), бывшим незадолго до этого ректором семинарии, совершено было посвящение Николая в чтеца иподиакона.

В 1902 году, на втором курсе семинарии, когда Коле было 19 лет, он тяжело заболел лимфангоитом, болезнью, тогда практически неизлечимой, но чудесным образом был исцелен по молитве перед привезенным игуменом Саровской пустыни Иерофеем образом еще не прославленного старца Серафима. В Саров отец Иоанн послал заверенное врачами свидетельство об исцелении и благодарственное письмо отцу Иерофею.

Образок кроткого старца навсегда стал семейной святыней, почитался как икона (хотя изображение его было еще без нимба) и сопровождал владыку Серафима почти всю его жизнь.

Через год после этого события Коля стал свидетелем и частником торжеств по канонизации и прославлению преподобного Серафима Саровского. Исполненный благодарности за исцеление сына, отец Иоанн написал службу преподобному Серафиму: После открытия святых мощей он видел преподобного.

Семинарию Николай Иванович Звездинский окончил 1905 году одним из лучших учеников. После горячей молитвы у мощей преподобного Сергия он прошел по конкурсу и был принят в Московскую духовную академию на полное содержание.

Учился Коля усердно, вскоре стал известен своим даром слова. "Идем в академию, сегодня будет проповедовать студент Николай Иванович Звездинский", - говорили и жители Сергеева Посада, и братия монастыря.

За годы учения в академии Николай утвердился в выборе монашеского пути. У раки преподобного Сергия вместе со своим другом Виталием Ставицким (будущим епископом Филиппом) дал он обет принять постриг.

В это же время стал он духовным сыном старца Зосимовой пустыни иеромонаха Алексия (Соловьева). Старец с любовью принял под свое руководство благочестивого юношу.

В канун Крещения 1907 года скончался отец Николая, протоиерей Иоанн Звездинский.

Единоверцы обратились к Московскому митрополиту Владимиру (Богоявленскому), будущему священно-мученику, с просьбой поставить Николая Ивановича настоятелем на место отца. Но владыка, видя в Звездинском яркие духовные дарования, их желание не исполнил.

Вероятно, в Зосимовой пустыни Николай познакомился с архимандритом Чудова монастыря Арсением (Жадановским) и вскоре стал частым его посетителем. Отец Арсений полюбил скромного, духовно настроенного студента. Беседовал с ним как с другом, живо интересуясь его жизнью.

Однажды отец Герасим (Анциферов), чтимый чудовский старец, имевший послушание стоять у раки святителя Ионы в Успенском соборе Кремля, взял Николая с собой в гости к духовным чадам и, прибыв к ним, отрекомендовал его:

- Я привел вам нашего Чудовского архимандрита.

- Отец архимандрит, - говорил отец Герасим про Николая и отцу Арсению, - это наш будущий настоятель, архимандрит Чудовский.

Решившись на постриг, Николай испросил благословения и молитвенной помощи у своего старца, отца Алексия, и благословения у архимандрита Арсения. Отец Арсений благословил его образом Воскресения Христова.

По дороге в лавру в день пострига Николай Иванович попросил сопровождавшего его игумена Зосимовой пустыни отца Германа (Гомзина) сказать свое наставление. "Будь воином Христовым, - сказал отец Герман, - чувствуй себя всегда стоящим в строю перед лицом Начальника твоего, Спасителя Бога. Не видишь, а сердцем чувствуй, зри Его близ себя. Весь будь в струнку, всегда, неопустительно. Знаешь, солдат стоит в строю, начальник отошел... Воин не видит его, но чувствует его присутствие и стоит начеку, так и ты не забывай, что Бог всегда с гобой!"

26 сентября 1908 года после всенощного бдения совершился монашеский постриг Николая Ивановича. Он получил имя Серафим в честь преподобного Серафима Саровского. Небесным миром сияло его лицо, когда после пострига подходили к нему монахи, спрашивая: "Что ти есть имя, брате?"

В день Казанской иконы Божией Матери, 22 октября 1908 года, в академическом Покровском храме состоялось посвящение монаха Серафима в иеродиакона. А 8 июля, на Казанскую следующего, 1909 года, совершилось посвящение во иеромонаха. В этом же году он окончил духовную академию со званием кандидата-магис- транта богословия и вскоре получил назначение преподавать историю Церкви в Вифанской семинарии.

"Я молился за каждого своего ученика, - вспоминал потом владыка. - Вынимал за каждого частицу на проскомидии, и это, видимо, чувствовали они своими душами".

Жил он строго, много молился и постился: супа 8 ложек, по числу слов молитвы Иисусовой: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". Маленькие порции обеда делил пополам.

21 сентября 1912 года, отца Серафима перевели в Московскую духовную семинарию на должность преподавателя гомилетики и соединенных с нею предметов.

8 июня 1914 года архимандрит Арсений (Жадановский) был хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии, с оставлением в должности наместника кафедрального Чудова монастыря, а 10 июня иеромонах Серафим был возведен в сан архимандрита, назначен помощником наместника монастыря и освобожден от должности преподавателя Московской семинарии.

С августа 1914 года по август 1915 года он исполнял обязанности столичного наблюдателя церковно-приходских школ.

В 1914 году он был избран председателем общества хоругвеносцев кафедрального Чудова монастыря.

Исполняя обязанности настоятеля монастыря, архимандрит Серафим был строг к себе и другим в соблюдении уставов монашеского жития. "Миряне несут тяготу на фабриках, заводах, в трудах, - говорил он братии, - поэтому монахам должно со смирением являться на молитвенное бдение в урочный час". Все вопросы управления монастырем отец Серафим согласовывал с епископом Арсением: "Как владыка, так и я".

В Чудовом монастыре пережил отец Серафим обстрел Кремля в 1917 году.

Мощи святителя Алексия, главную чудовскую святыню, с начала обстрела 27 октября/9 ноября 1917 года перенесли в деревянном гробе в пещерную церковь, в подземелье, где 300 лет назад томился в заключении священномученик Патриарх Ермоген. Здесь, под нескончаемый грохот орудий, денно и нощно молились о России архимандрит Серафим со всей братией и гостями Чудова монастыря, делегатами Поместного Собора - будущим священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), архиепископом Гродненским Михаилом (Ермаковым), архиепископом Новго- родским Арсением (Стадницким), епископом Белостокским

Владимиром (Тихоницким) и с зосимовским старцем иеросхимонахом Алексием (Соловьевым).

Представители новой власти закрыли Кремль, с весны 1918 года начали поступать распоряжения о выселении монахов. Осложнилась и внутренняя жизнь братии. 26 июля 1918 года, в день празднования Собора архистратига Гавриила, епископ Арсений и архимандрит Серафим навсегда покинули Чудов монастырь.

Погостив в Зосимовой пустыни, владыка Арсений и архимандрит Серафим переехали в августе 1918 года в Серафимо-Знаменский скит к схиигумении Фамари (Марджановой), любящей духовной дочери владыки, безбоязненно приютившей его и самоотверженно ему служившей. Матушка окружила изгнанников заботой; имея в лесу близ скита маленький домик, устроила для них киновию. Здесь, в полном уединении, они молились и трудились: копали грядки, рубили дрова. Отец Серафим читал Священное Писание по правилу преподобного Серафима: за неделю - четыре Евангелия, Деяния апостолов и Послания. Ежедневно он сослужил епископу Арсению в киновийном храме во имя святителя Иоасафа.

Ежедневное совершение Божественной литургии навсегда сроднило их. Всю жизнь они считали потерянными дни, в которые не служили литургию без какой-либо основательной причины: тяжелая болезнь, путешествие или заключение.

В конце лета 1919 года архимандрит Серафим был вызван Святейшим Патриархом Тихоном в Москву. Помолившись, проводил владыка Арсений своего друга и брата, патриарх объявил, что имеет в нем нужду и желает видеть в епископском сане. Старец Алексий благословил отца Серафима на архиерейское служение.

В епархиальном доме было совершено наречение архимандрита Серафима во епископа Дмитровского.

3 января 1920 года, в день святителя Петра, Митрополита Московского, в храме Троицкого подворья Святейший Патриарх Тихон совершил епископскую хиротонию Архимандрита Серафима в сослужении митрополита Владимирского Сергия (Страгородского), архиепископа Харьковского и Ахтырского Нафанаила (Троицкого), епископа Вятского Никандра (Феноменова), епископа Аляскинского Филиппа (Ставицкого).

Вручая посох новопоставленному епископу, Святейший сказал: "Господь призвал тебя быть епископом и сподобил сего великого сана в день празднования первого святителя Московского Петра. Сказано в тропаре сему святому, что он был утверждением граду Москве. Желаю, чтобы ты был для града Дмитрова тем же, чем был святитель Петр для Москвы. Будь и ты утверждением граду Дмитрову".

Во время праздничного обеда митрополит Сергий (Страгородский), взяв свою столовую ложку, заметил: "Советую, владыка, запастись ложкой, придется вам в тюрьму идти. Не забывайте этого предмета, он там будет очень нужен".

Патриарх Тихон, напутствуя епископа Серафима на труды архиерейские, сказал: "Иди путем апостольским... Где придется пешком - пешком иди. Нигде ничем никогда не смущайся. Неудобств не бойся, все терпи. Как ты думаешь, даром разве кадят архиерею трижды-по-трижды? Нет, недаром. За многие труды и подвиги, за исповеднические его болезни и хранение до крови веры православной".

25 января 1920 года, в день святой мученицы Татианы, владыка Серафим прибыл в Богом данный ему удел. Еще в 1915 году, будучи Чудовским архимандритом, он проезжал Дмитров, когда вместе с епископом Арсением возвращался в Москву из Пешношского монастыря. Возле собора лошади стали и отказывались двигаться с места. Владыка и архимандрит пошли в собор и приложились к главной святыне города - Животворящему Кресту. Епископ Арсений сказал тогда, что событие это, видимо, не случайное, есть в нем указание на какое-то Божие изволение.

И теперь владыка Серафим, в сане епископа прибыв в Дмитров, прежде всего совершил благодарственный молебен.

Три года, проведенные им в Дмитрове, остались для жителей города незабываемыми. Пламенная молитва, приобщение отпавших, взыскание заблудших, утешение старцев, воспитание подростков, непрестанное поучение словом Божиим - таким было его служение.

Епископ Серафим, уже произнося проповедь перед исповедью, приводил к покаянию нераскаянных грешников, а на исповеди даже те, кто никому не мог открыться, открывали душу епископу, как сердобольному отцу. Владыка ежедневно совершал литургию, часто при закрытых дверях, в Казанской церкви. С ним служил иеродиакон Аристарх. Паству свою епископ Серафим окормлял усердно, знал каждый дом и, как отец, всем был доступен. У дверей его дома очередь скорбящих, притекающих за решением, возрастала с каждым днем. Часто, возвращаясь поздно, он, тем не менее, заезжал к своим чадам.

Дмитровцы полюбили трогательное и вдохновенное служение владыки и старались не упустить возможность с ним молиться. После окончания службы они с пением молитв провожали его до самого дома. Вечерами после всенощной, в темноте, стоя на высоком крыльце, подолгу расставался епископ со своими чадами, продолжавшими пение акафиста.

В годы служения в Дмитрове владыка учредил братство Животворящего Креста Господня, имевшее целью "в молитвенном единении почерпать духовные силы к созиданию своей жизни по заветам Господа нашего Иисуса Христа - служить Христу и во Христе и ради Христа ближнему". Сыновняя преданность Святой Православной Церкви и послушание всем ее узаконениям утверждались уставом как прямой долг братчиков. Особенно должны стараться братчики проводить в жизнь самую главную евангельскую заповедь: "Любите друг друга".

Архипастырское служение епископа Серафима было утверждением и претворением в жизнь горячей любви ко Христу, Христовой любви к ближнему и верности Православной Церкви. Паству свою воспитывал он в духе благоговейного отношения ко всем церковным уставам, а от священнослужителей требовал их неопустительного соблюдения. Как и в Чудове монастыре, строгим к исполнению обетов и уставов, неустанным, любящим и заботливым наставником стал епископ Серафим для монашествующих своей епархии. Объезжая приходы, вверенные его управлению, он непременно навещал монастыри, посещая их во все престольные праздники. В его викариатстве находились такие известные обители, как древний Николо-Пешношский и Спасо-Влахерн- ский монастыри. Во Влахернском монастыре владыка установил праздник в честь образа "Беленького Спасителя". Особенно ценил чинность, благообразие и стройность богослужения, отличавшие обитель, почитал подвизавшуюся в нем старицу-схимонахиню Серафиму (Кочеткову). В Николо-Пешношском монастыре, "Второй лавре", по слову митрополита Платона (Левшина), епископ Серафим по благословению Святейшего, Патриарха Тихона возвел настоятеля отца Ксенофонта в сан архимандрита, а в начале 1921 года постриг его в схиму с именем Онуфрий.

Однажды, когда епископ Серафим приехал к своему старцу Алексию, старец благословил его прозрачным темно-красным, как кровь, крестом и прочитал тропарь священномученический: "И нравом причастник, и престолом наместник Апостолом быв, деяние обрел еси Богодухновенне, в видения восход; сего ради слово истины исправляя и веры ради пострадал еси даже до крове".

В один из приездов в Зосимову пустынь, 17 июля: 1922 года, накануне праздника преподобного Сергия, исповедавшись у отца Алексия и побеседовав с ним, владыка вышел из келии. Здесь приступили к нему старшие из братии с поклоном и просьбою: "Владыка святый, отец настоятель наш, старец схиигумен Герман, ослаб, управлять почти не может, просим заменить его. Желаем отца Феодорита настоятелем. Хороший хозяин, растит овощи на сельскохозяйственную выставку". - "Забыли, - ответил архипастырь, - что отец Герман пришел в дремучий лес, воздвиг обитель, в которой вы живете. Все создано его трудами и заботами: собор, колокольня, вся обитель. Он великий за вас молитвенник,

его молитвами все живете здесь. Но скажу вам: как только охладеет рука схиигумена Германа и не будет перебирать с молитвою четки, все вы рассыпетесь, и никого здесь не останется. Господу ваша капуста не нужна".

На праздничной всенощной все ждали, что владыка Серафим выйдет на величание, но после этого разговора с братией он сел в экипаж и уехал в Дмитров.

Всего через полгода, 1 февраля 1923 года, скончался схиигумен Герман. Отпевал его епископ Варфоломей (Ремов). После отпевания духовные чада старца увидели у Святых ворот две тройки. Братия беспокойно бегала...

- Что случилось? - спросили богомольцы.

- Приехали, грозят пустынь закрыть... Поскорее бы зарыть могилу отца Германа.

1922 год. Гонения в связи с изъятием церковных ценностей...

На Пасху епископа Серафима вызвали в Дмитровский исполком. Народ собрался, требовал его возвращения: "Отдайте нам нашего владыку!" Власти разрешили ему выйти на балкон, однако и после этого народ не успокаивался, кричал. Тогда владыку отпустили. Народ с торжественным пением: "Христос воскресе!" вернулся в собор со своим пастырем. Но вскоре пришла повестка: епископа вызывали в Москву. В день Знамения Пресвятой Богородицы, 10 декабря 1922 года, владыка Серафим в последний раз служил в Дмитрове торжественное богослужение.

12 декабря, прибыв в Москву, направился на Лубянку, где был арестован. После окончания допросов его перевели в Бутырскую тюрьму. Обильным потоком потекли передачи. Владыка Серафим делился всем, что получал. Утешал соузников словами сострадания молитвой, любовью. Совершал здесь Божественную литургию, исповедовал тех, кто никогда не был на исповеди, причащал, ободрял, утешал отчаявшихся и безнадежных. Устроение его сердца в это время хорошо характеризуют строки из письма 1923 года, посланного из Бутырской тюрьмы духовным чадам: "Мир вам и радость от Источника радости Христа Господа, все дорогие, родные дети мои, непрестанно в темничной молитве моей поминаемые: благослови вас Господь, слава Богу за все - и за тюрьму, слава Ему, что не обошел Он меня Своею милостию... Благодарю вас всех за вашу любовь ко мне. Милость Божия и покров Царицы Небесной да будет над всеми вами. Ваш богомолец Е. Серафим.

Кто со слезами
свой хлеб не едал,
кто никогда от пелен до могилы
ночью, на ложе своем не рыдал,
тот вас не знает, небесные силы.
Это поют у нас".

Тело владыки, изъеденное вшами, покрылось струпьями, и врач не мог приложить трубку, приходилось подкладывать бумагу. Начались сердечные приступы. Владыку перевели в "околоток", где был полубольничный режим, больше воздуха, прогулки и - духовенство храма Христа Спасителя, но приехавший прокурор, заметив у кровати епископа Серафима образы Скоропослушницы, преподобного Серафима и других святых, прилепленные хлебом к стене, приказал перевести владыку в общую камеру.

В Бутырках сложил епископ Серафим акафист Страждущему Христу Спасителю:

"В несении креста спасительного, десницею Твоею мне ниспосланного, укрепи меня, вконец изнемогающего".

30 марта 1923 года, в день Алексия человека Божия, епископу Серафиму вынесли приговор: два года ссылки в Зырянском крае. Духовные чада просили у властей разрешения владыке ехать без конвоя, но получили отказ. В апреле епископа Серафима перевели из Бутырской в Таганскую тюрьму. В полночь под праздник иконы Божией Матери "Нечаянная Радость", 14 мая 1923 года, поезд увез владыку в ссылку этапом в Усть-Сысольск. Прощаясь с духовными детьми, владыка писал: "Слава Богу за все. Праздную, светло торжествую четвертый месяц душеспасительного заключения моего.

Благодарю Господа, благодарю и вас во Христе Иисусе, родные мои, любимые и приснопоминаемые дети и детки мои, за все ваши участливые заботы о мне, грешном. Господь да воздаст вам сторицею в сем веке и наипаче в будущем".

Епископ Арсений и схиигумения Знаменского скита матушка Фамарь благословили послушницу Анну Патрикееву следовать за ссыльным епископом и быть во всем ему помощницей. Послушницу Клавдию Ляшкевич настоятельница Дмитровского Борисоглебского монастыря игумения Сергия благословила быть второй помощницей Преосвященного Серафима. В Вятке была пересадка, затем около двух недель ждали отправки. Епископ так обносился, что даже заключенные смеялись: "Владыка, ваш подрясник вороне на гнездо не годится". А в Бутырках у него было все: и белье, и три подрясника, но он их раздал. Прибыли в Котлас. Арестантов расконвоировали. Была Троицкая суббота, и духовенство решило пойти в церковь. Три епископа - Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров) и Николай. (Ярушевич) - вошли в храм, но оказалось, что храм обновленческий. Ссыльные архиереи вышли.

Далее - путь пароходом по Вычегде. На третий день прибыли ссыльные к берегам Усть-Сысольска. Первую литургию в ссылке владыка служил в день святителя Алексия, митрополита Московского (чудовский праздник, 2 июня). Просфор не было, для литургии взяли чистую постную баранку. Но уже 7 июня епископа Серафима, чудовского игумена Филарета (Волчана) и Дмитровского благочинного отца Ивана Муравьева срочно отправили пароходом в Визингу, куда прибыли утром на третий день.

Долго искали пристанища, так как принять в свой дом никто не хотел. Говорили: "Опасно: люди преступные, близко закрома с хлебом. Запоры у нас плохие, не можем"... В Визинге дома так и не нашли и поселились в селе Средний Кольель.

На первый месяц денег и продуктов хватило, дальше пришлось менять, что было. Но к этому времени дмитровцы узнали адрес владыки и снарядили посланницу Таню. В июле она приехала, привезла подарки и письма, а епископ Серафим писал в ответном письме:

"1923 г. Июля 19 дня, батюшки прп. Серафима.

Мир вам и благословение, дорогие мои, верные во Христе возлюбленные дмитровцы. Спаси вас Господи за гостинцы, которые привезла мне Таня. Цветите для Царствия Божия, завяньте совсем для ада. Будьте Божии, а не вражьи. Друг друга любите, друг друга прощайте, не укоряйте, не судите, гнилых слов не говорите. В мире со страхом Божиим живите, смертный страшный час воспоминайте и суд Христов нелицеприятный никогда не забывайте, храм Божий усердно посещайте, в грехах кайтесь. Св. Христовых Таин причащайтесь. Милость Божия и покров Царицы Небесной да будет со всеми вами отныне и до века. Аминь. Е. С."

Отбывая ссылку в Зырянском крае, владыка Серафим не оставлял своего архипастырского попечения о дмитровцах в меру тех полномочий, которые в то время предоставлялись Московскому викарию. Сообщение осуществля- лось через письма.

"Молюсь за вас, - писал он дмитровцам, - с воплем крепким и слезами, чтобы Господь оградил Церковь от вторжения лжеучителей... Молитесь за архипастыря вашего, перед Животворящим Крестом молившегося".

В ссылке Божественную литургию владыка совершал ежедневно; весь круг богослужебный вычитывал неопустительно. Днем он уединялся на молитву в ближний лес. Здесь у него были пустынька и круглый холмик-кафедра. В праздники - соборное богослужение: епископ, четыре сослужащих протоиерея, игумен и священник. Владыка обычно за всенощной читал канон. Сделали ковер с орлом, митру, панагию с камушками, дикирий и трикирий деревянные, работы зырян. Они приходили в умиление: "О, Господи, о, Господи", - говорили по-русски и прикладывали руки к груди.

В пасхальную ночь молились вместе, для торжественности сын хозяев стрелял в 12 часов. Даже соседи приходили, но власти скоро запретили посещать богослужение ссыльных.

Келия владыки стала церковью во имя иконы Божией Матери Скоропослушницы, у него был антиминс и образочек на бумаге, висевший в изголовье его нар во время заключения в Бутырках.

Однажды, посещая больного ребенка в Визинге, послушница Анна заразилась дифтеритом. Врач зырянской больницы сказал: "Я сейчас без лошади. Завтра приеду и заберу ее в больницу. Заболевание инфекционное, дома оставить не могу". Владыка, видя высокую температуру и скорбь Анны, беспокоился: "Завтра пораньше, до приезда врача, пособорую тебя и причащу". Пособоровал послушницу и причастил. Через несколько часов приехал врач, измерил температуру - нормальная. Осмотрел дыхательные пути: "Теперь незачем брать, дома будет поправляться". Вскоре она совсем выздоровела.

Весной 1925 года окончился срок ссылки. В день Благовещения Пресвятой Богородицы пришла бумага об освобождении, и в это же утро пришла телеграмма о кончине Патриарха Тихона. Весенние разливы задержали отъезд до 9 мая, когда в день просветителя зырян святителя Стефана Пермского тронулись наконец в путь из ссылки. К вечеру неожиданно нагнала тройка лошадей с сотрудниками НКВД, которые, остановив возчиков, долго убеждали по-зырянски бросить епископа с послушницами в лесу, достали бурак с водкой и стали их угощать. "Мы честные, - возразили зыряне, - много всего возим и почту столько лет. Бросить их на съедение волкам и медведям мы не согласны". В Усть-Сысольске пересели на пароход "Карл Маркс" (старое название "Скобелев"), и по пути была еще одна провокация, которая неизвестно чем могла бы кончиться. Неизвестный военный силой завел владыку в свою каюту, совершенно пьяный, положив рядом револьвер, не выпускал его... В Москве поселились в Даниловском монастыре. У владыки начались приступы каменной болезни печени. Несмотря на боли, необходимо было срочно явиться в дмитровское НКВД. Утренним поездом прибыли в Дмитров, но начальство объявило: "Ошибка! Немедленно на Лубянку! Срочно уезжайте в Москву!"

На Лубянке: "Придите завтра", "Послезавтра", "Через пять дней", - в течение двух месяцев! "Значит, можно не ходить", - решил владыка.

Аносинская игумения Алипия, которую епископ Серафим знал, еще будучи архимандритом, предложила пожить в их обители. Матушка была заботлива, приветлива, и сама искала себе и сестрам своим духовной поддержки. Под праздник Тихвинской иконы Божией Матери, вечером 8 июля 1925 года, прибыли в борисоглебскую Аносину пустынь. У Святых ворот встретили сестры. В пустыни владыка ежедневно совершал Божественную литургию в храме Великомученицы Анастасии.

Вскоре возобновились приступы камен- но-печеночной болезни, случавшиеся по два раза в месяц. Иногда боли, доводившие его до потери сознания, продолжались в течение девяти часов.

После кончины Святейшего Патриарха Тихона по его завещанию местоблюстительство патриаршего престола принял ныне прославленный митрополит Крутицкий Петр (Полянский) и пожелал сделать епископа Серафима ближайшим своим помощником. В сентябре 1925 года владыка переехал в Москву и поселился возле Яузского моста, где ежедневно принимал духовенство.

6 декабря митрополит Петр оставил завещательное распоряжение, в котором епископ Серафим был назначен председателем Совета Преосвященных Московских викариев для временного управления Московской епархией. 9 декабря 1925 года митрополита Петра арестовали. Канцелярия была закрыта, дела опечатаны, но уже 10 декабря 1925 года временно управляющим Московской и Коломенской епархией Заместитель Патриаршего Местоблюс- тителя митрополит Сергий (Страгородский) назначил епископа Петра (Зверева).

Владыка вновь возвратился в Аносину пустынь, в которой зимой прекратились богослужения, церковь не отапливалась. Владыка Серафим переехал на хутор близ Кубинки. Пустынька в дремучем вековом лесу, бездорожье: сестры в село и церковь

добирались на лыжах. Здесь и непроходимые овраги, и волчьи следы у самых домов. Волков зимой встречали часто.

Три пустынницы жили в задней части дома, возле коровы с теленком, владыка - в передней; там же, за тонкой перегородкой - храм с полотняным, прекрасно расписанным иконостасом, освященный в честь преподобного Саввы Сторожевского. Как всегда, служба ежедневная: литургия, вечерня, утреня.

В декабре епископ Серафим приезжал в Москву на Влахернское подворье, что на Малой Дмитровке, чтобы встретиться с епископом Гавриилом (Красновским) и московским духовенством. Обсуждали текущие церковные дела. На Рождество Христово утреню отпели, как в вертепе: в избе теленочек, солома, точно Господь здесь родился... Крещенским утром в полном облачении епископ Серафим ходил на реку освящать в проруби воду.

Зимой у владыки снова возобновились боли в печени и почках. Утром 25 февраля, в день святителя Алексия, начался сильнейший приступ. Думали, что он умирает, долго был без памяти, затем стало легче. Сестры вышли и через полуоткрытую дверь слушали его дыхание. Вдруг владыка громко позвал: "Кто сейчас прошел по моей комнате в алтарь маленькой церкви за перегородкой?" - "Никто не входил". - "Это святитель Христов Алексий посетил меня, снимите грелку, встану". Оделся - и за перегородку в домашнюю церковь в честь Саввы Сторожевского. К общему удивлению, на престоле в алтаре горела лампада. Владыка надел малый омофор и начал служить, молебен святителю Алексию. При последнем возгласе лампада вдруг сама угасла, в ней не было ни капли масла.

К Пасхе 1926 года владыка вернулся в Аносину пустынь. В монастырь приезжали и дмитровцы: духовенство и духовные чада. Отец Павел из Влахернского монастыря привез образ "Беленького Спасителя". Приезжали и сестры этой обители. Они жили в тревоге. "Владыка, - говорили сестры, - со дня на день надо ждать, что нас всех выселят". - "Нет, - отвечал он, - пока матушка схимонахиня Серафима среди вас и молится, монастырь не закроют". Эти слова владыки сбылись: монастырь не был закрыт, пока во вторник, 13 июня 1928 года, схимонахиня Серафима не скончалась. После отпевания в монастыре вспыхнул пожар. В тот же час запечатали собор и объявили сестрам, что монастырь стал государственной собственностью. Тело почившей матушки Серафимы не позволили похоронить на монастырском кладбище - со дня ее кончины уже ничто не принадлежало обители.

На следующий день после дня святых апостолов Петра и Павла владыку вызвали на Лубянку. В полдень он вернулся на Влахернское подворье и сказал: "Требуют выезда из Москвы. Предложили Новгород, я попросил Дивеев. Получил назначение выехать на шесть месяцев в Дивеев или Саров. Сказали: "Будем организовывать Синод, а вы помешаете"". Приехали в Дивеево в канун дня преподобного Сергия, 17 июля 1926 года. В течение долгого времени дивеевская игумения Александра не разрешала ссыльному владыке служить в храме. После его упорных просьб наконец согласилась - очистили подвальный храм во имя иконы Божией Матери "Утоли моя печали" под Тихвинской церковью. Здесь епископ Серафим стал служить раннюю литургию. Обычно он старался успеть все закончить прежде, чем начнется служба наверху, и начинал литургию в четыре часа утра. После литургии шел на Канавку, обходя ее по завету преподобного Серафима, читая полтораста "Богородице Дево, радуйся". Заходил в келейку преподобного Серафима, перевезенную в Дивеево из ближней пустыньки в Саровском лесу. Потом молился у алтаря Преображенской церкви.

1 августа 1926 года, в день прославления преподобного Серафима, епископ Серафим вместе с епископом Зиновием ездил на торжество в Саров. Народу было множество. При выносе мощей злоумышленники пытались опрокинуть гроб преподобного, но Господь не допустил. В день Успения Пресвятой Богородицы, на престольный праздник, владыка вновь, уже один, молился в Сарове. Это было последнее торжество в Сарове и последнее архиерейское служение епископа Серафима. Когда он вернулся в Дивеево, приехал

представитель нижегородского НКВД и объявил: в Дивееве служение разрешается, в Саров въезд запрещен. Только одну зиму простоял еще Саров.

Эту зиму епископ Серафим жил в комнатах Елены Ивановны Мотовиловой, в корпусе за Канавкой. 14 февраля 1927 года, после всенощной под Сретение, которую совершали дома в келии, он вдруг бросился к окну, к одному, к другому, с молитвенными восклицаниями: "Пресвятая Дева Богородица идет по Канавке. Не могу зреть пречудной Ее красоты и неизреченной милости!"

Бывало, владыка делился своими скорбями с блаженной Марией Ивановной. Сетовал, что брат Михаил все собирается принять священство, но это ему не удается. "Так дьячком и помрет", - заметила блаженная. Беспокоило владыку и то, что нет у них с матерью игуменией Александрой надлежащего духовного общения. "На одной лошади из Дивеева вывезут", - ответила блаженная Мария Ивановна.

В Дивееве стал владыка свидетелем того, как из Сарова 30 марта 1927 года мощи преподобного Серафима увезли в Темников и далее... Камушек, на котором тысячу дней и ночей молился преподобный Серафим, и гроб Чудотворца делили на части.

Осенью 1927 года приехали вдруг представители власти, объявили о закрытии Дивеевской обители. Пришли к Владыке. "Куда хотите выехать?" - спрашивали. "На место своего служения - в Дмитров. И больше никуда". Незваные гости зачастили. Святыню пришлось убрать, поделили частички от келий, от лычка, от вещей препо-добного. Мать игумения дала епископу часть мощей от главы преподобного Серафима.

21 сентября, Рождество Пресвятой Богородицы, престольный праздник обители, прошел благополучно. Но в ночь под 22-е разразилась буря. В эту ночь вооруженный конвой, ворвавшись в кельи, отправил в арзамасскую тюрьму епископов Серафима и Зиновия, матушку игумению Александру, всех старших сестер и духовенство. Владыка выехал из Дивеево в одном с игуменией тарантасе, за кучера - владыка Зиновий и милиционер.

Послушниц арестовали и заключили в тюрьму, допрашивали, угрожали, но неожиданно из Москвы пришел приказ об их освобождении. 26 сентября, вечером под Воздвижение, когда во всех храмах выносили Животворящий Крест Христов для поклонения, всех дивеевских заключенных этапом отправили в Нижний Новгород. Вскоре из нижегородской тюрьмы дошли известия, что у владыки Серафима опять начались приступы каменной болезни. Анну вызвали: "Хлопочите об освобождении больного. Сегодня всю ночь требовали в камеру врача. Он умирает от приступов сердца и камней в почках". В управлении НКВД долго мытарили, настойчиво предлагали доносить... Наконец: "Завтра к десяти часам освободим. Приходите". На следующий день, 8 октября, епископа Серафима, действительно, освободили, а также владыку Зиновия и матушку игумению, но 17 октября 1927 года епископов Серафима и Зиновия неожиданно вызвали в Москву. В Москве искали пристанища, и владыка сказал: "Легче упокоиться навеки, чем так скитаться". На другой день отправились в главное управление НКВД. Их пригласил Тучков, принял вежливо. Предложил:

- Кого будем вам посылать для посвящения - посвящайте. Вот вы, епископ Зиновий, и вы, епископ Серафим, поезжайте, управляйте епархиями. Побывайте у Митрополита Сергия, приходите, договоримся и поедете.

- Я морально не могу, - отвечал владыка Зиновий.

- Я монах, при посвящении во епископа давал обет управлять по каноническим правилам, - сказал епископ Серафим.

- Тогда в 24 часа выезжайте из Москвы подальше.

- Я - в Муром, - решил епископ Зиновий.

- А я - в Меленки, - сказал владыка Серафим. - Ну что же, езжайте, только живите тихо, - предостерег Тучков.

Епископ Серафим подал Митрополиту Сергию прошение об увольнении за штат. Такое же прошение подал и епископ Зиновий.

В город Меленки Владимирской губернии перебрались к концу октября. Дмитровцы, узнав новое местопребывание епископа, поспешили к нему. Приезжало духовенство, дмитровское и московское, монашествующие и миряне. Извозчики, выезжая за архиерейскими гостями, сами указывали его место жительства. Шли пешком странники, богомольцы к владыке Серафиму, и "никтоже тощ и неутешен от него отыде". Владыке говорили, что начальству не нравятся частые посетители, как бы не забрали. "Пусть поездят, все равно ведь заберут", - отвечал владыка. На первой неделе поста он просил никого не приезжать. Уединялся в келии, с домашними до пятницы не говорил, ничего не вкушал, даже Святые Тайны не запивал теплотой. Ночью ежедневно в два часа служил полунощницу. Иногда случалось так: среди ночи, когда он читал правило, дверь келии отворялась от ветра. Послушницы подходили, полагая, что он отворил дверь сам, приглашая войти. Заглянув в нее, видели владыку, в молитве лежащим ниц на полу, повергшегося перед иконами, крестообразно раскинув руки. Размеренно текла жизнь в Меленках около пяти лет. Все пять лет владыка за ворота не выходил. 1931 год... Власти искали, через кого можно было бы собирать о епископе сведения; принуждали доносить дочь хозяйки, Марию Лаврентьевну, то уговорами, то угрозой тюрьмы. По всему чувствовалось: близок арест. В декабре 1931 года нагрянули с обыском и потребовали явки епископа в НКВД. Владыка заболел, пошла вместо него Анна, которую допросили и отпустили. Но дочь хозяйки, Марию Лаврентьевну, в полночь увезли в Иваново, и вернулась она лишь через два месяца. В разговорах намекала, что всех ждет тюрьма. Духовные чада предлагали владыке переехать куда-нибудь, чтобы обезопасить себя и Марию Лаврентьевну, но его вновь вызвали в НКВД и взяли подписку о невыезде.

Наступила Лазарева суббота. После всенощной, во время ужина, раздался стук и вошли трое. Во время придирчивого обыска взяли паспорта, а ранним утром 11 апреля, в Вербное воскресенье 1932 года, послушниц повели в НКВД. Бледный от болезни владыка просил следователя, когда уводили инокинь: "Не обижайте их, и вас Господь помилует. Не забудьте моей о них к вам просьбы, а я вас не забуду". Из раскрытого окна благословлял он арестованных девушек архиерейским благословением.

"Не надейтесь на своего Бога, - говорили тюремщики. - Он вас не освободит, из наших рук никто не освободит вас". Но... из Москвы пришло распоряжение об освобождении.

После ареста послушниц епископ Серафим оставлен был дома под домашним арестом. В тюрьму его взяли 23 апреля во время приступа желчной колики, и тюремный врач написал заключение:

"24 апреля 1932 года осмотренный мною Звездинский Серафим Иванович, 60 лет, страдает камнями печени, воспалением желчного пузыря, неврастенией, в настоящее время отмечается процесс обострившийся. Следовать на лошади может. Желательно два-три дня дать покой на месте, чтобы стихли обострившиеся боли". Покоя, конечно, не дали, и 25 апреля владыку отконвоировали в Москву на Лубянку, где поместили во внутреннем изоляторе. Там уже находился епископ Арсений (Жадановский), которого вскоре отпустили, а епископ Серафим остался в заключении. Одновременно арестовали многих его духовных чад. В июне с Лубянки перевели в Бутырскую тюрьму, и 7 июля 1932 года был вынесен приговор: три года ссылки в Казахстан.

Владыке разрешили свидание с братом.

- Ты поедешь не по этапу, с тобой поедет Нюра, - утешил он.

- Прощай, брат Миша, - ответил владыка.

- Как будто надолго надолго, навсегда, - заметил Михаил Иванович после свидания.

Действительно, на земле они больше не увидали друг друга...

Избавиться от этапа помогла Екатерина Павловна Пешкова, председатель Красного Креста. При аресте владыка взял с собою образ преподобного Серафима, через который он был исцелен в юности. В тюрьме все отобрали, и образ не вернулся.

В Алма-Ату приехали 1 августа и поселились на терраске в чуланчике. Разреженность воздуха действовала на сердце, вызывая тяжелые приступы. Чуть ли не каждые два дня

бегали за врачом; казалось, владыка умирает... На террасе осенью стало холодно: пошли нарывы, ревматизм коленей, зубная боль, малярия... Отец хозяйки собирал милостыню. Вернувшись домой, доставал лучшие куски и прянички из мешочка, делился с владыкой. Епископ брал и благодарил: "Спасибо, дедушка". - "Богу Святому спасибо, а не мне". Когда же владыка давал ему московский гостинчик, дедушка говорил: "Ах, Боже мой! Сами старички, самим нужно", - но все же брал, интересовался рисовой кашей, раньше ее никогда не пробовал. Однажды епископа Серафима посетил Алма-Атинский епископ Герман (Вейнберг). Владыка принял его радушно, а епископ Герман приглашал к себе.

Вскоре удалось переехать в сарай. Не верилось: тепло, чисто, уютно и нарядно, но через неделю приехал сын хозяйки, военный, и стал гнать ссыльных. Начали искать новое пристанище, но 10 ноября 1932 года владыку вызвали в НКВД и приказали отправиться в город Гурьев. Опять дорога. Холодно, сыро и грязно, все трое заболели гриппом, через Сызрань, совсем больные и разбитые, поездом добрались до Пензы. Нашли комнату, но владыка ночью не ложился: молился и причастился.

В Пензе сели ночью на поезд до Саратова. В Саратове первый раз за неделю ели горячее и отправились до Уральска. Оттуда предстояло ехать еще 500 километров автомашиной по трудной дороге, и владыка просил в НКВД: "Оставьте меня в Уральске, зачем отправлять в Гурьев? Очень трудное сообщение". Но ничего изменить не смогли.

Автомашина на Гурьев пришла через пять дней. Ночью грузовик остановился в деревне, и сопровождавшие чиновники в избе сели у стола. Хозяйка позвала владыку в свою комнату, упала в ноги: "Батюшка, ты как ангел, как агнец незлобивый среди зверей. Посмотрю на тебя, а у тебя лик ангельский, и жалко мне тебя. Помолись обо мне, благослови дом мой".

К вечеру следующего дня добрались до Гурьева и с трудом устроились. В сочельник 1933 года в первый раз владыка совершил литургию.

Зима прошла в скудости и нищете. Анна рисовала и вышивала, кормились, продавая ее изделия, но на "Живоносный Источник" вдруг посетила ссыльных милость Божия - телега посылок с крупой и сухарями.

17 июля 1933 года, во время совершения литургии, явился представитель НКВД - немец, точный и холодный, и приказал немедленно собираться. У владыки начался сердечный приступ и боли в печени. Умоляли оставить страдальца дома до отхода парохода, но все было бесполезно: забрали в тюрьму, поместили в камеру без окон, в 45-градусную жару.

Но и в болезнях своих владыка всем сердцем сострадал окружающим. Так, во время путешествия на пароходе у владыки на руках умер тифозный матрос.

Только на шестой день, пройдя от Гурьева 300 километров, совсем остановились. Конвоир раздобыл лошадь, епископа посадил, Анна шла пешком за лошадью 14 километров до какой-то деревни, дальше - на машине в Лбищи. После двух ночей под конвоем приехал грузовик - повезли в Уральск на жительство. "Как на жительство? И там оставят?" - не верили изгнанники. "Да, вас переводят из Гурьева в Уральск".

1 августа, в день памяти преподобного Серафима, началась в Уральске новая жизнь в маленькой хатке по улице Сталина, дом 151. Здесь устроили келию-церковь, снова стали постоянно служить, но вскоре после приезда в Уральск владыка заболел малярией. Страшные приступы повторялись ежедневно, хина не помогала. Он терял сознание и приходил в себя через несколько часов. Врач каждый раз предупреждал о возможности смертельного исхода в ближайшую ночь. Исцеление пришло неожиданно в день памяти святого Иоанна Тобольского. С 23 июня, после двух месяцев болезни, приступы прекратились. По совету врача подали прошение переменить место ссылки, но ответа не последовало.

Наступила зима. Рамы в доме были одинарные, на окнах - лед, кругом снег и темнота. Листья от деревьев и хворост из государственного сада запасали на дрова, а верблюжий навоз - для самовара. Голодно, цены высокие, средств нет, не было ни хлеба, ни

картофеля. Собирали в полях зеленый капустный лист и рубили в маленькую кадочку. В дни получения посылок был праздник, чувствовали помощь Божию и любовь духовных чад.

В Крещенский сочельник, когда епископ Серафим готовился к водосвятию, раздался резкий стук в дверь. Отворившему человек в форме сказал: "Вам повестка - в 24 часа отправляют в Омск". После малярии владыка чувствовал постоянное недомогание, на улицу не выходил, но на просьбы отложить отъезд последовал ответ: "Мы организация военная. Задержитесь - отправим военным порядком".

23 января 1935 года, в 35 градусов мороза, выехали из Уральска, но, к счастью, через Москву. После трехлетнего отсутствия в Москве на Павелецком вокзале встретили духовные чада. Утром владыка причастил пришедших, и после молитвы все собрались вокруг владыки, а он поучал с теплой, отеческой любовью свою московскую паству в последний раз. 28-го вечером провожали в Омск с Ярославского вокзала, принесли на дорогу денег и гостинцев, чем очень поддержали.

30 января прибывших в Омск встретили мороз и темнота. Все номера в городе оказались заняты. В одной церкви ответили: "Вы староцерковники, мы - обновленцы, содействовать не можем". В другой - то же самое, но Бог послал православную приветливую старушку, которая предложила комнату, увешанную иконами.

После пяти дней пребывания в Омске НКВД приказало немедленно выехать в Ишим. Прибыли туда 3 февраля 1935 года ночью. До апреля, когда оканчивался срок ссылки, оставалось три месяца. Здесь нашелся старичок Александр Павлович, который пригласил владыку на жительство в дом с палисадником и квартирой на втором этаже. "Горницею устланною, яко красная палата", показалась комната ссыльным. Прежде всего устроили домашнюю церковь, и жизнь пошла обычным порядком: молитва утром, Божественная литургия, чай, отдых, чтение Священного Писания, чай, вечерняя служба, небольшой ужин, вечерние молитвы - и затворялся владыка, соединяя с отдыхом молитву и чтение даже и ночью. Прошла Пасха, наступило лето 1935 года. Срок ссылки закончился, но освобождения владыка не получил. Только осенью пришли бумаги. На предложение выбрать место жительства (минус шесть городов) епископ Серафим ответил, что решил остаться в Ишиме, где ему дали паспорт на жительство. Местное духовенство, хотя и не встречалось с владыкой, но уважало его. Протоиерей Константин на праздник присылал благословенный хлеб.

Добираться из Москвы до Ишима можно было без пересадок; неблизко, но доступно всем. Духовные чада приезжали каждый месяц, привозили исповеди от всех и вопросы - владыка всем отвечал.

Во время частых болезней и сердечных приступов владыка говорил: "Умираю, прощайте, мои дорогие. Кто-то меня отпевать будет?" 1 июля 1936 года пришло сообщение о смерти брата Михаила. "Я остался один из семьи, моя очередь", - сказал владыка и даже отслужил по себе отпевание. В конце 1936 года епископ Серафим хотел принять великую схиму, но постриг устроить было трудно.

В Ишиме Анна заболела тропической малярией. Три дня была без сознания, температура - выше сорока. Врач сказал, что такая форма малярии смертельна, но когда владыка причастил Святых Христовых Тайн, температура стала нормальной, и больше не повышалась. Только тогда ей сказали, что ее считали безнадежною.

С Рождества 1937 года в Москве начались массовые аресты духовенства... 14 апреля 1937 года арестовали архиепископа Арсения (Жадановского). Всю зиму владыка Серафим каждое воскресенье, произнося отпуст, добавлял: "Воскресый из мертвых Христос, истинный Бог наш... помилует и спасет нас. Слышишь: не только помилует, но и спасет, непременно помилует, непременно спасет".

Еще осенью хозяина вызвали в НКВД и обязали немедленно сообщить, если он заметит, у владыки какие-либо приготовления к отъезду. Последнее время какие-то лица следили за каждым шагом ссыльных.

23 июня, в день памяти святителя Иоанна Тобольского, покровителя Сибири, владыка после службы и чая вышел в садик; возвращаясь, пропел дома "Вечную память". После всенощной беспокоился о детях хозяина, чтобы голодные не легли спать, - хозяин был пьян. Окончив вечерние молитвы, владыка ушел к себе. В это время через палисадник в дом вошли работники ГПУ. Начался обыск, проверили все и увезли владыку в 5 часов утра 24 июня 1937 года. С ишимской тюрьмы начался последний этап земной жизни владыки Серафима.

В ночь с 23 на 24 июня 1937 года в Ишиме арестовали 75 человек, имевших или ранее носивших духовный сан. Владыка был еле жив, вновь начались сердечные приступы, добавилось кишечное заболевание, температура 40. В ответ на передачи писал дрожащей рукой, прося помощи, но тюремные стражи говорили, что температура не избавляет от этапа. 23 августа 1937 года "тройка" при Управлении НКВД по Омской области приговорила епископа Серафима (Звездинского) к расстрелу, мотивируя свой приговор тем, что он "не прекратил своей контрреволюционной деятельности" и в Ишиме среди верующих "слыл за святого человека". 26 августа 1937 года приговор был приведен в исполнение.

Преподобномученики Верненские (Алма-Атинские) Серафим, Феогност, Пахомий, Анатолий, Ираклий, Виктор, Евдокия (память 29 июля по старому стилю)

С целью распространения Православной веры в Туркестанском крае и духовного просвещения азиатских кочевников, Святитель Туркестанской кафедры Преосвященный Епископ Александр (Кульчицкий) вознамерился зажечь на берегах Иссык-Кульского озера миссионерскую путеводную звезду. В 1882 году он приступил к освящению избранного места и водрузил деревянный крест там, где предположено было основать мужской Свято-Троицкий миссионерский монастырь. Первые насельники монастыря приложили много трудов для возведения монастырских стен и зданий и устроения хозяйства, терпя недоброжелательное отношенье кочующих племён, оборачивающееся нередко открытым нападением на послушников и потравой монастырских пастбищ.

Умножение братии последовало в 1886 году, когда в монастырь приехали 11 иноков из Свято-Михайловской Закубанской пустыни, а в 1894 году на берега величественного Иссык-Кульского озера решили отправиться с острова Валаам восемь иноков во глав с игуменом Севастианом, неся с собой дух Валаамской обители.

Несколько лет спустя, уже в начале XX-го столетия, в монастырь были приглашены из Рождество-Богородицкой Глинской пустыни Курской епархии несколько иноков, в числе которых были монахи Серафим, Феогност и Анатолий. Известно, что они были образованные иноки, ведущие высокую подвижническую жизнь. Кроме того, отец Серафим был наделён иконописным талантом и имел прекрасный певческий голос, отец Анатолий был замечательным певцом и незаурядным регентом, отец Феогност имел хорошие административные способности.

В Свято-Троицком монастыре Глинские иноки сблизились с монахами Пахомием и Ираклием. Сейчас, когда минуло почти столетие, не представляется возможным с точностью установить биографические данные Казахстанских подвижников и фактическую сторону описываемых событий. Достоверно известно лишь то, что к 1909 году монахи Серафим и Анатолий были призваны в кафедральный город Верный, где удостоились получить священный сан и несли своё служение в Успенской церкви Туркестанского архиерейского дома, за которое в 1912 году были удостоены права

ношения набедренника. Также они духовно окормляли недавно основанную Иверско-Серафимовскую женскую обитель.

В 1916 году иеромонах Анатолий управлял архиерейским хором в Вознесенском Кафедральном соборе города Верный.

После событий, потрясших Верный - прихода в марте 1918 года к власти большевиков и расстрела епископа Пимена (Белоликова, память 3 сентября), монахи ушли в горы и в 8-ми верстах от города в горном урочище Медео, и создали и устроили скит на сопке Мохнатой. Иеромонах Серафим обустроил в нём церковь, вырытую в склоне горы. Позже этот скит был отдан ими монахиням, а братия решила искать более уединённого места. Такое место нашли они на горе Кызыл-Жар. Там ими были поставлены кельи и вырыты пещеры. Был и Престол.

Отец Пахомий до 1916 года был также переведён в город Верный и дальнейший его путь Господь связует с Глинскими подвижниками Серафимом и Анатолием. Монах Ираклий, иеромонахи Феогност и Пахомий оставались в Иссык-Кульском монастыре до 1919 года. Отец Феогност в том же году был утверждён там в должности благочинного и помощника духовника для мирян. После нападения киргизов на монастырь в 1916 году, было замучено много престарелых монахов. В 1919 году монастырь был закрыт.

Духовником скита был иеромонах Серафим (Богословский). Родился он в город Глухове в 70-е годы. Мирское имя его Александр. Отец его, Евфимий, был управляющим у помещика. Мать Мария была женщина кроткая и благочестивая, непрестанно посещавшая храм Божий. В семь было двое детей - Саша и его старшая сестра. Матери его было открыто Богом, что её сын примет мученическую кончину. Когда он был ещё мальчиком-гимназистом, она, как-то проснувшись утром, плакала и говорила: "Сын мой, я видела во сне, что ты будешь мучеником". Она непрестанно о нём плакала, а он очень любил и жалел её. Как-то он играл на баяне и пел церковные песнопения. Мать слушала. Вдруг он заметил, что она плачет и спросил: "Мама, что ты плачешь?" Она отвечала, что во время его пения она видела венец над его головой, и ангелов с ним, и опять повторила, что кончина его будет мученической. Эти слова матери глубоко запали в его душу. Александр же так рассуждал: "Если кончина моя будет мученической, что искать мне в миру!". И, достигнув юношеского возраста, удалился в Глинскую пустынь.

Проживая в Глинской пустыни отец Серафим имел своим духовником помощника братского духовника иеромонаха Домна (Аггеева), духовная связь с которым не прекращалась и после его кончины.

Однажды, после отречения Государя от Престола, послушница Феоктиста пошла к отцу Серафиму в ущелье. Поднялась в гору, ещё дверь кельи не успела открыть, а батюшка встречает её на пороге и говорит: "Знаю, зачем пришла. Мне Домн сказал: Серафиме, Серафиме, Царя убрали и скорыми, скорыми шагами всё пойдёт к погибели".

В 1921 году в Кызыл-Жарский скит приехали трое красноармейцев на лошадях с ружьями. Отец Серафим угостил их чаем и положил спать. Сам он не спал, читал правило. Под утро красноармейцы подошли к нему, наставили ружье в спину и выстрелили. Он успел крикнуть: "Анатолий!". Затем красноармейцы по дорожке пошли к отцу Феогносту, который по ночам обычно молился в пещере. Возможно, устав от ночной молитвы, он прилёг в своей келии отдохнуть. Как лежал он, скрестив на груди руки, так и остался - они выстрелили ему в сердце.

На другой день приехала милиция. Место осмотрели и разрешили хоронить. Вырыли могилу, покрыли её досками и без гробов, завернув монахов в мантию, похоронили. Позже иеромонах Анатолий отпел их на Мохнатой сопке. После всего случившегося отец Пахомий, отец Ираклий и отец Анатолий жить в скиту не остались.

Схимонах Ираклий (мирское имя - Сергей Матях) жил в городе Талгар, в семье старосты Талгарскаго храма И.Д. Дмитриева. В доме жить отказался и построил себе келью в саду. Последние годы батюшка жил в селе Сазоновка в доброй верующей семье. Любил ночные молитвы, спать не ложился, лишь подремлет, сидя на лавочке, и снова

молится. Отец Ираклий скончался от болезни накануне праздника Вознесения Господня в 1937 году. О своей кончине он был извещён заранее.

Иеромонах Пахомий (в миру - Русин Прохор Петрович, 1880 года рождения, уроженец Курской губернии) после 1921 года некоторое время тайно жил вместе со странником Виктором (Матвеевым) в скиту на горе Горельник в урочище Медео. Был молчалив, когда кто просил у него слова наставления - призывал творить Иисусову молитву.

В 1935 году его арестовали, посадили в Алма-Атинскую тюрьму, где он претерпевал издевательства и в 1936 году был расстрелян. Странник Виктор также принял мученическую кончину около 1936 -1937 годов.

Иеромонах Анатолий после 1921 года некоторое время жил в городе Верном, служил во Всехсвятском храме Иверско-Серафимовского монастыря, который после закрытия обители некоторое время был действующим. Там же он управлял хором, писал музыку. В середине 20-х годов он ушёл в Сухуми, где жил в горах, вёл переписку с Верненскими монахинями. Вскоре ими была получена весть об аресте и расстреле отца Анатолия.

Монахиня Евдокия выполняла в монастыре послушание помощницы эконома. В сентябре 1918 года красный отряд Мамонтова-Кихтенко, прибывший в город Верный для расправы с епископом Пименом в числе других акций по наведению "революционного порядка", разбирал конфликт между монастырём и арендаторами монастырской заимки. По навету крестьян-арендаторов, обвинивших монахинь в "контрреволюции", их расстреляли решением "полевого суда". Мать Анимаиса - эконом монастыря - была лишь ранена и выжила. Монахиня же Евдокия была убита.

Могила преподобномучеников Серафима и Феогноста в Аксайском ущелье всегда почиталась верующими. В 1991 году на ней был установлен поклонный крест и затем возведена часовенная сень. Известно немало случаев исцелений и чудес, происходящих на могиле преподобномучеников. В настоящее время на месте Кызыл-Жарского скита открылся мужской монастырь - Аксайская Серафиме-Феогностовская пустынь.

Прославлены в 1993 году как местночтимые святые Алма-Атинской епархии.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Серафим, архиепископ Угличский (память 22 октября по старому стилю)

Священномученик Серафим, архиепископ Угличский (в миру Самойлович Семён Николаевич) родился 19 июля 1881 года в город Миргород Полтавской губернии.

В 1902 году Семён окончил Полтавскую Духовную Семинарию и получил место учителя Уналашкинской двухклассной школы на Аляске в Америке. В 1905 году находился на той же должности в Ситке, где и был пострижен в мантию епископом Иннокентием (Пустынским) и через месяц рукоположен в иеромонаха. В 1906 году отец Серафим - настоятель Нугекской Духовной Миссии в Северной Америке. В 1907-1908 годах он преподаёт в Ситкинской Духовной Семинарии. В Америке Владыка был сподвижником преосвященного Тихона, будущего Патриарха, который высоко ценил ревностного миссионера-аскета.

В 1908 году отец Серафим являлся помощником Владикавказского епархиального миссионера, а в 1909 году - духовником Александровской Ардонской Духовной

Семинарии. В 1910 году его назначают сначала наместником Могилёвского Братского первоклассного монастыря, а затем, по желанию преосвященного Тихона, занимавшего тогда Ярославскую кафедру, переводят на должность наместника Толжского Ярославского монастыря.

Там отец Серафим пишет серьёзный труд по истории Толжской обители, приуроченный к её 600-летию. Он открывает школу пчеловодства для мальчиков-сирот, а с началом войны устраивает лазарет.

С 1915 года отец Серафим является наместником Углического Покровского монастыря. В феврале 1920 года он был хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии.

Владыка входил в так называемый "Параллельный Синод", существовавший с молчаливого одобрения Святейшего Патриарха Тихона в Свято-Даниловом монастыре. Он был основан священномучеником архиепископом Феодором (Поздеевским) и в него вошли видные архиереи: архиепископ Андрей (Ухтомский), епископ Арсений (Жадановский), епископ Серафим (Звездинский) и епископ Гурий (Степанов).

Причиной возникновения "Параллельного Синода" следует считать мнение его членов о том, что Патриарший Синод, находившийся под плотным контролем Г. П. У., был неэффективен и вынужден был встать на примиренческие позиции. Мыслился он как "постоянно действующее Предсоборное совещание" и главной целью его была подготовка тайного Поместного Собора, способного разрешить церковные проблемы без давления властей. Основополагающими решениями "Даниловцев" были:

1. Утверждение принципов децентрализации церковной жизни как наиболее эффективного способа сопротивления контролю большевиков над Церковью;

2. Тайные поставления архиереев и священников. Таким образом, "Параллельный Синод" явился тем закладным камнем, на котором стала утверждаться Катакомбная Церковь.

С июля 1922 года Владыка находился в Ярославской тюрьме и после освобождения, в 1924 году был возведён Святейшим Патриархом Тихоном в сан архиепископа. В 1925 году Владыка являлся временно управляющим Ярославской епархией.

Священномученик митрополит Иосиф (Петровых), будучи одним из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, на случай своего ареста назначил в 1925 году временных заместителей, в их числе и Владыка Серафим. В 1926 году, 16 (29) декабря после ареста священномученика митрополита Иосифа (Петровых), Владыка выпускает Послание о вступлении в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Он управлял Церковью до апреля 1927 года, затем передал управление освобождённому из заключения митрополиту Сергию (Страгородскому).

Известно, что Владыку в 1927 году вызывали в Г. П. У. в Москву, где предлагали ему принять компромиссные условия легализации Церкви, указав кого назначить членами Синода. На это Святитель ответил отказом, предложив своих членов Синода и в их числе митрополита Кирилла (Смирнова). "Ведь он же сидит", - говорят чекисты. "А ведь он у вас сидит, освободите его", - отвечал Святитель. За такой ответ он был вскоре арестован.

После выхода "Декларации" митрополита Сергия, Святитель примкнул к "Ярославской оппозиции", возглавлявшейся священномуче- ником митрополитом Агафангелом (Преображенским, память 3 октября). С сожалением он писал в январе 1928 года о том, что "поспешно и безоговорочно" передал митрополиту Сергию заместительские права. Он умолял митрополита Сергия проявить мужество и издать другую Декларацию "во исправление первой", которая "отводит от служения Истине, а лжи Бог не помогает". Он призывает митрополита обратить взоры к старейшему иерарху митрополиту Ярославскому Агафангелу, передав ему заместительские права. В апреле 1928 года митрополитом Сергием (Страгородским) Владыка был лишён кафедры и запрещён в священнослужении. Вскоре последовал арест и затем высылка из Ярославля в Могилёв в Буйничский Свято-Духов монастырь.

В своём январском 1929 года "Послании ко всей Церкви" Святитель продолжал обличать политику митрополита Сергия в тяжком грехе "увлечения малодушных и немощных братий наших в новообновленче-ство", за что вскоре был вновь арестован (февраль 1929 года) и приговорён к пяти годам лагеря. Но Послание Святителя широко разошлось по всей стране и было опубликовано в Белграде.

В заключении на Соловках Владыка был на общих работах. Таская кирпичи на постройку здания, Владыка упал с лесов и переломал себе рёбра, которые неудачно срослись, что сделало его инвалидом. В марте 1932 года он был освобождён из лагеря и сослан на три года в Северный край, где возглавил тайную Церковь, ставил священников, совершал постриги. По воспоминаниям духовных чад, "он слабел телесно, но духом был твёрд. Он считал, что в эпоху гонений не должно быть централизованного Церковного Управления. Епископ должен управлять сам своей епархией.

Примерно в 1934 году Владыкой было написано ещё одно Послание, в котором митрополит Сергий (Страгородский) объявлялся запрещённым в священнослужении за свою антиканоническую деятельность, начиная с 1927 года. Для утверждения этого Послания в Архангельске состоялся "малый катакомбный собор", решения которого должны были стать основой для всех ссыльных епископов и духовенства. Существуют сведения, что Патриарший Заместитель митрополит Пётр (Полянский) писал из ссылки, что Российские Преосвященные должны сами наложить прещение на митрополита Сергия за его антиканонические деяния.

В мае 1934 года Святитель снова был арестован в Архангельске по обвинению в создании новой "контрреволюционной организации сторонников истинно-православной церкви" и приговорён к пяти годам лагерей. Заключение отбывал в Сусловском отделении "Сиблага". Владыка был расстрелян в лагере 22 октября (4 ноября н. ст.) 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобный Серафим Вырицкий (память 21 марта по старому стилю)

Преподобный Серафим Вырицкий (в миру Василий Николаевич Муравьев) родился 31 марта 1866 года в деревне Вахромеево Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Уже 1 апреля 1866 года при крещении он был назван Василием в честь преподобного Василия Нового, исповедника.

Родители мальчика, Николай Иванович и Хиония Алимпьевна Муравьевы, были истинно верующими, богобоязненными людьми. Для супругов Муравьевых Православие было не просто внешним благочестием и обрядом, но глубоким и сокровенным внутренним бытием. От младенчества Василий получал уроки добродетели. С детских лет в мальчике проявились те свойства христианской души, которые во всей полноте раскрылись в зрелые годы.

Человеколюбивый Господь даровал ему сообразительность, необыкновенное усердие, терпение и настойчивость в достижении цели, а также удивительную память. В раннем возрасте мальчик практически самостоятельно освоил грамоту и начала математики. Первыми его книгами стали Евангелие и Псалтирь.

В юности Василий зачитывался житиями святых, которые тогда продавались в виде маленьких разноцветных книжечек. Особенно поражала его воображение жизнь пустынных отшельников. Святые Павел Фивейский, Антоний, Макарий и Пахомий

Великие, Мария Египетская... Эти имена рождали в отроке трепетное благоговение и радость. Уже тогда, открылся для него чудный таинственный мир, перед которым померкло все земное. В сокровенных глубинах чистой детской души зародилась мысль о принятии монашеского, ангельского образа. Для ближних это намерение до поры оставалось тайной.

Будучи рачительными хозяевами, родители Василия вместе с тем не были привязаны к так называемым материальным ценностям. Они всегда были готовы помочь нуждающимся, приютить странников, обогреть и накормить бедных. И Василий рос таким же трудолюбивым и сердечным.

В доме Муравьевых всегда строго соблюдали все установления Православной Церкви. С девятилетнего возраста и отрок Василий постился вместе со взрослыми. В воскресные и праздничные дни семья неукоснительно посещала храм Божий, исповедовалась и причащалась Святых Христовых Тайн.

Когда позволяло время, Муравьевы всей семьей совершали паломнические поездки ко святым местам - к храмам и монастырям. С особой радостью посещали они Свято-Троицкую Сергиеву лавру, в Гефсиманском скиту которой подвизался знаменитый старец Варнава (Меркулов). Это был мудрый учитель и великий молитвенник, к которому устремлялись верующие со всей России. "Без Бога ни до порога!" - любил назидать народной мудростью своих посетителей отец Варнава. Эти слова приняла душа отрока за правило жизни.

Так, как бы незаметно, заложил Премудрый Господь в сердце Василия с малых лет семена подлинной христианской нравственности и духовности. Они упали на благую почву...

Неожиданно на семью обрушилась скорбь - Господь призвал от земных трудов Николая Ивановича Муравьева, находившегося в расцвете лет. Ему шел тогда сороковой год. Близкие тяжело переживали утрату. Мать Василия была женщиной болезненной, а от случившегося ее состояние еще ухудшилось. Василию пришлось стать кормильцем семьи. В ту пору Муравьевы в полной мере испытали все скорби, сопутствующие бедности...

Вскоре милость Божия посетила обездоленную семью: односельчанин, благочестивый и добрый человек, работавший старшим приказчиком в одной из лавок Санкт-Петербурга, пригласил отрока в столичный город на заработки. При этом он обещал, как тогда говорили, "вывести Василия в люди". Мать со слезами благословила сына на поездку иконой Пресвятой Богородицы, и десятилетний Василий покинул родные края.

Большой город Петербург... После размеренного крестьянского быта нелегко было Василию привыкнуть к водовороту столичной жизни. Однако врожденные способности, дарованные от Господа, помогли ему. С помощью своего благодетеля отрок получил работу рассыльного в одной из лавок Гостиного двора. С первых же шагов Василий проявил такое усердие, исполнительность и старательность, что заслужил полное доверие хозяина. В дальнейшем владелец конторы, где работал отрок, стал поручать ему все более и более сложные дела, которые Василий, с Божией помощью, всегда выполнял с усердием и в срок. Почти все свое жалование Василий отсылал на родину больной матери, оставляя себе лишь малую часть на самые неотложные нужды.

По-прежнему владело Василием неугасимое стремление к монашеской жизни. Настал момент, когда оно охватило его с непостижимой силой. Ему было тогда около четырнадцати лет. В горячем порыве пришел он в Александро-Невскую лавру и просил о встрече с наместником. Однако игумен в тот день отсутствовал. В ту пору в лавре подвизалось несколько старцев-схимников, известных во всей России. Василию предложили встретиться с одним из них. На коленях, со слезами поведал отрок старцу о своем заветном желании. В ответ же услышал наставление, оказавшееся пророческим: до поры оставаться в миру, творить богоугодные дела, создать благочестивую семью, воспитать детей, а затем, по обоюдному согласию с супругой, принять монашество. В заключение старец сказал: "Васенька! Тебе суждено еще пройти путь мирской, тернистый,

со многими скорбями. Соверши же его перед Богом и совестью. Придет время, и Господь вознаградит тебя..." Так была явлена Василию воля Божия. Вся дальнейшая его жизнь в миру стала подготовкой к жизни иноческой. Это был подвиг послушания, который длился более 40 лет.

Часы, свободные от мирских трудов, он любил проводить в храме или читал душеполезные книги, молился. Постоянно занимался отрок и самообразованием, в чем помогали ему удивительная память, природная сообразительность и настойчивость в достижении цели. Необычайную расположенность имел он к историческим наукам, которые стали предметом его особого интереса. Обладая хорошими математическими способностями, Василий быстро овладевал и коммерческими дисциплинами, успешно сочетая теорию с практической деятельностью.

При первой же возможности он выезжал на родину и помогал матери содержать дом и хозяйство в исправном состоянии. Всегда поддерживал ее материально и хранил к ней нежные сыновние чувства, постоянно поминая ее в своих молитвах.

Хозяин Василия был человеком благочестивым и всячески приветствовал его богоугодную жизнь. Он высоко ценил нравственные и деловые качества своего работника - необычайное трудолюбие, исполнительность и несомненный коммерческий талант. Когда Василию исполнилось 16 лет, он назначил юношу на должность- приказчика, а еще через год Василий Николаевич стал старшим приказчиком. В будущем же владелец конторы возлагал на него надежды как на компаньона. Это был удивительный и редчайший случай, ибо для того чтобы дослужиться до старшего приказчика, обычно требовалось не менее 10 лет.

По служебным делам молодому приказчику приходилось выезжать в Москву, Нижний Новгород и другие города России. Тогда, по согласованию с хозяином, посещал он святые места, находившиеся поблизости. Неизменно бывал он и в обители Преподобного Сергия Радонежского, чтобы поклониться великому печальнику земли Русской и принести ему свои молитвы. Богомольцы, посещавшие Сергиеву лавру, всегда старались побывать и в Гефсиманском скиту, чтобы поклониться чудотворному Черниговскому образу Божией Матери и получить благословение и совет любвеобильного старца Варнавы. Сам Господь вновь привел юношу к отцу Варнаве, и после продолжительной беседы духоносный старец благословил Василию; быть его духовным сыном. Вот такого несравненного наставника даровал Всемилостивый Господь Василию Муравьеву. Около 20 лет продолжалось их духовное общение во славу Божию. Когда позволяли дела, Василий Николаевич спешил в Гефсиманский скит, если там в это время находился его наставник; а отец Варнава, посещая Санкт-Петербург, всегда бывал в доме у молодого коммерсанта.

По благословению отца Варнавы Василий постоянно совершенствовал себя в чтении молитвы Иисусовой, все время старался блюсти чистоту ума и противостоять греховным помыслам, а его духоносный наставник всегда помогал ему советами и святыми молитвами, оберегая молодого подвижника от мирских соблазнов и готовя его ко вступлению в будущем на иноческий путь.

Пока же Василию необходимо было выбрать себе спутницу жизни. Ею стала Ольга Ивановна, с которой в 1890 году по благословению отца Варнавы Василий и обвенчался.

Господу было угодно, чтобы молодой подвижник, прежде чем отречься от мира и его забот, усовершился бы на поприщах семейного и коммерческого служений. В 1892 году Василий Николаевич открыл собственное дело. Обладая большим опытом и имея прочные торговые связи, он организовал контору по заготовке и продаже пушнины. Значительная часть товара поставлялась за границу - в Германию, Австро-Венгрию, Англию, Францию и другие страны.

Торговля требовала недюжинных сил и способностей. Мало было ждать покупателя к себе в лавку, нужно было искать его в различных концах России и за рубежом, применяться к его требованиям, прислушиваться к желаниям.

Господь даровал Василию Николаевичу удивительную способность - умело совмещать попечения о земном с задачами духовными. И еще - быть преданнейшим сыном своей Отчизны, стремящимся сделать все возможное для ее блага и процветания. Его любовь к России и ее народу была воистину безгранична.

Имея незаурядные способности, Василий Николаевич, тем не менее, не стремился к богатству и мирским почестям. Торговая деятельность была для него не способом умножить капитал, а необходимым средством для оказания помощи Церкви и ближним. Молодой предприниматель всегда старался всемерно повышать уровень знаний и эрудиции. В 1895 году он стал действительным членом Общества для распространения коммерческих знаний в России и поступил на Высшие коммерческие курсы, организованные при обществе.

Деятельность общества отличалась патриотической направленностью. Его члены считали своим долгом прежде всего всемерно содействовать Императору и правительству в области национального экономического развития. Государь, со своей стороны, также находил работу общества весьма полезной и своевременной, и в 1896 году выделил из личных средств 100 000 рублей на его развитие. Это было время, когда заморские предприниматели, в частности знаменитый Генри Форд, учились у русских купцов и промышленников. Россия диктовала уровень мировых цен на многие виды сырья, промышленной и сельскохозяйственной продукции, а золотой рубль стараниями Государя Императора Николая II был самой весомой в мире валютой...

Русское купечество всегда было носителем национальных традиций и хранителем православной культуры. Оно славилось делами милосердия и благотворительности. Это был созидательный слой, который, стоя на прочном фундаменте православной веры и любви к Отчизне, помогал Русским Государям строить великую державу.

Успешно закончив курсы в 1897 году, Василий Николаевич Муравьев приобрел хорошее образование, дававшее глубокие знания и широкий кругозор. Несомненно, оно немало помогало ему и в дальнейшем, уже после вступления на иноческий путь, когда на монастырских послушаниях и в беседах с людьми приходилось встречаться со множеством практических вопросов.

До 1914 года супруги Муравьевы числились крестьянами Ярославской губернии, имевшими вид на жительство в столице и занимавшимися там купеческим промыслом по сословному свидетельству 2-й гильдии. Существовало в ту пору еще такое сословное понятие - "временный Санкт-Петербургской 2-й гильдии купец". Такой "временный" статус, впрочем, не мешал чете Муравьевых находить общение в самых различных кругах петербургского общества и быть глубоко уважаемой и любимой многими.

Ольга Ивановна, будучи внешне весьма женственной, характер вместе с тем имела твердый и решительный. Известно, что она немало помогала супругу в торговых делах, а во время отсутствия Василия Николаевича в Петербурге успешно руководила работой предприятия. Василий Николаевич старательно подбирал себе в сотрудники верующих православных людей, и оттого в, отношениях между хозяевами и служащими всегда царил дух Христовой любви.

В 1895 году в их семье родился сын Николай, а затем появилась на свет и дочь Ольга. Однако последняя отошла ко Господу еще младенцем, и после ее кончины по обоюдному согласию и благословению отца Варнавы Василий и Ольга стали жить, как брат и сестра. Молитвы духовного отца помогали им устоять в этой решимости.

В семье Муравьевых уже тогда сложился обычай - после литургии в дни двунадесятых праздников, праздников в честь чудотворных икон Божией Матери и чтимых святых в доме накрывали многие столы с самыми разнообразными кушаниями и зазывали с улицы на трапезу всех неимущих. После чтения "Отче наш" Василий Николаевич обычно произносил небольшую речь, рассказывая историю и смысл наступившего праздника, а затем поздравлял всех, кто пришел под кров его дома. После трапезы и благодарственных молитв ко Господу хозяин всегда благодарил присутствующих за то, что они посетили его

дом. На дорогу супруги обычно щедро наделяли гостей деньгами, вещами, продуктами и приглашали к следующему празднику. Будучи верным учеником отца Варнавы, Василий Муравьев убежденно говорил: "Все зло надо покрывать только любовью. Чем ты ниже саном, беднее, тем ты мне дороже..." Один Бог ведает, сколько нищих и убогих от всего сердца поминали в своих простых молитвах, обращенных ко Господу, имена Ольги и Василия и испрашивали здравия и спасения своим благодетелям.

Помогая ряду храмов и обителей, Василий Николаевич, как милосердный самарянин (Лк. 10:35), постоянно вносил пожертвования на содержание нескольких богаделен, самая крупная из которых находилась на Международном (ныне Московском) проспекте при Воскресенском Новодевичьем монастыре. При малейшей возможности дружные супруги, искренне сострадавшие чужому горю, посещали эти дома призрения, утешая одиноких и беспомощных теплым участием, раздавая гостинцы и духовные книги.

Муравьевы не раз принимали к себе болящих из казенных больниц. Страждущим было несравненно легче поправляться в домашних условиях. Сердечное участие и искренняя любовь творили чудеса - безнадежно упавшие духом и истощенные тяжкими недугами люди вставали на ноги и возвращались к деятельной жизни. Василий и Ольга никогда не навязывали ближним своих убеждений и строгостей духовных. Сама их подлинно христианская жизнь служила к назиданию окружающих.

1903 год. Дивен Бог во святых Своих! (Пс. 67:36). Невозможно передать словами все то, что ощутили верные чада Церкви на торжествах прославления преподобного Серафима Саровского. В те незабываемые дни вся Россия, сохранившая верность Христу, во главе с Государем Императором и членами Августейшей фамилии пришла поклониться смиренному Серафиму.

Сподобил Господь и Василия с Ольгой побывать тогда в Саровском обители. На всю жизнь сохранили благоговейную память о великих Серафимовских днях благочестивые супруги Муравьевы. Василий Николаевич от юности своей глубоко почитал батюшку Серафима. Он всегда помнил слова преподобного о том, что истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божия.

С душевной отрадой взирал отец Варнава на духовное преуспеяние Василия Муравьева и щедро делился с ним духовным опытом, готовя к иночеству. Годы, проведенные под руководством старца, стали тем временем, когда был заложен прочный фундамент, на котором происходило дальнейшее духовное возрастание Василия Муравьева.

В начале 1906 года отец Варнава тяжело занемог. Предчувствуя близкую кончину, он в последний раз посетил основанную им Иверско-Выксунскую женскую обитель и Петербург. В северной столице батюшка Варнава всегда был желанным гостем. В Петербурге старец провел два дня, встречаясь со своими любимыми "детками", благодаря их за любовь к нему и благодеяния обители Иверской, прося их не оставлять ее впредь своей помощью. В те дни Василий Николаевич и Ольга Ивановна в последний раз видели своего духовного отца. 17 февраля старец почил о Господе.

Кроме, советов и наставлений в наследство от отца Варнавы Василию Николаевичу досталась удивительная дружба. Настоящим другом Василия Муравьева стал архимандрит Феофан (Быстрое), духовник Царской семьи и будущий архиепископ Полтавский, бывший в те годы инспектором Санкт-Петербургской духовной академии. Их знакомство состоялось через отца Варнаву, окормлявшего обоих.

Сродное познается сродным - будущий святитель сразу увидел в Василии Муравьеве качества истинного боголюбца и смиренного подвижника. Кроме того, их сближал интерес к наукам. Василий Николаевич всегда любил историю, и здесь архимандрит Феофан как профессор библейской истории был для него несравненным собеседником и наставником. Единомысленные ученики батюшки Варнавы много размышляли о настоящем дне России и возможных перспективах, делились друг с другом наблюдениями

и духовным опытом, который давал Господь подвижникам на путях их аскетического делания.

В 1905 году Василий Николаевич Муравьев стал действительным членом Ярославского благотворительного общества - одного из крупнейших в России. Постоянными участниками общества являлись многие известные в то время иерархи и деятели Русской Православной Церкви, включая отца Иоанна Кронштадтского. В 1908 году в Общество вступил Высокопреосвященный Тихон, впоследствии Патриарх Московский и всея России, принявший тогда к управлению Ярославскую кафедру.

Служение в обществе требовало от его членов не только материальной благотворительности, но и глубокой христианской любви к ближнему. Ведь обращавшиеся в общество со своими скорбями нуждались не только в земных благах, но и в духовной поддержке.

В течение многих лет Василий Николаевич Муравьев вносил свою лепту в добрые дела, совершаемые обществом. Однако по традиции в отчетах общества, как и во многих благотворительных реестрах того времени, пожертвования нередко записывались без указания имен благотворителей. Многочисленные пожертвования Василий Николаевич старался совершать втайне от окружающих. Случалось, что он не раздумывая отдавал из дома последнее и при этом радовался несказанно.

И вот грозный 1917 год. Для России наступило время тяжких испытаний. Многие состоятельные знакомые Муравьевых поспешили перевести капиталы за границу и стали покидать страну, надеясь пережить смутные времена за рубежом. Для Василия Муравьева подобного выбора не существовало - он всегда был готов разделить любые испытания с горячо любимой Отчизной и своим народом.

Пришла пора лютых гонений за веру, предсказанная многими угодниками Божиими. К 1920 году число убиенных за веру достигло десяти тысяч.

В течение трех лет после октябрьского переворота семья Муравьевых проживала по большей части за городом. Еще в 1906 году Василий Николаевич приобрел большой двухэтажный дом-дачу в живописном поселке Тярлево, расположенном между Царским Селом и Павловском. До 1920 года он стал главным пристанищем Василия и Ольги - оставаться в столице было крайне опасно. Мятеж и перемена власти лишили Муравьевых торгового дела, и в этот период времени Василий Николаевич, свободный от мирских забот, как бы подытоживает прожитые годы, погружается в чтение творений святых отцов, изучение монастырских уставов и богослужебных книг, уединенную молитву.

Верный ученик преподобного Варнавы Гефсиманского сперва собирался поступить в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, чтобы подвизаться у мощей своего духоносного наставника в Гефсиманском скиту. Однако Господь судил иначе. Василий Николаевич неожиданно получил благословение митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина на принятие монашеского пострига в Александро-Невской лавре. Как оказалось, такой поворот дела был для него спасительным. Обитель Преподобного Сергия вскоре была упразднена властями. Так Промыслом Божиим Василий Николаевич остался в Петрограде!

13 сентября 1920 года В. Н. Муравьев подал прошение в Духовный Собор Александро-Нев- ской лавры с просьбой принять его в число братии, на что получил согласие и первое монастырское послушание - послушание пономаря. В это же время послушницей Воскресенского Новодевичьего монастыря стала супруга Василия Николаевича Ольга. Все имевшееся Муравьевы пожертвовали на нужды обителей. Только в лавру Василий Николаевич передал 40 000 рублей в золотой монете - по тому времени целое состояние!

Уже 26 октября владыка Вениамин благословил постричь в монашество послушника Василия Муравьева одновременно с Ольгой Муравьевой. 29 октября 1920 года наместник лавры архимандрит Николай (Ярушевич) постриг послушника Василия Муравьева в монашество с наречением ему имени Варнава в честь духовного отца, старца Варнавы

Гефсиманского. Тогда же в Воскресенском Новодевичьем монастыре Петрограда была пострижена в монашество Ольга Ивановна Муравьева с наречением ей имени Христина.

Вскоре брата Варнаву рукоположили в иеродиакона, поставив заведовать кладбищенской конторой. Послушание на кладбище доставшееся отцу Варнаве, было одним из наиболее сложных в обители. Страну охватило пламя междоусобной брани. Красные убивали белых, белые убивали красных. На Никольском, Тихвинском и Лазаревском кладбищах плач стоял непрестанный. В храмах Александро-Невской лавры отпевание следовало за отпеванием, панихида за панихидой.

Провожать почивших, утешать родных и близких погибших... Это была первая школа духовного врачевания и наставничества, которую прошел будущий отец Серафим, вырицкий старец-утешитель, молитвенник за сирот и страждущих, предстатель пред Господом за всю землю Русскую.

Активное участие принимал отец Варнава в деятельности Александро-Невского братства защиты святой православной веры - самого массового церковно-общественного движения Петрограда начала 20-х годов. Иеромонахи Гурий и Лев (Егоровы), стоявшие у истоков братства, были ближайшими духовными соратниками иеродиакона Варнавы, особенно отец Гурий, впоследствии - митрополит.

Это время для Александро-Невской лавры было крайне тяжелым. Богоборцы постоянно вмешивались в монастырские дела, чинили, как только могли, различные административные препоны.

Тем не менее монашеская жизнь в лавре не только не угасла, но переживала небывалый подъем. Обитель была настоящим центром церковной жизни Петрограда - открылся пункт сбора средств для помощи голодающим, часть помещений лавры была отведена для инвалидов войны, шел сбор пожертвований от богомольцев на содержание детей, оставшихся без родителей, неимущие ежедневно обеспечивались бесплатными обедами. Работу пункта питаний для голодающих вместе с иеромонахом Гурием организовал отец Варнава.

Именно в это время сложились удивительной теплоты отношения между лаврским иеродиаконом Варнавой и митрополитом Вениамином. Смиренный и кроткий, владыка был человеком удивительной доступности. В обычае у него были ежедневные прогулки по Никольскому кладбищу лавры, где находилась контора отца Варнавы. Таким образом подвижники имели возможность часто видеться и беседовать о многом.

11 сентября 1921 года, в день усекновения главы святого Иоанна Предтечи - подвигоположника и покровителя монашества - митрополит Вениамин возвел отца Варнаву в иеромонаха.

Вместе с благим игом священства понес иеромонах Варнава и новое послушание - главного свечника лавры. Должность была весьма хлопотная и ответственная. В полной мере пригодились здесь отцу Варнаве прежние коммерческие знания и навыки. Однако, участвуя в хозяйственных делах лавры, отец Варнава никогда не забывал об иноческом делании - о молитве и духовном совершенствовании, а также о долге священника.

Служение отца Варнавы всегда отличалось неподдельной искренностью. Как вспоминают очевидцы, за литургией лицо его озарялось духовной радостью, и не случайно, что на богослужения с участием иеромонаха Варнавы (Муравьева) всегда собиралось множество народа. Все стремились послушать его проповеди, отличавшиеся простотой и доступностью. Сказывался многолетний опыт подвижничества в миру. Бывший петербургский купец хорошо знал жизнь людей разных сословий от простолюдина до утонченного интеллигента, их духовные нужды и затруднения. Именно в это время души многих верующих потянулись к простому и кроткому отцу Варнаве. Все шире становился, круг его духовных чад, а у дверей его келий все чаще стали появляться посетители, пришедшие за духовным советом и утешением.

Руководство преподобного Варнавы Гефсиманского, приобщение к церковной традиции и опыту святых отцов послужили кратчайшим и удобнейшим путем его восхождения к старчеству.

20-е годы... Для Русской Православной Церкви это было время особых испытаний - время, когда познавалась истинная крепость людей. Репрессии против духовенства и монашествующих, насильственное изъятие церковных ценностей, ущемление духовного сословия в гражданских правах... Никто из иноков лавры, выходя утром к богослужениям и на послушания, не был уверен, что вернется к вечеру в свою келию.

Особой скорбью отозвались в душе отца Варнавы аресты его ближайших друзей и сподвижников: владыки Петроградского Вениамина, епископа Ладожского Иннокентия, епископа Ямбургского Алексия (Симанского), епископа Петергофского Николая (Ярушевича), архимандритов Гурия и Льва, иеромонаха Мануила, многих других братчиков и насельников лавры.

Вместе с арестами пришли новые скорби, на этот раз связанные с обновленческой смутой. 17 июля 1922 года, едва только отец Варнава успел вернуться из поездки к матери на родину в Ярославскую губернию, в лавру явился обновленческий "архиепископ"- самосвят Николай Соболев и заявил о своих правах на лавру, потребовав прекратить возношение за богослужениями в лавре имени Святейшего Патриарха Тихона. Власти явно потворствовали обновленцам. "Красными двадцатками" была захвачена даже часть лаврских храмов и строений. Вслед за этим обновленцы попытались образовать свой "церковный совет", чтобы взять власть в лавре в свои руки или, по крайней мере, ограничить полномочия монашеского Духовного Собора лавры.

Сознавая, что само существование Александро-Невской лавры находится под серьезной угрозой, архимандрит Иоасаф, управлявший тогда обителью, основные усилия направил на то, чтобы отстоять лавру от разорения и сохранить братию. Решение, принятое им, было компромиссным: формально признать обновленческое "епархиальное управление" и прекратить поминовение Патриарха Тихона за богослужениями, однако вместе с тем управлять лаврой самостоятельно и не допускать никаких новшеств, широко практикуемых обновленцами.

Среди лаврской братии возникли разногласия. И в этот момент иеромонах Варнава (Муравьев), духовник обители архимандрит Сергий (Бирюков) и иеромонах Варлаам (Сацердотский), пользовавшиеся большим духовным авторитетом и уважением в лавре, выступили с увещанием пребывать в послушании руководству лавры. Они призывали братию не вступать с раскольниками в евхаристическое общение, но вместе с тем принять временные внешние уступки, ибо в противном случае братии угрожают немедленные репрессии, а монастырь будет неминуемо упразднен и разграблен богоборцами. Время доказало правильность их выбора. После освобождения из заточения в июне 1923 года святителя Тихона лавра вернулась под патриарший омофор. Стараниями ее руководителя архимандрита Иоасафа, поддержкой отца Варнавы (Муравьева) и его сподвижников удалось сберечь обитель, а братия, пройдя многочисленные скорби и испытания, укрепилась духом и была готова послужить Господу с новым усердием.

Нелегко было монашествующим сохранять внутренний мир в это смутное время. Тем заметнее для всех в лавре были спокойствие отца Варнавы и его покорность воле Божией, удивительным образом сочетавшиеся с непреклонной решимостью следовать истине. Вместе с духовником обители архимандритом Сергием (Бирюковым) в эти тревожные годы он стал настоящей опорой для братии, тяжко переживавшей как нападки на Церковь извне, так и внутрицерковные разделения и соблазны.

Во всем: и в молитве, и на послушании, и в самоотверженном служении людям - подавал отец Варнава пример истинно монашеской ревности о Господе, трудолюбия и терпения. Отдавая безусловное предпочтение духовному, отец Варнава вместе с тем служил образцом собранного и скрупулезного ведения монастырских дел.

Неудивительно поэтому, что в скором времени после описанных событий руководство и братия лавры решили избрать иеромонаха Варнаву (Муравьева) членом Духовного Собора с назначением его на один из ключевых административных постов лавры - пост казначея. Как ни стремился отец Варнава к уединению и отрешению от мирских забот, тяжелейшая работа распорядителя денежных средств обители, связанная с постоянной ответственностью за ее финансовое положение и взаимоотношения с властями и официальными инстанциями, была принята им с истинно монашеским смирением и послушанием воле Божией.

Немалых сил стоило и участие в Духовном Соборе лавры, заседания которого проходили 3-4 раза в месяц. Как удавалось неутомимому подвижнику совмещать свои послушания с непрестанной молитвой, богомыслием и пастырской деятельностью, остается тайной, известной только Господу.

В течение второй половины 1926 года архимандрит Сергий (Бирюков) стал готовить отца Варнаву к принятию послушания духовника. С любовью наставлял он своего преемника, который с ответной любовью принимал эти наставления.

Требования, которые предъявлялись к духовному руководителю лавры, были весьма высокими. В "Определении о монастырях", принятом на Всероссийском Поместном Соборе 1917-1918 годов, говорилось о необходимости иметь в обители старца, начитанного в Священном Писании и святоотеческих творениях, способного к духовному руководству. По традиции члены епископата Петроградской и Новгородской епархий окормлялись у духовника Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. Уже само слово "старец" обязывало к очень и очень многому...

Поэтому перед тем как начать свое старческое служение, отец Варнава выразил желание облечься в великую схиму. Точная дата принятия отцом Варнавой (Муравьевым) великого ангельского образа пока не установлена. Известно, что произошло это на рубеже 1926-1927 годов. При постриге в великую схиму он был наречен именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского, чудотворца, которому всеми силами стремился подражать отец Варнава в течение всей предыдущей жизни.

Вскоре по принятии отцом Варнавой великой схимы состоялось общее собрание братии Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. На нем иеросхимонах Серафим (Муравьев) был избран духовным руководителем и членом Духовного Собора лавры. Прозвучали теплые напутственные слова, и смиренный инок приступил к несению своего нового послушания.

...В конце 1927 года архиепископ Алексий (Симанский), управлявший тогда Новгородской епархией, приехал к духовнику Александро-Невской лавры за советом и молитвой. Он находился в смятении, так как очень опасался очередного ареста и гонений за свое дворянское происхождение. "Отец Серафим, не лучше ли мне уехать за границу?" - вопросил архиерей. "Владыко! А на кого вы Русскую Православную Церковь оставите? Ведь вам ее пасти! - последовал ответ старца. - Не бойтесь, Сама Матерь Божия защитит вас. Будет много тяжких искушений, но все, с Божией помощью, управится. Оставайтесь, прошу вас..." Владыка Алексий тотчас же успокоился и навсегда оставил мысли об отъезде за границу.

Так отец Серафим предсказал владыке Алексию его будущее служение за 18 лет до избрания на патриаршество. Указал лаврский схимник будущему Патриарху и срок его первосвятительского служения - 25 лет. Таким же образом неоднократно подавал он неоценимые советы и другим своим духовным чадам.

Часто люди, у которых по советам подвижника устраивалась жизнь, приходили с искренними слезами благодарить его, на что смиренный схимник кротко отвечал: "Что я? Преподобного Серафима благодарите - это по его молитвам нисходит к немощам нашим Небесный Врач...", "Это Всеблагая Царица Небесная из беды вас вызволила - по вере вашей да будет вам..."

В смутное время в келии отца Серафима сходились пути многих людей, ревновавших об истине. Смиренному схимнику было свыше открыто то, чего не мог постичь обычный человеческий ум. "Ныне пришло время покаяния и исповедничества, - укреплял всех отец Серафим, - Самим Господом определено русскому народу наказание за грехи, и пока Сам Господь не помилует Россию, бессмысленно идти против Его святой воли. Мрачная ночь надолго покроет землю Русскую, много нас ждет впереди страданий и горестей. Поэтому Господь и научает нас: терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21:19). Нам же остается только уповать на Бога и умолять Его о прощении. Будем помнить, что Бог есть любовь (1 Ин. 4:16), и надеяться на Его неизреченное милосердие..." Многим в ту пору советовал батюшка обращаться к молитве Иисусовой: "Непрестанная молитва покаяния есть лучшее средство единения духа человеческого с Духом Божиим. В то же время она есть меч духовный, истребляющий всякий грех". Старец предвидел усиление открытых гонений, когда вся Россия превратится в единый концентрационный лагерь, и умная Иисусова молитва, которой нельзя забывать его духовным чадам, станет добрым средством спасения христианской души, оказавшейся условиях безбожного государства.

Сразу после выхода известного послания Митрополита Сергия и Священного Синода отец Серафим твердо принял сторону Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Несомненно, что человек, который еще в 1927 году предсказал патриаршество архиепископу Алексию (Симанскому), знал о дальнейшем пути многострадальной Русской Церкви. Всех вопрошавших он всегда уверял в необходимости поминать имя Митрополита Сергия и существующие власти. "Так надо!" - убежденно говорил он, и ненужными становились никакие иные, более подробные объяснения...

На поприще духовника Александро-Невской лавры иеросхимонах Серафим (Муравьев) пребывал почти три года. Во время ежедневных многочасовых исповедей батюшке приходилось подолгу стоять на холодном каменном полу Свято-Троицкого собора. Главный храм лавры в ту тяжелую пору за недостатком дров почти не отапливался, и на стенах часто выступал иней.

Постоянное переохлаждение, неимоверные физические и душевные перегрузки (сколько чужого горя принимал на себя старец!) постепенно дали о себе знать, и здоровье отца Серафима резко ухудшилось. Врачи признали одновременно межреберную невралгию, ревматизм и закупорку вен нижних конечностей. Боли в ногах усилились и стали невыносимыми. Долгое время отец Серафим никому не говорил о болезни и мужественно продолжал служить и исповедовать. Лицо же старца было всегда озарено такой светлой радостью, что никто из братии подумать не мог, что батюшка в то же время терпит настоящую муку. Порою лишь голос его становился едва слышным. Настал день, когда отец Серафим просто не смог подняться с постели.

Новое испытание - болезнь - принял батюшка с удивительным спокойствием и благодушным терпением, словно очередное послушание от Бога. Не было в нем ни малодушия, ни недовольства. Непрестанно воссылая благодарения Господу, батюшка говорил сочувствующим: "Я, грешный, еще не этого достоин! Есть люди, которые и не такие болезни терпят!" Время шло, но, несмотря на усилия врачей, здоровье старца продолжало ухудшаться. Ему шел тогда 64-й год. Появились застойные явления в легких и сердечная недостаточность. Медики настоятельно советовали выехать из города в зеленую зону. В качестве климатического курорта была рекомендована Вырица.

Митрополит Серафим (Чичагов), который профессионально владел медицинскими знаниями, ознакомился с заключением медицинской комиссии и немедленно благословил переезд. Смиренному духовнику лавры оставалось только принять это за послушание. К лету 1930 года отец Серафим покинул город святого апостола Петра. Вместе с ним по благословению владыки в Вырицу отправились схимонахиня Серафима (в миру - Ольга Ивановна Муравьева) и их двенадцатилетняя внучка Маргарита - юная послушница Воскресенского Новодевичьего монастыря. Они и прежде часто приезжали в лавру,

навещая отца Серафима. Теперь уход за ним и забота о его здоровье стали главным их послушанием.

А вскоре по Петроградской епархии, как и по всей стране, прокатилась волна еще более жестоких репрессий. Воистину гефсиманской стала для монашествующих ночь на 18 февраля 1932 года. В народе ее так и назвали - святой ночью. В те страшные часы гонители арестовали более пятисот иноков.

Со словами "Да будет воля Твоя!" вступали на путь страданий бесчисленные сонмы верующих. К ноябрю 1933 года число действующих храмов в Петербурге сократилось с 495 до 61. Монастыри и подворья были полностью разгромлены и разграблены. Даже колокольный звон к тому времени был запрещен.

И вот в то время, когда с куполов сбрасывали кресты, тысячами разоряли обители и храмы, когда в лагерях и тюрьмах томились десятки тысяч священнослужителей, Господь воздвиг в Вырице храм нерукотворный, живой - чистое сердце отца Серафима. В истории Церкви не раз случалось, что во времена самых жестоких гонений и упадка веры Господь посылал в помощь людям Своих особых избранников - хранителей чистоты Православия. Таким избранником в России 30-40-х годов стал святой преподобный Серафим Вырицкий.

После переезда в Вырицу к врачам он уже не обращался, говоря: "Буди на все воля Божия. Болезнь - это школа смирения, где воистину познаешь немощь свою..."

Поначалу вырицкого подвижника посещали только епископ Петергофский Николай (Ярушевич) и другие, самые близкие духовные чада, но вскоре к блаженному старцу вновь устремился нескончаемый людской поток. Ехали к нему богомольцы из северной столицы и других городов, стекались жители Вырицы и окрестных селений. В иные дни это были сотни (!) посетителей, которые с раннего утра и до глубокой ночи "осаждали" келию старца. Часто приезжали целыми группами или семьями.

Обеспокоенные родные пытались оградить батюшку от излишних встреч, опасаясь за его и без того слабое здоровье, но в ответ подвижник твердо сказал: "Теперь я всегда буду нездоров... Пока моя рука поднимается для благословения, буду принимать людей!"

Для множества страждущих отец Серафим был благодетелем, который не только помогал духовно, но и практическими советами, устройством на работу, а также и деньгами через добрых людей. Благодарно принимая пожертвования от посетителей, старец зачастую сразу же раздавал их тем, кто терпел нужду.

До последних дней своей земной жизни батюшка Серафим поддерживал, как мог, любимое детище святого праведного Иоанна Кронштадтского - Пюхтицкий Успенский женский монастырь в Эстонии. Вырицкого старца знали и любили насельницы обители, многие из которых именно по его благословению приняли монашество.

Подвиги поста, бдения и молитвы, которые в течение двух десятилетий смиренно нес вырицкий старец, можно сравнить лишь с подвигами древних аскетов-отшельников. Отец Серафим был необыкновенно строг к себе от первых шагов в подвижничестве до самой кончины. Никаких послаблений: пост, бдение и молитва, и еще раз - пост, бдение и молитва...

В понедельник, среду и пятницу старец вообще не принимал никакой пищи, а иногда ничего не вкушал и по нескольку дней подряд. Окружающим порой казалось, что отец Серафим обрекает себя на голодную смерть. То, что он ел в те дни, когда принимал пищу, едой можно было назвать с большим трудом: в некоторые дни батюшка вкушал часть просфоры и запивал ее святой водой, в иные - не съедал и одной картофелины, а иногда ел немного тертой моркови. Крайне редко пил чай с очень малым количеством хлеба. Пища на самом деле была для подвижника как бы лекарством. При этом в своих непрестанных трудах на пользу ближних он проявлял завидную бодрость и неутомимость. Об отце Серафиме можно было сказать: "Он питается Святым Духом". И благодать Божия несомненно подкрепляла великого постника.

Священники вырицкой Казанской церкви еженедельно причащали батюшку Святых Христовых Тайн. Помимо этого, в келии старца всегда хранились запасные Святые Дары

и было все потребное для причащения. Ощущая в том необходимость, он приобщался Тела и Крови Христовых самостоятельно. "Я же подкрепляюсь Святыми Дарами, а что может быть дороже Пречистых и Животворящих Тайн Христовых!" - говорил батюшка родным.

Подражая своему небесному учителю, вырицкий старец принял на себя новый подвиг. После переезда в дом на Пильном проспекте он молился в саду на камне перед иконой Саровского чудотворца. Это бывало в те дни, когда несколько улучшалось здоровье старца. Первые свидетельства о молении святого Серафима Вырицкого на камне относятся к 1935 году, когда гонители обрушили на Церковь новые страшные удары.

Сама жизнь старца была молитвою за весь мир, но она не удаляла его и от частного служения людям. Чем грешнее был человек, который приходил к отцу Серафиму, тем больше батюшка жалел его и слезно за него молился.

Еще по Александро-Невской лавре отец Серафим был знаком со многими известными в то время людьми: учеными, врачами, деятелями культуры. Академик И. П. Павлов, отец современной физиологии, часто приходил на исповеди и беседы к иеросхимонаху Серафиму (Муравьеву). В течение многих лет Иван Петрович был почетным старостой двух петроградских храмов: Знаменской церкви на Лиговском проспекте и церкви Апостолов Петра и Павла в поселке Колтуши.

Иеросхимонаха Серафима почитали выдающийся астроном своего времени, один из основателей Русского астрономического общества академик Сергей Павлович Глазенап, а также один из создателей современной фармакологической школы профессор Михаил Иванович Граменицкий.

Одним из любимейших воспитанников отца Серафима был известный во всей России профессор-гомеопат Сергей Серапионович Фаворский, которого называли "светилом Петербурга".

Частыми гостями в Вырице были выдающиеся русские ученые, академики с мировыми именами - физик Владимир Александрович Фок, известный своими трудами в области квантовой механики и теории относительности, и биолог Леон Абгарович Орбели, ученик и последователь Ивана Петровича Павлова.

С началом Великой Отечественной старец усилил подвиг моления на камне - стал совершать его ежедневно. И достигали Престола Божия молитвы незабвенного старца - Любовь отзывалась на любовь! Сколько душ человеческих спасли те молитвы, известно только Господу. Несомненно было одно, что они незримой нитью соединяли землю с небом и преклоняли Бога на милость, тайным образом изменяя ход многих важнейших событий.

Известно, что в самой Вырице, как и было предсказано старцем, не пострадал ни один жилой дом и не погиб ни один человек. Молился батюшка и о спасении вырицкого храма, и здесь уместно описать удивительный случай, о котором знают многие старожилы Вырицы.

...В первых числах сентября 1941 года немцы наступали на станцию Вырица и вели ее интенсивный обстрел. Кто-то из командиров нашей армии решил, что в качестве объекта наводки используется высокий купол храма, и приказал взорвать церковь. Для этого со станции была послана команда подрывников, в которую вошли лейтенант и несколько бойцов. Когда подвода со смертоносным грузом прибыла к храму, лейтенант приказал бойцам подождать его у ворот, видимо, сославшись на то, что должен ознакомиться с объектом подрыва. Офицер вошел в ограду, а затем и в храм, который в общей суматохе не был заперт...

Через некоторое время солдаты услышали звук одиночного револьверного выстрела и бросились к храму. Лейтенант лежал бездыханным, рядом валялся его револьвер. Бойцов охватила паника и, не выполнив приказа, они бежали из храма. Тем временем началось отступление и о взрыве забыли. Так вырицкая церковь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы Промыслом Божиим была сохранена от уничтожения...

И еще чудо: немцы заняв Вырицу, расквартировали в ней часть, состоящую из... православных. Известно, что Румыния была союзницей Германии, но о том, что вырицкая команда будет состоять из румын, уроженцев восточной ее части, где исповедуется Православие, да еще говорящих по-русски, вряд ли кто мог предположить. Осенью 1941 года по многочисленным просьбам жителей Вырицы храм был открыт, в нем начались регулярные богослужения.

Истосковавшиеся по церковной жизни люди заполнили храм (он был закрыт богоборцами в 1938 году, но, слава Богу, не разорен). Поначалу прихожане косились на солдат в немецкой форме, но видя, как последние молятся и соблюдают чин службы, постепенно привыкли. Невозможное людям возможно Богу - это был единственный православный храм, который действовал во фронтовой полосе, причем по ту сторону фронта!

С первых дней войны отец Серафим открыто говорил о предстоящей победе русского оружия.

Весной 1944 года, вскоре после полного снятия блокады, митрополит Алексий (Симанский) посетил Вырицу. Причем отец Серафим, прозревая предстоящий визит владыки, заранее предупредил о нем удивленных домашних. Это было прощание митрополита Алексия с великим подвижником. Увидеться в земной жизни им уже не пришлось, однако до конца дней своих они глубоко почитали друг друга и горячо молились один за другого.

В день памяти благоверных князей Российских, страстотерпцев Бориса и Глеба, 15 мая 1944 года почил о Господе Патриарх Сергий. 2 февраля 1945 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви митрополит Алексий (Симанский) единогласно был избран Патриархом Московским и всея Руси. В течение 25 лет, как и предсказывал старец иеросхимонах Серафим Вырицкий, предстояло ему совершать служение Первосвятителя Русской Православной Церкви.

Война поломала несметное количество судеб, и многие спешили в Вырицу со всех концов России в надежде узнать о судьбе своих ближних от отца Серафима, Кто-то узнал о пропавших без вести, другие по молитвам старца устроились на работу, третьи обрели прописку и кров, но главное - веру.

В 1945 году Господь призвал от земных трудов схимонахиню Серафиму (в миру Ольгу Ивановну Муравьеву, супругу батюшки). Почти шесть десятилетий она была для отца Серафима преданной спутницей жизни, и ее кончину подвижник пережил с ощущением, что разлука недолга и скоро им предстоит встретиться в вечной жизни.

Летом 1945 года настоятелем вырицкого Казанского храма был назначен протоиерей Алексий Кибардин - замечательный пастырь и исповедник. В годы Первой мировой войны он служил приписным священником при Феодоровском Государевом соборе, а с 1924 года был его настоятелем. Затем последовали десятилетия лагерей и ссылок, пройдя через которые, отец Алексий сумел сохранить светлую веру и любовь к ближним. Первые же месяцы пребывания нового настоятеля в Вырице связали его с отцом Серафимом самыми крепкими узами. Вырицкий старец стал духовником отца Алексия Кибардина, а тот - духовником отца Серафима.

В последние годы отец Серафим был совершенно прикован к постели. В некоторые дни состояние здоровья батюшки ухудшалось настолько, что он даже не мог отвечать на записки, которые передавали через келейницу. Но как только наступало хотя бы небольшое облегчение, батюшка сразу начинал прием страждущих.

Время земного странствия подвижника подходило к концу. Старцу был открыт час его перехода к вечности. За день до этого он благословил родных и близких иконками преподобного Серафима Саровского, а келейнице матушке Серафиме сказал: "Во время моего погребения береги ребрышки..." (Это предостережение оказалось пророческим: в день погребения праведника, при большом стечении народа, матушка Серафима из-за сильной давки получила перелом двух ребер.)

Ранним утром преподобному Серафиму в ослепительном сиянии явилась Пресвятая Богородица и жестом правой руки указала на небо. Сообщив об этом родным, подвижник объявил: "Сегодня принять никого не смогу, будем молиться", - и благословил послать за отцом Алексием Кибардиным. С благоговением были прочитаны акафисты Пресвятой Богородице, святителю Николаю Чудотворцу и преподобному Серафиму Саровскому. После того как отец Алексий причастил старца Святых Христовых Тайн, отец Серафим благословил читать Псалтирь и Евангелие. Ближе к вечеру батюшка попросил посадить его в кресло и стал молиться. При этом он иногда справлялся о времени. Около двух часов ночи отец Серафим благословил читать молитву на исход души и, осенив себя крестным знамением, со словами "Спаси, Господи, и помилуй весь мир" отошел к вечным обителям. Облачение и гроб прислал в Вырицу митрополит Григорий (Чуков). Три дня шел ко гробу праведника нескончаемый людской поток. Все отмечали, что его руки были удивительно мягкими и, теплыми, словно у живого. Некоторые ощущали возле гроба благоухание. В первый день после блаженной кончины старца исцелилась слепая девочка. Мать подвела ее ко гробу и сказала: "Поцелуй дедушке руку". Вскоре после этого девочка прозрела. Этот случай хорошо известен вырицким старожилам.

Отпевание отца Серафима отличалось редкой торжественностью. Пели три хора: вырицких Казанской и Петропавловской церквей и хор духовных академии и семинарии, где по благословению митрополита Григория в день погребения вырицкого подвижника были отменены занятия. Одним из четырех воспитанников духовных школ, удостоившихся стоять у гроба великого старца, был будущий Святейший Патриарх Алексий II. "Мы не прощались с батюшкой, а провожали его в жизнь вечную", - вспоминают многие.

При погребении отца Серафима Вырицкого впереди гроба несли образ преподобного Серафима Саровского с частицей мощей святого угодника Божия, как и предсказал вырицкий подвижник еще в довоенные годы.

Святой преподобный Серафим Вырицкий отошел к вечности 3 апреля 1949 года, в день празднования воскрешения праведного Лазаря.

Мученик Сергий (Бородавкин) (память 23 февраля по старому стилю)

Мученик Сергий (Сергей Матвеевич Бородавкин) родился 29 декабря 1878 года в городе Красный Холм. Окончил городское училище. Был купцом первой гильдии и почетным гражданином города. До революции занимался торговлей мануфактурой и бакалеей, а также заготовкой яиц для отправки их за границу - в сезон до тридцати вагонов. Имел магазины в Петрограде и в Красном Холме и сто десятин земли. Вскоре после большевистского переворота все его имущество было изъято. В 1930 году Сергей Матвеевич был арестован и приговорён к двум годам ссылки, по окончании которой вернулся в 1933 году в родной город и стал в храме старостой.

Только закончились аресты и расстрелы 1937 года, которые государственная власть распорядилась провести в течение четырех месяцев, начиная с 5 августа, как 31 января 1938 года Политбюро ЦК приняло новое решение - "об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии... чтобы всю операцию... закончить не позднее 15 марта 1938 года". 16 февраля 1938 года был арестован и староста храма в городе Красный Холм Тверской области Сергей Бородавкин.

Сразу же после ареста Сергей Матвеевич был допрошен - и это был первый и последний допрос.

- Назовите ваши связи в Краснохолмском районе, а также и вне района, - сказал следователь.

- В городе Красный Холм я имею сестру Антонину Матвеевну Комендантову, и вне Краснохолмского района я имею брата Бородавкина Василия Матвеевича, проживает в городе Ярославле, но где работает, я сказать не могу, так как с ним переписки никакой не имею.

- Дайте следствию показания о проводимой вами антисоветской агитации среди населения в Красном Холме.

- Какой-либо антисоветской агитации я среди населения в Красном Холме не вел и виновным себя в этом не признаю3.

Через три недели, 6 марта, Тройка НКВД приговорила Сергея Матвеевича к расстрелу. Он был расстрелян 8 марта 1938 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик архимандрит Сергий (Шеин) (память 31 июля по старому стилю)

Священномученик архимандрит Сергий (в миру Василий Павлович Шеин) родился 30 декабря 1870 года в деревне Колпна Новосельского узда Тульской губернии. Во святом Крещении был назван в честь Святителя Василия Великого (празднуется 1 января). Он был десятым ребёнком в семье коллежского секретаря Павла Васильевича Шеина и его супруги Натальи Акимовны. Воспитание юноши было пропитано благодатным духом церковности, сам он незадолго до своей мученической кончины говорил: "Я в Церкви с детства, постоянно около Церкви вращался, с Ней сроднился".

Дворянский род Шеиных - берущий своё начало от Михаила Прушанина, "мужа храбра и честна", выехавшего из Поруссии к святому Великому Князю Александру Невскому (память 30 августа и 23 ноября) - издревле славен в истории нашего государства, украсившись именами многих верных слуг и защитников веры, Самодержавия и Отечества.

В 1893 году Василий Павлович окончил Училище Правоведения и последовательно занимает ряд ответственных руководящих должностей, состоит помощником статс-секретаря в Правительствующем Совете, а в 1913 году от своей родной Тульской губернии избирается в члены Государственной Думы IV созыва, будучи действительным статским советником. Являясь, как всякий верный русский человек, убеждённым монархистом, в Думе он примыкает к фракции националистов и умеренных правых, уклоняясь, впрочем, от активной политической борьбы и работая в Комиссии по Церковным делам. Общее направление Думы было, безусловно, чуждо Церкви и Самодержавию, но "любящим Бога вся поспешествуют во благое" (Рим. 8:28), и Василий Павлович стремится извлечь максимальную пользу для Церкви в тех обстоятельствах, какие попустил Господь.

В 1917-1918 годах он входит в состав Секретариата Священного Собора Православной Российской Церкви в качестве секретаря. Был последним, приветствовавшим Святейшего Патриарха Тихона на его избрании 21 ноября 1917 года. В день памяти святого благоверного Великого Князя Александра Невского (30 августа 1920 года) Василий

Павлович принял постриг с именем Сергий в честь преподобного Сергия, игумена Радонежского. Вскоре он принимает священнический сан и возводится в сан архимандрита, а в апреле 1921 года назначается на должность настоятеля Петроградского Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке. Отец Сергий нёс также должность заместителя председателя Правления Церковного Общества объединённых Петроградских Православных приходов.

Тягота настоятельства усугублялась долгом семейным: на иждивении отца Серия находились две сестры, оставшиеся без службы и средств к существованию, и в нём одном полагавшие свою надежду.

Добросовестно неся крест своего монашества, горя духом, отец Сергий был, по его собственным словам, лишь слабой физической нитью привязан к маловременной земной жизни. Но враг нашего спасения, изощрившийся в безумных попытках ниспровергнуть Церковь Христову, приступил к внешне иному, не похожему на предыдущий, этапу гонения. С сатанинской убедительностью и ухищрённостью обществу и самим гонимым доказывалось, что они страдают не за Христа. Часто при этом мученики обвинялись в том, что они плохие христиане, богоборцы ставили им в вину отсутствие христианских добродетелей - от смирения до сострадания к ближним. Предпринимались также попытки противопоста- вить так называемую "общечеловеческую" нравственность нравственности христианской. В это соблазнительное (в том числе и для многих верных) время избежать сетей миродержца мог только смиренный и безукоризненно послушный Церкви христианин. Всякий самонадеянный шаг вправо или влево был гибельным.

10 июня 1922 года в Петрограде начался "обвинительный процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей". Отцу Сергию, в частности, вменялось в вину членство в Обществе Православных приходов. Вина его усугублялась также "отягчающими обстоятельствами", такими как дворянское происхождение и высшее образование.

Давая показания, отец Сергий был исполнен чувства глубокого внутреннего достоинства, но без малейшего намёка на высокомерие и презрение к тем, кто так этого заслуживал. Своих националистических убеждений он не пытался скрыть. На вопрос о его отношении к злободневным проблемам церковно-общест- венной жизни отец Сергий совершенно искренне отвечал: "Церковь настолько богата разносторонней духовной жизнью, что можно найти в ней интерес и удовлетворение и вне вопросов церковно-общественной жизни". Один из обвинителей так вспоминал позднее об архимандрите Сергии: "С каким нескрываемым отвращением и в то же время снисходительной жалостью он смотрел и говорил с нами, находящимися в составе суда. Страха смерти, тюрьмы для него, как, впрочем, и для многих из них, не существовало; серьёзный был противник". Сокамерником - на Шпалерной улице в доме предварительного заключения - отца Сергия был протоиерей Михаил Чельцов, которому он уступил свои более удобные нары, оправдываясь тем, что "монаху не подобает нежиться". В камере они вместе читали акафисты, служили панихиды по умершим близким. Отцу Михаилу домашние передали в камеру VI-й том собрания творении Святителя Иоанна Златоустого (память 13 ноября), но он, отягчённый думами, не смог его читать. Отец Сергий, напротив, утешался чтением Златоустого и беседовал о прочитанном с отцом Михаилом. Перед расставанием отец Сергий исповедался у протоиерея Михаила. В дальнейшем всю свою жизнь отец Михаил благодарил Господа за краткое знакомство с отцом Сергием.

Последние слова отца Сергия, сказанные коммунистическим палачам были: "Я ни с кем не борюсь - только с самим собою".

5 июля был оглашён приговор трибунала, по которому священномученики митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский) и вместе с ним архимандрит Сергий (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров приговаривались к расстрелу.

В ночь на 31 июля (13 августа н. ст.) 1922 года они, обритые и одетые в лохмотья, были расстреляны, по некоторым сведениям, на окраине Петрограда на станции Пороховые.

Прославлен новомученик в 1992 году на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви.

Священномученик Сергий (Казанский) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Сергий родился 23 сентября 1879 года в селе Ивановском Ярославской губернии в семье священника Алексея Казанского. Окончил два курса Ярославского духовного училища, но, не пожелав служить на церковном поприще, уехал в Санкт-Петербург, окончил военное училище и получил звание офицера. Имея прекрасные певческие данные, он получил приглашение в императорскую капеллу. Здесь он был представлен императорской семье, которая иногда приглашала его в Ливадию. По-видимому в это время он был рукоположен в сан диакона и возведен в сан протодиакона, в котором прослужил до своей мученической кончины.

В 1932 году протодиакон Сергий был арестован и приговорен к пяти годам ссылки и так, будучи высланным из пределов Санкт-Петербургской епархии, оказался в городе Ржеве Тверской области. В июле 1937 года он переехал в Торжок и здесь служил в Николо-Пустынском храме.

17 августа помощник уполномоченного районного отделения Управления Государствен- ной Безопасности вызвал своего штатного осведомителя, человека, хотя и не осведомленного ни в чем, но зато готового подписать все, что будет подсказано уполномоченным.

21 августа протодиакон Сергий был арестован и заключен в Тверскую тюрьму. Сразу же после его ареста были опрошены "дежурные" свидетели, которые показали все, что следователь счел нужным. Говорили о близости отца протодиакона к царской семье, о том, что он пел до революции в Аничковом дворце, что хвалил жизнь при царе, говорил, что при советской власти жизнь стала тяжела, что народ при этой власти замучился, что мужика заставляют работать день и ночь, а все заработанное у него отбирают, что Церкви не дают покоя, облагая храмы огромными налогами, и тому подобное. На следующий день после всех этих "показаний" следователь вызвал на допрос о. Сергия.

- Дайте подробные показания о вашей антисоветской контрреволюционной агитации, которую вы вели среди населения.

- Никакой антисоветской контрреволю- ционной агитации я не вел.

- Вы следствию говорите неправду, следствие настаивает, чтобы вы дали правдивые показания.

- Вторично говорю, что никакой антисо- ветской контрреволюционной агитации я не вел.

- Вы следствию говорите неправду. 5 августа 1937 года вы вели антисоветский разговор о плохой жизни трудящихся при советской власти, одновременно восхваляли жизнь при царизме. Дайте подробные показания.

- Никакого я антисоветского разговора не вел. - Вы в начале августа вели явно фашистско-повстанческий разговор в пользу фашистских стран Германии, Испании и Японии. Признаете вы себя виновным в этом?

- Виновным себя не признаю, так как такового разговора я не вел. 1 ноября Тройка НКВД приговорила протодиакона Сергия к расстрелу. Он был расстрелян 3 ноября 1937

года. Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Сергий (Кротков) (память 18 июня по старому стилю)

Священномученик Сергий родился в 1876 году в селе Подлесная слобода Луховицкого уезда Рязанской губернии в семье священника Михаила Кроткова. Отец его умер, когда мальчику исполнилось три года, и с этого времени Сергей стал жить у родственников. И хотя они были людьми материально состоятельными, воспоминания о годах детства, проведенных у них, остались у него как о времени тяжелом и безрадостном. Как сирота Сергей был отдан в Рязанскую Духовную семинарию для обучения на казенный счет. По окончании семинарии Сергей Михайлович был определен преподавателем Закона Божия в церковноприходской школе. Сочетавшись браком с девицей Марией, дочерью протоиерея Палладия Афанасьевича Орлова, служившего в городе Луховицы в Рязанской епархии, он был назначен на его место и рукоположен в сан священника в 1903 году.

Когда началась Первая мировая война, отец Сергий был направлен полковым священником в 139-й Моршанский полк, который воевал на Австрийском фронте; он прошел всю войну вместе с частью, занимавшей позиции на передовой. За безупречное пастырское служение во время военных действий отец Сергий был награжден орденом Анны 3-й степени, Георгиевским крестом и возведен в сан протоиерея. Отец Сергий прослужил полковым священником до большевистского переворота в 1917 году, И лишь после того, как полк был расформирован, он уехал в Воронежскую губернию, где получил место настоятеля в храме в селе Валуйчики. Перед отъездом с фронта епископ Кременецкий Дионисий (Валединский) предложил священнику не возвращаться в Россию, где в то время начинала бушевать революция, и поселиться в Западной Европе, но тот отказался. В 1922 году протоиерей Сергий был назначен настоятелем Никольской церкви в селе Царево Пушкинского района Московской области, где прослужил до 1930 года. Это было тяжелое время для православных, но священник был непоколебим в своем пастырском служении, которое было в те времена исповедничеством. Даже внешняя бытовая сторона жизни была нелегка. Чтобы истопить, например, печь, нужно было искать дрова, а их не было, отец Сергий шел на реку Талицу, нырял в холодную воду и вылавливал тяжелое мокрое бревно. И ныряя, бывало, говорил: "Благодать-то, какая!" Прихожане любили пастыря за благочестие, за серьезное отношение к богослужению, которое и всех присутствующих в храме настраивало на сосредоточенную молитву. Ко всем, и к верующим, и к неверующим, отец Сергий относился ровно, с христианской любовью и приветливостью встречая каждого приходящего к нему. По мере своих небольших возможностей он старался помочь всем нуждающимся, иногда отдавая свои последние деньги. Кто не имел средств, с тех отец Сергий денег за требы не брал. Храм святителя Николая был одним из самых посещаемых в округе, здесь всегда было много молящихся, что и послужило причиной возникновения для отца Сергия неприятностей. Неподалеку в селе Нагорном служил священник Николай Веселовский; он, преследуя свои цели, часто бывал у гостеприимного отца Сергия, и, в конце концов, решил попытаться занять его место. Ему удалось склонить на свою сторону двух певчих из

Никольского храма и выхлопотать себе назначение в этот храм. Однажды из окна своего дома отец Сергий увидел сани, в которых рядом с купелью сидел отец Николай, получивший назначение на его место1.

В 1930 году отец Сергий был назначен в храм Покрова Божией Матери в село Покровское Московской епархии рядом с Царицыном, находящееся ныне в черте города Москвы. Отец Сергий с семьей жить остался в своем доме в селе Царево, и добираться до нового места служения ему было крайне неудобно. Нужно было доехать по железной дороге от Красноармейска до станции Софрино, от Софрино до Москвы, от Москвы до станции Царицыно, а затем пешком до села Покровского. От Красноармейска до станции Софрино в те годы ходил паровоз "кукушка", к нему прицеплялся небольшой состав, на котором возили хлопок для Красноармейской текстильной фабрики. Состав состоял из маленьких голубых вагончиков и таких же маленьких открытых платформ; на них перевозили пассажиров, которые задолго до подхода "кукушки" старались занять себе места. Отец Сергий вместе с другими ехал на такой открытой платформе, нахлобучив шапку-ушанку, срок носки которой давным-давно кончился, прижав к груди сплетенную из камыша сумку.

Однажды на платформу вскочили лихие молодчики и остановились напротив священника. Один из них, криво улыбнувшись, сказал: "Смотрите, поп сидит". Все притихли. Отец Сергий только посмотрел на них, но ничего не сказал, и они, смутившись его открытого решительного взгляда, отошли.

В Покровском храме отец Сергий прослужил более семи лет. Одна из женщин, знавшая его в то время, вспоминала о нем: "Мы знали о материальных трудностях батюшки и старались ему помочь, предлагали деньги, но батюшка говорил, что ему ничего не нужно, а деньги просил опустить в кружку, висящую на стене. На исповеди хотелось все рассказать отцу Сергию, хотя он никогда не настаивал, чтобы мы были откровенны. Совершая требы, он никогда не требовал денег, и если видел, что человеку трудно заплатить, совершал требы бесплатно. Так мы и остались ему должны за крестины, венчания и отпевания".

В конце 1937 года власти приняли решение храм закрыть. Один из жителей села по распоряжению сельсовета стал собирать подписи под заявлением о закрытии храма, но ему не удалось собрать много подписей. Вскоре после этого, в конце февраля 1938 года, отца Сергия вызвали в НКВД, где предупредили о готовящемся закрытии храма, а также намекнули на то, что и его собственное положение представляется в данный момент угрожающим. Несмотря на предупреждение о грозящем ему аресте, отец Сергий не оставил служения в храме. "Что же, - сказал он своим домашним, - прихожане придут молиться, а я окажусь дезертиром, предавшим Бога и паству".

2 марта 1938 года, отслужив литургию, отец Сергий вышел из храма; на улице его ждал извозчик, который отвез священника в районное отделение НКВД, а затем в Таганскую тюрьму.

- Следствие располагает данными, что вы вместе с офицерством выступали против красных? - спросил следователь.

- Во время восстания генералов наш полк из Бессарабии был двинут против красных войск под Петроград. Я был за генералов, но солдаты скоро обольшевизировались и против красных не пошли. Полк расформировали, и я уехал в Воронежскую губернию, - ответил отец Сергий.

- Следствие располагает данными, что вы активно вели среди населения контрреволюционную деятельность.

- Вся моя контрреволюция заключалась в церковной службе. В религиозной вере я воспитан с малых лет, вера вошла в мою плоть и кровь, и поэтому я - противник партии и правительства и тех мероприятий, которые они проводят. Открыто контрреволюции среди населения я не вел, но недовольство свое советской властью я высказывал среди

некоторых верующих. Говорил о тяжелой жизни, о налогах, которые на меня и на других налагают. Другой политики я не касался.

- В какой вы церкви служили?

- Я служил в Покровской церкви в селе Покровском, а живу в Пушкинском районе. Налогами я не облагался, декларации в Райфо не подавал, за что был оштрафован. Штраф с меня был взят в Пушкинском Райфо. В Покровском храме я служил нелегально, так как не был зарегистрирован в Райфо2. Так как я здесь не жил, то и предложил зарегистрироваться по месту жительства.

14 июня 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Протоиерей Сергий Кротков был расстрелян 1 июля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

---

1 В 1938 году, в то время, когда протоиерей Сергий находился под арестом, отец Николай, переходя железную дорогу вблизи станции Софрино, был убит наехавшим на него поездом.

2 Районный финансовый отдел. Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прослав- ленные на Архиерейском Соборе 2000 г.

Священномученик Сергий (Рохлецов) (память 25 апреля по старому стилю)

Священномученик Сергий родился в 1876 году в семье священника Дмитрия Рохлецова, служившего в одном из соборов Великого Устюга. После окончания Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника к церкви великомученицы Параскевы Пятницы, в которой он прослужил всю жизнь. До революции отец Сергий преподавал Закон Божий в церковноприходской школе деревни Чижково. Пятницкий храм находился в тридцати километрах от Великого Устюга и неподалеку от монашеской кельи известного в этих местах подвижника Максима Югова. За духовную настроенность и ревностное служение старец Максим выбрал отца Сергия своим духовником - у него исповедовался до самой смерти, ему поручил совершить отпевание. Но и для отца Сергия было духовно полезно соседство с подвижником, ему въяве приходилось видеть людей, получивших у старца духовное исцеление. Сам почитая старца-подвижника, отец Сергий благословил прихожан обращаться к нему за советами.

Храм великомученицы Параскевы стоял в отдалении от жилья, посреди поля, приход составляли несколько малонаселенных деревень; иной раз на службе собиралось прихожан изрядно, а иной раз не было никого. Но сколько бы ни пришло людей, отец Сергий служил каждый день, ему помогали псаломщица и алтарница. За многолетнюю беспорочную службу отец Сергий был возведен в сан протоиерея и награжден митрой.

Привычная картина тех лет: сено накошено, часть урожая убрана, но лето стоит жаркое, благоухающее, в зелени и цветах. Здесь не бывает попаляющего южного зноя, и зелень и цветы держатся долго. По воздуху звенящая тишина, и всякий голос и звук живой твари слышится отчетливо и неслиянно в звучащем хоре живого. По лесной дороге поодиночке и группами медленно бредут богомольцы. В большинстве своем они знали старца Максима и теперь идут к нему в часовенку над могилой помолиться, попросить заступничества, сложить с души заботы и тяготы. Приходят и не знавшие его лично, но имеющие к нему веру как к великому угоднику Божию. Заходят сначала в часовенку и здесь служат панихиды, потом в храм, а затем на расположенный неподалеку источник, попечением прихожан Пятницкой церкви и почитателей старца устроенный наподобие каменной чаши. И кажется, что и сама душа паломника, получив просимое, поднимается, как на крыльях, на молитвах старца Максима, преподобномученика Никифора и иных многих облагодатствовавших эту землю подвижников. Все темное и теснящее душу уходит, в ней словно открывается духовный источник жизни вечной. Это наивысшее вдохновение, доступное каждому человеку, обращающемуся с верою к Богу. Как к животворящим духовным источникам идут и идут паломники на могилы праведников. Протоиерей Сергий был арестован 4 декабря 1937 года и заключен в тюрьму в Великом Устюге. Будучи допрошен, священник виновным себя не признал.

- Вы обвиняетесь в проведении активной контрреволюционной деятельности. Признаете ли себя виновным в этом?

- В проведении контрреволюционной деятельности я виновным себя не признаю.

10 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила отца Сергия к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Протоиерей Сергий Рохлецов скончался в тюрьме в Великом Устюге 8 мая 1938 года и был погребен на городском кладбище в общей могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Сергий (Смирнов) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Сергий родился 15 июня 1893 года в селе Борок Пошехонского уезда Ярославской губернии в семье священника Иоанна Смирнова. Окончил Рыбинское училище и получил место учителя в родном селе; проработал здесь два года. Отец Иоанн настаивал, чтобы сын стал священником и посвятил свою жизнь служению Богу и народу Божьему. Сергей Иванович согласился с отцом и, напутствуемый его благословением, поступил в Ярославскую Духовную семинарию. Окончив ее, он женился на благочестивой крестьянской девушке Надежде, певшей на клиросе. В 1919 году он был рукоположен в сан священника ко храму в селе Санниково, расположенного в сорока километрах от Борка. Приход был бедным, при церкви не было дома притча, и отец Надежды Матвеевны помог им купить дом. Здесь о. Сергий прослужил до 1935 года. К этому времени у супругов родилось четверо детей. Отец Сергий проявил себя ревностным пастырем и великим нищелюбцем, делясь последним куском хлеба с неимущими.

В 1935 году власти потребовали от священника уплаты налога, который он за отсутствием денег не смог заплатить. Власти описали все имущество и выгнали о. Сергия

с семьей из дома, и им пришлось скитаться, снимая квартиры. Как ни хорошо относились крестьяне к своему приходскому священнику, но страх был сильнее, и из-за этого хозяева боялись оставлять его у себя в доме на продолжительное время. У одних хозяев была ступа, и кто-то из прихожан подарил о. Сергию три килограмма ржи. Он взял ступу, чтобы истолочь зерно. Некто донес, что священник занимается помолом, и о. Сергий был арестован и приговорен к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь за неуплату налога. В то время, когда он был в заключении, из села Санниково были выселены все жители, а само село затоплено Рыбинским водохранилищем.

Вернувшись через год из заключения, о. Сергий поехал в Тверь к архиепископу Фаддею, чтобы получить приход, и был направлен в Воздвиженский храм села Теблиши. Восемь месяцев о. Сергий жил на приходе один, но затем ему дали небольшой домик, и в апреле 1937 года он перевез в Теблиши семью.

Отца Сергия арестовали на третий день после Сергиева дня, 11 октября 1937 года. Из дома при обыске взяли все, включая старенький, уже ветхий подрясник. На следующий день жена Надежда с дочерью Марией отправились в районный центр, село Кеверичи, узнать, что с их батюшкой. Он в это время находился здесь в тюрьме. Жена с дочерью подошли поближе к окошку и увидели стоявшего у решетки о. Сергия, который крикнул жене:

- Надя, держись, не плачь, на твоих плечах дети, тебе надо их вырастить.

А дочери сказал:

- Машенька, слушайтесь маму и помогайте ей. Они заплакали, в это время к ним подошел конвоир и, схватив девочку за ворот, отшвырнул от окна, сказав:

- Уходите, а то сейчас и вы будете там.

Они вернулись в Теблиши. Дом власти отобрали, и семья оказалась на улице, но молитвами исповедника не осталась без Божьего призрения. Директор льнозавода, хотя сам был коммунистом, но узнав, какую нужду терпит семья арестованного священника, вызвал Надежду Матвеевну к себе и предложил ей работу повара в столовой и комнату.

Отца Сергия через несколько дней вызвал к себе в кабинет начальник местного НКВД и предложил:

- Откажитесь от сана священника. Мы вам дадим работу. Будете работать учителем в средней школе в Теблишах.

Отец Сергий наотрез отказался, сказав:

- Нет, я никогда этого не сделаю. Никогда. Я священник. Я сын священника. Мой прадед был священником.

Неделю о. Сергия продержали в Кеверичах, а затем перевели в Бежецкую тюрьму, и сразу же начались допросы.

- Вы обвиняетесь в антисоветской и контрреволюционной деятельности, проводимой вами среди населения. Признаете ли себя в этом виновным?

- Контрреволюционной деятельности я не проводил и виновным себя в этом не признаю, я лишь только то признаю, что проводил службу в церкви.

- Следствие располагает достаточными материалами о вашей антисоветской деятельности в колхозах, об агитации против займовых кампаний. Признаете вы себя в этом виновным?

- Никакой я антисоветской деятельности в колхозах не проводил и против займов нигде не выступал. Было только то с моей стороны относительно займа, что сельсовет предложил мне подписаться на заем в сто пятьдесят рублей, а я подписался на сумму пятьдесят рублей.

- Вы с января 1937 года на территории Теблишского сельсовета систематически проводили агитацию против колхозов, восхваляли прежнюю жизнь при царизме, говорили, что государство колхозников обирает и колхозники голодают, занимались распространением провокационных писем среди колхозников о войне. Скажите, подтверждаете вы эту свою деятельность и высказывания?

- Никаких писем контрреволюционного содержания среди колхозников я не распространял.

- В целях срыва уборочной кампании вы устраивали часто службы и молебны, а для того, чтобы на них привлечь колхозников, говорили: "Не все-то работать надо, а и в церковь ходить. Коммунисты заставляют день и ночь работать, на всех правителей не наработаешься".

- Я служил только в дни, указанные церковным уставом, и никаких особенных молебнов и агитации на них не производил.

- Следствие располагает фактами, что вы среди граждан восхваляли старую дореволюционную жизнь, а значит, и царскую власть, при этом клеветническими словами называли руководителей ВКП(б) и советской власти.

- Я не мог восхвалять царскую власть, так как свою церковную деятельность начал с 1919 года, никакими клеветническими словами советских работников я никогда не называл.

И так день за днем. На следующем допросе уже другой следователь спрашивал священника:

- Обвиняемый Смирнов, на предыдущем допросе вы давали ложные показания, следствие требует от вас правдивых показаний по существу предъявленного вам обвинения.

- Я считаю, что на предыдущем допросе я отвечал правильно.

- Следствию известно, что вами, в бытность служителем религиозного культа в селе Теблиши, проводилась контрреволюционная и антисоветская деятельность путем организации сектантства и дачи заданий о распространении по деревням контрреволюционных слухов о надвигающейся войне против СССР и скором падении советской власти.

- Я как православный священник иду против всяких сект, а потому не может быть никакой речи о проведении какой-либо пропаганды, как сектантской, так и контрреволюционной.

- Следствию известно, что вы систематически распространяли среди населения письма контрреволюционного содержания, в которых писали о том, что СССР усиленно готовится к войне, но все равно советская власть будет свергнута... Признаете себя в этом виновным?

- Я прибыл в село Теблиши в январе 1937 года, и никакой агитации среди колхозников я не проводил.

- Вы даете ложные показания о своей контрреволюционной деятельности, следствие от вас требует правдивых показаний, признаете ли вы в выше указанных фактах себя виновным?

- Я даю правдивые показания, что я никакой контрреволюционной деятельности нигде не вел и виновным себя в этом не признаю.

Более священник не захотел ничего говорить, не желая лжесвидетельствовать против себя или близких. Ложь, клевета, согласие с несовершенными преступлениями порочили бы Церковь, явились бы выражением земной корысти, трусости и малодушия, отсутствия упования на Бога, обещавшего не оставлять Своих верных при любых испытаниях. "Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как и что отвечать, или что говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно говорить" (Лк. 12:11-12).

У о. Сергия, которому было в то время пятьдесят четыре года, оставалась семья: супруга, Надежда Матвеевна, две дочери и сын, причем младшей дочери едва исполнилось семь лет. Но противно было священнической совести предпочесть семью Богу, и он выбрал краткий и нелукавый путь веры.

После ареста священника на допрос были вызваны председатель и секретарь сельсовета и заведующий одним из отделов райисполкома, которые показали, что знают

священника недавно, всего несколько месяцев, но что о. Сергий будто бы выступал против займа, говорил, что большевики не хуже капиталистов обирают рабочих и крестьян под видом займов и что СССР готовится к войне.

20 октября было составлено обвинительное заключение и передано на рассмотрение Тройки НКВД. 1 ноября Тройка приговорила священника к расстрелу. Священник Сергий Смирнов был расстрелян 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобноисповедник Сергий (Сребрянский) (память 23 марта по старому стилю)

Преподобноисповедник Сергий (в миру Митрофан Васильевич Сребрянский) родился 1 августа 1870 года в селе Трехсвятском Воронежского уезда Воронежской губернии в семье священника. Через год после рождения сына отца Василия перевели в село Макарий в трех километрах от Трехсвятского. Как и большинство детей священников, Митрофан Васильевич закончил духовную семинарию, однако не стал сразу священником.

Часть образованного общества того времени была настроена против Православной Церкви, и тот, кто горел желанием послужить своему народу и для кого небезразличны были интересы нравственные, уходили в общественные движения, чаще всего социалистические.

Под влиянием народнических идей Митрофан Васильевич поступил в Варшавский ветеринарный институт. Здесь, среди равнодушных к вере студентов, в католической Польше, он стал усердно посещать православный храм. В Варшаве он познакомился со своей будущей женой, Ольгой Владимировной Исполатовской, дочерью священника, служившего в Покровском храме в селе Владычня Тверской епархии; она окончила курс Тверской гимназии, собиралась работать учительницей и приезжала в Варшаву навестить родственников. 29 января 1893 года они обвенчались.

В Варшаве Митрофан Васильевич вновь стал размышлять о правильности выбора своего пути. В душе было пламенное желание служить людям - но достаточно ли ограничиться внешним служением, стать специалистом и помогать народу, крестьянам, всего лишь в ведении хозяйства? Душа молодого человека ощущала неполноту такого рода служения, и он решил вступить на поприще служения священнического. 2 марта того же года епископ Воронежский Анастасий рукоположил Митрофана Васильевича в сан диакона к Стефановской церкви слободы Лизиновки Острогожского уезда. В сане диакона отец Митрофан пробыл недолго. 1 марта 1894 года он был назначен священником 47-го драгунского Татарского полка, а 20 марта епископ Острогожский Владимир рукоположил его в сан священника.

15 января 1896 года отец Митрофан был перемещен на вакансию второго священника к Двинскому военно-крепостному собору и 1 сентября того же года вступил в должность законоучителя Двинской начальной школы. 1 сентября 1897 года отец Митрофан был перемещен в город Орел и назначен настоятелем Покровского храма 51-го драгунского

Черниговского полка, шефом которого была Ее Императорское Высочество Великая княгиня Елизавета Федоровна.

С этого времени начался относительно продолжительный период жизни отца Митрофана в Орле.

Летом 1903 года в Сарове состоялось торжественное прославление преподобного Серафима. На этих торжествах был отец Митрофан. Здесь он был представлен Великой княгине Елизавете Федоровне и произвел на нее самое благоприятное впечатление своей искренней верой, смирением, простотой и отсутствием какого-либо лукавства.

В 1904 году началась Русско-японская война. 11 июня 51-й драгунский Черниговский полк выступил в поход на Дальний Восток. Вместе с полком отправился и отец Митрофан. У священника не было ни тени сомнений, ни помыслов уклониться от исполнения своего долга. За семь лет служения полковым священником в Орле он настолько сжился со своей воинской паствой, что она стала для него как одна большая семья, с которой он разделял все тяготы походной жизни. Везде, где представлялась возможность, он со своими помощниками ставил походную церковь и служил.

Во время служения в действующей армии отец Митрофан вел подробный дневник, который печатался в журнале "Вестник военного духовенства", а затем вышел отдельной книгой. Дневник дает полное представление о нем, как о смиренном пастыре, верном своему священническому долгу. Здесь, в условиях походных трудностей, тяжелых боев, где солдаты и офицеры рисковали жизнью, он увидел, насколько русский человек любит свою Родину, с каким смирением отдает за нее свою жизнь, увидел и то, как разрушительно по последствиям и противно действительности описывают столичные газеты происходящее на фронте, как будто это пишет не русская пресса, а неприятельская, японская. Здесь он увидел, насколько глубоко разделился по вере русский народ, когда православные и неверующие стали жить, как два разных народа.

15 марта 1905 года отец Митрофан как опытный пастырь и духовник был назначен благочинным 61-й пехотной дивизии и в этой должности прослужил до окончания войны. 2 июня 1906 года он вместе с полком вернулся в Орел. За выдающиеся пастырские заслуги, проявленные время войны, отец Митрофан 12 октября 1906 года был возведен в сан протоиерея и награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте.

В 1908 году Великая княгиня преподобномученица Елизавета усиленно трудилась над проектом по созданию Марфо-Мариинской обители. Предложения по устроению обители были поданы от нескольких лиц. Подал свой проект и отец Митрофан; его проект настолько пришелся по душе Великой княгине, что именно его она положила в основу устроения обители. Для его осуществления она пригласила отца Митрофана на место духовника и настоятеля храма в обители.

Отец Митрофан привык к служению в Орле, где у него сложились прекрасные отношения с паствой, которой он отдавал все свое время и силы, и ни он не хотел с ней расстаться, ни она с ним. "Бывало, кончишь давать крест после обедни, а народ все идет и идет. С одним побеседуешь, другой просит совета, третий спешит поделиться своим горем - и так тянутся часы... Матушка ждет меня обедать, да только я раньше пяти часов вечера никак из церкви не выберусь", - вспоминал отец Митрофан.

Не смея отказаться от предложения преподобномученицы Елизаветы, отец Митрофан обещал подумать и дать свой ответ позже. На пути из Москвы в Орел он вспомнил родную, горячо его любящую паству и представил, как тяжело будет обоюдное расставание. От этих дум и воспоминаний его душа пришла в смятение, и он решил отказаться от предложения Великой княгини. В тот момент, когда он это подумал, он почувствовал, что у него отнялась правая рука. Он попытался поднять руку, но безуспешно: ни пальцами пошевелить, ни согнуть руку в локте он не смог. Отец Митрофан понял, что это, видимо, Господь его наказывает за сопротивление Его святой воле, и он тут же стал умолять Господа простить его и пообещал, если исцелится,

переехать в Москву. Понемногу рука обрела чувствительность, и через два часа все прошло.

Он приехал домой совершенно здоровым и вынужден был объявить прихожанам, что покидает их и переезжает в Москву. Многие, услышав это известие стали плакать и умолять его не покидать их. Видя переживание паствы, добрый пастырь не смог ей отказать, и хотя его настоятельно звали в Москву, он все откладывал с отъездом. Он даже снова решил отказаться и остаться в Орле. Вскоре после этого он заметил, что у него без всякой видимой причины начала распухать правая рука, и это стадо приносить ему затруднение на службе. Он обратился за помощью к одному из своих родственников, доктору Николаю Яковлевичу Пясковскому. Врач, осмотрев руку, сказал, что никаких причин болезни нет и он не может дать в этом случае какого бы то ни было медицинского объяснения и, следовательно, помочь.

В это время из Москвы в Орел привезли чудотворную Иверскую икону Божией Матери. Отец Митрофан пошел помолиться и, стоя перед образом, пообещал, что примет бесповоротно предложение Великой княгини и переедет в Москву. С благоговением и страхом он приложился к иконе и вскоре почувствовал, что руке стало лучше. Он понял, что на переезд его в Москву и поселение в Марфо-Мариинской обители есть благословение Божие, с которым нужно смириться.

После этого, желая получить благословение от старцев, он поехал в Зосимову пустынь. Он встретился со схиеромонахом Алексием и другими старцами и поведал им о своих сомнениях и колебаниях: не будет ли дело, которое он на себя берет, свыше сил. Но они благословили его браться за дело. Отец Митрофан подал прошение о переводе в обитель, и 17 сентября 1908 года священномученик Владимир, митрополит Московский, назначил его настоятелем Покровской и Марфо-Мариинской церквей на Большой Ордынке, поскольку сама Марфо-Мариинская обитель начала свою деятельность только с 10 февраля 1909 года, когда Великая княгиня Елизавета переехала в дом, предназначавшийся под обительский.

Отец Митрофан, поселившись в обители, сразу же принялся за дело, отдавшись ему всей душой, - как это было в Орле, когда он занимался постройкой церкви, устроением школы и библиотеки, как было и во время войны, когда он стал отцом духовных детей, которые каждодневно подвергались смертельной опасности. Он часто служил, не жалея сил наставлял тех, еще немногочисленных, сестер, которые пришли жить в обитель. Настоятельница обители вполне поняла и оценила священника, которого им послал Господь. Она писала о нем Государю: "Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную помощь и подает пример своей чистой, простой жизнью, такой скромной и высокой по ее безграничной любви к Богу и Православной Церкви. Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что он скромный, чистый и человек Божий, Божий слуга в нашей Церкви".

Несмотря на трудности и новизну предпринятого дела, обитель благословением Божиим, смирением и трудами настоятельницы, духовника обители отца Митрофана и сестер с успехом развивалась и расширялась. В 1914 году в ней было девяносто семь сестер, она имела больницу на двадцать две кровати, амбулаторию для бедных, приют для восемнадцати девочек-сирот, воскресную школу для девушек и женщин, работавших на фабрике, в которой обучалось семьдесят пять человек, библиотеку в две тысячи томов, столовую для бедных женщин, обремененных семьей и трудящихся на поденной работе, кружок для детей и взрослых "Детская лепта", занимающийся рукоделием для бедных.

На поприще христианской деятельности Великая княгиня Елизавета прослужила до мученического конца. Вместе с ней (и до самого закрытия обители) трудился и отец Митрофан. Наступил 1917 год - февральская революция, отречение Государя, арест Царской семьи, октябрьский переворот.

Почти сразу после революции был совершен набег на Марфо-Мариинскую обитель вооруженных людей.

Вскоре Великая княгиня была арестована. Незадолго перед арестом она передала общину попечению отца Митрофана и сестры-казначеи. Великая княгиня была увезена на Урал, в Алапаевск, где 5 (18) июля 1918 года приняла мученическую кончину.

25 декабря 1919 года Святейший Патриарх Тихон, хорошо знавший отца Митрофана, благодаря его за многие труды, преподал ему первосвятительское благословение с грамотой и иконой Спасителя: В это время решился для отца Митрофана и его супруги Ольги вопрос о монашестве. Много лет живя в супружестве, они воспитали трех племянниц-сирот и желали иметь своих детей, но Господь не давал исполниться их желанию. Увидев в этом Божию волю, призывающую их к особому христианскому подвигу, они дали обет воздержания от супружеской жизни. Это было уже после переезда их в Марфо-Мариинскую обитель. Долгое время этот подвиг был для всех скрыт, но когда произошла революция и наступило время всеобщего разрушения и гонений на Православную Церковь, они решили принять монашеский постриг. Постриг совершен по благословению святого Патриарха Тихона. Отец Митрофан был пострижен с именем Сергий, а Ольга - с именем Елизавета. Вскоре после этого Патриарх Тихон возвел отца Сергия в сан архимандрита.

В 1922 году безбожные власти произвели изъятие церковных ценностей из храмов. Многие священнослужители были арестованы, некоторые расстреляны. Одним из предъявляемых обвинений было чтение в храмах послания Патриарха Тихона, касающегося изъятия церковных ценностей. Отец Сергий вполне разделял мысли Патриарха и считал, что не следует во избежание кощунств отдавать церковные сосуды. И хотя изъятие из храмов обители произошло без всяких эксцессов, отец Сергий прочел в храме послание Патриарха, за что 23 марта 1923 года был арестован. Пять месяцев он томился в тюрьме без предъявления обвинения и затем по приказу ГПУ от 24 августа 1923 года был выслан на один год в Тобольск.

Из ссылки в Москву отец Сергий вернулся 27 февраля 1925 года и на следующий день как бывший ссыльный явился в ГПУ, чтобы узнать о решении относительно своей дальнейшей судьбы. Следователь, которая вела его дело, сказала, что священнику разрешается совершать церковные службы и говорить за богослужениями проповеди, но он не должен занимать никакой административной должности в приходе, и ему запрещено принимать участие в какой-либо деловой или административной приходской деятельности.

Отец Сергий вернулся в Марфо-Мариинскую обитель. Однако недолго пришлось ему прослужить в Марфо-Мариинской обители. В 1925 году власти приняли решение ее закрыть, а насельниц сослать. Часть здания была отобрана поликлинику. Некоторые из ее работников решили отобрать обительскую квартиру у отца Сергия и для этого донесли в ОГПУ, обвинив священника в антисоветской агитации среди сестер обители, будто он, собирая их, говорил, что советская власть преследует религию и духовенство. На основании этого доноса 29 апреля 1925 года отец Сергий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

30 июня дело было рассмотрено и принято решение освободить священника. 2 июля Коллегия ОГПУ прекратила дело, и отец Сергий был освобожден.

За то время, пока отец Сергий был в заключении, Марфо-Мариинская обитель была закрыта, а сестры арестованы. Некоторые из них были высланы относительно недалеко - в Тверскую область, но большинство сослано в Казахстан и Среднюю Азию.

Отец Сергий и матушка Елизавета выехали в село Владычня Тверской области и поселились в бревенчатом, покрытом дранкой одноэтажном доме, в котором когда-то жил отец матушки, протоиерей Владимир Исполатовский. Первое время отец Сергий не служил, но часто ходил молиться в Покровский храм, в котором стал служить в 1927 году.

Сразу же по приезде, а еще более после того как отец Сергий стал служить во Владычне, его стали посещать многие из его духовных детей. Среди окружающих он был известен как молитвенник и человек святой жизни. Люди стали обращаться к нему за

помощью, и некоторые по своей вере и молитвам праведника получали исцеления. Несмотря на пережитые узы и тяжелое время гонений, отец Сергий продолжал подвизаться как духовник и проповедник. Он использовал отпущенное ему время для научения в вере, поддержки и просвещения ближних. Духовные дети привозили ему продукты и одежду, большую часть которых он раздавал нуждающимся. Но в селе были люди, которые ненавидели Церковь, хотели ради забвения своих грехов забыть о Боге, они относились враждебно к отцу Сергию за его открытую проповедническую деятельность. Жизнь, которую он проводил, обличала их совесть, и, вознамерившись его уничтожить, они обратились за помощью к власти.

30 и 31 января 1930 года ОГПУ допросило этих людей. Они показали: "По своему общественному, умелому подходу к народу с религиозной стороны заслуживает особого внимания. Действует исключительно религиозным дурманом. Опирается на темноту, выгоняет бесов из человека... Особенно способен на проповеди, которые говорит по два часа. В своих выступлениях с амвона призывает на единение и поддержку Церкви, религиозных целей...

Результаты таких проповедей имеются налицо... Деревня Гнездцы категорически отказалась от вступления в колхоз. Словом, должен сказать, священник Сребрянский является политически вредным элементом, который должен быть срочно изъят..."

На основании этих показаний отец Сергий был через несколько дней арестован, но "материалов" для создания "дела" недоставало, и 14 февраля следователи допросили жителей села Владычня, оставляя в деле показания лишь тех свидетелей, которые подтверждали обвинение. Но и через призму искаженных свидетельств видно, что отец Сергий был для народа подлинным старцем и подвижником, по молитвам которого совершались исцеления многих недужных.

10 марта власти допросили отца Сергия. 7 апреля 1930 года "тройка" ОГПУ приговорила отца Сергия к пяти годам ссылки в Северный край. Священнику было тогда шестьдесят лет, и после нескольких тюремных заключений, ссылки, этапов он тяжело болел миокардитом. Это время было самым тяжелым для ссыльных. Прошла коллективизация. Крестьянские хозяйства были разорены. Хлеб продавался только по карточкам и в самом ограниченном количестве. Выжить можно было, если присылались посылки. Но посылки доходили лишь в то время, когда по реке было пароходное сообщение, которое прекращалось на зимний период и на время, пока сплавлялся лес.

Отца Сергия поселили в одной из деревень на реке Пинеге. Здесь жило много сосланного духовенства. Сюда к нему приехали монахиня Елизавета и Мария Петровна Заморина, знавшая отца Сергия еще в период его служения Орле; впоследствии она приняла монашество с именем Милица. Ссыльные священники работали здесь на лесоразработках и сплаве леса. Отец Сергий работал на ледянке - вел по ледяной колее лошадь, тащившую бревна. Эта работа хотя и была легче пилки и рубки в лесу, но требовала большой ловкости и спорости. Отец Сергий, монахиня Елизавета и Мария Петровна жили в домике, как маленькая монастырская община. Отец Сергий, благодаря своей подвижнической жизни, постоянной молитвенной настроенности, духовным советам и умению утешать страждущих в самых тяжелых их обстоятельствах, вскоре стал известен как глубоко духовный старец, которому многие поверяли свои беды, в молитвенное предстательство которого верили. Северная зимняя природа произвела большое впечатление на исповедника. "Огромные ели, закутанные снежными одеялами и засыпанные густым инеем, стоят как зачарованные, - вспоминал он, - такая красота - глаз не оторвешь, и кругом необыкновенная тишина... Чувствуется присутствие Господа Творца, и хочется без конца молиться Ему и благодарить Его за все дары, за все, что Он нам посылает в жизни, молиться без конца..."

Несмотря на болезнь и преклонный возраст, старец с помощью Божией выполнял норму, данную начальством. Когда ему приходилось корчевать пни, он делал это один и в

короткое время. Иногда он смотрел на часы, интересуясь сам, за какое время ему удастся выкорчевать пень, над каким, бывало, трудились несколько человек ссыльных.

С местным начальством у отца Сергия сложились самые благоприятные отношения, все любили святого старца и неутомимого труженика, который со смирением воспринимал свою участь ссыльного. Детям он вырезал и склеил, а затем раскрасил макет паровоза с пассажирскими и товарными вагонами, которых дети не видели еще ни разу в своей жизни по дальности от тех мест железных дорог.

Через два года ссылки власти из-за преклонного возраста священника, его болезней и за успешно выполняемую работу решили его освободить. В 1933 году отец Сергий вернулся в Москву, где пробыл один день - простился с закрытой и разоренной обителью и выехал с монахиней Елизаветой и Марией Петровной во Владычню. На этот раз они поселились в другом доме, который был куплен его духовными детьми. Это была небольшая изба с русской печью, кирпичной лежанкой и пространным двором. Здесь прошли последние годы жизни старца. Покровский храм во Владычне был закрыт, и отец Сергий ходил молиться в Ильинский храм в соседнее село. Впоследствии власти стали выказывать неудовольствие по поводу его появления в храме, и он был вынужден молиться дома. Последний период жизни отца Сергия стал временем старческого окормления духовных детей и обращавшихся к нему страждущих православных людей, что было особенно существенно в то время, когда большинство храмов было закрыто и многие священники были арестованы.

Во время Отечественной войны, когда немцы захватили Тверь, во Владычне расположилась воинская часть и предполагался здесь большой бой. Офицеры предлагали жителям уйти дальше от передовых позиций, кое-кто ушел, а отец Сергий и монахини Елизавета и Милица остались. Почти каждый день над расположением воинской части летали немецкие самолеты, но ни разу ни одна бомба не упала ни на храм, ни на село. Это было отмечено и самими военными, у которых возникло ощущение, что село находится под чьей-то молитвенной защитой. Однажды отец Сергий пошел на другой конец села со Святыми Дарами причащать тяжелобольного. Идти нужно было мимо часовых. Один из них остановил отца Сергия и, пораженный видом убеленного сединами старца, бесстрашно шедшего через село, непроизвольно высказал ту мысль, которая владела умами многих военных: "Старик, тут кто-то молится".

Неожиданно часть была снята с позиции, так как бои развернулись на другом направлении, неподалеку от села Медное. Местные жители, очевидцы этих событий, приписывают чудесное избавление села от смертельной опасности молитвам отца Сергия.

В последние, годы жизни архимандрита Сергия, начиная с 1945 года, его духовником был протоиерей Квинтилиан Вершинский, служивший в Твери и часто приезжавший к старцу. Отец Квинтилиан сам несколько лет пробыл в заключении и хорошо знал, что такое - нести тяготы и горечь гонений в течение многих лет. Он вспоминал об отце Сергии: "Всякий раз, когда я беседовал с ним, слушал его проникновенное слово, передо мной из глубины веков вставал образ подвижника-пустынножителя... Он весь был объят Божественным желанием... Это чувствовалось во всем, особенно - когда он говорил. Говорил он о молитве, о трезвении - излюбленные его темы. Говорил он просто, назидательно и убедительно. Когда он подходил к сущности темы, когда мысль его как бы касалась предельных высот христианского духа, он приходил в какое-то восторженно-созерцательное состояние, и, видимо, под влиянием охватившего его волнения помыслы его облекались в форму глубоко-душевного лирического излияния.

Наступило приснопамятное весеннее утро, - вспоминал отец Квинтилиан. - На востоке загоралась заря, предвещавшая восход весеннего солнца. Еще было темно, но около хижины, где жил старец, толпились люди; несмотря на весеннюю распутицу, они собрались сюда, чтобы отдать последний долг почившему старцу. Когда я вошел в самое помещение, оно было забито народом, который всю ночь провел у гроба старца. Начался отпев. Это было сплошное рыдание. Плакали не только женщины, но и мужчины...

С большим трудом вынесли гроб через малые узенькие сенцы на улицу. Гроб хотели поставить на дровни, нести на себе его на кладбище было невозможно, ибо дорога на кладбище представляла местами топкую грязь, местами была покрыта сплошной водой. Тем не менее из толпы неожиданно выделяются люди, поднимают гроб на плечи... Потянулись сотни рук, чтобы хотя коснуться края гроба, и печальная процессия с неумолкаемым пением "Святый Боже" двинулась к месту последнего упокоения. Когда пришли на кладбище, гроб поставили на землю, толпа хлынула к гробу. Спешили проститься. Прощавшиеся целовали руки старцу, при этом некоторые как бы замирали, многие вынимали из кармана белые платки, полотенца, маленькие иконки, прикладывали к телу усопшего и снова убирали в карман.

Когда гроб опускали на дно могилы, мы пели "Свете тихий". Песчаный грунт земли, оттаявшие края могилы грозили обвалом. Несмотря на предупреждение, толпа рванулась к могиле, и горсти песка посыпались на гроб почившего. Скоро послышались глухие удары мерзлой земли о крышку гроба.

Мы продолжали петь, но не мы одни. "Граждане, - слышался голос, - смотрите! смотрите!" Это кричал человек с поднятой рукою кверху. Действительно, нашим взорам представилась умилительная картина. Спустившийся с небесной лазури необычайно низко, над самой могилой делал круги жаворонок и пел свою звонкую песню; да, мы пели не одни, нам как бы вторило творение Божие, хваля Бога, дивного в Своих избранниках.

Скоро на месте упокоения старца вырос надмогильный холмик. Водрузили большой белый крест с неугасимой лампадой и надписью: "Здесь покоится тело священноархимандрита Сергия - протоиерея Митрофана. Скончался 1948 г. 23 марта. Подвигом добрым подвизахся, течение жизни скончав"".

Еще при жизни батюшка говорил своим духовным детям: "Не плачьте обо мне, когда я умру. Вы придете на мою могилку и скажете, что нужно, и я, если буду иметь дерзновение у Господа, помогу вам".

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученик Сергий (Ведерников) (память 18 сентября по старому стилю)

В 1937 году вместе со священнослужителями арестовывали членов церковных двадцаток и старост. Одним из многих, принявших мученическую кончину в 1937 году, был староста храма Сергей Ведерников.

Мученик Сергий (Сергей Николаевич Ведерников) родился в 1875 году в селе Погорелом Погорельского уезда Тверской губернии (ныне Зубцовский район Тверской области) в бедной крестьянской семье. Упорным трудом и помощью Божией он поднялся из нужды; в 1907 году завел в селе мануфактурную лавку, которую держал до 1916 года. После ее закрытия имел в селе чайную и занимался сельским хозяйством, пользуясь самым современным по тому времени сельскохозяйственным инвентарем. Был вплоть до своего ареста в 1928 году председателем церковного совета.

В 1928 году в результате кампании по закрытию храмов Сергей Николаевич был арестован и приговорен к шести месяцам заключения в исправительно-трудовой лагерь. В 1930 году, после конфискации всего имущества, он был выслан на Урал.

Человек одинокий - ни семьи, ни детей у него не было, он мог всецело служить Богу и Церкви, и, когда он вернулся в родное село, верующие единодушно избрали его старостой храма. Это избрание и активная деятельность на благо Церкви и послужили причиной нового ареста. Сразу же после начала гонений, в 1937 году, Сергей Николаевич был арестован и 28 июля заключен в Зубцовскую тюрьму. На следующий день следователь допросил его.

- Обвиняемый Ведерников, как вы попали в церковные старосты погорельской церкви?

- Меня избрали верующие 28 февраля 1937 года.

- Обвиняемый Ведерников, следствие располагает материалами по обвинению вас в контрреволюционной пропаганде. Признаете себя виновным или нет?

- Виновным себя в этом не признаю. - Обвиняемый Ведерников, в июне 1937 года в сторожке погорельской церкви вы в присутствии верующих говорили, что материальное положение населения плохое, нет хлеба, купить нечего, раньше всего было много, товар давали в кредит, а теперь никто копейки не дает. Весь хлеб вывезли в Испанию, а самим есть нечего. Говорили это или нет?

- Этого разговора я не помню и не говорил.

На этом следствие было закончено, он был признан виновным в том, что состоял старостой храма. 27 сентября Тройка НКВД приговорила Сергея Николаевича Ведерникова к расстрелу. Он был расстрелян 1 октября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик иерей Сергий Мечёв (память 24 декабря по старому стилю)

Священномученик иерей Сергий Мечёв родился в Москве 17 сентября 1892 года в семье известного священника отца Алексия Мечёва (память 9 июня), настоятеля храма Святителя Николая в Кленниках на Маросейке. Батюшка отец Алексий очень любил своего сына Серёжу и желал иметь его своим преемником, но он не хотел оказывать на него давление и поэтому дал возможность сыну получить светское образование. В 1910 году Сергей окончил гимназию с серебряной медалью и поступил на медицинский факультет Московского Университета. Вскоре он перешёл учиться на словесное отделение историко-филологического факультета, которое окончил в 1917 году.

Во время войны в 1914 году Сергей Алексеевич работал на Западном фронте братом милосердия в одном из санитарных поездов. Там же он познакомился со своей будущей супругой, которая также трудилась сестрой милосердия.

Одновременно с учёбой в Университете Сергий Алексеевич принимал участие в работе студенческого богословского кружка имени святителя Иоанна Златоустого, организованного наместником Чудова монастыря епископом Арсением (Жадановским). На заседаниях кружка читались и обсуждались доклады на различные темы богословского характера.

В 1917 году была создана комиссия по сношению с гражданской властью Русской Православной Церкви. В число членов Комиссии вошёл и Сергей Алексеевич. В этот период ему пришлось часто бывать у Святейшего Патриарха Тихона, который очень его полюбил.

Решение принять священство было связано у Сергея Алексеевича с поездкой в 1918 году в Оптину пустынь, где он получил на это благословение старцев отца Анатолия и отца Нектария.

В 1919 году, по окончании историко-фило- логического отделения Московского универси- тета, он был рукоположен во диакона, а затем во иерея. Рукополагал его в апреле 1919 года в Даниловском монастыре священномученик архиепископ Феодор (Поздеевский, память 10 октября).

Служил он рядом с отцом в храме на Маросейке. Этот приход называли "мирским монастырём", - имя в виду не монастырские стены, а паству-семью, связанную узами любви и единым духовным руководством. Послушание духовному отцу, очищение совести покаянием ("сущность исповеди есть самопосрамление, исповедь есть страдание кающегося и сострадание ему священника", - говорил отец Сергий), частое причащение, ежедневные уставные службы (обедни на Маросейке начинались в 6 утра, и прихожане могли попасть на работу во время) - всё это создавало условия для подлинной духовной жизни. "Христианство не учение, а жизнь", - часто повторял отец Сергий.

После кончины своего отца батюшки Алексия 27 мая 1923 года, отец Сергий принял на своё пастырское попечение "покаянно-богослужебную семью", как он называл свой приход, и окормлял его до самой своей мученической кончины. "Вы мой путь ко Христу, как же пойду без вас", - писал он в 1930 году своим духовным чадам.

Богослужение отца Сергия отличалось от богослужений батюшки Алексия: в нём не было той растворённости в любви, того покаянного плача, но всё же оно было прекрасно: в нём была строгость, стройность, сосредоточенность. Проповеди его были насыщены волевым началом, так, что, слушая их, нельзя было оставаться только слушателем, а хотелось действовать. Духовных чад привлекала к нему его личность, пламенность веры, требовательная, чуткая и неподкупная совесть, отсутствие всяких поз, знание святоотеческого учения, и, наконец, доброта и отзывчивость.

Предвидя мученический подвиг отца Сергия, старец Нектарий Оптинский как-то так сказал своей духовной дочери о нём: "Ты знала отца Алексея? Его знала вся Москва, а отца Сергия пока знает только пол-Москвы. Но он будет больше отца".

После захвата обновленцами храмов, лишь единичные приходы в Москве сохранили верность Патриарху Тихону, в числе их были Даниловский монастырь и "Маросейка".

Отец Сергий был бескомпромиссный борец за чистоту Православия. После появления "Декларации" 1927 года, он не поминал митрополита Сергия (Страгородского), не принимал он и церковной молитвы за безбожников и богоборцев. В 1929 году батюшку арестовали и сослали; в 1932 году закрыли храм на Маросейке.

Батюшка был сослан на Север, в маленький городок Вологодской области Кадников. Там в 1933 году последовал повторный арест и осуждение на 5 лет лагерей: сначала на Кубенском озере на лесопилке, затем на реке Шелекса, затем в Усть-Пинеге. В 1935 году его переводят в Свирские лагеря, на Лодейное Поле, после этого - перевод под Рыбинск (станция Переборы), на строительство плотины.

В колонии на Шелексе батюшка сильно голодал. Его постоянно обкрадывали уголовные. Духовные дочери, приехавшие навестить его, заметили, что, несмотря на крайнее истощение, в нём исчезла всякая раздражительность, он стал очень мягким, не было ни единого упрёка.

В 1937 году батюшка освободился из лагеря. Он поселился в окрестностях города Калинин и работал в одной из поликлиник. Дома тайно совершал Литургию. К нему постоянно приезжали духовные дети, и он им писал письма: "... Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял Он с вас тесноту, замыкание в себе", чтобы получили вы расширенное сердце!" - так он наставлял их.

В это время все единомысленные батюшке архиереи были в лагерях и ссылках. Он же в желании иметь архипастырский покров открыл одному епископу свою церковную позицию и нелегальное положение своей общины. Вскоре этот епископ был арестован: он

предал отца Сергия, рассказав на суде то, что было ему открыто на духу как епископу. Отцу Сергию советовали скрыться в Средней Азии, но он отказался оставить своих духовных детей. Около года батюшка скитался без прописки. Летом 1941 года он с некоторыми духовными чадами скрытно проживал в деревне близ Тутаева. Там он каждый день служил Литургию. В связи с всеобщей подозрительностью, возникшей с началом войны, местные жители приняли их за немецких шпионов и выдали НКВД. 7 июля (н. ст.) 1941 года батюшку арестовали и поместили в Ярославскую тюрьму. После 4-х месяцев допросов и пыток, на которых он вёл себя очень мужественно, стремясь, чтобы никто из общины не пострадал, в ночь на 24 декабря 1941 года (6-е января 1942 г. н. ст.) батюшка был расстрелян в тюрьме Ярославского НКВД.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Сергий, архиепископ Елецкий (память 31 октября по старому стилю)

Священномученик Сергий, архиепископ Елецкий (в миру Зверев Александр Михайлович) родился 4 февраля 1870 года в Петропавловске, в семье священника. Окончил Семинарию, Санкт-Петербургский Университет, Придворную певческую капеллу со званием регента. В 1899 году Александр Михайлович завершил обучение в Московской Духовной Академии со степенью кандидата богословия. Был рукоположен во священника, служил инспектором женского епархиального училища Таврической епархии, затем принял монашеский постриг с именем Сергий и был возведён в сан архимандрита.

В 1922 году отец Сергий был хиротонисан во епископа Севастопольского. Есть данные об уклонении ненадолго в обновленческий раскол (в 1924 году); по покаянии принят в лоно Православной Русской Церкви.

В 1925 году Владыка становится епископом Мелитопольским. Он входил во временный состав Священного Синода, учреждённый св. Патриархом Тихоном в 1925 году. В 1925-1926 годы Святитель временно управляет Самарской епархией (по причине заключения епископа Самарского Анатолия (Грисюка). В 1926 году Владыка был арестован, приговорён к двум годам ссылки. В 1927 году возведён в сан архиепископа. Есть сведения, что после выхода Декларации митрополита Сергия, Владыка находился в скрытой оппозиции к нему и не поминал его имени за богослужением. С 1929 по 1935 годы Владыка являлся архиепископом Елецким. В 1935 году он был арестован "за антисоветскую пропаганду" и приговорён к пяти годам лагерей. 31 октября (13 ноября н. ст.) 1937 года Владыка был расстрелян в Карагандинском концлагере.

Прославлен в 1999 году Священным Синодом Украинской Православной Церкви. Прославление состоялось в городе Мелитополь.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобноисповедник Севастиан Карагандинский (память 6 апреля по старому стилю)

Преподобноисповедник Севастиан Караган- динский (в миру Степан Васильевич Фомин) родился 28 октября 1884 года в селе Космодемьянское Орловской губернии в бедной крестьянской семье. После смерти родителей пятилетний Степан стал жить с семьёй старшого брата. Средний его брат принял постриг в Оптиной Пустыни. Степан хорошо окончил трёхклассную приходскую школу, книги ему давал читать приходской священник. Мальчик был слаб здоровьем, в полевых работах участвовать не мог, а ходил за скотиной, был пастухом. Часто зимой посещал он брата в Оптиной пустыни.

3 января 1909 года Степан был принят в скит Оптиной Пустыни келейником к старцу Иосифу, после смерти которого в 1911 году, перешёл под старческое руководство к отцу Нектарию и остался при нём до 1923 года келейником. Так он напитывался благодатным духом Оптинского старчества. Пострижен Степан был в мантии с именем Севастиан в 1917 году, когда начиналось время гонения на Церковь Христову.

Оптина, хотя до неё и доходили сведения о готовящихся ограбления её и закрытии, старалась жить мирно и тихо - однако, уже 10 (23) января 1918 года Оптина Пустынь была закрыта, хотя монастырь и продолжал существовать под видом сельскохозяйственной артели. Многие, особенно молодые послушники, не выдержав тяжелого труда и суровых требований, покинули Оптину. Одновременно на её территории был устроен Музей. Скитов к этому времени уже не существовало. Все жили практически одним днем. В 1923 году монастырские службы были полностью прекращены и власти приступили к выселению монахов. Братские келии сдавались музеем желающим в качестве летних дач. Все это время отец Севастиан находился под духовным окормлением старца Нектария Оптинского.

В 1927 году монах Севастиан принял священство от епископа Калужского. После кончины старца Нектария в 1928 году отец Севастиан приехал в город Козлов, где получил назначение в Ильинскую церковь. Там он служил с 1928 по 1933 годы вплоть до своего ареста. Батюшка не любил немолитвенного нотного пения и старался устроить на своем приходе благоговейное монастырское пение. В этот период он вёл в Козлове борьбу с обновленцами и не оставлял общения с жившей в рассеянии братии Оптиной Пустыни.

В феврале 1933 года отца Севастиана арестовали. На допросах батюшка дал прямой ответ: "На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей. Такие же взгляды я высказывал среди своих приближенных, а также и среди остальных граждан, с которыми приходилось говорить на эту тему. При этом говорил, что нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, только тогда мы от этого избавимся. Я мало был доволен соввласгью за закрытие церквей, монастырей, так как этим уничтожается Православная вера".

Его приговорили к 7-летнему заключению на лесоповал, несмотря на слабое здоровье и повреждённую левую руку. Но и в ссылки он проводил воскресный день в молитве и беседе. Ночные дежурства батюшка также проводил в молитве, никогда не позволяя себе спать. "В заключении я был, - вспоминал батюшка, - а посты не нарушал. Если дадут какую-нибудь баланду с мясом, я это не ел, менял на лишнюю пайку хлеба".

После освобождения он остался в селе Большая Михайловка, под Карагандой, и окормлял всех стремящихся к Богу, приходя к ним в дома и совершая требы, хотя разрешение на это со стороны властей не было -"народ в Караганде был верный -не выдадут". Батюшку полюбили и в окрестностях, поверили в силу его молитв. Со всех концов страны стали съезжаться духовные чада старца, всех он принимал с любовью и

помогал устроиться на новом месте. Часто старец благословлял приезжавших к нему за духовным окормлением монахинь жить в какую-нибудь семью, что было в духе Оптинских старцев. Такие матушки становились как бы ангелами-хранителями дома.

Лишь в 1955 году верующие добились официального разрешения властей на регистрацию религиозной общины в Большой Михайловке, так что общими усилиями удалось построить храм, который освятили в честь Рождества Пресвятой Богородицы, хотя и было это в день Вознесения Господня. Священников батюшка подбирал себе сам. Вокруг него собралась монашеская женская община. О его общине архиепископ Петропавловский и Кустанайский Иосиф (Чернов) так говорил: "батюшка насадил здесь виноград, который потом и слезами вырастил". "Маленькая церковь, от земли не видно, а столп горит до неба".

22 декабря 1957 года, в день празднования иконы Божией Матери "Нечаянная Радость", Владыкой Иосифом (Черновым) батюшка был возведён в сан архимандрита и награждён Патриаршей грамотой "За усердное служение Церкви". В 1964 году ко дню своего Ангела был награждён архиерейским посохом - награда, примеров не имеющая.

Батюшка сохранял безупречное исполнение церковного Устава, не допуская при Богослужении пропусков или сокращений. Церковные службы были для него неотъемлемым условием его внутренней жизни. В беседах его любимым образом был святой Апостол Иоанн Богослов - он часто призывал паству к почитанию этого Апостола Любви. Отец Севастиан очень почитал святые иконы и говорил, что он даны нам в помощь от темных сил, что есть иконы, особые по славе благодати, есть намоленные веками чудотворные образы, которые, как ручейки, несут от Господа благодать. Он приводил слова старца Нектария Оптинского о том, что мудрость, разум и рассудительность есть дары Святого Духа, которые приводят к благочестию.

Батюшка обладал тонким юмором и любил пошутить, но всегда доброжелательно. Он не жалел времени на беседу с человеком. Каждый его совет приводил к благополучию.

Власти, видя его авторитет, всячески старались закрыть храм, но это им не удавалось: батюшка - как только они его вызовут - обезоруживал их так, что они совершенно лишались дара слова и после его ухода удивлялись: "Что это за старичок такой, что мы сделать ничего не можем?"

Батюшка всегда и во всём учил полагаться на волю Божия Промысла. Он также любил природу, жалел животных, однажды спас только что родившихся котят.

Людям он помогал своей тайной молитвой. О бесноватых он говорил: "Здесь они потерпят, а там мытарства будут проходить безболезненно... Я не хочу с вас кресты снимать. Здесь вы потерпите, но на Небе большую награду приобретёте". У батюшки была духовная мудрость, великое терпение. Если кто при нём роптал на ближнего, он скажет: "Я вас всех терплю, а вы одного потерпеть не хотите". Не поладит кто, он волнуется: "Я настоятель, а всех вас слушаю". Он заботился о спасении каждого, это была его цель. Он просил: "Мирнее живите". Однажды, среди беседы о нравах людей батюшка сказал и даже указал: "Вот этих людей нельзя трогать, они, по гордости, не вынесут ни замечания, ни выговора. А других, по их смирению, можно". Очень важное значение он придавал молитвам за усопших, и других призывал: "молитесь за усопших больше всего. За всё слава Богу! Слава Богу за всё!"

3 (16 н. ст.) апреля 1966 года батюшка принял постриг в схиму от Владыки Питирима (Нечаева), прибывшего к нему для совершения пострига.

Впитав в себя традиции и благодатный святоотеческий дух Оптиной Пустыни и будучи учеником её великих старцев, перенеся изгнания и заключения в большевицких концлагерях, он по неисповедимым судьбам Божиим пронёс своё старческое служение в столице знойных степей Центрального Казахстана, многострадальной Караганде. Скончался отец Севастиан 6 (19 н. ст.) апреля 1966 года ? на Радоницу. Погребён он был на Михайловском кладбище.

Прославлен в 1997 году как местночтимый святой Алма-Атинской епархии. 22 октября (4 ноября) 1997 года были обретены святые мощи старца Севастиана и перенесены в новый храм Рождества Пресвятой Богородицы в Караганде.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский (память 13 февраля по старому стилю)

Священномученик Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский (в миру Ольшевский Иустин Львович), родился 31 мая 1860 года в селе Косовно Сквирского уезда Киевской губернии, в семье причётника. В 1883 году окончил Киевскую Духовную Семинарию, а в 1887 - Киевскую Духовную Академию. С 1889 года состоит в должности епархиального Киевского миссионера, а с 1890 года он Полтавский епархиальный миссионер, преподаёт в Семинарии. В 1892 году принимает священный сан, не вступая в брак (целибат). В 1910 году отец Иустин постригается в монашество с именем Сильвестр и вскоре возводится в сан архимандрита. 16 января 1911 года отец Сильвестр был хиротонисан в епископа Прилукского, викария Полтавского. В 1914 году становится епископом Челябинским, викарием Оренбургской епархии. С 1915 по 1920-й годы занимает кафедру Омскую и Павлодарскую, будучи в 1918 году возведён в сан архиепископа.

На территориях занятых Белой Армией, не имеющих связи с Патриархией, состоялось Сибирское церковное совещание (в Томске в ноябре 1918 года) из 13 архиереев и 26 членов Всероссийского Собора, на котором было организовано Временное Церковное Управление во главе с Владыкой Сильвестром. Однако, когда город заняли красные, в ночь на 6 февраля 1918 года после крестного хода Святитель был арестован, а его эконом Николай Цикуру (ныне прославлен в Омской епархии), не пускавший пьяных матросов в келью Владыки, убит. Владыка принял мученическую кончину 13 (26 н. ст.) 1920-го года, находясь в заточении в Омске.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученики Симеон и Димитрий (Воробьёвы) (память 4 августа по старому стилю)

Братья Симеон и Димитрий родились в селе Ключевом Максатихинского уезда Тверской губернии в благочестивой семье крестьянина Михаила Воробьёва. Семён родился в 1871 году, а Дмитрий - в 1873-м, и во время гонений 1937 года им было за шестьдесят лет. Хотя братья и не были нарочито образованны, но были грамотны и весьма

начитанны в церковной литературе, с детства были приучены к молитве и церковной службе. Оба брата служили в армии рядовыми: Семён с 1903 по 1907 год, а Дмитрий в 1914-1915 годах. До революции братья имели небольшие крестьянские хозяйства, Семён - лошадь, корову и овцу, а Дмитрий - две коровы, две овцы и ветряную мельницу. Поскольку хозяйства были ничтожны, то во время революции и сразу после нее они не были отобраны, но положение изменилось в начале тридцатых годов: тогда братья были арестованы, все их имущество конфисковано, а сами они были сосланы вместе со своими семьями на Урал. У Семёна было два сына - Николай одиннадцати и Михаил пяти лет, а у Дмитрия две дочери, четырнадцати и тринадцати лет, и сын одиннадцати лет.

Через год им было разрешено вернуться на родину, но ни имущества, ни хозяйства им не вернули. Семён еще до ссылки был церковным старостой в храме в селе Ключевом, и приехавший в село священник Александр Диевский предложил ему работать при храме сторожем, а его сына, Николая, научил петь и читать на клиросе, и вскоре он стал исполнять обязанности псаломщика. Дмитрий Михайлович, чтобы не умереть в родном селе с голоду, обзавелся кое-каким хозяйством.

Главное, что было в братьях, - это вера и великая любовь к храму, и поэтому, когда в село Ключевое был назначен священником о. Александр, он остановился и жил у братьев Воробьёвых; эти благочестивые семьи были опорой прихода.

Наступил 1937 год; 23 июля Дмитрий и Семён и сын его Николай были арестованы и заключены в Бежецкую тюрьму. Сразу же начались допросы.

- Когда и где вы познакомились с Диевским и в чем заключалось ваше знакомство? - спросил следователь Семёна Михайловича.

- В 1930 году я служил церковным старостой в ключевской церкви, в этом же году приехал священник Александр Степанович Диевский, который остановился у меня квартировать... Мое знакомство с Диевским заключается в том, что он служил священником, мой сын Николай псаломщиком, а я сторожем.

- Расскажите подробно, какую вы вели контрреволюционную деятельность среди населения.

- Контрреволюционной деятельности среди населения я не вёл.

- Скажите, Воробьёв, признаете ли себя виновным?

- В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

- Почему вы следствию даете лживые показания, тогда как следствием установлена ваша контрреволюционная деятельность?

- В контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю".

Был допрошен сын Семёна Михайловича, Николай. Ему в это время едва исполнилось семнадцать лет.

- Скажите, когда вы познакомились со священником Диевским и по какой причине?

- В 1930 году мой отец был церковным старостой, в этом году приехал священник Александр Степанович Диевский, остановился у нас квартировать и с тех пор мне знаком. Я лично с самого детства посещал церковь, узнал обязанности псаломщика, на эту должность меня поставил церковный совет уже два года тому назад, зарплату мне платят тридцать рублей

- Какую вы проводили контрреволюционную деятельность?

- Служил псаломщиком, контрреволюци- онной деятельности не проводил.

- Скажите, Воробьёв, признаете ли вы себя виновным в агитации против советской власти и мероприятий партии?

- В предъявленном мне обвинении в контрреволюционной деятельности и агитации против проводимых партией и советской властью мероприятий виновным себя не признаю, поясняю, что агитацию среди населения я не проводил, моя связь со священником и отцом заключалась в совместной службе в одной церкви, Диевский был священником, а мой отец церковным сторожем. Антисоветской деятель- ности у меня с Диевским и отцом не было, и они в моём присутствии никогда и ничего не говорили

против проводимых советской властью и партией мероприятий, Псаломщиком меня рекомендовал священник, который мне в этой работе помогал.

В тот же день был допрошен и Дмитрий Михайлович.

- Скажите, когда вы познакомились с Александром Диевским и в чём ваше знакомство заключалось?

- Со священником Александром Степано- вичем Диевским я познакомился в 1930 году, то есть с тех пор, как он стал служить священником в селе Ключевом.

- Скажите, какую вы вели контрреволюци- онную деятельность среди населения? Подтвердите, так как следствию об этом известно.

- Контрреволюционной деятельности среди населения я не вел.

- Скажите, Воробьёв, признаете вы себя виновным?

- В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

- Почему вы даете лживые показания, тогда как следствием ваша контрреволюционная деятельность установлена?

- В контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю. Поясняю следующее: моя связь с Диевским, братом Семёном и племянником Николаем состояла в посещении церкви.

Вот всё, что сочли нужным ответить на вопросы следователя братья, единственная вина которых была в ревностном отношении к храму.

13 августа Тройка НКВД приговорила Семёна и Дмитрия к расстрелу. Николай не был приговорен к расстрелу только из-за того, что ему было в то время семнадцать лет, его приговорили к восьми годам исправительно-трудового лагеря. Братья Симеон и Димитрий были расстреляны 17 августа 1937 года.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Симон, единоверческий епископ Уфимский (память 5 августа по старому стилю)

Священномученик Симон, единоверческий епископ Уфимский (в миру Шлеев Симеон Иванович) родился в 1873 году в Симбирской губернии. По окончании Нижегородской Духовной Семинарии поступил вольнослуша- телем в Казанскую Духовную Академию, которую окончил в 1899 году со степенью кандидата богословия. 17 января 1900 года он был рукоположен во священника к единоверческой церкви Казани, а с 7 февраля 1905 года назначается священником Никольской единоверческой церкви Санкт-Петербурга. С 22 ноября 1907 года он - настоятель этого храма.

Протоиерей Симеон был хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном в Александро-Невской Лавре 16 июня 1918 года и назначен на новоучреждённую единоверческую кафедру епископом Охтенским. С 1920 года он - единоверческий епископ Уфимский, а в феврале 1921 года был назначен на кафедру в Уфу правящим епископом.

Владыка был убит при возвращении в свою резиденцию из кафедрального собора 5 (18) августа 1921 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Софроний (Несмеянов) (память 21 октября по старому стилю)

Есть люди мужественные и самостоятельные от рождения, которые одинаково ровно несут крест послушания воинского, крестьянского или священнического. Таким был донской казак Софроний Харитонович Несмеянов, чье воспитание, выучка и правила жизни выработались в православной семье в родном приходе села Хрущевка 2-го округа Донской области. Хоть родители и крестьяне, а из братьев крестьянствовать остался только Архип Харитонович да сестра Анастасия, рано потерявшая мужа; другой брат, Климентий Харитонович, стал священником.

Преподобномученик Софроний родился 11 марта 1870 года. Когда ему исполнился двадцать один год, он был призван на действительную службу армию. Начальство определило его в артиллерийскую бригаду, стоявшую в городе Бендеры, где ему приходилось исполнять обязанности плотника, по окончании военной службы в 1899 году Софроний Харитонович поступил плотником на машиностроительный завод Гартмана и проработал здесь девять лет. Ему было уже тридцать восемь лет, когда он сделал решительный выбор в своей жизни и, оставив мир, профессию, которая кормила и обеспечивала его, поступил послушником в Свято-Духовский монастырь в городе Царицыне, где принял монашеский постриг с оставлением того же имени. Вскоре он был назначен на должность эконома. В 1910 году епископ Алексий (Дородницын) взял его к себе келейником и рукоположил в сан иеродиакона. В 1915 году епископ Петровский, викарий Саратовской епархии Дионисий (Прозоровский), рукоположил его в сан иеромонаха к одному из храмов в Саратове. В 1917 году он прожил несколько месяцев в Хвалынском монастыре и затем был командирован в миссионерскую школу в село Подлесное к иеромонаху Антонию, где подвизался середины 1918 года.

Повсеместно шло разрушение Российского государства, началась гражданская война между белой армией и большевиками. Узнав о начале военных действий, о. Софроний счел невозможным для себя при таких событиях остаться в стороне: в январе 1919 года он ушел на юг России и поступил в добровольческую армию Деникина полковым священником, где прослужил до разгрома белого движения, но с белыми не эмигрировал, решил остаться на родине, чем бы ему это ни угрожало. В 1920 году он поступил на подворье Георгиевского Балаклавского монастыря в Екатеринодаре, где жил в те годы настоятель монастыря архимандрит Дамаскин (Цедрик), который вскоре был арестован и сослан, а само подворье в 1922 году было закрыто. Иеромонах Софроний стал служить в приходских храмах различных сел, а в 1924 году вернулся в Саратов и получил назначение в храм села Старая Яблонька. В 1925 году он был переведен в храм села Самодуровка, а вскоре в село Казаковку.

Несмотря на преследования и притеснения властями Православной Церкви, о. Софроний делал все для просвещения своих прихожан, заведя в своем приходе регулярные уроки Закона Божия; за это власти в 1926 году арестовали его и попытались отдать под суд, но из этого ничего не получилось, и дело кончилось тем, что священник вынужден был перейти в храм села Юрьевки.

В это время "архиепископом" Уральской епархии и Вольского викариатства был Михаил Постников, один из активнейших деятелей обновленческого раскола. В Саратовской епархии он не только устраивал беседы о правоте обновленческого движения, но и проводил диспуты, куда приглашал православных, стараясь добиться перехода в обновленчество как можно большего их числа, а в тех, кто не перейдет,

посеять смущение и, таким образом, отвести от активной борьбы с обновленческим расколом. Как выученик Демидовского лицея, имея степень кандидата права, он понимал, что лучше всего действовать с помощью фактов, которые подтверждались бы документами. И теперь на всех диспутах он дело подводил к тому, что Священный Синод обновленческой церкви - единственно признанный в качестве законного церковного возглавия Вселенским и Восточными Патриархами, между тем как так называемые староцерковники-тихоновцы этими Патриархами не признаны. В доказательство он показывал документ, подписанный представителем Вселенского Патриарха в России архимандритом Василием Димопуло. После этого он, обращаясь к православным священникам и мирянам, требовал, чтобы и они представили документы о признании их Восточными Патриархами.

Но какой документ могло представить в те годы православное духовенство сел и городов, не говоря уже о мирянах, для которых гражданскими властями была закрыта всякая возможность иметь сношение с православными церквами за рубежом. Среди православных росло смущение и смятение, а глава Вольских обновленцев, видя, что успех явно на его стороне и при некоторых усилиях можно лишить православных всех храмов, действовал решительно и энергично, не жалея времени и сил. Положение, таким образом, становилось критическим. И в конце концов верующие православных приходов подняли вопрос, что им необходимо заручиться документами заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и представителя Вселенского Патриарха архимандрита Василия о признании митрополита Сергия и его временного Синода Восточными Патриархами. Прихожане села Юрьевки постановили послать в Москву для выяснения всех вопросов своих представителей.

Впрочем, большой охоты ехать никто не проявил, и пришлось согласиться на поездку о. Софронию. От лица прихожан было составлено заявление на имя председателя ВЦИКа Калинина, чтобы тот разрешил обратиться с просьбой о выяснении данного вопроса к Восточным Патриархам.

Дело было глубоко церковное, насущное и в условиях гонения далеко не безопасное, и о. Софроний поехал к православному архиерею благословиться и посоветоваться. Он не поехал к епископу Вольскому, викарию Саратовской епархии Симеону (Михайлову), зная, что тот не защитит православных, а направился к правящему архиерею, архиепископу Саратов- скому Фаддею (Успенскому), зная его как великого православного подвижника, и попросил благословения на поездку к митрополиту Сергию. Святой архиепископ Фаддей с радостью благословил его в путь.

23 декабря 1927 года иеромонах Софроний благополучно прибыл в Москву и сразу же направился в патриархию, где его принял член временного Синода митрополит Серафим (Александров). Иеромонах Софроний изложил суть дела, спросив, есть ли у Патриаршего Синода связь со Вселенским и Восточными Патриархами и существует ли официальная грамота о признании ими временного Патриаршего Синода. Владыка ответил, что и связь есть, и соответствующие грамоты имеются.

- А нельзя ли с ними ознакомиться и снять с них копии? - спросил о. Софроний.

- На это нужно испросить благословение митрополита Сергия, - ответил владыка и пригласил зайти к митрополиту.

Иеромонах Софроний изложил митрополиту Сергию суть своей просьбы, рассказал, что им и его прихожанами составлено заявление на имя Калинина, чтобы было разрешено письменно снестись с Восточными Патриархами и получить от них официальные ответы, рассказал о той смуте, которую сеют обновленцы, и сколь тяжело приходится православным, когда они не имеют никаких документов в свою защиту.

Митрополит Сергий сказал, что Калинину заявление посылать не нужно, что связь у патриархии с Восточными Патриархами есть и грамота о признании Патриаршего Синода Восточными Патриархами также имеется. "Сами грамоты вам будут даны, чтобы вы с них сняли копии, - сказал Митрополит, - а как снимете копии, мы их вам официально

заверим". Выйдя от митрополита Сергия, о. Софроний пошел к управляющему делами Патриаршего Синода епископу Сергию (Гришину) и сказал, чтобы он дал ему прочитать и снять копии с соответствующих грамот Восточных Патриархов, на что имеется благословение заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Владыка Сергий не поверил, что иеромонаху далекой Саратовской епархии было дано разрешение на снятие копий, и пошел уточнить. И вскоре, вернувшись от заместителя Местоблюстителя, епископ Сергий с удивлением сказал, что, действительно, такое благословение есть, а затем выдал и сами грамоты, и перевод их на русский язык. Зная, что пишет медленно и переписка займет много времени, о. Софроний попросил переписать грамоты случившегося тут священника. В то время, когда о. Софроний ждал, пока перепишутся грамоты, в приемную вошел некий архимандрит, на которого кто-то из присутствующих указал о. Софронию как на архимандрита Василия, представителя Вселенского Патриарха. Между тем, он сказал, что явился к митрополиту Сергию с пакетами от Патриарха Константинопольского, и прошел в кабинет заместителя Местоблюстителя. Когда архимандрит Василий вышел, о. Софроний обратился к нему:

- Отец архимандрит, вы что же в два Синода ходите - к обновленцам и в Патриарший Синод - и устраиваете раскол?

- Нет! Нет! - энергично запротестовал архимандрит.

- Можете ли вы мне дать документ, - сказал о. Софроний, - в котором было бы сказано, что наш митрополит Сергий и его Патриарший Синод признаются Вселенским Патриархом?

В ответ о. Василий сказал, что даст соответствующий документ, и предложил о. Софронию зайти к нему в канцелярию и дал адрес.

Получив копии грамот Восточных Патриархов и заверив их у епископа Сергия, о. Софроний сразу же отправился по указанному адресу, где архимандрит Василий в тот же день вручил ему официальный документ. В этом документе он писал: "В ответ на Вашу просьбу сообщаю, что Заместитель Местоблюстителя Патриарха, Митрополит Нижегородский Сергий, и его Священный Синод имеют письменное и молитвенное общение с Великой Христовой Церковью Вселенской и всеми Восточными Вселенскими Патриархами. Вселенская Константинопольская Патриархия не может признавать и никогда не признавала женатый епископат и второбрачие духовенства, так как это противоречит правилам церковным, действующим во всей Православной Церкви".

Когда о. Софроний сидел в приемной митрополита Сергия, он слышал беседу духовенства о том, насколько вообще канонично обновленчество. Приехав домой, он составил на основании услышанных сведений некую памятку: "В 1924 году Святейший Патриарх Тихон совместно с собором епископов вынесли постановление об отлучении от Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви всех епископов и священников, уклонившихся в обновленчество... С того времени эти отлученные и лишенные благодати не могут совершать никаких таинств, а если и совершают, то допускают величайший грех кощунства, а действия их не принимаются и не признаются. Так, крещение младенцев, браки, отпевания покойников - все это недействительно, потому что совершается лицами, низведенными в степень мирян, простолюдинов. Если помрет кто в обновленчестве из ярых защитников обновления, то таковые совсем лишаются церковного погребения как враги Божии. По правилам святых апостолов семи Вселенских Соборов окончательное решение об обновленцах будет на Православном Соборе, а до этого за явных и сознательных раскольников-обновленцев нельзя даже приношение принимать на Божественной литургии".

Отец Софроний, имея копии Патриарших грамот и письмо архимандрита Василия, мог торжествовать - у обновленцев не оставалось никаких документальных фактов в подтверждение своей правоты; они являли себя самочинным и беззаконным сборищем. Приехав домой, он за первой же службой прочел грамоты Восточных Патриархов и справку архимандрита Василия. Впечатление было громадное, ощущение смуты и

неуверенности, которое всевали в души православных обновленцы, исчезло. "Ну, слава Богу, - вздохнули православные, - наша Церковь имеет связь со Вселенским Патриархом, и теперь обновленцы не будут нас поносить".

12 января 1928 года о. Софроний поехал в село Болтай к священнику Горнову. В этом селе обновленческий священник Георгий Алференко при поддержке советских властей захватил храм Покрова Божией Матери, но православные не отказались от службы и оборудовали для богослужения молитвенный дом, где и служил священник Горнов, которого о. Софроний хорошо знал. Прочитав привезенные документы, он снял с них копии для своих прихожан. В тот же день пригласили Георгия Алференко, чтобы и он ознакомился с документами. Священники надеялись, что вера в Спасителя, в вечную жизнь и несожженная совесть пересилят личную корысть, но этого не произошло. Как у многих сектантов и раскольников, чрезвычайная личная заинтересованность и узость взгляда, появившееся в результате раскольнической деятельности омертвение душевное, довели души многих обновленцев до такого состояния гордости и желания дальнейшего коснения в ней, что они согласны были стать открытыми безбожниками, только бы избежать искреннего покаяния.

Георгий Алференко ознакомился с документами, прочитал грамоты, в частности архимандрита Василия, и сказал:

- Если эти грамоты окажутся действительными, то ваше желание объединить расколовшихся верующих осуществится, что же касается нас, священников, то мы никогда не объединимся.

- А что же вы тогда будете делать? - спросил о. Софроний.

- Пойду тогда в дворники.

- То есть в безбожники пойдешь? - спросил о. Софроний.

- Почему же, и дворники могут быть божниками, - ответил обновленец, а затем стал просить о. Софрония, чтобы тот дал ему с собой документы, объясняя это тем, что ему хотелось бы снять с них копии. Отец Софроний не поверил в благость намерений обновленца и отказал. На этом они расстались. Православный священник стал читать копии документов в молитвенном доме, и некоторые верующие, ушедшие было к обновленцам, начали возвращаться в Православную Церковь. Забеспокоился и обновленец Георгий Алференко - хорошо и безопасно во время гонений быть слугой безбожных властей, но хорошо в том случае, когда удается обманывать паству. Чтобы как-то противодействовать переходу верующих от обновленцев к православным, Георгий Алференко решил принять свои меры и попросил православного священника Горнова снять копии с имеющихся у него документов. Получив копии грамот, он направил их через Вольское Епархиальное Управление в Священный Синод (обновленческий. - Я. Д.) как бы для проверки и очень скоро получил ответ, что грамоты Вселенского и Восточных Патриархов, которые имеются у иеромонаха Софрония, не подлинны, что Патриархи подтвердили свое общение с обновленцами новыми грамотами от 24-25 декабря 1927 года, о чем будет незамедлительно разослано сообщение по всем епархиальным управлениям, чего, конечно, сделано не было. Но самое действенное средство борьбы с Православной Церковью заключалось не в церковно-юридических спорах, а в прямом обращении к властям, чтобы те своими средствами расправились с православными.

Казанская церковь села Больших Озерков была захвачена обновленцами. Церковь эта находилась неподалеку от села Юрьевки, где в храме Рождества Богородицы служил о. Софроний. Опасаясь, что привезенные о. Софронием документы и активная проповедь его и его прихожан приведут к тому, что те немногие обновленцы, которые были в этом селе, перейдут к православным и храм придется отдать, церковный совет обновленцев 3 февраля 1928 года направил официальное заявление в Озерский волостной штаб милиции. Обновленцы, конечно, не стали писать ни о грамотах патриархов, ни о церковных разделениях. Власть можно было натравить на своих противников, представив их ее непримиримыми врагами. Они писали, что из соседнего села "рассыпаются агенты во все

концы нашего прихода, которые ходят по домам и агитируют, что вы, мол, пропали вместе со своим попом, так как он коммунист, стоящий за власть, и потому вы, мол, Царствия Божия не наследуете, и вот, мол, подпишитесь на нашу сторону за юрьевского монаха... и, кроме того, постоянно... бывают какие-то собрания, на которых только и умудряются во что бы то ни стало выгнать нашу сторону из церкви, а самим им вместе с юрьевским монахом завладеть ею; монах, в свою очередь, тоже проделывает то же самое. Ввиду этого просим штаб милиции принять со своей стороны... какие-либо меры... дабы между нами (обновленцами и православными. - И. Д.) не произошло чего-либо". Подписали жалобу руководители местных обновленцев - председатель прихода Синкин и секретарь Шишкин.

10 февраля ОГПУ допросило священни- ка-обновленца Георгия Алференко. Пожаловавшись на то, что православные священники читают грамоту представителя Вселенского Патриарха, из которой следует, что Константинопольский Патриарх признает Православную Церковь, а это, конечно, задевает и тревожит совесть верующего человека, Георгий Алференко показал: "Из неоднократных разговоров со священниками обновленцами села Калинина Большеозерской волости Муратовым Иваном Николаевичем и села Больших Озерков Романовым Григорием Павловичем выяснилось, что иеромонах Софроний ведет агитацию против обновленцев, называя их красными советскими попами и даже коммунистами. Все это могут подробно освятить священники-обновленцы Муратов и Романов".

На следующий день был допрошен обновленческий священник Григорий Романов, который сказал: "Иеромонах Софроний Несмеянов ведет агитацию среди населения Большеозерской волости. Неоднократно приезжал в село Большие Озерки для совершения погребений, на которые обычно собирается много народа, и вот он здесь начинает призывать прихожан-обновленцев, чтобы они бросили ходить молиться в Большеозерскую церковь, так как эта церковь стала поганая, в ней служит поп-коммунист, который поставлен властью и отстаивает интересы власти. Когда иеромонах Софроний привез из города Москвы грамоты Восточных Патриархов за подписью представителя последних, архимандрита Василия, то он говорил обновленческому приходу, что вот, верующие, вас ваш Священный Синод все время обманывал, потому что Восточные Патриархи ваш Синод никогда не признавали и с вами никаких дел не имели и не имеют, а они идут с нами и признают только нас, в доказательство чего читал эти грамоты им и предлагал им выгнать обновленца-попа".

В тот же день допросили председателя и секретаря обновленческого прихода, написавших жалобу в штаб милиции. Они подтвердили все написанное, после чего был выписан ордер на обыск и арест иеромонаха Софрония.

Через несколько дней, в праздник Сретения, состоялся допрос. Заполнив анкету, следователь спросил о. Софрония, каковы его политические убеждения и признает ли он советскую власть. Отец Софроний ответил:

- Признаю и приветствую ту власть, при которой я живу.

Когда следователь спросил, где о. Софроний находился во время гражданской войны, мужественный священник ответил:

- В 1919 и в 1920 годах добровольно служил в армии Деникина полковым священником.

Следователь спросил, был ли он судим при советской власти. Отец Софроний ответил:

- Был судим в 1926 году за преподавание Закона Божьего. И сейчас у меня описано все имущество за неуплату налогов.

На вопрос, зачем он поехал в Москву, о. Софроний ответил:

- В связи с тем, что при споре с обновленцами, кого признают Восточные Патриархи - нас, тихоновцев, или их, обновленцев, обновленцы указывали, что у них есть грамоты Вселенского Патриарха о признании их Синода и даже при их Синоде есть представитель

Вселенского Патриарха Василий Димопуло. Всему этому я плохо верил, а потому решил съездить в Москву.

Сразу же после ареста о. Софрония последовал новый донос обновленцев в ГПУ: "На днях приехал уполномоченный по делу юрьевского иеромонаха Софрония Несмеянова и арестовал его как политического преступника. Но, к сожалению всего населения, уполномоченный не коснулся других злостных контрреволюционеров. Ставлю на вид Государственному Политическому Управлению основателя этой контрреволюционной банды гражданина Якова Алексеевича Кадерова и его супругу, Анну Александровну, и его помощников. После ареста монаха эта банда тайком собирается и со своих собраний выносит на народ страшную смуту, что-де монах арестован не за преступление, а за правду Христову и что власть советская от антихриста, мучительница и гонительница... и простой народ относится к ним, как к благочестивым, доверчиво, и общественный мирный порядок нарушается... На основании вышеизложенного, во избежание могущих произойти кровавых вспышек, прошу Государственное Политическое Управление немедленно поступить с вышеозначенными политическими контрреволюционерами по всей строгости закона Советской республики".

Получив донос обновленцев, следователь ГПУ снова допросил о. Софрония. На вопросы следователя священник отвечал: "В январе 1925 года я по приглашению прихожан из села Крутец Озерской волости ездил туда служить всенощную, и по окончании службы у меня молящиеся стали просить прочитать привезенные мной из Москвы документы, но мне в это время нездоровилось, и я сказал, что если они хотят читать, то пусть читают сами, что они и сделали, и в присутствии человек восемнадцати была прочитана справка Димопуло. Также привезенные документы давал читать и списывать с них копии гражданину села Озерки Кадерову Якову Алексеевичу и юродивой старой деве Ксении. Для чего Кадеров и Ксения снимали копии, я сказать не могу, но думаю, что для прочтения другим верующим. После Крещения я приезжал в город Вольск к епископу Симеону (Михайлову). Когда я епископу Симеону рассказал о привезенных мною грамотах и сказал, что я их читаю и даю снимать копии, то епископ Симеон мне строго приказал никому больше не давать снимать копий, а если кто ко мне придет в квартиру и попросит почитать, то я могу эти документы дать почитать. После этого я снимать копии с этих документов никому не давал, но читать давал при таких обстоятельствах. В одно из воскресений, после моего разговора с епископом Симеоном, ко мне приехали обновленческий священник из села Столыпино Муратов, председатель церковного совета, секретарь этого же совета и еще человека четыре из прихожан. Здесь мы прочитали грамоты и стали обсуждать. Сторонники обновленцев говорили, что эти документы подложные, а староцерковники, наоборот, заявляли, что документы настоящие. После разговоров и обсуждений столыпинский священник просил меня дать ему копии с этих документов, но я сказал, что епископ Симеон мне это делать запретил, и не дал".

После ареста о. Софрония и заключения его в тюрьму города Вольска верующие храма Рождества Богородицы, где служил о. Софроний, направили делегацию в Вольск с письменным ходатайством об освобождении священника, под которым подписались все православные жители, около двухсот человек. В своем прошении они писали: "11 февраля 1928 года по распоряжению вашему (ГПУ) был арестован наш приходской священник иеромонах Софроний Несмеянов, который находится теперь в исправдоме города Вольска. Настоящим свидетельствуем, что иеромонах Софроний за время своего служения у нас в храме и приходе, не говорил речей против советской власти и ее представителей. В своих речах он всегда призывал помогать бедным людям. Сам он всегда в том показывал пример, разделял свой доход беднякам. Всегда он был прост в своем обращении с прихожанами, старыми и малыми. Зная о нем как о болезненном человеке, мы боимся за его здоровье. И тем более, он нам нужен теперь, идет Великий

пост. Смело ручаемся, что иеромонах Софроний всегда придет к ответу перед ГПУ. А посему просим выпустить его для служения нам".

Кроме того, представители православной общины крестьянки Вера Кучкина и Матрена Кулакова подали отдельное заявление. В нем они писали в ГПУ Вольского уезда: "Мы, община, в настоящее время хозяева, а священник у общины работник. Ввиду этого мы, уполномоченные православной христианской общины, просим освободить нашего священника Софрония Несмеянова, в котором вся община имеет крайнюю нужду. А поэтому нас уполномочили просить Вас отпустить до суда на поруки всей юрьевской общины нашего священника Софрония Несмеянова. И мы без результата не поедем, пока Вы не отпустите, и если не отпустите, то мы будем просить телеграммой председателя ЦИКа Михаила Ивановича Калинина о распоряжении Вольскому ГПУ об удовлетворении нужды народной: отпустить священника Несмеянова до суда на поруки юрьевской общины".

Напуганный прошениями и настойчивостью верующих, сотрудник в тот же день отправил о. Софрония этапом из Вольска в Саратовский изолятор специального назначения, но документов на содержание в тюрьме ГПУ не прислал, и начальник тюрьмы направил в Саратовское ГПУ запрос с просьбой: "Выслать постановление на содержание под стражей".

13 апреля уполномоченный Саратовского ГПУ подписал постановление: "Принимая во внимание совершенные им преступления... избрать Несмеянову Софронию Харитоновичу... содержание под стражей в Саратовском губернском изоляторе по 2-й категории..."

Отец Софроний виновным себя не признал и, находясь в тюрьме, 19 апреля написал в ГПУ заявление, которое передал через старшего надзирателя по корпусу. В нем священник писал: "Отобранные у меня во время обыска агентом ГПУ города Вольска документы, - все духовного и церковного характера и направления, защищающие церковные законы и апостольские и соборные правила. В числе этих документов есть документ, выданный греческим представителем, архимандритом Василием Димопуло, который проживает в Москве. Этот документ Димопуло был выдан нам в подтверждение... того, что наша Церковь патриаршего управления признается Вселенским Патриархатом. Такой документ нам необходим был, потому что представитель обновленческой церкви епископ Михаил Постников, проезжая по коллективам с обзором, на диспутах предъявлял документ, выданный греческим представителем Димопуло, о том, что их обновленческий Священный Синод признан Вселенским Патриархатом, заявляя молящимся, что староцерковники патриаршего течения Вселенским Патриархом не признаются, и громко вызывал, чтобы мы предъявили документ о том, что мы признаны Вселенским Патриархом. После этого я поехал по поручению общин в Москву к заместителю Местоблюстителя Митрополиту Сергию, где в Синоде первый раз случайно встретился с Димопуло, который при свидетелях обещал мне выдать упомянутый выше документ и предложил мне зайти к нему на квартиру в тот же день вечером, где и выдал мне его. В процессе следствия мне стало известно, что Димопуло от выдачи нам, староцерковникам, такого документа отказался, высказался за то, что этот документ поддельный, вот это-то и служит материалом обвинения меня. Проверить факт подлинности документа можно путем сличения подписи Димопуло и печати. Если факт отречения Димопуло от выдачи этого документа подтвердится и если подлинность этого документа станет несомненной, то авторитет архимандрита Димопуло в глазах не только всех священнослужителей, но и всех верующих теряет доверие. Наша надежда на архимандрита Димопуло была всегда такова, что он на случай обращения к нему нас, староцерковников, и их, обновленцев, будет правым и беспристрастным судьей... Теперь же, как это ни удивительно, но приходится верить тому, что преимущество на стороне обновленцев, так как священники-обновленцы села Болтая, Калинина и Озерок Вольского уезда, посмотрев у меня документ Димопуло, возмутились и заявили, что меня за этот

документ арестуют и его у меня отберут. Так это и произошло. С 11 февраля я отбываю заключение и нахожусь под следствием, новых материалов следствия не обнаружено, да их и нет. Поэтому прошу Вас освободить меня под расписку или отпустить на поруки нашей общины села Юрьевки..."

20 апреля уполномоченный Саратовского ГПУ составил по "делу" о. Софрония обвинительное заключение: "...являясь священником церкви села Юрьевки, Несмеянов занимался пропагандой и агитацией среди верующих, направленной к возбуждению религиозной вражды, являясь ярым защитником Сергиевской ориентации и непримиримым врагом советской власти... Разъезжая по селам и группируя вокруг себя кулацкий антисоветский элемент и ведя агитацию, направленную к возбуждению религиозной вражды и суеверия среди верующих, он явно подрывал авторитет и политику советской власти в отношении отделения Церкви от государства. Но принимая во внимание, что в деле нет достаточного материала для предания гласному суду на основании приказа ОГПУ No 172 от 2/IV-27 года и положения об органах ОГПУ, п. 7, полагал бы настоящее дело передать через 6-е отделение СО ОГПУ в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для рассмотрения его во внесудебном порядке и применения к Несмеянову административной высылки из пределов Саратовской губернии".

Дело было отправлено в Москву на рассмотрение представителя 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ, который составил свое заключение: "Дело возникло в Саратовском ОГПУ на основании поступивших сведений о том, что гражданин Несмеянов Софроний Харитонович (священник), 56 лет, ведет антисоветскую деятельность... Произведенным следствием инкриминируемое Несмеянову обвинение не установлено". 17 августа 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить священника из-под стражи, "зачтя в наказание срок предварительного заключения".

После освобождения о. Софроний стал служить в храме села Улыбовки Саратовской области. Поднялась новая волна гонений. Советская власть вновь лишала крестьян земли, предоставив им единственную возможность труда на земле - быть рабочими в коллективном хозяйстве. Не коллективного хозяйства боялись крестьяне, деды которых еще не забыли, что и при царе было общинное землевладение. Но то было страшно, что теперь колхозное хозяйство устраивалось людьми неверующими и зачастую ненавидевшими Бога. От этого веяло уже не крестьянским миром, а сатанинским обществом. Для устроителей колхозов и советской сельской власти самым страшным противником виделся сельский священник, к которому крестьяне шли разрешать все свои вопросы и думы. И на священников посыпались доносы, чаще всего вымышленные, но враги церкви в селе понимали, что сейчас пришло их время, и ложные доносы и клевета будут приняты властями за подлинные. Да и уполномоченные ОГПУ подбивали к писанию таких лжесвидетельств. Составлялись они и на о. Софрония, и 29 декабря 1930 года при выезде из села он был арестован. Его обвинили в том, что он будто бы "вел антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий советской власти и партии, проводимых на селе; группируя женщин, подготавливал массу против хлебозаготовок, займов и разлагал работу колхоза".

На допросе 17 января 1931 года о. Софроний категорично сказал: "С антисоветской агитацией против мероприятий партии и властей нигде не выступал. Женщин и мужчин не группировал. Против хлебозаготовок, коллективизации, займа среди крестьян не говорил. К свержению советской власти массу не подготавливал и коммунистам и активу угроз не делал"

2 февраля был допрошен председатель сельсовета Улыбовки, накануне давший справку, в которой писал, что о. Софроний "проявил себя как антисоветский человек, вел разговоры против займа и агитировал против колхозного строительства". Теперь на допросе он показывал: "Священник Несмеянов Софроний Харитонович в селе Улыбовке проживал только около двух недель. Откуда он появился - я не знаю, но за время пребывания в селе сумел зарекомендовать себя как антисоветский тип. Среди крестьян по

вопросу о весенней посевной кампании говорил: "Вот сейчас заставляют мужика готовиться к севу, а спрашивается, для кого сеять? Для того, чтобы власть опять выгребла у мужиков весь хлеб. Они готовятся к войне, поэтому и жмут мужика, чтобы запастись хлебом". Когда я его вызвал в сельсовет и предложил приобрести облигации займа, он заявил: "Заем я брать не буду, меня и так ободрали на старом месте, где я раньше служил, и теперь вы навязываете облигации. Я вам не мужик, это он боится и поэтому безропотно выполняет ваши распоряжения. Вам мало обирать мужика, так вы и до духовенства добираетесь". И от займа категорически отказался".

В тот же день один из ставленников сельсовета показал, будто о. Софроний "во время своего пребывания в селе Улыбовке вел антисоветскую деятельность, стараясь в глазах верующих завоевать авторитет; одновременно пытался срывать хозяйственно-политические кампании в селе. Среди крестьян говорил: "Лошадей всех замучили, корма нет, власть старается вывезти весь хлеб из района, а мужик отдувайся. Хлеб вывезут, и крестьяне останутся без хлеба. С такими порядками далеко не уедут, надо молиться Богу, чтобы Господь не допустил голода, как в 1921 году"".

4 февраля следователь допросил еще одного "дежурного свидетеля", который показал, что о. Софроний "18 декабря 1930 года говорил: "Советская власть хлебозаготовкой разорит все крестьянское хозяйство и загонит мужика в кабалу... его грабят хлебозаготовкой, тыкают ему заем, как нож острый в горло, и гонят насильно в колхоз в новую кабалу, как в огненное пекло сатаны. Мужик при советской власти забит, обезличен, ему не дают рта разинуть деревенские коммунисты, это насилие может разрядиться только самими мужиками - они погибнут при этой власти, если не свергнут ее. Мужики собрали урожай, а у них весь хлеб отобрали, хлеб вывозят в города и за границу, а крестьяне остаются голодными, и в итоге их бесплатно выгоняют на вывоз хлеба в Вольск, лошади дохнут, а советская власть видит мучения крестьян, но молчит, ибо к тому ведут, чтобы окончательно задушить их"".

Отец Софроний категорично отверг все выдвинутые против него обвинения. 14 февраля Тройка ОГПУ приговорила его к ссылке Северный край на три года.

В 1933 году иеромонах Софроний вернулся из ссылки в город Вольск и устроился работать сторожем в Святотроицком храме; но не сторожем хотелось ему быть, и в 1935 году он уехал в Тверь, к святому архиепископу Фаддею, просить места священника. Владыка направил его служить в храм села Рождественского Кашинского района.

Через год иеромонах Софроний был переведен в село Ульянова Гора, а в феврале 1937 года - в храм села Лозьева Бежецкого района. Священнику было тогда шестьдесят шесть лет, и не поднимись в это время новая волна беспощадных гонений, прослужил бы он в храме до самой кончины, начались гонения, - на одних они наводили ужас, а для верующих они явились лестницей, которой они нетрудно шли к Господу в Царство Небесное.

1 сентября 1937 года сотрудник Бежецкого районного отдела НКВД Черепанов вызвал на допрос из села Глазьева пропагандиста райкома ВКП (б) Елина, и тот показал: "Мне известно, что Несмеянов Софроний Харитонович с 1936 года работает в качестве священника и занимается советской агитацией, направленной против социалистического строительства, например, в июле 1937 года колхозница Серова Анна Ильинична, у которой муж занимался пьянством, пошла к священнику Несмеянову с целью отвлечь своего мужа от пьянства. По приходу Серовой к священнику последний предложил ее мужу самому явиться к нему. Через некоторое время на квартиру к священнику прибыл Серов, у них завязался разговор разные темы. Серов выслушал священника, пообещал вечером зайти и удалился. В этот же день Серов о случившемся сообщил мне. Я ему идти не посоветовал и сообщил об этом в районный отдел НКВД. Из разговора Серовва видно, что Несмеянов приглашал его к себе не случайно, а чтобы втянуть его в свою антисоветскую организацию и заниматься контрреволюционной деятельностью".

На следующий день сотрудник НКВД вызвал для допроса Александру Мельникову - хозяйку дома, где первое время по приезде жил о. Софроний, члена церковного совета и псаломщицу. Она показала:

- Лично мне священник говорил, что колхозы являются основной причиной низкой посещаемости церкви. Если бы не было колхоза, каждый крестьянин имел бы полную свободу и являлся бы активным посетителем церкви. Колхозы есть организация противобожественная, которая отучает от Церкви, зачастую колхозник изъявляет желание идти в церковь, а его наряжают на работу.

- Что вы можете сказать о разговорах Несмеянова о сталинской конституции? - спросил следователь.

- Священник Несмеянов имеет текст сталинской конституции, и мне известно, что он ее много раз читал, а о прочитанном мне говорил: "Конституция предоставила право каждому живущему в Советском Союзе свободно посещать церковные службы... Согласно конституции притеснять нас никто не имеет права, в Ленинграде посещаемость церкви возросла, ходят и молятся жены коммунистов, а коммунисты в этом их поощряют. Крестьяне, проживающие в Лозьеве, в самое ближайшее время тоже будут посещать церковь более активно".

- Что вам известно о призыве Несмеянова к террористическому акту на председателя сельсовета Дементьева?

- В августе 1937 года был молебен, и в это время председатель сельсовета с двумя плотниками зашли в церковную ограду, о чем стало известно всем молящимся. Не знаю, что сказал Несмеянов, но знаю, что из церкви все выбежали, окружили председателя и стали кричать, что церковь разорять не дадим, просим немедленно отсюда удалиться. Дабы избежать недоразумений, председатель говорил окружающим, что он церковь трогать не думает, а пришел посмотреть тес, и после этих разговоров все молящиеся снова зашли в церковь и стали молиться. Несмеянов по поводу прихода председателя сельсовета в церковь выразил недовольство тем, что церковь притесняют, служить невозможно, и так далее. Его обращением прихожане церкви были взволнованы и в свою очередь договорились не давать сельсовету обирать церковь.

- Несмеянов, будучи вашим квартирантом, часто принимал посетителей и вел с ними беседы? Скажите содержание бесед и фамилии его постоянных посетителей.

- Несмеянов по приезде в Лозьево никого не знал и посетителей у него никаких не было.

На следующий день был вызван на допрос свидетель Иван Серов. Следователь спросил его:

- Что вы можете сказать по делу контрреволюционной деятельности Несмеянова Софрония Харитоновича?

- Мне известно, что Софроний Харитонович Несмеянов с 1936 года работает в селе Лозьеве в качестве священника. Занимается контрреволюционной агитацией... дабы противостоять советской власти. Например, в начале августа 1937 года я получил деньги за ремонт школы и немного выпил, о чем узнала жена. Назавтра же жена пошла к священнику Несмеянову и сказала, что я пью и он должен меня отучить. Священник согласился и послал за мной девочку. Когда я пришел к нему в каморку, он меня посадил и начал говорить, что я хороший мужик, но мало молюсь Богу, и на вечер он меня пригласил, чтобы я был у него обязательно, ибо сегодня вечером, сказал он, у меня соберутся некоторые, и мы помолимся. Я вечером к нему не пошел, но знаю, что у него было сборище. Назавтра же священник приходит ко мне и начинает меня упрекать, что я не пришел, предложил мне записаться в его организацию с целью отвыкнуть от вина. В это время жена задала ему вопрос: "Вас, батюшка, кажется, забирали?" Он ответил: "Сейчас новая конституция, молиться Богу может всякий, меня забирать не имеют права, в Ленинграде у коммунистов жены все ходят в церковь, и коммунисты сами их спроваживают и даже дают им денег. Только здесь люди обасурманились и не ходят в

церковь, скоро все равно будут ходить". После этих разговоров он ушел домой и еще несколько раз присылал за мной, чтобы я явился к нему. В августе 1937 года ко мне пришла на квартиру теща и говорит, что батюшка очень хорошо читает проповеди, говорит, что люди обасурманились, привыкают к нехорошей жизни, а в конце проповеди сказал, что люди все покаются. Из разговоров моей жены и тещи видно, что священник в своих проповедях протаскивает контрреволюцию, группирует около себя верующих и настраивает их против советской власти. 25 августа 1937 года председатель сельсовета Дементьев пришел ко мне, и мы вместе пошли в церковь смотреть тес. Еще до нашего прихода староста церкви сообщила священнику, что мы идем, а в это время был молебен. Священник обратился к молящимся с призывом защитить его и церковь от грабежа, а по существу призвал всех присутствующих на молебне к террористическому акту на Дементьева. После произнесенной речи священника все присутствующие выбежали на улицу, окружили Дементьева, давай махать кулаками и кричать, что не дадим грабителям грабить церковь, вы и так всех ограбили. Я и Тарасов убежали, а Дементьев остался в кругу. Но, как видно, из боязни, что за покушение привлекут к ответственности, террористический акт не состоялся... Священника, как проповедника антисоветской агитации и врага трудящихся, нужно убрать.

На следующий день следователь допросил председателя сельсовета Дементьева. Он показал:

- 25 августа 1937 года я как председатель сельсовета взял с собой колхозников Серова, Тарасова и Машкова и мы пошли посмотреть тес, принадлежащий сельсовету, хранящийся в церковной ограде. В церкви в это происходил молебен. Воспользовавшись этим случаем, священник обратился к молящимся, что церковь грабят, не дают покоя, все молящиеся должны заступиться, и призвал всех присутствующих в церкви произвести надо мною террористический акт. После его призыва все молящиеся выбежали из церкви и кинулись на нас. Серов, Тарасов и Машков, испугавшись толпы, убежали, а я остался один. Молящиеся меня окружили, стали махать кулаками над моей головой и кричали: "Грабители, ограбили нас, мы вам покажем, как нас грабить!" - и ряд других контрреволюционных выкриков. Долго меня не отпускали, угрожали мне, но, видимо, из боязни ответственности за убийство, - террористический акт не состоялся. После того как я ушел, молящиеся зашли в церковь, священник начал читать и говорить всем: "Мы живем последние годы, год от года становится все хуже и хуже, народился антихрист, все реки будут залиты кровью..." От его проповеди все присутствующие заплакали. Об этом факте мне сообщила старуха Минеева.

Спустя две недели, 22 сентября, НКВД арестовал священника, и сразу начались допросы. С завидным мужеством, выдержкой, терпением и всепереносящим христианским смирением держался о. Софроний.

Следователь спрашивал:

- Следствию известно о том, что в начале 1937 года в беседе с колхозником Иваном Серовым и его женой вы истолковывали сталинскую конституцию в антисоветском духе. Что вы можете показать по существу вопроса?

Священник отвечал:

- В мае или июне 1937 года у меня действительно в хате колхозника Серова в присутствии его и его жены происходила беседа о сталинской конституции. В беседе я указал, что конституция очень хороша, особо отметил значение 124-й статьи конституции, где говорится о свободе вероисповедания. Здесь же я сказал, что я читал книгу Ленина, где он пишет, что, хотя муж коммунист, а жена верующая, он как муж не имеет права запрещать жене молиться и ходить в церковь. Других разговоров я о конституции не вел.

- Следствием установлено, что вы 25 августа 1937 года в момент, когда председатель сельсовета Дементьев с понятыми пришел к церкви для осмотра досок, призвали верующих к оказанию сопротивления, чуть не вылившегося в форму теракта над председателем сельсовета Дементьевым и понятыми. Вы подтверждаете это?

- Нет, я отрицаю свое участие в возбуждении толпы верующих. Я был в церкви, занимался богослужением, и верующие сами, по своей инициативе, окружили председателя Дементьева и требовали, чтобы сельсовет не забирал у церкви досок, так как они нужны нам.

- Следствию известно, что вы настойчиво вовлекали гражданина Серова Ивана в организованное вами общество непьющих. Скажите, что это за общество, его цели, задачи и состав.

- Общества непьющих я не организовывал, и о существовании такового мне неизвестно. Зная гражданина Серова Ивана как склонного к пьянству, я два раза беседовал с ним по этому поводу, советуя ему бросить пить. Один раз он у меня был на квартире, где я советовал ему бросить пить.

- Следствием установлено, что вы занимались чтением в церкви антисоветских проповедей. Расскажите, что вас побудило к этому?

- Проповеди я читаю в церкви, однако все они религиозного содержания. Антисоветских проповедей я никогда не читал.

После допросов священника следователь допросил члена церковного совета Федора Стрижева. Тот показал, что о. Софроний будто бы говорил: "Сейчас все обасурманились, в кооперации нечего взять, все почти голодные, а советская власть угощает крестьян вином, чтобы залить горе народное, а все остальное отправляет за границу". По поводу сталинской конституции говорил: "Исходя из содержания конституции, нас забрать не имеют права, статья 124-я говорит о свободе... а на самом деле притесняли и будут притеснять. Эта конституция обеспечивает свободу и право одним коммунистам, а не крестьянам". В августе месяце в беседе с певчим до начала службы Несмеянов говорил: "Без всяких причин советская власть меня в 1930 году арестовала и выслала на три года. После отбытия срока высылки я, в силу притеснения, поработал на пятнадцати местах, разве это жизнь, когда сочиняют, приписывают, гоняют честных людей строить разные каналы". По поводу "займа укрепления обороны страны" говорил: "Все газеты пишут, что в советской стране жизнь становится зажиточной, а на самом деле, чем дольше живем, тем больше беднеем, и всё потому, что отбирают последние копейки у мирного жителя, и на заем, который выпустила советская власть, крестьяне должны будут под силой нажима отдать последние гроши, на словах живем зажиточно, а на деле голодаем".

Через несколько дней следователь вызвал жену Ивана Серова, Анну. Она на вопросы следователя ответила так:

- В июне месяце 1937 года Несмеянов в своей проповеди излагал антисоветские взгляды: "Жизнь стала тяжелой, наступили, как видно, последние времена, нужно переносить все тяжести и кары, не нарушать сказание Бога". Священник Несмеянов часто заходил в мою квартиру, где велись частные разговоры, и в июне месяце 1937 года говорил: "Живем бедно, в кооперативах ничего нет, кроме вина, как видно, вином думают успокоить горе народное. В ряде стран идет война, беспощадно бьют коммунистов, скоро, видимо, доберутся и до Советского Союза". В августе месяце, будучи у нас на квартире, пришел по делу - попросить меня посолить ему огурцы, мой муж в это время починял хомут, разговор зашел о вине, и Несмеянов говорил: "Ходи чаще в церковь, дай обещание, что пить не будешь, заходи ко мне на квартиру, и мы с тобой побеседуем, опасаться церкви сейчас не нужно, вышла новая конституция, где разрешается каждому свободно веровать и посещать церковь". В июле месяце в личной беседе со мной высказывал ряд обид на советскую власть, что его "притесняют, жить невозможно, колхозники ходят рваные, забитые, в церковь их не пускают, а поэтому малые доходы в церкви, советская власть не беспокоится о колхознике, а только обирает его - то заем, то налог, а что имеется, так последнее отправляют за границу. Советская власть построена на насилии, колхозы есть противобожественная организация, и вступать в них не нужно".

Вновь следователи приступили к допросу священника. С каждым новым допросом для о. Софрония становилось все очевиднее, что следствие есть дерзкий оговор, что все от начала и до конца построено на лжи.

2 октября следователь во время допроса спросил:

- Скажите, Несмеянов, сколько раз у вас на квартире устраивались пьянки, кто присутствовал и какие разговоры происходили?

- В мае месяце 1937 года на Пасху после утренней службы я пригласил певчих клироса к себе на квартиру с целью поздравить с праздником Пасхи. Пришли: Стрижев (председатель церковного совета), Мельникова Александра Алексеевна и еще две женщины, фамилии которых не знаю. Зайдя в квартиру, мы пропели "Христос Воскресе". Происходил разговор на тему о составе хора при церкви, и на закуску мною была приготовлена мелкая рыбешка; я сказал, что в кооперативе крупной рыбы нет, а поэтому ограничился этой - "чем богат, тем и рад", а разговоров о том, что в кооперативе одно вино, которым снабжают нашу кооперацию, и больше взять там нечего, я не вел. После того, когда кончили петь "Христос Воскресе", я сделал замечание, что в старые времена пели концерт, а сейчас только "Христос Воскресе".

- Скажите, сколько раз вы были на квартире у председателя церковного совета Стрижева и о чем с ним разговаривали.

- У Стрижева я был два раза, ибо стеснялся к ним ходить, так как у него сын является учителем, и разговоров с последним у меня быть никаких не может. Стрижеву я рассказывал, что меня в 1930 году арестовали и сослали на три года, причем сказал, что сослали меня неправильно, злые люди наговорили, что я якобы вел антисоветскую агитацию против займа, а на самом деле сослали меня потому, что советская власть наметила пятилетний план строительства и хотела избавиться от всех священнослужителей и монахов, и в это число я попал.

- В разговоре с певчей клироса Мельниковой вы, Несмеянов, выражали клевету на колхозы, говорили, что эта организация противобожественная, вступать в нее не надо, она отучает людей от церкви. Признаете ли вы себя виновным в распространении контрреволюционных суждений по адресу колхозов?

- У Мельниковой я жил на квартире, часто просил ее купить мне хлеба, но в кооперации мне давать хлеб отказывались; я говорил, что отказывать мне не имеют права, я поставлен народом и кормить меня обязаны. В присутствии Серова и Мельниковой я говорил, что конституция разрешает свободу отправления религиозных культов, статья 124-я. А разговоров антисоветского порядка о колхозах не вел и виновным себя не признаю.

- Следствие располагает сведениями, что вы, Несмеянов, председателю церковного совета Стрижеву по поводу сталинской конституции выражали контрреволюционные взгляды, что "конституция обеспечивает свободу только коммунистам, власть держится при помощи голого насилия, скоро произойдет переворот государственной власти". Признаете ли вы себя виновным в этом?

Выслушав, в чем его обвиняют, священник замолчал, ничего не стал говорить. Можно только представить, какие средства давления предпринимал сотрудник Бежецкого НКВД, чтобы заставить священника оговорить себя. Но Царство Божие, заповеди Господни, страх погрешить перед Богом были ощутимее всех физических мук. Помня, как вел Себя Спаситель на допросе у Пилата, верный служитель Христов, престарелый иеромонах молчал и лишь молился. Скоротечны минуты земной жизни, а вечность - бесконечна. Пусть хоть кожу сдирают, изломают всего, но лжесвидетельствовать он не будет. Все равно стоит одной ногою в могиле.

После отказа священника отвечать следователь Черепанов вызвал бригаду мучителей. Пришли политрук Терещенко, политрук Будяк и помощник оперуполно- моченного сержант госбезопасности комендант районного отделения НКВД Леонов. Но и тогда о. Софроний молчал. Пыточное следствие было мучительным, но не страшным. И никаким

образом нельзя было заставить священника себя оговорить. В конце концов следователи составили протокол, в котором писали, что священник на поставленные вопросы отвечать отказался, виновным себя не признал, от подписи по неизвестным причинам отказался.

Физическое состояние о. Софрония было таково, что допрашивать его дальше не было возможности, и следователь составил обвинительное заключение, в котором повторил все лжесвидетельства, прибавив, что священник виновным себя не признал, но уличается показаниями свидетелей - Стрижева, Серова, Дементьева, Елина, Мельниковой и Серовой. Неудовлетворенный, однако, таким поворотом дела, следователь через день снова приступил к допросу священника.

- Следствию известно, что вы распространяли клеветнические слухи скором падении советской власти и реставрации капитализма в стране Советов. Следствие требует от вас искренних признаний.

- Распространения клеветнических слухов о падении советской власти не вел и виновным в этом себя не признаю, - ответил священник. Причем на этот раз о. Софроний сам читал записанные следователем вопросы и ответы и подписывался под каждым ответом.

- Следствием установлено, что вы проводили контрреволюционную агитацию, направленную на срыв мероприятий, проводимых на селе коммунистической партией и советской властью. Требую от вас искренних признаний по существу дела.

- На поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.

- Следствием установлено, что вы на протяжении ряда лет занимались контрреволюционной деятельностью, направленной на срыв проводимых партией и советской властью мероприятий, распространяли провокационные слухи о войне, о поражении в ней Советского Союза и реставрации капитализма в стране Советов. Признаете ли вы себя виновным в этом?

- На поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.

- Вашим ответом следствие не удовлетворено, требую вашей откровенности и искренней признательности по существу дела.

- Повторяю, что на поставленный вопрос отвечать отказываюсь и виновным себя не признаю.

Подписываясь под последним своим ответом, о. Софроний, несмотря на неудовольствие следователя, написал: "С ответами согласен, а с задаваемыми вопросами не согласен".

Снова следователь позвал бригаду мучителей, снова задавались одни и те же вопросы, и снова - то твердые ответы, то молчание мужественного священника.

- Следствием установлено, что вы в августе месяце 1937 года в беседе с участниками церковного хора высказывали контрреволю- ционные взгляды, что "советская власть построена на лжи и насилии, правды нигде не найдешь, этой жизни скоро придет конец, в ряде стран идет война, скоро доберутся до Советского Союза и свергнут его". Требую вашего объяснения по существу дела. Признаете ли вы себя виновным в этом?

- Обвинения, приписываемые мне в данном вопросе, категорически отрицаю и виновным себя не признаю.

- В беседе с председателем церковного совета по поводу выпущенного советской властью "займа укрепления обороны страны" вы, обвиняемый Несмеянов, высказывали клевету и антисоветские взгляды, говорили, что "советская власть на словах ведет к зажиточной жизни, а на деле скоро будем помирать голодной смертью; с целью отобрать последние гроши у крестьян выпустили заем, и подписка на последний проводится под силой нажима". Признаете ли вы себя виновным в этом?

- Беседы с председателем церковного совета по поводу займа у меня не было, и таких разговоров я нигде не вел. Виновным в этом себя не признаю. - Следствием установлено, что вы, после неудачного террористического акта на председателя сельсовета Дементьева, в церкви произнесли контрреволюционную речь: "Настали последние времена, скоро вся

земля будет охвачена огненным пламенем, все муки и кары нужно переносить - так угодно Богу, но законам советской власти не подчиняться". Признаете ли вы себя виновным в этом?

- Во время молебна молящиеся выходили на улицу, и там был какой-то шум, после возвращения в церковь я зазвал Стрижева в алтарь и спросил его: "Что это за шум?" Он сказал, что председатель сельсовета приходил за досками, и народ его просил, чтобы он не трогал, после этого все успокоились, и продолжалась служба, речей антисоветского содержания я не произносил. Виновным себя не признаю.

Не доверяя ни в чем лживому, жестокому следствию, о. Софроний в конце протокола своей рукой написал: "От подписи протокола отказываюсь".

1 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила иеромонаха Софрония к расстрелу. Он был расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Стефан (Кусков) (память 4 сентября по старому стилю)

Преподобномученик Стефан (в миру Степан Иванович Кусков) родился 10 декабря 1870 года в городе Вышнем Волочке Тверской губернии в семье владельца токарной мастерской. Окончив школу, Степан поступил в монастырь, где нёс послушание певчего. В 1898 году он принял иноческий постриг.

Гражданская смута, начавшаяся после революции 1917 года, застала Степана в городе Петропавловске. Отрезанный от Тверской епархии линией фронта, он устроился в храме псаломщиком. Город захватывали то красные, то белые; некоторые священники уходили с отступавшими частями белых, другие принимали мученическую кончину от рук большевиков; священников стало не хватать, и монах Стефан был рукоположен в сан иеромонаха. После ухода белых из Петропавловска он перебрался сначала на Кубань, а затем вернулся на родину, в Тверскую епархию, где был направлен служить в храм села Никольского Белоомутовского района.

С течением времени власти все усиливали преследования верующих и духовенства. В 1934 году после Пасхи о. Стефан по обыкновению ходил по домам верующих крестьян с молебнами. До этого власти не возражали, но на этот раз сельсовет пригрозил священнику: если он будет ходить по домам, они арестуют его.

В 1936 году советская власть начала новое гонение, направленное сугубо против Православной Церкви. Многие архиереи и духовенство были лишены регистрации, и тем самым им было запрещено служить в храмах под угрозой немедленного ареста. Потерял место в храме и о. Стефан.

Он был арестован одним из первых после того, как государство приняло решение об истреблении православных священников. На следующий день после его ареста, 7 августа 1937 года, следователь допросил хозяйку дома, у которой о. Стефан снимал комнату. Она сказала, что слышала от священника, как он жаловался на современную жизнь, говоря, что власти вздеваются над народом, заставляя его работать день и ночь, хуже чем на барщине.

Вторым и последним в качестве свидетеля был допрошен председатель сельсовета, на территории которого располагался храм, где служил о. Стефан. Тот показал, что о. Стефан ходил по домам в религиозные праздники, хотя ему это делать было запрещено; неизвестно, что он говорил, посещая крестьян, но можно предположить, что он вёл среди них антисоветскую агитацию, так как политические кампании в деревне удаётся проводить с большим трудом.

После этого следователь допросил священника.

- Следствию известно, что вы вели контрреволюционную деятельность, возбуждали верующих против советской власти, - сказал он.

- Контрреволюционной деятельностью я не занимался, - ответил священник.

- Следствие располагает материалами, что вы ходили по дворам населения под видом совершения религиозных обрядов и вели антисоветскую агитацию о скорой войне и падении советской власти.

- По дворам верующих я действительно ходил для совершения религиозных обрядов, за что меня председатель сельсовета задержал и запретил ходить, но агитации против советской власти я не вёл и в этом виновным себя не признаю.

- Следствие располагает данными, что вы знаете о наличии контрреволюционной организации, руководимой бывшими помещиками. Предлагаю дать по этому вопросу откровенные показания.

- Сведения о наличии контрреволюционной организации мне неизвестны, а также никаких помещиков я не знаю.

В тот же день следователь составил обвинительное заключение, в котором писал, что священник "ведет повстанческую агитацию, систематически ведет антисоветскую агитацию среди колхозников о скорой войне и гибели советской власти".

13 сентября Тройка НКВД приговорила иеромонаха Стефана к расстрелу. Он был расстрелян 17 сентября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученик Стефан (Наливайко) (память 30 января по старому стилю)

Мученик Стефан родился в 1898 году в селе Константиновка Мелитопольского уезда Херсонской губернии в благочестивой крестьянской семье Пимена и Евфросинии Наливайко. Огромное влияние на воспитание мальчика имела его мать, Евфросиния Романовна, усилиями которой он получил хорошее церковное образование, прекрасно знал Священное Писание и полюбил читать духовные книги.

После установления советской власти, когда начались гонения на Православную Церковь, Евфросиния Романовна стала ходить по соседним селам с проповедями. Власти предупредили ее: "Бабка, кончай проповедовать, а то иначе посадим". Но не послушалась их Евфросиния. Наконец зимой 1927 года пришли ее арестовывать. Она надела кожух, а о втором кожухе говорит парню, которому было поручено ее арестовать:

- Ты бери два кожуха.

- Да зачем мне? - сказал он.

- Да тебе еще придется меня обратно везти.

- Бабка, много ты знаешь, - надменно ответил он и не взял кожух.

После допроса Евфросинию Романовну отпустили домой, и тот же парень повез ее в село Константиновку.

Скончалась она в родном селе в своем доме в 1929 году.

Когда Степану исполнилось девять лет, родители отдали его в церковноприходскую школу, в которой он проучился три года, после чего поступил в училище при Григорие-Бизюковом монастыре, где он учился два года. В это время настоятелем монастыря был архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) и монастырь славился благочестием иноков и миссионерами. Обучение в церковноприходской школе и, в особенности, жизнь в Григорие-Бизюковом монастыре оказали на Степана благотворное влияние и сказались потом на всей его жизни.

Здесь Степан впервые проникся поэтической красотой и духовной глубиной православного богослужения. Он посещал почти все службы, и его благословили прислуживать во время богослужения. Здесь он ощутил атмосферу святости, глубже ознакомился с церковным преданием, изучая жития святых. Никакой подвиг, никакое мужество, никакой труд, никакая нравственная и духовная красота, никакая мирская мудрость не могут сравниться с подвигом, мужеством, трудом, нравственной и духовной красотой и мудростью святого. Весь мир с его представлениями об идеале и подвигах померк в глазах мальчика, как бледная тень подлинной жизни и подлинной цели. Образ христианского идеала и жажда достигнуть его поселились в душе Степана и не оставляли в течение всей его жизни. Особенно его поразило, как и многих русских подростков, житие Алексия, человека Божия.

Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, он вернулся домой и стал помогать отцу по хозяйству. Его отец, Пимен Константинович, был из бедных крестьян, своей земли не имел и арендовал от пяти до десяти десятин, когда сколько было по силам обработать; имел двух лошадей и корову. Но не к хозяйству склонялись ум и сердце Степана, и в 1914 году, когда ему исполнилось шестнадцать лет, он уехал в город Геническ, поселился на монастырском подворье и был принят певчим в монастырский хор. Здесь он почувствовал недостаток церковного образования, в основном в знании церковного устава, и в течение двух месяцев усиленно занимался изучением устава в Корсунско-Богородицком монастыре. После этого, вернувшись в родное село, он поступил певчим в церковь, где настоятелем тогда был священник Павел Буцинский, расстрелянный впоследствии большевиками. Одновременно Степан помогал отцу по хозяйству.

В феврале 1917 года Степан был мобилизован в действующую армию. После трех месяцев обучения в городе Екатеринославле он был направлен на Румынский фронт. В июле 1917 года немцы, пользуясь происшедшей в России революцией и связанной с ней дезорганизацией армии, перешли на Румынском фронте в наступление, в результате которого части 134-го Феодосийского полка, где служил Степан Наливайко, попали в плен. Находясь в плену, Степан около двух месяцев работал в прифронтовой полосе, а затем был отправлен немцами подневольным рабочим в концлагерь "Ламсдорф", где пробыл до января 1918 года, когда администрация лагеря отправила его на гражданские работы в поселок. К тому времени Украина по Брест-Литовскому договору отошла к Германии и была занята германскими войсками. Мать Степана, Евфросиния Романовна, обратилась к оккупационным властям с просьбой разрешить вернуться их сыну из плена домой. Осенью 1918 года разрешение было получено и Степан снова был заключен в концлагерь "Ламсдорф", на этот раз для отправки на родину. Но отправить его не успели, так как в самой Германии произошла революция, и в связи с нею условия содержания в концлагере военнопленных настолько ухудшились, что им стала грозить голодная смерть. И Степан бежал из концлагеря. Домой в Россию ему пришлось идти пешком днем и ночью, дорогой перенося голод и холод. Так он прошел часть Германии, Австрии, Венгрии, переправился через Российскую границу, добрался до Херсона и, наконец, пришел в свой уездный город Алёшки, где получил документы, свидетельствующие, что он солдат, вернувшийся из плена домой. В родной дом Степан пришел за четыре дня до Рождества Христова. Он устроился в храм псаломщиком и работал в своем, до крайности бедном по тем местам, хозяйстве.

Отец к тому времени состарился, мать была тяжело больна, за ней некому было ухаживать, и Степан ради этого решил жениться. Девушку взял круглую сироту из того же села, Харитину Дмитриевну Севастьянову. Через год у них родилась дочь Раиса.

Перед глазами стояли христианские идеалы древних святых, в особенности подвиг святого праведного Алексия, человека Божия, и в начале апреля 1923 года он оставил дом, жену, дочь и хозяйство и отправился странствовать. Глубокой ночью покинув родное село, он направил свой путь в Москву. Путешествие до Москвы заняло больше сорока

дней. Придя в Москву, Степан поисповедовался в Даниловом и Донском монастырях и молил Бога, чтобы Тот указал ему, что надо сделать, чтобы явиться к правителям России и сказать им Божию правду.

В это время скончался патриарший архидиакон Константин Розов. Отпевание и похороны были назначены на 3 июня в три часа дня на Ваганьковском кладбище. Народу собралось множество. Когда гроб с почившим был внесен в церковь, двери храма закрыли, и к ожидавшей толпе вышел священник и сообщил, что похороны архидиакона переносятся на утро следующего дня ввиду того, что не успели приготовить могилу и не прибыли ближайшие родственники.

Люди еще не разошлись, когда на возвышение взошел Степан и сказал проникновенное слово о почившем архидиаконе, а затем, обращаясь к народу, прибавил:

- Время сейчас очень трудное, тяжелое, но это время избавления народа от греха, поэтому, прошу вас - не забывайте Бога. Крестите детей. Не живите невенчаными. А главное, живите по совести. Настанет время, когда православные христиане воспрянут, Бог этих богоненавистников свергнет.

Во время его речи милиция попыталась пробраться к кафедре, чтобы арестовать проповедника, но народ стоял стеной и не допускал. Тогда был вызван наряд милиции, Степан был арестован и на пролетке отвезен в отделение милиции. Дорогой милиционер спросил Степана, из какой он губернии. Степан ответил:

- Губернии все мои.

- Как ваше имя и сколько вам лет? - спросил милиционер.

- Мне двадцать четыре года. Фамилия моя Наливайко Стефан Пименович.

- Где ваши документы? - спросил милиционер.

Степан расстегнул на груди рубашку и, показывая на тяжелый оловянный крест, сказал:

- Вот мои документы. Больше у меня нет ничего.

В отделении милиции он отказался отвечать на вопросы и был отвезен в ГПУ. Здесь ему предложили заполнить анкету. Степан на вопрос, к какому он принадлежит государству, написал: "Новому Иерусалиму". И для неосведомленного следователя пояснил: "Сходящему с небес". На вопрос о профессии написал: "Жнец". О работе: "Свидетель слова Божия, проповедник". На вопросы, где работал, на какие средства жил и владел ли каким недвижимым имуществом, написал: "По воле Иисуса Христа, всем тем, что подавал Иисус Христос". На вопрос о воинском звании, ответил: "Воин Иисуса Христа".

7 июня состоялся допрос, на котором Степан продолжал юродствовать. На вопрос анкеты о семейном положении он написал: "Сейчас я - один и буду один, а что было прежде - всё мертво, миновало". На вопрос анкеты об имущественном положении написал: "Вечное Евангелие внутри меня". На вопрос о политическом убеждении ответил: "Истинно православный христианин". На вопрос, чем занимался и где служил, ответил словами, полными скорби и горечи: "Не помню, но знаю, что в России, тогда еще Россия была, а теперь я вам не буду о России говорить, потому что ее не существует". На вопрос следователя, откуда он прибыл, Степан ответил: "Я прибыл в Москву в четверг перед Троицей из Нового Иерусалима, сходящего с небес, пешком".

- Где вы жили по приходе в Москву? - спросил следователь.

- Жил я в эти дни на средине города Вавилона.

- Как оказались на Ваганьковском кладбище?

- Попал я на Ваганьковское кладбище, водимый Духом, данным мне от Бога, с целью свидетельствовать слово Божие. На кладбище было много народа, к которому я обратился с речью и указал, что настает время избавления от греха.

- Как вы относитесь к советской власти?

- Я настоящую власть не одобряю, потому что она не признает Бога. Я послан бороться с этой властью, но борьба моя не воинским оружием, а словом правды Священного Писания.

На этом допрос окончился. Следователь, внимательно прочитав ответы Степана, через два дня снова вызвал его и спросил:

- Почему не существует теперь России?

- Россия была тогда, когда стояли у власти православные, а теперь город Вавилон, то есть город беззакония, - ответил Степан.

- Вы принимали участие в гражданской войне?

- В гражданской войне я участия не принимал. Способ избавления от грехов беззакония - это обращение людей к правде, то есть признание Иисуса Христа Сыном Божиим. Я не могу придерживаться этой власти, потому что никто не может угодить двум господам. Эта власть вредна, потому что она идет против Бога. Я желаю власть ту, которая всецело повинуется Иисусу Христу, Сыну Божию. Эта власть - тьма, а при той власти люди ходили бы в свете.

Через два дня Степана снова вызвали на допрос. На вопросы следователя он ответил:

- Свое выступление я начал только что, именно в тот день, когда меня задержали на Ваганьковском кладбище. Где я жил до этого времени или что делал, я не скажу, так как я, начав свидетельствовать об Иисусе, умер для всего прежнего, всего земного.

Наконец следователь спросил:

- Вы советскую власть признаете?

- Как ее не признать? Как можно не признать власть, когда она существует? Вот вы скажете - это чернильница, и вы спросите меня - это чернильница? И я отвечу - конечно, чернильница. Как я могу сказать, что ее нет? Власть, конечно, есть. Но многие взгляды с ней на религию я не разделяю. Если бы не было гонений на Церковь, то я бы разделял с ней свои взгляды. Если бы власть не разоряла церкви, не убивала и не высылала священников, то я бы ее приветствовал, а так - нет, приветствовать я ее не могу и не хочу о том врать.

В тюрьме ГПУ Степан первое время сидел в общей камере, его присутствие здесь было большим утешением для узников. Он сразу сказал, что хотя и арестован за агитацию против советской власти, но и теперь, лишенный свободы, не боится открыто говорить следователям правду. Основание советской власти воздвигнуто на песке. Не бойтесь и не тоскуйте, время избавления близко. Его присутствие так подействовало на узников, что они воспрянули духом и исчез страх, мертвящий душу и парализующий разум.

В середине июня Степана перевели из тюрьмы ГПУ в общую камеру Бутырской тюрьмы. 25 июня он направил следователю ГПУ заявление:

"Правители Русской земли, прошу обратить внимание на свой народ, как он стонет под игом самого себя; жалостно смотрит на правителя - а правитель смотрит на народ. Рассуди каждый, не страх ли владеет человеком? И этот страх есть страх неправды. Неужели неправда сильнее правды? Ни в коем случае, потому что неправда над человеком властвует, покуда человек существует на этой земле, а умирает человек - и неправда также умирает. Обратимся к правде, какова сила правды. Если живет человек правдою, то гоним ли он, хулим ли, угнетаем ли, насильствуем ли кем-либо, болен ли... и, наконец, умирает ли, обратите свой взор на него, с какою радостью переживает всё это! Почему так? Потому что правда, которой он жил, не умирает. Правда побеждает и смерть, потому что имеет Царство и силу прежде всех век и во веки веков. Аминь.

Время близко к осуществлению правды, и она не пройдет мимо, ибо наступает час жатвы, предсказанный Иисусом Христом...

А посему прошу вас, правители Русской земли, довольно побеждать свою землю... Обратитесь ко Христу и познайте в Нем жизнь...

Еще прошу, если возможно, перевести меня в одиночку... и разрешить мне несколько бумаги и чернил..."

Через месяц уполномоченный 6-го отдела секретной части ГПУ Казанский, к которому поступило дело, распорядился удовлетворить просьбу Степана - перевести его из общей камеры в одиночку и снабдить "чернилами и бумагой, предоставив право изложить самому показания".

Получив бумагу и возможность свободно писать, Степан вкратце изложил свою биографию, затем написал: "Пришел я к правителям возвестить то что идет Господь со тьмами Своих ангелов, чтобы рассудить землю, и если не покаются народы от своих беззаконий, т. е. от блуда, убийства, воровства и т.д., то Господь жестоко покарает всех. И я, грешный, люблю свою семью, а по Боге ревнитель больше, так как, получив духа проповеди, я не смог больше оставаться дома, и в ночь с 10 апреля я встал с постели и ушел, положившись на волю Божию. Я пришел в Москву 24 или 25 мая и молил Бога, чтобы Бог мне указал, как и что делать... как мне явиться к правителям и сказать Божий слова. Личной цели в приходе моем в Москву нет, а только чтобы явить дела Господни правителям... И покуда не было мною всё высказано, я вам не давал своего адреса, а когда я свое окончил, то и открыл свой адрес. Я теперь не знаю, виновен ли я перед кем, заслужил ли наказание за слово Божие, но я исполнил свой христианский долг, так как ревность по Боге заставила меня оставить отца, мать, жену и дочь. А теперь сами рассмотрите мои слова и рассудите".

Тогда же он написал заявление к уполномоченному ГПУ Казанскому, содержащее послание, адресованное к правителям Русской земли. Он писал в нем: "Правители Русской земли! я обращаюсь к вам - зачем вы сами себя угнетаете! Зачем вы сами в себе разделяетесь! Зачем вы сами против себя свидетельствуете! Угнетаете себя тем, что вы отвергли свой народ и оставили его без защиты, без пастыря, как стадо в пустыни; неужели вам не жаль его, что он так сильно стонет, ведь сколько дней уже, как он блуждает с горы на гору по пустыне, а пастыри его увлеклись вслед безобразных женщин, упились вином блуда беззакония. Отрезвитесь! И приступите к своему стаду, потому что вам вручено стадо и от вашей руки взыщется. Сами в себе разделились тем, что всякий из вас имеет сам в себе зло, зло - это гордость и коварство, и этим ли вы хотите сделать "добро", ведь зло - злом не изгонишь, огнем - огонь не утушишь. Вы свидетельствуете против себя - говорите, что вы доброжелатели всему человечеству, и одновременно всех ненавидите, и только себя любите, и ищите своей славы, славу же от Отца Небесного презираете и ищущих славу Его убиваете..."

31 августа 192-3 года Степан был вызван следователем Казанским на допрос. На заданные вопросы Степан ответил: "По приходе моем в Москву, я по пути свернул в Данилов монастырь, где пробыл всего несколько дней; здесь исповедовался, не помню у кого. Некоторые прихожане, которых я не знаю, приглашали меня к себе иногда закусить, иногда переночевать. Был также в Донском монастыре, где также исповедовался, у кого, не помню. При пребывании моем в Москве я слышал от людей о смерти архидиакона Розова и предстоящих его похоронах на Ваганьковском кладбище, что и заставило меня отправиться на кладбище. Больше по моему делу показать ничего не имею и показывать не буду".

22 сентября сотрудник 6-го отделения секретного отдела ГПУ составил заключение по "делу". Он писал в нем: "Спрошенный в качестве обвиняемого гражданин Наливайко показал, что, выступая с антиправительственной речью, он лишь выполнил миссию проповедника, выполняя повеление Божие обличать правителей, данное ему в сновидении; что примириться с существующей неправославной властью он не может и впредь будет бороться с нею, но не оружием, а словом. Содержась под стражей, гражданин Наливайко направил два заявления следователю, полные упреков советской власти за якобы большое притеснение народа и предсказывая близкое ее падение... Полагаю: признать Наливайко элементом социально опасным и, руководствуясь декретом ВЦИК от 10.8.22 года, подвергнуть его высылке в административном порядке в Архангельскую губернию сроком на три года".

"На три года в лагерь", - исправил начальник 6-го отделения секретного отдела ГПУ Тучков. И Агранов, заместитель начальника секретного отдела ГПУ, прибавил: "Согласен с заключением т. Тучкова".

26 октября 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила Степана "к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года".

В лагере ему пришлось нелегко: он заболел цингой и у него отнялись ноги. Узнав о тяжелом положении Степана, его мать, Евфросиния Романовна, незамедлительно отправилась к нему в Соловецкий лагерь на свидание. С собою она взяла белье и продукты. Состояние здоровья Степана было критическим - на свидание его вынесли на носилках. На время свидания сыну и матери выделили отдельную комнату, где они пробыли несколько дней.

Через три года, по окончании срока, представители ОГПУ вызвали его и спросили:

- Ну как, вы изменили свои убеждения?

- Нет, не изменил.

- Тогда получите еще три года ссылки.

Ссылку он отбывал в Казахстане, в городе Туркестане. Когда прошли и эти три года, ему дали еще три года ссылки, словно желая, чтобы он остался здесь на всю жизнь. В ссылке он научился разного рода ремеслам, в которых проявил недюжинный талант - мог сделать и лодку, и мандолину, и гитару, а если нужно, то и фаэтон. Степан снял в аренду дом и сад и выписал к себе жену с дочерью. Дочь Раиса в то временя должна была пойти в школу, но когда ей исполнилось семь лет, Степан написал из ссылки: "Ни в коем случае не отдавайте в школу".

Он помнил и свое церковное обучение, и заветы святых отцов, и в особенности таких, как святитель Василий Великий, который говорил, что лучше вообще остаться без светского языческого образования, чем, по-мирски образовавшись, повредить своей душе. Домашние послушались Степана, который пользовался и дома и в селе большим авторитетом, и не отдали девочку в школу. Учителя приходили к ним домой и принуждали отдать ее в школу, но родители Степана, Пимен и Евфросиния, держались в этом отношении твердо. Уже пришла к ним и дочь их, Татьяна Пименовна, и стала уговаривать отца:

- Папа, я слышала в сельсовете, что если ты внучку не отдашь в школу, то к тебе придут и заберут коня.

Тяжело было старику потерять своего рабочего помощника, лошадь, он уже и не знал, что делать, а тут вскоре и учителя пришли. Встретила их Евфросиния Романовна и сказала:

- Да на что она ей, школа-то? Она и так уже грамотная. Рая, видишь, - показала она на букву, - это какая буква?

- Вэ, - ответила девочка.

Учителя продолжали уговаривать, но ее так и не отдали в школу, а тут вскоре Степан позвал жену с дочерью к себе. Девочка ни букв, ни азбуки совершенно не знала. Здесь, в Казахстане, она уже всему научилась и получила начальное образование. Изучила Закон Божий, арифметику, современную историю. Одно тяжело было в ссылке - церковь была только обновленческая, и семья туда не ходила.

Изучая Закон Божий, она дошла до повествования о том, что Дева Богоматерь родила Иисуса Христа и однако осталась Девой, и было ей это смутительно - как такое может быть.

Мимо проходил отец, и она поведала ему о своем недоумении:

- Я не понимаю. Или тут ошибка какая? Степан, выслушав ее, ответил:

- Правильно ты говоришь: Богоматерь родила Иисуса Христа и осталась Девой. Теперь вспомни - сколько чудес было при Моисее, как было разделено Чермное море, вспомни о неопалимой купине, как прозяб жезл Ааронов, вспомни чудеса, которые были совершены пророком Илией. Что это такое? Чудеса? Да, чудеса! Это то, что совершено силою

Божиею вопреки земному порядку вещей. Творец и Законодавец Господь Сам, если пожелает, дает новый закон или, вопреки установленному Им закону, совершает деяние сверхъестественное, которое нами, людьми, воспринимается как чудо. Совершает, чтобы человек видел руку Творца и понимал, Кто есть подлинный Законодавец и мира Творец.

Наступил 1931 год, подходил к концу третий срок. Евфросиния Романовна к тому времени уже умерла, Пимен Константинович был очень стар и стал совсем немощным, и пришлось жене Степана Харитине с дочерью уехать в Константиновку помочь старику убрать хлеб, там они и остались До решения властями дальнейшей участи Степана. Родители решили, что дочь получила религиозное воспитание и начальное представление о Боге, о Церкви, о всемирной истории и об истории России и для нее уже не будет нравственно опасным обучение в школе. Впоследствии она получила и высшее образование.

Степан был человеком общительным, с ним всякому было интересно беседовать, но о чем бы ни шел разговор, он всегда переводил его на беседу о главном - о религии, о Боге. Многие жители городка ходили к нему домой, ходили и высокие чины ОГПУ. И он спросил их однажды:

- Ну знаете что, друзья, вы собираетесь меня освобождать или нет? Ничего на мой счет нет?

- Нет, - ответили те.

- Я тогда напишу в Москву, - сказал Степан.

И он написал властям в Москву. Прошло сколько-то времени, он пришел к начальнику ОГПУ и повторил свой вопрос.

- Степан Пименович, - ответил тот, - ваше освобождение лежит у меня под сукном, но мы вас не хотим отпускать. Послушайте меня. Вы когда приедете на родину, то местные власти соберут на вас компрометирующие материалы, вас арестуют и опять посадят. Поезжайте, заберите своего отца, семью и опять приезжайте. Зачем вам переезжать? Вас все равно арестуют и опять вышлют - такая ведется политика. Забирайте отца, семью и возвращайтесь.

Степан не согласился с начальником ОГПУ, взял справку об освобождении и в сентябре 1932 года уехал на родину.

В селе Константиновке уже пять лет как храм был закрыт, священника не было. Когда приехал Степан, к нему сразу же потянулись люди. В селе было в то время девятьсот дворов, и стали его все просить, чтобы он отхлопотал, помог им открыть храм. Степан знал, что законным образом храм закрыть не могли. Он собрал церковную общину из двадцати человек и поехал с бумагами к властям в Херсон, откуда сразу же вернулся со священником. Жившая в селе монахиня Евдокия стала псаломщицей, Степан стал управлять церковным хором, который быстро собрал, отбою не было от желающих петь на церковной службе.

Пришла Пасха. Степан ликовал. Три дня он поднимался на колокольню и с вдохновением и восторгом звонил в колокола. Пасхальное настроение и великая радость царили в душе Степана и в душах жителей Константиновки.

Стали власти подбираться к нему:

- Иди в колхоз!

А он тогда работал по найму, был художником, маляром.

- Что я буду делать в колхозе? - ответил Степан. - Дайте мне паспорт, и я уеду.

Но паспорта власти не дали, и начались преследования и мытарства. В это время умер отец Степана, Пимен Константинович. Земля, бывшая в его хозяйстве, осталась незасеянной, и в августе 1934 года Степана привлекли к ответственности за непосад своего хлеба на площади одного гектара и осудили на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Он написал жалобу, дело было пересмотрено, и он, не доехав до концлагеря, был освобожден и вернулся домой. Однако преследования не прекратились. Власти стали требовать от него уплаты то одних налогов, то других. Отобрали бычка, корову, лошадь,

из живности остались одни только куры, но уплаты налогов требовали как с полного хозяйства - и молоком, и мясом, и шкурами. И не стало ему чем платить. В апреле 1935 года состоялся суд над Степаном. Судья Куропаткин приговорил Степана к трем годам исправительно-трудовых лагерей и к двум годам поражения в правах. Степана посадили в тюрьму, где он пробыл до февраля 1937 года, а затем был отправлен этапом во Владивосток. Он написал жалобу властям в Москву, откуда через некоторое время пришел ответ: Степана оправдать со снятием судимости, против судьи и прокурора возбудить уголовное дело.

Тем временем его жена с дочерью переехали в Симферополь, и летом 1937 года Степан приехал к ним и устроился маляром. Он ходил в храм на кладбище, и настоятель храма священник Николай Швец в августе 1940 года попросил его выполнить работу для храма - выкрасить крышу. В это же время настоятель собора предложил Степану управлять хором. Здесь, на церковной службе в храме, Степан снова нашел свое место - не было для него ничего любимее и дороже, чем церковь. И конечно, беседуя с верующими, он не скрывал религиозных взглядов - как Священное Писание смотрит на современные вопросы человеческой жизни. Так возникло его последнее "дело".

25 октября 1940 года было выписано постановление на арест Степана. Через три дня настоятель храма отец Николай пригласил Степана к себе в дом в связи с окончанием им работы по храму. Степан сказал тогда жене:

- Харитина, отец Николай с матушкой приглашают нас на чашку чая.

Она отказалась, и в гости он пошел один. Домой он вернулся около одиннадцати часов вечера. Пришел и сказал:

- У отца Николая брат был, приехал откуда-то из центральной России. Поели, выпили чаю, немного поговорили.

Той же ночью около двух часов раздался стук в дверь. Открыли. На пороге стояли сотрудники НКВД, которые предъявили ордер на обыск в квартире и арест Степана. Степан их спросил, что они собираются искать; они ответили, что документы, не объясняя, какие. Забрали паспорт, Библию 1904 года издания и Евангелие 1903 года. Наконец нашли справку об освобождении. И когда ее нашли, сказали Степану:

- Возьмите одеяло, подушку и пойдемте с нами.

Так он был арестован. Дочь во все время нахождения отца под следствием добивалась у начальства тюрьмы разрешения на передачу продуктов, Но ей отказывали. Она стала требовать. Видя ее неотступность, сотрудник НКВД отвел ее в отдельную комнату и спросил:

- Что вы можете сказать о своем отце? Какой он был как отец?

- Вам бы не следовало задавать такие вопросы дочери. Даже если бы был отец плохой, то как же я могла бы сказать, что мой отец плох. Но такой отец, как у меня, - лучше такого, как он, нет.

Ее отпустили, но передачу не приняли и не принимали во все время следствия в течение полугода.

Допросили Степана сразу же в день ареста.

- За что вы были осуждены в 1923 году и высланы? - спросил следователь.

- В 1923 году я был осужден за то, что, будучи религиозным человеком, проповедовал в городе Москве на Ваганьковском кладбище о том, что христианское учение есть единственно правильное учение. За проповеди меня осудили и выслали.

- Какое учение вы считаете правильным?

- Не имея понятия о коммунистическом учении, я не считал коммунистическое учение правильным или неправильным учением и проповедовал христианское учение.

- На ваших проповедях присутствовало много или мало людей?

- На моих проповедях присутствовало мало людей.

В последующие дни темы вопросов следователей основывались исключительно на донесениях осведомителей.

- Изложите, что за агитацию вы проводили в 1923 году на Ваганьковском кладбище.

- Я не помню сейчас, что я говорил, но я говорил из Евангелия.

- Вы антисоветскую агитацию вели в то время?

- Нет, я антисоветской агитации не вел.

- За что вас тогда арестовали и судили?

- Я сейчас не помню.

Не имея в чем обвинить Степана, следователи пытались сами узнать у него о нем поподробнее, чтобы привлечь в качестве свидетелей его знакомых и таким образом избежать привлечения к процессу следствия агентов-осведомителей.

- Назовите фамилии знакомых вам активных церковников, проживающих в городе Симферополе.

- Я посетил церковь примерно раз двадцать с осени 1938 года. Из знакомых у меня был Капустин - протоиерей; был в ссылке, за что, не помню.

- Будучи в ссылке в Казахстане, вы имели связи с религиозниками?

- Нет, в Казахстане я ни с кем из религиозников связи не имел.

- Вы знаете Петра Сидорчука, Лаврентия Королева?

- Нет, я не знаю Сидорчука и Королева.

- Вы знакомы с Федором Пономаренко?

- Нет, с Федором Пономаренко я не знаком.

- Вам предъявляются адрес и фамилия, записанные у вас в записной книжке Федора Пономаренко. Вы это писали?

- Писал я, но не помню, почему я писал, и не помню, когда писал.

- Кто, назовите фамилии, из знакомых церковников проживает в городе Симферополе?

- У меня в городе Симферополе знакомых церковников нет.

- Назовите фамилии знакомых вам церковников, проживающих вне города Симферополя.

- У меня нет знакомых церковников, проживающих вне города Симферополя.

- Где и когда вы окончили миссионерскую школу?

- Я в миссионерской школе не учился.

- Следствие располагает данными, что вы учились в миссионерской школе. Дайте показания по этому вопросу.

- Я в миссионерской школе не учился.

- Где и когда вы были миссионером?

- Миссионером я не был, но много читал религиозных книг дома, а также будучи в тюрьме, в ссылке.

- Назовите фамилии церковников, с которыми вы были знакомы, отбывая наказание в тюрьме и в ссылке.

- Я не помню сейчас, с кем из церковников я отбывал наказание как в тюрьме, так и в ссылке, а потому затрудняюсь назвать их фамилии.

- Следствию известно, что вы, будучи религиозно-убежденным, собирали церковников и проводили среди них антисоветскую пропаганду. Признаете вы себя в этом виновным? - Антисоветской пропаганды я не вел среди верующих. Виновным себя в этом не признаю.

И так день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, допрос за допросом.

- Следствие располагает достоверными данными о том, что вы 11 июля 1940 года, собрав верующих около кладбищенской церкви, проводили среди них религиозную беседу. Дайте показания по этому вопросу.

- Я это отрицаю. Я 11 июля 1940 года на кладбище не был и не мог там ничего говорить.

- Вы лжете, следствие требует от вас правдивого ответа.

- Я 11 июля работал и на кладбище не был.

- Следствие располагает данными, что вы 11 июля на кладбище среди верующих проводили антисоветскую пропаганду. Признаете вы себя в этом виновным?

- 11 июля я работал, на кладбище не был, виновным себя в проведении антисоветской пропаганды не признаю.

- Вы говорите неправду.

- Нет, я говорю верно.

- Следствие располагает данными о вашей антисоветской работе. Признаете вы себя в этом виновным?

- Нет, виновным себя в этом не признаю.

- Следствие требует от вас откровенного признания своей вины.

- Я виновным себя не признаю.

- Вы стали на путь запирательства и противодействия следствию?

- Я на путь противодействия следствию не стал. Виновным себя не считаю.

- Признаете вы себя виновным в проведении антисоветской деятельности?

- Нет, виновным себя не признаю.

- Назовите фамилии лиц из православного духовенства, с которыми вы имели связь в городе Симферополе.

- Посещая кладбищенскую церковь, я встречался со священником Николаем, фамилию которого не знаю. Кроме того, знал еще одного священника, фамилию которого также не знаю, не припомню.

- Сообщите, при каких обстоятельствах вы познакомились со священником Николаем.

- Я со священником Николаем встречался в церкви, не помню точно, но, кажется, с 1937 года. Мы беседовали, но на какие темы, не помню, затрудняюсь сказать. В августе 1940 года священник Николай предложил мне покрасить крышу церкви, я согласился. Во время окраски крыши я заходил к священнику Николаю. Здесь же присутствовал еще один человек, фамилии и имени которого я не знаю. В разговоре с ними на религиозные темы я говорил о 13-й главе Апокалипсиса. Второй раз я заходил к священнику Николаю за маслом для окраски крыши. Это было в середине сентября. У священника Николая я опять встретил неизвестного мне гражданина. После окраски крыши я опять был в квартире у священника Николая, приходил к нему за расчетом. Вскоре после этого я был арестован.

- Вы посещали священника Николая и беседовали с ним, сообщите все, что вам известно о нем.

- Я священника Николая мало знаю и ничего сказать о нем не могу. Бесед с ним не имел.

Не видя иного выхода из того тупика, в котором оказалось следствие, следователи решили привлечь в качестве свидетелей агентов-осведомителей - протоиерея Алексея Капустина и священника Николая Швеца. Протоиерей Алексей Капустин показал:

- Весной 1940 года, точной даты не помню, я был на кладбище, где похоронена моя жена. Там встретился с незнакомым мне гражданином и стали вести беседу на отвлеченные темы. Во время этой беседы я сказал незнакомцу, что моя фамилия Капустин, в прошлом я служитель культа. Он мне в свою очередь рассказал о своей биографии и назвался Степаном Пименовичем Наливайко, и с того времени мы стали знакомы, встречались мы с Наливайко в церкви, в городе, и, по его приглашению, я посещал квартиру Наливайко. Наливайко рассказал мне, что происходит из крестьян-собственников села Константиновки. Обучался на миссионерских курсах при Бизюковом монастыре. По окончании этих курсов, год не указал, был псаломщиком в родном селе Константиновке, сослужил священнику Павлу Буцинскому, который расстрелян за контрреволюционную деятельность. Наливайко говорил мне, что он свое миссионерское образование дополнил в городе Москве в одном из подворий, но какого монастыря, не помню. За произнесенную им речь у гроба архидиакона бывшего Патриарха Тихона - Розова - Наливайко был арестован, осужден и сослан в Соловецкий лагерь, где отбывал срок наказания. Во многих беседах со мной, а также в присутствии других, посещавших церковь, фамилий которых я не знаю, Наливайко на религиозной основе вел

антисоветскую агитацию, трактуя советскую власть как преддверие кончины мира, когда воцарится антихрист, поправший веру, Церковь и духовенство, подтверждая свои слова отдельными выдержками из Библии: книги пророчеств Даниила и 13-й главы Апокалипсиса - Откровения Иоанна Богослова. Всех фактов антисоветской агитации, проводимой Наливайко, я припомнить не в состоянии, во-первых, за давностью времени, а во-вторых, вследствие того, что мне приходилось слышать его "проповеди" в церкви, на кладбище среди верующих, а также и в личной беседе при посещении его квартиры. В общем, я должен заявить следствию о том, что он, Наливайко, большой знаток Библии в миссионерском разрезе и считал своей обязанностью передать свои знания в этой области верующим, употребляя при этом изречение апостола Павла "горе мне - если я не благовествую". В начале сентября 1940 года я зашел на квартиру Наливайко и имел с ним продолжительную беседу. Он тогда только что возвратился из района из деревни Битак, где производил покраску школы. Во время этой беседы Наливайко, не касаясь Библии, вел явно контрреволюционные разговоры, возводя клевету на советскую власть. Всего разговора восстановить в памяти я не могу, но содержание его сводилось к тому, что недовольны почти все: учителя, колхозники и прочее население, вследствие того, что ничего нет, все очень дорого, работают все много, а ничего не получают, везде создаются очереди. Колхозники работают круглый год, а остаются без хлеба вследствие того, что якобы их обирает советская власть. Священник Николай Швец показал:

- Наливайко довольно религиозно начитанный человек, разбирается хорошо в религиозных вопросах и производит впечатление большого оратора. Он может по нескольку часов подряд говорить на религиозные темы. К советской власти Наливайко настроен враждебно, не признает ее и считает, что эта власть не от Бога и ей не должны подчиняться. О военных событиях Наливайко говорил так, что союзники воюют против Германии больше для блезиру, только для того, чтобы втянуть в войну нейтральные страны, а потом всем вместе ударить с юга на СССР, который и будет побежден. Этот разговор далеко не исчерпывается тем, что я показал. Я сказал только самое основное, что сохранилось в памяти. После этого Степан был снова допрошен.

- Следствие еще раз констатирует, что вы уклоняетесь от дачи правдивых показаний. Назовите церковников, с которыми вы имели связь в городе Симферополе.

- При моем посещении кладбищенской церкви я встречался там с бывшим священником Капустиным, имени его я не знаю. Больше из церковников я никого не знаю и фамилий назвать не могу, хотя в лицо некоторых знал.

- Сообщите, при каких обстоятельствах вы познакомились с Капустиным.

- Я Капустина встречал неоднократно в хоре кладбищенской церкви. По совместному участию в хоре я и знал его. При встречах с ним мы разговаривали на различные темы, но религиозных вопросов я не помню, чтобы мы в разговорах касались. Также не касались в разговоре между собой и политических вопросов. Я у Капустина не был в квартире, а он как-то приходил занимать у меня денег.

- Сообщите все, что вам известно о Капустине.

- О Капустине, с его слов, мне известно, что он был священником, был в ссылке. Я не помню, где он был в ссылке, и не помню за что, хотя он мне об этом, по всей вероятности, говорил. На меня он производил впечатление человека, который слишком много болтает языком.

- Почему у вас сложилось впечатление, что Капустин слишком много болтает языком? О чем он говорил?

- Капустин много говорил о себе, о своем одиночестве, о своем горе (он похоронил свою жену), об отсутствии у него семьи, приставал с такого рода разговорами ко мне; меня эти его разговоры не интересовали, и поэтому у меня о Капустине сложилось такое мнение.

- Что еще можете добавить о Капустине?

- Больше я о нем ничего не знаю.

- Кто еще у вас есть из знакомых церковников?

- Больше у меня из знакомых церковников никого нет и не было.

- В распоряжении следствия имеются данные о том, что вы под видом распространения религиозных проповедей проводили среди верующих антисоветскую пропаганду. Предлагаю вам еще раз дать по этому поводу подробное показание.

- Я религиозных проповедей не проводил и антисоветской пропагандой не занимался.

- Следствие предлагает вам откровенно признаться в проводимой вами антисоветской деятельности и требует от вас правдивых показаний по существу заданного вам вопроса.

- Я антисоветской деятельностью не занимался, антисоветской пропаганды не проводил.

- Вы говорите неправду. Дайте показания о проводимой вами антисоветской деятельности.

- Я антисоветской деятельностью не занимался.

Хотя почти все допросы проводились ночами, Степан не ленился внимательно прочитывать протоколы и в конце каждого, прежде чем расписаться, писал своею рукою: "Протокол мною прочитан. Записано с моих слов верно".

При всех ухищрениях следователей им не удалось заставить Степана оговорить себя. Срок, отведенный для следствия, подходил к концу, а Степан по-прежнему держался спокойно и ровно и произносить лжесвидетельства против себя не соглашался. 18 января 1941 года следователь еще раз вызвал его на допрос.

- Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

- Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

- Следствие предлагает вам прекратить бесцельное упорство - отрицание своей антисоветской деятельности и признаться откровенно в совершенных вами контрреволюционных действиях.

- Я антисоветской, контрреволюционной деятельности не вел.

Не удавалось найти для обвинения Степана и лжесвидетелей и, к неудовольствию следователей, пришлось ограничиться показаниями агентов-осведомителей, выступивших в его деле в качестве свидетелей обвинения. 21 января Степан был вызван на последний допрос.

- Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

- Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

В тот же день следователь составил протокол об окончании следствия и предоставил возможность обвиняемому ознакомиться с материалами. Прочитав их, Степан написал: "С материалами следственного дела на тридцати трех листах я ознакомился. По проведенному следственному материалу виновным себя не признаю, так как антисоветской агитацией я абсолютно нигде и никогда не занимался. И никогда как на политические, так и на религиозные темы ни с кем не разговаривал. А поэтому ни в чем выше указанном виновным себя НЕ ПРИЗНАЮ".

4 февраля отдел прокуратуры по спецделам, рассмотрев материалы следствия, вынес свое заключение: "Будучи привлечен и допрошен в качестве обвиняемого, Наливайко С. П. в контрреволюционной деятельности виновным себя не признал, но не отрицает тот факт, что церковь, находящуюся в Симферополе (на кладбище), раз двадцать посещал.

Принимая во внимание, что добытых материалов для направления дела в судебное заседание не достаточно, а личность обвиняемого Наливайко С. П. является социально опасной, полагал бы: дело по обвинению Наливайко С. П. в контрреволюционной деятельности направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР".

7 апреля 1941 года Особое Совещание приговорило Степана Пименовича к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Перед отправкой в лагерь ему дали свидание с дочерью. И отец сказал ей, что в гостях тогда у отца Николая был не брат, а начальник следственной части НКВД, и сам отец Николай является сотрудником НКВД. Всё, в чем обвинили его, - выдумка, но поскольку решение о его деле выносило Особое

Совещание, то никто не стал проверять, кто и что там говорил. Осудили его за то, что он был судим раньше.

Степана Пименовича отправили в исправительно-трудовой лагерь в Норильск. С началом Великой Отечественной войны переписка между ним и родными прекратилась. Только в начале 1945 года они получили от него первое после перерыва письмо: "До окончания моего срока остается три месяца. Даст Бог, и нам придется еще пожить вместе".

Родные послали ему письмо, деньги, посылку, но ответа уже не пришло. Через некоторое время Раиса Степановна написала в управление Гулага, откуда ей ответили, что Степан Пименович Наливайко умер 12 февраля 1945 года. От голода. Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученики Тихон (Кречков), Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников),священномученики Иоанн (Стеблин-Каменский), Георгий (Никитин), Александр (Архангельский), Сергий (Гортинский) и Феодор (Яковлев), мученики Евфимий (Гребенщиков) и Петр (Вязников) (память 20 июля по старому стилю)

Священномученик Иоанн родился 26 октября 1887 года в Санкт-Петербурге. Отец его, Георгий Георгиевич Стеблин-Каменский, был директором канцелярии Морского Министерства, а в последние годы перед революцией - сенатором по департаментам герольдики и судебному Правительствующего Сената. Кроме того он был председателем Российского общества морского права. Дед Ивана, Георгий Павлович Стеблин-Каменский, в последние годы своей жизни был Виленским губернатором в чине тайного советника. В это время он приобрел имение Биюцишки в Виленском уезде, где прошло детство Ивана. Здесь в имении была погребена его мать, Ольга Александровна, дочь вице-адмирала Александра Павловича Жандра, умершая 17 августа 1902 года.

Первоначальное образование Иван получил дома. Ольга Александровна оказала огромное влияние на него и на двух его сестер, Ольгу и Елизавету, - это были благочестивые девицы строгой и праведной жизни; они умерли в 1981 году в городе Кашине Тверской области. С детства мальчик чувствовал тепло материнской любви и силу ее благословения. "Ты ведь мой?" - говорила мама, и это было для него самой дорогой лаской. Но она умерла рано, когда Ивану исполнилось четырнадцать лет. Глядя на мать и переживая ее потерю в день ее смерти, он чувствовал, как два понимания совершившегося захватывают его целиком: первое - это острая боль от безвозвратной потери того, что было самым ярким, самым теплым в золотые дни детства, и второе - что дальнейшая его жизнь без матери будет свидетельствовать о том, какое движение души она в нем развила. Ему тогда казалось, что каждый дурной поступок его последующей жизни явится оскорблением ее светлой памяти и нарушением обязательств по отношению к ней.

После смерти матери Иван окончил четыре класса гимназии и, в соответствии с семейной традицией, выбрал службу на флоте, поступив в Морской кадетский корпус, который окончил в 1908 году со званием корабельного гардемарина. При окончании Морского кадетского корпуса Иван Георгиевич был награжден премией имени адмирала Нахимова. В 1908 году он получил назначение на крейсер "Богатырь" и в 1908-1909 годах находился в заграничном плавании. В 1909 году он был произведен в мичмана, переведен в 1-й Балтийский флотский экипаж и назначен в дивизион испытывающихся миноносцев. В 1909-1910 годах Иван Георгиевич исполнял должность ротного командира на крейсере "Адмирал Макаров". В 1911 году он был награжден итальянской серебряной медалью за оказание помощи пострадавшим во время бывшего в 1908 году землетрясения в Сицилии и Калабрии. В 1912 году Иван Георгиевич был произведен в лейтенанты. В 1914 и в 1915 годах он был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В июне 1917 года Иван Георгиевич уволился из флота по состоянию здоровья.

Летом 1918 года он стал работать в научной экспедиции, обследовавшей невские отмели. В 1919-1921 годах Иван Георгиевич по мобилизации служил помощником директора маяков Балтийского флота и одновременно исполнял должность псаломщика в Свято-Троицком храме в Петрограде. В это время он бесповоротно решил стать священнослужителем, отдать всего себя и всю свою жизнь на служение Богу, стать воином Христовым. Благодатная поддержка, которую он ощутил, когда принял это решение, дала ясно почувствовать, что Господь его призывает и не оставит его в земных испытаниях.

Воспитанный в христианской семье, основой жизни которой было следование заповеданным Христом нравственным принципам, военный офицер, обученный послушанию флотскому уставу, он был чужд двусмысленности и лукавства. В бескомпромиссности жизни во Христе, твердом следовании за Христом было что-то сродное и близкое жизни боевого морского офицера. Но воин земного отечества рискует и напрягается только в период военных учений и боевых действий, а воин Христов рискует и напрягается ежеминутно, и в особенности если судил ему Господь жить во времена гонений. Готовясь к принятию сана священника, Иван Георгиевич готовился, и к испытаниям. Не только утешительным, но и скорбным и горьким оказывался в то время путь священнослужителя, где его ждали зачастую узы тюремные. Отец Иоанн вспоминал впоследствии о своем заключении как о времени, когда наиболее ясно ощущалось присутствие Божие.

Приняв решение стать священником, всецело вручив себя воле Господней, он поехал на могилу матери в принадлежавшее им когда-то имение неподалеку от Вильны. Прикладываясь к земле, он почувствовал, что в душу нисходят мир и покой, и ему сделалось тепло, как в детстве, как будто ощутилось, что мать снова благословляет его. По возвращении в Петроград Иван Георгиевич был в 1920 году рукоположен в сан диакона.

В 1921 году отец Иоанн был впервые арестован ЧК, но после непродолжительного заключения освобожден. Летом 1923 года он был рукоположен в сан священника ко храму Святой Троицы на Стремянной улице; вскоре он был назначен настоятелем этого храма и возведен в сан протоиерея. Новое служение целиком захватило его. Пастве он отдавал все свое время и силы.

2 февраля 1924 года власти арестовали священника. В это время началось массовое возвращение храмов из обновленчества в патриаршую Церковь. Активизировалась жизнь приходов, и организовывались братства.

Чтобы положить этому конец, ОГПУ стало все сильнее вмешиваться в церковную жизнь, в Петрограде было арестовано около сорока человек духовенства и мирян. Отца Иоанна обвинили в том, что он объединил вокруг себя православных и они стали собираться не только в храме, но и в квартирах, где читались акафисты, Священное

Писание и священник объяснял одну или две главы из апостольских посланий. Вызванный на допрос, отец Иоанн сказал, что служил в квартирах некоторых своих прихожан молебны, после которых гости пили чай, а ожидая пока подадут, вели беседы на религиозные темы. Этого для властей оказалось достаточно: 26 сентября 1924 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Иоанна к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь. Всего к заключению в концлагерь было приговорено тридцать пять человек духовенства и мирян. В Соловецком концлагере отец Иоанн держался независимо, всегда ходил в священнической одежде и посещал церковные службы, доколе это позволялось; они были большим утешением в суровых условиях лагерной жизни. Отец Иоанн писал из Соловецкого лагеря письма, адресуя их своему отцу, сестрам и духовным детям.

К концу срока заключения становилось все очевиднее, что власти не разрешат отцу Иоанну жить в Петрограде и духовным детям придется смириться с продолжением разлуки. Так и случилось: его отправили в административную ссылку в город Воронеж, куда он прибыл в ноябре 1927 года. Здесь он получил место священника в Алексеевской церкви бывшего Девичьего монастыря, а через некоторое время был назначен ее настоятелем и одним из благочинных епархии. Благодаря его усилиям и активной поддержке, воронежскими прихожанами постоянно собирались и пересылались средства в Соловецкий концлагерь Воронежскому архиепископу Петру (Звереву) и другим находящимся в заключении православным. Одна из свидетельниц на следствии позже показывала об отце Иоанне: "Священник Иван Георгиевич Стеблин-Каменский, проживая в рабочем поселке, среди верующих пользовался громадным авторитетом, поэтому у него всегда на квартире и вообще, где он бывал, собиралось много верующих. Все бывшие "зверевцы" группировались около священника Каменского".

В 1928 году безбожные власти стали организовывать очередное гонение на Церковь, в результате которого должны были быть окончательно закрыты все монастыри и многие приходские храмы. Повсюду по инициативе властей устраивались собрания рабочих, требующих закрытия церквей, усилилась пропаганда против веры и Церкви. 2 сентября 1928 года в рабочем поселке, в котором находился Девичий монастырь, уже наполовину занятый безбожниками, состоялось собрание жителей поселка. Всего на территории монастыря было устроено 275 квартир, в которых людей неверующих, а также остававшихся в кельях монахинь проживало 872 человека. На собрании присутствовало 217 человек, и 100 человек было приглашено со стороны, так как даже и в таких условиях безбожники не были уверены, что им удастся закрыть церковь. Один из выступивших сразу указал на то, что почитатели и последователи арестованного архиепископа Петра (Зверева) начали религиозную деятельность: "... Зверевщина опять подняла голову, гнездо ее полностью не было уничтожено, нужно их уничтожить через ГПУ".

Выступавшие говорили: "До сих пор еще многие не знают рабочего поселка, а знают Девичий монастырь, и действительно рабочие живут в стенах монастыря. В прессе часто встречаются сообщения о закрытии монастырей, церквей и тому подобного и об использовании их помещений под жилье и рабочие клубы. 500 рабочих должны жить сами и воспитывать своих детей в культурных условиях, а мы видим, что антисоветские элементы здесь в монастыре берут под свое влияние подрастающее поколение..." "... Или рабочий поселок или монастырь: если дорога нам советская власть, нам нужно бороться с контрреволюцией. В монастыре имеется поп, ставленник Зверева. Зверевщина погубила и некоторых из наших товарищей рабочих. Есть и сейчас помогающие зверевщине. Со зверевщиной нужно покончить".

"В 31-й келье живет поп Иоанн, ставленник Зверева. Я живу в келье 89 и вижу, как этого попа посещают жены контрреволюционеров Нечаева и Пушкина (бывший ктитор Терновой церкви). Монашки учат детей рабочих подходить к этому священнику за благословением..." "Всем уже ясно, что музыка колоколов - это музыка контрреволюции.

До тех пор, пока будет существовать здесь контрреволюционное гнездо, рабочего поселка фактически существовать не будет..."

"Монашки мешают культурному развитию подрастающего поколения и завоевывают сочувствие жителей не только в стенах монастыря, но и далеко за его стенами..."

8 сентября 1928 года в Воронежской газете "Коммуна" была опубликована статья "Новодевицкий монастырь - под рабочие квартиры. Церковь - под клуб". В статье, в частности, говорилось: "... Всюду вынесены резолюции, в которых рабочие всецело присоединяются к требованиям населения поселка и со своей стороны настаивают на скорейшем выселении всех монашек, а также закрытии церкви в черте поселка и оборудовании в ней клуба или школы. Выступавшие в прениях рабочие выражали удивление по поводу того, что до сих пор с монашками "церемонились". Указывалось также на необходимость решительной борьбы с контрреволюционными выходками "черничек" и их верховода - "отца Иоанна", ставленника Петра Зверева".

По публикациям в безбожной прессе, где прямо требовали ареста отца Иоанна, становилось ясно, что этот арест неизбежен, причем безбожники пользуются любым, даже самым незначительным поводом. 4 марта 1929 года помощник начальника милиции отправил в ОГПУ сообщение: "По имеющимся непроверенным сведениям в доме 4 по Введенской улице проживающий там священник Иван, ставленник архиерея Зверева, ведет ожесточенную агитацию против советской власти, и вообще в этом доме замечается какая-то группировка, о чем сообщается для сведения".

В пять часов утра 1 мая 1929 года, когда безбожники пришли ломать крест на куполе храма, скончалась игумения Девичьего монастыря. Это совпадение поругания храма со смертью игумении настолько поразило верующих, что об этом долго говорили в городе. Впоследствии власти обвинили отца Иоанна в том, будто он утверждал, что ее смерть явилась результатом гонений на Церковь. 4 мая состоялись похороны игумении, Отец Иоанн сам отпевал игумению в ее квартире в монастыре, превращенном безбожниками в рабочий поселок, откуда в сопровождении многих молящихся со служением по пути литий все прошли на Терновое кладбище. После погребения отец Иоанн всех благословил, посоветовав оставшимся монахиням и прихожанам монастыря держаться вместе.

19 мая 1929 года отец Иоанн был арестован и 21 мая допрошен. На вопросы следователя священник отвечал с большим достоинством, стараясь ни в чем не уронить свой сан. Он добился разрешения собственноручно записать свой ответ. "Я по отношению к советской власти лоялен, - писал отец Иоанн, - но не сочувствую мероприятиям, направленным против религии. Считаю неправильным обучение детей в школах в противорелигиозном направлении и тому подобное. Поскольку я другого оружия не знаю, кроме креста, то как в прошлое время, так и в настоящее я нахожу единственно правильным действовать на массы умиротворяюще. Осуждал всякое выступление против гражданских законов. Для меня нет сомнения, что вера в распятого Христа непобедима, что кажущееся торжество материализма есть временное явление. С просьбой о молитве мне подавали множество записок, так как я на память никаких просьб о молитве не принимал. Среди записок имеются такие, в которых просят о молитве за заключенных и за заблудших. Под "заблудшими" я понимал отошедших от веры или хотя на словах и верующих, но живущих беззаконно. За все время своей службы в бывшем Девичьем монастыре я неопустительно каждый праздник и каждое воскресенье, а иногда и на буднях говорил поучения чисто духовного характера или разъясняющие богослужения, отнюдь не касаясь ни гражданской власти, ни необходимости запасаться теми или иными продуктами. После смерти игумении ни лично, ни через кого-либо другого никаких слухов по городу не распускал. Что смерть игумении, последовавшая во время снятия креста с церкви бывшего Девичьего монастыря, вызвана этим снятием, не мог говорить, так как ее поразил, если не ошибаюсь, третий по счету удар за два дня до смерти, и с тех пор она не приходила в сознание, так что я даже не мог ее причастить перед смертью. Еще менее я виновен в том, что когда-либо побуждал называть себя или сам называл себя

истинным пастырем, в исключительном смысле призванным спасать верующих от темных сил адовых большевизма, но не отрекаюсь от того, что считаю себя одним из верных пастырей Христовой Церкви, обязанных словом, житием, духом, верою и чистотою быть образцом для верных и ограждать их от тьмы неверия, и исповедую, что по вере моей не только материализм, но и сами "врата адовы" не одолеют Церкви Христовой. С могилы игумении я ушел до ее закрытия, но действительно благословлял подходивших ко мне, причем как умел утешал, но слов "не печальтесь, мы добьемся своего лучшего" не говорил".

29 мая власти снова допросили отца Иоанна. Услышав, в чем его обвинили, священник ответил: "Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю ни в малейшей степени. За все время своего пребывания в Воронеже как на духу, так и с амвона, и в частных беседах, не столько по страху наказания, сколько по своему миросозерцанию, всегда учил кротости, терпению и покорности гражданским законам. Никого около себя не группировал и, оставшись случайно временно исполняющим должность епархиального благочинного, с марта сего года с духовенством епархии имел лишь официальные сношения справочного характера. Распускать какие бы то ни было слухи считаю ниже своего достоинства как служителя духа. Обвинение в агитации о походе держав против советской власти считаю явным показателем совершенно неверной осведомленности ГПУ о моей личности, так как подобная неразумная деятельность совершенно не соответствует ни направлению моих мыслей, ни характеру моих отношений чисто духовно-назидательных к верующим. Слов, приписываемых мне 16 февраля сего года "граждане, хлебных запасов нет, грозит голод, запасайтесь кто может", я также не говорил, и они также мало соответствуют моей деятельности. Никакой агитации в связи со смертью игумении не вел. Темные силы адовы, по пониманию Церкви и учению апостольскому, ничего общего с политическим устройством страны не имеют и действуют при всяком режиме (наша борьба не против плоти и крови, то есть не с людьми, но против духов злобы поднебесных). Лицам, приходившим ко мне и вопрошавшим о вступлении в кооперацию, колхозы, коммуны и тому подобном участии в новом устройстве сельского хозяйства, всегда отвечал в том духе, что если при этом... не требуется отказа от веры, то, разумеется, в подобном участии греха быть не может... Лицам, приходившим ко мне из разных мест за помощью от разных болезней, я всегда советовал обращаться к врачам, ссылаясь на Священное Писание. Вместе с тем советовал им и причаститься и не отказывал в своей молитве".

4 июля 1929 года следователи составили обвинительное заключение, в котором говорилось, что священник занимался деятельностью, подрывающей авторитет и мощь советской власти.

16 августа 1929 года постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ отец Иоанн был приговорен к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года.

По прибытии в Соловки отец Иоанн был определен во 2-е отделение концлагеря.

На этот раз пребывание отца Иоанна в Соловецком концлагере было недолгим. Начальник 6-го отделения СО ОГПУ Тучков в 1930 году развернул энергичную деятельность, направленную на уничтожение церковно- священнослужителей. 23 апреля 1930 года в Соловецкий концлагерь поступило распоряжение об аресте и отправке в Воронежское ОГПУ священников Николая Дулова и Иоанна Стеблин-Каменского. В начале мая отец Иоанн был доставлен в Воронежскую тюрьму.

Первый допрос был 15 мая. Так как священник Николай Дулов согласился давать показания, нужные следствию, то следователю оставалось всего лишь доказать наличие близкого знакомства между священниками. Отец Иоанн на вопросы следователя отвечал: "В бытность мою в Воронеже на свободе священник Дулов приезжал в Воронеж два раза; один раз на Троицу (в начале июня) 28-го года, а второй раз в ноябре того же года. Оба раза мы виделись с ним в храме, причем первый раз он служил в соборе с причтом бывшего Девичьего монастыря, а второй раз лишь присутствовал на службе. После первой

службы я пригласил его со мной пообедать. Никаких совещаний священников с участием Дулова не устраивалось. Никаких брошюр священник Дулов мне не привозил; брошюра "Что должен знать православный христианин" мне не знакома. Вообще я интересовался лишь мнениями авторитетных иерархов, а не безличными брошюрами".

20 мая священнику Иоанну Стеблин-Каменскому было предъявлено обвинение. Он обвинялся в том, что "распространял церковно-монархические листовки и брошюры, распространял и разного рода антисоветские провокационные слухи и вел агитацию против всех мероприятий советской власти в области коллективизации, индустриализации СССР, имея конечной целью подготовить верующую массу к выступлению против советской власти, свержению ее и восстановление монархии. В результате вышеизложенного во многих районах Центральной Черноземной области были массовые выступления населения против советской власти и ее мероприятий".

Ознакомившись с обвинительным заключением, отец Иоанн стал писать, что с обвинением не согласен и объяснять почему, но дописать ему не дали. Однако священник потребовал, чтобы ему дали возможность ответить на предъявленное обвинение. Через два дня следователь разрешил ему написать объяснительную записку. Отец Иоанн написал: "В предъявленном. мне обвинении виновным себя категорически не признаю. В монархической церковной организации я не состоял... Ко мне приезжали по церковным делам крестьяне, члены общин и духовенство, и из ближних сел чернички... Никаких бесед организационных, политических я не вел ни с кем".

Вместе с отцом Иоанном был арестован архимандрит Тихон. Преподобномученик Тихон (в миру Тимофей Ульянович Кречков) родился в 1862 году в селе Плотава Репьевского уезда Воронежской губернии в крестьянской семье. В свое время он поступил послушником в Алексеевский монастырь в Воронеже, здесь был пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. Был назначен казначеем монастыря и все силы отдавал его благоукрашению, на многих иконах долгое время сохранялись надписи: сооружена иждивением иеромонаха Тихона. В 1924 году иеромонах Тихон возведен в сан игумена, а через три года - архимандрита.

В 1930 году в результате проведенных под руководством Тучкова арестов было заключено в тюрьму и расстреляно множество священнослужителей по всей России. Архимандрит Тихон был арестован вместе с братией Алексеевского монастыря. Следователь на допросах интересовался - куда ездил архимандрит Тихон и не вел ли он во время поездок антисоветских бесед. Он отвечал: "Состоя в сане архимандрита Алексеевского монастыря, я периодически выезжал в села бывшей Воронежской губернии. В последнее время я больше всего ездил в села: Лиски, Песковатки, Щучье... В начале февраля сего года я был на поминках по умершем архиепископе Петре Звереве у его келейника Серафима Колобкова. Около двух недель тому назад я был на именинах у архимандрита Игнатия Бирюкова. Разговоров как на поминках по архиепископе Петре Звереве, так и на именинах архимандрита Игнатия о гонениях на религию и о приходе антихриста не было. Когда я жил в селе Лисках, агитации, что пришел антихрист, а с ним и последние времена, и что власть советская - есть власть антихриста, я не вел, и об этом не было никаких разговоров. В момент снятия креста с Девичьего монастыря ни я, ни другие не говорили, что власть советская - власть антихриста, а потому ей подчиняться нельзя, грешно, что все религиозные течения, признающие власть, есть также антихристовы, что иметь что-либо с безбожниками - это значит распинать Христа. В день обнесения мощей святителя Митрофана ни я, ни другие кто-либо из наших не говорили приезжавшим крестьянам, что советская власть хочет взять измором всех протестующих против незаконных действий и душительства, не дает хлеба, а отправляет все за границу, не дает мяса, грабит всех крестьян. Будучи в селах, я разговоров о гонении на религию, о пришествии антихриста и тому подобных не вел, но такие разговоры среди крестьян были, когда и где, я не помню теперь..."

В начале 1930 года архимандрит Тихон был снова вызван на допрос. На вопрос следователя он ответил: "Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю".

С ними был арестован протоиерей Александр Архангельский. Священномученик Александр родился 1 февраля 1874 года в селе Сошка Липецкого уезда в семье псаломщика Николая Никаноровича Архангельского. В 1896 году он окончил Тамбовскую Духовную семинарию и поступил в храм псаломщиком. Тогда же он познакомился с дочерью протоиерея Капитона Алексеева Екатериной, которая и стала его женой. Семья у отца Капитона была большая и благочестивая; все сыновья впоследствии выбрали священническое служение.

В Тамбове тяжело заболела его жена, ее поместили в земскую больницу, и Александр Николаевич взял в качестве помощницы по дому глухую девочку-сироту. Однажды он вместе с девочкой отправился навестить жену. Проезжая по улице, они увидели, что несут Казанскую икону Божией Матери. Александр Николаевич велел кучеру остановиться и, подойдя к людям, которые несли икону, попросил, чтобы разрешили понести икону больной девочке. Они разрешили. После того как был отслужен молебен о здравии, Александр Николаевич с девочкой поехали дальше; когда они проезжали через мост, разразилась гроза. Девочка стала испуганно креститься, и Александр Николаевич с удивлением спросил ее: "Ты что, Марфуша, разве слышишь?" И она ответила, что хорошо слышит. Это было явное чудо и проявление милости Божией.

В 1904 году Александр Николаевич был рукоположен в сан диакона ко храму села Сторожевые Выселки Воронежской епархии, а через два года - в сан священника. Семья у отца Александра к этому времени была большая – семь человек детей. В деревне, относившейся к приходу священника, умерли муж и жена крестьяне, и у них остались сиротами двое детей. Нимало не сомневаясь, отец Александр взял их на полное обеспечение. Они только ночевать ходили в свой дом, а все остальное время проводили в доме священника. Село, где находился храм и жил священник, было большим, главная улица села была растянута почти на десять километров. Отец Александр целыми днями или пребывал в храме, или ходил с требами по домам прихожан. На все большие праздники в храм съезжалось множество богомольцев из окрестных деревень, многие из них оставались ночевать у священника в доме; тогда на пол постилалась солома и всем всегда хватало места. Екатерина Капитоновна была ему хорошей помощницей, и хотя здоровья она была слабого, но всем старалась уделить внимание, всех привечала и всех кормила. Семья священника была дружной, дети беззаветно любили отца и мать и были очень послушны.

Отец Александр никогда не проходил мимо чужой беды, даже если оказывался всего лишь случайным ее свидетелем. Как-то поехал он в город Усмань навестить детей, которые здесь учились в гимназии. Проезжая через деревню, он увидел пожар. Нимало не медля он остановил повозку и побежал к горящему дому, из которого успел вынести трехлетнюю девочку. Родители в это время отсутствовали, и он отдал девочку соседям.

Отец Александр был человеком аполитичным. Получив в 1917 году текст отречения от престола Императора Николая II, он прочел его в храме народу без каких бы то ни было объяснений. Пришли к власти большевики и потребовали от священника отдать свой дом под школу. Отец Александр безропотно согласился. Большевики потребовали отдать представителям культпросвещения книги и журналы - он отдал и их; потребовали отдать домашнюю мебель - он отдал и ее. Но школа просуществовала недолго, учителя и учащиеся стали часто болеть, и, связав это с тем, что занятия проходят в доме, отнятом у иерея Божия, учителя потребовали закрытия ее, и власти это исполнили.

В 1918 году власти попытались арестовать священника с тем, чтобы непременно убить его. Под праздник Покрова Божией Матери отец Александр поздно вернулся домой - промокший под дождем и уставший. Он прошел в кухню, чтобы лечь на печь, и вдруг услышал топот лошадиных копыт, который стих у его дома. Он понял, что это приехали за ним. Отец Александр вышел в сени и, несколько изменив голос, спросил: "Кто здесь?

Сейчас открою". Потом прошел в столовую и сказал домашним: "Спаси вас всех Господь! Я ухожу, да избавит и меня Господь от их рук". И спустился через окно во двор.

Домашние открыли дверь и засветили светильник; он трепетал и угасал от ветра. Один из пришедших спросил: "Кто здесь живет?" Ему ответили: "Священник". Тогда трое приехавших прошли в дом, и один из них спросил: "Где он?" Екатерина Капитоновна и дочь Екатерина стали отвечать, что на требу или на мельницу уехал.

- А кто с нами говорил? - спросили они.

Екатерина Капитоновна ответила, что это был сын. Сын, несколько изменив голос, подтвердил это, и они поверили. После этого тщательно обыскали весь дом и поставили одного часового во дворе, а другого - на улице.

Отец Александр тем временем пришел к одной из своих прихожанок, старушке Марфе Ивановне, и попросил: "Марфа Ивановна, укрой меня, за мной гонятся бандиты". "Батюшка, - ответила она, - все знают, что ты к нам ходишь и я к тебе хожу. Лучше тебе уйти подальше". Он счел ее совет благоразумным и отправился в соседнюю деревню Мансуровку к одному из своих прихожан, и тот спрятал его в соломе.

Решимость арестовать священника была, однако, столь велика, что безбожники стали проводить повальные обыски в домах верующих и добрались до этого дома. Проводя обыск, они стали щупать солому штыками, но милостью Божией не задели священника. Рано утром отец Александр пешком ушел в город Усмань, а оттуда уехал в Воронеж, где получил назначение в храм в селе Липовка. Здесь он прослужил два с половиной года. После этого год служил в храме села Мечешка, а затем, до самого своего ареста, - в Успенской церкви в селе Бутурлиновка Воронежской епархии. Во время служения в Бутурлиновке отец Александр был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным.

В 1929 году усилились гонения на Русскую Православную Церковь. 8 апреля 1930 года отец Александр был арестован. На допросах он не призвал себя виновным.

Тогда же был арестован священник Сергий Гортинский. Священномученик Сергий родился 10 марта 1889 года в городе Рязани в семье священника Дмитрия Гортинского. Окончил шестилетнее училище в городе Александрове Эриванской губернии.

В 1916 году Сергей Дмитриевич был рукоположен в сан диакона ко храму села Богоявленского Мосальского уезда Калужской губернии, через год он был определен диаконом ко храму села Мальково той же губернии. В 1920 году он был рукоположен в сан священника и некоторое время служил в храме села Тылка Черниговской губернии. Через пять лет перешел служить в храм села Козинка Ставропольской губернии. К этому времени уже широко действовал закон об отделении Церкви от государства, и многие крестьяне, оформляя свои браки в государственных учреждениях, жили невенчанными, без церковного благословения. Отец Сергий убеждал таковых повенчаться, а упорствующих предупредил, что живущих в браке невенчанными не будет допускать до причастия. Власти сочли такую его деятельность антигосударственной, нарушающей закон об отделении Церкви от государства. Отец Сергий был арестован и сослан в город Воронеж. Здесь в 1928 году он снова был арестован и обвинен в том, что является идейным руководителем епархии. Обвинение доказано не было, и священника освободили.

В 1930 году отец Сергий был арестован вместе с духовенством и монахами Алексеевского монастыря. Его обвиняли в том, что он вел антисоветскую агитацию как лично, так и через других, главным образом через архимандрита Тихона (Кречкова), "которому давал специальные указания антисоветского направления".

На допросах он отвечал скупо, стараясь никого не называть. Отец Сергий был тяжело болен туберкулезом и с трудом переносил заключение; когда ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, он написал: "Обвинение предъявленное я не признаю, ибо это явная ложь..."

С ними же был арестован священник Феодор Яковлев. Священномученик Феодор родился в 1897 году в семье крестьянина Санкт-Петербургской губернии Михаила

Яковлева. Окончил семь классов Воронежского реального училища. После октябрьского переворота был мобилизован в Красную армию, затем служил в милиции в губернском продовольственном комитете. В разгар гонений на Церковь он был рукоположен в сан священника, служил в храме Алексеевского монастыря и вместе с духовенством монастыря был арестован в начале 1930 года.

На допросе 2 марта на вопрос следователя о контрреволюционной деятельности отец Феодор ответил: "Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю... Когда я служил в Алексеевской монастыре, то у меня исповедовались крестьяне окрестных сел. На исповеди крестьяне моего совета относительно вступления в колхоз не спрашивали, но был случай, когда двое крестьян в декабре 1929 года спросили у меня после службы, как быть с колхозом, записываться или нет. Я им говорил, что греховного и преступного во вступлении в колхоз не вижу..."

Через несколько дней отец Феодор снова был вызван на допрос и на вопрос следователя, что он знает об архимандрите Игнатии, настоятеле Валуйского монастыря, ответил: "Архимандрит Игнатий... пользовался в период своего служения большим уважением прихожан как старейший из священнослужителей... В отношении оценки политической власти я ничего не могу сказать, так как никогда этим вопросом не занимался, не имея ни возможности, ни желания, а занимался обязанностями священника в узком смысле этого слова".

Вместе с ними были арестованы иеромонахи Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников), священник Георгий Никитин и миряне Евфимий Гребенщиков и Петр Вязников. Виновными в предъявленном обвинении они себя не признали. 14 июля 1930 года им было предъявлено постановление об окончании следствия. 23 июля обвинительное заключение было отправлено в Коллегию ОГПУ. 28 июля Коллегия рассмотрела "дело" и приговорила обвиняемых к расстрелу.

Прошли праздники преподобного Серафима Саровского и пророка Илии. Вечером 2 августа обвиняемым объявили приговор. Затем их погрузили в машину, чтобы везти в окрестности Воронежа и учинить расправу. В десять часов вечера того же дня архимандрит Алексеевского монастыря Тихон (Кречков), иеромонахи Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников), священники Иоанн Стеблин-Каменский, Сергий Гортинский, Феодор Яковлев, Александр Архангельский, Георгий Никитин и миряне Евфимий Гребенщиков и Петр Вязников были расстреляны.

Священномученик Тихон (в миру Василий Варсонофьевич Никаноров), архиепископ Воронежский, и 160 иереев, иже с ним убиенных (память 27 декабря по старому стилю)

Родился будущий Владыка 30 января 1855 года в Новгородской губернии в семье псаломщика. В 1877 году Василий окончил Новгородскую Духовную Семинарию, а в 1881 году - Санкт-Петербургскую Духовную Академию. В 1884 году он назначается на должность инспектора Новгородской Духовной Семинарии, вскоре принимает монашество с именем Тихон и становится иеромонахом. В 1890 году его возводят в степень архимандрита, и несколько позднее назначают ректором Новгородской Духовной Семинарии.

В 1891 году отец Тихон - настоятель Новгородского Антониева монастыря, а в 1892 году, 2 февраля он был хиротонисан в епископа Можайского, викария Московской епархии. В 1899 году он занимает самостоятельную кафедру епископа Полоцкого и Витебского. В 1902 году Владыку переводят на кафедру епископа Пензенского и Саранского. В 1907 году он настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой. В 1912 году - епископ Калужский и Боровский. В 1913 году, 13 мая - архиепископ Воронежский и Задонский. В 1917-1918 годы участник Собора Российской Православной Церкви.

Принял мученическую кончину 27 декабря 1918 (9 января 1919) года, будучи повешен на царских вратах в храме монастыря святого Митрофана. Вместе с ним были замучены ещё 160 иереев.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Тихон и исповедница Хиония (Архангельские) (память 4 октября по старому стилю)

Священномученик Тихон родился 30 мая 1875 года в селе Больше-Попово Воронежской губернии в семье священника Иоанна Архангельского. Родители умерли рано, и младших детей - Тихона и его сестру - воспитывали их двоюродная сестра Зинаида и ее муж Петр. В свое время они отдали Тихона учиться в Духовную семинарию, по окончании которой он женился на благочестивой девице Хионии. Она родилась 8 апреля 1883 года в селе Новый Копыл Воронежской губернии в семье священника Иоанна Дмитриева. Впоследствии у отца Тихона и Хионии Ивановны родилось восемнадцать детей; первая дочь родилась в 1901 году, а последняя - в 1923-м. Из всех детей выжили девять: шесть дочерей и трое сыновей, остальные умерли во младенчестве. Вскоре после венчания Тихон Иванович был рукоположен в сан священника ко храму в селе Троекурово Воронежской епархии, неподалеку от города Лебедянь.

Село Троекурово располагалось в живописном месте на берегу реки Красивая Меча неподалеку от женского монастыря, ныне разрушенного. Священнику выделили землю, и большая семья жила тем, что они получали от занятий сельским хозяйством. Участок земли был не лучшим, засорен камнями, и пришлось приложить много труда, чтобы его очистить. На земле работали все старшие дети, что приучило их ко всякого рода труду и помогло впоследствии перенести обрушившиеся на них испытания.

Воспитанием детей занималась Хиония Ивановна. Она была женщиной глубоко религиозной и благочестивой и научила детей молиться и при всех трудностях обращаться к единому Богу. Во все большие и малые церковные праздники дети вместе с нею шли в церковь. Она приучила их поститься в соответствии с церковным уставом, а во время гонений в двадцатых годах эти посты зачастую перемежались с голодом, следствием нашедших на всю страну бедствий. В посты откладывалось чтение светских книг и читался лишь Закон Божий. Прочитанное дети рассказывали отцу или матери. Поскольку времени, свободного от работы, было немного, то рассказывали за работой - в огороде или в поле, за вязанием чулок или варежек.

Отец Тихон был добросовестным и ревностным пастырем, он много молился и часто служил. Приветливый и отзывчивый на людское горе, он всегда мог утешить пришедшего к нему с бедой человека. Отец Тихон был человеком решительным и твердым, и в его присутствии невозможно было выразиться грубо или непотребно - он всегда в этих случаях останавливал и делал замечание. При всем том он был немногословен и сдержан. За безупречное и ревностное служение священник был возведен в сан протоиерея.

В 1928 году власти закрыли храм в селе Троекурово и решили записать священника в кулаки, чтобы затем раскулачить и отобрать все имущество. Но в сельсовете многие относились к отцу Тихону с большим уважением, и один из служащих сельсовета пришел к нему домой и сообщил, что задумали относительно священника власти.

- Чем мы будем ждать, когда придут и вышвырнут нас из дома, - сказала решительно Хиония Ивановна, - лучше сейчас собрать все необходимое и уехать на первое время в Лебедянь.

Отец Тихон с ней согласился. Они собрали самые необходимые вещи, запрягли лошадь в маленькие крестьянские сани, и тот же член сельсовета, который предупредил о раскулачивании, отвез их в город. Первое время они снимали угол на квартире, а затем маленькую комнату. Епископ Липецкий Уар (Шмарин) направил отца Тихона служить на приход, расположенный в трех километрах от Лебедяни; здесь он прослужил около года, а затем власти и здесь храм закрыли. Это было время, когда властями по всей стране была развернута кампания по закрытию храмов.

Епископ Уар направил священника в храм в селе Ильинском, но и здесь храм вскоре закрыли, и тогда епископ направил его в храм в селе Патриарши, где священник прослужил около года, а затем и здесь храм был закрыт. В Патриарши к отцу Тихону приехал посланец от прихода храма, расположенного в селе Куймань, и предложил ему пойти служить к ним. Получив благословение епископа Уара, отец Тихон переехал в Куймань. Это было большое село, населенное преимущественно благочестивыми и глубоко верующими крестьянами, так что храм во время служб всегда был полон молящихся. Отдельного дома здесь для священника уже не было, и отец Тихон снимал маленькую избушку в крестьянском дворе у Андрея и Елены Ждановых; между семьями крестьянина и священника сложились добрые христианские отношения, полные взаимной любви и мира. Здесь отец Тихон прослужил до ареста. Старшие дети разъехались, с родителями осталась жить только младшая дочь Елена, а в 1936 году после смерти мужа к ним переехала дочь Ирина, у которой было четверо маленьких детей.

День 9 августа 1937 года выдался теплым. Вся семья хозяев, священник, матушка и дети находились в доме, но по теплости дня дверь на улицу была распахнута настежь. Вдруг около дома остановилась машина, из нее вышли люди в форме и направились к дому. Войдя, один из них сразу подошел к отцу Тихону и спросил:

- Оружие есть?

- Есть! - ответил священник. - Крест и молитва!

Сотрудники НКВД разбрелись по дому и стали переворачивать вещи. Один из них забрался за печь, вынул из своей кобуры пистолет и затем, выйдя из-за печи, показал его приехавшим вместе с ним военным и сказал:

- Вот его оружие!

Отца Тихона увели в легком летнем подряснике, не дав одеться и собраться.

После ареста священника прошло три дня, и Хиония Ивановна сказала дочери: "Ну, пойди ты, что ли, найди отца. Там милиционер живет, - и она объяснила дочери, где именно, - спроси его, куда они его дели". Дочь нашла милиционера и спросила его об отце.

- Ну что я могу сказать, - ответил тот, - я могу только одно сказать, что их увезли в Трубетчино.

Трубетчино было небольшим, расположенным в стороне от дорог, селом, которое на то время стало районным центром, здесь были сооружены временные тюремные бараки, и сюда со всего района свозили арестованных, здесь проходило краткое следствие, после которого заключенных увозили в Липецк.

Из Трубетчина отца Тихона перевели в тюрьму в городе Липецке. Во время допросов следователь требовал от священника признательных показаний:

- Свидетельскими показаниями вы достаточно уличены в антисоветской деятельности, проводимой среди населения села Куймань. Следствие требует от вас правдивых показаний.

- Да, я согласен с той формулировкой свидетелей, что в моем понимании коммунисты - люди неверующие, заблудившиеся, пропащие и ведут народ к погибели в будущей загробной жизни. Они должны познать Бога. На земле абсолютной правды нет, а правда есть только на небе.

- Вы высказывали террористические намерения по адресу партии и правительства?

- Террористических намерений я никогда не высказывал и не считаю себя в этом виновным.

- Расскажите о ваших преступных связях.

- Преступных и других каких-либо связей у меня нет. Подобного рода допросы продолжались в течение двух месяцев. Следователь спрашивал, состоял ли священник в контрреволюционной организации, которую возглавлял епархиальный архиерей, и получал ли он от него задания по ведению контрреволюционной деятельности, на что отец Тихон отвечал категорическим отказом и несогласием.

- Показаниями свидетелей вы достаточно изобличаетесь в контрреволюционной деятельности, - продолжал настаивать следователь, - дайте о ней показания.

- Показания свидетелей я отрицаю, так как никакой контрреволюционной работы я не вел.

- Вы говорите неправду. Вам зачитываются показания свидетелей, из которых видно, что вы вели контрреволюционную агитацию, используя религию, как предрассудок, и высказывали террористические намерения против руководителей партии и советский власти.

- Все эти обвинения я отрицаю, а также отрицаю и показания свидетелей, как вымышленные.

- Расскажите о ваших контрреволюционных связях и об их характере! - потребовал следователь.

- Никаких контрреволюционных связей у меня нет, и не было, - ответил священник.

На этом допросы были окончены. 4 октября 1937 года Тройка НКВД приговорила отца Тихона к расстрелу. Приговоренных к расстрелу казнили за окраиной города Липецка. Перед расстрелом сотрудник НКВД спросил отца Тихона:

- Не отречешься?

- Нет, не отрекусь! - ответил священник.

Протоиерей Тихон Архангельский был расстрелян 17 октября 1937 года и погребен в общей ныне безвестной могиле.

Хиония Ивановна не оставляла попыток узнать об участи мужа и не раз ходила к местным властям, требуя от них ответа. Они отмалчивались, а она, как человек решительный и прямой, сделала им за это выговор. А выходя из сельсовета, сказала: "Мужа забрали, ничего от них невозможно добиться, это какое-то безобразие". Один из представителей властей однажды пригрозил:

- Смотрите! Вы слишком много болтаете! Мы и вас заберем!

- Вот и хорошо! - ответила Хиония Ивановна. - Заберите меня, пожалуйста, я там, может быть, с отцом Тихоном увижусь!

Вскоре после этого разговора Хиония Ивановна уехала в Москву к жившим там сестрам - посоветоваться, как жить и что делать дальше, и как продолжать хлопоты об

отце Тихоне. В ее отсутствие в дом пришли представители сельсовета, и один из них спросил ее дочь Ирину:

- Где Хиония Ивановна?

- Ее сейчас здесь нет, - ответила Ирина. - Она уехала к сестрам в Москву.

Они, однако, стали демонстративно обыскивать дом в поисках хозяйки. Вскоре после этого приехала Хиония Ивановна, и ей рассказали об обыске.

- Надо собираться, - сказала она. - Я уже чувствую, что возьмут. А я прятаться ведь не буду. И уж раз вызывали, я сама лучше пойду к ним.

Она оделась; приготовившись к аресту, собрала необходимые вещи, и они вместе с дочерью Еленой пошли в сельсовет. Это был вечер 12 декабря 1937 года. Хиония Ивановна поздоровалась, назвала себя, а затем, напомнив, что они уже приходили за ней, спросила:

- В чем дело? Зачем я вам нужна?

- Оставайтесь. Вы тут останетесь, - сказали они ей.

И Хиония Ивановна попрощалась с дочерью. Всех арестованных отправляли в Трубетчино. Дочь, придя домой, собрала продукты, взяла бидон со святой водой и отправилась в Трубетчино, где встретилась с матерью и все ей передала.

На допросе следователь спросил Хионию Ивановну:

- Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности, признаете себя виновной?

- В антисоветской деятельности виновной себя не признаю, - ответила она.

- Свидетельскими показаниями вы достаточно изобличаетесь в антисоветской деятельности, дайте правдивые показания.

- Свидетельские показания о своей антисоветской деятельности я отрицаю.

- Вы лжете, следствие требует от вас правдивых показаний.

- Я следствию даю только правдивые показания, никакой антисоветской деятельности я не проводила.

- Вам зачитываются показания свидетелей о вашей антисоветской деятельности, признаете себя виновной?

- Свидетельские показания о моей антисоветской деятельности я отрицаю.

Из тюрьмы Хиония Ивановна написала письмо детям, которое смогла писать лишь урывками в течение нескольких дней, начав его до официальных допросов и окончив после того, как следствие было завершено. "14/ХП. Дорогие мои дети, - писала она, - вот три дня я в клетке, а думаю - вечность. Допроса форменного не было еще, но спросили, верю я в то, что Бог спас евреев, потопив фараона в море, я сказала, верю, и за это меня назвали троцкисткой, которых нужно уничтожать, как врагов советской власти. Теперь я на себе испытала, как слово Спасителя ни едино не пройдет не исполнено. Я в жизни своей имела всегда грех судить, других осуждала без всякого на то права, и вот теперь сама попала под суд, а если б никого не судила, была бы не судима. Была властна, все делала, как мне угодно, вот теперь лишили свободы, без разрешения и на двор не ходим, а терпим от раннего вечера до полного рассвета, что некоторым мучительно, поэтому приходится больше говеть и меньше есть и пить.

Дорогие мои, возьмите себе на память о мне хоть по маленькой вещичке из бедного моего имущества. Дорогой Володя просил карточку, дайте ему... и с птичками мою кружку, она у Веры в квартире, - Володе. Лене - швейную машину и чайную ложечку. Ируша, если ты не получила по квитанции деньги, то у Лены есть папины деньги, немного, тогда вместе их тратьте, а о нас с отцом не поскупитесь, лампаду Господу жгите и молитесь, чтоб Господь меня и вас укрепил в Его святой вере. Не судите меня, но, прошу, простите и молитесь. Дорогого Мишу и Володю очень жалею, но если они женятся в такое трудное время, то еще больше жалею; но если не могут не жениться, то выбирайте жену с благословения Божия, а по-собачьи не сходитесь, можно благословение получить - знаете, как. Кому из вас папин крест на память, но не для поругания, дорогой Володя, бойся Бога прогневлять. Славу мне очень жаль, как он заблудился, откуда нет

возврата, но для Бога ничего невозможного нет - Он разбойника спас во едином часе. Сподоби, Господи, заблудшихся детей моих спасти, Тебе же веси судьбами, Господи, молитвами Пречистыя Богородицы.

Дорогая Ируша, спеши деньги получить по колхозной справке и возьми из моего пальто стежку, отнесите с Леной к Прасковье Ивановне, и она с другой старушкой накроют тебе пальто твоим спорком. Лене к пальто нужно верх или весь новый, или подбавить к красному спорку, а лучше бы спорок красный - ребятам, а ей два метра купить без четверти, а сшить ей необходимо длинное пальто с воротником... но, в общем, спешите обе вы себе пальто поделать, в Лебедяни, я думаю, это сделать дешевле, и, думаю, они, то есть Прасковья Ивановна со старухой, не унесут у сирот и сделают тепло. Рясы папины - драповую Лене, а холодную пусть пока бережет -сгодится. А теплую стеганую рясу хотела я Фролушке на помин, а там как вы знаете, но что-нибудь ему необходимо дать. Ряса-то для вас всех кроме как вместо одеяла ни на что не годится.

Ируша! С Тимофеем Ильичом необходимо нужно говорить о всех вас, и если тебя возьмут, то еще более о всех детях, возможно, его Господь умудрит с Его помощью устроить всех сирот у себя, вблизи теток и Шуры, а там как Господу угодно, да будет Его святая воля. Я думаю, вам с хозяевами в их избу перейти, в экономии топки, но жить вместе - не баловаться детям, чтоб хозяев не обидеть. Ира, ты свой самовар не бери у них, довольно вам одного, а в Липецке еще есть примус. Крест в корзине у Веры.

Ира, необходимо обе бурки вам спешить сшить, тебе и Лене, а кожу для них из папиных сапог, и серые валенки также подшить кожицей из голенищ, и тогда они в галоши хороши будут... Ира, уж очень в бурках удобно, делай для себя, но только потолще их настегать, теплее. Не продавайте обуви, вас много. Папины валенки мне бы хотелось Володе на память. Ребятки пусть берегут свою обувь; детки, все башмаки блюдите в порядке. Коля, те ботиночки с галошами, дорогой, найди и рыбьим жиром намажь, они сохранятся должее.

Милые ребятки, не шалите и с Леной дружны будьте, а ты, Лена, тихо, но учи их, а не обижай. С Тимофеем Ильичей непременно нужно видеться, или его сюда, или к нему нужно доехать и умолять его приютить вас у себя; и с Асей и со всеми родными говорить необходимо и умолять их вас у Тимофея устроить, а в Куймани жить вам не дадут ни минуты.

Сию минуту меня допрашивали, чем я занимаюсь в Куймани. Вы уберетесь ли из Куймани? Вы агитацией занимаетесь против советской власти, как ваш муж, вы сектанты, не велели Ждановой идти в колхоз, и она не пошла. Я говорю, что это все ложь, никому я этого не говорила, пусть будет мне очная ставка, я лжи не боюсь, а мой муж сам против сектантов выступал. Он говорит, где ваш муж? Я говорю, не знаю. Как, не знаю? Он контрреволюционер, он сам мне сказал, что у советской власти правды нет, его нужно расстрелять; а вы уберетесь из Куймани, паразиты? Я говорю, если прикажете, то уберусь, и давно бы убралась, если бы мне сироты1 не вязали рук. Что ваша дочь делает, чем занимается, на какие средства вы живете? Я говорю, дочь продала свой домишко и проживаем его. Что вы в Куймани свили гнездо? Чего не убираетесь оттуда, там люди работают, а вы паразиты? Вы у меня дождетесь лагеря, я вас в лагерь упеку Я говорю: воля ваша. А я жизнь жила, грешила и должна понести наказание за грехи. Но начальник зашумел: враг! враг! самый настоящий враг! пишите акт (к секретарю). И проводили меня опять под замок.

Ну, дорогие, спешите убраться из Куймани быстрее, а то и Иру и всех размечут, а я прошу вас, надейтесь и молитесь - Бог не без милости, нигде Своих рабов не оставит без помощи, и молитесь Богу, чтоб Он укрепил Своих рабов, привет мой всем, всем и спасибо вам за ваши труды. Простите меня. Храни вас Господь и Его Пречистая Матерь.

Дорогая Варя! Как ты? Как твое здоровье? Чего тебе на память, сама не знаю, возьми себе для халата дедушкин пояс, на отделку, и еще чего найдешь. Не забывай Бога, ребенка окрести, если некому, то бабушка любая или сама, достань святой водицы, а самое

лучшее, Софья Ивановна у себя сами окрестят - это и папа всегда говорил бабке делать, а не крещеного не оставь. Будь здорова, пекитесь вместе о всех детях и Лене, и о их выезде к Тимофею.

Вера! Принимай участие и ты. Судя по допросу, у начальника никакого материала не было, но он очень и очень строго шумел на меня. Я никогда ничего не говорила никому из крестьян про советскую власть, ну а ложь всегда может быть. Ну, будьте здоровы, ваша мать. Храни вас Господь".

31 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила Хионию Ивановну к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Заключение она была отправлена отбывать в тюрьму в городе Шацке Рязанской области. 20 мая 1938 года тюремные врачи составили акт о состоянии ее здоровья и предложили освободить ее в соответствии с законом, так как обследование показало, что она не может обходиться без посторонней помощи. Однако уполномоченный НКВД потребовал не рассматривать вопрос о ее досрочном освобождении ввиду ее резких по отношению к советской власти высказываний.

Хиония Ивановна была освобождена в конце 1944 года после того, как стал очевиден смертельный исход болезни. Первое время она жила у дочери Юлии в Мичуринске, а когда приехала другая дочь, Вера, Хиония Ивановна попросила перевезти ее поближе к могилам родных. Они выехали в ненастный ноябрьский день и едва доехали, чудом перебравшись по гнилым ялам моста и едва не упав вместе с лошадью и повозкой в глубокий овраг. Хиония Ивановна поселилась возле села Тютчево в деревне Кривушке, где ее дочь Ирина купила за две пары галош небольшую избушку. Доехав до дома, Хиония Ивановна совсем разболелась и теперь почти не вставала с кровати, но, несмотря на это, она взялась подрабатывать шитьем. Давали ей за работу продукты, часть из них она отдавала дочерям, а часть оставляла на свои поминки, - и молилась, и заготавливала все на свою смерть, чтобы по возможности никого не обременить. Последние недели перед смертью она вследствие болезни уже не принимала никакой пищи. Скончалась Хиония Ивановна в декабре. Похоронили ее на местном кладбище 22 декабря 1945 года.

---

1 Дети дочери Ирины - сыновья Николай, Михаил, Аркадий, Борис.

Священномученик Феодор (Баккалинский) (память 14 ноября по старому стилю)

Священномученик Феодор родился 8 февраля 1880 года в селе Зарудье Оратовского уезда Киевской губернии в семье церковнослужителя Павла Баккалинского. Окончил четыре класса Уманского духовного училища. С 1901 по 1903 год служил в армии - был писарем на артиллерийском складе в Чите. После демобилизации поступил псаломщиком в храм, где служил его отец. Вскоре после революции Федор Павлович был рукоположен в сан священника.

В 1935 году о. Феодор вместе с супругой Александрой Семеновной переехал в Тверскую область и поступил служить в храм в селе Степурино Старицкого района Тверской области. Сын Геннадий, которому был тогда двадцать один год, жил отдельно в Старой Руссе Новгородской области.

Недолгим было служение священника в этом селе. 14 ноября 1937 года власти арестовали его и заключили в тюрьму города Ржева. Сразу же начались допросы.

- Следствие располагает данными о том, что вы систематически проводили контрреволю- ционную агитацию. Признаете ли себя виновным в этом? - спросил следователь.

- Нет, виновным себя не признаю, контрреволюционную агитацию я не проводил, - ответил священник.

- Вы не даете правдивых показаний, следствием установлено, что вы систематически проводили контрреволюционную агитацию, клеветнически дискредитировали советское правительство, распространяли провокационные слухи о войне. Признаете себя виновным в этом?

- Нет, виновным себя не признаю, вторично заявляю: контрреволюционную агитацию я не проводил.

- Следствием установлено, что вы в июле месяце сего года возле церковной ограды среди населения с контрреволюционной целью высмеивали конституцию СССР. Признаете себя виновным в этом?

- Нет, виновным себя не признаю.

- Следствием установлено, что вы бродяжничали по колхозам, занимались вымогательством продуктов и вели антисо- ветскую агитацию, направленную на срыв мероприятий партии и правительства. Признаете себя виновным в этом?

- Нет, виновным себя не признаю.

25 ноября священник был приговорен к расстрелу. Священник Феодор Баккалинский был расстрелян через день, 27 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Феодор (Беляев) (память 21 октября по старому стилю)

Священномученик Феодор родился 12 ноября 1867 года в селе Везгум Белозерской волости Новгородской (ныне Вологодская область) губернии в семье священника Евгения Беляева. В 1889 году он окончил Олонецкую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Служил в Троицком храме села Улома Череповецкого уезда. Здесь же, по пришествии советской власти, был в 1919 году арестован Череповецкой ЧК, но вскоре освобожден.

В марте 1922 года прихожанам Троицкой церкви в селе Улома стало известно, что власти собираются прислать комиссию для изъятия церковного имущества. Власти к этому времени продемонстрировали всей России свою жестокость и лживость, и у большинства православных возникло впечатление, что не на помощь голодающим пойдет церковное достояние. Это предположение было не далеко от действительности: церковные вещи иногда оставались и у тех, кто непосредственно их изымал, и сама центральная власть широко жертвовала их - то на подарки 1-й Конной армии, то на содержание государственных чиновников, то на дополнительные выплаты членам комиссии по изъятию ценностей.

Прихожане храма, в основном женщины, решили создать свою комиссию по защите храма. На воскресенье, 26 марта, было назначено собрание членов совета общины, которое должно было переизбрать председателя совета и решить хозяйственные вопросы, связанные с приближающимся праздником Пасхи. Однако женщины решили провести свое собрание, где главным вопросом был грядущий приезд комиссии по изъятию церковных ценностей. Чтобы не ставить под угрозу совет общины, его членам было велено удалиться, священник, который был в то время председателем совета, также не был приглашен, он служил в это время заказной молебен в передней части церкви. Собравшиеся сразу выбрали председателя собрания - образованную, энергичную и глубоко верующую женщину Ольгу Васильевну Левину. Первым и единственным вопросом, обсуждавшимся на собрании, был вопрос об изъятии ценностей. Были внесены предложения, что если придут отбирать ценности, то звонить в колокола, чтобы всей волостью встать на защиту храма, а если будут отбирать силой, то оказать физическое сопротивление. После обсуждения решили избрать комиссию по защите ценностей и во время изъятия послать по деревням нарочных для оповещения. На собрании присутствовали женщины из многих деревень, и от лица прихожан почти двадцати деревень были составлены приговоры, что жители их не согласны отдавать церковные вещи.

После собрания Ольга Васильевна с женщинами пошли к о. Феодору и сообщили, что ими создан женский приходской совет, цель которого поддерживать чистоту в храме, наблюдать за порядком и охранять церковные ценности. Отец Феодор одобрил создание совета и инициативу верующих, которые, по его мнению, и должны были держаться своего самостоятельна решения, исходя из того, насколько дорог им храм, насколько велика у них православная вера.

28 марта среди жителей волости прошел слух, что в Улому приехала комиссия из Череповца, которая вскоре намерена приступить к изъятию ценностей из храма. В одной из деревень ударили в набат, в некоторых деревнях появились нарочные, которые стали призывать крестьян идти в Улому защищать храм. Вскоре перед зданием Уломского волостного исполкома собралась толпа в две тысячи человек, в основном женщин, которые стали требовать комиссию и кричать, что они ни в коем случае церковных

ценностей не отдадут. Это было около трех часов дня. Между тем о. Феодор в этот день в семь часов утра уехал из села за дровами; вернувшись домой, он поехал отпевать младенца в соседнюю деревню, а оттуда - в другую деревню крестить ребенка и освободился далеко за полдень. Проезжая по селу, он увидел, что перед исполкомом собралась огромная толпа. Дома супруга сказала, что там обсуждают всех работников исполкома.

Через некоторое время к священнику прибежал нарочный из исполкома и велел, чтобы о. Феодор срочно шел с ним. В исполкоме от о. Феодора потребвали, чтобы он немедленно вышел к народу, успокоил его и объяснил, что бессмысленно окружать исполком, поскольку изъятие ценностей проводиться не будет; они попросили священника убедить собравшуюся толпу согласиться с необходимостью изъятия ценностей из церкви. Отец Феодор отказался, сказав, что если он даже и выйдет, то ничего из этого не получится, так как верующие сочтут, что священник так говорит, потому что запуган, и не послушаются его.

Тогда к толпе вышел представитель власти. Некоторое время его слушали, а потом стали прерывать криками. Собравшиеся заявили, что никаким речам представителей власти не верят, и пусть лучше выйдет к ним батюшка и все объяснит.

Оратор вернулся в волостной исполком и предложил о. Феодору выйти к толпе и сказать, что сейчас изъятия ценностей не будет; к моменту изъятия должен прибыть специальный уполномоченный из Череповца, о чем верующие будут своевременно извещены. Священник отказался. Рассерженные сотрудники исполкома стали спрашивать у священника, говорил ли он в храме проповеди о необходимости пожертвований, о том, чтобы отдать без пользы лежащие в церкви ценности, поскольку миллионы людей голодают, а десятки тысяч умирают от голода - ведь с призывом к пожертвованиям обратились высшие служители христианской религии, знает ли об этом священник.

- Не стоит и говорить, - ответил о. Феодор, - газет я не читаю и никаких воззваний не знаю.

В это время толпа вплотную придвинулась к зданию, и некоторые женщины стали уже проходить внутрь. Священнику в категорической форме было приказано, чтобы он вышел к народу. Отец Феодор ничего не ответил, он прошел в другую комнату, где собралось в это время человек двадцать женщин, и, обращаясь к ним, сказал:

- Вот сейчас говорят, что вы не знаете, что есть голодные, и ничего не жертвуете; что ж, надо жертвовать.

В ответ женщины стали кричать, что они все время жертвуют и почти все отдали.

Священник на это сказал:

- Вот сейчас здесь говорят, что не все из церкви возьмут, а только лишнее.

Сказав это, он повернулся и ушел домой. Толпа стояла, не расходясь, наводя страх на волостные власти; был вызван отряд милиции, который рассеял толпу.

В тот же день председатель Уломского волостного совета составил рапорт: "Мне как председателю пришлось вызвать в волисполком священника, которому было предложено убедить массы и разъяснить цель изъятия из церквей некоторых драгоценностей, но поп или по незнанию, или по нежеланию, этого не сделал, тогда вся толпа в количестве до 2000 человек обступила волисполком и не позволяла присутствующим в нем членам и служащим, а также членам из местного коллектива, находящимся здесь, выйти из помещения в течение от трех до четырех часов. Волисполкому никаких объяснений высказать было нельзя под криком и угрозами озверелой толпы, в которой появились даже и мужики.

При сем прилагаю список руководителей этого поистине безобразного и контрреволюционного дела, которых прошу привлечь к самой строгой ответственности через Ревтрибунал.

Никаких материалов больше прилагать не нахожу нужным, и дело это нужно выполнить быстро без юридической законности и разбора, как этого требует наш голодный брат Поволжья.

Словами призывать к сознательности нет никакой возможности, да в настоящий момент и некогда, и тем более что они все весьма давно об этом знают... Чтобы заставить, уговорить массу, нужно слово пастыря церкви, но пастырь почему-то в этот день уехал за дровами, и потому прошу принять строгие меры к уломскому священнику, создающему контрреволюционное выступление..."

На следующий день, 29 марта, власти арестовали священника Феодора Беляева, Ольгу Васильевну Левину, членов церковного совета Алексея Терентьевича Парсакова, Трофима Ефимовича Николаева, Василия Васильевича Матвеева, Ивана Ивановича Лукичева, Ивана Петровича Уткина и его сына Петра; все арестованные были заключены в Череповецкую тюрьму. Таким образом власти, несмотря на предусмотрительную осторожность женщин, арестовали священника, церковный совет и председателя женского совета защиты храма. Начались допросы. На вопросы следователя священник ответил:

- Отдавать церковное имущество - дело верующих, а не служителей церкви, никаких мер к успокоению граждан мною принято не было, так я в это время был в отлучке, но хотя бы и был, то ничего бы не предпринял. Когда я был в Весьегонске 24 марта, то слыхал, что и там постановили ценности не отдавать, а жертвовать кто чем может...

После допроса о. Феодор счел нужным обозначить свою позицию, касающуюся предметов, имеющих богослужебное значение, и написал: "... Я стою за то, что святыне подобает благолепие, и Святые Дары должны быть обязательно в драгоценных сосудах, если они есть, распорядиться - отдать или не отдать сосуды и вообще церковное имущество - вправе верующие, не служитель культа".

Через некоторое время снова состоялся допрос; о. Феодор на вопрос о происшедших в Уломе событиях ответил:

- По существу происшедшего... могу показать следующее: на 26 марта было назначено общее собрание членов совета общины верующих при уломской Троицкой церкви, на каковом собрании должны были обсуждаться вопросы: о пасхальном вознаграждении духовенства и о продаже свечей. Так как вопрос касался вознаграждения духовенства, то мы, члены причта, на собрание не были приглашены. В воскресенье, 26 марта, после обедни, в то время, когда я служил молебен в передней части церкви, в задней половине собрались люди. Но кто находился в этой массе, сказать не могу, так как я прошел мимо и люди стояли ко мне спиной. Что было на собрании, я не могу сказать, о решении собрания я узнал от пришедших ко мне женщин, которые заявили, что они избраны в женский приходской совет, цель которого - наблюдение за чистотой в церкви, за тишиной и порядком. Я со своей стороны только приветствовал такое решение, так как чем больше будет совет, тем лучше - будет кому следить за тишиной в церкви, наблюдать чистоту и порядок и за охраной ценностей.

- Чем вызвалась необходимость создавать такой женский совет, а тем более его последняя функция, указанная в протоколе, охрана ценностей? - сил следователь.

- Полагаю, что это вызвано слухами об изъятии ценностей в пользу голодающих.

- Что, по-вашему, означает "охрана ценностей"?

- Вообще, чтобы ценности были целы от взятия кем бы то ни было.

- Что вами было сделано, чтобы успокоить толпу?

- Мной было сказано толпе, что изъятия ценностей еще нет, а если и будет взято, то не все - необходимое будет оставлено для богослужения.

- Откуда вы знаете, что в таком порядке будут изъяты ценности?

- По слухам, так как никакого распоряжения от местных властей не было, точно так же не знали постановлений центрального правитель- ства. Кого-либо в агитации против изъятия ценностей я не замечал и не слыхал.

Ольга Левина, будучи допрошена следователем, сказала:

- Дело было в воскресенье, 26 марта. Мы, женщины, еще раньше говорили о чистоте храма, и слухи были об изъятии вещей из храма, но кем распространялись слухи, мне не было известно. Но мы, женщины, говорили между собой, когда приедет комиссия, то вещи не отдадим, а предложим собрать посильно помощь среди прихожан продуктами и попросим дать представителя от голодающих и послать скорей голодающим продукты. А вещи оставить для ремонта храма. Выбрали меня председателем совета. Уговорились так: когда придут к церкви за вещами, то дать мне знать через сторожа, и я приду туда... Я хотела с ними поговорить от имени женского собрания об оставлении церковных вещей, о замене таковых посильными пожертвованиями продуктами. И если бы комиссия не согласилась на мое предложение, то я хотела просить комиссию об отсрочке изъятия ценностей дня на три, когда соберется весь приход и решит - давать или не давать. Так было решено женским собранием. Часа в три или четыре пришел мальчик и сказал, чтобы я пошла в Улому. Я оделась и пошла. Пришла и вижу: у церкви порядочная толпа народу, я спросила, зачем вы собрались, кто вас звал. Они ответили, что сами пришли. Я спросила собравшихся, что у них вышло, что вдруг собрались. Женщины мне говорят, что мы сидели в келье, и к нам приходят и говорят, что арестовали священника.

- Как вы поступили после этого с исполкомом?

- Я сама лично не была в это время, когда женщины были в исполкоме, но слышала от женщин, когда пришла из дому, которые сказали мне, что мы с исполкомом поругались как следует.

- Кто приказал или, вернее, подсказал Волнухиной позвонить в колокол?

- Погорячилась. Кто ей велел звонить - не знаю.

17 мая 1922 года в Череповце состоялось заседание Губернского Революционного трибунала, на котором разбиралось дело восьми обвиняемых. В конце дня Ревтрибунал зачитал приговор: "Лукичева Ивана Ивановича, Череповецкого уезда и губернии, Уломской волости деревни Попадьино, сорока семи лет, из крестьян, члена церковного совета, Матвеева Василия Васильевича, той же волости деревни Федосово, сорока трех лет, из крестьян, члена церковного совета, Николаева Трофима Ефимовича, той же волости деревни Коротово, пятидесяти одного года, из крестьян, члена церковного совета, Уткина Ивана Петровича, той же волости деревни Песье, семидесяти двух лет, из крестьян, члена уломского церковного совета - лишить свободы сроком на два года с применением общественно-принудительных работ каждого, но, принимая во внимание их малосознательность и низкий культурный уровень, - наказание считать условным, но лишить активного и пассивного избирательного права на три года каждого.

Уткина Петра Ивановича, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости деревни Песье, сорока трех лет, из крестьян, подвергнуть лишению свободы в доме заключения сроком на полтора года и лишить избирательных прав после отбытия наказания на два года.

Парсакова Алексея Терентьевича, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости деревни Коротово, шестидесяти двух лет, из крестьян, члена уломского церковного совета заключить в дом заключения с лишением свободы сроком на три года и лишить избирательных прав сроком на три года после отбытия наказания.

Беляева Федора Евгеньевича, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости, деревни Улома, пятидесяти четырех лет, священника уломской церкви и председателя церковного совета заключить в исправдом на четыре года.

Левину Ольгу Васильевну, Череповецкой губернии и уезда, Уломской волости, деревни Клопузово, сорока одного года, заключить в исправдом сроком на пять лет и лишить выборных прав на три года после отбытия наказания. (Ольга Васильевна была вдовой, на ее иждивении осталось двое детей - сын Василий десяти лет и дочь Вера восьми лет.) После освобождения о. Феодор вернулся служить в то же село, но в 1931 году

снова был арестован за невыполнение произвольно назначенной нормы хлебозаготовок и приговорен к пяти годам ссылки.

Вернувшись из ссылки в 1933 году, о. Феодор поступил служить в Макарьевский храм села Макарово Егонского сельсовета Весьегонского района Тверской области.

Таким был путь православного пастыря во время гонений: из пятнадцати лет церковного служения, с 1918 по 1933 год, восемь лет он нес крест исповедничества, пребывая в заключении и ссылке. Когда о. Феодор вернулся из ссылки, он, уже не имея ничего своего, ни дома, ни имущества, жил в церковной сторожке вместе со сторожем, глубоко верующим православным человеком. Семья - четыре дочери и три сына, были самостоятельны и жили кто где устроился, супруга Лариса Михайловна - в Весьегонске.

Отец Феодор всю свою жизнь ревновал только о храме и службе и ничего не боялся; когда не стало хватать средств на содержание храма и на дрова, потому что власти обложили приход налогами, он сам пошел собирать деньги среди прихожан. Сельсовет донес об этой деятельности священника в соответствующее учреждение, но тогда дело осталось без последствий.

В конце 1936 - начале 1937 года власти начали новое гонение на Православную Церковь, и 17 марта сельсовет закрыл храм. Отец Феодор в тот день стал добиваться открытия храма, объясняя членам двадцатки и верующим, что храм закрыт незаконно. Он написал жалобу во ВЦИК и сам собрал под ней подписи верующих. А пока храм был закрыт, он ходил по домам прихожан - служил молебны и совершал требы.

Через месяц сельсовет объявил, что на территории деревень, прилежащих к Егонскому сельсовету, началась эпидемия сыпного тифа, и священнику было запрещено ходить по домам. Это была явная ложь, и о. Феодор продолжал ходить по селам и деревням, неся людям слово Божие и благодатные таинства. Увидев, что этими средствами урезонить его не удастся, власти наладили против него следствие, но оно опять кончилось ничем.

Бывало, когда о. Феодор приходил в сельсовет платить налоги, председатель принимался его убеждать, что Бога нет и религия это обман, пытался уговорить его оставить все церковное и священническую службу. Но в своем исповедании православия о. Феодор был тверд и на безумные глаголы всегда так отвечал:

- Веры я никогда не оставлю и умру на службе священником.

8 октября 1937 года о. Феодор был арестован и заключен в тюрьму в Весьегонске. Тогда ему было уже семьдесят лет. При аресте взяли последнее, что у него оставалось, - девятнадцать книг духовного содержания и портрет Иоанна Кронштадтского; святой праведный Иоанн не раз проезжал теми местами, где служил о. Феодор.

В течение двух дней, 12 и 13 октября, состоялись допросы "свидетелей" - колхозного бригадира и колхозников. Выбирались, конечно, свидетели неверующие и нецерковные, которые могли дать показания в соответствии с пожеланиями сотрудников НКВД. Но авторитет о. Феодора среди народа был столь велик, что никто не хотел наговаривать лишнего. На вопросы следователя отвечали так:

- В 1935 году в момент снятия колоколов с Макарьевской церкви Беляев мобилизовал верующих для препятствия удалению колоколов. В момент зернопоставок государству 1936 года Беляев в церковной сторожке говорил, что советская власть путем заготовок у колхозников отбирает весь хлеб, а колхозникам оставляет только отбросы. В то же время говорил, что колхозы организованы для того, чтобы советская власть имела возможность ими распоряжаться против воли народа. Летом 1937 года, когда я был на косьбе клевера, мимо меня проходил Беляев, который сказал, что хорош вырос клевер, но не для колхозных лошадей, а для советской власти. В июне и июле месяце 1937 года я неоднократно встречался в Егонской лавке с Беляевым, который ввиду временного перебоя вольной продажи хлеба говорил, что ну вот, колхознички, осенью хлеб отдаете государству, а весной за килограммом стоите в очереди целыми днями. Дополняю, что в апреле месяце, в момент моего случайного нахождения в церковной сторожке, Беляев говорил со своим сторожем о том, что советская власть насильно, против воли народа

закрывает церкви с целью препятствования верить православным. В том же месяце он негласно мобилизовал церковный совет на сбор подписей от окружающего населения о восстановлении службы в Макарьевской церкви.

Другая свидетельница показала:

- В марте месяце 1937 года Макарьевская церковь была закрыта, после чего Беляев говорил, что советская власть преследует вероисповедание то есть насильно, против воли народа закрывает церкви, причем Беляев негласно собирал церковные собрания верующих в помещении церковной сторожки и агитировал о сборе подписей по домам от населения, чтобы разрешили церковную службу, вследствие чего верующие кулаки, например, церковный сторож и другие, ходили по селениям, в то же время Беляев и сам этим делом занимался.

15 октября следователь допросил о. Феодора:

- Проживая в деревне Макарове Егонского сельсовета, вы систематически вели контрреволюционную агитацию, выступали против проводимых хозполиткампаний. Признаете ли вы это?

- Антисоветской агитации я не вел, против проводимых хозполиткампаний я не высказывался.

- В 1935 году при изъятии колокольной бронзы в церквях и в апреле 1937 года вы на почве религиозных убеждений создавали недовольство среди населения, настраивали его против советской власти, при этом вели антисоветскую агитацию. Расскажите следствию, в связи с чем это вы проводили контрреволюционную деятельность?

- Разговора о снятии колоколов в церкви с моей стороны я не помню, насчет закрытия церквей разговор в сторожке в апреле 1937 года был. Я говорил, что скоро все церкви закроют, а верующим советская власть веровать запретит.

- При выполнении зернопоставок колхозниками летом 1936 года и в июне 1937 года вы вели антисоветскую агитацию против государственных зернопоставок, при этом высказывались в контрреволюционной форме. Припоминаете ли вы это?

- Я этого припомнить не могу, потому что антисоветской агитации я не вел.

- Летом 1937 года, в июне и в июле, на почве временного перебоя в торговле хлебом, вы, бывая в лавке Егонского сельпо, неоднократно высказывали антисоветские взгляды, создавали недовольство среди населения. Расскажите, как вы высказывались у Егонского сельпо.

- У Егонской лавки летом 1937 года в момент перебоев в торговле хлебом, это было в июне и июле, я неоднократно говорил среди населения, что раньше при царе было всего много, и хлеб был, а теперь при советской власти хлеба не стало, приходится в очереди стоять. Кроме этого я ничего говорил.

На этом допрос был закончен; в тот же день было составлено обвинительное заключение и отправлено на рассмотрение Тройки НКВД. 1 ноября Тройка постановила о. Феодора расстрелять. Священник Феодор Беляев расстрелян через день, 3 ноября 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Феодор (Богоявленский)
(память 6 июля по старому стилю)

Преподобномученик Феодор (в миру Олег Павлович Богоявленский) родился 26 декабря 1905 года в Тегеране в благочестивой семье русского консула в Персии Павла Георгиевича Богоявленского. 19 января 1911 года Павел Георгиевич был убит персами, и его жена Ольга Петровна с тремя малыми детьми вернулась в Санкт-Петербург. Семья жила на пенсию, получаемую от правительства; жили хотя и не богато, но в достатке. Олег в это время учился в ремесленном училище. После революции семья осталась без средств к существованию. Ольга Петровна была пианисткой и некоторое время зарабатывала на жизнь уроками музыки. Но когда в Петрограде начался голод, она лишилась уроков. Выйти из этого бедственного положения им помог брат Ольги Петровны, профессор Александр Петрович Нечаев. В 1920 году ему предложили занять должность ректора института в Саратове, куда он взял и семью сестры. В 1921 году голод начался и в Саратове, и Ольга Петровна поменяла все свои вещи на ржаную муку. Олегу удалось поступить на работу, и он стал получать паек, что явилось значительной поддержкой для семьи. Но это продолжалось недолго, он заболел суставным ревматизмом, и работу пришлось оставить. Это было время, когда голод в Саратове достиг разгара, и на улицах валялись трупы умерших.

В 1921 году Александра Петровича перевели в Москву, а семья Ольги Петровны еще некоторое время оставалась в Саратове, где существовала на скудный паек, получаемый ею за преподавание музыки в школе, который состоял из небольшого количества растительного масла, большей частью льняного, конины и патоки вместо сахара.

В 1922 году по приглашению Александра Петровича они выехали в Москву, и Ольга Петровна устроилась преподавательницей музыки в средней школе. Они получили комнату. Посреди комнаты стояла печка-времянка. Жили более чем скромно. Белый хлеб был только по праздникам, и часто приходилось ходить обедать к дяде-профессору. По приезде в Москву Олег окончил курсы по подготовке в высшее учебное заведение и в 1923 году поступил на медицинский факультет Московского университета. В это время в университете был организован литературно-философский кружок, в котором Олег принял деятельное участие. Но занятий в университете и литературном кружке оказалось для него недостаточно, он искал, чем послужить людям, и стал принимать самое активное участие в борьбе с беспризорностью. Ольга Петровна очень беспокоилась за него, но, будучи сама человеком глубоко религиозным, не могла противиться христианскому подвигу сына. Она воспитывала детей в покорности воле Божией. "Что бы ни случилось, - говорила она детям, - никогда не забывайте, что на все воля Божия". С детства она приучила их ходить в храм. Переехав в Москву, они стали прихожанами храма Грузинской иконы Божией Матери, настоятелем которого был священник Сергий Голощапов, человек высокообразованный и прекрасный проповедник. Олег с сестрой Ольгой пели на клиросе, а младший брат Георгий был в храме чтецом и прислуживал в алтаре. Основную часть прихожан составляла молодежь. Свечного ящика в храме не было, свечи раздавались бесплатно. С тарелками для сбора пожертвований по храму не ходили, но у дверей при входе стояла большая кружка, куда верующие могли опустить свою лепту. Богослужения совершались истово и строго по уставу. После праздничных всенощных отец Сергий объяснял тексты Священного Писания, смысл праздников и богослужения. После праздничной литургии устраивалась общая трапеза.

В 1926 году Ольга Петровна тяжело заболела. Олегу пришлось уйти с 4-го курса университета и поступить на работу делопроизводителем в Народный Комиссариат Просвещения. В 1927 году Ольга Петровна скончалась. В том же году Олега взяли на военную службу. Он был зачислен в полк связи. Служа в армии, Олег не скрывал своей веры и христианских убеждений и всегда, прежде чем сесть за стол, про себя молился, а затем крестился. Это было замечено начальством, и его посадили на пять суток на гауптвахту.

Оканчивал Олег службу в санитарном отделе Московского военного округа. По возвращении из армии Олег стал посещать Высокопетровский монастырь, настоятелем

которого был в то время архиепископ Варфоломей (Ремов). Владыка благословил Олега обращаться для руководства в духовной жизни к архимандриту Никите (Курочкину), насельнику Зосимовой пустыни, человеку, приобретшему долгим подвигом истинное смирение и любовь к людям. Летом 1929 года храм в Петровском монастыре был закрыт и монахи перешли в храм преподобного Сергия на Большой Дмитровке. С переходом в приходской храм монашеской братии богослужения в нем стали совершаться по монастырскому уставу. Здесь Олег принял твердое решение - всю жизнь свою посвятить только Господу, не разделяя и не смешивая своих душевных устремлений ни с чем земным, встать на путь монашеского подвига и идти по нему до самой смерти. Грозным предупреждением звучали в его душе слова Господни: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия (Лк 9:62).

4 ноября 1930 года Олег принял монашеский постриг с именем Феодор в честь преподобного Феодора Студита и был рукоположен в сан иеродиакона ко храму преподобного Сергия. В это время он жил в маленькой комнатке на колокольне. В 1933 году художником Павлом Кориным с него был написан портрет - эскиз к картине "Русь уходящая", названный им "Молодой монах". Приняв монашеский постриг, он всей душой устремился ко Христу и подвижнической жизни и, воспринимая отношения с приходской общиной и знакомыми как имеющие в значительной степени человеческий, пристрастный характер, постарался отстраниться от них; не нарушая заповедей Христовых, он стремился отсечь то, что было всего лишь душевным и земным, что было утешительно, но не вечно. Живя среди города и людей, он ушел как бы во внутреннюю пустыню... чтобы, закалившись в подвигах самоограничения, вернуться в мир мужественным воином Христовым и уже тогда послужить всякому ближнему - и любящему, и ненавидящему, и равнодушному. Такое его умонастроение породило некоторое непонимание между ним и близкими друзьями.

Среди братии Высокопетровского монастыря был в то время молодой архимандрит Алексей (Сергеев). Он не любил монашеского образа жизни и не стремился к духовному подвигу. ОГПУ предложило ему сотрудничество, на что он дал согласие и стал время от времени составлять списки прихожан и монахов и сообщать о них сведения, необходимые для их ареста. Все в монастыре, а также близкие к монастырю прихожане знали о его зловещей роли и сторонились его. В начале 1933 года архимандрит Алексей подал в ОГПУ сведения о том, что при храме преподобного Сергия созданы нелегальный монастырь и Духовная академия, и во время следствия выступил свидетелем обвинения против братии и прихожан Сергиевского храма. Он показал на следствии: "Сергиевская церковь по существу является нелегальным монастырем, где группируются контрреволюционные антисоветские элементы... Руководящую роль в контрреволюционной деятельности нелегального монастыря занимают, кроме епископа Варфоломея (Ремова)... (далее он перечислил восемь священноиноков и среди них иеродиакона Феодора.). Контрреволюционная деятельность означенного нелегального монастыря проводилась в направлении активной борьбы с властью путем вербовки и обработки в антисоветском духе молодежи с целью создания контрреволюционных кадров тайного монашества в советских учреждениях, путем нелегальных богослужений на квартирах с целью подготовки перехода в подполье, организации нелегальной академии, организации нелегальной помощи сосланным за контрреволюционную деятельность церковникам. Контрреволюционная организация в процессе деятельности успела обработать в контрреволюционном духе молодежь, завербовав в тайные послушники следующих лиц... (далее он перечислил имена четырнадцати человек). Молодежь обрабаты- валась таким способом, чтобы не только ее оторвать от общественной жизни и общественных организаций, но и внушалась мысль, что общественные организации развращают молодежь... Монастырем завербовано в тайное монашество шестьдесят человек, фамилий всех не знаю, но некоторые из них мне известны... Монашки руководились иеромонахами через ежедневное писание рапортичек-

помыслов о повседневной жизнедеятельности, на которые они получали от иеромонахов руководящие указания. Руководящую роль в контрреволюционной деятельности нелегального монастыря выполнял вернувшийся из ссылки бывший князь Ширинский-Шихматов, который лично мне рассказывал о творящихся ужасах и издевательствах над заключенными, что он всегда готов вести борьбу с ненавистной ему советской властью. Я участия в этой контрреволюционной деятельности не принимал, просто в силу служебных обязанностей по монастырю пришлось быть свидетелем означенных контрреволюционных действий, о чем чистосердечно сообщаю".

28 марта 1933 года иеродиакон Феодор был арестован. Всего по этому "делу" было арестовано двадцать четыре человека - священнослужителей и мирян. Среди других был арестован и иеромонах Никола (Ширинский-Шихматов).

1 апреля 1933 года следователь допросил иеродиакона Феодора. Побеседовав с ним, он составил протокол ответов на интересующие следствие вопросы. "Я, как бывший дворянин, не имея перспектив, решил посвятить свою жизнь служению культу. Служа в Красной армии в 1927-1928 годах, я ходил в красноармейской одежде в церковь и помогал в богослужении, читая Евангелие, Псалтирь и прочее. После окончания службы в Красной армии я перешел в нелегальный, бывший Петровский, монастырь, который существовал при церкви Сергия на Дмитровке. Мне известно, что в этом монастыре производились тайные постриги в монахи и в монахини. Постригались люди из числа верующих - проверенных ревнителей Церкви. Мне известны два пострига - Прокофьева Григория (Сергия) и Николы, служащего священником в селе Никольском. Кроме тайных постригов при церкви Сергия на Дмитровке существовал нелегальный монастырь, куда собирались монахи и монашки из разных закрытых монастырей. Количество собираю- щихся я указать не могу, но предполагаю, что их было более пятидесяти. Нелегальный монастырь, в котором я состоял, был озабочен тем, чтобы подготавливать квалифицированные кадры.

Помимо того, что я получал опыт от старых монахов, я старался получить богословское образование. Мне известно, что при нашем нелегальном монастыре существовала нелегальная духовная академия, преподавателями которой были протоиерей Смирнов и профессор Четвериков. У Смирнова лично я прослушал несколько лекций, которые он читал у себя на колокольне".

Прочитав написанное следователем, отец Феодор написал: "Содержание данного протокола считаю НЕ соответствующим действительности". Слово "не" отец Феодор написал большими буквами и подчеркнул жирной чертой. На этом допрос был закончен. И сколько впоследствии не допрашивал его следователь, отец Феодор отказался давать какие бы то ни было показания, о чем следователь вынужден был сделать соответствующую запись. "Не ведают, что творят", - говорил о них впоследствии отец Феодор, жалея их.

9 апреля 1933 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось: "ОГПУ стало известно о существовании контрреволюционной организации церковников... Практическая контрреволюционная работа организации выражалась: в насаждении тайных монахов в советских учреждениях, занимающихся пропагандой контрреволюционных идей и обработкой в антисоветском духе служащих, главным образом молодежи; в создании нелегальных монастырей, являющихся очагами развернутой антисоветской агитации среди населения; в создании специальной нелегальной духовной академии для подготовки кадров контрреволюционного актива; в распространении монархической литературы (дореволюционного издания) и создании спецфонда помощи ссыльным за контрреволюционную деятельность церковникам".

27 апреля 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеродиакона Феодора к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 7 мая он был отправлен этапом в Новосибирск. Перед этапом ему дали свидание с сестрой. Он вышел к ней радостный и бодрый. Благодать Божия давала силы быть стойким и мудрым;

узы, которые пришлось переносить ради Христа, не были омрачены малодушием и тем более предательством, и устрояли мирное состояние духа.

В мае 1934 года он был отправлен во Владивосток, в 1-е отделение Дальлага. Во время посадки заключенных на пароход у него отнялись ноги. Несмотря на жесточайшие побои, он не смог встать, и конвой вызвал врача. Осмотрев его, врач убедился, что перед ним действительно больной, которому нужна неотложная помощь.

Впоследствии врач выяснил, что отец Феодор имеет незаконченное медицинское образование, и взял его к себе помощником. Иеродиакону Феодору пришлось ассистировать более чем при ста операциях аппендицита, удалять зубы и даже принимать роды, так как в лагере, кроме врача и иеродиакона Феодора, медицинского персонала не было. Желая как можно больше принести пользы страждущим, он явился для них врачом не только телесным, но и духовным, укрепляя словом больных и умирающих.

Попав в исправительно-трудовой лагерь, отец Феодор имел намерение не сообщать о месте своего нахождения и никому не писать. Ему хотелось на время заключения, которое явилось для него подвигом сугубым, пожить, полагаясь только на Бога, не надеясь ни на материальную помощь близких людей, ни на согревающее душу слово их поддержки. В том военном походе, в той войне против духов злобы поднебесной, ему были не нужны ни излишки одежды, ни пищи, а только чистое сердце и душа, не преклоняющаяся на грех, о спасении которой воинствовали ангелы небесные. Но когда летом 1934 года одно из писем членов общины достигло до лагеря, где он находился, он переменил свое решение и ответил на него. В ответах он везде, когда писал слово "семья", имел в виду общину, с которой был тесно связан по храму Грузинской иконы Божией Матери. В это время его Ольга ушла из общины, почувствовав потребность в руководстве опытного духовника-монаха, и стала окормляться у священноиноков Высопетровского монастыря; некоторые из них, как например схиархимандрит Игнатий (Лебедев), в то время еще не были арестованы.

Иеродиакон Феодор вернулся из лагеря, пробыв там полных три года. Первое время он жил в Егорьевске, а затем переехал в Тверь.

При освобождении отца Феодора из заключения врач снабдил его документами и характеристикой, в которой отмечал его исключительную добросовестность и редкие способности к медицине, и приложил ходатайство о предоставлении ему возможности закончить медицинское образование. Нужно было решить вопрос: воспользоваться ли этими документами и стать врачом телесным или идти дальше по тесному и скорбному пути священноинока, который в то время неизбежно вел на голгофу. Его духовный отец и восприемник при постриге архимандрит Никита, который в то время вернулся из ссылки, предоставил ему самому свободно решить этот вопрос. Отец Феодор обратился за советом к сестре: "А как ты думаешь, что ты посоветуешь делать?" Ольга стала молиться перед Казанской иконой Божией Матери, которой благословила их мать, и вдруг словно голос ясно услышала: "Вземшийся за орало да не зрит вспять". Она повторила эти слова вслух. Отец Феодор внимательно выслушал их и, кротко улыбнувшись, сказал: "Спасибо тебе, одна только ты меня поддержала, мне так это было нужно".

После этого он уже не сомневался в выборе пути и пошел в патриархию, заявив, что хочет служить и принять священство. Священноначалие направило его иеродиаконом в большое село Амельфино Волоколамского района Московской области в помощь старому протоиерею. Тот был вначале недоволен его появлением и говорил, что ему диакона не нужно, так как в храме мало дохода. Впоследствии он полюбил отца Феодора, как родного сына. Своей кротостью, скромностью и полной нестяжательностью отец Феодор сумел победить недоброжелательное отношение к себе. Священник жил вдвоем с супругой, детей у них не было, он страдал страстью винопития, и дело доходило до запоев. Когда он приходил в храм в неподобном состоянии, отец Феодор кротко уговаривал его прилечь на лавке в алтаре. Затем выходил к народу и говорил: "Братья и сестры, помолитесь, наш батюшка очень заболел, служить не сможет, расходитесь с миром по домам до

следующего воскресенья". И так бывало не раз. Затем священник был сослан, а храм закрыт. Отец Феодор почти до самого своего ареста материально поддерживал супругу священника.

12 мая 1937 года отошел ко Господу духовник и наставник отца Феодора архимандрит Никита, служивший в храме села Ивановского неподалеку от Волоколамска. Смерть духовника стала большой потерей для отца Феодора, и он говорил: "Я готов еще раз пережить заключение, лишь бы был жив батюшка".

Прихожане храма в селе Ивановском предложили отцу Феодору занять место почившего священника, на что он дал свое согласие. После этого отец Феодор и председатель церковного совета отправились в Москву к архиепископу Сергию (Воскресенскому) с ходатайством о рукоположении иеродиакона Феодора в сан священника ко храму мученика Иоанна Воина в селе Ивановском.

Архиепископ Сергий ходатайство удовлетворил, рукоположив иеродиакона Феодора в сан иеромонаха. Рукоположение состоялось в храме апостолов Петра и Павла на Преображенской площади в Москве. Первую свою службу иеромонах Феодор совершил на сороковой день после кончины архимандрита Никиты.

С великой ревностью и самоотверженностью исполнял отец Феодор свои пастырские обязанности. Когда нужно было причастить больного, он отправлялся из дома в любую погоду - в дождь, в сильный мороз и в распутицу, идя по топкой от грязи дороге. Денег за требы он не брал, а когда видел нищету, то сам по мере возможности старался помочь. Своим усердием и милосердием он стяжал любовь всех своих прихожан.

В это время власти закрывали храмы, требуя уплаты непосильных налогов. Если священник не мог заплатить, то власти лишали его регистрации, а значит и возможности служить, а храм закрывали. Так произошло и с иеромонахом Феодором. Он не смог уплатить налог, и храм в селе Ивановском был закрыт. Тогда староста Троицкого храма в селе Язвище, Мария Васильевна, продала корову и лошадь и уплатила налог за священника. Он снова стал служить, но уже в селе Язвище, где незадолго до этого был арестован настоятель храма - протоиерей Владимир Медведюк.

Иеромонах Феодор прослужил здесь около года, так же ревностно исполняя свои пастырские обязанности. В декабре 1940 года власти потребовали от него собрать и уплатить заведомо завышенную сумму налога. Средств у священника не было, и дело передали в суд, куда он был вскоре вызван и где его встретили представители властей.

- Вот что, - сказал один из них, - будем говорить прямо. Мы тебе зла не желаем, ты еще молодой, может быть, опомнишься. Дадим тебе такой хороший приход, что всегда будешь сыт. Налог с тебя будет снят вовсе. За это с тебя потребуется очень немного: подпиши вот эту бумажку, что когда будешь служить на этом приходе, то будешь держать нас в курсе дел и записывать наблюдения о своих прихожанах. Внимательно смотри, что там делается, и передавай нам.

Выслушав предложение, отец Феодор встал во весь свой высокий рост и резко ответил:

- Я не воспитан доносчиком!

В ответ на это один из них вырвал из его рук паспорт, разорвал и с ненавистью закричал:

- Ах, ты отказываешься! Ну, так нигде больше и никогда не будешь служить! Вон из Московской области!

Все эти угрозы сопровождались непристойной бранью. Затем отцу Феодору был выдан паспорт с пометкой, запрещающей ему проживание в Московской области как человеку, отбывавшему срок в исправительно-трудовых лагерях.

Иеромонах Феодор уехал в село Завидово Тверской области, где снял маленькую комнату. Но большей частью он бывал в Москве у своих духовных детей или за городом у сестры Ольги в поселке Востряково, где ей принадлежала половина дома, состоявшая из трех комнат.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Въезд и выезд из Москвы сразу стал затруднен, везде проверялись документы, участились аресты. С большим трудом отец Феодор добрался до дома сестры в Вострякове и сказал ей:

- Я узнал, что игумена Митрофана арестовали, значит, и меня должны скоро взять. Ты знаешь, как я тебя люблю, как ты мне близка по духу и дорога! Я понимаю, какой опасности я тебя подвергаю, но все-таки, несмотря на это, прошу тебя, позволь мне пожить у тебя некоторое время, чтобы подготовиться к смерти. Я знаю, что меня скоро возьмут, и знаю, что второй раз я уже не смогу пережить то, что пережил. Можно я поживу здесь так, чтобы об этом никто не знал, даже соседи?

- Зачем ты меня спрашиваешь об этом, когда знаешь, что мой дом всегда является твоим домом? - ответила сестра.

Отец Феодор поселился в маленькой комнате, ставшей его кельей. Уезжая в Москву на несколько дней, сестра снабжала его продуктами, это были хлеб и вода, так как от всего другого он отказался, и вешала на наружную дверь замок, что должно было показывать, что в доме никого нет. В тишине и уединении отец Феодор сурово постился и много молился, готовясь к смерти.

Незадолго перед этим последним приездом отца Феодора к сестре его посетила в Вострякове одна из его духовных дочерей, постриженная им в монахини, у которой он часто находил приют, когда бывал в Москве. Вскоре после визита к священнику ее арестовали и при обыске нашли в сумке железнодорожный билет с указанием станции, где жила сестра отца Феодора. Затем были арестованы еще три духовные дочери отца Феодора. В самый день начала войны, 22 июня, власти выписали ордер на арест иеромонаха Феодора, предполагая предъявить ему обвинение в том, что он "является одним из руководителей антисоветской подпольной организации церковников... устанавливает широкие связи с антисоветски настроенными церковниками в Москве и Московской области... создал в Москве пять домашних церквей на квартирах активных участниц организации: Давыдовой, Сольдиной, Грошевой и Афанасовой..."

В течение двух недель власти не могли найти отца Феодора и арестовали его только 8 июля 1941 года. Произошло это так. Около двенадцати часов ночи раздался стук в дверь. В эту ночь Ольга Павловна была дома. Отец Феодор уже лег спать, но еще не уснул и слышал этот стук. Сестра подошла к нему и тихо сказала: "Это, наверное, пришла милиция с проверкой".

В доме был прописан под видом мужа Ольги Павловны их двоюродный брат, младший сын профессора Нечаева. Выйдя на веранду с домовой книгой в руках, Ольга Павловна увидела четырех человек, из них двое были одеты в солдатскую форму. Она протянула им домовую книгу и сказала:

- Вот, видите, здесь все в порядке, вот записана я, а вот мой муж. Он только недавно приехал из Москвы с работы, очень устал и сразу лег спать, пожалуйста, не беспокойте его.

- Нет, мы должны войти, зажгите свет, - сказали они. Войдя в комнату, она начала зажигать керосиновую лампу, руки у нее невольно задрожали, на что они сразу обратили внимание.

- Бери лампу и веди нас на чердак, - приказали они. Ольга Павловна взяла лампу и пошла вперед. Двое сотрудников НКВД пошли за нею, а двое остались внизу.

- Не надо, здесь он! - закричал один из оставшихся.

Все вернулись в комнату, и Ольга Павловна увидела, что в келье отца Феодора около его кровати стоят двое военных и расталкивают его. Когда он встал во весь рост, они невольно отступили. Он стоял перед ними светлый, в белом подряснике, с очень бледным, но спокойным лицом, крайне исхудавший за время своего затворничества и постничества.

Повернувшись к Ольге Павловне, один из сотрудников НКВД выхватил револьвер и, направив на нее, закричал:

- А ты еще укрывательством занимаешься! Знаешь, как по военному времени ответишь за это?!

Но Ольга Павловна не испугалась и закричала на них:

- Как?! вы отнимаете у меня моего родного брата, да еще смеете на меня кричать?! Что же, я не имею права принимать его у себя, если я ему обязана всем... даже своим образованием?!

После этих слов сотрудник НКВД опустил револьвер, а другой, обратившись к отцу Феодору, выкрикнул:

- Ах ты!., сколько я машин загонял, разыскивая тебя!

Затем они стали обыскивать отца Феодора; выворачивая карманы, они нашли у него исписанный мелким почерком листок бумаги. Отец Феодор вырвал у них из рук этот листок и на их глазах разорвал его на мелкие клочки и, раскидав по полу, сказал:

- Это вам нельзя читать, это переживания человека, которые, кроме меня, никто не должен знать.

Сотрудники НКВД пришли в ярость и выхватили револьверы. Ольга Павловна стала их успокаивать и увещевать, что это исповедь, которую священник обязан сохранить в тайне.

Они попросили ее выйти из комнаты, так как решили приступить к личному обыску и раздеть священника донага. Перед уходом Ольги Павловны отец Феодор тихо сказал ей:

- Ты ничего не знаешь.

Обыскав священника, они разрешили ему одеться. Ольга Павловна вошла в комнату, и начался обыск дома, который продолжался до пяти часов утра. Сотрудники НКВД перелистывали и трясли каждую книгу.

- Вот сколько икон понавесили, моя мать давно выбросила из своей хаты все иконы, хоть и старая уже, - сказал один из офицеров НКВД. Отец Феодор сказал на это:

- Ну что же, остается ее только пожалеть, что на старости лет она потеряла разум.

Это услышал сотрудник НКВД и, перехватив сочувствующие взгляды молодых солдат, обращенные на священника, с яростью закричал:

- Ты что тут пропагандой занимаешься! Как смеешь еще разговаривать!

Отец Феодор на это спокойно ответил:

- Я не разговариваю, а отвечаю на то, что вы говорите.

Они стали обыскивать нижние ящики книжного шкафа. В одном из них хранился в футляре наперсный деревянный крест с распятием из золота. Он принадлежал другу отца Феодора иеромонаху Косме, который перед тем как отправиться в ссылку, отдал его Ольге Павловне на хранение. Увидев крест, сотрудник НКВД, не говоря ни слова, положил его карман и протянул руку к серебряной дарохранительнице, стоявшей на столике у окна рядом с кроватью отца Феодора. Заметив это движение, отец Феодор решительно сказал:

- К этому вы не смеете прикасаться, это Святые Дары!

Он сказал это таким решительным тоном, что рука того невольно опустилась.

Затем они перешли в комнату Ольги Павловны и стали что-то искать в стоявшем под образами шкафчике. На его верхней полке они увидели маленький золотой крестик, который Ольга Павловна не носила из-за того, что оборвалась цепочка. К нему уже протянулась рука, но она сурово сказала, что в этом шкафу все вещи принадлежат ей, и они прекратили обыск и расхищение.

Затем они вывели иеромонаха Феодора на веранду и стали осматривать содержимое шкафа, откуда вынули и забрали все фотографии, все письма отца Феодора из заключения, зарисовки, сделанные им в лагере, его студенческую фотографию, две фотографии отца Космы. В шкафу находились также разные портреты совершенно незнакомых Ольге Павловне людей. Она объяснила им, что изучала фоторетушь и этим подрабатывала, но они все же вытащили все портреты и положили на большой стол, за которым сидел отец Феодор. Ольга Павловна увидела в руках сотрудника НКВД, несшего эти портреты, большой конверт оранжевого цвета, которого у них раньше не было.

Сотрудник НКВД с отвратительной усмешкой вынул из него портрет Гитлера с немецкой надписью.

- А что это такое? - спросил один из них отца Феодора.

- Я не знаю и никогда в жизни этого не видел.

Ольга Павловна поняла, что они решили устроить провокацию и, не найдя при обыске ничего предосудительного, подсунули этот конверт.

Сестра предложила отцу Феодору покормить его, но он отказался и попросил их, чтобы ему дали возможность помолиться перед уходом.

- Только смотри, чтобы это недолго было, - согласились они. Но вскоре, собравшись все в одну комнату в доме, грубо сказали:

- Ну, собирайся, шевелись, пойдем!

Ольга Павловна в ответ решительно заявила, что они обязаны выполнить данное обещание и позволить брату помолиться. Они нехотя согласились, но прибавили:

- Только по-быстрому.

Отец Феодор надел полумантию и отслужил в комнате молебен перед Казанской иконой Божией Матери, перед которой когда-то Ольга Павловна молилась, чтобы дать ответ на вопрошение брата, по какому пути идти. Двери в этой комнате не было, и сотрудники НКВД наблюдали за ним из соседней комнаты.

Помолившись, отец Феодор подошел к платяному шкафу, достал из него свою зимнюю ватную рясу, скуфью, которые хранились у Ольги Павловны, так как ему все время приходилось ездить в штатском, чтобы не подводить людей, у которых он бывал, и надел. При виде этого один из сотрудников НКВД закричал:

- Это еще что за маскарад?

На это отец Феодор с достоинством спокойно ответил:

- Это не маскарад, я счастлив, что могу наконец надеть одежду мне подобающую.

Затем он подошел попрощаться с сестрой, которая в это время горько заплакала, поцеловал ее и сказал:

- Глупенькая, ну что ты плачешь, радоваться надо, а не плакать!

Услышав эти слова, она открыла глаза и увидела перед собой светлое, совершенно преображенное, сияющее радостью его лицо.

Отца Феодора вывели из дома, перед крыльцом стояла легковая машина. Прежде чем сесть в нее, он обернулся, перекрестил широким крестом сестру и весь дом, потом сел в машину и был увезен в тюрьму.

Допросы начались на следующий день после ареста.

- За какие преступления вы были арестованы органами ОГПУ в 1933 году? - спросил следователь.

- В 1933 году я был арестован по обвинению в принадлежности к церковной группировке. Но виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признал, - ответил иеромонах Феодор.

- Кто, кроме вас, в 1933 году был привлечен к судебной ответственности из числа ваших сообщников в антисоветской церковной группировке?

- Как на следствии, так и на суде мне не были предъявлены материалы обвинения, а поэтому я абсолютно не знаю, кто привлекался вместе со мной и были ли такого рода привлечения.

- Чем вы занимались в Завидове и на какие средства жили?

- В период своего проживания в Завидове я выезжал к своей сестре и получал у нее чертежно-художественную работу. Несколько раз я ездил в Волоколамский район, где я проживал по нескольку дней у своих знакомых в селах Гряды, Амельфино, Лысово и в самом Волоколамске. Мои знакомые поддерживали меня материально.

- Назовите ваших знакомых, у которых вы останавливались в селах Волоколамского района и в Волоколамске после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области.

- Я считаю невозможным называть этих людей и впутывать их в свое следственное дело и поэтому называть их не хочу.

- Несмотря на то, что вы разоблачены как враг народа и советской власти, вы вместо откровенных признаний своей вины решили следствию оказывать сопротивление. Мы предупреждаем вас, что это бесполезная затея, так как вы будете разоблачены.

Затем допрос был прерван, по-видимому, были применены пытки, после чего следователь спросил:

- Состояли ли вы на учете как военнообязанный?

- До декабря 1940 года, а затем с военного учета я был снят по болезни. В декабре в Завидове я проходил переучет и был признан годным к несению нестроевой службы, и мне был выдан на руки военный билет, который отобрали во время обыска и ареста.

- Вам было известно, что согласно указу Президиума Верховного Совета Союза СССР 1905 год, в котором вы родились, мобилизуется на войну с фашистской Германией?

- Да, это мне известно было.

- Явились ли вы в военкомат, в котором состояли на учете как военнообязанный?

- Нет, не явился.

- Значит, вы уклонились от мобилизации и службы в Красной армии и стали дезертиром?

- Живя в Завидове до 24 июня 1941 года, я никакого мобилизационного листка не получил и поэтому выехал в город Волоколамск, договорившись со своей хозяйкой, что в случае вызова меня по мобилизации в военкомат она мне об этом сообщит.

- Сообщили ли вы в местный военкомат, на учете которого состоите как военнообязанный, куда и по каким делам вы выезжаете?

- Нет, такого сообщения я не сделал.

- Значит, зная, что ваш год подлежит мобилизации и что вы, может быть, будете также мобилизованы, вы без разрешения военкомата уехали с прежнего места жительства, правильнее говоря, дезертировали от военной службы в военное время?

- Злого умысла у меня не было, и поэтому дезертиром я себя не считаю.

- Как вы можете так нахально врать, отрицая свое дезертирство? Ведь мобилизация началась 23 июня, а вы из Завидова уехали 24 июня 1941 года. Разве это не дезертирство?

- Я отрицаю свое умышленное уклонение от службы в Красной армии. Уезжая из Завидова на несколько дней, я предполагал вернуться, но, приехав в Волоколамск, не мог выехать из-за создавшихся трудностей.

- Куда вы выехали из Волоколамска?

- Из Волоколамска я выехал в город Каширу.

- Сколько времени вы прожили в Кашире?

- В Кашире я был только один день - 27 числа. Из Каширы уехал к своей сестре Ольге Павловне Богоявленской, проживающей в Востряково. 29 июня 1941 года я прибыл в Москву и пытался достать билет на проезд в Завидово, но билет я не достал и вернулся к сестре.

- Назовите фамилии, имена и отчества лиц, у которых вы проживали в Волоколамске, Кашире и Москве.

- Я считаю для себя нравственно невозможным называть следствию лиц, у которых я проживал, и на этот вопрос давать ответ отказываюсь.

- Вы после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области, приезжали в город Москву?

- Да, после того как получил запрет на проживание в Московской области, я раз десять приезжал в Москву и каждый раз жил два-три дня.

- Зачем вы ездили в Москву?

- В Москву я заезжал проездом и останавливался у своих московских знакомых, некоторых из которых я исповедовал у них на дому.

- Назовите этих ваших знакомых.

- На этот вопрос я давать показания отказываюсь и называть своих знакомых, у которых я в Москве останавливался, не буду.

- Вы арестованы за проводимую вами организованным путем антисоветскую работу и по этому вопросу на следующем допросе вам придется давать развернутые показания, а сейчас допрос прерывается.

Следствие велось сначала в Москве, а затем, когда немцы стали стремительно приближаться к столице, иеромонах Феодор вместе с другими заключенными в московских тюрьмах в конце июля 1941 года был перевезен в Саратов. Отца Феодора ежесуточно в течение долгого времени вызывали на допросы ночью, не давали спать, а на допросах беспощадно избивали и топтали ногами. Однажды его приволокли с допроса в камеру с лицом, превращенным в одну кровавую массу, у него была вырвана часть бороды вместе с кожей. От него требовали, чтобы он назвал всех своих духовных детей и людей, с которыми близко общался. Понимая, какой вред это может им принести, отец Феодор отказался называть их имена.

- Вам предъявлено обвинение в том, что вы, находясь на нелегальном положении, являлись одним из руководителей контрреволюционной организации церковников и проводили антисоветскую пораженческую агитацию. Вы признаете себя в этом виновным? - спросил следователь.

- В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как выдвинутое мне обвинение является необоснованным, - ответил священник.

- Вы напрасно пытаетесь скрыть от следствия свою преступную деятельность. Следствие располагает вполне проверенными неопровержимыми материалами, изобличающими вас в антисоветской работе. Намерены ли вы после этого говорить правдиво следствию о своей преступной работе?

- Никакой преступной антисоветской деятельности я не вел и, следовательно, никакие материалы, свидетельствующие о такой деятельности, мне не известны.

8 сентября закончился отведенный законом срок следствия, и следователи испросили у прокурора разрешение на его продление, мотивируя тем, что "по делу необходимы дополнительные допросы арестованного с целью вскрытия его антисоветской работы и связей". Затем допросы с применением избиений и пыток возобновились.

- Какие связи вы имеете по Москве и по другим городам Советского Союза?

- Связей у меня никаких нет, но в Москве и в других местах у меня имеются знакомые.

- Назовите фамилии и адреса ваших знакомых.

- Поскольку эти знакомства носят личный характер, я назвать их фамилии и адреса не считаю возможным.

- Вы не желаете назвать фамилии и адреса ваших знакомых, потому что они являются вашими соучастниками по контрреволюционной деятельности. Так ведь?

- Нет, не так. Я не хочу, чтобы в моем следственном деле фигурировали знакомые, которые даже не принадлежат к священнослужителям.

- При вашем аресте вы уничтожили какую-нибудь записку?

- Да, во время моего ареста я разорвал одну записку, которую мне прислала одна из моих знакомых.

- Назовите фамилию этой знакомой.

- Фамилию этой знакомой я также назвать не могу.

- Следствие вас предупреждает, что за провокационное поведение на следствии, выражающееся в отказе назвать свои связи, вы понесете большее наказание. Поэтому еще раз предлагаем назвать этих лиц.

- Я не считаю провокационным поведением то, что не желаю назвать своих знакомых.

За время, дополнительно отведенное для ведения следствия, следователи ничего не добились, и следствие было продлено еще на месяц.

- Когда вы встали на путь борьбы с советской властью? - спросил следователь.

- Я никогда не вел борьбы с советской властью и считаю это несовместимым с моими религиозными убеждениями, - ответил священник.

- Вы говорите неправду. В марте 1933 года вас судили за контрреволюционную деятельность, значит, сама деятельность началась значительно раньше. Вот вас и спрашивают, с какого времени вы ведете борьбу с советским государством.

- Я не вел борьбы с советской властью, и судили меня в 1933 году неправильно.

- Следствию известно, что вы после выхода из лагеря вновь возобновили работу по созданию контрреволюционной организации под видом создания в Москве и Московской области так называемых домашних церквей.

- Я утверждаю, что и до первого своего ареста, а также и после выхода из лагеря я никакой контрреволюционной работы не проводил и никаких домашних церквей не создавал.

- Вы были знакомы с Давыдовой?

- Да, Давыдову Елизавету Никифоровну я знаю.

- При каких обстоятельствах вы познакомились с Давыдовой?

- С Давыдовой я познакомился в селе Ивановском Московской области Волоколамского района, где я был священником, и куда приезжала Давыдова.

- Зачем приезжала Давыдова в село Ивановское?

- Зачем приезжала Давыдова в село Ивановское, я не знаю. Могу сказать только, что она заходила несколько раз в церковь, где я с ней познакомился.

- Вы бывали на квартире Давыдовой в Москве?

- Да, у Давыдовой я бывал раза два-три.

К Давыдовой я заходил потому, что ее отец портной и он мне переделывал пальто.

- А Сольдину вы знали?

- Да, Евгению Алексеевну Сольдину я знаю.

- При каких обстоятельствах вы познакомились с Сольдиной?

- С Сольдиной я познакомился в 1938 или 1939 году в селе Ивановском, куда она приехала к знакомому священнику, но, узнав, что этот священник уже в церкви не служит, обратилась ко мне с просьбой отслужить панихиду по умершему отцу. На этой почве у меня и возникло знакомство с Сольдиной.

- Вы в Москве бывали у Сольдиной?

- Да, к Сольдиной на квартиру я заходил несколько раз.

- Зачем?

- Приезжая в Москву за продуктами, я иногда заходил к Сольдиной отдохнуть, попить чаю.

- Давыдова с Сольдиной знакомы?

- Да, знакомы.

- Они приезжали к вам в село Ивановское вместе?

- Не помню.

- А как часто ездили Давыдова и Сольдина в село Ивановское?

- Как Давыдова, так и Сольдина приезжали в село Ивановское два-три раза.

- Зачем?

-Давыдова и Сольдина приезжали молиться, других причин я не знаю.

- На каком расстоянии находится село Ивановское от Москвы?

- От Москвы до Волоколамска сто двадцать километров и от Волоколамска до села Ивановского километров пять.

- Так какой же смысл ехать молиться за сотни километров, когда и в Москве есть достаточное количество церквей?

- Я лично думаю, что в силу большой загрузки московских священников они не могли уделять каждому достаточно времени, а у меня они могли отслужить панихиду и другие религиозные обряды.

- Бывая на квартирах Давыдовой и Сольдиной, кого вы там встречали?

- Не помню, чтобы кого-нибудь встречал.

- Вы говорите неправду. Следствию известно, что, бывая на квартирах Давыдовой и Сольдиной, вы там встречались с другими лицами и проводили с ними контрреволюционные совещания. Теперь вспомнили?

- Я утверждаю, что никаких контрреволюционных совещаний я на квартирах Давыдовой и Сольдиной не проводил. Что же касается встреч с другими лицами на указанных квартирах, то я таких случаев не помню.

- Следствие рекомендует вам "вспомнить", с кем вы встречались на квартирах Давыдовой и Сольдиной.

- Я не помню, чтобы на квартирах Давыдовой и Сольдиной были посторонние лица.

- Вы намеренно скрываете лиц, с которыми встречались у Давыдовой и Сольдиной, потому что связаны с ними по контрреволюционной деятельности. Так ведь?

- Нет, не так. Никого я не скрываю. Я просто не помню, встречался ли с кем-либо на квартирах Давыдовой и Сольдиной, так как не придавал этому никакого значения.

- Когда вы официально остались без места?

- В декабре 1940 года мне выдали новый паспорт с запрещением проживать в пределах Московской области, таким образом, я должен был выехать из села Язвище, где я был священником.

- С декабря 1940 года по день вашего ареста чем вы занимались?

- Через своих знакомых, проживавших в Москве, а также через свою сестру я получал работу по графике, ретушировке портретов и тому подобному, этим и занимался.

- А церковной деятельностью вы в этот период занимались?

- Нет, не занимался.

- Значит, вы утверждаете, что с декабря 1940 года по день вашего ареста занимались художественной работой, которую получали через своих знакомых?

- Да, это именно так.

- Назовите ваших знакомых, которые давали вам художественную работу.

"На этот вопрос обвиняемый дал столь контрреволюционный ответ, что я его не записал", - написал в протоколе следователь и продолжил допрос.

- Вы отказываетесь назвать своих знакомых, которые вам якобы давали художественную работу, потому что таких знакомых не существует в природе.

- Нет, такие знакомые есть, но говорить о них я не могу.

- Вы были знакомы с Грошевой?

- Больше никаких своих знакомых я следствию называть не буду, потому что они знали, что я являюсь священником и что мне был запрещен въезд в Москву, а они, зная об этом, тем не менее меня принимали и давали мне возможность ночевать. Я прекрасно понимаю, что их за это могут привлечь к ответственности, и поэтому фамилии их назвать отказываюсь. Но одновременно с этим я утверждаю, что никакой контрреволюционной деятельностью я с ними связан не был.

В течение месяца шли допросы, и 9 ноября 1941 года был составлен очередной протокол.

- Вы намерены рассказывать о своей антисоветской деятельности?

- У меня никакой антисоветской деятельности не было, и поэтому мне нечего рассказывать.

- Вы намерены назвать своих соучастников по антисоветской деятельности?

- У меня не было антисоветской деятельности, и поэтому соучастников никаких нет.

- В 1933 году, когда вас арестовали в первый раз, вы на следствии назвали своих соучастников?

- Мне тогда такого вопроса не ставили.

- Хорошо. Тогда назовите их сейчас.

- Так как антисоветской деятельностью я не занимался, поэтому и никаких соучастников у меня не было.

- Вы как и в 1933 году, так и сейчас пытаетесь скрыть своих соучастников по контрреволюционной деятельности. Еще раз предлагаем назвать таковых.

- Больше ничего показать не могу.

- Следствию известно, что одним из видов вашей контрреволюционной работы была агитация против службы в Красной армии.

- Я это отрицаю. Никогда такой агитации не проводил.

- Вы должны были явиться в призывной пункт, когда фашистская Германия напала на Советский Союз?

- Так как мой год подлежал призыву, то в военкомат я должен был явиться.

- Почему же вы выехали с места призыва?

- С места призыва я выехал потому, что желал справить свои христианские обряды, а именно исповедаться и причаститься.

- Ну, а потом почему не явились на место призыва?

- Потому что не давали билетов из Москвы до Завидова.

- Сколько километров до Завидова?

- От Москвы до Завидова сто двадцать километров.

- Почему же вы не пошли пешком?

- Мне и в голову этого не пришло.

- А почему же вы не обратились в первый попавшийся военкомат, чтобы он вам помог выехать к месту призыва?

- Я боялся идти в военкомат, потому что не имел права проживать в Москве и Московской области.

- Вы читали воззвание Московского митрополита Сергия, в котором он призывал верующих идти служить в Красную армию?

- Да, такое воззвание я читал.

- Значит, по закону вы должны были явиться на призывной пункт, плюс к этому же вас призывала и церковь, и все-таки вы не явились.

- Да, не явился и в этом признаю себя виновным.

- Почему же все-таки вы не явились?

- На призывной пункт я не явился по причинам, изложенным выше.

- Ваши доводы неявки в военкомат для призыва слишком неубедительны. Вы не явились на призыв, потому что, являясь врагом, не хотели защищать Советский Союз, так ведь?

- Нет, это не так. Справив свои христианские обряды, я готов был явиться на призыв, но не смог, так как не мог достать билета для проезда к месту призыва.

Следствие по делу иеромонаха Феодора продолжалось около двух лет. К февралю 1943 года благодаря его стойкой позиции были освобождены все, кто привлекался по делу вместе с ним и у кого он останавливался, бывая в Москве, и начальство НКВД, ознакомившись с материалами дела, предложило начать новое следствие - на этот раз по обвинению в дезертирстве.

3 февраля 1943 года следователь вызвал иеромонаха Феодора на очередной допрос.

- Вам предъявляется дополнительное обвинение в том, что вы с целью уклонения от призыва в Красную армию по мобилизации проживали на нелегальном положении, то есть совершили преступление, предусмотренное статьей 193-й пункт 10 "а" УК РСФСР. Признаете ли себя виновным в этом?

- Виновным я себя в уклонении от призыва в Красную армию не признаю.

Могу признать себя виновным только в том, что я в период мобилизации без разрешения Завидовского райвоенкомата, в котором состоял на учете, выезжал к сестре, чтобы повидаться, зная о том, что мой год призывной и я могу быть призван в Красную армию. У сестры я рассчитывал пробыть дня два, а потом возвратиться обратно к месту, где состоял на воинском учете. Ввиду того, что билета для проезда я достать не смог, не

смог и выехать на место жительства. В результате чего я прожил у сестры на станции Востряково дней семь или восемь, где и был арестован.

- Ваш ответ неубедительный, стараетесь скрыть от следствия действительность! Намерены ли вы давать правдивые показания по поводу уклонения от призыва в Красную армию, так как к сестре вы поехали не с целью повидаться, а с целью уклониться от призыва в Красную армию. Так ли это?

- Уклониться от призыва в Красную армию я цели не имел, а к сестре ездил, чтобы повидаться, где и задержался ввиду того, что не мог достать билет для проезда. А потому повторяю, что виновным себя в предъявленном обвинении в уклонении от призыва в Красную армию по мобилизации не признаю.

В начале июня 1943 года следствие было закончено и составлено заключение, в соответствии с которым отец Феодор обвинялся в том, что "вел антисоветскую агитацию и уклонился от службы в Красной армии... виновным себя не признал. Изобличается специальными материалами". Следователи предполагали приговорить иеромонаха Феодора к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Но когда документы поступили на заключение руководства НКВД и прокуратуры, мнения разделились, прокурор предложил ограничить наказание пятью годами ссылки. 26 июня Особое Совещание при НКВД постановило приговорить иеромонаха Феодора к пяти годам ссылки в Красноярский край. После приговора священника перевели из Саратовской тюрьмы No 1 в город Балашов Саратовской области в тюрьму No 3. Суровые условия длительного тюремного заключения и пытки сокрушили здоровье священника. Иеромонах Феодор (Богоявленский) скончался в тюрьме в городе Балашове 19 июля 1943 года и был погребен в безвестной могиле.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик протоиерей Феодор Колеров и иже с ним убиенные мученики Анания Бойков и Михаил Болдаков (память 16 ноября по старому стилю)

Феодор Ксенофонтович Колеров родился в 1882 году в селе Семеновском Тверской губернии в семье священника Ксенофонта Захарьевича и его жены Елизаветы Ивановны. В 1905 году Феодор окончил Тверскую Духовную семинарию и был рукоположен во священника села Ключевого Тверской губернии. В 1911 году он был переведен в село Столбово, а через год стал настоятелем в только что отстроенном Преображенском храме в города Кимрах Тверской губернии. Своим ревностным служением о. Феодор быстро привлек к себе сердца верующих. Несмотря на молодость, он для своих прихожан стал отцом; и в трудных случаях люди шли к нему за советами. Когда о. Феодор проходил по городу, то многие стремились поговорить с ним, останавливали его, и он, не жалея времени, старался разрешить возникшие вопросы. Всех своих прихожан он хорошо знал; знал, кто какой имеет душевный или телесный недуг. Бывало, жены запойных пьяниц, когда случалась беда, спешили позвать о. Феодора, чтобы он поговорил с мужьями и как-то отвлек их от пагубной привычки. Священник никогда не отказывал, и зачастую его беседа с пьяницей, а более того, совместная молитва, удерживали человека от запоя. Когда началась Первая мировая война, священник и его жена, Анна Михайловна, возглавили в городе общество помощи фронту - шили для армии одежду и отправляли на

фронт посылки. На Пасху и на великие праздники о. Феодор непременно обходил дома всех своих прихожан, обходил и после того, как советская впасть стала это запрещать и преследовать. Художественно одаренный человек, ценитель хорошего духовного пения, он приглашал в Преображенскую церковь известных певцов. У него были дружеские отношения с певицей Неждановой и актером Голововым. Артисты исполняли духовные песнопения; эти концерты имели не только просветительское значение, но и благотворительное. В Москве был голод. Многие известные артисты были лишены всяких средств к существованию и голодали. После духовных концертов и пения на службах прихожане приносили им, что у кого было из продуктов. Так о. Феодор помог певцам пережить голодное время.

Советские власти сразу отметили незаурядного священника и его высокий авторитет среди горожан. В начале сентября 1919 года секретный отдел губернской ЧК разослал по всем уездным городам телеграммы об аресте в качестве заложников всех сколько-нибудь выдающихся жителей. Уездный комитет кимрских большевиков постановил "выделить одиннадцать товарищей... в качестве руководителей и каждому дать одного коммуниста и по два красноармейца. Начать с 12 часов ночи". Среди других заложников был арестован и о. Феодор. Его обвинили в том, что он "организовал духовный концерт без всяких разрешений на то советских органов". Отец Феодор вскоре был освобожден, но власти не прекращали преследований: отобрали всю мебель, затем наложили контрибуцию, по которой он был обязан выплатить крупную сумму денег, в противном случае угрожали арестом.

1922 год. Голод. Изъятие церковных ценностей, гонение на Православную Церковь, организация советской властью обновленческого движения. До Кимр начали доходить из газетных сообщений известия об обновленцах. Пришло несколько номеров журнала "Живая Церковь", в которых толковалось о возрождении древних церковных традиций. Наконец пришло известие, что в Москве собирается съезд духовенства. Отец Феодор, который всегда интересовался событиями церковной жизни, отправился в Москву, чтобы лично увидеть, чем будет заниматься съезд духовенства, какие обсуждать проблемы. Съезд был назначен на 6 августа, к этому времени в Москву съехалось около двухсот участников, большей частью священников, прибывших из самых разных епархий России. Понаблюдав за приготовлениями, о. Феодор захотел попасть и на сам съезд, чтобы видеть его работу, но выяснилось, что на съезд будут допущены только члены группы "Живой Церкви". Любопытство превозмогло благоразумие, и священник, чтобы попасть на съезд, записался живоцерковником. Здесь о. Феодор попал в атмосферу, какая была в революционный семнадцатый год, когда говорилось много речей, строилось множество планов и рождалось много ложных надежд. При создании съездом комиссий о. Феодора назначили в комиссию социального обеспечения духовенства и так заняли делами, что ему не каждое удавалось теперь посещать заседание съезда.

По окончании работы съезда были назначены уполномоченные по епархиям, в Тверскую назначили священника Раевского. В конце съезда, 16 августа, власти разрешили живоцерковникам отслужить молебен в Успенском соборе, посетить кремлевские святыни, дворцы и оружейную палату. Сразу же после посещения Кремля о. Феодор уехал в Кимры и здесь вскоре получил от священника Раевского извещение, что он, Колеров, назначается уполномоченным Кимрского и Кашинского уездов. Отец Феодор понял это так, что ему поручается ознакомить духовенство с работой московского съезда, а пожелает ли кто из них вступить в группу живоцерковников - это их личное дело.

Собрание в Кимрах состоялось 31 августа: присутствовали пять священников кимрских церквей, три диакона и один псаломщик. Духовенство подворья Троицке-Ильинского женского монастыря на собрание не явилось. Отец Феодор рассказал о работе съезда белого духовенства. Один из священников спросил: "А канонично ли Высшее Церковное Управление?" В ответ о. Феодор сослался на учреждение Петром I Святейшего Синода на месте Патриаршего управления и сказал что ВЦУ учреждено многими

авторитетными архипастырями. Кто-то из присутствовавших выразил сомнение о доброкачественности связей ВЦУ с советской властью. Отец Феодор возразил, что после посещения президиума съезда Калининым достигнуто соглашение и власти не будут вмешиваться в дела Церкви, строго соблюдая принцип отделения Церкви от государства. Священник Иоанн Комаров сказал, что вопрос о вступлении в группу "Живая Церковь" настолько серьезен, что его необходимо обдумать. "В Москве две недели обсуждали, и здесь мы не можем так сразу решить". Настоятель Покровского собора протоиерей Макарий Комаров попросил у о. Феодора текст устава "Живой Церкви", чтобы ознакомить с ним прихожан, но о. Феодор отказал, сославшись на то, что обсуждение устава среди мирян может повести к большому смущению. 5 сентября подобное же заседание духовенства состоялось и в Кашине. Выслушав о. Феодора, священники постановили: "Реформы... признать необходимыми и в самом скорейшем времени, для чего желателен созыв Всероссийского Церковного Собора".

В конце сентября в Москве среди обновленцев произошел раскол. Страсти и борьба между ними выплеснулись наружу, для всех искренне заблуждающихся стало очевидным, что никакого церковного движения и церковной работы нет. Не о Церкви и не о православии думают вожди обновленческого движения. Увидев все это, о. Феодор ужаснулся и прервал всякие отношения с обновленцами, не отвечал ни на их запросы из Москвы, ни на запросы тверского уполномоченного Раевского. Вскоре он получил письмо из Твери от протоиерея Алексея Бенеманского с вопросами об отношении о. Феодора к обновленчеству. Тот ответил, что отказался от каких бы то ни было реформ до Поместного Российского Собора и желает приехать как можно скорее в Тверь к епископу, чтобы излить перед ним все свои накопившиеся переживания, связанные с обновленчеством. Отец Феодор стал писать исповедь, которую он намеревался передать Тверскому епископу.

В конце октября к о. Феодору приехал из Твери священник Алексей Бенеманский. Почти до утра они беседовали об обновленчестве. Отец Алексей написал после этой беседы епископу Тверскому Петру (Звереву): "Позволю себе свидетельствовать, что намерение о. Феодора порвать с "Живой Церковью" искренно, да фактически это уже и состоялось. Теперь он выражает готовность возвратить "Живой Церкви" свой членский билет и Раевскому - мандат. Вам он раскаяние принес и принесет еще". В своем прошении к епископу Петру о. Феодор писал: "Прошу Вас, Владыко, принять меня в число пастырей Церкви, простить мой грех, совершенный по действу диаволю - разрешить священнослужение, положив... по силам покаяние молитвенное..." Епископ Петр не сразу разрешил о. Феодору служить, поначалу прислав распоряжение о запрещении его в священнослужении. Тот подчинился и сам отвез распоряжение архиерея благочинному, после чего в Преображенском храме стал служить другой священник.

Над душой о. Феодора разразилось бедствие, невыносимо тяжело было переживать свое отстранение от престола Господня. Все мысли, чувства и переживания были связаны с Церковью, без нее он не мыслил и жизни, а тут все оборвалось. В середине ноября о. Феодор снова написал епископу, прося его снять запрещение: "Если Вы еще не преложили гнев на милость, то еще раз прошу Вас, Владыко... дать мне возможность помолиться пред Престолом Всевышнего о своем грехе... Тяжело передать состояние, переживаемое мной. Если Вы, отец наш и архипастырь, то по молитве Господней "и остави нам долги наши" продолжите "якоже и мы оставляем должником нашим" и по отношению ко мне". Запрещение вскоре было снято, и о. Феодор снова стал служить в Преображенском храме.

Между тем гонения на священника, особенно после того, как он снова стал служить, усилились. По распоряжению властей у него были отобраны в церковном доме две самые удобные комнаты и власти предупредили, что вскоре отберут и весь дом, так что пусть священник себе строит другой, чтобы было куда перейти. С большим трудом о. Феодор собрал средства и построил дом, это было уже в 1927 году. В том же году Кимрский городской совет возбудил ходатайство перед ВЦИК о закрытии Преображенского храма.

В июле 1928 года ВЦИК постановил закрыть храм. Верующие созвали собрание, решившее отстаивать храм, и послали делегацию во ВЦИК. Хлопоты продолжались около года. В мае 1929 года власти прислали постановление о закрытии храма. Кимрский городской совет назначил комиссию по изъятию церковного имущества. Отец Феодор сообщил прихожанам о решении властей и объявил, что 19 мая состоится последняя служба. Председатель церковного совета Дмитриев разослал в соседние деревни гонцов объявить об этом всем прихожанам. 19 мая на последней службе храм был полон молящимися. После службы о. Феодор зачитал распоряжение властей о закрытии храма. Он призвал верующих подчиниться этому распоряжению. Решение властей закрыть храм потрясло прихожан, и они не пожелали подчиниться. На следующий день, когда пришла комиссия городского совета описывать церковное имущество, ее встретила толпа и не допустила в церковь. Прихожане установили дежурство около храма. Иногда собиралась толпа до трехсот человек. В толпе вскоре стали появляться молодые люди, выкрикивавшие провокационные лозунги. Отец Феодор не раз выходил к народу и просил отдать храм, иначе пострадают невиновные. Только через три дня люди начали расходиться. Отец Феодор, староста храма Анания Бойков и Михаил Болдаков1 были арестованы. Началось следствие. Обвиняемых увезли в Тверскую тюрьму. Их родственники пытались добиться свидания, но все было безуспешно. К концу следствия они поехали в Москву искать адвокатов. Московские адвокаты сразу предупредили, что началось гонение на Церковь и вряд ли они в этом процессе могут быть чем-либо полезными, но в конце концов согласились.

Всего по этому делу было привлечено двадцать человек обвиняемых. Суд назначили на 20 октября. Глубокой ночью обвиняемых перевезли на открытой барже по Волге в Кимры, где должно было слушаться дело. Моросил дождь, дул холодный осенний ветер, глинистая дорога размокла. Окруженные конвоем, узники медленно поднимались по крутому, скользкому берегу. По сторонам дороги, прячась от конвоя, пробирались родственники и близкие арестованных, чтобы хотя издали увидеть дорогие лица. Боясь стражи, никто не смел окликнуть арестованных.

С утра начался суд. Поскольку делу придавалось большое политическое значение, на процесс были приглашены корреспонденты центральных и московских газет. "Мы судим не группу верующих, которые якобы были против передачи здания церкви для культурных надобностей и поэтому оказали сопротивление... - писалось впоследствии в этих газетах. - Мы судим нашего... врага...". Процесс был объявлен открытым, но власти заготовили пригласительные билеты, по которым пропускали в зал суда; распространение билетов контролировалось настолько, что никто из родственников подсудимых не был допущен на судебные заседания.

Обвиняемые, несмотря на угрозы обвинителей и враждебное отношение специально подобранной публики, держались мужественно; виновными себя они не признали. 27 октября был зачитан приговор: священник Феодор Колеров, староста Анания Бойков, члены церковного совета Дмитриев и Закурин2 и Михаил Болдаков были приговорены к расстрелу. Адвокаты приговоренных подали кассации. На время кассации о. Феодора перевели в Москву в Таганскую тюрьму. Ему разрешили ежедневные свидания с родственниками. Жена о. Феодора, Анна Михайловна, предпринимала все, чтобы отхлопотать священника. Ей удалось добиться приема у одного из начальников ГПУ на Большой Лубянке3. Анна Михайловна просила о помощи влиятельных знакомых о. Феодора, но тоже безрезультатно4.

20 ноября о. Феодору было объявлено, что смертный приговор утвержден. На полях канонника, бывшего с ним в камере, он написал: "20/XI, 21/XI, 22/XI - плач три дня". Вся жизнь теперь прошла перед ним. Прошла освещенная светом Христовым, измеренная совершенством заповедей Его. Блаженны алчущие, плачущие о своем недостоинстве и грехах, о своем вящем несовершенстве, ибо они утешатся. "Ныне же будешь со Мною в раю", - ответил Господь раскаявшемуся разбойнику. Но не за грех и не за отступление от

Христа приговорен он к смерти. И как утешительно было читать после дней плача слово обетования Господня. "Рече Господь: иже хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и евангелия, той спасет ю..." И от плача духовного, от всеочищающего покаяния, от животворящих слов Господа рождалось в сердце великое благодарение. В три часа ночи с 23 на 24 ноября он записал: "Читаю акафист Иисусу Сладчайшему".

Он не мог вести подробный дневник, тюремщики все равно бы все уничтожили, но, читая молитвы и песнопения, составленные святыми, он находил в них то, что чувствовал в тот момент сам, и эти строки подчеркивал; так получился дневник его чувств и переживаний, написанный святыми. "Душе моя, душе моя, восстани. Что спиши. Конец приближается, не имаше смутитися, но воспряни..." "Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром..." Но ближе всего и отзывней душе в эти дни был чин пения двенадцати псалмов "о них же вспоминается в книгах отеческих, и в житиях и мучениях святых многих". "Скажи ми, Господи, кончину мою, - читал он и особо подчеркивал, что относил к себе, - и число дней моих кое есть? Да разумею, что лишаюся аз?... Обаче всяческая суета, всяк человек живый... И ныне кто терпение мое, не Господь ли?.. От всех беззаконий моих избави мя: поношение безумному дал мя еси... Врази мои реша мне злая: когда умрет и погибнет имя его? И вхождаше видети, всуе глаголаше сердце его. Собра беззаконие себе, исхождаше вон, и глаголаше вкупе. На мя шептаху вси врази мои, на мя помышляху злая мне. Слово законопреступное возложиша на мя: еда спяй не приложит воскреснути... Отче небесный, согреших, очисти и спаси мя... Помышляю день страшный, и плачу деяний моих лукавых; како отвещаю безсмертному царю? Или коим дерзновением воззрю на судию?.. Да покрыет мя рука Твоя, и да приидет на мя милость Твоя, яко смятеся душа моя, и болезненна есть во исхождении своем, от окаянного моего и скверного телесе сего, да не когда лукавый сопостата совет срящет, - читал и молился он за четыре дня перед казнью, - и препнет ю во тьме, за неведомыя, и ведомыя в житии сем бывшыя ми грехи: милостив буди ми, Владыко, и да не узрит душа моя мрачного взора лукавых демонов: но да приимут ю ангели Твои светлии и пресветлии. Дождь славу имени Твоему святому... Твое судище... Но предстани ми, и буди ми спас и заступник, телесная бо сия мучения, веселия суть рабом Твоим. Помилуй, Господи, осквернившуюся стростьми жития сего душу мою, и чисту ю покаянием и исповеданием пришли... Яко по мале жизнь моя иждивается, и от дел несть мне спасения. Сего ради молюся... Век мой скончавается, и страшный Твой престол готовится, житие мое мимоходит..."

29 ноября в утренних газетах было опубликовано, что священник Феодор Колеров, староста Анания Бойков и мирянин Михаил Болдаков расстреляны. Однако о. Феодор был еще жив, и вечером этого дня ему дали свидание с женой и сыном. Священник вышел к ним худой, изможденный, но совершенно спокойный, внутренне умиротворенный и просветленный. Он знал, что его скоро убьют, знал, что Господь примет его страдания и жертву, знал, что вскоре предстоит встреча с Господом, и, уже как человек не от мира сего, положив руку на голову сына, мирно беседовал с Анной Михайловной. Когда свидание закончилось и стража отвела о. Феодора в камеру, он написал на обороте фотографии жены имена детей. И подписал: "До свидания общего".

А затем, когда стража пришла вести на расстрел, на первой странице канонника вывел: "29/XI - 11 ч. ночи".

Канонизованы как местночтимые святые Тверской епархии в 1996 году. Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Примечания

1 Михаил Орестович Болдаков был жителем Кимр, брат его служил в Преображенском храме псаломщиком, но сам он не был прихожанином Преображенского храма и в самих Кимрах бывал редко, занимаясь огородным хозяйством в Калужской области. Не было его в Кимрах и в те дни.

2 По отношению к Дмитриеву и Закурину смертный приговор был отменен, причины этого неясны, но похоже, все было решено заранее.

3 Анне Михайловне выписали пропуск и провели ее и четырнадцатилетнего сына по коридорам к некой двери и оставили ждать. Время шло, они ждали, но их никто не вызывал. Снова появился тот же сотрудник ГПУ, что привел их сюда, и сказал: "Идите, чего вы ждете". Показал на дверь и ушел. Они вошли. Напротив двери, с левой стороны, стоял большой стол, за которым сидел мужчина, а на коленях у него сидела девушка. Увидев вошедших, он пришел в ярость и закричал на них. Анна Михайловна с сыном упали на колени, она пыталась просить, но он и слушать не стал и выгнал их вон. Вероятно, это и был следователь Червоный, который вел дело о. Феодора.

4 Она решила обратиться к известной певице, народной артистке Неждановой, которой когда-то о. Феодор помог пережить голодное время. Теперь советская власть благоволила к Антонине Васильевне, и она была вполне устроена. Дверь в квартиру открыла горничная и спросила: "Кто вы?" Не закрывая двери, она произнесла вслух фамилию пришедшей. Отчет о процессе и приговор печатались в газетах, и Антонина Васильевна крикнула из глубины квартиры горничной: "Передайте, что меня нет дома". Анна Михайловна это услышала и уже больше за помощью к ней не обращалась.

Священномученик Феодосий (Болдырев) (память 16 декабря по старому стилю)

Священномученик Феодосий родился 8 февраля 1868 года в селе Еколено Воронежской губернии в семье крестьянина Федора Болдырева. Воспитание и образование получил в монастыре. Был рукоположен в сан священника. Во время гонений на Церковь в тридцатых годах о. Феодосий был арестован и сослан; вернулся из ссылки в 1935 году и поселился в Тверской области, где стал служить в храме села Афимьино Вышневолоцкого района. 21 декабря 1937 года в период новых гонений он был снова арестован. На следующий день помощник уполномоченного Вышневолоцкого управления государственной безопасности допросил священника.

- Когда вы прибыли в Вышневолоцкий район в деревню Афимьино?

- В деревню Афимьино я прибыл из села Еколено Еколеновского района Воронежской области; причиной моего приезда послужило письмо моего товарища Белокобыльского Никона Леонтьевича, который в то время служил в Пятницкой церкви; последний мне написал о том, чтобы я приезжал, обещая устроить певчим. Где проживает Белокобыльский, мне неизвестно.

- За что вы судились в 1931 году? Дайте по этому вопросу подробные показания.

- В 1931 году я судился Коллегией ОГПУ города Ленинграда за контрреволюционную антисоветскую агитацию по статье 58 пункт 10, за что и был приговорен к трем годам ссылки, срок наказания отбыл в городе Архангельске, вернулся из ссылки в декабре 1935 года.

- Следствие располагает данными, что вы систематически среди населения вели антисоветскую контрреволюционную агитацию, дайте по этому вопросу подробные показания.

- Антисоветских контрреволюционных разго- воров я никогда ни с кем не вел и мыслей против советской власти и существующего строя не высказывал.

24 декабря было составлено обвинительное заключение, 27 декабря Тройка НКВД приговорила о. Феодосия к расстрелу. Ему было в то время шестьдесят девять лет. Священник Феодосий Болдырев был расстрелян 29 декабря 1937 года.

Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик Феофан, епископ Пермский и Соликамский, и иже с ним убиенные два священника и пять мирян (память 11 декабря по старому стилю)

Священномученик Феофан (в миру Ильминский Сергей Петрович) родился 26 сентября 1867 года в семье церковного чтеца Петра и жены его Акилины в селе Содом Саратовской губернии. Отец вскоре умер и мальчик остался на попечении матушки - глубоко религиозной, кроткой и смиренной женщины. Большое участие в его воспитании принял его дядя - сельский протоиерей Димитрий. С любовью вспоминал впоследствии о нём Владыка, говоря, что остался он "на попечении заменившего мне отца дяди... кроткого и смиренного сельского пастыря, 50 лет прослужившего в одном и том же глухом, захолустном селе. С ним-то я и научился делить с народом и радость и горе, встречать церковные праздники Рождества Христова и Святой Пасхи... Целые поколения прошли пред ним в крестинах, свадьбах, похоронах. Но и любит же его народ! Не только прихожане, но и окрестные сёла.

Овдовев очень рано и оставшись с сыном, да с нами сиротами, он как-то замкнулся в себе, затих, оробел, да таким и остался на всю жизнь. Мужички очень любили своего "папашу", отца духовника. А как стяжалась эта любовь? Он просто был по-евангельски добр и кроток, никогда никого не притеснял, просившему не отказывал и делал всё это так же естественно, как светит Солнце или благоухает цветок!".

В 1892 году Сергей закончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Саратовского епархиального женского училища, а с 1894 года - законоучителем Саратовского Мариинского реального училища. Только в 1898 году, 32-х лет, он был рукоположен в сан священника к кафедральному собору Саратова. С 1911 года отец Сергий исполняет должность редактора "Саратовского Духовного вестника". Пастырское обращение его всегда было прямо. Так, он сказал по поводу убийства в Киеве Столыпина: "Опять Иродиада беснуется, опять революционная, жидомасонская гидра требует главы слуг Государевых!".

Овдовев, протоиерей Сергий в 1914 году принял монашеский постриг с именем Феофан в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре. К тому времени дочь его была уже самостоятельной. 12 августа 1914 года он был назначен на место смотрителя

Балашовского Духовного училища. Вернувшись с Валаама, отец Феофан открыл в уезде миссионерские курсы, чтобы миряне имели возможность "научиться давать отчёт в своем уповании, а в случае нужды - отпор врагам Церкви Православной".

В сентябре 1915 года отец Феофан был возведён в сан архимандрита Соликамского Свято-Троицкого монастыря. Вскоре он был назначен на должность ректора Пермской Духовной Семинарии, для питомцев которой всегда была открыта его квартира. Там собирался проповеднический кружок, учащиеся в домашней обстановке познавали азы миссионерского дела. 26 февраля 1917 года отец Феофан был хиротонисан в епископа Соликамского, викария Пермской епархии. После хиротонии, желая ближе познакомиться с приходами и паствой, Владыка обошёл своё викариатство пешком. Проживал Владыка в Свято-Троицком Соликамском монастыре. До дня своей мученской кончины он управлял вверенной ему епархией.

Святитель был великим молитвенником и постником. Подобно правящему архиепископу священномученику Андронику (Никольскому, память 7 июня) Владыка бесстрашно обличал богоборцев-большевиков.

Когда, в 1918 году, власти проявили интерес к земельным угодьям Троицкого монастыря, епископ Феофан ответил, что боится более страшного Суда, и без власти правящего архиерея не имеет права сообщать о том, что принадлежит монастырю. Владыка организовывал и возглавлял многолюдные крестные ходы, проводимые в связи с гонениями на Церковь и грабежами монастырей. Когда в марте 1918 года некоторые священники во главе с благочинным выпустили заявление о лояльности (то есть верноподдан- ничестве) и дружелюбии к большевикам, Владыка с грустью и недоумением отозвался на это: "Пастыри Церкви, служители "идеалам христианства" выражают "лояльность"... насильникам и грабителям... Вы должны были как пастыри, как соль земли, как свет миру, высказать свой нравственный суд насильникам...". 17 июня 1918 года, после ареста и казни священномученика архиепископа Пермского Андроника, Владыка приехал в Пермь, и принял управление Пермской епархией. Вскоре, в конце лета, он и сам был арестован. За несколько дней до освобождения Перми войсками армии Колчака 23 декабря 1918 года, большевики подвергли Владыку изощрённым мучениям.

11 декабря 1918 года в тридцатиградусный мороз Святителя многократно погружали в ледяную прорубь реки Камы. Тело Владыки покрылось льдом толщиной в два пальца, но мученик всё ещё оставался жив. Тогда палачи его просто утопили. Вместе с ним были утоплены два священника и пять мирян.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученица Феоктиста (Ченцова) (память 10 ноября по старому стилю)

Мученица Феоктиста родилась 21 января 1880 года в городе Калуге в семье калужского купца Семена Ченцова, занимавшегося торговлей скобяным товаром. Феоктиста Семеновна окончила городское училище. В сентябре 1937 года власти арестовали ее как активного верующего человека, обвинив в контрреволю- ционной деятельности. Феоктиста Семеновна не признала себя в этом виновной, и на одном из допросов следователь сказал:

- Следствие располагает точными данными, что вы, обставив свою квартиру иконами, устраиваете у себя тайные громкие моления. Признаете себя виновной в этом?

- Действительно, у меня на квартире очень много икон, около двадцати, причем раньше иконы были и в коридоре, но после протеста квартирантов я их перенесла в комнаты, но молений и громких служений у себя в квартире я не устраиваю.

- Следствие располагает точными данными, что вы у себя в квартире устраивали после церковных служб ужины, на которых велись антисоветские разговоры, признаете себя виновной в этом?

- Никаких ужинов я не устраивала и антисоветских разговоров не вела.

- Следствием установлено, что вы являетесь участницей контрреволюционной церковно-монархической организации. Вы это подтверждаете?

- Я категорически это отрицаю.

- Зачитываю вам показания обвиняемого Афанасия Васильевича Любимова: "Участницей контрреволюционной нелегальной церковной организации в городе Калуге является Ченцова Феоктиста Семеновна, дочь богатого купца города Калуги, активная церковница", и аналогичные показания обвиняемого Павла Дмитриевича Семеновского, Ивана Алексеевича Остроглазова. Вы это подтверждаете?

- Я этого не подтверждаю.

- Следствием установлено, что вы распространяли контрреволюционную клевету на советскую власть и контрреволюционные суеверные слухи, вы признаете себя в этом виновной?

- Виновной в этом я себя не признаю.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила ее к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Феоктиста Семеновна скончалась в одном из Карагандинских лагерей 16 февраля 1942 года и была погребена в безвестной могиле.

Причислена к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Священномученик протоиерей Философ Орнатский и иже с ним убиенные сыновья Николай и Борис (память 30 октября по старому стилю)

Священномученик протоиерей Философ Николаевич Орнатский родился 21 мая 1860 года на погосте Новая Ерга Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье сельского священника. Один из его братьев был женат на племяннице святого праведного Иоанна Кронштадтского. Обучался Философ сначала в Кирилловском Духовном училище, а затем в Новгородской Духовной Семинарии. В 1885 году он со степенью кандидата богословия окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Летом 1885 года Философ вступил в брак с Еленой Заозерской, дочерью бывшего иподиакона митрополита Исидора, и вскоре принял священство. Первоначально батюшка служил настоятелем в храме приюта Принца Ольденбургского, где до этого преподавал Закон Божий.

С 1892 по 1912 годы он служит настоятелем храма при Экспедиции заготовления государственных бумаг. Двадцать шесть лет он являлся председателем "Общества распростра- нения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви", успешно противодействуя антицерковным течениям.

В 1893 году Философ был избран гласным Санкт-Петербургской городской Думы от духовенства и нёс свои полномочия до 1917 года. Он принимал участие в устройстве в городе ночлежных домов, сиротских приютов, богаделен, его стараниями в Санкт-Петербурге и окрестностях было возведено 12 храмов, самый большой из них - храм Воскресения Христова у Варшавского вокзала. Кроме того, можно назвать церкви Петра и Павла в Лесном, преподобного Сергия Радонежского на Новосивковской улице, преподобного Серафима Саровского за Нарвской заставой, Предтеченский храм на Выборжской стороне, Герасимовскую церковь, Исидоро-Юрьевский храм.

Сам батюшка, имея большую семью (у него было десять детей), жил очень скромно. Всё множество общественных званий и должностей, которые он нёс во славу Божию, средств к существованию не приносили. Через его руки, как Председателя комитетов по строительству храмов, проходили огромные суммы денег, а он давал частные уроки, чтобы прокормить семью.

Известен был батюшка и как редактор и цензор таких столичных духовных журналов как "Санкт-Петербургский Духовный Вестник" (издавался с 1894 года), "Отдых христианина" (с 1901 года), "Православно-Русское слово" (с 1902 года).

Отец Философ был одним из ближайших сподвижников священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) которого, в бытность того студентом Духовной Академии, батюшка активно привлекал к проповеднической деятельности в рабочей среде Санкт-Петербурга. Узы духовной дружбы связывали его и со Святейшим Патриархом Тихоном.

Почти двадцать лет отец Философ являлся духовным сыном святого праведного Иоанна Кронштадтского, который часто бывал у него дома и благословлял все его начинания во благо Церкви. Святой пастырь доверил отцу Философу быть посредником в своей переписка со Святителем Феофаном, Вышенским затворником.

В 1913 году батюшка был назначен на должность настоятеля Казанского кафедрального собора в Санкт-Петербурге. Во время 1-й Мировой войны отец Философ отдал свою квартиру под лазарет для раненых воинов, а сам с семьёй переехал в небольшое казённое помещение. Неоднократно и сам он выезжал районы боевых действий, сопровождая транспорты с необходимыми воинам вещами и продуктами, стремясь всеми силами вдохновить и поддержать защитников Отечества.

Его сын Николай (родился в 1886 году) - военный врач, находился в составе 9-й Русской Армии; сын, Борис (родился в 1887 году), штабс-капитан 23-й артиллерийской бригады, закончивший Константиновское артиллерийское училище, геройски сражался на Австро-Венгер- ском фронте. Проповеднический дар батюшки привлекал искавших живого слова и он не раз призывал свою паству не принимать разлагающих идей большевизма, понимая, что Православие является основой русской родной жизни, батюшка призывал интеллигенцию знать это: "Нашей интеллигенции надо стать русскою", - не уставал повторять он.

На его глазах во время революции был расстрелян муж сестры его жены, священномученик протоиерей Пётр Скипетров (память 20 января). Батюшка при его отпевании произнёс проповедь, бесстрашно обличив большевиков. Неоднократно выступал он перед паствой с призывами к объединению русичей вокруг храмов для защиты святынь своей земли. В январе 1918 года, когда в Лавре был убит отец Пётр Скипетров, батюшка организовал защиту святынь Александро-Невской Лавры, устроив к ней крестные ходы со всех храмов столицы.

9 августа 1918 года его вместе с двумя старшими сыновьями, Николаем и Борисом, арестовали. Во время ареста он был совершенно невозмутим и спокоен. Прихожане собрались в многотысячную толпу и шли по Невскому проспекту на Гороховую в Ч. К., требуя освободить своего пастыря. Делегацию верующих чекисты приняли, коварно обещая выполнить их требования. Но в ту же ночь (предположительно на 20 июля 1918 года) батюшку перевезли в тюрьму города Кронштадт. Предположительно около 30

октября 1918 года вместе с сыновьями и другими 30 заключёнными офицерами отца Философа повезли на расстрел. По дороге батюшка читал вслух отходную над приговорёнными. Место казни находилось, по одним предположениям в Кронштадте, по другим - неподалёку от Финского залива между Лигово и Ораниенбаумом. Тела расстрелянных, по-видимому, были сброшены в залив.

Причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Мученики Шуйские Павел (Светозаров), Иоанн (Рождественский) священномученики и мирянин Петр (Языков) (память 27 апреля по старому стилю)

2 января 1922 года советская власть издала декрет об изъятии музейного имущества - разграблении культурного наследия, собранного народами России за тысячу лет. Но и этого было большевикам недостаточно. Наступающий голод позволил им восстановить условия гражданской войны с ограблением храмов и убийствами священнослужителей. Большевики хотели бы уничтожить сразу всю Православную Церковь, но поскольку это значило бы уничтожение большей части населения тогдашней России, то на это они не решились, опасаясь массовых возмущений крестьян. В 1922 году население областей, охваченных голодом, составляло двадцать три миллиона. Для большевиков это значило, что двадцать три миллиона потенциальных врагов выведены голодом из борьбы и не смогут встать на защиту Церкви, когда вооруженные отряды по единому сигналу выйдут грабить храмы и монастыри.

Задолго до того, как советские власти стали выказывать беспокойство по поводу надвигающегося голода, в августе 1921 года Патриарх Тихон обратился с просьбой о помощи к Православным Патриархам, Римскому Папе, архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому, а также к православным людям России и всего мира. Это были одновременно и плач, и просьба, и вопль о помощи. Из глубины сердца глубоко сострадающего, щедрого и любвеобильного только и могла излиться подобная просьба. Тогда же по благословению Патриарха был основан Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. В храмах и среди верующих начались сборы средств; в годину величайшей скорби Православная Церковь уверенно и авторитетно становилась во главе движения помощи голодающим. Для советского правительства это было невыгодно, и оно потребовало роспуска Всероссийского Церковного Комитета и передачи всех собранных средств государству. Однако и полное устранение Церкви от помощи голодающим тоже было невыгодным, и в декабре 1921 года советское правительство предложило Церкви снова начать сбор средств в помощь голодающим. 19 февраля 1922 года Патриарх обратился к православной пастве с воззванием.

Большевики хотели от Патриарха подобного воззвания и деятельного участия Церкви в сборе денежных средств, но они никак не желали, чтобы Церковь встала во главе движения помощи голодающим и, как бывало в прошлом, призывала к жертвенности, милосердию и любви. 26 февраля власти издали декрет об изъятии "из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих... всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней...", в том числе всех освященных предметов. Декрет бесповоротно уничтожал добровольность пожертвований, а священство принудительно ставил в положение святотатцев. Желая разрешить недоумение паствы и принять весь гнев большевиков на себя, Патриарх Тихон выпустил послание: "Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов,

не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство - миряне отлучением от Нее, священнослужители - извержением из сана (Апостольское правило 73, Двухкратн. Вселенск. Собор. Правило 10)".

Советское правительство издало декрет об изъятии церковных ценностей, но к самому изъятию не приступало. Открытой гражданской войны нигде не было, интервенции не намечалось, военный коммунизм временно был отменен и не было убедительного предлога для разграбления храмов, а для голодающих Церковь готова была жертвовать добровольно. И дело не двигалось.

Главой мероприятия стал Лев Троцкий. Не дожидаясь окончательного оформления состава и плана действий комиссии по изъятию церковных ценностей, он еще в январе разослал телеграммы по губерниям, объясняя местным властям, каковы подлинные задачи и цели изъятия. Как это часто бывает, местные власти довели мысль большевистского правительства до совершенной обнаженности, и 24 января председатель Татарской ЧК Денисов прислал из Казани свои предложения, которые члены бюро областного комитета партии уже приняли к исполнению:

"Принимая во внимание чрезвычайную государственную важность и значение сосредоточения в руках государства золотой и серебряной валюты и изделий из золота и серебра... Вполне возможными и приемлемыми в этом отношении... конкретные меры:

Использование агитации духовенства: имея конкретную возможность... завлечь на свою сторону двоих или троих видных представителей духовенства Казани, через них пустить среди остальной массы духовенства чисто христианскую мысль... призывать граждан к помощи голодающему и умирающему населению... в годину бедствия и нашествия голода на "православный народ" (аналогия с Мининым и Пожарским): здесь представляется возможность слегка сыграть на религиозных чувствах верующих...

Путем агентурной разработки точно выяснить местонахождение наиболее ценного церковного имущества и повести работу по подготовке к успешному экспроприированию этого имущества путем разного рода налетов и нападений на церкви и нападений на хранилища церковного имущества и пр..."

Цинизм формулировок проекта и нескрываемый вызов, брошенный России, могли повести к возмущениям. Заместитель заведующего агитационно-пропагандистского отдела ЦК Яковлев писал Молотову: "Проект... политически безграмотен и бестактен... Идея о проведении аналогии с Мининым и Пожарским недопустима. Идея... о проведении компании... авторитетом представителей духовенства, может привести прежде всего к вредному усилению влияния того же духовенства... Неизбежно поведет к огромному раздражению верующих... Представляет собой легализацию грабежа, который не может быть признан методом действия Советской власти в настоящий момент". К началу марта была создана секретная комиссия Троцкого. Он был ее инициатором и сверхсекретным главой (секретным был Сапронов). 11 марта Троцкий, требуя в деле изъятия церковных ценностей единовластия, писал членам Политбюро: "Работа по изъятию ценностей из московских церквей чрезвычайно запуталась ввиду того, что наряду с созданными ранее комиссиями, Президиум ВЦИК создал свои комиссии из представителей Губисполкомов и Губфинотделов. Вчера на заседании моей комиссии в составе тт. Троцкого, Базилевича, Галкина, Лебедева, Уншлихта, Самойловой-Землячки, Красикова, Краснощекова и Сапронова мы пришли единогласно к выводу о необходимости образования в Москве секретной ударной комиссии в составе: председатель - т. Сапронов, члены Уншлихт, (заместитель - Медведь), Самойлова-Землячка и Галкин. Эта комиссия должна в

секретном порядке подготовить одновременно политическую организацию и техническую сторону дела. Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок. Нужно только, чтобы и Президиум ВЦИК, и Президиум Московского Совета, и ЦК Помгол признали эту комиссию как единственную в этом деле и всячески ей помогали. Повторяю, комиссия эта совершенно секретная. Формально изъятие в Москве будет идти непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы.

Прошу скорейшего утверждения этого постановления, как обязательного для всех, во избежание какой бы то ни было дальнейшей путаницы".

Растолковывая свою позицию по отношению к Церкви и духовенству, Троцкий писал:"Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятии ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер, и той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет. Посему полагаю, что блок с этой частью попов можно временно довести до введения их в Помгол, тем более, что нужно устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчет того, что будто бы изъятые из церкви ценности расходуются не на нужды голодающих".

13 марта Политбюро утвердило московскую комиссию Троцкого и приняло решение "о временном допущении "советской" части духовенства в органы Помгола в связи с изъятием ценностей из церквей". Но и после всех объяснений Троцкого и создания секретной комиссии дело двигалось плохо. Местные власти не знали, как практически приступить к нему. Прийти во время службы и начать громить храм, срывая иконы? Забирать после службы? Никому не хотелось сталкиваться лицом к лицу с возмущенной толпой. В комиссию Помгола, как официально объявленную, шли телеграммы от местных комиссий с вопросами, которые неясно было как разрешать.

На заседание Политбюро были приглашены представители комиссии Троцкого, комиссии Президиума ВЦИК и Помгола. Между представителями разгорелся спор, и Политбюро постановило: "Дело изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки, по крайней мере, в некоторых местах. Политбюро поручает т. Сапронову запросить мнение т. Троцкого об организации комиссии, ее составе и дальнейшей работе".

На следующий день Троцкий представил членам Политбюро инструкцию по проведению изъятия церковных ценностей. Она и легла в основание всего плана изъятия.

В Политбюро отовсюду поступали сведения от ГПУ о ходе изъятия церковных ценностей из храмов. Читал эти телеграммы и Ленин, отмечая, что изъятие проходит повсюду более или менее гладко. Только из Иваново-Вознесенска сообщают что-то невразумительное. Наконец 18 марта пришла оттуда подробная телеграмма. Оказалось, "в Шуе 15 марта в связи с изъятием церковных ценностей под влиянием попов монархистов и с. р. возбужденной толпой было произведено нападение на милицию и взвод красноармейцев. Часть красноармейцев была разоружена демонстрацией. Из пулеметов и винтовок частями ЧОН и красноармейцами 146 полка толпа была разогнана, в результате 5 убитых и 15 раненых зарегистрировано больницей... К вечеру в городе установлен порядок...".

Для Ленина это была счастливая находка. Не откладывая дела, на следующий же день он диктовал свое знаменитое письмо: "Мы должны... дать самое решительное и беспощадное сражение... духовенству... с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение... десятилетий... В Шую послать... дать ему словесную инструкцию... Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы... арестовал как можно больше... Лично сделать доклад? На основании этого доклада Политбюро даст... директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс закончился... расстрелом очень большого числа самых влиятельных... г. Шуи... Москвы и нескольких других духовных центров... Чем

больше... духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше... Для наблюдения за быстрейшим проведением? назначить... специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии...".

На ленинском письме Молотов начертал резолюцию: "Согласен, однако предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности...". В этот же день Молотов послал всем Губкомам телеграмму, а в Иваново-Вознесенск - особую. На следующий день на заседании Политбюро приняли с небольшими поправками проект Троцкого. Троцкий руководил не только самим изъятием музейных и церковных ценностей, но и был создателем монопольного синдиката по продаже ценностей за границей. Троцкий и Ленин спешили ограбить храмы. Троцкий 23 марта писал: "Для нас важнее получить в течение 22-23 гг. за известную массу ценностей 50 миллионов, чем надеяться в 23-24 гг. получить 75 миллионов. Наступление пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран, совершенно застопорит рынок ценностей: буржуазия начнет вывозить и продавать, рабочие станут конфисковывать и пр., и пр. Вывод: нужно спешить до последней степени".

Но ни священники Шуи и Палеха, ни прихожане, ни даже уездная комиссия Вицина ничего не знали об этих далеко идущих планах Ленина-Троцкого. Шуйская комиссия по учету и сосредоточению ценностей была создана 3 марта; председатель - А. Вицин, члены - уполномоченный политуправления И. Волков и заведующая уездным финотделом А. Коняева.

7 марта члены комиссии впервые пришли в Воскресенский собор. Они обратили внимание, что служители снимают с образа Шуйской Смоленской Богоматери будничную серебряную с позолотой ризу и одевают праздничную тканую, украшенную жемчугом. Спросили старосту Александра Парамонова:

- Зачем меняете?

- Мы всегда в это время снимаем оклады для чистки.

Комиссия, однако, заподозрила - меняют в надежде, что в храме с иконы драгоценной ризы не снимут.

11 марта настоятель собора протоиерей Павел Светозаров получил официальное извещение от комиссии, что она приступит к работе 13 марта в одиннадцать часов утра и приглашает представителей прихода для участия в составлении описи церковных ценностей.

В воскресенье, 12 марта, сразу после литургии, когда весь народ был еще в храме, объявили, что в семь часов вечера состоится собрание верующих для избрания в комиссию представителей от православных. Собрание проходило под надзором представителей советских властей - начальника уездной милиции Башенкова, его помощника Владимира Ушакова и милицейского агента Капитона Филиппова. Собрание предложило избрать свою комиссию от прихода. Председателем выбрали Николая Николаевича Рябцева. Отец Павел сказал, что он сам отдать имеющие богослужебное значение церковные предметы не может, так как это святотатство и нарушение церковных канонов. Но при изъятии ценностей правительственной комиссией сопротивления оказывать не намерен. После ухода комиссии храм будет заново освящен, и в нем возобновится служение.

Прихожане, особенно женщины, стали просить обменять церковное имущество на свои личные вещи.

- Ценности церковные, - ответил Рябцев, - пойдут в Америку, а ваши платья и платки сочтут там за простые тряпки.

Один из прихожан, учитель Борисов, предложил ходатайствовать перед властями о выкупе церковных вещей. Власти оставили ходатайство без внимания. Подобные собрания прошли и в других храмах города. Собрание Троицкого кладбищенского храма (настоятель семидесятилетний протоиерей Иоанн Лавров) поначалу постановило

представителей в комиссию по передаче церковной утвари от прихода не избирать и церковного имущества не отдавать, но когда дошло дело до изъятия, все было отдано без сопротивления. В других храмах, например, в шуйском Крестовоздвиженском, приходское собрание постановило отдать взамен церковных предметов доброхотные пожертвования. Некоторые храмы, особенно сельские, были настолько бедны, что нечего с них было взять - ни церковными вещами, ни выкупом.

В понедельник, 13 марта, великопостная служба закончилась в одиннадцать часов утра. Народу было немного, но к двенадцати часам люди ехали прибывать, и когда явилась комиссия, храм был полон.

Петр Иванович Языков шел на фабрику. Путь проходил неподалеку от Воскресенского собора; он увидел, что у входа в собор собирается народ. Узнав что придут представители советских властей и будут переписывать ценности, Петр Иванович вошел в храм; вскоре появилась комиссия. Прихожане потеснились, давая проход. Послышались выкрики:

- Зачем пришли?! Что вам надо, ведь Церковь отделена от государства!

Когда члены комиссии проходили мимо, Петр Иванович увидел, что Вицин, ее председатель, пьян.

- Смотрите, эти люди вошли в церковь пьяными, - сказал он близ стоящим, - это оскорбление верующих. К тому же они вооружены. С оружием входить в алтарь нельзя.

Комиссия, однако, прошла в алтарь, где ее уже ждали представители Церковной комиссии и настоятель собора о. Павел Светозаров.

- Прошу очистить собор! - с раздражением потребовал Вицин от настоятеля.

- Я не имею права выгонять молящихся из храма, - ответил священник.

- Но ведь вам было известно, что мы придем, и вы были обязаны заранее очистить храм после богослужения.

- И, однако, молящихся мы удалять из храма не можем.

- Ну что же, - угрожающе проговорил Вицин, - если вы сейчас же не очистите храм, то мы возьмем вас и вашу комиссию как заложников!

"И возьмут", - подумал о. Павел. Ему уже приходилось сидеть в тюрьме заложником. И он вышел на солею и сказал:

- Правительственная комиссия просит вас удалиться, вы ей мешаете.

В храме заговорили сразу отовсюду:

- Мы не уйдем, пускай они сами уходят откуда пришли.

- Ваше поведение не принесет никакой пользы, - спокойно и с достоинством произнес настоятель.

Вслед за о. Павлом выступили члены церковной комиссии, один из которых, Медведев, просил:

- Разойдитесь, а иначе они и нас арестуют, и отца Павла. Некоторым казалось, что с властями еще можно договориться, надо только разумно и твердо держаться. Думал так и Петр Языков.

- Если ты боишься, что тебя арестуют, - сказал он, - то сними с себя полномочия, найдутся другие, которые сумеют разговаривать с властями.

Переговоры затягивались, прихожане покидать храм не собирались, повода для ареста настоятеля и членов церковной комиссии не находилось, но и приступить к описи при народе боялись. Пригласив представителей церковной комиссии к начальнику уездной милиции, комиссия удалилась, сообщив, что придут 15 марта.

Отец Павел отслужил молебен и предложил прихожанам остаться молиться вместе с ним до начала вечернего богослужения. Молились до вечера. После богослужения представители церковной комиссии пошли к начальнику уездной милиции. Здесь им объявили, что все они несут ответственность за то, что после обедни в храме остался народ, им было приказано впредь храм после богослужения запирать, а ключи отдавать на хранение кому-нибудь из служащих церкви. О приходе правительственной комиссии заранее объявлять не будут и 15 марта, как ранее было назначено, не придут.

В тот же день вечером собралось экстренное заседание президиума уездного исполкома и постановили: "... восстановить чрезвычайные меры, связанные с военным положением, на котором губерния объявляется постановлением ВЦИК от 12 мая 1920 года, а потому:

1) Воспретить всякие публичные незаконные сборища как в городе, так и в уезде.

2) Лиц, способствующих и подстрекающих к беспорядкам... немедленно арестовывать и предавать суду Ревтрибунала.

3) Все настоящие дела должны рассматриваться без промедления.

4) Начальнику гарнизона и начальнику милиции... к лицам, нарушающим установленный порядок... применять решительные меры вплоть до применения оружия".

Этим распоряжением определилось и все дальнейшее. Теперь можно было провоцировать народ на сопротивление - и подавлять его силой оружия как контрреволюционный мятеж. Решили и дату изъятия ценностей не переносить, оставить прежней.

В среду 15 марта на соборной площади с утра стал собираться народ, в основном женщины. К десяти часам в управление милиции пришел Вицин и сообщил, что комиссия идет изымать церковные ценности и милиции надо разогнать собравшуюся у собора толпу. Начальник милиции Башенков отрядил восемь конных милиционеров. Разгоняли нагайками, однако женщины не расходились; кто-то начал выламывать из плетня колья, чтобы обороняться, из толпы полетели в милицию поленья. Начальник милиции послал за подкреплением. Были присланы четырнадцать вооруженных красноармейцев, которые пытались разогнать толпу, но безуспешно. Люди требовали, чтобы милиция и красноармейцы ушли от собора. Милиционеры стали избивать нагайками женщин и, если подворачивались, то и детей. Кто плакал, кто усердно молился, иные говорили:

- Все равно умирать - умрем за Божию Матерь.

Начальник гарнизона распорядился о присылке красноармейцев 146-го полка в полной боевой готовности в количестве сорока человек под командованием Колоколова и Зайцева.

Пока красноармейцы шли к площади, встречные уговаривали их не ходить разгонять народ, но солдаты, рассыпавшись цепью, двинулись на толпу. Никто из клира или прихожан не посмел подняться на колокольню и зазвонить в колокола. Проникли на колокольню мальчишки. Матери подбадривали и помогали им. Гимназисты постарше зазвонили в большие колокола, дети одиннадцати-двенадцати лет - в маленькие, и вышел довольно громкий перезвон.

Вскоре подъехали автомобили с пулеметами, и началась стрельба. Стреляли сначала поверх голов, а потом и по толпе. Первым был убит прихожанин храма Николай Малков. Проходя по площади, он остановился неподалеку от дома о. Павла Светозарова и крикнул: "Православные, стойте за веру!" - и был тут же убит выстрелом в висок.

К упавшему юноше подбежали дети, но были оттеснены милиционерами. Один из безбожников сказал:

- Если вы не уйдете, стрелять будем.

Дети забежали во двор и тем спаслись от теснивших их лошадьми милиционеров.

Второй была убита девица Анастасия. Этим утром по пути на фабрику она остановилась у собора, поднялась вместе с другими на его ступени - и там была застрелена. Были убиты Авксентий Калашников и Сергей Мефодиев. Только увидев падающих от выстрелов людей, народ потеснился и побежал.

В это время служба в храме подходила к концу. Памятуя, что власти обещали не производить изъятия 15 марта, о. Павел вышел на амвон и сказал:

- Никакой комиссии сегодня не будет, вы можете спокойно разойтись по домам.

Выступили и члены церковной комиссии, уговаривая всех разойтись. Но после того, что произошло у стен храма, никто не верил, что изъятия будет. В храме собралось

больше трехсот молящихся. Как еще можно избежать дальнейшего столкновения? Разве что уйти самому. В отсутствие настоятеля, может, не будут производить изъятия. И он пошел в свой дом на той же соборной площади в полсотне шагов от храма.

Протоиерей Павел Михайлович Светозаров родился в 1866 году в семье диакона, служившего в храме села Картмазово Малиновской волости Судогодского уезда Владимирской губернии. С детства хотел стать священником. Окончил Киевскую Духовную академию и поступил псаломщиком в храм села Картмазово. Имел намерение принять монашество, но настоятель шуйского собора уговорил жениться на его дочери и принять настоятельство. Вскоре жена умерла, оставив его с маленькими детьми. До переворота 1917 года он преподавал Закон Божий в шуйской гимназии, когда преподавание было запрещено, перенес уроки в собор. Талантливый проповедник, о. Павел привлек к себе сердца верующих. Новая власть это отметила и искала повод его арестовать. В первый раз он был арестован в 1919 году по обвинению в неподчинении распоряжениям Совнаркома. В 1921 году он был арестован и содержался несколько месяцев в тюрьме по приказу ЧК в связи с Кронштадтским восстанием как политически неблагонадежный. Несколько раз его арестовывали за проповеди. Для наблюдения за священником власти поселили в его доме осведомительницу Швецову. Много раз она пыталась вступить с ним в разговор, чтобы найти против него обвинение, но безуспешно. В тот день, видя, что о. Павел входит в дом, она пронзительно закричала: - Убивают!

Уж не случилось ли чего? Он поспешно вошел в ее комнату. Квартирантка стояла у окна и, показывая на площадь, громко возмущалась православными. Все, что она говорила, было столь оскорбительно, что о. Павел не выдержал.

- Разве не вы виноваты в этом безобразии? - сказал он. - Вы сами принадлежите к партии, которая проповедует непрерывную борьбу и злобу, и эта борьба и злоба выливается теперь на ваши головы.

Стрельбой, нагайками, лошадьми толпу перед храмом разогнали. Трупы убитых положили на паперть, к ним никого не допускали. Священник Николай Широкогоров отслужил по просьбе прихожан молебны Смоленской Божией Матери, Николаю Чудотворцу и Иоанну Воину, а затем члены церковной комиссии попросили прихожан разойтись. Трупы убитых были увезены, раненых доставили в больницу. Изъятия церковных ценностей в этот день не было.

В три часа ночи на экстренное заседание собрались президиум шуйского исполкома и бюро уездного комитета компартии и постановили: для ликвидации возникших беспорядков создать, наделив чрезвычайными полномочиями, революционную пятерку в составе - председателя уездного исполкома Осинкина, начальника гарнизона Тюленева, начальника уездной милиции Башенкова, секретаря уездного комитета компартии Эдельмана и некоего Жохова. Запросили президиум губисполкома, тот приказал пятерку ликвидировать, а вместо нее организовать следственную комиссию.

Со стороны верующих пострадало двадцать два человека, из них четверо было убито. Из красноармейцев ни один не был убит или тяжело ранен.

На заседании Политбюро 20 марта при участии Каменева, Сталина, Молотова, Троцкого, Цюрупы и Рыкова решили принять предложение Ленина-Троцкого и в тот же день послать в Шую комиссию для расследования в составе Смидовича, Муранова Н.И. и Кутузова И.И. 23 марта комиссия составила заключение о происшедшем, признав действия вицинской комиссии правильными и согласованными с распоряжениями центра, а действия местных властей против собравшейся у храма толпы "правильными, но недостаточно энергичными". Комиссия предложила "губерниям и уездным властям принять меры к тщательным расследованиям... самое дело передать для окончательного разбора и примерного наказания в Ревтрибунал".

Делом занялось Иваново-Вознесенское ГПУ. Из Москвы был отряжен в качестве следователя по особо важным делам Верхтриба ВЦИК Яковлев1.

17 марта о. Павла Светозарова вызвали для допроса и арестовали. Изъятие ценностей из Воскресенского собора происходило уже без него 23 марта.

Следствие в соответствии с инструкцией Ленина-Троцкого с самого начала пыталось доказать наличие заговора священнослужителей, ставивших своей целью сопротивление изъятию церковных ценностей. Были придирчиво допрошены администрация и рабочие шуйской мануфактуры и установлено с непреложностью, что заговора не было.

Распоряжением ВЦИК стали производиться массовые аресты. Обвинение в сопротивлении изъятию церковных ценностей было предъявлено четырем священникам: Павлу Светозарову, Иоанну Рождественскому, Иоанну Лаврову, Александру Смельчакову2, старосте шуйского собора Александру Парамонову и двадцати мирянам. После окончания следствия к суду были привлечены девятнадцать человек.

Священник села Палех Иоанн Степанович Рождественский родился в 1872 году в селе Пармос Судогодского уезда Владимирской губернии. Был женат, но детей у них с матушкой не было, и все силы и время он отдавал прихожанам и храму. Двадцать пять лет ревностно служил о. Иоанн в Крестовоздвиженском храме, и прихожане любили его.

В воскресенье 19 марта о. Иоанн огласил послание Патриарха Тихона - по прямой обязанности и долгу. Отслужив после литургии молебен, о. Иоанн сказал:

- Вы слышали послание Патриарха. Знаете о декрете центральной власти об изъятии церковных ценностей. Я призываю вас, своих прихожан, не препятствовать отбору в случае прихода правительственной комиссии. Сам я как священник по канонам не могу отдать священные предметы. А присутствовать, когда их будут изымать другие, не хочу и не буду.

Услышав воззвание Патриарха Тихона, некий Колесов потребовал, чтобы все вещи были изъяты немедленно.

- Но в церкви есть исторические и археологические предметы, -мягко возразил священник.

- Исторические предметы останутся в церкви, а подлежат выдаче только материальные ценности.

Присутствовавший при этом преподаватель художественной школы Вениамин Васильевич Рыжков подтвердил, что Колесов прав. Отец Иоанн предложил Рыжкову как члену Археологического института произвести научную экспертизу археологических ценностей церкви. По прошествии воскресенья в Шуйское ГПУ поступило донесение, что священник Иоанн Рождественский "в виде проповеди огласил воззвание Патриарха Тихона". 24 марта у о. Иоанна был произведен обыск и изъято послание Патриарха; на другой день он был арестован и обвинен в чтении послания.

Вызывались для допроса свидетели прихожане, иконописцы, бывшие в тот день на службе, - все говорили, что о. Иоанн увещевал не препятствовать изъятию ценностей. 2 апреля 1922 года прихожане Крестовоздвиженского храма подали прошение властям об освобождении о. Иоанна, так как его арест - недоразумение: "политических тем священник Рождественский не касался за всю свою двадцатипятилетнюю деятельность" и последний раз призывал к спокойствию.

Следствие усиленно добивалось от арестованного священника, откуда он получил послание; о. Иоанн настаивал, что получил по почте, но откуда оно было или какой штемпель был на конверте, и где сам конверт - не помнит. Следствие шло три недели, 11 апреля 1922 года всем арестованным вручили обвинительные заключения.

17 апреля прихожане Крестовоздвиженской церкви села Палех послали в Верховный Ревтрибунал прошение: "Свидетельствуем своими подписями о том, что священник нашего храма о. Иоанн Рождественский 19 марта сего года по прочтении Патриаршего воззвания не возбуждал прихожан противиться распоряжениям Советской власти по отбору церковных ценностей, напротив, убеждал спокойно отнестись к распространенному Правительством постановлению, в то же время разъясняя прихожанам, что духовенством села Палех предприняты все возможные меры к

сохранению тех церковных предметов, которые имеют особенное археологическое значение".

На другой день прихожане Палеха собрали сельский сход и составили еще одно прошение в Верховный Ревтрибунал, которое мы приводим здесь полностью: "Принимая во внимание то, что о. Иоанн Рождественский много поработал как общественный прогрессивный деятель на пользу родного прихода и всего Палехского района и снискал себе всеобщее уважение, мы, собравшиеся, не можем остаться безучастными при обвинении его в агитации в проповеди против Рабоче-Крестьянской власти. Чтобы не быть голословными в утверждении за о. Иоанном репутации прогрессивного общественного деятеля, считаем нужным довести до сведения Ревтрибунала хотя бы то, что благодаря трудам и энергии о. Иоанна в селе Палех в разное время были открыты следующие общественно-полезные учреждения, как-то: 1) Палехское Общество потребителей, 2) Палехская библиотека-читальня, существующая и в настоящее время и 3) Палехское кредитное товарищество. Отец Иоанн много содействовал распространению просвещения среди крестьянства. Палехская школа II ступени, рассадник знания нескольких волостей уезда, обязана своим открытием больше всех - все ему же, о. Иоанну. Таковы его только главнейшие заслуги перед государством и местным крестьянским населением".

Судебному процессу придавалось большое пропагандистское значение. К тому времени обвиняемые были доставлены из Шуи в Иваново-Вознесенск. Суд по первоначальному плану должен был проходить в здании бывшей женской гимназии, но по малости места слушание дела было перенесено в местный театр. Судебное заседание назначили на 21 апреля. Судила Выездная Сессия Верховного Трибунала ВЦИК. Председатель - зампредверхтриба Галкин3, члены - Немцов и председатель Иваново-Вознесенского Губревтрибунала Павлов, обвинитель - Смирнов.

Слушание дела началось в пять часов вечера. Судебные заседания проходили с 21 по 25 апреля. Отец Павел виновным себя не признал. Он не препятствовал изъятию; для содействия правительственной комиссии и была избрана комиссия верующих.

Суд настойчиво пытался узнать - получал ли о. Павел инструкции от своего епархиального начальства и считает ли для себя обязательными распоряжения Патриарха.

- Никаких инструкций от своего непосредственного начальства я не получал. Послания главы Церкви Патриарха Тихона считаю обязательными для исполнения. Мне было ясно, что ценности отдавать нужно, но я не мог их передавать своими руками. Могут брать, мы препятствовать не будем, но отдавать их своими руками мы не должны.

Столь же независимо и твердо держался священник Иоанн Рождественский. Виновным себя он не признал, подтвердил лишь то, что действительно читал послание Патриарха Тихона и сказал свое умиряющее слово. Петр Иванович Языков4 виновным себя не признал, повторив показания, данные на следствии.

- Вы говорили, что правительственная комиссия пьяна? - спросил Галкин.

- Когда мимо меня проходил Вицин, то на меня пахнуло перегаром.

- Вы говорили об этом?

- Если я и говорил, то только делился своими впечатлениями с рядом стоящими.

- Вы верующий? - спросил в свою очередь Смирнов.

- Я - верующий.

- Как вы относитесь к изъятию?

- Изъятию подлежат только излишки.

После окончания судебного следствия председатель Галкин стал настойчиво предлагать обвиняемым средство к освобождению - самооговор и сотрудничество с судом.

- Я думаю, что в последнем слове, - сказал он, - некоторые подсудимые выскажут свое раскаяние перед властью в своих преступных деяниях. Это может дополнить судебное

следствие и осветить полнее происшедшее. Вот Рождественский может сказать, откуда он получил письмо с посланием Тихона.

- Я не знаю, откуда получил письмо, - ответил священник.

Обвинитель Смирнов потребовал расстрела для четверых обвиняемых. Галин еще раз предложил:

- Признание и искреннее раскаяние - это лучшая защита. Суд это безусловно будет учитывать.

- Стоя перед казнью, - сказал о. Павел, - я лгать не могу. И повторяю, что участия в сопротивлении изъятию не принимал. Если в чем и виновен, то разве в неопределенной своей позиции. Мое положение было между властями и Церковью. Власти требовали свое, а от Церкви не было вполне определенных разъяснений, как поступить. Но никакой кровожадности, на которую тут указывал обвинитель, у меня не было. Прошу не применять ко мне высшей меры наказания - не ради себя, я к смерти готов, а ради детей, так как моя казнь поразит главным образом детей, у которых не будет отца, как нет и матери.

В последнем слове о. Иоанн Рождественский виновным себя не признал. Повторил, что не знает, откуда получил послание Патриарха Тихона. К сопротивлению властям при изъятии ценностей не призывал.

25 апреля в 18 часов 15 минут был оглашен приговор:

"...а) гражданина Коровина Сергея Ивановича, священников Лаврова Ивана Степановича и Смельчакова Александра Феодоритовича заключить в тюрьму сроком на два года, но ввиду их раскаяния и преклонного возраста наказание это считать условным; б) гражданина Парамонова Александра Михайловича заключить в тюрьму сроком на один год5;

в) граждан Шаронова Ефима Федоровича и Гуреева Ивана Иларионовича заключить в тюрьму сроком на два года каждого;

г) граждан Медведева Михаила Владимировича, Горшкова Александра Агеевича, Корзенева Александра Андреевича, Трусова Алексея Васильевича, Бугрова Константина Михайловича и Афанасьева Василия Корниловича заключить в тюрьму сроком на три года каждого;

д) граждан Борисова Харитона Игнатьевича, Крюкова Ивана Васильевича и Ольгу Столбунову заключить в тюрьму сроком на пять лет каждого;

е) граждан Языкова Петра Ивановича, Похлебкина Василия Осиповича, священников Рождественского Ивана Степановича и Светозарова Павла Михайловича приговорить к высшей мере наказания - расстрелу, но принимая во внимание чистосердечное раскаяние Похлебкина и его малосознательность, заменить ему, Похлебкину, расстрел пятилетним тюремным заключением".

Было возбуждено ходатайство перед ВЦИК о помиловании осужденных к расстрелу. 26 апреля обеспокоенные прихожане Палеха послали в Верховный Трибунал телеграмму с просьбой не приводить приговор в исполнение до решения ВЦИК. В тот же день ВЦИК затребовал к себе копию приговора и заключение следователя.

Рассмотрев дело, Президиум ВЦИК принял решение о помиловании приговоренных к расстрелу. Калинин обратился за разрешением на помилование в Политбюро. 2 мая Сталин распорядился опросить членов Политбюро относительно предложения о помиловании. Ленин, Троцкий, Сталин и Молотов проголосовали за расстрел. 4 мая на заседании Политбюро смертный приговор был официально утвержден. На следующий день Президиум ВЦИК, следуя распоряжению Политбюро, утвердил приговоры к расстрелу.

10 мая председатель Иваново-Вознесенского трибунала Павлов отправил срочную телеграмму председателю Верховного Трибунала Крыленко:

"Приговор над Светозаровым, Языковым, Рождественским приведен в исполнение 10 мая 1922 года в 2 часа утра".

Рассказывают, что перед расстрелом священники совершили отпевание по себе и мирянине Петре и держались мужественно. Последняя молитва о. Павла была об остающихся сиротах. И Бог услышал молитву священника. Всю жизнь дети прожили под благодатным Божиим покровом. Все невзгоды и несчастья проходили мимо них. То, что должно было поломать их судьбы как детей расстрелянного священника, совершенно не повлияло на благополучие их внешней жизни. Младшая дочь о. Павла Светозарова скончалась в конце восьмидесятых годов в преклонном возрасте в родительском доме с благодарной памятью об отце-мученике. И из окна дома так же, как шестьдесят пять лет назад, открывался вид на величественный стройный собор, где отец всю жизнь прослужил священником и откуда в Великий пост 1922 года начался его крестный путь на Голгофу.

Примечания

1 Одновременно он был членом Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей, представляя в ней ЦК партии большевиков.

2 Священники Иоанн Лавров и Александр Смельчаков были впоследствии освобождены, но только потому, что полностью признали за советской властью правоту изъятия церковных ценностей и заявили, что церковные каноны, оценивающие такие изъятия как святотатство, им неизвестны.

3 Он одновременно был членом Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей, созданной по предложению Троцкого. В прошлом он был священником. После революции снял с себя сан.

4 Петр Иванович Языков родился в 1881 году в городе Шуе Владимирской губернии, воспитывался в благочестивой семье, с детства ходил в церковь и пел на клиросе. В юности обучился профессии литейщика и работал на шуйской фабрике объединенной мануфактуры сначала рабочим, а затем заведующим литейной мастерской.

5 Он обвинялся в том, что не остановил детей, когда те звонили на колокольне.

Мученик Юрий (Новицкий) (память 31 июля по старому стилю)

Родился 10 ноября 1882 года в городе Умани Киевской губернии. Окончил 1-ю гимназию и в 1908 году юридический факультет Киевского университета. С 1913 года доцент, затем - профессор кафедры уголовного права Петроградского Университета.

После 1917 года Юрий Петрович, будучи профессором Педагогического института дошкольного образования, являлся организа- тором и учёным секретарём Петроградского Педагогического института социального воспитания и дефективного ребёнка. Кроме этого, он организовал Костромской рабоче-крестьян- ский университет, был членом Совета Петроградского Богословского института. С 1920 по 1922-й годы являлся

председателем правления Общества объединённых Петроградских православных приходов.

Юрий Петрович был арестован в мае 1922 года. Признать себя виновным на суде отказался, держался спокойно и ровно.

5 июля был оглашён приговор трибунала, по которому священномученики митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский) и вместе с ним архимандрит Сергий (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров приговаривались к расстрелу.

В ночь на 31 июля (13 августа н. ст.) 1922 года они, обритые и одетые в лохмотья, были расстреляны, по некоторым сведениям, на окраине Петрограда на станции Пороховые.

Прославлен новомученик в 1992 году на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви.